

Методология и история психологии

Методологический анализ психодиагностических критериев принятия решения

Айрапетян Д.Р.

*Канд. псих. наук, ассистент кафедры теории и истории психологии
Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения
E-mail: davidhaiarm@ysu.am*

Несмотря на то, что проблема принятия решения (ПР) одна из классических философских проблем и много лет изучается в сфере математики, экономики, кибернетики и других наук, она стала предметом изучения психологической науки сравнительно недавно. Началом внедрения психологической проблематики в теорию ПР можем считать работы Г. Саймона. Психологическое экспериментальное изучение проблем ПР в зарубежных исследованиях предприняли такие известные авторы, как М. Алле, Д. Канеман, Д. Дернер и П. Словик. А в советской, а потом и в российской психологической реальности все подходы психологического изучения процесса ПР опираются на деятельностную теорию А.Н. Леонтьева. Можем особо отметить два исследовательских подхода: концепция А.В. Карпова, которая основывается на понимании ПР как «интегральный психический процесс» и концепция множественной функционально-уровневой регуляции ПР Т.В. Корниловой, который основывается на понятии динамических регулятивных систем [1,3,7,8,9,10,11].

Все вышеуказанные концепции имеют экспериментальную основу, но каждый из авторов в исследованиях закономерностей ПР применял свой собственный подход и соответственный метод. Критический анализ теорий и концепций проблемы ПР выявляет не только отсутствие единого обоснованного психодиагностического инструментария, но и очень большое разнообразие относительно критериев диагностики особенностей процессов ПР.

В зарубежной практике, где изучение проблем ПР развивалось в рамках экономической теории, первый выделяемый диагностический критерий ПР - рациональность решений, а основной метод - моделирующие задачи. Полученные результаты оценивались по теории вероятностей и выводилась рациональность или же иррациональность принятого решения. Этим методом пользовались М. Алле, Д. Канеман и его коллеги в своих исследованиях. Результатом психологических исследований М. Алле методом выбора ожидаемого выигрыша стало открытие парадокса, названного парадоксом Алле. А Канеманом и его коллегами были разработаны и внедрены в психодиагностическую практику ПР такие моделирующие кейсы, как известная «задача Линды» или «выбор в случае терроризма»[2,9,10].

Другим психодиагностическим критерием ПР наряду с рациональностью считается готовность, восприятие и оценка риска. Исходя из западных традиций огромную серию экспериментов провел П.Слоик методом опроса и такими же моделирующими задачами, как и Д.Канеман[8].

Несколько иная традиция исследования этих же критериев ПР сложилась в российской психологии. Прежде всего это связано с традициями понимания «фактора риска» в советской психологической мысли. Главнейшим достижением в этой сфере можно считать тест ЛФР-25, разработанный Т.В. Корниловой. Как тестовый метод он направлен на диагностику выделяемых выше предьявленных критериев «готовности к риску» и «рациональности», которые понимаются Т.Корниловой как личностные регуляторы ПР[5].

Другой российский исследователь проблем ПР А.В. Карпов, критикуя сложившиеся в западной традиции исследования ПР, отмечает: «Поскольку доминирующим методом психологических теорий решений является метод лабораторного эксперимента, то и ситуации, на которых изучается процесс ПР, являются весьма абстрактными, в достаточно

Секция «Психология»

слабой, приблизительной, а иногда – и просто искаженной форме воссоздающими реальную сложность поведенческих решений и условий, в которых они принимаются»[3, ст. 92]. И А.Карпов выдвигает проблему экологической валидности этого подхода и формулирует свое видение изучения процессов ПР от традиционно-лабораторного эксперимента через методы «естественного моделирования» и «имитационных задач» к изучению процессов ПР в психологическом анализе деятельности[3,4].

При критическом анализе понятия “регулятивного кольца” А.Карпова и возможном предположении того, что функциональная иерархия опосредствующих решение процессов складывается при каждой новой ситуации выбора заново, то и метод А.Карпова со своими преимуществами становится практически трудно применяемым для каждой ситуации и делает невозможным моделирование процессов ПР[3,6].

Это заставляет нас в исследованиях психодиагностических проблем ПР не только обратиться к традиционно выделяемым критериям, но и к проблеме дополнения их новыми критериями. На наш взгляд, наряду с рациональностью и готовностью к риску, нужно также диагностировать фактор *восприятия и субъективной оценки времени*. В реальной жизни, когда субъект ПР стоит перед необходимостью уменьшения неопределенности и калькуляции рисков, он всегда находится в каком-нибудь ограниченном временном интервале, который воспринимается и оценивается каждым субъектом по-своему. Недооценивание этого факта и является главным недостатком моделирующих экспериментов и кейс-методов. До сих пор очень мало или же совсем отсутствуют методы, в которых наряду с уже известными критериями также моделировалась бы и ограниченность временного интервала. А когда с физического времени переходим к субъективно-оценочному, психологическому времени, то моделирование становится невозможным. А в тесты ПР, которые широко используются, еще не включена шкала восприятия и оценки времени и не выявлена ее взаимосвязь с другими критериями ПР. Выяснение закономерностей взаимосвязи фактора восприятия и субъективной оценки времени с факторами рациональности и готовности к риску на этот период и является главной задачей нашей работы по разработке и дополнению психодиагностических критериев ПР.

Литература

1. **Дернер Д.** Логика неудачи: стратегическое мышление в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997 243с.
2. **Канеман Д., Тверски А.** Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. - 2003. Т. 24. - № 4. - С. 31-42.
3. **Карпов А.В.** Методологические основы психологии принятия решения. Ярослав. Гос. Ун-т. Ярославль, 1999., 232с.
4. **Карпов А.В.** Психология принятия решения. Институт психологии РАН, Ярослав. Гос. Ун-т. Ярославль, 2003., 240с.
5. **Корнилова Т. В.** Диагностика “личностных факторов” принятия решений// Вопросы психологии, 1994. № 6, с. 99-109
6. **Корнилова Т.В.** Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал, 2005, том 26, № 1, с 7-17
7. **Корнилова Т. В.** Принятие интеллектуальных решений и креативность: принцип открытости динамических регулятивных систем // Современная психология мышления: смысл в познании. Москва: Смысл, 2008. стр. 28-30
8. **Словик П., Фишхофф Б., Лихтенштейн С.** Факты против страха: понимание воспринимаемого риска // Принятие решений в неопределенности: Правила переубеждения: Канеман Д., Словик П., Тверски А. Изд. Генезис, 2005, стр. 529-561.
9. **Allais M.** (1953) Le Comportement de l'Homme Rationnel devant le Risque: Critique des Postulats et Axiomes de l'Ecole Americaine // Econometrica, 21, p. 503-546.
10. **Kahneman D. & Tversky A.** (1979). Prospect theory: An analysis of decisions under risk. Econometrica, 47, p. 313-327.

11. **Simon Herbert A.** (1959) Theories of decision-making in economics and behavioral science. The American Economic Review, volume 49, № 3, pp. 253-283.

История исследования жизненных стратегий человека в отечественной психологии в рамках проблемы жизненного пути личности (к постановке проблемы)

Белецкая А.А.

Аспирант

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н.Ельцина

гуманитарный факультет, г.Бишкек, Кыргызстан

E-mail: beletskie@gmail.com

Предметом исследования выступают жизненные стратегии личности.

Жизненная стратегия – способ организации человеком собственной жизни, способность к приведению жизненных условий в соответствие с собственными ценностями и индивидуальным своеобразием[1]. Жизненная стратегия личности – достаточно устойчивое образование, в основе которого лежат ценностные ориентации человека. Ценности можно описать как некие идеальные цели, задающие точку отсчета при оценивании тех или иных событий; наиболее общие смысловые образования, придающие личности определенную целостность; наиболее устойчивые мотивационные образования, соотносимые с жизнедеятельностью в целом и обладающие высокой степенью стабильности; критерии выбора, по которым человек строит свое отношение к миру, окружающим, самому себе[2]. Таким образом, основываясь на ценностях, жизненные стратегии представляются стабильными, устойчивыми образования, которые организуют целостность жизнедеятельности, определяют способ бытия человека. Такая устойчивость обеспечивает человеку относительную независимость поведения от влияний внешней среды. Жизненная стратегия – один из регуляторов социального поведения.

Впервые понятие жизненного пути и идея субъекта жизни были предложены С.Л.Рубинштейном в середине 30-х годов.

В отличие от многих психологов С. Л. Рубинштейн не только видел психологический аспект проблемы жизненного пути, выделял субъективную картину жизни, но подчеркивал необходимость учета объективных проявлений субъекта, его способность реально изменить жизнь. Для Рубинштейна жизненный путь – это не только движение человека вперед, но и движение вверх, к лучшим проявлениям человеческой сущности, к достижению личностного совершенства [3; 4]. Сознание, активность, зрелость личности рассматриваются Рубинштейном как "высшие личностные образования", которые выполняют функции организации, регуляции, обеспечения целостности жизненного пути человека как субъекта деятельности[5,с.221]. Основным определяющим фактором в теории С.Л.Рубинштейна выступает активность и творчество личности как организатора и преобразователя своей жизни.

В 60-х годах в СССР конкретными исследованиями жизненного пути занялся Б.Г.Ананьев. Ему принадлежит самое крупное лонгитюдное исследование личности и ее жизненного пути, на основе которого была определена возрастная периодизация и онтогенез развития личности: детство, юность, выбор профессии, зрелость, пик карьеры, старость [6]. Заслугой Б.Г.Ананьева является осуществление детальной проработки проблемы жизненного пути человека.

Б. Г. Ананьев считал, что жизненный путь – это история формирования и развития личности в определенном обществе. Согласно его мнению, жизнь человека как история личности в конкретную историческую эпоху, и как история развития его деятельности в обществе складывается из многих систем общественных отношений в определенных обстоятельствах, из многих поступков и действий самого человека, превращающихся в новые обстоятельства жизни. Он разработал понятие индивидуальности как высшего уровня развития человеком своей личности, достижения им вершины жизни.

Секция «Психология»

Исследования жизненного пути человека проведенные С.Л.Рубинштейном и Б.Г.Ананьевым положили начало разработке проблемы жизненных стратегий.

Сам термин «жизненная стратегия личности» был введен К.А.Абульхановой-Славской, под которым она предполагает принцип опоры на собственные силы, преобразование условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности. Согласно ее мнению, индивидуальность – это не только неповторимость жизни, которая обычно подчеркивается понятием судьбы, как якобы независимой от человека, она еще состоит в способности организовать ее по собственному замыслу[1].

В настоящее время жизненные стратегии становятся предметом многих психологических исследований. Так психологи Е.П.Варламова и С.Ю.Степанов выделили несколько типов жизненных стратегий: пассивную типичность, активную типичность, пассивную индивидуальность и творческую уникальность[2]. Они вывели данные типы способов организации жизни из сочетания критериев индивидуального своеобразия и творческой активности личности.

Созонтов А.Е., проведя исследование основных жизненных стратегий студентов выявил две основные тенденции в конструировании молодыми людьми собственной жизни - ориентацию или на бытие, или на обладание[7].

Кроме того, была создана экспериментальная методика и на ее основе проведено исследование жизненных стратегий в юношеском возрасте М.О.Мдивани и П.Б.Кодесс[8]. Ими было обнаружено, что в каждый определенный период времени можно выделить две характеристики жизненной стратегии: содержание и степень осознанности.

Таким образом, исходя из представленного материала можно выделить условные периоды исследования феномена жизненных стратегий человека. Первый период – становление понятия «жизненный путь», разработка основных линий исследования жизни человека, описание феноменов связанных с жизненной проблематикой. Второй период – введение и определение понятия «жизненная стратегия личности», начало научных исследований. Третий период – экспериментальные исследования и дальнейшая разработка, описание структуры и выделение видов жизненных стратегий.

Тем не менее, проведенный анализ литературы по проблеме «жизненная стратегия личности» показал, что тема изучена недостаточно и полностью не охвачена научными категориями. Разработка проблематики стратегий жизни человека предполагает в первую очередь определение сущности феномена, выделение специальных понятий описывающих его и исследование основных характеристик способов организации жизни в связи с проблемой психического развития и с учетом особенностей личности.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А.(1991) Стратегия жизни. М.: Мысль.
2. Варламова Е.П., Степанов С.Ю.(1998) Психология творческой уникальности человека: Рефлексивно-гуманистический подход. М.: Институт психологии РАН.
3. Рубинштейн С.Л. (1997) Человек и мир. М.: Наука.
4. Рубинштейн С.Л. (1957) Бытие и сознание. М.:Изд-во Академии наук СССР.
5. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.(1989) Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука.
6. Ананьев Б. Г. (1968) Человек как предмет познания. Л.:ЛГУ.
7. Созонтов А.Е. (2003) Основные жизненные стратегии российских студентов// Вестн.Моск.ун-та. Сер14.Психология. № 3.
8. Мдивани М.О, Кодесс П.Б. (2006) Методика исследования жизненной стратегии личности// Вопросы психологии. № 4
9. Абульханова К.А., Березина Т.Н. (2001) Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя.

Информационно-семиотический подход как основание целостного описания индивидуальной психологической культуры

Валиева Т.В.

Ассистент

*Уральский государственный педагогический университет, факультет психологии,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: tatiana_valieva@mail.ru

Относительно индивидуальной психологической культуры накопилось достаточное количество исследований, позволяющее говорить о необходимости реализации системного подхода в ее описании. Как известно, «постановка задач в терминах системного подхода предполагает получение ответов на вопросы о составе объекта, функции объекта, его структуре» [2]. При этом структурно-функциональный анализ того или иного явления позволяет выявить как внешние, так и внутренние связи этого явления и тем самым обеспечивает описание явления целостно. Мы поставили перед собой задачу интегрировать накопленный в отечественной психологии материал о структуре и функциях индивидуальной психологической культуры, исходя из методологии информационно-семиотического подхода к культуре [3].

С позиций информационно-семиотического подхода всякая культура есть фиксированный прошлый опыт носителей данной культуры [3]. Это дает возможность определить индивидуальную психологическую культуру как владение способами и результатами фиксации прошлого психологического опыта. Информационно-семиотическое рассмотрение индивидуальной культуры позволяет наводить аналогии между содержаниями индивидуальной культуры с содержаниями памяти – знаниями, умениями и навыками, воспоминаниями. Кроме того, индивидуальная культура, в том числе и индивидуальная психологическая культура, есть одновременно и свойство личности как высшего психического интегратора [1], и свойство культуры, которую по аналогии можно назвать высшим социальным интегратором. При таком понимании индивидуальная культура приобретает свое функциональное значение как интегратор личности и культуры, что в свою очередь обуславливает необходимость введения такого компонента индивидуальной психологической культуры как отношения, являющихся неотъемлемой частью и личности и культуры.

Таким образом, мы считаем возможным представить следующие структурные элементы индивидуальной психологической культуры: а) образы прошлых переживаний, «соприкосновений» с психикой и др.; б) логически оформленные сведения о психике и ее проявлениях, знания о переживаниях; в) умения и навыки познания, рефлексии и преобразования психики, умения и навыки общения, поведенческие «ритуалы», способы саморегуляции, способы проживания и др.; г) смыслы тех или иных переживаний, событий, ценности психологического познания, общения, интересы, направленность и др. Рассматривая структурные соотношения приведенных элементов, считаем, что в целом элементы равнозначны между собой и взаимопределяют друг друга, выстраивая различные структурные конфигурации индивидуальной психологической культуры.

Приняв такую структурную схему индивидуальной психологической культуры, попытаемся определить отношения выделяемых авторами компонентов и структуры, предлагаемой нами. В целом, обобщив точки зрения различных авторов (А.А. Бодалев, Л.В. Куликов, А.Б. Орлов, Н.Н. Обозов, И.В. Дубровина, И.А. Зимняя, Л.С. Колмогорова, В.В. Семикин, О.И. Мотков, Л.Д. Демина и др.) на компонентный состав индивидуальной психологической культуры, можно сказать, что выделяются следующие основные ее компоненты. Это общекультурный, когнитивный, эмотивный, регулятивный, коммуникативный, интерактивный смысловой, рефлексивный и креативный компоненты. Соотношение видится следующее: 1) образы и знания – когнитивный; 2) действия – регулятивный, коммуникативный, интерактивный, рефлексивный; 3) отношения – креативный, смысловой, ценностный, эмотивный, общекультурный. Соответственно

Секция «Психология»

можно увидеть, что структура, предлагаемая нами, интегративно включает в себя выделяемые компоненты других авторов и может быть рассмотрена как синтезированная структурная модель индивидуальной психологической культуры.

Описание системы со стороны функций и отвлечение от ее внутреннего содержания ведет к охватыванию внутреннего разнообразия явления целиком в его итоговом выражении – поведении системы. Определение функций индивидуальной психологической культуры представлено в трудах Л.Д. Деминой, Л.С. Колмогоровой, О.И. Моткова, Н.Н. Обозова, В.В. Семикина и др. Наиболее представлены такие функции индивидуальной психологической культуры как гармонизирующая, репродуктивно-трансляционная, ориентационная, регулятивно-адаптационная и продуктивно-креативная.

Семиотическое определение индивидуальной психологической культуры во многом носит функциональный характер и описывает действия, которые «совершает» индивидуальная психологическая культура. Среди таких действий можно назвать сохранение и воспроизводство опыта познания, рефлексии и преобразования психики и ее проявлений и материальных носителей этого опыта, а также структурирование прошлого и нового психологического опыта.

В связи с тем, что индивидуальная психологическая культура является интегративным образованием ведущей функцией индивидуальной психологической культуры, определяющей и обуславливающей все другие ее функции, мы считаем именно ее интегративную функцию. Индивидуальная психологическая культура функционирует и проявляется содержательно на всех уровнях психической организации человека (от образов до отношений), а также объединяет эти уровни, делая психику единым целым. Кроме того, данная функция определяет единство индивидуального психологического опыта личности и культуры. Такое функционирование индивидуальной психологической культуры считаем, лежит в основании того, что авторы выделяют разнообразные функции индивидуальной психологической культуры.

Таким образом, выявленные внутренние и внешние связи индивидуальной психологической культуры свидетельствуют о возможности ее целостного описания на основе методологии информационно-семиотического подхода и концептуально развивают имеющиеся сведения в современной психологической литературе по данной проблематике.

Литература

1. Веккер, Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов [Текст] / Л.М. Веккер. – М. : Смысл, 1998. – 685 с.
2. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии [Текст] / В.А. Ганзен. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.
3. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

Дифференциально-психологический метод исследования: критика и альтернативы

Воронин И.А.

студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет

психологии, Москва, Россия

E-mail: prostojean@gmail.com

В современной психологии распространен метод исследования, пришедший из психологии индивидуальных различий: группе испытуемых даются опросники, по полученным результатам вычисляются статистики, по ним, в свою очередь, делаются выводы о наличии или отсутствии связи между некоторыми психическими процессами. Также используется факторный анализ, с помощью которого выделяются факторы,

Секция «Психология»

создающие индивидуальные различия. Ярким примером применения дифференциально-психологических методов является «Большая Пятёрка» («Big Five»), представляющая собой 5 элементарных черт-факторов личности, выделенных П. Коста (Paul T. Costa) и Р.Мак-Крей (Robert R. McCrae) с помощью факторного анализа.

Наша работа основана на книге Дж. Ламиелла (Lamiell, 2003), содержащей детальный анализ истории становления современных дифференциально-психологических методов, а также развернутую критику их методологических оснований.

Как утверждает Дж.Ламиелл, результаты, полученные вышеописанным образом, далеко не всегда могут считаться достоверными, отчасти это связано с историей возникновения дифференциально-психологического метода. Проводить исследования на больших выборках с использованием опросов первым начал Ф. Гальтон. В основе анализа данных, полученных таким образом, лежал коэффициент корреляции, изобретенный К. Пирсоном, последователем Ф.Гальтона. С необходимостью объектом такого исследования были большие группы людей, поскольку малые выборки принципиально не позволяют получить статистически значимый результат.

Следующий шаг был сделан Э. Торндайком (Thorndike, 1911), предположившим, что результаты статистического анализа популяционных данных могут быть интерпретированы на уровне отдельных индивидов. Ошибочность такой точки зрения, по мнению Дж.Ламиелла (Lamiell, 2003), следует из того факта, что выявленная в группе людей связь достоверно проявляется по отношению к каждому отдельному члену этой группы в том и только в том случае, когда коэффициент корреляции исследуемых переменных, полученный в результате статистического анализа, равен +1 или -1. Отклонение от этих величин означает, что у некоторых представителей рассматриваемой группы связь не проявляется. Поскольку вероятность встречаемости той или иной связи черт по всей выборке не может быть интерпретирована как относительная сила их влияния на уровне отдельного индивида ни в каком случае, кроме вышеприведенного, подобный ход был назван Дж.Ламиеллом «уловкой Торндайка».

Важную роль в становлении дифференциально-психологических методов сыграл тот факт, что психология в течение длительного периода времени стремилась стать номотетической наукой. Термины «номотетический» и «идиографический» были введены В. Виндельбандом с целью разделения естественных и гуманитарных наук. Согласно Виндельбанду, номотетический подход направлен на выявление общих законов («того, что всегда верно»), в то время как идиографический – на описание исторических фактов («того, что было однажды»). Для естественных наук характерен в большей степени номотетический подход. В этом случае большое значение имеет понятие «общего». Виндельбанд под общим понимает нечто верное для каждого объекта из выделенного множества. Современный дифференциально-психологический подход трактует «общее» как верное для некой группы людей в целом, в среднем. Таким образом, как отмечает Дж.Ламиелл (Lamiell, 2003), произошла подмена понятия, и психология, использующая дифференциально-психологический подход Гальтона-Пирсона-Торндайка, становится «псевдо-номотетической» наукой.

В качестве альтернативы «псевдо-номотетическому» подходу в психологии личности Дж.Ламиеллом предлагается концепция критического персонализма, разработанная В. Штерном (Stern, 1911/Штерн, 1998). В этой концепции личность рассматривается телеологически: ядром личности является телос – упорядоченное единство целей. В свою очередь, цели определяют ход психических процессов. Развитие личности Штерн связывает с развитием системы целей. Существуют внутренние цели (autotelic), принадлежащие исключительно одному индивиду, и внешние (heterotelic), разделяемые несколькими индивидами. В процессе развития внешние цели трансформируются во внутренние (процесс интроцепции). Подход В.Штерна направлен на выявление природы индивидуальных различий, в то время как дифференциально-психологический подход обнаруживает только связь между индивидуальными различиями. О том, что природа

Секция «Психология»

одного и того же феномена (например, индивидуальных различий) не может быть выведена из вариативности этого феномена в популяции писал, в частности, К.Левин (2001).

Альтернативу дифференциально-психологическому подходу Дж.Ламиелл видит в отказе от исследования совокупности людей в пользу рассмотрения личности независимо от группы. В соответствии с этим проектом несколько трансформируется и используемый статистический аппарат. Статистический анализ Дж.Ламиелл в соответствии с идеями В.Штерна предлагает дополнить качественным исследованием отдельных индивидов, с помощью которого составляется полный психологический портрет личности (или психограмма, если пользоваться терминологией Штерна).

Литература

1. Левин К. (2001) Закон и эксперимент в психологии // Психологический журнал. №2, 2001, с.101-108; Психологический журнал. №3, 2001, с.116-127.
2. Штерн В. (1998) Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: «Наука».
3. Lamiell J.T. (2003) Beyond Individual and Group Differences: Human individuality, scientific psychology, and William Stern's critical personalism. Thousand Oaks, CA: Sage.
4. Thorndike E. L. (1911) Individuality. New York: Houghton-Mifflin.

Гипотеза о роли пиковых переживаний в становлении самодетерминации личностного выбора

Карась Д.В.

*Аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
E-mail: ninegoten@gmail.com*

В процессе изучения теоретических аспектов проблемы личностного выбора в психологии мы пришли к выводу, что динамика развития способности совершать внутренне детерминированный выбор, так или иначе, рассматривается в качестве одного из ключевых факторов развития личности в большей части «классических» персонологических концепций, разработанных в рамках бихевиорального, когнитивного, психоаналитического и экзистенциально-гуманистического направлений. В результате теоретического анализа было установлено, что личностным является выбор, в процессе которого актуализируются и трансформируются психологические феномены, являющиеся результатом самосознания и определяющие личность как иерархически организованную целостность, не выводимую из отдельных её элементов. К таким феноменам относятся: система ценностных ориентаций и личностных смыслов, система идентичности, мотивационная иерархия, системы аттитудов и личностных установок. Соответственно, ситуация личностного выбора характеризуется предъявлением требования цельно-личностного опосредствования принятия решения, т.е. актуализации и целесообразной трансформации организующих личность систем. Личностный выбор является способом и элементарным актом систематизации и структурирования субъективной реальности, чем и определяется его роль в динамике функционирования личности.

В результате проведённого теоретического поиска было выяснено, что предметно проблематика личностного выбора разрабатывалась в сравнительно узком ряду психологических исследований, основными из которых являются: теория самодетерминации личности Э. Деси и Р. Райана, теория целенаправленного поведения Н.Ф. Наумовой и формирующаяся в настоящее время концепция личностного потенциала Д.А. Леонтьева. По мнению последнего, одной из актуальных проблем изучения личностного выбора остается проблема изучения, условий, способствующих и, наоборот, препятствующих формированию личностного потенциала, как интегральной

Секция «Психология»

характеристики уровня личностной зрелости, главной формой проявления которой является феномен самодетерминации личности [2].

По мнению Э. Деси и Р. Райана, становление самодетерминации личностного выбора раскрывается в развитии внутренней мотивации через процесс интернализации и следующей за ней интеграции в «Я» личности системных регуляторов поведения – ценностно-смысловых ориентаций личности [1]. Такая позиция буквально согласуется с положениями теории деятельности о логике развития высших психических функций из категорий интерпсихических в интрапсихические. Однако в своей концепции Э. Деси и Р. Райан также небезосновательно замечают, что «дети появляются на свет с врожденными психологическими потребностями – в автономии, в компетентности и в связи с другими людьми..., что идет рука об руку с мотивированием их продолжающихся стремлений к внутриличностной и межличностной согласованности» [1]. Это положение напрямую ассоциируется с одним из основных постулатов экзистенциально-гуманистической психологии о наличии особого класса врожденных психологических «метапотребностей» – развития, психологического роста, самоактуализации и т.п. Указанные положения, безусловно, являются адекватными познавательными конструкциями, однако трудно согласуются между собой, поскольку первое предполагает источником «высших ценностей» человеческую культуру, отраженную в конкретных социальных и межличностных отношениях; второе же с необходимостью требует, чтобы источником этих ценностей была сама природа личности, которая являясь социальной, основывается на врожденных, естественных свойствах человека, как носителя сознания.

Для непротиворечивого согласования идеи существования врожденных психологических потребностей роста и идеи социума, как носителя, в том числе, высших культурных ценностей, по нашему мнению, необходимо обратить внимание на существование достаточно яркого психологического явления, соотносящего индивидуальное сознание личности с более широким сознанием социума, явления обеспечивающего их интеграцию, в понимании Э. Деси и Р. Райана. Очевидно, что переживание интеграции характеризуется как переживание безусловной, почти абсолютной значимости интегрируемых ценностей, становящихся ценностно-смысловыми доминантами, надстраивающимися над личностной системой и реорганизуемыми её вследствие того, что мы условно обозначили как высокий генерализационный потенциал последних. Очевидно также, что описываемый процесс не может проходить в обход сознания, поскольку субъектом процесса является самый центр сознания, называемый «Я» личности. Кроме того, важно отметить, что интеграция возможна только при условии личностной готовности к принятию конкретных ценностей (количественная характеристика уровня зрелости личности, отражающая представленность в опыте необходимых отдельных структурных элементов формирующейся системы), внутренней экзистенциальной потребности психологического роста и, конечно, ситуации, являющейся триггером процесса интеграции. Основным итогом интеграции метаценностей, по нашему мнению, является формирование личностной убежденности, выражаемой фразой такого типа: «Для меня это ценно не потому что мир так устроен, что это хорошо или общество это одобряет, но потому что знаю, что я сам так устроен». Из вышесказанного следует, что процесс интеграции является значительным психологическим событием в жизни личности, сопровождающимся яркими эмоциональными переживаниями и когнитивными трансформациями, проявляющимися для человека его интернальные метапотребности.

Гипотетически, описанный процесс интеграции реализуется в форме так называемого «пикового опыта» или «вершинных переживаний». Понятие вершинных переживаний, было введено в психологический оборот У. Джеймсом и особо акцентировалось в концепции самоактуализации А. Маслоу, заметившего, что «все вершинные переживания можно рассматривать как полное завершение какого-либо акта...или закрытие, завершение гештальта, состояние полного оргазма, полной разгрузки, катарсиса, кульминации» [3]. А. Маслоу приходит к выводу, что фактически каждый человек испытывает вершинные

Секция «Психология»

переживания, однако частота их появления, глубина и интенсивность, модальность ведущего эмоционального состояния, и значение, предаваемое впоследствии человеком таким переживаниям, могут значительно варьироваться. Из этого следует, что абсолютной, атрибутивной характеристикой вершинных переживаний является, по-видимому, только их функция в процессе развития личности. Эту функцию мы формулируем в виде следующей рабочей гипотезы. Факт переживания человеком вершинного опыта и основные характеристики этого переживания определяют наличие и специфику интернальных ценностно-смысловых ориентаций личности как внутренних детерминант личностного выбора.

Литература

1. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Дейси и Р. Райана / Современная психология мотивации под ред. Д.А. Леонтьева М.: Смысл, 2002 С. 103-122.
2. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации / Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып.1/под ред. Б.С. Братуся, Д.А.Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56-65.
3. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты / пер. с англ. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. С. 349-375.

О специфике употребления терминов «осознанный» и «сознательный» в отечественной психологии (на примере трудов С. Л. Рубинштейна)

Карпова Н.А.

аспирант

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: n.k.08@mail.ru

Проблема сознания в отечественной психологии решалась на многих методологических уровнях, но, к сожалению, формируемые представления и позиции по данной проблеме оказывались «замкнутыми» в пределах уровня. Так, умея на самом обобщенном уровне ответить на вопрос о функциях и генезе сознания, об основных его признаках и критериях, мы не обладаем, к сожалению достаточно четкими представлениями о механизмах и принципах осознания, критериях осознанности. В разных школах эта проблема вставала с разной степенью отчетливости, но ни в одной концепции нет перехода от общетеоретических представлений об осознании как психологическом феномене к конкретно-психологическим представлениям о том, что может служить критерием осознанности в эксперименте.

Одной из задач отечественной психологии на сегодняшний момент является интеграция, экспликация и анализ представлений отечественных психологов об осознании и включение в категориальный аппарат отечественной психологии таких понятий как «осознание», «осознанность», «сознательность». В частности последние два понятия в отечественной литературе часто употребляются как синонимы, в то время как в трудах многих исследователей заложены основания для дифференциации этих понятий.

Рассмотрим, какое выражение нашла эта проблема в трудах С. Л. Рубинштейна.

Нетрудно заметить, что С. Л. Рубинштейн действительно постоянно употребляет эти два термина как синонимы. Приведем одну типичную цитату.

«Осознанный или неосознанный, сознательный или несознательный характер какого-нибудь акта существенно определяется тем, что именно в нем осознается. Так я могу совершенно не осознавать автоматизированного способа, которым я осуществил то или иное действие, значит, самого процесса его осуществления, и тем не менее никто не назовет из-за этого такое действие несознательным, если осознана цель этого действия. Но действие

Секция «Психология»

назовут несознательным, если было существенное последствие или результат этого действия» (Рубинштейн, 2005, с. 16)

Точно так же, утверждает Рубинштейн сознательным или осознанным переживанием будет не то переживание, которое сопровождается сознанием, а то, предмет которого осознан.

Неосознанными или смутно осознанными будут те чувства, предмет, причина которых скрыта от субъекта. «Осознание – а значит, всякое, даже наивное познание – психических явлений всегда предполагает раскрытие тех предметных связей, посредством которых психические переживания впервые выделяются из мистической туманности чистой непосредственности» (там же, с. 29).

И, поднимаясь на более высокий уровень, уровень личности, сознательным субъектом Рубинштейн называет такого человека, который осознает объективную, общественную значимость своих целей. Чем в большее количество связей и отношений смог предусмотреть субъект для предполагаемого результата своего действия, тем более сознательным будет это действие.

Описывая, что такое осознанное (оно же сознательное) действие, Рубинштейн апеллирует к общепринятому употреблению слова «сознательный». Сознательным действием в обыденной речи мы действительно называем такое действие, цель и последствия которого осознаны. Сознательным переживанием – то переживание, предмет которого осознан.

Но ведь уже в такой формулировке имплицитно содержится различия между терминами «осознанный» и «сознательный», к сожалению, явно не выделенное Рубинштейном. Действительно, сознательным мы называем действие и переживание, а осознанным – цель и предмет. Поэтому различие осознанного и сознательного переживания, как нам кажется, закономерно вытекает из теоретических посылок Рубинштейна. Сознательное переживание или действие – это такое переживание или действие, объект которого осознан. Осознанным же действием или переживанием можно назвать такое действие или переживание, которое само становится объектом для осознания.

Этот вывод несколько не противоречит основным принципам теории Рубинштейна, различавшим несколько уровней осознанности. Эти уровни осознанности отличаются не по степени включенности объекта в связи и отношения, а по тому, что, собственно, является предметом осознания. Филогенетически «сознание человека является сначала осознанием ближайшей чувственной действительности» (Рубинштейн, 1973, с. 112), а затем выходит за рамки конкретной ситуации. Выше мы сказали, что осознание переживания – это осознание внешнего мира. Но ведь человек – тоже является частью этого мира, частью бытия. Таким образом, начав с осознания объекта, лежащего вне его, субъект включает его во все большее количество связей и отношений и постепенно переходит к осознанию себя самого как части бытия, выходя на уровень самосознания.

Заметим, что Л. С. Выготский употреблял термин «осознание» лишь применительно ко второму случаю: осознание для него – «акт сознания, предмет которого – сама же деятельность сознания» (Выготский, 1982, с. 219). Согласно же С. Л. Рубинштейну осознание переживания начинается (по крайней мере, филогенетически) с осознания его объекта, но затем субъект осознает себя как носителя этих переживаний.. При этом сознательные переживания становятся осознанными!

«Самосознание – всегда есть познание не чистого духа, а реального индивида, существование которого выходит за пределы сознания, и представляет для него объективную реальность» (Рубинштейн, 2003, с. 248). Интроспекция, осознание собственных переживаний начинается с осознания внешнего мира. Однако человек сам является частью мира, частью бытия. И осознание самого себя как части бытия является необходимым и закономерным этапом человеческого познания.

Литература

1. Выготский Л. С. (1982) Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.
2. Рубинштейн С. Л. (2003) Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.
3. Рубинштейн С. Л. (2005) Основы общей психологии. СПб.
4. Рубинштейн С. Л. (1973) Проблемы общей психологии. М.
5. Чеснокова А. Г. (2003) Осознание как центральная проблема психологии в концепциях Л. С. Выготского и Л. С. Рубинштейна // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. № 4. С. 3-15.

Инновации и ментальность: к постановке проблемы

Мотелькова А.В.

студентка

Томский государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: Motelkova-Anna@mail.ru

В последнее время невероятный размах приобрели различные программы поддержки инновационного предпринимательства, что обусловлено изменением структуры экономики страны, в которой все большая ставка делается именно на этот сектор. В данные программы привлекаются, в том числе, и психологи, перед которыми ставится заказ на сопровождение формирующихся инновационных и предпринимательских сообществ. В связи с этим становится необходимым теоретическое и методологическое осмысление психологических механизмов, объединяющих людей в средние и большие группы, а так же осмысление процесса порождения и реализации инноваций конкретными людьми.

Подходя к этому вопросу с позиций коммуникативного подхода, мы понимаем, что основным средством и необходимым условием объединения людей в сообщество является коммуникация, которая представляет собой универсальный интегрирующий процесс, где каждая коммуникативная ситуация «порождает любой психосемантический процесс, как в межличностном, так и интраличностном плане, т.е. является динамической клеточкой сознания как индивидуального, так и коллективного. Важно подчеркнуть ее виртуальность, которая заключается в том, что все позиции имеют не физический, а смысловой характер» (Кабрин, 1992).

Осознаваемым, переживаемым, реальным результатом процесса коммуникации является общий коммуникативный опыт, находящий выражение в рассказах, диалогах, представлениях, целях, установках - во всем том, что создает основу ценностей разделяемых сообществом. Таким образом, результатом процесса коммуникации является порождение нового ментального пространства, с одной стороны объединяющего членов сообщества, с другой - отличающего его от других сообществ.

В своей монографии В.И. Кабрин отмечает, что «ментальное пространство человека не субъективно, но и не объективно. Оно транссубъективно» и формируется в процессе коммуникации (Кабрин, 2005). В связи с этим интересен процесс взаимодействия личности с ментальным пространством, образующий связку «субъективное – транссубъективное».

Ментальное пространство само по себе является бесконечным источником идей, которые каждый конкретный человек либо реализует в своей деятельности, либо не использует и даже не замечает. За наглядным примером обратимся в шоу-бизнес. Талантливый продюсер, вовремя заметивший успешное шоу в другой стране и выкупивший идею его создания, порой может заработать больше, чем создатель этой идеи. В тоже время его менее удачливый коллега может годами смотреть телевизор в чужой стране, но так и не увидеть какие из зарубежных шоу станут популярными на его родине.

Секция «Психология»

Данный факт открывает перед психологией ряд проблем. Во-первых, как спрогнозировать успешность той или иной идеи (как плода мышления) в том, или ином сообществе, и можно ли вообще делать такой прогноз? Во-вторых, каковы законы жизни созданных идей? Как они появляются в транссубъективном пространстве? Как обретают приверженцев? Сколько живут и как погибают? В-третьих, какие качества людей определяют успешность реализации? Есть ли вообще зависимость между качеством идеи и качествами человека ее реализующего? Заметим, что чаще всего, небольшой круг успешных идей реализуется небольшим же кругом одних и тех же людей: тот, кто создал успешный бизнес один раз может создать вторую, третью, четвертую компании, используя абсолютно разные бизнес-идеи. Что имеет определяющее значение, удачная идея или способный человек?

Известен также факт, что в течение времени меняется представление о том, какие из идей считать наиболее актуальными и удачными. Например, просмотрев тематику курсовых и дипломных работ за последние 8 лет на факультете психологии ТГУ, можно увидеть некоторую тенденцию: если 8 лет назад наиболее часто упоминаемыми словами в темах дипломных работ были «агрессивность», «фрустрация», «тревожность», то на сегодняшний день такими словами становятся «инновации», «инновационный потенциал», «самореализация». Несмотря на изменяющуюся «моду» на идеи, существуют люди, всегда находящиеся на «гребне волны», обладающие «чувством потока» (Csikszentmihalyi, 1998). Такие люди могут заблаговременно предугадывать, какая из идей будет наиболее популярна завтра и, соответственно, вставить на ее защиту в первых рядах. Спрашивается, что позволяет этим людям из всего потока идей выбирать нужные, чем определяются точки соответствия их личного «субъективного» и «транссубъективного» ментального пространства?

Как уже было отмечено, для того, чтобы находиться на «гребне волны», необязательно порождать нужные идеи, достаточно вовремя присоединиться к потоку. В тоже время существует некоторая категория людей, которые способны создавать принципиально новые идеи. Здесь мы подходим к популярному в настоящее время в психологии вопросу: что отличает этих инноваторов? Ответ на этот вопрос сегодня пытаются искать, исследуя различные личностные характеристики и определяя содержание «инновационного потенциала».

На наш взгляд, поставить этот вопрос можно и по-другому. Производство новой идеи невозможно на пустом месте, оно является результатом творческой работы с пространством культуры, идей, с определенной ментальностью. В этом случае мы можем спросить: какова специфика взаимодействия этих людей (инноваторов) с ментальным пространством? Как им открывается новизна там, где другие видят лишь обыденность? И этот вопрос закономерно приводит нас к необходимости исследования процесса коммуникации «субъективного» и «транссубъективного», человека и пространства ментальности.

Таким образом, осмысляя процессы создания и реализации инноваций через понимание важности ментального пространства и процессов коммуникации, мы открываем новое обширное поле для исследований, результаты которых будут иметь не только теоретическую, но и высокую практическую значимость.

Литература

1. Кабрин В.И. (2005) Коммуникативный мир личности как пространство ее роста // Коммуникативный подход в исследовании личностных коммуникативных миров. / Под ред. В.И. Кабрина: Научно–методическое пособие – Томск: Томский государственный университет.

Секция «Психология»

2. Кабрин В.И. (1992) Транскомуникация и личностное развитие (психология коммуникативного развития человека как личности). – Томск: Изд-во Томского государственного университета.
3. Csikszentmihalyi, Mihaly (1998). Finding Flow: The Psychology of Engagement With Everyday Life. Basic Books.

Влияние личностных характеристик на особенности пространственно-временной организации психических состояний в диапазоне от минуты до года

Степанова С.М.

студентка

*Казанский государственный университет (филиал в городе Набережные Челны),
факультет психологии, Республика Татарстан, Россия*

E-mail: Sheilla2@yandex.ru

Пространство и время – фундаментальные характеристики любого процесса в его структуре, в отнесенности к упорядоченности внешнего мира и в его течении, движении, соотносимыми с процессами во внешнем мире.

Пространственная и временная характеристика действия субъекта среди других людей обязательно содержит восприятие субъектом происходящего[4].

Личностные характеристики мы будем рассматривать как факторы, оказывающие влияние на пространственно-временную организацию психических состояний. К личностным характеристикам относятся: 1) способности (общие и специальные); 2) физическое развитие; 3) волевые качества; 4) интересы; 5) склонности; 6) самооценка, самосознание; 7) характер; 8) темперамент; 9) приспособляемость[5].

Предметом исследования является пространственно-временная организация психических состояний.

Объект исследования: влияние личностных характеристик (интеллекта) на пространственно – временную организацию психических состояний.

Цель исследования: изучить влияние интеллекта на особенности пространственно-временной организации психических состояний.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ научно-популярной и методической литературы по заданной проблеме.
2. Изучить интеллектуальный потенциал личности.
3. Выявить наиболее типичные психические состояния в различные временные форматы.
4. Определить рельеф психических состояний в каждом временном ритме.
5. Изучить взаимосвязь интеллекта и психических состояний в каждом временном формате с помощью математико-статистической обработки данных

В процессе работы выдвинута следующая гипотеза: личностные характеристики являются системообразующими элементами и способствуют изменению выраженности структур психических состояний в различные временные форматы.

Исследование проводилось среди студентов III курса юридического факультета филиала Казанского государственного университета города Набережные Челны. В эксперименте принимали участие 31 человек.

Вся работа проведена в пять этапов.

На первом этапе проводился анализ научно-методической литературы и осуществлялся выбор диагностического материала. В результате этого выбрана методика «Рельеф психического состояния»[3], тест структуры интеллекта (TSI) Р.Амтхауэра[2], разработана специальная анкета на определение психического состояния в разные временные форматы.

Секция «Психология»

На втором этапе проводилось исследование среди студентов III курса юридического факультета в возрасте 19-20 лет. Им предоставлялся бланк по тесту структуры интеллекта, где определялся уровень интеллекта по 9 субтестам. В результате исследования интеллекта мы определили, что студенты третьего курса юридического факультета имеют низкий уровень по показателям способности к запоминанию и наглядно-действенному мышлению. Это говорит о неразвитости вербального мышления и конструктивных способностей теоретического и практического плана.

На третьем этапе испытуемым предоставлялся бланк с 40 показателями, где они оценивали свое состояние по специальной шкале отдельно для каждого временного формата. В результате, при изучении выраженности структур психических состояний по «Рельефу психического состояния» в диапазоне от минуты до года, наблюдается высокий уровень выраженности показателей психического состояния.

На четвертом этапе определялся выбор наиболее типичных психических состояний в различные временные форматы. Таким образом, наиболее типичными психическими состояниями в диапазоне от минуты до года являются состояния радости, печали, спокойствия, сонливости.

На пятом этапе проводился корреляционный анализ показателей структуры интеллекта и 40 основных характеристик психических состояний методики «Рельеф психических состояний» по коэффициенту корреляции Пирсона [1] для каждого временного формата. Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Показатель «умение грамотно излагать и выразить свои мысли» является системообразующим элементом, оказывающим влияние на изменение выраженности психического состояния, и проявляет себя в состояниях радости и спокойствия.

2. Показатель «способность к запоминанию» является системообразующим элементом, оказывающим влияние на изменение выраженности психического состояния, и проявляет себя в состояниях радости, усталости и разочарования.

3. Показатель «конкретно-практическое чувство реальности» является системообразующим элементом, оказывающим влияние на изменение выраженности психического состояния, и проявляет себя в состояниях радости, печали и разочарования.

В данной работе мы изучали влияние интеллекта на пространственно-временную организацию психических состояний. Мы затронули различные временные форматы, изучили временной диапазон от минуты до года.

Данная работа определяла для себя нахождение и изучение системообразующих элементов показателей интеллекта, оказывающих изменение на показатели выраженности структур различных состояний в различные временные ритмы.

Мы сопоставляли межфункциональные зависимости, проводили корреляционный, количественный и качественный анализ. В результате проделанной работы, мы выделили несколько показателей структур интеллекта, которые при своем изменении (влияние на них каких-либо внешних факторов), смогут оказать значимое изменение в структурах определенного состояния в определенный момент времени.

Данные значения необходимо подвергнуть дивергентному анализу, для изучения изменения показателей между временными ритмами, обусловить зависимость изменений показателей интеллекта в определенном состоянии и описать значимость этих значений. Данная задача является следующим этапом в проведении исследования в области пространственно – временной организации психических состояний.

Также в дальнейшем планируется изучение индивидуально-типологических свойств личности, их влияние на пространственно-временную организацию психических состояний в различных временных форматах, изучение влияния самооценки личности и характерологических особенностей личности.

Литература

1. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов / О.Ю. Ермолаев.- М.: Московский психолого–социальный институт: Флинта, 2004.- 336 с.

Секция «Психология»

2. Практикум по дифференциальной психодиагностике профессиональной пригодности. Учебное пособие/В.А.Бодров.-М.: ПЕР СЭ, 2003.-768с.
3. Практикум по психологии состояний / ред. А.О.Прохоров.- СПб.: Речь, 2004.- 480 с.
4. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология / Ю.К. Стрелков.- М.: Академия, 2001.- 360 с.
5. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер.- СПб.: Питер, 1999.- 608 с.

Методологические тенденции современной психологии

Щепина О.И.

Студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: shchepina_olga@mail.ru

В настоящее время в связи с изменением «социального статуса психологии» (Василюк, 2007) и закономерным повышением интереса к ее исследовательским – теоретическим и практическим - продуктам возникает необходимость рефлексии тех научных (или квазинаучных) оснований, которые составляют базис современной психологической науки.

Целью данной работы является проведение сопоставительного анализа методологических тенденций современной психологии и образцов научного познания, сформулированных в классических работах по истории и теории науки.

Теоретико-методологическая основа работы: представление о научном методе как способе получения достоверных знаний (Ч. Пирс), положение о фальсифицируемости как критерии демаркации между наукой и другими формами социально-исторического опыта (К. Поппер), положение о концептуальных вариантах и единицах эффективной модификации в научном познании (Ст. Тулмин), положение развития научных теории (Т. Кун и И. Лакатос).

Основные тенденции современной психологической науки, выявленные по результатам сопоставительного анализа:

1. Построение теоретических моделей, опровержение которых невозможно вследствие их внеэмпирического характера.
2. «Внепарадигмальный» и «внеядерный» характер научного познания – отсутствие преемственности при выдвижении научных гипотез.
3. Введение в плоскость научного познания споров о смысловом содержании теоретических конструктов.
4. Доминирование методов исследования, позволяющих устанавливать лишь корреляционные, а не причинно-следственные связи (которые и составляют основу любой научной теории).
5. Развитие научных исследований по линии изучения строения/ функций (свойств) эмпирического объекта (альтернативная линия – изучение связей между двумя эмпирическими объектами (теоретическими конструктами)).

Литература

1. Василюк Ф. Понимающая психотерапия как психотехническая система. Диссертация доктора психологических наук. М., 2007
2. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т 1. М., 1989
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 2001
4. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ// Кун Т. Структура научных революций. М., 2001
5. Пирс Ч. Закрепление верования// Вопросы философии. 1996. №12
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983

7. Соколова Е.Е. Нетерпимость толерантных// Вопросы психологии, 2008, №3
8. Тулмин Ст. Концептуальные революции в науки// Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978

Гендерная проблематика в глубинной психологии: исторический аспект

Эльдарион А.А.

*Ассистент кафедры философии и философской антропологии
Морской государственной университет им. адм. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия
E-mail: arthorius_mag@mail.ru*

Наша задача показать, с чего начиналось изучение гендерных аспектов в психологии, о которых сегодня так много говорят. Истоками того, что сейчас называют «гендерная психология» можно считать психоанализ и глубинную психологию. Именно здесь впервые делались попытки теоретически обосновать психологические особенности мужчины и женщины. В глубинной психологии авторы не использовали понятие «гендер», ими использовались понятия «пол» и его производные. Но говорили они на самом деле о том, что сейчас понимают под словом «гендер».

Проблематика, касающаяся гендерных аспектов в психологических науках, имеет сравнительно короткое прошлое. В научных кругах началом развития непосредственно гендерных исследований считается начало 70-х годов XX столетия, но можно сказать, что предпосылки возникновения таких исследований начали появляться гораздо раньше, имели они только иное названия, суть же оставалась одна – изучение психологических различий между мужчинами и женщинами.

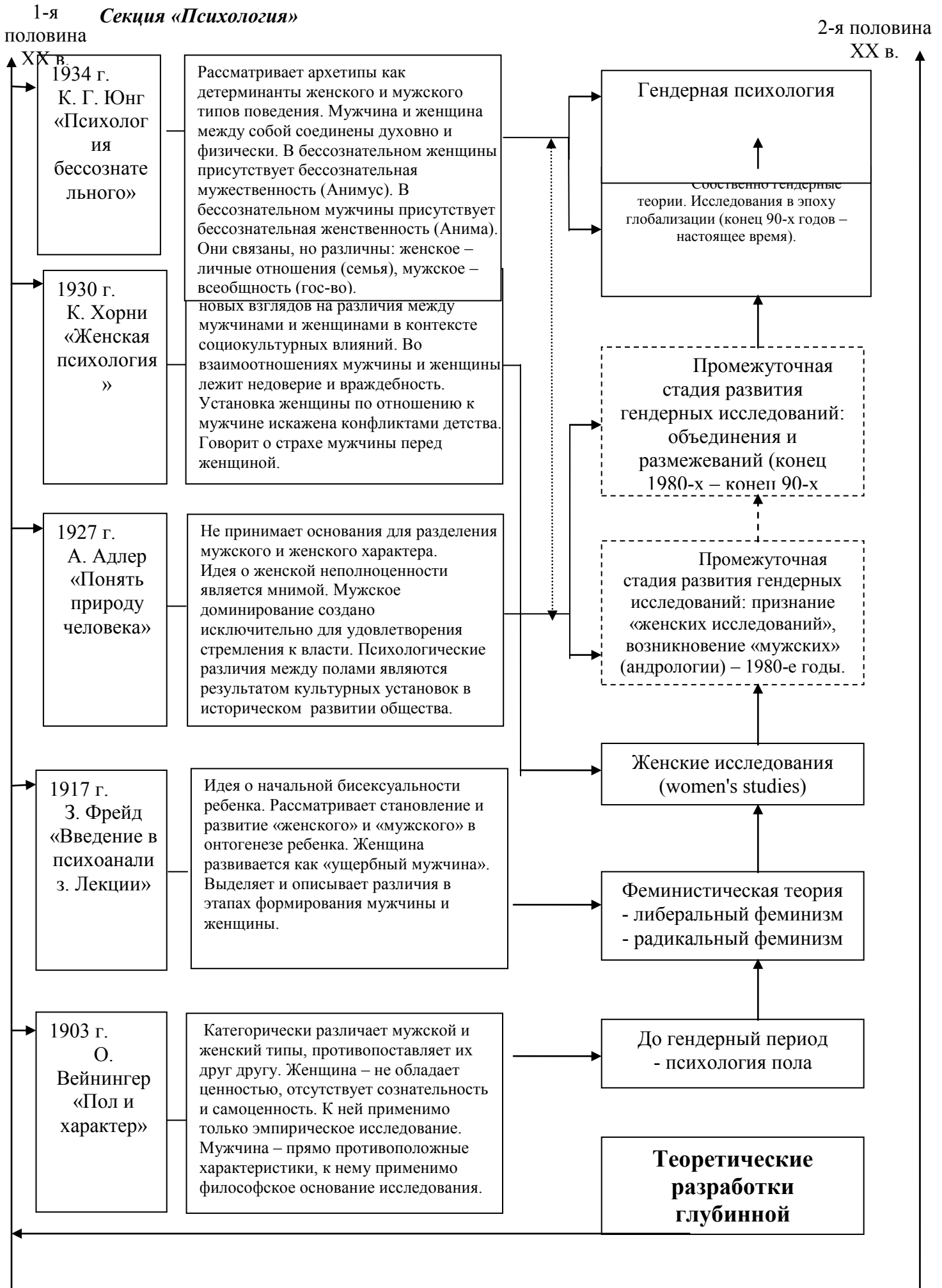
В самых общих чертах мы можем выделить в истории изучения проблемы половой дифференциации и истории развития гендерных исследований три периода:

1. Период предпосылки возникновения гендерных исследований, в него входят догендерные исследования, феминистические теории и женские исследования;
2. Период гендерных исследований, в него входят две промежуточные стадии и собственно гендерные теории;
3. Период образования в психологии гендерного подхода, который в свою очередь привел к возникновению гендерной психологии.

С помощью историографического анализа нам удалось в хронологическом порядке рассмотреть развитие идей, которые касаются гендерной проблематики. Феминистические теории, женские исследования и др., несомненно, являлись основой для развития теорий о гендере в настоящее время. Однако и феминистические теории, и женские исследования и остальные этапы в системе гендерных исследований не возникли на пустом месте. У них, как и у всех теорий, есть свои истоки возникновения. С нашей точки зрения развитие идей и теорий о гендерных особенностях личности в психологии XX века начались с появления в 1903 году книги О. Вейнингера «Пол и Характер», в дальнейшем на развитие гендерных исследований повлияли идеи и теоретические разработки авторов относящихся к глубинной психологии. Подробнее, какие именно теоретические разработки глубинной психологии повлияли на ту или иную стадию развития в истории гендерных исследований представлено в сводной таблице.

Литература

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб.: Гуманитарное Агентство «Академический Проект», 1997.
2. Вейнинггер, О. Пол и характер / О. Вейнинггер. – М.: ТЕРРА, 1992.
3. Воронина, О. А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе / О. А. Воронина // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – с. 9-20.
4. Здравомыслова, Е., Темкина, А. Социальное конструирование гендера: феминистическая теория // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001.
5. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции / З.Фрейд. – М.: «Наука», 1989.
6. Хорни К. Женская психология / К. Хорни. – СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 1993.
7. Юнг К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. – М.: КАНОН, 1994.

Когнитивная психология и нейронаука

The effects of experience on identification of facial expressions of emotion

Ding Xinfang

Undergraduate, B. S. candidate

Department of Psychology, Peking University, Beijing, P. R. China

dingxinfang2007@163.com

Abstract. The experiment involve two groups of participants: teachers engaged in childhood education, and common adults who have less experience dealing with children. All the participants are instructed to view pictures of six basic facial expressions including happiness, sadness, anger, disgust, surprise and fear and identify each of them. The pictures are in 4 conditions: adult-face-normal, adult-face-reversed, child-face-normal, child-face-reversed. Signal detection procedures were used to examine the ability of sensitivity of different emotions. We quantificate the sensitivity of the participants, as well as the sensitivity difference between normal pictures and up side down ones, so as to find out how the process of identifying six basic facial expressions is influenced by viewers' experience.

Keywords facial expression recognition, reverse effect, experience

Processing the universal quantifier during sentence comprehension: ERP Evidence

Jiang, Xiaoming

Postgraduate, PhD candidate

Department of Psychology, Peking University, Beijing, P. R. China

jiang_xiaoming@yahoo.cn

Abstract. The event-related potential (ERP) technique was employed to investigate the temporal neural dynamics of processing the universal quantifier during Chinese sentence comprehension. A universal quantifier violation was created by misapplication of the universal quantifier *dou* (all, every) either after a singular object NP (noun phrase) in a SOV (subject–object–verb) sentence (1a-1b, Experiments 1 and 3) or after a singular subject NP in a SVO sentence (2a-2d, Experiment 2). The participants were asked either to make semantic plausibility judgment to each sentence (Experiments 1 and 2) or to read for comprehension and complete a sentence recognition test at the end of the experiment (Experiment 3). Experiment 1 showed that the universal quantifier violation elicited a sustained positivity from 400 to 1100 ms after the onset of the quantifier and a sustained negativity from 300 to 800 ms after the onset of the following verb. Experiment 2 varied the distance between *dou* and the following verb by inserting or not inserting an adverb between *dou* and the verb. While the sustained positivity was again observed on the mismatching quantifier, the sustained negativity was only observed on the word immediately following the quantifier, whether this word was a verb or an adverb. Experiment 3 used the same stimuli as Experiment 1 but with a different task. The quantifier violation elicited anteriorly distributed negativities over different time intervals post onset of the quantifier. We interpret the sustained positivity as being associated with an integration process of linking the universal quantifier with a preceding entity and the sustained negativity as being associating with a second-pass process to reinterpret the sentence. Other functional interpretations of the ERP components were ruled out.

1a, The girl ba all those buttons dou sewed onto the coat.

1b, The girl ba all that button dou sewed onto the coat.

Literal translation: The girl sewed all those buttons (all that button) onto the coat.

2a,[2c], After the clinic consultation, these patients dou [immediately] quit bad habits.

2b,[2d], After the clinic consultation, this patient dou [immediately] quit bad habits.

Literal translation: All these patients (All this patient) quit their bad habits (his bad habit) [immediately] after the clinic consultation.

Perceptual grouping induces attentional shift: evidence from Simon effect

Liu Pan

Postgraduate, M.S. candidate

Department of Psychology, Peking University, Beijing, P. R. China

pkupanz@gmail.com

Abstract. Although the role of attention in perceptual grouping has been investigated extensively at both behavioral and neural levels, few studies explore how perceptual grouping affects the state of attention. By asking participants to judge the grouping type of Gabor patches (collinearity or similarity) presented along the cater-corner orientations (45° or 135°), this study, both in Experiment 1 and 2 observed an interaction between grouping orientation and response hand, such that left-hand responses were faster when stimuli grouped by similarity or by collinearity were presented along the 45° orientation than along the 135° orientation and right-hand responses showed a reversed pattern. Given that the Simon effect, as obtained here, reflects the congruency between the direction of attentional shift and the position of response hand, we propose that perceptual grouping induces spatial attentional shift. Moreover, Experiment 2 presented directional cues before stimulus display and the Simon effect remained when participants needed only to make grouping-type judgment along the cued orientation, indicating that the attentional shift induced by perceptual grouping occurred in the process of shape formation in perceptual grouping.

Keywords. perceptual grouping, collinearity, similarity, Simon effect, attentional shift

Holistic/Analytical Thinking and Perceptions of Integrated/Partitioned Price

Tu Yanping

Undergraduate, B.S. candidate

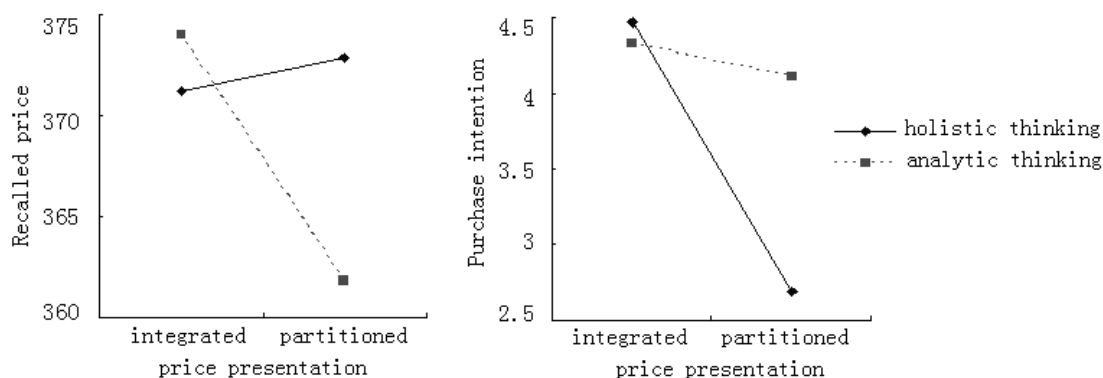
Department of Psychology, Peking University, Beijing, China

ypingtu@gmail.com

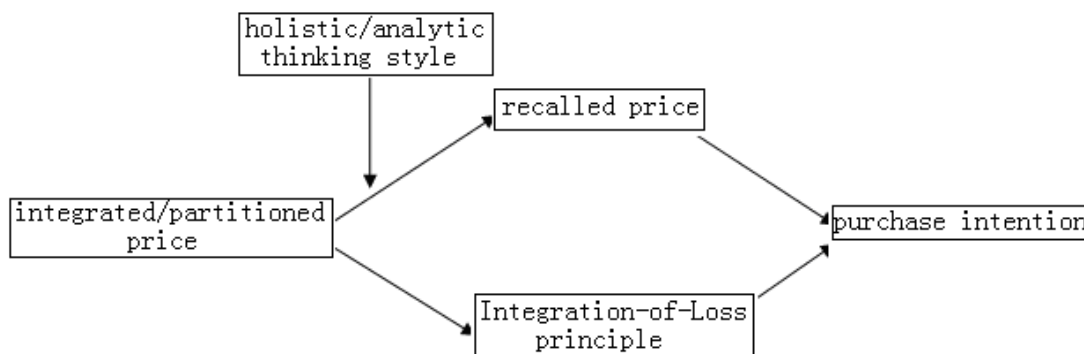
Abstract . The paper examines the impacts of thinking style (analytical thinking versus holistic thinking) on the perceptions of integrated and partitioned prices. The results indicate that 1) price presentation has no impacts on recalled price for the individuals with holistic thinking, whereas purchasing intention decreases when the price is presented dimensionally; 2) recalled price is affected by price presentation for the individuals with analytical thinking, and purchasing intention is affected by both price presentation and recalled price. Based on the results, we propose a model integrating Mental Accounting, Utility Function of Prospect Theory, Cost/Benefit frame, and Thinking Style to explain the findings.

KeyWords. Integrated/Partitioned Price, Holistic/Analytical Thinking, Prospect Theory, Mental Accounting

Recalled Price and Purchase Intention

An Integrated Framework

Do you feel my pain? Racial group membership modulates empathic neural responses

Xu Xiaojing

Postgraduate, M. S. candidate

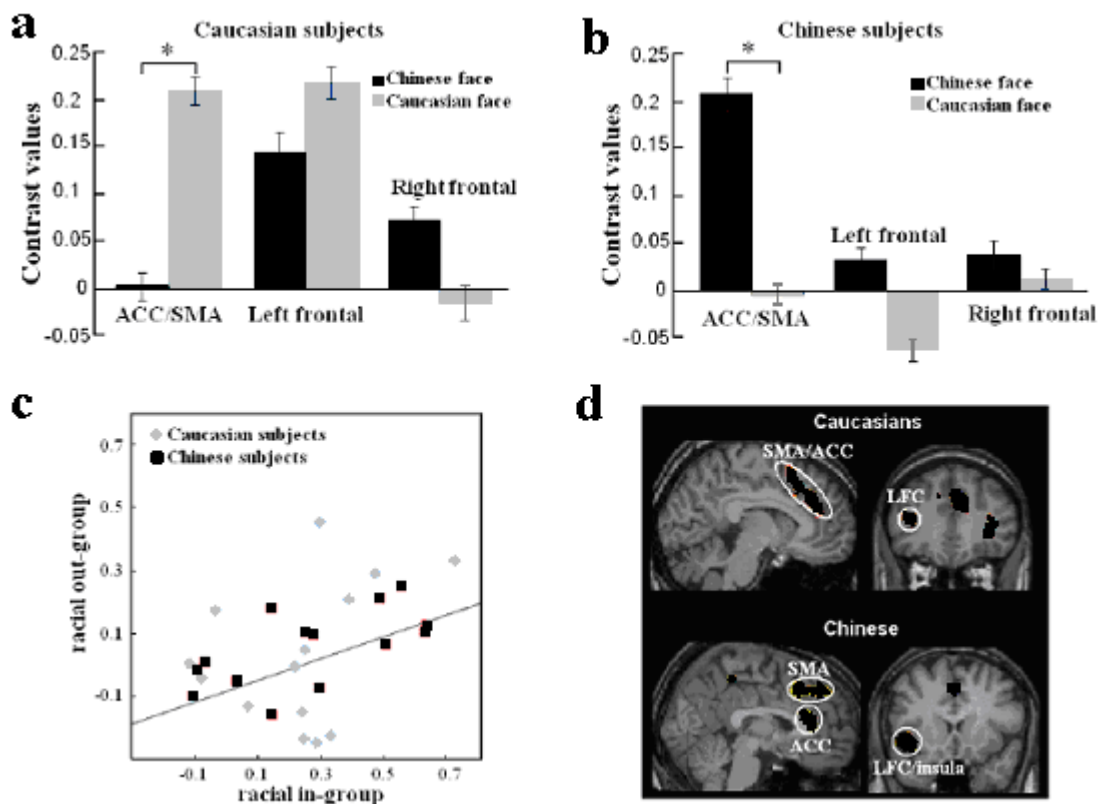
Department of Psychology, Peking University, Beijing, P.R. China

xxj1984@gmail.com

Abstract. Empathy refers to the ability to understand and share others’ feeling and plays a key role in social behaviors. Perception of others in pain or distress generates empathic concerns that provide a proximate mechanism selected by evolution that motivates altruistic behaviors (Batson, 1991; de Waal, 2008). Empathy may influence social behaviors by changing people’s attitudes toward a target (Batson et al., 1997), which sometimes produces serious consequences such as when making judicial decisions on a defendant (Johnson et al., 2002).

To investigate whether empathic neural responses are modulated by racial in-group/out-group relationship, we scanned Chinese and Caucasian participants using functional magnetic resonance imaging (fMRI) while they watched video clips of Chinese or Caucasian faces receiving painful stimulation (needle penetration) or non-painful stimulation (Q-tip touch). Relative to the non-painful stimulation, the painful stimulation induced increased activations in the anterior cingulate cortex (ACC) and inferior frontal/insula cortex in both racial groups when viewing faces of the same race(see Figure 1). However, the empathic neural response in the ACC decreased significantly when viewing faces of other races. Our neuroimaging findings uncover neural mechanisms of an empathic bias towards racial in-group members.

Figure 1

Проблема измерения и индукции эмоциональных состояний

Абисалова Е.А.

Студент пятого курса

Институт психологии имени Выготского,

Российский Государственный Гуманитарный Университет,

Москва, Россия

E-mail: lizzy_psych@yahoo.com

В психологии эмоций одной из наиболее популярных областей исследования является характер и закономерности влияния эмоций на другие процессы. В большинстве своем такие процедуры требуют пребывания испытуемых в определенном эмоциональном состоянии. В некоторых экспериментах эта проблема решается посредством самоотчетных методик для определения эмоционального состояния (CAH, PANAS, MAACL), по результатам которых испытуемые делятся на группы. Однако зачастую этот способ не дает желаемых результатов, и тогда проводятся процедуры индукции эмоций.

В своем обзоре 1996 года Вестерманн (Westermann, Spies, Stahl & Hesse, 1996) выделил девять типов процедур индукции:

1. индукции, направленные на воображение
2. процедура индукции Велтена
3. индукция посредством фильма или истории
4. индукции посредством музыки
5. индукция с использованием обратной связи
6. индукции посредством социального взаимодействия
7. индукции посредством подарка
8. индукции с помощью изменения выражения лица
9. смешанные процедуры индукции

В проведенных мною исследованиях изучалось влияние эмоций на креативность. В одном эксперименте для индукции эмоций применялась процедура создания

Секция «Психология»

искусственного успеха или неудачи. Использовалась строго определенная подборка заданий из теста интеллекта «Прогрессивные матрицы Равена». Испытуемые с индуцируемым положительным настроением решали десять самых простых заданий, к тому же на их выполнение им отводилось пятнадцать минут. Поскольку это время является более чем достаточным для решения данных заданий, испытуемые заканчивали намного раньше. Экспериментатор, собирая бланки и листы с ответами, особенно отмечал высокую скорость выполнения теста, и говорил, что в остальных группах эти задания решали гораздо медленнее и с бо́льшим количеством ошибок. Группа с индуцируемым отрицательным настроением решала десять наиболее сложных примеров из теста Равена, и на их выполнение отводилось четыре минуты, после чего все бланки у испытуемых забирались экспериментатором. Чтобы усилить негативные эмоции, которые должны были возникнуть в подобной ситуации фрустрации, экспериментатор устно подчеркивал медленный темп работы испытуемых, сообщая, что другие группы справились с этими заданиями гораздо быстрее и легче. Испытуемые в нейтральной группе получали десять заданий различной сложности, и по инструкции им необходимо было решить пять из них на выбор. Строго время не ограничивалось, бланки собирались после того, как все испытуемые заканчивали выполнение заданий. Никакой обратной связи об успешности и темпе работы данной группе не предоставлялось.

В другом эксперименте индукция эмоционального состояния осуществлялась с помощью метода автобиографических воспоминаний. Испытуемые должны были вспомнить и описать события, произошедшие с ними в течение последних нескольких лет, которые вызвали в них наиболее сильные положительные или отрицательные эмоции. При этом группы отличались не только по валентности эмоций (положительные и отрицательные), но и по уровню активации – высокий и низкий, что создавало четыре экспериментальные группы. Такая процедура индукции помогла потом отличить влияние уровня возбуждения от различных эмоциональных состояний. В исследовании испытуемые также заполняли самоотчет о том, какие эмоции они испытывали после процедуры индукции. Самоотчет представлял из себя биполярные шкалы (веселый – грустный) с шестью делениями (по 3 в каждую сторону), в котором необходимо было отметить только одно значение, наиболее точно отражающее состояние. Всего в самоотчете использовалось десять пар прилагательных, из них пять – на валентность эмоционального состояния, и пять – на уровень активации. Стоит заметить, что выбранные для самоотчета прилагательные очень хорошо различались по валентности, но различия по активации были более размыты и довольно сильно пересекались с валентностью. Так, большинство прилагательных, обозначающих низкую активацию, имели отрицательную валентность. Поскольку более адекватных целям прилагательных найти не удалось, решено было оставить имеющиеся. Впоследствии был проведен анализ, по результатам которого валентность и активация имели высокие показатели внутренней согласованности (альфа Кронбаха – 0,873 для валентности и 0,753 для активации). Это дало возможность говорить о действительном наличии двух факторов в самоотчете.

По результатам этих двух исследований можно сделать выводы об эффективности отдельных методов индукции эмоций и факторах, которые могут влиять на полученные результаты. Можно отметить, что данные процедуры могут быть использованы для индукции различных по валентности эмоций, но слабо подходят для индукции различной степени активации. Автобиографические воспоминания позволяют индуцировать в целом более интенсивные и дифференцированные состояния, нежели метод искусственно созданных успеха или неудачи.

Помимо двух вышеназванных процедур индукции, был также разработан опросник эмоционального состояния. Этот опросник по структуре сходен с методикой PANAS, но не является ее адаптацией. Опросник состоит из списка, включающего в себя двадцать прилагательных, описывающих эмоциональные состояния, и шестибальной шкалы для их оценки. Респондентов просят оценить, насколько точно каждое из данных

прилагательных описывает их эмоциональное состояние в момент заполнения данной методики. Изначально в список выбранных прилагательных входило шестьдесят слов, но после проведения пилотажного исследования и статистической обработки данных был сформирован список из двадцати прилагательных, включающих два фактора: положительное эмоциональное состояние, и отрицательное эмоциональное состояние. Данная методика измеряет эмоциональное состояние на момент тестирования, и не предполагает никаких серьезных ограничений для респондентов помимо владения русским языком как родным. Ситуация тестирования может варьироваться от индивидуальной до групповой, от непосредственного присутствия исследователя до виртуальной, когда респондент заполняет методику самостоятельно. Стоит отметить, что эта методика разрабатывалась для сугубо исследовательских целей, и в данный момент находится в стадии доработки и валидации. Предполагается проведение экспертной оценки, ретеста, а также получения корреляций с методикой САН В.А. Доскина.

Литература

1. Finegan, J.E., Seligman, C. (1995) In Defense of the Velten Mood Induction Procedure // Canadian Journal of Behavioural Science, 27 (4), p. 405-419
2. Pignatiello, M.F., Camp, C.J., Rasar, L.A. (1986) Musical Mood Induction: An Alternative to the Velten Technique // Journal of Abnormal Psychology, Vol. 95 (3), p. 295-297
3. Ranieri, D.J., Zeiss, A.M. (1984) Induction of Depressed Mood: A Test of Opponent-Process Theory // Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 47 (6), p. 1413-1422
4. Watson, D., Clark, A.L., Tellegen, A. (1988) Development and Validation of Brief Measures of Positive and Negative Affect: The PANAS Scales // Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 54 (6), p. 1063-1070
5. Westermann, R., Spies, K., Stahl, G., Hesse, F.W (1996) Relative Effectiveness and Validity of Mood Induction Procedures: a Meta-Analysis // European Journal of Social Psychology, Vol. 26, p. 557-580
6. Zevon, M.A., Tellegen, A. (1982) The Structure of Mood Change: An Idiographic/Nomothetic Analysis // Journal of Personality and Social Psychology, Vol. 43 (1), p. 111-122
7. Zuckerman, M., Lubin, B., Vogel, L., Valerius, E. (1964) Measurement of Experimentally Induced Affects // Journal of Consulting Psychology, Vol. 28 (5), p. 418-425

Роль формальных и содержательных свойств знака в формировании понятий

Агрба Л. Б.

Студентка

Российский Государственный Гуманитарный Университет,

Факультет Психологии, Москва, Россия

E-mail: liana.agrba@gmail.com

Про формировании новых понятий в повседневной жизни человек редко располагает полным набором необходимых для этого условий. Так иногда категоризация сопровождается регулярной сменой знака, когда одни и те же объекты в разных ситуациях называются по-разному. Кроме того, нередко название объекта, если оно выступает обратной связью (как, например, в случае развития детской речи в коммуникации со взрослым) подается в разное время после восприятия человеком объекта и, тем самым, затрудняется связь релевантных свойств объекта с названием категории. Также из-за комплексной структуры окружающей среды и динамического характера восприятия человек часто имеет дело не только с выделением релевантных признаков среди нерелевантных, но и отбором объекта подпадающего под категорию, от некатегоризируемых объектов, связанных с ним ситуативно.

Секция «Психология»

Почти все основные закономерности формирования понятий, открытые в психологических исследованиях получены в условиях, в которых нет вышеперечисленных затруднений. Так в большинстве работ испытуемый получает объекты, которые однозначно попадают под одну из заданных категорий, знак (обратная связь) подается сразу после восприятия одного из объектов, и тем более, знак никогда не меняется на другой.

В наших исследованиях мы создавали такие условия для формирования понятий, которые были бы похожи на затруднения, встречаемые в повседневной коммуникации. Испытуемые участвовали в классической процедуре формирования понятий, однако при этом варьировались такие переменные как постоянство знака (оставался ли он одним и тем же до конца формирования или регулярно менялся); задержка во времени подачи знака после предъявления объекта категоризации; количество некатегоризируемых объектов, находящихся среди категоризируемых.

Мы предполагали, что в психологическом отношении существуют базовые процессы формирования понятий, и также существуют вспомогательные процессы, позволяющие нивелировать обозначенные нами объективные затруднения.

В ходе первого эксперимента мы смотрели, как на процесс формирования понятий влияет смена знака – было проведено три экспериментальные серии, в первой названия объектов были значащими, во второй бессмысленными и в третьей они менялись – в случайном порядке испытуемый получал для обозначения категории или значащий знак или бессмысленный. Мы предположили, что защитный механизм индукции понятия есть, если а) происходит научение — категоризация при повторном выполнении задания улучшается; б) есть различия между разными уровнями воздействия — например, между характеристиками осмысленности знака.

Полученные результаты были обработаны при помощи дисперсионного анализа, и оказалось, что влияние фактора типа и смены знака оказалось значимым, и влияние номера теста (научение) оказалось практически значимым. Из этого следует, что для фактора смена знака существует защитный механизм.

Во втором эксперименте мы смотрели, как на формирование понятия влияет временная задержка знака – в первой экспериментальной серии знак подавался сразу же после предъявления объекта категоризации, во второй через 2 секунды после его предъявления, и в третьей – через 4с.

Согласно полученным данным, влияние фактора времени задержки знака оказалось незначимым, влияние номера теста (научение) оказалось также незначимым. Следовательно, для задержки знака не было выявлено наличие компенсаторного механизма и эта помеха не позволяла испытуемым сформировать понятие.

В третьем эксперименте мы пытались проследить влияние количества некатегоризируемых (шумовых) объектов на успешность формирования понятий. Испытуемый в случайном порядке получал объекты относительно которых он должен был предположить к какой из двух категорий они относятся — после предположения, он получал обратную связь о том, что объект не относится ни к одной из категорий. В первой экспериментальной серии было два таких некатегоризируемых объектов (7% от общего количества), во второй четыре (15% от общего количества объектов), и в третьей – шесть (30 %). В результате оказалось, что влияние количества некатегоризируемых объектов оказалось незначимым, влияние номера теста (научение) оказалось незначимым. Следовательно, понятийная система также не в состоянии справиться с этим затруднением.

Однако тот факт, что разное количество некатегоризируемых объектов не повлияло на успешность формирования понятия в совокупности с тем, что общая успешность была близка к уровню случайных ответов заставляет нас подробнее проанализировать полученные результаты. Даже два некатегоризируемых объекта резко снижали успешность формирования понятия. Возможно наличие таких объектов не позволяет испытуемым

Секция «Психология»

выстроить правило для отнесения объектов к категориям, так как все эти объекты предъявлялись без знака — они просто предъявлялись испытуемому, потом на их месте, где должно быть название категории предъявлялось пустое поле. Мы предполагаем, что если бы на их месте было бы слово, которое обозначало эту третью (шумовую) категорию, то это изменило бы наши результаты. Согласно нашей гипотезе, знак нужен не только для выделения релевантных признаков, но и для отбора в памяти нерелевантных. Если нет знака, обозначающего третью категорию, то результаты проведенной аналитической работы не сохраняются в памяти.

Для того, чтобы проверить данную гипотезу мы провели четвертый эксперимент, в котором точно такие же некатегоризуемые объекты обозначались знаком-надписью «другой объект». В остальном процедура была такой же, как и в предыдущем эксперименте. В результате выяснилось, что влияние количества некатегоризуемых объектов оказалось также незначимым. Однако попарное сравнение показало отличие в успешности категоризации с двумя и четырьмя некатегоризуемыми шумовыми объектами от 6 некатегоризуемых объектов на уровне значимости $p=0,059$. Влияние номера теста (научение) оказалось значимым.

Следовательно, мы видим, что и для такого затруднения, как наличие некатегоризуемых объектов существует компенсаторный механизм, однако его возможности не безграничны – при двух и четырех «других объектов» он действует, а при шести уже не справляется. Главный результат этого эксперимента заключается в том, что некоторые компенсаторные механизмы понятия запускаются не спонтанно, а с помощью знаковых средств

В результате мы доказали, что в процессе формирования понятий, помимо базовых процессов определения структуры понятия существуют также и вспомогательные процессы, компенсаторные механизмы, настраивающие базовые процессы формирования понятий. В докладе будет предложена новая теоретическая модель, объясняющая отношения между ними.

Связь сензитивности к отрицательным эмоциям с общим интеллектом и самоотношением

Азизова М.Л.

студент

Российский Государственный Гуманитарный Университет, факультет психологии,

Москва, Россия

marika.azizova@gmail.com

Исследование, проведенное в рамках моей курсовой работы, было посвящено определению природы сензитивности к отрицательным эмоциям. В литературе чувствительность человека к отрицательным эмоциям связывают с его уровнем самоотношения, а именно: люди с высоким уровнем самоотношения склонны приписывать окружающим (по отношению к себе) переживание положительных эмоций, с низким – отрицательных.

Подобные данные говорят о том, что с сензитивностью к отрицательным эмоциям могут быть связаны как общий интеллект, так и самоотношение человека, однако, механизмы подобных связей различны:

- Сензитивность к восприятию отрицательных эмоций может являться проекцией негативного самоотношения;
- В то же время, сензитивность к отрицательным эмоциям может выступать фактором адаптации индивида к окружающей среде. Чувствительность к отрицательным эмоциям является адаптивным свойством, так как оно способствует сохранению организма (признаком не адекватной/«тревожной» оценки среды или негативной «Я –

Секция «Психология»

концепции», а средством социальной адаптации). Интеллект, по мнению Ж. Пиаже, высшая форма психической адаптации.

В качестве основной гипотезы исследования выдвигалось предположение о том, что интеллект положительно, а самоотношение отрицательно связаны с сензитивностью к восприятию отрицательных эмоций, но механизмы этой связи различны.

Так же, выдвигались предположения о том, что:

1. Сензитивность к восприятию отрицательных эмоций положительно связана с общим интеллектом;
2. Сензитивность к восприятию отрицательных эмоций отрицательно связана с самоотношением;
3. Общий интеллект и самоотношение не коррелируют друг с другом;
4. В группе испытуемых с высоким общим интеллектом и низким самоотношением к отрицательным эмоциям выше, чем в группе с низким общим интеллектом и высоким ожиданием отношения от других.

На мой взгляд, логично предположить, что интеллект (психометрический интеллект, который можно определить с помощью тестов на измерение IQ) и аффективная сфера человека взаимосвязаны, а именно, специфика нашего эмоционального восприятия связана с уровнем интеллекта.

В работе Овсянниковой В. В. обнаружена положительная корреляция сензитивности к отрицательной валентности эмоций с общим интеллектом: чем выше уровень интеллекта, тем в большей степени наблюдатель приписывает персонажу переживание негативных эмоций (гнева, презрения, недовольства и др.). Можно предположить, что сензитивность к эмоциям отрицательной модальности в плане адаптации к условиям окружающей среды более эффективна: она влияет на состояние «готовности» индивида распознать угрожающую ситуацию и быстро на нее отреагировать.

В исследованиях личности хорошо показано существование индивидуальных различий при переработке стимулов с положительной или отрицательной валентностью. Например, экстраверсия и нейротизм приводят к некоторому облегчению переработки соответственно положительных и отрицательных стимулов. Можно предположить, что существуют некоторые когнитивные факторы, способствующие переработке эмоционально окрашенных стимулов и, следовательно, влияющие на уровень ЭИ.

Таким образом, допустимо говорить о том, что высокий уровень самоотношения индивида соответствует его положительным ожиданиям отношения от других, то есть, готовности к выражению скорее положительных эмоций в свой адрес, нежели отрицательных. И наоборот, человек с низким уровнем самоотношения ожидает от окружающих проявления скорее отрицательных эмоций, нежели положительных.

Исходя из результатов исследования, можно говорить, что существует положительная корреляция между сензитивностью к отрицательным эмоциям и общим интеллектом; и отрицательная корреляция между сензитивностью и самоотношением. Общий интеллект и самоотношение (ожидание отношения от других) между собой не связаны (корреляция между ними незначима).

Сензитивность к отрицательным эмоциям у испытуемых с высоким уровнем интеллекта и низким уровнем самоотношением выше, чем у испытуемых с низким уровнем интеллекта и высоким уровнем самоотношения.

Подобные связи между сензитивностью, общим интеллектом и самоотношением универсальны, то есть, характерны как для мужчин, так и для женщин. Значимые различия в результатах мужчин и женщин имеются только по уровню интеллекта (у мужчин он выше).

Таким образом, данные, полученные в исследовании, не противоречат теоретической модели, выдвинутой в начале работы.

Сензитивность к восприятию отрицательных эмоций связана как с уровнем интеллекта, так и с уровнем самоотношения, однако, механизмы подобных связей

Секция «Психология»

различны. В пользу этого предположения говорит как раз отсутствие корреляции между общим интеллектом и самооотношением. На мой взгляд, эти связи не одинаковы по своей «природе». С сензитивностью связаны как когнитивный компонент – общий интеллект, выступающий, возможно, как адаптационный фактор (позволяющий, среди, избегать витальных угроз), так и личностный компонент – самооотношение – регулятор социальных взаимодействий.

Общие выводы исследования:

1. Сензитивность к восприятию отрицательных эмоций положительно связана с уровнем общего интеллекта;
2. Сензитивность к восприятию отрицательных эмоций отрицательно связана с самооотношением;
3. Общий интеллект и самооотношение не коррелируют друг с другом;
4. В группе испытуемых с высоким общим интеллектом и низким самооотношением сензитивность к отрицательным эмоциям выше, чем в группе с низким уровнем интеллекта и высоким самооотношением.

Таким образом, сензитивность (положительно) связана с общим интеллектом и (отрицательно) с самооотношением, однако между собой общий интеллект и самооотношение не связаны, следовательно, механизмы связи этих двух факторов с фактором сензитивности различны.

Литература

1. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 29 – 36.
2. Пиаже Ж. Психология интеллекта. - СПб.: Питер, 2003.
3. Практический интеллект под ред. Дж. Стернберга. СПб. 2002.
4. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения, применения на практике // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004, № 4. С. 3 – 26.

Особенности функционирования автобиографической памяти личности как предиктор мудрости

Алюшева А.Р.

Студентка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: alyusheva@mail.ru

В современной психологической науке проблема мудрости относится к числу слабо разработанных. Во многом это объясняется феноменологической сложностью данного конструкта и, как следствие, трудностью его эмпирического исследования. До сих пор не сформулировано единое, принятое большинством авторов, определение мудрости, не разработаны универсальные инструментальные средства для изучения её предпосылок, детерминант развития и функционирования.

На сегодняшний день наиболее обстоятельным теоретико-экспериментальным изучением проблемы мудрости занимается научная школа П. Балтеса. Целью исследователей этого направления является выявление возрастных, когнитивных, личностных, социальных и поведенческих аспектов данного феномена (Baltes & Kunzmann, 2005). Характеристики мудрости, полученные в результате многолетней эмпирической работы школы Балтеса, использовались в нашем исследовании. Другая линия исследований мудрости основывается на понимании данного феномена как результата интеграции когнитивных (знания, опыт, интеллект, аналитические способности), рефлексивных (самопонимание, многогранность восприятия реальности) и мотивационных (эмпатия, сочувствие, готовность помочь) факторов (Ardelt, 2003, 2008). Адельт

Секция «Психология»

разработала опросник диагностики уровня мудрости, включающий шкалы для каждого из этих факторов (3-dimensional wisdom scale). Одной из задач нашей работы стала адаптация данного опросника на выборке российских респондентов.

По нашему мнению, мудрость представляет собой устойчивую когнитивно-мотивационную характеристику личности, наблюдаемым критерием проявления которой является эффективность в решении жизненных задач. Причем феномен мудрости полностью раскрывается только в том случае, если побуждается и поддерживается истинной альтруистической мотивацией, опирается на достаточно сложную и согласованную систему знаний о мире и пронизан глубоко осмысленным опытом жизни (именно поэтому, чаще всего мудрость рассматривают как качество, присущее зрелому или даже пожилому человеку).

Основным фокусом нашей работы стала значимость субъективной картины личного прошлого в решении жизненных задач настоящего и будущего, в становлении такого сложного феномена, как мудрость. Как человек использует ресурсы своего прошлого? Возможно ли выработать индивидуальные стратегии эффективной работы с жизненным опытом? Каково соотношение интуитивного и рефлексивного компонентов при обращении к ресурсам жизненного опыта? Существует ли однозначная взаимосвязь между структурными и функциональными свойствами автобиографической памяти (АП) и степенью развития мудрости? В своей работе мы используем концепцию автобиографической памяти личности как высшей психической функции, с помощью которой личность способна достигнуть высокого уровня самодетерминации.

Автобиографическая память является подсистемой долговременной декларативной памяти, оперирующей воспоминаниями о лично значимых событиях и состояниях субъекта (Нуркова, 2000, 2008). Это особая система знаний, обращение к которой переключает внимание человека с привычного изучения внешнего мира на ретроспективное исследование собственного жизненного пути. Характерной особенностью АП является её пристрастность, возможность безграничной переоценки, реконструкции фактов прошлого.

В настоящее время исследователи предлагают различные варианты классификаций функций автобиографической памяти (см. обзор: Василевская, 2008). В.В. Нурковой выделяются 4 группы таких функций, различающихся по критерию направленности:

1. Ориентированные на межличностное либо межгрупповое взаимодействие (достижение социальной солидарности или отторжения; передача жизненного опыта; установление контакта; предсказание поведения других людей по аналогии с событиями своей жизни);
2. Ориентированные на саморегуляцию своего психического состояния (обращение к прошлому с целью изменения настроения, мотивации, контроля эмоций);
3. Ориентированные на извлечение жизненных уроков и планирование будущих действий (отбор успешных и отказ от неэффективных стратегий поведения при решении проблемных ситуаций);
4. Экзистенциальные, направленные на осознанное построение своей личности (формирование идентичности; самопознание; самоопределение; историческая и культурная самоотнесенность; осознание уникальности своей жизни).

Мы предполагаем, что потенциальные возможности, которые дает определенная работа со своим прошлым опытом, являются необходимыми предпосылками для формирования и развития мудрости. Более того, в данном процессе задействован весь функциональный потенциал автобиографической памяти.

Структурно-содержательные характеристики АП исследовались с помощью методики «Линия жизни» (Нуркова, 2000) и опросника «Функции автобиографической памяти» (Василевская, 2008). Испытуемым также предлагалось ответить на открытые вопросы, касающиеся субъективных представлений о мудром человеке, и вспомнить ситуации своей жизни, в которых им удалось проявить мудрость. Привлекались результаты экспертных

Секция «Психология»

оценок исследуемых качеств у респондентов, а также модифицированная методика самооценки Дембо-Рубинштейн. Обработка результатов производилась с помощью метода статистического анализа данных (SPSS).

Обнаружены существенные связи между социальной функцией АП и эмоциональным компонентом мудрости (направленность на другого); прагматической функцией АП и так называемой компетентностью в решении жизненных задач (когнитивный компонент); экзистенциальными функциями АП и рефлексивным компонентом мудрости (личностная зрелость). Таким образом, определенные аспекты проявления мудрости в жизненных ситуациях могут быть реализованы благодаря функциональному репертуару автобиографической памяти. Мы предполагаем, что автобиографический подход является весьма перспективным в исследовании мудрости как сложного личностного качества.

Литература

1. Василевская К.Н. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти. Диссертация канд. психол. Наук. М., 2008
2. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
3. Нуркова В.В. Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1, с. 17-27
4. Ardel, M. Being wise at any age. In S. J. Lopez (Ed.): Positive psychology: Exploring the best in people. Volume 1: Discovering human strengths, p. 81-108
5. Ardel, M. Empirical assessment of a three-dimensional wisdom scale // Research on Aging, 25(3): p. 275-324
6. Kunzmann, U., & Baltes, P. B. The psychology of wisdom: Theoretical and empirical challenges. In R. J. Sternberg & J. Jordan (Eds.), Handbook of wisdom: Psychological perspectives, p. 110–135. New York: Cambridge University Press

Индивидуальные межполушарные различия и значение слова

Анциперова М. В.

студент 4 курса

МГУ им.М.В.Ломоносова

belkina_po4ta@mail.ru

Одной из важных проблем современной нейропсихологии является изучение специфического вклада правого полушария в осуществление речевой деятельности. Перспективным направлением разработки данной проблемы является рассмотрение специфического вклада левого и правого полушарий в развитие значения слова.

В данном исследовании мы выдвигаем гипотезу о специфической роли правого полушария в формировании денотативного компонента значения слова. Наша гипотеза основана на предположении о нарушении определенного компонента значения при слабости правого полушария, а именно нарушении предметной отнесенности слова.

Был проведен анализ выполнения пробы на перцептивную категоризацию детьми 6-7 лет с относительной слабостью передних отделов левого полушария, задних отделов левого полушария и правого полушария.

В ходе исследования были выявлены значимые различия во времени выполнения пробы и числе ошибок, допускаемых детьми с относительной слабостью левого и правого полушария, что свидетельствует в пользу принятия выдвигаемой гипотезы.

Выявление особенностей решения когнитивных задач при различных профилях латеральной организации

Богомазов В.А., Рягузова А.В.

Проблема функциональной специализации полушарий головного мозга человека является одной из актуальных в современных науках о мозге. Она носит междисциплинарный характер. Знания о структурно-функциональной организации полушарий, закономерностях их взаимодействия в интегративной деятельности мозга способствуют пониманию организации сложных психических процессов и индивидуально-психологических различий. Межполушарное взаимодействие так же можно рассматривать как основу осуществления высших психических функций. Одной из таких функций является мышление. Как наиболее активный и развернутый процесс мышление выступает в отчетливом виде чаще всего при решении задач. Решение задач — это мышление, направленное на решение конкретной задачи и включающее формирование ответных реакций, а также выбор из возможных реакций. В повседневной жизни мы встречаемся с бесчисленным количеством задач, которые заставляют нас формировать стратегии ответов, выбирать возможные ответы и проверять ответные действия.

Проблеме межполушарной асимметрии и решению когнитивных задач посвящено несколько исследований (Брунер, 1957; Миллер, Галантер и Прибрам, 1960; А. Р. Лурия и Л. С. Цветкова, 1966 и др.), однако сама проблема не изучена достаточно глубоко. В связи с этим:

Целью нашей работы является изучение особенностей решения когнитивных задач в зависимости от профиля латеральной организации (ПЛО).

Объект исследования – стратегии мышления;

Предмет исследования – стратегии мышления при решении когнитивных задач мужчинами и женщинами с различными профилями латеральной организации.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что профиль латеральной организации мозга определяет стратегии мышления при решении когнитивных задач у мужчин и женщин.

Задачи исследования:

1. Изучить и проанализировать литературу по проблеме межполушарной асимметрии, а также по проблеме стратегий мышления при решении когнитивных задач.
2. Провести эмпирическое исследование особенностей стратегий мышления при решении когнитивных задач у мужчин и женщин.
3. На основе полученных в ходе эмпирического исследования данных составить таблицу соответствий профилей латеральной организации и особенностей стратегии мышления при решении когнитивных задач мужчинами и женщинами.

В своей работе мы использовали следующие методы исследования: теоретические (анализ литературы по проблеме исследования), эмпирические (методика «Определение индивидуального ПЛО» Доброхотовой Т.А. и Брагиной Н.Н. (модификация); организованное наблюдение, критериями которого явились: время решения задачи, успешность решения, вербализация условий и рассуждений, использование дополнительных способов визуализации, логичность, число необходимых для решения предъявлений условий, изменение ответа в процессе рассуждения), методы математической обработки (непараметрический критерий достоверности различий U-Вилкоксона-Манна-Уитни, непараметрический критерий для несвязных выборок H-критерий Крускала-Уоллиса, критерий выявления различий в распределении признака– χ^2 -критерий Пирсона, коэффициент корреляции Пирсона).

Для выявления особенностей решения когнитивных задач людьми, имеющими различные ПЛО, нами было проведено эмпирическое исследование, включающее в себя следующие этапы:

Секция «Психология»

1. *Подготовительный.* Данный этап включал в себя подбор и модификацию методики определения ПЛО, разработку когнитивных задач и оценку их трудности, разработку критериев наблюдения для выявления особенностей решения когнитивных задач.

2. *Основной (диагностический).* В ходе реализации данного этапа исследования нами были:

- определены ПЛО испытуемых. Анализ полученных результатов позволил нам разделить исследуемых на 6 групп: испытуемые с доминантным правым полушарием, с доминантным левым полушарием, с преобладающим доминированием правого полушария, с преобладающим доминированием левого полушария, с симметричной доминантностью полушарий, со смешанной доминантностью полушарий. Для получения более полной информации об особенностях межполушарной асимметрии испытуемым также предлагалось ответить на несколько вопросов, касающихся наличия в семье левшей и особенностей ориентировки право-лево. Результаты фиксировались в специальном бланке ответов.

- выявлены особенности решения когнитивных задач мужчинами и женщинами различных возрастных категорий.

3. *Заключительный.* На этом этапе нами были проведены анализ, обсуждение и статистическая обработка полученных данных.

В исследовании принимали участие 139 человек в возрасте 17-46 лет.

Результаты исследования показали, что обнаружены достоверные различия между испытуемыми с различными ПЛО по следующим критериям:

- вербализация рассуждений при решении задачи подаваемой в правый глаз ($p \leq 0,01$)

- вербализация условий при решении задачи подаваемой в левый глаз ($p \leq 0,01$) между испытуемыми с различным ведущим глазом

- вербализация рассуждений и изменение ответа при решении задачи подаваемой в оба уха ($p \leq 0,05$)

- время решения, изменение ответа и успешность решения при решении задачи подаваемой в правое ухо ($p \leq 0,05$) между испытуемыми с различным ведущим ухом

Таким образом, наша гипотеза о том, что профиль латеральной организации мозга определяет стратегии мышления при решении когнитивных задач у мужчин и женщин не подтвердилась. Данные эмпирического исследования показали отсутствие достоверных различий в особенности стратегий мышления при решении когнитивных задач у мужчин и женщин. На основе данных полученных в ходе эмпирического исследования составить таблицу соответствий ПЛО и особенностей стратегии мышления при решении когнитивных задач мужчинами и женщинами невозможно.

Литература:

1. D.H. Weissman and M.G. Woldorff «Hemispheric Asymmetries for Different Components of Global/Local Attention Occur in Distinct Temporo-parietal Loci» *Cerebral Cortex* 2005 15(6) P. 870-876

2. Ефимова И. В. «Амбидекстры: Нейропсихология индивидуальных различий». – СПб.: КАРО, 2007.

3. Лурия А.Р. «Высшие корковые функции человека». – СПб.: Питер, 2008.

4. Реброва Н. П., Чернышева М. П. «Функциональная межполушарная асимметрия мозга человека и психические процессы». – СПб.: Речь, 2004.

5. Спрингер С., Дейч Г. «Левый мозг, правый мозг»: Пер. с англ. – М.: Мир, 1983.

6. Хомская Е.Д. «Нейропсихология: 4-е издание. – СПб.: Питер 2007.

**Эмпирическое исследование ментальной модели
лгущего собеседника у успешных и неуспешных верификаторов лжи
Борков А.Н.**

Психология понимания и распознавания лжи, много лет разрабатываемая на Западе, для российской науки является относительно новой и мало изученной областью исследований. Об этом свидетельствует как удивительно малое количество публикаций, так и отсутствие каких-либо упоминаний о подобных проблемах в фундаментальных трудах по истории и теории отечественной психологии. Причины этого явления очевидны: до перестройки в предельно политизированном советском обществе не могли быть опубликованы результаты научных исследований, которые доказывали, что советский человек может быть неправдивым, нечестным, лживым. Поэтому в нашей науке до сих пор нет ответа даже на самый простой и очевидный вопрос, возникающий у любого, кто обращается к подобной тематике: «Существует ли какое-то различие между психологическим содержанием лжи, неправды и обмана, или это просто синонимы?» Между тем зарубежные ученые давно и плодотворно работают в этой области.

Значительная часть их исследований посвящена детектору лжи: различным теориям его построения и эффективности его применения в различных областях, например, при доказательстве обвинения в суде. Большое внимание западные психологи уделяют также анализу вербальных и невербальных признаков, на которые ориентируется человек, считающий, что партнер по общению лжет. Значительный вклад в исследование психологии порождения, понимания и обнаружения лжи внес Пол Экман.

Ментальная модель – это особая форма эмпирических обобщений, отражающая представления субъекта о ситуации взаимодействия в целом, включающая в себя представления о себе как субъекте (в том числе представления об арсенале средств преобразования), объекте, контексте взаимодействия; отличающаяся изначально слабой вербализуемостью; экономностью (представлена в сознании не более полно, чем требует актуальная ситуация), отражающая не только содержательную характеристику явления, объекта, но и принципы лежащие в его основе, взаимосвязь элементов структуры, а также аффективно окрашенное отношение субъекта к объекту. Следует отметить наличие двух модусов существования модели – актуальной модели (модель ситуации в которой осуществляется взаимодействие) и модели потенциальной (единицы хранения информации).

Ложь – это сознательное искажение известной субъекту истины: она представляет собой осознанный продукт речевой деятельности субъекта, имеющий своей целью ввести в заблуждение собеседника. Ложь у психически здорового, нормально развитого человека, как правило, определяется реальными мотивами и направлена на достижение конкретных целей.

Цель исследования: изучение ментальной модели (ММ) лгущего собеседника у успешных и неуспешных верификаторов лжи.

Задачи:

1. Разработка эмпирического метода выявления эффективных и неэффективных ММ лгущего собеседника; 2. Выявление различий между ММ успешных и неуспешных верификаторов лжи; 3. Выявление и систематизация маркеров лжи; 4. Поиск факторов влияющих на процесс формирования способности распознавать ложь и организацию ММ лгущего собеседника.

Гипотезы:

1. На процесс формирования способности распознавать ложь и организацию ММ лгущего собеседника влияет профессиональный опыт субъекта; 2. ММ успешных и неуспешных верификаторов лжи будут различаться; 3. На успешность распознавания лжи оказывают влияние особенности организации опыта субъекта (особенности строения

Секция «Психология»

ММ) и склонности к манипулированию. 4. Существуют маркеры, позволяющие распознавать.

Методы.

Объект исследования: способность распознавать ложь и ММ лгущего собеседника.

Наше исследование состояло из 6 этапов. Были использованы следующие методики:

1. Авторские:

А) «Свободные описания на тему распознавания лжи»; Б) Методика «Видеоролики»; В) Методика «Незаконченные предложения на тему распознавания лжи»;

2. Стандартизированные: тест В.В. Знакова на выявление склонности к макиавеллизму (Мак-шкала).

Обработка осуществлялась с помощью пакета Statistica 6.0. Применялись критерии Манна-Уитни и критерий ранговой корреляции Спирмена.

В исследовании принимали участие 3 группы специалистов:

1. Психологи – 10 чел. 2. Юристы – 15 чел. 3. Химики-технологи – 13 чел.

Возраст испытуемых: 19-25 лет.

Выводы:

1. На процесс формирования способности распознавать ложь и организацию ММ лгущего собеседника профессиональный опыт субъекта оказывает влияние, в частности наиболее значимыми факторами выступают:

А) Уровень развития профессионального опыта субъекта;

Б) Наличие ярко выраженной профессиональной потребности распознавать ложь;

В) Особенности определения профессиональных задач.

2. ММ успешных и неуспешных верификаторов лжи различаются, в частности можно выделить следующие признаки успешного верификатора лжи:

А) Оптимальный уровень рефлексии объекта анализа в ситуации непосредственного взаимодействия;

Б) Наличие чётко обозначенной потребности распознавать ложь (а не вообще соотносить те или иные поведенческие паттерны с теми или иными психологическими конструктами);

В) Концентрация внимания на значимых признаках лжи;

Г) Высокая степень автоматизированности данного навыка.

Е) Доминирование симультанного процесса обработки информации, значимой при верификации лжи.

3. На процесс формирования способности распознавать ложь и организацию ММ лгущего собеседника наличие склонности к манипулированию влияние не оказывает.

4. Маркеры, позволяющие распознавать ложь существуют.

Когнитивная антропология: предметное поле и перспективы развития

Власова К. В.

Студент

Читинский государственный университет, Чита, Россия

E-mail: vlaskar@mail.ru

Кто мы? Откуда? И где наши корни? Эти простые, но от этого не менее насущные вопросы, интересовали человечество на протяжении всей его истории. И даже сегодня, перешагнув в третье тысячелетие, ученые не могут дать исчерпывающие ответы.

Большинство современных людей могут рассуждать о своем виде (*Homo Sapiens*), оперируя знаниями средне-образовательной школы, такими как биология, естествознание, история и география, но увы, не одна из этих дисциплин не может полностью раскрыть суть поставленных вопросов. Тем не менее, еще в древности интересе к человеку, его месту в мире уделялось особое внимание. Аристотель, впервые употребляя термин «антропология», называет им «то, что говорит о человеке». Таким образом, в среде

Секция «Психология»

древних философов появляется понятие антропологии [греч. anthrōpos «человек» + logos «учение»].

Однако с развитием культуры антропология значительно расширила свои границы и приобрела междисциплинарный характер. Тема нашего исследования – когнитивная антропология – является одной из перспективных направлений развития современного антропологического знания. Ведущий российский этнопсихолог – С. Лурье подробно проанализировала историю развития когнитивной антропологии. Её исследования стали основой нашего осмысления предметного поля и динамики развития психологического направления в антропологии.

Франц Боас, один из основателей современной антропологии, считал, что каждая культура имеет свой уникальный путь развития и может быть понята, как историческое явление. Ещё в 1901, Боас говорил "об изучении человеческого ума" и "бесконечного разнообразия его форм" как "одной из целей антропологии". А в 1904 году, в своей работе «История антропологии», как две основные ветви дисциплины, он рассматривал "психологическую антропологию" и "биологическую антропологию". Основанием "психологической антропологии" Боаса, как и всей его антропологической мысли, - была система эпистемологических (познавательных) и психологических положений.

Итак, когнитивная антропология возникла в середине 1950-х г. как результат изменения определения культуры, наиболее важной концепции культурной антропологии. В то время как раньше на культуру смотрели как на включающую поведение и события в психический мир, то к этому времени она стала определяться более узко как система знания — как внутренняя система, управляющая реальным поведением и наблюдаемыми событиями.

Когнитивная антропология по многим своим подходам близка к психологической антропологии и этнопсихологии. Хотя при подробном рассмотрении предметного поля этих наук обнаруживается ряд отличий.

По определению одного из ведущих антропологов-когнитивистов Роберта Редфильда, картина мира - это ведение мироздания, которое характерно тому или иному этносу, это представление о самих себе. Но когда этнопсихология, предполагает взгляд на культуру со стороны, то в ответ когнитивная антропология, пытается занять место хранителя культуры, она пытается посмотреть на мироздание глазами обывателей. Она пытается понять их жизнь, как они мыслят, как они воспринимают и переживают на опыте, как они ведут себя в той или иной ситуации, их чувства, эмоции. И только «заглянув», в самое сердце народа, можно с полной уверенностью понять и описать мир людей.

Главным объектом, на который направлена исследовательская деятельность когнитивной антропологии - это изучение системы ментальной организации элементов культуры. Это значит, что у каждого народа свой менталитет, свое мышление и свои эмоции.

В настоящее время основными понятиями когнитивной антропологии можно считать схемы, рамки, событийные сценарии.

Наиболее широкое распространения получила теория схем. Согласно ей, теория схем – это теория знаний, их репрезентаций и использования. То есть все знания, хранимые в памяти культуры, упакованы в определенные элементы, которые и называются схемами.

Например, антрополог-когнитивист Р. Д'Андрад, в своей когнитивной схеме связывает культуру и психологию человека, тем самым, проникая в психику человека в процессе его социализации.

Когнитивная антропология, продолжая традицию, заложенную исследованиями “картины мира”, исследует те значения и смыслы, которые члены культуры вкладывают в ее различные элементы, как они видят связи между элементами своей культуры, как понимают окружающий их мир и как организуют свою жизнь в соответствии с этим пониманием. Однако, именно с зарождением когнитивной антропологии, этнологии начинают концентрировать свое внимание на значениях различных предметов и явлений в

Секция «Психология»

разных культурах, все больше увлекаются знаковыми системами и все менее интересуются психологическими проблемами этнологии. С этого момента начинается разрыв между культурологическими и психологическими исследованиями, последствия которого продолжают, сказываться и по сей день.

Таким образом, развитие когнитивной антропологии – закономерный этап научного познания мира. Обращение к законам человеческой психики и преломление этих законов на общественные и этнонациональные институты даст возможность не только проанализировать их современное состояние, но и позволит спрогнозировать динамику развития и предотвращения масштабных конфликтов.

Литература

1. С.В. Лурье. Психологическая антропология: история, сегодняшний день, перспективы / www.svlourie.narod.ru/
2. Боас Ф. Ум первобытного человека. М. - Л., 1926

Понимание логико-грамматических конструкций билингвами: к анализу трудностей обучения при раннем детском двуязычии

Власова Р.М.

студент

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии,
Москва, Россия*

E – mail: rosavlas@gmail.com

Нейропсихологический интерес к двуязычию сводится в основном к исследованию мозговой организации билингвизма, которая сначала изучалась с помощью данных афазий у двуязычных людей, теперь с помощью различных методов нейровизуализации. Полученные данные неоднозначны и противоречивы, очень трудны для систематизации из-за множества факторов, которые влияют на локализацию и функциональную организацию речи (Котик-Фридгутет, 1992, 1998).

Психолингвист Michel Paradis (1990), активно выступающий с критикой исследований подобного толка, призывает нейропсихологов перейти от этой парадигмы исследований к разработке более продуктивных идей относительно проблематики билингвизма. Как писал Л.С. Выготский, при изучении двуязычия необходимо от учета внешних признаков и показателей спуститься к учету внутренней структуры тех процессов, которые непосредственно заинтересованы в речевом развитии ребенка.[2] Подобный взгляд поможет не только приблизиться к пониманию речевого развития ребенка-билингва и мозговой организации речи, но и перейти от исследования к помощи двуязычным детям по преодолению трудностей, с которыми они встречаются при обучении в школе. С учетом интенсификации миграционных процессов в мире, такая постановка проблемы исследования становится как никогда актуальной. Следуя логике Л.С. Выготского, в данном исследовании независимой переменной является не количество языков, которыми владеет индивид, а нейропсихологические предпосылки развития познавательных процессов, в том числе и двуязычной речи.

Средовые факторы и механизмы их влияния на развитие двуязычия и его мозговую организацию многократно описаны в литературе: языковое окружение, время начала и способ изучения второго языка, социально-экономический статус семьи, уровень образования матери (Е. Bialystok, 2005). Внутренние факторы и их механизмы исследованы меньше, среди них - рабочая память и невербальный интеллект (А. Ardila, 2003; Н. Golberg 2006). В рамках данного исследования производится попытка детализации и дополнения картины влияния внутренних факторов двуязычного развития детей, с использованием нейропсихологического подхода разработанного Л.С. Выготским и А.Р. Лурия.

Секция «Психология»

Испытуемые: в экспериментальную группу вошли 11 русско-татарских билингвов (возраст 6,8 – 7,4 лет), учеников первых классов четырех татарских национальных сельских школ Нижегородской области. В контрольную группу вошли 9 учеников первых классов (6,8 – 7,2 лет) из трех русских сельских школ Нижегородской области.

Методика: с испытуемыми было проведено нейропсихологическое обследование. Для количественной и качественной обработки результатов нейропсихологического обследования использовались разработки лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Экспериментальная часть исследования состояла из модифицированной методики понимания логико-грамматических конструкций заимствованной из исследования Ахутиной Т.В.

Результаты: по профилям продуктивности понимания грамматических конструкций были выявлены три стратегии понимания:

Первая - примитивная аналитическая стратегия функционирует на уровне семантического синтаксиса, ребенок при понимании предложения опирается на порядок слов в предложении, для него субъект действия обозначается существительным, стоящим на первом месте и не опирается на грамматические флексии. Данная стратегия продуктивна для понимания активных прямых (далее АП) и пассивных обратных (далее ПО) конструкций, где первое имя и агенс совпадают, для конструкций, где они не совпадают: прямые пассивные (далее ПП) и активные обратные (далее АО) конструкции эта стратегия не продуктивна.

Вторая стратегия – зрелая аналитическая, функционирует на уровне поверхностного синтаксиса, анализ предложения опирается на грамматические флексии. В этом случае продуктивность понимания различных типов предложений соответствует их распространенности в культуре. Для русского и татарского языка успешнее понимаются АП, АО, а затем уже пассивные конструкции (ПП и ПО).

Третья стратегия – дети не анализируют предложение, а дают ответы в случайном порядке. Продуктивность понимания всех типов предложений колеблется в районе 5 правильно понятых предложений (т.е. половина из всех данных, как если бы ребенок просто угадывал правильный ответ).

На основе нейропсихологических индексов и выявленных стратегий понимания логико-грамматических конструкций был проведен дискриминантный анализ данных в каждой группе.

Случайная стратегия встречается только в группе билингвов в пробах, как на русском, так и на татарском языке. Эта стратегия наиболее вероятно встречается у детей с низкими показателями по функциям программирования и контроля и энергетического блока мозга. Аналитическая - зрелая стратегия, чаще всего встречается при высоких показателях функции программирования и контроля, серийной организации, зрительного и зрительно-пространственного гнозиса. Примитивная аналитическая стратегия чаще встречается у детей с низкими показателями функций программирования и контроля и серийной организации.

Отсюда видно, что понимание логико-грамматических конструкций, которые широко встречаются в учебной практике ребенка, затруднено как в группе монолингвов, так и в группе билингвов. Однако только в группе билингвов встречаются случаи угадывания смысла конструкции, причем, как на родном, так и на русском языке. Выявление нейропсихологических предпосылок использования каждой из обнаруженных стратегий понимания логико-грамматических конструкций позволяет перейти от изучения мозговой организации двуязычной речи к направленной нейропсихологической помощи детям-билингвам.

Литература

1. Ахутина Т.В. «Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса»//М., URSS, 2007.
2. Выготский Л.С. «К вопросу о многоязычии в детском возрасте»//Собрание сочинений в 6 т. Т.3, М., Педагогика 1983, с. 329 – 337.
3. E. Bialystok «Bilingualism in development: language, literacy, and cognition». Cambridge university press, 2001.

Когнитивные аспекты интуиции

Вовченко Я.С.

студентка

*Самарский государственный университет, психологический факультет,
Самара, Россия*

E-mail: yanavovchenko@mail.ru

В философии и психологии существует огромное количество инвариативных определений феномена интуиции. Единое понимание данного явления отсутствует.

Первые попытки анализа феномена интуиции были сделаны ещё в античности. Корни философского понимания интуиции усматриваются во взглядах великих философов античности и средневековья – Платона, Аристотеля, Плотина, Августина Аврелия и Фомы Аквинского. В XVII – XVIII вв. феномен интуиции впервые становится предметом специального анализа и рассматривается в связи не с познанием Бога, а с познанием мира, в гносеологическом аспекте. Рационалистическое понимание интуиции предложили Р. Декарт, Б. Спиноза и Г.В. Лейбниц. Рассматривание интуиции как важнейшей составляющей процесса познания и высшей рациональной способности, во многом определило дальнейшее формирование взглядов на проблему интуиции, как в философии, так и в психологии.

Вплоть до XIX века, который обозначил себя становлением психологии как самостоятельной науки, природа и механизмы интуиции являлись предметом философского исследования. С развитием психологии начинается экспериментальное моделирование и изучение интуиции в контексте психологической проблематики. На протяжении нескольких десятилетий интуиция выступала преимущественно как один из результатов исследования мышления (или интеллекта). Такая позиция отражена в идеях А. Бергсона: «Интеллект способен к познанию лишь неживой природы, сущность жизни, собственная душа и внутренний мир другого человека открываются только инстинкту (интуиции)» [Бергсон, 6].

Большой вклад в изучение интуиции сделали отечественные психологи. Активно развивалась психофизиология. Как отмечает С. А. Попова, данное направление в целом создало пространство для поиска внешних, поведенческих коррелятов интуиции и экспериментального анализа её проявлений в контексте различных видов деятельности [Попова, 17]. П.К. Анохин вводит в науку представление об «опережающем отражении действительности», а позднее появляется понятие антиципации и интуиция начинают связывать с антиципирующей функцией психики, прогнозированием. Б.Ф. Ломов в своих работах выделяет пять уровней антиципации [Ломов, 12]. Хотелось бы обратить внимание на один из них: на перцептивный уровень – как предвидение последствий и выбор того поведения, которое наиболее соответствует цели. Данное утверждение позволяет говорить о необходимости предварительного анализа ситуации для интуитивного решения [Пономарёв, 16].

В исследованиях Д.Н. Завалишиной экспериментально проявлено психологическое условие актуализации интуиции – принятие задачи субъектом: задача должна быть принята лично, пережита человеком как противоречие между его возможностями и

Секция «Психология»

требованиями, вызвать состояние незнания и неумения при необходимости решить задачу [Завалишина, 10].

Нами было проведено экспериментальное исследование влияния неосознанно воспринятой информации на интуитивный выбор человека. В эксперименте была использована парадигма прайминга, которая определила неслучайность выбора испытуемого, но сохранила субъективную уверенность в случайности и необоснованности сделанного выбора. Одним из полученных результатов стало обнаружение влияния обратной связи о результате сознательной деятельности на степень восприимчивости к информации, действующей на неосознанном уровне [Вовченко, 8]. Это стало предпосылкой для проведения более подробного исследования роли личностного компонента интуиции.

Можно предположить, что внутренняя неосознаваемая «работа интуиции» запускается личностным переживанием «вызова», обращенного к субъекту требованием задачи либо жизненной ситуации. В экспериментальной ситуации создание некоторого эмоционального напряжения обеспечивается за счёт мотивации испытуемого к решению когнитивной задачи.

Но значит ли это, что интуиция – это ситуативное явление? На наш взгляд говорить о том, что интуиция активируется только в моменты решения каких-либо задач, было бы неверным. Если учитывать существование «механизма неосознанного принятия решения об осознании» [Агафонов, 2], который в свою очередь непрерывен, то можно предположить, что конфликтные ситуации о решении осознания происходят постоянно. Поэтому правомерно было бы рассматривать интуицию, как непрерывный процесс интуитивной работы сознания.

Наш интерес также привлекло диссертационное исследование Е.А. Науменко, в котором был проведён анализ связи интуитивности с обширным списком параметров интеллекта, а также были обнаружены связи интуитивности с показателями различных когнитивных процессов: интеллектуальной активности, целостности восприятия, концентрации внимания и типа мышления [Науменко, 13]. Возможно, корреляция интуитивности и когнитивных процессов может означать не только взаимосвязь, но и их взаимовлияние, а именно, что интуитивная работа влечёт за собой активацию когнитивных процессов, а тренировка внимания, памяти и мышления может способствовать развитию интуиции. Продолжив логику, можно представить новое определение интуиции – как сквозного процесса деятельности сознания, который объединяет все когнитивные процессы для решения определённой эмоционально значимой задачи.

Перспективой развития исследования видится в экспериментальной проверке гипотезы о значении оценочного суждения и эмоций в ситуации принятия интуитивного решения, а также исследования взаимосвязи интуитивности и комплекса когнитивных процессов.

Литература

- 1.Августин Аврелий. Исповедь. Симферополь, 1998.
- 2.Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознании, Бахрах-М, 2007.
- 3.Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975.
- 4.Антология мировой философии. В 4-х т., М., 1969.
- 5.Аристотель. Сочинения. М., 1975.
- 6.Бергсон А. Материя и память. Минск, 1999.
- 7.Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- 8.Вовченко Я.С. Является ли интуитивный выбор случайным? (в печати), 2008.
- 9.Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
- 10.Завалишина Д.Н. Психологический анализ оперативного мышления. М., 1985.
- 11.Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М., 1996.

Секция «Психология»

12. Науменко Е.А. Интуитивность как свойство личности. Автореф. докт. дисс. по психологии. СПб., 2001.
13. Платон. Избранные диалоги. М., 1966.
14. Плотин. Эннеады. Киев, 1995.
15. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М., 1961.
16. Попова С.А. Интуиция в мировой философской и психологической мысли. Автореф. ... канд. дисс. по философии. М., 2005.
17. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
18. Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб., 2002.

Оценка индивидуальных различий развития детей нейропсихологическими методами

Головина О.Е., Воронова М.Н.¹

Аспирант, соискатель факультета психологии

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: golovinaoe@mail.ru, voronova-m@mail.ru

Нейропсихология индивидуальных различий детского возраста является актуальным и все более популярным в настоящее время направлением практической работы и научных исследований. Востребованность нейропсихологии индивидуальных различий со стороны практики связана, с одной стороны, с широкой распространенностью трудностей обучения в младшем школьном возрасте, а с другой стороны, со все большими желаниями и возможностями образовательных учреждений использовать индивидуально-ориентированный подход к образованию учащихся.

Литература данного вопроса содержит указание на неравномерность развития отдельных компонентов высших психических функций, которая обусловлена как индивидуальной генетической программой, так и средой и активностью субъекта в ней (Ахутина, Пылаева, 2008). Разработанный в нейропсихологии системный подход к анализу состояния ВПФ оказывается адекватным инструментом для изучения и понимания индивидуальных различий, с которыми мы сталкиваемся при рассмотрении детей с условно-нормативным развитием.

Невозможно переоценить вклад нейропсихологии в качественный анализ составляющих психической деятельности взрослого и ребенка, однако в последнее время назрела необходимость разработки такого подхода к оценке психического развития в рамках нейропсихологии, который позволял бы сочетать достоинства как качественного, так и количественного подходов. Работа в этом направлении была начата в 90 гг. XX в. Т.В. Ахутиной и сотрудниками лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Была создана *методика нейропсихологической диагностики детей*, являющаяся адаптацией для детей младшего школьного возраста варианта Луриевской батареи тестов (Ахутина и др., 1996; Ахутина, Яблокова, Полонская, 2000; Полонская, 2007). Однако, несмотря на проведенную стандартизацию процедур диагностики и обработки тестовых данных, анализ их применения показал необходимость дальнейшего уточнения и детализации и процедур и параметров нейропсихологического обследования и, главное, унификации способов составления индексов, отражающих состояние нейропсихологических «факторов». Именно этому посвящена наша работа, проведенная под руководством Т.В. Ахутиной.

Для проведения нейропсихологического обследования использовались 28 проб, которые оценивались с помощью около 300 параметров.

В исследовании приняло участие 200 испытуемых – учеников 1-го класса общеобразовательных школ г.Москвы (ГОУ ЦО №654 ЮВАО – 107 человек, ГОУ ЦО 556

¹ Авторы выражают признательность профессору, д.п.н. Ахутиной Т.В. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

ЮАО – 93 человека), которые проходили программу обучения «1-4». Среди них оказалось 107 мальчиков и 93 девочек. Возрастной диапазон первоклассников, принявших участие в исследовании, составил от 6 лет до 7 лет 4 мес.

После завершения этапа сбора эмпирического материала начался этап обработки полученных результатов и составления нейропсихологических индексов. В итоге этой работы были получены семь основных индексов, отражающих состояние функций произвольной регуляции, серийной организации, кинестетической переработки информации, слуховой переработки информации, зрительной переработки информации, зрительно-пространственной переработки информации и нейродинамики. Общим принципом построения индекса стало включение в него параметров, отражающих продуктивность соответствующих проб, а также некий сводный параметр, включающий имеющие общий механизм ошибки, допущенные при выполнении различных проб. Кроме того, были получены индексы, отражающие состояние левополушарных и правополушарных функций переработки информации и интегративный суммарный показатель состояния ВПФ.

Проверялись различные варианты составления индексов. Для каждого индекса подсчитывался показатель коэффициента α Кронбаха, отражающий надежность индекса как шкалы, определены факторные нагрузки, входящих в него компонентов, а также проверена устойчивость полученной факторной структуры на двух независимых выборках. Проведенная статистическая обработка позволила уточнить состав индексов, и таким образом выделить основные параметры, входящие в индексы, и параметры факультативные. Из более 300 параметров в индексы вошло около 100.

С помощью выделенных индексов получены данные, которые отчетливо показывают неравномерность психического развития детей и позволяют выделять в группе первоклассников с условно нормативным развитием индивидуально-типологические варианты развития.

Кроме того, при сравнении двух выборок обнаружены различия в успешности работы отдельных психических функций у детей, относящихся к группам из разных образовательных учреждений, отличающихся по месторасположению, принципу приема в школу, сложности образовательных программ, что укладывается в известные данные о факторе социально-экономического статуса для понимания и прогнозирования развития ребенка.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что разработан достаточно надежный инструмент качественно-количественной оценки в рамках нейропсихологического подхода к диагностике психического развития детей. Учитывая репрезентативность общей выборки, можно говорить о создании предварительных нормативов развития отдельных функциональных звеньев у контингента первоклассников г. Москвы. Работа по созданию нормативов, безусловно, требует дальнейшего накопления данных как в возрастном диапазоне 6-7 лет, так и в других возрастах.

Литература

1. Ахутина Т.В., Игнатъева С.Ю., Максименко М.Ю., Полонская Н.Н., Пылаева Н.М., Яблокова Л.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6-8 лет. // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология, 1996, №2: 51-58.
2. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. – М., 2008.
3. Ахутина Т.В., Яблокова Л.В., Полонская Н.Н. Нейропсихологический анализ индивидуальных различий у детей: параметры оценки / Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий/ Под ред. Е.Д.Хомской и В.А.Москвина. – М., Оренбург, 2000. – с. 132-152.
4. Лурия А.Р. Высшие корковые функции. – М., 2008.

Секция «Психология»

5. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников/ под ред. Ахутиной Т.В., Иншаковой О.Б. – М., 2008.
6. Полонская Н.Н. Нейропсихологическая диагностика детей младшего школьного возраста. – М., 2007.

Направленность на поиск/припоминание информации в структуре саморегуляции познавательной активности

Горюшина Е.А.

Студент

Ярославский государственный университет имени П.Г.Демидова,

Факультет психологии, Ярославль, Россия

E-mail: i-vlad@list.ru

На организацию познавательной активности влияют многие устойчивые личностные особенности. Об этом писали Уиткин (полезависимость — полнезависимость), Колга и Шкуратова (аналитичность — синтетичность) и т.д.

Одной из таких характеристик является направленность на поиск/припоминание информации. В ее основе лежит феномен обратной связи, которая определяет степень использования, усвоения субъектом предоставляемой ему информации, использование ее в практическом обобщении. Те, кто активно использует и запрашивает обратную связь — направленные на поиск информации, а те, кто ее почти не учитывает — направленные на припоминание информации.

Человек, ориентированный на поиск информации, характеризуется следующим: задает много вопросов на уточнение; быстро, спонтанно реагирует на ситуацию; внимателен к деталям; не боится делать ошибки; не склонен к долгим размышлениям, сразу действует; старается понять ситуацию.

Диагностирование данной направленности определяет ее вид, но ничего не сообщает о механизмах ее функционирования. Их понимание возможно через изучение взаимосвязей с другими феноменами психики.

На основе анализа литературы мы предполагаем, что раскрыть особенности ориентации на поиск/припоминание информации поможет ее соотнесение с особенностями регуляторных процессов и свойств личности, некоторых черт личности, направленностью мышления и когнитивными стилями. В соответствии с этим испытуемым были предложены следующие методики:

- 1.«Направленность на поиск/припоминание информации»
- 2."Стиль саморегуляции поведения" (ССП-98) В.И. Моросановой (рассматривались шкалы «Планирование», «Программирование», «Моделирование», «Гибкость»)
- 3.Методика диагностики направленности мышления (практическая — теоретическая) Л.П. Урванцева, Н.В. Володиной
- 4.Тест Кеттела 16 PF (рассматривались факторы М и Q)
- 5.Классификация 30 слов диагностирует узость-широту диапазона эквивалентности.
- 6.Методика синонимов диагностирует узость-широту категорий.
- 7.Методика латентных свойств диагностирует толерантность к нереалистическому опыту.

Выборку составил 71 человек. Возраст испытуемых от 17 до 45 лет.

Рассмотрим некоторые из полученных результатов.

В результате обработки данных по методикам мы получили достоверные различия между группами испытуемых, ориентирующихся на поиск или припоминание информации, по шкалам планирования (показатели выше у ориентирующихся на припоминание информации: $U=93$ на уровне значимости 0,05), гибкости (показатели выше у ориентирующихся на поиск информации: $U=52$ на уровне значимости 0,01) и практичности (показатели выше у ориентирующихся на поиск информации: $U=30$ на уровне значимости 0,01).

Секция «Психология»

Испытуемые, направленные на поиск информации, могут быстро менять программу деятельности в связи с изменениями условий, предвидят развитие ситуации, то есть строят тактические, а не долгосрочные планы. Вероятно, это объясняется тем, что они более внимательны к деталям, через свои вопросы получают больше сведений и поэтому раньше предвидят смену условий. Не боясь делать ошибки, они могут быстро менять план и цели деятельности, если в этом есть необходимость.

Также для них характерна практическая направленность мышления, то есть они экономично и быстро разрешают проблемы, стремясь при этом учесть все элементы ситуации.

Испытуемые, направленные на припоминание информации, наоборот, предпочитают составлять подробные, долгосрочные планы, не меняют их, о чем свидетельствуют высокие баллы по шкале планирования и низкие по шкале гибкости. В связи с этим при изменениях в деятельности, дефиците времени люди с такими особенностями могут быть неэффективными. Прежде чем решать проблему, они стремятся выяснить ее причину, им сложно действовать быстро и воплощать свои замыслы в жизнь, на что указывает низкая выраженность практической направленности мышления.

Также по результатам исследования было обнаружено, что по нескольким параметрам внутри направленности на поиск или припоминание информации данные по выраженности регуляторных процессов и свойств личности и когнитивных стилей могут быть противоположны, например лица с направленностью на поиск или припоминание информации могут характеризоваться как высокими, так и низкими показателями по шкалам «Моделирование» и «Программирование». Это напоминает феномен «расщепления» полюсов по М.А.Холодной. В данном случае расщепление, вероятно, происходит на основе частных стратегий приспособления к ситуации.

Таким образом, вероятно, согласно концепции Дж. Клейна, П. Хольцмана, Р. Гарднера и Г. Шлезингера в зависимости от направленности, стиля саморегуляции, влияющего на выполнение деятельности, и личностных черт (гибкости) формируются когнитивные стили, связанные с особенностями построения актуальной познавательной модели. Эти когнитивные стили определяют работу когнитивных контролей (узость – широта категорий, диапазон эквивалентности, толерантность к нереалистичному опыту и т.д.).

Возможно сочетание направленности на поиск информации, высокоразвитой гибкости, практической направленности и противоположное сочетание направленности на припоминание информации высокоразвитого планирования, теоретической направленности являются одними из видов таких «сборных» когнитивных стилей.

Литература

1. Когнитивная психология. Учебник для вузов/ под. Ред. В.Н.Дружинина, Д.В.Ушакова. – М.: ПЕРСЭ, 2002. 480с.
2. Моросанова В.И. Стиль саморегуляции поведения. М.: "Когито-Центр"
3. Современная психология: Справочное руководство.- М.: ИНФРА- М, 1999. – 688с.
4. Холодная М.А. Когнитивный стиль как квадриполярное измерение // Психологический журнал. – 2000. - № 4. – с. 46-57.

Особенности мышления при решении задач психологического содержания

Гуськова А.В.

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: guskova_anna@mail.ru

Проблема способности к познанию психической сферы другого человека широко освещена в современной психологической литературе (Абульханова, 2002; Андреева,

Секция «Психология»

2005; Социальный интеллект, 2004). Изучаются различные аспекты этой способности, в первую очередь ее когнитивная составляющая (Сергиенко, 2006; Flavell, 2000; Gardner, 1993; Salovey, Mayer, 1990). Мышление, предметом которого является внутренний мир человека, основывается на системе знаний о содержании, строении и закономерностях функционирования психической сферы. Индивидуальные знания могут включать в себя как научные (профессиональные, теоретические), так и обыденные (имплицитные, личностные) знания. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью многостороннего изучения мыслительных процессов, обеспечивающих познание всех аспектов психической реальности другого человека, а также учета условий актуализации различных типов знаний, лежащих в основе этих процессов.

Целью эмпирического исследования было выявление особенностей мышления при решении задач психологического содержания. Объектом исследования выступали процессы мышления, осуществляющие понимание, объяснение, оценку и прогнозирование поведения человека, а также реконструкцию психологических детерминант поведения. Предметом исследования являлись характеристики мышления, объединяющие показатели продуктивности мышления (беглость, гибкость, оригинальность, разработанность и обоснованность ответов) с типом используемых индивидуальных (научных и повседневных) психологических знаний.

Согласно гипотезе исследования существенными факторами, оказывающими влияние на характеристики и конкретные способы решения задач являются: наличие у испытуемого теоретических знаний по психологии, а также практического опыта решения психологических задач в работе с проблемами человека (Романов, 1995; Урванцев, Яковлева, 1996). В соответствии с гипотезой была сформирована выборка испытуемых: студенты II курса психологического факультета МГУ им. Ломоносова, практические психологи с опытом психологического консультирования не менее 1 года, студенты II курса факультета фундаментальной медицины МГУ им. Ломоносова, медицинские работники со стажем работы от 3 до 25 лет (всего 92 человека).

Методический аппарат исследования включал в себя специально разработанную оригинальную систему творческих задач психологического содержания различных типов с разной степенью определенности (конкретности) условий.

На основании результатов проведенного исследования оказалось возможным описать специфику мышления при решении задач психологического содержания разными группами испытуемых. Мыслительные стратегии студентов психологов характеризуются большим по сравнению с другими группами количеством ответов ($U=52$ при $\alpha=0,001$), как стереотипных, так и оригинальных, но неразработанных. Высокая продуктивность в данной группе (преимущественно в задачах на объяснение эмоционального состояния человека) часто осуществляется путем варьирования условий исследуемой ситуации и устранения заданного в ней противоречия. В решениях таких задач проявляется скорее повышенное внимание к деталям ситуации, чем выделение обобщенных характеристик объекта. В задачах на оценку и прогнозирование динамики психической реальности мыслительные стратегии приобретают разноплановый характер, решение осуществляется за счет житейских представлений или поверхностного нереплексивного употребления научных знаний. Решения психологических задач группой практикующих психологов характеризуются как стабильные и сохраняются в разных типах задач. Общее количество ответов снижается, но они становятся более разработанными ($U=76$ при $\alpha=0,003$) и прогностичными ($U=52$ при $\alpha=0,001$). Ответы являются более структурированным, ориентированным на «другого», основанным на устойчивых представлениях о психологических закономерностях, носят профессиональный характер. Решения психологов практиков содержат большой процент ответов с применением научно-психологических знаний, причем такие ответы носят творческий, интерпретативный характер и предполагают глубокое рефлексивное исследование психической реальности.

Стратегии решения задач в группе студентов-медиков характеризуются высокой продуктивностью, разработанностью и оригинальностью ответов. При этом в ответах практически не используются научно-психологические знания, решение осуществляется за счет глубокой ориентировки в задаче, варьирования ее условий для достижения понимания, широкого охвата ситуации, ориентации на примеры из личного опыта. Прогноз развития ситуации не является стабильным компонентом мыслительной стратегии и актуализируется только в прогностических задачах. Ответы медицинских работников, напротив, характеризуются низкой продуктивностью ($U=6$ при $\alpha=0,007$) и оригинальностью ответов, невысокой разработанностью ($U=84$ при $\alpha=0,002$). Прогноз дается только в соответствующих типах задач, предметно-психологические знания практически не применяются. Испытуемые данной группы часто уходят от поставленной задачи, подменяют решение отвлеченными размышлениями или высказыванием собственного мнения на заданную тему.

Таким образом, в группах студентов (как психологов, так и медиков) решение творческих психологических задач осуществляется на высоком теоретическом уровне, структура решений является сходной, за исключением типа знаний обеспечивающих мышление (научные или обыденные). Наибольшие различия в решениях отмечены между группами практикующих психологов и врачей. Психологи воспринимают задачу как профессиональную, наличие реальной практики осмысления психологической действительности становится основой для творческого моделирования психической реальности. Для врачебной практики характерно скорее исключение личностных и психологических особенностей человека, дистанцированность при взаимодействии с ним, и как следствие непринятие задачи, переформулирование ее в непсихологическую. Также важно отметить, что помимо стабильных, характерных для конкретной группы характеристик решения психологических задач выявлены динамические характеристики, которые варьируют в зависимости от типа решаемой задачи.

Литература:

1. Абульханова К.А. Социальное мышление личности.// Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности. М, 2002. с 88-103
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2005
3. Романов К. М. Особенности профессионального мышления будущих психологов //Психологический журнал. 1996. № 4. – С. 14 – 18.
4. Сергиенко Е.А.. Раннее когнитивное развитие. М, 2006.
5. Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. /Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова, М., 2004
6. Урванцев Л. П., Яковлева Н. В. Формирование психологической компетентности врача в процессе обучения в медицинском вузе // Психологический журнал. 1995. №4. С. 98 – 107.
7. Flavell J.H. Development of children's knowledge about the mental world//International Journal of Behavioral Development. 2000.V.24 (1). P 15-23.
8. Gardner H. Multiple intelligence: The theory in practice. N.Y.: Basic Books, 1993.
9. Salovey P., Mayer J.D. Emotional intelligence. Imagination, cognition, and personality. 1990

Действительно ли слепота, вызванная движением, не подвержена влиянию эффекта превосходства слова: новые результаты²

Девятко Д.В.
аспирантка

² Работа поддержана грантом РФФИ № 08-06-00171а.

В последние годы одной из самых популярных тем в области экспериментальных исследований сознания стал феномен слепоты, вызванной движением (далее СВД). Он заключается в том, что яркие и хорошо заметные статичные стимулы время от времени флуктуируют в осознании, будучи наложенными на движущуюся маску, не перекрывающую этих стимулов. Ранее было показано, что целевые стимулы могут подвергаться перцептивной группировке на основе гештальт-принципов, не только когда они присутствуют в сознании, но и когда не осознаются, а их объектные репрезентации могут быть «обновлены» и войти в сознание измененными, даже когда в условиях СВД изменения в зрительном поле не воспринимаются испытуемым (Mitroff, Scholl, 2005). В частности, целевые стимулы СВД, склонные субъективно «исчезать» независимо друг от друга, начинали чаще покидать и возвращаться в сознание одновременно, когда были объединены по какому-либо из гештальт-признаков (Bonneh et al., 2001; Mitroff, Scholl, 2005). В нашем недавнем исследовании (Devyatko, Falikman, 2008) мы попытались проверить, будет ли лексическая группировка приводить к совместным исчезновениям зрительных стимулов в условиях СВД. Иными словами, мы хотели проверить, будет ли при СВД наблюдаться описанный Кеттеллом (Cattell, 1886) «эффект превосходства слова», проявляющийся в увеличении как скорости распознавания отдельных букв в составе слова, так и количества букв, воспринимаемых при кратком одновременном предъявлении. Мы сравнивали динамику СВД, измеряемую как количество и продолжительность исчезновений буквенных стимулов, образующих русское слово, с буквенными стимулами, не образующими слово, и с классическими геометрическими целевыми стимулами. В качестве стимулов нами использовались буквы, образующие слово «кот», буквы «кнт», три одинаковые буквы «о» и три точки. Все стимулы имели одинаковый желтый цвет и размер (0,4°). Они располагались на прямой линии на расстоянии одного градуса выше фиксационного креста в центре экрана. Расстояние между отдельными позициями стимулов составляло 1°.

Нами было показано, что параметры исчезновения отдельных букв, составляющих слово, при предъявлении на фоне движущейся маски не отличаются от параметров исчезновения стандартных стимулов (точек), а также не отличаются от параметров исчезновения буквенных стимулов, не образующих слово. *Таким образом, нами не был получен эффект организации отдельных целевых стимулов в слово.*

Как видно из описания стимуляции, использованной нами в предыдущем исследовании, расстояние между отдельными стимулами (1°) превышало размер самих стимулов (0,4°). Известно, что увеличение интервала между отдельными буквами в стандартной задаче опознания буквы с последующей маскировкой (Reicher, 1969) приводит к уменьшению эффекта превосходства слова (Marchetti, Mewhort, 1986), а у пациентов с односторонним пространственным игнорированием — к полному исчезновению эффекта (Sieroff, 1991). В данном исследовании мы попытались проверить, могло ли использованное нами расстояние между целевыми стимулами разрушить эффект превосходства слова, который чувствителен к указанному параметру. С этой целью мы провели две дополнительные экспериментальные серии, в которых уменьшили расстояние между прежними стимулами с 1° до 0,3° и использовали два условия предъявления: центральное (1° над фиксационным крестом) и латерализованное (в левом верхнем углу экрана: 2° влево и 1° вверх от фиксационного креста).

В результате мы не получили статистически значимых различий между условиями ни по количеству исчезновений, ни по продолжительности исчезновений, ни по количеству синхронных исчезновений.

Несмотря на существенное повышение количества совместных исчезновений трех стимулов во всех перечисленных условиях, свидетельствующее о перцептивной группировке (Mitroff, Scholl, 2005), мы также не нашли статистически значимых различий в характере исчезновений отдельных элементов между условиями. Следовательно, в условиях, способствующих перцептивной группировке отдельных букв, эффекта превосходства слова также не наблюдается.

Литература

1. *Bonneh Y.S., Cooperman A., Sagi D.* Motion-induced blindness in normal observers // *Nature*. 2001, *411*. №6839. P.798-801.
2. *Cattell J.M.* The time it takes to see and name objects // *Mind*. 1886, *11*. P. 63-65.
3. *Devyatko, D., & Falikman, M.* Would letters forming a word survive motion-induced blindness? [Abstract]. *Journal of Vision*, 2008. *8(6)*:1017, 1017a.
4. *Marchetti F.M., Mewhort D.J.K.* On the word-superiority effect // *Psychological Research*. 1986. Vol.48. №1. P.23-35.
5. *Mitroff S.R., Scholl B.J.* Forming and updating object representations without awareness: Evidence from motion-induced blindness. // *Vision Research*. 2005. Vol. 45. No 8. P. 961-967.
6. *Reicher G.M.* Perceptual recognition as a function of meaningfulness of stimulus material // *Journal of Experimental Psychology*. 1969, *81 (2)*. P.275-280.
7. *Sieroff E.* Perception of visual letter strings in a case of left neglect: manipulation of the word form // *Brain & Language*. 1991. Vol.41. №4. P. 565-589.

Влияние психофизиологических и психологических факторов на характер проявления физиологических реакций на ситуационно значимый стимул в процессе скрининга

Дикий И.С.

аспирант

*Южный Федеральный университет, факультет психологии, г. Ростов-на-Дону, Россия
igordik@yandex.ru*

В настоящее время возрос практический интерес психофизиологов, психологов, юристов и работников правоохранительных органов к исследованиям, направленным на изучение методов инструментальной детекции лжи с помощью полиграфа, что отражено в многочисленных работах [Варламов В.А., Варламов Г.В. 2000; Кудряшова Т.Ю., 2003; Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю., 2004; Холодный Ю. И., 1993; Цагарелли Ю.А., 2001]. Актуальность совершенствования методов инструментальной детекции лжи обусловлена интересом как практиков, так и исследователей, пытающихся дать естественнонаучное объяснение и теоретическое обоснование этому феномену [Варламов В.А., Варламов Г.В., 2000; Цагарелли Ю.А., 2001]. Тем не менее, работы, изучающие особенности информативных признаков инструментальной детекции лжи у лиц с различными психофизиологическими и психологическими особенностями, представлены недостаточно широко [Грузьева И.В., 2006].

Целью исследования стало изучение влияния психофизиологических и психологических особенностей обследуемых на характер проявления физиологических реакций на ситуационно значимый стимул в процессе скрининга.

Исследуемую выборку составили операторы телекоммуникационных компаний г. Ростова-на-Дону (в количестве 44 чел.), проходившие скрининговые проверки на полиграфе.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что определенное сочетание психофизиологических и психологических особенностей у обследуемых в процессе скрининговых полиграфных проверок обуславливает

Секция «Психология»

специфичность проявления физиологических реакций на ситуационно значимый стимул и влияет на достоверность информативных признаков инструментальной детекции лжи.

В исследовании использовался профессиональный компьютерный полиграф «ПОЛАРГ-М». Физиологические реакции регистрировались по каналам: дыхания (верхнего/нижнего), плетизмограммы и кожно-гальванической реакции (КГР). Свойства нервной системы изучались при помощи опросника Я. Стреляу; свойства темперамента – при помощи опросника свойств темперамента (ОСТ) В.М. Русалова. Сенсомоторная асимметрия изучалась при помощи методики определения типа ПЛО [Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А, 1988], когнитивный стиль обработки информации изучался при помощи методики «Выбор стороны» [Торренс Е., 1990].

В результате проведённого эмпирического исследования выявлено, что:

1. У обследуемых с правосторонним профилем латеральной организации и левосторонним когнитивным стилем мышления реакция на ситуационно значимый стимул (по сравнению с нейтральным) проявляется в значительном увеличении амплитуды КГР. У обследуемых с левосторонним профилем латеральной организации, а также совмещённым и правосторонним стилями мышления реакция на ситуационно значимый стимул проявляется в значительном увеличении длительности КГР. При этом у обследуемых с правосторонним профилем латеральной организации амплитуда КГР на ситуационно значимый стимул значительно ниже, а длительность значительно больше, чем у обследуемых с левосторонним профилем латеральной организации и амбидекстров.

У обследуемых с выраженным правосторонним профилем латеральной организации (чистых правшей), а также с высоким уровнем подвижности нервной системы характерной особенностью реакции на ситуационно значимый стимул является значительное урежение дыхания.

2. У обследуемых с низким уровнем предметного темпа длительность КГР на ситуационно значимый стимул значительно меньше, чем у обследуемых со средним и высоким уровнем предметного темпа.

У обследуемых с высокой степенью неуравновешенности нервной системы в сторону возбуждения и выраженной эмоциональностью чаще, чем у других, проявляется стабильно-лабильной тип КГР с высокой амплитудой и значительным количеством спонтанных реакций проводимости кожи.

4. У всех обследуемых выраженность социальной эмоциональности положительно взаимосвязана с количеством и амплитудой спонтанных реакций КГР. Выраженность силы по возбуждению положительно взаимосвязана с длительностью КГР на ситуационно значимые стимулы.

5. У всех обследуемых степень различий эмоционально значимых вегетативных реакций на эмоционально значимые и нейтральные стимулы положительно взаимосвязана с выраженностью правостороннего и совмещённого стилей мышления, т.е. взаимосвязана с высокой степенью активации правого полушария и высоким уровнем межполушарного взаимодействия.

Таким образом, характерной особенностью информативных признаков инструментальной детекции лжи у субъектов с правосторонней сенсомоторной асимметрией и левосторонним стилем мышления является урежение дыхания и увеличение амплитуды реакции проводимости кожи, а у субъектов с левосторонней сенсомоторной асимметрией и совмещённым/правосторонним стилями мышления - увеличение длительности реакции проводимости кожи. Особенностью субъектов с дисбалансом нервных процессов в сторону возбуждения и высокой эмоциональностью является значительное количество и высокая амплитуда спонтанных реакций проводимости кожи.

Результаты данного исследования могут быть использованы в профессиональной деятельности полиграфологов при экспертной оценке и анализе полиграмм, при разработке различных моделей скрининговых проверок, учитывающих влияние

Секция «Психология»

индивидуальных психологических и психофизиологических характеристик обследуемых на характер проявления реакций, возникающих в ходе полиграфных проверок.

Литература:

1. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. -2-е изд. – М.: Медицина, 1988. – 240 с.
2. Варламов В.А., Варламов Г.В. Психофизиология полиграфных проверок. – Краснодар, 2000. – 239 с.
3. Грузьева И.В. Формально-динамические и стилевые особенности индивидуальности как факторы вероятности инструментального выявления скрываемой информации : Дис. канд. психол. наук: 19.00.01 - М., 2006.
4. Кудряшова Т.Ю. Психологические основы применения полиграфных устройств в ОВД.//Ежегодник российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25- 28 июня 2003 г.: В 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та., 2003. – Т. 4., С.504-506.
5. Оглоблин С.И., Молчанов Ю.А. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс/ С.И. Оглоблин, А.Ю. Молчанов. – Ярославль: Нюанс, 2004. – 264 с.
6. Торренс Е. Всеобъемлющий мир // OMNI. - V.12, N 10. - July, 1990.
7. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы /Вестник криминалистики, 2005. Вып. 1 (13), С.39–48.
8. Цагарелли Ю.А. Системная детекция лжи. - Казань, 2001.

Теория векторного кодирования в сенсорных системах предсказывает эффективность выполнения задачи зрительного поиска

Едренкин И.В.

Студент

МГУ имени М.В.Ломоносова

e-mail: ilya.edrenkin@gmail.com

Детекция простых признаков объекта в зрительной системе адекватно описывается теорией векторного кодирования Е.Н. Соколова [2]. Более того, показано, что и восприятие сложных признаков объектов может быть представлено как функция интеграции отдельных простых признаков [1]. Данные, на которых основана эта теория, можно условно разделить на три класса: психофизические, нейрофизиологические и формальные (математические). Эти классы данных соответствуют методологической схеме «Человек – Нейрон – Модель», которой мы придерживаемся и в настоящем исследовании.

Проблема, которой посвящено данное исследование – адекватность применения теории векторного кодирования информации в сенсорных системах в задачах зрительного поиска. Зрительный поиск имеет ряд существенных отличий от «пассивного» восприятия. В частности, имеется своего рода «активность» субъекта, его направленность использовать данные восприятия для решения некоторой задачи. Кроме того, факт наличия задачи с объективными критериями ее успешного выполнения позволяет измерять эффективность зрительного поиска.

Показано, что мера различия между целевым стимулом и дистракторами является одним из предикторов успешности зрительного поиска [3]. Различие между стимулами является также важным конструктом в теории векторного кодирования, лежащим в основе соответствующих геометрических моделей. Если теория векторного кодирования адекватна для описания процесса восприятия в задачах зрительного поиска, то она должна эффективно предсказывать успешность зрительного поиска в случаях варьирования различия между целевым стимулом и дистрактором. Конкретная гипотеза такова: эффективность зрительного поиска в задачах на поиск единственного отличающегося

Секция «Психология»

стимула на фоне однородных референтных стимулов является функцией разности углов наклона векторов, кодирующих целевой и референтный стимулы, причем эта функция является монотонно возрастающей. Если данные будут соответствовать этому предположению, можно будет сделать вывод о том, что эффективность зрительного поиска является мерой сходства цели и дистрактора и может быть использована для построения многомерных перцептивных пространств. Если эти пространства будут сферичными и содержать те же оси, что и пространства, полученные методом парных сравнений для аналогичных наборов стимулов, то можно будет сделать вывод о полной адекватности теории векторного кодирования для описания процесса восприятия в задачах зрительного поиска; расхождения, если таковые найдутся, будут содержательными подсказками об изменениях в процессе восприятия при переходе к зрительному поиску от пассивного смотрения.

Стимуляция. Использовались два набора стимулов: 12 полос различной ориентации (от 0° до 180° , шаг 15°) и 15 цветов, взятых случайным образом из цветового круга. Каждая пара стимулов была представлена четырьмя классами стимульных изображений – целевой слева на фоне двух одинаковых дистракторов, целевой справа на фоне двух одинаковых дистракторов и два обратных варианта (первый стимул выступал уже в роли дистрактора, а второй – в роли целевого). Каждая пара стимулов предъявлялась 16 раз (по 4 раза на каждый класс) для сбора статистики по эффективности поиска и времени реакции.

Методика. Стимульные изображения предъявлялись в псевдослучайном порядке на 300 мс, после чего следовал черный фон. После ответа испытуемого предъявление черного фона продолжалось еще 1000-1500 мс. Общее число испытуемых составило 90 человек (65 человек в экспериментах с ориентационными полосками и 25 человек в экспериментах с цветом). Регистрировались следующие показатели: правильность ответа, время реакции, в ряде опытов – вызванный потенциал (эпоха усреднения 1000 мс, полоса пропускания от 0.16 Гц до 30 Гц).

Испытуемому давалась следующая *инструкция*: «Вам будут на короткое время предъявляться тройки стимулов. Один из них – всегда левый или правый, но не центральный – будет отличаться от двух остальных. Ваша задача – как можно быстрее отметить позицию отличающегося стимула. Нажимайте на левую кнопку мыши, если Вам кажется, что отличающийся стимул располагается слева, и на правую, если Вам кажется, что отличающийся стимул располагается справа».

Результаты. Эффективность зрительного поиска (число ошибок и время реакции) оказалась монотонно (логарифмически) связана с субъективным различием между целевым и референтным стимулом. Кроме того, оказалось, что при ошибочных ответах не возникает или слабо выражена волна P300 на ВП; амплитуда правого плеча волны P300 отрицательно коррелирует с временем реакции и вероятностью ошибки на уровне -0,7. С помощью метода многомерного шкалирования были получены субъективные пространства стимулов по показателям эффективности зрительного поиска. Они оказались сферичными (коэффициент вариации менее 10%). Для ориентационных полос пространство оказалось трехмерным (к классическим двум осям 0° - 90° и 45° - 135° добавилась третья полуось, имеющая 0° и 90° на одном конце и 45° и 135° – на противоположном, в зените полусферы). Результаты для цветов находятся в стадии обработки.

Обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о том, что теория векторного кодирования адекватно описывает процесс восприятия в задачах зрительного поиска, на что указывает наличие осей, соответствующих классическим данным, а также сферичность полученных пространств. Вместе с тем, имеется некоторое расхождение – в случае с ориентационными полосками добавляется третья ось. Наше предположение состоит в том, что эта мера «наклоненности» отражает субъективную величину занятой стимулом области пространства, поскольку наклонная полоска воспринимается как

Секция «Психология»

занимающая больше места в зрительном поле, чем горизонтально или вертикально ориентированная. Это подтверждается также асимметрией в показателях зрительного поиска: для одной и той же стимульной пары наклонная полоска ищется на фоне 0° (или 90°) более эффективно, чем в обратной задаче. Таким образом, эффективность зрительного поиска отражает различия между стимулами даже более адекватно, чем задача парных сравнений, поскольку использует для различения все доступные признаки, а не только указанные в инструкции для сравнения.

Выводы.

1. Теория векторного кодирования в сенсорных системах предсказывает эффективность выполнения задачи зрительного поиска.

2. Описанная методика позволяет исследовать такие аспекты процесса восприятия стимулов различной сложности, которые зачастую не могут быть заданы инструкцией в психофизических опытах по субъективному шкалированию.

Литература

1. Измайлов Ч.А., Соколов Е.Н., Едренкин И.В. Интегрирование простых признаков стимула в нейронных сетях зрительной системы // Нейрокомпьютеры: разработка и применение. №5-6, 2008 г.

2. Соколов Е.Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. М.: УМК «Психология»; МПСИ, 2003 г.

3. Avraham, T., Yeshurun, Y., & Lindenbaum, M. (2008). Predicting visual search performance by quantifying stimuli similarities. *Journal of Vision*, 8(4):9, 1-22

Исследование аспектов неосознанного восприятия психосемантики цвета

Иванов А. А.

студент

Самарский Государственный Университет, Самара, Россия

E-mail: arseni-ivanov@yandex.ru

На сегодняшний день, вопрос об особенностях и механизмах работы сознания остаётся открытым. Активно ведётся изучение неосознаваемых детерминант сознания. Огромное количество исследований в этой области показывает, что неосознанно воспринятая информация, в большей или меньшей степени, оказывает влияние на осознанную деятельность человека. В данный момент, распространённой методикой изучения неосознаваемых детерминант сознания в рамках когнитивной психологии является методика прайминга. В ряде исследований, посвящённых изучению прайминг-эффекта, цвет предлагается как основная характеристика объекта, необходимая для сличения со стимулом. Данное исследование поможет ответить на вопросы о том, возможно ли восприятие и обработка семантики цвета на неосознанном уровне, может ли хромосемантика влиять на осознанную деятельность человека и каковы будут сила и направленность этого влияния.

Безусловно, цвет является предметом изучения многих исследований. Зависимость времени опознания цвета, которым напечатано слово, от соответствия семантики слова цвету была обнаружена Дж.Р. Струпом [Stroop, 6]. Так же экспериментально было доказано, что цвет может оказывать интерферирующее воздействие при решении задач [Tipper, Driver, 7]. Таким образом, мы можем говорить о том, что семантика цвета на осознаваемом уровне может подвергаться сложному оперантному воздействию и оказывать влияние на деятельность человека. В исследовании Куделькиной Н.С [Куделькина, 3] использовался перцептивный прайминг, в котором цвет объекта служил одним из критериев валидности прайм-стимула. Это показывает, что на неосознаваемом уровне возможна обработка цвета как перцепта. На основе этого, можно предположить, что психосемантика цвета может обрабатываться на неосознанном уровне и оказывать

Секция «Психология»

специфическое воздействие на последующую сознательную деятельность человека. Понятие сознательная деятельность в данном случае вовсе не отождествляется с деятельностью осознанной по той причине, что последняя является, скорее, результатом неосознаваемой работы сознания. «Общее, что объединяет разнообразные осознаваемые переживания, заключается в инвариантном процессе их порождения: любой осознаваемый эффект есть следствие неосознаваемой деятельности сознания». [Агафонов, 1]

Нами было проведено экспериментальное исследование с использованием научной парадигмы прайминга. Была выдвинута гипотеза о том, что хроматическая семантика подсказки, релевантной стимулу, повышает скорость решения задачи. В исследовании имела место попытка изучения восприятия цвета исключительно как семантического, а не хроматического объекта. Для исследования воздействия хромосемантики на скорость решения задачи были составлены специальные задания. Задание представляло собой квадрат, в котором были расположены 100 букв. Квадрат состоял из 10 рядов по 10 букв в каждом соответственно. Испытуемому давалось задание найти слово, обозначающее цвет. В эксперименте приняло участие 60 человек обоих полов в возрасте от 16 до 19 лет. Выборка по каждой из трёх групп составила 20 человек. В первой группе на испытуемого не оказывалось никакого предварительного воздействия. Ему предъявлялась маска, а затем появлялось задание. Во второй группе испытуемый решал те же задания, но перед маской на короткое время (10 мс.) предъявлялся прайм с изображением слова, напечатанного чёрным цветом. Слово в прайме соответствовало слову, которое было спрятано в дальнейшем задании. В третьей группе испытуемому предъявлялся цветной прайм. Краска, которой было напечатано слово, семантически была ему идентична. В ходе анализа данных эксперимента удалось установить, что существует тенденция к более успешному выполнению заданий в группе, где хромосемантика прайма была релевантна стимулу.

Исходя из результатов проведённого нами исследования, можно говорить о том, что семантика цвета может положительно влиять на эффективность деятельности человека. В связи с этим возникают следующие вопросы: возможна ли интерференция со стороны семантики цвета? семантика слова или цвета в большей степени влияет на скорость решения когнитивной задачи? Экспериментально доказано, что цвет как составляющая многозначной информации воспринимается быстрее, чем слово, [Найссер, 4] поэтому можно сделать предположение о том, что воздействие хромосемантики прайма на скорость решения задачи будет сильнее, чем воздействие семантики слова. В таком случае, интерференция со стороны цвета тоже будет сильнее. Иррелевантное значение прайма, воспринятое и начавшее действовать раньше, чем релевантное может не только максимально осложнить выполнение функции последнего, но и послужить причиной для принятия неосознаваемого решения о том, чтобы «не доверять» этому значению. Разумеется, такое воздействие будет иметь место только тогда, когда человек не будет получать обратной связи. С другой стороны, механизм обработки цветовой семантики оказывается сложнее, чем обработки лингвистической [Агафонов, 2]. Это происходит в связи с тем, что для сличения цвета прайма со стимулом необходимо сначала перевести полученное ощущение (длину цветовой волны) в систему символов (слово). В отношении лингвистической составляющей прайма эта процедура оказывается ненужной. Сличение прайма со стимулом в данном случае – это сличение перцептивного образа с условиями задачи. Таким образом, в процесс переработки неосознанно воспринятой информации включается ещё одна операция.

Для проверки выдвинутых предположений был разработан план экспериментального исследования и определена процедура самого эксперимента. В эксперименте было задействовано три группы испытуемых. Первая группа являлась контрольной, и в ней на испытуемого не оказывается никакого предварительного воздействия. Во второй экспериментальной группе слово, предъявляемое в прайминге, релевантно слову, скрытому в задании, но цвет, которым напечатано слово-прайм, по значению не

Секция «Психология»

соответствует стимулу (например, если в задании спрятано слово «красный», то прайм должен представлять собой слово «красный» напечатанное синим цветом). В третьей экспериментальной группе как прайм предъявляется слово, irrelevantное слову в задании, но напечатанное именно тем цветом, название которого испытуемый должен найти (например, если в задании слово «красный», то в прайминге предъявляется слово «синий» напечатанное красным цветом).

Перспективой данного исследования может послужить раскрытие специфики неосознанного восприятия психосемантики цвета.

Литература:

1. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания или как сознание неосознанно принимает решение об осознании, Самара, 2007.
2. Агафонов А.Ю. Когнитивный смысл и логика порождения осознаваемых переживаний (в печати)
3. Куделькина Н.С. Неосознанное восприятие множественной информации (в печати)
4. Найссер У. Познание и реальность Москва, 1981.
5. Петренко В.Ф. Лекции по психосемантике. Самара: СамГПУ, 1997.
6. Stroop J.R. Studies of interference in serial verbal reactions // J. Exp. Psychol., 1935, v. 18
7. Tipper S.P., Driver J. Negative priming between pictures and word in a selective attention task: Evidence for semantic processing of ignored stimuli // Memory and Cognition. 1988. Vol.16. No1.

Нейропсихологические особенности памяти и успешность обучения детей 7–8 лет Архангельской области³

Казакова Е.В., Жгилева С.Е.⁴

Кандидат биологических наук; студент факультета психологии

Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

e-mail: kaz-elena10@yandex.ru

Актуальность нейропсихологии состоит в том, что эта наука внесла значительный вклад в изучение памяти и успешности обучения младших школьников. Рассмотрению этой проблемы посвящаются многочисленные статьи, специализированные журналы, книги и учебники (Лурия А.Р., 1977, Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., 2002, Хомская Е.Д., 2004, Цветкова Л.С., 2006, Визель Т.Г., 2007, Ахутина Т.В., Пылаева Н.М., 2008).

Проблема мозговой организации мнемических процессов широко обсуждается в научных публикациях последних лет. Обострение интереса к этой проблеме было вызвано накоплением большого числа фактов (Микадзе Ю.В., 1996, Полонская Н.Н., 2007, Ахутина Т.В., 2008). Отмечено, что установление причин неуспеваемости, связанных с индивидуальными особенностями психического развития детей, не является простым. Неуспевающие дети распадаются на группы, в каждой из которых к неуспеваемости приводят различные причины, заставляет поставить вопрос о разработке достаточно надежных и хорошо стандартизированных психологических методов, которые позволили бы прийти к научно обоснованной диагностике причин неуспеваемости различных групп детей (Хомская Е.Д., 2004).

Цель исследования – изучение влияния нейропсихологических особенностей памяти на успешность обучения детей 7–8 лет Архангельской области.

Было обследовано 26 первоклассников 7–8 лет (12 мальчиков и 14 девочек) в школе № 43 района Сульфат г. Архангельска. Обследованные дети психически нормальные, не имеющие каких-либо нервно-психических отклонений. Для исследования была

³ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках РГНФ № 08-06-48609 а/С (2008-2010 гг.), проекта аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала Высшей школы (2009-2010 гг.)» № 2.2.3.3./4704.

⁴ Авторы выражают признательность профессору, д.б.н. Соколовой Л.В. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

предъявлена методика экспресс-диагностики «Лурия–90». Для оценки успешности обучения ребёнка были использованы показатели академической успеваемости (балльные оценки – 1,2,3) по всем основным предметам. Именно такой подход наиболее часто используется в подобных исследованиях (J. Lazar, M. Frank, 1998).

Согласно оценкам учителей обследованные дети были разделены на две группы. Первую группу составили дети, успешно справляющиеся с учебной программой, имеющие положительные отметки по основным предметам (письмо, математика, чтение), а вторую – дети, имеющие трудности в обучении.

Анализ данных, полученных с помощью нейропсихологической методики экспресс-диагностики, показал, что распределяются балльные оценки успевающих и неуспевающих школьников неодинаково. По слуховому, зрительному и суммарному баллам успевающие дети отличаются от детей, испытывающих трудности в обучении. Количественное соотношение обследуемых детей с разной успешностью обучения имеют некоторые особенности (рис. 1).

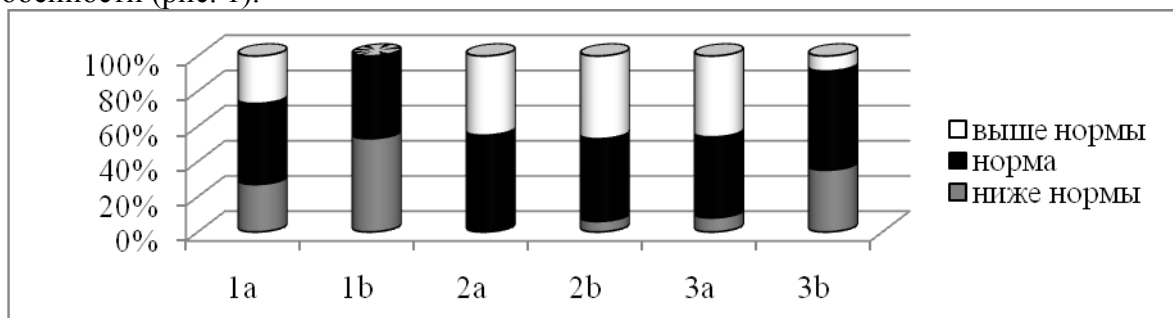

Рис. 1. Количество первоклассников (%) с разным уровнем нейропсихологических показателей памяти в группах: а – дети, успешно справляющиеся с учебной программой, б – дети, имеющие трудности в обучении.

Примечание: 1 – слуховой балл, 2 – зрительный балл, 3 – суммарный балл.

Выявлены корреляционные взаимосвязи нейропсихологических показателей памяти и показатели академической успеваемости детей 7–8 лет Архангельской области (рис. 2).

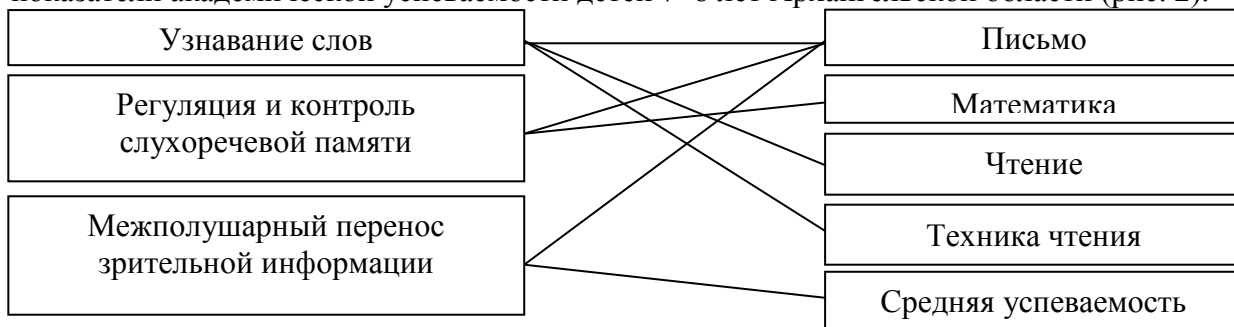

Рис. 2. Корреляционные взаимосвязи некоторых нейропсихологических показателей памяти и показателей академической успеваемости у детей 7–8 лет

Примечание: — достоверность различий при $p < 0,05$.

Наибольшее количество взаимосвязей с успешностью обучения имеют следующие нейропсихологические показатели памяти: узнавание слов, регуляция и контроль слухоречевой памяти, межполушарный перенос зрительной информации.

Большое количество достоверных корреляций подчеркивают зависимость успешности обучения ребенка по всем основным предметам в младших классах от уровня развития некоторых нейропсихологических показателей памяти.

Литература

1. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста / Под ред. Л.С. Цветковой. М.–Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. С. 3–13, 16–17.

Секция «Психология»

2. Ахутина Т.В. Коррекционное обучение как объект когнитивной нейронауки // Тез. докл. Третьей Международной конференции по когнитивной науке. Т.1. М.: Художественно-издательский центр, 2008. С. 188–189.
3. Ахутина Т.В., Игнатъева С.Ю., Максименко М.Ю., Полонская Н.Н., Пылаева Н.М., Яблокова Л.В. Методы нейропсихологического обследования детей 6–8 лет / Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 1996. № 2. С. 51–58.
4. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер. 2008. 320 с.
5. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии. М.: АСТ: Транзиткнига, 2006. С. 8, 15–18, 40–42.
6. Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: Педагогическое общество России, 2001. С. 73–102.
7. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 3–5, 276, 324–325.
8. Микадзе Ю.В. Дифференциальная нейропсихология детского возраста // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 111–119.
9. Микадзе Ю.В. Нейропсихологическая диагностика способности к обучению // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 1996. № 2. С. 46–50.
10. Симерницкая Э.Г. Нейропсихологическая методика экспресс-диагностики «Лурия–90». М.: «Знание» РСФСР, 1991. 48 с.
11. Хрестоматия по нейропсихологии / Отв. ред. Хомская Е.Д. М.: Институт общегуманитарных исследований, Московский психолого-социальный институт, 2004. 896 с.
12. Цветкова Л.С. Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. С. 11–23.

Векторная психофизиологическая модель кодирования двумерных фигур из теста

К. Мангины

Кисельников А.А.

Младший научный сотрудник

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: kiselnikov@mail.ru

Проблема психофизиологических механизмов обучения является одной из важных проблем психологии и когнитивных нейронаук. В рамках этой проблемы одной из актуальных задач является поиск механизмов улучшения специфических аналитических способностей в зрительной модальности. Известный канадский психофизиолог К. Мангина в своем более чем 25-летнем цикле работ (Mangina, Sokolov, 2006) исследовал «специфически аналитическое зрительное восприятие» (analytical-specific visual perception), качественно-количественные параметры которого диагностируются с помощью теста К. Мангины (Mangina Diagnostic Tool of Visual Perception, см. Mangina, 1998). Этот тест представляет из себя набор из 44 пар геометрических фигур, причем первая фигура в каждой паре является элементом более сложной второй фигуры. Первыми (целевыми) фигурами служат многоугольники разной формы, ориентации и размера, а также геометрические формы с закругляющимися элементами. Испытуемому за определенное время требуется опознать простую (целевую) фигуру внутри сложной. Практическое применение этого теста в школе показало, что он позволяет количественно диагностировать трудности обучения у школьников разных классов. На базе этого теста К. Мангиной была разработана эффективная процедура психофизиологической коррекции, в ходе которой дети тренируют способность к зрительному анализу на фоне манипулирования их КГР, чем достигается оптимальное для обучения функциональное

состояние. Использование этой процедуры, опирающейся на механизмы пластичности мозга, ведет к существенному улучшению аналитической характеристики зрения, а также к повышению обучаемости детей по различным предметам (математика, чтение, письмо). Для изучения конкретных механизмов этой ассоциированной с процедурой К. Мангины пластичности может быть эффективно применена векторная психофизиология – теория векторного кодирования информации в нейронных сетях (Соколов, 2003).

Данное сообщение представляет собой результаты первого этапа российско-канадского проекта по изучению механизмов тренировки зрительно-аналитической способности. На этом этапе исследования методом многомерного шкалирования было построено пространство различения стимулов-фигур из теста Мангины. В качестве стимулов были взяты 34 графические формы, представляющие из себя уравненные по размеру целевые фигуры из теста К. Мангины. Предъявления пар сравниваемых фигур производились в случайном порядке на экране монитора компьютерной установки. Испытуемый оценивал воспринимаемое различие между фигурами по шкале от 1 (минимальное различие) до 9 (максимальное различие). Испытуемыми выступили 14 взрослых мужчин и женщин. Общую усредненную матрицу попарных различий обработали методом неметрического многомерного шкалирования. Было показано, что оптимальным решением является психофизическое пространство с 6 осями, причем параметр «стресс» в таком случае уменьшается до 0.062, а параметр «корреляция исходной матрицы субъективных различий с воспроизведенной в модели матрицей расстояний» увеличивается до 0.957. Полученная шестимерная конфигурация была проверена на сферичность, что дало коэффициент отклонения от сферичности всего в 0.113 (максимальным пороговым значением для принятия решения о степени сферичности конфигурации является величина 0.10-0.15). После 6-ой оси уменьшение показателя «стресса» выходит на плато и исследовать пространства большей размерности не имеет смысла. Это говорит о том, что множество из 34 стимулов образует когнитивную гиперсферу в шестимерном Евклидовом пространстве, т.е. длины радиус-векторов каждого стимула (выходящих из начала координат), характеризуются низкой дисперсией. Для содержательной интерпретации осей полученной конфигурации была проведена стандартная процедура вращения осей. Оказалось, что одна пара осей отражает механизм кодирования размера двумерных фигур-стимулов, другая пара осей отражает механизм кодирования количества углов, третья пара осей отражает механизм кодирования ориентации стимулов.

В результате оказалось возможным разложить общее шестимерное пространство на три частных двумерных подпространства (размера, количества углов и ориентации). Интерпретируя эти данные, можно сравнить эти двумерные подпространства с полученными ранее в работах ученых психофизиологической школы Е.Н. Соколова двухканальными модулями кодирования конфигуративных признаков (Измайлов и др., 2004). В терминах векторной психофизиологии каждый из каналов в этих модулях представлен нейроном-преддетектором, активируемым со стороны зрительных рецепторов. Два нейрона-преддетектора каждого модуля конвергируют на нейроне-детекторе, селективно настроенном на определенное значение размера (первый модуль), числа углов (второй модуль) или ориентации (третий модуль). В случае одновременного анализа по размеру, числу углов и ориентации (как это происходит в случае зрительного восприятия фигур из теста К. Мангины) активируется нейрон более высокого уровня – гностический нейрон, на котором конвергируют все шесть нейронов преддетекторов (представляющие шесть осей полученного психофизического пространства). Этот гностический нейрон (популяция которых расположена на шестимерной гиперсфере в когнитивном пространстве) тормозит реакцию трех нижележащих нейронов-детекторов и оказывается селективно настроенным на определенное сочетание значений параметров размера, количества углов и ориентации. Сила реакции этого нейрона равна скалярному произведению шестимерного (от каждого преддетектора) вектора пресинаптических связей и шестимерного (по числу соответствующих синапсов) вектора синаптических весов.

Секция «Психология»

Реакция гностического нейрона оказывается максимальной тогда, когда вектор пресинаптических связей (отражающий специфичность стимула) и вектор синаптических весов (отражающий специфичную настройку гностического нейрона) совпадают по направлению, т.е. когда их скалярное произведение максимально.

На следующем этапе исследования будет получено «кортикальное» пространство по данным амплитуд вызванных потенциалов различения, регистрируемых в зрительной коре в ответ на мгновенную замену. Это позволит верифицировать предложенную психофизиологическую векторную модель кодирования двумерных форм из теста К. Мангины. Такая психофизиологическая векторная модель может быть инструментом лонгитюдного изучения изменений зрительно-аналитических способностей в результате тренинга по процедуре К. Мангины. Ожидается, что в ходе такого тренинга произойдет расширение когнитивного пространства восприятия двумерных форм под влиянием пластических перестроек в зрительной системе. Таким образом, реализуемый проект позволит продвинуться в понимании общих механизмов пластичности мозга в процессах обучения и сделать конкретные выводы о психофизиологических механизмах влияния обучения в зрительной модальности по процедуре К. Мангины на общие способности к обучению.

Литература

1. Измайлов Ч.А., Коршунова С.Г., Соколов Е.Н., Чудина Ю.А. Геометрическая модель различения ориентаций линии, основанная на субъективных оценках и зрительных вызванных потенциалах // Журнал высшей нервной деятельности, 2004, том 54, № 2, с. 237-249.
2. Соколов Е.Н. Восприятие и условный рефлекс: новый взгляд. – М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2003.
3. Mangina C.A., 1998. Manual for the Mangina Diagnostic Tool of Visual Perception: For Diagnosing Specific Perceptual Learning Abilities and Disabilities, Third edition, Revised and Expanded. Lawrence Erlbaum Publishers, New Jersey, U.S.A.
4. Mangina C.A., Sokolov E.N. Neuronal plasticity in memory and learning abilities: theoretical position and selective review // International journal of psychophysiology, 2006, Volume 60, Issue 3, p. 203-14.

Неосознаваемый семантический прайминг как инструмент исследования процесса решения задачи категоризации⁵

Койфман А.Я.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: skoyfman@yandex.ru

В последние десятилетия в зарубежной когнитивной психологии, а с недавнего времени и в российских научных лабораториях активно исследуется феномен, получивший название «прайминг-эффект». В самом общем виде прайминг-эффект – это либо (а) изменение скорости или точности решения задачи (перцептивной, мыслительной или мнемической), наблюдаемое после предъявления информации, связанной с содержанием или с контекстом этой задачи, но не соотносящейся прямо с ее целью и требованиями, либо (б) повышение вероятности спонтанного воспроизведения этой информации в подходящих условиях. Поскольку прайминг, вне зависимости от намерений человека, может повлиять на решение задачи как положительно, так и отрицательно, этот феномен относят к классу непроизвольных и неосознаваемых влияний на решение задач [Фаликман, Койфман, 2005, №3, стр.87]. Процедура получения этого эффекта, прайминг, так же широко используется для изучения различных познавательных процессов.

⁵ Исследование поддержано грантом РФФИ № 08-06-00171-а.

Секция «Психология»

Одной из задач, ежедневно решаемых человеком, является категоризация [Брунер, 1999; Лакофф, 1996]. Исследование процесса категоризации с помощью прайминга позволит расширить наши знания о представленности различных категорий в системе семантической памяти и их функционирования при решении различных задач.

Можно предположить, что основные этапы решения задачи категоризации представляют собой последовательность процессов опознания объекта, отнесения его к категории и, наконец, принятия решения или реализации ответа. При этом отдельные этапы как опознания, так и отнесения к категории могут протекать на неосознаваемом уровне таким образом, что в сознание попадает только результат обработки данных (здесь можно говорить, прежде всего, о восходящей переработке [Фаликман, Печенкова, 2004]). Процессы переработки данных, не связанные с осознанием описываются в терминах активации репрезентаций, соответствующих объекту и категории, в семантической памяти. В когнитивной психологии давно укрепилось представление о семантической памяти как семантической сети взаимосвязанных и иерархически упорядоченных элементов, которое легло в основу большинства моделей семантического прайминга, включая наиболее распространенную в настоящее время модель распространяющейся активации [см. например, Величковский, 2006; Plaut, Booth, 2000]. Так, репрезентация отдельного объекта в сети может быть связана с репрезентациями сходных по какому-либо признаку объектов, в том числе категории, к которой данный объект относится [Норман, 1985]. Поскольку любой объект может одновременно относиться к разным категориям, то есть активировать одновременно несколько репрезентаций, сознательный выбор некоторой категории должен определяться контекстом, включая требования задачи категоризации и опираться на такую досознательную переработку.

Однако возможно, что выбор нужной категории осуществляется еще до этапа осознания, в таком случае, если мы получаем прайминг-эффект разной силы при использовании праймов, соответствующих критерию категоризации, и праймов, не соответствующих критерию, но связанных с категоризируемым объектом, можно утверждать, что фактор задачи влияет на неосознаваемые этапы категоризации. То есть возможны нисходящие влияния на автоматический процесс, каким представляется распространение активации по семантической сети.

Отсюда, основная гипотеза эксперимента: неосознаваемый прайминг категориями, не заданными в инструкции, меньше прайминга заданными категориями.

Процедура неосознаваемого семантического прайминга заключается в следующем: предъявлению каждого целевого объекта, в отношении которого решается некоторая задача, предшествует предъявление объекта-прайма, связанного с целевым объектом семантически (по смыслу), но не доступного сознательному восприятию и опознанию. Как правило, для исключения возможности опознания прайм предъявляется на пороговом уровне восприятия и маскируется предшествующим и последующим маскировочными стимулами – так называемый прайминг с маскировкой. Таким образом, прайминг является семантическим по типу связи прайма и целевого объекта и неосознаваемым – по способу предъявления прайма.

В данном исследовании мы используем в качестве объектов четыре группы слов, которые могут быть объединены попарно по двум основаниям («животное»-«птица» и «маленькое»-«большое»), и сопоставляем эффективность праймирования этих слов названиями категорий в зависимости от критерия, задаваемого инструкцией. Названия категорий, в которые объединяются слова согласно выделенным основаниям, составляют четыре слова-прайма. Прайм для контрольного условия составляется из букв, входящих в состав слов-праймов, таким образом, чтобы получалось псевдослово (набор букв, который в принципе может быть прочитан, но не имеет значения в языке, например, «пожиное»). Такой контроль обладает несколькими преимуществами. Во-первых, псевдослово орфографически сходно с остальными праймами, поэтому его перцептивное воздействие сходно с воздействием других праймов и не выступает в качестве побочного фактора. Во-

Секция «Психология»

вторых, псевдослово не может оказать никакого праймирующего влияния на семантическом уровне опознания целевых слов, поскольку не имеет собственной репрезентации в семантической сети и, соответственно, никаких, даже потенциальных связей, с целевыми словами.

В качестве показателя прайминг-эффекта используется разница во времени реакции испытуемого в пробах с праймами-словами и контрольным условием. То есть активация праймом названия категории ответа делает данный элемент сети более доступным для осознания за счет снижения необходимой для этого доли дополнительной активации.

Литература

1. Брунер Дж. О перцептивной готовности. // Психология ощущений и восприятия. 2-е изд. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова и М.Б. Михалевской. М.: ЧеРо, 1999. С.164-181.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006.
3. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование. Из книги: Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. The University of Chicago Press, 1987, pp. 5-15, 39-48, 56-57. По кн.: Язык и интеллект. Под ред. МЛ. Обориной. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 416 с. стр. 142-182.
4. Норман Д. Память и научение. / Пер. под ред. П.В. Симонова. М.: Мир, 1985.
5. Фаликман М.В., Койфман А.Я. Виды прайминг-эффектов в исследованиях восприятия и перцептивного внимания. Вестн. Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2005, №3, с. 86-97, №4, с. 81-90.
6. Фаликман М.В., Печенкова Е.В. Стратегическая регуляция решения перцептивной задачи как класс нисходящих влияний на процесс построения перцептивного образа. Сборник тезисов 1й конференции по когнитивной науке, Казань, 2004, стр. 237-239
7. Plaut D.C., Booth J.R. Individual and developmental differences in semantic priming: Empirical and computational support for a single-mechanism account of lexical processing. // Psychological Review. 2000. Vol.107. P.786-823.

Особенности мыслительного процесса при решении орудийных задач

Коровкин С. Ю.

Ассистент кафедры общей психологии

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ф-т психологии,
Ярославль, Россия.*

E-mail: korovkin_su@list.ru

В классических исследованиях, посвященных исследованиям мышления при решении орудийных задач, авторами изучались особенности мыслительного процесса в ходе орудийной деятельности у антропоидов, детей, умственно отсталых и нормальных людей (Дункер, 1965; Кёлер, 1930; Секей, 1965; Lipman, Bogen, 1923). В ходе подобных исследований была выявлена способность маленьких детей и антропоидов решать задачи на приближение к себе связанных предметов, использовать предметы в качестве орудия (медиатора), а также способность к созданию новых орудий и много других интересных особенностей. В работах К. Дункера (Дункер, 1965) и Л. Секея (Секей, 1965) были выявлены особенности нахождения функционального решения, а также функциональной фиксированности предметов включенных в решение задачи. Однако исследования строились на принципе наличия или отсутствия способности решать ту или иную задачу испытуемыми. Иначе, исследования орудийной деятельности были посвящены, в первую очередь, изучению интеллектуальных способностей, а не процесса мышления. Кроме того, данные задачи в их классическом виде практически трудно применимы к изучению мышления взрослого здорового человека сразу по нескольким параметрам. Во-первых,

Секция «Психология»

испытуемый сразу же решает задачу, при этом латентный период её решения сокращается до минимума. Во-вторых, для взрослого человека нетипично решать практические задачи типа «применить данное средство в конкретной ситуации» (Кёлер, 1930), а также «выбрать средство с неопределенными функциями» (Lipman, Bogen, 1923).

В основе нашего исследования лежит предположение о том, что любая задача, встречающаяся в опыте субъекта (причем, как в учебной, так и практической деятельности), предполагает наличие функционального комплекса её решения (Коровкин, 2007). Это связано с тем фактом, что решение задачи во многом зависит от средств решения, а при этом средства непосредственно связаны с функциями. Инструментальные задачи обладают свернутостью в силу того, что для большинства ситуаций существуют социально закрепленные средства и способы решения задач. Другими словами, субъект, сталкивающийся с новой задачей, уже знает – как её решать. В качестве теоретической модели исследования использовалась модель проблемной ситуации как взаимодействующей системы (Корнилов, 2000).

Центральная гипотеза исследования формулируется следующим образом: наличие функционального комплекса определяет ход решения задачи. Для проверки исследовательской гипотезы было проведено исследование, основанное на методе мышления вслух. В пилотажном исследовании приняли участие 29 человек в возрасте от 18 до 24 лет. В отличие от классических орудийных задач, испытуемому предъявлялся набор карточек из 40 предметов кухонной утвари (ложка, молоток для мяса, штопор, трехлитровая банка и т.п.), каждый предмет в единственном экземпляре. Испытуемому давалось предварительное задание: «Разложите карточки для Вашего удобства. Вы будете решать задачи с использованием предметов указанных в карточках». Далее фиксировался способ размещения карточек на столе, в частности фиксировался факт классификации или неупорядоченного расположения карточек. В случае, если испытуемый упорядочил карточки, ему давалось задание дать название группам, в которые предметы были объединены.

Набор предметов использовался в качестве объективно ограниченного арсенала средств для решения типичных задач, не решаемых напрямую с помощью предъявленных инструментов. Таких задач было десять: «написать записку», «забивать гвоздь», «отпереть дверь», «делать прическу», «доказывать правоту», «сажать дерево», «ловить бабочек», «играть в теннис», «чистить ботинки», «спасать утопающих». Все вербальные проявления испытуемого фиксировались в протоколе для дальнейшего качественно-количественного анализа. Решение задачи осуществлялось до тех пор, пока испытуемый не исчерпывал все, на его взгляд, возможные решения.

Для анализа результатов была разработана методика контент-анализа протоколов, которая состоит в подсчете утверждений испытуемого в каждой из ситуаций по отнесенности к основным элементам взаимодействующей системы: субъект, объект, условия, инструмент, действие, нормы.

По результатам исследования было выделено влияние фактора ситуации на вариативность содержания решения орудийных задач. Это в свою очередь ставит проблему способа влияния задачи на ход решения. В данном исследовании получены данные, позволяющие предложить такой механизм как «принятие задачи». В частности, этот вывод подтверждают данные о связи содержания решения с особенностями организации опыта субъекта мышления.

Литература

1. Дункер К. (1965) Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Изд-во «Прогресс». С. 86-234.
2. Кёлер В. (1930) Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.
3. Корнилов Ю.К. (2000) Психология практического мышления. Монография. Ярославль.

Секция «Психология»

4. Коровкин С.Ю. (2007) Практическое мышление в аспекте способов преобразования объекта: возможности измерения // Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты: монография / Кол. авт.; под ред. А.В. Карпова и Ю.К. Корнилова; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ.
5. Секей Л. (1965) Продуктивные процессы в обучении и мышлении // Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Изд-во «Прогресс». С. 366-387.
6. Lipman O., Bogen H. (1923) Naive Physik. Leipzig.

Психологический анализ лексической межъязыковой лакунарности

Крайчинская Я.В.

студентки

Нижевартовский государственный гуманитарный университет,

гуманитарный факультет, Нижевартовск, Россия

E-mail: finka15-16@mail.ru

Широкий лексический запас и навыки его использования в конкретных речевых ситуациях являются залогом успешного овладения иностранным языком. Усвоение языкового материала основано на работе общего механизма мыслительно-мнемонической деятельности, включающей разного вида запоминание.

Запоминание в психологии понимается как обобщенное название процессов, обеспечивающих удержание материала в памяти, является важнейшим условием последующего восстановления вновь приобретенных знаний. Широко известно, что произвольное запоминание, при котором происходит намеренное использование специальных средств для лучшего сохранения материала в памяти, эффективней непроизвольного. Однако успешность произвольного запоминания различна. Экспериментально доказано, что осмысленное запоминание, основанное на активной умственной деятельности, логической переработке, обобщении, систематизации материала, обеспечивает более прочное его усвоение.

В своем исследовании мы предположили, что факторы, влияющие на эффективность запоминания - это не только используемые мнемические стратегии, но и характер самого лексического материала. Гипотеза нашей работы заключается в том, что при изучении иностранных языков лексическая межъязыковая лакунарность (или безэквивалентная лексика по определению Г.В. Шаткова) запоминается прочнее лексики, имеющей соответствия в родном языке. Феномен отсутствия необходимой когнитивной модели/схемы/структуры, т.е. отсутствие какой-либо лексической единицы в одном языке при наличии её в другом, называется лексической межъязыковой лакунарностью. В качестве примера данного феномена может выступить наличие в английском языке понятий *sibling* – брат или сестра; потомство одних родителей при отсутствии их в русском. Согласно закономерности, выявленной Б.В.Зейгарник, эффективность запоминания материала зависит от степени и формы завершения действия («эффект Зейгарник»). А именно, лучше запоминается та информация, которая связана с оставшимся незаконченным действием. В рамках левиновской школы данный феномен имеет следующее объяснение: «доступ к следам памяти облегчается при сохранении той напряженности, которая возникает в начале действия, но не разряжается при незаконченном действии».

Значительное количество исследований показало необходимость рассмотрения процессов памяти не изолированно, а во взаимосвязи с мышлением. Так, Е.Ф. Иванова отмечает, что их взаимосвязь может осуществляться на всех структурных уровнях деятельности - на уровне самой деятельности, действий, операций. На уровне деятельности эта взаимосвязь может проявляться в смене мотивов деятельности (познавательного на репродуктивный или наоборот), на уровне действий - в трансформации целей (мыслительной на мнемическую и наоборот) и на уровне операций - в переходе от мыслительных операций (анализа содержания) к мнемическим (анализу

Секция «Психология»

формы материала). В контексте нашего практического исследования это обозначает смену мотивов деятельности (от ознакомления с неизвестными словами к их воспроизведению), трансформация целей выражена в переходе от осмысливания слов и их значений к непосредственному их запоминанию, на уровне операций происходит переход от восприятия самого лексического значения слова к восприятию его графического представления.

Мы предположили, что при работе с безэквивалентной лексикой возникают затруднения на третьем уровне – уровне операций. При восприятии у воспринимающего не формируется четкого образа таких понятий. Также затруднен корректный перевод подобной лексики на русский язык. Все вышеперечисленное позволяет нам считать это незаконченным действием. «Завершенным действием», в свою очередь, является восприятие и воспроизведение лексики, имеющей соответствие в русском языке слова, дающей четкий образ значения слова и возможность корректного перевода.

Возникла необходимость в проведении исследования, в котором произвольное механическое и осмысленное запоминание осуществлялись бы на неоднородном лексическом материале. Исследование охватило студентов первого и второго курса отделения иностранных языков. Общая численность выборки составила 27 человек. Работа студентов с безэквивалентной лексикой осуществлялась поэтапно: ознакомление с неизвестной ранее лексикой и последующая работа с ней. Первый этап подразумевает восприятие и последующее запоминание безэквивалентных единиц; второй – воспроизведение полученных значений на языке перевода.

Согласно результатам исследования, количество правильно воспроизведенных слов, не имеющих эквивалента в русском языке, на 18,4% превышает те же данные по эквивалентной лексике. Количество оставленных без ответа лакун на 22% меньше тех же показателей для слов, обладающих эквивалентами.

Ошибки, допущенные при переводе слов-лакун, могут быть объяснены трудностями, возникшими при ее переводе, так как неверными считались те ответы, в которых испытуемые при переводе утратили один или несколько компонентов лексического значения. Это привело к утере целостного смысла. В качестве причин, объясняющих затруднения студентов при переводе лексических лакун выступают также созвучность слов-лакун, являющихся новыми для студента, с уже изученной лексикой; абстрактность понятий; неспособность кратко передать значение слов-лакун на русском языке.

Таким образом, проведя исследование особенностей запоминания безэквивалентной лексики и лексики, имеющей эквиваленты, мы получили результаты, подтверждающие заявленную нами гипотезу. Стоит отметить, что запоминание лексики было рассмотрено нами не как чисто психологический феномен, а как процесс, обусловленный и лингвистическими факторами. Цель дальнейших исследований в данной области – определить, какие характеристики лексического материала способствуют его запоминанию и какие семантические, фонетические и морфологические факторы актуализируются в данном процессе, и в зависимости от особенностей лексики разработать техники запоминания.

«Исследование взаимосвязи характеристик отдельных компонентов мелодии и их эмоциональной оценки слушателем»

Лобанова Е.Н.

студент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, факультет психологии, г. Ярославль, Россия

E-mail: alenka.lobanova@mail.ru

Как в классических работах (А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов и др.) так и в современных исследованиях (Е.А. Лупенко, И.А. Дергаева и др.) отмечается эмоциогенность мелодии.

Секция «Психология»

Как известно, мелодия имеет сложную структуру, в силу этого является проблематичным понимание механизмов её эмоциогенного воздействия. Одними из таких механизмов могут являться элементарные характеристики мелодии: звуковысотное расположение, ритмический рисунок, тембр, гармоничность и другие. В нашей работе мы рассмотрели взаимосвязь с эмоциями трех таких характеристик. Таким образом получилось 3 независимых переменных: звуковысотное расположение, структура и гармоничность – дисгармоничность музыкальных единиц. Зависимых переменных в исследовании было две: оценка музыкального элемента по семантическому дифференциалу и выбор фотографий.

В связи с этим определим цель данной работы: исследовать особенности взаимосвязи некоторых характеристик музыкального стимула и его эмоциональной оценки.

В работе мы использовали метод семантического дифференциала. Наше шкалирование, в отличие от метода Ч. Осгуда, обладает следующими особенностями:

- мы использовали прямое шкалирование (в качестве шкал использовались базовые эмоции, выделенные К. Изардом).
- в СД использованы униполярные шкалы, так как это более надёжное измерение в сравнении с биполярными шкалами, которые навязывают определённый конструкт испытуемым.
- так же наш СД был дополнен шкалами, построенными на основе классификации эмоций Б.И. Додонова.

Ряд авторов показывает, что мы можем распознавать эмоции с помощью мимического выражения. Мы решили воспользоваться этими данными для создания своего метода.

В качестве стимульного материала для косвенной оценки музыкальных элементов, нами были использованы фотографии с мимическим изображением эмоций.

В ходе исследования было опрошено 20 испытуемых (возраст 20-25 лет). В качестве стимульного материала нами были выбраны 22 музыкальных интервала, которые были расположены в 3 различных октавах.

Таким образом, нами было выбрано 22 музыкальных интервала, имеющих различное звуковысотное расположение в октавах, различную структуру и степень диссонантности – консонантности (гармоничности – дисгармоничности).

Прослушав каждый из элементов, испытуемый указывал 3 из 22 предложенных фотографий. 2 из них – те, которые, по его мнению, больше всего подходили к данному музыкальному элементу, а 1 – та, которая меньше всего сочеталась с прослушанным музыкальным интервалом.

Нами была проведена статистическая обработка результатов, полученных в ходе исследования. По каждому объекту были подсчитаны средние показатели эмоциональных оценок, дисперсия эмоциональных оценок, составлена сводная таблица дисперсий эмоциональных оценок всех объектов, проведён кластерный анализ результатов, построен профиль соотношения характеристик музыкальных элементов и их эмоциональных оценок.

В результате статистической обработки данных мы получили сходные результаты по семантическому дифференциалу и фотографиям.

Обобщая основные результаты, можно сказать, что музыка является хорошим диагностическим материалом для выявления эмоциональных состояний. Однако определяющее значение в отдельных компонентах музыки несёт в себе не столько их строение или гармоничность/дисгармоничность, сколько их звуковысотное расположение в октавах.

Выразительные мимические движения (фотографии) так же являются хорошим диагностическим материалом эмоциональных состояний. В тоже время нельзя не заметить, что распознавание конкретных эмоций по фотографии затруднительно для

Секция «Психология»

испытуемых. Согласованность их оценок по СД прослеживается лишь относительно полюса эмоционального состояния.

Основной ведущей характеристикой эмоциональной оценки музыкальных элементов является не их строение, а их звуковысотное расположение в октавах. Принадлежность к определённой октаве влияет на тип эмоциональных оценок.

Низкие по звуковысотному расположению интервалы оцениваются как плохие по фотографиям и ассоциируются у испытуемых с отрицательными стеническими эмоциями. Высокие интервалы оцениваются как хорошие по фотографиям и ассоциируются с согласованным выбором испытуемыми положительных, стенических (гедонических) эмоций.

В ходе исследования нами была замечена следующая закономерность: при предъявлении низких по звучанию музыкальных элементов, испытуемые чаще и согласовано выбирали по СД отрицательные эмоции, в тоже время, отмечали и такие эмоциональные состояния как интерес и возбуждение. Это можно объяснить при помощи гипотезы первовидения Е.Ю.Артемяевой. Вначале испытуемые оценивали стимулы с точки зрения «опасный - неопасный». Субъективное ощущение опасности, которое, безусловно, несёт в себе низкий музыкальный фон, активирует нервную систему для обнаружения объекта опасности быстрее, чем высокий музыкальный фон.

Литература

1. Артемяева Е.Ю. Психология субъективной семантики. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 128 с.
2. Дергаева И.А. Комплексное исследование восприятия и психологического воздействия музыки. Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2005.
3. Дергаева И.А., Урванцев Л.П. Влияние музыки на больных с пограничными нервно-психическими расстройствами// Ярославский психологический вестник, вып.10. — Москва-Ярославль, 2003. С.153-160
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975.
5. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. - М., Музыка, 1976.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 399 с.
7. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. - В кн.: Проблемы индивидуальных различий.-М., 1947.

Влияние умения децентрироваться на уровень сформированности конкретно-операциональных структуры у старших дошкольников

Людмила Гояо¹

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: yaouao2213@mail.ru

Введение

Одной из актуальных проблем в связи с развитием логического мышления у детей является проблема последовательности формирования различных логических операций, возникающих у ребёнка на этапе перехода от дооперационального к конкретно-операциональному уровню развития мышления. И, прежде всего, последовательность появления умения децентрироваться, а также таких операций как классификация, сериация, понимание принципа сохранения. Так как, зная, в каком порядке возникают у ребёнка названные логические операции, формирование логических операций можно было бы осуществлять быстрее и эффективнее при условии умения децентрироваться.

Развитие ребёнка идет от общей эгоцентричности через децентрацию к более объективной позиции в познании вещей, других людей и самого себя (Л.Ф.Обухова, 1981, с. 146). Эгоцентризм – это особенность мышления, которая выражается в центрации

Секция «Психология»

«внимания на единичной, бросающейся в глаза особенности предмета», а децентрация – это способность устанавливать «принять во внимание другие черты, что могло бы компенсировать искажающий эффект центрации на единственном признаке» (Дж. Флейвелл, 1967, с. 212).

Результаты нашего предыдущего исследования (Люд Гояо, 2006, 2007) показали, что умение децентрироваться не всегда является необходимым и достаточным условием наличия сформированности логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения. Вместе с тем, остается открытым вопрос о причинной взаимосвязи умения децентрироваться и уровнями сформированности логических операций. Наше экспериментальное исследование направлено на проверку возможности и эффективности формирования логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения через формирование у детей умения децентрироваться.

Методы

В работе применялись методы теоретического и эмпирического исследования. Из теоретических методов основными были анализ, сопоставление, систематизация и обобщение теоретических и эмпирических данных. В эмпирическом исследовании использовались **методики диагностики** уровней сформированности логических операций классификации, сериации, понимания принципа сохранения, степени выраженности эгоцентризма, разработанные в рамках концепции Ж.Пиаже (Доналдсон М., 1985; Ж.Пиаже, 1994; Benjamin S.Bloom, J.Thomas Hastings, George F.Madaus, 1971).

На *диагностическом этапе* испытуемым предлагалось решить ряд задач для выяснения степени выраженности у них эгоцентризма, уровней сформированности логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения. *Формирующий этап* включал в себя серию занятий по разработанной нами методике формирования умения децентрироваться. На *контрольном этапе* испытуемым предлагали решить задачи, предъявлявшиеся на диагностическом этапе исследования. Контроль проводился через месяц после окончания обучения. Всем детям вновь были предложены те же задания, что и до обучения.

Для анализа полученных результатов с точки зрения возможности изменения уровня сформированности логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения у детей старшего дошкольного возраста в результате формирования у них умения децентрироваться, мы провели *оценку статистической достоверности* полученных экспериментальных данных, используя критерий знаков G (Сидоренко Е., 1996).

Результаты

В эксперименте принимали участие 44 ребёнка в возрасте 5,1 – 7,1 лет – воспитанники детских садов города Москвы. С каждым из 44 детей было проведено индивидуально по семь формирующих занятий в специально отведенном для этого помещении, продолжительность каждого занятия составляла 25 – 35 минут. В результате проведённой нами экспериментальной работы, посвящённой изучению влияния умения децентрироваться на уровень сформированности конкретно-операциональных структур у старших дошкольников, получили обоснование и экспериментальное подтверждение следующие положения:

1. У детей старшего дошкольного возраста возможно изменение степени выраженности детского эгоцентризма через формирование у них состава и структуры умения децентрироваться в процессе специально организованного обучения.

2. Изменение уровня сформированности логических операций классификации, сериации и понимания принципа сохранения у детей старшего дошкольного возраста возможно через формирование у них умения децентрироваться.

3. Сдвиг логических операций классификации, сериации, понимания принципа сохранения (длина, дискретные количества и объём воды) и степени выраженности эгоцентризма к более высоким уровням (с I стадии до II стадии, или со II стадии до III

Секция «Психология»

стадии) после формирования у старших дошкольников умения децентрироваться является неслучайным.

Литература

1. Доналдсон М. Мыслительная деятельность детей /Под ред. В.И.Лубовского. – М.: Педагогика, 1985.
2. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против.– М.: Издательство Московского университета, 1981.
3. Пиаже Ж. Избранные психологические труды: Психология интеллекта. Генезис числа у ребёнка. Логика и психология /Пер. с англ. Н.Г.Алексеева и фр. А.М.Пятигорского. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.
4. Сидоренко Е.В.Методы математической обработки в психологии. – Издательство «Социально – психологический центр», 1996.
5. Флейвелл Дж. Х. Генетическая психология Жана Пиаже /С предисловием Жана Пиаже. Пер. с англ. М.И.Лисиной и Л.Ф.Обуховой.- М.:“Просвещение”,1967.
6. Люй Гояо. Сравнительное исследование взаимосвязи уровней сформированности логических операций у российских и китайских детей дошкольного возраста: Дипломная работа.- М.: МГУ, 2006.

¹Автор выражает признательность доценту, к.психол.н. Погожиной И.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Визуальная категоризация объектов с вариативной формой.

Малясова Е.А.

аспирант

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии,
Москва, Россия*

E-mail: malyasova@mail.ru

Способность отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому значимому классу (категории) в соответствии с определёнными признаками признаётся фундаментальным когнитивным процессом, чем и обусловлен большой интерес учёных к этой проблеме. В настоящее время процесс категоризации изучается в самых разных аспектах:

1) Поведенческом. Например, выявление специфики в сравнении с животными: голубями (Freiburger, 2006, Aust, 2006), обезьянами (Freedman, 2002), собаками (Range, 2008).

2) Нейрофизиологическом. Анализ динамической локализация мозговой активности с помощью электроэнцефалограммы (Kashimori, 2007), позитронно-эмиссионной томографии (Vogels, 2002), вызванных потенциалов (Antal, 2000, Mouchetant-Rostaing, 2000);

3) Кибернетическом. Моделирование процесса категоризации в виде формализованной «задачи классификации». В машинном обучении задача классификации решается, как правило, с помощью методов искусственных нейронных сетей. Классификацию сигналов и изображений называют также распознаванием образов.

Отдельной проблемой становится категоризация (классификация) объектов с вариативной формой. Существующие методы распознавания (основанные на априорных знаниях, с использованием больших баз неизменных характерных особенностей категоризируемых объектов, например, лиц людей, на использовании шаблонов для сравнения, формируемых обучением) оказываются в той или иной степени успешными для статичных изображений, однако плохо справляются с категоризацией объектов с вариативной формой (Yang, 2002). Бионический подход, основанный на изучении механизмов категоризации объектов с изменяющейся формой человеком, может оказаться более эффективным. При восприятии объектов данного класса, задача удваивается: с одной стороны, необходимо идентифицировать сам объект с определением его

постоянных качеств, независимо от возможных вариаций его формы, а с другой стороны – необходимо идентифицировать типичные варианты изменения формы, независимо от других, константных свойств этого объекта. Человек с такой двуединой задачей справляется вполне успешно. В нашей работе было показано, что изменяющееся эмоциональное выражение лица женщины влияет на определение её постоянных личностных качеств, что подтверждает целесообразность описанного антропоморфного подхода (Malyasova, Vartanov, 2008). Для тактильного восприятия подтверждающие данные описаны в работе Г.В. Лосика (Лосик, 2000).

Для развития данного подхода необходимо изучить психофизиологические механизмы категоризации объектов с вариативной формой человеком. Естественным примером объекта этого класса для визуальной категоризации является лицо человека. Предполагается в ходе зрительного восприятия фотографий разных людей (знакомых испытуемому) с разными эмоциональными выражениями искусственно разделить процессы идентификации собственно человека и его эмоционального выражения (две задачи категоризации по разным основаниям) и выявить различия и взаимосвязи данных процессов по результатам анализа а) мозговой активности и б) субъективных и поведенческих данных.

Литература

1. Лосик Г.В. Перцептивные действия человека: кибернетический аспект. Монография/ ОИПИ, Мн.: 2008, 147 с.
2. Antal A, Kéri S, Kovács G, Janka Z, Benedek G. Early and late components of visual categorization: an event-related potential study// Brain Research. Cognitive Brain Research [Brain Res Cogn Brain Res] 2000 Jan; Vol. 9 (1), pp. 117-9.
3. Aust U., Huber L. Picture—Object Recognition in Pigeons: Evidence of Representational Insight in a Visual Categorization Task Using a Complementary Information Procedure.// Journal of Experimental Psychology / Animal Behavior Processes; Apr2006, Vol. 32 Issue 2, p190-195, 6p, 1 chart, 1 graph
4. Freedman D.J., Miller, Earl K. Neural mechanisms of visual categorization: Insights from neurophysiology/ Neuroscience & Biobehavioral Reviews; Apr2008, Vol. 32 Issue 2, p311-329, 19p
5. Freiburger, K. L. Lazareva, O. F. Wasserman, E.A. Effects of stimulus manipulations on visual categorization in pigeons. // Behavioural Processes; Jun2006, Vol. 72 Issue 3, p224-233, 10p
6. Kashimori Y., Ichinose Y, Fujita K. A functional role of interaction between IT cortex and PF cortex in visual categorization task, Neurocomputing; Jun2007, Vol. 70 Issue 10-12, p1813-1818, 6p
7. Mouchetant-Rostaing Y, Giard MH, Delpuech C, Echallier JF, Pernier J. Early signs of visual categorization for biological and non-biological stimuli in humans.// Neuroreport [Neuroreport] 2000 Aug 3; Vol. 11 (11), pp. 2521-5.
8. Vartanov A.V., Malyasova E.A. Perception of constant personal dispositions depending on emotional expression variability of a female face. / Neural Networks and Artificial Intelligence (ICNNAI-2008) // Proceedings of the Fifth International Conference (27-30 May, 2008, Minsk, Belarus). – Minsk: Propilei, 2008. p. 113-115.
9. Vogels R., Sary G., Dupont P., Orban G.A. Human Brain Regions Involved in Visual Categorization.// NeuroImage; Jun2002, Vol. 16 Issue 2, p401, 14p
10. Yang M. H., Kriegman D. J., Ahuja N., Detecting faces in images: A survey. IEEE Trans. Pattern Analysis and Machine Intelligence, vol. 24, no. 1, pp. 34-58, Jan. 2002

События прошлого и их связь с локусом контроля: анализ автобиографических воспоминаний
Марченко А.А.

Постановка проблемы

Как указывается например в [1], важным элементом психологического благополучия является субъективная оценка вероятности того, что действия субъекта приведут к желаемому результату. В то же самое время эта субъективная оценка является неотъемлемым элементом понятия «Локус контроля», отражающего склонность человека приписывать причины событий внешним или внутренним факторам.

Как видно из определения, основная часть семантического поля понятия «Локус контроля» лежит в прошлом, в ретроспекции результатов своей деятельности, уже на основании которой субъект формирует свои ожидания от событий настоящего и будущего. Результаты же своей жизни, личной истории субъект сохраняет в автобиографической памяти. Отсюда выступает естественный интерес к тому, как фиксируются воспоминания у людей с различным локусом контроля.

Цель исследования

Выявить закономерности в формальных и содержательных характеристиках автобиографической памяти в связи с типом локуса контроля.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 273 человека (128 мужчин и 145 женщин), из них:

202 человека возрастом от 18 до 22 лет, студентов экономического и механико-математического факультетов ХНУ им. Каразина (114 женщин и 88 мужчин);

46 человек возрастом от 30 до 46 лет, менеджеров и технических специалистов ряда коммерческих предприятий г. Харькова (10 женщин и 36 мужчин);

25 человек возрастом от 72 до 81 года, подопечных одной из благотворительных организаций г. Харькова (21 женщина и 4 мужчины).

Каждому исследуемому предлагался бланк для заполнения (в группе пожилых людей бланк заполнялся психологом со слов исследуемых) в котором было необходимо проранжировать цвета из стандартного набора в восемь цветов ЦТО Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинды. Затем необходимо было представить свою жизнь и найти десять самых важных событий своей жизни, записать их на бланке. Далее, исследуемым предлагалось описать каждое из этих событий по схеме: 1) Кто? 2) Что сделал? 3) Где? 4) Когда? 5) Зачем? 6) Почему? 7) Что происходило вокруг? (контекст)

После этого предлагалось заполнить «Линию жизни», модификацию одноименной методики А.А. Кроника, Б.М. Левина, А.Л. Пажитнова. В методике было необходимо на условном отрезке жизни от «Рождение» до «Настоящий момент» расположить указанные выше важные события жизни с указанием оценки степени положительной или отрицательной эмоциональной насыщенности.

Далее, исследуемым было необходимо проассоциировать каждое из указанных десяти событий с двумя из восьми предложенных цветов из ЦТО.

И, наконец, было предложено заполнить стандартный исследовательский опросник Уровень субъективного контроля (УСК) Бажина Е., Голынкиной Е. и Эткинды А.

Результаты

Результаты методики «Линия жизни» указывают на то, что практически во всей выборке, вне зависимости от возраста и пола, количество положительных событий в жизни равно приблизительно 6. Исключением является та часть выборки, у которых ярко выражена общая интернальность, то есть показатель интернальности равен 10 стенам или диапазону от 80 до 132 сырых баллов.

Секция «Психология»

Применение статистической обработки (t-критерий для независимых выборок) показало, что различие группы с высоким уровнем интернальности является достоверным на высоком уровне значимости ($p = 0,009$).

В то же время, нами было использовано допущение, что субъект может неосознанно оценивать события своей жизни несколько иначе, чем он на самом деле декларирует в своих отчетах. Для этого мы применили диагностический вариант ЦТО Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинды, который позволяет выявлять неосознаваемые компоненты отношений, минуя механизмы психологической защиты. Для этого мы сравнили выбор двух цветов, которые исследуемые сравнивали с каждым из событий с той последовательностью из восьми цветов, которые они предпочли выбрать в начале исследования. Результаты показали, что группа с высоким показателем интернальности не отличается от остальных групп исследуемых.

Также нами было исследовано, как связано с типом локуса контроля, то, что и как человек относит к своим значимым воспоминаниям. Для этого нами был использован контент-анализ относительно описаний воспоминаний, которые исследуемые давали по схеме «Кто?» «Что сделал?» и т.д. При контент-анализе выделялись категории, связанные с типом локуса контроля: использование активного и пассивного залога, уход от ответов или их полное отсутствие, тип событий и роль исследуемого в этих событиях.

Лицам с низким уровнем общей интернальности свойственны уход от прямых ответов на вопрос «Почему?» и практически полное отсутствие ответов на вопрос «Зачем?».

Для лиц со средним уровнем интернальности (от 4 до 6 стенов) характерно перепутывание значений вопросов «Зачем?» и «Почему?». На вопрос «Зачем?» указываются причины событий, на вопрос «Почему?» - следствия.

Для лиц с уровнем общей интернальности в 7-8 стенов характерны развернутые ответы, малое количество ошибок по схеме «причина-следствие», точная датировка событий.

Выводы

Исходя из полученных результатов, тип локуса контроля является крайне значимым для воспроизведения воспоминаний автобиографической памяти.

Очевидным является тот факт, что это единственный тип памяти, который испытывает влияние со стороны каузальной атрибуции из-за личной субъективной включенности в события.

Как показывают результаты, тип локуса контроля оказывает влияние, а иногда, и имеет решающее значение при реконструировании воспоминаний личной истории.

Показано, что людям с крайне высокими значениями интернальности свойственно завышать оценку событий своей жизни. Это может объясняться субъективной значимостью подкрепления могущества своего Я.

Людям с низким уровнем интернальности свойственно не только и не столько приписывание причин событий внешним факторам, сколько отсутствие рефлексии по этому поводу.

Данным исследованием найдено подтверждение гипотезы некоторых авторов о большей желательности не высокого уровня интернальности, а уровня выше среднего.

Литература

1. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1312 с.

Влияние семантики на первичную обработку зрительной информации

Мясниченко А.О., Чебурашкин-Антипов Д.Н.

студентка, студент

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

В когнитивной психологии известен феномен превосходства слова, показывающий, что в знакомом контексте объекты опознаются быстрее и точнее, чем в незнакомом. В частности, в словах буквы опознаются лучше, чем в бессмысленных последовательностях. Феномен чаще всего объясняется тем, что сформированные ожидания в отношении появления объекта определенного класса позволяют обследовать новый объект не по всем, а только по вполне определенным признакам (Cattell J.M., Каптелинин В.Н., Величковский Б.М.).

Гипотеза.

Разница в семантической окрашенности предъявляемых зрительных стимулов (слова, псевдослова и наборы букв) прямо влияет на успешность выделения целевого стимула на фоне дистракторов. То есть чем больше семантическая разница между стимулами (максимально различаются набор букв и слово, минимально – слова), тем успешнее будет выполнять эту задачу испытуемый.

Методика.

В качестве стимулов берется набор слов одной тематики: «Тепло», «Холод», «Мороз». С их помощью составляются псевдослова, в которых сохраняются первая и последняя буква исходного слова: «Торхо», «Хемад», и «Мекиз». Также составляются наборы букв такой же длины, как и исходные слова соответственно, первая и последняя буква также совпадают с исходными: «Тпнго», «Хгнрд», и «Мнщдз». При этом наборы букв подбираются так, что ни одна последовательность не вызывает очевидных ассоциаций и не является псевдословом.

Каждое стимул печатается черным шрифтом в центре белой полосы фона и собирается в тройки стимулов следующим образом. Каждые три стимула располагаются на одном уровне: левый, центральный и правый; при этом центральный стимул и один из боковых – дистракторы (слова, псевдослова или наборы букв), а оставшийся стимул – целевой. Таким образом возможны следующие варианты расположения стимулов: дистрактор - дистрактор - целевой стимул, целевой стимул - дистрактор – дистрактор или дистрактор - дистрактор - дистрактор.

Всего получается 162 возможные комбинации.

Все тройки стимулов предъявляются испытуемому на 200 мс, после чего на экране монитора возникает черный фон.

От испытуемого требуется как можно скорее определить целевой стимул и сразу же нажать соответствующую кнопку мыши: для ЦС-Д-Д левая кнопка, для Д-Д-ЦС правая кнопка.

При этом экспериментатор фиксирует расположение целевого стимула, номер тройки, время реакции и правильность ответа.

Перед экспериментом испытуемому предлагается пройти тренировочную серию по принципу самого эксперимента, но с уменьшенным количеством троек стимулов (30) и с меньшей скоростью предъявления (250 мс).

Результаты.

На данный момент с помощью представленной выше методики были получены корреляты по скорости ответа испытуемых и разницей в семантической окрашенности. Сейчас методика находится в стадии разработки, ожидаются более точные результаты по эксперименту.

Эмоциональное восприятие отдельных нот.

Некрасова О.Е.

Соискатель

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносов
психологический факультет, Москва, Россия*

В литературе высказываются предположения, что восприятие музыкального звука зависит от его физических характеристик – высоты, тембра, длительности, интенсивности. Утверждается, что высокие ноты воспринимаются как более радостные по сравнению с низкими, минорные аккорды – как печальные, мажорные – радостные и т.п. [2].

Исследование эмоциональных характеристик звуков, проведенное Ч.А. Измайловым и соавторами, показало, что базовые эмоции связаны с нотами циклической функцией [1].

Цель настоящего исследования – определить взаимосвязь эмоционального восприятия отдельных нот и некоторых физических характеристик нот – частоты, тембра и длительности звучания. Основная гипотеза состоит в утверждении, что эмоциональное восприятие музыкального звука зависит от его частоты и не зависит от длительности и тембра. Теоретической основой нашей работы является теория векторного кодирования в нейронных сетях.

Стимульный материал. В экспериментах использовались два ряда стимулов. Первый набор состоит из 96 звуков и включает в себя ноты (до, до-диез, ре, ре-диез, ми, фа, фа-диез, соль, соль-диез, ля, ля-диез, си) первой и второй октав, двух длительностей – целая и одна четвертая. Ноты генерировались на электронном синтезаторе в двух режимах – «пианино» и «акустическая гитара». Второй ряд стимулов состоит из 12 названий базовых эмоций – радость, печаль, горе, восторг, удивление, отвращение, страх, ужас, ярость, гнев, спокойствие, интерес.

Методика. В связи с большим объемом эксперимент разделен на 8 частей. В каждой части испытуемому предъявлялись ноты одной октавы, равной длительности, соответствующие одному и тому же инструменту. В эксперименте сначала предъявляется название эмоции, затем нота. Пары стимулов предъявлялись в случайном порядке. Каждая пара «эмоция – звук» повторялась в ходе эксперимента 2 раза.

Перед началом эксперимента испытуемому давалась *инструкция*: «Цель исследования – соотнести различные звуки с названиями основных эмоций. В каждой паре «эмоция – звук» Вам будет показываться название эмоции, затем будет включаться звук, после чего на экране появится приглашение к ответу. Вашей задачей будет оценить по шкале от 1 до 9 на клавиатуре соответствие данного звука данной эмоции (1 – совершенно не соответствует, 5 – нечто среднее, 9 – соответствует полностью). Отвечайте быстро, не задумываясь».

Предварительные результаты. В ходе эксперимента было получено, что эмоциональное пространство музыкальных звуков сферично. Наблюдается эмоциональная оппозиционность звуков. При обработке данных был выявлен цикл каждой эмоции внутри одной октавы. Циклы эмоций являются монотонными внутри одной октавы с незначительными пиками или провалами на полутонах (до-диез, ре-диез и т.п.).

Литература:

1. Измайлов Ч.А., Лабкаев Ю.Я., Матвеева Л.В., Измайлова Н.Ч., Кошмаров А.Ю. Соотношение звуков нот с базовыми эмоциями//Психологический журнал, 2006 г. №4, стр. 59-66.
2. Panksepp J., Bernatzky G.. Emotional sounds and the brain: the neuro-affective foundations of musical appreciation//Behavioural Processes 60 (2002), p. 133-155.

Мозг и психика: новый взгляд на старые проблемы

Никонова Е.Ю.

студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: eniconiva@mail.ru

Секция «Психология»

Психофизиологическая проблема заключается в соотношении психической деятельности человека и процессов, происходящих в головном мозге человека (мозг и сознание). Данный вопрос относится к области пересечения разных научных дисциплин, таких как философия, психология, медицина, биохимия, нейрофизиология и т.д., но особое место психофизиологическая проблема занимает в психофизиологии. По мнению Д.И. Дубровского [2] решение данной проблемы нужно искать в соотношении различных данных научных дисциплин и эмпирических исследований, определяя соответствие в описании психических и мозговых процессов. Необходима четкая методологическая программа, способная обеспечить единство теоретических и экспериментальных исследований.

Проблема соотношения мозга и психики появилась в науке много веков назад, ещё в древней Греции медики пытались найти локализацию души в теле человека и понять механизмы восприятия и чувствительности. Врач Алкменон в VI веке до н.э. первым пришел к выводу, что мозг есть орган души в результате наблюдения за хирургической операцией [1].

Первые научные попытки рассмотреть соотношение души и тела были предприняты Рене Декартом в XVII в., он рассматривал тело и душу человека как две независимо работающие системы, которые способны оказывать влияния на работу друг друга. Местом, где находится душа человека, Декарт называет шишковидное тело (эпифиз).

С развитием методов исследования в медицине появляются новые возможности для изучения психофизиологической проблемы, новые направления. Так в первой половине XIX в. возникает френология – наука, описывающая связь характера и психики человека с формой его черепа.

В XX веке получило широкое распространение психоанатомия – попытка найти локализацию мозговых функций с помощью удалений структур головного мозга и так же рассмотрение постмортальных срезов. Так в 30-х годах в СССР на базе Института эволюции мозга была собрана коллекция мозговых структур гениальных и выдающихся людей для анализа срезов и выявления закономерности.

С 30-х годов начался новый этап исследования мозговых функций и соотношения их с психическими процессами – этап неинвазивных исследований головного мозга. Первым неинвазивным методом стала запись ЭЭГ которую впервые в 1928 году провел австрийский психиатр Ганс Бергером. В 1963 году американский физик А. Кормак повторно решил задачу томографического восстановления, в 1969 году английский инженер-физик Г. Хаунсфилд сконструировал «ЭМИ-сканер» (EMI-scanner) — первый компьютерный рентгеновский томограф. С этого момента в началась новая эпоха неинвазивных исследований, которые позволяют по-другому взглянуть на психофизиологическую проблему.

В современной психологии существует три взгляда на психофизиологическую проблему – физикалистский (Ламетр, Кабанис, Бюхнер, Фогт, Моллешот и др.), бихевиоральный (И.П. Павлов, А.Н. Леонтьев, В.В. Давышов, В.П.Зинченко и др.) и функционалистский (Д. Хебб, П.К.Анохин, Н.А.Бернштейн, Н.П. Бехтерева и др.)[2].

Согласно концепции функционалистического подхода И.Д. Дубровский предлагает вслед за Н.П. Бехтеревой информационные парадигмы [2]: психическое состояние (сознание) и мозговой процесс относятся друг к другу как информация и носитель, данная связь может быть характеризована кодовой зависимостью, информация инварианта к носителю.

Исходя из парадигмы следует, что в зависимости от информационной нагрузки мозг может совершать нейрогенез для накопления кодированной информации, в случае информационной депривации происходит апоптоз нейронов. Эта парадигма сочетается с концепцией Е.Н. Соколова «человек – нейрон – модель» и может быть подкреплена решением на практике.

Новые способы исследования головного мозга разрешают рассматривать мозговые процессы в динамике и применять их совместно с психологическими тестами, тем самым объединяя методы общей психологии и психофизиологии. Особенно широко исследования функций головного мозга с помощью метода фМРТ ведутся в зарубежных странах, в таких работах прекрасно представлены данные о процессах, но нет методологии и связи с психологическими моделями. Данная парадигма позволяет соотнести информацию и носитель.

Ранее были получены экспериментальные данные, доказывающие влияние процессов научения на изменения структур головного мозга в частности размеров гиппокампа. Так в своей работе я хочу посмотреть на влияние научения на изменения размеров коры и подкорковых структур головного мозга с помощью комбинации данных психологического тестирования и фМРТ.

Литература

1. Ярошевский М.Г. История психологии от Античности до середины XX в. Учеб. пособие. – М., 1996. – 416 с.
2. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психологический журнал. 1990. Т. 11. №6. С. 3-15
3. Дубровский Д.И. К вопросу о возможных путях моделирования высших нейродинамических процессов // Вопросы гигиены и эпидемиологии Донбасса. Донецк, 1965; Он же. Мозг и психика // Вопр. философии. 1968. № 8. С.126; Он же. Психические явления и мозг. М., 1971; и др.

«Шкала самопонимания» в апробации на российской выборке⁶

Новикова М.А.

студентка

*Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Российская Федерация*

E-mail: spieluhr87@mail.ru

Регуляция принятия решений (ПР) на уровне самосознания до недавнего времени рассматривалась в контекстах либо рациональности и рефлексии, либо морального выбора. В теории деятельности А.Н. Леонтьева уровень самосознания является ведущим в иерархизации других личностных образований (мотивы, смыслы, ценности). Концепция функционально-уровневой регуляции принятия интеллектуальных решений Корниловой Т.В. предполагает, что система уровней психологической регуляции субъектом своих решений является динамической, открытой и складывается каждый раз в условиях конкретной ситуации [1]. Однако недостаточно изученным остается вклад самосознания в многоуровневой регуляции личностного (и ответственного) выбора. Согласно модели Т.В. Корниловой, каждый акт принятия решений может быть представлен в «плоскости» интеллектуальных и личностных координат, характеризующих интеллектуально-личностный потенциал субъекта. Тогда саморегуляция может быть понята как характеристика активности (деятельности) субъекта, представленная в третьем измерении, отражающем степень выраженности новообразований в актах ПР.

В отечественной психологической литературе теоретически обосновывалась необходимость различения таких понятий, как сознание и самосознание, самопознание и самопонимание, самоотношение и саморегуляция (В.В. Знаков, В.В. Столин, И.И. Чеснокова). В зарубежной больше внимания уделялось эмпирическим исследованиям отдельных аспектов Я-концепции и самопонимания. В контексте исследований самопонимания использовалось понятие «psychological mindedness», еще одним из

⁶ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 07-06- 00101а.

Секция «Психология»

возможных переводов которого является «психологическая разумность». Определение понятия «самопонимание», данное Аппельбаумом, на сегодняшний день считается наиболее признанным. «Самопонимание – это способность субъекта к усмотрению взаимосвязей между мыслями, чувствами и действиями, с целью понимания причин и возможного значения фактов его опыта и поведения» [Appelbaum, 1973]. В клинической литературе о самопонимании чаще всего говорят в контексте его противоположности явлению алекситимии, а также о корреляции низких показателей самопонимания с тенденциями к асоциальному поведению, применению психоактивных веществ и соматизации стресса [Krystal, 1998; Krystal & Raskin, 1970; Taylor & Taylor, 1997].

Поскольку в структуре самосознания выделяется три аспекта (Чеснокова, 1977), то и работа самопонимания строится по-разному в зависимости от того, направлено ли оно на интеллект, аффект, или поведение. Соответственно, невозможно создание единого диагностического средства, направленного на оценку самопонимания в целом. Так, Conte & Ratto в исследовании [2], проведенном на клинической выборке, предложили опросник «Шкала Психологического Самопонимания» (ШПС), направленный на диагностику доступности самопониманию субъекта мотивационных, эмоциональных и поведенческих аспектов.

Shill с соавторами [3] поставили задачу проверить, возможно ли выделить 5 факторов, полученных в ШПС, на выборке нормы (здоровых испытуемых), а также определить степень соответствия с пунктами шкал в ранее проведенном исследовании на клинической выборке. Ими была установлена для здоровой выборки такая же факторная структура опросника, что и ранее для клинической [Shill et al., 2002]. Полученные факторы: 1. Желание попытаться понять себя и окружающих. 2. Открытость новым идеям и способность к изменениям. 3. Доступность сферы чувств. 4. Вера в пользу обсуждения психологических проблем. 5. Заинтересованность в понимании мотивации и значения собственного поведения и поведения окружающих.

Тем не менее, факторные нагрузки по факторам для клинической и здоровой выборок различались, что потребовало изменений в интерпретации содержания факторов.

Ввиду отсутствия русскоязычного аналога шкалы самопонимания мы поставили задачу апробации данного опросника. Целью стала проверка **гипотезы** о соответствии выделенных зарубежными авторами факторов Шкалы Психологического Самопонимания факторам, установленным для российской студенческой выборки.

Методика. Опросник The Psychological Mindfulness Scale, состоящий из 45 пунктов, был переведен нами на русский язык. Заполнение опросника предполагает оценку степени согласия с каждым из приведенных в нем пунктов по шкале от 0 (абсолютное несогласие) до 3 (полное согласие).

Испытуемыми выступили студенты 3 курса факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова, 115 девушек и 20 юношей, в возрасте от 18 до 23 лет.

Результаты. В ходе обработки данных из списка вопросов были удалены 8 пунктов, связанных с психическим здоровьем, психиатрией и психосоматическими проявлениями, поскольку по ним была отмечена наибольшая рассогласованность оценок испытуемых. В итоговой матрице факторных нагрузок данные пункты также не имеют нагрузок ни на 1 из пяти факторов.

В ходе эксплораторного факторного анализа была подтверждена пятифакторная структура. Данные факторы в сумме описывают 44,3% дисперсии.

Надежность, или внутренняя согласованность шкал (коэффициент Альфа-Кронбаха): для 1 шкалы равна 0,739, для 2 – 0,617, для 3 – 0,542, для 4 – 0,725, для 5 – 0,542.

Интерпретация полученных факторов:

1. Выгода от обсуждения с другими своих психологических проблем и готовность это делать.

2. Недоступность собственной сферы чувств и незаинтересованность в переживаниях окружающих людей.

Секция «Психология»

3. Контакт с собственной сферой чувств, ее доступность.
4. Открытость новому опыту, готовность к возможному риску.
5. Важность понимания собственных переживаний и переживаний и мотивов поведения окружающих.

4 из 5 установленных факторов содержательно совпадают с факторами, полученными зарубежными исследователями. При этом вошедшие в них пункты отличались от тех, что были получены на английской выборке нормы. Основные полученные различия – факторы желая обсудить свои проблемы с другими и готовности к этому, различавшиеся в исследовании Shill и соавторов, в нашей работе оказались слитыми в 1 фактор. При этом в нашем исследовании появился фактор закрытости чувственной сферы (своей и окружающих) и нежелания проникать в нее (фактор 2), который не выделялся предыдущими исследователями.

Валидизация опросника продолжается, что будет отражено в докладе.

Литература

1. Корнилова Т.В. (2003) Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс.
2. Conte, H. R., & Ratto, R. R. (1997). Self-report measures of psychological mindedness/ M. McCallum & W. E. Piper (Eds.), Psychological mindedness: A contemporary understanding (pp. 1–26). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
3. Shill, M.A., & Lumley, M.A. (2002) // The Psychological Mindedness Scale: Factor structure, convergent validity and gender in a non-psychiatric sample. Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice, № 75, p. 131-150.

Компьютерные игры «глазами» играющих: исследование личностных конструктов Омельченко Н.В.

*Преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
E-mail: psinv@mail.ru*

С появлением компьютерных игр связано возникновение феномена «виртуальной реальности». Наличие огромного разнообразия компьютерных игр обеспечило богатую палитру виртуальных миров. Все они объединяются в определенные классы. Так, игры можно классифицировать по их тематическому содержанию: военные, экономические, социальные и пр. Но больший интерес для психолога представляет жанровая классификация компьютерных игр: шутеры, ролевые, стратегии, квесты, симуляторы, спортивные симуляторы, файтинги, настольные игры. Все они различаются по своему смысловому содержанию, задачам, которые ставятся перед игроком, и тем, какие именно потребности и возможности субъекта могут быть реализованы в виртуальном мире [1,3].

По мере того как разворачиваются события в игре, в сознании игрока выстраивается модель виртуального мира, имеющая свою структуру и определяющая место самого игрока в ней. Увидеть данную модель «глазами» играющего можно при реконструкции его собственной системы координат, согласно которой он воспринимает и оценивает виртуальный мир.

Идея использования конструктов для описания картины мира субъекта впервые была отражена в работах Дж. Келли, основателя конструктивистского подхода в психологии. Согласно его теории, личность индивида образована системой его конструктов. Конструкт – используемый субъектом способ дифференциации объектов (в нашем случае при восприятии виртуального мира компьютерной игры). Человек использует конструкты, чтобы воспринимать, интерпретировать реальность и предвосхищать события. Конструкты субъекта определяют его субъективный мир.

Начиная с 1980-х годов идеи Дж. Келли о личностных конструктах и Ч.Осгуда о семантических пространствах были развиты отечественными психологами в новой

Секция «Психология»

области общей психологии – психосемантике (В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелёв) [4,5]. Кардинально важным для психосемантики является понятие "категория". Категории представляют собой сложные комплексные конструкты, которые можно выявить психосемантическими методами [4].

Реконструировать субъективные картины виртуального мира компьютерных игр можно через построение семантических пространств. Известно, что при использовании методик типа семантического дифференциала (СД) набор шкал-дескрипторов должен адекватно отражать ту предметную сферу, которую будут оценивать респонденты. В данной публикации представлен этап работы, направленный на выявление таких конструктов, которые значимы при восприятии и оценивании компьютерных игр.

В роли респондентов выступили студенты КубГУ социогуманитарных специальностей (всего 61 человек). Сопоставление респондентами различных видов компьютерных игр (выделенных на основе описанной выше жанровой классификации) позволило выявить конструкты, через призму которых каждый участник воспринимает игры, а также прояснить специфику конструктов, релевантных для выделенных нами групп респондентов.

На первом этапе исследования проводилось анкетирование на выявление жанровых предпочтений респондентов и особенностей их игрового поведения. По результатам предварительного анкетирования респонденты были поделены на три группы: участники, не имеющие опыт компьютерных игр, с опытом игры до пяти лет, и с опытом игры более пяти лет.

На втором этапе исследования испытуемым предлагался текст-описание типов компьютерных игр в соответствии с их жанровой классификацией (шутеры, ролевые компьютерные игры, стратегии, квесты, симуляторы, спортивные симуляторы, файтинги, настольные игры) и они смотрели специально смонтированные видеоклипы, в которых в качестве примера демонстрировались фрагменты 2-3 компьютерных игр каждого жанра. На третьем этапе, с помощью метода триадического выбора Келли респондентам предлагалось сопоставлять разные типы игр, выносить суждения о признаках их сходства и различия и тем самым формулировать конструкты.

На заключительном этапе исследования был проведен анализ и группирование конструктов, которые были выявлены методом триад. В результате был получен перечень основных конструктов-категорий, используемых респондентами при восприятии и оценивании компьютерных игр.

Анализ общегрупповых показателей выявил, что большинство респондентов определили такие игры как «шутеры» и «файтинги» в категорию «Жестокий». Настольные игры были оценены как «Простые». А «стратегии» и «квесты» испытуемые всех групп отнесли в категорию «Заставляет думать».

Было выделено 12 универсальных конструктов (релевантных для всех исследуемых нами групп), например: «Простой», «Жестокий», «Заставляет думать», «Интересный», «Командный» и др. В психологическом смысле они являются основными субъективными «мерками», категориями, которые респонденты используют при восприятии и оценивании компьютерных игр.

Сопоставление показателей респондентов из выделенных нами групп позволяет увидеть следующие различия. Испытуемые без опыта игры чаще всего использовали критерий «Быстрый - Медленный», показывая, насколько для них важна динамика игры, ее увеличивающийся темп. Играющие респонденты пользовались критерием «Интересный - Неинтересный», выражающий личное отношение к объекту оценивания. Респонденты с опытом игры применяли конструкт «Сложный» в отношении жанров Шутер, Ролевая игра, Квест, в то время, как неиграющие респонденты при описании этих игр такой критерий не использовали. Квесты испытуемые без опыта игры оценили как простые, а респонденты с опытом – как сложные. На наш взгляд, это объясняется тем, что оценить

степень сложности этих игр возможно только в опыте, которого не достаёт у неиграющих респондентов.

Было отмечено, что общее количество конструкторов, предложенных респондентами, зависит от их игрового стажа. С ростом опыта число конструкторов растёт, т.е. дифференцированность восприятия и оценки повышается.

Полученный набор конструкторов будет положен в основу проведения полномасштабного психосемантического исследования, которое позволит выявить категориальную структуру восприятия и оценивания компьютерных игр. Реконструкция бытующих в среде компьютерных игроков систем значений и комплексных оснований субъективной категоризации (координатные оси семантического пространства) позволит взглянуть на мир компьютерных игр глазами самих играющих.

Литература

1. Бурлаков И. Психология компьютерных игр // Наука и жизнь. М., № 6, 1999
2. Лузаков А.А. Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека: Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007.
3. Омельченко Н.В. Перспективы изучения личностных особенностей играющих в компьютерные игры. Дружининские чтения: Материалы 6-й Всерос. науч.-практ. конф., г.Сочи, 10-12 мая 2007 г./ Под ред. И.Б. Шуванова, и др. – Сочи: СГУТиКД, 2007. Т.2. – 276с. С 184-186.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 2-е изд., доп. – СПб: Питер, 2005.
5. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.

Роль личностных и когнитивно-стилевых характеристик субъекта в интерпретации художественного сюжета

Павленко В.А.

*Преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
E-mail: vivangel@yandex.ru*

В психологии уже достаточно давно обсуждается вопрос о роли когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъекта в ситуации порождения собственного текста. Проблемам собственно стиливых проявлений индивидуальности в когнитивных стилях посвящено значительное количество научных работ как западных, так и отечественных авторов (Г. Уиткин, Дж. Клейн, Р. Гарднер, М.А. Холодная, И.П. Шкуратова). Когнитивные стили выступали в роли опосредующего фактора между познавательной сферой и личностью. Были выдвинуты конкретные (В.В. Кочетков, М.А. Холодная, И.П. Шкуратова, М. Хайри, В.А. Толочек) положения относительно роли стилей в познавательной деятельности субъекта.

Психологический подход, и в частности, подход с позиций психологии личности обязывает акцентировать дифференциально-психологический аспект. Поэтому необходимо изучать индивидуальные различия переработки информации, ее получения и воспроизведения, приемы анализа, оценки и типичные формы реагирования, относительно которых люди похожи и отличны друг от друга (Л. М. Веккер, М.А. Холодная, Л.Н. Собчик, Д.А. Леонтьев, В.Ф. Петренко, Е.Ю. Артемьева и др.).

Однако, сложность и неоднозначность взаимосвязей стиливых параметров и проявлений личности, эмпиризм, ограниченное количество конкретных эмпирических исследований оставляют актуальным вопрос о соотношении разных параметров выявленных стилей с личностными проявлениями в процессах восприятия и интерпретации текста (как наиболее высокого уровня знаковой организованности в речевой деятельности).

Секция «Психология»

В проведенном нами исследовании была осуществлена попытка изучить проявления когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъекта в собственных текстах - письменной интерпретации содержания популярного художественного фильма.

Под интерпретацией здесь мы понимаем обусловленную личностными особенностями переработку информации, ее осмысление, поиск «значения для себя». Так, при изложении прочитанного текста в виде письменного текста-пересказа особенности интерпретации отражаются в том, как именно пишет субъект, какими средствами изложения пользуется, на чем больше фиксирует внимание – на структурных (как написано) или содержательных аспектах источника (о чем текст). Сюда также относится размер текста, степень детализации, включение собственного мнения о прочитанном, использование образов, эмоционально окрашенных слов, все авторские проявления.

Участников исследования просили кратко изложить содержание художественного фильма «Титаник» (реж. Дж. Кемероном). В основе сюжета фильма – трагическая история гибели в океане одноименного лайнера в начале 20 столетия. Для порождения текстов-интерпретаций испытуемым давалась следующая инструкция, где участников просили наиболее естественным, удобным для них образом изложить в письменном виде содержание фильма так, чтобы у собеседника сложилось впечатление, будто он побывал на просмотре.

Для изучения личностных и когнитивно-стилевых характеристик респондентов были использовались: а) тест-опросник Д. Кейрси, б) тест-опросник «Стили Мышления» Р. Бремсона и А. Харрисона, адаптированный А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой, в) тест «Вставленных фигур» Г. Уиткина, г) тест «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера, д) письменная интерпретация сюжета фильма «Титаник». Схема анализа данных предполагала: 1) выявление типичных паттернов когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъектов интерпретации, 2) сопоставление обнаруженных личностных паттернов (фактически - психотипов в рамках данной выборки) с особенностями текстов-интерпретаций, продуцируемых этими субъектами.

С помощью алгоритма кластерного анализа были выделены три группы, с определенными сочетаниями когнитивно-стилевых и личностных характеристик, у двух из которых в текстах удалось обнаружить наиболее яркие отличия в способах изложения и выборе тем описания сюжета. Тексты третьей группы оказались достаточно разнородными, что пока не позволяет делать однозначные выводы.

Полученные тексты-интерпретации анализировались по следующим критериям: подробность изложения сюжетной линии фильма; фиксированность на деталях; наличие авторского мнения (суждения о фильме); что описывается в тексте в начале – сам корабль и его история или история двух главных героев.

В полученных текстах-интерпретациях субъектов, различающихся по психологическим характеристикам, прослеживаются различия и в стиле изложения, и в выборе основной темы, и в степени детализации, по-разному расставлены акценты. Вместе с тем, когнитивно-стилевые особенности субъектов, даже в сочетании с некоторыми их характерологическими признаками (данные теста Д. Кейрси), оказываются недостаточными для объяснения некоторых из обнаруженных содержательно-стилевых различий в текстах. Так, при сопоставлении личностных паттернов с особенностями текстов-интерпретаций обнаружились некоторые существенные различия между текстами внутри каждой из выделенных групп. Нам представляется, что возможной детерминантой этих различий являются ценностно-мотивационные структуры личности, оставшиеся в данном исследовании вне поля внимания.

Учет базовых ценностно-мотивационных личностных различий позволит не только более четко разграничить личностно-психологический и психолингвистический подходы к анализу текста, но и лучше изучить специфику связи между когнитивно-личностными параметрами и содержательно-стилевыми особенностями составленных текстов.

Литература

1. Лузаков А.А., Сухих С.А. (2004) Психологические факторы взаимопонимания // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 1.
2. Петрова К.Ю. (1997) Картина мира в высказываниях человека и функции психики по К. Юнгу // Модели мира. М.: Российская Ассоциация искусственного интеллекта.
3. Серегина Т.Н. (2001) Черты личности и когнитивный стиль: взаимодействие и роль в успешности обучения: Дис. ...канд. психол. наук. Краснодар.
4. Холодная М.А. (2004) Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер.

Особенности восприятия вариативного по форме объекта

Пархоменко Д.А.

Аспирант

*Белорусский Государственный Университет Информатики и Радиоэлектроники,
факультет компьютерного проектирования, Минск, Белоруссия
E-mail: darria7@mail.ru*

Для того, чтобы создать психический образ предмета, обладающего такими характеристиками как гибкость, упругость, пластичность, жесткость, вязкость и т.д. или же, иными словами, вариативного по форме предмета, у человека возникает необходимость прикоснуться к нему рукой, то есть совершить перцептивное действие в его адрес. И именно вариативность формы предмета является полезной для отличия одного предмета от другого.

Цель исследования: раскрыть механизм взаимодействия руки и глаза при восприятии человеком вариативного по форме предмета.

В качестве экспериментальных объектов были выбраны 12 пружин различных по длине, диаметру витка, частоте витка, материалу, цвету, гибкости и упругости. Были проведены 4 серии экспериментов по оценке степени различия пары объектов: 1) в условиях зрительного восприятия с «выключенным» кинестетическим анализатором. 2) в условиях кинестетического восприятия – с «выключенным» зрительным анализатором. Процесс ощупывания фиксировался на видеокамеру. 3) в условиях как зрительного, так и кинестетического восприятия. Данный процесс также фиксировался на видеокамеру. 4) на данном этапе испытуемым предъявлялось для оценки степени различия пары объектов видеоизображение их собственных перцептивных действий по восприятию этих объектов из предыдущего этапа эксперимента.

Для обработки результатов попарного сравнения объектов был использован метод многомерного шкалирования.

Модель перцептивного действия предсказывает существование информационного феномена, согласно которому в мозге происходит «вычитание» зрительной сцены, возникающей после перцептивного действия, из зрительной сцены, снятой глазом накануне перцептивного действия. Согласно гипотезе, именно так мозг узнает степени свободы трансформации формы предметов, когда сравнивает их. Результаты многомерного шкалирования свидетельствуют в пользу данной идеи. Другими словами, анализ результатов обработки данных по методике многомерного шкалирования обнаружил существование в перцептивном пространстве специальной психологической оси оценки «упругости» формы.

В ходе исследования выявлен ряд других феноменов: 1) перцептивное действие совершается в условиях «тишины», то есть обязательном отсутствии помех; 2) перцептивное действие однокоординатно и однонаправлено. Это значит, что если пластичность и упругость предмета позволяют ему менять форму сразу по двум и более степеням свободы, то, тем не менее, рука испытуемого, изучающая предмет, совершает

Секция «Психология»

перцептивное действие, сканирует степени свободы предмета последовательно, по одной, а не по нескольким направлениям сразу.

Для более детального исследования и дальнейшего уточнения механизма восприятия человеком вариативного по форме предмета планируется новая серия экспериментов с использованием окуллографии, видеосъемки движений руки, регистрации вызванных потенциалов мозга.

Литература

1. Ананьев Б.Г., Веккер Л.М, Ломов Б.Ф., Ярмоленко А.В. Осязание в процессах познания и труда. М., 1959.
2. Веккер, Л.М. Восприятие и основы его моделирования/ Л.М. Веккер. – Л.: ЛГУ, 1994.
3. Лосик Г.В. Перцептивные действия человека. Кибернетический аспект/ Г.В. Лосик. – Минск: ОИПИ НАН Беларуси, 2008.

Измерение оперативного поля зрения: вчера и сегодня

Петракова А.В.

Студентка 1 курса

Московский государственный университет М. В. Ломоносова, факультет психологии

Москва, Россия

anastasiya-petrakova@yandex.ru

Мой доклад непосредственно связан с именем известного учёного и талантливого педагога, автора многочисленных статей, монографий и учебников - профессором психологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Юлией Борисовной Гиппенрейтер. Научные интересы Юлии Борисовны Гиппенрейтер поражают своей многогранностью и разносторонностью, включая в себя как психологию познания, так и психологию личности. В области психологии познания Ю. Б. Гиппенрейтер в течение многих лет занималась проблемами восприятия, движений глаз и внимания человека. Одним из результатов ее многочисленных исследовательских работ в этой области стало понятие «оперативное поле зрения».

Оперативное поле зрения — это «поле, в котором происходит симультанная обработка зрительной информации, необходимой для данного действия» (Ю. Б. Гиппенрейтер, 1978, стр. 81); «та часть поля зрения, в пределах которой в каждый данный момент осуществляется определённое зрительное действие (обнаружение, различение, опознание и т. д.)» (там же, стр.101). Оперативное поле зрения ещё называют «функциональным полем зрения» (там же, стр. 101)

При изучении оперативного поля зрения было проведено большое количество экспериментов. Часть из них Гиппенрейтер проводила в 1964 году, часть в 1968 году совместно с Густяковым (Гиппенрейтер, 1978). Цели исследований, посвященных оперативному полю зрения, были разнообразны — выявление предельных размеров зоны, внутри которой возможно опознание объектов, описание оперативного поля зрения в задаче зрительного поиска, выделение факторов, влияющих на размер оперативного поля зрения и т. д. В одном из подобных экспериментов (Ю.Б. Гиппенрейтер, 1978, стр. 109-112) было показано, что на размер оперативного поля зрения в задаче зрительного поиска влияет пространственная организация объектов, среди которых осуществляется поиск.

Целью моей работы стало воспроизвести этот эксперимент Ю.Б. Гиппенрейтер с использованием современной аппаратуры для бесконтактной регистрации движения глаз. Используя общую гипотезу Ю. Б. Гиппенрейтер о том, что размер оперативного поля при зрительном поиске зависит от внешних и внутренних, т.е. зависящих от наблюдателя переменных, я сократила задачу до изучения только одного такого фактора. Я хотела проверить, зависит ли размер оперативного поля зрения, измеряемый как объём фиксации, от способа группировки стимулов. В качестве зависимой переменной использовался

Секция «Психология»

объем фиксации – количество стимулов, осмотренных в течение одной фиксации, а в качестве независимой — количество стимулов в группе (4, 8 или 12).

Методика. В эксперименте приняло участие 6 испытуемых, из них - 2 девушки и 4 молодых человека, студенты психологического факультета. Средний возраст испытуемых — 20,3 года, зрение нормальное или скорректированное до нормального. Для проведения эксперимента использовалась следующая установка: персональный компьютер для предъявления стимулов и установка SMI RED III для бесконтактной регистрации движений глаз методом видеоокулографии; штатив для фиксации подбородка и лба испытуемого. Расстояние от глаз испытуемого до монитора компьютера – 57 см. Опыты проводились при постоянном освещении лампами дневного света. Испытуемым предъявлялись в качестве стимулов числовые таблицы. Каждая таблица содержала по 48 двузначных числа, сгруппированных по 4, 8 или 12. Каждый способ группировки использовался по 4 раза. Таблицы были 11x11 рядов, черного цвета, цифры – белые, размер таблицы – 14 угл. град., а размер одного числа по вертикали – 40 угл. мин. Таблицы предъявлялись в виде презентации PowerPoint на черном фоне. На первом слайде презентации была инструкция, в которой говорилось о задаче испытуемого: «В этом эксперименте Вам будут показывать таблицы со множеством двузначных чисел. Перед каждой такой таблицей будет появляться 1 двузначное число. Ваша задача состоит в том, чтобы как можно скорее определить, есть ли это число в следующей за ним таблице, или нет. Как только у Вас появится ответ, быстро нажмите на клавишу пробел» и говорите вслух «да» или «нет». Старайтесь не делать ошибок, но также помните, что мы измеряем время вашего ответа. Переход от просмотра искомого числа к таблице, в которой его надо найти, также осуществляется клавишей «пробел». Таким образом, испытуемые решали задачу зрительного поиска: правильный ответ мог быть как «да», так и «нет»; таких таблиц было поровну внутри каждого способа группировки.

Результаты. Регистрировалось время, которое уходило на выполнение каждой пробы и правильность ответа. Данные по неправильным ответам не обрабатывались. Далее с помощью программы iVan (iView Analysis) были автоматически выделены фиксации. Затем они были подсчитаны на каждой таблице. При группировке по 8 и отсутствию числа в таблице средний объем фиксации составил 2,38 числа, в то время, как при группировке по 4 — 1,63, и по 12 – 1,76. В том случае, когда число было в таблице, средний объем фиксаций составил 3,71 числа для группировок по 8, для группировок по 4 — 2,53 и при группировке по 12 – 2,57. Таким образом, подсчет средних величин объема фиксации позволяет утверждать, что группировка по 8 чисел – наиболее выигрышная с точки зрения размера оперативного поля зрения, как это было показано Ю.Б. Гиппенрейтер.

Таким образом, нам удалось воспроизвести структуру результатов Ю.Б. Гиппенрейтер. Причиной некоторых расхождений конкретных числовых значений могут служить следующие факторы. Во-первых, небольшое расхождение в заданиях: в исходном эксперименте использовался только случай, где искомое число присутствовало в таблице, а в нашем — еще и случай, где искомого числа не было. Кроме того, использовалось другое оборудование. Наконец, в отличие от испытуемых, участвовавших в опытах Ю.Б. Гиппенрейтер, все наши испытуемые были нетренированными.

В качестве вывода, можно сказать, что данная попытка воспроизвести эксперимент, который до этого проводился в двадцатом веке, позволит продолжить линию исследований зрительного внимания, развивавшуюся в работах Ю.Б. Гиппенрейтер. Воспроизведение данной методики открывает возможности для новых исследований связи зрительного внимания и движений глаз. Надеюсь, что возвращение к старым исследованиям позволит обнаружить много нового.

Литература

1. Ю. Б. Гиппенрейтер. Движения человеческого глаза. М.: Изд-во МГУ, 1978.

Когнитивные стили в восприятии информации

Петрович Д.Л.

Преподаватель

Международный Славянский Институт, факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: kosula1980@mail.ru

С развитием новых информационных технологий все большее внимание привлекает проблема индивидуальных различий в контексте адаптации и гибкости взаимодействия человека и технических систем и в связи с этим безопасности, удобства, эффективности и удовлетворения человека от использования этих систем (Schütte, Eklund, 2004; De Waard et al., 2007; Нос, Amalberti, 2007; Feigh et al., 2007; Леонова, Блинникова, Величковский, Капица, 2008; Мунипов, Зинченко, 2001). Все более актуальным становится исследование индивидуальных различий в восприятии и переработке информации человеком. Во многих исследованиях показано, что на результативность процессов восприятия информации человеком оказывают влияние внутренние факторы, то есть индивидуальные характеристики человека и внешние факторы, то есть параметры пространственно-временной организации информации и др. (Бодров, 2006; Головина, 2007, 2008; Гусев, 2004; Мунипов, Зинченко, 2001; Скотникова, 2008; Ломов, 1966, 1986; Обознов, 2003; Холодная, 2004 и др.).

Цель исследования. Выявление связи результативных показателей восприятия приборной информации у пользователей с различными когнитивно-стилевыми особенностями в условиях ее разной пространственной организации.

Гипотеза исследования. Результативные показатели успешности восприятия приборной информации зависят как от когнитивных стилей испытуемых, так и от пространственной организации приборной информации.

Испытуемые. 39 пользователей технических средств - студенты московских ВУЗов, мужчины и женщины в возрасте 18 -25 лет.

Методика исследования. Для исследования когнитивных стилей испытуемых использовались следующие методики: тест АКТ-70 (полезависимость/полenezависимость), тест Кагана (импульсивность/рефлексивность), тест Колги (диапазон эквивалентности). Показатели АКТ-70: время выполнения теста, количество верно решенных заданий, продуктивность, как частное от деления времени выполнения теста на количество верно решенных заданий. Показатели теста Кагана: сумма времени первых ответов, количество ошибок. Показатели теста Колги: количество выделенных групп; коэффициент категоризации в виде частного от деления суммы баллов по всем выделенным группам в зависимости от основания категоризации каждой группы - формально-ситуативного (0 баллов), либо категориального (1 балл), - на общее количество групп; разброс в объемах выделенных групп, определяемый как частное от деления разницы между объемами самой большой и самой маленькой групп, деленное на общее количество групп. Для исследования восприятия приборной информации была выбрана задача считывания информации. Считывание относится к далее неразложимым целевым действиям, которые осуществляются при взаимодействии человека с техническими системами. Считывание является типичной для человека задачей, включенной в выполнение деятельности, опосредованной сложными техническими системами. Наконец, показатели точности и скорости считывания приборной информации прямо влияют на эффективность взаимодействия человека и технической системы. Для исследования восприятия приборной информации испытуемыми применялась методика А.А. Обознова и Д.Л. Петрович, компьютерная реализация которой была сделана В.А. Садовым. Программа позволяет предъявлять изображения по специально созданной схеме. Изображения предъявлялись на экране дисплея в пределах ± 15 угловых градусов от нормальной линии взора испытуемых. Длительность предъявления изображения равна 500 мс. Время, отведенное для ответа испытуемого, составляло 3000 мс. В одно

Секция «Психология»

изображение входит четыре циферблата, диаметром 50 мм каждый. Были спланированы 2 экспериментальные серии. Циферблаты в разных сериях располагались на расстоянии 5 мм и 30 мм друг от друга. Каждая серия состояла из 48 предъявлений изображений. В каждом изображении в середине монитора помещалась стрелка, направленная на один из 4 циферблатов. Заданием испытуемого являлось считывание показаний со шкалы, на которую направлена стрелка в середине экрана. Для этого он должен был нажать на клавишу на клавиатуре с цифрой, на которую показывает стрелка внутри этой шкалы. Экспериментальные серии предъявлялись в соответствии со схемой индивидуального эксперимента, по плану реверсивного уравнивания. Были вычислены показатели: среднее время верного считывания, частоты встречаемости пропусков и ошибок для разных серий.

Для статистической обработки данных использовался корреляционный анализ (ранговый коэффициент корреляции Спирмена), анализ частот, непараметрические критерии оценки достоверности различий между выборками (U-критерий Манна-Уитни).

Результаты. В результате корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи когнитивно-стилевых характеристик испытуемых и успешности считывания приборной информации:

- количество ошибок по тесту Кагана и частота пропусков ответов при расстоянии между шкалами 30 мм прямая связь ($r = 0,32$; $p < 0,05$);
- количество ошибок по тесту Кагана и частота ошибок считывания при расстоянии между шкалами 5 мм прямая связь ($r = 0,32$; $p < 0,05$);
- количество ошибок по тесту Кагана и время верного считывания при расстоянии между шкалами 30 мм прямая связь ($r = 0,33$; $p < 0,05$);
- количество верно решенных заданий по методике АКТ-70 и частота ошибок считывания при расстоянии между шкалами 30 мм обратная связь ($r = -0,34$; $p < 0,05$);
- количество верно решенных заданий по методике АКТ-70 и временем верного считывания при расстоянии между шкалами 30 мм обратная связь ($r = -0,34$; $p < 0,05$);
- разброс в объемах выделенных групп по методике В. Колги и количество ошибок считывания при расстоянии между шкалами 30 мм прямая связь ($r = 0,39$; $p < 0,05$).

В результате анализа частот выявлено, что частота пропусков была выше в том случае, если шкалы располагались на расстоянии 30 мм друг от друга (частота пропусков в серии с расстоянием между шкалами 5 мм – 0,012; частота пропусков в серии с расстоянием между шкалами 30 мм – 0,023, $p < 0,005$).

Выводы. Когнитивные стили взаимосвязаны с успешностью считывания приборной информации. Выявлена связь импульсивности/рефлексивности и успешности считывания приборной информации: рефлексивность соответствует меньшему количеству пропущенных ответов и меньшему времени считывания. Обнаружена связь полезависимости/полenezависимости и узкого/широкого диапазона эквивалентности с успешностью считывания приборной информации: полenezависимость и понятийная дифференциация соответствуют высоким точностными показателями считывания приборной информации. Точностные показатели считывания приборной информации зависят от пространственной организации приборной информации. Большому расстоянию между шкалами в задаче считывания приборной информации соответствует более высокая частота пропусков, чем малому расстоянию между шкалами.

Литература

1. Гусев А. Н. (2004) Психофизика сенсорных задач. М.: МГУ.
2. Мунипов В.М., Зинченко В.П. (2001) Эргономика: Человекоориентированное проектирование техники, программных средств и среды. М.: «Логос».
3. Холодная М.А. (2002) Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. Учебное пособие. М.: ПЕР СЕ.

Методы диагностики и повышения стрессоустойчивости.

Поликанова И.С.

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: irinapolikanova@mail.ru

Проблема объективной диагностики стрессоустойчивости человека, деятельность которого связана с высоким риском возникновения экстремальных и чрезвычайных ситуаций, является актуальной и социально значимой проблемой. Такой, чреватый катастрофами, тип деятельности, где высока цена допущенной ошибки, характерен для большинства операторских профессий - водителей транспортных средств, военнослужащих, работников охранных и силовых структур – т.е. для тех профессий, где длительные периоды монотонной работы сменяются периодами активной деятельности, требующей мгновенного принятия решения. Степень риска принятия ошибочных решений будет значительно ниже, если построить объективную систему отбора таких специалистов.

Основными недостатками современных исследований по данной тематике является, во-первых, то, что применяемые методы диагностики стрессоустойчивости, в большинстве своем, основываются на психологическом тестировании, и лишь изредка, используются психофизиологические методы оценки этого важного качества. А, во-вторых, одним из основных недостатков предлагаемых решений оценки стрессоустойчивости является отсутствие комплексного параметра, часто заменяемого поиском какого-либо одного показателя центральной или периферической нервных систем (к примеру, ЧСС, КГР, ФПГ, ЭЭГ и т.д.).

В данном докладе представлены результаты экспериментального исследования, целью которого было на основе интегрального анализа психологических и психофизиологических показателей стрессоустойчивости, выделить некоторый комплекс показателей, позволяющих объективно дифференцировать группы стрессоустойчивых и нестрессоустойчивых испытуемых. А также разработка методики с использованием БОС (биологической обратной связи) и проведение тренингов по повышению стрессоустойчивости, и дальнейшее сопоставление успешности выполнения деятельности после прохождения тренинговых процедур по сравнению с изначальным результатом.

В настоящее время коррекционные технологии с использованием биологической обратной связи (БОС) являются одной из перспективных методологий в развитии превентивной медицины и практической психологии. Этот метод используется в эффективном стрессменеджменте, в коррекции психических и психосоматических расстройств и состояний, которые вызваны хроническим или сильным эпизодическим стрессом, а также для лечения и коррекции таких нарушений как депрессия, патологическая тревога, панические атаки, фобии, синдром дефицита внимания и гиперактивности и т.п.

В данном исследовании приняли участие 8 испытуемых (2 женщины и 6 мужчин) возрастом от 20 до 29 лет. Экспериментальное исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе проводилась психологическая и психофизиологическая диагностика испытуемых. Испытуемые заполняли психологические тесты (Спилбергер-Ханин – на оценку личностной и реактивной тревожностей; Тейлор – выявляющий уровень тревожности; EPQ Айзенка – нейротизм, интро-экстраверсия). После чего они выполняли экспериментальную процедуру, моделирующую три функциональных состояния (норма, стресс, утомление). Моделирование ситуаций стресса и утомления рассматривались как различные виды стрессовых воздействий. Параллельно с проведением экспериментальной процедуры также проводилась запись электроэнцефалограммы (ЭЭГ) по 21 отведению, электрокардиограммы (ЭКГ) и фотоплетизмограммы (ФПГ). На втором этапе исследования проводилась коррекционная работа с двумя тревожными испытуемыми с использованием метода БОС. На этом этапе

Секция «Психология»

эксперимента испытуемые обучались управлять контролируемыми параметрами, в качестве которых были выбраны фотоплетизмограмма (ФПГ), по которой считалась амплитуда систолической волны, и кожно-гальваническая реакция (КГР). Данные контролируемые параметры использовались для снижения отрицательного эмоционального фона и приобретения навыков расслабления и саморегуляции. На третьем заключительном этапе проводилась повторная психологическая и психофизиологическая диагностика испытуемых, проходивших серию БОС-тренингов. Данные результаты сравнивались с изначальными, и так как в обоих случаях наблюдалось повышение контролируемых параметров, делался вывод об адекватности и эффективности использования метода БОС для повышения стрессоустойчивости.

Результаты исследования показали, что экспериментальная процедура довольно хорошо моделировала операторскую деятельность и как следствие – стрессовую ситуацию у испытуемых, что отразилось в изменении различных физиологических показателей (ЭКГ, ФПГ). На основе сравнительного, корреляционного, регрессионного анализов психологических и психофизиологических показателей был выделен некоторый набор параметров, отражающих наиболее значимые изменения в организме во время стрессовой ситуации и позволяющих объективно дифференцировать группы стрессоустойчивых и нестрессоустойчивых испытуемых. Также данное исследование показало, что в результате использования метода БОС для повышения уровня стрессоустойчивости, испытуемые научились управлять контролируемыми параметрами, что отразилось в изменении физиологических показателей: амплитуда систолической волны увеличилась на 80-85%, частота сердечных сокращений уменьшилась на 20% и R-R интервалы увеличились на 10-15% по сравнению с изначальными данными, что свидетельствует о значительной степени снижения тревожности и напряжения в стрессовых ситуациях у испытуемых. Данные результаты говорят об адекватности и эффективности использования БОС-тренингов для повышения стрессоустойчивости. Но следует учитывать, что стрессоустойчивость, как индивидуальная характеристика человека имеет собственную специфику и динамику, которая зависит от генетических детерминант, личного опыта и от количества проведенных тренингов.

Иллюзия Вазарели: геометрия линий паттерна определяет иллюзорный эффект

Полякова Н.В.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: nata190388@yandex.ru

Одним из интереснейших феноменов зрительного восприятия являются зрительные иллюзии. Для их объяснения в ряде работ (Adelson, 2000; Coren, Girgus, 1978) были представлены иерархические модели, включающие выделение различных уровней, каждый из которых имеет свои специфические механизмы переработки информации. Например, для объяснения иллюзий светлоты, а также оптико-геометрических иллюзий был описан трехуровневый подход, в котором выделялись гипотетические уровни, условно обозначенные как сенсорный, кортикальный и когнитивный. Подобный подход позволяет не только объяснить многообразие иллюзорных эффектов, но и классифицировать зрительные иллюзии не по какому-либо отдельному параметру (иллюзии размера, цвета, движения), а по критерию включения тех или иных гипотетических механизмов, которые приводят к данному иллюзорному эффекту.

Предполагается, что основным механизмом сенсорного уровня является латеральное торможение ганглиозных клеток сетчатки, благодаря которому происходит локальное сравнение яркостей соседних участков поверхности. На этом уровне максимальный отклик зрительной системы будет зафиксирован при резком перепаде

Секция «Психология»

яркости, и наоборот, слабая реакция будет наблюдаться при медленном изменении яркости.

Сенсорными механизмами объясняются сравнительно небольшое количество иллюзий светлоты. К ним традиционно относят полосу Маха, гармошку Маха, иллюзию Вазарели, иллюзию одновременного контраста и решетку Германа. В ряде работ были получены данные, свидетельствующие о том, что две последние иллюзии не могут быть объяснены на основе сенсорных механизмов (Logvinenko, Ross, 2005; Schiller, Carvey, 2005). Для их объяснения необходимо введение механизмов вышележащих уровней обработки зрительной информации, таких, например, как эффекты группировки, кривизна линии, типы пересечения линий и др. Возникает вопрос, а действительно ли оставшиеся иллюзии можно отнести к разряду сенсорных? Для ответа на него мы исследовали иллюзию Вазарели. Паттерн этой иллюзии состоит из наложенных друг на друга квадратов: каждый квадрат уменьшается по размеру и увеличивается по яркости на заданную величину. Иллюзорный эффект состоит в том, что наблюдатели воспринимают светящийся по диагоналям квадрата крест, которого объективно не существует. Наша гипотеза состояла в том, что иллюзорный эффект Вазарели не может быть объяснен работой сенсорных механизмов. Для этого предполагалось найти такие зрительные признаки, благодаря которым а) возможно изменить выраженность иллюзии и б) невозможно объяснить эти изменения сенсорными механизмами. Среди зрительных признаков иллюзии Вазарели мы выделили один из основных - прямые линии между углами любого квадрата. Мы предположили, что изменение геометрии линий, составляющих стороны квадратов, может привести к изменению воспринимаемой яркости креста Вазарели, причем эти изменения могут вносить различный эффект в выраженность иллюзии: чем сильнее искажена прямая линия, тем сильнее может меняться иллюзорный эффект, и наоборот.

Мы создали шесть модификаций иллюзии Вазарели, в которых изменялась конфигурация линий между углами. При этом все остальные параметры изображения (форма углов, изменения яркости между квадратами) оставались неизменными. Для первых трех модификаций прямые линии были заменены пилообразными линиями, зубчики которых были составлены из острых, прямых или тупых углов. Для следующих трех модификаций прямые заменялись плавными дугообразными линиями: выпуклыми, вогнутыми и выпукло-вогнутыми.

Задачей нашего экспериментального исследования являлось построение порядковой шкалы, отражающей выраженность иллюзорного эффекта в зависимости от изменения геометрии линий. Данная шкала отражает значимость данного зрительного признака для процесса формирования иллюзии. Шкала строилась при помощи метода парных сравнений Терстоуна.

В эксперименте принимали участие 11 студентов факультета психологии МГУ. На экране монитора предъявлялись попарно иллюзия Вазарели и ее шесть модификаций. Всего предъявлялось 420 пар, каждая пара по 20 раз. Пары предъявлялись в случайном порядке. Время предъявления каждой пары составляло 1 сек., межстимульный интервал составлял 0,5 сек. Испытуемым предлагалось оценить, на каком из двух предъявленных изображений воспринимаемый крест выглядит более ярким.

В результате проведенного эксперимента были получены порядковые шкалы выраженности иллюзии Вазарели в зависимости от геометрии линий, составляющих стороны квадратов. По результатам шкалирования испытуемых можно было разделить на две группы - 7 человек в группе *A* и 4 человека в группе *B*. В группе *A* порядок степени выраженности иллюзии (от сильной к слабой) был следующим: вогнутые линии, выпукло-вогнутые линии, острые углы, классическая иллюзия Вазарели, прямые углы, тупые углы, выпуклые линии. В группе *B* положение стимулов на шкале немного отличалось: вогнутые линии, выпукло-вогнутые линии, выпуклые линии, острые углы, классическая

Секция «Психология»

иллюзия Вазарели, прямые углы, тупые углы. Полученная шкала выраженности иллюзорного эффекта показала, что воспринимаемая яркость по диагоналям квадрата зависит от геометрии линий, связывающих углы квадратов между собой. Причем оказалось, что чем более искажен паттерн иллюзии Вазарели (прямые заменялись пилообразными линиями), тем менее выраженной становится иллюзия, т.е. воспринимаемая яркость креста уменьшалась. В случае, когда паттерн менее искажен (прямые заменялись плавными дугообразными линиями), иллюзорный эффект увеличивался.

Распределение результатов по двум группам с разным порядком стимулов, можно интерпретировать, исходя из предположения о разных критериях принятия решения при выборе изображения в паре, что подтверждалось в субъективных самоотчетах испытуемых.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что иллюзию Вазарели неправомерно относить к разряду сенсорных иллюзий. Построенная шкала выраженности иллюзии показала, что воспринимаемая яркость креста Вазарели может меняться в зависимости от геометрии линий, составляющих стороны квадратов. Причем, характер изменения линий (пилообразный или дугообразный) вносит различный эффект в выраженность иллюзии: линии, составленные из разных по ориентации зубчиков, разрушают иллюзорный эффект, тогда как плавные, медленно меняющиеся по ориентации линии, усиливают иллюзию.

Наши данные, а также данные других исследователей говорят о том, что даже самые простые изображения (такие как иллюзия Вазарели, одновременный контраст) уже являются перцептивно организованными паттернами и не могут объясняться локальными механизмами сенсорного уровня.

Литература

1. Adelson E.H. Lightness Perception and Lightness Illusions//The New Cognitive Neurosciences. 2nd ed./ M. Gazzaniga (Ed.). Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 339-351.
2. Coren S., Girgus J.S. Visual illusions.//Handbook of Sensory Physiology./R.N.Leibowitz&H.L.Teuber (Eds.), 1978. P. 549-569.
3. Schiller P.H., Carvey C.E. The Hermann grid illusion revisited. //Perception. 2005. Vol. 34. № 11. P.1375-97.
4. Logvinenko, A. D., Ross, D. A. Adelson's tile and snake illusions: A Helmholtzian type of simultaneous lightness contrast. //Spatial Vision. 2005. Vol. 18. No. 1, P. 25–72.

Отражение в параметрах ЭЭГ близнецов выполнения арифметических операций ¹

Попова В.А., Сыроваткина А.А.²

Соискатель, студент

Южный федеральный университет,

психологический факультет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: angelofsakura@yandex.ru; vikaropova25@mail.ru

Проведенные исследования свидетельствуют о вкладе генотипа в межиндивидуальную вариативность разных параметров практически всех ритмических составляющих ЭЭГ и вызванных потенциалов [Равич-Щербо И.В. и др.] [5]. В настоящее время пристальный интерес у исследователей вызывает изучение отражения в параметрах ЭЭГ при выполнении арифметических операций. Исследований, посвященных этому вопросу, проводилось немного [4; 5; 6].

Цель: оценка отражения в параметрах мощности электроэнцефалограммы арифметических операций. **Предмет исследования:** динамика мощности ритмических составляющих ЭЭГ при выполнении математических операций. Выборку составили 54 человека (27 пар МЗ и ДЗ близнецов в возрасте от 14 до 18 лет). Все испытуемые без отклонений в состоянии здоровья, участвовали в исследовании добровольно. В работе

Секция «Психология»

использовался метод электроэнцефалограммы. Запись электроэнцефалограммы проводилась по международному стандарту 10x20. Для регистрации электрической активности использовалось 21 отведение (Fp1, Fp2, Fpz, F3, F4, Fz, F7, F8, C3, C4, Cz, T3, T4, T5, T6, P3, P4, Pz, O1, O2, Oz) по монополярной схеме с ипсилатеральными ушными референтами; использовался электроэнцефалограф «Энцефалан», версия «Элитная-М» 5.4-10-2.0 (13.02.2004), производства МТБ «Медиком» г. Таганрог. Регистрация осуществлялась в изолированном помещении. Последовательность функциональных проб при записи ЭЭГ: «фон», «открыть глаза», «закрыть глаза», проба «арифметический счет» (в ходе которой необходимо было от 100 отнимать 7). Для отслеживания и подавления артефактов использовались регистрация электромиограммы, электроокулограммы, электрокардиограммы, кожно-гальванической реакции и фотоплетизмограммы. Математическая обработка данных осуществлялась с использованием Т-критерия Стьюдента по программе Statistica 6.0.

Нами была выдвинута следующая гипотеза: выполнение арифметических операций сопровождается повышением мощности бета1-, тета- и альфа-ритмов в париетальных, темпоральных и центральных областях коры. В результате анализа абсолютных значений мощности функциональной пробы «арифметический счет» было получено, что в диапазоне тета-ритма отмечается существенное повышение мощности преимущественно в левом полушарии в темпоральных отведениях T3, T5, париетальных P3, Pz, а также в точках Fp1, C3, O1 ($p < 0,05$). Рассматривая изменения мощностных характеристик альфа-диапазона можно отметить билатеральную включенность в процесс арифметического счета центральных, темпоральных, париетальных и латерально-фронтальных областей коры (F8, F7, T3, T4, T5, C3, C4, Cz, P3, P4, Pz), а также включенность окципитальных областей с левой стороны (O1, Oz); что касается бета1-ритма, то значимое изменение мощности имеет место в центральных отведениях C3, Cz, C4 и париетальном отведении P3 ($p < 0,05$). Все полученные нами повышения мощности ЭЭГ – ритмов отображены графически (Рис. 1). На рисунке 1 видно, что в процессе выполнения арифметических операций происходят значимые изменения мощности: тета - ритма в темпоральных, париетальный и окципитальных областях коры, что может свидетельствовать об эмоционально-мотивационном возбуждении испытуемых в процессе выполняемой деятельности, а также с эффектом поддержания высокой активности мозга для успешной когнитивной деятельности у сильно мотивированных испытуемых. Усиление мощности тета-ритма в левой париетальной области коры может являться следствием тормозных процессов, необходимых для торможения предыдущей числовой информации и фокусировании внимания на выполнении текущей арифметической операции. Повышение мощности альфа-ритма в окципитальной и париетальной областях коры свидетельствует о том, что испытуемые использовали преимущественно зрительно-пространственную стратегию кодирования числового стимула. Бета1-ритм связывают с реализацией состояния бдительности, также его считают «носителем внимания».

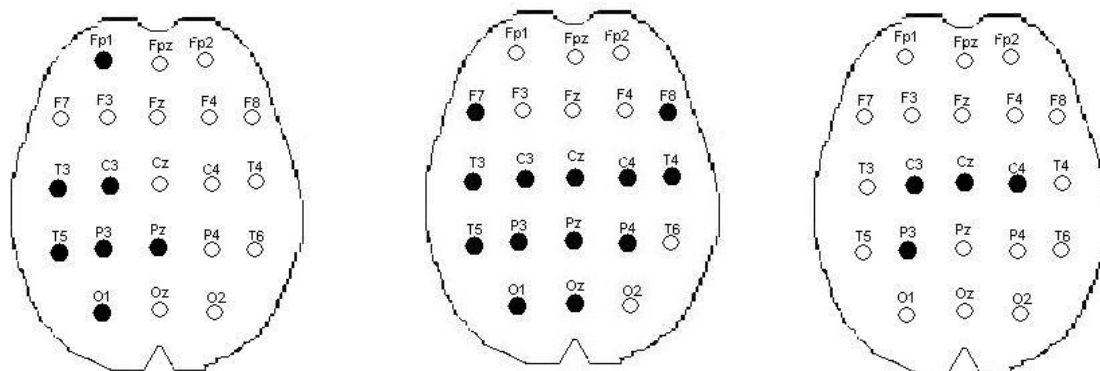
Рисунок 1

Схема повышения мощности ЭЭГ - ритмов в процессе выполнения арифметических операций

Тета

Альфа

Бета1

Гипотеза о том, что в процессе выполнения арифметических операций повышается мощность бета1-, тета- и альфа-ритмов в парietальных, темпоральных и центральных областях коры нашла подтверждение. В качестве перспектив продолжения исследования можно указать на оценку вклада генотип-средовых факторов в динамику мощности ЭЭГ при выполнении арифметических операций.

Литература

1. Иваницкий Г.А., Николаев А.Р., Иваницкий А.М. (2002) Взаимодействие лобной и левой теменно-височной коры при вербальном мышлении // Физиология человека. 2002. № 1. с. 5-11.
2. Кабардов М.К., Матова М.А. Межполушарная асимметрия и вербальные и невербальные компоненты познавательных способностей // вопросы психологии. 1988. № 6. С. 106-115.
3. Кирой В.Н. (1988) Электроэнцефалография. «Ростов-на-Дону», 1998.
4. Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М.: Аспект-пресс, 1999. 447 с.
5. Разумникова О.М. (2004) Мышление и функциональная асимметрия мозга. «Новосибирск», 2004.
6. Разумникова О.М. Отражение структуры интеллекта в пространственно-временных особенностях фоновой ЭЭГ // Физиология человека. 2002. Т. 28. С. 31-35.

1 Тезисы доклады основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант 08-06-00753а).

2 Авторы выражает признательность профессору, д. пс.н. Воробьевой Е.В. за помощь в подготовке тезисов.

Особенности воспроизведения событий, заданных в рассказах:

нейролингвистический анализ

Простякова И.А.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

prosty30@yandex.ru

В свете проблемы реконструкции опыта в вербальной форме возникает вопрос о том, какие особенности восстановления исходного события можно выявить в рассказах при разной структуре описания событий, которые содержатся в этих рассказах. Какие

Секция «Психология»

реконструкции и потери могут происходить в вербальной актуализации события в зависимости от типа восстанавливаемого события? (Ф.Бартлетт, 1979)

Проблема воспроизведения рассказов (и их содержания) является сложной и многоуровневой. Исследование стратегий сохранения и реконструкции события в рассказе лежит на пересечении исследования нескольких когнитивных процессов. Реконструкция событий связана с активацией систем семантической памяти, эпизодической памяти; актуализируются стратегии работы с материалом (на этапах запоминания и реконструкции). При вербализации события безусловное влияние на реконструкцию оказывают процессы понимания и порождения речи. В реконструкции событий на всех этапах участвуют процессы программирования, регуляции и деятельности, процессы выбора и избирательности (например, элементов семантической сети и речевых элементов при порождении высказывания). В рамках представления о многоуровневой организации понимания и воспроизведения текстов исследуется проблема мозговой локализации уровней, которая обеспечивает их функционирование (Микадзе, 1983).

Для понимания процесса реконструкции рассказов, содержащих событие, важными на уровне механизмов, обеспечивающих процессы реконструкции, являются дихотомии симультанное/сукцессивное (J.Levi, 1974), аналитическое/холистическое, на уровне построения речевого высказывания – синтагматическое/парадигматическое (Лурия, 1975). Эти стратегии работают совместно, и обеспечивают реконструкцию рассказа о событии. Следовательно, можно рассматривать реконструкцию рассказа о событии с точки зрения формирования и работы этих стратегий.

Целью работы является исследование особенностей реконструкции события, выявляемых в рассказе о событии, с точки зрения функционирования стратегий, используемых при реконструкции события при его пересказе.

Гипотеза. В работе выделяется два типа рассказов, различных по структуре описания события (последовательность событий и детализация события). При запоминании и воспроизведении происходит реконструкция рассказа о событии. С психологической точки зрения характер возникающих реконструкций зависит от используемых стратегий, применение разных стратегий работы с информацией приведет к специфической реконструкции события в рассказе. С лингвистической точки зрения такие реконструкции находят свое отражение на лексическом, синтаксическом, семантическом уровнях.

Методические средства. Для исследования стратегий сохранения и реконструкции событий анализировалось воспроизведение специфически структурированных рассказов. Рассматривалось два вида их организации: рассказы, содержащие последовательность ряда событий, и рассказы, содержащие детальное описание (детализацию) определенного события. Испытуемым предъявлялся на слух рассказ, задача испытуемого – пересказать рассказ после завершения чтения. Всего предъявлялось 7 рассказов.

Испытуемые. Методика апробировалась на группе из 16 здоровых испытуемых в возрасте от 20 до 56 лет.

Результаты. Реконструкция рассказов на последовательность событий носит более сходный характер по структуре и содержанию у большинства испытуемых, чем рассказы, содержащие детализацию события. Рассказы на последовательность событий строятся по стратегии разворачивания отдельных его элементов во времени. Это соотносится с принципом работы аналитической стратегии. Событие реконструируется как целостность, в которой выстраивается последовательность перехода от одного события к другому. Как правило, устанавливается временная последовательность между событиями. Затем последовательность отдельных событий объединяется в некоторую целостность, определяемую содержанием рассказа (например, о чем рассказ, какая у него мораль). При

Секция «Психология»

вербализации реконструкция проявляется в виде последовательного развертывания содержаний отдельных событий в целостный рассказ (при этом осуществляется опора на синтагматическую основу системы языка).

В рассказах с детализацией реконструкция события строится по стратегии выделения отдельных его элементов их соотнесения в том или ином семантическом поле, соответствующем содержанию события. При запоминании и реконструкции содержание конкретного события выступает целостностью, которая задает «ключи», опорные единицы, которые связаны рамками целостной ситуации (детали события). При реконструкции таких рассказов происходит выбор и актуализация деталей из определенных семантических полей (при этом осуществляется опора на парадигматическую основу системы языка).

Таким образом, из анализа пересказов текстов различного типа и интерпретации результатов можно сделать вывод о наличии тенденции актуализации различных стратегий реконструкции воспроизводимого рассказа: «разворачивания» (аналитическая, сукцессивная стратегии) и «сворачивания» (холистическая, симультанная стратегии), которые проявляются на трех лингвистических уровнях организации текстов: (лексическом, синтаксическом, семантическом) в опоре на парадигматическую/синтагматическую основы системы языка.

Заключение. В результате проведения экспериментального исследования выделены основные модели работы с событиями различного типа: реконструкция в воспроизведении по типу разворачивания повествования во времени и пространстве события и реконструкция в воспроизведении по типу сворачивания (схематизации с отдельными смысловыми единицами события как опорными точками). Для этих моделей свойственны специфические паттерны лингвистической организации при воспроизведении текстов (на лексическом, синтаксическом, семантическом уровнях).

Можно предположить, что реконструкция рассказов будет изменяться в зависимости от локализации очага поражения головного мозга. Дефицитарность/изменения при использовании разных стратегий и при опоре на разные аспекты в системе языка: аналитической – холистической, сукцессивной – симультанной, синтагматической – парадигматической – будет зависеть от латерализации очага поражения, а также от его локализации в передних и задних отделах мозга. В настоящее время проводится обследование больных с локальными поражениями мозга (больные с локализацией очага в теменной и лобной доли левого и правого полушарий мозга). Методика проводится в рамках общего нейропсихологического обследования.

Литература

1. Ахутина Т.В. (2002) Нейролингвистический анализ динамической афазии. М.: Теревинф
2. Бартлетт Ф. (1979) Человек запоминает. Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М.МГУ, с.93-102.
3. Лурия А.Р. (2007) Основные проблемы нейролингвистики. М.: ЛКИ
4. Микадзе Ю.В. (1983) Нарушение запоминания предложений и текстов при локальных поражениях мозга//Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова, т.83, вып.5

Особенности восприятия и оценки опасных ситуаций у людей с высоким и низким уровнем тревожности

Рапштынский Л.В.

Студент факультета психологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: par7ink@mail.ru

Секция «Психология»

На сегодняшний день существует достаточно большое количество исследований и работ, посвященных проблеме тревожности человека. Несмотря на это, данную сферу нельзя считать до конца изученной.

В нашем исследовании делается попытка по-новому определить феномен тревожности, найти и исследовать его психофизиологические проявления.

Мы рассматриваем тревожность как черту, в разной степени присущую всем людям. При этом делаем попытку определить человека с высоким уровнем тревожности как человека, который воспринимает и реагирует на неопределенные ситуации, так же, как и на опасные.

Мы полагаем, что процесс восприятия и оценки различных по степени опасности ситуаций можно проследить в компонентах связанных с событиями потенциалов (ССП). Опираясь на данные других исследователей (Schupp et al.), мы полагаем, что СПП отличаются друг от друга, в зависимости от содержательного характера стимуляции. Так, у одного и того же испытуемого будут наблюдаться различные по амплитуде и латентному периоду компоненты зрительных СПП при предъявлении ему картинок из трех разных групп: опасных, неопределенных и безопасных ситуаций. При этом у испытуемых с высоким уровнем тревожности СПП на картинки с неопределенными ситуациями будет практически полностью сходен с СПП тех же испытуемых на опасные ситуации. У испытуемых с низким уровнем тревожности такого сходства наблюдаться не будет. Опираясь на данные, полученные в исследовании Schupp с сопр., можно предположить, что СПП на опасные и неопасные ситуации будут отличаться по амплитуде негативных компонентов затылочных отведений, появляющихся на 200-300мс после предъявления картинки, а также по амплитуде негативных компонентов 400мс теменных отведений.

Исследование было разбито на несколько этапов. На первом этапе группе экспертов, состоящей из двадцати студентов 1-3 курса факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, было предложено оценить 50 цветных фотографий с изображениями различных ситуаций (катастрофы, пейзажи, экстремальные виды спорта и т.д.). Изображения оценивались по степени опасности в баллах от 0 до 100. Коэффициент согласованности экспертов (α -Кронбаха) – 0,960. Для каждого стимула были подсчитаны значения медианы экспертных оценок. Высокая согласованность экспертов позволяет выделить из пятидесяти изображений тридцать следующим образом. 10 изображений, получивших минимальный балл, - в группу безопасных ситуаций; 10 изображений, получивших максимальный балл, - в группу опасных ситуаций; 10 изображений, сгруппировавшихся вокруг оценки 50 баллов, - в группу неопределенных ситуаций.

На втором этапе испытуемым в случайном порядке предъявляются изображения каждой группы, всего – 240 предъявлений. При этом испытуемым дается инструкция нажимать на левую кнопку, если предъявленная ситуация, по их мнению, опасна, и на правую, если безопасна. Время предъявления изображения – 1с, время паузы между предъявлениями – 1,5 – 3,0с. Процедура проводится в темной комнате, изображения предъявляются на расстоянии 1м от глаз испытуемого.

На третьем этапе испытуемые проходят тестирование на определение уровня тревожности. Для решения этой задачи используются опросники Спилбергера и Дж. Тейлор, а также специально созданная программа качественной оценки уровня тревожности на базе аппарата БОС.

На заключительном этапе испытуемые делятся на две группы: с высоким и низким уровнем тревожности. Данные, полученные с помощью регистрации зрительных СПП сравниваются между двумя группами.

В качестве дополнения к исследованию проводится процедура многомерного шкалирования стимулов. Испытуемые в баллах оценивают степень различия пар стимулов, состоящих из тех же тридцати изображений. На основе данных, полученных с помощью этой процедуры, строятся индивидуальные и групповые пространства

различения опасных ситуаций. Такая процедура позволяет выделить факторы, лежащие в основе категоризации ситуаций испытуемыми.

Литература

1. Александров Ю. И. (2003) Психофизиология СПб.: Питер.
2. Астапов В.М. (2001) Хрестоматия «Тревога и тревожность» //СПб.: Питер.
3. Данилова Н.Н. (1992) Психофизиологическая диагностика функциональных состояний // М: Изд-во МГУ.
4. Свидерская Н.Е., Прудников В.Н., Антонов А.Г. (2001) Особенности ЭЭГ-признаков тревожности у человека /М: ж. Высшая нервная деятельность // т.51 № 2 с.158-165
5. R.S. Lazarus (1968) Emotion as coping process //M.B. Arnold (ed). The nature of emotion. Selected readings. Middlesex, Penguin.
6. Schupp et al. (2004) The facilitate processing of threatening faces: an ERP analysis // Emotion, vol. 4, №2, 189-200.

Личностные ценности как факторы морального выбора и уверенности в его правильности

Рогожкина И.Б.

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: snleo@mail.ru

Решение, которое принимает человек в сложных с точки зрения нравственности ситуациях, часто становилось предметом психологических исследований. Были предприняты многочисленные попытки понять, как делается моральный выбор – на основе рациональных размышлений или эмоций, и как этот выбор соотносится с уровнем нравственного развития или с реальным поведением. В последнее время психологов начал интересовать вопрос о связи морального выбора человека с его ценностями или ценностными ориентациями (эти понятия далее мы будем употреблять как синонимы). Так, в работе Шафера с коллегами [5] было установлено влияние личностных ценностей на принятие решений в менеджменте. В исследовании Палермо и Эванс [4] была обнаружена зависимость между ценностями и моральным выбором у студентов-юристов. Асадуллина и Малюгин [1] также показали, что ценностные ориентации являются одним из факторов выбора определенного решения в нравственных дилеммах. Однако выявленная в этих работах связь между ценностями и моральным выбором не была сильной и устойчивой.

В этих и других исследованиях моральный выбор рассматривался вне связи с другими уровнями регуляции принятия решений (ПР). Т.В. Корниловой сформулирована функционально-уровневая концепция регуляции ПР, предполагающая единство интеллектуальных и личностных компонентов регуляции выбора [2]. Согласно ее положениям, преодоление субъективной неопределенности при решении моральных дилемм включает как оценку приемлемости выбора с рациональной точки зрения, так и оценку этого выбора с точки зрения соответствия моральным нормам индивида. При таком подходе естественно предположить, что ценности личности не являются единственным и определяющим фактором принятия решения, а, скорее, оказывают влияние на степень уверенности в его «правильности».

В данной работе было показано, что связь между ценностями человека и его выбором существует, но не является очень весомой. А вот уверенность в «правильности» того или иного решения соотносится с ценностными ориентациями. Так, нам удалось

продемонстрировать, что если ценности, стоящие за определенным выбором в дилемме более значимы для человека, чем ценности, определяющие второй выбор, то он с большей вероятностью будет уверен в «правильности» первого решения. И эта закономерность проявляется вне зависимости от того, какой в действительности делает выбор человек. Т.е. человек может считать определенный выбор более приемлемым (удовлетворительным) для себя, но при этом быть уверенным, что противоположное решение «правильнее», если его ценностные ориентации лучше с ним соотносятся.

Методика. В исследовании участвовали 52 человека, в основном студенты факультета психологии МГУ, возраст от 18 до 60 лет, из них - 40 женщин (средний возраст – 24.9 года; стандартное отклонение – 9.6) и 12 мужчин (средний возраст – 35.7 лет; стандартное отклонение – 11.2). Для выявления ценностных ориентаций применялась методика Рокича [3]. Моральный выбор респондентов определялся с помощью решения ими восьми дилемм, каждая из которых имела два решения.

На 1-м этапе исследования эти дилеммы были предложены 7 экспертам. Их просили определить, какие ценности могут соотноситься с тем или иным выбором в дилемме. На основании экспертных оценок для каждой дилеммы были выделены две группы ценностей: одна из них соответствовала первому выбору, другая – второму. На 2-м этапе испытуемым была предложена методика Рокича и список дилемм. В каждой дилемме испытуемые должны были выбрать наиболее приемлемое для них решение. Помимо этого они должны были оценить степень своей уверенности в «правильности» обоих решений по 9-балльной шкале.

Обработка данных. В каждой дилемме для всех испытуемых были подсчитаны два ценностных индекса k_1^j и k_2^j , соответствующие первому и второму решению в j -той дилемме. Эти индексы являлись индикаторами того, насколько важны для испытуемого ценности, соотносящиеся с определенным моральным выбором. Чем меньше индекс, тем важнее для испытуемого соответствующие ценности. После построения ценностных индексов, проверяемые гипотезы были сформулированы следующим образом: а) если $k_1^j < k_2^j$, то испытуемый с большей вероятностью выберет первое решение в рассматриваемой дилемме, и, напротив, если $k_1^j > k_2^j$, то с большей вероятностью будет выбрано второе решение; б) если $k_1^j < k_2^j$, то испытуемый будет чувствовать большую уверенность в «правильности» первого решения рассматриваемой дилеммы, и, напротив, если $k_1^j > k_2^j$, то выше будет уверенность в «правильности» второго решения.

Результаты и обсуждение. Для каждой дилеммы было подсчитано количество испытуемых, для которых наблюдалось соответствие между ценностными индексами и моральным выбором (гипотеза а), и количество испытуемых, для которых такое соответствие не было обнаружено. С помощью критерия χ^2 проверялись нуль-гипотеза об отсутствии связей. То же самое было проделано и для проверки гипотезы (б).

Значимая связь ($p < 0.05$) между ценностными ориентациями и моральным выбором была установлена лишь для трех дилемм, что соответствует результатам других авторов. Однако между ценностями и уверенностью в «правильности» определенного решения значимая связь была обнаружена в семи дилеммах из восьми. Таким образом, нам удалось показать, что личностные ценности лучше предсказывают уверенность в «правильности» выбора, чем сам выбор.

Литература

1. Асадуллина Ф.Г., Малюгин Д.В. Ценностные ориентации мужчин и женщин как факторы морального выбора // Психологический журнал, 2008. Т. 29, №6. С. 48-55.
2. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
3. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.

4. Palermo J., Evans A. Relationships between Personal Values and Reported Behavior on Ethical Scenarios for Law Students // Behavioral Sciences and the Law, 2007. №25, p. 121-136.
5. Shafer M.E., Morris R.E., Ketchand A.A. (2006) Effects of Personal Values on Auditors' Ethical Decisions // Accounting, Auditing & Accountability Journal, 2006. Vol. 14, № 3, p. 254-277.

**Психологические и психофизиологические факторы адаптации студентов
первокурсников к обучению в ВУЗе**

Саакян О.С.

аспирант

Южный Федеральный Университет, факультет психологии, Ростов- на- Дону, Россия.

Oksana_Saakyan@mail.ru

Студенчество выполняет особую роль в современной системе разделения труда, опосредованно участвуя в производственном труде в форме учёбы, роль которой в связи с требованиями современного общества постоянно возрастает. Сам процесс обучения студентов в вузе предполагает включение студентов в систему социальных общественных отношений и усвоение ценностей общества. На студенческий возраст приходится процесс формирования социальной зрелости, развития нравственных и эстетических чувств, становления и стабилизации характера овладение более полным комплексом социальных ролей взрослого человека. Преобразование мотивации, всей системы ценностных ориентаций, с одной стороны, интенсивное формирование специальных профессиональных способностей – с другой стороны, выделяют этот возраст как центральный период становления характера и интеллекта.

В нашем исследовании мы исходим из того, что адаптация – это процесс, состоящий из следующих взаимосвязанных между собой звеньев: психической адаптации, психофизиологической и социально-психологической.

Гипотезы исследования:

Студенты первокурсники с левым парциальным профилем латеральной организации, предпочитающие левую руку, отличаются от представителей контрольной группы в процессе адаптации к условиям обучения в ВУЗе:

1. большей динамикой процессов внимания, памяти, мышления;
2. при рассмотрении характеристик ЭЭГ в частотных диапазонах тета, альфа, бета1 и бета2 наличием пластичных межполушарных и внутриволновых связей, меньшей асимметричностью картины ЭЭГ, диффузностью межполушарных отношений;
3. способом адаптации к учебному процессу при одинаковом её уровне.

В основу выдвинутых нами гипотез легли идеи Е.И. Николаевой и В.П. Леутина, о роли профиля латеральной организации в процессе адаптации к экстремальным условиям; так ими была показана ведущая роль правого полушария в процессе адаптации; Э.А. Костандова о том, что правое полушарие подвержено влиянию корригирующих обратных связей, более автономно, чем левое; Л.А. Жаворонковой о том, что межполушарные различия между правшами и левшами наиболее четко проявляются в организации корковых связей. У правшей активизирующие системы ствола участвуют в формировании левополушарной асимметрии, в то время как у левшей эти явления имеют диффузный характер и меньшую асимметричность. Так же исследования Э. Голдберга о роли правого полушария на начальных этапах обучения, о восприятии правым полушарием новой информации.

Цели нашего исследования состояли в следующем: исследование уровня социально-психологической адаптации у студентов; исследование процессов внимания, памяти, мышления, определение уровня интеллекта как психологических факторов адаптации; анализ личностных особенностей испытуемых; проведение ЭЭГ исследования с целью

Секция «Психология»

выделения значимых различий по уровню когерентности у испытуемых с соответствующим профилем латеральной организации, выявление специфики свойств Н.С. у испытуемых как психофизиологических факторов адаптации; оценка внешних факторов, влияющих на процесс адаптации к условиям обучения.

Объектом исследования в нашей работе выступили студенты первокурсники ЮФУ в возрасте 17-18 лет мужского и женского пола в количестве 51 человека. Для сравнения полученных данных наша выборка была поделена на контрольную и экспериментальную группу. Экспериментальную группу составили представители выборки с левым парциальным ПЛО (локализацией центра речи в правом полушарии и ведущей левой рукой), контрольную с правым парциальным профилем (локализацией центра речи в левом полушарии и ведущей правой рукой).

Методический инструментарий был следующим: тест СПА К. Рождеса и Р. Даймонда для определения уровня социально-психологической адаптации; внимание - тест «Числовой квадрат»; память-«Память на числа»; мышление – «Аналогии», тест Равена для оценки психических процессов; методика «Мотивация обучения в ВУЗе» Т.И. Ильиной, методика «Направленность личности» В.Смекалом и М. Кучером, «Шкала тревожности» Тейлора – личностные особенности студентов; оценка психофизиологических показателей (метод ЭЭГ, тест Я. Стреляу, методика определения ПЛО Е.Д. Хомской). Все полученные данные подверглись статистической обработке при помощи программных обеспечений Statistica 6.0 и NCSS2000 – PASS2000.

Результаты исследования. Испытуемые с левым парциальным профилем латеральной организации показали большую динамику протекания таких свойств внимания как: распределение, переключение; индивидуальных особенностей памяти: точность запоминания и воспроизведения. Данные результаты могут быть обусловлены специфичной для представителей с левосторонним доминированием картиной локализации высших нервных центров, которая отличается меньшей асимметричностью, чем у представителей с доминированием правой стороны тела.

Полученные нами данные ЭЭГ исследования подтверждают, что мозг представителей с доминированием правой стороны тела (в нашей работе с правым парциальным ПЛО) отличается большей специализацией, чем у лиц с левым парциальным ПЛО, для которых характерна функциональная амбивалентность, диффузность. В основе этого различия может лежать разное участие корковых и подкорковых структур мозга в формировании функциональной межполушарной асимметрии у чистых правшей и левшей.

В обеих группах отмечается достижение определенных успехов в той или иной сфере деятельности. Студенты, с высокими показателями социально-психологической адаптации, независимо, от ПЛО, имеющие среднюю успеваемость, проявляют себя в общественной и культурной жизни студенческого коллектива. Это объясняется тем, что каждый представитель студенческого коллектива имеет ряд субъективных и объективных факторов, которые определяют его представления об учебном процессе, отношении к учебному процессу, коллективу, к своему будущему, к себе как специалисту и т.д.

На процесс социально психологической адаптации студента оказывают влияние: принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт, направленность на взаимодействие, низкий уровень тревоги, мотивация обучения, психофизиологические показатели, атмосфера в коллективе. О связи этих компонентов друг с другом говорит тесная корреляционная зависимость между ними. Это еще раз подтверждает то, что адаптация это процесс единства трех компонентов – психического, психофизиологического и социального.

По результатам анкеты «Проблемы в процессе обучения» нами были выделены следующие проблемы: трудности в освоении учебного материала; переживания по поводу неподготовленности к обучению в вузе; в неумении рационально распределять время; неумение писать конспекты; частая смена настроения; расстройство сна и отсутствие аппетита.

Высокий показатель социально-психологической адаптации по тесту К. Роджерса и Д. Даймонда связан с благополучной атмосферой в учебном коллективе.

Динамика функциональных состояний головного мозга в процессе освоения профессиональных навыков оператора

Семьянов В.С.

студент, аспирант-стажер

Сибирский государственный университет путей сообщения, факультет «Управление персоналом», Новосибирск, Россия

e-mail: psy@Insk.ru

В системе подготовки специалистов традиционно обращают наибольшее внимание на развитие профессиональных знаний, умений и навыков. Но в последнее время практические психологи, работающие в системах, связанных с высокоточной и ответственной операторской деятельностью, стали обращать внимание на недостаточный уровень сформированности физиологических механизмов, обеспечивающих успешную адаптацию специалиста к профессиональной деятельности.

Показано, что предрасположенность к совершению ошибочных действий в большей степени зависит от индивидуальных психофизиологических и личностных особенностей человека, чем от степени обученности и профессионального опыта. Таким образом, продолжает оставаться актуальной разработка критериев не только медицинского, но и физиологически обоснованного профессионального отбора.

Наиболее перспективным для анализа взаимовлияния условий и содержания профессиональной деятельности и психофизиологических состояний является определение функциональных состояний как результата взаимодействия регуляторных систем профессиональной деятельности и систем, участвующих в саморегуляции психофизиологического состояния.

Несмотря на то, что профессиональная деятельность и функциональные состояния человека взаимосвязаны и взаимообусловлены, теоретические концепции их совместного рассмотрения только начинают разрабатываться.

В настоящее время наиболее перспективными являются те исследования саморегуляции специалиста, в которых личность и деятельность изучаются на основе системного подхода с выделением интегральных уровней взаимодействия между собой и с другими личностными характеристиками. И наиболее полно этому требованию отвечает межсистемный подход, разработанный Ю.Я. Голиковым и А.Н. Костиковым, который мы приняли за методологическую основу нашего исследования.

Межсистемный анализ позволяет не только выявить взаимодействие детерминант саморегуляции психической и профессиональной деятельности, но и определить форму и содержание этого взаимодействия.

В рамках данного направления мы собираемся отследить процессы формирования адаптационных механизмов в их динамике и оценить влияние физиологического компонента на успешность формирования стратегии адаптации.

В экстремальных условиях операторской деятельности возникают специфические проблемности, связанные с возникновением и развитием неблагоприятных психофизиологических состояний человека.

В данном исследовании мы подробно остановимся на динамике функциональных состояний головного мозга в процессе формирования адаптационных механизмов к профессиональной деятельности.

На первом этапе исследования, исходя из опыта преподавателей и специалистов, были выделены проблемности при работе диспетчеров на тренажерах. Далее нами было

Секция «Психология»

проведено обобщение наиболее сложных ситуаций для студентов, проходивших обучение на специализированных тренажерах.

Следующим этапом было выделение психофизиологических критериев оценки состояния регуляторных систем студентов, и на основе этого мы разработали систему оценки динамики функциональных систем будущих специалистов-операторов.

Согласно выделенным критериям нами была проведена регистрация психофизиологических состояний обследуемых до и после прохождения проблемных ситуаций на тренажерах.

Для регистрации таких физиологических показателей состояния функциональных систем, как ЭЭГ, ЭКГ и КГР нами использовался электроэнцефалограф-анализатор «Энцефалан-131-03». Также для оценки стратегии переработки информации, оценки волевого компонента деятельности и эмоционального реагирования мы используем универсальный психодиагностический комплекс «УПДК-МК», позволяющий нам автоматизировать и стандартизировать психоэмоциональную часть исследования.

Данные методы исследования были выбраны, потому что позволяют получить наиболее стандартизированные и точные результаты. А также позволяют наиболее гибко оценить механизмы формирования адаптационных механизмов по их физиологическим и психоэмоциональным признакам.

Для нашего исследования мы сформировали группу испытуемых, начинающих знакомство с профессиональной деятельностью, а именно студентов третьего и четвертого курса, осваивающих специальность «Организация перевозок и управление на транспорте». Наш выбор был обусловлен тем, что к третьему курсу у испытуемых уже накоплена необходимая база теоретических знаний, и начинается непосредственное освоение умений и навыков профессиональной деятельности. В конце четвертого курса согласно программе обучения студент должен обладать сформированными умениями и навыками в должном объеме и качестве. Следовательно, в этот период мы можем отследить наиболее динамическую часть процесса адаптации.

Мы обнаружили, что у студентов третьего и четвертого годов обучения наблюдаются различные комплексы реакций на влияния стрессогенных факторов операторской деятельности:

1. У студентов третьего курса наблюдается пониженный уровень активации функциональных структур головного мозга в ответ на стрессогенные условия. У четвертого же курса мы, наоборот, наблюдаем быстрый подъем уровня активации в ответ на предъявление стрессогенных стимулов. Это позволяет нам говорить о том, что в процессе обучения происходят изменения определенного уровня в адаптационных механизмах.

2. Из сравнительного анализа видно, что наблюдается тенденция к повышению уровня активации функциональных структур головного мозга в ответ на стрессогенные стимулы. Что в свою очередь говорит, об изменении уровня сформированности адаптационных механизмов к профессиональной деятельности.

3. Было выявлено, что уровень функциональной активации связан с психоэмоциональным компонентом реагирования на стресс - чем выше уровень активации структур головного мозга, чем он устойчивее при монотонной деятельности, и чем выше скорость реактивации, тем более адекватны свойства эмоциональной реакции на стресс.

Данные полученные в настоящем исследовании позволяют расширить взгляд на проблему адаптации специалиста, чья деятельность предполагает работу в условиях повышенных стрессогенных факторов.

Также это позволит разработать более эффективные программы обучения специалистов, с учетом особенностей формирования адаптационных механизмов в процессе освоения профессиональных навыков.

Секция «Психология»

В будущем мы планируем построение практической модели применения результатов данного исследования, для включения в программу обучения модулей, направленных непосредственно на формирование адаптационных механизмов.

Актуальность исследования взаимосвязи когнитивной, формально-динамической и мотивационной сфер индивидуальности

Семяшкин А.А.

аспирант

*Московский Государственный Гуманитарный Университет им. М.А. Шолохова,
факультет Психологии, Москва, Россия
E-mail: Andrey._1@hotmail.com*

С момента открытия когнитивной, мотивационной и формально-динамической сфер в психике человека их изучению был посвящён ни один десяток научных теорий и ни одна сотня эмпирических исследований. Поэтому на сегодняшний день каждая из перечисленных сторон психики представляет собой достаточно хорошо изученный психологический феномен как в теоретическом, так и в практическом плане. Однако подавляющее число работ было направлено на изучение познавательных процессов, мотивации и темперамента как таковых вне связи с другими психическими реалиями. Частично это объясняется тем, что многие исследователи отдают предпочтение работе исключительно в «своей» избранной области, которая им хорошо известна. Подобное положение вещей представляется по меньшей мере недостаточно полно отвечающим современным требованиям психологической науки, поскольку на данном этапе её развития укрепляется точка зрения о необходимости рассмотрения любого психического явления в его связях и отношениях с остальными. К изучению психологических явлений следует подходить системно и комплексно. Это объясняется, в первую очередь, сложнейшей природой последних.

В настоящее время наметилась тенденция к интеграции различных теорий, подходов и даже отраслей психологии. Психологическая наука несмотря на зарождение новых теорий и открытий постепенно объединяется. Более того, накопленные данные позволяют делать выводы о более или менее сильном влиянии, «взаимопроникновении» и взаимодействии психических процессов, свойств и состояний друг с другом. Таким образом, факты говорят в пользу существования теснейших связей между самыми разными сферами человеческой психики.

Опираясь на вышеприведённые доводы, представляется целесообразным и продуктивным вести изучение любого психического явления в его взаимоотношениях с другими психическими образованиями.

Огромный пласт человеческой психики, наряду с познавательными процессами, составляют также мотивационная сфера и формально-динамические свойства. Однако тема взаимосвязи указанных психических явлений обсуждается учёными крайне редко, вследствие чего проводится недостаточное число систематических эмпирических исследований. Приходится констатировать, что вопрос взаимосвязи когнитивных процессов с мотивацией и формально-динамическими характеристиками психической деятельности индивида до сих пор остаётся открытым и дискуссионным. Имеющиеся немногочисленные данные в русле заданной тематики часто вступают в противоречия. Даже в тех немногих случаях, когда предпринимаются попытки теоретически обосновать и интерпретировать предполагаемые связи, эмпирические требования их проверки и доказательства нередко упускаются из виду. При сложившемся положении дел страдает и теория, и практика, и наука в целом.

Бесспорно, изучать непосредственно психические явления необходимо. Однако дальнейшее развитие науки требует ответить на следующие вопросы: как связаны эти

Секция «Психология»

явления между собой, каким образом они влияют друг на друга, какое место в структуре личности они занимают, какие зависимости существуют между ними. Поэтому неудивительно, что постановка и решение заданных вопросов в современных условиях приобретает особое значение. Определение основополагающих психических компонентов в структуре личности и подробное изучение их соотношения даёт ключ к построению более полной и точной научной картины о фундаментальных психических составляющих структуры личности, благодаря чему, в конечном счёте, становится возможным объяснить непосредственно саму личность человека, а также понять и предсказать его поведение.

Тесные отношения между разного рода и порядка психическими феноменами были обоснованы и отражены в работах ряда отечественных психологов.

Так, по мнению Ананьева, индивидуальность обладает сложной многоуровневой структурой [1]. На первом уровне индивида, помимо прочих характеристик, стоит темперамент. На следующем уровне субъекта деятельности можно обнаружить когнитивные характеристики. Наконец, третий личностный уровень включает мотивацию поведения.

Весьма продуктивный подход к рассмотрению структуры личности предлагает Е.В. Шорохова. Перспективы дальнейшей разработки этой проблемы она видит в определении некоторого числа признаков, образующих структуру [2]. При этом, по её словам, необходимо выявить характер имеющихся связей и взаимозависимостей между обнаруженными признаками.

Направленность на целостный подход к изучению личности характерна также для К.Л. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, Э.А. Голубевой, Н.И. Непомнящей, Т.Ф. Базылевич. Причём данный подход разработан в их трудах, главным образом, теоретически с опорой на экспериментальные исследования.

Поскольку когнитивная, мотивационная и формально-динамическая сферы являются фундаментальными, базовыми психическими образованиями в строении личности, изучение их соотношения открывает перспективы установления, возможно, ключевых взаимосвязей между основными психическими элементами в единой целостной структуре личности, а также предоставляет возможность более полно и глубоко описать и понять как саму личность, так и её структуру.

Находясь на стыке целого ряда научных дисциплин (когнитивной психологии, психологии личности, общей и дифференциальной психологии) заявленная в теме проблематика затрагивает множество совершенно разносторонних аспектов, отчего получает в известной степени универсальный характер и приобретает уникальное значение для каждой из перечисленных областей психологического знания.

Итак, актуальность проведения комплекса научных работ в русле заданной тематики определяется, с одной стороны, необходимостью изучения взаимосвязей между основополагающими психическими структурными образованиями личности, а с другой стороны, - недостаточным вниманием к формулировке и постановке теоретических задач такого рода и проведению соответствующих эмпирических психологических исследований.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л.:ЛГУ, 1969. – 340с.
2. Шорохова Е.В. Тенденции исследования личности в советской психологии. – Психологический журнал, 1980, т. 1, № 1, с. 45 – 57.

Кто работает, если садовник бабушки спит: понимание логико-грамматических конструкций в норме

Статников А.И.

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Данная работа проведена в рамках проекта «Пространственные отношения в языке и когнитивных системах: междисциплинарный подход», посвященного исследованию строения и механизмов нарушения пространственных представлений при семантической афазии⁷. Нарушение пространственных представлений выражается не только непосредственно в восприятии (зрительном или тактильном), но и в понимании ряда языковых выражений – так называемых логико-грамматических конструкций (Лурия, 2008). Тестирование таких конструкций традиционно входит в нейропсихологическую диагностику семантической афазии. Так, в «Методику оценки речи при афазии» (Цветкова и др., 1981) – стандартизированный тест, широко используемый в России, включены в пробы на понимание логико-грамматических конструкций двух типов: предложных и активных/пассивных.

Взяв за основу логику построения «Методики оценки речи при афазии», мы использовали собственный, расширенный, набор логико-грамматических конструкций с целью более тонкого определения степени и характера выраженности семантической афазии. При подготовке к данному исследованию автором, совместно с коллегами, было сконструировано 96 предложений, относящихся к четырем типам обратимых логико-грамматических конструкций (по 24 каждого типа):

- предложные конструкции: например, «Мальчик кладёт коробку в сумку»;
- сравнительные конструкции: «Дерево выше дома»;
- посессивные конструкции: «Пилот самолёта горит»;
- инструментальные конструкции: «Бабушка накрывает шляпу платком»;

Обратимость конструкций заключается в том, что только опора на грамматические показатели - а не знание о порядке вещей в мире - позволяет слушателю понять отношения между двумя объектами или ситуациями, упомянутыми в предложении. Понимание именно таких конструкций затруднено при семантической афазии.

Для контраста с обратимыми предложениями было создано 48 предложений тех же пяти типов конструкций, но необратимых по смыслу: например, «Мальчик кладет яблоко в сумку». Поскольку правильное понимание таких предложений возможно даже без опоры на грамматические показатели, данный тип конструкций не должен вызывать трудностей у больных с семантической афазией.

Каждое из обратимых и необратимых предложений было представлено в нескольких условиях. Для предложных, сравнительных и инструментальных конструкций это был прямой/измененный порядок слов («Мальчик кладёт коробку в сумку»/ «Мальчик кладёт в сумку коробку»), а для посессивных – состав именной группы по одушевлённости или неодушевлённости входящих в неё существительных («Самолёт пилота горит»/«Садовник бабушки спит»). В результате было получено 324 предложения (216 обратимых, 108 необратимых).

Обязательный компонент создания стандартизованного диагностического теста – выявление особенностей восприятия материала теста в норме. Самостоятельным исследованием, выполненным автором, является сбор и обработка нормативных данных, отражающих особенности восприятия логико-грамматических конструкций здоровыми носителями русского языка.

В исследовании приняли участие 89 носителей русского языка без неврологических отклонений – преимущественно, студенты московских ВУЗов (64 женщины и 25 мужчин, средний возраст – 21 год). Предложения, вошедшие в тест, были в случайном порядке распределены между шестью опросными листами. Испытуемому предъявлялся опросный

⁷ Автор выражает благодарность участникам проекта (О.В. Драгой, М.Б. Бергельсон, А.А. Скворцову, Е.М. Манновой, Е.В. Искре), а также своему научному руководителю Т.В. Ахутиной за помощь в проведении настоящего исследования.

Секция «Психология»

лист, включавший инструкцию оценить правильность предложенных предложений по шкале от 1 до 5 (1 – абсолютно неправильное предложение русского языка, 5 – абсолютно правильное предложение русского языка).

Было собрано от 27 до 37 оценок по пятибалльной шкале для каждого предложения. Средняя оценка предложений составила 4,08 балла (стандартное отклонение 1,18). Статистический анализ с использованием сложных иерархических моделей (Ваауен, 2006) показал, во-первых, что необратимые конструкции оцениваются значимо выше, чем обратимые. Во-вторых, конструкции с прямым порядком слов оцениваются значимо выше, чем с обратным. В-третьих, посессивные конструкции, в которых оба существительных одушевлённые, оцениваются выше, чем те, которые включают неодушевлённое и одушевленное. Наконец, предложные и инструментальные конструкции оцениваются значимо выше, чем сравнительные и посессивные.

Каждая их выявленных особенностей восприятия различных логико-грамматических конструкций имеет собственное объяснение. Эффект превосходства необратимых конструкций над обратимыми вызван трудностями, которые испытывают даже здоровые испытуемые при понимании предложений без опоры на знания о мире, а только на грамматические показатели. Преимущество предложений с прямым порядком слов над предложениями с измененным объясняется соответствием первых исходной глубинной синтаксической структуре, а вторых – структуре, подвергшейся преобразованию. Большая приемлемость посессивных конструкций с двумя одушевленными существительными по сравнению с состоящими из неодушевленного и одушевленного обусловлена большей прототипичностью одушевленного имени в позиции подлежащего. Наконец, высокая оценка предложных и инструментальных конструкций, по-видимому, связана с их большей частотностью в речи по сравнению с посессивными и сравнительными конструкциями.

Также, анализ отклонений оценок предложений от среднего позволил отобрать наиболее качественный материал для последующего использования в диагностических целях. 11 предложений, оценки которых вышли за пределы одного стандартного отклонения от среднего, были признаны неестественными, заменены и повторно подвергнуты процедуре сбора нормативных данных.

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, какие особенности логико-грамматических конструкций влияют на их понимание в норме. Эти данные необходимо учитывать при диагностике семантической афазии, так как причина обнаруженных эффектов лежит не в наличии речевого расстройства, а отражает восприятие соответствующих типов предложений носителями русского языка вообще. Кроме того, в ходе исследования был сформирован набор естественных предложений русского языка, упорядоченный по ряду лингвистических факторов, который впоследствии может стать основой расширенного теста для диагностики семантической афазии.

Литература

1. Лурия А.Р. (2008) *Высшие корковые функции человека*. СПб.: Питер.
2. Цветкова Л.С., Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. (1981) *Методика оценки речи при афазии. Учебное пособие к спецпрактикуму для студентов психологических факультетов*. М.: Издательство Московского университета.
3. Waayen, R.H. (2006) *Analyzing Linguistic Data: A practical introduction to statistics*. Cambridge University Press.

Нисходящие влияния на процесс решения перцептивной задачи⁸

⁸ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 08-06-00171-а.

Степанов В.Ю.

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва

slava_psy@rambler.ru

В данной экспериментальной работе мы проверяем предположение о нисходящих влияниях при решении перцептивной задачи, способствующих удержанию внимания.

Мы использовали задачу, провоцирующую мигание внимания (МВ) – феномен, описанный в конце XX века (Raymond et al., 1992). Суть его такова: когда испытуемым последовательно предъявляют в центре экрана стимулы со скоростью 8-13 стим./с и просят опознать два целевых стимула, то отчет о втором целевом стимуле ухудшается в том случае, если интервал между первым целевым стимулом (Ц1) и вторым целевым стимулом (Ц2) составляет 180-450 мс. При большем временном интервале между целями точность отчета восстанавливается.

Нашей целью была проверка гипотез о механизме специфического исчезновения МВ, которое может быть отнесено к классу эффектов превосходства слова (ЭПС). Если предъявляемые последовательно буквы образуют слово, то испытуемые дают точный отчет и МВ не происходит. Для того чтобы избежать угадывания, применялась методика «сокращаемых слов» (Фаликман, 2001). Это значит, что если из шестибуквенного слова удалить одну букву, то получится другое слово (например: улиТка – улика). В этих условиях полные шестибуквенные слова назывались чаще.

Мы предполагаем, что МВ происходит в тех случаях, когда целевые стимулы входят в разные единицы обработки информации. Величина единицы задается за счет нисходящих влияний на процесс обработки стимулов. ЭПС – это ситуация вхождения обоих целевых стимулов в одну единицу. Мы проверяем гипотезы о двух возможных механизмах, обеспечивающих обработку всех стимулов в рамках одной единицы: стратегии чтения и актуализации слов из долговременной памяти.

Гипотеза 1 об используемой стратегии как механизме ЭПС: Если испытуемые читают последовательно предъявляемые стимулы как единое слово, то для всех типов будет наблюдаться ЭПС. В противном случае мы получим МВ.

Гипотеза 2 об актуализации слова из долговременной памяти как механизме ЭПС: Если предъявленная последовательность букв является существующим словом, то при любом способе чтения будет наблюдаться ЭПС. В противном случае мы получим МВ.

Проверка первой гипотезы осуществлялась с помощью варьирования инструкции,

проверка второй с помощью варьирования типом стимулов.

Методика. В эксперименте приняло участие 39 человек. Обработка результатов, в силу сложности задания и контроля побочных переменных, велась по 20 протоколам.

Все стимулы – это последовательности из 6 букв. Использовались 3 типа стимулов:

1) последовательности образующие слова; 2) бессмысленные но удобные для чтения

последовательности – псевдослова; 3) последовательности солгасных – неслова.

Испытуемые разделялись на 2 группы по типу инструкции.

Группа А. Экспериментальная серия: определить, была ли первая буква письменной или печатной, а также **прочсть слово**, образуемое последовательно предъявляемыми буквами.

Секция «Психология»

Контрольная серия: прочесть слово, образуемое последовательно предъявляемыми буквами.

Группа В. Экспериментальная серия: определить, была ли первая буква письменной или печатной, а также назвать столько букв из ряда, сколько сможете.

Контрольная серия: **назвать** столько **букв** из ряда, сколько сможете.

Процедура. Эксперимент проводился индивидуально в затемненной комнате. Голова испытуемого фиксировалась с помощью штатива на расстоянии 57 см от монитора. Проба начиналась с предъявления фиксационной точки на 500 мс, затем шла последовательность со скоростью 107 мс на стимул, которая завершалась маской «#». По окончании пробы испытуемый давал вербальный ответ и сам запускал следующую пробу. Все испытуемые проходили 2 серии – экспериментальную и контрольную (по 120 проб). Перед каждой серией была тренировка (по 20 проб). Порядок серий варьировался.

В соответствии с общими гипотезами мы ожидали следующего распределения результатов:

Гипотеза 1 (о стратегии как механизме ЭПС): в группе А (прочесть слово) для всех типов стимулов (слова, псевдослова, неслова) – ЭПС. В группе В (назвать буквы) для всех типов стимулов (слова, псевдослова, неслова) – МВ.

Гипотеза 2 (об актуализации из долговременной памяти как механизме ЭПС): при стимулах словах в обеих группах – ЭПС. При стимулах псевдословах и несловах, в обеих группах – МВ.

Мы считали МВ полученным для данных условий если: 1) результат в контрольной серии значимо лучше, чем в экспериментальной на одной следующих позиций: 2, 3, 4 (т.е. в пределах 180-450 мс между целями); 2) результат по буквам на более поздних позициях (5, 6) значимо лучше, чем по буквам на ранних позициях (т.н. выход из МВ). Отсутствие МВ мы рассматриваем как следствие использования пословной стратегии чтения или узнавания слова, т.е. как ЭПС.

Результаты. Обработка велась с помощью дисперсионного анализа с повторными измерениями. По первому критерию МВ по группе А не было значимых различий. По группе В различия: для неслов по 4-ой позиции ($p < 0.01$), для псевдослов по 3-ей ($p < 0.01$), 4-ой ($p < 0.05$), 5-ой ($p < 0.05$) позициям, для слов по 3-ей позиции ($p = 0.012$) и тенденция по 4-ой ($p = 0.057$). По второму критерию мы получили значимые различия только в условиях 6, т.е. для неслов в группе В. Таким образом, оба признака МВ зафиксированы только в группе В для стимулов неслов. В остальных условиях: по всем стимулам в группе А и по словам и псевдословам в группе В мы фиксируем ЭПС.

Обсуждение. Структура результатов отличается от предсказаний обеих гипотез. Однако, она отклоняется от гипотезы 1 (о влиянии стратегии) только по 2-ому признаку МВ. В работе (Potter et al, 2008) М. Поттер подчеркивает, что в условиях отчета обо всей последовательности (как было в нашем эксперименте), а не только о двух стимулах, значительную роль играют ограничения со стороны памяти. Тот факт, что точность отчета снижалась не только в экспериментальной, но и в контрольной серии, показывает, что это общее ухудшение происходит по внешним по отношению к МВ причинам. Если мы примем это объяснение, и будем опираться только на первый признак МВ, то структура результатов полностью соответствует предсказаниям гипотезы 1 о стратегии чтения как механизме ЭПС.

Литература

1. Potter M., Nieuwenstein M.R. Whole Report versus Partial Report in RSVP Sentences. // Journal of Memory and Language, 58, 907-915, 2008

2. Raymond, J. E., Shapiro, K. L., & Arnell, K. M. Temporary suppression of visual processing in an RSVP task: An attentional blink? // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 18, 849–860, 1992.
3. М.В.Фаликман Динамика внимания в условиях быстрого последовательного предъявления зрительных стимулов. Кандидатская диссертация, 2001

Нейрофизиологические корреляты эффективности психокоррекции агрессивности от гендерной принадлежности подростков⁹

Степанян Л. С.², Степанян А. Ю.³

^{2,3} научный сотрудник, кандидат биол. наук

Ереванский государственный университет, биологический факультет, Ереван, Армения
E-mail: sau20@rambler.ru

Актуальность проведения психокоррекционных мероприятий, призванных снизить уровень ситуационной агрессивности в подростковой среде занимает важное место в профилактике девиантного поведения. Нейрофизиологические корреляты корковой активности в зонах, ответственных за когнитивный контроль отрицательных эмоций являются объективными показателями эффективности психокоррекции. Сравнительная оценка этих показателей у подростков различного пола, а также понижение уровня агрессивности может послужить критерием выбора корригирующих методик в зависимости от гендерной принадлежности испытуемых, что и явилось целью настоящего исследования.

В эксперименте участвовали 24 «высокоагрессивных» подростка обоего пола, с каждым из которых проводилось 4 сеанса психокоррекции. Для проведения *психокоррекционных работ* было использовано сочетание «агрессивной» компьютерной игры и следующих общепринятых методик (1): «Датский бокс», «Безмолвный крик», «Пресс», «Толкалки». Эффективность психокоррекции контролировалась с помощью анализа объективных нейрофизиологических показателей - уровня активности фронтальной (F₃-F₄), орбито-фронтальной (Fp₁-Fp₂), височной (T₃-T₄) и передне-нижне-височной областей (F₇-F₈) обоих полушарий, для чего регистрировались зрительные вызванные потенциалы (ВП) до начала и к концу последнего сеанса коррекции. Анализировались среднестатистические амплитудные показатели компонента N200 ВП, по которым определялся фокус максимальной амплитуды (ФМА).

Показано, что у испытуемых-мальчиков в исходных регистрациях в левом полушарии в обеих сериях регистрации доминантный очаг выявлялся в областях F₃ и Fp₁ (p<0,001), однако к концу коррекционных работ уровень активности в отмеченных областях статистически значимо повышался (при T₀ – 7,7 мкВ и 7,3 мкВ, при T₁ – 12,5 и 12,4 мкВ, соответственно). В правом полушарии наибольшую заинтересованность в генезе компонента N200 проявляла область F₈, а после проведения психокоррекционных работ – Fp₂, однако наблюдался равнозначно высокий вольтаж N200 в области F₄ (p<0,05, p<0,01, p<0,001).

Обнаружено, что у испытуемых-девочек в левом полушарии к концу коррекционных работ наблюдался «перелив» ФМА из области F₃ в Fp₁. В правом полушарии в начале эксперимента наблюдался статистически значимое доминирование области F₈ (p<0,05, p<0,01, p<0,001). К концу эксперимента наибольшую "заинтересованность" в генезе исследуемого компонента проявляла область Fp₂ (p<0,05, p<0,001).

Повышение активности в зонах когнитивного контроля отрицательных эмоций, сопряженное с понижением активности в передне-нижне-височных областях, являющихся субстратом формирования агрессивности и жестокости и, соответственно, понижение уровня агрессивности у подростков независимо от пола, свидетельствует о высокой результативности примененного комплекса психокоррекционных методик. В тоже время, показанные

⁹ Авторы выражают признательность научному руководителю, д.б.н., проф. В.Г. Григорян за помощь в подготовке тезисов

Секция «Психология»

качественные различия между активностью специализированных локальных участков лобных долей у подростков различного пола, свидетельствуют о различной интенсивности изменений, происходящих в психоэмоциональной сфере.

1. Агрессия у детей и подростков. Под ред. Н.М. Платоновой. Уч. пособие. СПб.: Речь. 2004. 335 с.

«Мертвые зоны» зрительного внимания

Уточкин И.С.

Старший преподаватель, к. психол. н.

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

isutochkin@inbox.ru

В течение последних 10-15 лет в когнитивной психологии зрительного восприятия и внимания получили широкое распространение исследования феномена слепоты к изменению. Этот феномен заключается в стойкой неспособности наблюдателя заметить явные изменения элементов зрительной сцены, если эти изменения происходят в момент, когда зрительное восприятие прерывается – при моргании, саккадах, заслонении целой сцены или ее части. При этом слепота может проявляться как в случаях, когда наблюдатель ничего не знает о возможных изменениях (например, Simons, Levin, 1998), так и при наличии предварительного знания и целенаправленном поиске изменения (например, Rensink et al., 1997).

В широко известном исследовании Р. Рензинка и его коллег (Rensink et al., 1997) была продемонстрирована критическая роль внимания в зрительном обнаружении изменений. Так, авторы показали, что при восприятии сложных зрительных сцен испытуемые лучше обнаруживали изменения, происходящие с предметами, передающими основной смысл сцены (т.н. центральные изменения), чем изменения второстепенных деталей (т.н. периферические изменения).

В основу описываемого здесь исследования легло наблюдение относительно центральных и периферических изменений, сделанное автором настоящих тезисов в ходе проведения экспериментальных исследований феномена слепоты к изменению. Так, была замечена парадоксальная неспособность испытуемых заметить изменение «на самом видном месте» - в непосредственной близости от центрального объекта, куда преимущественно должно быть направлено внимание. Эта неспособность поражала еще тем, что удаленные от центрального объекта изменения обнаруживались подчас гораздо легче, чем ближние.

Основной целью настоящего исследования, таким образом, было подтверждение или опровержение существования данного парадоксального феномена в контролируемых экспериментальных условиях. Гипотеза исследования, следовательно, заключалась в том, что периферические изменения вблизи центрального объекта замечаются, вероятно, хуже, чем таковые вдали от центрального объекта.

В качестве стимульного материала были отобраны 12 фотографий животных, пейзажей, архитектурных сооружений, на которых присутствовал бы только один явный центральный объект, а все остальные были бы периферическими. Для этого первоначальный набор фотографий прошел двойную процедуру отбора: экспертную оценку (17 экспертов), а затем – процедуру сегментации центральных и периферических областей с помощью записи движений глаз при свободном рассматривании¹⁰ (9 испытуемых). Для каждого отобранного изображения были сделаны три модификации: с центральным изменением, с ближним периферическим и дальним периферическим изменениями. При этом внутри каждого стимула ближнее и дальнее изменение были

¹⁰ Автор выражает глубокую признательность О.А. Михайловой за помощь в проведении и обработке материалов опыта с записью движений глаз.

Секция «Психология»

приблизительно уравниваются по цвету, яркости, зрительной площади и семантическим характеристикам (т.е. это были два одинаковых объекта).

Исследование включало в себя два эксперимента. В Эксперименте 1 была использована классическая методика исследования слепоты к изменению – методика мерцания (Rensink et al., 1997). Испытуемому на экране попеременно предъявляются два изображения, отличающиеся одной деталью (А и А'), но в момент смены на экране предъявляется «пустой кадр», не дающий автоматически «засечь» изменение детекторам движения. Задача испытуемого – как можно быстрее найти меняющуюся деталь, нажать на кнопку и затем сообщить экспериментатору, какая деталь менялась. В Эксперименте 2 использовалась методика внезапного изменения: испытуемому непрерывно предъявлялось изображение А, которое в неожиданный момент менялось на А', пустого кадра между ними не было. Задача испытуемого – в случае обнаружения изменения как можно быстрее нажать на кнопку и назвать экспериментатору меняющуюся деталь. В Эксперименте 1 приняли участие 55, а в Эксперименте 2 – 34 испытуемых. Независимой переменной в обоих экспериментах был фактор места изменения – центральное, ближнее или дальнее. Зависимые переменные: в Эксперименте 1 – время нахождения изменений, вероятность пропуска ответа (т.е. случаев, когда испытуемый не мог найти изменение и отказывался искать дальше) и вероятность ошибки опознания (изменение найдено, но неверно опознано); в Эксперименте 2 – время реакции обнаружения изменения и вероятность ошибки опознания.

Результаты экспериментов представлены в таблице 1. Дисперсионный анализ показал значимые различия между условиями: в Эксперименте 1 для времени поиска ($F(2,53)=74,90$, $p<0,001$), вероятности пропуска ($F(2,53)=31,11$, $p<0,001$) и вероятности ошибки опознания ($F(2,53)=21,99$, $p<0,001$), а в Эксперименте 2 – для вероятности ошибки опознания ($F(2,32)=56,70$, $p<0,001$). Дополнительная проверка по t-критерию Стьюдента показала, что значимыми являются все парные различия между условиями. Это означает, что центральные изменения обнаруживаются и опознаются, в целом, лучше, чем периферические, при этом среди периферических изменений лучше обнаруживаются и опознаются дальние. Различия во временах реакции обнаружения в Эксперименте 2 оказались не значимы.

Таблица 1. Средние значения зависимых переменных в экспериментах 1 и 2.

Место изменения	Эксперимент 1			Эксперимент 2	
	Время поиска, циклы А-А'	Вероятно сть пропуска ответа	Вероятно сть ошибки опознания	Время реакции обнаружения, мс	Вероятно сть ошибки опознания
Центральное	13,82	0,05	0,02	597	0,17
Ближнее	44,70	0,31	0,19	561	0,50
Дальнее	29,25	0,20	0,07	584	0,31

Таким образом, результаты двух экспериментов дают основания принять гипотезу о существовании класса феноменов, связанных с «пространственным распределением слепоты к изменению». Так, нами обнаружено, что изменения второстепенных (периферических) деталей непосредственно рядом с областью фокуса внимания (центральными деталями) дольше ищутся, чаще не обнаруживаются, чаще воспринимаются неточно, по сравнению с изменениями удаленных деталей. На наш взгляд, принципиальное объяснение данных явлений имеет отношение к процессам внимания. Поскольку данный класс феноменов описан нами впервые, то мы предлагаем собирательный термин для его обозначения – «мертвые зоны» внимания. Понятие «мертвых зон» заимствовано нами из профессиональной автомобильной терминологии – там оно обозначает боковое пространство вокруг автомобиля, выпадающего из прямого обзора водителя и из зоны обзора зеркал заднего вида. По нашему предположению, по

каким-то причинам, вероятность обследования ближней периферии внимания снижена, как снижена она в «мертвых зонах» водительского места. Впрочем, выяснению вопроса о природе «мертвых зон» внимания, несомненно, должны быть посвящены будущие эмпирические исследования.

Литература

1. Rensink, R.A., O'Regan, J.K., Clark, J.J. To see or not to see: The need for attention to perceive changes in scenes // Psychological Science. V.8. No5. P. 368-373
2. Simons, D.J., Levin, D.T. (1998) Failure to detect changes to people during real-world interaction // Psychonomic Bulletin and Review. V.5. No 4. P. 644-649.

Гендерные особенности, способствующие либо препятствующие успешному преодолению стресса

Фадеева А.Н.

Студент

*Российский Государственный Гуманитарный Университет,
факультет психологии, Москва, Россия
a_fadeeva@inbox.ru*

Вопрос о гендерных особенностях переживания и преодоления стрессовых ситуаций, вероятно, привлекал исследователей еще задолго до появления научной психологии. Например, представления о том, что мужчины склонны менее эмоционально вести себя в стрессовых ситуациях, чем женщины, или о том, что женщины в стрессовых ситуациях чаще обращаются за помощью к другим людям, чем мужчины, давно стали элементами стереотипов, касающихся поло-ролевого поведения.

В научных исследованиях также рассмотрены многие аспекты гендерных различий, касающихся стрессовых ситуаций. Многочисленные данные, полученные в этих исследованиях, связаны в основном с гендерными особенностями поведения в стрессовых ситуациях, а гендерным различиям в факторах, влияющих на это поведение, уделяется мало внимания. В данном же исследовании акцент делается именно на гендерных особенностях факторов, условий преодоления стресса.

В качестве факторов преодоления стресса мы рассматриваем, во-первых, устойчивую характеристику эмоциональной сферы человека, которую отечественные и западные ученые в последние годы часто связывают с особенностями поведения в стрессовых ситуациях, - эмоциональный интеллект, во-вторых, используемые копинг-стратегии - когнитивные и поведенческие попытки совладания со стрессом.

Гипотезы данной построены на основании анализа исследований Р.Лазаруса и С.Фолкман, Д.В. Люсина, а также на основании поло-ролевого стереотипа о том, что в стрессовых ситуациях мужчины должны держать себя в руках и направлять усилия на преодоление ситуации, а женщинам «позволено» давать волю эмоциям и обращаться за поддержкой к другим людям.

В качестве гипотез были выдвинуты следующие предположения:

1. У мужчин будут выше показатели внутриличностного эмоционального интеллекта, а у женщин - межличностного эмоционального интеллекта.
2. Мужчины чаще, чем женщины, будут использовать копинг-стратегии «активное преодоление» и «самоконтроль», а женщины чаще, чем мужчины, будут использовать копинг-стратегии «совладание с эмоциями» и «поиск поддержки окружающих».

Исследование было проведено на выборке людей, которые являются водителями автомобиля; одна из методик исследования включала в себя рассказ о стрессовой ситуации на дороге.

Общие выводы исследования:

Секция «Психология»

1. У мужчин уровень внутриличностного эмоционального интеллекта, контроля экспрессии и управления эмоциями выше, чем у женщин.
2. Женщины чаще, чем мужчины, используют копинг-стратегии «совладание с эмоциями», «поиск поддержки окружающих» и «планирование».
3. Независимо от пола управление эмоциями лучше развито у людей, которые в стрессовых ситуациях не переживают, приписывая причину неприятных ситуаций другим действующим лицам.
4. Эмоциональная сфера женщин с большим водительским стажем имеет традиционно мужские характеристики – развитый контроль внешних проявлений своих эмоций, способность к управлению своими эмоциями и другие.

Литература

1. Андреева И.Н. Гендерные различия в структуре эмоционального интеллекта у студентов// Женщина. Образование. Демократия: Материалы 7-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции 10-11 декабря 2004 г., г. Минск. – Минск, 2004.
2. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии.– 2006, №3.
3. Бендас Т.В. гендерная психология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. – М., 2005.
4. Бреслав Г.М. Психология эмоций. – М., 2004.
5. Бурн Ш. Гендерная психология. – М., 2006.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М., 1984.
7. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – М., 2002.
8. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. – М., 1983.
9. Кравченко Ю.Е. Понимание эмоций как фактор преодоления стресса // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. – М.: МИВЦ МГУ, 2007.
10. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИн. – Психологическая диагностика, 2006. – № 4.
11. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Люсина Д.В., Ушакова Д.В. М.: Институт психологии РАН, 2004.
12. Люсин Д.В., Марютина О.О., Степанова А.С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина., М., 2004.
13. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998, Т.1, № 2.
14. Селье Г. Стресс без дистресса. – М., 1979.
15. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Виллюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М., 1984.

Об актуальности исследования когнитивного стиля личности «аналитичность – синтетичность»

Фунт В.А.

Аспирант

*Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
кафедра психологии, Минск, Белоруссия
E-mail: valeriya_funt@mail.ru*

Секция «Психология»

Выявление связей и отношений между разнородными и разноуровневыми характеристиками индивидуальности – одна из характерных тенденций современных психологических исследований. В отечественной психологии примерами этой тенденции могут служить работы школ Б.Г. Ананьева и В.С. Мерлина. Движение от отдельных психологических свойств к их закономерным сочетаниям, согласуясь с требованиями системного подхода, ведет к обнаружению существенных индивидуально-типических вариантов структуры психики, расширяет возможности анализа формирования этой структуры. Каждый шаг на этом пути может привести к появлению важных дополнительных деталей в индивидуальных «психологических портретах». С реализацией этой возможности связана и проблема исследования взаимосвязи способов слушания музыки и когнитивного стиля личности «аналитичность – синтетичность».

В последние годы особую актуальность приобрело направление исследования познавательных способностей, связанное с изучением индивидуальной специфики склада ума конкретной личности, которая находит свое выражение в проблематике когнитивных стилей. Данная линия исследований представлена в работах М.А. Холодной. Когнитивные стили рассматриваются как особого рода способности (в отличие от традиционных конвергентных способностей, измеряемых психометрическими тестами интеллекта), имеющие отношение к метакогнитивной регуляции процессов переработки информации и свидетельствующие о сформированности механизма произвольного интеллектуального контроля в различных видах познавательной деятельности [3, 54].

М.А. Холодная дает следующее определение: когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. Данное понятие, как подчеркивает исследователь, используется с тем, чтобы обозначить, с одной стороны, индивидуальные различия в процессах переработки информации и, с другой, типы людей в зависимости от особенностей организации их когнитивной сферы [2, 32].

Свыше десяти когнитивных стилей являются основными, к ним относится и когнитивный стиль «аналитичность – синтетичность» (узкий/ широкий диапазон эквивалентности), который характеризует индивидуальные различия в особенностях ориентации на черты сходства или черты различия объектов. Основываясь на большом количестве эмпирических исследований, один из первых отечественных исследователей проблематики когнитивных стилей В.А. Колга называет данный стиль метастилем. Исследователь говорит о том, что данный стиль является базальным по отношению к другим когнитивным стилям. Согласно его концепции, определив к какому полюсу стиля относится испытуемый, можно определить принадлежность индивида и к полюсам других когнитивных стилей.

Обобщив существующий эмпирический опыт по исследованию когнитивного стиля «аналитичность – синтетичность» можно сделать вывод и о том, что данный стиль актуален для изучения не только ввиду его базальности, но и в связи с тем, что характеристики каждого из полюсов данного стиля дают богатый материал по индивидуальным особенностям испытуемого. Так, полюс стиля «аналитичность» предполагает более детализированную категоризацию впечатлений, что позволяет говорить об использовании «аналитиками» точных стандартов в оценке различий объектов. Но:

- лица с полюсом «аналитичность» показывают низкий уровень продуцирования оригинальных идей;

Секция «Психология»

- данный полюс сочетается с менее высокими показателями учебной успеваемости, темпа обучаемости, произвольного и произвольного запоминания;

- «аналитики» склонны строить дробную картину мира, используя для оценки происходящего субъективные шкалы с большим количеством градаций;

- лица с полюсом «аналитичность» более ригидны и нетолерантны к изменениям в ранее сформированных понятийных схемах, их узкие категории в большей мере закрыты для противоречивой информации;

- «аналитики» характеризуются более высоким уровнем тревоги, что может рассматриваться как свидетельство менее сформированной системы психической саморегуляции; тревожность в первую очередь является следствием их недоверчивости, настороженности, центрированности на собственном «Я»; у аналитиков преобладают эмоции страха;

- лица с полюсом «аналитичность» стараются хорошо выполнять социальные требования и ориентированы на социальное одобрение.

- «аналитики», как правило, являются интровертами.

Полюс стиля «синтетичность» предполагает построение целостной картины мира, происходящее оценивается с помощью субъективных крупномасштабных шкал. Также:

- полюс «синтетичности» сочетается с более высокими показателями учебной успеваемости, темпа обучаемости, произвольного и произвольного запоминания;

- «синтетика» характеризует высокая оригинальность продуцируемых идей; часто они интеллектуальные лидеры в своей учебной группе;

- лица с полюсом «синтетичность» менее ригидны и достаточно толерантны к изменениям в ранее сформированных понятийных схемах, их большие категории в большей мере открыты для противоречивой информации;

- «синтетики» характеризуются менее высоким уровнем тревоги, что может рассматриваться как свидетельство сформированной системы психической саморегуляции;

- лица с полюсом «синтетичность» как правило, являются экстравертами.

В выявлении полюсов стиля «аналитичность – синтетичность» особое значение приобретает исследование способов слушания музыки, так как музыка представляет собой особую реальность, которая не может восприниматься одним испытуемым тождественно другому. Так как когнитивный стиль – это в первую очередь показатель индивидуальных различий в познавательной сфере личности, предполагается получение результатов свидетельствующих о различиях в способах слушания музыки между испытуемыми с противоположными полюсами когнитивного стиля «аналитичность – синтетичность».

Литература

1. Колга В.А. (1983) Когнитивный стиль как системная характеристика индивидуальности: перспективы исследования // Личность в системе общественных отношений. Ч.1 / Под ред. В.А. Колга. М., 1983.
2. Холодная М.А. (2002) Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: PerSe, 2002.
3. Холодная М.А. (1998) Когнитивные стили: парадигма «других» интеллектуальных способностей // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А. Либина. М.: Смысл, 1998.

Отражение в параметрах ЭЭГ близнецов выполнения вербально-ассоциативной деятельности¹

Харитонова И.Ю.²

Студент

Южный федеральный университет, психологический факультет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: kessha2007@rambler.ru

Проведенные исследования свидетельствуют о вкладе генотипа в межиндивидуальную вариативность разных параметров практически всех ритмических

Секция «Психология»

составляющих ЭЭГ и вызванных потенциалов [Равич-Щербо И.В. и др.] [5]. Интересным представляется изучение отражения в параметрах ЭЭГ вербально-ассоциативной деятельности. Исследований, посвященных этому вопросу, проводилось немного [4; 6; 7].

Цель: оценка отражения в параметрах мощности электроэнцефалограммы вербально-ассоциативной деятельности. **Предмет исследования:** динамика мощности ритмических составляющих ЭЭГ при выполнении вербально-ассоциативной деятельности. Выборку составили 54 человека (27 пар МЗ и ДЗ близнецов в возрасте от 14 до 18 лет). Все испытуемые без отклонений в состоянии здоровья, участвовали в исследовании добровольно. В работе использовался метод электроэнцефалограммы. Запись электроэнцефалограммы проводилась по международному стандарту 10x20. Для регистрации электрической активности использовалось 21 отведение (Fp1, Fp2, Fpz, F3, F4, Fz, F7, F8, C3, C4, Cz, T3, T4, T5, T6, P3, P4, Pz, O1, O2, Oz) по монополярной схеме с ипсилатеральными ушными референтами; использовался электроэнцефалограф «Энцефалан», версия «Элитная-М» 5.4-10-2.0 (13.02.2004), производства МТБ «Медиком» г. Таганрог. Регистрация осуществлялась в изолированном помещении. Последовательность функциональных проб при записи ЭЭГ: «фон», «открыть глаза», «закрыть глаза», проба «вербальные ассоциации» (в ходе которой необходимо было придумать ассоциации на букву «А»). Для отслеживания и подавления артефактов использовались регистрация электромиограммы, электроокулограммы, электрокардиограммы, кожно-гальванической реакции и фотоплетизмограммы. Математическая обработка данных осуществлялась с использованием Т-критерия Стьюдента по программе Statistica 6.0.

Нами были выдвинута следующая **гипотеза:** в процессе вербального мышления повышается мощность альфа- и тета-ритмов в темпоральных и фронтальных областях коры. В результате анализа абсолютных значений мощности функциональной пробы «вербальные ассоциации» были получены следующие результаты: в диапазоне альфа обнаружено единичное повышение мощности в отведении Т3; в диапазоне тета зарегистрировано повышение мощности в точках F4, F3, Fz. Отобразим полученные нами повышения мощности ЭЭГ - ритмов графически (Рис. 1). На рисунке 1 видно, что в процессе придумывания вербальных ассоциаций происходят значимые изменения мощности: альфа - ритма в темпоральных и тета - ритма во фронтальных областях коры. Фронтальные или лобные области коры исследователи связывают с принятием решений, процессами анализа, с центром мотивированного поведения [2; 3; 4; 6]. Повышение мощности тета-ритма во фронтальных областях коры в процессе придумывания испытуемыми вербальных ассоциаций можно расценивать как появление ассоциаций, имевших эмоциональную окраску для испытуемых. Левая височная область является центром речи [2; 3]. Повышение мощности альфа-ритма в этой области (Т3) свидетельствует о том, что в процессе придумывания вербальных ассоциаций на фоне альфа-ритма были задействованы речевые центры.

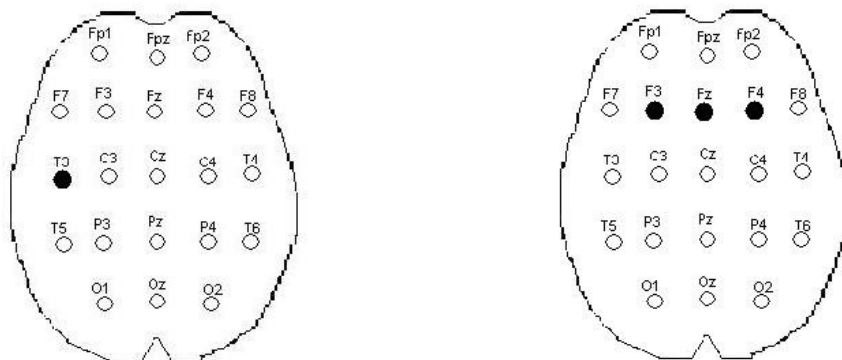
Опираясь на теорию функциональных систем, разработанную П.К. Анохиным, можно предположить, что в процессе вербально-ассоциативной деятельности складывается функциональная система, включающая лобные и левую височную отделы коры [1].

Рисунок 1

Схема повышения мощности ЭЭГ - ритмов в процессе вербально-ассоциативной деятельности.

Альфа

Тета

Гипотеза о том, что в процессе вербального мышления повышается мощность альфа- и тета-ритмов в темпоральных и фронтальных областях коры нашла подтверждение. Таким образом, можно утверждать, что повышение мощности тета-ритма во фронтальных областях коры в процессе придумывания испытуемыми вербальных ассоциаций связано с появлением эмоционально окрашенных для испытуемых ассоциаций. Повышение мощности альфа-ритма в темпоральной области (Т3) свидетельствует о том, что в процессе придумывания вербальных ассоциаций на фоне альфа-ритма были задействованы речевые центры.

В качестве перспектив продолжения исследования – с использованием близнецового метода будет проведена оценка вклада генотип-средовых факторов в динамику мощности ЭЭГ при выполнении вербально-ассоциативной деятельности.

Литература

1. Анохин П.К. (1979) Функциональная система как основа физиологической архитектуры поведения // Системные механизмы высшей нервной деятельности. М.: «Наука». 1979. с.13-99
2. Иваницкий Г.А., Николаев А.Р., Иваницкий А.М. (2002) Взаимодействие лобной и левой теменно-височной коры при вербальном мышлении // Физиология человека. 2002. № 1. с. 5-11.
3. Кирой В.Н. (1988) Электроэнцефалография. «Ростов-на-Дону», 1998.
4. Николаев А.Р., Иваницкий Г.А., Иваницкий А.М. (2000) Исследование корковых взаимодействий в коротких интервалах времени при поиске вербальных ассоциаций // Журн. высш. нервн. деят. 2000. Т.50. N 1. с. 44-61.
5. Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. М.: Аспект-пресс, 1999. 447 с.
6. Разумникова О.М. (2004) Мышление и функциональная асимметрия мозга. «Новосибирск», 2004.
7. Тарасова И.В., Вольф Н.В., Разумникова О.М. (2005) Изменения мощности ЭЭГ при образном креативном мышлении у мужчин и женщин // Журн. высш. нервн. деят., 2005, № 6, с.780-783.

1 Тезисы доклады основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант 08-06-00753а).

2 Автор выражает признательность профессору, д. пс.н. Воробьевой Е.В. за помощь в подготовке тезисов.

Почему одни движения приятнее, чем другие: следствия из теории когнитивного диссонанса

Четвериков А.А.

Студент

Санкт-Петербургский Государственный Университет,

В данном исследовании мы провели анализ аффективной оценки движения в зависимости от скорости и последовательности его компонентов. Мы используем здесь термин «аффективная оценка», подразумевая под аффектом некое базовое состояние, связанное с оценкой объекта по небольшому количеству шкал, включающих в себя оценку валентности (приятно - не приятно) и степени активации (расслабление – напряжение) (напр. Barrett, 2006; Russell, 2003). Традиционно подобная оценка рассматривается исходя из отдельного влияния различных составляющих движения: направления, скорости, темпа и т.д. Даже относительно новые работы, в частности предложенная Н.А. Алмаевым модель (Алмаев, 2005), предполагающая сочетание параметров интенсивности «энергозапроса» и уровня наличной «энергии», продолжают рассматривать эти компоненты, в то время как с точки зрения работы сознания как амодальной системы (напр. Агафонов, 2003), имеет смысл рассматривать их в контексте движения целиком и объяснять с позиций законов, характеризующих работу сознания в общем виде.

В качестве примера подобного анализа мы провели исследование аффективной оценки движения с позиций теории когнитивного диссонанса (Фестингер, 1999). В соответствии с этой теорией, негативный аффект возникает, когда в сознании человека присутствуют одновременно несколько противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок или других когниций. При восприятии движения диссонанс может возникать между восприятием объекта как движущегося и как неподвижного (это можно проиллюстрировать переходом в стробоскопическом движении от бета-движения к восприятию двух последовательно предъявляемых объектов (Величковский, 2006)), либо за счет неравномерности скорости движения, когда скорость одной фазы движения не соответствует скорости другой фазы. Исходя из этого, были выдвинуты следующие гипотезы:

1) При увеличении времени показа всех кадров движение будет восприниматься более негативно.

2) При изменении скорости отдельных фаз движения, динамика диссонанса и связанная с ним аффективная оценка не будут зависеть от того, какие именно фазы варьируются, при условии, что паттерн варьирования сохраняется.

Подобная постановка вопроса, с одной стороны, позволяет расширить область применения теории когнитивного диссонанса, а с другой, позволяет показать, что для объяснения механизмов аффективной оценки нет необходимости во введении новых, частных теорий – необходимо рассматривать имеющиеся феномены с точки зрения работы механизмов сознания в целом.

Альтернативная гипотеза в соответствии с теорией Н.А. Алмаева заключалась в том, что изменение аффективной оценки будет зависеть от того, какие именно фазы движения варьируются.

Для проверки этих гипотез была использована модификация разработанной Н.А. Алмаевым методики «индукции эмоциональных состояний» (Алмаев, 2005). Эта методика представляет собой набор анимированных изображений, в которых изображено движение шара через несколько прямоугольных препятствий. Каждое изображение состояло из двух эпизодов, один эпизод движения состоял из 4 фаз: «внизу», «вверх», «вверху», «вниз». Каждое изображение было показано 4 раза подряд, после чего испытуемых просили оценить его по шкалам «не радостно – радостно» и «не печально – печально». Использовалось 4 типа варьирования продолжительности отдельных фаз движения:

1. Для типа “noema” варьировалась продолжительность всех фаз движения сразу.
2. Для типа “grpdjem” варьировалась продолжительность только фаз “внизу”, “вверх” и “вверху”.
3. Для типа “grspad” варьировалась продолжительность только фаз “вверху”, “вниз” и “внизу”.

Секция «Психология»

4. Для типа “rad” варьировалась продолжительность только фаз “вверху” и “вниз”.

Для каждого типа изображения было 4 режима продолжительности: 160 мс, 240 мс, 320 мс, 480 мс (на каждую варьируемую фазу). Продолжительность неварьируемых фаз составляла 40 мс. Начало движения было соотнесено с первым варьируемым компонентом движения. Таким образом, стимульный материал состоял из 16 изображений. Порядок предъявления изображений: сначала 4 изображения типа “норма”, затем в случайном порядке оставшиеся изображения. В исследовании приняли участие 28 человек (от 19 до 30 лет, средний возраст 25 лет, 6 мужчин, 22 женщины).

Полученные данные представлены на рисунке 1.

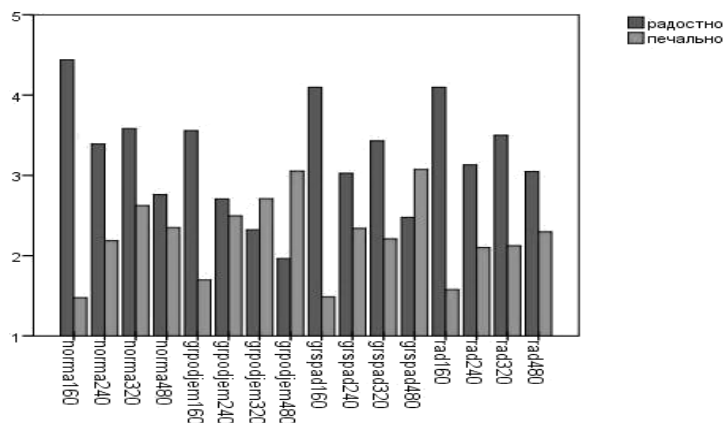

Рисунок 1: Влияние типа изображения и продолжительности фаз на его оценку по шкалам "не радостно - радостно" и "не печально — печально"

Прежде всего, для проверки первой гипотезы, были проанализированы данные по влиянию изменения скорости движения всех фаз (тип «norma»). Однофакторный дисперсионный анализ показал наличие статистически значимого влияния фактора длительности варьируемых фаз на их оценку испытуемым по обеим шкалам ($p < 0,05$). Парные сравнения показали, что подобный эффект существует за счет различия между оценками движения с продолжительностью фаз 160 мс и 480 мс между собой и их отличия от оценок движения с другими продолжительностями фаз (движение с продолжительностью фаз 480 мс отличается от 240 мс и 320 мс только по первой шкале). Это говорит в пользу первой из предложенных нами гипотез.

Данные по трем другим типам были обработаны с помощью многофакторного дисперсионного анализа с использованием двух факторов: длительности варьируемых фаз и типа варьирования. В качестве зависимых переменных выступали оценки движения по шкалам «не радостно — радостно» и «не печально — печально». Результаты анализа показали наличие влияния обоих факторов ($p < 0,01$), но не их взаимодействия. Поскольку варьируемая фаза влияла также на выбор начальной фазы движения, то был проведен дополнительный многофакторный анализ с использованием тех же факторов, но на данных только по типам «grrad» и «gsrad», которые имеют одинаковую начальную фазу движения, но отличаются по варьируемым фазам. Результаты анализа показали наличие только длительности варьируемых фаз ($p < 0,05$), но не типа варьирования. Это свидетельствует о том, что влияет не столько тип варьирования, сколько начальная фаза движения. Таким образом, полученные данные свидетельствуют в пользу выдвинутой нами гипотезы.

Проведенное нами исследование говорит о возможности применения теории когнитивного диссонанса для объяснения аффективной оценки движения. Это, на наш взгляд, может представлять интерес не только для изучения в области эмоций и движения, но и для анализа работы сознания в целом, поскольку показывает возможность переноса принципов теории диссонанса на такие базовые процессы, как аффективную оценку, а значит, область ее применения может быть гораздо шире, чем это предполагалось ранее.

Дальнейшие исследования предполагают проверку полученных результатов на выборках большего размера, увеличение диапазона варьирования скоростей и выбора иных типов движения для анализа.

Литература

1. Алмаев Н.А. (2005) Индукция эмоциональных состояний: новая методика исследования. <http://www.ipras.ru/boiko-school/texts/2005/almaev/almaev.html>.
2. Агафонов А.Ю. (2003) Основы смысловой теории сознания. СПб.: Речь.
3. Фестингер Л. (1999) Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента.
4. Barrett, L.F. (2006) Solving the Emotion Paradox: Categorization and the Experience of Emotion // Personality and Social Psychology Review, №10(1), p. 20-46.
5. Russell, J.A. (2003) Core affect and the psychological construction of emotion // Psychological Review, №110(1), p. 145-172.

Креативность при использовании базовых знаний и мотивационная регуляция мышления¹¹

Чумакова М.А.

аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии,
Москва, Российская Федерация
chumakova_mariya@inbox.ru*

Исследования личностной регуляции мышления, начатые О.К. Тихомировым и его учениками, получили дальнейшее развитие в рамках исследования процессов принятия решений (ПР) [4]. Важнейшей для данного подхода является идея о многоуровневости психической регуляции данного процесса, а одной из центральных проблем – выявление процессов личностно-мотивационного опосредствования ПР. В понятии динамических регулятивных систем (ДРС) зафиксировано взаимодействие интеллектуальных и личностных компонентов регуляции [2]. ДРС как интеллектуально-личностные новообразования оказывают парциальное действие на различных этапах становления предрешений и конечных выборов субъекта [2,3]. Однако, не проводилось специальных исследований с целью прояснения роли ДРС при решении задач творческого характера.

Целями нашего исследования выступали 1) разработка критериев результативности ПР при использовании базовых знаний, 2) оценка процесса ПР с точки зрения представленности в нем креативности субъекта, 3) выявление связей характеристик процесса ПР с мотивационными компонентами регуляции.

Методика: Испытуемые – студенты психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в возрасте от 17 до 21 года (Med = 19). Выборка составила 72 человека (64 девушки и 8 юношей). По шкалам опросника А. Эдварса «Список личностных предпочтений» диагностировалась глубинная – неспецифическая по отношению к интеллектуальной деятельности – мотивация [1].

Мы предполагали, что уровень интеллекта испытуемого (измерено с помощью теста структуры интеллекта Р. Амтхауера) может являться дополнительной переменной, влияющей на процесс ПР. В качестве творческой задачи студентам было предложено составить тестовые задания по определенной теме изучаемого ими теоретического курса. Задания должны были содержать постановку проблемы и три варианта ответа (один из ответов должен был быть верным, второй должен был содержать верное направление ответа при недостаточно четкой формулировке, а третий должен был быть неверным, но сформулированным так, что при недостаточной теоретической подготовке мог бы быть выбранным в качестве правильного).

¹¹ Тезисы доклада основаны на материалах исследования, поддержанного грантом Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант №07-06-00101а)

Секция «Психология»

Предложенное задание совмещало в себе элементы ПР и творческого мышления, в ходе которого на основе имеющихся теоретических знаний преодолевалась ситуация заданной неопределенности. Субъективная неопределенность была связана с тем, что каждый испытуемый должен был решить, какие из аспектов предложенной темы должны быть отражены в вопросах, выявить связи между понятиями и определенным образом отразить их в формулировке задачи. Мы ожидали, что при таком задании будут актуализированы творческие компоненты мышления, т.е. креативность испытуемого. Выполнение студентами задания оценивалось по следующим параметрам: Количество составленных вопросов, «Хорошие» ошибки, «Плохие» ошибки, Охват темы, Формулировка, Проблемность. Выделенные показатели оценки можно соотнести с традиционными показателями креативности по Дж. Глфорду: первые два показателя выступают как оценка беглости, показатель *охват темы* является аналогом гибкости, а показатели *формулировка* и *проблемность* отражают разработанность темы.

Для анализа данных были использованы корреляционный анализ (r Спирмена) и t -критерий Стьюдента сравнения средних. Показатель решения задачи «плохие» ошибки мы рассматривали в качестве показателя результативности ПР (оценка отражает успешность выполнения задания испытуемым). Согласно этому показателю было выделено две группы испытуемых (критерий – наличие или отсутствие «плохих» ошибок). Для выделенных групп были установлены достоверные различия в уровне психометрического интеллекта ($t = -2,965$, $\alpha = ,005$): в группу с низкой результативностью ПР вошли испытуемые со значимо более низкими для данной выборки показателями IQ.

Таблица 1. Средние значения показателей креативности ПР

Результативность ПР		Количество	«Хорошие» ошибки	Охват темы	Формулировка * $t=-4,441$ (,0001)	Проблемность * $t=-2,622$ (,010)
Высокая	n=38	7,10	1,43	,63	-,31	1,72
Низкая	n=34	7,05	1,75	,59	-,58	1,52

(Примечание: * отмечены значимые различия по t -критерию Стьюдента)

Как видно из табл. 1, выделенные группы значимо различаются по показателям разработанности темы: в группе с высокой результативностью ПР значимо выше показатели *формулировка* и *проблемность*.

Было установлено, что между выделенными группами нет значимых различий в выраженности глубинной мотивации. Исключением является показатель *агрессия* ($t = 1,974$, $\alpha = ,052$): агрессивные тенденции в меньшей степени выражены в группе с высокой результативностью ПР.

Таблица 2. Связь показателей решения задачи и глубинной мотивации

Результативность ПР	Показатель креативности	Глубинная мотивация	ρ	α
Низкая	Формулировка	Коммуникативная компетентность	,408	,017
		Чувство вины	-,347	,044
	Проблемность	Стойкость в достижении целей	-,381	,026
Высокая	«Хорошие» ошибки	Мотивация достижения	-,335	,040
		Агрессия	,460	,004

Как видно из табл. 2, у испытуемых с высокой результативностью показатель беглости «хорошие» ошибки связан с *мотивацией достижения* и *агрессией*: больше ошибок такого рода допускают испытуемые с более выраженными агрессивными тенденциями и с меньшим стремлением к достижениям. В группе испытуемых с низкой результативностью ПР были получены связи мотивации с показателями разработанности темы: более качественно формулировали вопросы испытуемые с более высокими показателями *коммуникативной компетентности* и более низкими показателями *чувства вины*; проблемность составленных вопросов оказалась

Секция «Психология»

отрицательно связана со *стойкостью в достижении целей*. Таким образом, нам удалось показать, что 1) результативность ПР связана с уровнем интеллектуального развития, 2) креативность принимаемого решения связана с его результативностью, 3) на результативность ПР влияют показатели креативности решения, взаимодействующие с различными видами мотивации. В целом это свидетельствует о представленности в ДРС как интеллектуальных, так и личностно-мотивационных компонентов.

Литература

1. Корнилова Т.В. Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: ИП РАН, 1997.
2. Корнилова Т.В. Методологические проблемы в психологии принятия решений // Психологический журнал, 2005. №1. С. 3-20.
3. Корнилова Т.В., Каменев И.И. Принятие интеллектуальных решений в условиях неопределенности // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология, 2002. № 2. С. 24-36.
4. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Что скрывается за абстрактными понятиями?

Шварц А.Ю.

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Россия
E-mail: tiger-small@yandex.ru*

Язык, являясь не единственным средством нашего мышления, все же бесспорно оказывается одним из основных. В чем же различие между тем, чтобы представить себе трех мальчиков, выстроившихся по росту и сформулировать: так, Петя выше Васи, Вася выше Саши, значит Петя выше Саши. Можно ли обойтись одной только «картинкой» или наоборот только словесной формулировкой?

Философская идея формализации высказываний была предложена Г.Фреге, Б.Расселом и разрабатывалась Венским кружком в рамках логического позитивизма, стремившегося полностью прояснить все отношения между языковыми высказываниями и внешним миром. Однако вскоре становится понятно (например, поздние работы Л.Витгенштейна), что построить систему, ставящую в соответствие каждому высказыванию факт реального мира, не удастся. Пытаясь найти основания философского мышления, Библихин идет от слова к слову все вглубь, вскрывая бездонность значения и означиваемого, понимание одного конкретного слова требует преодоления всего пути автора, аналогично выглядит перспектива понимания математических высказываний в изложении Э.Гуссерля (Начала геометрии).

Как же тогда происходит повседневное понимание речи собеседниками, освоение содержания изучаемой дисциплины? Что мы подставляем на место бесконечной работы по постижению текста?

Ответами могут стать психологические и лингвистические исследования. В классической когнитивной психологии модели наших знаний строились преимущественно в амодальном ключе: семантические сети, пропозициональные конструкции отражали взаимодействия только между словами, никак не выходя в реальный мир. Напротив, Дж.Лакофф, М.Джонсон рассматривают все вербально-логическое мышление как метафорическое, заимствующее конкретные значения в физической реальности. Л.Бородитски показывает, что то, как будет понято двойственное предложение, зависит от конкретного опыта, который мы пережили и соответственно в каком состоянии мы находимся. Появляются и модальные представления о репрезентации наших абстрактных представлений: Л.Барсалоу полагает наше представление о каком-либо объекте совокупностью сведений, поступивших со всех модальностей и сведенных в одно место.

Секция «Психология»

Стремясь еще заострить проблему, мы выбрали предметом исследования математические понятия, то есть научные, задаваемые формальными определениями и более других позволяющие обособиться от какой-либо эмпирии. Может ли двигаться наука математика не обращаясь к данным органов чувств – вопрос к философам математики, лишь отметим в скобках, что программы формализации математики провалились, а споры об основаниях математики и достоверности доказательств не утихают и в настоящее время.

Наш же вопрос заключается в том, насколько и каким образом задействован чувственный опыт в формировании математических понятий в онтогенезе конкретного человека.

Согласно нейропсихологическим данным, полученным А.Р.Лурия и его последователями, выполнение арифметических задач базируется на пространственных операциях. С другой стороны, современные исследования с использованием методов нейровизуализации выявляют зону, специфически активирующуюся при работе с числовым материалом (Dehaene, ets., 2004). Клинические данные позволяют развести языковую способность и способность к оперированию числами. Хотя использование языка необходимо для овладения сложными арифметическими операциями, первичная способность к различению количества является самостоятельной и врожденной (Butterworth, 1999, Paterson, 2006). Согласно (Dehaene, ets., 2005) наличие в мозге зоны, амодально репрезентирующей числа, не противоречит тесной взаимосвязи числовых и пространственных представлений, но связь эта осуществляется вне зависимости от модальности, и возможно задействует схожие механизмы, что и кроссмодальное отображение пространства.

Уходя от проблемы врожденной и самостоятельной числовой способности, мы берем математические понятия, формирование которых заведомо культурно обусловлено. Мы стремимся показать, что формируясь в ходе обучения в присутствии готовой идеальной формы, абстрактные математические понятия все же не могут существовать в сознании оторвано от своего эмпирического содержания или возможного отображения. Говоря простым языком, мы не можем думать о производной, как о пределе отношения приращения функции к приращению аргумента при стремлении к нулю последнего, а всегда представляем себе угол наклона касательной к кривой или моментальную скорость пули. Следующим интересующим нас вопросом, является то, насколько продуктивным является формальное и наоборот конкретно-эмпирическое представление. Мы полагаем, что ответ на этот вопрос позволяет вскрыть не только структуру математических понятий, но и проблему роли и функционирования языка в целом.

Косвенными подтверждениями данной точки зрения является то, что реформа математического образования 60-х в России в сторону его формализации привела в настоящее время к краху всей системы преподавания математики. Педагогические постановления в США требуют обучения математике с «пониманием», а не просто заучивания ряда приемов. Это позволяет не только успешнее сдавать экзамены, но и пользоваться математическими навыками в повседневной жизни, быть готовым к ситуациям, требующим применения полученных в школе знаний. Аналогичная картина в областях специальной педагогики: как можно больше наглядного материала должно использоваться в преподавании математики детям с трудностями в обучении. В советское время уделялось огромное внимание наглядным инструментам. На которых слепые могли «ощутить» такие понятия как, например, «объем», или «сечение многогранника», в настоящее время наглядных материалов для них остро не хватает.

Ньюнез, Лакофф (2000) рассматривают математические понятия, так же как и все остальные, как метафорические, коренящиеся в чувственном опыте: так понятия теории множеств, в частности представление о вложенности множеств, имеет под собой обыденное представление об одном предмете, находящемся внутри другого (метафора Контейнеров). Такое представление исключает возможность рассмотреть множество всех

Секция «Психология»

подмножеств некоторого множества X , включающего также и самого себя в качестве элемента. С точки зрения Ньюеза, для построения формальной логики (а она требует именно таких конструкций) потребовался переход к другому чувственному представлению, отражающему вложенное множество, а именно графовое (система вершин и ребер).

Мы попытались выяснить, совпадает ли понимание математических понятий у обычных студентов и незрячих, лишенных наглядных примеров, предлагаемых в ходе обучения. Для этого студентам, обучавшимся по одной программе, с одними и теми же преподавателями, был предложен ряд вопросов по теме «комплексные числа».

В исследовании участвовало 5 студентов, обучавшихся комплексным числам в рамках курса математического анализа. Все они обучались достаточно успешно и получили за промежуточную отчетность оценки 4-5. Прослушанный курс был один для всех, следовательно, различия в обучении сводились к отсутствию наглядных зрительных примеров для незрячих: никакие дополнительные наглядные материалы не использовались.

Все студенты справились с задачами своего экзаменационного билета, однако понимание основных понятий оказалось различным. Ни один студент не смог дать строгое определение понятий модуль и аргумент комплексного числа, при этом их попытки качественно различались.

В целом, за данными понятиями у зрячих лежат зрительно-пространственные представления, тогда как для незрячих характерно операциональное представление понятий, как элементов формул, при этом понимания, что это такое в формуле не происходит (по их словам). Все студенты стремились пользоваться внешней опорой: зрячие изображали комплексную плоскость, незрячие водили пальцами по столу.

Для нас здесь важно, что при отсутствии сформированного чувственного представления, лежащего за математическим понятием, субъективного понимания происходящего не происходит, а оперирование такими понятиями требует не только правильного применения формул, но и внешней опоры на чувственный опыт, зрительный или тактильный.

Особенности совладания с трудностями у операторов телекоммуникационных сетей с разным уровнем стрессоустойчивости

Яценко Н.А.

аспирант

*Южный Федеральный университет, факультет психологии, г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: ldikaya@psyf.rsu.ru*

Проблема поведения человека в напряженных и экстремальных условиях профессиональной деятельности затрагивалась в исследованиях, касающихся эффективности решений и успешности действий [Бодров В.А., Орлов В.Я., 1998], совместной деятельности операторов [Горбов Ф.Д., Лебедев В.И., 1975], особенностей саморегуляции функциональных состояний [Дикая Л.Г., 2003; Занковский А.Н., 1991] и др.

Высказывается предположение о том, что в напряженных и экстремальных ситуациях проявляются латентные стороны индивидуальных особенностей личности, не проявляющиеся непосредственно в оптимальных ситуациях [Дикая Л.Г., 2003; Махнач А.В., 1993]. Особое внимание во многих исследованиях уделяется вопросам стрессоустойчивости [Зильберман П.Б., 1974], стратегий, способов реализации процесса совладания, зависимости тактик совладания от личностных особенностей и выраженности состояния стресса у операторов в процессе профессиональной деятельности [Водопьянова Н.Е., 2000; Matheny K.B. et al., 1986].

Секция «Психология»

Целью исследования стало изучение особенностей совладания с трудностями у операторов телекоммуникационных сетей с разным уровнем стрессоустойчивости.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что способы реализации процесса совладания и стрессоустойчивость обусловлены определённым сочетанием нейродинамических и формально-динамических особенностей, и отражаются на поведенческом уровне в форме специфических симптомов эмоционального выгорания.

Исследуемую выборку составили диспетчеры и сменные инженеры отделов оперативного управления телекоммуникационной компании ТТК-Кавказ в количестве 18 чел., все с высшим образованием в возрасте от 25 до 39 лет, из них 14 мужчин и 4 женщины.

Исследовались стрессоустойчивость, эмоциональное выгорание, индивидуальные копинг-стратегии, свойства темперамента, свойства нервной системы.

В исследовании использовались следующие методики: «Тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона» [Щербатых Ю.В., 2005], «Диагностика уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко» [Ильин Е.П., 2005], «Методика определения индивидуальных копинг-стратегий (стратегий преодоления) Э.Хайма» [Блазер А., Хайм Э., Рингер Х., Томмен М., 2003], «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФСДИ)» В.М. Русалова [Ильин Е.П., 2004] и опросник свойств нервной системы Стреляу [Столяренко Л.Д., 1995].

В результате исследования было выявлено, что операторы с высокой и средней стрессоустойчивостью отличаются низким уровнем коммуникативной эмоциональности, значительно меньше выраженной, чем у операторов с низкой стрессоустойчивостью.

У операторов, использующих при совладании с трудностями продуктивные когнитивные копинг-стратегии, моторная эмоциональность выражена значительно сильнее, чем у операторов, прибегающих к относительно продуктивным когнитивным копинг-стратегиям.

Операторы, прибегающие при совладании с трудностями к непродуктивным эмоциональным стратегиям, отличаются от своих коллег выраженными сложившимся симптомами неадекватного избирательного эмоционального реагирования на стрессогенные ситуации, а также формирующимися признаками эмоционального стресса на фазе резистенции (эмоциональная отстранённость и т.п.).

Операторы, совладающие с трудностями относительно продуктивными эмоциональными копинг-стратегиями, отличаются от своих коллег, прибегающих к продуктивным эмоциональным стратегиям, высоким уровнем интеллектуальной пластичности, средним уровнем коммуникативной эмоциональности и менее выраженной силой нервной системы по торможению. Но при этом, у них в большей степени проявляется симптом эмоционального дефицита.

Операторы, прибегающие к непродуктивным поведенческим стратегиям совладания с трудностями, отличаются от своих коллег, совладающих с трудностями при помощи продуктивных поведенческих копинг-стратегий, выраженными складывающимися симптомами переживания психотравмирующих обстоятельств, симптомами тревоги и депрессии и симптомами неадекватного избирательного эмоционального реагирования.

Также были обнаружены отрицательные взаимосвязи стрессоустойчивости с эмоциональностью в психомоторной и коммуникативной сфере, продуктивности когнитивных стратегий совладания с трудностями со степенью эмоциональности в моторной сфере, и эмоциональных стратегий совладания с трудностями со скоростью в коммуникативной сфере.

Таким образом, специфика стратегии совладания со стрессом в напряженных и экстремальных ситуациях у операторов с разным уровнем стрессоустойчивости обусловлена как формально-динамическими свойствами, так и нейродинамическими особенностями, и отражается в определённых симптомах эмоционального выгорания.

Литература:

Блазер А., Хайм Э., Рингер Х., Томмен М., Проблемно-ориентированная психотерапия. 2003. --№4 .С. 4-14.

Бодров В.А., Орлов В.Я. Психология и надёжность: человек в системах управления техникой. – М., ИП РАН, 1998. – 288 с.

Горбов Ф.Д., Лебедев В.И. Психоневрологические аспекты труда операторов. - М.: Медицина, 1975. -207с.

Водопьянова Н. Е. Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под. ред. Г. С. Никифорова. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 498 с.

Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 318 с.

Занковский А.Н. Профессиональный стресс и функциональные состояния / В кн. Психологические проблемы профессиональной деятельности/ отв. ред. Л.Г.Дикая, А. Н. Занковский. – М.: Наука , 1991. –С. 114-156.

Зильберман П.Б. Эмоциональная устойчивость оператора //Очерки психологии труда оператора. - М., 1974. - С.138-172

Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2004. -701 с.

Ильин Е.П. Психофизиология состояний человека. – СПб.: Питер, 2005. – 412 с.

Махнач А.В. Личностные детерминанты динамики психических состояний в экстремальных условиях // Автореф. канд. дисс. — М., 1993.

Столяренко Л.Д. «Основы психологии»: - Ростов –на-Дону .: «Логос» ,1995

Щербатых Ю.В. Психология стресса. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. - 304 с.

Matheny K.B., Aykok D.W., Pugh J.L., Curltette W.L., Silva Cannella K.A. Stress coping: A qualitative and quantitative syntesis with implication for treatment//The Counseling Psychologist. – 1986/ -Vol. 14, (4)/ - P. 499-549.

Психология здоровья и клиническая психология

Gender Difference of Subconscious Attentional Bias in High Trait Anxiety Individuals

Tan, Jieqing

Master Degree

Department of Psychology, Peking University, Beijing, P. R. China

Ma, Zheng

Undergraduate, B.S. candidate

Yuanpei College, Peking University, Beijing, P. R. China

mazheng1989@gmail.com

Abstract With binocular suppression and probe detection paradigm, the study aimed to examine the attentional bias and its gender difference in subliminal level between high and low trait anxiety individuals. Happy or fearful facial pictures were presented to HTAs (high trait anxiety individuals) and LTAs (low trait anxiety individuals) for 800 ms in both binocular suppression (invisible) and not suppression (visible) conditions. Participants were required to judge the gabor patch (100ms) clockwise or counter-clockwise. Attention benefits and costs had been calculated as attentional bias or avoidance. The results showed gender differences in the invisible condition where participants were unaware of emotional pictures cause inter-ocular suppression. Female HTAs exhibited difficulty to disengage attention from threatened pictures, but male HTAs adopted avoidance strategy of those materials. In the visible condition, according with previous researches, HTAs group showed no attention avoidance. The results indicated that the absence of attention avoidance of threatened stimuli in many studies may due to the different conscious levels and uncontrolled gender ratio. These findings also would be attributed to interpret female's high risk for anxiety.

Key word attentional bias binocular rivalry gender difference

The Research of Freshmen's Peer Pressure and its Correlation with Depression and Social Support

Zou Xin, Cao Mengyang, Long Yixuan

Undergraduate, B.S. candidate

Department of Psychology, Peking University, Beijing, China

Purpose: Statistics of recent years have shown that university students are suffering from increasingly severe mental problems, and most researchers consent to the notion that the pressure endured by freshmen, including peer pressure, is among the most crucial ones because of its widespread and high correlation with severe mental problems. Nevertheless, serious as the situation is, insofar no research has been conducted concerning the peer pressure of Chinese university students and its relationship with depression and social support. Therefore, this research is dedicated to explore of the unknown, to fill up the blankness in this field, and to provide possible solutions to enduring mental problems of university students.

Method: Under the guidance of the researcher, subjects, 200 freshmen in Peking University which has been arranged to meet the balance in sex and major, are to finish a comprehensive inventory anonymously, including basic information (sex, major, age, etc.), and test for peer pressure, social support and depression.

Inventory: The peer pressure inventory we adopt is the translation of PPI (Peer Pressure Inventory) originally made by Clasen and Brown in 1985. During the translation, we omit some items which might not operate under specific circumstances in China. The depression is assessed

by Beck Depression Inventory. Social Support is assessed by Social Support Inventory made by Xiao in 1986.

Result: According to Pearson's correlation analysis, there is a significant negative correlation between Peer Pressure and Depression, $r=-0.167$, $p=0.048$, as well as a positive correlation between Peer Pressure and Social Support, $r=-.279$, $p=.001$. According to double-factor ANOVA, there is no significant interaction effect between sex and major, $F(1,148)=3.614$, $p>0.05$. Moreover, neither sex factor ($F(1,148)=2.112$, $p>0.05$) nor major factor ($F(1,148)=0.483$, $p>0.05$) has a significant effect on peer pressure.

Conclusion:

1. Peer Pressure of freshmen in university has a significant negative correlation with depression, and a significant positive correlation with social support.
2. Factors including sex and major have no significant effects on freshmen's peer pressure.

Researches to be conducted:

1. Analyze the difference between subjects with high peer pressure scores and those with low ones in depression and social support.
2. Choose some of the subjects and impose different coping methods on them to detect the difference in peer pressure levels before and after the intervention.

**Роль личностных особенностей, эмоционального и телесного опыта
в патогенезе панических атак**

Агарунова С.Э.

Студентка

Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sabinocha@yahoo.com

Феномен панических атак широко изучаем в рамках различных направлений: психиатрического, психологического, психофизиологического и т.д.

С точки зрения различных психологических концепций в большей степени изучается роль тех или иных психологических predispositions, лежащих в основе механизма симптомообразования панических атак. Тот факт, что феномен панических атак достаточно неоднороден по своей феноменологии тем более вызывает интерес в том, какие же психологические механизмы лежат в основе данной вариативности.

Нами на данном этапе проводится исследование по изучению роли личностных особенностей, а также эмоционального и телесного опыта больных страдающих паническими атаками. Это исследование проводится в рамках культурно-исторического подхода к психосоматической проблеме, где важная роль отводится изучению феномена внутренней картины болезни (ВКБ). Таким образом, эмоциональный и телесный опыт, а также личностные predispositions исследуется в качестве компонентов, лежащих в основе формирования ВКБ у больных с паническими атаками.

Прежде, чем кратко представить предварительные результаты качественного анализа данного исследования, следует рассмотреть изучение личностных predispositions, эмоционального и телесного опыта в рамках различных подходов (клинического и психологического).

- В рамках *клинического подхода* особенно исследуется роль личностных особенностей в развитии ПА.

Отмечается, что оценка преморбидных черт личности во многом затруднена из-за ретроспективного характера анализа. Однако, исходя из всего массива исследований на данную тему, можно говорить о полярных описаниях личности больных паническими атаками. Данные различных отечественных и зарубежных исследований говорят о высокой вовлеченности таких больных в контроль своей жизни, боязни зависимости от

Секция «Психология»

других, они высоко ценят продуктивность и автономность, стараются всем нравится избегают конфликтных ситуаций с другими. Часто эти больные характеризуют себя как самоуверенных, менее сдержанных и скрытых, активных и безрассудных.

Однако другие авторы считают, что для больных паническим расстройством характерны зависимость от других, пассивность, застенчивость, робость, пугливость, кроме того, они обнаруживают такие черты, как антиагрессивность, избегательные установки, меньший контроль, демонстративность и асоциальность. [1]

Такое разнообразие в определении личностных характеристик, возможно, обусловлено тем, что панические атаки могут наблюдаться в различных нозологических группах.

- В рамках *психологических исследований* особый интерес представляют когнитивный, бихевиористский и психодинамический подходы к проблеме психологических predispositions к патогенезу ПА.

В этих подходах телесный опыт человека, а также его эмоциональный опыт не являлись предметом прямого изучения. Однако в той или иной степени компоненты телесного и эмоционального опыта исследовались во всех концепциях. Кратко изложим основные результаты этих исследований

В рамках *когнитивного подхода* наравне с изучением роли дефицитности и искажения когнитивных механизмов, некоторая часть исследований посвящена изучению особенностей *эмоционального и телесного восприятия*. Рассматривается так называемая гипотеза «тревожной сензитивности». Исследуется сверхчувствительность панических пациентов к телесным проявлениям тревоги, в отличие от личностной тревоги, означающей тенденцию реагировать страхами и опасениями на стрессоры вообще. Было показано, что панические пациенты в качестве угрожающих расценивают нечеткие, неопределенные и неожиданные ощущения со стороны внутренних органов. У людей, страдающих паническим расстройством воспроизведение в памяти телесных ощущений связано с автоматическим воспроизведением ощущения угрозы. *Эмоциональный фактор* исследовался в контексте изучения факторов непосредственно провоцирующих паническую атаку. Так изучались ситуативная тревога, ситуативный гнев. [3]

В рамках *бихевиористской концепции*, где считается, что в основе панических атак лежат условно-рефлекторные механизмы, эмоция страха является условной реакцией, тогда как телесное ощущение - стимул, провоцирующий эту реакцию. В данной концепции не дается однозначного определения почему одни и те же телесные ощущения вызывают у разных людей различные реакции. Считается, что в результате эволюции некоторые реакции страха, например, на определенные объекты, ситуации, а также и телесные симптомы, которые несут угрозу выживанию человечества, заучиваются особенно быстро и на длительное время. Несмотря на то, что это объяснение нашло подтверждение в ряде экспериментальных фактов, не дается объяснения, чем кардинально телесные симптомы несущие угрозу выживания человечества, которые определяют возникновение ПА отличаются от телесных симптомов и восприятия этих симптомов у людей с иной формой патологии или людей в норме. [4]

В рамках *психодинамической модели эмоциональный опыт* рассматривается с точки зрения патологического характера отношений с партнером, который является результатом особого характера объектных отношений в раннем детстве человека. Изучается роль патологической зависимости субъекта от своего партнера. Рассматривается механизм нарушения тревожной регуляции, приводящий к паническим атакам. Относительно *телесного опыта* субъекта исследований в рамках данного направления нет прямых исследований. Однако некоторые рассматривают факторы самофрагментации и нарушения самоидентичности, как лежащие в основе возникновения панических атак, и некоторыми исследователями также указывается на возможность нарушения механизма *телесной идентичности* как составляющего компонента самоидентичности, который может лежать в основе возникновения панических атак. [1]

Секция «Психология»

Кратко изложив результаты исследований в рамках различных подходов, также представим предварительные результаты качественного анализа проводимого нами исследования. Нами обследовалось 25 человек страдающих паническими атаками, отличающихся друг от друга по различным клиническим характеристикам (разный возраст дебюта, разный стаж заболевания, различная структура и частота самих приступов ПА). Клинический диагноз испытуемых преимущественно был "Паническое расстройство" и "Паническое расстройство с агорафобией". Исследование было направлено на изучение трех блоков: личностных predispositions, эмоционального опыта и телесного опыта. Предварительный качественный анализ позволяет говорить о том, что имеется связь между диффузностью эмоционального и телесного опыта больных с их инфантильной личностной структурой. Чем выше уровень диффузности эмоционального и телесного опыта, чем более ярко выражены компоненты инфантильной личностной структуры, тем более осложненной выступает клиническая картина приступов ПА, т.е.

- структура приступов представлена более развернутыми соматическими, вегетативными и эмоциональными симптомами,
- выше показатель частоты приступов,
- дебют сопровождается менее отягощенными жизненными событиями

Вновь отмечаем, что здесь мы представляем незначительную часть результатов исследования, так как в ближайшее время будет осуществляться широкий количественный анализ полученных результатов.

Литература

1. Вейн А.М., Дюкова Г.М., Воробьева О.В, Данилов А.Б./Панические атаки : Неврол.и психофизиол.аспекты:Рук.для врачей М. : Эйдос Медиа, 2004
2. Клиническое руководство по психическим расстройствам: Перевод с английского/ под ред. Барлоу Д. Х., М. Питер, 2008
3. McNally R.J. Psychological approaches to Panic disorder: a review. Psychol. Bull 1990
4. Seligman M.M. Competing theories of panic in S Rachman, J.D. Maser. Panic : psychological perspectives. 1988
5. Schmidt N.B., Maner J. Anxiety Sensitivity Linked To Future Psychological Disorders (Article)// the Journal of Psychiatric Research// Science Daily 2006

Особенности телесного и эмоционального опыта у детей с разными типами межполушарной организации мозга.

Акимова О.В.

аспирантка

Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия.

E-mail: ov-akimova@mail.ru

Анализ особенностей психосоматического развития в контексте общих закономерностей развития психики - актуальная задача в рамках разрабатываемого на кафедре нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова подхода по изучению онтогенеза телесности. Значение мозговой организации в функционировании телесности как высшей психической функции до сих пор остается неизученным. В младшем школьном возрасте происходит активное формирование высших психических функций, в том числе и телесного опыта. Именно поэтому сопоставление особенностей телесного опыта в детском возрасте со спецификой функциональной организации мозга позволит определить нейропсихологические основания, которые лежат в основе формирования телесности.

Кроме того, в настоящее время число психосоматических расстройств детского возраста растет. В связи с этим возникает практическая потребность в своевременной диагностике, предупреждении отклонений в психосоматическом развитии, профилактике

Секция «Психология»

и разработке программ коррекции психосоматической патологии. Поскольку в основе психосоматических нарушений лежит большое количество факторов, то именно системный клинико-психологический подход позволит в максимальной степени разрешить поставленную задачу. Тип межполушарной организации мозга определяет целый спектр психологических признаков. Накоплен большой фактический материал о неравнозначности левого и правого полушарий в обеспечении эмоциональных явлений. Для правшей характерно преобладание положительной эмоциональной системы над отрицательной, в то время, как левшам больше свойственна слабость, ненадежность адаптивных механизмов, что проявляется частыми аффективными срывами. Существуют данные о предрасположенности функциональной слабости определенных зон мозга при психосоматической патологии. Поэтому изучение нейропсихологического аспекта в психосоматическом развитии позволит разработать адекватную систему диагностики и коррекционных воздействий в случае психосоматических отклонений.

Нами проведено исследование, направленное на определение особенностей телесного и эмоционального опыта у детей 8-9 лет с разными типами межполушарной организации мозга. В исследовании приняли участие ученики общеобразовательных школ 2-х и 3-х классов (38 человек). Для определения типа межполушарной организации мозга использовался набор нейропсихологических методик на определение межполушарной асимметрии. В отношении телесного опыта определялись такие параметры, как объем и содержание телесного и болевого опыта, локализация болевых ощущений, неосознаваемое отношение к частям тела с помощью методик «Классификация дескрипторов соматических ощущений», «Цветовой тест отношений». Особенности эмоционального опыта определялись с помощью методики определения детской тревожности Прихожан А.М. «СМАС» и метода цветочных выборов.

Проведенное исследование показало, что для большинства леворуких детей характерны такие эмоционально - личностные особенности как высокий уровень тревожности, сензитивность. Общий объем знакомых ощущений у левшей превышает объем испытанных ощущений у правшей. Подобные результаты получены и относительно болевого опыта. Кроме того, болевой опыт левшей в общем количестве знакомых телесных ощущений составляет большую часть, чем у правшей. Помимо количественных различий в описании телесного опыта, обнаружены и качественные, а именно, леворукие дети склонны структурировать как телесный опыт, так и болевые ощущения на основе эмоционального компонента, имеющего негативную окраску. Праворукие дети склонны локализовать большее количество болевых ощущений в голове, конечностях, тогда как у левшей не выявлены приоритетные локусы болевых ощущений. Особенно интересным оказался образ спины у леворуких детей. Правши практически не осознают данную часть тела, для левшей же спина является более осознанной частью тела за счет болевых ощущений. Кроме того, получены данные об эмоциональном отношении к телу, его частям. Большинство леворуких детей объединяет позитивное, принимающее отношение к левой руке, позитивное или нейтральное отношение к животу, правой руке. Ноги, спина вызывают или отвержение, или не вызывают определенного отношения вовсе. Правшам же свойственно противоречивое отношение к одним и тем же частям: ногам, левой руке. Большинство грудь, спина воспринимаются нейтрально. Отношение к правой руке либо положительное, либо нейтральное, такое же отношение наблюдается и к голове, всему телу. Живот детьми этого кластера воспринимается или нейтрально, или отрицательно.

В настоящем работе была предпринята попытка исследования особенностей эмоционального и телесного опыта у детей 8 – 9 лет с разными типами межполушарной организации мозга. Проведенное исследование является продолжением изучения онтогенеза телесности, становления психосоматических отношений в рамках культурно-исторического подхода.

Надо отметить, что настоящее исследование не раскрывает всех вопросов, связанных с особенностями психосоматического развития и спецификой функциональной

Секция «Психология»

организации мозга. Профиль латеральной организации мозга – лишь один из аспектов нейропсихологического профиля, поэтому с целью расширения круга изучаемых феноменов в предполагаемой работе будет анализироваться нейропсихологический профиль полностью. Кроме того, особенности выборки (здоровая популяция и возрастной диапазон детей, принявших участие в исследовании (8-9 лет)) накладывают ограничения на распространение полученных результатов на всю популяцию детского возраста. В связи с этим в дальнейшем исследовании предполагается расширение возрастного диапазона выборки в норме и при психосоматической патологии.

Рефлективные механизмы сохранения психологического здоровья в студенческом возрасте при изучении дисциплин психологического цикла

Амосова Н.О.

аспирант

*Иркутский государственный педагогический университет, факультет педагогики,
Иркутск, Россия*

E-mail: amnata@mail.ru

Проблема сохранения психологического здоровья в настоящее время приобретает все большую актуальность. Если дети дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста рассматриваются в качестве предмета коррекционно-развивающей работы по сохранению и укреплению психологического здоровья (О.В. Хухлаева, В. Пахальян, А.В. Шувалов и др.), то студенчество остается практически без профессиональной помощи в данном вопросе.

Для рассмотрения проблемы сохранения психологического здоровья студентов нам представляется важным определить сущность понятия психологическое здоровье и его показатели в рассматриваемом возрасте.

Анализ имеющихся теоретических подходов к изучению психологического здоровья и наш собственный исследовательский опыт позволяют сформулировать следующее определение.

Психологическое здоровье – это динамическая совокупность психических свойств и состояний личности, обеспечивающих состояние гармонии, высокий потенциал достижения благополучия в жизни, полноценное функционирование человека в процессе жизнедеятельности, осознание своей индивидуальности и своеобразия всех окружающих людей.

Показатели психологического здоровья студентов были выделены нами на основе возрастных особенностей поздней юности:

- принятие себя,
- принятие других,
- уверенность в правильности профессионального выбора,
- полноценное межличностное общение,
- осознание своих желаний, ценностей, своего смысла жизни,
- самоактуализация.

Так как рефлексия является важной составляющей личностного и профессионального становления в юношеском возрасте, поэтому, исходя из сущности психологического здоровья, особенностей студенческого возраста, идеи о конструктивной и неконструктивной рефлексии Г.Н. Траилина [2] были определены следующие рефлективные механизмы сохранения психологического здоровья у студентов:

- переживание,
- самопознание,
- самопонимание,
- саморегуляция,
- саморазвитие,

Секция «Психология»

– ответственность.

Данные рефлексивные механизмы сохранения психологического здоровья в студенческом возрасте определили направление и содержание коррекционно-развивающей работы. При разработке программы мы учитывали следующие теоретические положения:

– А.С. Шаровой о переживании, как необходимости изменения чего-то важного и значимого для человека [4];

– В.В. Знакова о самопознании и самопонимании, как возможности получить и осознать новые знания о себе [1];

– О.В. Хухлаевой о саморегуляции, как возможности полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности [3];

– В.Т. Кудрявцева о саморазвитии, которое позволяет человеку стать субъектом, хозяином и автором собственной биографии;

– В. Шутса об ответственности, как осознании собственного выбора, являющегося предпосылкой тех или иных жизненных событий [5].

Выделенные рефлексивные механизмы сохранения психологического здоровья в студенческом возрасте, будут способствовать перестройке личности, развитию новых идеальных образов, переключению на новые механизмы жизнедеятельности, учебно-профессиональной деятельности.

Коррекционно-развивающая работа по сохранению и укреплению психологического здоровья у студентов может осуществляться, по нашему мнению, не только в рамках специальной программы, но и при изучении дисциплин психологического цикла. Качество и объем коррекционно-развивающей работы будет зависеть от содержания учебной дисциплины, количества часов и систематичности проводимой работы. Общие приемы реализации рефлексивных механизмов сохранения психологического здоровья у студентов представлены в таблице.

Реализация рефлексивных механизмов сохранения психологического здоровья студентов при изучении дисциплин психологического цикла

Рефлексивные механизмы сохранения психологического здоровья студентов	Цель	Приемы работы
Переживание	Осознание значимости какого-либо события	Написание сочинений, тестирование («Методика неоконченных предложений» и др.)
Самопознание	Сбор психологических данных о себе	Психологическая диагностика
Самопонимание	Осмысление знаний о себе	Написание сочинений, психодиагностических заключений
Саморегуляция	Перенос знаний в умения	Тренинги, коррекционно-развивающие упражнения
Саморазвитие	Целенаправленное изменение своей жизни	Составление рекомендаций, планов развития
Ответственность	Осмысленное существование в окружающей среде	Перенос полученного опыта в разные сферы жизнедеятельности

Позитивное осознание и преобразование самого себя может помочь решить проблему сохранения психологического здоровья, что проявится в гармоничных отношениях с окружающими, субъективном ощущении психологического комфорта, высоким

Секция «Психология»

потенциалом достижения благополучия в жизни, осознании своей индивидуальности и своеобразия всех окружающих людей.

Литература

1. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448 с.
2. Траилин Г.Н. Развитие рефлексивных способностей в процессе профессиональной переподготовки: Автореф. дисс... канд. психол наук. – Краснодар, 1997.
3. Хухлаева О.В. Коррекция нарушений психологического здоровья дошкольников и младших школьников. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 176 с.
4. Шаров А. С. Психология переживания: природа, механизмы, феномены.// Мир психологии. – 2004. - №1 (37). – С. 214-226
5. Шутс В. Глубокая простота. – СПб.: Роза мира, 1993. – 218 с.

Особенности психических состояний жителей северных и южных регионов

Апанасюк М.Н.

студентка

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
факультет педагогики и психологии, Нижневартовск, Россия*

E-mail: marianika@mail.ru

Проблема психических состояний человека, составляющих важную часть психической регуляции поведения и деятельности, до настоящего времени остаётся недостаточно исследованной как в теоретическом, так и прикладном аспектах. В большей мере, в научной литературе представлена классификация психических состояний, описание их отдельных видов, обозначены проблемы диагностики.

Психическое состояние определяется психологами как «временное, текущее своеобразие психической деятельности индивида, обусловленное содержанием и условиями его деятельности и личностным отношением к этой деятельности. Познавательные, эмоциональные и волевые процессы комплексно проявляются в соответствующих состояниях, определяющих уровень жизнедеятельности индивида [1, стр. 350].

Особый интерес представляют неравновесные психические состояния как функциональная система, образующаяся при нарушении равновесия между организмом и средой; они возникают в особых условиях жизнедеятельности и затрудняют ее регулирование. «В основе неустойчивого состояния, - пишет А.О.Прохоров, - находится нарушение уравновешенности с условиями внешней, предметной и социальной среды, ослабление адаптационных механизмов субъекта и, соответственно, снижение адекватности поведения вплоть до полной дезорганизации» [5, стр.88].

Цель исследования: выявить особенности рельефа психических состояний жителей Ханты-Мансийского автономного округа в сравнении с жителями Крыма.

Гипотеза исследования: так как жители северных регионов проживают в особых условиях жизнедеятельности (низкий среднегодовой температурный режим, непродолжительность светового дня, резкая сезонная фотопериодичность, перепады атмосферного давления, сравнительно однообразный ландшафт), состояния, переживаемые его жителями, будут отличаться как своей иерархической организацией, так и уровнем выраженности.

В исследовании планируется ряд этапов:

1 этап - пилотажное исследование на выборке молодых людей в возрасте от 18 до 21 лет с целью выявления рельефа психических состояний в условиях северного и южного регионов;

Секция «Психология»

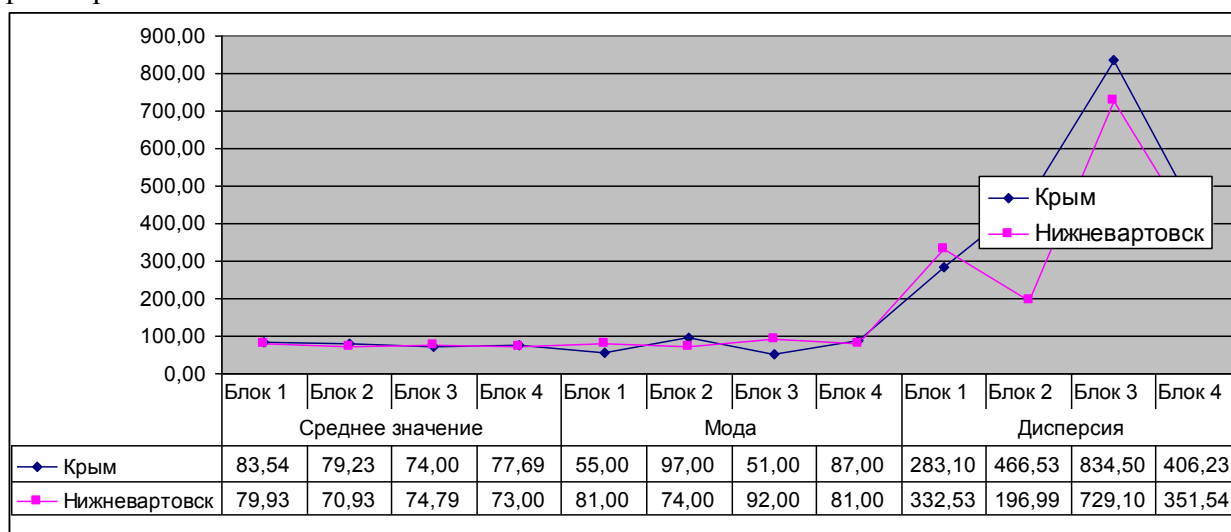
2 этап - исследование рельефа психических состояний у молодых людей, сменивших место жительства и оказавшихся, таким образом, в особых условиях жизнедеятельности;

3 этап изучение влияния субъективных факторов на рельеф психических состояний на примере мотивации деятельности.

Методика исследования – Опросник рельефа психических состояний личности [4, стр.142-147] - представляет собой перечень показателей структуры психического состояния по четырём блокам: психические процессы, физиологические реакции, переживания, поведение. Каждый показатель имеет 11 уровней выраженности. Исследование проводилось на двух выборках респондентов: 13 молодых людей жителей г. Нижневартовска (ХМАО) и 14 – жителей г. Черноморска (Крым).

Статистическая обработка полученных данных включала в себя определение среднестатистического показателя, моды и дисперсии по Спирмену. Результаты представлены в рис. 1

Рис.1 Уровни выраженности психических состояний респондентов южного и северного регионов.

На графике отчетливо видно отсутствие корреляционной связи между выраженностью психических состояний по блокам: психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение (при подсчете среднего значения и моды). Однофакторный дисперсионный анализ обнаружил статистически значимую связь (коэффициент Пирсона равен 5.6) по блоку 2 «Физиологические реакции». Таким образом, гипотеза о различиях в уровне психических состояний не нашла подтверждения. Очевидно, это связано с тем, что выборки состояли из жителей регионов, постоянно в них проживающих. На следующем этапе исследования предполагается изменить выборку испытуемых за счет включения в нее лиц, сменивших место жительства и оказавшихся в изменившихся условиях жизнедеятельности.

Литература

1. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь М., 2006, стр. 350
2. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека - М.: Просвещение, 1964.
3. Методики диагностики и измерения психических состояний личности/автор и составитель А.О. Прохоров - М.:2004.
4. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.:1998, 176 с.
5. Психические состояния. Хрестоматия/ Составитель Л.В. Куликов.- СПб.: Питер, 2000.

Специфика телесного восприятия в армии.

Балева А.П.

аспирантка

Проблема определения и формирования феномена телесности тесно связана с изучением системы социальных отношений, в которых и происходит его развитие, а также условий, влияющих на данный процесс. В отечественной психологии процесс становления телесности, имеющей характер высшей психической функции, рассматривается в контексте деятельности (Леонтьев А.Н.,1977; Рубинштейн С.Л.,1998). Телесность формируется во взаимодействии с другим, встраивается в общий ход психического развития, приобретая системное строение, знаково-символический характер, «культурную» форму, произвольность функционирования (А.Ш.Тхостов, 2002). По составу и структуре телесность как целостная система включает ряд иерархически взаимосвязанных компонентов, не сводима к сумме своих частей и выходит за рамки тела-организма. Структурные составляющие телесности, отражающие ее сложную пространственную конфигурацию, операционализируются в исследованиях характеристик **внешней** (внешность, образ физического Я, образ тела) и **внутренней телесности** (структура интрацептивного опыта, семантика внутренней телесности, образ тела), феномена границ телесности, особенностей внешних слоев телесности, включающих объекты внешнего мира (в частности, «одежду» как «кожу культурного тела»), отношения и оценки субъектом собственного тела (показателя удовлетворённости телом) и пр. В пространство телесности также включаются объекты внешнего мира, субъективно становящиеся объектами мира внутреннего (например, при «феномене зонда») (А.Ш.Тхостов,2002).

Воинская деятельность, как особый вид деятельности, связанный с нагрузками, вредностями, ограничениями, стрессами (А.Г.Маклаков, 2005) определённым образом влияет на формирование и развитие телесного опыта. Исследование закономерностей, психологических механизмов и особенностей проявления телесности у различных категорий испытуемых (от патологии до нормы) были предметом изучения и анализа Мерло-Понти М.(1999), Подороги В.А.1995), Лоуэна А.(1999), Тхостова А.Ш.(2002), Николаевой В.В.(1993), Соколовой Е.Т.(1989), Дорожевца А.Н.(1986), Маклакова А.Г.(2005) и др. Вместе с тем следует отметить, что на сегодняшний день проблема влияния особенностей именно воинской деятельности на формирование телесного опыта, его взаимосвязь с адаптацией военнослужащих к этому виду деятельности исследована недостаточно. Данное исследование направлено на разработку эмпирической модели исследования взаимосвязи некоторых компонентов телесного опыта (удовлетворённость телом, интенсивность соматических жалоб) и параметров воинской деятельности (срок службы), уровня адаптации, фрустрации потребностей; выявление воздействий, которые оказывает воинская деятельность на формирование образа тела; определения специфики телесного опыта военнослужащих, его влияние на адаптацию в служебной деятельности. Настоящая работа является одним из первых исследований, в которых эмпирически выявлены особенности телесного опыта на разных этапах адаптации военнослужащих к воинской деятельности.

Проблема: Субъективное отражение телесного опыта у военнослужащих.

Объект исследования: Специфика телесного опыта военнослужащих.

Предмет исследования: Структура и динамика телесного опыта военнослужащих на разных этапах адаптации к воинской деятельности.

Цель исследования: Исследование особенностей телесного опыта у военнослужащих.

Общая гипотеза исследования: Содержание телесного опыта у военнослужащих и его субъективная оценка носят специфический характер, обусловленный включённостью тела в особый вид деятельности - воинскую деятельность.

Характеристика испытуемых и методы исследования:

Секция «Психология»

В экспериментальном исследовании в качестве испытуемых выступили солдаты срочной службы, от 18 до 25 лет. В программу исследования были включены военнослужащие, у которых по медицинским документам отсутствуют хронические психические и соматические заболевания. Было выделено три группы испытуемых:

1) 30 человек - прослуживших в рядах Вооружённых Сил не более 6 месяцев - «первый период»; 2) 30 человек - прослуживших в рядах Вооружённых Сил не менее 6 месяцев, но не более 14 месяцев - «второй период»; 3) 30 человек - демобилизующихся в ближайшее время - «третий период».

Исследование проводилось в индивидуальном порядке с каждым испытуемым.

Методы исследования:

1) Методика «МЛО-АМ» (А.Г.Маклаков, С.В.Чермянин); 2) Опросник, разработанный автором исследования, позволяющий выяснить степень фрустрации основных потребностей (ФОП); 3) Модифицированный опросник удовлетворённости телом, первоначально разработанный в магистерской диссертации И.В.Денисова; 4) Гиссенский опросник соматических жалоб, использовался русскоязычный вариант, адаптированный сотрудниками психоневрологического института им. В.М.Бехтерева (В.А.Абабков, М.С.Бабин и т.д., 1993); 5) Методика «Визуально- Аналоговая Шкала» (ВАШ) оценки отдельных частей тела и различных состояний тела; 6) Методика «Незаконченные предложения», созданная специально для данного исследования.

Были обнаружены следующие закономерности:

- было выявлено, что конструкт «военное тело» появляется на уровне осознания только к 3-ему периоду службы - иными словами, происходит разделение, диссоциация представлений о теле вообще (не связанном с армией) и теле в контексте воинской деятельности;

- если характеристики тела как такового, до армии, относительно удовлетворяют субъекта, то тело, включённое в воинскую деятельность (диффузное «тело-армия», состоящее из многих, стремящихся к единообразности и похожести «тел рядовых» солдат) вызывает обратную реакцию неприятия (особенно это заметно на начальных этапах службы). При этом следует отметить - чем выше у военнослужащих уровень адаптации к условиям и требованиям воинской среды, тем меньше они удовлетворены характеристиками собственного тела, воспринимаемого как включённое в эту среду.

Как показали **результаты** проведённого нами исследования, содержание телесного опыта и его субъективная оценка военнослужащими действительно носят особый характер, связанный с их включённостью в специфический вид деятельности - воинскую деятельность. В этих условиях исследуемые компоненты телесности (удовлетворённость телом и его частями, интенсивность телесных недомоганий) претерпевают некоторые изменения, связанные со сроком службы и уровнем адаптации военнослужащих к условиям военной службы.

Литература

1. Кон И.С. Сексуальная культура в России. М., 2002.
2. Маклаков А.Г. Военная психология. СПб, 2005.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия, 1999

К вопросу о проблеме патологических особенностей представителей различных субкультур

Баикуев Н.А.

Студент

*Иркутский Государственный Университет, Факультет психологии, г. Иркутск, Россия
e-mail: kolamus@list.ru*

Секция «Психология»

Разнообразие вкусов и интересов на сегодняшний день является полноправной и подавляющей проблемой большинства людей нашей страны и не только. Люди привыкли жить индивидуально, как для себя, так и, показывая это обществу, порой, противореча общественным нормам и правилам. Мы принимаем одну субкультуру, осуждая другую и наоборот, не вдумываясь в проблему и особенности своей стороны.

Начиная со времен СССР, можно было наблюдать за межличностными отношениями разных субкультур, тогда все приравнивалось к единому целому «все равны», но все же находились те люди, которые были неподвластны общественному мнению и вели свой образ жизни, у них были свои привычки и интересы. Общество их осуждало, говоря о патологии молодежи нетрадиционного стиля жизни. Так из года в год, к нашему времени мы встречаем, на улицах любого города, людей, которые выделяются из общей массы. Так называемых представителей разных субкультур. На сегодняшний день можно выделять множество субкультур, таких как: «Неформалов», «Фанатов», «Скин-хедов», «Байкеров», «Эмо» и так далее.

Сущность проблемы в отношении такой молодежи к людям, жизни, к себе. Буквально в июле 2008 года была разработана концепция по инициативе Общественного совета Центрального федерального округа совместно с Комиссией Общественной палаты по социальной и демографической политике и тремя комитетами Госдумы - по вопросам семьи, женщин и детей, по культуре и по делам молодежи. По мнению авторов концепции, «российское общество, включая несовершеннолетних граждан, продолжает находиться в состоянии системного духовно-нравственного кризиса». Особенно неблагоприятная ситуация, отмечается в концепции, складывается в сфере нравственности детей и молодежи. Авторы утверждают, что в России сейчас растет поколение детей «с размытыми социально-нравственными и ценностно-нормативными ориентирами, с антиобщественными установками». «Это неизбежно приведет к потере значительной частью общества нравственных основ культуры, правосознания и гражданского патриотического сознания, нравственному вырождению нации, что является прямой угрозой для сохранения Российской Федерации как самостоятельного государства», - так представляют авторы грозящий Апокалипсис.

Мы хотим привести примеры различных субкультур и остановиться на некоторых, патологических особенностях. Поскольку мы изучали скин-хедов, то мы можем сказать, что это неоднородная субкультура. Можно выделить, по крайней мере, четыре «разновидности». Это TRADE - классические скин-хеды, для которых в большей степени важен именно субкультурный внешний вид; потом есть RASH – скин-хеды-анархисты, включенные в политическое пространство; SHARP – выступающие против расовых предрассудков; и, наконец, фашиствующие группы скинхедов (бонхеды). SHARP и RASH – это в основном скинхеды-антифа. Если говорить о бонхедах – это серьезная проблема, которую надо изучать, что мы и делали. Появление этих групп часто связано с социальной дезинтеграцией и социальным исключением, в том числе и родительским, с недостаточными статусными ресурсами в формальных группах, в классе, во дворе и т.д. В таких условиях формируются альтернативные модели социализации, когда ты можешь приобрести статус на основании других ценностей, как, например, на основании ценностей бонхедского сообщества, этот феномен был замечен еще чикагской школой.

В некоторых городах РФ и возможно зарубежьем начинает развиваться пока еще «слабое» и «хилое» направление сталкеров, о этой субкультуре почти не слышно (именно про субкультуру а не про просто любителей игры, фильма и книги). Это первая субкультура, которая зарождена на Украине. Сталкеры называют себя- Дети Чернобыля, на данное время число настоящих стлкеров очень мало. Направление состоит из 2-х типов людей:

1. Простые фанаты и поклонники игры «STALKER»
2. Те фанаты и поклонники, которым эта игра стала родной-кто увидел в этом свою душу! Которых не оставила равнодушным Чернобылевская трагедия- котырые реально себе

представили «атомную зиму» и стали подготавливаться к ней, чтобы она не была для них внезапной - как для многих людей. Изучение секретов выживания в разных экстренных ситуациях и т.д, консервирование еды на случай войны, изучение и коллекционирование оружия, ножей и т.п. На наш взгляд, изучение данной субкультуры интересно, т.к. такие люди одержимы идеей выживания, идеей войны, и собственной безопасности, что уже говорит о различных фобиях, и антисоциального поведения.

Эмо, это, по-моему, такая естественная, яркая, очевидная реакция молодежи. В отличие от взрослых, они оказались более чувствительны к рационализации и дегуманизации социальности. Это реакция на очень резкий переход к потребительскому обществу и т.д. Эмо – это «дети среднего класса», из семей, определенно зараженных вот этим вынужденным или добровольным карьеризмом. Мне кажется, эмо-субкультура может привлекать детей, у которых есть психологические проблемы. Такая молодежь в своем возрасте уже переживает очень многое, взять хотя бы переходный возраст - очень большой стресс для ребенка. Чем же выделяется эмо от обычного человека в нашей концепции. Если раньше не было мы огорождали детей от войны, смертей, агрессии и т.д, то сейчас это сплошь и рядом. В данной субкультуре принято делать себе больно, резать вены поперек запястья, думать о смерти, при, каком-то, пусть даже нелепом разочаровании. Возьмем второй фактор: Бисексуальность - распространенное явление среди эмо. Здесь же размытые рамки между полами, мальчики похожи на девочек, девочки похожи на мальчиков, которые похожи на девочек... порой и не отличишь».

Так же, мы хотим привести несколько примеров суицидального поведения, закончившегося летальным исходом, представителей данной субкультуры. Так в 2008 году в Санкт – Петербурге покончила собой девушка 16 лет, прыгнув с 9-ти этажного дома, как выяснилось позже, она оставила записку, в которой было сказано: «Мир слишком жесток, мне не хватало света и доброты, я никому не нужна здесь...»

В конце 2007 года, был замечен подобный факт с летальным исходом, молодого юношу 17 лет нашли в квартире мертвого, с перерезанным запястьем вдоль руки, как показала экспертиза, молодой человек умер от недостатка крови, все внешние признаки, говорили, что он принадлежал к данной субкультуре «Эмо». Орудием убийства послужила бритва. Можно привести еще много фактов, которые подтверждали, что данная субкультура асоциальна и опасна в первую очередь для самих себя.

Таким образом, с учетом крайне широкого распространения различных субкультур, а так же с учетом того, что для одной из особенностей представителей этих движений, является наличие патопсихологических расстройств, данная проблема представляется для нас чрезвычайно актуальной и требующей дальнейшего изучения и анализа. Кроме того, на наш взгляд, появление различных молодых движений часто, крайне противоречиво друг другу, может свидетельствовать о тенденции к своеобразному расколу общества.

Литература:

1. Елена Омельченко, статья «Про эмо, готов и нравственность» СПб - 2008.г.
2. Интернет сайт: http://www.countries.ru/library/typology/subc_barnaul.htm «Субкультуры и их проблемы» -2005 - 2009.г.
3. Интернет сайт: <http://allsubculture.ru/Molodezhnye-Subkultury-2/Vidy-Molodezhnyx-Subkultur-102/> «молодежные субкультуры, эмо, скин-хеды, сталкеры» - 2006-2009.г.
<http://psixi.ru/spisok-subkultur/>

Особенности структуры трансового состояния и его проявления у лиц с различной выраженностью эмоциональной устойчивости¹²

Бехтерева В.Д.

Аспирант факультета психологии

Казанский Государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

¹² Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований (грант № 09-06-00084-а)

Понятие трансового состояния в настоящее время является, пожалуй, одним из наиболее «размытых» и неопределенных, как в отечественной, так и зарубежной психологии. Состояния транса варьируются от состояния субъекта во время гипноза, проявляющемся в автоматическом выполнении сложных актов поведения без осознания окружающей ситуации и целей своих поступков, до естественного, часто возникающего в повседневной жизни каждого человека психического состояния, характеризующегося изменением фокусировки внимания и концентрацией на внутренних психических процессах с ослаблением отчетливости восприятия «внешнего» мира. Глубина транса зависит и измеряется степенью концентрации внимания на восприятии или каком-либо виде деятельности; транс дает возможность максимально сконцентрировать усилия на выполнении поставленной задачи (решение проблемы или актуальной задачи, повышение творческого потенциала, улучшение памяти и пр.).

Как в мировой, так и отечественной психологии, практически не изучены трансовые состояния, характерные для повседневной жизнедеятельности человека, возникающие в различных ситуациях его бытия: феноменология, структура, функции, специфика проявлений, динамика и переходы от «нормы» к трансу, психологические механизмы возникновения и влияния транса на «особую продуктивность», связанную с актуализацией резервных психических возможностей, связь этих состояний с другими психическими явлениями: процессами и свойствами; с составляющими сознания и др.

В нашем исследовании мы исходили из положения, что трансовые состояния отличаются в своих проявлениях в зависимости от ситуации возникновения и определенных индивидуально-психологических особенностей личности, выявление и учет которых являются актуальными, и изучали особенности структуры трансового состояния и его проявления у групп с различной выраженностью эмоциональной устойчивости.

В исследовании в общей сложности приняло участие 60 студентов-экономистов 19-23 лет. Сначала им предлагалось заполнить опросник EPQ Г. Айзенка для измерения уровня выраженности характеристик индивидуально-психологических особенностей личности, затем оценить по методике «Рельеф психического состояния» (РПС, позволяет оценить структуру состояния) А.О. Прохорова (Прохоров, 2004) состояние, испытываемое на тот момент времени и дополнительно отметить по 10-балльной шкале выраженность в проявлении этого состояния дополнительных 5 факторов (специфических черт трансового состояния – погруженность в себя, концентрация на мыслях, воспоминаниях, отрешенность от восприятия внешних раздражителей, яркость, интенсивность переживаний, усиление воображения). Затем испытуемые погружались в транс, для наведения использовался текст упражнения «Бабочка» по Р. Ассаджиоли (Ассаджиоли, 1994) – одного из упражнений с символическими образами. Примерно через 15 минут испытуемым предлагалось открыть глаза и описать пережитое, пользуясь той же методикой «РПС», отметить выраженность 5 характеристик транса. После чего испытуемым давалась установка на полный выход из транса.

Критерием деления выборки на группы послужил уровень выраженности эмоциональной устойчивости. Группа испытуемых с низкой эмоциональной устойчивостью составила 35 человек, с высокой – 25 человек.

Проведенное исследование показало: оценка состояния у представителей группы с высокой эмоциональной устойчивостью в трансе характеризуется увеличением выраженности показателей фантазирования; мышечной расслабленности; глубины дыхания; переживания легкости; открытости поведения; отрешенности от внешних воздействий; и снижением показателя напряженности поведения по сравнению с показателями психического состояния до погружения в транс. А оценка состояния транса

Секция «Психология»

у представителей группы с низкой эмоциональной устойчивостью характеризуется увеличением выраженности показателей логичности мышления; легкости фантазирования; протекания сердечной деятельности; глубины дыхания; переживания веселости, бодрости, раскованности; открытости поведения; отрешенности от внешних воздействий и уменьшением показателя напряженности поведения по сравнению с показателями психического состояния до погружения в транс.

У обеих групп изменения характеристик состояния при погружении в транс в целом происходят в увеличении выраженности показателей легкости фантазирования; мышечной расслабленности; глубины, полноты дыхания; переживания легкости; открытости поведения; отрешенности от внешних воздействий; погруженности в размышления; яркости и интенсивности переживаний; усиления воображения и расслабленности поведения.

В группе с высокой эмоциональной устойчивостью до погружения в транс наибольшее количество взаимосвязей в структуре (оказывающие наибольшее влияние на сформированность всей системы) состояния имеют показатели подструктур «психические процессы», «поведение»; а в группе с низкой эмоциональной устойчивостью – показатели подструктур «переживания». При погружении в транс независимо от выраженности эмоциональной устойчивости наибольшее количество взаимосвязей имеют показатели подструктур «психические процессы» и «переживания». Это дает основание предположить, что именно эти подструктуры могут являться предикатами, своеобразными параметрами трансового состояния, задающими направление «изменения» состояния, «чертами протекания» трансa.

Представители групп с низкой и высокой эмоциональной устойчивостью сходным образом оценили выраженность показателей характеристик психического состояния при погружении в транс. Различия коснулись лишь оценки проявления показателя чувствительности к внешним воздействиям подструктуры «психические процессы» - его выраженность ниже у группы с низкой эмоциональной устойчивостью ($p \leq 0,01$).

В ходе экспериментального исследования также было установлено, что у группы с низкой эмоциональной устойчивостью при погружении в транс (по сравнению с характеристиками состояния до трансa) происходит изменение выраженности *бóльшего* количества показателей (характеристики структуры психического состояния и факторы-параметры, определяющие наличие трансa) в отличие от группы с высокой эмоциональной устойчивостью – 21 и 11 характеристик соответственно. Это объясняется выраженностью эмоциональной устойчивости – одной из характеристик темперамента – свойства индивида со стороны динамических особенностей его психической деятельности, а значит, тесно связанной с темпом, ритмом, интенсивностью отдельных психических процессов, и оказывающей существенное влияние на особенности актуализации определенного психического состояния (а значит, и на особенности переживания субъектом состояния трансa).

Литература

1. Ассаджиоли Р. (1994) Психосинтез: теория и практика / Р. Ассаджиоли; под ред. Т.А. Янковенко. – М: REFL-book, 1994. – 314 с.
2. Прохоров А.О. (2004) Методики диагностики и измерения психических состояний личности / А.О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ, 2004. – 176 с.

Психологические особенности групповой работы в специальных коррекционных школах VIII вида

Буланова А.А.

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Россия, Москва
e-mail: ansavina@rambler.ru*

Секция «Психология»

Психокоррекционная работа в групповом формате – это особый вид психологической помощи в специальной коррекционной школе VIII вида. На современном этапе развития общества групповая работа находит применение в специальных коррекционных школах, это объясняется прежде всего тем, что большинство основных проблем учащихся связано с их социальными, межличностными, внутрисемейными конфликтами. Метод групповой работы с малой группой данной категорией детей чрезвычайно эффективен и полезен. Именно личность психолога (ведущего) является важнейшим фактором, определяющим успех групповой работы. Именно он отвечает за результаты процессов происходящих в группе.

В основные задачи работы ведущего входит создание доброжелательной атмосферы и положительного эмоционального фона в группе, поддержания высокого уровня активности группы, теплой, дружеской атмосферы. В ходе работы ведущему необходимо уделять максимум внимания мнению каждого участника, внимательно выслушивать каждого, преждевременно не прерывать ребенка.

Дети, учащиеся в специальной коррекционной школе VIII вида обычно с повышенным уровнем тревожности, многие замкнуты и даже при сильном желании участвовать в группе стесняются озвучивать свои проблемы, особенно на первых занятиях, поэтому на подготовительном этапе формирования группы проводится индивидуальная углубленная диагностика каждого ребенка. Важно добиться, чтобы в работе группы принимали участие все дети. Всем поочередно предоставлять слово, больше спрашивать и слушать ребенка, ведущему стараться меньше говорить. Также необходимо для поддержания теплой атмосферы использовать поощрительные высказывания и улыбку.

Для осуществления тесного взаимодействия необходимо проводить систематическую работу с детьми, сначала с целью установления доверительных отношений, а затем, для повышения мотивации и совместной деятельности, для установления контакта.

Поскольку каждый ребенок в группе должен получить возможность свободного самовыражения без угрозы насмешек, отвержения и неуспеха, необходимо заранее оговорить с детьми правила группы. Это необходимо сделать на первом занятии и что не мало важно в работе с детьми данной категории повторять на каждом следующем занятии. Для детей, учащихся в учреждении данного вида особенно важно четкое проговаривание правил поведения в группе, с подробным разъяснением каждого правила, но не все правила им доступны для понимания, поэтому важно знать, что, например, правило: «Не допускать обобщений и оценочных суждений» будет ими не выполнено.

Основные формы работы с детьми в специальной коррекционной школе VIII вида заключается в следующем: после озвучивания ребенком проблемы остальные участники группы пробуют помочь найти возможные пути решения, тем самым дети совместно пытаются поддержать друг друга, что значительно снижает межличностный конфликт.

Групповая работа предполагает сознательное и целенаправленное использование всей совокупности взаимоотношений, возникающих внутри группы между ее участниками, при этом создаются условия, чтоб каждый участник группы проявил себя и дал обратную связь для остальных участников группы.

Также важно, что в отличии от индивидуальной работы, в групповом формате дети сами пытаются себе помочь, так как групповая работа с такого вида детьми имеет значительные преимущества перед индивидуальной.

Дети в групповой работе имеют возможность озвучивать собственное мнение, которое будет внимательно выслушано и принято без критики.

Важным моментом работы является формирование группы. Для данной категории детей предпочтительней набор участников одного возраста, пола и одного класса. Возрастной состав группы также крайне важен для детей такого вида учреждения, так, например,

Секция «Психология»

девочки 11-13 лет, в основном озвучивают запросы про обиду на одноклассников, на плохую успеваемость, на взаимоотношения с родителями, а девочки 13-14 лет уже интересуют отношения с противоположным полом, свой внешний вид.

Интересны наблюдения при работе с группой мальчиков 14-15 лет, основные запросы заключаются в интересе таких тем, как алкоголь, табакокурение, наркомания, игромания, отношения с противоположным полом, поэтому чаще всего получают своего рода тематические занятия, где много говорится о вреде употребления алкоголя, никотина, причем мальчики рассуждают в основном сами, рассказывая друг другу истории из своей жизни и жизни своих друзей, комментируя тот или иной поступок, группа же в это время говорит о своих чувствах, переживаниях.

В завершении каждого занятия важно проговаривать тему следующей встречи, так как дети, учащиеся в коррекционной школе не всегда сразу могут сформулировать запрос.

Влияние различных направлений классической музыки на психическое состояние человека

Валева М.В.

Студентка факультета психологии

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: milausha-valeeva@rambler.ru

Актуальность темы исследования определяется необходимостью понимания механизмов воздействия искусства в связи с расширением пространства его действия и новых форм функционирования. В настоящее время эта проблема усложнилась и приобрела особый смысл, так как в современном обществе восприятие музыки носит массовый и повсеместный характер.

Многие исследователи пытаются выявить факторы, детерминирующие максимально эффективное взаимодействие музыки и человека, понять механизмы музыкального воздействия. Необходимо подчеркнуть значение психофизиологических исследований в этой области: работы В.М. Бехтерева, И.Р. Тарханова, И.М. Догеля, по изучению влияния свойств музыки на деятельность нервной, дыхательной систем, системы кровообращения, электрическую активность головного мозга, функциональное состояние организма. Специальные физиологические исследования выявили влияние музыки на различные системы человека. Было обнаружено усиливающее действие музыкальных раздражителей на пульс, дыхание, в зависимости от высоты, силы звука и тембра. В.М. Бехтерев в своей работе «Объективная психология» говорил о влиянии музыки на деятельность сердца, артериальное давление и разделял это влияние на стеническое и астеническое. Музыка, оказывающая стеническое влияние обладает определенными характеристиками - темп на уровне частоты сердцебиений, регулярный ритм, отсутствие слишком высоких звуков.

Проблеме влияния различных музыкальных жанров на психические характеристики человека было посвящено исследование Л.П. Новицкой, которое показало, что прослушивание классической музыки приводит к снижению концентрации внимания и устойчивости двигательного акта, снижению функциональных возможностей обеспечения простой двигательной реакции, увеличению объема кратковременной памяти на образную информацию и отсутствию изменений в объеме кратковременной памяти на цифровой материал. Таким образом, воздействие классической музыки в большей степени связано с функционированием правого полушария.

Вопрос инструментального воздействия музыки проработан М. Долгушиной: ударные инструменты воздействуют на нижние энергии человека и имеют способность усиливать или ослаблять его волю к жизни. Духовые инструменты ориентированы на формирование эмоциональной сферы. Ментальной (интеллектуальной) сфере более всего соответствуют клавишные инструменты, которые ярче всего проявляются в пианистическом звучании.

Секция «Психология»

Струнные инструменты воздействуют на сердечную чакру-энергию любви. Вокальная музыка воздействует на все энергетические центры, но более всего на горловую чакру, ответственная за взаимодействие людей. На интуитивное и космическое развитие оказывают влияние произведения, исполняемые органом.

Интерес представляет вопрос о том, как влияет классическая музыка и ее различные направления на психическое состояние человека. Ответу на данный вопрос и посвящено данное исследование: в исследовании приняли участие 31 человек. Возраст испытуемых 19-21 года. По уровню музыкальной подготовки испытуемые принадлежат к двум группам. К первой группе мы отнесли студентов 2 курса Казанского государственного университета, не имеющих музыкального образования. А ко второй группе студентов 2 курса Казанской государственной консерватории. В исследовании нами была использована методика «Рельефа психического состояния» А.О. Прохорова. Данная методика изучает основные стороны психического состояния: психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение. Испытуемыми производилась оценка музыкального произведения и психического состояния по предложенному списку, содержащего 40 характеристик психического состояния, разделенных на 4 блока: психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение. Отношение испытуемых к обследованию было положительным, заинтересованным, адекватным. Музыкальный материал был подобран так, чтобы испытуемые-слушатели встретились с классическими произведениями различной сложности и интенсивности художественного становления. Предлагались для прослушивания и последующего анализа: 1) С. Рахманинов: концерт №2; 2) Бизе: оркестровое вступление к «Кармен»; 3) Summertime в обработке Kenny G.

На основе анализа полученных данных можно представить следующие выводы: установлено воздействие музыки на многие процессы, происходящие в организме. Прослушивание музыки Рахманинова вызывает у испытуемых обеих групп благоприятные изменения психических процессов (восприятия, воображения) и неблагоприятные сдвиги в двигательной активности у испытуемых-немузыкантов, а также температурных ощущений, сердечно-сосудистой системы у испытуемых-музыкантов. В состоянии немужиков преобладала тоскливость, пассивность, непоследовательность, импульсивность. А в состоянии музыкантов преобладала активность, задорность, отсутствовала импульсивность. Музыка Бизе оказала благоприятное воздействие и оказалась наиболее доступной испытуемым и разница между группами была наименьшей. Состояние испытуемых двух групп характеризовалось выраженностью таких психических процессов, как восприятие, представления, волевые и эмоциональные процессы, речь, внимание, а также проявлениями со стороны сердечно-сосудистой системы, двигательной активности, температурных ощущений. Музыка вызвала у испытуемых состояние радости, повышения уверенности в себе. В состоянии прослушивания джазовой музыки у обеих групп была выявлена тенденция к преобладанию отрицательных эмоциональных состояний: тоскливости, сонливости.

Литература

1. Ильин Е. П. Психофизиология состояний человека. - СПб.: Питер, 2005. - 416с.
2. Догель И. М. Влияние музыки на человека и животных. Казань, 1988
3. Новицкая Л. П. Влияние различных музыкальных жанров на психическое состояние человека // Психологический журнал. - 1984. №6. - С.79-85
4. Старчеус М. С. Музыкальная психология. М.: 1992
5. Маркези Г. Опера. – М.: Музыка, 1990. - 383с.
6. Прохоров А. О. Методики диагностики и измерения психических состояний личности. - СПб.: Речь, 2004

Автобиографический анализ телесного опыта

Вишнева А.Е.

Психология телесности - одно из интенсивно развивающихся направлений клинической психологии. До недавнего времени тело было исключено из предмета психологии и рассматривалось исключительно в аспекте естественных наук - физиологии, биологии, анатомии (Арина, Николаева, 2005). Психология телесности пытается соединить до сего времени изучавшиеся отдельно феномены - тело и психику, найти причины возникновения и объяснить механизмы тех или иных психосоматических заболеваний. В отличие от психосоматического направления в медицине психология телесности изучает не только проблемы патологии, но и проблемы нормального взаимодействия тела и психики на всем протяжении онтогенеза, феномены психического опосредствования телесных процессов, феномены телесности.

Данное исследование направлено на изучение одного из аспектов психологии телесности – восприятие и репрезентацию собственного тела в автобиографии. Исследование спровоцировано следующими вопросами, являющимися одновременно целью исследования: как, когда и в связи с чем собственное тело осознается человеком, какие телесные ощущения фиксируются в памяти, что из телесных ощущений человек включает в собственную автобиографию?

В качестве объективно наблюдаемого телесного события, вокруг которого можно объединить выборку испытуемых, исследовалось событие беременности и рождения женщиной ребенка.

Характеристика испытуемых, методов и процедуры исследования

В качестве испытуемых выступали женщины от 21 до 32 лет, имеющие одного ребенка в возрасте до 3-х лет. В исследуемую группу вошли 7 женщин.

Предварительно проводилась беседа с целью установления контакта с испытуемой и выяснения деталей автобиографии. Затем предлагалась методика «Линия жизни» (Life line), где испытуемые отмечали яркие, значимые и переломные события собственной жизни. События располагались относительно прямой линии: положительные – над линией, отрицательные – в нижней половине листа, под прямой линией. Затем предлагалась аналогичная методика, но относительно собственного тела (назовем ее «Body line»), где испытуемых просили обозначить наиболее яркие и значимые события, связанные с телом (запомнившиеся ощущения, восприятие тела в связи с какими-то событиями, болезни и т.д.) и также расположить их относительно прямой. При помощи методики Цветовой Тест Отношений (Е.Ф. Бажин, А.М.Эткинд) испытуемым предлагалось охарактеризовать наиболее значимые события из предыдущих двух методик: ранжировать цвета относительно каждого значимого события из автобиографии от наиболее подходящего цвета к данному событию до наименее подходящего. Предварительно выполнялся цветовой тест Люшера (ранжировать цвета от самого приятного до самого неприятного). Затем проводилась методика КДСО (Классификация Дескрипторов Соматических Ощущений): 1) испытуемых просили отобрать знакомые ощущения от незнакомых, 2) разложить карточки со знакомыми ощущениями «что к чему подходит», чтобы получились группы и можно было их назвать, 3) отобрать болевые ощущения, 4) отобрать ощущения, которые испытывались при рождении ребенка. Методика КЭД (Классификация Эмоциональных Дескрипторов): 1) классификация эмоциональных дескрипторов на 7 базовых эмоций (гнев, радость, вина, страх, презрение, удивление, страдание), 2) выбрать из набора «хорошо знакомые» эмоции, 3) выбрать эмоции, присутствовавшие при рождении ребенка.

Также испытуемым предлагалось заполнить самостоятельно следующий пакет методик: ММРІ; Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин); Дифференциальная шкала эмоций (К. Изард); Методика

Секция «Психология»

«Шкала вегетативной перцепции»; Опросник прошлых стрессовых событий; Шкала травматического опыта (ТЕС, Nijenhuis et al, 2002).

Результаты исследования (предварительная обработка)

По результатам автобиографических методик (Life line и «Body line»): все испытуемые отмечают факт рождения ребенка как наиболее радостное, яркое и эмоционально положительное событие в жизни (в методике Life line); однако на автобиографической линии телесных ощущений (Body line) событие рождение ребенка не всегда отмечается как положительное. Это зависит от тяжести протекания беременности и родов. Также на линии телесных ощущений событие рождения ребенка градируется на несколько подсобытий: течение беременности, роды, кормление грудью, контакт с ребенком, каждое из которых эмоционально оценивается по-разному.

При выполнении методики «Body line» испытуемые разделились на две группы. Большинство испытуемых (4 чел.) отмечали, что им сложно вспомнить события, относящиеся к телу, они затруднялись выполнить методику, отмечали в среднем 7 телесных событий, связанных с внешним видом, увеличением веса, беременностью, т.е. достаточно поверхностные характеристики. Другая группа испытуемых (3 чел.) выполняли методику без затруднений и дополнительных вопросов, отмечали, что методика для них понятна и легка. В данной группе испытуемые выделяли 10 - 16 телесных событий. По качественным характеристикам события относились к большему спектру телесных ощущений и были более дифференцированы (контакты с другими людьми, детские воспоминания нахождения на руках у взрослых, удовольствие от физических и спортивных нагрузок и овладение собственным телом, тактильный контакт с ребенком и т.д.). По предварительному анализу интервью и автобиографических методик у второй группы испытуемых выявляется наличие большего телесного опыта как положительного, так и отрицательного. Двое из трех испытуемых отмечали тяжелые физические заболевания в прошлом (менингит в 21 год, паралич в течение 3-х лет, полное обездвиживание на полгода). Однако данные заболевания перенеслись испытуемыми без существенного ущерба для личностной и психической сфер (что подтверждается методиками ММП и методиками на прошлые стрессовые события). Таким образом, можно предположить, что чем больше человек имеет опыт обращения к собственному телу, даже если это негативный опыт в виде болезни, тем больше человек способен рефлексировать, осознавать и означивать (называть) собственное тело и телесные проявления, а также включать их в собственную автобиографию.

В дальнейшем предполагается увеличить выборку испытуемых для нахождения значимых статистических показателей. А также соотнести качественное описание события рождения ребенка при помощи методик КДСО и КЭД с типом привязанности матери к собственному ребенку.

Литература

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина, принципы и практическое применение/*Пер. с англ. С. Могилевского, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 352 с.*
2. Арина Г.А., Николаева В.В. Психология телесности: методологические принципы и этапы клинико-психологического анализа//*Психология телесности между душой и телом. Ред.-сост. Зинченко В.П., Леви Т.С. М., 2005*
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности, Киев, 1984.
4. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М., УРАО, 2000
5. Подорога В. Феноменология тела. М., Ad Marginem, 1995.
6. Тхостов А.Ш. Психология телесности. Москва, Смысл, 2002.

Влияние синдрома эмоционального выгорания на прогностическую деятельность специалистов в судебной психиатрии

Феномен «эмоционального выгорания» по-прежнему остается актуальным как для исследователей, так и для медицинской общественности. Отчасти это обусловлено снижением качества медицинского обслуживания и нарушениями интересов пациентов. Важность этого вопроса может рассматриваться в рамках медико-социальной проблемы разрушения личности специалистов высокого класса в одной из массовых гуманистических профессий.

В настоящее время существует единая точка зрения на сущность психического выгорания и его структуру. Под "психическим выгоранием" синдром, включающий в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редуцирование профессиональных достижений. Выделяют три основных фактора, играющие существенную роль в синдроме эмоционального выгорания — личностный, ролевой и организационный.

В отношении «личностного фактора» было выявлено, что такие переменные, как возраст, семейное положение, стаж данной работы, никак не влияют на эмоциональное выгорание. В отношении «ролевого фактора» была установлена связь между ролевой конфликтностью, ролевой неопределенностью и эмоциональным выгоранием. Так при нечеткой или неравномерно распределенной ответственности за свои профессиональные действия этот фактор резко возрастает даже при существенно низкой рабочей нагрузке. Способствуют развитию эмоционального выгорания те профессиональные ситуации, при которых совместные усилия не согласованы, нет интеграции действий, имеется конкуренция, в то время как успешный результат зависит от слаженных действий [1].

При исследовании «организационный фактор» было выявлено, что развитие синдрома эмоционального выгорания связано с наличием напряженной психоэмоциональной деятельности (интенсивное общение, подкрепление его эмоциями, интенсивное восприятие).

Выделяют еще один фактор, обуславливающий синдром эмоционального выгорания — наличие психологически трудного контингента, с которым приходится иметь дело профессионалу в сфере общения (тяжелые больные, конфликтные покупатели, «трудные» подростки и т.д.).

На наш взгляд именно последний фактор является наиболее специфичным для работы психологов и психиатров в психиатрических стационарах, осуществляющих принудительное лечение больных с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния. Средняя длительность пребывания больного в таких стационарах составляет три с половиной года. Профессионалы находятся на протяжении рабочего дня в постоянном контакте с больными, многие из которых помимо выраженных психических расстройств имеют длительную криминальную историю.

Следует отметить, что оценка риска вовлечения больных в серьезные инциденты (или риска насилия) по-прежнему, является важной задачей и проблемой в практике принудительного лечения в психиатрическом стационаре. Точность прогноза важна для повышения эффективности управления такими пациентами на уровне превентивных мероприятий и во время кризисных вмешательств. При этом, способность больных справляться с агрессивными импульсами зависит не только от сочетания его индивидуально-психологических характеристик и текущего состояния - сами пациенты считают, что внешние факторы более важны в сдерживании их поведения.

¹³ Автор выражает благодарность Булыгиной В.Г., Руководителю Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГУ «ГНЦ СИСП им. В.П. Сербского» за предоставление возможности набора эмпирического материала и помощь в написании тезисов.

Секция «Психология»

В задачи настоящего исследования входило изучение не самой по себе феноменологии эмоционального выгорания среди специалистов, занятых в лечебно-реабилитационной работе психически больных правонарушителей, а последствий этого синдрома на оценку рисков.

Было обследовано 30 психиатров и 20 психологов, работающих в психиатрических стационарах, осуществляющих принудительное лечение.

Все специалисты были обследованы с помощью методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (Бойко В. В.). Кроме того, нами был составлен сводный список социально-психологических и клиничко-психопатологических факторов риска, используемых в отечественной и зарубежной практике. Интервьюируемым было предложено отдельно отметить те факторы, которые они учитывают при принятии решений в следующих ситуациях: 1) при оценке общественной опасности больного; 2) при оценке высокой вероятности совершения суицида больным; 3) при оценке вероятности нападения на персонал; 4) при оценке вероятности нападения на других больных.

Специалисты были разделены на две группы: те, у кого синдром эмоционального выгорания не был сформирован или диагностировалась стадия «напряжения» и те, у которых диагностировалась сформированность стадий резистенции и истощения. Далее были проведен частотный и качественный анализ тех факторов риска, которые использовали специалисты с сформированным синдромом эмоционального выгорания и не сформированным.

Было обнаружено, что специалисты, у которых сформированы стадии резистенции и истощения использовали намного больше факторов риска при оценке степени опасности нападения больных на персонал и высокой вероятности риска суицида. При этом, они использовали почти в два раза меньше переменных из перечня возможных рисков при оценке степени общественной опасности больных, нежели их коллеги с несформированным синдромом эмоционального выгорания.

Иными словами в данном исследовании были выявлены серьезные последствия синдрома эмоционального выгорания, а именно гипердиагностика и гиподиагностика по ряду принципиально важных аспектов деятельности специалистов, осуществляющих принудительное лечение.

Выявленные закономерности подчеркивают необходимость разработки мер профилактики отрицательных появлений профессиональной деформации, как синдром эмоционального выгорания [2]. Это связано с тем, что штаты психиатрических стационаров такого профиля недоукомплектованы высокопрофессиональными кадрами и стратегия ресурсосбережения крайне важна. Влияние синдрома эмоционального выгорания приводит не только к редукции профессиональных достижений и используемых навыков, но и трансформирует такую важную компетенцию как оценка риска насилия и рецидивности.

Литература

1. Орел В.Е. Синдром психического «выгорания» личности. – М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005. – 330 с.
2. Большакова Т.В. Личностные детерминанты и организационные факторы возникновения психического выгорания у медицинских работников: Дисс. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2004. – 167 с

Исследование различий образа азартных игр у мужчин и женщин.

Гринштейн Э.А.

Студент, 3 курс

Самарский государственный университет

E-mail: greenshtejn@yandex.ru

Игромания стала одной из тяжелых проблем современного общества, наряду с наркоманией и алкоголизмом. Одной из задач современных психологов становится не только реабилитация людей, страдающих той или иной зависимостью, но и профилактика этой зависимости. В настоящее время в психологии принято мнение [2] о том, что для каждого рода зависимости существуют свои способы выявления предпочтительных способов предупреждения зависимости, но очевидно, что всегда это будет происходить через изучение механизмов возникновения зависимости. В данном случае работа с образом азартных игр становится одним из способов понять природу игровой зависимости. Иванец [1] выделил категории лудоманов, классифицированные по различным особенностям, в том числе и по полу - мужчины (89,7%), женщины (10,3%). Возможно, что такое неравномерное распределение игроков связано не только с социальными, но и с психологическими особенностями людей.

В данном исследовании был сделан акцент на половые различия в восприятии азартных игр, что позволит дифференцировать влияние различных игр на людей и получить более детальное понимание того, что именно привлекает в игре людей противоположного пола. Важно отметить, что в психологии практически не проводятся исследования азартных игр, а большинство сведений берутся из статистических данных – сколько людей играет, сколько из них вылечивается. Создание психологического аппарата по работе с азартными играми позволит значительно повысить эффективность как профилактических, так и реабилитационных мероприятий.

Одним из способов понять природу игровой зависимости может стать изучение образа игры в сознании людей. Часто в научной литературе встречается мнение [3], что эмоции являются одним из факторов, привлекающих людей в людей в игре, но не существует четкого определения кого именно, и какие эмоции привлекают.

Социологические исследования показывают, что в азартные игры чаще всего играют люди двух типов. Большая их часть имеет очень спокойные и даже скучные профессии (бухгалтер, библиотекарь, ветеринар), а остальные заняты профессиональной деятельностью, связанной с высоким риском (полицейские, биржевые маклеры, хирурги). Первые делают это из-за нехватки острых ощущений в повседневной жизни, а у вторых склонность к риску является, по-видимому, устойчивой чертой характера.

Дж. Хеннингрильд [1], объясняет механизм зависимости от чего-либо, в том числе и игровой зависимости через возникновение биологической системы подкрепления. Эта система влияет на синтез и превращение множества мозговых веществ, которые ответственны за субъективные ощущения. Таким образом, человек, поигравший однажды, запоминает полученные ощущения (эмоции) и стремится их вернуть.

Стюарт описывает [4] азарт как многосистемный и патологически воздействующий фактор при возникновении игровой зависимости, но только для людей определенного, предрасположенного к этому склада. Однако в медицине отсутствует описание тех людей, которые более склонны к азарту.

Была выдвинута гипотеза о том, что мужчин в азартных играх привлекает эмоциональный аспект, в то время как женщины не воспринимают игру как способ получения эмоциональных впечатлений.

Проведенное эмпирическое исследование было направлено на выявление половых различий при конструировании образа игры. Для исследования была сформирована рандомизированная выборка испытуемых в возрасте 16-48 лет. Всего 80 человек, из них 51 женщина и 29 мужчин.

Существует множество способов актуализации образа [2] в сознании человека, в качестве одного из возможных способов мы использовали отрывки из художественных текстов, содержащие описание игры, а именно описание ощущений при игре и самого хода игры. Тексты в данном случае играли принципиально важную роль – они настраивали испытуемого на размышления об игре, создавали эмоциональный фон. Были использованы отрывки из таких художественных произведений как «Пиковая дама» А.С.

Секция «Психология»

Пушкина, «Игрок» Ф.М. Достоевского и роман «L'DORADO» опубликованный в Интернете. В текстах были описаны различные азартные игры: рулетка, покер, блэкджек. Отрывки были подобраны таким образом, что в части из них главный герой выигрывал, а остальных проигрывал, причем проигрывал сильно. Во всех текстах присутствовало как рациональное отношение к игре, так и эмоциональное. Тексты служили гарантом того, что испытуемый начнет думать действительно об азартных играх при заполнении бланка семантического дифференциала. После прочтения текста испытуемым предлагалось заполнить анкету семантического дифференциала, состоящую из 150 шкал. Шкала оценки состояла из 7 значений, где -3 было минимальным, 3 – максимальным, а 0- нейтральным значением.

Анализ построенных полей позволяет сделать выводы о существовании различий между образами игры у женщин и мужчин. Результаты проведенного эксперимента подтверждают исходное предположение о существовании различий между мужчинами и женщинами в восприятии игры.

Для мужчин принципиально значимыми оказались эмоции, получаемые во время игры, причем как положительные, так и отрицательные. Данный вывод был сделан из-за непосредственной близости категорий «угнетающий», «приятный», «долгожданный» по факторам «выигрыш» и «проигрыш». Это можно объяснить тем, что у мужчин игра непосредственно связана с понятиями «жизнь» и «отдых» и их привлекает «реальность» происходящего в игорных заведениях, возможность стать тем, кем ты не являешься в «обычной» жизни.

Парадоксальным оказалось то, что мужчины хоть и воспринимают игры как нечто эмоциональное, рискованное, но при этом в игре их привлекает возможность создать стратегию для выигрыша. Существует иллюзорное мнение о том, что можно «разгадать» в игре и выиграть, причем по текстам заметно, что это мнение эволюционировало и в самих художественных произведениях. Эта вера в тактику, несомненно, свойственна мужчинам, которые пытаются просчитать возможные ходы и выиграть.

Данные, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о существовании различий между испытуемыми разных полов не только относительно эмоционального аспекта азартных игр, но и других. Дальнейшее исследование этих факторов позволит составить более полное представление о мотивации людей к азартным играм.

Литература

1. Иванец Н. Н., Тюльпин Ю. Г., Чирко В. В., Кинкулькина М. А. Психиатрия и наркология М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006 г.
2. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. психология негативных зависимостей Самара: Универс групп, 2006.
3. Меновщиков В.Ю. Психологическое консультирование. Работа с кризисами и проблемными ситуациями. - М.: Смысл, 2002. - 182 с.
4. Becona E., Del Carmen, L. M. & Fuentes, M. J. Pathological gambling and depression. Psychological Reports 78, 1996

Особенности образов болезни и здоровья у детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата

Грушко А.И.

студент

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,

факультет психологии, Омск, Россия

E-mail: pancire@yandex.ru

Использование образов в психологической диагностике больных детей представляется перспективным с точки зрения теоретического изучения проблемы связи «сознание —

Секция «Психология»

тело». В силу недостаточно сформированного процесса рефлексии одним из путей оценки психологического состояния, сопровождающего болезнь, является не столько апелляция к сознанию ребенка посредством прямых опросов, сколько использование особых методов работы с его воображением.

Основными конструктами, которые может использовать психолог в своей работе, являются образ болезни и образ здоровья. Содержание данных образов может приобретать метафорический характер (травмированная рука может напоминать пациенту сломанную ветвь, а здоровье – сравниваться с полетом птицы), и/или отражать представления о соматических изменениях, выраженные в визуальной, аудиальной, обонятельной и других модальностях.

На наш взгляд, эффективным в контексте исследования образов болезни и здоровья, является использование предложенного в нейролингвистическом программировании понятия субмодальностей – универсальных характеристик образа, с помощью которых сортируется и кодируется опыт человека. Субмодальности отражают различия в описании в пределах модальностей восприятия. Например, к аудиальным субмодальностям относятся высота звука, громкость; визуальным – яркость, размер, детализация изображения; к тактильным – температура, текстура и т.д.

С целью изучения особенностей образов болезни и здоровья, нами был разработан опросник, содержащий 49 пар полярных субмодальностей и 11-балльную оценочную шкалу. Основная идея опросника – выявление наиболее значимых, или ведущих характеристик образов болезни и здоровья. Так как, каждый из этих образов обладает уникальным сочетанием выраженности субмодальностей, то такое сочетание может являться не только «отражением» индивидуального опыта больного, но и обладать мощным потенциалом в процессе коррекции травматических переживаний, сопровождающих болезнь.

Исследование проводилось на базе Омской областной детской клинической больницы. В исследовании приняли участие 30 детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата (ОДА). Данная группа заболеваний была выбрана нами не случайно, - изучение особенностей образов болезни и здоровья у детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата представляется актуальным в связи с тем, что эти заболевания имеют свою специфику. Это неоднократные хирургические вмешательства, сопровождающиеся острой болью; ограничение физической активности, наличие физического дефекта. Мы предположили, что образы болезни у детей с заболеваниями ОДА будут отличаться характеристиками, отмечающими тяжесть заболевания.

В качестве группы контроля мы выбрали детей с хроническими заболеваниями эндокринной системы (ЭС), в количестве 25 человек. Этот выбор представляется адекватным в силу того, что эти дети хоть и испытывают некоторые ограничения, связанные с заболеванием, но, как правило, эти ограничения купируются посредством приема лекарственных препаратов и других процедур. Возраст детей, принявших участие в исследовании от 9 до 16 лет.

В результате проведенного нами исследования удалось выявить, что для детей с заболеваниями ОДА характерно сочетание следующих субмодальностей образа болезни: неприятные вкусовые ощущения; неподвижность визуального образа; отсутствие остроты; сухость; наличие неприятного запаха; наличие напряжения; наличие углов или заостренных элементов; расположение визуального образа в стороне; твердость; вкусовое ощущение горечи; наличие ощущения холода; тяжесть ($p < 0,01$).

На наш взгляд перечисленные выше субмодальности «отмечают тяжесть заболевания» – в данном списке представлено большое количество субмодальностей, несущих преимущественно негативную окраску (неприятный вкус и запах, напряжение, холод и другие). Данную тенденцию подтверждают следующие примеры: при описании образов болезни пациенты зачастую ассоциировали себя с неподвижными предметами (сломанная

Секция «Психология»

палка, кушетка, покосившийся забор, разрушенное здание, сломанная машина (интересно, что на вопрос «Можно ли починить эту машину? Поедет ли она?» ребенок отвечал однозначно «Нет»).

Исследование образов здоровья также привело к интересным результатам - образы, которые «рисует» ребенок в своем воображении практически не зависят от заболевания, имеющегося в его анамнезе. Общими для образов здоровья в обеих группах оказались: наличие ощущения тепла; мягкость; преобладание теплых оттенков в цветовой гамме образа; свежесть; расположение образа спереди; светлые тона визуального образа и другие. Также существуют субмодальности, характерные только для образов здоровья у детей с заболеванием ОДА - подвижность кинестетических ощущений; вкусовое ощущение сладкого; отсутствие наклона изображения; наличие мелодии в аудиальной модальности образа; преобладание высоких звуков ($p < 0,01$). Следует отметить, что количество ведущих субмодальностей образа здоровья значительно превышает количество доминирующих субмодальностей образа болезни. Кроме того, образы здоровья отличает общая позитивная (или ресурсная) направленность. Это может объясняться следующими факторами: длительностью пребывания в стационаре, общим ограничением активности, вследствие чего у ребенка могут возникнуть фантазии и представления идеального образа своего тела и организма в целом.

Исследование особенностей образов болезни и здоровья привело нас к следующим предположениям относительно психологической помощи детям с заболеваниями ОДА. Образ болезни, сочетающий в себе преимущественно негативные составляющие, является отражением переживания болезни, и может выступать связующим звеном между семантическими пространствами психолога и ребенка. Учитывая особенности образа болезни, психолог может помочь ребенку минимизировать негативные переживания, связанные с заболеванием, используя методы работы с его воображением (нейролингвистическое программирование, управляемая визуализация, арт-терапия и другие). Мишенью психокоррекционного воздействия в данном случае могут выступать доминирующие субмодальности образа болезни.

В свою очередь, образ здоровья может являться саногенным конструктом, т.к. он не только обладает мощным ресурсным потенциалом, но и выступает некоторым ориентиром желаемых изменений.

Литература:

1. Гордон Д. Терапевтические метафоры. – 1994 – 144 с.
2. Клименко С. Ф., Карловская Н. Н. Роль воображения в психологической коррекции психосоматозов. — Психосфера, 1999, №3.
3. Мак-Дермотт Я., О'Коннор Дж. НЛП и здоровье. Использование НЛП для улучшения здоровья и благополучия. – Челябинск: «Библиотека А.Миллера», 1998.
4. Макдональд В. Руководство по субмодальностям. – Воронеж.: НПО «МОДЭК», 1994 – 89 с.
5. Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции «Психосоматические и пограничные нервно-психические расстройства в детском и подростковом возрасте»/ Научный редактор А.А.Северный. – Новосибирск, 2008. – 156 с.

Образ Я и виртуальная реальность

Демильханова А.М.

Соискатель

Кыргызско -Российский Славянский Университет, гуманитарный факультет, кафедра психологии, г. Бишкек, Кыргызстан

Вопрос о виртуальной реальности имеет глубокие исторические корни. Сама концепция виртуальной реальности появилась из древней человеческой мечты об освобождении от телесной оболочки, избавлении от границ материального тела. Виртуальная реальность может однажды сделать возможными нереальные мечты, включая: опыт увеличения наших физических и сенсорных сил; выход из тела и возможность смотреть на себя со стороны; принятие новой идентичности. В последние два десятилетия действующие компьютерные технологии позволяют выполнить эти желания, и, таким образом, возможности, о которых раньше люди только мечтали, начали жить своей собственной жизнью в виртуальной реальности.

В настоящее время становится очевидно, что виртуальная реальность тесно связана с феноменом игры. Однако, несмотря на такой широкий интерес к теме виртуальной реальности, следует отметить, что психологические механизмы втягивания в искусственную игровую реальность (или виртуальную реальность игры) к настоящему времени исследованы очень мало. В связи с этим, на наш взгляд, вопрос о влиянии компьютерных игр на человека представляется очень важным и заслуживает детального изучения.

В нашей работе мы предлагаем и придерживаемся следующего определения виртуальной реальности: виртуальная реальность это некоторое пространство, созданное с помощью компьютерных технологий, воспринимаемое как реально существующее. Важнейшими свойствами виртуальной реальности являются: порожденность, актуальность, автономность, интерактивность, иммерсивность, симуляция, возможность управления событиями.

Целью нашего исследования является изучение влияния виртуальной реальности на образ Я у индивидов, играющих в ролевые компьютерные игры.

Образ Я мы понимаем как представление индивида о самом себе, а идентификацию как процесс, в результате которого происходит формирование образа Я индивида.

В исследовании приняли участие 162 человека, в возрасте от 18 до 27 лет. В экспериментальную группу вошли 82 человека, увлекающиеся ролевыми компьютерными играми; в контрольную группу вошли 80 человек, играющих в ролевые компьютерные игры в крайне редких случаях. Все испытуемые лица мужского пола.

Используемые методики: Методика диагностики межличностных отношений Т.

Лири; Методика «Кто Я» Куна-Макпартленда; Опросник Мини-Мульт (сокращенный вариант Миннесотского многомерного личностного перечня ММРП); Методика «Кто Я» Куна-Макпартленда; Проективная методика «Нарисуй человека» (К. Махвер); Проективная методика «Человек под дождем» (А. Абрамс, А. Эмчин); Проективная методика «Дом. Дерево. Человек» (Дж.Бук); Проективная методика «Несуществующее животное» (М.З., Дукаревич).

В результате мы получили следующие выводы:

1. В экспериментальной группе испытуемых по сравнению с контрольной выявлены дополнительные формы идентификации, которые могут свидетельствовать об изменении восприятия образа Я.

2. Обобщая результаты нашего исследования, мы можем предположить, что обнаруженный в нашей работе механизм возникновения дополнительных форм идентификации аналогичен механизму идентификации, который имеет место в раннем детстве на «стадии зеркала», описанной в работах Жака Лакана.

3. По сравнению с контрольной группой у экспериментальной можно констатировать несформированность образа Я. Несформированность образа Я выражается в неопределенности при описании физического Я (в 2 раза меньше ответов категории «Физическое Я» по сравнению с контрольной группой по тесту «Кто Я»), преобладании

Секция «Психология»

абстрактных характеристик в самоописании (незавершенный рисунок, абстрактный рисунок, древний возраст животного, рисунок, отражающий механические предметы в рисуночной проективной методике «Несуществующее животное» - 45,1%, в контрольной-4%), в выборе категорий самоописания, связанных с поиском себя и с самоопределением (ответы категории «Ищущий» в тесте «Кто Я»).

4. Выявлено значительное различие в представлении о себе у испытуемых экспериментальной группы по сравнению с контрольной, которое выражается в более высоких показателях по характеристикам эгоцентричности и доминантности (процент ответов категории «Эгоцентризм» и «Доминантность» по тесту «Кто Я» в 2 раза больше по сравнению с контрольной группой), а также в негативном отношении к себе (в 2 раза больше отрицательных характеристик себя в тесте «Кто Я» по сравнению с контрольной группой).

5. В экспериментальной группе можно констатировать наличие проблем с полоролевой идентификацией, что выражается наличием характеристик среднего рода в проективных рисуночных тестах (в 2 раза больше по сравнению с контрольной) и меньшим процентом полоролевых характеристик в методике «Кто Я» (2,9 % в экспериментальной группе, 5,9 % - в контрольной). А также можно говорить о наличии идентификации с виртуальными персонажами, которая подтверждается категорией «Nick» в методике «Кто Я» и наличием рисунков компьютерной тематики в проективных рисуночных тестах.

Клинический анализ факторов формирования психологии иждивенчества среди подростков-сирот

Долматова В.Н.

сотрудник

ГОУ ВПО «Липецкий Государственный педагогический университет», Липецк, Россия

E-mail: veradolmatova@yandex.ru

Введение

Ретроспективный анализ особенностей психического развития подростков и юношества свидетельствует о трансформации мотивов, потребностей, интересов, ценностных ориентаций подрастающего поколения за последние двадцать лет. Известный отечественный психолог Д.И. Фельдштейн отмечает, что возросло число подростков, беспечно живущих сегодняшним днем, не думающих о будущем, существенно увеличился прагматический аспект. Отмечается потребительская ориентация, инфантильность, приоритет материальных ценностей. Эти новые отрицательные тенденции, ведут к искусственной задержке личностного развития современных подростков, интенсифицируя психологию иждивенчества, при которой подросток умышленно, сознательно стремится обеспечить приемлемые условия существования в данном обществе за счёт общества [3].

Особенно отчетливо психология иждивенчества проявляется среди детей, оставшихся без попечения родителей. Причина этого в большей степени обуславливается последствиями материнской депривации. Сама по себе физическая сепарация от родителей и от дома, не должны обязательно приводить к нарушениям психического развития, в данном случае все зависит от качества человеческих связей, имеющих в распоряжении ребенка, а также возраста ребенка, в котором имела место сепарация, и ее длительность [1]. Теплота материнской заботы и ее постоянство являются главными условиями формирования у ребенка базового доверия к миру, отсутствие которого порождает страх, агрессивность, недоверие и потребительство к другим людям, нежелание личностного роста, что приводит к недоразвитию внутренних ресурсов для психологического взросления и компенсируется иждивенчеством. Ребенок находится в постоянной потребности получить материнский объект посредством замены своего раннего сиротства различными объектами, предметами и действиями, предопределяя с

Секция «Психология»

младенчества формирование позиции «дайте мне» [2]. Это, в свою очередь, ограничивает возможности для полноценного развития личности, зачастую обуславливая развитие таких качеств у детей-сирот как прагматизм, потребительство, инфантильность, гедонизм.

Безусловно, в настоящее время оптимизации условий для гармоничного развития личности детей, оставшихся без семьи, уделяется достаточно внимания, интенсивно развивается семейное жизнеустройство, однако проблема исследования иждивенчества среди этого контингента детей остается по-прежнему актуальной. Свидетельством тому является, что, став иждивенцами поневоле, дети-сироты транслируют подобный образ жизни в реальный взрослый мир, сталкиваясь с серьезными трудностями социальной адаптации.

Методы

В экспериментальном исследовании приняли участие подростки г. Липецка и Липецкой области, оставшиеся без попечения родителей, в количестве 221 человека.

Нами были использована следующая совокупность методов исследования: анализ научной литературы по проблеме, включенное и внешнее наблюдение за подростками в разных видах деятельности, беседа, биографический метод, клинический анамнез и ряд стандартизированных методик: методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич), «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потёмкина), тесты «Оценка отношений подростка с классом», «Оценка ассертивности», тест-опросник «Субъективная локализации контроля» (С.Р. Пантилеев и В.В. Столин), патохарактерологический опросник (Шмишек), анкета «Выявление иждивенческой позиции» (В.Н. Долматова).

Результаты

Анализ и обобщение экспериментальных данных, полученных в ходе исследования, позволяют выделить следующий ряд факторов, провоцирующих формирования психологии иждивенчества у подростков-сирот:

- во-первых, получение психотравмы в возрасте от 1 до 3 лет, заключающейся в ранней потере главного жизненного объекта – матери. Это приводит к невозможности формирования взрослой позиции и провоцирует иждивенческое поведение. К этой группе детей, имеющих ранний опыт материнской депривации, относятся 53% из числа обследуемых подростков с иждивенческой позицией. Такие подростки характеризуются сохранным интеллектом, принципиальностью своих взглядов, некоторые обладают музыкальными или художественными способностями, однако, направленность личности, зачастую, имеет узколичностный, прагматический характер наряду с неадекватно завышенной самооценкой;

- во-вторых, отрицательное развитие личности, возникшее в результате пробелов и отклонений в психическом развитии. В одном случае, иждивенческая позиция формируется в результате органических нарушений интеллекта, которые «фиксируют» развитие личности на детской позиции. В эту группу следует отнести подростков с отклонениями в психическом развитии, их число составляет 25% от общего количества подростков-сирот. Им свойственно обостренное реагирование на отрицательные стороны жизни, слабое восприятие положительных моментов в окружающем мире. Вялые и апатичные, они не могут напряженно учиться и трудиться, выбирая стратегию удобного приспособления к окружающему миру. Для полноценной социальной адаптации таким детям не достаёт развития собственных внутренних ресурсов. В другом случае, психология иждивенчества формируется вследствие упущений и ошибок в воспитании, являющиеся внутренней предпосылкой дисгармоничного развития личности. Число подростков с пробелами и искажениями в психическом развитии составило 30% от общей выборки. При этом, как показывают наблюдение и беседы с опекунами, учителями, психологом, если у таких детей психические состояния соединяются с психологическими ошибками, то неизбежно появление грубости, неуважения к людям вообще, крайняя

форма индивидуализма. У них наблюдаются неврозы, причиной которых является тяжелая семейная атмосфера раннего детства. Им свойственна истеричность, вспыльчивость, драчливость, скандальность, неуживчивость, отрицательные волевые качества.

Литература

1. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004. – 232 с.
2. Прихожан А.М. Дети без семьи. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.
3. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004. – 672 с.

Психологические параметры досуга и их взаимосвязь с личностными характеристиками человека

Задорина Н.В., Потасеева Е.А., Иванов А.Е.

Студенты психологического факультета

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

E-mail: nzadorina@mail.ru

Современные темпы развития общества требуют от человека большого вложения личностных и профессиональных ресурсов, а также огромных временных затрат на укрепление своих профессиональных позиций. Карьерный рост, повышение профессионального статуса – это доминирующие мотивы почти любого специалиста в своей профессиональной области. Зачастую, выбирая стремление к профессиональному успеху, человек забывает о своих собственных интересах, о праве на свободное время. Вследствие этого, время досуга тратится не на отдых и восстановление сил, а на все большее совершенствование своих профессиональных навыков. Практическая психология, к сожалению, пока не решает эту проблему и, подстраиваясь под меняющуюся систему ценностей общества, упорно предлагает психологические услуги, как правило, подобного содержания: технологии эффективных продаж, основы эффективного управления, стресс-менеджмент, тайм-менеджмент, приемы переубеждения клиента, переговоры в агрессивной среде, искусство разговора по телефону и т.д. Вследствие этого остаётся неисследованной и нераскрытой такая важная составляющая человеческой жизни, как досуг.

Досуг является неотъемлемой составляющей жизненного пространства человека, которая разнообразна в формах своего проявления и реализуемых в ней мотивах. Мы полагаем, что личностные особенности человека оказывают влияние на выбор определённого досугового времяпрепровождения. Для исследования этого влияния мы работали в двух направлениях. Во-первых, на основе пилотажного интервьюирования студентов факультета психологии (n=20) был проведен контент-анализ обозначенных ими способов досугового времяпрепровождения. Посредством данных контент-анализа были определены основные ориентации человека при выборе досуговой деятельности: внешняя, интрапсихическая и пассивная. Анализ мотивов, которые лежат в основе выбора тех или иных форм отдыха, показал доминирование духовных мотивов над социальными и материальными среди опрошенных студентов-психологов. Во-вторых, были скомпонованы 25 биполярных шкал семантического дифференциала с целью измерения эмоционального отношения испытуемых к своему досугу. После проведения пилотажной проверки данных шкал на 60 испытуемых (мужчины и женщины в возрасте от 20 до 50 лет), были отобраны шкалы, работающие по закону нормального распределения (всего осталось 11 шкал). В результате факторизации 11 шкал было выделено четыре значимых фактора, определяющих отношение испытуемых к своему досугу: степень отдыха, конструктивность, изменчивость и включённость. Таким образом, с помощью

разработанного нами инструментария (СДосуг-11) мы определили ключевые параметры для оценивания досуга человеком. Далее нами была поставлена цель - исследовать взаимосвязь параметров досуга и таких личностных характеристик, как жизненные ориентации, уровень профессиональной реализации, самоотношение и механизмы психологической защиты личности. Для диагностики описанных выше личностных характеристик были задействованы следующие методики: методика исследования самоотношения С.Р. Пантилеева (МИС), опросник профессиональной реализации Н.Н. Мельниковой (ПР-21), тест-опросник механизмов психологической защиты Р. Плутчика (адаптация Л.Р. Гребенникова), опросник жизненных ориентаций Е.Ю. Коржовой. В исследовании приняли участие 45 человек – мужчины и женщины в возрасте от 20 до 50 лет. Данные, полученные на основе всех перечисленных методик, сопоставлялись с помощью корреляционного анализа Пирсона с суммарными баллами по четырём основным факторам досуга (степень отдыха, конструктивность, изменчивость и включённость).

Конечные результаты исследования могут подтверждать гипотезу о взаимосвязи личностных особенностей и параметров досуга человека. Наибольшее влияние на параметры досуга человека оказывают жизненные ориентации. Выявленные взаимосвязи между жизненными ориентациями и досугом указывают на то, что люди, характеризующиеся гибкостью, активностью во взаимодействии с миром и самим собой, не испытывают затруднений в проведении досуга. Они по-настоящему могут расслабляться, восстанавливать силы и конструктивно использовать время досуга. Важно отметить, что полученная взаимосвязь между жизненными ориентациями и параметрами досуга подтвердилась лишь в мужской выборке. В выборке женщин данная зависимость не проявилась. У женщин в меньшей степени личностные особенности оказывают влияние на качество их досуга (вероятно, здесь играют большую роль другие факторы, например, материальное и социальное положение). Возможно, это связано с меньшей склонностью женщин, по сравнению с мужчинами, к индивидуализации и достижению. Учитывая гендерные особенности, для мужчин менее значимы потребности в социальной принадлежности и безопасности, они менее конформны, чем женщины. Несмотря на какие-либо ограничивающие социальные причины (например: семья, работа, положение в обществе и т. п.), им проще ими пренебречь, чем женщинам, ради удовлетворения личностных потребностей и придания смысла своему досугу. Уровень профреализации не показал взаимосвязи с параметрами досуга. Это даёт основания полагать, что работа и досуг – отдельные процессы, в которых существует и развивается личность: успешность и самоудовлетворённость в одной сфере необязательно определяют это в другой сфере. Возможно, что модели поведения, используемые человеком на работе – во время досуга становятся неэффективными. Все полученные взаимосвязи можно считать достоверными на уровне значимости 0,05.

Дальнейшие перспективы нашего исследования могут заключаться в определении типологии людей, испытывающих затруднения с проведением досуга, и выявлении личностных факторов, этому способствующих. Тем самым, мы можем решить ряд прикладных проблем, затронутых нами в исследовании. Данная проблематика весьма актуальна на сегодняшний день, и исследования в этом направлении помогут психологам работать со многими проблемными областями социально-психологического пространства человека.

Литература

1. Волков Б.С., Волкова Н.В., Губанов А.В. (2006) Методология и методы психологического исследования. М.: Трикта.
2. Коржова Е.Ю. (2002) Психологическое познание судьбы человека. СПб.: СОЮЗ.
3. Пантилеев С.Р. (1993) Методика исследования самоотношения. М.: СМЫСЛ.
4. Фернхем А. (2001) Личность и социальное поведение. СПб.: Питер.
5. Франкл В. (1990) Человек в поисках смысла. М.: Прогресс.

Перфекционизм и перфекционистская самопрезентация как проблема нормы и патологии личности и возможность их измерения

Золотарева А.А.

Студент

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, факультет

психологии, Омск, Россия

E-mail: zoloalena@yandex.ru

Перфекционизм как психологический конструкт, отражающий стремление личности к совершенству, стал предметом многочисленных исследований в современной науке. В зарубежной психологии представлен широкий спектр методического инструментария для измерения перфекционизма и связанных с ним психологических явлений, в то время как одной из проблем исследования перфекционизма в отечественной науке является отсутствие аналогов методик, разработанных представителями зарубежной психологии, в связи с чем нам представляется важной проблема адаптации методического инструментария для измерения феноменов, отражающих перфекционистские тенденции.

Перфекционистская самопрезентация является конструктом, сопутствующим перфекционизму и выступающим фактором психологических и психических проблем личности. В частности, в эмпирических исследованиях зарубежных ученых показана связь перфекционистской самопрезентации с такими расстройствами, как депрессия, алкоголизм, личностные расстройства, расстройства пищевого поведения, сексуальные проблемы.

В зарубежной психологии проблемой изучения и измерения перфекционистской самопрезентации занимается П. Хьюит и его коллеги, разработавшие концепцию данного феномена и методику для ее измерения.

Перфекционистская самопрезентация – это перманентный и устойчивый интерперсональный стиль, отражающий стремление казаться совершенным и являющийся фактором интраперсональных и интерперсональных проблем.

Перфекционистская самопрезентация является многофакторным конструктом, структура которого представлена тремя компонентами, положенными в основу методики:

1. Демонстрация совершенства отражает стремление казаться совершенным в глазах окружающих, вызывать своим совершенством восхищение и уважение других, создавать образ безупречного и успешного человека.

2. Поведенческое не проявление несовершенства отражает избегающий стиль поведения, направленный на превенцию любых проявлений, не соответствующих представлениям личности о совершенстве.

3. Вербальное не проявление несовершенства отражает избегание личностью признания собственного несовершенства перед другими в интерперсональных ситуациях.

Оригинальный вариант методики прошел проверку на конструктивную и содержательную валидность, тест – ретестовую надежность и внутреннюю согласованность.

С целью адаптации русскоязычного варианта методики были поставлены следующие задачи исследования: провести стандартизацию методики, проверить ее конструктивную и содержательную валидность, тест – ретестовую надежность и внутреннюю согласованность пунктов ее субшкал.

Выборку для адаптации методики составили 707 человек (399 женщин и 308 мужчин), из которых 607 вошли в основную выборку (стандартизации и проверки конструктивной и содержательной валидности и внутренней согласованности) и 100 – в выборку для проверки тест – ретестовой надежности.

В процессе стандартизации выборка была разделена на три группы в соответствии с уровнем выраженности перфекционистской самопрезентации: в первую группу (n = 112)

Секция «Психология»

вошли испытуемые с низким уровнем перфекционистской самопрезентации, набравшие в сумме от 49 до 93 баллов; во вторую группу (n = 406) вошли испытуемые со средним уровнем перфекционистской самопрезентации, набравшие от 94 до 138 баллов; в третью группу (n = 89) вошли испытуемые с высоким уровнем перфекционистской самопрезентации, набравшие в суммарном балле от 139 до 183 баллов.

Конструктивная валидность была установлена посредством корреляции результатов испытуемых по «Шкале перфекционистской самопрезентации» и «Многомерной шкале перфекционизма», соответствующих данным, полученным при проверке конструктивной валидности оригинального варианта методики.

Содержательная валидность была установлена посредством сравнения результатов тестирования двух групп испытуемых: 15 академически успешных студентов (отличников) и 15 студентов со средней и низкой успеваемостью (уровень перфекционистской самопрезентации у отличников значимо выше, чем у студентов с более низкой успеваемостью).

Выборку для проверки тест – ретестовой надежности составили 100 человек (60 женщин и 40 мужчин). Ретест проводился спустя месяц после проведения тестирования. Тест – ретестовая надежность методики подтверждается высокими коэффициентами корреляции: 0,8 для субшкалы «Демонстрация совершенства» 0,79 для субшкалы «Поведенческое не проявление несовершенства» и 0,75 для субшкалы «Вербальное не проявление несовершенства».

Внутренняя согласованность субшкал методики была вычислена с применением альфа – коэффициента Кронбаха. Результаты проверки внутренней согласованности выявили высокие значимые коэффициенты: 0,76 для субшкал «Демонстрация совершенства» и «Поведенческое не проявление несовершенства» и 0,66 для субшкалы «Вербальное не проявление несовершенства», что свидетельствует о том, что все пункты субшкал методики направлены на измерение одной и той же стороны изучаемого конструкта.

Данные, полученные в результате тестирования основной выборки, были подвергнуты факторному анализу методом выделения главных компонент с последующим Varimax вращением. В результате повторной факторизации было выделено три фактора, соответствующих трехфакторной структуре перфекционистской самопрезентации, выделенной в оригинальном варианте методики.

Таким образом, адаптированный нами вариант «Шкалы перфекционистской самопрезентации» валиден и надежен, позволяет выявлять уровень перфекционистской самопрезентации, а также характер соотношения ее различных компонентов, и может быть использован при диагностике перфекционистской самопрезентации личности на русскоязычной выборке.

Перфекционизм и перфекционистская самопрезентация являются феноменами на грани нормы и патологии личности, о чем свидетельствуют многочисленные эмпирические исследования зарубежных и отечественных психологов. Перспективой нашего исследования является изучение нормальных и патологических тенденций в проявлении перфекционизма и перфекционистской самопрезентации личности.

Литература

1. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал, 2006, том 27, № 6, с. 73 – 89.
2. Hewitt P.L. et al. The interpersonal expression of perfection: perfectionistic self – presentation and psychological distress // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. V. 84. N. 6. P. 1303 – 1325.
3. Sherry S. et al. Trait perfectionism and perfectionistic self – presentation in personality pathology // Personality and Individual Differences 42 (2007) 477 – 490.

Пространственный гнозис у лиц с шизоидными особенностями личности
Иванов М.В.

На сегодняшний день, особую актуальность представляют исследования гендерных различий личности и отдельных психических функций человека.

Особенный интерес вызывают данные различия в условиях психической патологии.

В нашей работе рассмотрены гендерные особенности пространственного гнозиса у лиц с шизоидными чертами личности (в рамках процессуальных психических расстройств).

Следует отметить, что пространственный гнозис – это особая функция познавательного процесса. Его искажения не всегда коррелируют с интеллектуальным снижением.

В качестве экспериментального материала исследования были взяты две выборки в сравнении: лица с шизоидными особенностями личности и здоровые. Экспериментальной базой исследования является ГУ Департамента здравоохранения психиатрическая больница №13 г. Москвы.

В ходе сбора информации исследуемые выборки были сопоставлены по следующим параметрам: возраст, образовательный ценз, пол, личностные особенности и характеристики пространственного гнозиса в обеих сравниваемых группах.

Общее количество испытуемых составило 120 человек. По 60 испытуемых в экспериментальной и контрольной группах, в числе которых было по 30 мужчин и 30 женщин соответственно.

Объект исследования: изучение направленности пространственного гнозиса.

Предмет исследования: изучение пространственного гнозиса у лиц с шизоидными особенностями личности.

Цель работы: выявить специфику и описать особенности пространственного гнозиса у лиц с шизоидными чертами личности в контексте гендерных и личностных различий.

Гипотеза исследования: пространственный гнозис в рамках шизоидных особенностей личности нарушается по типу основных шизотипальных дисфункций – схизис, парадоксальность, персеверации, фрагментарность.

Были использованы следующие методы исследования:

- кубики Б.П. Никитина, а именно материал методики (Grundkasten zum Nikitin-Material. LOGO Lern-Spiel-Verlag GmbH. D-46286 Dorsten-Wulfen) в модификации;
- клинический личностный опросник ММРІ в адаптации Ф.Б. Березина и др.

Из материала Б.П. Никитина были отобраны 5 заданий (фигуры изображенные на карточках с помощью кубиков и блоков, которые нужно было собрать с помощью соответствующего им стимульного материала). Задания выстроены начиная с более легких и заканчивая соответственно более сложными. Ретестовая надежность модифицированных заданий (интервал повторного исследования 3 недели) – 0,58-0,89.

Содержание личностного опросника ММРІ широко охватывает такие сферы человека в актуальной ситуации, как здоровье, социальная и религиозная деятельность, а также особенности поведения индивида.

В исследовании стояла задача оценить различия между двумя независимыми выборками. Достоверность результатов определялась статистическими методами входящими в пакет программы Statistica 7.0. Такими методами, как параметрический критерий t-Стьюдента для независимых выборок, который позволяет прямо оценить различия в средних. А также два непараметрических критерия: λ -критерий Колмогорова-Смирнова и U-критерий Манна-Уитни.

Секция «Психология»

Для большей информативности использовалась Вох-диаграмма (Box-Whisker plot by group), позволяющая наглядно видеть разницу между медианами, межквартильными размахами (25%-75%) и диапазоном изменений (min-max) сравниваемых групп.

Проведенное исследование установило следующие специфические факты.

Грубые искажения были выявлены в экспериментальной группе. Эти нарушения пространственного гнозиса подтверждают гипотезу. Нарушения пространственного восприятия были в виде выхолощенности, искажение объекта, повторение мелких деталей (персеверации) и др. Эти нарушения квалифицировались как парциальная (локальная) интеллектуальная недостаточность с одной стороны, с другой, как агностические проявления.

Установлены значимые различия по трем статистическим критериям (выше обозначенным) при уровне достоверности $p \leq 0,05$.

Гендерные различия определялись не только количественными, но и качественными показателями. Особенно отличия проявлялись в способах решения задач, более абстрактные и нестандартные решения у мужчин и более конкретные и фрагментарные у женщин.

В целом выполняли задания пространственного гнозиса более успешно мужчины экспериментальной группы.

Группа контроля выявила отсутствие грубых искажений пространственного восприятия, присущих экспериментальной группе.

Анализ сопоставления полученных результатов показал следующее: данные личностного опросника ММРІ выявили личностные особенности лиц, составивших экспериментальную группу. Им свойственна интровертированность, тревожность, фобические проявления, ипохондричность, а также аутистические установки, которые были особенно выражены у мужчин.

У женщин той же группы отмечаются проявления тех же радикалов, но в сглаженном виде (меньшей амплитуды), а также преобладание экстравертированности и истероидности, с демонстративными тенденциями обусловленными, по-видимому, фактором вытеснения.

У мужчин из группы контроля, в большей своей части, также проявлялись аутистические тенденции в виде дистанцированности, затрудненности социализации. Эти личностные черты связаны с недостаточной потребностью воспринимать нормы и правила социума, с одной стороны, и определенной невостребованностью современным обществом активной позиции, с другой стороны.

У женщин такого рода особенности были более сглажены. Им, прежде всего, свойственно оптимистически-радостное настроение, импульсивность, повышенная активность в микросреде.

В заключении следует отметить, что такая функция познавательного процесса, как пространственный гнозис у лиц с шизоидными особенностями личности не столько связан с личностными особенностями, сколько с гендерными различиями. Эти различия более обусловлены нозологическим характером отклонений психического здоровья в целом. Таким образом, пространственный гнозис в рамках шизоидных особенностей личности нарушается по типу основных шизотипальных дисфункций – схизис, парадоксальность, персеверации, фрагментарность.

Литература

1. Меграбян А.А. Деперсонализация. – Ереван: Армгосиздат, 1962. – 354 с.
2. Мухина В.С. Феноменология развития и бытия личности. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 640 с.
3. Под ред. Снежневского А.В. Шизофрения. Мультидисциплинарное исследование. – М.: Медицина, 1972. – 402 с.
4. Смулевич А.Б. Малопрогрессирующая шизофрения и пограничные состояния. М.: Медицина, 1987 – 235 с.

**Болезнь члена семьи как медико-психологическая проблема на примере
патологического влечения к азартным играм**

Казьменкова Н.А.

Аспирант

Научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nkazmenkova@mail.ru

В настоящее время для большинства регионов Российской Федерации остается актуальной проблема патологической зависимости от азартных игр. Вследствие легализации и повсеместного распространения игорного бизнеса, за последние 10-15 лет, значительно возросло количество пациентов, обращающихся за психолого-психиатрической помощью, в связи с невозможностью самостоятельно прекратить играть и наличием проблем, ассоциированных с азартной игрой. Актуальность связана не только с размерами популяции заболевших, но и с тем, что в патологическую систему отношений вовлекаются члены их семей, что в несколько раз увеличивает количество людей, которым требуется психолого-психиатрическая помощь.

Семейная система одна из важнейших в жизни человека, в которую он включен с самого рождения. Семейная система выполняет ряд функций, имеющих большое значение для каждого члена семьи. Различные авторы выделяют следующие функции семьи: воспитательная функция, хозяйственно-бытовая функция, эмоциональная функция, функция духовного (культурного) общения, функция первичного социального контроля, сексуально-эротическая функция.

В то же время семья может являться источником психической травмы. Психические травмы семейной этиологии, как отмечает Н.В.Канторович (1967), могут быть единичными и повторными, короткими и длительными, «в то же время сама длительность семейных отношений создает особенно благоприятные предпосылки для длительно действующих, закономерно и часто повторяющихся психических травм» (Э.Г.Эйдемиллер, В.Юстицкис, 1999).

Э.Г.Эйдемиллер, В.Юстицкис (1999) выделяют ряд обстоятельств, которыми определяется ведущая роль семьи в психической травматизации:

1. Семейным отношениям принадлежит ведущая роль в системе взаимоотношений личности. Семья на ранних этапах жизни индивида является единственной, а позднее одной из наиболее важных социальных групп, в которые он включен. События в семье чаще «принимаются близко к сердцу», чем аналогичные события в сфере трудовой деятельности, соседских отношений и т. д.

2. Зависимостью семейных отношений друг от друга и их многосторонностью. Сферы домашнего хозяйства, досуга, эмоциональных и сексуально-эротических взаимоотношений теснейшим образом взаимосвязаны, и попытка внести в любую из них более или менее значительные изменения вызывает «цепную реакцию» изменений во всех других. В силу этой взаимосвязанности от семейной травмы труднее уйти — у члена семьи при попытке избежать травматизации возникает больше сложностей.

3. Значительной открытостью и уязвимостью члена семьи по отношению к различным внутрисемейным влияниям, в том числе и травмирующим. В семье индивид более доступен воздействию со стороны других членов семьи; слабости и недостатки его проявляются наиболее явно.

Психическая травматизация личности в рамках семейной системы может быть инициирована внешними или внутренними причинами. К внешним причинам могут быть отнесены такие события как катастрофа, вынужденное переселение, война, смерть близкого. Внутренние причины: особенности личности членов семьи и взаимоотношения между ними, условия жизни семьи. Одной из таких причин может рассматриваться болезнь одного из членов семьи.

Секция «Психология»

Заболевание взрослого ребенка, патологическое влечение к азартным играм, рассматривается нами как сложная жизненная ситуация для близких к игроку людей (родителей), приводящая к изменению функционирования семьи в целом, патогенному результату, а именно, индуцирующая состояние внутреннего напряжения и дискомфорта, являющаяся источником соматических, нервно-психических и поведенческих расстройств.

Всё выше сказанное обуславливает актуальность проведенного исследования, целью которого являлось определение актуального психологического статуса матерей патологических игроков. Исследование было проведено на базе лечебно-реабилитационного научного центра «Феникс» (г.Ростов-на-Дону).

В исследование был использован клинико-психологический метод и опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Check List-90-Revised — SCL-90-R).

Выборку составили матери патологических игроков (n=23), разделенные на 2 группы. Во всех 23 случаях сами игроки были мужского пола, в возрасте от 17 до 39 лет, средний возраст - 24,3±4,5 года; длительность расстройства от 1 года до 10 лет. I группа (n=14; средний возраст – 51,2±3,5) – матери, сыновья которых на момент обследования продолжали играть. II группа (n=9; средний возраст – 47,3±1,5) – матери, сыновья которых на момент обследования не посещали игровых автоматов (от 3 недель до 2 лет). Основным критерием включения в выборку было наличие у сына/дочери диагноза «патологическое влечение к азартным играм». Диагноз устанавливался врачом-психиатром в соответствии с критериями МКБ-10.

Проведенное исследование позволяет прийти к предварительному выводу, что заболевание взрослого ребенка, патологическое влечение к азартным играм, является источником соматических и нервно-психических расстройств у матерей.

Литература

1. Бобров А.Е. Азартное расстройство (Патологическая склонность к азартным играм): клинические, лечебно-профилактические и психосоциальные аспекты. – М.: ИД «Медпрактика-М», 2008.
2. Егоров А.Ю. Нехимические зависимости. – СПб.: Речь, 2007.
3. Патологическая склонность к азартным играм – новая проблема российской психиатрии / Зайцев В.В. // Социальная и клиническая психиатрия, 2000, №1.
4. Патологический гемблинг / Бухановский А.О., Солдаткин В.А. // Российский психиатрический журнал 2007, №3.
5. Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. – СПб.: Речь, 2006.

Ингибиторы ауто- и гетероагрессии

Калашникова А.С.

Младший научный сотрудник

Федеральное государственное учреждение «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию», Москва, Россия

E-mail: kuzov@inbox.ru

Аутоагрессивные тенденции в последние десятилетия находятся в фокусе внимания многочисленных исследователей (Амбрумова, Ковалев, Тихоненко, 1980, Амбрумова, Калашникова, 1998, Амбрумова, 1996, Войцех, 2007) в связи с неуклонным ростом числа самоубийств и покушений на самоубийство в большинстве стран Европы и Америки, при этом Россия вышла на одно из первых мест в мире по этому показателю. Большинство подобных исследований рассматривает генез суицидального поведения как взаимодействие личностных и средовых факторов (Амбрумова, Ковалев, Тихоненко,

1980), причем внутренние и внешние формы аутоагрессивного поведения подчинены общим закономерностям строения человеческой предметной деятельности (Леонтьев, 1983). Согласно А.Н. Леонтьеву, выделяются отдельные деятельности – по критерию побуждающих их мотивов; действия, подчиняющиеся сознательным целям; операции, которые непосредственно зависят от задач, т.е. условий достижения конкретных целей. Исходя из общей структуры суицидальных актов, различают истинные суициды, парасуициды и несчастные случаи. Целью истинных самоубийств является лишение себя жизни, в то время как парасуицидальная попытка нацелена на достижение желаемых субъектом изменений за счет физических последствий и не направлена на достижение конечного результата – смерти. Большинство современных исследований при построении теоретических моделей самоубийств опираются на изучение личности суицидента, микросоциального конфликта, в котором он оказался, на примере лиц, выживших после совершения аутоагрессивной попытки. Полученные данные экстраполируются на весь контингент лиц, совершавших суициды, в том числе и законченные. Однако следует предположить, что механизмы законченного суицида и суицидальные акты, не закончившиеся смертью (т.е. парасуициды) являются различными.

Гипотеза исследования: личностные структуры, подавляющие аутоагрессию, выполняют роль подавления и агрессии, причем у лиц, имеющих в анамнезе суицидальную попытку, ингибиторы аутоагрессии имеют более развитую структуру, чем у лиц, совершивших и аутоагрессивные, и гетероагрессивные действия.

Проанализированы личностные особенности лиц (39 чел.), находившихся на лечении в общемедицинском стационаре непосредственно после совершения ими суицидальной попытки. Подэкспертные были консультированы врачами-психиатрами, вследствие чего они были признаны психически здоровыми (27,7%), либо им выставлялись диагнозы: депрессивный эпизод – 49,2%, депрессивная реакция – 12,8%, тревожно-депрессивный синдром – 10,3%. Контрольную группу составили лица (68 чел.), совершившие агрессивные преступления и имеющие в анамнезе аутоагрессивные действия, признанные по итогам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы вменяемыми. Среди испытуемых данной группы чаще всего встречались психически здоровые (32,4%), лица с органическим психическим расстройством (29,7%), расстройством личности (26,1%), акцентуацией характера (11,8%).

Данные факторного и кластерного анализа показали, что испытуемых основной группы отличает развитый спектр личностных структур, тормозящих проявления аутоагрессии и в то же время оказывающих подавляющее влияние на агрессивнее тенденции. В данной группе среди ингибиторов ауто- и гетероагрессии обозначились ценностные (внутренний долг и обязательства, семья, ценность жизни, нереализованные жизненные планы), эмоциональные (эмпатия, тревога, любовь), коммуникативные (социальная поддержка), диспозиционные (ригидность, «безволие») антисуицидальные факторы, а также выделенные в отдельную группу факторы – защитные механизмы (вытеснение, отрицание, обесценивание) и надежда на «чудесное спасение». Выявилось меньшее количество личностных ингибиторов агрессии и аутоагрессии у испытуемых, совершивших и гетеро-, и аутоагрессивные действия, по сравнению с лицами, совершившими только аутоагрессивные поступки. В частности, у них обнаружены эмоциональные (представлен страхом физических страданий), интеллектуальные (наличие перспектив, копинг-стратегии, осмысление), диспозиционные (высокая самооценка) и ценностные (в виде семейных ценностей) антисуицидальные факторы.

Наличие развитой структуры ингибиторов аутоагрессии у лиц, совершивших суицидальные попытки, позволяет сделать предположение о том, что совершенный аутоагрессивный акт носил характер не истинного суицида, а парасуицидальной попытки, не имеющей целью лишения себя жизни, а выступающий как способ воздействия на окружающих с целью изменения сложившейся ситуации.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и определило постановку новой научной проблемы, заключающейся в определении возможности получения достоверных результатов при экстраполяции данных, полученных при исследовании парасуицидов, на популяцию лиц, совершивших истинный суицид, и необходимости поиска иных средств для изучения механизмов истинных суицидов. По мнению автора, в качестве такого способа может выступать психологический анализ материалов уголовных дел при производстве посмертных экспертиз лиц, окончивших жизнь самоубийством.

Литература

1. Амбрумова А.Г. Психология самоубийства//Социальная и клиническая психиатрия. – 1996. – №4.
2. Амбрумова А.Г., Калашникова О.Э. Клинико-психологическое исследование самоубийств // Социальная и клиническая психиатрия. – 1998. – №4.
3. Амбрумова А.Г., Ковалев В.В., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: Методические рекомендации. М.: Изд-во Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1980.
4. Войцех В.Ф. Клиническая Суицидология. – М.: Миклош, 2007.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность//Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983, Т.2.
6. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие/Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – 2-ое изд., испр. – М.: Генезис, 2005.
7. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. - М.: Смысл, 2003.
8. Цупрун В.Е., Холодова Е.М., Войцех В.Ф. Соотношение суицидальности и криминальной агрессии в амбулаторной психиатрической практике // XIV съезд психиатров России (материалы съезда). - М., 2005.

Особенности психосексуального развития у подростков, совершивших сексуальные правонарушения

Карпова Д. А.¹⁴

Лаборант-исследователь Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского», Москва, Россия

E-mail: ver210@yandex.ru

В практике осуществления дифференцированных реабилитационных мероприятий, критически важно выделение групп «актуального риска», представляющих повышенную опасность совершения внутривольничной агрессии, и групп потенциального риска, которые могут быть наиболее подвержены отрицательному микросредовому влиянию. Последнее предполагает особое внимание подросткам и лицам с педагогической запущенностью, интеллектуальным недоразвитием и органическим психическим расстройством. В тех случаях, когда сексуальные преступления берут начало в подростковом возрасте, или аномальное сексуальное поведение манифестирует в условиях криминальной субкультуры, важным является установление того, является ли патологическое сексуальное поведение проявлением преходящей неустойчивости психосексуального развития, формирующейся парафилии, расстройства поведения, повышенной внушаемости и подчиняемости, или связано с латентно текущим психическим заболеванием [2, 4].

Представленные результаты являются частью комплексного сексолого-психологического исследования лиц, совершивших сексуальные правонарушения

¹⁴ Автор выражает признательность Дьяковой И.В., врачу-эксперту Ставропольской областной психиатрической больницы за предоставленную возможность участвовать в научном исследовании.

Секция «Психология»

проведенного в Ставропольской психиатрической больнице. Данная статья посвящена анализу особенностей полоролевого самосознания подростков, совершивших сексуальные правонарушения, и соответственно, предметом обсуждения будут результаты, полученные с помощью мет. МиФ.

Общую выборку составили 86 лиц, прошедших стационарную и амбулаторную судебно-психиатрическую экспертизу в период с 2007 по 2008 гг., из которых несовершеннолетние составили 35% от общего объема выборки. Из 23-х несовершеннолетних, средний возраст которых составил 15,5 лет (15,5+/-1,5), в 73% случаев был выставлен диагноз органическое психическое расстройство. Доля несовершеннолетних, у которых была диагностирована парафилия составила 9%, однако, в объединенной со взрослыми выборке доля лиц с перверсиями составила 11%, а доля психически больных – 78%. По характеру совершенных деликтов группа несовершеннолетних была поделена на две подгруппы –совершившие насильственные действия в группе гомосексуальные и гетеросексуальные насильственные действия.

Данные однофакторного анализа выявили, что значимый вклад в попадание испытуемого в группу совершивших гомосексуальные и гетеросексуальные акты являлась переменная маскулинная составляющая образа эталона женщины, которая в сравниваемых группах имела минимальные значения (Рис.1).

Линейный регрессионный анализ по той же переменной выявил, что статистически значимой предикативной силой обладают следующие переменные: Я-идеальное (м), Мужчина должен быть (м), Мужчины считают что я (м), Реальный с-й п-р (м), Женщина должна быть (ф).

Анализ топографического пространства полоролевого самосознания сравниваемых групп, демонстрирует, что наибольшие различия (помечено пунктирной линией) обнаруживаются по переменным, отражающим образ реального сексуального партнера, как раз по оси маскулинности. Иными словами, у лиц, совершивших гомосексуальные деликты, представления о реальном сексуальном партнере обладают андрогинными качествами. У лиц, совершивших гетеросексуальные деликты, образ реального сексуального партнера соответствует принятому в культуре, и в нем преобладают феминные черты.

В отношении переменной «мужчины считают, что я» (маскулинная составляющая), следует отметить, что у лиц, совершивших гомосексуальные акты, представление о половых ролях и построении поведения, как отвечающего нормативным для данной культуры и собственным представлениям о половых ролях является недифференцированным.

Анализ иерархических кластеров в сравниваемых группах выявил различную структуру взаимосвязи переменных в структуре полоролевого самосознания.

Так, в группе лиц, совершивших гетеросексуальные акты наиболее связанными были такие переменные как Мужчина должен быть (м), Женщины считают что я (м), Мужчины считают что я (ф), Я-идеальное (м), и Я-идеальное (ф), Женщины считают что я (ф), Мужчина должен быть (ф), Реальный с-й п-р (м).

В группе лиц, совершивших гомосексуальные деликты, наиболее взаимосвязанными оказались две группы переменных: Я-реальное (ф), Мужчина должен быть (ф), Женщины считают что я (ф), Мужчины считают что я (ф), Идеальный секс-й п-р (м), и Я-идеальное (м), Мужчина должен быть (м). Желаемый образ Я и представления о полоролевых чертах, нормативных для своего пола, соответствующих представлениям о мужской половой роли в данной группе очень близки. В то же время особенности поведенческих паттернов в референтной группе и их телесная атрибуция, которые способствовали бы более успешной социализации, являются недифференцированными, выявляется большая нагруженность феминными чертами образа реального я, и андрогинность реального я, сочетание более феминных паттернов взаимодействия с женщинами и недифференцированных с мужчинами.

Таким образом, сравнительный анализ особенностей полоролевого самосознания у несовершеннолетних, совершивших гетеро и гомосексуальные насильственные действия выявил статистически значимые различия как в сформированности его отдельных составляющих, так и во взаимосвязи их между собой. У лиц, совершивших гомосексуальные деликты можно предположить нарушение психосексуального развития именно в период от 7 до 13 лет. То есть, социально-психологические регуляторы поведения-представления о полоролевых стереотипах слабо дифференцированы. Степень их интериоризированности, включенности в систему ценностей слабая, способность оказывать регулятивное влияние нарушена.

Литература

1. Каган В.Е.(2000) Стереотипы мужественности-женственности и образ Я у подростков. Вопросы психологии. 2000. № 3. 65-69с.
2. Ткаченко А.А., Антонян Ю.М. (1993) Сексуальные преступления. - М., 1993. – 320 с.
3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. (1998) Судебно-сексологическая экспертиза. В 2-х томах. - М.: РИО ГНЦ СиСП им. В.П. Сербского, 1998

Структура и уровень мотивации на лечение у женщин, зависимых от алкоголя Колпаков Я.В.

аспирант

*ГОУ ВПО «Московский государственный медико-стоматологический университет
Минздравсоцразвития РФ», факультет клинической психологии, Москва, Россия*

E-mail: kolpakov_jv@mail.ru

Распространённость синдрома зависимости от алкоголя среди женщин в России достигла 557,5 чел. на 100 тыс. населения, прирост составляет 2-4% в год (Основные показатели..., 2008; В.Б. Альтшулер, Н.Н. Иванец и др., 2006). Это представляет угрозу демографической безопасности России и обуславливает необходимость подробного изучения феномена «женского алкоголизма», разработки мер по его профилактики и психокоррекции, методов медико-психологической реабилитации.

Лечение больных с алкогольной зависимостью представляет собой сложный и многогранный процесс, а получение эффективного результата зависит от множества причин, среди которых важную роль играет мотивация на лечение. По мнению Н.А. Сирота и В.М. Ялтонского (2008) мотивация на лечение играет центральную роль в решении проблем, связанных с алкогольной зависимостью. П. Андерсон (1995), проводя анализ психологического состояния больных с алкогольной зависимостью, обращает внимание на сложную структуру мотивационной сферы личности. Б.С. Братусь (1974) установил, что она искажается в процессе развития патологической зависимости от алкоголя. В структуру мотивация на лечение входят ценностно-целевой, когнитивный, эмоциональный и поведенческий блоки, выделенные Т.О. Гордеевой (2002). Под уровнем мотивации на лечение понимаются стадии изменения поведения, выделенные J.O. Prochaska и С.С. DiClemente (1982).

Было проведено исследование структуры и уровня мотивации на лечение у женщин, зависимых от алкоголя. На 12-16 сутки лечения после купирования синдрома отмены были обследованы 110 женщин со второй (средней) клинической стадией зависимости от алкоголя, псевдозапойная форма, среднепрогредиентное течение (F41.02 по МКБ-10), проходящие лечение в ГУЗ «НКБ №17, филиал» ДЗ г. Москвы. Возраст испытуемых был от 25 до 55 лет (средний возраст - 42,20±13,33 года). В контрольную группу вошли 30 условно здоровых женщин такого же возраста. Статистическая обработка проводилась с использованием компьютерной программы «SPSS for Windows, version 16», SPSS Inc., IL, USA, 2008.

Секция «Психология»

Распределение женщин, зависимых от алкоголя по уровням мотивации на лечение было следующим: 33 чел. (30,00%) - стадия изменения поведения «Предварительные размышления»; 39 чел. (35,46%) – стадия изменения поведения «Размышления»; 48 чел. (43,64%) - стадия изменения поведения «Действия». Эти данные согласуются с зарубежными исследованиями (J.M. Webster, P.J. Rosen et al., 2006). Для каждого уровня были выявлены достоверные ($p < 0,001$, U Mann-Whitney) особенности структуры мотивации на лечение.

В подгруппе «Предварительные размышления» у женщин, зависимых от алкоголя фиксировались негативные показатели смысло-жизненных ориентаций, низкая общая самооффективность и самооффективность воздержания от употребления алкоголя, высокая ситуативная тревога и личностная тревожность, преобладание неконструктивных стратегий совладающего поведения.

В подгруппе «Размышления» у женщин, зависимых от алкоголя фиксировались умеренно-негативные показатели смысло-жизненных ориентаций, слабовыраженные общая самооффективность и самооффективность воздержания от употребления алкоголя, умеренно-высокая ситуативная тревога и личностная тревожность, преобладание неконструктивных стратегий совладающего поведения.

В подгруппе «Действия» у женщин, зависимых от алкоголя фиксировались смысло-жизненные ориентации в пределах нормативных данных, умеренные показатели по общей самооффективности и самооффективности воздержания от употребления алкоголя, показатели ситуативной тревоги и личностной тревожности в пределах нормативных данных, использование разнообразных стратегий совладающего поведения.

В контрольной группе фиксировались смысло-жизненные ориентации в пределах нормативных данных (различия с первой и второй подгруппами статистически значимы, с третьей - нет), высокие показатели общей самооффективности (статистически значимые различия со всеми тремя клиническими подгруппами), показатели ситуативной тревоги и личностной тревожности в пределах нормативных данных (различия с первой и второй подгруппами статистически значимы, с третьей - нет), преобладание конструктивных стратегий совладающего поведения (статистически значимые различия со всеми тремя клиническими подгруппами).

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты эмпирически подтверждают наличие разных уровней мотивации на лечение у женщин, зависимых от алкоголя, т.е. группа данных пациентов неоднородна по уровню мотивации на лечение - преобладает стадия изменения поведения «Действия». На каждом из уровней выявлена специфическая структура мотивации на лечение, включающая смысло-жизненные ориентации, самооффективность, ситуативную тревогу, личностную тревожность, стратегии совладающего поведения.

Зарубежный опыт показывает эффективность работы с мотивацией у лиц, зависимых от психоактивных веществ (Т.Н. Балашова, Л. Собелл, 2007). Разработка и внедрение программ дифференцированной медико-психологической коррекции и реабилитации женщин, зависимых от алкоголя в зависимости от уровня мотивации на лечение и с учётом особенностей характерной каждому уровню структуры, позволит повысить качество и длительность ремиссий, повысить качество жизни и снизить риск рецидива у указанных пациентов.

Литература

1. Альтшулер В.Б., Иванец Н.Н., Кравченко С.Л. (2006) Женский алкоголизм: клинические аспекты. – М.: Гениус. – С. 3-4.
2. Андерсон П. (1995) Пути решения проблем, связанных с употреблением алкоголя. – СПб.: СПбМАПО. – 183 с.

Секция «Психология»

3. Балашова Т.Н., Собелл Л. (2007) Применение техник мотивационного интервью в работе с пациентами, имеющими алкогольные проблемы // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – Т.2. - №1. – С. 4-12.
4. Братусь Б.С. (1974) Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. – М.: МГУ. – 96 с.
5. Гордеева Т.О. (2002) Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл. – С. 79-101.
6. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2006-2007 годах. Статистический сборник (2008) / Сост. Кошкина Е.А., Киржанова В.В. – М.: РИО ННЦН Росздрава. – С. 6-8.
7. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. (2008) Профилактика наркоманий и алкоголизма. – М.: Академия. – 175 с.
8. Prochaska J.O., DiClemente C.C. (1982) Transtheoretical therapy: Toward a more integrative model of change // Psychotherapy: Theory, research and practice. - №19. - P. 276-288; №20. – P. 161–173.
9. Webster J.M., Rosen P.J., Krietemeyer J., Mateyoke-Scriver A., Staton-Tindall M., Leukefeld C. (2006) Gender, mental health, and treatment motivation in a drug court setting // Journal Psychoactive Drugs. - №38(4). – P. 441-448.

Особенности образов-рисунков методики «Пиктограмма» у больных с органическими поражениями головного мозга

Куликова А.А.

Студент

Томский государственный университет,

Факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: Kasio@sibmail.com

Как известно, помимо стандартизированных многофакторных опросников в патопсихологическом исследовании важную роль играют проективные методики. Явными преимуществами проективных методик являются простота процедуры их проведения, небольшие временные затраты, возможность осуществления индивидуального подхода. Вместе с тем они не теряют своей диагностической информативности. В данной работе рассмотрена методика «Пиктограмма», а точнее особенности образов-рисунков и поведения пациентов, которые являются яркими маркерами органических поражений головного мозга.

Методика «Пиктограмма» была впервые предложена А.Р. Лурия для изучения опосредованного запоминания. В дальнейшем целый ряд авторов (Г. В. Биренбаум, А. Н. Леонтьев, С. В. Лонгинова, Б. Г. Херсонский) модифицировали как процедуру выполнения данной методики, так и создавали собственные оригинальные схемы интерпретации данных [1].

В нашем исследовании для выявления особенностей образов-рисунков больных, страдающих поражениями головного мозга мы воспользовались схемой интерпретации данных предложенной Б. Г. Херсонским [3].

Современные научные исследования показывают, что у больных с поражениями головного мозга наибольшее влияние на выполнение «пиктограммы» оказывают интеллектуальные нарушения. Соответственно мы полагаем, что данная методика особенно полезна при исследовании больных с не резко выраженными интеллектуальными снижениями, либо с интеллектуальным недоразвитием (особенно, если возникает клиническая задача отграничения от шизофрении). Как указывают многие авторы, признаками интеллектуального снижения могут являться [2,3]:

Непонимание смысла задания. Как проявление недостаточного понимания могут появляться «выхолощенные символы» и «недифференцируемые изображения»

«Выхолощенные символы» были описаны Г. В. Биренбаум. Эти образы совершенно лишены содержательной связи с понятием, лаконичны по изобразительным средствам, не сопровождаются спонтанными разъяснениями, вынужденные разъяснения крайне формальны. Условность выполненных рисунков может доходить до абсурда и полной схематизации.[2,3]

«Недифференцируемые изображения»: испытуемый не в состоянии объяснить, что же именно он хотел нарисовать, по характеру рисунка понять его сюжет совершенно невозможно. От «выхолощенной символики» данный феномен отличается тем, что рисунки не являются геометрическими значками, это крайне неудачные попытки изобразить что-либо конкретное. «Недифференцируемые изображения» почти абсолютно специфичны для больных с органическим поражением головного мозга, изредка они встречаются у больных шизофренией в состоянии обострения. [3]

Невозможность выбора образа на абстрактные понятия. Больные с интеллектуальной недостаточностью органического генеза, выполняя пиктограмму, обычно легко находят образы для запоминания более конкретных понятий и испытывают явные затруднения при необходимости найти образ для запоминания более абстрактных понятий.

Конкретность, развернутость, обстоятельность образов. Рисунки-образы больных по большей части отличаются излишней конкретностью, развернутостью, обстоятельностью. Причем, содержание придуманных и изображенных ситуаций, вполне адекватно заданным для запоминания выражениям.

Фрагментаризация. Испытуемый изображает лишь фрагмент задуманного образа, прямо говоря о своем замысле и подчеркивая невозможность реализации последнего.

Выраженная стереотипия, прямые персеверации. Персеверация - прямое повторение одного и того же рисунка на два или более понятий. Одним из проявлений персеверативных тенденций является феномен единой системы. Все рисунки, изображенные пациентом, имеют логическую связь, которая строится по принципу звеньев цепи: при построении образа на последующее понятие испытуемый использует предыдущий образ.

Изменения графических характеристик — «органический симптомокомплекс». Включает в себя наклон фигуры более 5° от вертикали, дрожащие, несовпадающие и пересекающиеся линии. Данные изменения обладают высокой специфичностью и являются признаком органического поражения головного мозга.

На ряду с этим не мало важными факторами являются **проявления тревожно-депрессивной установки на исследование**, которые могут выражаться как «шоковые» реакции на эмоционально значимые понятия; спонтанные высказывания испытуемых носят преимущественно интрапунитивный характер; поиск «оценки» экспериментатора; феномены «возврата» и «замены».

Таким образом, анализ научной психологической литературы показал, что у больных с органическим поражением головного мозга имеется ряд особенностей образов-рисунков и поведения при выполнении методики «Пиктограммы», которые явно указывают на генезис заболевания.

Литература

1. Блейхер В.М. Клиническая патопсихология. Руководство для врачей и клинических психологов. - М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2002.- С. 105-108.
2. Херсонский Б.Г. Пиктограмма как метод изучения личности в норме и при некоторых нервно-психических заболеваниях: Метод. реком.Л., 1984. http://10-cabinet.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=56&Itemid=35

3. Херсонский Б.Г. Методы пиктограмм в психодиагностике. СПб.: Речь 2003. – С. 79-89.

Развитие фазической стороны речи у детей 4-7 лет, с диагнозом ДЦП, в условиях специально организованной конструктивной деятельности, в рамках проекта “Вокал”

Куропаткина Н.В.

Студентка

ГОУ ВПО Сургутский государственный университет

Факультет психологии, Сургут, Россия

e-mail: kassiopea742@mail.ru

Одной из самых актуальных тем на сегодня в России является проблема детской инвалидности. Вот уже в течении многих лет первенство на детском неврологическом поприще занимает такое заболевание как детский церебральный паралич – это более 50% всех детей с неврологической инвалидностью.

В структуре дефекта детского церебрального паралича, можно встретить всевозможные нарушения – это нарушения и моторики и пространственного восприятия, и поведенческие нарушения. Особую роль среди всех нарушений при детском церебральном параличе – играют нарушения речи. А речь – как известно, это ведущая психическая функция, обеспечивающая социализацию и психическое развитие ребёнка. Все дети с ДЦП, так или иначе, имеют нарушения речи, которое может быть обусловлено как первичным дефектом, так и особенностями социальной ситуации развития. Поэтому *объектом* исследования в нашей работе является – речевое развитие детей с ДЦП. *Предмет* – развитие фазической стороны речи у детей 4-7 лет с диагнозом ДЦП, в условиях специально организованной конструктивной деятельности в рамках проекта “Вокал”. *Цель работы:*

1. Проследить условия развития речи при работе с дошкольниками, больными ДЦП, в рамках проекта вокал

2. Исследование развития фазической стороны речи и в частности её экспрессивных компонентов у детей страдающих ДЦП с сохранным интеллектом

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что организация специальной конструктивной экспрессии речевой деятельности опирающейся на специфическое построение совместной деятельности, с учётом социальной ситуации развития и ведущего типа деятельности ребёнка, ведёт к изменениям в его речевом развитии по следующим параметрам:

1. *Интонирование* (отсутствие интонирования/интонирование на одном звуке/выразительное интонирование), *характер пропевания* (крик, скандирование, пропевание), *дыхательный компонент* (дыхание прерывистое, нераспределённое/распределённое, ключичное), *артикуляционные компоненты речи* (чёткость произношения, наличие аморфных звуков, замена букв, упрощение согласных сочетаний)

2. Мотивация на использование речи (речевое общение со сверстниками, реагирование на обращение взрослого, диалог, поиск контакта)

Исследование проходило на базе реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями “Добрый волшебник”, в исследовании принимала участие группа детей 4-7 лет с диагнозом ДЦП (гр. “Тяжёлые нарушения речи и опорно-двигательного аппарата”). Структура исследования состояла в следующем – претест, проект “Вокал”, посттест.

Обобщив собранные данные по выделенным ранее критериям анализа, мы получили следующие выводы:

Секция «Психология»

Огранизую в группе совместную продуктивную деятельность ребёнка со сверстником, ребёнка со взрослым, нам удалось вывести детей на уровень позитивного отношения к совместной деятельности и стремления к ней. Также включение детей в СД перешло этап беспорядочного поведения на занятии к спонтанному включению в СД и проявлению интереса к ней. Ребёнок в процессе выполнения заданий начинает реагировать на обращённую к нему речь, ориентироваться на партнёра при выполнении работы. Далее, проанализируем экспрессивные компоненты речи:

1. Дыхание

В начале работы в проекте проблемы с распределением дыхания испытывали 2 из 6 детей, учитывая при этом, что также двое детей вообще не проявляли никакой речевой активности. Специальная артикуляционная, интонационно-фонетическая гимнастика, а также сама форма работы – вокализация, позволили добиться того, что дыхание при вокальной деятельности наметило тенденцию перехода к распределённому ключичному.

2. Интонирование

Динамика по параметру заключалась в следующем - это переход от отсутствия интонирования к интонированию на одном звуке, а у одного ребёнка к тенденции выразительного интонирования

3. Характер пропевания

В нашей выборке, по данному параметру удалось перевести детей с этапа крика на этап скандирования. А у двоих детей пробудить собственно пропевание, которое отсутствовало до занятий как средство речевого самовыражения ребенка.

Итак, мы видим положительную динамику в развитии фазической стороны речи ребёнка с ДЦП по средствам специально организованной речевой экспрессии в проекте “Вокал”

Другой нашей целью являлось прослеживание условий развития речи при работе с дошкольниками, описанной нозологии. Эти условия заключаются в следующих моментах конструктивной деятельности:

1. Организация совместной деятельности, за счёт расширения целостного смыслового деятельностного контекста означивания действительности;
2. Опора на ведущий тип деятельности, так как именно в рамках ведущего типа деятельности, возникают новообразования, свойственные данному возрасту и в условиях которой совершается психическое развитие ребёнка;
3. Максимальное использование активности самого ребёнка в процессе работы в проекте.

Таким образом, чем раньше будет начата целенаправленная работа с ребёнком, тем более полными могут оказаться коррекция и компенсация дефекта, а в некоторых случаях возможно и предупреждение вторичных нарушений развития.

Литература

1. Бадалян Л.О. Детские церебральные параличи / Л.О. Бадалян, Л.Т. Журба, О.В. Тимонина.– К.: Здоровья, 1998 – 382с.
2. Вымекаева Т.В. Модель исследования генезиса речи в условиях формирования вокализированной речевой формы (на материале работы с младенцами, проведённых курсов “вокал для детей 4-5 лет и младших школьников”) // Т.В. Вымекаева. – Сургут, 2002. – 84-186с.
3. Хозиев В.Б. Опосредование в становящейся деятельности / В.Б. Хозиев. – Сургут.: Изд-во СурГУ: Дефис, 2000.-357с.
4. Шипицина Л.М. Мамайчук И.И. Детский церебральный паралич / Л.М. Шипицина И.И. Мамайчук – Спб.: Изд-во “Дидактика Плюс”, – 2001г, 272с.

**Роль самофокусированного внимания в генезе и динамике стойких
ипохондрических состояний
Курышева А.Ю.**

Самофокусированным или я–вниманием в психологии называют внимание, устойчиво направленное на мысли и переживания о самом себе [5,12,17]. Исследование ближайших и отдаленных эффектов этого внимания началось сравнительно недавно, но уже был получен целый ряд интересных фактов и предприняты попытки их теоретического объяснения. Среди них большую часть составляют исследования, в которых было обнаружено, что самофокусированное внимание является фактором, усиливающим состояния дисфории и депрессии [10,14,16]. Результаты этих исследований применяются в практике психотерапии. Однако их использование сталкивается с трудностями, главными из которых является нерешенность проблемы внимания в общей психологии и узость традиционных подходов психосоматической медицины. Преодоление этих трудностей возможно, на наш взгляд, на пути развития основных положений школы отечественной психологии Выготского – Лурия – Леонтьева.

С позиций культурно-исторического подхода Л. С. Выготского разрабатывается направление исследований, получившее название «психология телесности» [6,7,11]. С позиций деятельностного подхода выдвинута гипотеза о внимании как акте, направленном на когнитивные схемы деятельности[2]

Анализ литературы, посвященной исследованиям самофокусированного внимания, говорит о том, что в основе стойких ипохондрических состояний может лежать преувеличенное, продолжительное внимание к телесным, интроцептивным ощущениям. В литературе эту форму самофокусированного внимания иногда называют соматическим вниманием [14,16]. Наша гипотеза заключается в том, что психическое расстройство, диагностируемое как стойкое ипохондрическое состояние, может появляться в процессе становления соматизированного расстройства [3,4]. Причина соматического внимания в этом случае может лежать в области нерешенных проблем адаптации на уровне социального индивида[9]. В этом случае культурное опосредствование [1] может разворачиваться на уровне организма. В результате человек возвращается обратно на уровень общения и взаимодействия с другими людьми в новом качестве – больного человека, которое оказывается иллюзорно выгодным для него в данных обстоятельствах.

Мы предполагаем, что при становлении ипохондрических состояний происходит закономерное изменение форм внимания (от соматического внимания к приватному самофокусированному вниманию и далее к публичному самовниманию) и функций внимания (создание когнитивных схем, их наращивание и настройка)[8].

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т.1. – 488 с.
2. *Дормашев Ю.Б.* Роль внимания в ауто телесной деятельности // Теория деятельности: фундаментальная наука и социальная практика. - М. 2003. - С. 53-55
3. *Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж.* Клиническая психиатрия: В 2 т. / Пер. с англ. - М.: Медицина, 2002. – Т.1. – 528 с.
4. *Карсон Р., Батчер Дж., Минека С.* Анормальная психология / Пер. с англ. - 11-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 1167 с.
5. *Кондаков И.М.* Опросник для диагностики устойчивых форм Я - внимания // Журнал практического психолога. – 1997. - № 4 - С. 13-23.

Секция «Психология»

6. Николаева В. В., Арина Г. А. Клиническая психология. Клинико-психологические проблемы психологии телесности // Психологический журнал. – 2003. - № 1. - С. 119-126.
7. Николаева В. В., Арина Г. А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник московского университета. Сер. 14. Психология. – 1996. - № 2. - С. 8-18.
8. Норман Д. Память и научение / Пер. с англ. - М.: Мир, 1985. - 159 с.
9. Петухов В.В. Понятие личности. Функциональные различия природы и культуры // Общая психология. Тексты: В 3 т. – М.: УМК «Психология», Генезис, 2001. - Т.1. - 608 с.
10. Пыжжински Т., Гринберг Дж. Роль Я-сфокусированного внимания в развитии, поддержании и усилении депрессии. / Пер. с англ. - Научн.-учеб.центр психологии НГУ - 1993.
11. Тхостов А.Ш. Психология телесности. - М.: Смысл, 2002. – 287 с.
12. Carver Ch., Scheier M. Attention and self-regulation. - N.Y.: Springer-Verlag, 1981.
13. Cioffi Delia. Beyond Attentional strategies: a cognitive-perceptual model of somatic interpretation // Psychological Bulletin. – 1991. - Vol. 109, No. 1. - P. 25-41.
14. Ingram R. E. Self-focused attention in clinical disorders: review and a conceptual model // Psychological Bulletin. - 1990. - Vol.107, No2. - P. 156-176
15. Matthews Karen A., Carver Charles S., Scheier Michael F. Focus of Attention and Awareness of Bodily Sensations // Aspects of consciousness. – 1982. - Vol.3
16. Mor N., Winquist J.. Self-Focused Attention and negative affect: a meta-analysis // Psychological Bulletin. - 2002. -Vol.128, No.4. - P.638-662
17. Wegner, Daniel M. Vallacher, Robin R. Implicit psychology: an introduction to social cognition. –N.Y.: Oxford Univ. Press, 1977

Изучение особенностей когнитивного и эмоционального развития детей, перенесших тяжелую неонатальную патологию, в зависимости от первичного дефекта.

Лазурин И.Г.

Соискатель, магистр

Санкт-Петербургская Государственная Педиатрическая Медицинская Академия

e-mail: inna_lazorina@rambler.ru

Цель: выявление особенностей когнитивного дефицита у детей, перенесших тяжелую неонатальную патологию, различной этиологии.

Гипотеза: тяжелая неонатальная патология способствует формированию комплексного когнитивного дефицита, имеющего свои особенности в зависимости от неонатального диагноза.

Характеристика испытуемых: Экспериментальная группа. На данный момент полное психологическое обследование прошли 45 детей 1994 г.р., находившиеся на отделении ранней реанимации и интенсивной терапии во второй половине 1994 года. В эту группу не вошли дети с грубой органической патологией ЦНС, находящиеся в специнтернатах. Все обсуждаемые дети посещают общеобразовательную школу (1-2 класс, программа 1-3 и 1-4). В зависимости от неонатального диагноза дети были сформированы три группы: первая группа – поражения ЦНС (хроническая внутриутробная гипоксия, черепно-спинальная родовая травма, внутрижелудочковое кровоизлияние); вторая группа – поражение органов дыхания (синдром дыхательных расстройств, кардиореспираторная депрессия, интранатальная пневмония) третья группа – интоксикация организма (сепсис, инфекция мочевыводящих путей). Первую группу составило 25 детей, вторую – 13 детей, третью – 7. Дети были обследованы на базе детской городской больницы № 1.

Контрольная группа. На данный момент полное психологическое обследование прошли 54 ребенка 1997 г.р., обучающиеся во 2-ых классах 441 общеобразовательной

Секция «Психология»

школы, Фрунзенского района, города Санкт-Петербурга. В контрольную группу вошли 19 детей, которые на основании изучения медицинской документации были признаны здоровыми.

Методики: проективная методика «Птица», направленная на изучение различных аспектов интеллектуальной деятельности; методики, направленные на изучение восприятия разных модальностей («волшебные мешочки», ритмы, зашумлённое изображение); методики, направленные на изучение кратковременной и долговременной, вербальной и невербальной памяти (10 слов, 9 фигур); 5 субтестов методики Векслера: вербальный компонент мышления («Сходство» и «Словарь»), невербальный компонент («Кубики Коса», «Шифровки» и «Лабиринты»).

Методы статистической обработки данных: для сравнительного анализа данных был выбран критерий U-Манна-Уитни, для корреляционного анализа использовался критерий Пирсона.

Результаты: Сравнительный анализ показателей экспериментальных и контрольной группы позволил выявить следующие особенности когнитивного развития у детей данной выборки:

Дети с неонатальными поражениями ЦНС имеют следующие особенности проявлений когнитивного дефицита в младшем школьном возрасте: выявлено снижение показателей зрительного, тактильного и слухового восприятия, снижение показателей кратковременной, долговременной и результативности вербальной памяти, а также снижение показателей невербальной долговременной памяти; снижение показателей невербального компонента мышления, снижена способность к программированию деятельности, самоконтролю и сила побуждения к интеллектуальной деятельности. Дети проявляют интерес в большей степени к игровым заданиям, а не к тестам, связанным с определенными умственными усилиями. Снижение в области программирования деятельности определяется низкими показателями невербальной долговременной памяти, самоконтроля и в целом невербального компонента мышления.

Дети с неонатальными поражениями органов дыхания имеют следующие особенности проявлений когнитивного дефицита в младшем школьном возрасте: выявлено снижение показателей зрительного, тактильного и слухового восприятия, снижение показателей кратковременной, долговременной и результативности вербальной памяти, а также снижение показателей невербальной кратковременной и долговременной памяти; снижение показателей невербального компонента мышления, снижена способность к самоконтролю произвольной деятельности. Сила побуждения к интеллектуальной деятельности у детей данной группы влияет на программирование деятельности и успешность выполнения тестов невербального компонента интеллекта. Снижение в области программирования деятельности определяется низкими показателями невербальной долговременной памяти и самоконтроля.

Дети с неонатальными интоксикациями организма имеют следующие особенности проявлений когнитивного дефицита в младшем школьном возрасте: выявлено снижение показателей зрительного и тактильного восприятия, снижение показателей кратковременной, долговременной и результативности вербальной памяти; снижен интерес к интеллектуальной деятельности. Низкий интерес к заданию у детей данной группы определяется недостаточным самоконтролем произвольной деятельности. Низкая сила побуждения к интеллектуальной деятельности у детей отрицательно влияет на программирование деятельности, уровень вербальной кратковременной и результативность вербальной памяти, а также программирование деятельности.

Выводы: во-первых, особенностью проявления когнитивного дефицита в результате тяжелой неонатальной патологии является комплексное снижение в области познавательных процессов: восприятия разной модальности, памяти и мышления. Во-вторых, существуют особенности проявлений когнитивного дефицита в зависимости от неонатального диагноза: у детей с неонатальными поражениями ЦНС – это снижение

программирования, самоконтроля и силы побуждения к интеллектуальной деятельности, у детей с неонатальным поражением органов дыхания – это снижение самоконтроля произвольной деятельности, у детей с неонатальными интоксикациями организма снижен интерес к интеллектуальной деятельности.

Особенности телесного и эмоционального опыта у девушек в период первой менструации

Лас Е.А.

Студентка 5 курса психологического факультета

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: lasgeneral@gmail.com

Работа посвящена феноменологическому исследованию психологического опыта менструации. Феномен менструации в психологии изучен мало, хотя и является одним из самых значимых в развитии женщины событий. В сущности, этот феномен относится не только к физиологии (созреванию организма девушки) и медицине (патологии менструации – этот аспект наиболее изучен, хотя по-прежнему остается много неясностей в объяснении этиопатогенеза расстройств менструального цикла), но и к становлению ее личности, формированию идентичности, занимает определенную нишу в культуре и социальной жизни. Это событие дает возможность оказаться в фокусе различных взаимодействий биологических, социальных, культурных и психологических процессов. Это биологическое событие, встроенное в длительный физиологический процесс пубертатных внутренних и внешних изменений. Но это и социокультурное событие в большинстве обществ. Этот новый физиологический и социокультурный опыт интегрируется каждой девушкой с помощью когнитивных, эмоциональных и других процессов.

Менструация – это объективный соматический феномен, который дает основу для формирования новых субъективных ощущений и переживаний себя – своего рода «психосоматических новообразований» (поскольку они переживаются не только в психической, но и в соматической сфере), связанных с формированием гендерной идентичности.

Помимо того, что менструация сама опосредуется в культуре различными «кличками» и предметами гигиены, она выступает знаковой функцией, опосредующей женственность в самом широком смысле.

Цель работы: реконструкция опыта менструации как психосоматического феномена

Задачи работы:

1. Феноменологический анализ эмоционально-ценностного отношения к менструации у девушек
2. Феноменологический анализ телесного опыта менархе
3. Изучение эмоционально-ценностного отношения к менструации у девушек-подростков в контексте семейных отношений (в диаде «Мать-Дочь»).
4. Исследование особенностей эмоциональных и когнитивных оценок опыта менструации у девушек и их матерей
5. Изучение посланий матерей о менструации, адресованных дочерям
6. Исследование возрастной динамики представлений о роли менструации в жизни женщины

Теоретические гипотезы:

1. Менструация как феномен телесности включена в формирование гендерной идентичности у девушек
2. Психологический опыт менструации обладает закономерной возрастной динамикой, связанной с изменением социальной ситуации развития личности и формированием психологических новообразований.

Секция «Психология»

3. Существует «внутренняя картина менструации» как в патологии, так и в норме, но ее содержание в норме и патологии различно.

4. Субъективное переживание менархе (первой менструации) зависит от того, на каком этапе социализации личности девушки возникает менструация

5. Нарушение опыта переживания менструации как телесного феномена по-разному влияет на расстройства менструального цикла:

- 1) Является «триггером» (запускает патологический процесс)
- 2) Способствует закреплению, хронификации соматического расстройства
- 3) Усугубляет дисфункцию, клиническую картину расстройства
- 4) Обуславливает формирование predispositions для соматизации стресса
- 5) Несет коммуникативный смысл и является проявлением нарушения межличностных взаимоотношений (прежде всего, в диаде «Мать-Дочь»)

6. Эмоционально-ценностное отношение к менструации формируется в интерпсихической реальности

7. Индивидуальная субъективная система оценок менструации как в норме, так и в патологии развивается и функционирует на двух уровнях: интерпсихическом и интрапсихическом

Гипотезы исследования:

1. Отношение к менструации у девушек выстраивается на основе посланий, получаемых по межпоколенческим связям

2. Эмоционально-ценностное отношение к менструации влияет на субъективное телесное переживание менструации

3. Менструация способствует формированию гендерной идентичности.

Литература

1. Николаева В.В., Арина Г.А. От традиционной психосоматики к психологии телесности // Вестник Московского Университета. – Серия 14. – Психология. – 1996. - №2.

2. Николаева В.В., Арина Г.А. «Клинико-психологические проблемы психологии телесности» // Психологический журнал, №1, 2003.

3. Арина Г.А. Психосоматический симптом как феномен культуры

4. Макдугалл Дж. Театры тела М., 2007

5. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М., Психосоматическая медицина, М, 1999

6. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. «Неврология и психосоматическая медицина». М., 2001.

Временная динамика преодоления ПТСР

Магомед-Эминова Д.М.

Аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: diana_maiorova@mail.ru

В современной психологической литературе этиопатогенез психической травмы, в том числе ПТСР и других стрессовых расстройств, объясняется, главным образом, с точки зрения стимульно-реактивных моделей. В этих моделях, хотя и имеются различия в понимании характера связи между стрессовым стимулом и психической реакцией, в том числе промежуточными переменными, тем не менее, ведущей детерминантой признается интенсивность стрессора. Однако травматический стрессор, кроме своей количественной характеристики, имеет качественное содержание, соответствующее экстремальному опыту существования, имеющему темпоральное измерение. Если учитывать темпоральную организацию и структурирование опыта, то вполне оправдано смещение акцента с фактора интенсивности стрессора на темпоральные факторы в качестве детерминант психической травмы.

Для того чтобы адекватно поставить проблему связи темпоральности опыта субъекта с динамикой психической травмы, обратимся, прежде всего, к феномену диссоциации. Как известно, со времен Жане, Брейера и Фрейда диссоциация считается основополагающим условием развития психической травмы. Современные модели ПТСР, следуя этой линии, признают перитравматическую диссоциацию важной детерминантой ПТСР (Koopman et al., 1994; Marmar et al., 1994; Wilkinson, 1983). В предшествующем исследовании мы предложили альтернативную модель, в рамках которой показали, что диссоциация может служить как фактором уязвимости человека к ПТСР, так и фактором стойкости, предохранения от развития психической травмы (Магомед-Эминова Д.М., 2006). Из этого исследования вытекает, что диссоциация личности может быть не только патогенным фактором, но и выполнять позитивную функцию адаптации человека к экстремальной ситуации. Для развития этой модели мы предлагаем темпоральную трактовку диссоциативного феномена. Диссоциацию, которая обычно трактуется как расщепление целостности психической организации, структуры сознания, мы рассматриваем как темпоральную диссоциацию, т.е. как диссоциацию темпоральной структуры опыта.

Временную динамику психической травмы, ПТСР можно рассмотреть в трех аспектах: во-первых, с точки зрения количественной длительности, хронометрического времени. В этом плане показательными темпоральными маркерами являются: 1) темпоральный момент первичного травматического воздействия; 2) латентный период, или отсрочка; 3) момент первичных психических реакций; 4) момент регистрации полного симптомокомплекса; 5) момент диагностического вывода о наличии у уцелевшего ПТСР или ОСР. Применительно к ОСР хронометрия динамики состоит из следующих аспектов: ОСР диагностируется, во-первых, если соответствующие симптомы проявляются не ранее, чем через 2 дня и не позднее, чем через 4 недели; и, во-вторых, если симптомы проявляются не позднее, чем через 1 месяц. При ПТСР значимые симптомы должны проявляться не менее чем в течение 1 месяца – далее диагностируется острое ПТСР, если симптомы продолжаются менее 3 месяцев, хроническое ПТСР – если симптомы продолжаются в течение 3 месяцев и более, или отсроченное ПТСР, если симптомы проявляются, самое раннее, через 6 месяцев с момента воздействия. Во-вторых, темпоральность психической травмы может быть раскрыта с точки зрения качественной длительности. В этом плане речь может идти о переживании времени, временных отношений (последовательности, одновременности, скорости и т.д.).

В третьих, для описания стадий развития психической травмы с темпоральной точки зрения мы предлагаем темпоральный механизм, построенный на смене доминирования в структуре временного опыта темпорального связывания и темпорального различения. Для проверки предложенной модели мы провели эмпирическое исследование – испытуемыми выступали пациенты с психической травмой госпиталя им. Вишневского; в ходе исследования использовались методики Хоровитца, Миссисипская шкала, ОПТР, метод измерения временной перспективы, метод оценки этапов преодоления ПТСР и сублиминальная методика Smart. Цель нашей работы заключалась в исследовании ПТСР как темпорального феномена. Конкретные предположения касаются связи трансформации динамики ПТСР (преодоления ПТСР) с динамикой трансформации темпоральности (темпорального опыта). Таким образом, мы перемещаем акцент с хронологии, хронометрии ПТСР (продолжительности расстройства, начала и конца и т.д.) на историю темпоральности существования субъекта в экстремальной ситуации переживания опыта во времени.

На основе эмпирического исследования мы выделили темпоральную последовательность развития ПТСР, состоящую из пяти темпоральных переходов: темпоральной фрагментации, темпорального сужения, темпоральной фиксации на прошлом, темпорального погружения в настоящее, темпорального разворота, темпорального перехода. Кроме того, было показано, что на каждом темпоральном переходе (этапе) трансформируется темпоральное связывание с точки зрения

Секция «Психология»

соотношения работы связывания и работы различения, в том числе, темпоральных модусов. Основываясь на этих данных, мы трактуем диссоциацию как темпоральный феномен – темпоральность диссоциации основывается на работе темпорального разрыва, дифференциации, создающей несвязанность опыта. Несвязанность опыта, в свою очередь, определяется доминированием в темпоральном связывании работы различения над работой связывания временных модусов прошлого-настоящего-будущего.

В ходе нашего исследования мы показали внутреннюю связь темпоральной связанности-несвязанности с совладанием и переживанием травматического опыта и объяснили темпоральную трансформацию опыта на основе темпорального связывания и различения. Мы установили связь темпоральной трансформации с этапами преодоления и отделили в ПТСР этиологические факторы от факторов предохранения, неязвимости. Кроме того, мы разделили негативную диссоциацию и позитивную диссоциацию и показали, что негативная диссоциация служит этиологическим фактором психической травмы, а позитивная диссоциация является фактором предохранения от ПТСР и фактором адаптации к экстремальной ситуации, эффективности решения жизненных задач. Предложенная модель и полученные результаты нашего исследования в целом соответствуют психотрансформативной концепции (Магомед-Эминов М.Ш., 1998).

Литература

1. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. Fourth edition. Text revision. DSM-IV-TR.// American Psychiatric Association, Washington, DC – 2000.
2. Магомед-Эминов М.Ш., Филатов А.Т., Кадук Г.И., Квасова О.Г. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса – АНО УМО «Инсайт», 2004.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности - «ПАРФ», 1998.
4. Магомед-Эминова Д.М. Диссоциативные феномены при посттравматическом стрессовом расстройстве. Дипломная работа, 2006.
5. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса – СПб, «Питер», 2001.

Участие эмоциональной регуляции в процессе освоения профессиональных навыков оператора

Мануйлов А.В.

Студент, аспирант-стажер

*Сибирский государственный университет путей сообщения, факультет «Управление персоналом», Новосибирск, Россия
e-mail: a.manujlov@gmail.com*

Современная работа оператора сопровождается действием на человека эмоциогенных и физических нагрузок, которые в целом осложняют деятельность оператора (Медведев В.И., Турзин П.С.). Зачастую успешность деятельности в значительной степени определяется "человеческим фактором", то есть индивидуальными особенностями психической сферы оператора и их физиологического обеспечения (Киров В.Н., Климова-Черкасова В.И., Боднар Э.Л.). Многими учеными показано, что предрасположенность к совершению ошибочных действий в меньшей степени зависит от степени обученности и профессионального опыта, чем от таких индивидуальных особенностей человека, как психофизиологические, личностные и ряда других (Ломов Б.Ф., Чарухилова С.М., Белоховская М.С., Гордеева Н.Г.). Таким образом, продолжает оставаться актуальной разработка критериев не только медицинского, но и физиологически обоснованного профессионального отбора (Макаренко Н.В., Гуляева С.И., Маничев С.А., Крылов А.А.).

Адаптация персонала и профессиональная надежность формируются через знания, умения, навыки и адаптационные ресурсы. Если в системе подготовки специалистов первый блок традиционно отработан в ВУЗе, то на второй стали обращать внимание

Секция «Психология»

только в последнее время практические психологи, работающие в системах, связанных с высокоточной и ответственной операторской деятельностью. У современных студентов слабо сформированы стратегии адаптации к стрессогенному воздействию, а так же отмечается эмоционально-волевая нестабильность (в ситуации стресса выбираются неэффективные коппинг-стратегии).

Наиболее перспективным для анализа взаимовлияния условий и содержания профессиональной деятельности и психофизиологических состояний является определение функциональных состояний как результата взаимодействия регуляторных систем профессиональной деятельности и систем, участвующих в саморегуляции психофизиологического состояния.

В ходе анализа литературы нами были выделены три основных направления исследований, наиболее тесно связанных с проблемой адаптации:

- *исследования физиологического компонента* представлены преимущественно работами физиологов и гигиенистов, которые изучают реакцию отдельных органов (систем органов) на рабочую нагрузку, либо на неблагоприятные условия деятельности;
- *исследования психологического компонента*, предметом которых являются воздействие стрессогенных событий на психосоматическое состояние субъекта;
- *исследование физического и психоэмоционального компонента в их взаимосвязи.*

В качестве методологического основания исследований нами был принят разработанный Ю.Я. Голиковыми и А.Н. Костиным межсистемный подход. Главным понятием межсистемного подхода является «системный комплекс», который мы определяем как некоторое множество самостоятельных систем, иррационально взаимодействующих между собой.

В рамках данного направления мы собираемся отследить процессы формирования адаптационных механизмов в их динамике и оценить влияние психоэмоционального компонента на успешность формирования стратегии адаптации.

Для этого мы берем такие показатели, как ЭЭГ, позволяющее нам оценить уровень активации функциональных структур головного мозга, ЭКГ и КГР для оценки физиологического компонента эмоциональной регуляции. Измерение свойств внимания позволяет нам оценить влияние уровня активации головного мозга на непосредственную деятельность оператора. Оценка УСК и мотивации достижения позволяет нам выявить стратегии действия в условиях стресса.

Для регистрации ЭЭГ, ЭКГ и КГР нами использовался электроэнцефалограф «Энцефалан-131-03». Также для оценки стратегии переработки информации, оценки волевого компонента деятельности и эмоционального реагирования мы используем универсальный психодиагностический комплекс «УПДК-МК», позволяющий нам автоматизировать и стандартизировать психоэмоциональную часть исследования.

Для исследования участия эмоциональной регуляции в процессе формирования адаптационных механизмов при освоении профессиональной деятельности нами были выбраны студенты факультета «Управление процессами перевозок» Сибирского государственного университета путей сообщения 3-4 годов обучения по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте». Данная выборка обусловлена тем, что к третьему курсу зачастую уже накоплена необходимая база знаний, и в программе начинается освоение непосредственно навыков по специальности. В конце четвертого курса, согласно программе обучения, студент уже должен обладать сформированными умениями и навыками в должном объеме и качестве. Поэтому можно предположить, что на третьем курсе начинается формирование адаптационных механизмов и к концу четвертого курса оно входит в свою завершающую фазу.

В ходе исследования мы обращали внимание на следующие моменты:

Секция «Психология»

- ЭЭГ: повышение активации в различных отделах головного мозга на предъявление стимулов;
- устойчивость уровня активации при монотонном повторении стимула;
- уровень реактивации мозга при смене стимула;
- физиологическое проявления эмоциональных реакций во время предъявления стрессогенных стимулов, на основе которых мы определяем уровень включенности и эмоциональной стабильности (увеличение ЧСС, увеличении кривой КГР);
- объем, скорость переключения внимания;
- мотивация достижения-избегания;
- эмоциональный фон (окрашенность деятельности);
- копинг-стратегии.

В процессе исследования, мы выявили, что физиологические показатели эмоциональных реакций непосредственно связаны, как с уровнем активации структур головного мозга, так и со свойствами эмоциональных реакций на стресс. Мы увидели, что чем выше уровень активации структур головного мозга, чем он устойчивее при монотонной деятельности, и чем выше скорость реактивации, тем более адекватны свойства эмоциональной реакций (внимание и пр.) на стрессогенные факторы. Высокий уровень эмоциональной включенности характеризует низкие показатели психоэмоциональной компоненты реакции, его же стабильность, напротив, позволяет этим показателям достичь оптимального уровня. В свою очередь позитивный окрас деятельности с умеренной эмоциональной включенностью является наиболее эффективным для успешного формирования стратегий адаптации.

Результаты данного исследования позволят расширить взгляд на проблему адаптации специалиста, чья деятельность предполагает работу в условиях повышенных стрессогенных факторов (сложность, темп, многочасовая непрерывная работа, высокая ответственность за результаты труда). Также это позволит разработать более эффективные программы обучения специалистов, с учетом особенностей формирования адаптационных механизмов в процессе освоения профессиональных навыков, т.е. станет возможно построение практической модели применения результатов данного исследования для включения в программу обучения модулей направленных на формирование адаптационных механизмов.

Апробация методики «Шкала родительского стресса»

(PARENTAL STRESS SCALE)

**Муниц М.С., Кочнева А.С., Царапкина М.В., Терлюк В.И., Бычкова Е.М.,
Большаков М.С., Животягин Р.Р.**

Студенты

*Российский государственный университет имени Иммануила Канта,
факультет Психологии и социальной работы, Калининград, Россия
E-mail: mariangel05@bk.ru, seline_007@mail.ru*

Каждый день человек испытывает на себе влияние окружающей среды. Любое воздействие внешних факторов в той или иной степени влечет за собой изменения в физическом и психическом состоянии человека. В современное время зачастую эти воздействия приводят к возникновению стресса. Длительный или очень сильный стресс, в свою очередь, может вызвать появление различных соматических заболеваний.

Заболевание ребенка является одной из причин родительского стресса, может очень сильно влиять на семейные отношения, на психическое состояние родителей.

Родительский стресс в нашей стране начал изучаться позже, чем за границей. Поэтому за рубежом эта тема исследована лучше, и были разработаны различные методики, позволяющие изучить родительский стресс с разных сторон и позиций. В нашей стране на

Секция «Психология»

данный момент также существуют разнообразные методы изучения психологического состояния родителей и семейных взаимоотношений, ни один из которых, однако, в одиночку не может дать целостной картины, нужной психологу для определения пути и способа оказания помощи семье, находящейся в стрессовом состоянии.

Поэтому представляет необходимость и интерес внедрение в систему психологической диагностики методики, которая позволяла бы быстро, целостно и достаточно качественно оценить родительский стресс.

Перед проведением исследования нами была поставлена следующая цель: апробация методики «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale» Berry, J. O., & Jones, W. H., 1995).

Гипотеза исследования:

- мы предполагаем, что апробированная нами методика является универсальной для выявления уровня родительского стресса у родителей, имеющих детей с различными заболеваниями;

- мы предполагаем, что у родителей, имеющих детей с хроническими соматическими заболеваниями будет выявлен высокий уровень родительского стресса.

Объект исследования: методика «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale»)

Предмет исследования: апробация методики «Шкала родительского стресса» («Parental Stress Scale»)

На этапе анализа литературы по проблеме родительского стресса нами было выявлено, что:

Стресс – это универсальная реакция организма на различные по своему характеру раздражители. Это определение стресса дал Ганс Селье. В современной научной литературе термин «стресс» используется, по крайней мере, в трех значениях. Во-первых, понятие стресс может определяться как любые внешние стимулы или события, которые вызывают у человека напряжение или возбуждение. Во-вторых, стресс может относиться к субъективной реакции и в этом значении он отражает внутреннее психическое состояние напряжения и возбуждения; это состояние интерпретируется как эмоции, оборонительные реакции и процессы преодоления, происходящие в самом человеке. Наконец, в-третьих, стресс может быть физической реакцией организма на предъявляемое требование или воздействие.

Семейный стресс – понимается как центральный фактор в дисфункциональном семейном развитии. Его определяют как событие, которое нарушает гомеостаз и структуру семьи.

Родительский стресс - представляет собой психологическое состояние, определяемое интеракцией ситуативных требований к заботе родителей о детях и способности их отвечать этим требованиям. Последствия родительского стресса отражаются, прежде всего, на особенностях детско-родительских отношений.

В ходе исследования нами были использованы следующие методики: метод тестирования (методика А.Я.Варга, В.В.Столина, ориентированная на определение родительского отношения), методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге, опросник анализа семейных отношений (Эйдемиллер Э.Г.).

В исследовании приняло участие более 330 родителей, дети которых были в возрасте до 16 лет, средний возраст детей 6 лет. Экспериментальную группу составили матери, дети которых имеют хронические соматические заболевания. Контрольная группа была представлена матерями детей, не имеющих никаких отклонений в здоровье. Исследование проводилось в медицинских учреждениях города Калининграда и Калининградской

Секция «Психология»

области (г. Балтийск, г. Пионерский, г. Черняховск).

Эмпирико–статистическая работа по адаптации методики «Шкала родительского стресса» включала следующие этапы:

1. Анализ внутренней валидности, внутренней согласованности пунктов, примененный к многомерным тестам.
2. Проверка устойчивости к перетестированию, то есть ретестовая надежность.
3. Анализ корреляций с релевантным внешним критерием.
4. Проверка или рестандартизация тестовых норм.

Полученные данные прошли статистическую математическую обработку с помощью непараметрического критерия U- Вилконсона - Манна- Уитни для несвязанных выборок, коэффициент корреляции Пирсона, ранговый коэффициент корреляции Спирмена, рангово-бисериальный коэффициент корреляции, коэффициент надежности-согласованности α - Кронбаха, подсчет стандартного отклонения и разработка тестовых норм.

Результаты исследования показали:

После проведенной адаптации была подтверждена надежность и валидность шкалы родительского стресса, направленной на исследование уровня родительского стресса.

Получены тестовые нормы для данной шкалы, включающие три уровня родительского стресса – низкий, средний и высокий.

Анализируя корреляционные связи можно сделать вывод, что наиболее тесными являются связи родительского стресса с общим уровнем стресса; принятием – отвержением ребенка; удовлетворением потребностей ребенка; предъявляемым ребенку требованиям; санкциям; предпочтением в ребенке детских качеств; воспитательной неуверенностью родителя; фобией утраты ребенка, недоразвитостью родительских чувств, проекцией на ребенка собственных нежелательных качеств, сдвигом в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от пола ребенка.

Литература

1. Boss, P. (2002). Family stress management: A contextual approach (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.
2. Lacharite C., Ethier L., Conture G. The influence of partners on parental stress of neglectful mothers // Child Abuse Rev. 1996. V. 5. P. 18—34.
3. McCubbin M.A. (1989) Family stress and family strengths: a comparison of single and two parent families with handicapped children. Research in Nursing and Health 12.
4. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В. Психология семьи: семейный стресс и совладающее поведение: Научное издание, Кострома, 2004
5. Селье Г. Стресс без дистресса. – М., 1982.

Связь обыденных представлений о болезни с особенностями интрацепции при сердечно-сосудистых расстройствах

Нелюбина А.С.

Аспирант факультета психологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nelubina-anna@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена: высоким процентом нарушений или искажений лечебных рекомендаций пациентами кардиологической клиники (Т.В. Решетова, 1990; Л.П. Урванцев, 2001); возрастанием количества соматоформных расстройств (С.В. Иванов, 2001), широкой распространенностью сердечно-сосудистых расстройств в популяции (А.А. Скоромец, В.Г. Радченко, В.Н. Федорец, 2003); низким уровнем принятия необходимости профилактики и нестойкостью результатов рациональной психотерапии по устранению ошибочных представлений у пациентов (Н.В.

Секция «Психология»

Гуменюк, 1990; Т.А. Айвазян, В.П.Зайцев, И.А. Таравкова, 1995); устойчивым интересом в обществе к парамедицинским концепциям болезни и нетрадиционным методам лечения (опросы ВЦИОМ за 2007 г. и Левада-центра за 2006 г.).

Субъективные представления о болезни являются феноменом обыденного сознания и подчиняются всем закономерностям его функционирования: трудно рефлексироваться и расцениваются индивидом как истинные; имеют вероятностный характер; могут быть внутренне противоречивыми; устойчивы к опытной проверке; основаны на эмоциональном отношении; содержат с точки зрения формальной логики, неадекватно сопоставленные общие и частные признаки.

Обыденные представления о болезни не исчерпываются ошибочными представлениями и суевериями, они могут содержать элементы научных, рациональных знаний, но в процессе понимания и усвоения эти знания адаптируются обыденным сознанием, упрощаются, искажаются, и начинают обслуживать иррациональную систему. Но даже если концепция болезни ложна, она все равно будет выполнять регулируемую по отношению к поведению функцию. Поскольку внутренняя картина болезни – это динамическая система, уровни которой тесно взаимосвязаны между собой, искаженные представления могут порождать соответствующие телесные сенсации, дезориентирующие человека, и наоборот, реальные интрацептивные ощущения могут быть неверно им означены (А.Ш. Тхостов, 1990, 1991, 2002).

Целью исследования было выявление и анализ связей между обыденными представлениями о болезни и качественными и структурными характеристиками интрацепции у пациентов с сердечно-сосудистыми расстройствами.

Выборка: пациенты с сердечно-сосудистыми расстройствами двух форм: ишемическая болезнь сердца в форме стенокардии напряжения (47 пациентов) и нейроциркуляторная дистония (44 пациентов).

Обыденные представления о болезни исследовались при помощи клинической беседы, данные которой, были подвергнуты частотному анализу и сформулированы в виде утверждений, составивших основу анкеты обыденных представлений. Стандартизированная анкета включала утверждения, касающиеся представлений о причинах болезни и эффективных механизмах лечения и совладания с нею. А также все утверждения подразделялись на три типа: «органические, связанные с организмом», «психологические» и «сакральные». Участники исследования оценивали утверждения по степени их соответствия реальности, используя шкалу от 0 до 3-х баллов. Данные анкеты подвергались и факторному анализу (с целью выявления внутренней структуры представлений). Особенности интрацепции изучались при помощи теста «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (ВДИО) (А.Ш. Тхостов, С.П. Елшанский, 2003). Данные теста ВДИО подвергались частотному анализу, а также рассчитывался объем словарей интрацептивных ощущений по классификациям: «Частотность», «Метафоры-телесные-психические», «Конкретные-диффузные».

Наиболее распространены в выборке представления, связанные с организмом, на втором месте – «психологические», и наименее распространены «сакральные». В основе всех типов современных верований о болезни лежат механистические объяснительные модели, наиболее понятные, наглядные, заимствованные из повседневного опыта и используемые как метафора. При этом метафоричность их утрачивается, и они рассматриваются человеком как реальность. Универсальными для всей выборки являются представления: о «нервно-психическом истощении» и «личностных особенностях заболевшего» как возможных причинах болезни, и предпочтение «избегания лечения и отрицания болезни» и использование «натурального» как эффективных способах совладания с нею.

Концепция болезни зависит от длительности заболевания, наличия объективно установленных органических нарушений и клинического статуса пациента. При органической патологии концепция болезни более четко определена и продумана.

Секция «Психология»

Распространенность «органических» представлений о болезни у данной группы больных выразилось в преобладании в болезненном опыте «телесных» и «конкретных» ощущений по сравнению с функциональной патологией. Наблюдался феномен избыточной метафоризации, который проявился в том, что низкочастотные в здоровой популяции слова для описания телесных ощущений наделяются пациентами расширенными значениями. При функциональной патологии концепция болезни размыта, что проявляется в затруднении выделения конкретных причин болезни, в резком увеличении количества «важных, значимых» ощущений, и в преобладании «диффузных» ощущений над «конкретными». Пациенты «прислушиваются» к своему самочувствию, ищут подтверждения заболевания. Ими заимствуются внешние, наиболее знакомые «обывателю» признаки болезни, не повторяющие полностью характерные проявления заболевания. В случае нейроциркуляторной дистонии мы имеем дело с «формирование мифа болезни сверху вниз» (Тхостов, 2002).

Перечисленные феномены имеют важное значение для объяснения специфики поведения человека в ситуации болезни, прогнозирования вероятности своевременного обращения за медицинской помощью, эффективного комплаенса и копинга.

Литература

1. Лакофф Дж. (2004) Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. Л.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС.
2. Рупчев Г.Е. (2001) Психологическая структура внутреннего телесного опыта при соматизации (на модели соматоформных расстройств): дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2001.
3. Субботский Е.В. (2001) Феноменальное и рациональное в сознании: борьба за доминантность // Психологический журнал, 2001. – Т. 22. – №5.
4. Тхостов А.Ш. (2002) Психология телесности. М.: Смысл.
5. Тхостов А.Ш., Елшанский С.П. (2003) Методическое пособие по применению теста «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» для исследования особенностей вербализации внутреннего опыта. М., 2003.
6. Улыбина Е.В. (2001) Психология обыденного сознания. М.: Смысл.

Возрастные и половые различия в картине страхов современного человека

Никитина Е.Ю., Полянская Т.И.

Аспиранты кафедры социальной психологии

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Институт педагогики и психологии, г. Кострома, Россия

E-mail: sozpsi@mail.ru

Переживание различных страхов является неотъемлемой частью жизни человека и сопровождает нас от рождения до смерти. Страх принадлежит к категории фундаментальных эмоций человека и не редко привлекает к себе внимание исследователей. Чаще всего исследования, посвященные проблеме страха, ориентированы на детский и подростковый возраст, хотя ни у кого не вызывает сомнения наличие страха и в более старших возрастных группах.

А между тем, знание возрастной динамики и половых различий в переживании страхов позволит, на наш взгляд, более адекватно понимать значение и роль страхов в жизнедеятельности человека.

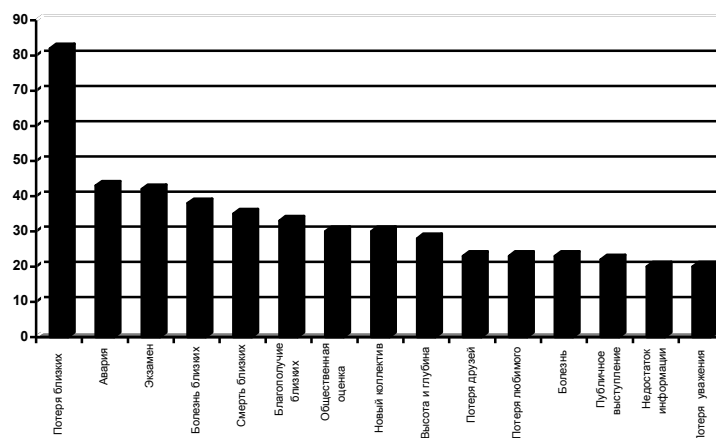
В нашей работе исследование страхов проводится на широкой возрастной выборке. В рамках нашего исследования мы опрашиваем людей разного возраста и пола для получения информации о том, какие страхи чаще всего беспокоят наших современников. Поскольку понятие страха многомерно, и включает в себя различные проявления по силе и форме, в опроснике отражены различные особенности страха (такие как беспокойство, тревожность, испуг, страх). В опроснике наряду с закрытыми вопросами, большую часть

составляют открытые, предполагающие развернутые ответы. Например: «Назовите ситуации из Вашей жизни, породившие тревогу и страх»; «Что именно Вы боитесь потерять?»; «Есть ли ожидаемые ситуации, которые вас пугают?».

В данной публикации представлены результаты обследования 60 человек в возрасте от 16 до 59 лет (44 женщины и 16 мужчин). Были опрошены студенты КГУ им. Н.А. Некрасова, работники Костромских промышленных предприятий, предприниматели, пенсионеры, а также люди творческих профессий.

Диаграмма 1

Распределение наиболее часто встречаемых страхов (в %)

Из диаграммы хорошо видно, что в ответах респондентов значимо чаще упоминаются страхи потери близких людей. Такие страхи свойственны как мужчинам, так и женщинам, как молодым, так и людям зрелого и преклонного возраста.

В ходе исследования выяснилось, что процентное распределение страхов у мужчин и женщин имеет различия. Так, для женщин не характерны страхи финансовых трудностей и конфликтов с окружающими. Для них более характерны страхи оценки знаний, боязнь происшествий на дорогах. А для мужчин, в отличие от женщин, не характерен страх потери доверия и уважения окружающих к себе. Наиболее часто у мужчин – страх потери ценных вещей и страх перед финансовыми трудностями. Критерий Манна-Уитни показал значимость различий между мужчинами и женщинами по страху «Потеря ценной вещи, денег» ($p = 0,01$).

Процентное распределение страхов в разных возрастных группах также имеет различия:

- страх «Потеря друзей» встречается у 32,5% в группе от 16 до 21 года и только у 5% в группе от 26 до 59 лет (различия значимы на уровне $p = 0,02$);

- страх «Смерть близких, родных и друзей» встречается в группе 16-21 лет в три раза чаще, чем в группе 26-59 лет (45% и 15% соответственно) (различия значимы на уровне $p = 0,02$). Можно предположить, что с годами у людей вырабатывается механизм защиты, что проявляется, в частности, во внутреннем запрете на использование в лексике таких слов, как «смерть близких» (высказывания об этом пожилых респондентов неоднократно встречались в интервью). Как правило, в ходе анкетирования многие люди из старшей возрастной группы отмечали, что «им уже нечего терять – не тот возраст» или «мы уже столько пережили, что ничего уже не боимся».

Все многообразия страхов, о которых упоминали респонденты, мы объединили в 8 групп: «медицинские» (страх боли, врачей и болезней); «экстремальных ситуаций» (страх аварий, нападения, пожара, войны); «экзистенциальные, страхи потери» (страхи смерти собственной, смерти близких и родных людей); «биологические» (боязнь животных и насекомых); «социальные» (боязнь людей, общественной оценки, общения с важными

Секция «Психология»

людьми, опоздания, одиночества); «пространственные» (боязнь высоты, глубины, темноты, воды замкнутого и открытого пространства); «финансовые» (страх потерять работу, снижения заработка, невозможность выплат по кредитам); «субъектные» (страх потери контроля над ситуацией).

Как выявлено в нашем исследовании, мужчинам более всего свойственен страх субъектности: они очень опасаются перестать быть хозяевами ситуаций, которые пока контролируют. Что касается женщин, то, по результатам исследования, для них наиболее типичными являются социальные страхи: их тревожат оценка окружающих, оценка их знаний, компетентности окружающими людьми.

Процентное распределение страхов у разных возрастных групп также имеет различия. При проведении математического анализа с использованием критерия Манна-Уитни были выявлены следующие значимые различия:

1. Страх «Потеря друзей» встречается у 32,5% в группе от 16 до 21 года и только у 5% в группе от 26 до 59 лет; статистическая значимость различий соответствует значению ($p = 0,02$)

2. Страх «Смерть близких, родных и друзей» встречается в группе 16-21 лет в три раза чаще, чем в группе 26-59 лет (45% и 15% соответственно) ($p = 0,02$). Но, возможно у людей более старшего возраста срабатывает механизм защиты (вытеснение мыслей о смерти), что является следствием не использования в лексике таких слов, как «смерть близких». Как правило, в ходе анкетирования многие люди из старшей возрастной группы отмечали, что «им уже нечего терять – не тот возраст» или «мы уже столько пережили, что ничего уже не боимся».

Один из полученных результатов оказался для нас неожиданным: общий уровень страхов в возрастной группе от 26 до 59 лет гораздо ниже, чем в группе молодежи. Очевидно, возможны разные объяснения выявленной тенденции. Проверка различных гипотез и составит содержание нашего последующего исследования.

Взаимосвязь уровня самоорганизации деятельности, коммуникативной компетентности и ценностных ориентаций у победителей конкурса У.М.Н.И.К.¹⁵

Нос Е.Ю.

студентка

Томский государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: nelena87@rambler.ru

В настоящее время отмечается нехватка гуманитарных подходов в инновационной сфере экономики и бизнеса и методов оценки инновационного потенциала личности, готовой к научно-технической деятельности. В связи с этим возрастает исследовательский и практический интерес к знанию о психологических основаниях инновационности и увеличивается количество исследований, направленных на удовлетворение этого интереса. В частности, большое внимание в исследованиях уделяется проблемам интеллектуально одаренной молодежи, вовлеченной в инновационные процессы. Некоторая часть этой молодежи, перспективной в плане генерирования инновационных идей, благодаря определенным организационным усилиям оказывается включенной во Всероссийскую программу У.М.Н.И.К. Нам представлялось важным изучить параметры их инновационного потенциала, способствующие эффективному функционированию на поприще научно-технической деятельности.

Мы предположили, что в качестве таких параметров могут выступать ценностные ориентации, высокий уровень самоорганизации деятельности и коммуникативной компетентности. Проверка данного предположения осуществлялась на примере победителей конкурса У.М.Н.И.К. ($n=173$), являющихся студентами и аспирантами

¹⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №08-06-00172а

Секция «Психология»

различных российских вузов. Психодиагностическое исследование проводилось с помощью методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (УСЦД, автор Е.Б. Фанталова), Опросника самоорганизации деятельности (ОСД, автор Е.Ю. Мандрикова), методики «Оценка коммуникативного минимума менеджеров» (КММ, автор Л.И. Уманский).

ОСД отражает степень самоорганизации и саморегуляции деятельности человека посредством структурирования личного времени, построения планов, целеполагания, описывает степень сформированности способностей к тактическому планированию и стратегическому целеполаганию. УСЦД позволяет выявить структуру доминирующих ценностей, личностных замыслов и дальних жизненных целей (в качестве независимых переменных в ходе статистического анализа нами использовались 12 шкал: активная жизнь, здоровье, интересная работа, переживание прекрасного в природе и искусстве, любовь, материально-обеспеченная жизнь, наличие хороших друзей, уверенность в себе, познание, свобода как независимость в поступках и действиях, счастливая семейная жизнь, творчество). КММ является основой для оценки коммуникативной компетентности менеджеров. Результаты психодиагностического исследования были организованы в базу данных и обработаны статистически с использованием кластерного анализа (программа Statistica 6.0).

В итоге статистической обработки было установлено, что представители изучаемой выборки характеризуются высокими средними значениями показателей самоорганизации деятельности (суммарный показатель составил $127,2 \pm 16,6$ баллов), что может расцениваться как позитивный феномен, вносящий свой вклад в инновационный потенциал молодых инноваторов. Однако, как оказалось, у них преобладают не ценности «познания» и «творчества», а ценности семейной жизни, любви и построения гармоничных отношений в достаточно узком кругу близких людей. Очевидно, что подобная ценностная ориентация участников нашего исследования едва ли будет способствовать их самореализации в инновационной деятельности. Коммуникативная компетентность у «умников» была выражена в средней степени (суммарный показатель составил $75,7 \pm 10,8$ баллов).

Важные личностные особенности победителей конкурса У.М.Н.И.К. были выявлены нами в ходе корреляционного анализа. Значимые отрицательные корреляции были обнаружены между шкалой «переживание прекрасного в природе и искусстве» УСЦД и шкалой «целеустремленность» ОСД, измеряющей чувство цели в жизни субъекта и стремление к ее достижению ($r = -0,301$, $p = 0,000$), а также шкалой «настойчивость» ОСД, измеряющей склонность субъекта к приложению волевых усилий для завершения начатого дела ($r = -0,301$, $p = 0,000$). Следовательно, целеустремленные и настойчивые «умники» не имеют своей ценностью переживание красоты природы и искусства. Можно предположить, что в сознании молодых инноваторов не существует образа гармоничного сочетания различных сторон жизнедеятельности в единое целое.

Также, были выявлены значимые отрицательные корреляции между шкалой «самоорганизация» ОСД, измеряющей склонность субъекта при организации своей деятельности обращаться к помощи внешних средств (например, использовать ежедневники, бюджетирование времени и т.п.), и шкалой «свобода как независимость в поступках и действиях» УСЦД ($r = -0,294$, $p = 0,000$). Следовательно, чем выше у человека уровень самоорганизации, тем меньше у него ценность независимости в поступках и действиях (предположительно, склонность к использованию внешних средств при самоорганизации деятельности может приводить к «зацикленности» на структурированности и организованности).

Кроме того, были выявлены значимые положительные корреляции между общим суммарным показателем ОСД и общим суммарным показателем по методике КММ ($r = 0,438$, $p = 0,000$). Следовательно, высокая склонность к самоорганизации деятельности у «умников» может сопровождаться их высокой коммуникативной компетентностью, т.е.

Секция «Психология»

умением взять инициативу на себя в ходе диалога, понять, как себя вести и создать конструктивный настрой у собеседника, контролировать собственное эмоциональное напряжение, найти убедительные аргументы и доводы, выстроить конструктивную линию взаимодействия и пр.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет говорить о том, что молодые инноваторы, победители программы У.М.Н.И.К., характеризуются целеустремленностью, настойчивостью, умением ставить цели и планировать свою деятельность. Причем степень выраженности этих качеств сочетается с умением вести диалог, в ходе которого находить убедительные доводы и выстраивать конструктивную линию поведения для достижения своей цели. Это свидетельствует в пользу того, что способность к самоорганизации и коммуникативную компетентность можно рассматривать в качестве параметров инновационного потенциала. Вместе с тем полученные результаты наводят на мысль о том, что ценностные ориентации победителей программы У.М.Н.И.К. едва ли могут способствовать их высокой эффективности в инновационной деятельности. В связи с этим представляется очевидной необходимость психологического сопровождения будущих инноваторов.

Апробация методики исследования «буллинга» в подростковом возрасте.

Осадчий И.Н.16

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail:navi8@yandex.ru

Начиная с середины восьмидесятых, после массовых самоубийств школьников в Скандинавии, исследования и разработка мер профилактики буллинга проводятся по всему миру. Буллинг является намеренным действием одного или более людей с целью причинить физический или психологический ущерб одной или более жертвам.

Пытаясь дать определение буллингу, можно выделить некоторые инварианты, которые исследователи различных школ выделяют в качестве определения этого комплексного феномена: это неспровоцированность действий субъектов, систематичность конфликтных ситуаций и вариативность методов запугивания: от побоев до сплетен и виртуальных преследований. Наличие этих трех симптомов в совокупности может свидетельствовать о сложившейся в коллективе ситуации буллинга.

Буллингом не стоит называть разовые конфронтации или редкие ссоры, хамство или грубость подростков; наличие непопулярных аутсайдеров – вот основной индикатор. Говоря о моббинге - разделять эти два понятия, как что-то взаимоисключающее, нельзя. По описанию, буллинг не отличается от предложенного К.Лоренцом в 58-м году моббинга, ничем, кроме того, что буллинг может диагностироваться между малым количеством участников (от двух), а о моббинге говорят при групповом насилии, но эти грани крайне размыты - эскалация буллинга происходит достаточно быстро.

Как правило, и буллинг и моббинг начинается с конфронтации между двумя людьми. Роли еще не распределены и неизвестно, кому достанется позиция сильнейшего - в начале процесса участники имеют зачастую равные возможности, особенно, когда речь идет о буллинге в организациях, между взрослыми людьми. В ситуации с подростками, буллинг более четко предполагает наличие физической или психологической слабости одного из участников взаимодействия. На первом этапе развития конфликта важную роль играет ответная реакция окружающих и реакция лидеров группы - подбадривание, разжигание конфликта, или наоборот полное его игнорирование- это равноправно идеальные условия

¹⁶ Автор выражает признательность за помощь в подготовке тезисов кандидату психологических наук, доценту кафедры нейро- и патопсихологии психологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Ениколопову С.Н.

Секция «Психология»

внутригруппового климата для развития буллинга. При своевременном вмешательстве окружения от сверстников (не поддержка, протест) до взрослых (учителя, родители) буллинг имеет гораздо меньше шансов. Развиваясь же, он, с течением времени, вовлекает в себя все больше и больше участников и приобретает систематичность, становясь невыносимым для жертв. Такое отношение также коррелирует с возрастом участников - в начальных классах проявление агрессии менее популярно, чем в период становления маскулинности у старших подростков.

Говоря в общем о психологических механизмах рассматриваемого феномена – слабость одного из участников (низкая самооценка, неуверенность в себе, высокая степень тревожности) как и слабости в последствие определившихся сторонников (опосредованные жертвы) в сочетании с агрессией и неприязнью остальных приводит к расширению и утверждению неблагоприятной ситуации в коллективе. Высокая потребность в самоутверждении у детей школьного возраста приводит к активным действиям со стороны субъектов и глубоким расстройством при ее фрустрации у объектов, что для первых срабатывает как стимул в продолжение издевательств. Психологическая взаимосвязь буллинга и виктимизации достоверно прослежена в США, Канаде и европейских странах, также в Индии, Японии и Южной Корее.

Целью нашей работы было исследование наличия или отсутствия феномена буллинга в Московских школах. Был разработан опросник, который мог бы диагностировать наличие ситуации буллинга. Апробации методики была проведена на выборке из 92 школьников в возрасте от 12 до 17 лет. После статистического анализа данных и выделения работающих пунктов, мы получили опросник, дающий возможность говорить о наличии или отсутствии буллинга в школе и также о респонденте – обидчике, жертве или стороннем наблюдателе.

В исследовании был также использован опросник Тины Онанен (MASD 2007), (адаптацией которого мы занимались параллельно), который направлен на исследование мотивации развития взаимоотношений у подростков. Он позволяет получать данные о взаимоотношении респондента с семьей, о его индивидуальном профиле, личностных особенностях и степени развития взаимоотношений со сверстниками, что в свою очередь будет являться фактором внешней валидности нашего теста-опросника, и будет позволять делать качественный и количественный анализ ситуации, сложившейся в разных коллективах, более точно выделять обидчиков, жертв и сторонних наблюдателей.

Литература

1. Колодей К. – Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления (2007 ГЦ, Харьков)
2. Скавитин А – Моббинг персонала – опыт зарубежных исследователей (журнал управление персоналом 2004. 9 выпуск)
3. Малкина-Пых И. – Психология поведения жертвы (2006)
4. Arsenault L. - Bullying harms kids' mental health: study. (Pediatrics and Adolescent Medicine 2008)
5. University Of Warwick (2003, April 17). New Research Dispels Popular Myth That A Bully's Words Will Never Hurt You. ScienceDaily. Retrieved October 2, 2008,
6. Зимбардо Ф. Герриг. Р.- Психология и жизнь (Питер 2004)
7. Лоренц К. - Агрессия «Так называемое Зло»

Особенности личности молодых людей с диагнозом артериальная гипертензия первой стадии

Павленко Е.А.

Студентка

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
факультет психологии, Омск, Россия*

Психологические особенности больных артериальной гипертензией (АГ) исследованы достаточно широко, при этом уделяется внимание особенностям личности, структуре эмоциональной сферы (агрессивность, тревожность), особенностям поведения в сфере межличностного общения. Однако в различных исследованиях встречаются противоречивые результаты. Это препятствует созданию единой психологической теории, которая бы описывала особенности людей, страдающих АГ, и помогала бы в разработке комплексной терапии для таких пациентов.

В нашем исследовании мы придерживаемся комплексного подхода к изучению личности больных АГ: изучаем их индивидуально-психологические особенности, эмоциональную сферу, копинг-стратегии и структуру иррациональных убеждений. В данной статье мы осветим обобщённые результаты нашего исследования.

Для изучения личности больных АГ мы использовали тест Кейрси, шкалу реактивной и личностной тревожности Спилбергера – Ханина, методику измерения уровня тревожности Тейлор (адаптация Норакидзе), методику диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А. Дарки, методику Р. Лазаруса для исследования копинг-стратегий, методику иррациональных убеждений А.Эллиса. Полученные данные обрабатывались с помощью факторного анализа, проведённого методом главных компонент с Varimax вращением.

В исследовании приняли участие 50 мужчин, находящихся на лечении в Омском кардиологическом диспансере, в возрасте 17-23 лет с диагнозом АГ I стадии – они составили экспериментальную группу (ЭГ). Контрольную группу (КГ) составили 50 человек мужского пола в возрасте 20-24 лет с отсутствием такого заболевания, как АГ.

В результате проведения факторного анализа нами было выделено по 6 факторов в каждой группе испытуемых: в ЭГ – «тревожно-избегающее поведение», «рациональное поведение», «импульсивно-агрессивное поведение», «адекватное поведение», «враждебно-подозрительное поведение» и «интровертированное поведение»; в КГ – «интровертировано-враждебное поведение», «агрессивно-негативное поведение», «импульсивно-интуитивное поведение», «безответственно-принимающее поведение», «неустойчивое поведение», «эффективное копинг-поведение». На наш взгляд, только при выделении в выборках такого количества факторов в их структуре появляется содержательный компонент. Следует отметить, что с учетом объема выборки здесь мы можем говорить лишь о выявленных тенденциях, однако полученные тенденции являются перспективой для дальнейших исследований.

Остановимся на наиболее значимых и интересных результатах.

Наибольшую информативную ценность в ЭГ представляет первый фактор «тревожно-избегающее поведение» (15,59% информации), сопровождающееся наличием в структуре сознания комплекса иррациональных убеждений. В этот фактор вошли следующие конструкты: личностная тревожность (0,735), тревога по Тейлор (0,747); все виды иррациональных убеждений: «низкая фрустрационная толерантность» (0,759), «катастрофизация» (0,747), «оценочные установки» (0,708), «долженствование в отношении себя» (0,541) и «долженствование в отношении других» (0,473); раздражение (0,658), чувство вины (0,422) и негативизм (0,364); копинг-стратегия «бегство-избегание» (0,607). В КГ был выделен фактор – «интровертировано-враждебное поведение» (14,96% информации), включающий в себя I – интроверсию (0,813), тревогу по Тейлор (0,790), личностную (0,637) и ситуативную тревожность (0,650), индекс враждебности (0,723) и его составляющие – подозрительность (0,656) и обиду (0,641), и чувство вины (0,492). Таким образом, в КГ мы не наблюдаем выявленных в ЭГ взаимосвязей с иррациональными убеждениями. Это свидетельствует о том, что наличие комплекса иррациональных убеждений в структуре сознания больных АГ может являться их отличительными особенностями. Также в отличие от ЭГ, в КГ был выделен фактор

Секция «Психология»

«безответственно-принимающее поведение» (9,67% информации), включающий в себя такие виды иррациональных убеждений, как «оценочные установки» (-0,750), «долженствование в отношении себя» (-0,711), «катастрофизацию» (-0,653) и «долженствование в отношении других» (-0,535), а также копинг-стратегию «принятие ответственности» (-0,543). Данный факт также говорит о том, что испытуемым КГ, в отличие от испытуемых ЭГ, не свойственно наличие в структуре сознания комплекса иррациональных убеждений.

Следующий фактор в ЭГ, на который необходимо обратить внимание – «импульсивно-агрессивное поведение» (10,92% информации). В него входят индекс агрессивности (0,827) и его составляющие – косвенная агрессия (0,613), физическая агрессия (0,596) и вербальная агрессия (0,595), Р – импульсивность (0,647), ситуативная тревожность (0,471), копинг-стратегия «планирование решения проблемы» (-0,454). Для сравнения в КГ был выделен фактор «агрессивно-негативное поведение» (11,94% информации), включающий в себя также индекс агрессивности (0,958): физическую (0,850), вербальную (0,683) и косвенную (0,611) агрессии; раздражение (0,496) и негативизм (0,414). В отличие от КГ, в ЭГ мы наблюдаем повышенную ситуативную тревожность и импульсивность, которые мешает адекватно реагировать на стрессовую ситуацию. Поскольку проявление агрессии у мужчин всё же является нормой, возможно, механизм возникновения АГ у молодых людей в данном случае связан с повышением у них тревожности при столкновении со стрессовой ситуацией. Можно предположить, что повышение тревожности здесь может быть вызвано желанием и одновременно страхом проявления собственных агрессивных импульсов, поскольку проявление агрессии может вызвать негативное отношение со стороны окружающих, а больные АГ очень чувствительны к критике и к возможности потерять расположение значимых для них людей.

Остальные выделенные нами факторы отражают уже имеющиеся в литературе описания психологических черт больных АГ (например, фактор «враждебно-подозрительное поведение»), а также дополняют картину личности больных характеристиками, схожими с характеристиками условно здоровых людей.

В целом исследование показало, что у молодых людей с диагнозом АГ 1 стадии выявляются отличительные психологические особенности, обусловленные наличием в структуре сознания комплекса иррациональных убеждений и пребыванием в неблагоприятном эмоциональном состоянии (повышенная тревожность, чувство вины, конфликт между желанием проявить агрессивные импульсы и стремлением к их сдерживанию). Поэтому одним из важных компонентов терапии и профилактики АГ может стать применение когнитивного направления психокоррекции, которое будет способствовать корректировке системы убеждений и гармонизации эмоциональной сферы больных.

Литература

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. – М.: Эксмо, 2002.
2. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Индивидуально-психологические особенности больных сердечно-сосудистыми заболеваниями в процессе их социальной адаптации// Психологический журнал. – 1992. – № 3. – с. 112-120.
3. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. Неврология и психосоматическая медицина. – М.: МЕДпресс-информ, 2002. – 608 с.
4. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход / Пер с англ. – СПб.: изд-во Сова; М.: изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 272 с.
5. S. Folkman and R.S. Lazarus. Coping and Emotion // Monat A. and Richard S. Lazarus. Stress and Coping. N.-Y., p. 208-226

**Эмоциональный интеллект как фактор социально-психологической адаптации
молодых специалистов**

Панкова Т.А.

Аспирантка 2-го года обучения

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Россия*

E-mail: djali@bk.ru

В настоящее время проблема адаптации персонала становится все более и более актуальной. Значительная часть усилий руководства организаций, направлена именно на то, чтобы сотрудники чувствовали себя как можно более комфортно, что обеспечило бы их эффективную профессиональную деятельность, не прибегая к увеличению материальной мотивации. Запросы практики в данном случае направлены на поиск оптимальных способов адаптации и планирования индивидуального развития сотрудников. Для ответа на этот запрос необходимо выделить критерии адаптированности сотрудника к профессиональной деятельности, а также факторы, которые влияют на успешность адаптации.

Большинство авторов рассматривают профессиональную адаптацию как один из видов социальной адаптации. В таком случае, адаптация – процесс приспособления индивида к изменившимся условиям существования, а также процесс активного взаимодействия личности и окружения, в частности – «субъекта труда» и «профессиональной среды», выражаясь терминами психологии труда. В контексте включения нового сотрудника в организацию это означает, что происходят интенсивное знакомство его с деятельностью и организацией, а также, изменение собственного поведения в соответствии с требованиями новой среды (Базаров, Еремин, 2002). Начиная работать в новой компании, сотрудник непременно сталкивается с новым типом профессиональных и социально-психологических отношений, которые характеризуются особыми нормами, ценностями, традициями, составляющими организационную культуру. Причем перед молодым специалистом эта проблема вхождения в организацию встает впервые, что усложняет процесс адаптации к организации и к работе в принципе. В первые годы работы молодой специалист наиболее интенсивно осваивает профессию, именно в этот период происходит его профессиональное становление. Этот этап оказывается весьма трудным, т.к. он обычно сопровождается высокой неопределенностью, и именно здесь вскрываются противоречия между ожиданиями и представлениями студента о характере его будущей профессиональной деятельности и реальной действительностью.

От того, как молодой специалист справится с процессом социальной адаптации и организационной социализации, зависит успешность его профессионального становления, его статус в организации, а также его представления о самом себе. Профессиональная успешность личности, несомненно, связывается с его знаниями, умениями и навыками, его эрудицией и способностями к мышлению вообще, т.е. с уровнем его интеллекта. Однако в большинстве случаев высокого уровня общего интеллекта оказывается недостаточно. Большую значимость здесь имеют личностные особенности, умение грамотно себя презентовать, способность найти общий язык с окружающими, которые можно отнести к компетентности в сфере общения, способностям эмоционального контакта с окружающими. Умение владеть собой и грамотно организовывать взаимодействие оказывается незаменимым, если речь идет о сферах деятельности, подразумевающих непосредственное общение с окружающими. Все эти способности и характеристики объединяет в себе понятие *эмоционального интеллекта*.

Идея эмоционального интеллекта явилась следствием развития представлений об интеллекте социальном. Так, в 1920 году Э.Торндайк заговорил о существовании специфической способности понимать людей и взаимодействовать с ними, которую он и назвал социальным интеллектом (наряду с абстрактным и конкретным интеллектами).

Секция «Психология»

Именно с этой способностью Торндайк связывал успешность межличностных отношений. Собственно научный термин «эмоциональный интеллект» был введен в 1990 году американскими психологами П.Сэловеем и Дж.Мэйером, которые и разработали первую модель эмоционального интеллекта. В развитии идей об эмоциональном интеллекте можно заметить тенденцию сдвига от понимания конструкта как чисто когнитивной способности к трактовке понятия как личностной характеристики. Так, в модели Сэловея и Мэйера присутствуют лишь способности, связанные с восприятием и переработкой эмоциональной информации. Д.Гоулман, автор весьма популярной модели эмоционального интеллекта, добавляет в нее некоторые личностные характеристики (такие, как инициативность, оптимизм, лидерство и т.п.) Благодаря Д.Гоулману эмоциональный интеллект традиционно рассматривается как один из основных факторов, влияющих на эффективность лидерства (Goleman, 1996). В понимании следующего видного исследователя эмоционального интеллекта, Р.Бар-Она, эмоциональный интеллект, напротив, представляет собой совокупность не-когнитивных умений, компетенций и навыков, которые влияют на общую способность совладания человека с требованиями среды и ее давлением (Bar-On, 2005).

Отечественные авторы также предлагают свое определение данного понятия. Так, модель эмоционального интеллекта Д.В.Люсина объединяет в себе и когнитивные способности (скорость и точность переработки эмоциональной информации), и личностные характеристики (эмоциональная устойчивость, эмоциональная чувствительность). Также одним из факторов, влияющим на формирование эмоционального интеллекта считаются представления об эмоциях как о ценностях и как об источнике информации о себе и окружающих (Люсин, 2004). Таким образом, эмоциональный интеллект понимается как способность к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями.

Как предмет социально-психологического исследования эмоциональный интеллект является относительно новым, малоизученным феноменом и, в настоящий момент, единая согласованная теория эмоционального интеллекта пока не разработана. Стоит отметить, что большая часть литературы по данной проблеме носит лишь научно-популярный характер, что существенно усложняет построение теории, внося понятийные несоответствия и смещения. Не исследованы в полной мере и связи эмоционального интеллекта со многими феноменами. Так, несмотря на то, что взаимосвязь уровня эмоционального интеллекта со способностями личности к адаптации кажется очевидной и априорной, эмпирических данных в этой области пока не достаточно. Тем не менее, необходимость изучения эмоционального интеллекта и его связи с процессами адаптации диктуется запросами практики, заключающимися как в поиске подходящих критериев оценки профессиональных качеств сотрудников, так и в определении факторов, влияющих на эффективности их деятельности.

Литература

1. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования /Под ред. Д.В.Люсина, Д.В.Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004.
2. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука, 2002.
3. Управление персоналом: Учебник для вузов /Под ред.Т.Ю.Базарова, Б.Л.Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити, 2003
4. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence. In P. Fernández-Berrocal and N. Extremera (Guest Editors), Special Issue on Emotional Intelligence. *Psicothema*, 17, 2005.
5. Goleman, Daniel. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ*. Bloomsbury, L., 1996.

Пути формирования резистентности к зависимости от азартных игр в подростковом возрасте

Переверзева А.А.

Аспирантка

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

институт психологии, Тамбов, Россия

E-mail: mishinaaal@mail.ru

Изучением проблемы зависимости от азартных игр мы начали заниматься с 2005 года, в период, когда увлечение азартными играми получило широкое распространение, а игорные заведения находились повсеместно. Игромания коснулась не только взрослого населения страны, но и подростков и детей. В связи с этим в поле нашего интереса попала проблема формирования резистентности личности к развитию гемблинг аддикции в подростковом возрасте, когда происходит бурное развитие и самоопределение индивидуума. Под резистентностью (лат. *resistentia* – сопротивление, устойчивость) мы будем понимать способность личности противостоять негативным факторам, препятствующим ее естественному движению к реализации своего потенциала и ограничивающим ее автономность. Структуры личности и механизмы, обеспечивающие резистентность к развитию зависимости, определены спецификой объекта аддикции, факторами ее формирования. Степень сопротивляемости, ее эффективность зависят от уровня развития включенных в процесс сопротивления подсистем личности и стадии развития зависимости. Мы считаем, что сопротивление возможно на начальных стадиях развития аддикции, когда еще не произошла деформация личности и не ослабла воля, в более поздние периоды необходимо вмешательство специалистов.

В основе зависимости лежит доминирующее стремление к уходу от реальности, «бегство от свободы», корень которого в экзистенциальной тревоге, страхе ответственности, сопровождающий каждого в процессе личностного роста. Выбор пути наименьшего сопротивления приводит к потере внешних (семья, друзья, работа или учеба, социальный статус) и внутренних (самоуважение, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности) ресурсов, что влечет за собой неизбежную утрату субъективного благополучия и отражается на состоянии здоровья личности.

Специфику гемблинг аддикции определили особенности игровой деятельности и закономерности протекания процесса принятия решений в ситуации риска. Анализ теорий зарубежных и отечественных психологов позволяет сделать вывод о том, что игра есть особая реальность, которая может быть противопоставлена миру действительности, поскольку в ней снимаются ограничения внешней среды. С другой стороны, жесткие правила азартной игры динамически приближают ее к уровню реальности. Игра есть самоутверждение. Она представляет собой отражение, концентрат отдельной значимой для индивида стороны реальности. Для аддикта участие в азартной игре является неадекватной попыткой решить психологические проблемы (получить ощущение насыщенности жизни, самоутвердиться, почувствовать «всемогущий контроль», власть). Вся система отношений личности игрока (к себе, к окружающим, к деятельности) ставится в зависимость от обладания деньгами.

Сам процесс игры напоминает решение «навыковой» задачи (например, игрок сам определяет, когда он нажимает на кнопку), что создает иллюзию контроля и приводит к переоценке вероятности успеха. Азарт, сильные яркие впечатления, полученные в результате выигрыша, также вызывают ошибки в оценке вероятностей выигрыша и проигрыша, что может быть объяснено эффектом наглядности. С другой стороны, связь успеха/неудачи исхода игры с такими, по терминологии Вайнера, нестабильными факторами как удача и усилия не снижают субъективную уверенность в вероятности выигрыша.

Секция «Психология»

Нами было проведено эмпирическое исследование. В результате было выявлено, что игровая деятельность может стать источником развития игромании в подростковом возрасте, если в ходе игрового процесса подросток претерпевает амбивалентные чувства и на процесс игры оказывает влияние такие факторы как азарт, ненасыщаемость, подражание. Фактор «азарт» включил в себя ощущение удовольствия от самого процесса игры (+0,78), переживание эмоции интереса-возбуждения (+0,67). Интенсивные переживания заполняют эмоциональный вакуум, вызванный отсутствием других увлечений, хобби. Фактор «ненасыщаемость» включил в себя желание вернуть проигранное (+0,97), надежду обогатиться за счет игры в автоматы (+0,95) и наличие свободного времени(+0,71), желание выделиться (+0,83) и негативную оценку в участии в играх (+0,68). Данный фактор выражает магическую направленность сознания аддикта, для которой характерна вера в волшебное избавление от проблем без приложения усилий, персонификация автомата и т.д. Контрастная, неустойчивая самооценка приводит к тому, что выигрыш дает ощущение избранности, всемогущества, проигрыш приводит к резкому снижению самооценки, что нередко сопровождается депрессией. Ситуацию отягощает отсутствие альтернативного способа самоутверждения, поскольку зависимость в данном возрасте развивается на фоне плохой учебы в школе, семейных проблем, осложнений общения со сверстниками. Сравнительный анализ результатов исследования показал, что в отличие от игроков, в группе неиграющих подростков обогащение не является ценностью, отношение к азартным играм по мере взросления становится более критичным. В группе игроков тенденция, выражающаяся в повышении критичности к игре по мере взросления, не выявлена. Для них характерна амбивалентность установок по отношению к азартным играм: с одной стороны отрицательное отношение к самому факту игры в автоматы, желание прекратить играть, с другой стороны - стремление обогатиться и надежда на выигрыш. Все это позволяет рассматривать зависимость как тормоз на пути развития личности подростка. Фактор «подражание» показал, что зависимое поведение является для подростков проявлением групповой динамики. Участие в азартных играх поддерживает ощущение взрослости, формируют чувство принадлежности к группе и среду неформального общения.

Вышеперечисленное дает основание выделить следующие направления работы по формированию резистентности к игромании:

- коррекция самооценки через формирование чувства самоэффективности, а также формирование высших потребностей с целью расширения числа объектов, способных на более высоком уровне удовлетворять актуальную потребность;
- облегчение социальной адаптации подростка через формирование коммуникативной компетентности и включение в разнообразные виды деятельности;
- повышение эффективности интеллектуальной деятельности и развитие самосознания через совершенствование навыков рефлексии;
- совершенствование эмоционально-волевой регуляции: создание условий для развития способности к целеполаганию и самостоятельному принятию решений; развитие способностей к осознанной регуляции эмоций, использования эмоций для повышения качества мыслительной активности, эмпатии.

Литература

1. Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Как избавиться от пристрастия к азартным играм. СПб., Изд. дом "Нева". 2003.
2. Эльконин Д.Б. Психология игры. М, 2005.
3. The psychology of gambling/ Ed. by Jon Halliday a. Petter Fuller. New York ect.: Harper & Row, 1975.

Клинико-психологическое исследование отношений между врачом и больным хронической обструктивной болезнью легких в зависимости от условий прохождения лечения.

Пиванова Р.Э.

соискатель

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия
e-mail: reggy6@mail.ru*

Хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ) - одна из важнейших проблем современного здравоохранения, причем это характерно для всего мира в связи с постоянно возрастающей распространенностью и смертностью от этого заболевания. В международных рекомендациях подчеркивается, что развитие ХОБЛ можно предупредить, и при лечении ХОБЛ возможно добиться успехов.

На основании проведенного теоретического анализа литературы по проблемам исследования ХОБЛ в медицине в качестве важного фактора, определяющего эффективность лечения, выделяется установление отношений эффективного сотрудничества между врачом и больным. В рамках медицинского подхода предпринимаются попытки изучения психологических факторов в обучении больных ХОБЛ, но эти исследования носят сугубо описательный характер и требуют квалифицированного психологического подхода (Киселев А.В., 2005; Семенюк С.А., 2007). Попытка применения клинико-психологического подхода к изучению динамичной и многофакторной системы отношений врача с больным ХОБЛ может способствовать выявлению условий, влияющих на оптимальность терапевтического контакта, и, тем самым, на эффективность всего лечебного процесса.

В отечественной медицинской психологии теоретической основой изучения системы отношений личности является концепция личности, разработанная В.Н.Мясищевым. Личность рассматривается как целостная организованная система активных, избирательных, социальных и сознательных связей с реальной действительностью (Мясищев В.Н., 1998). В ситуации соматического заболевания меняется не только физическое состояние человека, но и психическое, которое оказывает существенное влияние на построение отношений пациента с окружающим миром. Существенное место в системе отношений больных занимают отношение к болезни и лечению, а также отношения в диаде врач-больной.

Таким образом, знание особенностей системы отношений врач-больной значительно расширяет диагностические представления о личности пациента, его социальной адаптации и может помочь более адекватному построению психотерапевтической и реабилитационной работы с пациентами.

Нами было проведено исследование особенностей отношений между врачом и больным с хронической обструктивной болезнью легких.

В исследовании были использованы следующие методы: клиническая беседа, методика личностного дифференциал, диагностика межличностных отношений, цветовой тест отношений, САН, шкала реактивной и личностной тревожности.

Исследование проводилось на базе Клинико-диагностического центра №6 г. Москвы, Городской клинической больницы №11 г. Москвы и отдела пульмонологии центрального НИИ туберкулеза.

В исследовании приняли участие 30 пациентов с диагнозом хроническая обструктивная болезнь легких. Было выделено 2 группы больных с ХОБЛ. 1 группу составили пациенты с ХОБЛ, находившиеся на стационарном лечении. 2 группу составили пациенты, проходившие амбулаторное лечение. Также приняли участие в исследовании лечащие врачи этих больных: 5 врачей-пульмонологов.

Секция «Психология»

В результате проведенного исследования было обнаружено, что преобладающие типы отношений больных ХОБЛ с врачом различались в исследуемых группах.

У больных, находящихся на стационарном лечении, в отношениях с лечащим врачом преобладает зависимо-послушный тип поведения. Они доверчивы, уступчивы, выражена потребность в помощи и опеке. В этой группе большая часть пациентов оценивает свое самочувствие как вялое, подавленное, у них также высокие показатели реактивной тревожности, что может быть связано с обострением заболевания и необходимым для улучшения состояния здоровья пребыванием в стационаре. У пациентов выражена потребность в эмоциональном принятии со стороны врачей и в тоже время важно, чтобы врач занимал руководящую позицию. У лечащих врачей в тоже время высокие показатели по стремлению к доминированию в отношениях с пациентами 1 группы, однако, как показали результаты, эмоциональный аспект в отношениях отсутствует.

У амбулаторных больных в отношениях с лечащим врачом преобладают сотрудничающий и властно-доминирующий типы поведения. Они больше, чем пациенты, находящиеся на стационарном лечении, склонны к сотрудничеству, соглашениям в отношениях с врачом. Была выявлена положительная корреляция между оценкой пациента себя как активного, деятельного, уверенного в себе и показателями стремления к сотрудничеству, дружелюбию, склонностью идти на компромисс. Лечащие врачи этих пациентов также оценивают свои отношения с ними как партнерские, дружелюбные. Пациенты, проходящие амбулаторное лечение, вызывают у своих лечащих врачей большую симпатию, чем пациенты другой группы.

Таким образом, наше исследование подтвердило гипотезу о различии характера отношений между лечащим врачом и пациентом в зависимости от условий лечения. У пациентов, находящихся на амбулаторном лечении, в большей степени выражена тенденция к установлению сотрудничающих отношений с врачом. У пациентов, проходящих стационарное лечение, выявляется высокая реактивная тревожность и связанная с ней высокая потребность в эмоциональных отношениях с врачом.

Наши результаты показали, что особенности эмоциональных состояний больных и специфика их отношений с лечащими врачами должны учитываться при разработке программ оказания психологической помощи больным хронической обструктивной болезнью легких.

Литература

1. Вассерман Л.И., Щелкова О.Ю. Медицинская психодиагностика: Теория, практика и обучение. М: Изд. центр «Академия», 2004.
2. Мясищев В.Н. Психология отношений: Избранные труды. / Ред. Бодалев А.А. - М., 1998.
3. Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. - Л., 1984.

Профилактика асоциального поведения через преодоление отчуждения

Попова О.А.

аспирантка

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

E-mail: aleteiya@mail.ru

В условиях кризиса современного общества и изменения морально-нравственных и ценностных установок резко возросло число детей и подростков, склонных к асоциальному поведению.

В то же время, нельзя не учитывать и тот факт, что негативные процессы в детской и подростковой среде связаны не только с общесоциальными проблемами, но и с проблемами формирования личности, носящими глубоко индивидуальный характер и берущими свое начало в самом раннем периоде развития ребенка.

Причины возникновения отчуждения берут свое начало в ранних психологических депривациях. Специалисты утверждают, что уже в первые 8-12 недель жизни у ребенка

Секция «Психология»

начинает формироваться привязанность к матери, и к четырем месяцам он уже эмоционально реагирует на присутствие или отсутствие близких ему людей. К году 20% детей очень чутко реагируют на уход матери, проявляют беспокойство, начинают испытывать страх перед одиночеством.

Утрата значимых взаимоотношений тяжела в любом возрасте, но для маленьких детей эти события особенно серьезны по своим последствиям. Лишенные тесной привязанности к родителям дети выстраивают такие модели социального мира и собственного «Я», которые губительным образом сказываются на их самооценке и дальнейшем социальном приспособлении. Самооценка таких детей резко снижается и утверждается пессимистическое отношение к социальным взаимосвязям, которое трудно преодолеть.

В подростковом возрасте переживание отчуждения у многих детей обостряется, вызывает сильные страдания, негативно влияет на формирование личностных качеств. Поведение подростков в силу возрастных особенностей является коллективно-групповым и нарушение взаимоотношений с окружающим миром, со сверстниками, друзьями, близкими людьми приводит к серьезным внутренним деформациям. Такие подростки склонны считать, что они никому не нужны, они никому не доверяют и не ждут от окружающих ничего хорошего. Восприятие окружающего мира как враждебного, ведет к противостоянию правилам и нормам общественной жизни и, как следствие, к асоциальному поведению.

Таким образом, переживание отчуждения является фактором формирования асоциального поведения у детей и подростков. На наш взгляд, важнейшей причиной возникновения у детей и подростков переживания отчуждения является отсутствие в обществе должной психологической культуры детско-родительских отношений, создающей условия для формирования в онтогенезе базового доверия к миру. В настоящее время профилактика асоциального поведения направлена на работу с детьми и подростками группы риска и их родителями. При таком подходе профилактическая работа начинается, на наш взгляд, слишком поздно, когда у ребенка уже начинают проявляться признаки асоциального поведения. Профилактика должна носить более ранний характер и способствовать, прежде всего, нормальному развитию личности ребенка с самого рождения, предупреждая возникновение отчуждения и, как следствие, асоциального поведения в более позднем возрасте. При этом, безусловно, нельзя отказываться и от профилактической и психокоррекционной работы с детьми группы риска.

Учитывая изложенное, мы считаем, что профилактические меры следует разделить на два уровня:

1) ранняя профилактика, направленная на предотвращение формирования у ребенка отчуждения;

2) профилактика, направленная на преодоление отчуждения, уже возникшего у ребенка.

Оба уровня профилактических мер состоят из комплексов мероприятий, направленных на работу с родителями и детьми, включая просвещение, диагностику, коррекционные и развивающие занятия, консультации.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение, Ереван, 1987 г.
2. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений. // Психологический журнал. – 2000. - № 1. – с. 28 – 36.
3. Психология человека от рождения до смерти. Полный курс психологии развития. Под ред. А.А. Реана – СПб, 2003 г.

Исследование личностных особенностей подростков с патологией позвоночника

Похилько А.С.

*Санкт-Петербургский государственный университет, факультет психологии, Санкт-Петербург, Россия
kentawr.updike@rambler.ru*

Исследование личностных особенностей больных тем или иным заболеванием является важной задачей клинической психологии. Знание личностных особенностей больных позволяет, с одной стороны, определить изменения, которые болезнь вносит в структуру черт индивида, и в соответствии с этим построить программу реабилитационных мероприятий. Данные мероприятия могли бы помочь мобилизовать личностные ресурсы для борьбы с заболеванием, устранить негативные эффекты, вызванные его осознанием. С другой стороны, исследования влияния того или иного заболевания на психические особенности индивида помогает раскрывать механизмы соматопсихических влияний, предоставляет фактический материал, который может быть использован для раскрытия некоторых общепсихологических закономерностей, например при разрешении проблемы соотношения физиологического и психического.

Исследовались подростки в возрасте от 13 до 16 лет (средний возраст 14 лет), проходящие лечение в ВЦДОиТ «Огонек». В их число входит 48 подростков (13 мальчиков и 35 девочек), страдающих сколиозом и 19 подростков (5 девочек, 14 мальчиков), проходящих лечение, связанное с устранением последствий компрессионного перелома позвоночника. В качестве контрольной группы исследовалось 15 детей - учащихся средней школы (6 мальчиков 9 девочек), не имеющих в анамнезе переломов и сколиотических изменений позвоночника.

У испытуемых исследовались особенности личности с помощью многофакторного личностного опросника Р. Кеттелла (юношеский вариант) [1].

Производилось исследование различий выраженности черт личности детей контрольной группы, детей, страдающих сколиозом, и группы с компрессионным переломом позвоночника. Для устранения влияния гендерного фактора выявление различий проводилось отдельно для мальчиков и для девочек. Для выявления различий использовался критерий Манна-Уитни. Математическая обработка проводилась с помощью программы SPSS 10.0.

Результаты:

Мальчики

Не обнаружено различий в выраженности черт личности у подростков со сколиозом и подростками из контрольной группы

Сравнение результатов контрольной группы и группы с компрессионным переломом позволило выявить достоверные различия: более низкие значения фактора Н (робость-смелость) ($p < 0,005$), а также более высокие значения фактора J (коллективизм-индивидуализм) ($p < 0,05$) и фактора О (гипертимия-гипотимия) ($p < 0,05$) у детей с компрессионным переломом позвоночника.

Сравнение данных группы мальчиков, страдающих сколиозом, и группы с компрессионным переломом позволило выявить достоверно более высокие значения фактора Н ($p < 0,05$) в группе со сколиозом.

На основании полученных данных можно говорить о том, что для мальчиков с компрессионным переломом характерна большая робость и неуверенность, о чем свидетельствуют сниженные показатели по фактору Н. Также мальчикам с компрессионным переломом присущ больший индивидуализм, отгороженность от группы (высокие значения фактора J), а также сниженное настроение (фактор О). Мы предполагаем, что данный комплекс особенностей обусловлен переживанием полученной травмы и ограничениями в подвижности ею вызванными.

Девочки. Не обнаружено различий в выраженности черт личности у подростков со сколиозом и подростками из контрольной группы.

Контрольная группа и группа с компрессионным переломом:

Секция «Психология»

Имеются достоверные различия по фактору I (реалистичность-сентиментальность) ($p < 0,05$). Значения в группе девочек с компрессионным переломом достоверно ниже, чем в контрольной.

Дети со сколиозом и контрольная группа:

Значения по фактору I в группе с компрессионным переломом достоверно ниже ($p < 0,05$), чем в группе со сколиозом.

Результаты говорят о том, что для девочек с компрессионным переломом характерен больший рационализм, независимость в поведении, стойкость, а также практичность (низкие значения фактора I).

Мы предполагаем, что эти особенности также являются реакцией на текущее состояние, связанное со значительным ограничением подвижности и изменением образа жизни.

Обсуждение результатов.

В результате нашего исследования было обнаружено отсутствие достоверных отличий в выраженности черт личности у пациентов со сколиозом по сравнению с представителями контрольной группы. В то же время были выявлены характерные особенности личности у пациентов с компрессионным переломом имеющие зависимость от пола.

Мы предполагаем, что обнаруженные отличия являются реакцией личности на травму, способом преодоления наличной ситуации, связанной с необходимостью ограничения подвижности в период реабилитации. Мальчики становятся более тревожными, неуверенными, у них снижается настроение, в то время как девочки проявляют большую стойкость, сохраняют спокойствие в текущих обстоятельствах. Мы предполагаем, что различия в стереотипах реагирования обусловлены, во-первых, тем, что мальчики изначально более активны, чем девочки, поэтому ограничения воспринимаются ими более остро. Во-вторых, тем, что по темпу психологического взросления девочки изначально превосходят мальчиков, но приблизительно к 16 годам показатели психологического возраста выравниваются. В данном случае средний возраст испытуемых составляет 14 лет, и девочки в этом возрасте являются психологически более зрелыми, а, следовательно, способными более зрело реагировать на ситуацию травмы.

Другим обнаруженным результатом является отсутствие отличий в степени выраженности личностных черт у детей со сколиозом. Мы предполагаем, что это обусловлено тем, что сколиоз является хроническим заболеванием, развивающимся незаметно для больного и не приводящим к серьезным ограничениям жизненной активности, за исключением сколиозов со значительным углом искривления. Отсутствие субъективно переживаемых симптомов болезни не приводит к субъективным изменениям в личности ребенка. Кроме того, результатом лечения детей с компрессионным переломом позвоночника является восстановление имевшегося ранее уровня активности, то есть достижение качества жизни имевшегося ранее, но впоследствии утраченного. Результатом лечения сколиоза является достижение эффектов ранее не существовавших: улучшение показателей внешности, роста – что, на наш взгляд, приводит к более положительному восприятию ситуации лечения и препятствует появлению компенсаторных изменений личности.

Литература:

1. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелл (юношеский вариант): Учебно-методическое пособие / Сост. О. М. Анисимова. – СПб.: Издательство «Речь», 2002. – 26 с.

Развитие связной монологической речи у дошкольников с задержкой психического развития посредством анимистических представлений¹⁷

¹⁷ Тезисы доклады основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант № 08-06-12124 В).

Провлоцкая И.Н.

студент

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
факультет психологии, Тула, Россия
E-mail: yulyas@inbox.ru

Одним из основных вопросов в практике работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья на сегодняшний день является формирование связной монологической речи, овладение нормами и правилами родного языка. Связная монологическая речь отражает все достижения ребенка в овладении родным языком, в освоении его звуковой стороны, словарного состава, грамматического строя.

Исследователи Е.Ф. Собонович, Р.Д. Триггер Е.В. Мальцева указывают на следующие особенности связной монологической речи старших дошкольников с задержкой психического развития: трудности планирования своих высказываний, ошибки в передаче логической последовательности событий, пропуск отдельных звеньев, «потеря» действующих лиц, малодоступность рассказа-описания, перечисление отдельных предметов и их частей, вместо связного рассказа, возмещение недостатков речи жестами, неумение программировать, синтезировать элементы своего высказывания. Все указанные отклонения в развитии речи самостоятельно не преодолеваются. Поэтому речевое развитие таких детей можно обеспечить только при условии использования системы коррекционных мероприятий, предусматривающих формирование речевой практики, в процессе которой происходит овладение фонетическими и лексико-грамматическими закономерностями языка, обучение речи как средству общения и сообщения. Так как у детей с задержкой психического развития также отмечается своеобразие развития эмоционально-волевой и личностной сфер и низкий уровень развития психических процессов, то преодоление нарушений в развитии должно осуществляться параллельно.

На наш взгляд, сказки, построенные на анимизме детского мышления (детский анимизм - (англ. child animism) - **склонность** детей оценивать неживые **объекты** как живые), являются наилучшим средством познания мира, развития мышления и речи дошкольников. Восприятие сказки, как и игра, составляет один из наиболее значимых видов деятельности ребенка-дошкольника, определяя развитие, познавательных процессов и эмоционально-личностное, нравственное и эстетическое развитие ребенка, выступает эффективным средством развития связной речи. Актуальность нашего исследования также подтверждается тем, что в условиях современного дошкольного образования проблема формирования и совершенствования речевых умений детей посредством использования произведений устного народного творчества в последнее время стала весьма актуальной и животрепещущей темой для обсуждения в научных педагогических трудах. Обращенность к историческим духовным ценностям, традициям русского народа в настоящий момент приобретает широкий размах в среде педагогов и психологов. Разумное внедрение в быт, в различные виды деятельности некоторых элементов народности в том числе и знакомство со сказками, должно носить целенаправленный, последовательный характер.

С этой целью нами была разработана и реализована программа по развитию связной речи старших дошкольников с задержкой психического развития, учитывающая особенности мышления детей данного возраста, анимистические представления о мире, основанная на использовании русских народных сказок о животных. Целью программы являлось развитие у детей умений связно и последовательно, логически стройно и законченно, точно по употреблению лексики и по содержанию, правильно по грамматическому оформлению, самостоятельно и свободно излагать материал, строить высказывание. Достижение цели предполагает интеграцию в решении задач, охватывающих разные стороны речевого, познавательного и эмоционального развития.

Программа была рассчитана на 20 занятий. При проведении коррекционных занятий мы ориентировались на групповую форму работы, как наиболее эффективную с точки

Секция «Психология»

зрения психологии и экономичную. Численность группы составляла – 4-5 человек. Занятия проводились 2 раза в неделю. Продолжительность занятий 30-40 минут в зависимости от сложности предлагаемых заданий. Некоторые дети нуждались в дополнительной коррекционно-развивающей работе, которая проводилась в форме индивидуальных занятий. Комплексный подход в ходе развития связной речи детей осуществлялся при взаимодействии дефектолога, воспитателя и родителей.

Работа по формированию связной монологической речи заключалась в обучении детей рассказыванию, которая проводилась в процессе обучения пересказу, т.е. воспроизведению прослушанного текста сказки и обучения составлению рассказов и сказок по картинкам, предметам, предложенному сюжету, теме, по данному началу. В ходе работы проводились упражнения, направленные на совершенствование грамматического оформления фразы, развитие умений задавать репродуктивные, поисковые и проблемные вопросы и давать на них полные ответы. Овладение речевыми умениями происходило через разные виды репродуктивной и творческой деятельности. Игровые методы и приемы работы выбирались в соответствии с задачами работы над произведением: словесная режиссерская игра, пересказ от лица литературного героя, словесное рисование, игры-драматизации, рисование, изготовление аппликаций и поделок по мотивам сказок. Вместо «физкультурной минутки» на занятиях вводились элементы психогимнастики по содержанию произведения, суть которых заключалась в разыгрывании пантомимических этюдов на изображение отдельных эмоциональных состояний, черт характера персонажей. Дошкольники знакомились с элементами выразительных движений, что в свою очередь является залогом успешного исполнения принятой на себя роли в игре-драматизации по литературному произведению.

После проведенной работы наметились положительные тенденции в развитии связной монологической речи дошкольников с задержкой психического развития. Проведенные мероприятия способствовали возникновению у детей интереса к рассказыванию, изучению новых произведений. Пересказы детей стали развернутыми, а рассказы более оригинальными, необычными. Речь детей во время пересказывания стала более эмоциональной и выразительной. Также можно отметить, что значительно улучшилось понимание литературного произведения, увеличился активный словарь и уровень сформированности грамматического строя речи. Вовремя пересказывания дети стали более самостоятельны, активны и раскованы. Это нам сделать вывод об эффективности использования предложенной нами программы по развитию связной речи старших дошкольников с задержкой психического развития, учитывающая особенности мышления детей данного возраста, анимистические представления о мире, основанная на использовании русских народных сказок.

Литература

1. Алексеева М.М. (1999) Речевое развитие дошкольников. М: Академия, 1999.
2. Диагностика и коррекция задержки психического развития у детей: Пособие для учителей и специалистов коррекционно-развивающего обучения / Под ред. С.Г. Шевченко. М., 2001.
3. Дошкольники с ЗПР: Актуальные проблемы диагностики и коррекции: Сборник научных трудов / Под ред. И. Ю. Левченко, Т. Ю. Ортиной. М., 2004.
4. Жинкин Н.И. (1998) Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998.
5. Мамайчук И.И., Ильина М.Н. (2006) Помощь психолога ребенку с задержкой психического развития. СПб: Речь, 2006.

Изучение возможности самореализации личности лиц с физическими отклонениями

Райхерт Л.Н.

Студент

*Тольяттинский государственный университет, факультет психологии, Тольятти,
Россия*

До недавнего времени, люди ставшие инвалидами, оставались без внимания, они выходили из поля деятельности, их не рассматривали как возможных работников, как творческих личностей, как полноценных членов общества. Из-за этого слово инвалид звучало как приговор, люди ставшие инвалидами теряли смысл жизни, становились пассивными и замыкались в себе, что психологически усугубляло их без того сложное положение. Совсем недавно эта тенденция стала меняться, появились школы для детей инвалидов, общественные организации, кружки по интересам для лиц с физическими отклонениями. Встает вопрос: насколько эффективна работа данных организаций?

В настоящее время в одной только самарской области насчитывается 212 тысяч инвалидов. И все они без исключения нуждаются в реабилитации и адаптации к новым условиям среды. Одним из факторов адаптации является самореализация, а именно, реализация своего внутреннего потенциала во внешней среде. Направленность самореализации инвалидов ничем не отличается от направленности самореализации обычного человека. Они также как и мы стремимся реализовать себя в семье, работе, творчестве и спорте. По данным опроса, проведенного в реабилитационном центре городского округа Тольятти «Преодоление», инвалиды, охваченные центром, чувствуют себя более уверенными, независимыми, самостоятельными. После курса реабилитации многие инвалиды устроились на работу, создали семьи, реализовали себя в творчестве. У них более высокий эмоциональный фон и уровень удовлетворенностью жизнью, чем у инвалидов не сумевших самореализоваться. Мы видим практическую значимость общественных организаций, занимающихся адаптацией инвалидов. Для реализации собственного потенциала, лицам с физическими отклонениями необходима психологическая и социальная поддержка. Данную поддержку могут предоставить специализированные центры, общественные организации, клубы по интересам, занимающиеся адаптацией людей с физическими отклонениями. Но возникают вопросы: есть ли эти центры, если есть, то хватает ли их на всех, сколько людей задействованы и сколько нуждаются в их помощи?

Исходя из этого, определяется актуальность нашего исследования. Она заключается в изучении социальной ситуации общественных организаций, занимающихся адаптацией и самореализацией лиц с физическими отклонениями и поиска возможностей для предоставления мест всем инвалидам.

Исходя из выше сказанного, нами были изучены общественные организации по городскому округу Тольятти, занимающиеся реабилитацией людей с физическими отклонениями. В ходе исследования были получены следующие результаты: из всех желающих попасть в данные центры, возможность имеют около 30%, остальные 70% стоят в очереди, или уже и не мечтают туда попасть, т.е. это люди не реализовавшие себя, плохо адаптированные, предоставленные сами себе. Из 100% инвалидов городского округа Тольятти, 18% занимаются различными видами творчества, 15% имеют семьи, и 10% имеют место работы. А оставшиеся 57% так и не смогли найти себя, и им необходима психологическая поддержка адаптационных и реабилитационных центров. Несмотря на то, что общественные организации существуют, их деятельность охватывает только 35% инвалидов.

Таким образом, мы сталкиваемся с необходимостью увеличения со стороны правительства РФ числа общественных организаций и дополнительной финансовой поддержки служб, учреждений, занимающихся педагогической, психологической, медицинской реабилитацией, обучением, профессиональной ориентацией и трудоустройством инвалидов.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.

Секция «Психология»

2. Коростылева Л.А. самореализация как предмет психологического исследования // Теоретические и прикладные вопросы психологии / Под ред. А.А. Крылова. Вып. 3. Ч. 1. Спб., 1997.

3. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности/ Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982.

4. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России).

5. <http://test.e63.ru> (Реабилитация инвалидов в самарской области).

6. <http://semija-tlt.narod.ru/sbornik.htm> (Службы, учреждения, общественные организации, занимающиеся вопросами социально-правовой поддержки, педагогической, психологической, медицинской реабилитации, обучения, профессиональной ориентации, трудоустройства детей-инвалидов г. Тольятти).

К проблеме механизмов нарушения саморегуляции при психической патологии¹⁸

Рассказова Е.И.

*Научный сотрудник, кандидат психологических наук
Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия*

E-mail: l_rasskazova@yahoo.com

Плужников И.В.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: pluzhnikov.iv@gmail.com

Модель саморегуляции: постановка проблемы. Значительная часть моделей саморегуляции деятельности (О.А.Конопкин, В.И.Моросанова, Б.В.Зейгарник и др.) рассматривает процессы целеполагания и целедостижения и, в меньшей степени, процессы выбора деятельности. В этом случае отказ от выполнения деятельности и смена деятельности неизбежно рассматривались как неудача саморегуляции. Однако, и в рамках общей, и в рамках клинической психологии можно предложить множество моделей, когда отказ от деятельности и начало новой деятельности вполне эффективны (J.Polivy). Вполне возможно, что человек переоценил свою деятельность с точки зрения всей системы мотивов и выбрал новую деятельность (рис. 1). Аналогии мотивационного и волевого этапов саморегуляции можно выявить в самых различных концепциях (Д.А.Леонтьев, Х.Хекхаузен, Ю.Куль и др.). Переоценка деятельности формально является мотивационным процессом, однако, на наш взгляд, механизмы выбора деятельности и переоценки деятельности различны: об этом свидетельствуют примеры ригидности, когда выбор и реализация деятельности сами по себе не затруднены, но при возникновении трудностей человек не может остановиться и переоценить деятельность и продолжает «биться головой о стену».

¹⁸ Работа выполнена при поддержке РФФИ; грант № 08-06-00057а

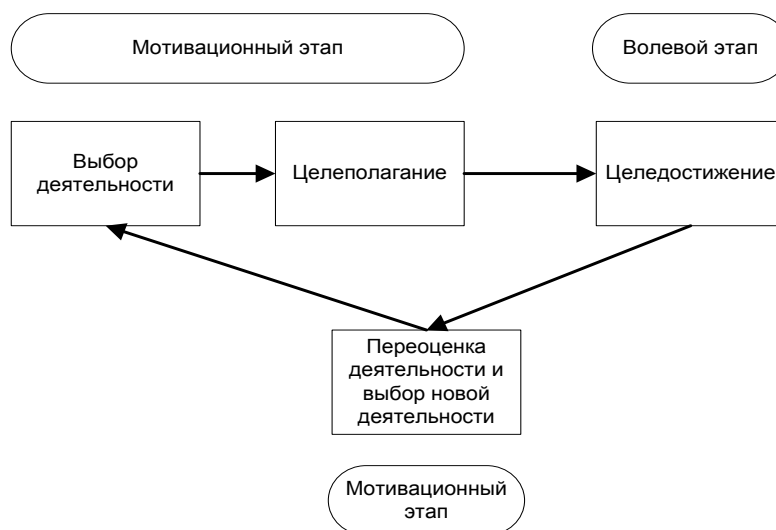

Рис. 1. Процессы саморегуляции

Итак, мы предполагаем, что механизмы саморегуляции и ее нарушений на каждом из трех этапов различны, причем трудности переоценки деятельности имеют самостоятельный вклад в особенности симптоматики и течения соматических и психических заболеваний. Задача данной работы – обосновать правомерность исследований нарушений саморегуляции на этапе переоценки деятельности и указать эмпирические приложения таких исследований.

В клинической психологии трудности переоценки деятельности наиболее очевидны при столкновении с ситуациями, угрожающими целостности личности, и требующими переоценки всей мотивационно-смысловой системы. Так, способность к переоценке и личностной рефлексии (в понимании Б.В. Зейгарник) являются положительным прогностическим признаком при расстройствах, связанных со стрессом (Е.С.Мазур). Механизмы нарушения саморегуляции по типу ригидности и трудностей переоценки хорошо изучены в психосоматике.

Исследования нарушений саморегуляции в психосоматике. В целом, можно выделить три взаимосвязанных, но не тождественных, механизма нарушения саморегуляции на этапе переоценки деятельности:

1. Формирование «порочного» круга тревоги (А.М.Вейн, И.В.Молдовану, Г.А.Арина, А.Ш.Тхостов). Тревога по поводу симптоматики способствует выбору неэффективных средств преодоления заболевания и приводит к дальнейшему нарастанию тревоги. В результате отстранение и переоценка собственных действий с учетом всей мотивационно-смысловой системы становятся невозможным.
2. Изменения мотивационной сферы по типу образования ведущего мотива лечения (В.В.Николаева), или сдвиг «цели на мотив» (А.Ш.Тхостов), могут не быть связанными с тревогой, но сопряжены с сужением мотивационной сферы в целом, что также ограничивает возможности перехода к «мотивационному» состоянию сознания (Гольвитцер).
3. Пассивность и самоограничительное поведение (А. Harvey, К. Morgan) как реакция на заболевание. Выбор поведения в ситуации заболевания может быть или не быть следствием действия предыдущих двух механизмов, однако, затем выбранное поведение начинает играть самостоятельную регуляторную роль, фокусируя внимание человека на болезни или смещая фокус внимания.

Действие различных механизмов может сочетаться: так, если мотив лечения становится ведущим, нередко можно выявить «порочный» круг тревоги (рис. 2).

Рис. 2. Механизмы нарушения саморегуляции при соматических заболеваниях, приводящие к хронификации заболеваний.

Разумеется, данный список механизмов не является окончательным. В частности, открытым для нас остается вопрос о механизмах отрицания болезни. По форме отрицание заболевания и его серьезности и попытки продолжать или усугублять привычный образ жизни относятся к мотивационным изменениям второго типа, только приводят они не к формированию мотивации лечения, а к тому, что мотивы лечения и сохранения здоровья исключаются из числа ведущих.

Исследования нарушения саморегуляции в патопсихологии. Действие тех же самых механизмов можно выявить и при психической патологии, однако, оно осложняется полифакторностью нарушений, частым присутствием нарушений саморегуляции других этапов. Так, при пограничных расстройствах личности одним из ключевых нарушений является наличие мотивационных конфликтов и недостаточная дифференцированность смысловых конструкторов (Е.Т.Соколова), т.е. нарушения саморегуляции на первом мотивационном этапе. Нарушения операционально-технической составляющей саморегуляции в рамках одной деятельности (т.е. волевого этапа) выявлены при шизофрении (А.Б.Холмогорова, Н.С.Курек).

Тем не менее, мы предполагаем, что нарушения саморегуляции на этапе переоценки деятельности вносят самостоятельный вклад в симптоматику различных психических расстройств. Сфокусированность внимания на себе и негативных стимулах считается одним из ключевых факторов хронификации тревожных и депрессивных расстройств (М.Муравен, А.Веck). Существуют предположения о динамике психопатий по типу «порочного психопатического круга» (О.В.Кербиков), при котором импульсивные действия вызывают межличностные конфликты, которые, в свою очередь, провоцируют дальнейшие импульсивные действия и неадекватные аффективные реакции.

О трудностях переоценки деятельности с точки зрения иерархии мотивов при шизофрении могут свидетельствовать классические исследования М.М.Коченова и В.В.Николаевой. Помимо собственно сужения мотивационной сферы и интересов, у больных наблюдалась патологическая стабилизация, ригидность мотивационной сферы, что сказывалось на саморегуляции при необходимости смены деятельности.

Проблема метода исследования нарушений саморегуляции. В целом, нам кажется важным исследование нарушений саморегуляции при психических расстройствах с учетом каждого из трех этапов саморегуляции. Эта задача подразумевает комплексное использование (1) экспериментальных методов исследования саморегуляции в рамках одной заданной деятельности (например, Н.С.Курек, А.Б.Холмогорова), (2) качественных и психометрических методов исследования мотивационно-смысловой сферы и особенностей смены деятельности (например, В.В.Николаева, М.М.Коченов), (3) методик оценки отношения к болезни и уровня инсайта. Задачей такого исследования будет

являться выявление специфического вклада механизмов саморегуляции в осуществлении каждого из этапов выбора, реализации и смены деятельности.

Психологическая помощь несовершеннолетним осужденным, склонным к суицидальному поведению (на примере Ангарской воспитательной колонии)

Румянцева С.А.

студентка

*Иркутский государственный университет, факультет психологии, Иркутск, Россия
medpsy_isu@mail.ru*

На настоящий момент, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Россия стоит на втором месте по количеству завершённых суицидов, но необходимо учитывать и то, что суицидальные попытки, которые совершаются намного чаще, редко регистрируются.

Суицид (от латинского *sui* – себя, *caedo* – убивать, уничтожать) – акт самоубийства, совершаемый в состоянии сильного душевного расстройства, либо под влиянием психического заболевания; осознанный акт самоустранения из жизни под воздействием острых психотравмирующих событий, при которых собственная жизнь как высшая ценность теряет смысл.

Проблему суицидального поведения в своих трудах рассматривали такие учёные, как: Э. Дюркгейм, Павлов И.П., З.Фрейд, Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Личко Е.Л., Зотов М.В. и многие другие. Особенности суицидального поведения несовершеннолетних правонарушителей изучали: Божович Л.И., Драгунова Т.В., Крутецкий В.А. и другие.

Проблема самоубийств несовершеннолетних является одной из наиболее актуальных. За последнее время число самоубийств среди молодежи выросло в примерно в 3 раза, по количеству подростковых самоубийств Россия занимает первое место в мире.

Основные причины суицидального поведения: конфликты с родителями и сверстниками, неразделенная любовь, страх перед будущим. Любой конфликт в жизни несовершеннолетнего может повлиять на формирование суицидального поведения, так как антисуицидальные факторы выпадают из системы ценностей подростков, что является особенностью данного возраста.

В соответствии с УК РФ, несовершеннолетний правонарушитель – лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать лет, но не исполнилось восемнадцати. Именно возраст от 14 до 18 лет считается наиболее сложным, в этом возрасте происходит становление, созревание личности. Часто несовершеннолетний в этом возрасте дезадаптирован, он способен совершить правонарушение, а вследствие осознания своего проступка и самоубийство. Часто попытка суицида носит только демонстративный характер, «крик о помощи» в безысходной ситуации.

Что касается пребывания несовершеннолетних правонарушителей в местах лишения свободы, стоит сказать, что за последнее время количество суицидов среди осуждённых увеличилось. Наиболее сложным периодом для несовершеннолетних является пребывание в СИЗО и первое время в колонии, именно в это время отмечается наибольшее количество суицидов, так как происходит адаптация к новым условиям.

Наше исследование проводилось на базе Ангарской воспитательной колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Волонтерская сеть, которая функционирует в колонии уже несколько лет, является единственной в России.

Из осуждённых была отобрана группа «суицидального риска», то есть несовершеннолетние, которые совершали суицидальные попытки, либо психодиагностика выявила признаки суицидального поведения. В группу было отобрано 12 человек, с которыми было проведено психодиагностическое исследование. Использовались методики: шкала Спилбергера – Ханина, тест Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной), шкала

Секция «Психология»

депрессии Зунга – Балашевой, и тест «Самооценка». Данные методики использовались в начале работы группы и в конце.

Шкала Спилбергера – Ханина показала, что у 6 человек высокий уровень тревожности (более 45 баллов), у 4 человек умеренный уровень (от 31 до 44 баллов), у 2 человек низкий уровень тревожности (менее 30 баллов).

Тест Томаса выявил: 5 человек – стратегия поведения – «Соперничество», 3 человека – «Избегание», 3 человека – «Приспособление», 1 человек – «Компромисс».

Шкала депрессии Зунга – Балашевой: 5 человек – «без депрессии», 3 – «лёгкая депрессия ситуативного или невротического генеза», 4 человека – «субдепрессивное состояние или маскированная депрессия».

Тест «Самооценка»: 2 человека – «средний уровень», 3 человека – «ниже среднего», 3 человека – «низкий», 1 человек – «неадекватно низкий», 2 человека – «выше среднего», 1 человек – «высокий».

В течение года проводилась тренинговая работа и индивидуальные консультативные беседы. Тренинговая работа включала в себя:

1. «Стоп – СПИД» с обсуждением проблемы распространения ВИЧ – инфекции, отношения к ВИЧ – инфицированным. А так же с просмотром фильма о ВИЧ – инфекции с последующим его обсуждением.

2. Тренинг общения, в ходе которого проводили обсуждение и упражнения на развитие таких качеств, как уверенность в себе, доверие к другим людям, умение самостоятельно принимать решение, взаимодействовать и сотрудничать.

3. Тренинг управления конфликтами проходил наиболее тяжело, так как осуждённые совершенно не умеют решать конфликтные ситуации, они агрессивны и ригидны.

4. Тренинг «Я против наркотиков!» проводился в течение двух занятий, провели обсуждение таких вопросов, как: «Как быстро возникает привыкание к наркотическим веществам?», «Является ли наркомания проблемой нашего общества?».

5. Тренинг «Я люблю жизнь!», на этих занятиях проводили упражнения, пробуждающие в воспитанниках желание жить (различные позитивные фотографии животных, людей, природы), арттерапия, различные релаксационные упражнения и т.д.

В течение года мы проводили индивидуальную работу с отдельными воспитанниками. Индивидуальная работа показала, что каждый воспитанник крайне нуждается в психологической помощи, направленной на разрешение его личностных проблем.

Каждый раз, заканчивая работу, мы всегда желаем друг другу хорошего настроения и благодарим за интересное занятие.

В конце проведённой работы мы провели повторное психодиагностическое тестирование, которое показало:

Шкала Спилбергера – Ханина показала, что у 4 человек высокий уровень тревожности (более 45 баллов), у 5 человек умеренный уровень (от 31 до 44 баллов), у 3 человек низкий уровень тревожности (менее 30 баллов).

Тест Томаса выявил: 2 человек – стратегия поведения – «Соперничество», 4 человека – «Избегание», 3 человека – «Приспособление», 3 человека – «Компромисс».

Шкала депрессии Зунга – Балашевой: 5 человек – «без депрессии», 5 – «лёгкая депрессия ситуативного или невротического генеза», 2 человека – «субдепрессивное состояние или маскированная депрессия».

Тест «Самооценка»: 4 человека – «средний уровень», 3 человека – «ниже среднего», 2 человека – «низкий», 2 человека – «выше среднего», 1 человек – «высокий».

Таким образом, можно сделать вывод, что психологическая помощь, оказываемая несовершеннолетним правонарушителям, является актуальной и необходимой.

Литература

1. Шапарь В. «Словарь практического психолога» М., 2005.

К вопросу о состоянии психического здоровья пользователей Интернета.

Рыбкин А.А.

студент

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, факультет психологии,
Чебоксары, Россия*

E-mail: elvinfisher@rambler.ru

В настоящее время широко распространено мнение, что все процессы в биосфере взаимосвязаны между собой. Человечество - лишь незначительная часть биосферы, и является лишь одним из видов органической жизни - Homo sapiens, человек разумный. Разум выделил человека из животного мира и дал ему огромное могущество. Человек на протяжении веков стремился не приспособиться к природной среде, а сделать ее удобной для своего собственного, комфортного существования. Сейчас наступает время, когда мы осознаем, что любая деятельность человека оказывает влияние на окружающую среду, на отношения в обществе, на самих себя. Всестороннее изучение человека, его взаимоотношений с окружающим миром привели к пониманию, что здоровье - это не только отсутствие болезней, но и физическое, социальное и психическое благополучие человека. [2] Так, в своей совокупности все эти элементы и составляют карту здоровья современного человека.

Термин «психическое здоровье» был введен Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 1979 году, и обозначает наличие тех психологических, эмоциональных и социальных аспектов здоровья, которые необходимы для достижения полного благополучия. Не стоит так же снимать со счетов тот факт, что Здоровье - это капитал, данный нам не только природой от рождения, но и теми условиями, в которых мы живем. [2] В докладе Комитета экспертов ВОЗ «Психическое здоровье и психосоциальное развитие» сказано, что нарушения психического здоровья связаны как с соматическими заболеваниями или дефектами физического развития, так и с различными неблагоприятными факторами и стрессами, воздействующими на психику и связанными с социальными условиями.[8]

К одним из подобных неблагоприятных факторов в настоящее время можно отнести интенсивное и экспансивное развитие хозяйственной деятельности человека, и, в частности, информационных технологий, которые все чаще становятся основным источником качественно низких условий для существования. Компьютеры и информационные системы находят применение во все новых областях человеческой практики, оказывая воздействие на психические процессы и трансформируя не только отдельные действия, но и человеческую деятельность в целом. С психологической точки зрения, при взаимодействии человека с системами информатики происходит преобразование деятельности за счет опосредования ее знаковыми системами.

Как отмечают многие авторы, существенную роль в преобразовании деятельности в настоящее время играют технологии, связанные с применением Интернета. Применение компьютерных сетей ведет к структурным и функциональным изменениям в психологической структуре деятельности человека. [1] Эти изменения затрагивают познавательную, коммуникативную и личностную сферы, влияя на многие показатели здоровья не только в плане физического благосостояния, но и психического.

Таким образом, задачей нашей работы является выявление социально-клинических аспектов уровня психического здоровья у студентов – пользователей Интернета.

В ходе изучения данной проблемы нами использовалась комплексная методика исследования, включающая в себя тестирование с использованием опросников (SCL – 90; опросник Д.Амирхана; Опросник Э. Хайма). В результате исследования копинг-стратегий были получены следующие данные по шкалам когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий.

Сравнение данных по шкале когнитивности в ходе исследования показало, что адаптивные модели поведения экспериментальной группой(26,08%) используются

Секция «Психология»

значительно реже, чем у контрольной(43,5%); Результаты экспериментальной группы по не адаптивным моделям копинг – стратегии оказались значительно выше(52,17%), чем у контрольной(34,7%).

На эмоциональном уровне в ходе проведения эксперимента было выявлено, что адаптивные модели экспериментальная группа использовала реже (43,47%) по сравнению с контрольной (86,9%). Результаты экспериментальной группы по не адаптивным моделям копинг – стратегии оказались значительно выше(52,17%), чем у контрольной(4,34%).

На поведенческом уровне экспериментальная группа в значительно меньшей степени(34,78%) склонна использовать адаптивные модели совладания, чем контрольная(56,5%); однако, так же было установлено, что экспериментальной группой гораздо чаще(21,73%) используются не адаптивные копинг - стратегии, чем контрольной(8,69%). что может говорить о меньшей по сравнению с контрольной группой социальной адаптацией и навыков интерперсональной интеракции. Не смотря на такое положение, участники экспериментальной группы в большей степени(43,47%) склонны использовать частично адаптивные модели, чем участники контрольной группы(34,37%), тем самым компенсируя межличностное взаимодействие в случаях использования данных стратегий.

Корреляция показала закономерную связь между измеряемыми параметрами методик «SCL-90», Хайма, Амирхана по шкалам соматизация, обсессивность-компульсивность, интроверсия, депрессивность, тревожность, фобийность, паранояльность.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что существует взаимосвязь между длительностью пользования услугами Интернет и состоянием психического здоровья у студентов – пользователей Интернета. Степень взаимосвязи между продолжительностью использования услугами Интернет и состоянием психического здоровья хотя и имеется, но не является сильно выраженной, и нуждается в дальнейшем исследовании.

Современное развитие информационных технологий с каждым днем набирают все большие обороты. В таких условиях необходимость в слежении за индивидуальной психогигиеной становится все более и более актуальной. Однако, делать упор на запрет использования компьютерных технологий подрастающим поколением более чем глупо. Скорее более рациональным будет направленность на обсуждение проблем, волнующих молодежь, прививать истинные ценности как отечественной, так и зарубежной культуры. Так как, согласно принципам энантиодромии, которые сформулировал К.Г. Юнг, там, где появляется сопротивление, рождается убежденность в своей правоте.

Литература:

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. (2006). Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Серия XIV. Психология. . 4, с.14-20;
2. Ялтонский В.М. Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией. Дис. докт. мед. наук. СПб. 1995.
3. Карвасарский Б.Д. и др. Копинг-поведение у больных неврозами и его динамика под влиянием психотерапии. СПб. 1999.
4. Николаев Е. Л. Пограничные расстройства как феномен психологии и культуры. Чебоксары 2006.
5. Клиническая психология. Словарь / Под ред. Н.Д. Твороговой. — М.: ПЕР СЭ, 2007. — 416 с. (Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского).
6. Энциклопедический словарь медицинских терминов, Т 1, Л., 1986 г.
7. Петровский А.В., Ярошевский М.Г., Психологический словарь, 1990 г.
8. Доклад Комитета экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 1979 года: Психическое здоровье и психосоциальное развитие.

Психологические детерминанты качества жизни лиц с алкогольной зависимостью

Рябова М.Г.

аспирант

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

E-mail: ryabina_mariya@mail.ru

Внимание к изучению качества жизни возник в середине 60-х годов XX века и продолжает неуклонно увеличиваться. Так в связи с весьма распространенным в последнее время таким видом патологии как алкогольная зависимость, особый интерес к вопросу качества жизни возник в области наркологии. Растет роль изучения закономерностей формирования субъективных переживаний наркологических больных, факторов влияющих на их удовлетворенность или неудовлетворенность конкретными условиями существования и жизнью в целом. Такие знания необходимы, особенно при оказании практической наркологической помощи, поскольку именно они способны обеспечить правильные ориентиры для психотерапевтической, социальной и реабилитационной работы с больными.

Основной задачей данного исследования является выявление психологических детерминант, опосредующих субъективное качество жизни двух групп испытуемых, имеющих диагноз «алкогольная зависимость» и контрольной группы, на основе сопоставления их между собой.

Для решения поставленных задач нами был использован комплекс методик: методика «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Морсанова), тест смысложизненных ориентаций (СЖО) в редакции Д.Леонтьева, опросник УСК (уровень субъективного контроля) Роттера и шкала оценки качества жизни (Н.Е. Водопьянова в модификации Н.П. Фетискина и Т.И. Мироновой). Также испытуемым была предложена анкета, содержащая вопросы по принадлежности к социально – трудовому статуса, образованию, семейному положению и др.

В исследовании приняли участие лица, обратившиеся за наркологической помощью, с установленным диагнозом алкогольная зависимость (I группа) и лица, не обращавшиеся за наркологической помощью и не имеющие данного диагноза – контрольная группа (II группа). Возраст испытуемых составил от 20 до 55 лет.

Для решения поставленной задачи нами был проведен сравнительный анализ по критерию Манна-Уитни (Mann-Whitney). В результате нами были обнаружены статистически значимые различия.

Для испытуемых контрольной группы характерно наличие в жизни целей в будущем, которые придают жизни осмысленность и временную перспективу. Они воспринимают процесс своей жизни как достаточно интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Им свойственно ощущение того, что прожитая часть жизни была вполне осмысленна и продуктивна. Имеют общее мировоззренческое убеждение в том, что контроль возможен. По общему показателю теста «СЖО» мы также отмечаем высокие показатели, что говорит о наличии в жизни испытуемых данной группы смысложизненных ориентаций.

У лиц с диагнозом алкогольная зависимость нет четких целей в будущем, которые смогли бы придать жизни осмысленность, временную перспективу и направленность. Представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями переплетаются с неверием в свои силы контролировать события собственной жизни. Неудовлетворенны своей жизнью в настоящем, а также прожитой частью жизни. Данная группа испытуемых утратила смысложизненные ориентации, что может быть как следствием, так и причиной употребления алкоголя.

Секция «Психология»

Испытуемые контрольной группы считают себя в силах контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. В семейных отношениях причиной значимых событий считают не себя, а своих партнеров. Испытуемым экспериментальной группы свойственна адекватная оценка своих личностных качеств и внешних обстоятельств в области межличностных и семейных отношений. Что может быть связано с сильным переживанием чувства вины испытуемыми данной группы перед родственниками и близкими людьми. В сфере неудач испытуемые с алкогольной зависимостью также адекватно оценивают влияние внешних обстоятельств и своих личностных качеств. А испытуемые контрольной группы склонны приписывать ответственность за подобные события другим людям или считать эти события результатом невезения. Эти различия могут быть связаны с осознанием наличия проблемы алкогольной зависимости, ее причин и следствий, а также критическим отношением к стилю своего поведения и построения семейных и межличностных отношений.

По данным шкалам опросника «ССП» показатели обеих групп находятся в рамках средних значений, но показатели контрольной группы имеют более выраженное значение, находящееся на границе с высокими показателями. Испытуемые контрольной группы обладают большими способностями к выделению значимых условий достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям. В условиях неожиданно меняющихся обстоятельств, при смене образа жизни, переходе на другую систему работы они способны более гибко изменять модель значимых условий и, соответственно, программу действий, чем испытуемые экспериментальной группы. У них более развита адекватность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения в целом. У испытуемых контрольной группы более сформирован общий уровень индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека.

Качество жизни испытуемых контрольной группы отличается средним уровнем удовлетворенности. В таких сферах как личные достижения и устремления, здоровье также отмечается средний уровень, они испытывают переживание средней тяжести напряженности и негативных эмоций. И лишь в сфере общения с близкими и друзьями мы наблюдаем высокие показатели, что говорит об удовлетворенности в данной сфере. У лиц с алкогольной зависимостью общий индекс качества жизни имеет средний уровень удовлетворенности. Также отмечается средняя степень удовлетворенности сферой – общение с друзьями и близкими. А также мы наблюдаем у данной группы испытуемых низкий уровень качества жизни в сферах: личные достижения и устремления, здоровье. Им свойственно переживание напряженности и негативных эмоций. Испытуемые контрольной группы в целом больше удовлетворены как общим качеством жизни, так и отдельными ее сферами. Различия в этих сферах также могут быть как следствием, так и причиной алкоголизации личности.

Таким образом, были выявлены психологические детерминанты, опосредующие субъективное качество жизни данных групп. Так, полученные показатели испытуемых контрольной и экспериментальной групп по шкале «качество жизни» находятся на среднем уровне. Испытуемым контрольной группы свойственен более высокий уровень качества жизни, который определяется наличием смысложизненных ориентаций, сформированным уровнем саморегуляции поведения, экстернальным уровнем субъективного контроля в области неудач и семейных отношений и интернальным в области межличностных отношений. А в группе испытуемых с диагнозом алкогольная зависимость психологическими детерминантами, определяющими более низкий уровень качества жизни, являются утрата смысложизненных ориентаций, средняя сформированность саморегуляции произвольной активности поведения, а также

адекватная оценка влияния внешних обстоятельств и личностных качеств на сферы семейных и межличностных отношений и в области неудач.

Динамика депрессивных состояний младших школьников и подростков
Сабирова Е.З.

*Старший преподаватель, аспирант гуманитарного факультета
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, Бишкек,
Кыргызстан
E-mail: meridum@list.ru*

Проблема психического здоровья детей и подростков относится к разряду актуальных и социально значимых для современной России. Политические и социально-экономические изменения, переживаемые в стране в последние десятилетия, оказывают дестабилизирующее влияние на состояние здоровья всех членов общества и, в первую очередь, подрастающего поколения.

Согласно данным статистики в конце XX-го, начале XXI века на первое место по распространенности среди психических расстройств фактически во всех странах Западной и Восточной Европы (включая Россию) и Америки вышла депрессия.

С 6 лет начинается аффективный этап формирования личности. Именно эмоциональный уровень является основным уровнем нервно-психического реагирования организма на "вредности". Если в этом возрасте ребенок переживает психическую травму, тяжелую соматическую болезнь либо длительное время будет находиться в состоянии нервно-психического напряжения, — у него может произойти задержка развития на этапе аффективного формирования личности. В дальнейшем в ее структуре могут формироваться такие черты, как впечатлительность, эмоциональная неустойчивость, непосредственность реагирования на внешние события, — которые затрудняют приспособляемость личности к окружающей среде. Своевременная диагностика подобного неблагополучия, адекватные коррекционные меры могут воспрепятствовать возникновению нежелательных тенденций в развитии личности.

Одним из наиболее ярких проявлений подобного неблагополучия является депрессивные состояния. Несмотря на актуальность проблемы, депрессивные состояния у детей и подростков исследуются недостаточно, в то время как в зарубежной литературе проблеме депрессии у детей и подростков посвящено огромное количество исследований. Прежде всего, само понятие "депрессия" до настоящего времени остается спорным и неоднозначным. Оно используется как характеристика настроения (*depressive mood*), название синдрома (*depressive syndrom*) и отдельного заболевания (*depressive disorder*).

Традиционно депрессия наиболее полно изучалась и наблюдалась в рамках клинического подхода. Психологическая же сущность различных депрессивных явлений оставалась зачастую без должного внимания. Возможно, этим объясняется тот факт, что депрессивные состояния в детском и подростковом возрасте часто не распознаются. Именно депрессивные состояния как тревожный сигнал эмоционального неблагополучия подростка, не являясь сами по себе однозначным симптомом болезни и, поэтому, не всегда вызывая к себе достаточно внимательное отношение специалистов и родителей, заслуживают систематического исследования. На основе результатов подобного исследования могут быть выработаны рекомендации по коррекционной работе с детьми и подростками в рамках задач, решаемых школьной психологической службой.

Нами было проведено исследование депрессивности в школьных возрастах. Сбор материала осуществлялся в общеобразовательных школах г. Москвы, г. Ижевска и г. Бишкека (Кыргызская республика). Экспериментальную выборку составили 300 учащихся. Кроме того, в исследовании были задействованы родители и учителя испытуемых.

Секция «Психология»

Проведенное исследование показало неравномерность проявления депрессивных состояний на различных возрастных этапах. У младших школьников более заметны замкнутость, безразличие, потеря интереса к играм, школьным занятиям, тоскливое настроение. У них отмечаются повышенная слезливость или постоянная готовность к плачу, выраженные тем больше, чем моложе ребенок. Между тем дети выглядят не столько печальными, сколько мрачными и угрюмыми. В отличие от взрослых, "вектор вины" при детской депрессии направлен вовне. Дети недовольны отношением к ним родителей, считают их виновными в плохом самочувствии, сниженном настроении, высказывают массу претензий и упреков. Одним из ранних признаков является школьная дезадаптация. Она, как правило, нарастает постепенно, проявляясь в трудностях осмысления и запоминания учебного материала. Появляется и несвойственная ребенку медлительность, неловкость. Дети подолгу одеваются, не могут бегать, играть со сверстниками на переменах, на уроках физкультуры выглядят вялыми и неуклюжими, постепенно прекращают посещать спортивные секции, требующие физического напряжения.

Быстротечность депрессии в детском возрасте встречается чрезвычайно редко: обычная длительность депрессии от 1-3 мес., до года и больше. При этом интенсивность депрессивной симптоматики отличается непостоянством, связана с семейной ситуацией и физическим состоянием ребенка.

Самую яркую окраску приобретают депрессии у подростков. К чувствам грусти, тоски, печали присоединяются идеи собственной никчемности, ущербности, неинтересности для сверстников, болезненности. Проявления могут быть очень разными: подросток может стать вялым и апатичным, может стать грубым и непослушным, может тревожно говорить и думать только о своем здоровье или внешности. Утрата воли, энергии проявляются в томительном безделье, мучительном "убивании времени", в несвойственных возрасту играх.

Частота формирования и структура депрессивных состояний у подростков значительно приближается к проявлениям депрессии у больных зрелого возраста. В этом возрастном периоде завершается формирование всех структурных компонентов депрессии, однако проявления идеаторной заторможенности у подростков относительно редко достигают степени, характерной для взрослых больных. Довольно часто в структуре депрессии в пубертатном возрасте развиваются состояния деперсонализации — дереализации, появляются симптомы "болезненного психического бесчувствия".

Литература

1. Вертоградова О.П., Шахматов Н.ф., Сосюкало О.Д. Возрастные аспекты проблемы депрессий. Московский научно-исследовательский институт психиатрии МЗ РСФСР, 1987
2. Мафсон Л., Моро Д., Вейсман М., Клерман Д. Подросток и депрессия. Межличностная психотерапия/пер с англ Е. Хромовой.-М.:Изд-во Эксмо, 2003
3. Хелл Д. Ландшафт депрессии / Пер. с нем. И.Я. Сапожников. –М.:Алетейа, 1999
4. Kovacs V. Rating scales to assess depression in school-aged children // Acta Paedopsychiatr.1981, Feb, v.46 (5-6)

Коммуникативная компетентность врачей разных специальностей

Сахарова А.Е.

Аспирант

*Казанский Государственный Медицинский Университет,
факультет социальной работы, Казань, Россия*

E-mai: Sakharova anna@mail.ru

В основном, резервом повышения эффективности медицинской помощи считается профессиональная подготовка медиков [1,3]. Однако, как отмечают чешские психологи Р. Конечный и М. Боухал, квалификация является только инструментом, больший или меньший

Секция «Психология»

эффект применения которого зависит от других сторон личности врача, в частности его коммуникативной компетентности (КК) [2]. В последние годы проведено значительное количество исследований, касающихся психологических аспектов медицинской деятельности (В.А. Ташлыков, И.Н. Гурвич, Э.С. Чугунова, С.Л. Соловьева, Алексеева Л.Л. и др.) [1,3,4,5]. Однако эти работы непосредственно не касались проблемы детального изучения КК медицинского персонала. В свою очередь, оптимизация взаимоотношений врача и пациента позволит улучшить качество медицинской помощи. Поэтому чрезвычайно важно знать, почему происходят «сбои» во взаимоотношениях пациента с врачом, и каким образом можно влиять на этот процесс. Также чрезвычайно важным представляется исследование КК врача с учетом его узкой специализации накладывающей порой существенные ограничения на эффективность взаимодействия врача и пациента.

Цель исследования: изучение и описание коммуникативных качеств у врачей разных специальностей. Объект изучения нашей работы - личность врача. Предметом исследования является коммуникативные свойства личности врача.

Для решения задач были взяты следующие методики: методика изучения коммуникативной толерантности по В.В.Бойко; методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко; опросник «Аффилиация».

Выборку составили врачи педиатры Детской Республиканской клинической больницы (29 человек), психотерапевты Республиканской клинической психиатрической больницы им. Акад. Бехтерева МЗ РТ (24 человека) и хирурги Республиканской клинической больницы (18 человек). Общее количество испытуемых составило 71 человек. Средний возраст врачей - 36 лет. Стаж профессиональной деятельности от 5 до 36 лет. Основанием для деления на три группы выступила специфика профессии и гипотеза о существовании специфики коммуникативных особенностей врачей различных специальностей.

Общие выводы:

1. Стаж работы в той или иной врачебной специализации не оказывает существенного влияния на КК, в отличие от самого профиля специализации.

2. Чем больше в профессиональной деятельности востребованы коммуникативные способности, тем более они развиты и интегрированы между собой, как по уровню, так и по структуре;

Специфичные выводы:

3. Группа психотерапевтов отличается большей интегрированностью и сложностью системы коммуникации, включающей коммуникативную толерантность, эмпатию и аффилиацию.

4. Группа педиатров характеризуется наличием отдельных, практически не связанных друг с другом структур эмпатии и коммуникативной толерантности в своей коммуникативной системе.

5. Группа хирургов отличается наименее выраженной структурированностью коммуникативной системы, т.е. развитие отдельных компонентов коммуникативной системы практически не применяется в профессиональной деятельности.

6. Группа психотерапевтов отличается тем, что врачи данной специальности в целом не склонны использовать себя в качестве эталона при оценке других. Выявлена способность вхождения в эмоциональный резонанс с окружающими – умение сопереживать, соучаствовать.

7. В группе педиатров «Использование себя в качестве эталона при оценке других», «стремление переделать, перевоспитать партнера» и заниженной коммуникативной толерантности в целом связаны с наличием установок препятствующих эмпатии.

Секция «Психология»

8. Группа врачей-хирургов плохо переносят проявления индивидуальных особенностей пациента, переделывают его под себя, плохо приспособившись к характеру, привычкам установкам или притязаниям больного, мало при этом, испытывая потребность аффилиации (стремления к людям), что в целом проявляется как субъект-объектное отношение к пациентам.

В ходе исследования выяснилось, что наиболее высокий уровень КК демонстрируют врачи психотерапевты, что обусловлено спецификой их профессиональной деятельности, требующей умения быстро и эффективно устанавливать именно психологический контакт с пациентом. В тоже время взаимоотношение врачей педиатров и хирургов со своими пациентами, преимущественно носят авторитарный субъект-объектный характер, что особенно ярко проявляется у врачей хирургов (работа с телом).

Достаточно интересным оказался тот факт, что на уровень КК не оказывает влияния стаж работы, что согласуется с данными Алексеевой Л.Л., за исключением группы психотерапевтов, где обнаружена тенденция к возрастанию обидчивости с течением времени. Так же следует отметить, что сниженная КК врачей педиатров по сравнению с психотерапевтами и их авторитарное отношение к маленьким пациентам, по-видимому, обусловлены многолетней культуральной традицией отношения к детям как к более слабым, зависимым и беспомощным существам.

Т.о., подводя итоги, можно утверждать, что КК врачей имеет различные проявления в зависимости от специальности, что подтверждает нашу гипотезу. КК врачей различных специальностей недостаточно развита (особенно врачей хирургов), что снижает эффективность лечебного взаимодействия в диаде врач-пациент и в целом негативно отражается на терапевтическом процессе. В связи, с чем требуется проведение специфических психологических мероприятий, тренингов, направленных на развитие коммуникативных качеств врачей различных специальностей.

В дальнейшем крайне важно будет изучать коммуникативные характеристики врачей других специальностей, и коммуникативно-личностные особенности студентов-медиков выбирающих ту или иную специальность, с целью улучшения коммуникативного аспекта врачебной деятельности и повышения эффективности медицинской помощи в целом.

Литература

1. Гурвич И.Н. Социально-психологические факторы эффективности врачебной деятельности. // Автореф. дисс. канд. псих. наук. - Л., 1981.
2. Сидоров П.И., Парняков А.В. Ведение в клиническую психологию Т.1., - Екатеринбург, 2000.
3. Соловьева С.Л. Личность врача: учебно-методическое пособие. – СПб.: Издательство, 2004.
4. Ташлыков В.А. Психология лечебного процесса. - Л., 1984.
5. Чугунова Э.С., Портнов Ф.Н. Характеристика общения в эталоне медицинского работника // Психологический журнал. 1987. №5. С.84-93.

Особенности временной перспективы у больных гастроэнтерологическими заболеваниями

Селина И.А.

соискатель

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: selin_psy_alex@mail.ru

В настоящее время интерес к проблеме изменения личности в условиях соматических заболеваний не иссякает, и в последнее время актуально рассмотрение временных аспектов личностной организации, в частности временной перспективы. Наиболее разработанной теорией временной перспективы в настоящее время является подход Ф.Зимбардо, опирающегося на идеи Курта Левина. Ф.Зимбардо вводит понятие

Секция «Психология»

«сбалансированной темпоральной ориентации», под которой понимается идеализированная умственная структура, которая позволяет индивидам гибко переключаться между прошлым, будущим и настоящим. Интересны идеи Ж.Нюттена предложившего при рассмотрении временной перспективы выделять собственно временную перспективу, временную ориентацию и временную установку.

В отечественной психологии проблему временной перспективы разрабатывали К.А.Абульханова, Т.Н.Березина и В.И.Ковалев вводя понятие «временной трансперспективы», как «способности соединять настоящее, перспективу и ретроспективу» (В.И.Ковалев) или как «способность сознания соединять в настоящем прошлое и будущее и тем самым суммировать, интегрировать время своей жизни» (К.А.Абульханова, Т.Н.Березина).

Проблемой влияния соматического заболевания на психику, в том числе и на временную организацию личности занимались В.В.Николаева, А.Ш.Тхостов, которыми в ходе ряда исследований было показано влияние ситуации заболевания на временную перспективу, описан феномен ее сужения, показана фиксация личности на настоящем моменте жизни и расширенная опора на прошлое. Необходимо отметить, что ситуация любого заболевания может выступать как угрожающая жизни человека, нарушающего нормальную жизнедеятельность человека, при этом гастроэнтерологические заболевания не являются исключением.

Целью нашего исследования выступило рассмотрение вопроса изменений временной перспективы личности, в ситуации хронического гастроэнтерологического заболевания, как реакции личности в ситуации болезни. Временная перспектива, при рассмотрении личности в ситуации заболевания, как ситуации нарушающей ход жизнедеятельности, удовлетворение потребностей, сужающей круг общения и деятельности (А.Ш.Тхостов, В.В.Николаева), подвергается определенным изменениям, которые мы постарались рассмотреть в исследовании.

Для изучения особенностей временной были выбраны методики: опросник временной перспективы Ф.Зимбардо ZTP1 (в адаптации А.Сырцовой), который включает в себя пять шкал: негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое и фаталистическое настоящее. Шкалу временных установок (ШВУ) Ж.Нюттена и У.Ленса, которая направлена на изучение основных аспектов эмоционального отношения личности к своему прошлому, настоящему и будущему.

В исследовании приняло участие 153 испытуемых, 80 из которых пациенты гастроэнтерологического отделения городской больницы №3 г.Курска, и 73 испытуемых клинически здоровые люди.

Для статистического анализа был использован пакет статистических программ STATISTICA 6.0, непараметрический критерий для двух несвязанных выборок U Манна-Уитни.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

В группе гастроэнтерологических больных испытуемых обнаружено статистически значимое снижение по показателю «Позитивное прошлое» ($p=0,0008$), что свидетельствует о том, что события прошлого на момент заболевания воспринимаются негативнее, чем в ситуации отсутствия болезни. В условиях заболевания события прошлого воспринимаются через призму переживания настоящего момента, который, в свою очередь, больные расценивают как негативный. Настоящее в группе больных гастроэнтерологическими заболеваниями воспринимается как фаталистическое, беспомощное и безнадежное. Различия по шкале «Фаталистическое настоящее» значимы при ($p=0,018$), что раскрывает типичное для них убеждение, что их будущее предопределено и на него невозможно повлиять индивидуальными действиями; настоящее должно переноситься с покорностью и смирением, т.к. люди находятся во власти «капризной, прихотливой» судьбы.

Секция «Психология»

Относительно установочных аспектов временной перспективы необходимо отметить, что статистически значимые различия выявлены по шкалам «Установка на настоящее» ($p=0,00009$) и «Установка на будущее» ($p=0,0008$). При этом интересен факт, что люди находящиеся ситуации гастроэнтерологического заболевания, при негативном восприятии настоящего, имеют более позитивную, чем здоровые испытуемые установку на будущее. Данные различия дают нам возможность говорить, что для людей находящихся в ситуации хронического гастроэнтерологического заболевания характерна негативная установка в восприятии своего настоящего, но не будущего. В ситуации заболевания человек осмысливает свое место в пространственно-временном измерении в терминах ценности прошлого и настоящего, в терминах ожиданий и реальности, результаты сопоставления которых, как правило, не в пользу настоящего. В то же время, новая социальная ситуация развития становится предметом активной внутренней «работы» самого больного, вследствие которой формируется новая «внутренняя позиция» человека, содержание и динамика которой отражают основные изменения в личности. Новая социальная ситуация развития может стать источником формирования у человека психологически позитивных для развития его личности новообразований, не разрушая системы его ожиданий от жизни в целом, а формируя активную позицию направленную на преодоление, преобразование ситуации.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
2. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М., 1984;
3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004;
4. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности. Автореф. Дисс. ... канд. психологических наук. – М., 2008;
5. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М., 2002.

Особенности совладания со стрессом у подростков с истерической акцентуацией

Синдеева Н.Б.

студент

Томский Государственный Университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: Natalie_SG@sibmail.com

С каждым днём наша жизнь требует всё больших физических и психологических затрат, всё чаще возникают расстройства того или иного характера. Поэтому становится чрезвычайно актуальной проблема приспособления человека к окружающей среде. Но работа с уже оформившимися состояниями требует значительных усилий, поэтому важно заниматься профилактикой, особенно в сензитивные и критические периоды развития детей и подростков. Отсюда становится очевидной необходимость обратить внимание на подростковый период, когда особенно интенсивно развивается организм, познавательная, эмоциональная сфера и другие важные компоненты целостной гармоничной личности.

Возьмём, к примеру, подростков так называемого истероидного типа. В целом, это эгоцентричные люди, жаждущие постоянного внимания, восхищения, удивления, почитания. Они всегда стремятся приукрасить свою персону. Внешние проявления эмоциональности на деле оборачиваются отсутствием глубоких чувств при большой выразительности, театральности переживаний, склонности к рисовке и позёрству. Легко восприимчивые личности с высоким уровнем развития фантазии, со склонностью к переживаниям в этом возрасте могут попадать в критические жизненные ситуации, демонстрировать крайние поведенческие проявления (например, даже суицидальные попытки). Также при длительном напряжении и стрессе у них могут появиться нервные тики, судорожные припадки или, как один из способов «разрешения» проблемы, «уход в болезнь». И это ещё далеко не весь список возможных негативных последствий.

Но этого можно избежать, правильно направляя их энергию, помогая им применять их жизненные силы и здоровые личностные компоненты в нужном направлении. Важно сделать возможным для них справляться с проблемами, находить выход из критических ситуаций с наименьшими психологическими затратами, сделать более устойчивым «место наименьшего сопротивления»¹⁹, предоставить альтернативные варианты коммуникации, не мешающих нормальному взаимодействию с окружающими их людьми.

Справиться с жизненными проблемами помогают так называемые копинг-стратегии. «Копинг-стратегия разрешения проблем отражает способность человека определять проблему и находить альтернативные решения, эффективно справляться со стрессовыми ситуациями, тем самым способствуя сохранению как психического, так и физического здоровья».

Моё исследование направлено на определение наиболее эффективных копинг-стратегий, используемых подростками с истероидной акцентуацией, с целью применения их на практике в различных формах организации досуга и труда для формирования у учащихся адекватных способов совладания со стрессом, что должно предотвратить переход акцентуации в формы, близкие (или приравняемые) к заболеванию. Для работы была взята группа здоровых подростков 14 – 18 лет занимающихся в театральной студии. Мы предположили наличие у большинства из них черт, свойственных истерическому (демонстративному) характеру, или достигающих уровня истерической акцентуации, что проверялось при помощи патохарактерологического диагностического опросника. Также определялись преобладающие у них копинг-стратегии (использовался тест по определению копинг-стратегий Лазаруса). Таким образом, мы получим достоверные данные о способах совладания со стрессом у подростков с демонстративным характером, определим с помощью чего они «остаются на плаву», сохраняя нормальный уровень социальной адаптации с целью использования этих данных на практике. Таким образом, зная адекватные способы выхода из проблемных ситуаций, мы сможем научить подростков их использовать.

Литература

1. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/>, свободный.
2. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>, свободный.
3. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий: их статика, динамика и систематика / П.Б. Ганнушкин. Н.Новгород: Изд-во НГМД, 1998. – 128 с.
4. Карвасарский Б.Д. Психотерапевтическая энциклопедия / Б.Д.Карвасарский; 2-е изд., 2000.
5. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко; 2-е изд. – Л.: Медицина, 1983.
6. Семке В. Я. Истерические состояния / В.Я. Семке. – М.: Медицина, 1988.—224 с.
7. Усовершенствованный метод патохарактерологического исследования подростков: метод. рекомендации / Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева. – Л., 1983. – 40 с.

Устойчивость к психическому стрессу и успешность деятельности артиста балета

Соснина Д.Н

Аспирант института психологии

Пермский государственный педагогический университет, Пермь, Россия

E-mail: sosninadn@mail.ru

¹⁹ «Слабым звеном истероидного типа, удар по которому может выявить истероидные черты при скрытой акцентуации или обусловить яркую истерическую реакцию при акцентуации явной, чаще всего бывают ущемленное самолюбие, утрата внимания окружения или особо значимых лиц, крах надежд на престижное положение, развенчанная исключительность».

Секция «Психология»

В последние годы возрос интерес к вопросам, связанным со стрессом и механизмами формирования стрессоустойчивости человека в различных профессиях (Березин Ф.Б., 1988; Запускалов С.В., Положий Б.С., 1993, Никифоров Г.С., 2002; Матулене Г., 2002; Пере М., 2004; Леонова А.Б., 2004). Большинство авторов научных работ о сущности и природе сценического волнения затрагивают вопрос воздействия на актера разных стрессоров, мешающих творческому процессу, называя такую напряженность «боязнью рамп», «страхом выступления» (Pira-rek, 1981; Kemp, 1982; Wills, Cooper, 1988; Davies, 1978; Vasser, 1988; Marchant-Hay-cox, Wilson, 1992). Логично предположить, что состояние психического стресса, возникающее у артистов балета перед спектаклем (по аналогии с другими, уже изученными видами стресса), может оказывать существенное влияние на качество и особенности деятельности.

Наше исследование посвящено изучению стрессоустойчивости артиста балета. Испытуемые - профессиональные артисты балета Пермского академического театра оперы и балета. Всего 80 человек (мужчины, женщины от 18 до 37), среди которых дипломанты и лауреаты международных конкурсов, заслуженные и народные артисты.

Для изучения влияния сценического стресса на деятельность артистов балета и свойств различных уровней интегральной индивидуальности испытуемых был сформирован диагностический комплекс, в который вошли: тест-опросники В.Русалова, Г.Айзенка, Я.Стреляу; методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (16F), Спилбергера, тест Люшера; опросники Т.Немчина и С. Субботина; методика определения уровня субъективного контроля (УСК); анализ интонационных (спектрографических) характеристик речи, а также метод непрерывного наблюдения качества исполнения. Исследование проводилось как в условиях репетиции (фон) так и непосредственно перед выходом на сцену. Полученные данные обрабатывались с помощью корреляционного и факторного анализа, t-критерия Стьюдента. В результате были выделены две группы испытуемых: стрессоустойчивые и стрессонеустойчивые.

Анализируя качество исполнения каждой группы во время спектаклей, сравнивая их с результатами фоновых показателей, мы выявили существенные различия в деятельности «стрессоустойчивых» и «стрессонеустойчивых» на сцене и на репетиции (фон).

Во-первых, у группы артистов, не устойчивых к стрессу обнаружены статистически значимые изменения показателей ритмо-пространственной координации.

Во-вторых, у группы артистов, неустойчивых к стрессу, во время спектакля чаще нарушается рисунок и траектория направления в танце, академизм исполнения. Они менее «музыкальны», снижается «амплитуда движения» и, как следствие, качество исполнения.

В-третьих, стрессовое состояние влияет на качество исполнения. Наибольшее количество ошибок зафиксировано по следующим показателям: «техничность исполнения» - различные сложные по координации движения; «музыкальность» - соблюдение музыкальных акцентов, характера музыки, темпа и ритма; «академизм исполнения», характеризующий специфику классического танца и «актерское мастерство», т.е. умение передать образ и состояние героя.

Группа «стрессоустойчивых» более активна на спектакле, у нее больше развит волевой самоконтроль. В условиях стресса они наиболее успешны в деятельности.

В результате выполненных исследований выявлены факторы «сценического стресса» артистов балета.

На основании полученных результатов исследований предлагается ряд рекомендаций по коррекции негативного влияния стресса актеров перед спектаклем.

Особенности временной перспективы у больных онкологической патологией

Сотников В.А.

Студент

Курский государственный медицинский университет,

В последние десятилетия в мире резко возросло количество людей страдающих онкологическими заболеваниями. По мнению многих психологов (А.Ш.Тхостов, Н.Г.Кошуг, А.В.Гнездилов, В.Н.Герасименко) проблема человека находящегося в ситуации онкологического заболевания должна рассматриваться не только как медицинская, но и как проблема социальная и психологическая. Тяжесть и негативный миф заболевания в обществе приводит к тому, что происходит разрушение привычной деятельности, установок и отношений личности. Человек оказывается в ситуации «... невозможности жить, реализовывать внутренние необходимости своей жизни» (Василук Ф.Е.), в ситуации кризиса. Кризис, вызванный онкологической патологией, деформирует жизненно-смысловую перспективу, «сужает свободу существования человека не только в настоящем, но и в перспективе будущего» (Гнездилов А.В.)

Мы предполагаем, что онкологическая патология приводит к изменению временной перспективы. Для проверки данного предположения нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого являлось изучение особенностей влияния онкологической патологии на временную перспективу. Гипотеза нашего исследования – онкологическая патология, сужает и деформирует временную перспективу.

Для изучения временной перспективы мы использовали: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) (адаптация А.Сырцовой); шкалу временных установок (ШВУ) Ж.Нюттена и В.Ленса А также процедуру «Линия жизни», суть которой в том, что испытуемым предлагается изобразить «линию своей жизни», отмечая на ней события прошлого, настоящего и будущего, и оценивая их согласно предложенной шкалы от +5; до -5, используя данный прием можно оценить особенности переживания настоящего момента и преобладающую временную ориентацию.

При планировании данного исследования был использован экспериментальный план ex-post-facto. В исследовании приняло участие 40 испытуемых. Экспериментальную группу составили пациенты онкологического диспансера находящиеся на амбулаторном лечении со стажем заболевания до 3-х месяцев, n=20. Контрольную группу составили практически здоровые люди, n=20. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0, с использованием критерия U-Манна-Уитни.

В процессе статистической обработки полученных в ходе исследования данных, были получены следующие результаты.

Переживание настоящего, по линии жизни, момента в группе онкологических больных имеет более негативную окраску, чем в группе здоровых испытуемых ($p=0,015247$). Количества событий будущего в группе онкологических больных ниже, чем в группе здоровых ($p=0,003691$). В группе онкологических больных установка на настоящее более негативная, чем в группе здоровых ($p=0,040057$).

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования мы получили данные, свидетельствующие о том, что люди, страдающие онкологической патологией, имеют изменённую временную перспективу, это подтверждается тем, что, настоящее воспринимается как негативное, лишённое смысла, фрустрирующее удовлетворение потребностей. Преобладание позитивной ориентации на будущее в контрольной группе позволяет сделать вывод, что в ситуации онкологической патологии снижается возможность построения перспективы, человек ориентируется либо на прошлое, либо на настоящее, будущее не представляется им развернутым и насыщенным, т.к. ситуация заболевания несет в себе высокий уровень неопределенности, что так же сужает возможность влияния на будущее активными индивидуальными действиями.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
2. Василук Ф.Е. Психология переживания. М., 1984;

Секция «Психология»

3. Гнездилов А.В. Психология и психотерапия потерь. СПб., 2007;
4. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000;
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, 1977;
6. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М., 1984;
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004;
8. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов. // Психологический журнал 2000 т. 21 №4;
9. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987;
10. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: 2002.

Отношение к здоровью у людей с разной степенью физической активности Сысоева А.С.

Студентка факультета психологии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

E-mail: 2me@london.com

Здоровье является необходимым условием жизни и активности человека, однако понимание этого не всегда находит выражение в заботе о здоровье. Причиной тому может быть недостаточное развитие государственной политики в области здоровья; низкая культура в обществе, препятствующая возведению здоровья в ранг высших ценностей и др. Наряду с социальными факторами, на отношение человека к своему здоровью оказывают влияние личностные факторы. На наш взгляд, роль последних является ведущей. Таким образом, в качестве объекта нами выбрано отношение к здоровью. Предметом исследования является ряд личностных характеристик: мотивация как движущая сила любой активности человека; локус контроля в сфере здоровья; жизнестойкость; агрессивность (рассматривается нами как личностная черта, определяющая эмоциональное состояние, которое в наибольшей степени связано с организацией физической активности) - как факторы отношения к здоровью.

Для изучения особенностей вышеперечисленных конструктов нами был использован следующий методический материал:

– Тест отношения к здоровью (в авторской модификации) состоит из двух частей. Первая часть направлена на выяснение оценки респондентами своего здоровья, наличия желания и готовности вести здоровый образ жизни. В основу второй части был положен опросник «*The Multidimensional Health Questionnaire*», авторами которого являются *Snell, Johnson* – в переводе. К содержанию данного теста были добавлены пункты, направленные на выявление поведенческой составляющей отношения к здоровью (основа – опросник «Отношение к здоровью» Р.А. Березовской). Окончательный вариант опросника включает 58 вопросов и содержит в себе следующие шкалы: «поведение» (действия человека, направленные на достижение и поддержание состояния здоровья); «прогнозирование состояния своего здоровья» (представления о состоянии здоровья в перспективе); «возможности поддержания и улучшения здоровья» (знания и представления о том, какие поступки и обстоятельства могли бы принести пользу собственному здоровью); «негативные эмоции» (возникающие отрицательные эмоции в отношении своего здоровья); «собственная роль в поддержании здоровья» (степень влияния человека на свое здоровье и представления относительно возможности этого);

– Методика А. Мехрабиана для диагностики мотивации достижения;

– Тест локуса контроля в сфере здоровья *Kenneth A. Wallston (MHLC Scales – Multidimensional Health Locus of Control Scales)* – в переводе;

– Тест жизнестойкости (Опросник *Hardiness Survey* С. Мадди в адаптации Леонтьева, Рассказовой);

– Методика Басса – Дарки для диагностики уровня агрессивности и враждебности.

В исследовании принимали участие 64 человека. Выборку составили молодые люди и девушки с разной степенью физической активности: «физически пассивные»,

Секция «Психология»

занимающиеся физкультурой и спортсмены. Группа спортсменов была разделена нами на представителей индивидуального и группового спорта (различные виды).

В результате проведенного исследования выявлено, что «физически пассивных» людей характеризует невысокая готовность вести здоровый образ жизни (4,25). Это не слишком сочетается с их склонностью низко оценивать состояние своего здоровья (4,81). Высокий уровень оценки здоровья отличает спортсменов (5,63 – командный спорт и 5,69 – одиночный) и физкультурников (5,5). Показатели мотивации достижения высоки у спортсменов – одиночников (154,63) и физкультурников (138,63), ниже значения у «физически пассивных» (126,81) и представителей командного спорта (132,06). Ориентация на окружающих как сфера локализации контроля наиболее выражена у спортсменов (21,38 – командный спорт и 20,38 – одиночный). Контроль как убежденность в том, что действия, сопротивление позволяют повлиять на результат происходящего, выражен в наибольшей степени у представителей индивидуального спорта (35,69). Самые высокие показатели враждебности и раздражения выявлены у людей, занимающихся физкультурой (среднегрупповые значения 8,94 и 6,94 соответственно). «Физически пассивные», напротив, характеризуются низкими значениями по данным шкалам (6,5 и 5,44).

В ходе работы с Тестом отношения к здоровью при проведении кластерного анализа методом К – средних нами было выделено 5 групп испытуемых. Результаты демонстрируют, что физически пассивные люди характеризуются низкими показателями наличия негативных эмоций в отношении своего здоровья (нагрузка на кластер -1,08) . Иными словами, их по большому счету устраивает существующее положение дел. При этом они очень хорошо видят возможности для поддержания и улучшения здоровья (нагрузка 0,86). Занимающиеся физкультурой также характеризуются высоким уровнем понимания такого рода возможностей (0,9), однако обладают низкой выраженностью собственной роли в поддержании здоровья (-0,8). Представители индивидуального спорта, несмотря на регулярную физическую активность и наблюдение за своим состоянием, отличаются высоким уровнем отрицательных эмоций в отношении собственного здоровья (0,73). Представители командного спорта характеризуются высоким уровнем понимания возможностей улучшения здоровья (0,9), но низкой способностью прогнозирования своего состояния (0,23).

Нами обнаружен ряд значимых взаимосвязей между спецификой отношения людей к здоровью и их личностными чертами. У физически пассивных людей поведение в области здоровья отрицательно коррелирует с собственной ролью в поддержании здоровья (-0,591 при $p \leq 0,05$). У людей, занимающихся физкультурой, ориентация на окружающих как сфера локализации контроля связана со степенью оценки здоровья (0,511 при $p \leq 0,05$). У представителей командного спорта возможности улучшения здоровья взаимосвязаны с поведением (0,497 при $p \leq 0,05$); оценка здоровья коррелирует с негативными эмоциями (0,501 при $p \leq 0,05$). У спортсменов – одиночников поведение в области здоровья отрицательно коррелирует с собственной ролью в поддержании здоровья (-0,594 при $p \leq 0,01$). Готовность вести здоровый образ жизни взаимосвязана с подозрительностью (0,748 при $p \leq 0,001$).

Выявленные в ходе исследования взаимосвязи демонстрируют важность баланса физического и психологического компонента в структуре здоровья. Также подтверждается высокая роль субъективного аспекта здорового образа жизни, т.к. личностные особенности людей во многом определяют их отношение к здоровью. Наше исследование показывает, что далеко не всегда следование пропагандируемым принципам здорового образа жизни приносит свои плоды в субъективном отношении самого человека. В перспективе изучения данной проблематики важно понять, как человек может обеспечить себе комфортное состояние, заключающееся прежде всего в ощущении себя здоровым.

Литература

Секция «Психология»

1. Акимова Л.Н. Психология спорта: Курс лекций. – Одесса: Студия «Негоциант», 2004. – 127 с.
2. Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. – Спб.: Речь, 2006
3. Журавлев А.Л. Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) – Психологический журнал, №3 – 2004
4. Никитин Б.П., Никитина Л.А. Резервы здоровья наших детей М.: Физкультура и спорт, 1990. - 221 с.
5. Никифоров Г.С. Психология здоровья. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2002. – 256 с.

Психофизиологические особенности аутоагрессивного и суицидального поведения подростков астено-невротического типа

Старцев М.Ю.¹

студент

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
факультет педагогики и психологии, Нижевартовск, Россия*

E-mail: ttarkhipova@mail.ru

Экзистенциальные проблемы «субъективной реальности человека» (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев) и общества в целом актуализируются в пиковые, критические периоды развития социума. Ход политических, экономических и социальных преобразований неизбежно ведет к глубинным изменениям психической целостности каждого индивида. На примере только XX века можно заметить, что «полярность» (позитивность или негативность) общественных явлений не играет принципиальной роли: широкий личностный резонанс имеют как резко отрицательные, так и относительно положительные события. Сегодня, в период мирового экономического кризиса, на первый план вновь выходят те «крайние точки» бытия человека, которые напрямую связаны с вопросами жизни и смерти.

Суицид и суицидальное поведение имеет столь же продолжительную историю, как и само человечество. На протяжении многих веков люди добровольно умирали, имея основанием к такому радикальному шагу самые разнообразные, подчас диаметрально противоположные причины. Первую попытку дать научное объяснение феномену суицида предпринял французский социолог Эмиль Дюркгейм. В своих исследованиях он утверждает, что «аутоагрессивное поведение следует объяснять, учитывая внешние обстоятельства, прежде всего особенности общества». Идеи Дюркгейма дали толчок к обособлению суицидологии в отдельную область научного знания. На сегодняшний день кроме социологического подхода выделяется и ряд других: биологический (Р. Крафт-Эбинг, П.М. Минаков, А.И. Крюков, И.М. Гвоздев), психологический (З. Фрейд, К. Меннингер, А. Адлер, А.Н. Моховиков, Н. Фарбероу, Э. Шнейдман), социально-психологический (Э. Линдемманн, Дж. Каплан), клинико-психологический (Г.И. Брегман, И.М. Каленский) и интегративный (А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко, С.В. Бородин, А.С. Михлин) подходы.

Аутодеструктивное поведение подростков в сложившейся демографической обстановке (численность пожилых людей в России преобладает над числом молодежи) становится явно негативным фактором. Данная проблема требует комплексного и методического изучения с целью предупреждения и профилактики суицидального риска среди подростков.

Проведенное пилотажное исследование охватило подростков в возрасте 14-15 лет. Общая численность выборки составила 28 человек (17 девушек и 11 юношей). При диагностировании типа акцентуации характера в качестве основного инструментария была использована компьютерная версия методики ПДО (А.Е. Личко). Полученные данные представляют в качестве преобладающего астено-невротический тип акцентуации характера (75% испытуемых). На следующем этапе была выявлена склонность к суициду

Секция «Психология»

(преимущественно его демонстративным проявлениям, так называемым «демосуицидам») у 35% испытуемых астено-невротического типа. С данной малой выборкой проведено исследование с помощью компьютерного комплекса для психофизиологического тестирования «НС-ПсихоТест» (И.Н. Мантрова). Полученные результаты дают основание предположить о наличии корреляционных связей индивидуальных психологических особенностей личности и физиологических основ деятельности центральной нервной системы в отношении проявления аутоагрессивного и суицидального поведения подростков. Данная гипотеза требует дополнительной проверки посредством проведения аналогичных экспериментов на других выборках испытуемых с последующим сравнительным анализом фактических материалов.

Литература

1. Леонгард К. Акцентуированные личности. М., 1981
2. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983
3. Старшенбаум Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. М.: Когито-Центр, 2005
4. Под редакцией проф. Вассерман Д. Напрасная смерть: Причины и профилактика самоубийств. М.: Смысл, 2005
5. Ненастьев А.Н. Самоубийство как девиантное поведение. М.: Прогресс, 2000
6. Моховиков А.Н. Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М.: Когито-Центр, 2001
7. Мантрова И.Н. Методическое руководство по психофизиологической и психологической диагностике. ООО «Нейрософт» (Россия, Иваново), 2007

Взаимосвязь морфологических и психологических показателей в детском и подростковом возрасте

Ступина К.С.

Аспирант биологического факультета

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, биологический факультет, Москва, Россия

E-mail: ksyu_z@rambler.ru

В отечественной ауксологии проблеме самооценки детей и подростков посвящена обширная литература, однако до настоящего времени не было предпринято специального исследования, в котором изучению подверглась бы взаимосвязь самооценки детей и подростков с их морфологическими и конституциональными особенностями. Это определяет актуальность данного исследования, целью которого было попытаться выявить связь между морфо-конституциональными особенностями и уровнем самооценки у детей и подростков.

В соответствии с этой целью в работе были поставлены и решены следующие задачи:

1. Оценить статистические взаимосвязи между признаками соматического развития и конституции с некоторыми психологическими показателями у детей и подростков г. Москвы, обследованных в 2006 г.
2. Проанализировать возрастные и гендерные различия в проявлении подобных связей.
3. Оценить значимость фактора внешности для общей самооценки детей и подростков.

Материал для работы был собран в школах города Москвы в 2006 году. Было обследовано 346 школьников в возрасте от 6 – 15 лет. Морфологические исследования проводились по методике, принятой в НИИ Антропологии МГУ. Для выявления уровня самооценки использовался подход Дембо – Рубинштейн. Шкала Дембо-Рубинштейн была изменена и дополнена Бахолдиной В.Ю. в соответствии с целью и задачами данного

Секция «Психология»

исследования. Статистическая обработка результатов проводилась на ПК с использованием стандартного пакета статистических программ Statistica 6.0.

Анализ данных о распределении конституциональных типов показывает преобладание торакального типа в большинстве групп, но при этом наблюдается большой процент школьников с дигестивным типом телосложения.

Проведенный факторный анализ позволил выявить взаимосвязь между соматическим статусом индивида и его самооценкой для мальчиков 6-10 лет. Во всех остальных половозрастных группах можно говорить лишь о некоторой тенденции существования подобных взаимосвязей. Также было показано, что нагрузки на психологические параметры имеют чуть большие значения у девочек, нежели у мальчиков, что говорит о большей значимости фактора внешности в формировании самооценки у девочек.

В распределении показателей самооценки в различных возрастных группах было выявлено две тенденции. Первая заключается в том, что показатели самооценки минимальны в младшем школьном возрасте и максимальны в возрасте 11-12 лет. Вторая тенденция заключается в том, что показатели самооценки максимальны в младшем школьном возрасте и минимальны в подростковом.

При сравнении гендерных закономерностей распределения значений самооценки по конституциональным типам у детей и подростков выявлено, что среди мальчиков в младшем возрасте общая самооценка выше для всех конституциональных типов. У девочек общая самооценка выше в раннем и зрелом пубертатном возрасте. Возможно, в этой динамике проявляется большая адаптивность, свойственная женскому полу в целом. Для выборки в целом выявляется общая тенденция к достижению наиболее высокого уровня самооценки в возрасте 11 -12 лет, в период раннего пубертата.

Особенности психологического отделения от родителей у подростков больных психосоматическими заболеваниями (на примере заболеваний желудочно-кишечного тракта)

Ушаков В.О.

Студент

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: aurizius@mail.ru

Проблема сепарации от родителей является одной из наиболее значимых и актуальных проблем в жизни каждого человека. От того, насколько благоприятно будет проходить этот процесс, зависит идентичность человека, степень тождественности самому себе. Изучение сепарации-индивидуации в психологии представляется особенно важным, поскольку этот процесс характеризует самое начало формирования нормальной и патологической идентичности.

Мюррей Боуэн писал, что при столкновении семьи и ребенка с готовностью к сепарации последнего семья становится нестабильной и дезорганизованной, повышается внутрисемейное напряжение. Мы исходим из предположения, что, нарушение процесса сепарации и как следствие отношения зависимости между родителями и детьми будут являться одним из главных компонентов нарушений семейной системы, а значит отчасти способствовать возникновению психосоматического симптома, поскольку общепризнанным сейчас является положение о многофакторной этиологии данных заболеваний (Кулаков, 2005). С другой стороны заболевание будет оказывать воздействие на отношения и также может являться причиной нарушения этого процесса как реальное событие жизни.

Мы понимаем под психологическим отделением процесс, в ходе которого ребенок постепенно формирует внутриспсихическую репрезентацию самого себя, отличную и отделенную от репрезентации его матери, т. е. сепарация в психологическом смысле - это

Секция «Психология»

процесс, благодаря которому индивид приобретает самостоятельность, независимость и целостность. Психологическая модель отделения от родителей должна включать в себя ряд компонентов, позволяющих осуществлять анализ этого процесса. Во-первых, это эмоциональное отделение – преодоление эмоциональной привязанности прежде всего к матери. Во-вторых, это индивидуация как идентификация и дифференциация своего «Я». Отсюда вытекает третий очень важный, на наш взгляд, компонент – формирование устойчивых границ психологического пространства личности. Нарушение этих границ, особенно если оно пролонгировано во времени может не только сопровождаться тревогой и стрессом, но и способствовать подавлению независимости ребенка. Эти три наиболее важных, на наш взгляд, компонента взаимосвязаны и являются отражением реальной организации процесса сепарации от родителей. Под нарушением процесса психологического отделения от родителей мы будем понимать отклонение каждого из перечисленных выше процессов от нормы. Наиболее остро данные проблемы предстают в подростковом возрасте.

В исследовании приняли участие 24 испытуемых, 12 учащихся 9 класса школы и 12 подростков - пациентов областной детской больницы г. Курск.

Мы выдвигаем гипотезу о взаимосвязи нарушения процесса сепарации и наличия психосоматического заболевания (на примере заболеваний желудочно-кишечного тракта, поскольку одними из самых распространенных соматических расстройств в подростковом возрасте являются заболевания желудочно-кишечного тракта (Исаев, 1996)). Таким образом, мы предполагаем, что у больных подростков будут достоверно чаще встречаться нарушения процесса психологического отделения от родителей. Для оценки характеристик процесса сепарации мы использовали следующие методики: ЦТО - для исследования эмоциональной зависимости и наличия тревоги в отношениях с родителями; модификацию теста исследование самооценки с помощью процедуры ранжирования - для исследования когнитивной зависимости; опросник суверенности психологического пространства (С.К.Нартова-Бочавер) - для оценки психологических границ личности. Также мы использовали методику Анализ семейной тревоги для изучения самочувствия подростка в семье.

Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0, с использованием критериев Mann-Whitney U Test и ϕ^* - угловое преобразование Фишера.

Для выявления различий по когнитивной зависимости от родителей, уровню семейной тревоги, суверенности психологического пространства мы сравнивали группы больных и здоровых подростков. Были получены следующие результаты. У больных подростков достоверно чаще встречается эмоциональная зависимость от матери ($p=0,0045$), но не от отца ($p>0,1$). Чрезмерная эмоциональная привязанность к матери не характерна для здоровых подростков. Были обнаружены значимые различия между группами больных и здоровых подростков по всем показателям суверенности психологического пространства личности: суверенность физического тела ($p=0,024$), суверенность территории ($p=0,043$), суверенность мира вещей ($p=0,003$), суверенность привычек ($p=0,049$), суверенность социальных связей ($p=0,0013$), суверенность ценностей ($p=0,012$), интегральный показатель суверенности психологического пространства ($p=0,015$). Все это говорит нам о том, что у больных подростков достоверно чаще нарушены психологические границы, т.е. присутствуют попытки со стороны родителей навязывать чуждые ему ценности, контролировать его социальные связи и т.д. Значимых различий в уровне когнитивной зависимости в группе больных и в группе здоровых подростков ни от матери ($p=0,273$), ни от отца ($p=0,374$) найдены не были. Это возможно вызвано, неспособностью отделить свои представления о себе от представлений родителей как следствие возраста, детоцентрированным воспитанием в нашей стране, и т.п. Значимых различий по показателю семейной тревоги в группе больных и в группе здоровых подростков также не было найдено ($p=0,19$). Это может быть связано с небольшим объемом выборки, склонностью подростков на этот тест давать социально приемлемые ответы («у меня в

семье все хорошо»), также этот параметр может быть напрямую не связан с проблемами сепарации. Нарушения отделения от родителей внешне могут протекать спокойно, даже часто безконфликтно.

В целом результаты эмпирического исследования частично подтверждают нашу гипотезу о различии протекания процесса психологического отделения у больных и здоровых подростков. Основываясь на результатах данного исследования, мы можем утверждать, что процесс сепарации от родителей действительно по ряду параметров протекает у больных подростков более негативно. Что же касается нарушения суверенности психологического пространства, заметим, что поскольку сам опросник ориентирован на детство человека, мы можем утверждать, что депривация границ могла стать одной из возможных причин возникновения самого заболевания. В целом же мы убедились в том, что процесс психологического отделения - сложный многокомпонентный процесс, нуждающийся в дальнейших исследованиях.

Литература

1. Александер Ф. Психосоматическая медицина: принципы и применения. М., 2000.
2. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина / Пер. с нем. Г.А.Обухова, А.В.Бруенка. – М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999.
3. Малер М., Мак-Девитт Дж.Б. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности. / Психоаналитическая хрестоматия: классические труды / под ред. М.В.Ромашкевича. М., 2005.
4. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. Неврология и психосоматическая медицина. – М.: МЕДпресс-информ, 2002.
5. Системная семейная терапия: Классика и современность / Сост. и науч. ред. А.В.Черников. – М.: Класс, 2005.
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 1999.

Подростковая беременность как одна из вероятных причин ухудшения психического и физического здоровья у молодых женщин

Филатова И.Ю.²⁰

соискатель

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А.Шолохова

Москва, Россия

E-mail: udacha_i@mail.ru

В настоящее время одной из главных проблем государства является беременность в 13-15 лет. За последние годы возрос удельный вес несовершеннолетних матерей, что повлекло за собой различные асоциальные проявления в обществе: суициды среди молодых женщин подросткового возраста, убийства новорожденных и малолетних детей, отказ от детей и размещение их в детские дома и приюты. Этому способствуют социальные, экономические преобразования в обществе, несовершенство нормативно-законодательной базы по поддержке матерей юного возраста, недостаточная работа с подростками в семье и в школе. Подростковая беременность может быть вероятной причиной ухудшения психического и физического здоровья у женщин будущего поколения. Актуальным остается вопрос об организации психологической, медицинской, социальной и юридической поддержки юной матери и ее ребенку. Своевременное оказание психологической и медицинской помощи матери-подростку предупреждает серьезные проблемы с ее психическим и физическим здоровьем в будущем.

²⁰ Автор выражает признательность профессору, д.м.н. Серебрянскому Ю.Е. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

Наши наблюдения показывают, что современные девочки-подростки становятся сексуально активными в более раннем возрасте, чем подростки предыдущего поколения. Это может происходить под давлением мощных средств массовой коммуникации, Интернета, неблагополучной семьи, компании сверстников. Однако не все подростки знают о последствиях незащищенного секса, который приводит к нежелательной беременности. Незапланированная беременность в подростковом возрасте доставляет множество проблем, которые без помощи взрослых невозможно решить. Но почти во всех подобных случаях несовершеннолетняя мать остается один на один со своей проблемой, что приводит к неблагоприятным последствиям в отношении ее психического и физического здоровья.

В ходе исследований мы провели письменный опрос и получили следующие данные. В опросе участвовало 100 детей. Респондентами стали девочки-подростки в возрасте 11-15 лет. Были заданы следующие вопросы:

1. Известно ли Вам что-нибудь о сексе?
2. Где получили информацию?
3. Что Вам известно о незащищенном сексе и его последствиях?
4. Родители обсуждают с Вами тему секса?
5. Кому первому расскажите о незапланированной беременности?

По данным нашего опроса, все 11-12 летние девочки имеют представление о сексе. Из 100% опрошенных в возрасте 12-13 лет 60% не знают о последствиях незащищенного секса, и самое главное, отказываются обсуждать эту проблему. Из 100% опрошенных 14-15 лет 40% не осознают и не серьезно относятся к данной ситуации, а 90 % из них затрудняются ответить на пятый вопрос.

По результатам опроса выяснилось, что в основном информацию подростки получают из Интернета и от сверстников. Многие утверждают, что разговаривать с родителями и учителями на такую тему стесняются, думают, что они их не поймут. Таким образом, попав в ситуацию с незапланированной беременностью, несовершеннолетняя мать остается наедине с возникшими трудностями, самостоятельное преодоление которых, может привести к плачевному результату.

Подростковый возраст считается кризисным периодом развития и отличается особым своеобразием физиологических и психологических процессов в организме. Гормональные изменения, психопатологические особенности возраста, депрессивные состояния, стрессы неблагоприятно могут повлиять на течение беременности и роды. В ситуации с незапланированной беременностью перед подростком встает вопрос о прерывании или сохранении беременности. Известно, что прерывание беременности может приводить к серьезным гинекологическим проблемам, а, в последствии, к бесплодию. С другой стороны, беременность и рождение ребенка в подростковом возрасте является фактором риска в отношении здоровья несовершеннолетней матери и ее дитя. Мы наблюдали частые случаи, когда у юной матери беременность и роды протекали с тяжелыми осложнениями, а ребенок рождался соматически ослабленным. Это подтверждает то, что подростковая беременность является риском для девочки, а в будущем может стать вероятной причиной ослабленного здоровья женщины.

Рассмотрим другую сторону незапланированной беременности. Наши наблюдения показали, что несовершеннолетние матери, нередко оказываются за порогом бедности, которая становится их образом жизни, и толкает на преступления (воровство, проституция и т.д.). Некоторые из них ведут скверный образ жизни: употребляют наркотики и спиртное, ведут беспорядочную половую жизнь. Исследования выявили, что у таких матерей наступает повторная беременность прежде, чем они достигнут 19-20 лет. Подобный образ жизни неблагоприятно отражается на психическом и физическом здоровье женщины и может привести к тяжелым последствиям со здоровьем в будущем.

Таким образом, подростковый возраст требует к себе повышенного внимания со стороны родителей и общества. Психическое и физическое здоровье юных матерей

должно протекать под контролем социально-психологических и медицинских учреждений. Исследование проблемы несовершеннолетнего материнства значимо в плане разработки специальных методов и технологий по оказанию психологической помощи. Перед обществом встает вопрос, как помочь преодолеть несовершеннолетней матери психотравмирующую ситуацию, создать благоприятные условия для развития ее ребенка, сохранить психическое и физическое ее здоровье. Решение этой проблемы должно проходить на государственном уровне. В целях решения необходимо организовывать больше медико-психолого-социальных центров и приютов для юных матерей и их детей. Немаловажное значение имеет организация медицинского, психологического, педагогического патронажа на дому.

Особенность локус-контроля у курящих и некурящих беременных женщин на Европейском Севере России

Харькова О.А.

*Аспирант, лауреат аспирантской стипендии Президента РФ
Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск, Россия
E-mail: harkovaolga@yandex.ru*

Локус контроля (ЛК) — это психологический фактор, который определяет тот или иной тип личности и представляет собой склонность человека приписывать ответственность за происходящие в жизни события и результаты своей деятельности внешним силам (экстернальный, внешний ЛК) или собственным способностям и усилиям (интернальный, внутренний ЛК). Данный термин был введен американским психологом J.V.Rotter (1954) в рамках теории социального научения и является устойчивым свойством индивида, формирующийся в процессе его социализации.

ЛК напрямую связан с некоторыми типами психопатологии, в том числе, с аддиктивным поведением, так как экстерналы гораздо сильнее подвержены социальному воздействию. Исследования, проводимые уже в 1975 году показали, что попытка отказа от курения более успешна у лиц с интернальным ЛК.

Никотиновая зависимость - заболевание, не имеющее аналогов среди других болезней по своей распространенности и системности поражения, как самого курящего, так и лиц, подвергающихся пассивному курению. Табакокурение охватило сегодня значительную часть населения земного шара, причем во многих странах мира число курящих растет в основном за счет женщин репродуктивного возраста, которым достаточно сложно отказаться от данной вредной привычки во время беременности.

Целью исследования явилось изучение уровня ЛК у женщин с никотиновой зависимостью в период гестации на Европейском Севере России.

Материал и методы исследования

В поперечном исследовании приняло участие 323 женщины в третьем триместре беременности, находящихся на стационарном лечении или предродовой подготовке в родильных домах г. Архангельска. Основная группа включала 158 женщин, курящих до и во время беременности: 81 курили на протяжении всей беременности («курящие») и 77 - курили ранее, но отказались от табакокурения в первом триместре гестации («отказавшиеся»). Контрольная группа включала 165 женщин, не курящих до и во время беременности («некурящие»). Исследование проводилось с помощью опросника Уровня субъективного контроля (УСК), оценки мотивации к курению (Чучалин А. и соавт.), оценки степени мотивации бросить курить (Левшин В.)

Статистический анализ данных проводился в программном пакете «SPSS For Windows», версия 11,5. Сравнение групп по интервальным шкалам осуществлялось с помощью критерия Стьюдента. Логистическая регрессия использовалась для того, чтобы оценить эффект независимых переменных (уровень ЛК в области семейных отношений,

Секция «Психология»

семейный статус и возраст беременной женщины) на риск продолжения табакокурения в период гестации.

По данным опросника УСК для некурящих беременных женщин был характерен внутренний ЛК в области достижений и межличностных отношениях, свидетельствующий о том, что они в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию, не вовлекаясь при этом в различного рода аддикции (в частности, табакокурение), принятые в определенном коллективе ($p \leq 0,05$ по сравнению с курящими). Они решительные, уверенные в себе, устойчивы к асоциальному поведению и способны с успехом преследовать свои цели в будущем.

Нами отмечены статистически значимые различия по шкалам опросника УСК между изучаемыми группами. Так, женщины, отказавшиеся от табакокурения в I триместр беременности, имели более развитое чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям и в большей степени считали себя ответственными за события их семейной жизни, чем курящие ($p \leq 0,05$). Поэтому, воспринимая табакокурение во время беременности, как негативный фактор не только для ребенка, но и статуса семьи в целом, они были способны отказаться от данной вредной привычки. Различие по шкале интернальности в области семейных отношений, скорректированное по возрасту и семейному статусу, у курящих и отказавшихся от употребления табака беременных женщин изучалось с помощью регрессионного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Локус контроля в области семейных отношений у курящих и отказавшихся от табакокурения беременных женщин, скорректированный по возрасту и семейному положению

	Отношение шансов			
	нескорректированное	95%ДИ	скорректированное	95%ДИ
Ис	1,302*	1,043-1,626	1,372*	1,005-1,874
Брак:				
регистрируемый	1,000	-	1,000	-
гражданский	0,766	0,332-1,767	1,286	0,353-4,684
отсутствует	0,253*	0,088-0,720	0,270	0,060-1,213
Возраст женщины	1,142*	1,036-1,260	1,114	0,993-1,250

Примечание: различия достоверны при $*p \leq 0,05$

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что увеличение показателя интернальности в области семейных отношений на единицу увеличивает шанс отказа от табакокурения во время беременности в 1,372 раза независимо от семейного статуса и возраста женщины.

Интерналы в области семейных отношений имели более сильное желание бросить курить, они были готовы на любые трудности для достижения поставленной цели, в то время как 83,3% курящих беременных женщин с экстернальной направленностью в этой области вообще не были уверены надо ли им это делать ($p \leq 0,05$). Изучение взаимосвязи мотивов к курению с ЛК выявило, что для курящих женщин с интернальным ЛК в области семейных отношений преобладающей причиной продолжения курения во время гестации явилась психологическая зависимость от сигарет ($p \leq 0,05$).

Таким образом, наиболее трудным для лечения и реабилитации табачной зависимости являются женщины с низкими показателями по шкале интернальности в области семейных отношений, имеющих достаточно низкую мотивацию на отказ от курения во время беременности. Проведенное исследование может служить основой при разработке и реализации профилактических и лечебно-реабилитационных антитабачных программ при планировании и во время беременности.

Влияние Интернет-технологий на качество жизни (клинический аспект).

Цветкова И.В.

Студентка

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, факультет

психологии, Москва, Россия

E-mail: tsvetkovaiv@gmail.com

Термин "качество жизни" используется чрезвычайно широко в научном сообществе и в средствах массовой информации. В индустриальных странах рост интереса к качеству жизни выражается в понимании значимости целостного взгляда на индивида в медицине и в социальных науках по сравнению с представлением о человеке как носители заболевания. В 1948 году Всемирная организация здравоохранения определила "здоровье" как "состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни или неспособности".

Важно отметить, что современный мир ставит новые задачи перед человеком и одновременно открывает новые грани его возможностей, чему способствует развитие новых технологий. Использование высокотехнологичных средств удовлетворения потребностного состояния становится все привычнее и обыденнее. Так, в ходе применения Интернет-технологий можно удовлетворить все основные группы потребностных состояний человека, в том числе связанные не только с социальными, но и с биологическими потребностями организма: потребность в безопасности, потребность в общении, потребность в новых впечатлениях, потребность в самореализации.

Поэтому психическая деятельность человека трансформируется и адаптируется в соответствии с новыми условиями и возможностями существования. Одной из актуальных проблем психологии является вопрос о том, как изменяется психическая деятельность под влиянием современных технологий [2]. Решение данной проблемы так же связано с практическими запросами общества. Отмечается рост случаев злоупотребления возможностями, предоставляемыми современными технологиями, в том числе рост Интернет-зависимости.

В изучении Интернет – технологий различные психологические направления по-разному представляют предмет исследований. Например, психодинамический подход, в основном, рассматривает негативные стороны использования сети. Главный предмет исследования психодинамически ориентированных специалистов составляет Интернет-зависимость, где она рассматривается как эскапизм, бегство от реальности под давлением тревоги, заниженной самооценки и высоких социальных требований. Т.е. деятельность в сети, по их мнению, носит компенсаторный характер, и с помощью Интернет-технологий реализуются фрустрированные в реальности потребности.

Бихевиоризм обращает свое внимание на обучение, опосредованное компьютером и Интернетом, где компьютер выступает в роли наставника и эксперта, который взаимодействует с обучающимся субъектом.

Взгляд на исследования Интернета с точки зрения гуманистического подхода, основываясь на модели А. Маслоу, можно представить как процесс удовлетворения потребностей в соответствии с пирамидой потребностей: виртуальный флирт – это способ удовлетворения сексуальной потребности; эмоциональная привязанность к Интернет-собеседникам – это удовлетворение потребности в любви, чувстве принадлежности и признании; освоение Интернет-среды как нового вида деятельности – это потребность в уважении и самоуважении; уровень самоактуализации, также доступен для реализации с помощью Интернет-технологий.

Согласно деятельностному подходу анализ любого психического акта подразумевает выделение иерархически организованной системы мотивов, т. к. мотив выполняет смысловую и регулирующую функцию в структуре деятельности. Таким образом, на

основе классификации мотивов можно выделить различные виды деятельности. О.Н. Арестовой, Л.Б. Бабаниным и А.Е. Войскунским [3] была представлена классификация мотивов деятельности пользователей в сети Интернет: деловой, познавательный, коммуникативный, мотив сотрудничества, самоутверждения, аффилиации, самореализации, рекреации и игровой.

Целью данного исследования стало изучение субъективных представлений о качестве жизни Интернет-пользователей в зависимости от выраженности показателя Интернет-зависимости. Для этого был использован опросник ВОЗКЖ-100 [1], фиксирующий субъективный уровень благополучия респондентов и их удовлетворенность условиями своей жизни.

В ходе исследования было опрошено 315 респондентов, из которых 179 опрошенных попали в группу Интернет-независимых по шкале Интернет-зависимости К. Янг (адаптация В.А. Лоскутовой (Буровой) [4]), 139 респондентов – пользователи группы риска, 5 опрошенных – Интернет-аддикты. Были установлены статистически значимые различия на уровне значимости 0,01 между группой Интернет-независимых пользователей и группой риска по всем шкалам опросника КЖ: Общее качество жизни, физическая боль, жизненная активность, энергия, сон и отдых, положительные эмоции, когнитивные функции, отрицательные эмоции, подвижность, способность выполнять повседневные дела, способность к работе, зависимость от лекарств, личные отношения, социальная поддержка, сексуальная активность, физическая безопасность и защищенность, окружающая среда, транспорт и духовные, личные и религиозные убеждения. На уровне значимости 0,05 были выявлены статистически значимые различия между группой риска и Интернет-зависимыми пользователями по шкалам оценки когнитивных функций и личных отношений. Так же респонденты заполняли опросник депрессии Бека, где были установлены значимые различия на уровне 0,05 между каждой из трех групп. Проведенный корреляционный анализ показал связь между уровнем Интернет-зависимости и выраженностью депрессивных симптомов по шкале Бека.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для Интернет-независимых пользователей характерна более высокая субъективная удовлетворенность качеством жизни в отличие от пользователей группы риска и Интернет-аддиктов. Причиной этого можно предположить высокие показатели депрессивной симптоматики, характерные для Интернет-зависимых пользователей, которые выбирают Интернет-пространство (вследствие его характерных черт: анонимность, личный контроль, безопасность, доступность и простота использования) как средство совладания со своими негативными переживаниями. Таким образом, Интернет становится хронифицирующим фактором депрессивной симптоматики Интернет-пользователей, провоцирующий утяжеление депрессии и нарастание аддиктивного поведения.

Литература:

1. Бурковский Г.В., Коцюбинский А.П., Левченко Е.В., Ломаченков А.С. Использование опросника качества жизни (версия ВОЗ) в психиатрической практике: Пособие для врачей и психологов. С- Петербург 1998.
2. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона социализации / А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов // Психологический журнал. - 2005. - № 6. - С. 16-24.
3. Гуманитарные исследования в Интернет/ Под редакцией Войскунский А.Е. – М., "Можайск-Терра", 2000. – 432 с.
4. Лоскутова В.А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: диссертация кандидата медицинских наук. 107 с.

Психологические особенности больных с аутоиммунным тиреоидитом
Шаронова Д.А.

В последнее время наблюдается рост числа эндокринных заболеваний, в особенности – заболеваний щитовидной железы, которыми страдает 7-8 % всего населения земного шара. Особенная концентрация эндокринной патологии отмечается в мегаполисах.

В психосоматически ориентированных исследованиях была доказана взаимосвязь возникновения и патогенеза заболеваний щитовидной железы с психологическими факторами, в частности - неадаптивными эмоциональными и личностными паттернами, а также нарушениями в семейной системе пациентов, порождающими неадекватные межличностные паттерны, в том числе при контакте с лечащим врачом. Согласно современным исследованиям, психологическое направление позволяет проводить более эффективную профилактическую, лечебную и реабилитационную работу с больными с эндокринной патологией.

Нами был получен запрос со стороны врача-эндокринолога амбулаторной сети на пилотажное клиничко-психологическое исследование контингента больных с диагнозом «аутоиммунный тиреоидит» для определения психологического состояния пациентов с целью выявления возможных клиничко-психологических факторов психосоматического реагирования. Основанием для такого запроса стала гипотеза врача о наличии некоторых психологических особенностей у данной группы пациенток, которые могут опосредовать как их соматическое благополучие, так и восприятие ими своего физического состояния. Аутоиммунный тиреоидит – хроническое заболевание воспалительной природы, связанное с поражением щитовидной железы клетками иммунной системы и антителами, чаще всего приводящее к снижению ее функции. Клинические симптомы заболевания практически отсутствуют, в отсутствие гипотиреоза пациенты лишь находятся под динамическим наблюдением врача.

Нами было проведено качественное исследование выборки из 11 пациентов с диагнозом «аутоиммунный тиреоидит», в возрасте от 18 до 55 лет. После первичного ознакомления с общим соматическим и психическим состоянием пациентов был составлен методический комплекс для исследования аспектов эмоционально-личностной сферы пациентов (личностного профиля пациентов, защитных механизмов личности, а также специфики актуального эмоционального состояния), внутрисемейной структуры и коммуникации в родительских и собственных семьях пациентов, а также субъективных ощущений пациентов, вынесенных вовне в виде жалоб с целью выделения клиничко-психологических факторов, чувствительных в отношении психосоматического благополучия пациентов исследуемой группы.

Методы исследования включали в себя клиничскую беседу, предварявшую остальную работу и определявшую ее направление, опросник ММРІ в варианте Л. Н. Собчик, тест «Семейные эмоциональные коммуникации» (Воликова С. В., 2005), проективные методики «Рисунок несуществующего животного» и «Рисунок семьи», а также нейро- и патопсихологические пробы с целью исключения наличия возможных психопатологических и органических расстройств у пациенток, а также для определения динамических характеристик деятельности и возможных особенностей когнитивной сферы.

В нашем исследовании было показано, что анализ жалоб является информативным средством для анализа аспектов эмоционально-личностной сферы и сферы семейной коммуникации пациентов. Жалобы пациентов оказались информативными в отношении аспектов их соматического здоровья. Собранные анамнестические данные и данные истории болезни позволили сделать вывод о значительной соматической отягощенности исследованной выборки, а также позволили обнаружить характерное отношение к сфере

Секция «Психология»

своего здоровья. У пациенток имеются конверсионные жалобы, а также заболевания, с большой вероятностью имеющие психогенное происхождение.

Предложенный методический комплекс оказался адекватен поставленной задаче первичного обнаружения феноменов психосоматического реагирования в исследованной группе пациентов. В ходе проведенного исследования у пациентов с диагнозом «аутоиммунный тиреоидит» были обнаружены определенные психологические особенности, возможно, играющие роль в формировании психосоматического типа реагирования. В эмоционально-личностной сфере обнаружены интрапсихические конфликты, предположительно, способствующие возникновению соматизированного расстройства, а также конверсионных расстройств. Кроме того, было выявлено влияние определенных паттернов эмоционального реагирования на восприятие больными своего соматического состояния. Указанные особенности опосредуют процесс взаимодействия с врачом, формируя определенную картину жалоб и реакцию на лечение.

Межличностная, в частности внутрисемейная, коммуникация пациентов исследуемой группы также обладает определенной спецификой, оказывающей влияние на формирование склонности к психосоматическому реагированию. У исследованных пациентов были обнаружены признаки дисфункциональности семейных систем в виде нарушения границ, гиперопеки по отношению к собственным детям, эмоциональной зависимости одновременно с элиминированием эмоций по отношению к близкой фигуре, манипуляции и т.п. такие особенности также могут способствовать развитию психосоматического неблагополучия.

На основании полученных данных мы считаем перспективным дальнейшее исследование пациентов с диагнозом «аутоиммунный тиреоидит», в рамках направлений индивидуально-личностных особенностей и семейного контекста пациентов. Необходимо увеличение выборки с целью получения более достоверных результатов, а также использование батареи стандартизованных методик для измерения указанных факторов.

Некоторые аспекты психологической реабилитации детей с онкологическими заболеваниями

Шибкова О.С.¹

*Студентка 5 курса факультета клинической психологии
Московский Государственный Медико-Стоматологический Университет, Москва,
Россия*

E-mail: ssoollkkaa@mail.ru

В последнее десятилетие особое внимание уделяется психологическим проблемам ребенка с онкологическим заболеванием, как находящегося на длительном лечении в стационаре, так и в состоянии ремиссии. Интерес к проблеме реабилитации связан с прогрессом в лечении детского рака в нашей стране в последние 20 лет, когда более 70% больных детей стали выходить в многолетние ремиссии и выздоравливать. Вместе с тем, отношение к раку, как к фатальному заболеванию, существующее в нашем обществе, часто неопределенный прогноз и длительный путь к выздоровлению создают тревожную атмосферу вокруг онкологического больного, которая только усугубляется в тех случаях, когда пациентом является ребенок.

В 2008 году на базе специализированного отделения комплексной реабилитации детей с онкологическими заболеваниями Федерального Научно-клинического центра детской гематологии, онкологии и иммунологии Минздравсоцразвития РФ нами проводилось комплексное исследование детей младшего школьного возраста (6-11 лет), страдающих онкологическими заболеваниями и их семей. Все дети находились в состоянии ремиссии разных сроков – 3, 5 и более лет.

Основным направлением нашей работы стало исследование уровня тревожности детей с онкологическими заболеваниями и анализ связи этого показателя с различными

Секция «Психология»

асpekтами жизни ребенка. В первую очередь, мы рассматривали зависимость показателя тревожности от сроков ремиссии заболевания и от особенностей стиля воспитания ребенка в семье, предполагая, что, чем больше срок ремиссии, тем ниже уровень тревожности.

Другой задачей исследования был поиск ответа на вопрос – какие особенности семейного воспитания влияют на уровень тревожности ребенка с онкологическим заболеванием? Вопрос о существовании наиболее эффективной системы воспитания, снижающей уровень тревожности ребенка с онкологическим заболеванием.

Так как особенности семейного воспитания и особенности реагирования на стрессовые условия во многом зависят от пола ребенка, мы уделили отдельное внимание анализу особенностей стиля родительского воспитания и мнения об отношении родителей у мальчиков и девочек.

Первым результатом нашего исследования, стал вывод об отсутствии связи между сроком ремиссии и уровнем тревожности у маленьких пациентов, т.е. такой важный в оценке эффективности лечения факт, как длительная ремиссия, на снижении уровня психологического напряжения у ребенка непосредственно не сказывается. На наш взгляд, тот факт, что длительная ремиссия не снижает уровень тревожности ребенка, объясняется, с одной стороны, искажающим действием родительской системы психологической защиты ребенка, которая защищает ребенка и его семью от травмирующих переживаний, но которая не может не исказить значение некоторых объективных показателей, поскольку главная цель такой психологической защиты – поддержание приемлемого уровня психологического функционирования ребенка и семьи, а вовсе не точное отражение реальности со всеми ее стрессовыми факторами. С другой стороны, отсутствие связи между сроком ремиссии и уровнем тревожности у ребенка, можно объяснить сохраняющимся у него страхом за свое здоровье и жизнь, страхом возможности рецидива.

Также в результате исследования у детей были выявлены два типа реагирования на ситуацию лечения тяжелого заболевания – или высокая тревога, или компенсация тревоги за счет родительской системы воспитания. В этой системе, с одной стороны, родители больше разрешают ребенку, меньше ограничивают его активность, меньше с него требуют, терпимее относятся к его мелким проступкам и шалостям, а с другой стороны, продолжают неусыпно следить за его поведением, и в случае несовместимости поведения ребенка с их представлением о границах дозволенного реагируют достаточно жестко. Оба варианта реагирования на ситуацию лечения тяжелого заболевания неблагоприятны для личностного развития ребенка. Первый за счет высокого психологического напряжения, мешающего адекватному общению с окружающими и развитию личности ребенка, второй – за счет перенапряжения семейной системы и отсутствия соответствующего возрасту уровня ответственности в отношениях между ребенком и родителями.

В ходе исследования были получены данные, которые позволяют по-новому взглянуть на гендерные особенности реагирования ребенка на ситуацию лечения и болезни. Картина отношения ребенка к себе и привычные для родителей способы воспитания различаются в группах мальчиков и девочек. За счет присущего девочкам большего стремления к социальной желательности поведения и более высокой коммуникативной компетенции часть их психологических проблем маскируется и оказывается вне поля зрения окружающих взрослых, тогда как в общении с мальчиками психологическое неблагополучие замечается окружающими в более явной форме. Таким образом, девочки часто оказываются лишены естественной помощи окружения при тревожных переживаниях, связанных с болезнью. Эти особенности важно учитывать при выработке индивидуального подхода к ребенку как при профессиональном психологическом сопровождении, так и при общении с ребенком в семье.

Проведенное исследование подтверждает необходимость психологического сопровождения больных детей и их родителей на госпитальном и постгоспитальном этапах, которое на настоящий момент удовлетворяется далеко не в полной мере.

Направленность психологической помощи вытекает из тех проблем, которые выявлены в ходе исследования, и в первую очередь должна осуществляться через формирование позитивной внутренней картины болезни у больного ребенка как напрямую, так и через формирование адекватных установок у родителей. Не менее важной видится психосоциальная работа с семьей больного ребенка: выбор оптимальных путей выхода из кризиса, сплочение членов семьи, организация психологической поддержки и помощи. Возможности социальной работы как междисциплинарного вида деятельности, по нашему мнению, еще недостаточно задействованы в решении этих проблем, что требует дальнейшего поиска форм и методов работы в детских онкологических отделениях.

Литература

1. Дурнов Л. А. Голдоленко Г. В., Курмашов В. И. Детская онкология. – М.: Литера, 1997. – 400 с.
2. Исаев Д.Н. Психосоматическая медицина детского возраста. СПб, -1996.
3. Киреева И. П. Психосоциальные вопросы детской онкологии: Материалы первой Всероссийской конференции с международным участием «Социальные и психологические проблемы детской онкологии». – М.: GlaxoWelcome.
4. Моисеенко Е. И., Писаренко Н. А., Цейтлин Г. Я. Психологическая адаптация семьи с ребенком с онкологическим заболеванием на этапе ремиссии: Материалы первой Всероссийской конференции с международным участием «Социальные и психологические проблемы детской онкологии». – М.: GlaxoWelcome. – С. 112 – 115.
5. Николаева В.В., Писаренко Н.А. «Адаптивная семья» ребенка с онкологическим заболеванием: Материалы первой Всероссийской конференции с международным участием «Социальные и психологические проблемы детской онкологии». – М.: GlaxoWelcome. – С. 91 - 92.

1 Автор выражает признательность ст. преподавателю кафедры общей психологии МГМСУ, канд. психол. н. Моховой Е.Е. за помощь в подготовке тезисов.

Психопатологические особенности личности, склонной к игровой компьютерной зависимости

Щевлягина М.Б.

Студентка

*Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, психологический факультет, Казань, Россия
E-mail: maria-kgu@rambler.ru*

Патологическая увлечённость компьютерными играми динамично развивается. В среднем для человека требуется не более полугода-года для становления действительным игровым аддиктом [1]. Она поглощает человека, отнимая массу времени на развитие и образование, исключая его из активного социального процесса, негативно сказывается на состоянии здоровья субъекта [2].

Поскольку игровая компьютерная зависимость представляет собой патологическое обсессивное пристрастие к компьютерным играм [3], у нас есть основание предположить, что она носит психопатологическую основу и её корни базируются на патологических чертах личности.

Дефицит научной информации по данной теме в российской и зарубежной науке затрудняет разработку программ профилактики, диагностики и коррекции зависимости от компьютерных игр. Поэтому наша работа была направлена на поиск эмпирически обоснованных знаний о структуре личности субъектов, склонных к компьютерной зависимости.

В проведённом нами исследовании приняли участие 30 пациентов Республиканской клинической психиатрической больницы им. В.М. Бехтерева г. Казани с диагнозом расстройство личности (F 60 – F 69) и 40 студентов 1V курса не состоящих на учёте у психиатра.

Секция «Психология»

В результате проведённого исследования удалось установить, что в структуре личности склонных к зависимости от компьютерных игр пациентов имеющих диагноз расстройство личности преобладают такие заострённые черты характера как возбудимость, циклотимичность, педантичность, а также такие патологические черты личности как паранойяльность и гипомания.

В выборке студентов, не имеющих психиатрического диагноза, на возникновение склонности к зависимости от компьютерных игр главным образом влияет выраженная психопатическая черта личности, которая подкрепляется циклотимичностью, застреваемостью, экзальтированностью.

В итоге нашей работы мы получили данные, говорящие о том, что возникновение патологической увлечённости формируется на базе психопатологических особенностей и сопровождается комплексом заострённых черт характера, которые способствуют динамичному её развитию.

Литература

1. Менделевич В.Д., Садыкова Р.Г. (2002) Психология зависимой личности, или подросток в окружении соблазнов. Казань: Марево.
2. Менделевич В.Д. (2005) Психология девиантного поведения. СПб.: Речь.
3. Старшенбаум Г.В. (2006) Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр.

Разрешение внутриличностных противоречий как условие профессионального развития педагога

Яценко Е.А.

аспирант

*Белгородский Государственный Университет, факультет психологии, г.Белгород, Россия
E-mail: Alyonushko@rambler.ru*

Положение о важной, определяющей роли педагога в процессе обучения подрастающего поколения является общепризнанным. Личность учителя, по мнению большинства исследователей, – основное условие и средство успеха педагогического процесса, ее не могут заменить ни учебные пособия, ни мастерски выполненные методические разработки. Личность учителя представляет собой не простую совокупность свойств и характеристик, а сложное динамическое образование. Особый интерес для нас в этом образовании представляет аспект гармоничности его структур, тем более, что проблема внутриличностных противоречий учителя как движущих сил его личностного и профессионального развития до сих пор остается одной из наименее разработанных в психологии. Исходя из этого, перед нами стоит задача разобраться в вопросе, касающемся роли внутренней конфликтности в личностно-профессиональном становлении педагога. Осуществить логический переход к непосредственному рассмотрению данного вопроса поможет теоретический анализа категорий «внутриличностные противоречия» и «внутриличностные конфликты».

Проблеме внутриличностных противоречий и конфликтов уделяют внимание представители различных направлений зарубежной и отечественной психологии. Так в рамках психоаналитического направления акцент делается на биопсихологической трактовке внутриличностного конфликта. У человека в состоянии внутриличностного конфликта происходит столкновение желаний: часть личности отстаивает определенные желания, другая отклоняет их (З. Фрейд). В теории К. Юнга внутриличностный конфликт — это регресс на более низкий уровень психики; происходит конфликт подобного рода в сфере бессознательного. У К. Хорни внутриличностный конфликт анализируется с двух позиций: как столкновение стремлений к удовлетворению желаний и к безопасности и как противоречие «невротических потребностей», удовлетворение которых влечет за собой фрустрацию других.

Секция «Психология»

В основе конфликта, по К. Роджерсу, лежит противоречие, возникающее у личности между осознанными, но ложными самооценками, которые человек приобретает в течение жизни, и самооценкой на неосознаваемом уровне. А. Маслоу сущность внутриличностного конфликта рассматривает как нереализованную потребность человека в самоактуализации.

По К. Левину внутриличностный конфликт — это ситуация, в которой на субъекта одновременно действуют противоположно направленные силы примерно одинаковой величины, и субъект вынужден делать выбор: между положительной и отрицательной тенденциями; между положительной и положительной тенденциями; между отрицательной и отрицательной тенденциями.

Когнитивная психология рассматривает внутриличностный конфликт через когнитивный диссонанс - негативное состояние, возникающее в ситуации несоответствия знания и поведения или несовпадения двух знаний. В связи с этим, внешняя и внутренняя активность личности направлена на его устранение (Л. Фестингер).

В рамках бихевиоризма внутриличностный конфликт трактуется как плохая привычка, результат ошибочного воспитания (Д. Скиннер). В работах необихевиористов (Н. Миллер, Дж. Доллард) конфликт определяется как фрустрация, т. е. реакция на препятствие.

Основатель концепции психосинтеза Р. Ассаджоли видит сущность внутриличностного конфликта в наличии острых противоречий внутри личности, снижающих цельность «Я».

Среди отечественных психологов одним из первых внутренние конфликты исследовал А. Лурия. Под внутриличностным конфликтом он понимал ситуацию, когда в поведении индивида сталкиваются две сильные, но противоположно направленные тенденции.

Значительный вклад в развитие теории внутриличностного конфликта внесли психологи В. Мерлин, В. Мясичев, Н. Левитов, Л. Славина. В. Мерлин рассматривал внутриличностный конфликт как «результат острого неудовлетворения глубоких и актуальных мотивов и отношений личности». Если в процессе деятельности возникает состояние длительной дезинтеграции личности, выражающееся в обострении противоречий между различными сторонами, свойствами, отношениями и действиями личности, то такое психическое состояние является внутриличностным конфликтом.

По Н. Левитову внутренний конфликт представляет борьбу мотивов, которая осознается как переживание душевного разлада.

Ф. Василюк рассматривает внутренний конфликт как один из видов критических жизненных ситуаций (наряду со стрессом, фрустрацией и кризисом). Конфликт возникает в результате столкновения двух внутренних побуждений, отраженных в сознании в виде самостоятельных ценностей. Внутренний конфликт протекает в форме особого «ценностного переживания». Показателем внутриличностного конфликта является сомнение в истинной ценности мотивов и принципов, которыми руководствовался в жизни субъект.

Таким образом, обозначая границы между понятиями внутриличностных противоречий и конфликтов, психологи, как правило, конфликт относят к стадии обострения противоречий. Резюмируя обозначенные подходы, можно дать следующее определение внутриличностному противоречию – это субъективное переживаемое рассогласование тех или иных тенденций во внутреннем мире личности, которые взаимодействуют и изменяют друг друга в процессе развития. Влияя на развитие, внутреннее противоречие само развивается. Одним из этапов этого развития является конфликт.

Возвращаясь к вопросам взаимосвязи противоречивости внутреннего мира педагогов и их личностно-профессионального развития, стоит отметить точку зрения, которая красной нитью проходит через подавляющее большинство теорий в отечественной и зарубежной психологии, рассматривающих проблему движущих сил развития: «движение» личности обеспечивается разрешением противоречий, «локализованных» в её

Секция «Психология»

внутреннем мире. Т.е. наличие противоречий – закономерный и необходимый этап в развитии личности. Профессионал-учитель – не исключение. Существует множество работ, которые отмечают, что преодоление противоречий является важнейшей психологической предпосылкой качественного изменения профессионального и личностного уровня педагога. Каков же механизм влияния противоречий на процесс развития? Во-первых, развитие происходит за счет того, что потеря внутреннего равновесия сигнализирует о назревшем рассогласовании противоречащих друг другу тенденций в самосознании. Во-вторых, как только сигнал осознан, противоречия могут стимулировать педагога к развитию каких-либо качеств, естественно, при наличии потребности в актуализации своих потенций. Однако здесь важно подчеркнуть, что само наличие или отсутствие противоречия ещё не определяет вектор развития. Только стремление, готовность и способность учителя к преобразованию составляющих этого противоречия дают возможность рассматривать его как предпосылку к дальнейшему профессиональному и личностному развитию. В противном случае, не редки варианты пассивного созерцания собственной личностной дисгармонии, разнообразные невротические реакции, и, как следствие, профессиональная стагнация или регресс.

Проблемы обучения и развития: теоретические и прикладные аспекты. Педагогическая психология и психология образования

**К вопросу о развитии ресурсов исследовательской компетентности
у студентов-историков**

Аксёнова Н.А.

Аспирант

*Калужский государственный педагогический университет имени К.Э.Циолковского,
исторический факультет, Калуга, Россия
E-mail: n2038@yandex.ru*

Развитие исследовательской компетентности студента-историка определяет процесс профессионального становления будущего специалиста. Историю, по меткому замечанию Р.Дж. Коллингвуда, можно отнести «к разновидности исследования или поиска...», т.е. тех форм мышления, посредством которых мы задаем вопросы и пытаемся ответить на них». Выполнение профессионально-релевантных задач требует от историка умения критически работать с источниками, «гасить» субъективность человеческих свидетельств, следуя принципу историзма и т.д. Преобразовательный характер исследовательской компетентности позволяет рассматривать её в совокупности когнитивных, метакогнитивных и личностных ресурсов. Выделение когнитивного ресурса связано с информационным содержанием исторического образования и потенциальными целями постижения истории – освоением систематизированных знаний об истории человечества, формированием исторического мышления, овладением умениями и навыками поиска, систематизации, анализа исторической информации, развитием способности понимать историческую обусловленность явлений и процессов современного мира. Включение метакогнитивного ресурса обусловлено развитием способностей самоуправления психическим состоянием, содержательностью профессиональной рефлексии. Особенности субъективной позиции студента-историка опосредован личностный ресурс компетентности, включающий в себя ценностный и мотивационный компоненты. Концепция смысла, которую историк находит в событиях, обусловлена его мировоззрением, его чувством истины. Отсюда, особые требования к внутренней позиции историка. Его «сдержанность» – это не только отрицание интегральных законов в истории, отказ от общих определений, широких понятий, психологических объяснений, но и высокая личная ответственность, нравственный стоицизм. Мотивационный компонент связан с выраженной динамикой познания самого себя, своих возможностей, признанием ценности самого исторического знания и совершенствованием профессионального целеполагания.

Изучение взаимосвязи ресурсов исследовательской компетентности потребовало разработки соответствующей экспериментальной модели. Для каждого ресурса исследовательской компетентности были выделены как показатели, отражающие характерные (присутствующие в государственном стандарте, положениях, программах) и определительные (востребованные студентами знания, умения, навыки, качества) признаки ресурсов, так и соответствующие критерии. Исследование проводилось на студентах 2-5 курсов Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского (120 человек). Полученные данные обрабатывались количественно и качественно, использовался корреляционный анализ по критерию Спирмена, сравнительный анализ по критерию Манна-Уитни, а также « χ^2 », коэффициент четырехпольной корреляции. Различия считались достоверными на уровне значимости не ниже $p = 0,05$.

Проведенное исследование выявило соотношение ресурсов в структуре исследовательской компетентности и позволило наметить тенденции развития самих ресурсов. В целом, большинство студентов (с 3 курса) показало средний уровень развития

Секция «Психология»

исследовательской компетентности. Общий процент студентов с высоким уровнем исследовательской компетентности не превышал 28% и концентрировался на 4-5 курсах.

Наиболее интенсивно прослеживается развитие когнитивного ресурса исследовательской компетентности (преобладание высокого уровня его организации у старшекурсников). Динамика развития метакогнитивного ресурса исследовательской компетентности отражает повышение уровня организации ресурса с 2-го по 4-й курс и незначительное снижение уровня к 5-му курсу. В целом, у старшекурсников преобладает средний уровень организации ресурса. Наименьшая интенсивность зафиксирована в развитии личностного ресурса: общая доля студентов с высоким уровнем проявления личностного ресурса не превышает 25% среди старшекурсников. В то же время, когнитивный ресурс исследовательской компетентности не является дифференцирующим в отношении исследуемой выборки студентов. На эту роль претендует личностный ресурс исследовательской компетентности. Студенты с высоким уровнем организации личностного ресурса исследовательской компетентности демонстрировали наиболее высокие показатели организации когнитивного и метакогнитивного ресурсов. Также наиболее тесные корреляционные связи показали уровни развития метакогнитивного и личностного ресурсов исследовательской компетентности. Как и следовало ожидать, культурно-образовательные факторы сами по себе не определяют становление и развитие исследовательской компетентности. Важную роль играет субъект, переживающий исследовательскую компетентность как значимый аспект своей идентичности, связанный с развитием мотивационных предпочтений и системы ценностей.

Отметим следующие тенденции развития ресурсов исследовательской компетентности у студентов-историков 2-5 курсов. Развитие когнитивного ресурса исследовательской компетентности опосредовано формированием структуры исторических знаний, содержательностью выделения релевантных связей, глубиной историографического и библиографического анализа, обоснованностью выводов, адекватной локализацией предмета собственного исследования в контексте исторического процесса. Развитие метакогнитивного ресурса связано с преодолением психического напряжения в исследовательской деятельности, созданием вертикальной организации системы самоуправления с последующим оперированием отдельными звеньями. Развитие личностного ресурса исследовательской компетентности обусловлено появлением устойчивости, профессиональной дифференциации мотивационных предпочтений; гармоничностью и профессиональной содержательностью ценностных ориентиров.

Исследовательская компетентность превращает ремесло историка в живой и увлекательный процесс, восходящий, в конечном итоге, к поиску смысла истории и постижению исторической судьбы, взятой в определенном темпоральном контексте. Историк силен в единстве персональных ресурсов, обусловленных уровнем развития исследовательской компетентности. Диагностика развития персональных ресурсов исследовательской компетентности студентов-историков становится, на наш взгляд, необходимым условием гармоничного становления будущего специалиста, помогая не только преодолевать, но и предотвращать затруднения в области исследовательской деятельности.

Литература

- 1.Абульханова-Славская К.А. (1973) О субъекте психической деятельности. М.: Наука.
- 2.Горбачева Е.И. (2001) Предметная ориентация мышления: сущность, механизмы, условия развития. Калуга: КГПУ, 2006.
- 3.Коллингвуд Р.Дж. (1980) Идея истории. М.: Наука, 1980.
- 4.Регуш Л.А.(2003) Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003.

Личностный потенциал первокурсников и их экзаменационная результативность

Будакова А.В.

студент

Томский Государственный Университет, Томск, Россия

В настоящее время Единый Государственный Экзамен (ЕГЭ) является официально утвержденным испытанием при выпуске учащихся из средней школы и гимназии. ЕГЭ строго обязателен, а сдаваемые экзамены фиксированы. Этот экзамен дает возможность поступить в ВУЗ. В результате он становится в глазах выпускников очень важным, но при этом пугающим, вызывая большое количество страхов и неприятных эмоций.

В связи с этим, представилось необходимым выявить, как личностные качества и убеждения юношей и девушек помогли (если помогли) им справиться с напряжением, со страхами, негативными эмоциями и выполнить задания ЕГЭ, от которых зависел их дальнейший жизненный сценарий.

Мы провели тестирование 40-ка первокурсников психологического факультета по специальностям «Организация работы с молодежью» «Психология» и «Клиническая психология» в возрасте от 16-ти до 20-ти лет. Исследование было проведено с помощью Шкалы базисных убеждений предложенной Р.Янов-Бульман, Опросника Самоорганизации Деятельности Е.Ю.Мандриковой и опросника Жизнестойкости С.Мадди. Для статистической обработки нами был использован пакет компьютерных программ «Статистика». Также для исследования были взяты результаты ЕГЭ по русскому языку этих первокурсников, на основе которых они зачислялись на факультет.

Результаты эмпирического исследования показали, что средние значения всех оцениваемых параметров у респондентов данной выборки находятся в пределах нормативных значений.

Как показали результаты корреляционного анализа, итоговые баллы ЕГЭ не коррелировали ни с одним из показателей жизнестойкости и способности к самоорганизации деятельности. Скорее всего, этот факт обусловлен тем, что школьников чаще всего педагоги «натаскивают на сдачу» ЕГЭ и потому особой связи между его результатами и психологическими свойствами может и не наблюдаться.

Однако нами были выявлены значимые корреляционные связи итогов ЕГЭ с некоторыми из базисных убеждений первокурсников. Например, баллы ЕГЭ коррелировали с такими параметрами базисных убеждений как «степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями)» ($r=-0,370$, $p=0,003$) и «степень удачи, или везения» ($r=-0,445$, $p=0,015$). Выявленные корреляции указывают на то, что высокая убежденность в способности контролировать происходящие события и высокая убежденность в собственной удачливости сопровождаются низкой суммой баллов за ЕГЭ.

Выявленную закономерность можно интерпретировать по-разному. Следует учитывать, что данное психологическое исследование по времени проводилось не параллельно с ЕГЭ, а позже, через 3 месяца после начала учебы. Можно предположить, что обнаруженные корреляции могут быть результатом того, что, у первокурсников, продемонстрировавших минимальную для зачисления в вуз сумму баллов по ЕГЭ, испытавших воодушевление и радость оттого, что они все же выдержали испытания и стали студентами, произошло существенное изменение в системе базисных убеждений. Во время сдачи ЕГЭ они, возможно, и не обладали такой степенью убежденности в самоконтроле и собственном везении. Однако эта убежденность достигла высоких значений к моменту психологического тестирования.

Другой возможной причиной обнаруженных корреляций может быть то, что низкий самоконтроль может быть условием некоторой степени творчества, воображения у школьников. Известен факт того, что высокий самоконтроль мешает расслабиться и вести себя органично, блокируя сознание и тем самым, препятствуя творчеству и воображению

Секция «Психология»

(Рождественская Н.В., 2005). Поэтому, с нашей точки зрения, возможно, что низкий самоконтроль школьников мог помочь им на экзамене, они могли, используя свое воображение и элементы творчества, правильно решать предложенные экзаменационные задания.

На следующем этапе мы учитывали усредненную успеваемость данных студентов во время первой сессии (оценки по дисциплинам: «Общая психология», «История России», «Анатомия ЦНС», «Русский язык и культура речи»). Эта усредненная успеваемость положительно коррелировала со школьным ЕГЭ ($r=0,432$, $p=0,005$). Следовательно, можно утверждать, что ЕГЭ как процедура проверки знаний абитуриентов для поступления в ВУЗ «успешно справляется» с задачей отбора наиболее перспективных юношей и девушек. Однако, мы не наблюдали ни одной значимой корреляционной связи сессионной успеваемости первокурсников и их базисными убеждениями, жизнестойкостью, а также способностью к самоорганизации деятельности. Это может объясняться либо тем, что данные характеристики никак не связаны с результатами сессионных экзаменов (что не согласуется с полученными ранее данными), либо тем, что велика степень субъективности оценок, которые первокурсникам проставляют вузовские преподаватели.

Таким образом, в ходе исследования выявлено наличие связи между результатами ЕГЭ и экзаменов за первую сессию, обнаружена корреляция между базисными убеждениями первокурсников и их баллами школьного ЕГЭ и отсутствие связей между личностными характеристиками и успеваемостью первой сессии. Эти выявленные неоднозначные факты требуют дальнейшего изучения, в связи с чем нами планируется расширение исследования и организация лонгитюда.

Литература:

1. Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - № 318. – С 191-194.
2. Рождественская Н.В. Диагностика актерских способностей. - СПб: Речь, 2005. - 192с.
3. Богомаз С.А. К проблеме соотношения интеллектуальной и смысловой систем регуляции жизнедеятельностью // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина, ИП РАН, 18-20 сентября 2005 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 259-264.

Особенности рефлексии личностного выбора (на предмете выбора профессиональной подготовки)

Верховод А. К.

Студент

ГОУ ВПО «Томский государственный университет»,

факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: alona_verhovod@mail.ru

Рефлексия обеспечивает открытость человека самому себе, новому опыту, другому человеку и тем самым создает все необходимые предпосылки для превращения физического пространства человеческого бытия в пространство возможностей. Реализация рефлексивных возможностей в конкретных ситуациях означает выход за пределы этой ситуации, самостоятельный анализ и принятие собственных решений. Диагностика рефлексивных возможностей необходима в ситуациях, требующих принятия решений, выбора из нескольких альтернативных решений (А.В. Карпов, 2003). Уровень и особенности рефлексии ярко проявляются в осознанности человеком своего личностного выбора, в ситуациях решения задач на самоопределение, которые жизнь особенно остро

Секция «Психология»

ставит перед человеком в период юности. В это время личностное и профессиональное самоопределение становятся неразделимыми: ответ на вопрос «кем быть?» - это вопрос об образе жизни в будущем, о своем месте в обществе. Личностный выбор профессиональной подготовки определяется не только интересами и способностями молодого человека, не только его идеалами и ценностями, но и умением анализировать требования, идущие от будущей деятельности и свою собственную пригодность к ней (Карпов, 2003).

Анализ различных научных источников позволяет сделать вывод, что высшим уровнем рефлексии называется рефлексия личностная – осознание субъектом своих личностных качеств и возможностей. Наиболее сложная и ответственная задача личностной рефлексии – формирование у субъекта адекватного представления о своей личности. Мы говорим о развитии личностной рефлексии как о высшей форме самоанализа. Также, исходя из анализа существующей литературы, можно утверждать, что духовный рост человека и его полноценное психическое развитие невозможны без работы личностной рефлексии.

Под рефлексивным механизмом понимается особая психическая деятельность, направленная на познание субъектом собственных ценностей, установок, потребностей, мотивов и способностей, а также является необходимым условием её самоопределения, помогает оптимальному решению проблемных ситуаций с помощью моделирования способов её решения (Петров, 2004). Выделяется пять критериев рефлексивного анализа:

1. Объективность – точность самоанализа человека, его адекватность реальным объективным событиям;
2. Полнота – учет в рефлексивном анализе всех имеющихся факторов, характеристик и объектов, имеющих какое-либо влияние на результат рефлексии;
3. Системность – представленность всех пяти действий, этапов рефлексивного процесса (остановка, фиксация, отстранение, объективация, оборачивание) и их промежуточных результатов;
4. Глубина – выработка нового взгляда на предмет рефлексии в ее процессе, т.е. результата рефлексии, который достигается на пятом рефлексивном этапе;
5. Значимость – важность этого рефлексивного анализа, осознана необходимость рефлексии для психической жизни человека (Савинкина, 2000).

Функционирование рефлексии как психологического механизма личностного самоопределения, по мнению И.П. Петрова, представляется следующим образом.

В связи с вышесказанным, гипотезой нашей работы стало предположение о том, что существует взаимосвязь между особенностями различными параметрами рефлексивного анализа и особенностями самоопределения личности. Для этого было исследовано 24 студента второго курса факультета психологии Томского государственного университета. Выборка была разделена на четыре группы:

- В группу 1 вошли студенты, определившиеся в пользу выбранной профессии, успеваемость которых оценивалась в основном на «4-5».
- В группу 2 были включены студенты, также определившиеся в своем выборе, но не в пользу той профессии, на которую они обучаются в данный момент. Их успеваемость в основном оценивается на «3-4».
- Критерии отбора в группу 3 предполагали неопределенность в выборе профессии и успеваемость в основном на «4-5».
- Соответственно в группу 4 были отобраны студенты, неопределившиеся с выбором и обучающиеся на «3-4».

Проведенный анализ выявил различия между выделенными группами по нескольким параметрам. Значимыми для совершения личностного выбора являются следующие показатели: общий уровень рефлексивности, объективность, глубина, полнота и значимость рефлексии.

Секция «Психология»

Группа 1

Уровень рефлексии	Объективность	Системность	Глубина	Полнота	Значимость
5	6	4,3	3	4,3	1,7

Группа 2

Уровень рефлексии	Объективн ость	Системн ость	Глубина	Полнота	Значимость
3,6	7,8	5	- 7	1,4	0,2

Группа 3

Уровень рефлексии	Объективн ость	Системн ость	Глубина	Полнота	Значимост ь
3,6	7,8	5	- 7	1,4	0,2

Группа 4

Уровень рефлексии	Объективн ость	Системн ость	Глубина	Полнота	Значимость
5,3	3,8	5	- 8	4,3	3,6

Литература

1. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М.: ИП РАН, 2004.
2. Тепленёва И.А. Развитие рефлексии как условие перестройки ценностно-смысловых составляющих образа мира человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / И.А. Тепленёва. – Барнаул, 2002.
3. А.В. Карпов Рефлексивность как психическое свойство и методика его диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. - № 5. – С. 45 – 50.
4. Петров И.П. Рефлексивный механизм психологической готовности личности к самоопределению (на примере старшеклассников): Дис. ... канд. психол. наук / И.П. Петров . – Улан-Удэ, 2004. – 157с.
5. Савинкина Л.А. Рефлексивный механизм саморегуляции психических состояний: Дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2000. – 152 с.

Динамика развития профессионального самосознания в процессе обучения

студентов в Вузе

Воронцова А. А.

Аспирант

Тульский филиал Орловской академии государственной службы, Тула, Россия

E-mail: katushka2484@mail.ru

Развитое профессиональное самосознание является одним из условий профессионального становления студентов.

Профессиональное самосознание мы понимаем как сложное, динамичное, личностное образование, которое формируется вследствие переживания отношения человека к себе как к субъекту профессиональной деятельности, отношения к другим людям, и отношения к своей профессиональной деятельности, выявление в процессе самопознания своей социальной ценности и смысла своей профессиональной деятельности.

В рамках нашего подхода, профессиональное самосознание имеет многомерное строение.

Мы предлагаем рассмотреть строение профессионального самосознания в «вертикальном» и «горизонтальном» планах.

Секция «Психология»

«Вертикальное» строение профессионального самосознания образует трехуровневую структуру, динамику трех образов «Я»: «Я-реальное (настоящее)», «Я-идеальное (профессиональное)» и «Я-будущее (развивающийся профессионал)».

В «горизонтальном» плане профессиональное самосознание имеет четырехкомпонентное строение, включающее когнитивную, эмоционально-ценностную, мотивационно-целевую и операционную составляющие.

Процесс становления профессионального самосознания в учебно-профессиональной деятельности происходит как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении.

Критериями развития профессионального самосознания выступают: 1) представленность в сознании образа «Я-реальное»; 2) направленность на саморазвитие и самореализацию; 3) сформированность в сознании представления о себе как «Я-идеальное (профессиональное)»; 4) представленность в сознании образа «Я-будущее (развивающийся профессионал)».

Нами выделены следующие уровни развития профессионального самосознания:

Первый уровень развития характеризуется наличием размытого представления о себе, низким уровнем самопонимания, негативным эмоциональным отношением к себе, низкими показателями аутосимпатии, зависимостью от внешней среды.

Второй уровень развития характеризуется сформированным представлением о себе, о своих сильных и слабых сторонах личности, адекватной самооценкой, позитивной «Я-концепцией», самоуважением и самопринятием, высокие показатели интегрального самоотношения.

Третий уровень развития характеризуется позитивной «Я-концепцией», осознанием своего образа «Я-идеальное (профессиональное)», осознанием профессионально важных качеств, формирование уважения к своему профессиональному сообществу и к себе как будущему профессионалу.

Четвертый уровень развития характеризуется наличием в сознании представлений и о себе и о своем идеале профессионала, о себе как о развивающемся профессионале.

Выборку эмпирического исследования составили студенты вторых - четвертых курсов специальности «Менеджмент», всего было обследовано 120 человек.

По результатам исследования, основная масса студентов на констатирующем этапе эксперимента, как в экспериментальной, так и в контрольной группах, имеют первый и второй уровни развития профессионального самосознания.

Для решения проблемы развития профессионального самосознания возникла необходимость в разработке программы психологического сопровождения.

Цель программы психологического сопровождения - способствовать созданию условий для развития профессионального самосознания.

Программа психологического сопровождения была реализована на базе ТФ ОРАГС и МИЭМП. В программе приняли участие 60 человек (4 группы по 15 человек).

В программе психологического сопровождения мы выделяем пять блоков: 1) диагностический (диагностика уровня развития профессионального самосознания); 2) консультативный (информирование студентов об особенностях и динамики развития профессионального самосознания); 3) коррекционно-развивающий (коррекция и развитие компонентов профессионального самосознания); 4) информационный (знакомство студентов с современными взглядами на профессиональную деятельность менеджеров, профессиональную карьеру); 5) интегративный (выстраивание перспективы своего профессионального роста, формирование ценностно-смыслового отношения к профессиональной деятельности).

Первый этап развивающей работы включал в себя участие студентов с первым и вторым уровнями развития профессионального самосознания в тренинге «Познание и принятие себя». В результате его проведения было установлено, что в экспериментальной группе произошли существенные сдвиги в формировании когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов профессионального самосознания. Мы наблюдаем

Секция «Психология»

существенные изменения по шкалам интегральное самоотношение – 47,3, самоуважение – 50,7, аутосимпатия – 49,3, самоподдержка – 49,6.

Второй этап развивающей работы включал в себя участие студентов преимущественно со вторым уровнем развития профессионального самосознания в тренинге «Познание и принятие своего профессионального Я и своей будущей профессии». После проведения развивающей работы, количество студентов, имеющих третий уровень развития профессионального самосознания, увеличилось. При проведении контрольного среза № 1, всего 13% (8) студентов имели третий уровень развития профессионального самосознания, то после проведения развивающей работы - 60% (36). Таким образом, на 47% увеличилось число студентов имеющих сформированное представление о профессионале, сформированные эмоционально-ценностный и мотивационно-целевой компоненты профессионального самосознания.

Реализация себя в будущей профессии, возможно благодаря осознанному и осмысленному представлению о себе, представлению о своем идеале профессионала и построению стратегии своего профессионального роста в будущем.

Психологическое сопровождение развития профессионального самосознания в процессе профессионального становления студентов Вуза позволяет отслеживать процесс развития и становления компонентов профессионального самосознания.

Литература

1. Деркач А.А. Акмеологические основы профессионального самосознания личности. Учеб. пособие. Астрахань.2000.
2. Климов Е.А. Психология профессионала: избранные психологические труды. М. Изд-во Московского психолого-социального ин-та., 2003.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. М. Международ.гуманитар. фонд "Знание" 1996.
4. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. Учеб. пособие. М., Academia 2004.

Психологические и психофизиологические признаки системы отношений студентов, осваивающих гуманитарные и технические специальности

Гордиенко Н.Н.

Ассистент, кандидат психологических наук

Российский государственный педагогический университет им.А.И.Герцена,

Институт детства, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nngrd@mail.ru

В настоящее время актуальность представляет проблема профессионального самоопределения, личностного развития студенческой группы в соответствии с природными особенностями. Следует отметить, что не остаются неизменными требования, которые профессии предъявляют к человеку; появляются новые специальности, не имеющие аналогов в прошлом. Ощущается нехватка психологических исследований в области подготовки студентов к освоению инженерных специальностей.

Изучение детерминирующих факторов профессионального становления (Климов, 2004), способностей, мотивации, ценностных ориентаций является необходимым и востребованным. Психические отношения человека являются внутренним потенциалом деятельности и могут указывать на наличие различных предпосылок к её освоению (Мясищев, 1998).

Представляет особый интерес связь отношений с действиями, выразительными движениями, реакциями человека. Однако изучение системы значимых отношений личности до сих пор осуществляется в интроспективном плане, либо с помощью социально-психологических методов, что ограничивает возможности исследования. В этой связи большую значимость приобретает проблема создания инструментальных

Секция «Психология»

методов психологической диагностики отношений с использованием современных компьютерных технологий.

Целью нашей работы явилось психологическое и психофизиологическое исследование специфики содержания и выраженности системы отношений студентов гуманитарного и технического профиля обучения. Объектом экспериментального исследования явились студенты 18-25 лет с первого по шестой курс очной формы обучения:

1. Студенты Российского государственного педагогического университета им.А.И.Герцена, Института детства (70 человек).

2. Студенты Балтийского государственного технического университета «Военмех» им.Д.Ф.Устинова, факультета авиа- и ракетостроения «А»; Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, факультета сетей связи, систем коммутации и вычислительной техники; факультета информационных систем и технологий (50 человек). Экспериментальное исследование состояло из двух этапов: диагностики студентов на базах вузов Санкт-Петербурга с использованием бланковых методов; лабораторного эксперимента на базе лаборатории психофизиологической диагностики кафедры психологии и психофизиологии ребёнка РГПУ им.А.И.Герцена.

В соответствии с целью работы нами использованы следующие методы:

– Методика «Психомоторный дифференциал» (авторская разработка Л.В.Томанова, В.Г.Каменской; программное обеспечение А.Г.Пятигорского) использовалась для исследования мотивационно-эмоциональных компонентов психического отношения студентов. Осуществляет инструментальное тестирование характерных черт эмоционального реагирования с помощью жестовой реакции руки на внешние стимулы.

В методике реализуется принцип пространственно-моторной соотнесённости с уровнями напряжённости эмоционального отношения.

– Методика ассоциативного эксперимента (авторская разработка Л.В.Томанова, Н.Н.Гордиенко; программное обеспечение Н.Н.Гордиенко) для изучения системы потребностей студентов. Разработана компьютерная программа, фиксирующая латентный период ассоциативного ответа на каждое слово-стимул, которое одновременно подавалось испытуемому в наушники и на телевизионный экран.

– Опросник структуры темперамента В.М.Русалова для изучения предметно-деятельностного и коммуникативного аспектов темперамента студентов.

– Серия тестов В.И.Гарбузова (вопросник и 4 проективных субтеста) для изучения доминирующих инстинктов студентов.

– Опросник Плутчика-Келлермана-Конте: индекс жизненного стиля (life stile index) в адаптации В.Г.Каменской, исследующий системы психологических защит студентов.

– Тест «Прогрессивные матрицы» Дж.Равена, направленный на изучение уровня развития общего и невербального интеллекта студентов.

– Тест М.Люшера для исследования психоэмоционального состояния студентов на момент психологического обследования.

– Опросник САН, предложенный В.А.Доскиным с соавторами; применялся для изучения самочувствия, активности и настроения студентов в формате «Психомоторного дифференциала».

– Модифицированная методика Л.Сонди для изучения влечений студентов.

– Беседа со студентами (для установления психологического контакта; разъяснения заданий и инструкций, проведения психологического консультирования).

– Методы математико-статистической обработки данных.

Проведённое исследование показало, что студенты гуманитарных и технических специальностей характеризуются существенными отличиями в уровне развития общего и невербального интеллекта; специфическими особенностями предметно-деятельностного и коммуникативного аспекта в структуре темперамента; спецификой системы инстинктов и

Секция «Психология»

влечений, эго-защитных механизмов и уровня общей напряжённости психологических защит.

Студенты гуманитарных и технических специальностей характеризуются наличием объективных отличий в системе потребностей, выявляемых с помощью анализа времени латентных периодов ассоциативных ответов в структуре ассоциативного эксперимента.

У студентов гуманитарного и технического профиля обучения существуют объективные отличия в степени выраженности, дифференцированности и устойчивости системы отношений, исследованные с помощью методики «Психомоторный дифференциал».

Студенты гуманитарных и технических специальностей различных курсов обучения обладают сходными для возрастных подгрупп обеих выборок закономерностями в специфике психоэмоционального состояния, темперамента, уровня развития общего и невербального интеллекта, общей напряжённости психологических защит, определённых доминирующих инстинктов и эго-защитных механизмов, потребностей, выраженности отношения.

Литература

1. Климов Е.А. (2004) Педагогический труд: психологические составляющие. – Уч. пособ. – М.: Изд-во Московского ун-та: Академия.
2. Мясищев В.Н. (1998) Психология отношений / Под ред. А.А.Бодалёва - М.: Издат-во «Институт практической психологии», Воронеж: Издат-во НПО «МОДЭК», 1998.
3. Сеченов И.М. (2001) Элементы мысли.- СПб.: Питер.
4. Томанов Л.В. (2007) Норма и патология поведения человека в контексте диагностики отношения // Здоровье подрастающего поколения мегаполиса. Сб. научных трудов под ред. В.Г.Каменской.- СПб.: Милена, с.21-24.
5. Maslow A.H. (1964) Religions, values and peak experiences. - New York: Viking Press.

Психологические особенности выбора подростком жанра компьютерной игры и взаимосвязь этого выбора с индивидуальным игровым опытом

Гудько В. В.

Студент

Белгородский Государственный Университет

Факультет Психологии, Белгород.

Особое место в современной психологической науке отводится проблеме «человек-компьютер». Наша работа посвящена феномену компьютерной игровой деятельности, которая понимается как особый вид игровой деятельности человека, характеризующийся специфичностью и требующий специальных условий для ее организации. Разработкой данной проблемы занимались как отечественные (В.В.Рубцов,1996, С.А. Завражин 1993, С.А. Шапкин 1999, Е.В. Субботский 1999), так и зарубежные (Ш. Теркл, Р. Раян) психологи. В целом, можно выделить два основных подхода исследований в этой области:

- социальный подход говорит об опасности компьютерных игр, где есть агрессия, т.к. ее перенос из мира виртуального в реальный является закономерностью (С.А. Шапкин, Е.В. Субботский);

- психоаналитический – игру рассматривает через сублимацию как снятие агрессии через виртуальных противников. Например, С.А. Завражина считает, что агрессия в компьютерных играх имеет нормативное значение (т.е. эффект сопереживания и следующая за ним разрядка накопленного напряжения, а так же сцены насилия, как проверка на прочность формирующейся Я-концепции). Ш. Теркл считает, что интерес к компьютерным играм способствует развитию у детей когнитивного компонента личности.

По статистике, большую часть любителей компьютерных игр составляют подростки. Это связано с тем, что ролевая компьютерная игра даёт возможность подростку попробовать себя в другой роли, реализовать. В пубертане происходит интенсивная

Секция «Психология»

перестройка организма, это не может не сказываться на нервной системе подростка, и следовательно на его психике, которая в этот период очень чувствительна к внешним воздействиям. Ломаются старые установки, интенсивно строится иерархия мотивов, и в этот период подросток может легко поддаться влиянию агрессии, часто приподнесенной в компьютерных играх в привлекательной форме. Для подросткового возраста могут быть характерны, такие факторы как уход от реальности, возможность реализовать себя в игре, возможность выплеснуть накопившийся негатив. Процесс "вхождения" человека в игру, а в клинических случаях - процесс утери индивидуальности и отождествление себя с компьютерным персонажем мы можем наблюдать при ролевой компьютерной игре, т.е. игре, в которой играющий, управляя действиями компьютерного персонажа, фактически выступает в роли конкретного или воображаемого героя.

Наша задача заключается в том, чтобы выяснить насколько существенна связь между жанром ролевой компьютерной игры и временем, проводимым подростком за игрой.

В качестве испытуемых выступили учащиеся 8, 10 классов МОУ СОШ № 31 г. Белгорода в количестве 38 человек (17 юношей, 21 девушек), в возрасте 13-15 лет. В связи с тем, что подавляющее большинство девочек либо не проводят времени за КИ, либо проводят его очень мало, в анализе принимали участие только данные мальчиков.

Метод исследования: авторская анкета, состоящая из 18 вопросов, позволяющая выявить такие группы факторов как:

1 степень увлеченности играми (время, игровой опыт)

2 жанр игры

3 наиболее частое место игры

4 отношение подростка и его близких к игре

5 физическое состояние

6 отношение подростка к игровым персонажам, а так же к агрессивным сценам в играх.

Были выделены три основных критерия, по которым вся выборка была разделена на три группы:

Первый критерий - количество часов, проводимых за игрой в день. Испытуемые были разделены на тех, кто проводит за игрой менее 1 часа (11,7%) в день, от часа до трех (35,3%) и свыше трех часов (47,05%).

В качестве второго критерия взят игровой опыт опрашиваемых. В группы вошли подростки, играющие менее 2х лет (0%), от 2 до 4х (41,17%), свыше 4х лет (47,05%).

И третий, не менее важный критерий - Жанр ролевой игры (Игры условно были поделены нами на 3 категории: action (11,7%), RPG/Strategy (47,05%), on-line (29,4%))

Все перечисленные жанры условно можно отнести с психологической точки зрения к ролевым играм, градация же была обусловлена степенью вхождения в игру, т.е. успешность выполнения игровой задачи зависит от того насколько плотно игрок познает мир игры.

В результате данного разделения прослеживается четкая взаимосвязь между всеми критериями. Можно сделать выводы о том, что с увеличением игрового опыта «усложняется» жанр игры, а с усложнением жанра игры увеличивается ежедневное время, отводимое на игру.

Литература

1. Шапкин С.А. Компьютерная игра: новая область психологических исследований// Психологический журнал. 1999, Т20 №1 с. 86-102
2. http://flogiston.ru/articles/netpsy/int_games
3. Бурлаков И.В. Психология компьютерных игр// Наука и жизнь. 1999, №5 <http://www.nkj.ru/archive/articles/9239/>

Мышление и решение коммуникативных задач в младшем подростковом возрасте

Довгая Ю.Л.

Аспирантка

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
факультет социальной педагогики и психологии, Витебск, Республика Беларусь
E-mail: danaja_bridge@mail.ru*

В психологической науке все больше внимания уделяется рассмотрению мышления в аспекте коммуникации. Не вызывает сомнения тот факт, что мышление включается в процесс познания людьми друг друга. Мышление как компонент общения между людьми в ходе их совместной деятельности может выступать в разных качествах: интерпретация реакций и движений другого человека; понимание результатов предметных действий человека и деятельности в целом; понимание речевой продукции (О.К. Тихомиров).

В младшем подростковом возрасте развитие мышления достигает такого уровня, который создает возможности для формирования когнитивных стратегий решения коммуникативных задач. Так, мышление подростков характеризуется: интроспективностью; гибкостью; способностью замещать символы символами; способностью обосновывать суждения, осознавать и контролировать процесс рассуждения; способностью думать об абстрактном и возможном; способностью к развитию когнитивных стратегий преодоления трудностей (копинг-стратегий) [1; 2].

Данные теоретические положения подтверждаются нашими наблюдениями, которые проводились на базе СШ № 18, 44 г. Витебска. Испытуемые – школьники младшего подросткового возраста (11 – 13 лет), всего 125 человек.

Особенности мышления подростков обнаруживаются при анализе речевых высказываний. Так, подросткам было дано задание продолжить фразы «Я словно птица, когда...», «Я превращаюсь в тигра, когда...», «Я словно муравей, когда...», «Я словно рыба, когда...», «Я – прекрасный цветок, когда...». Большинство подростков смогли абстрагироваться и называть свои чувства, эмоции, видеть за словами скрытое, а не только прямое значение (например, «Я – прекрасный цветок, когда меня хвалят», «Я превращаюсь в тигра, когда злюсь»), а некоторые воспринимали фразы буквально и не могли придумать им окончание. К примеру, фраза «Я словно птица, когда...» вызвала состояние растерянности или следующую реакцию: «Если бы я был птицей, я бы полетал», «Я не птица, я не знаю». Таким образом, в ходе экспериментальных срезов было подтверждено положение Ж. Пиаже о том, что подростки способны замещать символы символами, что делает их мышление более гибким. Однако к младшему подростковому возрасту не у всех учащихся гибкость мышления развита на достаточно высоком уровне.

Об уровне развития речи и мышления свидетельствует также контент-анализ сочинений подростков (темы сочинений: «Мое общение с родителями», «Мое общение с одноклассниками», «Моя компания во дворе»). В ходе контент-анализа сочинений было установлено следующее: в сочинениях 80% составляют простые предложения, 20% – сложные. Использование в сочинениях сложных предложений свидетельствует о появлении в речи более сложных конструкций, о способности подростков к абстрагированию.

Несмотря на то, что согласно теории Р. Селмана подросток способен строить предположения о точке зрения другого человека относительно его самого, а, следовательно, и понимать, что думает о нем другой, в процессе наших наблюдений были выявлены трудности в вербализации подростками предположительного мнения другого человека о себе. Так, при ответе на вопрос «Как ты думаешь, каким тебя считают другие?» большинство подростков испытывают затруднения (даже при наличии списка личностных качеств).

В результате наблюдений и экспериментальных срезов были определены основные коммуникативные трудности, с которыми сталкиваются младшие подростки:

Секция «Психология»

- трудности в вербализации представлений о себе и представлений о других, а также в вербализации чувств, возникающих в проблемных ситуациях в ходе общения;
- трудности в анализе различных моделей поведения (уверенное, неуверенное, конфликтное);
- недостаточная сформированность навыков слушающего и говорящего.

На основании полученных результатов исследования разработана программа обучения навыкам решения коммуникативных задач, в основу которой положен адаптированный медиаторный подход к обучению навыкам решения социальных проблем, предложенный психологами Shure & Spivack [3]. Важное место в программе занимает формирование стратегий преодоления коммуникативных трудностей у подростков путем решения ими коммуникативных задач.

Исходя из вышеизложенного, были определены приоритетные направления работы с подростками:

- 1) познание подростками себя и других (личностные качества, эмоциональные проявления в проблемных ситуациях);
- 2) анализ различных моделей поведения (уверенное, неуверенное, конфликтное), а также оценка собственных возможностей;
- 3) разбор причин возникновения проблемных ситуаций (на примере ссор и конфликтов);
- 4) анализ способов предотвращения конфликтов;
- 5) формирование новых моделей поведения (использование «Я-высказываний»), формирование уверенности в себе).

Необходимо отметить, что развитие навыков решения коммуникативных задач осуществляется не только путем организации занятий с подростками, но и посредством занятий с родителями. Так, программа обучения навыкам решения коммуникативных задач включает два направления работы:

- в родительской группе (10 встреч);
- в подростковой группе (10 занятий).

О результативности программы свидетельствует сравнительно-сопоставительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов исследования по методике М.И. Рожкова (методика предназначена для изучения социализированности личности учащегося), в ходе которого нами была отмечена тенденция к повышению качественной характеристики критериев социализированности, а именно социальной адаптированности, автономности и социальной активности.

Таким образом, в ходе сравнительно-сопоставительного анализа результатов констатирующего и контрольного этапов исследования у подростков, принявших участие в программе, наблюдаются изменения в поведении, усиливается самоконтроль за своим поведением, умение анализировать свои поступки. Учителя отмечают, что учащиеся стали более сплоченными. В то время как в контрольной группе значительных изменений не наблюдалось.

Литература

1. Ремшмидт Х. (1994) Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. М.: Мир.
2. Райс Ф. (2000) Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер.
3. Клиническая психология (2007) / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб: Питер.

Образ будущего и система ценностно-смысловых ориентаций старшеклассников

Домахина И. А.

Студент

Московский Государственный университет им. Ломоносова, факультет психологии

С окончанием школы перед старшеклассником встает вопрос о его дальнейшем определении. Многие продолжают образование, кто-то создает свою семью, некоторые сразу идут работать и т.п. Существует еще много вариантов, которые используют подростки. Иногда выбор осуществляется родителями, которые направляют своего ребенка в «нужном» направлении, но чаще юноши делают выбор самостоятельно в соответствии со своей жизненной позицией. К юношескому возрасту выстраивается определенная система ценностей, на основании которых они начинают более или менее реально оценивать свои жизненные перспективы. В ориентациях на те или иные ценности находят выражение основные жизненные принципы человека, мировоззренческая и нравственная направленность его интересов, помыслов, побуждений. Ценности непосредственным образом связаны с основополагающими представлениями человека о смысле жизни и ее цели. От его системы ценностей по существу зависит — какие средства будут избраны им для достижения общих и частных целей. Ценности образуют и систему отсчета для самооценки человеком своих действий, поступков, намерений, выбора способов самореализации личности. Появление направленности в будущее обусловлено в первую очередь ситуацией скорого окончания школы, когда юноша впервые становится перед сознательным выбором жизненного пути. С другой стороны этот возраст характеризуется бурным развитием процессов самосознания и самоопределения, становлением целостного образа «Я», который включает в себя составляющую «Я в будущем». Возможно, различия в построении подростками систем ценностей, зависит от направленности личности, от типа мотивации, смысловой оценки происходящего.

Возникает задача экспериментального исследования ведущей мотивации и ценностно-смысловой ориентации с учетом важности и доступности для подростка различного типа ценностей.

Цель: выявить взаимосвязь ведущей мотивации учебной деятельности с характером осознания ценностей как желаемых и доступных.

Выборка: ученики 10-11 классов в возрасте 16-17 лет. Всего в исследовании приняли участие 67 человек, из них 35 мальчиков и 32 девушки.

Методики: методика Семантического дифференциала Ч.Осгуда (в адаптации В.Ф.Петренко, М.Рокич (в адаптации Е.Б.Фанталовой), методика неоконченных предложений А.Д.Андреевой.

Результаты: В результате исследования выяснилось, что в целом значимость таких общечеловеческих ценностей, как «Здоровье», «Счастливая семейная жизнь», «Любовь», оценивается подростками выше, чем учебных («Глубокие и прочные знания», «Самосовершенствование в учебе»). Большинство подростков, независимо от типа мотивации, испытывают внутренний вакуум в сферах «Активная жизнь», «Интересный разговор», «Красота природы и искусства», «Творчество» и «Получение удовольствия». Особый интерес вызывает сфера учебной деятельности и ценности с ней связанные, так как, с нашей точки зрения, это является важным показателем дальнейшего благополучного или неблагополучного развития личности старшеклассника.

Наиболее благополучным с точки зрения развития личности старшеклассника является тип мотивации, связанный с достижением (потребность в самосовершенствовании и преодолении препятствий). Подростки данного типа имеют наименьшее количество внутренних конфликтов и вакуумов, что указывает на согласованность значимых и доступных сфер жизни. Также там отсутствует противоречие между ценностью и доступностью важных в настоящий момент для учеников сфер жизни, связанных с учебно-познавательной деятельностью, что является фактом, способствующим благополучному развитию личности.

Для группы с учебно-познавательной мотивацией наивысшие места по рангам занимают ценности «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей»,

Секция «Психология»

«здоровье», «любовь» с выраженным конфликтом. Ценности «глубокие и прочные знания», «успешная учеба», «уверенность в себе» занимают средние позиции и хорошо согласованы.

В других группах сфера познавательной деятельности имеет незначительную разницу между оценкой ее ценности и доступности, но рассогласование имеет место.

Тревогу, внутренний конфликт вызывают у большинства подростков, независимо от типа текущей мотивации, такие сферы жизни, как «Здоровье» и «Счастливая семейная жизнь». Эти сферы никогда не культивировались, не обозначались в школьной жизни, они не использовались для мотивации в учебно-воспитательном процессе, хотя, как видно, они достаточно сильно беспокоят современных подростков.

Обнаружено, что для группы учащихся с мотивацией достижения и учебно-познавательной мотивацией, ценности учебной деятельности занимают средние позиции и достаточно хорошо согласованы, в то время как для группы учащихся с мотивацией аффилиации, престижа и конкурентной мотивацией, эти ценности менее значимы и плохо согласованы, в этой сфере чаще имеются личностные конфликты и вакуумы.

Таким образом, данное исследование продолжает серию исследований, посвященных изучению построения подростками жизненной перспективы. Подростковый возраст является очень сложным периодом в процессе развития человека. Старшеклассники стоят на пороге взрослой жизни, они представляют собственное будущее, которое строится на основе уже построенной системы ценностей. Работа школы и школьных психологов сводится к помощи подросткам решить проблемы профессиональной ориентации, трудностей взаимодействия со сверстниками и т.п. Но совершенно не уделяется внимание сферам, которые, как оказалось, волнуют старшеклассников больше, сферам здоровья, будущей семьи и оценки своей возможности обеспечить себя материально.

Изучение особенностей мышления подростков

Дука А.И.

Студентка

Белгородский Государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: duka88@bk.ru

Подростковый возраст называется иначе переходным возрастом, так как он характеризуется переходом от детского состояния к взрослому, от незрелости к зрелости [3,4] В этом возрасте происходит ломка многого из того, что являлось привычным, уже сложившимся у подростка. Это касается почти всех сторон его жизнедеятельности. Особенно заметные изменения претерпевает характер учебной деятельности – в подростковом возрасте начинается систематическое усвоение основ наук, что требует изменения привычных форм работы и перестройки мышления.

Одной из существеннейших психологических характеристик учащихся является, определяющих в значительной степени специфические особенности и успешность обучения, является их умственное развитие.

Наше исследование строилось на идее о том, что при целенаправленной развивающей работе уровень абстрактно-логического мышления в подростковом возрасте повышается.

Анализ результатов первичной диагностики показал, что всех подростков, участвующих в исследовании можно условно разделить на две группы – показавших средний уровень развития мышления (22% подростков) и ниже среднего (78% подростков).

Исследование проводилось на базе средней школы №7 города Белгорода. Выборку составили учащиеся восьмых классов в количестве 102 человек.

У подростков, вошедших в первую группу (т.е. имеющие средние показатели), доминирует развитие математических способностей (у 61% подростков данной группы),

Секция «Психология»

они с удовольствием и лёгкостью решают числовые ряды (76%), оперируют математическими и естественно-биологическими терминами при выполнении различных заданий (87%). Трудности у школьников данной группы возникают при установлении логических связей (41%). Особенно, когда им предлагаются понятия из гуманитарных областей, касающиеся истории и географии. Подростки долго думают над такими вопросами, в результате чего-либо пропускают их, либо пользуются подсказками одноклассников.

Школьники, наименее успешно справившиеся с предложенным заданием (т.е. вошедшие в группу с низким уровнем развития мышления) также показали удовлетворительные результаты при решении числовых рядов (72%). Помимо этого наблюдались трудности при оперировании понятиями для установления связей (у 49% подростков данной группы). Так как школьники не могли понять смысл слова, то и логические связи составить было трудно. Общего алгоритма, используемого для обобщения и способа перехода от конкретных понятий к общим, или же наоборот не обнаружено.

В соответствии с полученными результатами нами была составлена коррекционно-развивающая программа для учащихся 6-9 классов средней общеобразовательной школы с учётом данных качественного анализа ошибок и наличного уровня развития мыслительных операций.

При её составлении мы ориентировались на новообразования (по Л.С. Выготскому, Д.Б. Эльконину), которые должны появиться в подростковый период, а также основные потребности этого возрастного этапа. Основопологающим принципом нашей коррекционно-развивающей программы является принцип «единства интеллектуального и личностного развития». Поэтому в нашу программу, помимо упражнений, направленных на развитие словесно-логического мышления, был включен ряд упражнений, направленных на освоение подростками собственного тела, на познание границ физического «Я». Данная программа ориентирована на учащихся подросткового возраста, 6-9 классов. Она состоит из 10 занятий, каждое из которых занимает 1-1,5 часа, всего программа составила около 15 часов.

Анализ развития мышления до и после коррекционно-развивающей работы показал, что уровень владения многими мыслительными операциями у подростков в исследуемой выборке повысился. Необходимо отметить, что школьники быстрее и с меньшим количеством ошибок, по сравнению с результатами первичной диагностики, стали выполнять задания на нахождение закономерностей построения числовых рядов. Подростки научились быстрее и без ошибок обобщать и выделять главное, но в заданиях, где требуется проявить общую осведомлённость и работать с различными категориями, результаты существенно не изменились. Из этого следует, что учителям необходимо больше внимания уделять развитию у детей интереса к предметам гуманитарного профиля, создавать соответствующую мотивацию на решение заданий с абстрактными понятиями.

Сопоставив результаты двух диагностических срезов, мы обнаружили, что группа подростков, которые при первичной диагностике показали низкие результаты перешли в группу со средними показателями. То есть, все школьники, участвующие в развивающей работе, по результатам вторичной диагностики вошли в группу со средними показателями, различия наблюдались лишь в количественных и качественных показателях субтестов, используемых в нашей программе диагностики развития мышления. Математическая обработка результатов с помощью критерия Фишера показала, что существуют статистически значимые различия между данными первичной и вторичной диагностики.

С целью повышения продуктивности мыслительной деятельности можно использовать умение управлять такими этапами мышления, как постановка задачи, создание оптимальной мотивации, максимальное включение, как образных, так и

Секция «Психология»

символических компонентов, использование преимуществ понятийного мышления, а также снижение излишней критичности при оценке результата.

Важным моментом стимуляции мышления в подростковом возрасте является создание и укрепление познавательной мотивации. Поддержанию оптимальной учебной мотивации способствует постепенное наращивание сложности заданий для конкретного ребёнка. Двигаясь от успеха к успеху, он укрепляет уверенность в себе и способность преодолевать все большие препятствия. Чтобы сделать задачу привлекательной для ребёнка, целесообразно очертить сферу преимущественных интересов подростка, где он максимально реализует свои способности, и с учетом этого формулировать задачу.

Литература

1. Акимова М.К., Козлова В.Т. Психологическая коррекция умственного развития школьников: Учеб пособие для студентов пед. ВУЗов. – 2-е изд., М.: Издательский дом «Академия», 2002.-160 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребёнка.- М.: Изд-во Смысл, Изд-во Эксмо, 2006.- 512 с.
3. Кон И. С. Открытие «Я». - М., 1978. Кон И. С. Психология старшеклассника. - М., 1982.
4. Копорулина В.Н, Смирнова М.Н., Гордеева Н.О. Психологический словарь.- Ростов н/Д: Феникс, 2004.- 640 с.

Развитие конструктивного Образа-Я в школе

Каминская Т.Ю.

Соискатель ученой степени

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: tkaminskaya@mail.ru

Важность исследования различных компонентов, составляющих личность, настолько очевидна, что в наше время не существует инновационных программ обучения, в которых бы исследования личности не играли роли. При этом, до сих пор нет достаточно четких и однозначных ответов о том, влияет ли Образ-Я на выбор поведения. И, соответственно, стоит ли разрабатывать психолого-педагогические средства для развития именно Образа-Я, усилится ли тогда воспитывающая функция обучения.

Известно, что под термином Образ-Я понимается относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознания, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе²¹. Осознание обучающимися своих личностных качеств, их достоинств и недостатков, служит важнейшим источником мотивации поведения, побудительная функция этих качеств определяет особенности выбора поведения в тех или иных типовых жизненных ситуациях, что подчеркивается рядом авторов (В. Столин, И.С.Кон, Т.Шибутани).

Следуя ценностно-деятельностной концепции Г.Е.Залесского, мы относим Образ-Я к ценностно-смысловым образованиям личности. В основе ценностно-деятельностной концепции лежит понятие об особой роли характера ценностно-смысловой ориентировки (ЦСО) в формировании и функционировании личностно-смысловых образований (мотивов, убеждений, ориентаций, установок). В работах Г.Е. Залесского сознание и самосознание не тождественны друг другу, но взаимосвязаны: они объединены единым механизмом — ценностно-смысловой ориентировочной деятельностью. Задачей такой ориентировки (как основы поведенческого акта) является категоризация ситуации, ее оценка и определение (выбор) мотива, целей операций будущего действия, поступка.

На разных уровнях ЦСО по-разному представлены ценности личности. При ситуативном способе ориентировки ценности выступают лишь как знания, они не имеют личностного смысла. При конформном типе ориентировки знания превращаются во

²¹ Краткий психологический словарь/ под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. «Феникс», 1999.

Секция «Психология»

взгляды, ориентации. При мировоззренческом уровне ценности становятся убеждениями, им придается личностный смысл эталона, определяющего выбор цели, мотива, поступка. Мировоззренческий тип выступает средством ориентировки в разнообразных ситуациях и средством самосознания, инструментом коррекции своего «Я». В данном подходе выделена одна из важнейших функций Образа-Я, как психологической категории, которая состоит в осознанном выборе тех качеств личности, которые должны служить для выделения мотивов, целей, стратегий поведения и поступков.

Однако мы хотим рассмотреть иной аспект развития «Я». Помимо уровня развития побудительной силы личностных качеств, входящих в состав Образа-Я, необходимо так же не выпускать из вида момент присвоения особенностей нравственно-мировоззренческого компонента. Т.е. действительно у учащихся может быть сформирован Образ-Я на мировоззренческом уровне, но будет ли при этом такой Образ-Я являться целью воспитывающей функции обучения? Дело в том, что зачастую при исследовании Образа-Я люди могут демонстрировать высокий уровень сформированности данного образования, они называют обобщенные иерархизированные качества, обосновывают свой выбор и именно эти качества используют как ценности и мотивы своего поведения; но эти качества являются деструктивными, социально неприемлемыми и тогда данный человек оказывается за рамками общества. Личности, с искаженной системой ценностей достаточно часто встречаются среди людей криминальной направленности, и именно поэтому мы усматриваем социальную необходимость в диагностике данных тенденций на ранних стадиях развития.

В нашем исследовании участвовало около 350 учащихся 2-11 классов двух общеобразовательных средних школ разных городов, при этом мы решили изучать Образ-Я в ситуации, связанной с общением в неостром конфликте. «Человеческое «Я» существует лишь благодаря постоянному диалогу с другими» (И.С.Кон). В качестве конкретных диагностических методик использовались: специально разработанные опросники и новый вариант Ц.Н.М. (ценностно-нормативная методика), позволяющий оценить мотивационную значимость выделяемых качеств Образа-Я.

Выяснилось, что среди учащихся вторых классов, принимавших участие в исследовании, нет детей с деструктивной направленностью Образа-Я. При этом в этой возрастной категории большую долю составляют учащиеся со смешанной направленностью (9% во вторых классах и 26% в четвертых) по сравнению с долей учащихся с конструктивной направленностью (7% во вторых и 11% в четвертых классах).

В шестых и восьмых классах появляются учащиеся с высоким уровнем развития Образа-Я. У учащихся с высоким уровнем развития в шестых классах превалирует конструктивный действующий спектр ведущих мотивов над (4% - конструктивный, 1% - деструктивный), так же как и в восьмых (4% - конструктивный, 3% - деструктивный). Причём, при анализе среднего уровня наблюдается та же закономерность, что и при анализе высокого уровня развития Образа-Я в шестых классах. Но в восьмых классах появляется 2 учащиеся с высшим уровнем развития Образа-Я, то есть учащиеся, у которых качества являются не только действующими, но смыслообразующими мотивами, причем один из них имеет четкую деструктивную направленность качеств.

В одиннадцатых классах в нашем исследовании также присутствуют 3% учащихся с Образом-Я на уровне конструктивных смысложизненных ценностей. Большая часть учащихся одиннадцатых классов с высоким уровнем развития Образа-Я (7% из 9%) используют конструктивные качества, как критерии оценки и выбора поведения. При этом следует отметить, что среди одиннадцатиклассников с высоким уровнем развития Образа-Я есть учащиеся с деструктивной направленностью действующих качеств (2 человека из 95; 2%). Доля учащихся одиннадцатых классов со средним конструктивным уровнем незначительно превышает долю учащихся со средним деструктивным уровнем, 11% и 8% соответственно.

Секция «Психология»

Таким образом, видно, что у 57 человек из 352 (57%) учащихся средних школ, формируется в той или иной степени действующий конструктивный Образ-Я. При этом у 19 учащихся 2-11 классов (5%), наблюдается формирование деструктивного Образа-Я. Следует особо обратить внимание на то, что к 11 классу у 2% учащихся окончательно формируется действующий деструктивный Образ-Я. Таким образом, можно сделать вывод, что при отсутствии специального формирования конструктивного Образа-Я у учащихся в рамках школьной программы возможно спонтанное формирование деструктивного Образа-Я, причем этот Образ-Я будет являться ценностно-смысловым образованием личности в соответствии с которым индивид будет строить свою деятельность, и деятельность эта, скорее всего, будет неприемлема в рамках правового общества.

Литература.

1. Залесский Г.Е., Редькина Е.Б. Психодиагностика убеждений и ориентаций личности. М. 1996.
2. Залесский Г. Е. Ценностно-мотивационные аспекты деятельностной теории учения.// Вестник МГУ. Сер 14. Психология. - 1998 №2. – С.58-67.
3. Кон И. С. В поисках себя. - М.: 1984.
4. Кон И. С. Открытие Я. - М.: 1978
5. Столин В. В. Самосознание личности. - М.: 1987.

Развитие креативности у студентов вуза

Ковальская Е.В.

*Старший преподаватель, аспирант кафедры общей психологии
Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск, Россия
E-mail: pani-kovalska@yandex.ru*

Профессиональное образование призвано создать условия для максимальной реализации профессионально-психологического потенциала личности. В основе современного профессионального высшего образования стоит важнейшая задача - формирование субъекта профессиональной деятельности.

Изменения требований к профессиональной подготовке специалиста в вузе обусловлены рядом объективных причин: необходимостью освоения современных технологий, повышением роли интеллектуальной составляющей и усложнением труда, что влечет за собой большую свободу в профессиональной деятельности, самостоятельностью при принятии решений и выработке ответственности за свои действия. Современное общество испытывает потребность в креативных личностях, так как они обладают более высоким уровнем адаптации и социализации, в большей мере соответствуют постоянно изменяющемуся и обновляющемуся миру. Поэтому подготовка конкурентоспособных специалистов, ориентированных на социальные ценности, и способных эффективно выполнять профессиональную деятельность закономерно требует развития креативного поведения еще в студенческий период. На фоне внедрения личностно-ориентированного подхода к обучению, моделей развивающих психолого-педагогических технологий, использования достижений в области новых информационных технологий, компьютерного обучения в подготовке профессионалов становится чрезвычайно актуальным формирование креативного поведения. Меняются цели, содержание, методы образовательного процесса. На передний план выходят проблемы подготовки специалистов в соответствии с новыми образовательными стандартами. Данные проблемы требуют анализа психологического сопровождения развития креативного поведения студентов, определения методов и технологий ориентации студента на успешность в выполнении им учебно-профессиональных задач.

Креативность – способность продуцировать принципиально новые идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации,

Секция «Психология»

чувствительность к проблемам, оригинальность, изобретательность, конструктивность при их решении.

Исследование было проведено в 2005-2007 учебных годах на базе Пятигорского государственного лингвистического университета. Испытуемыми были студенты 1 и 2 курсов факультета французского языка и факультета психологии, всего в эксперименте приняли участие 150 человек (из них 45 юношей и 105 девушек).

С помощью методик невербальной креативности Торренса и вербальной креативности С.Медника в адаптации А.Н.Воронина испытуемые были разделены на группы с высоким и низким уровнем развития креативности. Группу с высоким уровнем креативности мы обозначили как эталонную. Группу с низким уровнем креативности мы разделили на контрольную и экспериментальную. В основу исследования психологического портрета студентов с различным уровнем развития креативности положено раскрытие взаимосвязей свойств нервной системы, темперамента, личности и социально-психологических свойств. Разноуровневые свойства индивидуальности студентов были диагностированы с помощью методики А.И.Щебетенко (свойства нервной системы), методики В.М.Русалова (свойства темперамента), методики САТ Э.Шострома в модификации Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз (свойства личности), методики диагностики межличностных отношений Т. Лири (социально-психологические свойства).

Мы исследовали развитие индивидуальности студентов с различным уровнем креативности и обосновали необходимость психологического сопровождения развития индивидуальности студентов с низким уровнем креативного поведения. В условиях психологического сопровождения индивидуальности студентов с низким уровнем креативного поведения подвергаются качественной трансформации. Психологическое сопровождение развития индивидуальности студентов с низким уровнем креативного поведения эффективно только в том случае, если студент осознает необходимость повышения креативности своего поведения, а также если в основе психологического сопровождения лежит научно-обоснованная теоретическая модель развития креативного поведения студента с единством концептуальных положений, методологических принципов и психотехнологий, направленных на изменение мировоззренческих и психологических установок студента; на содействие процессам личностного развития и реализации творческого потенциала студентов. После проведения формирующего эксперимента сравнительный анализ структур индивидуальности экспериментальной, контрольной и эталонной групп студентов продемонстрировал качественную трансформацию экспериментальной группы, глубинные различия между экспериментальной и контрольной группами и сближение по уровню развития экспериментальной и эталонной групп.

Литература

- 1.Белоус В.В. (2005) *Введение в психологию полиморфной индивидуальности*. Москва-Пятигорск
 - 2.Кашапов М.М. (2006) *Психология творческого мышления профессионала*. - Монография. М.: ПЕР СЭ.
 - 3.Мерлин В.С. (1996) *Психология индивидуальности*. Изб. психол. труды / Под ред. Е.А.Климова. Москва-Воронеж
 - 4.Guilford J. P. Creativity. American psychology. — N.Y., 1950.
 - 5.Torrance E.P. Guiding Creative Talent – Englewoodcliffs. N. Y.: Prentice-Hall, 1962.
- Тезисы доклады основаны на материалах исследований, проведенных на базе ПГЛУ.
Автор выражает признательность доценту, канд. псих. н. Мищенко Л.В. за помощь в подготовке тезисов.

Структура текста как фактор усвоения знаний

Коновалов И.А.

Студент

Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова,

Самостоятельная работа с текстом является формой усвоения школьного материала. Проблема понимания текстов школьниками актуальна для современной практике образования, т.к. ряд исследований как зарубежных (Therrien, Hughes, 2008), так и отечественных (Граник, Бондаренко, Концевая, 1995) авторов показали, что учащиеся не обладают должными навыками работы с текстом. Один и тот же предметный материал может быть представлен в различных текстовых формах. Мы поставили перед собой задачу прояснить, влияет ли тип текста на качество усвоения предметного материала.

Для оценки качества усвоения предметного материала в педагогической психологии и педагогике используются разные критерии. В педагогике для оценки качества усвоения зачастую используют воспроизведение усваиваемого материала и ответы на вопросы. В педагогической психологии в теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий существенным показателем качества усвоения является сформированность действия, адекватного усваиваемому знанию.

В традиционной педагогической практике ученику часто приходится работать с текстами, для которых адекватное действие явно не задано. Однако многие практики указывают на то, что дети, которые не способны понимать учебные тексты, при этом легко читают и понимают тексты неучебного характера или же те же учебные тексты, но предлагаемые с инструкцией выразить свое мнение, оценить, понравился ли текст и пр. (Славина, 1998). Мы предположили, в другом типе текстов (к примеру, научно популярных как наиболее близких к учебным) может быть представлено то, что отсутствует в традиционных учебных. Это, во-первых, целевая ориентировка, задающая требуемое действие, поскольку в научно-популярных текстах более явно присутствует вопрос, на который должен ответить читатель по прочтении. Это, во-вторых, те предварительные знания, которые требуются для усвоения данного текста. И, в третьих, текст представлен в более конкретной форме, там отсутствуют строгие определения и пр. Для сравнительной оценки качества понимания учебного и научно-популярного текста мы провели исследование, основываясь пока на общепринятых критериях усвоения - полноте пересказа, обобщенности и логической структуре.

Целью данного исследования является сравнительный анализ понимания учебного и научно-популярного текста школьниками восьмого класса. Основными гипотезами исследования выступили следующие:

А) Есть статистически значимые различия между качеством понимания учебного и научно-популярного текста.

Б) Качество понимания учебного текста выше, чем научно – популярного.

В исследовании приняли участие 20 учащихся 8 класса средней школы, средний возраст 14,2 лет. Каждому испытуемому предъявлялись два текста по истории древнего мира на одну и ту же тему: «Спарта», примерно одного объема. Последовательность предъявления текстов была случайной. Инструкция перед чтениями обоих текстов была аналогичной - прочитайте текст так, чтобы впоследствии ее пересказать. Обработка письменных пересказов осуществлялась методом экспертной оценки по следующим критериям: полнота пересказа – количество смысловых частей текста (для каждого текста предварительно было выделено пять смысловых частей, примерно соответствующих друг другу); обобщенность пересказа – интегральная оценка степени обобщенности смысловых частей, представленных в пересказе; логическая структура – наличие логических связей и переходов между частями и внутри них.

Полученные результаты показали, что выдвинутые нами гипотезы о наличии статистически значимых различий между пониманием разных типов текстов и о том, что работа с учебным текстом протекает легче и продуктивнее по сравнению с научно-популярным текстом, не подтвердилась. Во многом это может быть объяснено

недостаточным контролем дополнительных и побочных переменных исследования, а также неоднозначностью используемых нами для оценки понимания критериев. В будущем мы планируем провести аналогичное исследование с изменением критериев оценки понимания, которые можно выделить исходя из положений теории планомерно- поэтапного формирования.

Литература

1. Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Как учить работать с книгой? М., 1995
2. Славина Л.С. Трудные дети. М.-Воронеж, 1998
3. Therrien W.J., Hughes C. Comparison of Repeated Reading and Question Generation on Student's Reading Fluency and Comprehension, *Learning Disabilities*, 6(1) 2008
УДК 159.9

Исследование доминирующих потребностей студентов вуза

Кусраева И.М.

Аспирант

Санкт-петербургский государственный университет, факультет психологии

г. Санкт-Петербург, Россия

E-mail: K.I.M._spb_@mail.ru

Потребности являются значимым фактором развития личности, отдельных социальных групп и общества в целом. Их изучение актуально как в научно-теоретическом, так и в практическом смысле. Новые требования к личности в условиях информационной эпохи превращают проблему исследования потребностей в одну из наиболее актуальных, поскольку их структура и характер являются индикатором уровня готовности личности и общества к важным социальным трансформациям.

Бесспорно, актуальным является исследование потребностей студентов высшей школы. Собственно потребности именно этой социальной общности являются показателем путей дальнейшего развития образования, социально-экономической и социокультурной сфер общества. Исследование потребностей в процессе обучения в вузе позволяет проанализировать субъективные факторы, обуславливающие деятельность личности студента, описать характер ее образовательной активности, отследить формирование механизмов, регулирующих процессы функционирования и развития личности студента, как в сфере образования, так и за ее пределами.

Методологической базой анализа указанной проблемы является теория потребностей, которая разработана и представлена в трудах таких авторов как Б. Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, В.Н. Мясищев, А.Г. Здравомыслов, Н.В. Иванчук, Н.С. Кузнецов, Н.Н. Михайлов, А.В. Маргулис, А. Маслоу и др. Изучение потребностей в сфере образования предполагает анализ общетеоретических проблем образования, которые раскрываются в работах К.А. Абульхановой-Славской, Л.А. Беляевой, Б.М. Бим-Бада, А.А. Бодалева, Л.И. Божович, Б.С. Гершунского, С.И. Гессена, А.С. Запесоцкого, Г.П. Зинченко, И.С. Кона, В.С. Леднева, В.Д. Семенова и др.

В связи с актуальностью изучения указанной проблемы, одно из направлений нашего комплексного исследования было посвящено выявлению доминирующих потребностей студентов вуза. В исследовании, которое проводилось в середине второго семестра учебного года (2007 г.), приняли участие 263 студента 1 (84 чел.), 3 (85 чел.) и 5 (94 чел.) курсов Северо-Осетинского государственного университета.

Секция «Психология»

Для исследования потребностей студентов вуза нами была использована методика «Иерархия потребностей» Л.Д. Столяренко²². По результатам расположения выбранных утверждений в иерархии были выявлены доминирующие потребности (таблица 1).

Таблица 1.

Доминирующие потребности студентов вуза

Потребность \ Курс (кол-во чел.)	Материальная потребность (% студентов)	Потребность в безопасности (% студентов)	Потребность в межличностных связях (% студентов)	Потребность в уважении со стороны (% студентов)	Потребность в самореализации (% студентов)	Несколько потребностей (% студентов)
1 курс (84)	19	10,7	11,9	21,4	31	6
3 курс (85)	20	15,3	11,8	17,6	23,5	11,8
5 курс (94)	25,5	13,8	4,3	26,6	19,1	10,6

Так, для студентов 1, 3 и 5 курсов в количестве 19%, 20% и 25,5% соответственно доминирующей является «материальная потребность». На этапе окончания профессионального обучения студентам 5 курса особенно важно быть финансово независимыми и самостоятельно обеспечивать себя.

У студентов указанных курсов в количестве 10,7%, 15,3% и 13,8% соответственно доминирует «потребность в безопасности». Как видим, данная потребность наиболее актуальна для студентов 3 и 5 курсов. Это может быть связано: с переживанием кризиса в связи с выбором специализации и переоценкой выбранного профессионального пути у студентов 3 курса; с переживанием кризиса, когда появляются сомнения в своей профессиональной готовности, в неопределенности профессионального поля реализации себя, страх перед новой ролью у студентов 5 курса. В целом же по выборке такие показатели можно объяснить озабоченностью вопросами будущего в профессиональном и личностном отношении, в связи с трудным социально-экономическим положением в республике, а так же с беспокойной ситуацией в регионе, что приводит к неопределенности, отсутствию уверенности в завтрашнем дне.

Потребность в межличностных связях доминирует у 11,9%, 11,8% и 4,3% студентов указанных курсов соответственно. Такое соотношение может объясняться большей направленностью студентов 1 и 3 курсов на регуляцию общения и межличностных отношений на факультете по сравнению со студентами 5 курса, которые на этапе выхода из вуза больше заботятся о профессиональной готовности, усовершенствовании полученных знаний и умений, обеспечении успешной профессиональной реализации.

Потребность в уважении со стороны является доминирующей для 21,4%, 17,6%, 26,6% студентов 1, 3 и 5 курсов соответственно. Актуальность данной потребности для студентов 1 курса предположительно связана с прохождением процесса адаптации в вузе, сложными межличностными отношениями в студенческих группах на начальных этапах взаимодействия и общением с преподавателями в новых условиях обучения; для студентов же 5 курса – с прохождением периода окончания профессионального обучения, с желанием самоутвердиться в новом статусе специалиста.

Потребность в самореализации доминирует у 31%, 23,5% и 19,1% студентов указанных курсов соответственно. Что свидетельствует о большом стремлении студентов 1 курса к приобретению знаний, любознательности, более полному выявлению и

²² Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде. Учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 224с.

Секция «Психология»

использованию своих личностных возможностей для получения профессиональных знаний, умений и навыков процессе учебной деятельности; они еще пребывают в состоянии «эйфории» поступления в вуз и отличаются живым интересом ко всему происходящему. Студенты же старших курсов уже адаптировались к особенностям учебной деятельности и знают, что им необходимо для успешного освоения профессиональных знаний.

Таким образом, самыми востребованными оказались «материальная потребность» и «потребность в уважении со стороны» для студентов 5 курса (25,5% и 26,6%), а «потребность в самореализации» для студентов 1 курса (31%). Студенты указанных курсов в количестве 6%, 11,8% и 10,6% соответственно, по результатам выбранных утверждений, ни один из видов потребностей не выделили в качестве доминирующей.

Результаты, полученные по методике «Иерархия потребностей», позволили сделать вывод о том, что соотношение потребностей и возможностей их удовлетворения представляет целостную систему мотивационной сферы с иерархической структурой ее построения, выстраивание которой определяется этапами развития личности в онтогенезе и этапами профессионального становления. Полученные в работе данные можно использовать в профилактической и консультационной работе психологической службы высшего педагогического образования. Результаты исследования могут быть учтены в планировании учебного процесса в СОГУ. Выявленные особенности мотивации студентов позволяют осуществить дифференцированный подход в процессе подготовки к предстоящей профессиональной деятельности.

Стиль учебной активности:средовой аспект

Лазарев А. К.

Студент

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

a.k.lazarev@gmail.com

Мы изучали протекание мотивационных процессов и связанных с ними стилей активности в условиях обучения. Было обращено внимание на возможность выделения стиля активности при разном средовом влиянии в старших классах школы. Рамка образца поведения, задаваемая средой класса, предполагалась связанной с предпочитаемой ориентацией ученика к активному включению в сферу учебной жизни и мотивацией к учению.

В концепции представителя пермской школы А.А.Волочкова с 1991 года разрабатывается конструкт учебной активности, он даёт возможность определить различное соотношение вклада собственной активности и среды в развитии стиля учебной активности. Для измерения учебной активности использовался вопросник учебной активности школьника (УАШ) 7-ой версии, он состоит из 7-ми первичных и 4-х вторичных шкал (шкалы самооценки обучаемости, учебной мотивации, динамики (вариативности) реализации и исполнения (интенсивности) и контроля за реализацией действий и в ситуациях неудач в учёбе)[1]. Предполагается, что метацелевой стиль связан с индивидуальными источниками мотивации, а процессуальный (шкалы контроля за действием и динамики (вариативности) исполнения и реализации) и целевой (шкалы самооценки обучаемости и результата исполнения, устойчивости к неудачам) со средовыми влияниями.

Под средой понимается система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении. В своём исследовании мы опирались на эколого–личностную модель анализа образовательной среды, предлагаемую В.А.Ясвиным[2]. Прибегая к этой модели, мы могли увидеть субъективную оценку среды школьниками, в отличие от экспертной оценки учителей, поскольку часто учителя и ученики оперируют

противоречащими целями: первые приветствуют достигаемые с усилиями отметки, вторые же стремятся избежать негативной оценки, объясняя это недостатком способностей[5]. Для того, чтобы узнать субъективную оценку типа среды учащимися мы использовали методику экспертной оценки модальности школьной образовательной среды В.А. Ясвина (безмятежный, творческий, карьерный, догматический) [2].

Исследование проводилось на экспериментальной площадке РАО (лицей для одарённых детей №1524) на 52-х школьниках (среди них 25 девушек и 27 юношей) 9-11-х классов «А», - сильной параллели с большой академической нагрузкой и высокими академическими результатами учеников.

Таким образом, целью исследования стало определение связи стиля учебной активности школьников разных возрастов с субъективной оценкой типа образовательной среды.

При обработке полученных результатов в статистическом пакете SPSS 13.0 мы использовали описательную статистику, методы U-критерий Манна-Уитни и H-критерий Крускаллы-Уоллиса для несвязанных выборок.

По результатам проведения методики Ясвина В.А. выяснилось, что учащиеся разных классов оценивают её по-разному. При этом оценка среды как карьерной не встречалась вовсе. Оценка типа среды как творческой и безмятежной, наряду с догматической, присутствует в 9 -10-м классе, в 11-м классе большинство оценивают как догматическую с характерными ей ценностями добросовестности, самоограничения, самопреодоления, «благоразумия, доходящего до пассивности», непоколебимой уверенности в собственной правоте.

Выявлены общие особенности развития стиля активности в образовательной среде. По средним значениям показателей шкал учебной активности и субъективной оценке типов образовательной среды в целом по выборке выявлены значимые различия для шкал динамика видоизменения (вариативности) учебной деятельности ($H=17,1; p<0,001$), для исполнительской динамики ($H=5,9; p<0,05$), общей динамики ($H=5,9; p<0,05$) и потенциала учебной активности ($H=4,4; p<0,1$ – тенденция к различиям). Максимальное значение этих шкал оказалось в связке с субъективной оценкой среды как творческой и минимальное значение при оценивании среды как безмятежной. Первые три шкалы входят в фактор процессуальный стиль, а вторичная шкала потенциал учебной активности отражает готовность к включению и реализации других структурных компонентов в учебной активности. С точки зрения выделения стиля активности эти компоненты связаны с характеристиками процессуального стиля активности, ориентированного на общее принятие, содержание и процесс деятельности с высокой активацией, при которой индивид испытывает лёгкость и комфорт, азарт и эмоциональное возбуждение, направленность на настоящий момент, непринуждённость в поведении, отсутствие чрезмерно выраженного самоконтроля. Вариативность по субъективным оценкам среды данного стиля говорит о разном взгляде учеников на возможности среды: так, при оценке среды как безмятежной выделяется меньше вариантов приложения собственных усилий, соответственно и требуемый их уровень видится меньшим.

Первоначальная гипотеза подтвердилась: стиль активности можно рассматривать не только в качестве условия, но и как показатель влияния среды.

К выпускному классу равномерно снижаются средние показатели динамики видоизменения деятельности ($H=7,45; p<0,05$), общей динамики учебной активности ($H=8,43; p<0,05$) и контроля реализации учебных действий ($H=7,96; p<0,05$), это снова процессуальный стиль. Ученики 9-го класса, оценившие тип среды как творческий, имели наибольшие показатели процессуального стиля ($p<0,05$). К 11-му классу эти значения самые низкие, что можно объяснить тем, что учащиеся уже произвели выбор, специализируются в интересном им учебном предмете. Они меньше сил прилагают на контроль за результатами обучения, а почему это так, можно понять из приведённых ниже результатов.

Секция «Психология»

Большинство учеников выпускного класса субъективно оценили среду как догматическую и, по сравнению с оценкой среды как безмятежной, были больше ориентированы на метацелевой стиль ($H=2,86; p<0,1$). А оценка среды как догматической, как указывалось выше, соответствует большой доле внешнего контроля. Повышение уровня внутренней мотивации можно объяснить постановкой ими собственных целей, напрямую не связанных с обучением по основной программе школы, связанными с поступлением в вуз, - все учащиеся поступают в престижные вузы Москвы по окончании обучения и каждый 4-ый является призёром предметной олимпиады разного уровня.

Литература:

1. Волочков А.А. Активность субъекта бытия; интегративный подход/ А.А.Волочков; Перм.гос.пед.ун-т. –Пермь, 2007. -376 с.
2. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. – СПб.: Питер, 2007. -352с.
3. Ames, C., Ames, R., & Felker, D.W. Effects of competitive reward structures and valence of outcome on children's achievement attributions. *Journal of Educational Psychology*, 69, 1977.
4. Covington, M.R., Omelich C.L. Effort: The Double-Edged sword in school achievement. *Journal of educational psychology*, Vol.71, No.2, p.169-182, 1979.

Различия мотивации обучения в вузе у студентов экономических и технических специальностей

Лимаева Ю.Ю.

Студент

Московский государственный областной университет,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail:kuvin88@bk.ru

Учебная деятельность исторически сложилась в результате выделения её из трудовой деятельности и постепенного отделения от неё. Обособление к настоящему времени достигло такой степени, что учебная деятельность, родившаяся когда-то для научения все усложняющейся трудовой, замкнулась сама на себе, ограничиваясь запоминанием учащимися «чистых» знаний. Современные вузы дают знания, а практически действовать выпускники вузов учатся уже потом - это приводит к формализму в обучении, так как студенты не понимают, для чего они учат материал и где его применить, падает мотивация к обучению - одно из звеньев структуры учебной деятельности, помимо цели, средства и конечного результата.

По данным министерства образования количество высших учебных заведений в стране неуклонно растет. За период с 1990 по 2005 год их число выросло более чем в два раза. При этом если говорить о наиболее популярных специальностях, можно сделать вывод, что число специалистов технической направленности осталось прежним, а экономической увеличилось (по данным статистики высшего образования на сайте <http://stat.edu.ru/>) . При анализе показателей выпуска специалистов можно увидеть, что по количеству выпускников гуманитарно-социальные специальности преобладают над естественнонаучными.

В данном контексте особую актуальность приобретает исследование мотивации обучения в ВУЗе студентов экономических и технических специальностей. Мотивация является одним из ведущих факторов успешности обучения.

Исследование, проведено на базе 32 студентов технических специальностей и 36 студентов экономических специальностей при помощи методики Т.И. Ильиной «Мотивация обучения в вузе», методики изучения мотивов учебной деятельности (модификация А. А. Реана, В. А. Якунина).

Исследование показало, что - при сравнении баллов методики «Мотивация обучения в вузе», полученных по мотиву «приобретение знаний» у экономистов и естественников по

Секция «Психология»

критерию t-Стьюдента обнаружены различия на уровне статистической тенденции ($t=1,757$; $df=66$; $0,05 < p < 0,1$ – зона неопределенности), статистически разница в степени выраженности мотива не подтверждена.

Средние по мотиву «Овладение профессии» статистически не различаются.

При сравнении баллов, полученных по мотиву «получение диплома» у экономистов и естественников по критерию t-Стьюдента выявлены статистически значимые различия ($t=2,4$; $df=66$; $p < 0,05$). Экономисты более нацелены на получение диплома, чем естественники.

По результатам методики модификации А. А. Реана, В. А. Якунина мотивы «Стать высококвалифицированным специалистом» и «Приобрести глубокие и прочные знания» стоят на первом месте в обеих группах, мотив «Получить диплом» стоит на 3 месте у экономистов (его выбрало 12% испытуемых) и на 5 месте у студентов технических специальностей (выбрало 9,26%).

Большее число студентов-экономистов внешне мотивированы - «Добиться одобрения родителей и окружающих» выбрали 9,7% против 3% технических специалистов.

Следует отметить, что студенты технических специальностей могут на лабораторных и практических занятиях применять свои знания, проводя опыты и эксперименты. Это значительно повышает познавательную мотивацию. Для экономистов же непосредственное применение знаний затруднено, что отдаляет знания от реальной жизни, становится неясной прикладная область - этот фактор снижает познавательную мотивацию. Для повышения мотивации необходимо проводить деловые игры с элементами изучаемой темы.

Литература

1. Рубинштейн С. Л. (2000) Основы общей психологии. СПб.: Питер.
2. Ильин Е. П. (2000) Мотивация и мотивы. СПб.: Питер.
3. Наследов А. Д. (2006) Математические методы в психологии. СПб.: Речь.
4. Бадмаев Б.Ц. (1997) Психология: как её изучить и усвоить. М.: Владос.
5. Волова Н. Ю., Капцов А.В., Карпушина Л.В., Самарцева О.К., Сопов В.Ф., Чаденкова О.А., Четырова Л.Б. (2001) Студент и образовательное пространство. Самара: Самарский университет.
6. <http://stat.edu.ru/> (Статистика российского образования)

Влияние когнитивного компонента Я-концепции на выбор профессии старшими школьниками

Лутченко И. А.

Студентка

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
факультет педагогики и психологии, Нижевартовск, Россия*

E-mail: sgarkhipov@mail.ru

Выбор профессии и подготовка к трудовой деятельности являются одними из наиболее важных задач в развитии и становлении молодых людей. Продуманный и реалистичный подход позволяет старшему школьнику выбрать специальность, наиболее соответствующую его индивидуальным качествам, в которой он найдет наибольшее удовлетворение и раскроется как личность, а также наиболее необходимую для общества. Неодуманный и случайный выбор может привести к глубокому разочарованию, неудовлетворенности и общественному неодобрению.

Исследователи, работающие в русле данной проблемы (Е.А.Климов, Н.С.Пряжников, Е.Е.Смирнова), отмечают ряд типичных ошибок, возникающих при выборе профессии, имеющие в своей основе разнообразные факторы: окружение (семья, друзья, школьный персонал), физическое здоровье, стереотипы и другие, — все они, как правило, детерминированы низким уровнем самопознания у старших школьников.

Секция «Психология»

В научной литературе самопознание определяется как когнитивный компонент Я-концепции, включающий образ качеств, способностей, внешности, социальной значимости, присущих личности. Данной проблематике посвящены научные труды таких ученых как Б.Г.Ананьев, И.С.Кон, В.В.Столин, Р.Бернс. Осуществляя самопознание, то есть, обращая психическую деятельность на исследование самого себя, старший школьник производит сознательную оценку своих поступков и себя в целом, что обеспечивает понимание себя, принятие своих физических и личностных особенностей, осознанность.

Степень осознанности ситуации выбора профессии находит отражение в предпочитаемой стратегии: случайный, неосознанный и несамостоятельный выбор определяет стратегию адаптации к профессиональным требованиям, в то время как стратегия профессионального развития задается осознанным и самостоятельным выбором профессии.

Внутренняя убежденность и осознанность фактора выбора профессии, осведомленность о мире труда, о том, какие физические и психологические требования профессия предъявляет к человеку, способность к познанию индивидуальных особенностей (образ «Я»), анализу профессий и принятия решения на основе сопоставления этих двух видов знаний, т.е. способность к сознательному выбору профессии, характеризует степень готовности старшего школьника к выбору профессии.

В результате анализа теоретических исследований по проблематике исследования было выдвинуто предположение о том, что когнитивный компонент Я-концепции накладывает отпечаток на выбор профессии (на степень готовности к выбору профессии и самостоятельность этого выбора) в старшем школьном возрасте. Данное предположение, подкрепленное теоретическими обоснованиями, выступает в исследовании в качестве рабочей гипотезы.

Опытно-экспериментальной базой исследования являлась муниципальная общеобразовательная средняя школа №43 города Нижневартовск. В исследовании приняли участие 40 школьников выпускных (одинадцатых) классов.

В результате проведения запланированных методов психодиагностики (методика изучения свойств самосознания («образа Я») личности Ч.Осгуда; методика определения готовности учащихся к выбору профессии В.Б.Успенского; методика изучения осознанности профессионального выбора И.М.Кондакова) и метода математико-статистической обработки эмпирических данных психологического исследования (расчет рангового коэффициента корреляции по Спирмену) гипотеза была экспериментально доказана.

При определении статистической значимости полученного значения коэффициента было выявлено, что полученные в исследовании данные статистически значимы с доверительной вероятностью 99,0%.

Из общего числа испытуемых 65,0% имеют высокий уровень развития когнитивного компонента Я-концепции. Для них характерны интерес к собственному внутреннему миру, сформированность навыков определения психологических особенностей личности, выявления своих предрасположенностей и профессиональных интересов, определения соответствия выбранной профессии своим способностям, личностным качествам и запросам рынка труда, свидетельствующие о готовности к сознательному выбору профессии.

Результаты, полученные в ходе диагностического исследования, дают основание утверждать о наличии проблемы адекватности выбора профессии в ситуации низкого уровня развития когнитивного компонента Я-концепции, проявляющиеся у 35,0% испытуемых.

Недостаточное знание и понимание совместимости желаемого будущего и реальных индивидуальных способностей и возможностей могут привести старших школьников к нереализованности потенциальных, действительных способностей, к серьезным

Секция «Психология»

последствиям, связанным с эмоциональной неудовлетворённостью жизненным положением.

Выбор профессии только тогда будет верным, когда он осознан, самостоятелен и когда ему предшествует большая кропотливая работа по самопознанию.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М., 2001.
3. Глуханюк Н.С., Дьяченко Е.В. Я в профессии и профессиональное Я: результаты исследований. Екатеринбург, 2005.
4. Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий. М., 1993.
5. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
6. Смирнова Е.Е. На пути к выбору профессии. СПб., 2003.
7. Психологическое сопровождение выбора профессии / под ред. Л.М.Митиной. М, 2003.
8. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.
9. Степанский В.И. Психологические факторы выбора профессии. М, 2006.
10. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.

Психометрический интеллект как преодоление неопределенности¹

Малахова С. И.

Аспирантка

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

E-mail: smalakchova@mail.ru

Исследования психометрического интеллекта до недавнего времени не были связаны с оценкой принятия неопределенности субъектом. В то же время требования к современному человеку заключаются в том, что он может жить в условиях современного общества, где предполагается динамичность взаимодействия в экологических, технологических, информационных, социальных, политических, учебных и других областях.

Первые исследования по толерантности к неопределенности (ТН) начались в 40-х гг. XX века в связи с исследованиями авторитаризма. Одними из первых являются работы Френкель-Брунsvик, которая предложила выделить субъективность восприятия человеком неопределенности, с которой он сталкивается при принятии решений, в качестве самостоятельного предмета исследования. Первоначально неопределенность понималась автором как эмоциональная и перцептивная переменная, которая играет важную роль в оценке вероятностных исходов принятия решения и задает эмоциональный фон принятия решения (Frenkel-Brunswik, 1948). Таким образом, если человек отказывается мыслить в категориях вероятностей и предпочитает избегать неясного и конкретного, то, по определению Френкель-Брунsvик, он является интолерантным к неопределенности (ИТН). А ИТН описывается как нетерпимость разнообразия и множественной интерпретации стимулов.

Большинство концепций ТН выделяют эмоциональный (переживание тревоги и беспокойства) и когнитивный (процессы переработки и анализа, связанные с особой избирательностью восприятия и поиска информации) аспекты восприятия неопределенности (Шалаев, 2007). В целом, толерантная личность стала описываться как человек, приемлющий новизну и неопределенность ситуаций и способный продуктивно действовать в них, а интолерантная личность - как не приемлющий новизну ситуаций и многообразия мира, испытывающий стресс при возможности множественной интерпретации стимулов (Корнилова, 2009).

Секция «Психология»

Исходя из того, что ТН не сводится к личностным чертам и не предсказывается точно диспозиционными психодиагностическими шкалами, а зависит от содержания деятельности и ситуационных факторов, мы сделали предположение, что люди, получающие различное профессиональное образование, могут характеризоваться различными показателями ТН. Как средство приобретения информации могут быть использованы многие способности, связанные с тем или иным интеллектом. Для проявления разных видов интеллекта могут использоваться разные компоненты учебной деятельности (Гарднер, 2007).

В литературе уже имеются данные, показывающие различия в структуре интеллекта между студентами, обучающимися разным профессиям (Трост, 1999; Малахова, 2006). А так как одной из особенностей учебной деятельности в вузе является неопределенность образовательной среды, в которой опора на собственный интеллектуально-личностный потенциал помогает справляться с ситуациями неопределенности, то профессиональные различия в структуре интеллекта должны характеризоваться и профессиональными отличиями в структуре ТН.

Целью данного исследования было установить связь психометрического интеллекта с принятием неопределенности у студентов различных специализаций.

¹Работа выполнялась при поддержке РГНФ. Грант № 07-06-00101а

Методика

Для диагностики уровня развития интеллекта в нашей работе мы использовали тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра. Для исследования толерантности к неопределенности использовался опросник НТН – новый опросник толерантности к неопределенности, разработанный на выборке $n = 623$ человек, включающий три шкалы - толерантность к неопределенности (ТН), интолерантность к неопределенности (ИТН) и межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН). Опросник NTN разрабатывался в рамках гранта РГНФ (Корнилова, 2009).

Для обработки данных использовался корреляционный анализ (непараметрические корреляции r Спирмена).

В эмпирическом исследовании принимали участие три выборки испытуемых. Всего участвовало 546 человек, из них 196 мужчин и 350 женщин в возрасте от 17 до 25 лет ($M=19,25$, $\sigma =1,59$): 97 студентов 4 курса дневного отделения физико-технического института (МФТИ), 388 студентов дневного и вечернего отделений 3-го курса факультета психологии МГУ, 61 студент 4-го курса дневного отделения факультета биоинформатики МГУ.

Таким образом, две выборки представляют будущих специалистов в области естественных наук и одна - представителей гуманитарного профиля.

Результаты

1. Получены значимые различия по уровню психометрического интеллекта между группами. Общий показатель теста Амтхауэра для студентов МФТИ – 101,24 балла, для студентов-психологов – 107,57 балла, для студентов-биоинформатиков – 117,44 балла.

2. Для выборки студентов МФТИ установлена незначимая положительная связь ($\rho = 0.320$

3. при $\alpha = .07$) между шкалой пространственного субтеста и шкалой межличностной интолерантности к неопределенности.

4. Для выборки студентов-психологов установлены следующие корреляции.

Показатель общего балла по тесту Амтхауэра отрицательно коррелирует со шкалой интолерантности к неопределенности ($\rho = -.246$ при $\alpha = .016$), показатель шкалы вербального субтеста отрицательно коррелирует со шкалой интолерантности к неопределенности ($\rho = -.264$ при $\alpha = .009$), показатель шкалы математического субтеста отрицательно коррелирует со шкалой интолерантности к неопределенности ($\rho = -.320$ при

Секция «Психология»

$\alpha = .05$). То есть, чем выше показатели психометрического интеллекта (общего, вербального и математического интеллекта), тем легче принимается ситуация неопределенности. Пространственный интеллект, напротив, положительно коррелирует с межличностной интолерантностью, хотя и незначимо ($\rho = .181$ при $\alpha = .07$).

1. Для выборки студентов другого естественного факультета (биоинформатиков) установлена отрицательная связь показателя математического субтеста со шкалой межличностной интолерантности к неопределенности ($\rho = -.387$ при $\alpha = .046$). То есть, люди с более высоким математическим интеллектом более толерантны в межличностных отношениях.

При объединении выборок в одну были установлены следующие связи.

Показатель шкалы вербального субтеста отрицательно коррелирует со шкалой интолерантности к неопределенности ($\rho = -.205$ при $\alpha = .01$), показатель шкалы пространственного субтеста положительно коррелирует со шкалой межличностной интолерантности к неопределенности ($\rho = .236$ при $\alpha = .003$). То есть, люди с более высоким вербальным интеллектом принимают толерантность к неопределенности. У людей с более развитым пространственным интеллектом выше показатель неопределенности межличностных отношений. Показатель шкалы общего балла по тесту Амтхауэра отрицательно коррелирует со шкалой интолерантности к неопределенности ($\rho = -.141$ при $\alpha = .07$), что незначимо по критерию $\alpha \leq 0,05$, но выступает важной тенденцией с точки зрения нашей гипотезы.

Заключение

Поскольку показатель ИТН отражает стремление к ясности в отношении к миру (и миру людей), студенты, получающие психологическое образование (как гуманитарное), значимо менее интолерантны, чем студенты, получающие естественно-научное и техническое образование. Следовательно, образование связано с критерием принятия неопределенности. Показатель МИТН отражает неприятие неопределенности в мире людей и интерпретация связи, полученной с пространственным интеллектом, остается открытой для обсуждения. Но в целом, более высокий уровень психометрического интеллекта (общий, вербальный, математический) способствует студентам принятию неопределенности.

Таким образом, показатели психометрического интеллекта влияют на принятие неопределенности у студентов, получающих различное профессиональное образование.

Образ психолога как основа выбора профессии психолога

Матвеевская В.С.

Студентка 5 курс

Татарский Государственный Гуманитарно-Педагогический Университет

Институт педагогики и психологии, Республика Татарстан, Казань

E-mail: verchik85@list.ru

Реалии современного мирового кризиса таковы, что человек оказался в достаточно сложных условиях: с одной стороны, возросшая психологическая нагрузка, стрессы, неустойчивость социального статуса и положения. С другой стороны, наблюдается рост требований к человеку: высокая конкуренция, на фоне массового сокращения, повышенные требования к мобильности, гибкости, умении быстро ориентироваться в сложных социально-экономических реалиях. Начавшись как кризис финансовый он начинает перерастать в социальный и экзистенциальный (жизне-смысло-деятельностный) кризисы. Отсюда, возникает повышенная потребность в высокопрофессиональных психологических кадрах. Именно психолог призван помочь человеку адаптироваться в сложных условиях кризиса.

Однако, имидж психолога и психологии, как науки, не слишком высок на данный момент в глазах обывателей. Сегодня СМИ формируют массовое сознание населения.

Секция «Психология»

Люди склонны судить о психологе, опираясь лишь на образ, воссоздаваемый газетами, журналами и телевидением – всевозможные ток-шоу (А. Курпатов), сериалы (С. Васильев), ведь именно там население, в основном, и сталкивается с психологами. Неудивительно, что тиражируемый образ в сознании людей доминирует. И дело даже не в том, что он вытесняет реальность, а в том, что вытеснять просто нечего – истинный образ не успевает даже сформироваться. В связи с этим, образ психолога в сознании населения предстает достаточно искаженным. Отрицательное влияние, подобная пропаганда оказывает и на выбор профессии, осуществляемый абитуриентами, которые все в меньшей степени отдают свое предпочтение психологии при выборе будущей профессии.

Особый акцент на сложившуюся ситуацию был сделан Зинченко Ю.П. на последнем съезде «Российского общества психологов» в Ростове-на-Дону, где среди приоритетных направлений деятельности была заявлена необходимость формирования положительного имиджа психолога.

Таким образом, возникает проблема нашего исследования – каков образ психолога в сознании современной молодежи. В исследовании принимали участие школьники 9-11 классов города Казани. Количество испытуемых – 62 человека. Диагностика проводилась при использовании: психосемантического метода множественных идентификаций В.Ф.Петренко. Этот метод позволяет установить степень близости различных образов, данная близость или дальность определяется коэффициентом корреляции. Также в исследовании была использована «методика диагностика межличностных отношений» Т. Лири, позволяющая выявить обобщенный образ психолога глазами школьника. В исследовании принимали участие 62 школьника старших классов города Казани.

При обработке данных было установлено следующее. Школьники образ «хороший психолог» с образами «мои родители» ($r=0,8$), «любимый учитель» ($r=0,8$), «интеллигентный человек» ($r=0,8$), «счастливая женщина» ($r=0,75$), что можно объяснить влиянием школы и образом школьного психолога, который зачастую в реалиях современной школы занимается общественной работой и преподавательской деятельностью, нежели осуществлением своих профессиональных обязанностей. Также сильные связи при обработке найдены с образами «преуспевающий бизнесмен» ($r=0,7$), «состоявшийся мужчина» ($r=0,47$), «богатый человек» ($r=0,46$). Наиболее вероятно, что такое восприятие образа формируется под влиянием СМИ и телевидения, где образ психолога соотносится с образом шоумена.

Образ «Я в будущей профессии» коррелирует с образами «любимый учитель» ($r=0,8$), «состоявшийся мужчина» ($r=0,85$), «хороший психолог» ($r=0,8$), «интеллигентный человек» ($r=0,7$), «мои родители» ($r=0,7$), «преуспевающий бизнесмен» ($r=0,7$) «счастливая женщина» ($r=0,65$), «богатый человек» ($r=0,49$). Таким образом, полученные данные свидетельствуют о недефференцированности образов, что можно объяснить отсутствием когнитивной сложности сознания. Но нам представляется более правомерным иная интерпретация – школьники обладают достаточно смутным представлением о своей будущей профессии и еще не определились с профессиональным выбором, и связывают свой образ социально одобряемыми образами. Это подтверждается и слабой связью с образом «Я-сейчас» ($r=0,1$), то есть школьники,

Образ «Я сейчас» «мои родители» ($r=0,4$), «хороший психолог» ($r=0,3$) «любимый учитель» ($r=0,27$), «счастливая женщина» ($r=0,34$), «интеллигентный человек» ($r=0,27$) – близость с образами, с которыми школьникам приходится контактировать в школе и семье. Связь с образами «состоявшийся мужчина» ($r=0,2$), «богатый человек» ($r=0,49$) объясняется культивированностью этих образов в современном обществе. При этом, школьники противопоставляют свой образ образам «Я в будущей профессии» ($r=-0,1$) «преуспевающий бизнесмен» ($r=-0,06$), что говорит о несформированности профессиональных интересов и неустойчивой социальной позиции, зависимости от родителей, собственно в таком положении и находятся большинство школьников.

Секция «Психология»

По методике Т. Лири был подсчитан средний балл по 8 октантам: средний показатель получен независимый-доминирующий – $x_{cp}=7,1$, агрессивный – $x_{cp}=6,1$, недоверчивый-скептический – $x_{cp}=6,2$, покорно-застенчивый – $x_{cp}=6,4$, зависимый – $x_{cp}=7,5$. Характеристики, не выходящие за пределы 8 баллов, свойственны гармоничным личностям. В обобщенном виде по этим 5 октантам образ психолога характеризуется: выраженностью чувства собственного достоинства, превосходства над окружающими, с тенденцией иметь особое мнение, упрямостью, настойчивостью в достижении цели, и при этом недоверчивостью, скрытностью, подозрительностью и обидчивостью и некоторой застенчивостью.

По следующим трем октантам получены высокие баллы: сотрудничающий – $x_{cp}=9,2$ - дружелюбный и любезный со всеми, ориентирован на принятие и социальное одобрение, стремится удовлетворить требования всех. Альтруистический – $x_{cp}=10,8$, характеризующийся гиперответственностью, стремлением приносить в жертву свои интересы, навязчивостью в своей помощи и слишком активный по отношению к окружающим. Авторитарный – $x_{cp}=8,6$ - властный, диктаторский, деспотический характер, всех поучает, дидактический стиль высказываний, не склонен принимать советы других, стремится к лидерству, командованию другими. Показатели, превышающие 8 баллов, свидетельствуют об акцентуации свойств, выявляемых данным октантом.

Проведенное исследование показало, что студенты имеют достаточно смутные представления об истинных характеристиках психолога-профессионала. Образ психолога в сознании старшеклассников больше соотносится с образом житейского психолога или просто мудрого человека, дающего советы, способного решить социальные проблемы. При этом, образ психолога в сознании старшеклассников обладает достаточно противоположными характеристиками – застенчивостью и закрытостью, стремлением к лидерству и желанием всем нравиться, помогать, даже некоторой навязчивостью. Все это говорит о наличии искаженного восприятия образа психолога у молодежи.

Осознание и реализация педагогами нормативного способа деятельности

Моров М.Д.

Аспирант

*Государственный университет – Высшая школа экономики,
факультет психологии, Москва, Россия*

E-mail: md_moroff@mail.ru

В настоящее время проблема определения нормативного способа деятельности, а также его перехода в индивидуальный способ деятельности является мало изученной в психологии. Каким образом формируется нормативный способ деятельности? В каких процессах он формируется? Каким образом он представлен в сознании профессионала? Как происходит переход нормативного способа деятельности в индивидуальный способ? Эти вопросы составляют проблематику нашего диссертационного исследования, являются интересными, актуальными и значимыми для практики обучения и воспитания. В современных условиях, применительно к профессии педагога, нормативный способ деятельности представлен крайне нечетко, что сказывается на качестве подготовки педагогических кадров и на качестве их профессиональной деятельности. Проблемы определения нормативного способа деятельности, формирования и возможностей корректирования индивидуального способа деятельности являются крайне важными.

В планировании диссертационного исследования мы опираемся на методологию системного исследования (Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, В.Д. Шадриков).

Объектом исследования является деятельность в ее психологическом понимании в концепциях С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова, Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой-Славской, В. Н. Мясищева.

Секция «Психология»

Предметом являются нормативный способ деятельности и факторы, детерминирующие процесс его становления и распределения в индивидуальный стиль деятельности.

Целью исследования является изучение процесса перехода нормативного способа деятельности в индивидуальный способ деятельности, выявление особенностей организации этого процесса, определение факторов, влияющих на распределение нормативного способа деятельности. Говоря о распределении нормативного способа деятельности, мы подразумеваем категорию обратную определению.

Под нормативным способом деятельности мы понимаем обобщенный и закреплённый инструкциями, рассчитанный на абстрактного субъекта и усреднённые условия, способ деятельности, в котором обобщены общественный опыт и способности (В.Д. Шадриков).

Центральной гипотезой исследования является предположение о детерминированности процесса распределения нормативного способа деятельности различными факторами, включающими личностные особенности, мотивацию, способности и особенности психических процессов, обеспечивающих полноту учета субъективных и объективных условий деятельности.

Первоочередной задачей исследования является определение самого нормативного способа деятельности педагога, путем анализа и тщательной проработки литературы, в которой он представлен описательно, и изучения реальных образцов психологической деятельности. При описании нормативного способа деятельности педагога мы планируем провести анализ основных педагогических учений, начиная с Яна Амоса Каменского, рассматривая педагогические идеи французской философии 17 в. (Джон Локк, Жан – Жак Руссо, Клод Адриан Гельвеций, Денни Дидро), представления Генриха Песталоцци, Фридриха Фребеля, Роберта Оуэна, Джона Дьюи, Марии Монтессори, Полины Кергомар, представления марксистской школы, а также научные взгляды на педагогическую деятельность Ломоносова М.В., Бецкого И.И., Одоевского В.Ф., Герцена А.И., Толстого Л.Н., Ушинского К.Д., Симонович А.С., Водовозовой Е.Н., Кондрати Е.И., Каптерева П.Ф., Тихеевой Е.И., Шлегер Л.К., а также идеи Макаренко А.С. и современных авторов.

Второй, не менее важной, задачей является изучение того, как нормативный способ деятельности презентирован в индивидуальном сознании выпускников педагогических вузов. Другими словами, нас интересует то, как нормативный способ деятельности усваивается, интериоризируется будущим профессионалом, как студент – выпускник представляет себе способ своей профессиональной деятельности, насколько четким представлением о нормативном способе деятельности владеют студенты - выпускники. Данная задача имеет психологическое, социальное и культуральное значение, поскольку от того, как студент - педагог представляет себе свою профессиональную деятельность, будет зависеть качество его преподавания, а, следовательно, и качество освоения детей знаниями школьной программы.

После начала профессиональной деятельности нормативный способ деятельности начинающего педагога распределяется под влиянием объективных и субъективных условий в индивидуальный способ деятельности. Под индивидуальным способом деятельности мы понимаем способ деятельности, обусловленный индивидуально-своеобразным характером учета объективных и субъективных условий деятельности.

Следующей нашей задачей является рассмотрение особенностей организации процесса перехода к индивидуальному способу деятельности. Нам необходимо выявить факторы, детерминирующие этот процесс, поскольку владение информацией о детерминантах процесса распределения нормативного способа деятельности педагога позволяет нам определить пути корректировки формирующегося индивидуального способа деятельности.

На сегодняшний день в государстве поставлена задача разработки должностных регламентов и описания нормативного способа деятельности по конкретным

Секция «Психология»

специальностям. В настоящее время эта задача является сложной и разрешается с большим трудом.

Литература

1. *Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
2. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды: В 2-х т./ Под ред. А. А. Бодалева и др. М., 1980.
3. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1965.
4. *Леонтьев А. Н.* Деятельность: Сознание. Личность. М., 1975.
5. *Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии. — *Вопр. психологии*, 1975, № 2.
6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
7. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способности человека. М., 1994.
8. *Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М., 2006.
9. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 2007.
10. *Шадриков В.Д.* Способности и интеллект человека. М., 2004.

Особенности мыслительных действий в младшем школьном возрасте

Мусатова Е.В.

студент

*Белгородский государственный университет, факультет психологии, Белгород, Россия
E-mail: elena_mev88@mail.ru*

Умственное развитие рассматривается как одна из сторон общего психического развития. [1] У младших школьников умственное развитие играет центральную роль, т.к. от его особенностей зависит успешность выполнения ведущей в младшем школьном возрасте деятельности – учебной.

Умственное развитие (УР) младшего школьника мы понимаем, вслед за отечественными психологами Акимовой М.К. и Козловой В.Т., как накопленный фонд знаний, с одной стороны, и совокупность мыслительных операций, обеспечивающих приобретение этих знаний, с другой. Это означает, что УР характеризуется не только количественным накоплением знаний, но и сформированностью разных сторон мышления. [1, 3, 4] Одной из таких сторон является владение мыслительными действиями с понятиями такими, как обобщение, сравнение, анализ, умозаключения по аналогии, умение выделять разнообразные отношения между понятиями.

Проблема умственного развития детей особо актуальна в настоящее время. Высокий уровень умственного развития, проявляющийся в сформированности мыслительных действий (обобщения, сравнения, анализа и т.д.) способствует эффективному усвоению и использованию научных знаний.

Проводя исследование, мы попытались выяснить, каковы особенности умственного развития в младшем школьном возрасте с целью создания коррекционно-развивающей программы, направленной на формирование у младших школьников мыслительных действий с понятиями.

Для изучения уровня развития мыслительных действий у младших школьников нами составлена диагностическая программа, включающая одноименные методики.

Первичная диагностика показала, что лучше всего развиты мыслительные операции обобщение и классификация, при этом наблюдается невысокий уровень развития операции сравнение. Полученные результаты дают основание полагать, что, несмотря на неплохое умение обобщать, вероятно, эта операция выполняется не на научном, а на эмпирическом уровне, а, следовательно, нуждается в коррекции.

В соответствии с уровнем развития мыслительных действий исследуемая выборка была разделена на три группы: с высоким, средним и низким уровнем развития.

Секция «Психология»

Итак, младшие школьники с низким уровнем развития мыслительных действий, составляющие первую группу (20%), испытывают трудности в учении. Зачастую используют неадекватные способы выполнения учебных заданий. [2] Сниженный уровень УР неизбежно обуславливает малую успешность в учебной деятельности, неадекватную самооценку, высокую тревожность.

Во вторую группу младших школьников (60%) вошли учащиеся со средним уровнем развития мыслительных действий с понятиями. У таких детей наблюдается большая зона ближайшего развития, поэтому весьма велика роль окружающих взрослых. Развивающие занятия с такими детьми позволяют повысить уровень их умственного развития, в противном случае (если оставить, как есть) существует вероятность того, что дети будут испытывать сложности в обучении, осуществление ими мыслительных операций будет на эмпирическом уровне. Проведение с ними коррекционно-развивающей программы позволит повысить уровень умственного развития, улучшить их способы усвоения и хранения знаний и т.д., что, естественно, положительно скажется на развитии их личностной сферы. [4]

Третью группу (20%) составили младшие школьники с высоким уровнем сформированности мыслительных действий. Высокий уровень УР, проявляющийся в сформированности мыслительных действий – обобщения, сравнения, анализа и т.д. – обеспечивает эффективное усвоение и использование научных знаний. [3] Развитие мыслительных операций у детей данной группы способствует их активности в достижении целей, увеличивает возможности в решении нетипичных задач, что обеспечивает более глубокое познание явлений окружающей действительности.

В основу разработанной коррекционно-развивающей программы легла программа Акимовой М.К. и Козловой В.Т., направленная на формирование у младших школьников мыслительных действий. [1] В основной контекст – развитие мыслительных действий с понятиями – мы включили упражнения на развитие памяти и внимания. Программа содержит упражнениями, позволяющие выработать или улучшить навыки взаимодействия школьников, включает ряд упражнений на релаксацию.

Оценка эффективности разработанной программы проводилась с помощью Т-критерия Стьюдента, что позволило проверить гипотезу о равенстве выборочных средних и статистику для парных переменных, необходимую, поскольку мы должны выяснить эффект развивающей программы для каждого младшего школьника, изучаемого нами.

Характеризуя ранее выделенные группы, после проведения разработанной программы, нужно отметить следующее. У младших школьников с низким уровнем развития мыслительных действий с понятиями, произошло увеличение исследуемого показателя, оно не очень значительное, но при систематической работе с такими школьниками, а также при истреблении пробелов в знании, возможен рост данного показателя.

У младших школьников второй группы – со средним показателем уровня развития мыслительных действий – наблюдается рост обозначенного показателя. Действительно, у этих детей имеется большая зона ближайшего развития. Развивающие занятия с такими детьми позволили повысить уровень их умственного развития, проявляющийся в сформированности мыслительных действий.

В процессе выполнения коррекционных упражнений дети с высоким уровнем развития мыслительных операций стали успешнее справляться со сложными заданиями, предлагали интересные пути решения, что указывает на более глубокое познание сущности и закономерностей явлений окружающей действительности.

Итак, отметим, что гипотеза нашего исследования подтвердилась частично: не подтвердилась для выборки в целом, но подтвердилась для парных переменных (на уровне каждого испытуемого). Это говорит о том, что разработанная программа способствует повышению уровня умственного развития. Но процесс умственного развития должен быть систематическим, развитие должно иметь место на каждом уроке, сопровождать ученика в процессе его деятельности.

Секция «Психология»

Подводя итог, нужно отметить, что систематические занятия с младшими школьниками по развитию мыслительных действий с понятиями будут способствовать существенному повышению уровня их развитости, что повлияет на общее умственное развитие, а последнее, в свою очередь, на личностное. Именно поэтому велика роль окружающих взрослых, основными задачами которых является создание оптимальных условий для раскрытия и реализации потенциальных возможностей младших школьников с учетом индивидуальных особенностей каждого ребенка.

Литература

1. Акимова М.К., Козлова В.Т.. Психологическая коррекция умственного развития школьников. Учебное пособие. – М., 2002.
2. Леитес Н.С. Умственные способности и возраст. – М., 1999. 19. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2т. Т 1. – М., 1983.
3. Психическое развитие младших школьников // Под ред. Давыдова В.В. – М., 1990.
4. Психолог в начальной школе // Под ред. Андрющенко Л. Л. – Волгоград, 1995.

Коррекционно-развивающая программа как условие активизации словесно логического мышления младших школьников на примере сравнения сельской и городской школы

Николаева О.А.

Студент

*Коломенский государственный педагогический институт,
психологический факультет, Коломна, Россия*

E-mail: lesik5-86@mail.ru

Система образования в современном обществе устроена таким образом, что дети должны быть готовы к поступлению в первый класс. Если раньше при поступлении в школу ребенку не обязательно было знать буквы, уметь считать, читать, то в настоящее время ему необходимы программы более сложные по сравнению с предыдущими. Поэтому ребенка необходимо готовить к школе.

В младшем школьном возрасте дети располагают значительными резервами развития. С поступлением ребенка в школу под влиянием обучения начинается перестройка всех его познавательных процессов. Именно младший школьный возраст является продуктивным в развитии логического мышления. Это связано с тем, что дети включаются в новые для них виды деятельности и системы межличностных отношений, требующие от них наличия новых психологических качеств.

Однако, не всегда уровень подготовки школьников одинаков. Для стандартизации получаемых знаний в нашей стране видна система ЕГЭ, но это только в выпускных классах.

Наша работа направлена на определение разницы для единой оценки полученных знаний, в независимости от ребенка, нахождения школы, типа школы, учителя, это объективная оценка исключительно полученных знаний. Исходя из выше перечисленного, можно сформулировать основную идею нашего исследования, она состоит в следующем:

- Определение разницы между уровнем развития логического мышления младших школьников сельской и городской школы

- Проведение коррекционной программы направленной на развитие словесно-логического мышления и по итогам этой программы сопоставление уровня развития логического мышления.

Объект исследования: словесно-логическое мышление младших школьников.

Предмет исследования: возможность развития словесно-логического мышления младших школьников по средствам коррекционной развивающей программы на примере сельской и городской школы.

Секция «Психология»

Цель исследования: раскрытие сущности словесно-логического мышления младших школьников и оценка влияния коррекционной развивающей программы для коррекции развития словесно-логического мышления младших школьников в рамках сравнения сельской и городской школы.

Задачи исследования:

-На основе анализа проблемы развития словесно-логического мышления выявить особенности и критерии, а также теоретически разработать проблему сельской и городской школы.

-Экспериментально исследовать влияние коррекционной развивающей программы на задачу коррекции словесно-логического мышления на примере сельской и городской школы.

Гипотеза:

Мы предполагаем возможность повышение уровня развития словесно-логического мышления младших школьников по средствам коррекционной развивающей программы с учетом разницы уровня развития словесно-логического мышления младших школьников сельской и городской школы.

Программа исследования:

1. Исследование теоретических и методологических исследования словесно-логического мышления младших школьников
2. Проведение первого этапа измерения
3. Составление КРП по активизации словесно-логического мышления младших школьников (по результатам первого замера)
4. Проведение КРП в сельской и городской школе и анализ полученных результатов

Для проведения программы было из всех обследуемых школьников отобрано по 10 человек из каждой школы и проведена КРП. Занятия проводились 1 раз в неделю по 50 минут каждое, всего было проведено 7 занятий, после чего было проведено повторное тестирование, и полученные результаты были проанализированы.

Обработка результатов исследования проводилась при помощи программы «Статистика».

В ходе проведения исследования мы получили следующие результаты:

1. Словесно-логическое мышление младших школьников при поступлении в школу как правило ниже, чем необходимо для освоения школьной образовательной программы первого класса.

2. Уровень развития словесно-логического мышления младших школьников в сельской школе значительно ниже, чем в городской школе.

3. КРП по развитию словесно логического мышления младших школьников эффективна и результативна для активизации словесно-логического мышления младших школьников.

4. Данная КРП может применяться для коррекции уровня развития словесно-логического мышления младших школьников, либо как программа дополнительно-поддерживающего образования.

Литература

1. Абульханова-Славская, К.А. Личностные типы мышления / К.А. Абульханова-Славская /Когнитивная психология. — М.: Наука, 1986.
2. Брунер, Дж. О познавательном развитии//Исследование развития познавательной деятельности / Дж. Брунер — М.: Педагогика, 1971.
3. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. Т. 2/ Л.С. Выготский. — М.: Педагогика, 1982.
4. Гальперин, П. Я. К исследованию интеллектуального развития ребенка. / П. Я.Гальперин //Вопросы психологии. — 1969. — № 1.

5. Васильев Ю.В. Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта. – М.: Молодая гвардия, 1992.- С. 146.
6. Гершунский Б.С. Менталитет и образование. – М.:, 1996.

**Взаимосвязь особенностей самоактуализации личности и профессиональной
мотивации студентов - психологов**
Олейник С. С.

Студент

*Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, филиал в г.
Набережные Челны, отделение гуманитарных наук, город Набережные Челны, Россия.
E-mail: teta.sos@mail.ru*

Основополагающей для гуманистического направления является идея о том, что осознанное стремление к максимально возможному раскрытию своего человеческого потенциала и его реализации в практической жизнедеятельности на благо общества путем самоактуализации является необходимым фактором полноценного развития человека.

Анализ работ по проблеме показал, что понятие самоактуализации интегрально: оно включает в себя адекватное восприятие окружающего мира и людей, своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья и нравственности, всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала.

Юность – чрезвычайно значимый период в жизни человека. Вступив в юность подростком, молодой человек завершает этот период истинной зрелостью, когда он действительно сам определяет для себя свою судьбу. Он планирует свое место среди людей, свою деятельность, свой образ жизни. При этом постепенно выстраивается план жизненного пути, с которым связывается иерархия мотивов, формируемые качества личности.

Личность именно в этот период своей жизни проходит этап личностного становления и развития, в том числе и профессионального. Профессиональное саморазвитие является одним из важнейших путей самоактуализации в юношеском возрасте. Профессиональная мотивация выступает как внутренний движущий фактор развития профессионализма и личности, студенческий возраст в этом смысле представляет особый период жизни человека.

Теоретическую основу нашей работы составили работы следующих авторов: К.Гольдштейн, А.Г. Маслоу, Э. Фромм, К. Роджерс, В.Г. Асеев, В.К. Вилюнас, Е.П. Ильин, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин.

Цель нашего исследования – выявить связь самоактуализации студентов психологического факультета с мотивацией обучения. Для достижения поставленной цели нами было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие студенты 3-го и 4-го курсов факультета психологии в количестве 30 человек.

Мотивы учебной деятельности выявлялись с помощью методики «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной (Содержит три шкалы: «приобретение знаний», «овладение профессией» и «получение диплома») и методики «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» (А.А. Реан и В.А. Якунин). Для исследования самоактуализации мы применили «Самоактуализационный тест» Э. Шострома.

Эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. У студентов психологического факультета мотивация обучения в вузе имеет средний уровень развития и представлена сочетанием равнопредставленных мотивов приобретения знаний, овладения профессией и получения диплома. Однако среди испытуемых имеются студенты с низким уровнем мотивации приобретения знаний и овладения профессией. Они учатся, чтобы занять желаемое место в социуме, для продвижения по службе.

Секция «Психология»

2. Большинство студентов–психологов имеют уровень самоактуализации, соответствующий психической и статистической норме. Однако некоторые испытуемые имеют низкий уровень самоактуализации. Кроме того, среди испытуемых имеются студенты с «псевдоактуализацией», что свидетельствует о слишком сильном влиянии на результат обследования фактора социальной желательности или о намерении испытуемых выглядеть в наиболее благоприятном свете.

3. Мотивация приобретения знаний статистически значимо связана с уровнем самоактуализации студентов. Студенты, имеющие более высокую потребность в приобретении знаний, способны жить настоящим, независимы в своих поступках, имеют творческую направленность личности, принимают себя, не боятся вести себя раскованно, способны к установлению глубоких и тесных эмоциональных отношений.

Мотивация овладения профессией также имеет положительную корреляционную связь с уровнем самоактуализации студентов – психологов. Студенты, стремящиеся к овладению профессиональными знаниями, к формированию профессионально важных качеств, в своей жизни руководствуются собственными убеждениями, установками, гибко действуют в реализации своих ценностей в поведении, способны к целостному, положительному восприятию мира и людей, принимают себя и не боятся вести себя раскованно и естественно.

Преобладание у студентов – психологов мотивов приобретения знаний и овладения профессией свидетельствует об адекватном выборе ими профессии и удовлетворённости ею, а также связано с более высоким уровнем самоактуализации.

Студенты с преобладанием мотивации получения диплома при формальном усвоении знаний, со стремлением к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачётов не разделяют ценности, присущие самоактуализирующейся личности, ригидны в поведении и взаимодействии с окружающими людьми, имеют внешний локус контроля, недостаточно осознают свои чувства и не готовы демонстрировать их окружающим. Они также не способны к установлению глубоких эмоционально насыщенных контактов с людьми.

Результаты исследования могут быть использованы в личностном и профессиональном консультировании студентов вузов, а также при планировании и разработке преподавателями вузов форм и методов обучения студентов и организации внеучебной деятельности. Особое внимание необходимо обращать на формирование у студентов адекватных мотивов обучения в вузе, среди которых важное место занимают мотивы приобретения знаний и овладения профессией.

Литература

1. Вахромов Е. Самоактуализация и жизненный путь человека //Современные проблемы смысла жизни и акме/ Под ред. А.А. Бондырева, В.Э. Чудновского. – Самара: Изд. «Н.Т.У.», 2002.
2. Вилюнас В. К. Психология развития мотивации. – СПб.: Речь, 2006. – 458с.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – 512с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
4. Маслоу А. Мотивация и личность. Самоактуализированные люди: Исследование психологического здоровья / А. Маслоу. - СПб.: Евразия, 1999. – 178 с.
5. Фонарёв А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала. – М.: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – 560с.

Психологический аспект усвоения значений символов искусства

Пестерева Н.А.¹

Студентка 4 курса д/о

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

психологический факультет, Москва, Россия

E-mail: Nicole-Pesterewa@yandex.ru

Секция «Психология»

В процессе развития человечества формировались различные знаково-символические системы, которые позволяют фиксировать информацию о продуктах деятельности человека.

Процесс интериоризации происходит при помощи знаков и символов. Следует определить, что такое знак и символ, и провести различие между ними. Знак (англ. sign) – компонент деятельности человека, средство его сознательной ориентировки в объектах внешнего мира, управления собственным поведением и поведением других людей. (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н.) Символ (от греч. symbolon - условный знак) – образ, являющийся представителем других образов, содержаний, отношений. Символ родственен понятию «знак», однако их следует различать. Для знака (особенно в формально-логических системах) многозначность – явление негативное: чем однозначнее расшифровывается знак, тем конструктивнее он может быть использован. Символ, напротив, чем более многозначен, тем более содержателен. Символ – одна из важнейших категорий искусства, философии и психологии. (Кассирер Э., Флоренский П.А. и др.) Социальные знаки мы определяем как те знаки, которые участвуют в опосредовании социального общения. Социальные знаки принимаются большой группой людей.

Особое место среди знаково-символических систем занимают знаки и символы искусства. Знаки искусства объединяют и социально принятые знаки и уникальные, эмотивные знаки. Уникальность знаково-символической системы искусства заключается в том, что искусство, в конечном счете, фиксирует формы поведения человека (Л.С.Выготский).

Целенаправленное обучение, знакомство со знаково-символическими средствами искусства начинается со школы, где человек усваивает знаковые системы. Знакомство со знаково-символическими системами как средствами коммуникации, трансляции не только обыденного опыта, но и научного знания, осуществляется под руководством педагога. Начинается выстраивание своеобразных «алфавитов» (система знаков, при помощи которых описывается реальность), установление связей, комплексов, а затем в итоге выстраиваются системы понятий. (Салмина Н.Г.) В процессе усвоения знаково-символических систем человек проходит по трём ступеням обучения: 1) предметная – организация предметных действий; 2) образная – действия с изображениями или моделями; 3) символическая – действия обозначаются символами. Таким образом, осваиваются кодирование и декодирование реальности, в процессе кодирования и декодирования информации, заключенной в произведениях искусства происходит мощное включение личностной эмоциональной, нравственно оценочной, мотивационной волевой сферы человека.

Язык искусства переводит знаки и символы, присущие разным видам деятельности человека, на уровень общечеловеческого понимания. Мы предполагаем, что механизм этого процесса выглядит следующим образом:

1. восприятие знаков;
2. декодирование знаков;
3. перевод знаков в символы.

Переход знаков в символы происходит не только при появлении многозначности знака, но, что является самым на наш взгляд интересным, и при актуализации личностного смысла воспринимаемого знака.

Таким образом, анализ процесса понимания произведений искусства является процессом представления картины личностных смыслов человека. Эта картина отражает не только социально сформированные, общепринятые нормативные значения, но и субъективную картину мира отдельного человека.

В контексте исследования эффективности формирующего психолого-педагогического воздействия обучения, воспитания и социального научения, анализ личностных смыслов, представленных в восприятии произведений искусства позволяет исследовать и

Секция «Психология»

воздействовать на формирование нравственных представлений, понятий и установок человека.

Становление систем значений в жизнедеятельности человека осуществляется путём активного погружения в процессе социального и специально организованного обучения (общее образование, специальное образование). Это определяет первый пассивный (репродуктивный) уровень освоения символики. Активное использование символики в творческом, продуктивном процессе (знаки и символы, связанные с эмоционально-оценочным отношением к действительности), направленном на коммуникацию, определяет второй уровень освоения символики. Этот уровень и порождает эмотивные знаки. Мы предполагаем, что выходу знаков на уровень социальных может способствовать активное использование символов большой группой людей, их эмоциональная окраска, личностная значимость для субъекта.

Наиболее интересен в этом отношении, на наш взгляд, является юношеский возраст. Юношеский возраст – период жизни человека между подростковым возрастом и взрослостью. Главный конструирующий момент социальной ситуации развития в юношеском возрасте составляет то, что юноша находится на пороге вступления в самостоятельную жизнь. Переход от подросткового возраста к юношескому связан с резкой сменой внутренней позиции, когда обращённость в будущее становится основной направленностью личности и проблемы выбора профессии, дальнейшего жизненного пути, самоопределения, обретения своей идентичности (Э. Эриксон) превращаются в «аффективный центр» (Л.И. Божович) жизненной ситуации, вокруг которого начинают вращаться вся деятельность, все интересы подростка.

В этом периоде жизни человек обладает необходимым запасом знаний в области человеческой культуры, который активно формируется в процессе профессионального обучения. Профессиональное обучение обеспечивает высокий уровень мыслительной активности и восприимчивости человека. Вместе с тем, юность – это период активного поиска своего места в жизни, профессионального и личностного определения.

В этот период происходит определение своих жизненных планов: области своей профессиональной деятельности; своей позиции в мире, идеалов; планов своей личной жизни. Также в это время происходит активное формирование нравственной позиции человека. Уровни понимания знаков или символов искусства (переведение знак в символ) может показывать наличие сформированности в сознании человека образца поведения. Данный образец отражает нравственную позицию, ценности, установки. Активное формирование образцов поведения – формирование принятия знака и символа, включения их в активное поле деятельности человека. Анализ процесса декодирования и кодирования знаков искусства позволяет проанализировать систему личностных смыслов юноши, его нравственную позицию, личностную картину мира в целом.

Литература

1. Большой психологический словарь (2003) Сост. и общ. ред. Мещеряков Б.Г., В.П. Зинченко – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК.
2. Выготский Л.С. (1986) Психология искусства. М.: Искусство. Изд. 3.
3. Салмина Н.Г. (1988) Знак и символ в обучении. М.: Изд-во Моск. ун-та.
4. Эриксон Э. (1996) Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, б.г..

¹ Автор выражает признательность профессору, д.психол.н. Салминой Н.Г. за помощь в подготовке тезисов.

Социально-психологические компетенции как параметры инновационного потенциала у победителей конкурсной программы «У.М.Н.И.К.»

Петухова Ю.О.

Студент

Томский государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия

Понимание внутренних психологических условий готовности к инновационной деятельности составляет серьёзную научную проблему, на разрешение которой направлены психологические исследования последних лет. В русле этой направленности нами было проведено психодиагностическое исследование социально-личностных компетентностей как основных параметров инновационного потенциала в целевой группе (n=401), сформированной из победителей всероссийского конкурса У.М.Н.И.К. Нам было важно отработать технологию сравнения «умников» из разных городов и разных университетов по выделенным психологическим параметрам. В связи с этим, мы сравнили участников данного конкурса, обучающихся в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР, n=20) и группу «умников» из разных городов России (n=381).

В процессе психодиагностики нами были применены методики, отражающие сформированность у участников конкурса ряда компетенций, которые способствуют, с нашей точки зрения, осуществлению инновационной деятельности: жизнестойкость, креативность, гибкость и коммуникативные способности. Для их измерения были использованы методики: тест «Жизнестойкости» (автор С. Мадди; пер. с англ. и адаптация Д.А.Леонтьева и Е.И. Рассказовой), тест «Определение креативного потенциала», Томский опросник ригидности (автор Г.В. Залевский), «Методика оценки коммуникативного минимума менеджеров» (автор Л.И. Уманский) соответственно.

По полученным данным были вычислены средние значения интересующих нас психологических параметров. Выполненный дисперсионный анализ (метод ANOVA-MANOVA), не выявил существенных различий между двумя группами респондентов по параметрам жизнестойкости. Вместе с тем в группе представителей ТУСУРа обнаружена некоторая тенденция к увеличению показателей ригидности (среднее значение индекса ригидности в этой группе составило $26,8 \pm 6,5$ баллов, а в группе сравнения - $23,9 \pm 8,1$ балла). Следовательно, ТУСУРовцы оказываются менее гибкими в мышлении и поведении, что может быть обусловлено исключительно технической ориентацией ТУСУРа.

Значимые межгрупповые различия были обнаружены относительно коммуникативной компетентности. Её среднее значение в группе «умников-ТУСУРовцев» составило $9,95 \pm 1,60$ баллов, а в группе «умников» - $10,5 \pm 2,1$ баллов ($p=0,006$). Причем, в структуре коммуникативной компетентности ТУСУРовцы оказались наименее способными подготавливать общение ($p=0,001$), контролировать его ход ($p=0,007$) и распознавать эмоции своего собеседника ($p=0,005$). На наш взгляд, такая особенность может отражать специфику профессиональной подготовки в техническом вузе, когда воспроизводятся традиционные способы отбора и подготовки специалистов, игнорируются значимые психологические составляющие их личностного развития и личностной готовности быть инноваторами (Богомаз С.А., Непомнящая В.А., 2007).

Для коррекции проблемы сниженной коммуникативной компетентности можно порекомендовать проведение тренинговых занятий коммуникативной компетентности. Поскольку коммуникативная компетентность актуализирует родовую сущность человека, то тренинг должен основываться на принципах гуманистической и экзистенциальной психологии, ставящих во главу угла принципы свободы, ответственности и творчества (Муравьева О.И., 2003).

Анализируя данные, полученные в ходе исследования, стоит отметить, что две группы не сильно отличаются по своим психологическим особенностям. Наиболее значимые различия были выявлены при анализе коммуникативной компетентности, в остальном, обе группы обладают схожим уровнем развития социально-психологических компетенций как основных параметров инновационного потенциала.

Литература

Секция «Психология»

1. Богомаз С.А., Непомнящая В.А. (2007) К проблеме поиска психологических оснований развития инновационной компоненты личности в юности и молодости // Сибирский психол.журнал. Вып. 25. С.78-82.
2. Муравьева О.И. (2003) Стратегии общения в структуре коммуникативной компетентности. Томск: Томский государственный университет.

Желания нематериального характера в мотивационной сфере первоклассников, готовых и не готовых к школе

Пикфорд Л.А.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
«Психологическая готовность к школе»
Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия
E-mail: ludmila_pickford@mail.ru*

Целью работы было выявление особенностей желаний нематериального характера первоклассников, готовых и не готовых к школьному обучению. Психологическую готовность к школьному обучению мы понимаем как «необходимый и достаточный уровень психического развития ребенка для освоения школьной программы в условиях обучения в группе сверстников» (Гуткина Н.И., 2004).

Для выявления уровня психологической готовности первоклассников к школьному обучению мы использовали диагностическую программу по определению психологической готовности детей 6-7 лет к школьному обучению, разработанную Н.И.Гуткиной (2002). Для исследования мотивационной сферы детей (в данном случае сферы нематериальных желаний) использовалась методика «Три желания». Суть методики заключается в том, что ребенок может попросить у волшебника исполнения трех своих желаний. Методика проводилась индивидуально с каждым учеником.

Исследование проводилось в два этапа: в начале учебного года (определение психологической готовности к школьному обучению) и в середине второго учебного полугодия (методика «Три желания») в нескольких московских общеобразовательных школах. Испытуемыми были учащиеся первых классов, в общей сложности 228 первоклассников. По параметру психологическая готовность к школе были выделены две группы испытуемых: готовые к школе (60 человек) и не готовые к школе (65 человек). По методике «Три желания» готовые к школе дети всего загадали 173 желания, не готовые к школе – 182 желания. Для анализа желаний был применен метод экспертных оценок, в результате которого были получены две большие содержательные группы: 1) пожелания для себя материального характера; 2) пожелания для себя нематериального характера. Для статистической обработки данных использовался t-критерий Стьюдента для процентов (С. Гланц, 1999; Н.А.Плохинский, 1970).

В этой работе мы рассмотрим вторую группу желаний, т.е. пожелания нематериального характера. Особенно большое количество желаний нематериального характера психологически готовых к школе учащихся вошло в подгруппу «школьные умения и навыки, желание учиться» - 31% всех желаний, загаданных готовыми к школе учениками; в группе не готовых детей всего 12% желаний были связаны с учебой (различия достоверны на 0,1% уровне значимости). Приведем некоторые примеры ответов учеников: «Писать вообще без ошибок», «чтобы я всегда хорошо учился», «чтобы я был умный и пятерки приносил домой», «я хочу учиться на одни пятерки, много знать», «я бы попросила никогда не ошибаться по математике» и др.

Также достоверные различия между группами готовых и не готовых к школе учеников проявились в количестве пожеланий каких-либо качеств для себя. Готовые к школе дети в 9% случаев просили волшебника наделить их определенными свойствами характера или личности. Не готовые к школе первоклассники загадывали желания такого типа лишь в 3% случаев. Различия достоверны на 5% уровне значимости. Приведем примеры ответов

Секция «Психология»

учеников: «Чтобы я была не ленивая», «маму всегда слушаться», «быть умным – читать познавательные книги, сочинять стихи, песни», «чтобы я часто не нервничала и не расстраивалась», «я хотел бы стать сильным» и др.

Можно предположить, что стремление готовых к школе детей обладать какими-либо качествами характера, быть более умными, послушными, сильными и хорошими связано с тем, что у психологически готовых к школе детей в большей степени, чем у не готовых, выражены широкие социальные мотивы, среди которых, согласно исследованиям М.Р.Гинзбурга (1988), лучше всего осознаются мотивы самосовершенствования и самоопределения.

Интересно, что различия между готовыми и не готовыми к школе учениками проявились по подгруппе «пожелания благополучия другим», которая в свою очередь состояла из пожеланий «здоровья и благополучия своим близким» и пожеланий «всем блага». Психологически готовые к школе дети, в целом значительно больше загадывали желаний связанных с пожеланиями благополучия и здоровья своим близким, а иногда и всем людям на Земле – 14% от всех их ответов. В группе не готовых к школе учеников пожелания всем блага составляет всего 7% от всех загаданных ими желаний. Различия достоверны на 5% уровне значимости. Приведем некоторые примеры ответов ребят: «Чтобы у всех было счастье», «чтобы добра было побольше», «у всех, чтобы мамы были и никто сиротой не был», «чтобы все были здоровы», «умных людей побольше и хулиганства меньше» и др. Возможно, различия между группами готовых и не готовых к школе детей, связаны с тем, что у готовых к школьному обучению детей несколько более широкий кругозор и общая осведомленность в разных сферах социальной жизни. Дети узнают про наводнения, войны, болезни, сиротство и просят Волшебника, чтобы не было этих несчастий и «у всех все было хорошо!».

Также и готовые и не готовые к школе дети загадывали такие желания, как «желание иметь друзей», «иметь меньше уроков и домашних заданий», «чтобы учитель был добрый и не ругался», «пожелания стать взрослым и долголетия себе», «пожелания не вставать рано в школу», «чтобы родители любили и были добрыми к нему», «желания, связанные с домашними животными» и др. Количество желаний в каждой из перечисленных подгрупп не превышает 5% от общего числа желаний, загаданных готовыми и не готовыми к школе первоклассниками. По этим категориям желаний не проявилось значимых различий между группой готовых и не готовых к школе учеников.

Среди желаний нематериального характера можно выделить такие, которые свидетельствуют о появлении у ребенка духовных интересов и ценностей. Сюда можно причислить следующие желания: «овладением школьными умениями и навыками, а также желание хорошо учиться», «пожелание благополучия другим», «интеллектуальный и личностный рост», «планы на будущее». Объединив их в одну подгруппу «духовные интересы и ценности», получим 57% всех желаний по группе психологически готовых к школе учеников, а в группе «не готовые к школе» на соответствующую подгруппу желаний приходится 23% всех желаний по группе. Достоверность различий между группами по t-критерию Стьюдента для процентов значима на уровне 0,001.

По результатам исследования можно сделать вывод, что существуют значимые различия в мотивационной сфере готовых и не готовых к школьному обучению детей. В группе готовых к школе детей преобладают желания нематериального характера, причем среди них большая часть может быть отнесена к желаниям, связанным с зарождающимися духовными интересами и ценностями, а среди последних наиболее ярко представлены желания, связанные с овладением школьными умениями и навыками, а также желанием хорошо учиться. В группе не готовых к школе ребят небольшое количество желаний, связанных со стремлением хорошо учиться, говорит о том, что у них слабо развиты мотивы учения.

Литература

Секция «Психология»

1. Гинзбург М.Р. Развитие мотивов учения у детей 6-7 лет. // Особенности психического развития детей 6-7 летнего возраста. – М., 1988.
2. Гланц С. Медико-биологическая статистика. – М., 1999.
3. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе.- М., 2004.
4. Гуткина Н.И. Диагностическая программа по определению психологической готовности детей 6-7 лет к школьному обучению. – М., 2002.
5. Плохинский Н.А. Биометрия. – М., 1970.

Формирование толерантности в процессе профессионального обучения психологов **Полеваева С. А.**

Студентка

Академия социального управления, Москва, Россия

E-mail: spltv@yandex.ru

Профессия психолога является одной из самых актуальных и востребованных профессий двадцать первого века – время постоянных изменений, научно-технического прогресса, который ведет за собой ускорение ритма жизни, особенно в крупных городах. Следствием этого является повышение тревожности, агрессивности, чувства незащищенности, одиночества. Современный мир предъявляет больше требований к психологической устойчивости человека. В проблемных, кризисных и чрезвычайных ситуациях человеку необходима квалифицированная и своевременная помощь специалиста-психолога (Л.М. Дробужева, 1998).

Одним из профессионально важных качеств психолога является толерантность – способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой для восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных отношений с собой и окружающим миром (Г.У. Солдатова, 1998). Толерантность, как ПВК, необходимо формировать у студентов в процессе обучения на факультете психологии. Таким образом, мы можем предположить, что уровень толерантности у студентов-психологов должен быть выше, чем у студентов других специальностей.

Для проверки этой гипотезы было проведено исследование уровня толерантности студентов-психологов АСОУ и студентов физико-математического факультета (ФМФ) МГОУ. Всего в исследовании приняло участие 80 человек, из них 12 юношей, 68 девушек. Возрастной состав – от 18 до 23 лет. Испытуемые были разделены на две группы по 40 человек, в зависимости от факультета, на котором обучаются студенты.

Для оценки уровня толерантности использовались следующие методики: «Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У.Солдатова), «Методика диагностики общей коммуникативной толерантности» (В.В.Бойко), «Опросник для диагностики способности к эмпатии» (А.Мехрабиан, Н.Эпштейн), «Методика определения толерантности к неопределенности» (С.Баднер) (Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, 2003).

В ходе исследования нами были обнаружены значимые различия между сравниваемыми группами студентов по уровню коммуникативной толерантности ($U=551.50$, $p=0.01$). В первую очередь, это относится к таким установкам, как «Стремление переделать, перевоспитать партнеров» ($U=443.00$, $p=0.01$; $M_{пс}=3.80$, $SD_{пс}=3.99$; $M_{фмф}=5.98$, $SD_{фмф}=3.42$), «Неумение прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные вам неприятности» ($U=467.50$ $p=0.01$; $M_{пс}=4.35$, $SD_{пс}=2.88$; $M_{фмф}=6.68$, $SD_{фмф}=3.29$), «Неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям других» ($U=577.00$, $p=0.05$; $M_{пс}=4.42$, $SD_{пс}=2.85$; $M_{фмф}=5.83$, $SD_{фмф}=2.69$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты-психологи обладают более толерантными коммуникативными установками по сравнению со студентами ФМФ. Студентам-психологам в меньшей степени присущ консерватизм и категоричность в оценках других людей, они не стремятся переделать, перевоспитать

Секция «Психология»

партнеров, умеют прощать другим ошибки, неловкость, умеют приспосабливаться к характеру и привычкам других, умеют сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнера.

Возможны как минимум два альтернативных объяснения обнаруженных различий. Во-первых, мы можем сказать, что коммуникативная толерантность формируется в процессе обучения на психологическом факультете за счёт тренингов, лекций, практических занятий и т.д. Во-вторых, нельзя исключать возможность того, что изначально обладающие более высокой коммуникативной толерантностью абитуриенты предрасположены поступать на психологический факультет. Характер проведенного нами исследования не позволит нам делать однозначное заключение о природе обнаруженных различий, что является целью наших дальнейших исследований.

Наряду с этим, не были обнаружены значимые различия между сравниваемыми группами студентов по уровню общей толерантности, по уровню эмпатических тенденций, по уровню толерантности к неопределенности. Следовательно, для студентов-психологов и студентов ФМФ характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт, принятие решения без долгих сомнений и способность к эмпатии.

Основываясь на полученных результатах, мы можем предположить, что высшее образование влияет на личностные характеристики студентов. В процессе обучения в вузе происходит формирование социальной, этнической толерантности, эмпатии, толерантности к неопределенности.

Таким образом, мы можем заключить, что высшее образование формирует у студентов толерантные установки. Формирование же коммуникативной толерантности является важным элементом в процессе профессиональной подготовки психологов. Для развития профессиональной коммуникативной толерантности в процессе обучения используются тренинги и практические занятия.

Литература

1. Дробижеева Л.М. Проблемы этнической толерантности в условиях роста этнического самосознания народов Российской Федерации // Толерантность в общественном сознании России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1998.
2. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности // Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Характеристики зрительно-пространственной памяти детей младшего школьного возраста

Полихова Ю. М.

Студентка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

yuti@mail.ru

В последние десятилетия в нейропсихологии осуществлен ряд исследований, посвященных особенностям мозговой организации различных психических функций у детей. Специальное внимание уделяется исследованиям памяти, поскольку эта психическая функция является одной из наиболее значимых для школьного обучения и успешной социализации ребенка. Однако многие аспекты памяти в детском возрасте еще недостаточно изучены. Особый интерес для исследователей представляет зрительно-пространственная память, осуществляющая запечатление, сохранение и воспроизведение «сложных ассоциаций» стимулов, обладающих многообразными пространственными характеристиками, и относительно поздно складывающаяся в онтогенезе.

Целью исследования было изучение индивидуальных особенностей зрительно-пространственной памяти у детей младшего школьного возраста. В задачи работы входило определение объема, скорости заучивания и устойчивости к интерференции зрительно-пространственного материала при выполнении разных тестовых заданий,

Секция «Психология»

выявление различных типов ошибок и определение частоты их встречаемости. Использовались следующие методики: тест зрительной памяти Бентона [4], включающий 10 субтестов, в каждом из которых необходимо запомнить от 1 до 3 геометрических фигур разной сложности, предъявляемых на 10 секунд, а также заучивание 5 трудновербализуемых геометрических фигур.

В исследовании приняли участие 32 учащихся одной из средних общеобразовательных школ г. Москвы в возрасте от 6 до 9 лет.

Была проведена количественная обработка результатов выполнения методик, описаны выявленные типы ошибок и определена частота их встречаемости.

В методике заучивания 5 фигур были получены следующие результаты: средний показатель объема НВ составил 3,5 фигуры; объема воспроизведения ПЗ - 4,8 фигуры; объема ОВ- 4,4 фигуры. В среднем для заучивания и безошибочного воспроизведения всех 5 фигур требовалось 2,3 предъявления стимульного материала. Средний балл при выполнении теста Бентона составил 2,8 баллов (из 10 возможных).

Был проведен анализ выявленных ошибок. Встречались следующие типы ошибок: пропуск фигур, пропуск деталей, нарушение порядка, неверная передача размера (микро- и макрография), искажение формы, добавление лишних деталей, инертные повторы внутри одной пробы, инертные повторы при выполнении следующей пробы, повороты. Эти ошибки характеризовались неодинаковой частотой встречаемости. Наиболее часто отмечались ошибки, связанные с пропуском фигур (они составили 35% при заучивании 5 фигур, 22% в тесте Бентона), с искажением формы (20 % в тесте Бентона, 16% при заучивании 5 фигур), а также с неверной передачей размера фигур (в обоих тестах - по 16 %). Наименее часто встречались ошибки, связанные с инертными повторениями (по 2 % при заучивании 5 фигур, по 3 % в тесте памяти Бентона), с пропуском деталей (3% в методике заучивания 5 фигур, 4% в тесте памяти Бентона).

Интерпретируя полученные результаты, можно сказать, что объем НВ зрительно-пространственных стимулов при запоминании 5 фигур в возрасте от 6 до 9 лет имеет достаточно низкие показатели по сравнению со слухоречевой памятью [2]. Эффективность запоминания при повторном предъявлении материала росла и продуктивность воспроизведения ПЗ демонстрировала более высокие результаты. Это свидетельствует о том, что в процессе заучивания у большинства детей формировалась адекватная мотивация мнестической деятельности. Возможно, дети начинали применять определенные мнемонические приемы – например, описывать зрительно-пространственный материал в плане внешней или внутренней речи. Таким образом, благодаря работе механизмов межполушарного взаимодействия осуществлялась координация активности правого полушария мозга, играющего приоритетную роль в зрительно-пространственных функциях, и «речевого» левого полушария. Можно предположить, что низкие результаты в обоих заданиях получались у детей с несформированными механизмами межполушарного взаимодействия. Результаты эмпирического исследования также позволяют констатировать, что в младшем школьном возрасте наблюдается достаточно высокая устойчивость следов зрительно-пространственных стимулов к интерферирующим воздействиям. Это говорит о достаточно оптимальном функционировании в данный период онтогенеза срединных структур мозга.

Анализируя типы ошибок, видим, что самыми частыми типами ошибок при выполнении тестов являлись пропуск фигур и искажение их формы. Это свидетельствует о небольшом объеме зрительно-пространственной памяти и о трудностях припоминания самого объекта, а не его расположения. Такие проблемы могут быть связаны с несформированностью целостной переработки зрительно-пространственной информации, осуществляемой при участии теменно-затылочных отделов правого полушария мозга. Появление ошибок, связанных с неверной передачей размера, может быть связано с функциональной недостаточностью подкорковых структур, обеспечивающих

«энергетическую» составляющую психической деятельности. Анализируя причины возникновения такого типа ошибок, как добавления лишних деталей, мы можем предположить, что они являлись следствием дефицитности избирательного воспроизведения следов. По-видимому, что в исследуемом возрастном диапазоне еще не завершен процесс формирования лобных отделов мозга. Пропуск деталей фигур можно расценивать как один из типов упрощения стимулов, трудностей его поэлементной переработки. Такой тип ошибок считается некоторыми авторами характерным для функциональной слабости левого полушария [1]. Отдельного внимания требуют ошибки, связанные с нарушением порядка и другими пространственными характеристиками стимула. Такого рода ошибки, по-видимому обусловлены возрастными особенностями функционирования теменно-затылочных отделов и префронтальной коры правого полушария, которые принимают участие в избирательном припоминании координатных и структурных характеристик стимулов [5].

В итоге, анализируя соотношение всех типов ошибок, можно сказать, что на первый план выходят ошибки, связанные с невысокой продуктивностью запоминания. Далее по частоте встречаемости следуют ошибки типа искажения формы, неправильной передачи размера, добавления лишних деталей. Наименее часто встречаются случаи пропуска деталей, нарушений порядка, поворотов, смещений фигур.

В дальнейшем предполагается продолжение изучения особенностей зрительно-пространственной памяти в разных возрастных и гендерных подгруппах, сравнение показателей этой психической функции у успевающих и неуспевающих школьников, а также у детей с разной степенью сформированности межполушарного взаимодействия.

Список используемой литературы:

1. Ахутина Т.В., Меликян З.А. Зрительно-пространственная память у младших школьников в норме и с задержкой психического развития // Школьный психолог. - 2002.- №16.
2. Корсакова Н.К., Микадзе Ю.В., Балашова Е.Ю. Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников.-М: Российское педагогическое общество, 1997.
3. Benton A.L. Manuel pour l application du test de retention visuelle. Applications cliniques et experimentales. 2-eme ed. Paris : Centre de psychology Appliquee.-1985.
4. Slotnick S., Moo L. Prefrontal cortex hemispheric specialization for categorical and coordinate visual spatial memory // Neuropsychologia.- 2006. Vol. 44, Issue 9.

Особенности копинг-стратегий профессионального поведения будущих педагогов

Разумцева М.А.

Старший преподаватель

*Ставропольский государственный педагогический институт,
психолого-педагогический факультет, Ставрополь, Россия*

E-mail: razmary@rambler.ru

Современные социально-экономические и политические отношения в обществе затрагивают и определяют разнообразные значимые отношения и сферы функционирования личности в профессии. Педагогу общество отводит роль специалиста, профессиональная деятельность которого предполагает изменение отношений индивида или групп с целью большей их эффективности и субъективной удовлетворенности существованием.

Профессиональная деятельность педагогов имеет ряд специфических особенностей и ее успешность определяется не только и не столько собственно профессиональными знаниями и навыками, сколько умениями реализовать их в своей деятельности за счет развития профессиональных качеств личности. Сензитивным периодом формирования

Секция «Психология»

необходимых профессиональных качеств педагога и становления профессионального поведения является период учебы в вузе и первые годы самостоятельной работы (И.К. Кассирский, А.Г. Шантуров, М.И. Жукова, Т.А. Лавренко, Т.Ф. Погорелова).

Профессиональное поведение выделяется учеными из целостной педагогической культуры как проявление субъектности, компонент Я-концепции учителя и основывается на педагогическом сознании, которое определяет способ решения образовательных задач, несет ответственность за выбор педагогических средств и стиль поведения.

Профессиональное поведение определяется комплексом поведенческих копинг-стратегий (разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание), личностно-средовых (Я-концепция, локус контроля, эмпатия, аффилиация, сензитивность к отвержению) и когнитивных копинг-ресурсов (Н.А. Сирота). Развитие комплекса копинг-стратегий и копинг-ресурсов, выполняющих ключевую роль в формировании результатов поведения (Р.Лазарус, С.Фолькман), позволит будущим педагогам успешно использовать навыки совладания со стрессом и разрешения проблемных ситуаций в процессе обучения и последующей профессиональной деятельности.

Под «копингом» Р. Лазарус подразумевает постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие попытки справиться со специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются, как напряжение или превышают ресурсы человека с ними справиться. Способы совладания подразумевают конструктивную активность: пройти через ситуацию, пережить событие, не уклониться от неприятностей. Предметом психологии совладания, как специальной области исследования, является изучение механизмов эмоциональной и рациональной регуляции человеком своего поведения с целью оптимального взаимодействия с жизненными обстоятельствами или их преобразования в соответствии со своими намерениями (Н.А. Сирота)

Интерес к изучению преодолевающего поведения («coping») субъектов профессиональной деятельности определяется высокой актуальностью и многообразием задач научно-практической области управления стрессами на работе. Обращение к изучению стратегий преодоления трудных или стрессовых ситуаций отражает важную тенденцию современной психологии - перенесение внимания с субъекта на целостную ситуацию, в которой он действует. Качество и результат взаимодействия субъектов со стрессовой ситуацией существенно зависят от ее значимости и субъективной репрезентации, от функционального состояния и эмоциональных переживаний. Все это оказывает влияние на избирательность копинг-стратегий. Субъективная репрезентация ситуации во многом определяет логику и результат поведения человека в стрессовой ситуации. Изучение копинг-стратегий ориентировано не столько на общее и постоянное в личности, сколько на изучение особенного и изменчивого, присущего конкретному человеку в определенных условиях.

В нашем исследовании мы рассматривали копинг-стратегии в структуре профессиональных качеств, а именно, взаимосвязь содержательного компонента интеллектуального потенциала и предпочтение копинг-стратегий будущих педагогов. В исследовании приняли участие студенты 3-6 курсов психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института.

«Рейтинг» стратегий преодолевающего поведения показал, что студенты достаточно гибко применяют их в повседневных ситуациях: не выявлено стратегий, доминирующих по отношению к другим с большим разрывом. В тоже время более высокий балл в диапазоне средних значений получила агрессивная стратегия (давление, отказ от поиска альтернативных решений, конфронтация, соперничество и др.). На втором месте стратегия «осторожные действия». Показатели по остальным параметрам не выходят за пределы среднего уровня.

Из результатов исследования следует, что особенности профессионального поведения связаны с тем, какие стратегии преодолевающего поведения используются в ситуациях общения. Выявлена также и связь пола с предпочтением копинг-стратегии. однако

Секция «Психология»

выявленные тенденции требуют более широко изучения в аспекте профессионального становления.

Перспективой исследования является мониторинг развития системы профессионально-важных качеств на протяжении этапа завершения студентами профессионального обучения и профессиональной адаптации.

Таким образом, основной целью психологического сопровождения профессиональной деятельности на рассматриваемом этапе становится системное обеспечение профессионального развития специалиста с учетом внешних и внутренних факторов. Эффективным направлением профессиональной подготовки будущего педагога является, на наш взгляд, обучение его таким копинг-стратегиям профессионального поведения, которые позволяли бы высокоэффективно справляться с профессиональными проблемами и стрессовыми ситуациями.

Литература:

1. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. - СПб.: Речь, 2001.
2. Седунова А. С. Психологическое сопровождение профессиональной деятельности на примере профессий типа «человек-человек» // Управление качеством системы образования: состояние и перспективы развития региональных научно-образовательных центров: Сб. тр. участников Всероссийской научно-практической конференции 20-21 октября 2006 г. Москва-Ульяновск: УлГУ, 2006. - с. 183-188.
3. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Преодоление эмоционального стресса подростками. Модель исследования // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. 1993 N 1 с.53-60.

Факторы, влияющие на возникновение эмоционального выгорания педагогов, взаимодействующих с детьми с особыми образовательными потребностями Редина Т.В.

Аспирант

*Московский гуманитарный университет, Москва, Россия
redinat@rambler.ru*

В Год равных возможностей в современном Российском образовании все большее внимание уделяется вопросам обучения детей с ограниченными возможностями физического и психического здоровья.

Одним из способов реализации действительного равенства возможностей является увеличение числа школ и центров, а также поддержание и расширение сферы развития детей в уже имеющихся учреждениях, которые специализируются на обучении детей с особыми образовательными потребностями. Многие ученые занимаются спецификой работы с этой группой детей [1,2,3,4]. Данная проблема рассматривается в аспекте многопланового воздействия на ребенка. Мы считаем чрезвычайно важным рассмотреть этот вопрос с точки зрения поддержки психологического здоровья педагогов, работающих с детьми с особыми образовательными потребностями. Проблема сохранения рабочих кадров в социальной сфере, их профессиональной активности, укрепления профессиональной выносливости, адаптивности и толерантности к развитию феномена эмоционального выгорания (ЭВ) является очень актуальной на сегодняшний день.

В связи с этим целью данной работы является выявление уровня ЭВ педагогов, работающих с детьми со сложной структурой дефекта, а также разработка программы психолого-педагогического сопровождения, социально-психологической адаптации и профессионального роста данных специалистов для создания возможности профилактики развития феномена ЭВ.

На основе анализа литературы [5,6,7] нами был сформирован комплекс методик для изучения факторов, влияющих на возникновение ЭВ, в частности, таких как

Секция «Психология»

индивидуально-личностные особенности педагогов, стаж работы, характер и степень тяжести заболевания детей, психологический климат в коллективе и др. В него вошли следующие методики: опросник «Эмоциональное выгорание» (В.В.Бойко); «Диагностика профессионального выгорания» (К.Маслач, С.Джексон); «Особенности организации педагогической деятельности»; «Эмоциональный, творческий и нравственный климат в коллективе» (В.В.Шпалинский, Э.Г.Шелест); «Стиль саморегуляции поведения» (В.И.Моросанова); «Диагностика типологий психологической защиты» (Р.Плутчик); «Исследование уровня эмпатийных тенденций» (И.М.Юсупов); «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С.Норманн с соавт.); 16-факторный опросник Кеттела; характерологический опросник К.Леонгарда.

В исследовании приняли участие 290 педагогов из следующих образовательных учреждений: Федеральное Государственное учреждение Росздрава Детский Дом для слепо-глухих детей, г. Сергиев Посад; Школа-интернат № 17, г. Москва; Центр «Наш Дом», г. Москва; Реабилитационный центр «Аленький цветочек», г. Долгопрудный; Школа-комплекс «Детская личность», г. Москва.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Необходимо проведение разъяснительной и информационной работы с педагогическими кадрами, т.к. очень многие педагоги никогда не знают о существовании феномена эмоционального выгорания и, как следствие, не представляют выхода из ситуации общего понижения уровня эффективности и удовлетворенности работой.

Стаж и специфика профессиональной деятельности влияют на интенсивность развития ЭВ: с увеличением стажа увеличиваются количественные показатели ЭВ. В соответствии со спецификой и тяжестью заболевания у детей определяется приоритет и интенсивность формирования и проявления одних симптомов по сравнению с другими. Вместе с тем ни одна из профессиональных групп не гарантирована от возникновения ЭВ.

Выявлено, что личностные факторы и организационные в одинаковой степени воздействуют на возникновение ЭВ.

В особой степени данному феномену подвержены представители «эмотивной акцентуации» характера со всеми присущими этому типу характеристиками.

Индивидуальная система психологической защиты с ведущими формами «регрессия», «замещение», «компенсация», «проекция» способствуют развитию ЭВ, тогда как стиль психологической защиты, определяемый механизмами «отрицание» и «интеллектуализация», препятствует развитию феномена ЭВ.

На основе полученных данных разрабатывается программа психолого-педагогического сопровождения процесса адаптации и профессионального роста педагогов, взаимодействующих с детьми с особыми образовательными потребностями. Программа имеет своей целью оказание дифференцированной психологической помощи педагогам с различным уровнем ЭВ.

Литература:

1. Л.М. Шипицина «Необучаемый ребенок в семье и обществе», С.-П.. 2005;
2. М. Айшервуд «Полноценная жизнь инвалида», М. 1991;
3. С.В. Андреева «Помощь в самореализации людям с особыми потребностями», Пс.1998;
4. Т.А. Власова, М.С. Певзнер «Учителю о детях с отклонениями в развитии», М.1967.
5. А. Карелин «Большая энциклопедия психологических тестов», М. 2006;
6. Н.П. Фетискин, В.В.Козлов, Г.М. Мануйлов «Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп», М. 2005;
7. Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова «Синдром выгорания: диагностика и профилактика» 2-е изд. Доп., П. 2008.

Ориентировка на заданное знание в решении задач как показатель умения учиться

Сиднева А.Н.

Младший научный сотрудник

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: asidneva@yandex.ru

Обучение учащихся умению учиться является одним из основных приоритетов современного образования. Однако по вопросу о содержании данного умения существуют различные точки зрения. Основной задачей нашей работы является анализ существующих представлений об умении учиться с позиций деятельностной теории учения и теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина (ТПФУД) и выделение на основе данной теории некоторых существенных для умения учиться компонентов, не подвергавшихся ранее специальному изучению.

Умение учиться традиционно понимается как владение учащимся средствами эффективного учения, наиболее полно проявляющееся при самостоятельном усвоении знаний. В педагогической психологии эти средства, как правило, подразделяются на два больших типа - обобщенные регулятивные умения (планирование, контроль, оценка, организация времени жизни и пр.) и умения, связанные непосредственно с усвоением учебного материала (Граф, Ильясков, Ляудис, 1981 и др.). Среди последних, как правило, выделяются две группы: умения уяснять материал и умения его отрабатывать (там же). В первую группу входят умения, необходимые для качественного понимания текстового или устного материала (владение различными стратегиями чтения, конспектирование, постановка вопросов, выделение главного и пр.), во вторую – умения, необходимые для решения задач (логические, эвристические и др.).

С нашей точки зрения, указанное разделение умений на две группы обосновано традиционной педагогической психологией и педагогикой, согласно которой в основе учения лежат два процесса – понимание, уяснение материала, установление связей и его отработка (применение) в решении задач. Одним из важнейших положений деятельностного подхода к учению является указание на то, что предметные знания являются результатом усвоения определенных действий (Талызина, 2001). При этом для того, чтобы знания были эффективно усвоены, они должны занимать место средства выполнения действия, т.е. входить в его ориентировочную основу. Это положение конкретизировано в методиках, созданных в русле ТПФУД, где усвоение организуется таким образом, что учащийся всегда опирается при решении задачи на заданные в схеме ООД знания, и только при переходе на более высокие этапы усвоения может начать обходиться без схемы.

Согласно П.Я.Гальперину, суть метода поэтапного формирования состоит не только в выявлении условий формирования того или иного конкретного действия или понятия, но и в дальнейшем анализе и оценке уже сложившихся явлений (Гальперин, 1966). Опираясь на это положение, мы предположили, что у учащегося, умеющего учиться, ориентировка на заданное знание при выполнении действий уже должна быть сформирована. Анализ некоторых работ, проведенных в русле планомерно-поэтапного формирования умственных действий (Обухова, 1968 и др.) позволил нам выделить три обобщенных действия и их эмпирических показателей, соответствующих наличию такой ориентировки

действие преобразования заданного знания в общие ориентиры последующих действий (эмпирический показатель - выделение существенных для решения задачи частей текста);

действие выведения конкретных ориентиров из общих при решении задачи (эмпирический показатель – использование заданного знания в решении задачи);

действие подведения под конкретные ориентиры предметной ситуации решаемой задачи (эмпирический показатель – наличие анализа задачи на предмет применимости способа).

Целью нашего исследования являлась диагностика наличия показателей выделенных действий у учащихся из различных систем обучения. В исследовании была смоделирована ситуация самостоятельного усвоения нового знания: учащимся давался текст с новым для них материалом (закон равновесия рычага) и четыре задачи. По характеру решения данных задач мы делали вывод о наличии или отсутствии у учащегося выделенных показателей действий (по две задачи – расчетная и качественная - на использование заданного знания и на анализ задачи). Отдельно давалось задание подчеркнуть в тексте существенные для решения задач предложения. Дополнительно проводилась диагностика действия подведения под основное понятие, заданное в тексте (понятие рычага), поскольку связь сформированности данного действия с выделенными нами показателями была для нас неочевидной. В инструкции к выполнению заданий специально подчеркивалось, что для решения задач можно и нужно пользоваться текстом.

Испытуемыми выступили учащиеся 6-х и 7-х классов, обучающихся в разных типах образовательных систем – классическое традиционное обучение (ТО), развивающее обучение по Д.Б. Эльконину - В.В. Давыдову (РО), традиционное обучение с углубленным изучением всех предметов школьной программы (УТО). Во все школы дети проходили отбор по уровню знаний. Всего в исследовании приняло участие 165 человек.

Результаты исследования показали следующее:

1. Выделение из текста значимых для решения задач частей значимо лучше сформировано у учащихся УТО и ТО по сравнению с учащимися РО ($p < 0,05$ для ТО-РО и $p < 0,01$ для УТО-ТО, критерий Манна-Уитни)
2. Использование заданного знания в решении задач значимо лучше сформировано у учащихся УТО по сравнению как с учащимися ТО, так и с учащимися РО ($p < 0,01$ для расчетной задачи и $p < 0,000$ для текстовой²³ для обеих пар групп)
3. Анализ задачи на предмет применимости способа значимо лучше сформирован у учащихся РО по сравнению с учащимися ТО, но только для качественной задачи ($p < 0,01$). Сравнение решения этой задачи учащимися РО с учащимися УТО значимых различий не обнаружило. По анализу задачи, измеренному по результату решения расчетной задачи, различий между всеми тремя группами не обнаружено.
4. Подведение под основное понятие текста существенно хуже сформировано у учащихся РО как по сравнению с УТО, так и по сравнению с ТО (для обеих пар групп $p < 0,01$, критерий Манна-Уитни). Между учащимися УТО и ТО значимых различий нет.
5. Те, кто может использовать заданное знание для решения задач по сравнению с теми, кто это делать не может, чаще выбирают из текста его существенные части (основные определения ($p < 0,05$ для рычага и плеч, $p < 0,01$ для точки опоры) и формулу равновесия ($p < 0,01$)). Те, кто владеет анализом задачи по сравнению с теми, кто не владеет, чаще выбирают формулу равновесия ($p < 0,05$).
6. Учащиеся, использующие заданное знание, чаще демонстрируют наличие подведения под понятие ($p < 0,05$ для расчетной и $p < 0,01$ для качественной задачи по критерию Манна-Уитни). Связь анализа задачи с наличием подведения под основное понятие не обнаружена.

Анализ полученных данных говорит о том, что подобные диагностические задания могут быть использованы для исследования различий детей в их ориентировке на заданное знание, однако причины этих различий (например, их возможную связь с особенностями системы обучения) необходимо анализировать специально.

Литература

²³ Здесь и далее, если это специально не оговорено, для оценки различий между группами использовался критерий хи-квадрат

Секция «Психология»

1. Граф В., Ильясов И.И., Ляудис В. Я. Основы самоорганизации учебной деятельности и самостоятельная работа студентов. М., 1981
2. Талызина Н.Ф. Педагогическая психология. М., 2001
3. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966
4. Обухова Л.Ф. Формирование системы физических понятий в применении к решению задач // Зависимость обучения от типа ориентировочной деятельности. Сборник статей. Под ред. П.Я.Гальперина, Н.Ф.Талызиной. М., 1968

Карьерные стратегии студентов-психологов

Соловьева Е.М.

Аспирант факультета психологии

*Уральский государственный педагогический университет, г.Екатеринбург, Россия
adressoem@mail.ru*

В связи с изменениями в системе высшего образования (присоединение России к Болонскому процессу в сентябре 2003 года, возросшие требования к уровню подготовки специалистов, появление новых специальностей) исследование особенностей современного студенчества становится особенно актуальным.

Традиционно в отечественной психологии студенчество рассматривали как этап профессионального развития в цепочке школа – вуз – производство, значительное внимание уделялось вопросам профессионального развития, которое можно метафорично охарактеризовать как «одна профессия и одно предприятие на всю трудовую жизнь». В современных меняющихся условиях более актуальным становится ситуация карьерного развития, когда карьеру рассматривают как динамичное прохождение не единственного, а совокупности многих карьерных циклов; при этом происходит чередование периодов профессионального становления и развития с периодами переобучения. Данный подход предполагает возможность развития специалиста не в одной, а в нескольких сферах производства или функциональных задач (Е.А.Могилевкин, 2007).

Цель данного исследования – изучение карьерных стратегий студентов-психологов. В данном исследовании мы рассматриваем карьерные стратегии с позиций регуляторного подхода как осознанную систему саморегуляции активности студента, связанную с карьерным продвижением (А.К.Осницкий, 2001).

В эмпирическом исследовании был использован следующий диагностический инструментарий: опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна (адаптация В.Э.Винокуровой, В.А.Чикер), методика изучения общей и социальной самооэффективности (авторы М. Шеер, Дж. Маддукс, адаптация А.В. Бояринцевой), опросник «Шкала контроля за действием» (автор Ю.Куль, адаптация С.А.Шапкина), модифицированная методика «Назаконченные предложения». Для математико-статистической обработки данных использовалась программа SPSS.

Структура регуляторного опыта включает пять основных элементов: ценностно-мотивационный опыт, опыт рефлексии, опыт первичной активизации, операциональный опыт, опыт сотрудничества (А.К. Осницкий, 2001). Однако, на наш взгляд опыт сотрудничества является менее значимым в вопросах карьерного движения, в данном исследовании этот компонент не рассматривается.

Анализируя выборы карьерных ориентаций можно сделать вывод о том, что наиболее выбираемым карьерным якорем является «стабильность». Данная ориентация обусловлена потребностью в безопасности и стабильности, для человека важно, чтобы события были предсказуемы. По данным исследователей данный якорь является наиболее значимым в обществе, которое на протяжении длительного времени находилось в ситуации кризиса. Возможно, именно данная потребность обусловила выбор государственного, а не коммерческого вуза для получения высшего образования.

Секция «Психология»

Также часто выбираемым якорем является «автономия (независимость)». Главная ценность ориентацией - освобождение от правил, предписаний и ограничений, ярко выражена потребность все делать по-своему: самому решать когда, над чем и сколько работать. Данный выбор связан, на наш взгляд, с решением задач данного возраста.

Указанные выше карьерные ценности в незначительной степени могут определять индивидуальные различия, далее они не анализируются.

Обработка данных с помощью метода кластерного анализа позволяет выделить следующие карьерные стратегии студентов-психологов:

1). Преобладающие карьерные ценности – это якорь «служение», основными ценностями при данной ориентации являются работа с людьми, «служение человечеству», помощь людям, «желание сделать мир лучше» и так далее. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям, и откажется от продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит ему реализовать главные ценности жизни.

Для данной группы характерны средние и ниже средних оценки деятельностной самооффективности, средние оценки социальной самооффективности. Важно отметить, что люди, осознающие свою самооффективность, прилагают больше усилий для выполнения сложных задач, чем люди, испытывающие сомнения в своих возможностях. Эта характеристика соотносится в данной группе с типом волевой регуляции ориентация на состояние.

Также отличительной особенностью данного типа является высокий уровень развития рефлексии.

2). Преобладающие карьерные ценности – это якорь «менеджмент», «предпринимательство». В данном случае первостепенное значение имеют ориентация личности на интеграцию усилий других людей, полнота ответственности за конечный результат и соединение различных функций организации. Такая работа требует навыков межличностного и группового общения, эмоциональной уравновешенности. Человек с карьерной ориентацией «предпринимательство» стремится создавать что-то новое, он хочет преодолевать препятствия, готов к риску.

Для данной группы характерны высокие оценки деятельностной и социальной самооффективности. Эта характеристика соотносится в данной группе с типом волевой регуляции ориентация действие.

Для данной группы характерен средний уровень развития рефлексии.

3). В данной группе трудно выделить преобладающие карьерные якоря. Для данной группы характерны средние оценки деятельностной и социальной самооффективности, низкий уровень развития рефлексии. Данные этой группы соотносятся с социологическими исследованиями, согласно которым в настоящее время наблюдается изменение мотивации получения высшего образования – отмечается переход от мотивации профессиональной к социально-статусной. Следовательно, современное высшее образование может быть рассмотрено не как специализированное профессиональное, а только как предпосылка для будущего профессионального самоопределения (Бикулов Р.А., 2004; Л.И. Бойко, 2002; Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. , 2000; Сорокина Н.Д., 2002).

Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве основы для разработки системы карьерного сопровождения студентов-психологов.

Самопознание как деятельность

Сорин А.В.

Аспирант психологического факультета

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sorintowa@mail.ru

Секция «Психология»

Проблема познания человека человеком рассматривается во многих областях современной психологии. Глубокому и всестороннему анализу подвергается структура процесса межличностного познания, влияющие на него факторы, входящие в его состав компоненты, закономерности его развития, а также возможные ошибки и их причины. Многие немаловажные особенности процесса межличностного познания связаны с тем, что другой человек представляет собой очень сложный, многогранный и изменчивый объект познания. Важность процессов межличностного познания для личностного развития субъекта и адекватного протекания процесса его социализации невозможно переоценить. Однако нам представляется, что рассмотрение влияния межличностного познания на личностное развитие человека не может быть полным без анализа возможно ещё более сложного процесса – процесса самопознания, в котором в одном человеке встречаются объект и субъект познания.

Изучение проблемы познания человеком самого себя в психологической науке было подготовлено в рамках религии, искусства, литературы и языка, а также многих философских школ. Проанализировав научно-психологическую литературу, мы пришли к заключению, что в фокусе внимания большинства исследователей находятся скорее самосознание или частные его компоненты, в то время как самопознание как таковое целостно и системно практически не рассматривается.

На наш взгляд, наиболее продуктивным методологическим основанием для анализа такого сложного процесса как самопознание, является деятельностный подход к познанию, разрабатываемый в отечественной педагогической психологии (Гальперин П.Я., 1958,1959,1965; Талызина Н.Ф.,1975; Ильясов И.И., 1986; Рождественская Н.А., 2008). Представляется правомерным рассмотреть самопознание как вид познавательной деятельности.

В своём исследовании, проводимом на выборке старших школьников, мы рассматриваем самопознание как связующее звено между межличностным познанием и личностным развитием. Мы предполагаем, что уровень овладения субъектом навыками межличностного познания является фактором его личностного развития (сложности и структурированности «Я» и статуса личностной идентичности).

Для проверки этой гипотезы мы проводим следующий эксперимент:

1. выборка старших школьников разделена на три группы, равные по половому и возрастному составу;
2. в первой и второй группах проводится комплексное диагностическое исследование, состоящее из трёх методик: репертуарная решётка Келли (направленная на выявление когнитивной сложности и структурированности «Я» респондента (Франселла Ф., Баннистер Д. 1987), методика Орестовой-Карабановой (направленная на определение статуса Эго-идентичности респондента в разных сферах самоопределения (Марсиа Дж., 1964.; Орестова В.Р., Карабанова О.А. 2005), методика диагностики уровня овладения навыками межличностного познания (Березина А.В., 2003, Н.А. Рождественской, 2004);
3. в первой группе проводится формирование способов межличностного познания;
4. во всех трёх группах проводится комплексная диагностика (см. пункт 2).

Сравнение результатов диагностических исследований первой второй и третьей групп позволит определить, оказывает ли повышение уровня овладения способами межличностного познания влияние на уровень личностного развития и учесть влияние повторной диагностики на её результаты.

Рассматривая самопознание как связующее звено между межличностным познанием и личностным развитием, мы исходим из предположения, что самопознание опирается на те же принципы что и межличностное познание, имеет подобную ему структуру и закономерности развития. Основанием для такого предположения служат классические фундаментальные положения культурно-исторической и деятельностной психологии об

Секция «Психология»

интериоризации, подобии внешней и внутренней деятельности и первичности первой по отношению ко второй.

Влияние успешности овладения чтением на учебно-познавательную мотивацию и самооценку современных школьников младших классов

Старикова А. В.

студентка 5 курса, факультет психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ovetganna_al@mail.ru

Овладение навыком чтения - один из самых трудоемких и важных процессов, основы которого закладываются в начальной школе. В свое время уделялось большое внимание формированию учебных навыков в письменной речи - В.Я. Ляудис, И.П.Нигуре и в математической сфере - Н.Ф. Талызина. Разрабатывали проблематику чтения Д.Б. Эльконин и В.В.Давыдов. Сегодня рассматриваются проблемы не только формирования самого процесса чтения (звуко-буквенный анализ), но и проблемы, тем или иным образом связанные с этим процессом. Например, мотивационные компоненты чтения, смысловые компоненты чтения, уровень успешности в обучении в исследованиях отечественных (Н.Н. Заманкова, В.П.Чудинова, А.И.Липкина) и зарубежных (L.Baker, A.Wigfield, J.T. Guthrie) авторов.

Чтение – универсальный учебный навык, который необходим при выполнении любого задания, действия в школе. Поэтому успешное овладение этим процессом может стать залогом высокой успеваемости, а изменение овладением этого навыка в сторону улучшения может положительно повлиять на уровень оценок учащегося в целом, и на его отношение к школе и обучению.

В связи с поставленной проблемой нами было проведено предварительное исследование, направленное на то, чтобы исследовать роль овладения чтением в становлении учебно-познавательной мотивации и самооценки у школьников 3-х классов. В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие гипотезы:

1. Успешное овладение чтением положительно влияет на учебно-познавательную мотивацию школьников младших классов. И, напротив, низкая успеваемость оказывает негативное влияние на отношение к обучению в целом.

2. Успешное овладение чтением положительно влияет на самооценку школьников младших классов. И, напротив, владение чтением на низком уровне оказывает негативное влияние на самооценку учащихся младших классов.

3. Своевременная коррекция навыка чтения предотвращает снижение учебной мотивации и способствует развитию интереса к чтению.

Задачи данного пилотажного исследования были следующие:

- апробация модифицированной методики Л.Бэкер и А.Викфилда на определение уровня мотивации, направленной на процесс чтения;

- коррекция чтения у учеников младших классов, имеющих трудности в этом аспекте с помощью методики Е.В. Заики;

- обучение коррекционной работе с учениками младших классов, имеющих трудности с чтением по методике Е.В. Заики.

В исследовании использовались следующие методики: модифицированная методика Л. Бэкер и А. Викфилда на определение уровня мотивации, направленной на процесс чтения (Baker L. Wigfield A,1999), методика, измеряющая самооценку по Дембо-Рубинштейн (1968), методика Е.В. Заики, направленная на коррекцию (формирование) чтения (Заика, 1995), чтение и пересказ отрывка из произведения адаптированного для начальной школы.

Секция «Психология»

Выборку составили учащиеся двух третьих классов средней образовательной школы № 61 ЗАО г. Москвы. В исследовании участвовали 10 учеников (2 девочки и 8 мальчиков) в возрасте от 8 до 10 лет, посещающие группу продленного дня в этой же школе.

Полученные результаты

Было выявлено, что дети младшего школьного возраста оценивают свое чтение адекватно тому, как читают сами. Налицо обратная связь между количеством ошибок и оценкой собственного чтения ($k = -0,616$, $p = 0,05$). То есть чем меньше ребенок делает ошибок, тем он субъективно сам для себя читает лучше.

Прослеживаются связи между уровнем чтения и оценкой получения от этого чтения удовольствия: чем лучше дети читают, тем больше удовольствия они от этого получают ($k = 0,775$, $p = 0,01$). При этом, если школьники младших классов не получают удовольствия от чтения и делают много ошибок, то они больше проявляют мотив следования нормам, выявленный по методике Бэкер и Викфилда ($k = -0,775$, $p = 0,01$). Также выявились прямые связи между значимостью чтения и чтением дома: чем больше дети читают дома, тем значимее этот процесс для них ($k = 0,812$, $p = 0,01$). Самооценивание школьников по уровню своей успеваемости («хорошо учусь – плохо учусь») оказалось обратно пропорционально тому, сколько ученик делает ошибок в чтении, однако эта связь выявилась на уровне тенденции ($k = -0,673$, $p = 0,05$). Следует отметить, что, чем больше количество ошибок, сделанных во время чтения, то есть, чем ниже объективный показатель уровня чтения, тем больше ученик ориентируется на оценку учителя и для него значимее признание другими, однако эти связи находятся на уровне тенденций.

В качестве результатов, полученных после применения методики Е.В. Заики можно представить следующие изменения: дети стали сами проявлять интерес к самостоятельному чтению, предлагали дома почитать для родителей, стали более активны на уроках чтения

Выводы

Были обнаружены определенные связи между уровнем успеваемости и различными мотивами, влияющими на процесс чтения, между уровнем успеваемости и самооценкой школьников младших классов, между уровнем чтения и уровнем успеваемости в целом. Оказалось, что навык чтения влияет не только на отношение к учебе, но и на те мотивы, которые становятся ведущими в учебной деятельности. В третьем классе происходит становление и развитие самооценки. В нашем исследовании проявилась связь оценки учебной деятельности и самооценки, показывающая, насколько сильно оценивание учебной деятельности в школе влияет на самооценку учеников младших классов и насколько проблемы с навыком чтения – одним из самых важных учебных навыков в учебной деятельности - влияют на оба эти показателя.

Литература

1. Давыдов В.В. Формирование учебной деятельности школьников. М., 1982;
2. Заика Е.В. Упражнения для формирования навыка чтения у младших школьников // Вопросы психологии 1995. №6;
3. Ляудис В.Я., Негуре И.П. Проблема формирования письменной речи в начальной школе. Психологические основы программированного обучения под ред. Талызиной Н.Ф. Изд-во Московского университета, 1984;
4. Эльконин Д.Б. Как учить детей читать // Вопросы психологии, 1959, № 6;
5. Baker L. Wigfield A. *Dimensions of children's motivation for reading and their relations to reading activity and reading achievement* // *Reading Research Quarterly*, 1999, №34.

Учебное планирование как направление инновационного образования в Германии

Степанова Е. С.

аспирантка 3го г.о.

МГУ им Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

lisa.stepanova@gmail.com

В последнее время в мире все большее значение уделяется инновационному образованию. Инновационный – значит основанный на последних достижениях в различных областях. Проблемам разработки и реализации инновационного образования на разных ступенях обучения посвящено достаточное количество психологической, педагогической, социологической литературы. Теоретические основы инновационного образования стали предметом исследования в различных странах, в том числе и в России. Изучение зарубежного опыта позволяет более продуктивно обеспечить инновационное образование в нашей стране. В связи с этим, особый интерес представляют исследования, проведенные в странах Западной Европы, в частности в Германии.

В связи с болонской реформой образовательной системы в последние годы в Германии все больше и больше университетов переходит на двухступенчатую систему образования: бакалавриат и магистратуру. На первой ступени – бакалавриате, учащиеся получают общие, базовые знания на основе которых в дальнейшем они имеют возможность выбрать направление магистратуры.

Одним из инновационных направлений в обучении педагогике и педагогической психологии являются магистерские программы по подготовке специалистов в области учебного планирования. Учебное планирование (УП) занимается систематическим планированием и развитием учебных материалов и учебной среды в различных прикладных областях на основе психологических или основанных на опыте теории учения. Особое значение при этом предается интеграции современных информационных и коммуникационных технологий. В таком случае УП находит в данный момент широкое распространение в области построения технологичных сред обучения, таких как компьютерные и Интернет обучение, применение мультимедийных средств. Обучение по специальностям, связанным с планированием развития системы образования и учебным планированием дает основные знания и умения для продвижения и поддержки процессов обучения в различных учебных и обучающих средах. Обучающиеся получают информацию о теории и моделях учения и обучения, о психологических и социологических детерминантах потребностей обучения, обучающих процессов и результатов обучения. Это дает основополагающие знания методов эмпирического социального исследования. Затем обучающимся предоставляется обзор профессиональных технических и программных средств для развития основанных на технике сред обучения. В рамках проектно-ориентированных семинаров студенты используют полученные знания и накапливают опыт в планировании, внедрении и оценке учебной и обучающей организации.

В соответствии квалификацией по данной специализации выпускники должны уметь планировать, составлять и развивать образовательные программы, ориентированные на возникающие потребности и проблемы, реализовывать их в соответствующих областях и оценивать их. Для этого обучающиеся должны проявить теоретические и практические знания и умения. На теоретическом уровне дается углубленное знание основ учебного планирования и психолого-педагогические условия применения этих знаний. На практическом уровне речь идет о передаче технических навыков и ключевых умений для специфичных областей деятельности (профессиональное и производственное образование, дополнительное образование, средняя и высшая школа).

Инновации в рамках Болонского процесса, затронувшие направления образования, коснулись также и педагогического образования – с одной стороны, происходит объединение специальностей в новые и в то же время дробление их на различные направления, а с другой стороны, существует тенденция к объединению в крупные модули образовательных программ. Обучение по программам учебного планирования разделено на модули: единичные мероприятия объединены в интегрированные учебные

Секция «Психология»

секторы, которые обычно охватывают от четырех до пяти семестров. Таким образом обеспечивается содержательная преемственность курсов.

Большое значение также имеет возможность смены специальностей и существование пограничных направлений в различных областях. В современном образовании Германии индивидуальность обучения является одним из важных направлений. Так, студенты могут выбирать основную и дополнительную специальности, что является одним из проявлений инноваций в обучении. Кроме того, они имеют возможность индивидуального выбора курсов не только в рамках одного учебного заведения, но во всех университетах, включенных в Болонский процесс. Самостоятельный выбор специальностей и курсов приводит к необходимости самостоятельного выбора набора экзаменов, которые сдает обучающийся, и сертификатов, которые он может получить на выбранных курсах. При индивидуализации образования особое значение получает развитие программ, связанных с обучением правильной оценке собственных и командных действий и формировании планов дальнейшей работы. Это бывает особенно важно при отсутствии четко выраженного общего плана для всех учащихся. Курсы ориентированы на общеевропейскую систему оценочных «пунктов», European Credit Transfer System (ECTS). В зависимости от объема учебных достижений, обучающиеся получают за отдельные мероприятия и экзамены ECTS пункты. С введением этой системы оценка знаний студентов из-за рубежа, желающих учиться в Германии, также как и немецких студентов, собирающихся продолжать образование за границей, стала просто и унифицированной. Результаты обучения проверяются во время обучения в рамках каждого отдельного курса.

Благодаря ясной постановке целей и требований к знаниям, предмет «Учебное планирование» может с самого начала изучаться интенсивно и целенаправленно.

Исследование ведущего типа мотивации учащихся академического лицея

Тарабукина Е. А.

Студентка

*Сыктывкарский государственный университет,
факультет психологии и социальной работы, Сыктывкар, Россия
E-mail: tarabukina.evgen@mail.ru*

В исследовании мы изучали мотивацию учащихся применительно к ведущей деятельности подростков – учении. Для овладения сложным учебным материалом необходим не только высокий интеллектуальный уровень, но и высокая мотивация. Высокая внутренняя мотивация может компенсировать недостаточную развитость специальных способностей. Учебная мотивация определяется исследователями как частный вид мотивации, включённой в деятельность обучения. Она выполняет несколько функций: побуждает поведение, направляет и организует его, придаёт ему личностный смысл и значимость (Ильин, 2000).

Цель исследования: выявить ведущий тип мотивации учения у подростков.

В исследовании участвовали 170 учащихся Академического лицея при Сыктывкарском государственном университете с 7 по 11 класс в возрасте от 12 до 18 лет. Среди них 98 подростков женского пола и 72 – мужского пола. Средний возраст испытуемых составил 15,1 лет. Исследование проводилось с марта по апрель 2008 года. Мотивы учения определялись с помощью методики Е. Лепешовой (Лепешова, 2007).

При анализе результатов в качестве значимых определяли три мотива, которые получили наибольшее количество баллов. Анализ результатов исследования показал, что ведущим типом мотивации учения является «осознание социальной необходимости» (73% учащихся). Этот мотив является преобладающим и направляет учебную деятельность подростков во всех исследуемых учебных параллелях с 7 по 11 класс. Следующие по значимости: мотив общения (31%) и мотив самореализации (28%). Последними по

Секция «Психология»

значимости являются: мотив одобрения одноклассниками (11%), внеучебные мотивы (13%) и боязнь наказания со стороны семьи (14%).

В 9 классе значимым мотивом является «боязнь наказания со стороны школы» (42%). Возможно, что на такие результаты повлияли предстоящие экзамены и получение аттестата об окончании среднего неполного образования.

В 10 и 11 классе вторым по значимости является мотив самореализации (36% и 35%), а мотив общения занимает третье место (25% и 26%).

Таким образом, учащиеся начинают лучше учиться, когда чётко осознают, как конкретное знание может пригодиться в будущем – для поступления в вуз, получения хорошей профессии, работы и пр. Такие результаты можно объяснить тем, что уже в младшем подростковом возрасте начинает расширяться временная перспектива, подросток смотрит на настоящее с позиции будущего, приобретает чувство времени, непрерывности жизни. На фоне устремленности в будущее возникает осознанная проблема выбора не только будущей профессии, но и личностных ценностей и смыслов. В этом возрасте является актуальным обдумывание не только профессионального выбора, но и жизненного пути в целом. Личностное самоопределение ведёт за собой все другие формы самоопределения – профессиональное, социальное и пр. Оно предполагает готовность к самостоятельной жизни и деятельности на основе соотнесения своих возможностей, качеств и требований общества (Дубровин, 2007). Учение становится значимым для профессионального и личностного самоопределения, для обеспечения достойного будущего.

Полученные нами данные показателей выраженности мотива «осознание социальной необходимости» согласуются с данными, полученными Е. Лепешовой. При исследовании ведущего мотива учения подростков они получили, что этот мотив является ведущим во всех параллелях с 8 по 11 класс (Лепешова, 2007).

Нами выдвинута гипотеза, что преобладание в 7-8 классах в качестве ведущего мотива «осознание социальной необходимости» достигнуто искусственно, внешне, так как профессиональная направленность большинства подростков характеризуется неопределенностью, изменчивостью и ситуативностью. В 8 классе этот мотив значим для 58% учащихся, тогда как в 7 классе – 76%. Это также подтверждает то, что этот мотив создан искусственно, внутренне не принят. В данный лицей учащиеся поступают из школы, возможно, что родители и преподаватели достаточно сильно мотивируют подростков при переходе в лицей, говорят, что по окончании лицея выше возможность поступления в престижный вуз, получения хорошей профессии. Оказывают влияние и современные общественные ценности, которые ориентируют подростков, прежде всего, на образование, которое позволит им обеспечить безбедное будущее, а не на самореализацию, на личностный рост, актуализацию своих внутренних ресурсов в учебной деятельности.

Общение – ведущая деятельность подростков, большую часть времени подростки проводят в школе, именно школа становится местом общения со сверстниками, тем самым учение приобретает ценность. Для подростка имеет большое значение завоевать определённое положение в классе, выделиться, добиться признания, самоутвердиться среди сверстников.

Учащиеся лицея ориентированы, прежде всего, на поступление в вуз, поэтому такие мотивы как внеучебная мотивация, одобрение одноклассниками и боязнь наказания со стороны семьи не имеют для них значения.

Для девушек 11 класса мотив общения является незначимым, тогда как для юношей он сохраняет прежнее значение. Различия между показателями выраженности мотива общения являются статистически значимыми ($p < 0,05$). Таким образом, девушки в психологическом развитии опережают юношей, они больше ориентируются на одобрение со стороны окружающих.

Обнаружены статистически значимые различия в показателях выраженности мотива «осознание социальной необходимости» у девушек и юношей 10 класса ($p < 0,05$). У девушек он максимально выражен по сравнению с юношами, в 11 классе эти показатели выравниваются. Такое расхождение можно объяснить большей направленностью девушек на одобрение со стороны родителей, педагогов и общества в целом, для девушек соответствовать требованиям общества является более значимым. С другой стороны, это можно объяснить более ранним психологическим созреванием девушек, таким образом, они раньше большинства юношей подходят к вопросу осознанного выбора профессии и жизненного пути.

Познавательный мотив не является ведущим, но в 10 классе этот мотив по значимости занимает второе место (50% учащихся). Это связано с развитием познавательных процессов, развитием мышления: становлением абстрактного, рефлексивного мышления, возникновением элементов теоретического мышления.

В результате проведённого исследования, мы можем сделать вывод о том, что в учебной деятельности подростка доминируют далёкие цели, связанные с жизненными перспективами, выбором профессии и обеспечением достойного будущего. Большинство учащихся не ориентировано на личностный рост, актуализацию своих внутренних ресурсов в учебной деятельности.

Литература

1. Дубровин Д.Н. (2007) Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения в старшем подростковом возрасте // Мир психологии. №4.
2. Лепешова Е. (2007) Методика диагностики типа школьной мотивации у старшеклассников // Школьный психолог. № 9.
3. Ильин Е.П. (2000) Мотивация и мотивы. СПб.: Питер.

Место профессиональной мотивации в мотивационной структуре личности

Тепляков Е. В.

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: silwol@yandex.ru

На текущем этапе развития психологического знания преобладающим взглядом на проблематику профессиональной мотивации является следующий: «профессиональная мотивация – это действие конкретных побуждений, которые обуславливают выбор профессии и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с этой профессией» (Балин В.Д, цит. по [1]). Однако данный подход кажется нам не лишенным некоторых недостатков: «расширяя» подобным образом понятие профессиональной мотивации, исследователь вносит в область изучения такие разнородные мотивы, как стремление к успеху, давление окружения (к примеру, волю родителей), мотивы материального благополучия, профессионализма, интереса... список можно продолжить. Кроме того, при подобном рассмотрении профессиональной мотивации неизбежно встает вопрос о её становлении, генезе, сама возможность ответа на который, в силу столь разнородного состава входящих в неё мотивов, выглядит далеко не однозначной.

Альтернативой вышеописанному подходу и должен выступить наш взгляд: профессиональная мотивация может возникнуть только как форма внутренней мотивации при наличии у будущего профессионала адекватного представления о профессии и позитивном отношении к ней. Более того, развитие профессиональной мотивации (в данном понимании этого термина) влечет за собой повышение субъективной удовлетворенности профессиональным выбором, рост самооценки и (что немаловажно) снижает общую конфликтность мотивов человека. В свою очередь, выраженность внутренней мотивации (не только в профессиональной сфере, но и в мотивационной сфере личности как таковой) под действием данного процесса существенно возрастает.

Секция «Психология»

Результаты исследования, проведенного автором данных тезисов, свидетельствуют о том, что внутреннюю мотивацию (понимаемую согласно концепции Э. Деси и Р. Райана) можно считать ядерным образованием мотивационной сферы личности, опосредующим уровни самооценок испытуемого, степень конфликтности его мотивов и, по сути, отвечающим на вопрос о возможности формирования профессиональной мотивации в узком, заданном нами, смысле этого слова. В этом случае профессиональная деятельность характеризуется большой увлеченностью, отсутствием необходимости «награды извне» и возникновением состояний потока [2]. Была установлена сильная положительная связь между внутренней и профессиональной мотивацией (количеством актуализированных профессиональных мотивов). У испытуемых с превалировавшими внешней и амотивацией вне зависимости от стажа профессиональной деятельности (курса для студентов) профессиональных мотивов выявлено не было.

Кроме того, образцы сформированной профессиональной мотивации в чистом виде, как нам кажется, могут быть найдены лишь у небольшого количества специалистов, добившихся наибольших результатов (к примеру, профессоров, академиков) и не променявших любимое дело на «престиж» или «материальное благополучие» в период «лихих 90-х».

Автор надеется, что дальнейшие исследования позволят найти более полный и исчерпывающий ответ на вопросы о генезе профессиональной мотивации.

Литература

1. Каргина Е.М. Формирование профессиональной мотивации будущих специалистов (на примере Ассоциации «Университетский Учебный Комплекс») // текст диссертационного исследования. Пенза, 2004
2. Чиксентмихайи М. Поток: психология оптимального переживания // Москва, Смысл, 2006
3. Deci E.L. Intrinsic motivation // New York: Plenum, 1995

Причины зависимости от компьютерных игр у подростков-школьников

Толстиков Е.И.

Студент, 1 курс

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
психологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: e_tolstikov@mail.ru

В наше время всё большую и большую популярность приобретают компьютерные технологии, например: программирование, различные редакторы изображений и видео, Интернет, игры. Я предлагаю поподробнее остановиться на компьютерных играх и онлайн-играх через глобальную сеть Интернет. И игры, и Интернет за последнее время совершили значительный скачок в развитии и стали играть большую роль в жизни людей, а перспективы их развития могут пугать воображение.

Отношение к играм, как и к Интернету, неоднозначно. Такие мнения сосуществуют в обществе, противоречат друг другу, и люди могут, естественно, конфликтовать между собой, например, родители с детьми.

Поэтому я хотел бы в своём исследовании уточнить некоторые понятия, ответить на несколько вопросов: что такое компьютерные игры? Для чего и для кого эти игры нужны? Почему люди играют в компьютерные игры? Почему подростки попадают в зависимость от компьютерных игр?

Я предположил, что существует определенная категория подростков, которая более или менее подвержена риску зависимости от компьютерных игр. Итак, цель исследования – разобраться в причинах зависимости подростков от компьютерных игр и помочь таким подросткам.

За теоретическую основу я взял:

Секция «Психология»

- Возрастные особенности подростков (в т.ч. их потребности) и их отличия от старших школьников
- Гендерные особенности
- Понятие игры. Виды компьютерных игр (особенно важна была классификация игр на одиночные, сетевые и онлайн)
- Влияние компьютерных игр и зависимость от них в различной литературе

Практическая часть и методы исследования.

Во-первых, была произведена выборка испытуемых. В исследовании принимали участие учащиеся трёх учебных параллелей – 7, 9, 11 классов (в сумме 150 человек).

Во-вторых, была сделана первая анкета. Она содержала 3 схожих между собой вопросов-провокаций, исходя из ответов на которые была составлена вторая анкета.

Во второй анкете предлагалось ответить на вопросы, затрагивающие время, проводимое за компьютером и компьютерными играми, игровые предпочтения, выбрать альтернативы компьютерным играм, охарактеризовать и дать рекомендации зависимому игроку. Для обработки такого количества анкет, составления и обработки нужных матриц мной была специально написана программа на языке Borland Delphi.

После обработки полученных данных были составлены (все пункты разделены по параллелям и по гендерному признаку):

- Таблицы, описывающие время, проводимое за компьютером (реальное и идеальное) и компьютерными играми (реальное и идеальное), а также сопоставляющие реальное и идеальное время за компьютером или компьютерными играми
- Диаграммы, выражающие жанровые предпочтения (одиночные, сетевые, онлайн)
- Рейтинги альтернатив компьютерным играм
- А также графики, отражающие динамику игрового времени (реального и идеального) между параллелями (снова деля по гендерному признаку)

Анализ результатов по всем параллелям показал следующее. Девушки играют столько, сколько хотят. Причём с возрастом хотят играть всё меньше. На протяжении всего подросткового периода у них реальное и идеальное время равны. У юношей тоже заметен спад интереса к играм, но это происходит на фоне разницы в желаемом и настоящем и большего среднего игрового времени.

Также выявлены причины, почему та или иная группа подростков (параллели) предпочитают компьютерные игры. Были сформулированы причины зависимости:

- Аналитический склад ума
- В группе сверстников принято играть в компьютерные игры
- Подросток не умеет регулировать свою деятельность, подчинить её своей воле (например, ограничить время), и при этом отсутствует контроль со стороны взрослых

Нет возможности или ограничена возможность (существуют внутренние и внешние обстоятельства) реализовать потребности в общении (например, неуверен в себе, замкнут, малообщителен, родители не приветствуют друзей, дефицит эмоциональной поддержки со стороны взрослых и т.п.)

На основе анализа результатов был сформулирован ряд рекомендаций зависимому игроку, а также пути их реализации на практике.

Таким образом, была выявлена психологически оправданная сторона компьютерных игр. Они используются для реализации тех или иных потребностей подростка. Но если реализация своих потребностей в виртуальном мире стаёт доминировать над решением проблем в реальном мире, то это уже зависимость. Такая «проекция» негативно сказывается на развитии подростка как личности. Поэтому есть необходимость психологической помощи таким людям, чему стараюсь я способствовать своим исследованием.

Литература

1. Справочник по психологии и педиатрии детского подросткового возраста (СПб, 1999).
2. Практическая психология образования (Под ред. Дубровиной И.В. М, 1998)
3. Баранова С.В. Вредные привычки. Избавление от зависимостей. (Ростов н/Д: Феникс, 2007)
4. Еженедельная методическая газета для педагогов-психологов «Школьный психолог» (1-7 мая 2004, январь-февраль 2008)
5. Синельников В.В. Тайны подсознания – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007

Студенческая проектная деятельность как средство психологического сопровождения образования

Ульянова Н. Ю.

студентка

*Южный Федеральный Университет, факультет психологии, г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: s-neghnaya@rambler.ru*

На сегодняшний день российская образовательная система претерпевает серьезные изменения. Это касается и модернизации высшей школы. Меняются не только методы и технологии, трансформируются, прежде всего, принципы обучения студентов в ВУЗах. Переход на кредитно-модульную схему построения учебных курсов и введение бакалавриата и магистратуры подразумевает смещение целей образовательного процесса. Студент не просто получает новые знания по заданному преподавателем плану, но и учится принимать решения, касающиеся его становления как профессионала. Предпочтение тех или иных предметов, как и выбор уровня высшего образования, налагает на молодых людей ответственность за самих себя и собственное будущее.

Важнейшая цель, провозглашаемая в нынешней высшей школе – «научить учиться». Однако реальная практика показывает неприспособленность программ преподавания и контроля знаний для формирования базовых навыков самообучения.

Еще одной проблемой, особенно остро касающейся гуманитарных специальностей, становится теоретичность получаемых знаний. Традиционные формы учебной деятельности – лекции и семинары – не дают возможности реализовать их в практической деятельности. Немногочисленные практические занятия, где студенту отводится роль исполнителя, выполняющего конкретные поставленные задачи, справляются с этой задачей лишь отчасти, так как не формируют навыков организационной и руководящей работы. При этом именно лидерские качества выпускника зачастую определяют успешность его дальнейшей деятельности.

Одним из средств решения этих проблем становится система молодежных инициатив, организующаяся по принципу проектной деятельности. Студенческие организации становятся способом как творческой самореализации их участников, так и своеобразной «тренировки» будущей профессиональной деятельности. Молодые люди учатся преодолевать ряд разнообразных трудностей при разработке программ и принципов работы, создании проектов и привлечении участников, поиске финансирования и материально-технического обеспечения проектов. Фактически это те задачи, которые решает любой руководитель вне зависимости от специальности, в которой работает, и которые требуют определенного опыта их выполнения.

Молодежные проекты имеют ряд особенностей, определяющих их специфическую роль в системе образования.

Во-первых, создаются они, как правило, силами самих студентов. Преподаватели или специалисты в тех или иных областях знаний приглашаются только в качестве экспертов, но не решают организационных задач. Во-вторых, в ходе реализации проектов происходит

Секция «Психология»

сотрудничество учащихся разных специальностей, а зачастую и разных ВУЗов, что позволяет обмениваться точками зрения на решение тех или иных вопросов и значительно обогащает опыт участников. В-третьих, в подобных проектах действует принцип «равный – равному», когда каждый член группы имеет возможность влиять на общий результат.

Примером успешной студенческой проектной деятельности можно назвать организацию в Южном Федеральном Университете профильных школ программирования, веб-дизайна, вожатского дела, создание психологической службы и курса личностно-ориентированных тренинговых занятий «Школа саморазвития и лидерства».

Последний проект является, на наш взгляд, эффективным средством психологического сопровождения образования, получаемого в университете. При его разработке преследовались две цели: рост профессионального уровня волонтеров – студентов факультета психологии, проводивших занятия, и повышение психологической компетентности участников тренинговых групп.

Базовыми принципами программы проекта стали положения о личностной ориентированности занятий, схема работы «практика-теория-практика», индивидуальный подход к каждому участнику. В основу программы легли разработки отечественных и зарубежных психологов, а также авторские методики, созданные студентами психологического факультета ЮФУ.

«Школа саморазвития и лидерства» была организована в 2006 году, каждый ее курс продолжался в течение учебного года и состоял из двух частей: первый семестр был посвящен самопознанию и развитию творческих, коммуникативных, интеллектуальных и лидерских качеств участников, а второй – получению навыков делового общения, социального проектирования, ораторского мастерства и т.п. Программа занятий составлялась таким образом, чтобы приобретаемые знания, умения и навыки участники могли применять в самых разных видах деятельности.

В 2006-2007 учебном году занятия велись в одной группе, далее – в двух. Ведущими стали студенты-психологи 3 и 4 курсов, за три года существования проекта их число составило 10 человек. Общее количество людей, принявших участие в тренинговых группах, превысило 40 человек.

Эффективность проекта оценивалась по субъективным и объективным параметрам. К субъективным мы относим отзывы ведущих и участников о том, что дали им занятия, а также оценку изменения собственной социально-психологической компетентности. В качестве объективных методик использовался тест-опросник самоотношения В.В. Столина и тест «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» С.А. Будасси, а также анализ учебных, профессиональных и творческих достижений участников во время и после прохождения курса.

Сопоставление этих данных позволило сделать вывод о достижении поставленных целей. Подавляющее большинство отзывов о проекте носят положительный характер, и только около 16% участников отозвались о нем нейтрально. 64% членов тренинговых групп отметили улучшения своих коммуникативных и лидерских качеств. Что касается результатов тестирования по методикам В.В. Столина и С.А. Будасси, которое проводилось в качестве диагностики как ведущих, так и членов групп в начале и в конце курса, улучшения в сторону гармонизации самоотношения и самооценки наблюдались у 70% участников. Наибольшим изменениям подверглись такие параметры, как самоинтерес и самопринятие. Кроме того, члены проекта показали достижения в образовательных программах (как, например, получение четырьмя участниками стипендий Потанинского и Оксфордского фондов), профессиональном развитии (успешная работа по выбранной специальности на руководящей должности).

Таким образом, исследование эффективности проекта показало его важность в получении профессионально важных качеств, студентами не только психологических, но и иных факультетов. На наш взгляд, введение практики молодежной проектной деятельности в основную систему высшего обучения позволило бы решить ряд

Секция «Психология»

существующих проблем, связанных с недостаточным развитием у будущих специалистов навыков организационно-руководящей работы. В свою очередь, создание проектов, направленных на самопознание и развитие личностных качеств студентов, может стать одним из наиболее эффективных способов психологического сопровождения высшего образования.

Литература

Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. М: Ось-89, 1999.

Становление профессионального «Образа-Я» курсантов в процессе обучения в военном вузе Цыганов К. А.

слушатель

*Голицынский пограничный институт, Голицыно, Россия
dokonca@rambler.ru*

Феномен самосознания достаточно активно изучался как в зарубежной, так и в отечественной психологии. Изучению структуры и функций самосознания личности посвящены исследования таких авторов как Р. Бернс, У. Джемс, Ч. Кули, М. Кун, Дж. Мид, К. Роджерс, М. Розенберг, Т. Шибутани, И.С. Кон, А.А. Налчаджян, Е.Т. Соколова, А.Г. Спиркин, В.В. Столин, И.И. Чеснокова и др. Большинство авторов подчеркивают процессуальный характер самосознания, определяя его как процесс, направленный на осознание человеком самого себя и своих отношений с внешним миром. В результате процессов самопознания и самоотношения формируются такие продукты самосознания, как «Я-концепция» и «Я-образы».

Основной детерминантой развития самосознания, «Я-концепции» и «Я-образов» субъекта является межличностное взаимодействие последнего с другими людьми в процессе деятельности и общения, а основными механизмами их формирования считаются: рефлексия (самопознание), идентификация (Э. Эрикссон), социальное сравнение, межролевой и внутриролевой конфликты (И.С. Кон), когнитивный диссонанс (Л. Фестингер).

В исследовании мы выделяем «Я-образ» как когнитивно-эмоциональную подструктуру «Я-концепции», отражающую один из аспектов «Я». Таким образом, «Я-концепция» личности рассматривается нами как согласованная система элементов, представленная набором «Я-образов» (различающихся модальностью, степенью устойчивости, уровнем осознанности, степенью влияния на поведение личности) и содержащая когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты на всех уровнях своей структуры.

Цель исследования заключалась в изучении динамики становления профессионального «Образа-Я» слушателей 3 и 5 курсов в процессе обучения в военном вузе.

Исследование проводилось в декабре 2008 – январе 2009 года на базе военного вуза. В исследовании принимали участие слушатели-юноши 3 и 5 курсов, обучающиеся по специальности «психология» (соответственно N1=N2=30). Возрастной ценз участников составил 18 – 22 года. Исследование включало следующий комплекс методов: разработанная анкета, методика незаконченных предложений (в авторской модификации), методика исследования самоотношения В.В. Столина, методика семантического дифференциала Ч. Осгуда (в адаптации В.Ф. Петренко). Для статистической обработки результатов исследования использовался факторный анализ в составе пакета SPSS.

Основные результаты исследования.

Секция «Психология»

1. Слушатели 5 курса осознают большее количество профессионально-значимых характеристик собственного «Я»; среди осознаваемых слушателями 5 курса характеристик на первом месте находятся блок морально-этических качеств.

2. Эмоциональный компонент профессионального «Образ-Я» слушателей 3 курса характеризуется низким уровнем зрелости, недостаточной осознанностью отношения к собственной личности, однако наличие внутренних противоречий и достаточно низкие показатели самопривязанности у слушателей и 3, и 5 курсов свидетельствуют о стремлении к самосовершенствованию и самопознанию в обеих совокупностях.

3. По количеству выделенных смысловых конструктов различий между слушателями разных курсов не выявлено, однако выявлены различия в количественных и качественных характеристиках каждого конструкта. Слушатели 5 курса выделяют в своем профессиональном «Образ-Я» конструкт «Активность», в то время как слушатели 3 курса обнаруживают больше характеристик связанных с конструктом «Оценка».

Литература

1. Кон И.С. Проблема «Я» в психологии // Психология самосознания. Хрестоматия. — Самара: Бахрах-М, 2000.
2. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. — М.: Аспект Пресс, 2001.
3. Свободный Ф.К. Профессиональный «Образ-Я» сотрудника органов внутренних дел и оптимизация его формирования в высшем образовательном учреждении МВД России. Дисс. ... канд. психол. наук, М., 2003.
4. Столин В.В. Самосознание личности. — М.: МГУ, 1983.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. — СПб: Питер, 2003.

Различия в интеллектуальных способностях семиклассников, выбирающих различные профили в школьном обучении

Чумаченко Д.В.

Студент факультета психологии

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: Dmitry.Chumachenko@gmail.com

В современном образовании укрепляется тенденция к переходу от общеобразовательных классов к созданию профильного обучения. Такая задача ставится перед российскими школами Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года, которая предполагает использование «...ориентированной на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, ...отработки гибкой системы профилей» [2]. Идея профильного обучения заключается в предоставлении ученику возможности выбирать вариант обучения, который максимально соответствует его способностям, обеспечивая самоопределение учащихся в поле будущей профессиональной деятельности.

Традиционно профильные классы делятся на естественно-научные (математический, физический, биологический) и гуманитарные (филологический, исторический) направления. Однако стоит разобраться, действительно ли при профильном разделении создаются условия для развития способностей каждого учащегося и, каковы могут быть философские и психологические основания такого разделения?

Исторически эта традиция восходит к И. Канту и к работам неокантианцев, после которых профильное разделение наук было введено в структуру образования и обучения. Обоснование такого вида человеческой практики, как наука, было сделано И. Кантом в

Секция «Психология»

его «Критике чистого разума»: «Наукой в собственном смысле мы можем назвать только такое знание, достоверность которого аподиктична (убедительна); то же знание, которое содержит в себе лишь эмпирическую достоверность, - это наука лишь в непрямом и не точном смысле... И я утверждаю, что в каждой отдельной области естественной науки содержится столько науки в собственном смысле этого слова, сколько в ней содержится математики» [цит. по 1, с. 117]. Кант дал обоснование математическому естествознанию - выделил трансцендентальные априорные категории для естественных наук: времени и пространства, однако не сделал этого для гуманитарных областей. Обоснованием гуманитарного знания занимались неокантианцы в начале XX века, отмечая, что «...разделение труда в науках...определяется прежде всего материальной противоположностью природы и культуры...Противоположностью природе...является культура, как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности» [3, с. 69]. Таким образом, разделение на «гуманитарные» и «естественные» науки имеет под собой серьезные философские основания.

Нами было проведено исследование интеллектуальных способностей 63 учащихся седьмых классов, выбирающих профиль школьного обучения на базе гимназии на Юго-Западе №1543 г. Москвы. В качестве основной методики использовался Школьный Тест Умственного Развития (ШТУР 2.0) [4]. Помимо общего результата и результатов по субтестам, зависимые переменные были выделены на основе предметной отнесенности заданий: к физике, математике, литературе, русскому языку, истории, географии и биологии. Независимой переменной считался выбор учащимся профиля обучения.

Обнаружилось, что школьники, получившие высокие баллы по математическим заданиям ШТУР чаще выбирали классы математического профиля, а школьники с высокими способностями в сфере биологических наук – биологический профиль, что касается, школьников, выбравших физико-химический и гуманитарный профиль, то их способности по соответствующим предметам не всегда соответствовали высоким показателям ($p < 0,05$). В целом, наиболее высоким интеллектом обладают школьники, выбравшие классы математического и биологического профиля ($p < 0,05$). Указанные тенденции могут быть взаимосвязаны: учащиеся с более высоким интеллектом делают свой выбор более согласованно в соответствии с уровнем развития своих способностей в сфере математики или биологии. Показано, что задания, требующие применения логической операции обобщения лучше выполнялись школьниками с высокими баллами по тестам с биологической направленностью ($p < 0,05$).

Однако надо признать, что проведенное пилотажное исследование ставит перед нами ряд вопросов. Какие именно особенности предметного материала по биологии способствовали более интенсивному развитию операции обобщения у школьников «биологического» класса? Почему учащиеся-«гуманитарии» не обнаружили высоких результатов по профильным предметам гуманитарного цикла: это может быть связано со специфичностью выборки, а может быть и с тем, что способности в сфере гуманитарных наук нельзя измерить по аналогии с «естественно-научными» способностями? Требуется дальнейшее изучение психологических оснований «умственной специализации» школьников, выбирающих различные профили обучения, но в более контролируемых условиях проведения эмпирического исследования (наличие контрольной группы, учет гендерных особенностей и т.д.).

Литература

1. Кассирер Э. Философия истории // Культурология XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995.- с. 117

Секция «Психология»

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Электронный ресурс // <http://www.edu.ru/index.php>.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995.- с. 69
4. ШТУР. Методические рекомендации по работе с тестом / Под ред. К.М. Гуревич, М.К. Акимовой, Е.М. Борисовой, Г.П. Логиновой, В.Г.Зархина, В.Т. Козловой. – М., 1987.

Психологические особенности профессионального развития взрослых (на примере послевузовского дополнительного профессионального образования)

Шабашова Е.Н.

Аспирант

*Санкт-Петербургский государственный университет, факультет психологии,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: shabashova_elen@mail.ru

Характерные для нашего государства социально-экономические изменения и массовая безработица существенно повышают значение послевузовского дополнительного профессионального образования, которое по своему содержанию осуществляется в двух направлениях: дальнейшей специализации, углублении полученных ранее знаний по первичной профессии и получении новых знаний по другим профессиям. То есть, в первом случае осуществляется повышение квалификации, а во втором – смена профессии. И если ранее в нашей стране, безусловно, превалировало первое направление, то в настоящее время все большую роль играет второе направление. Эти обстоятельства осложняют выбор человека, стоящего перед необходимостью получения послевузовского дополнительного образования, существенно повышают его ответственность. Возникает проблема психологического обоснования этого выбора.

С этой целью было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении психологических особенностей профессионального развития взрослых, выбравших различные направления послевузовского дополнительного профессионального образования (повышение квалификации или смену профессии).

Гипотеза исследования: выбор направления послевузовского дополнительного профессионального образования определяется преобладанием мотивации достижения на успех у лиц, предпочитающих смену квалификации и мотивации избегания неудачи у лиц, повышающих квалификацию, что обусловлено преобладанием у первых самоорганизующихся, а у вторых целенаправленных элементов психологических механизмов индивидуального развития.

В исследовании приняли участие слушатели, проходящие обучение в Республиканском гуманитарном институте и Военной академии тыла и транспорта по следующим специальностям: психология, педагогика, история, политология, социология, философия и культурология. В исследовании приняло участие 2 группы испытуемых: 69 человек, повышающие квалификацию, и 71 человек – меняющие профессию.

Методы исследования. Методический арсенал исследования составил: анкетирование, методики изучения мотивации (тест-опросник А. Мехрабиана, опросник Т. Элерса, опросник А.А. Реана, тест-опросник Ю.М. Орлова), тест самореализации, опросник «Якорь карьеры» Э. Шейна, методика «Карта интересов», методика «Предпочтение профессий» - тест Холланда, методика выявления акцентуаций Шмишека, методика «График жизни» А.А. Кроника, исследование самооценки с помощью процедуры ранжирования (Будасси), методика определения уровня субъективного контроля, прогрессивные матрицы Равена. Для обработки данных использовались методы описательной статистики, дискриминантный и корреляционный анализы.

С помощью дискриминантного анализа определялись психологические различия между группой слушателей, проходящих повышение квалификации (ПК) и группой

Секция «Психология»

слушателей, меняющих профессию (СП), а также выявлялось, какие переменные вносят наибольший вклад в имеющиеся различия. Для лучшего понимания содержания переменных, выделенных в результате дискриминантного анализа, выявлялись их связи с другими психологическими характеристиками в исследуемых группах слушателей на уровне статистической значимости $p \leq 0,01$. Для сравнения полных структур психологических показателей в исследуемых группах слушателей был произведен анализ корреляционных связей на уровне значимости $p \leq 0,001$. Также было осуществлено выделение переменных, образующих связи в количестве, превышающем величину среднего арифметического для данной группы на величину одного стандартного отклонения. Понятно, что именно эти переменные находятся в центре корреляционных плед, а поэтому сравнение их между собой в значительной мере отражает характер сравнения плед в целом.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Лица, выбравшие различные направления своего профессионального саморазвития, в частности слушатели с высшим образованием, проходящие повышение квалификации или смену профессии в специально предназначенных для этого учебных заведениях различаются между собой по психологическим показателям. По степени убывания их удельной значимости в дискриминантном уравнении это: мотивация избегания неудачи, мотивация успеха и боязни неудачи, карьерная ориентация на вызов, мотивация достижения успеха, интерес к медицине, потребность в самореализации, уровень самооценки.

2. В группе слушателей, меняющих профессию большее значение у таких показателей, как мотивация достижения успеха, потребность в самореализации, интерес к медицине и показатель самооценки. В группе повышающих квалификацию большие показатели имеют мотивация избегания неудачи, и карьерная ориентация на вызов. Преобладание в обеих группах мотивационных переменных отражает значение самостоятельности взрослых людей в выборе направления своего послевузовского дополнительного профессионального образования.

3. На основании анализа связей выделенных показателей с другими психологическими переменными можно сделать вывод, что у лиц меняющим свою профессию преобладает эмоциональная устойчивость, уверенность в себе, оптимистичность, активность, независимость, самостоятельность, стремление познать все стороны жизни, а не ограничивать себя одной сферой деятельности. Лицам, повышающим квалификацию, более свойственно повышенная эмоциональность, неустойчивость, пессимистичность, повышенное чувство долга, ответственность, стремление достичь профессионализма, желание профессионального роста в конкретной сфере деятельности.

4. В целом сравнение полной структуры психологических показателей в исследуемых группах показало ее большую одноуровневость, гомогенность у лиц, меняющих профессию. Центральное место в структуре занимают показатели, которые обеспечивают успешность взаимодействия со средой и в значительной мере являются результатом такого взаимодействия. Структура показателей лиц, повышающих квалификацию более разноуровневая и гетерогенная, а преобладающее значение в ней имеют показатели обеспечивающих им реализацию изначально данной иерархии потребностей и потенциальных возможностей.

5. В результате можно констатировать, наличие оснований для вывода о том, что различия между лицами, меняющими профессию и лицами, повышающими квалификацию, отражают различия в психологических механизмах регулирования поведения и развития. Так, в первой группе преобладают элементы самоорганизации, а во второй – элементы целенаправленности. Следовательно, различия проходят на типологическом уровне.

6. Таким образом, можно считать желательным и даже необходимым осуществление оценки или даже самооценки психологических особенностей взрослых людей,

предполагающих продолжить свое профессиональное развитие в направлении повышения раннее приобретенной квалификации или смены профессии, для обеспечения адекватности такого выбора.

Исследование эффективности использования компьютерных симуляций для тренировки зрительно-пространственных функций у детей младшего школьного возраста

Шахбазова Е.С.¹, Яковлев К.А.²

¹соискатель, ²студент

¹Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Россия

²Московский государственный институт электроники и математики,
факультет электроники, Москва, Россия

elena_shakh@hotmail.com

KonstantinYakovlew@gmail.com

Гуманизация образования на современном этапе развития общества обострила проблему психологической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья. В этой связи стала актуальной тема использования компьютерных симуляций коррекционно-развивающих методик.

Влияние на когнитивную сферу компьютерных симуляций было доказано целым рядом исследований. Чаще всего исследователи используют уже готовые продукты (как правило, это 3D-action игры) и показывают, что компьютерные игры повышают избирательность и распределение зрительно-пространственного внимания, улучшают зрительно-пространственное восприятие и зрительную память (Kilpatrick et al 1994, Green et al 2003, 2006, 2007; Mc Clurg et al 1987, De Lisi et al 2002, Castel et al 2005, Trick et al 2005). Конструируют собственные симуляции на основе известных и апробированных методик (Wilson B.A. et al, 1996) либо пытаются максимально полно отразить свойства внешней реальности: комнаты, по которой ходит пациент, дороги, по которой едет водитель (Rose F.D. et al 1999, Pugnetti L et al 1999).

Однако проблема определения наиболее важных аспектов игры, таких характеристик виртуальной реальности, которые следует учитывать при создании коррекционно-развивающих и диагностических компьютерных программ, недостаточно исследована. Отсутствие большого количества исследований по данной теме приводит к тому, что разработчикам обучающих компьютерных симуляций приходится опираться в основном на собственный опыт, интуицию и представления о мире.

Задачей данной работы является определение параметров компьютерной симуляции, которые могут повысить эффективность ее использования в коррекционно-развивающем обучении.

Мы решили остановиться на исследовании различных вариантов лабиринтов, так как эффективность их использования для развития зрительно – пространственных функций была показана (Foreman et al, 2000,2003; McComas et al, 1998, Stanton et al, 1996), а также потому, что сюжет большинства компьютерных игр строится на прохождении некоего лабиринта, системы коридоров или мейза.

Для проведения исследования разработаны 2 прототипа экранных симуляций прохождения лабиринта, отличающихся размерностью пространства (2D и 3D). Кроме того было сконструировано внешнее устройство управления, основанное на идее разнесения в пространстве управляющих кнопок. Таким образом, мы получили 2 пары экранных симуляций, различающихся размерностью и способом управления.

Размерность пространства, на наш взгляд, является важным параметром анализа, так как до сих пор не проводилось сравнительное исследование эффективности использования различной размерности компьютерных симуляций. Остается непонятным,

Секция «Психология»

имеет ли смысл применять в коррекционных и обучающих программах трехмерные симуляции, действительно ли они более эффективны в той степени, в которой требуют больших материальных и временных затрат или можно ограничиться более дешевыми технологиями. Некоторые исследователи (Гончаров О.А., 2007) считают, что при использовании двумерных симуляций или трехмерных с высокой точкой наблюдения у игрока преобладают другие механизмы внимания, чем в ситуации игры с фиксированной внизу точкой зрения. Кроме того различные варианты компьютерных симуляций при создании эффекта трехмерности пространства опираются на различные зрительные признаки (обратная и прямая перспектива в изображении объектов, сохранение константности размера объектов, использование различных текстур и т.д.)

Схемы лабиринтов, предлагаемые испытуемым, абсолютно идентичны и отличаются только размерностью; дополнительно, чтобы убрать различия в условиях, двумерный лабиринт выводится на экран по фрагментам. Таким образом, испытуемый видит только ближайший фрагмент лабиринта как в двумерном, так и в трехмерном варианте и не имеет общей схемы собственного маршрута.

Различные варианты управления применены для проверки гипотезы о том, что ощущения от движения собственных рук будут способствовать развитию хорошей пространственной ориентации. Будет также сравниваться взаимное влияние размерности пространства и способа управления.

Для оценки эффективности использования различных прототипов компьютерных симуляций прохождения лабиринтов предполагается провести исследование на младших школьниках (8-9 лет) обычных общеобразовательных школ. Для этого созданы 4 варианта идентичных по сложности лабиринтов, в которых варьируются описанные выше параметры. Сложность оценивается с точки зрения количества слоев, расстояния между переходами по слоям, а также количества переходов на каждом уровне. Для того, чтобы снизить эффект научения, между игровыми сеансами делаются недельные перерывы. Задача игрока – найти выход из лабиринта.

Дополнительно при отборе испытуемых будет проводиться оценка состояния их зрительно – пространственных функций и общего интеллектуального уровня на основе нейропсихологического тестирования.

В результате данного предварительного исследования предполагается выделить те прототипы, накопление ошибок в которых закономерно сочетается с накоплением ошибок в нейропсихологическом тестировании, что показывает их чувствительность к зрительно-пространственным трудностям детей и позволит использовать в дальнейшем при создании коррекционных методик.

Литература

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. (2008) Продоление трудностей учения: нейропсихологический подход «Питер»
2. Полонская Н.Н.(2007) Нейропсихологическая диагностика детей младшего школьного возраста М.: Издательский центр «Академия»
3. Rose D., Brooks B. et all (2005) Virtual Reality in Brain Damage Rehabilitation: Review // *Cyber psychology and behavior*, Vol. 8, № 3, p 241-262
4. Green S., Bavelier D. (2006) Effect of Action Video Games on the Spatial Distribution of Visuospatial Attention // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance* Vol. 32, No. 6, 1465-1478
5. Passig D. (2007) The future of VR in education: A future oriented meta analysis of the literature // in Tassos A. Mikropoulos, Veronica S. Pantelidis, and Chwen Jen Chen (Eds.) *Virtual Reality in Education*. East Carolina University Press, Greenville, North Carolina

Шишкина А.И.²⁴

Старший преподаватель факультета педагогики и психологии
Тираспольский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, Тирасполь,
Молдавия
E-mail: oxial1974@mail.ru

В педагогической психологии до сих пор не решена задача теоретического осмысления с деятельностных позиций явлений подкрепления при приобретении опыта у человека.

В нашей работе было подвергнуто теоретико-экспериментальному исследованию подкрепление в ходе учебной деятельности с целью выяснения его природы и функций. Мы основывались при этом на принципах системного и деятельностного подходов. В качестве рабочего использовалось понятие деятельности, акцентирующее наличие в ней *конечного акта по удовлетворению исходной потребности*. Особое внимание получила такая форма деятельности, когда активность выполняется полностью *во внутреннем плане* (ср. понятие П.Я. Гальперина «ориентировочная деятельность субъекта»). Использовались два понятия «умения». Одно из них предполагает возможность учащегося воспроизводить действие в должном составе операций и требуемой последовательности, что связывается с *операционной самостоятельностью умения*. Другое понятие отражает имеющуюся у индивида тенденцию к совершению действия при актуализации у него соответствующей потребности и наличии адекватной ситуации, что означает *инициативную самостоятельность*, которую мы рассматриваем в качестве одной из важных характеристик умения.

На теоретическом уровне анализа подкрепление выступило как механизм приобретения опыта, включающий процессы трех уровней – *собственно деятельностный*, т.е. взаимодействие субъекта с внешним миром, *конечное действие по удовлетворению исходной потребности*, а также *консолидацию следов в мозговом субстрате*.

Были рассмотрены природа и функции двух видов подкрепления – *завершающего* и *опережающего* (Д.В. Колесов), а также двух его модальностей – *поощрения* и *наказания*. Опережающее подкрепление предполагает антиципацию индивидом удовлетворения исходной потребности по результатам уже выполненных актов, которое моделируется в умственной форме; при этом актуализируются положительные эмоции, поддерживающие активное состояние субъекта деятельности, но потребностное напряжение сохраняется. Последнее снимается при реальном удовлетворении исходной потребности, а сопутствующие ему положительные эмоции способствуют консолидации следов соответствующей деятельности.

В экспериментальных сериях исследования приняли участие 398 учащихся в возрасте от 5 до 16 лет. Мы проверяли общее предположение, что становление в ходе учения формируемого умения основывается на подкреплении соответствующего ему предметно-специфического действия, а также ряд частных.

Было выявлено, что сам учащийся, не дожидаясь возникновения необходимости в определенном деловом продукте, активно ищет случая применить соответствующие умение. Он мысленно «потребляет» пока еще несуществующий продукт, активизируя себя положительными эмоциями. Все это позволяет рассматривать подкрепление как необходимый компонент деятельности учения. В группах, где вводилось опережающее подкрепление, учащиеся самостоятельно инициировали контроль со стороны учителя, что мы расцениваем как проявление инициативной самостоятельности. Опережающее

²⁴ Представлены результаты диссертационного теоретико-экспериментального исследования, выполненного под руководством д. психол. н. Т.В. Габай.

Секция «Психология»

подкрепление благоприятно сказывалось на деятельности учащихся, поддерживая ее процесс, однако при несоответствии познавательным мотивам рассредоточивало их. Оно способствовало также повышению операционной самостоятельности при выполнении предметно-специфического действия.

Завершающее же подкрепление этого действия резко увеличивало готовность к его повторному выполнению: все наблюдавшиеся нами учащиеся включились в деятельность по собственной инициативе, а при недостатке тех или иных условий они стремились их самостоятельно воссоздать.

Мы установили, что после получения завершающего подкрепления усваиваемого предметно-специфического действия у учащегося формируется не только устойчивая тенденция к воспроизведению данного действия при актуализации соответствующей потребности и наличии адекватных условий, но и проявляется интерес к той учебной деятельности, в рамках которой это предметно-специфическое действие было усвоено.

При отсутствии завершающего подкрепления, но при наличии уверенности в правильности собственных действий, испытуемые пытаются сами себя наградить, выполняя иную, доступную им деятельность, которая обеспечивает им необходимые положительные эмоции и подкрепляет, таким образом, исходную деятельность.

Особо исследовалось также влияние завершающего поощрения на желание учащихся включиться в неприятную для них деятельность. В контрольной группе, где завершающее поощрение не вводилось, неприятной деятельностью (на примере уборки помещения) по собственной инициативе занимались только 14 % учащихся, в экспериментальной группе – после введения завершающего поощрения добровольно в неприятную для учащихся деятельность включались периодически 58 % испытуемых. Таким образом, завершающее поощрение способствует инициированию и поддержанию процесса неприятной для учащихся деятельности.

Анализ показал, что большинство испытуемых в той или иной форме стремились осуществить действия, направленные на получение одобрения учителя или товарищей за выполненную ими работу, несмотря на то, что они были уверены в правильности своих действий и качестве полученного продукта. Таким образом, становится очевидным, что обратная связь не может быть отождествлена с подкреплением – их функции не совпадают.

Было выявлено, что для формирования предметно-специфического умения необходимо не только поощрение, но и наказание: последнее обеспечивает дифференцированность соответствующего действия в отношении условий его выполнения. Эксперименты показали, что допустимость и эффективность использования наказания в учении обусловлены предоставлением учащемуся возможности а) ориентироваться в ситуации и б) осуществлять выбор приемлемого для него варианта деятельности.

Таким образом, полученные результаты подтверждают необходимость подкрепления в ходе учения и позволяют конкретизировать его функции.

Экспериментальное исследование условий возникновения ситуативной готовности учащихся к занятию

Шишкина О.И.²⁵

*Старший преподаватель факультета педагогики и психологии
Тираспольский государственный университет имени Т.Г. Шевченко,*

²⁵ Представлены материалы диссертационного исследования, проведенного под руководством д. психол. н. Т.В. Габай.

Недостаточная изученность психолого-педагогических механизмов возникновения ситуативной готовности учащегося к предстоящему занятию и вместе с тем необходимость ясного представления о них для организации процесса обучения обуславливает актуальность исследования.

Мы предположили, что существует система обеспечивающих ее возникновение психолого-педагогических условий. В качестве необходимых и достаточных рассматривались следующие условия: 1) наличие у учащегося долговременной готовности к деятельности учения, т.е. ее субъекта и предмета, 2) обеспечение к началу занятия основного средства деятельности учения, т.е. учебной информации, отвечающей теме занятия и соответствующей по содержанию и форме представлению уровню учащегося, 3) создание адекватных внешних условий учения – физической среды и «социального климата»; 4) устранение у учащегося посторонних актуальных установок и факторов, способствующих их появлению в процессе занятия; 5) обеспечение благоприятного фонового функционального состояния организма учащихся; 6) актуализация ранее сформированной мотивации учения посредством установления смысловой связи с ней темы текущего занятия; 7) обеспечение учащимся возможности осуществления ориентировки в учебной ситуации.

В исследовании участвовали 67 учащихся в возрасте 13-14 лет. Были организованы пять экспериментальных и одна контрольная группа. В *первой* (основной) экспериментальной группе обеспечивалась вся система выделенных нами психолого-педагогических условий. В каждой из остальных экспериментальных групп мы стремились исключить какое-либо условие из подлежащих проверке. Во *второй* группе не производилось устранение у учащихся посторонних актуальных установок и способствующих их появлению факторов. В *третьей* группе были исключены специальные меры по обеспечению благоприятного фонового функционального состояния организма учащихся. В *четвертой* группе не обеспечивалась актуализация сложившейся мотивации, так что она могла происходить лишь стихийно. Учащиеся *пятой* экспериментальной группы не имели благоприятных условий для осуществления ориентировки в учебной ситуации – они не получали от учителя ни наводящих указаний относительно необходимости и характера выполнения ориентировки в учебной ситуации, ни требуемого для этого интервала времени. Что касается *контрольной* группы, то в ней преднамеренно не обеспечивалось ни одно из этих условий.

Поскольку в качестве важнейшего из компонентов исследуемой системы условий должна была выступить долговременная готовность учащихся к учению, то мы провели выявление степени ее сформированности. Наличие базовых предметно-специфических знаний и умений устанавливалось в тесте достижений, составленном совместно с учителем-предметником. Умение учиться у каждого из учащихся оценивалось посредством анализа характеристик, даваемых учителем-предметником и классными руководителями, а также наших наблюдений за процессом их учения; принимался во внимание и уровень успеваемости учащихся по данному предмету. Исходная мотивация учащихся оценивалась с помощью одной из имеющихся методик (О.С. Гребенюк и Т.Б. Гребенюк, 2000 г.). В результате были выделены три категории учащихся. В первой категории (2,9 % учащихся) долговременная готовность была сформирована полностью, во второй (95,61 %) – частично, в третьей она практически отсутствовала.

Основную экспериментальную группу составили испытуемые первой и второй категорий; имевшиеся у них пробелы оперативно компенсировались по ходу обучения. При необходимости обеспечивалось дополнительное мотивирование.

В каждой из перечисленных групп производилась регистрация состояния учащихся в двух интервалах. Первый из них охватывал время от звонка на урок (когда учащиеся уже

были на местах) до начала реализации предполагаемых условий ситуативной готовности, – так выявлялось исходное состояние учащихся. Второй интервал начинался после реализации этих условий в том или ином их составе. В каждой группе учитывались особенности выполнения учащимися деятельности, что позволяло уточнять наличную степень ситуативной готовности к ней. По окончании урока производился опрос самих учащихся относительно изменений их состояния на разных его отрезках.

Данные экспериментов и анкетирования после их статистической обработки показали, что исключение какого-либо условия из их целостной системы препятствует достижению полноценного состояния готовности. В основной экспериментальной группе, где мы принимали специальные меры для обеспечения психолого-педагогических условий, ситуативная готовность наблюдалась у 89 % учащихся. У оставшихся 11 % либо отсутствовали инструменты подлежащей усвоению деятельности, либо было плохое самочувствие, т.е. по отношению к ним система условий оставалась неполной. В этой группе, по сравнению с контрольной группой, где преднамеренно не обеспечивалось ни одно из условий, в 2 раза уменьшилось время, необходимое учащимся для включения в деятельность; в 3 раза снизилось количество отвлечений; в 2 раза увеличился период оптимальной работоспособности и в 4 раза – длительность добровольного продолжения деятельности после звонка. Учащиеся этой группы проявляли больший интерес к содержанию предстоящего занятия и желание работать, они чаще вступали в контакты друг с другом по поводу деятельности. Наблюдение за учащимися контрольной группы показало, что иногда ситуативная готовность к занятиям развивается стихийно, однако сформированность у учащихся долговременной готовности к учению остается непреложным условием. При традиционном обучении количество таких учащихся незначительно, и в нашем случае полную ситуативную готовность можно было констатировать лишь у 2,9 % учащихся.

Поскольку при неполной долговременной готовности от учителя требовалось не только предоставление учащимся интервала времени для ориентировки в ситуации учения, но и оказание им систематической помощи по ходу ее осуществления, особенно ясно выступил осознанный характер процесса и результата ориентировки со стороны учащихся.

Можно заключить, что ситуативная готовность обеспечивается целостной системой условий. Ее развертывание является необходимым звеном учения и предполагает мобилизацию всех подсистем учащегося, его настройку как на предстоящую деятельность вообще, так и на ближайший ее компонент. В деятельностном плане оно является не чем иным, как ориентировкой учащегося в учебной ситуации, обуславливающей возможность осуществления основной, исполнительской части учения. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в ходе деятельности учения развертывание у учащегося ситуативной готовности к ней подчиняется цели подготовить себя как субъекта исполнительного компонента учения. Соответственно процесс возникновения ситуативной готовности учащегося к занятию и сама ситуативная готовность как его результат имеют сознательный характер.

Проблема прогнозирования интеллектуальной готовности к школе

Юдина Т. А.

заведующая отделом

Федеральный институт развития образования, Москва, Россия

e-mail: ta.yudina@gmail.com

Данная работа представляет собой часть исследования по прогнозированию готовности к школе детей старшего дошкольного возраста. Целью работы является изучение связи между успеваемостью школьников и уровнем их интеллектуального развития. Наличие такой связи могло бы стать подтверждением прогностических возможностей тестов интеллекта в определении готовности детей к школьному обучению.

Секция «Психология»

В отечественной психологии разработкой проблемы готовности к школьному обучению занимались Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, Н.Г. Салмина, Е.Е. Кравцова, Н.В. Нижегородцева, В.Д. Шадриков, Н.И. Гуткина и др. По мнению этих авторов для успешного обучения ребенка в школе важны в первую очередь не знания, умения и навыки, ранее им полученные, а некоторый уровень личностного и интеллектуального развития, который и определяется как психологическая готовность к школе.²⁶

Уровень интеллектуального развития в нашем исследовании определялся с помощью методики «Контроль зрительной памяти»²⁷, разработанной М.Б. Зыковым для диагностики основных психических процессов: внимания, памяти, мышления, воображения. Диагностический инструментарий методики представляет собой набор рисунков, состоящих из шестнадцати черных и белых квадратов, расположенных в различном порядке в квадратах 4x4, а также бланков для заполнения, содержащих нужное количество белых квадратов 4x4. Формально эти рисунки можно считать разверткой на плоскости последовательностей из нулей и единиц. Рисунки имеют пять уровней сложности, соответствующих сложности алгебраических функций, которые они наглядно представляют. Процедура диагностики состоит в последовательном предъявлении испытуемым рисунков, которые нужно запомнить и затем воспроизвести на бланке. Время экспозиции рисунков определяется и фиксируется исследователем.

Обработка результатов тестирования состоит в подсчете числа ошибочно заполненных клеток бланка и определении (с помощью специальной таблицы) балла для каждой пробы. Количество баллов зависит от сложности карты. Сумма баллов является количественной оценкой развития основных психических процессов (внимания, памяти, мышления, воображения). В дальнейшем он будет называться комплексным показателем основных психических процессов.

В качестве испытуемых в нашем исследовании выступили ученики Центра образования № 345 «Елохово» Центрального округа города Москвы. Тестирование проводилось в ноябре-декабре 2007 года. Показатели по методике «Контроль зрительной памяти» сравнивались с отметками за первое полугодие 2007-2008 учебного года.

Всего были протестированы 402 учащихся в возрасте от 6 до 17 лет, представляющих начальное, среднее и старшее звено школы (20 классов), а также подготовительную группу. Тестирование проводилось во время учебных занятий (обычно 3 – 4 урок). В классах среднего и старшего звена его проводил школьный психолог, в начальных классах и подготовительной группе – не знакомый ранее детям исследователь.

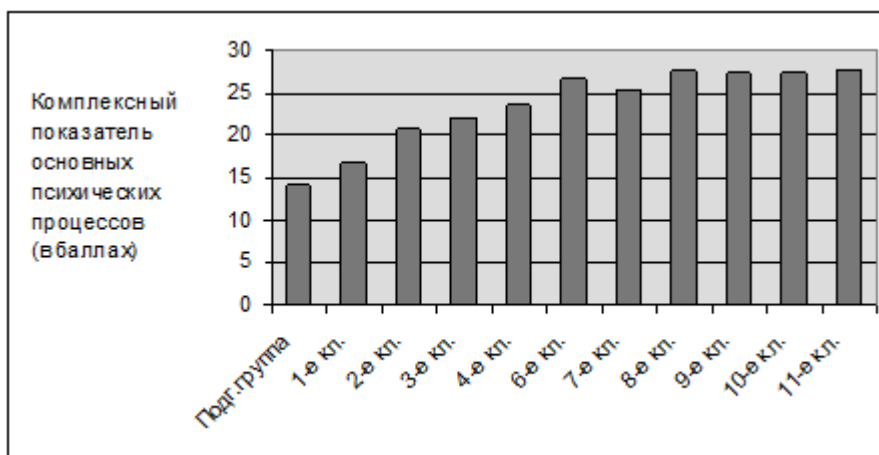
Учащимся последовательно предъявлялись шесть карточек по схеме: 3, 1, 2, 3, 4, 5 (где цифра обозначает номер сложности карточки). Набор карточек был одинаковым для испытуемых всех возрастов. Различалось время экспозиции: в начальных классах и подготовительной группе оно составило 7 секунд, в классах среднего и старшего звена – 5 секунд.

Математическая обработка результатов тестирования производилась с помощью приложения MS Office Excel 2003. Было вычислено среднее комплексного показателя основных психических процессов по классам. Предполагалось, что этот показатель будет возрастать от класса к классу в связи с развитием основных психических процессов учащихся. Данное предположение подтвердилось (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1. Динамика комплексного показателя основных психических процессов по классам.

²⁶ Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – с.15

²⁷ Подробнее см. Зыков М.Б. Использование кодирования функций алгебры логики для исследования зрительной памяти у людей // Физиологические механизмы памяти. Под редакцией проф. Е.А. Громовой. – Пушино-на-Оке, 1973.

Тенденция повышения среднего комплексного показателя основных психических процессов явно прослеживается в начальной школе, в средних и старших классах она менее заметна. Нам представляется, что это связано с ограничениями теста «Контроль зрительной памяти». Дифференцированный результат по классу можно получить, если задание представляет определенную трудность. Большинство учащихся старших классов выполнили тест с небольшим количеством ошибок и их показатели приближаются к максимально возможному 30 баллам, поэтому дальнейшего роста показателя не видно.

Связь между уровнем развития основных психических процессов и успеваемостью выявлялась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Для каждого класса²⁸ были вычислены коэффициенты корреляции между комплексными показателями основных психических процессов и отметками учащихся. Анализ данных показал отсутствие связи между успеваемостью и уровнем развития основных психических процессов. Разброс результатов оказался весьма широк: от статистически значимой положительной до статистически значимой отрицательной корреляции, включая и отсутствие корреляционной связи (коэффициент корреляции близкий к нулю).

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на проблему готовности к школе. Отсутствие связи между успеваемостью школьников и уровнем их интеллектуального развития затрудняет задачу прогнозирования готовности к школьному обучению и ставит под сомнение практическую значимость приведенной вначале трактовки понятия психологической готовности к школе.

Литература

- 1) Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2004.
- 2) Зыков М.Б. Использование кодирования функций алгебры логики для исследования зрительной памяти у людей // Физиологические механизмы памяти. Под редакцией проф. Е. А. Громовой. – Пушино-на-Оке, 1973.

Субъектная позиция студента-психолога: диагностика и психологическое сопровождение

Юрина Е.А.

*Старший преподаватель кафедры психологии образования и развития
Волгоградский государственный педагогический университет, факультет психологии и
социальной работы, Волгоград, Россия
E-mail: ellurina@rambler.ru*

В последнее время активно пересматриваются требования к системе высшего образования – участие России в Болонском процессе, компетентностный подход, введение

²⁸ с третьего по одиннадцатый; первые и вторые классы не были включены в эту часть исследования из-за того, что учащимся этих классов не выставляют отметки в журнал

рейтинговой системы оценивания и т.д. Предполагается, что все эти инновации повысят качество подготовки будущего специалиста. Однако все эти нововведения подчиняются общим, «стандартным» требованиям. Подготовка психолога так же включена в такой стандартизированный образовательный процесс. В такой ситуации часто теряется индивидуальность каждого отдельного студента и преподавателя. Точнее, возникает дополнительная задача сочетания стандартизированного и индивидуально личного.

«Нормативный профессионализм» – это набор личностных характеристик человека, необходимых для успешного выполнения труда. «Реальный профессионализм» – это не только необходимый нормативный набор психических качеств, профессионализм, в этом случае, становится внутренней характеристикой развивающейся личности человека [2]. Получается, что любой профессионал, это тот, кто меняется, а главное, развивается в профессии, что особенно актуально для профессии психолога. Психолог должен не просто обладать профессиональными знаниями по психологии, он должен быть зрелой, аутентичной личностью. И в этом случае, на наш взгляд, закономерно обращаться к понятию профессиональной субъектности.

О студенте-психологе еще нельзя говорить как о субъекте профессиональной деятельности. Однако необходимо понимать, что профессиональная субъектность начинает развиваться именно в учебно-профессиональной деятельности в вузе как форме «встречи» профессии и ее будущего субъекта.

«Субъект» – это интегральная характеристика человека. По определению К.А. Абульхановой, «субъект деятельности – это синтез качеств личности в ее способе осуществления деятельности и требований к деятельности». Субъектность же это характеристика, которая указывает, прежде всего, на интенциональность субъекта. Критериями субъектной позиции, как правило, считаются: развитие, рефлексия (С.Л. Рубинштейн), целостность, активность, инициативность, ответственность (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова) [3]. Но субъект, это не просто особое отношение (которое может выражаться в рефлексивной позиции, ответственности), это особый способ действия, «режим» жизни в актах овладения человеком своим поведением (Л.С. Выготский, М.К. Мамардашвили, Б.Д. Эльконин). Согласно последней позиции субъект возникает в «момент встречи» идеальной и реальной формы, становление субъектности – в преодолении существующей, «натуральной» формы, того, что человек уже умеет. В профессиональном развитии это означает, что человек начинает овладевать культурными формами осуществления деятельности, этим и отличается профессионал от непрофессионала.

Развитие субъектности студента-психолога предполагает диагностику предпосылок и формирование авторской позиции студента. При этом формальный показатель успешности обучения – успеваемость не является критерием наличия или отсутствия профессиональной субъектности, поскольку может достигаться «школярским» способом.

Особенность диагностики субъектности заключается в том, что некоторые диагностические процедуры могут активизировать рефлексивную позицию студента в учебно-профессиональной деятельности. В нашем исследовании мы обращались к методу репертуарного интервью и репертуарных решеток (Дж. Келли) [1, 4].

Наше исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе мы провели индивидуальные репертуарное интервью со студентами-психологами. По результатам были отобраны конструкты, которые по нашему мнению могут характеризовать субъекта профессиональной деятельности, и на их основе была составлена репертуарная решетка с заданными конструктами. В качестве элементов репертуарной решетки были заданы определенные ролевые позиции, характеризующие профессиональную деятельность психолога, в том числе, такие элементы как «психолог-профессионал», «психолог-непрофессионал», «я в начале обучения», «я – студент сегодня», «я – психолог после окончания вуза», «я – психолог через 10 лет» и др.

Секция «Психология»

Результаты исследования на данном этапе нашей работы показали, что проанализировав репертуарные решетки с заданными конструктами, мы можем говорить только о содержании профессиональных представлений студентов-психологов. Так, например, оценивая ролевую позицию «психолог-профессионал», студенты определяют ее, обращаясь к тем полюсам конструктов, которые характеризуют субъектную позицию, то есть психолог-профессионал ответственный, творческий, саморазвивающийся, обладает рефлексивной позицией относительно своих профессиональных действий и т.п. Если говорить о динамике профессиональных представлений, необходимо отметить, что «расстояние» между элементами «психолог-профессионал» и «я студент сегодня» уменьшается от II курса к V, «ближе всего» находятся ролевые позиции «психолог-профессионал» и «я – психолог через 10 лет», что может указывать на то, что студенты в своем профессиональном развитии ориентируются на образ психолога-профессионала (квалифицированного психолога). Кроме того, во время обучения в вузе, у студентов меняется представление о себе как субъекте профессиональной деятельности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по крайней мере, на когнитивном уровне, уровне профессиональных представлений студенты-психологи в своем профессиональном становлении ориентируются, во-первых, на профессионализм, а во-вторых, на субъектную позицию в своей будущей профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что при изучении субъектности, наиболее информативной оказалась работа с индивидуальными репертуарными интервью. При проведении репертуарного интервью интересен сам процесс беседы – способность студента занять отстраненную позицию относительно самого себя является одним из показателей субъектной позиции. Репертуарное интервью позволяет активизировать процессы самопознания и саморазвития, может выступить основой процесса консультирования студента-психолога по вопросам его профессионального становления, что отвечает задачам психологического сопровождения профессионального становления студента-психолога. Так же активизировать субъектную позицию могут специально организованное занятия – тренинги, содержанием которых могут быть, как познание студентом самого себя, так и овладение различными профессиональными умениями. Диагностическими показателями здесь являются высказывания студентов-психологов на этапе рефлексии и самоотчеты, например, ведение «Дневника обучения».

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение особенностей профессионального становления студентов-психологов – это не только диагностика, но и, прежде всего, психологическая поддержка становящегося профессионала, активизация его субъектной позиции.

Литература

1. Келли Дж. (2000) Теория личности. СПб.: Речь.
2. Маркова А.К. (1996) Психология профессионализма. М.: Знание.
3. Брушлинский А.В. (2002) Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ПЕРСЭ.
4. Франселла Ф. (1987) Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. М.: Прогресс.
5. Эльконин Б.Д. (2001) Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия.

Проблемы обучения и развития: теоретические и прикладные аспекты. Возрастная психология

The role of mental state verbs in the relation of language and theory of mind in preschoolers

Liu Yue

Undergraduate, B.S. candidate

Department of Psychology, Peking University, Beijing, P. R. China

Liuyue328@126.com

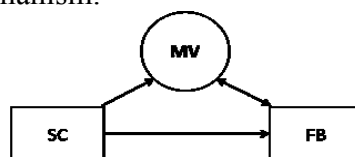
Background

Not only is the relation between language and theory of mind is a hotly debated topic of the modern psychology, it is also very important and fundamental to make clear of such a relationship to help us explain and understand the nature of both conceptual capability and linguistic ability of human mind. Among all the periods of a person's life, the time before he or she attends school is especially precious, for both the cognitive development of the child and researchers who are interested in investigating the general development of children's mind. At this preschool stage, children are usually in their sensitive period of language acquisition, leaning linguistic rules and enlarging their vocabulary at a very high speed. At the same time, an important part of theory of mind called false belief understanding is being gained along with the process of language development. Researchers have already pointed out that at this very stage children are learning to construct sentences with complementary structures, which may have a great influence on the achievement of false belief understanding. However, not only it is not studied and stated systematically and thoroughly in existing literature, it is also widely ignored that the acquisition of mental state verb is also finished at the preschool stage, which can be directly related to both complementary sentence construction and false belief understanding. Therefore, I proposed here to study the three of them together systematically and make clear of both the nature and the direction of the relation between each pairs.

Methods and hypothesis

Given that it is not easy to explore the causal relationship in cross studies, I propose to carry on a longitude study to investigate the direction of the influences between each of the three cognitive abilities mentioned above. Training method is introduced to manipulate the factors concerned. Since the results from previous researches cannot show a convergent pattern, it is proper for us to include all possible conditions of training as well as testing, including sentential complement, mental state verb acquisition and false belief understanding, etc. Details are not discussed here because of the time limited.

Inspired from the classic studies and reviews respectively provided by Lahmann and Tomasello in 2003, Papafragou, Cassidy and Gleitman in 2007 and de Villiers in 2007, I propose a possible model to explain the relationships between the three cognitive abilities. In this model, sentential complement structure learning is basic and fundamental, which is compatible with its early acquisition. Mental state verbs are acquired by the help of sentential complementary and works as the mediator in the influence of sentential complement structure using on false belief understanding development. Besides, false belief can also enhance the acquisition of mental state verb, working like a feedback mechanism.

Application Although this model is yet to be checked, it can be applied to help children, hopefully those with autism, developing their theory of mind as long as it is proved to be solid. Also it is very important to the theoretical construction of language evolution and cognitive development.

Отношение подростка к компьютеру: функциональный аспект

Авдеев А.Ю.

Аспирант

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: avdeev@bsu.edu.ru

Жизнь в информационном обществе открывает перспективы для безграничных и свободных коммуникаций, способствует раскрытию интеллектуальных и творческих возможностей личности. Но вместе с тем возникают и ряд проблем, главная из которых заключается в сохранении в «человеке информационном» «человека понимающего», способного к самостоятельному творчеству и полноценному развитию. Период отрочества особенно благоприятный в плане развития интеллектуальной и творческой активности, когда любое инициативное действие подростка, направлено не столько на объект действия, сколько на себя-действующего. И в этом смысле становится ясной направленность на самоизучение, становление самосознания. Одной из форм подростковой самореализации может выступать продуктивное использование компьютера как инструмента изучения себя, пространства для развертывания «проектной деятельности».

Для выявления особенностей отношений подростка к компьютеру нами был разработан специализированный опросник, утверждения которого сгруппированы в пять основных блоков: «компьютер – учебная деятельность», «компьютер – досуг», «компьютер – общение», «компьютер – познание», «компьютер – будущее».

В анкетировании приняли участие учащиеся 8-х и 9-х классов информационного профиля лица № 10 г. Белгорода, выборка составила 41 ученик (16 девушек и 25 юношей) в возрасте от 12 до 15 лет. Домашний компьютер есть у 90,2% подростков, постоянное подключение к сети имеется у 70,7% опрошенных. Стаж работы с компьютером варьирует в диапазоне от года до 11 лет ($\sigma=2,86$); в течение недели юноши на работу с компьютером затрачивают в среднем 20,8 часов, а девушки – 7,9 ($U=68,5$, $p=0,008$). Средний балл общей успеваемости у юношей составляет 4,08, у девушек – 4,49 ($U=125,5$, $p\leq 0,05$), а по дисциплинам математического профиля – алгебра, геометрия, информатика – 3,96 и 4,33, соответственно ($U=148$, $p>0,1$).

Контент-анализ анкетных данных позволил выделить три группы подростков, характеризующих компьютер как средство познания, развлечения и полифункционально.

27,9% выборки охарактеризовали компьютер как «хорошего помощника» и «средство познания». Компьютерная деятельность для учащихся характеризуется эмоциональной вовлеченностью, они сосредоточены, испытывают чувства радости при работе с ПК. В отношении учебной деятельности более 70% учащихся первой группы согласны с утверждением, что знание и использование компьютера позволяем им лучше учиться, однако они не разделяют того, что компьютер способен заменить функции учителя ($\varphi^*=1,76$ $p\leq 0,05$). Уроки с использованием технических средств нравятся больше, чем традиционные. Подростки рассматриваемой группы пользуются не только «стандартным набором» программного обеспечения (офисные приложения, средства интернет-коммуникации), но и специализированными пакетами, отдавая предпочтение графическим (Photoshop, CorelDraw), звуковым (Wave Editor) и видео (Movie Maker) редакторам, работа с которыми, с нашей точки зрения, стимулирует творческую активность, развивает фантазию и воображение.

Основную функцию компьютера как средства для развлечений видят 16,3% анкетированных. Компьютеризация досуговой деятельности не ограничивается только использованием различных версий видеоигр, многие подростки отмечают, что работа с компьютером позволяет развивать и стимулировать их познавательную активность, получать эмоциональную разрядку. Вместе с тем, они затруднились ответить на вопросы о типе аппаратного и программного обеспечения, указывая лишь «программы для учебы», «графические редакторы», «колонки», «принтер» и т.д. В связке «компьютер – учебная

Секция «Психология»

деятельность» 80% анкетированных полностью не разделяют мнение о том, что знание компьютера способствует лучшей учебе, а увеличение времени взаимодействия с ПК никак не отразится на успеваемости. Информационно-коммуникативные увлечения проявляются в жажде новой легкой информации (более 70% предпочитают пользоваться Интернетом, нежели книгами), не требующей никакой критической интеллектуальной переработки, а также в потребности во множестве поверхностных контактов (ICQ, QIP, чаты).

Еще одна группа учащихся (7% от всей выборки мужского пола) рассматривает компьютер как полифункциональное средство. Ребята оправдано относят себя к компьютерным экспертам, так как они лучше разбираются в технике (дана исчерпывающая информация относительно конфигурации компьютера с детализацией всех базовых характеристик устройств) и используемых программных продуктах (средства мультимедиа, текстовые процессоры, графические редакторы, интернет-пейджеры). Большую часть своего досуга юноши посвящают компьютеру, в течение недели на работу в среднем уходит 32,7 часа. При этом указывают, что в действительности они затрачивают меньше времени, чем им хотелось бы. Более того, никто из учащихся данной группы не смог бы отказаться от работы на ПК даже на несколько дней. Нередко ребята сталкиваются с непониманием со стороны родственников и близких в отношении их увлечения.

Необходимо уточнить, что ни о какой группе риска с психологическими симптомами компьютерной аддикции здесь речь не идет, хотя бы потому, что отсутствуют проблемы с учебой – показатель успеваемости по математическим дисциплинам достаточно высокий (4,55 $\sigma=0,39$), незначительно отличающийся от общего среднего балла (4,36 $\sigma=0,35$); они контролируют время взаимодействия с ПК (никто не засиживается допоздна); компьютер не является средством снятия внутреннего напряжения, тревоги или депрессии; не проявляются чувства раздражения, гнева при отсутствии контакта с ПК или попытках со стороны близких отвлечь ребят от работы. Несмотря на то, что подросткам из указанной группы кажется, что компьютер обладает интеллектом, мы не можем утверждать о персонификации, олицетворении компьютера, так как ни один из них не видит в компьютере верного друга и товарища. Для ребят проще познакомиться и общаться в «реальной» жизни, нежели посредством известных социальных сетей и сервисов. Анализируя сферы «компьютер – познание» и «компьютер – учебная деятельность», стоит сказать, что для подростков указанной группы знание компьютера помогает в учебном процессе, однако увеличение времени взаимодействия с ПК, по их мнению, не скажется положительно на их успеваемости. Кроме того, они однозначно согласны с утверждением анкеты, согласно которому компьютер может заменить некоторые функции учителя.

Таким образом, для современных подростков функции компьютера не ограничиваются только развлекательными и игровыми; он в их руках является эффективным инструментом познания и самореализации, причем не отрицается роль и других средств получения качественной и достоверной информации. Залог успешности, в том числе и профессиональной, подростки видят в компьютерной грамотности.

Литература

1. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. (1990) Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ
2. Краснянская Т.М. (1998) Формирование психологической готовности учащихся к продуктивному использованию компьютера. Дис. канд. психол. наук: 19.00.07: Ставрополь
3. Поливанова К.Н. (2000) Психология возрастных кризисов. М.: Издательский центр «Академия»

Нормативность явления субъективного ощущения одиночества в кризисе юношеского возраста

Айвазян Л.Ю.

Студентка

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка, факультет психологии,
Киев, Украина
madyfly@bigmir.net*

Несмотря на различие в определениях понятия одиночества, данное явление остается актуальным в наше время, учитывая стремительную урбанизацию и индивидуализацию в обществе. Если рассматривать субъективное ощущение одиночества в кризисе юношеского возраста, как следствие процесса обособления, осознания своей личности, как уникальной, неповторимой, можно прийти к выводу, что данное явление в кризисе юношеского возраста является нормативным (Кон, 1989). Более того, некоторые психологи утверждают, что периодическое ощущение одиночества является нормативным и вне данного возрастного кризиса (Фромм, 1989). Вышеизложенные утверждения служат теоретическим базисом для проведенного исследования.

Исследуя субъективное ощущение одиночества, как аспект кризиса юношеского возраста были использованы методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела, М. Фергюсона и опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева. Выборка состояла из 72 студентов 1-3 курса. Из них было 39 людей женского пола и 33 мужского. В проведенном исследовании была обнаружена корреляция между субъективным уровнем ощущения одиночества и самоинтересом (которому посвящена одна из шкал опросника самооотношения) на уровне 0,594 по Пирсону. В связи с этим исследование было решено продолжить и углубить. Ниже изложена программа для исследования субъективного уровня одиночества, как нормативного явления в кризисе юношеского возраста и его взаимосвязи с самооотношением (самоинтерес, самопрятие, самоуважение, самопонимание), как неотъемлемой части процесса обособления.

Таким образом, объектом исследования является кризис юношеского возраста. Предметом – субъективное ощущение одиночества. Гипотеза: нормативность явления субъективного ощущения в кризисе юношеского возраста.

В данном исследовании будут использованы: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела, М. Фергюсона. Данный опросник будет использован с целью измерения общего уровня субъективного ощущения одиночества. Был также составлен дифференциал, направленный на выявления отношения личности к данному явлению (одиночеству). Также будет использован опросник самооотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева для проверки корреляции между уровнем субъективного ощущения одиночества, отношением к нему и шкалами данного опросника, такими как: самоинтерес, самоуважение, самопрятие, самопонимание. Также в данном исследовании будет присутствовать методика диагностики коммуникативных и организаторских склонностей, в которой будет принята к вниманию шкала коммуникативных склонностей. Вышеназванная методика будет использована для выявления среди испытуемых тех, кто имеет низкий показатель по коммуникативным умениям и склонностям. С целью нивелирования того факта, что человек может испытывать субъективное ощущение одиночества по причине низкого уровня своих коммуникативных умений и склонностей. Так же будет учтен фактор, актуальных, неудовлетворенных потребностей, что в свою очередь может повлиять на результаты, не дав возможности проверить, является ли одиночество следствием высокого уровня самоинтереса, самопрятия, самоуважения, самопонимания или же следствием неудовлетворенных актуальных потребностей. Для этого будет использована методика диагностики личностных и групповых базовых потребностей. При этом анкеты респондентов, которые наберут высокие баллы по данной методике, не будут учитываться при проверке основной гипотезы.

Литература

1. 13. Фромм Э. Бегство от свободы: Пер с англ. /Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича.— М.: Прогресс, 1989. -- 272 с.

Секция «Психология»

2. Психология ранней юности: Кн. Для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.:ил. – (Психол. наука - школе).
3. Миускович Б. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества (сост., общ. ред. и предисл. Покровский Н. Е.) М., 1989
4. Хараш А.У. Психология одиночества // Педология/новый век. № 4, 2000 г
5. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия М., 2000
6. Хараш А.У. Психология одиночества // Педология/новый век. № 4, 2000 г.

Развитие речи дошкольников из двуязычных семей в условиях проекта «Сказка» Александрова А.А.

студент

Международный университет природы, общества и человека «Дубна», Московская область, Россия

E-mail: alya_talgar@mail.ru

Ни для кого не секрет, что в настоящее время большая часть людей на земле владеет не одним, а двумя и более языками. И довольно сложно представить себе ситуацию, в которой бы человек в современном мире за всю свою жизнь сталкивался только с одним - родным языком.

Исследователи детского двуязычия отмечают, что на сегодняшний день каждый второй ребенок в мире является двуязычным.

Но, несмотря на то, что первые исследования двуязычия описаны около столетия назад, в настоящее время многие вопросы, касающиеся двуязычия, все еще не имеют определенных и однозначных ответов.

В связи с этим актуальность нашего исследования определяется необходимостью изучения данной сферы и поиска ответов на многие поставленные вопросы о двуязычии, о речевом развитии детей в ситуации двуязычия, о факторах и закономерностях речевого развития двуязычных детей.

Прежде, чем говорить о самом исследовании, необходимо отметить, что речевое развитие детей в ситуации двуязычия может происходить стихийно, если родители ребенка не уделяют этому особенного внимания: ребенок может приобретать язык, играя в иной языковой среде, либо расти в двуязычной семье дома, когда родители используют в общении разные языки. И может быть специально спланированным, когда родители заранее решают, кто из них будет говорить с ребенком на каком языке. Речевое развитие детей в первом и во втором случаях будет идти разными путями. В данной работе исследовалось именно спонтанное, стихийное овладение ребенком языками, то есть, когда родители не планировали заранее языков общения с ребенком.

Используя следующие методы исследования: анкету для родителей, разработанную на основе первичной анкеты для родителей дошкольников, наблюдение за детьми в детском саду, САТ (детский апперцептивный тест) для оценки уровня развития словесного творчества, авторский проект В.Б. Хозиева «Сказка» и контент-анализ аудиозаписей, видеозаписей, протоколов занятий и продуктов деятельности, мы изучали закономерности речевого развития дошкольников из двуязычных семей и сравнивали динамику и развитие речи дошкольников из одноязычной и двуязычной групп в результате занятий в проекте «Сказка». Объектом исследования были 2 группы детей среднего и старшего дошкольного возраста, каждая по 5 человек: первая – двуязычная (казахско-русское двуязычие), вторая - одноязычная. С каждой группой было проведено по 11 занятий. В одноязычной группе занятия проводились только на русском языке, в двуязычной группе занятия чередовались: одно – на русском, второе – на казахском, и т.д.

В исследовании определялся возраст, в котором начинает формироваться речь двуязычных детей; сравнивались изменения в речевом развитии одноязычных и двуязычных детей дошкольного возраста в результате участия в проекте «Сказка»;

Секция «Психология»

выявлялись типичные речевые ошибки, допускаемые детьми в том или ином языке, и их причины.

Анализ полученных результатов показал, что дети, растущие в ситуации, когда родители не планируют языков общения с ними, не различают языков, на которых они говорят, до 3 – 4, 5 лет. Начало различения языков, на которых говорит ребенок, связано со сменой социальной ситуации развития.

Мы выявили несколько видов наиболее часто допускаемых двуязычными детьми ошибок и определили, что дети допускают в языках ошибки в связи с незнанием правил языков (нередко они переносят правила из одного языка в другой).

Ответ на интересующий нас вопрос о различии между речевым развитием одноязычных и двуязычных детей в результате участия в проекте «Сказка» оказался следующим: несмотря на то, что данные претеста в двуязычной группе были лучше, чем в одноязычной, данные посттеста показали обратный результат: практически по всем параметрам сочинения одноязычных детей превосходили сочинения двуязычных детей. И, в то же время, в двуязычной группе в посттесте помимо изменений в оценках параметров сочинений на русском языке, произошли еще и изменения в оценках параметров сочинений на казахском языке. То есть, если в одноязычной группе у дошкольников наблюдались изменения только в одном языке, то в двуязычной группе у детей наблюдались практически такие же изменения, только в обоих языках.

На основании полученных данных мы сделали вывод о том, что раннее детское двуязычие не оказывает отрицательного воздействия на развитие ребенка, а, нередко, наоборот, оказывает положительное влияние на его общее развитие, но требует от окружающих большего внимания к ребенку для того, чтобы два языка последнего формировались полноценно и развивались в равной степени.

Тема детского двуязычия требует дальнейшего развития и основательного изучения, так как в современном мире нередко поднимается вопрос о том, как воспитывать и развивать двуязычного ребенка, чтобы оба его языка формировались полноценно, и он мог использовать каждый из них в любой ситуации.

Литература

1. Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Психология развития ребенка. М.: «Эксмо», 2006. с.393 – 421.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М: РГГУ, 1999г
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: «Смысл», 1997, 288с.
4. Протасова Е.Ю. «Дети и языки. Организация жизнедеятельности детей в двуязычном детском саду». М.: Центр инноваций в педагогике, 1998.
5. Хозиев В.Б. Практикум по психологии формирования продуктивной деятельности дошкольников и младших школьников. М.: Academia, 2002 г.
6. Хозиев В.Б., Хозиева М.В., Грехова И.П., Иванчихина Е.В., Самойлова М.В. Психология детского словесного творчества. Сургут: «Дефис», 2003

Исследование особенностей социального интеллекта и его психофизиологических предпосылок у старших дошкольников.

Алимова Т.В.

Магистр 2 курса

Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И.Герцена

e-mail: alimova-tanya@mail.ru

Разработка проблематики социального интеллекта задана работами Дж. Гилфорда (1968) и Х.Гарднера (1986), в которых социальный интеллект рассматривается в качестве совокупности интеллектуальных способностей, определяющих успешность оценки и прогнозирования поведения других людей. В работах как отечественных, так и зарубежных авторов отмечается, что развитие системы знаний об эмоциях, правилах взаимоотношений людей в онтогенезе идет по пути постепенного расширения и

Секция «Психология»

усложнения (О.В.Гордеева,1986; П.Харрис,1988). Под расширением понимается повышение информированности ребенка в эмоциональной сфере, совершенствование способов видеть логику развития ситуаций и смысл поведения людей в этих ситуациях, предвидеть результаты действия и взаимодействия субъектов.

В психологических и психофизиологических работах последних лет отражено представление о том, что функционирование интеллектуальной системы опирается на определенные базовые механизмы, среди которых наиболее изучены скоростные возможности восприятия, переработки сенсорной информации организации ответных реакций. В психофизиологических исследованиях В.Г.Каменской, С.В.Зверевой, И.А.Сергеевой получены экспериментальные данные о соотношении общего, невербального, вербального интеллекта и качества сенсомоторной интеграции.

В нашей экспериментальной работе, выполненной на старших дошкольниках (в количестве 80 человек), изучалась способность детей с разным уровнем развития социального интеллекта извлекать из стимульных цепей с различной степенью временной организации информацию. Исследование проводилось по программе, включающей оценку уровня развития социального интеллекта согласно показателям выполнения теста Дж.Гилфорда в модификации Я.Н.Михайловой (субтесты «прогноз развития ситуации», «группы экспрессий»), оценку пластичности ЦНС при реализации зрительной функции – тест AFT (авт.С.Ricci, С.Blundo). Методика состоит из 5 карточек, одновременно включающих 2 изображения: фигуры и фона, которые взаимодополняемы – фигура может превратиться в фон, а фон в фигуру. Для оценки пластичности ЦНС при реализации моторной функции нами были использованы моторные пробы (авт.А.Р. Лурия, Л.И.Вассерман).

Специфика отражения временной упорядоченности внешних сенсорных цепей исследовалась с помощью компьютерной рефлексометрической методики, разработанной В.М.Урицким, В.Г.Каменской. В скоростной серии, дошкольники согласно инструкции в ответ на каждый зрительный стимул в виде короткой экспозиции кружков красного, синего и зеленого цветов или гудков, должны были нажимать клавишу «robel» как можно быстрее. Каждому ребенку предъявлялось две серии по 64 стимула в каждой, в которых зрительные и акустические стимулы чередовались в случайном порядке. В дифференцировочной серии перед ребенком ставилась дополнительная задача: от испытуемых требовалось также с максимальной скоростью моторно реагировать на все предъявляемые сенсорные стимулы, кроме стимула красного цвета. Во всех рефлексометрических сериях измерялась величина времени реакции на каждый стимул.

Результаты исследования позволили заключить, что социальный интеллект является полоопределяемым фактором, что соответствует экспериментальным данным (Каменская В.Г., 2002; Зверевой С.В., 2003) и зависит от возраста детей. Анализ данных с формированием контрастных по уровню развития социального интеллекта групп показал, что качество и скорость сенсомоторного реагирования у детей с высоким уровнем интеллектуального развития определяется включением механизмов произвольного внимания по комплексу показателей компьютерной рефлексометрии. Подобные показатели рассматриваются в литературе как «маркеры» включения механизмов произвольного внимания (Каменская В.Г., 2006).

Высокий уровень развития социального интеллекта дошкольников 5-7 лет соотносится с высокой пластичностью нервных и психических процессов и выраженной способностью к антиципации. Пластичность нервных и психических процессов отражается в показателях качества сенсомоторного реагирования и проявляется в способности к перестройке нервных связей, переключаемости индивида и его скоростных возможностях в дифференцировочных сериях. Антиципация предполагает предвосхищение образа, стимула, прогнозирования развития событий в условиях динамической организации сенсорного потока с разной степенью упорядоченности межстимульных интервалов как в дифференцировочных, так и в скоростных сериях.

Также, анализ экспериментальных данных позволяет предположить, что антиципация – т.е. способность системы предвидеть развитие событий, проявляется на всех уровнях организации личности: дети, имеющие относительно высокий уровень антиципации отличаются более качественным сенсомоторным реагированием.

Нами была предложена и апробирована «Программа развития социального интеллекта детей старшего дошкольного возраста». В развивающих занятиях принимали участие 60 дошкольников.

По окончании апробации методической разработки была проведена контрольная оценка уровня развития социального интеллекта и специфики отражения детьми временных свойств сенсорных стимулов, результаты которой свидетельствуют о том, что развивающие занятия достаточно эффективно стимулируют социального интеллекта. Показатели сенсомоторного реагирования после участия детей в развивающих занятиях остались практически неизменными. Полученные результаты позволяют заключить, что развитие способностей (например, социального интеллекта) можно стимулировать в процессе целенаправленного и интенсивного развивающего взаимодействия ребенка и взрослого, что соответствует положению о взаимном влиянии биологических и средовых факторов на развитие интеллекта (Дружинин В.Н., 2007).

Литература

1. Дружинин В.Н. (2000) Психология общих способностей. – СПб.: Питер.
2. Каменская В.Г. (2001) Практическая диагностика хронотопа в сенсомоторной деятельности как условие нормального нервно–психического развития дошкольника // Современные технологии практической психологии в системе образования. Материалы научно-практической конференции. – СПб.
3. Кравцова Е., Прутова Т. (1995) Развитие общения у детей дошкольного возраста//Дошкольное воспитание, №11.
4. Куницына В.Н. (1995) Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение// Теоретические и прикладные вопросы психологии/ Под общ. Ред. А.А.Крылова. – часть 1, СПб.

Гендерные особенности переживания негативных психических состояний в проявлении фемининности-маскулинности в старшем подростковом возрасте

Анварова Г.З.

студентка

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

факультет педагогики и психологии, Нижевартовск, Россия

E-mail: sunnyalexa@mail.ru

Подростковый возраст – один из кризисных этапов в становлении личности человека, когда происходят кардинальные преобразования в сфере сознания, деятельности, системы взаимоотношений. Условия, в которые попадает подросток, влияют на формирование в его эмоциональной сфере целого комплекса сложных переживаний и психических состояний, связанных с возникновением различных аспектов вхождения во взрослость: сохранение многочисленных ограничений, свойственных детскому возрасту и появление новых обязанностей; происходят трансформации во взаимоотношениях с окружающими. Негативные психические состояния (агрессия, фрустрация, ригидность, тревожность), способствуют угнетению психофизиологического состояния личности, отрицательно влияют на жизнедеятельность человека и являются предметом нашего изучения.

Переживание негативных психических состояний имеет индивидуально-половые особенности. Наиболее ярко это проявляется в старшем подростковом возрасте, например, переживание агрессии у мальчика-подростка может выражаться через невербальные формы (драки), а у девочки-подростка через вербальные (оскорбления, ссоры).

Секция «Психология»

Психологический пол - совокупность устойчивых, социально формируемых качеств и свойств личности. Следует отметить, личность может обладать как маскулинными чертами, так и фемининными одновременно, что является признаком андрогинности, наиболее эффективным и положительным для личности (С.Бем).

В концептуальном аппарате исследования была выдвинута гипотеза, согласно которой, психологический пол личности имеет гендерные особенности переживания негативных психических состояний в старшем подростковом возрасте. В качестве диагностического инструментария для экспериментального исследования были выбраны методики: «Определение психологического пола: фемининности, маскулинности, андрогинности» (С.Бем); «Изучение самооценки негативных психических состояний» (Г.Айзенк).

При рассмотрении вопроса гендерных различий переживания негативных психических состояний, можно сделать *вывод*, что гендерные различия как в переживании негативных психических состояний, заключающиеся в своеобразии проявления реакций при возникновении того или иного негативного психического состояния, и попытка определения основного «пускового механизма» переживаний в старшем подростковом возрасте, имеют ряд особенностей. В соответствии с указанной проблематикой были поставлены задачи исследования гендерных различий переживания негативных психических состояний в старшем подростковом возрасте.

При исследовании психологического пола личности (фемининности, маскулинности, андрогинности) выявлены следующие результаты:

1) по показателям «фемининность» и «маскулинность» из выборки 30 человек не выявлено ни одного испытуемого;

2) по показателю «андрогинность» из выборки 30 человек выявлены все 30 подростков. Так, по индивидуальному количественному баллу, у каждого испытуемого числовое значение располагается в пределах от -1 до +1, среднее значение составляет - 0,07 б. - у мальчиков и 0,07 б. у девочек, соответственно, что также заключено в промежутке от -1 до +1. Согласно количественной интерпретации результатов исследования, следует: у 100% испытуемых (30 чел.) психологический пол определяется как андрогинный.

При исследовании самооценки негативных психических состояний были получены результаты, которые показали, что наиболее выраженным негативным психическим состоянием является агрессия у 17 чел. (56%), проявление ригидности составляет - 20 чел. (51%), выраженность тревожности составляет 42,5% (7 чел.), фрустрацию проявили 7 чел. (37,5%).

По результатам статистической обработки экспериментальных данных (метод ранговой корреляции Спирмена) в данной исследовательской работе, можно сделать **вывод**: 1). *не выявлены* гендерные различия психологического пола андрогинности в переживании определенных негативных психических состояний (фрустрации, агрессии и ригидности); 2). *выявлены* гендерные различия психологического пола андрогинности в переживании состояния тревожности у мальчиков. Возможными причинами таких показателей, предположительно, являются субъективные и объективные факторы, оказывающие влияние на переживание негативных психических состояний в старшем подростковом возрасте.

Следует отметить, что полученные результаты носят учебно-исследовательский характер и требуют проверки на большей выборке испытуемых с более содержательной диагностической базой.

Аспекты психологического отношения матери к ребёнку до и после родов

Артаева Н.Н.

Студент

Изучение готовности к материнству в последние годы ведется в разных аспектах: структура психологической готовности к материнству, мотивы сохранения беременности, особенности поведения во время беременности и другие аспекты. Проблема психологической готовности к материнству изучалась рядом авторов (Филипповой Г.Г., Мещеряковой С.Ю., Брутман В.М., Родионовой М.С.). Цель исследования выявить отношения беременных женщин к будущему ребёнку до и после родов. Мы исходили из того, что отношение матери к будущему ребёнку может быть как позитивным, так и негативным, проблемным, в зависимости от гармонии внутреннего мира женщины во время беременности. Для решения поставленной задачи был ранее разработан опросник на основе модели методики «Незаконченных предложений». Опросник содержит 8 блоков: отношение беременной к жизненным перспективам, отношение родителей беременной к её положению, жизненные функции женщины, страхи и опасения во время беременности, знания о ребёнке, нереализованные жизненные возможности, отношение родителей мужа к беременности, желание или не желание иметь ребёнка. А также была разработана схема наблюдения за контактом матери и ребёнка после родов, которая содержит 2 части: контакты во время и после кормления. Исследование проходило следующим образом: перед работой с опросником проверялся уровень личностной тревожности, а после опросника измерялась реактивная тревожность (методика Спилберга и Ханина), а после родов снова исследовалась тревожность (по методике Спилберга и Ханина) и проводилось наблюдение по схеме. В основу анализа полученных результатов положен метод сравнения данных двух выборок испытуемых: беременные первым или вторым ребёнком.

Основные результаты исследования сводятся к следующему. Беременные и первым, и вторым ребёнком показали высокую оптимистичность к будущему, негативное отношение к вмешательству в воспитание ребёнка, его будущими бабушками и дедушками, для большинства и первой, и второй ребёнок являлся желанным, что свидетельствует о наличии субъектного отношения матери к еще не родившемуся ребёнку, которое проявляется в любви к нему, мысленной или вербальной адресованности, стремлении интерпретировать движения плода как акты общения. Сравнительный анализ исследования материнства позволил выявить и некоторые различия в позиции между беременными первым и вторым ребёнком по ряду вопросов. Так беременные вторым ребёнком практически не интересуются дополнительной информацией о беременности, объясняя это тем, что всё уже знают. В блоке о жизненных функциях женщины на вопрос, что значит быть женщиной, беременные первым ребёнком основные акценты расставили на том, что важно быть любимой, привлекательной, а для беременных вторым важно быть матерью, показывая положительное отношение к материнству и готовность к появлению очередного ребёнка. Чаще сожалеют о нереализованных жизненных возможностях беременные первым ребёнком (сожалеют, что рано вышли замуж, не успели получить образование, прервался карьерный рост). Беременные же вторым ребёнком показали большую готовность к расширению семьи, по-новому определились с жизненными приоритетами. Находясь перед выбором между семьёй и реализации себя в какой-то сфере, они выбрали семью и уже поменяли ритм жизни в связи с первым ребёнком. Приспособившись, они знают, что и как лучше успеть, что реализовать во время беременности, что после рождения ребёнка. Беременные первым ребёнком часто не могут себе представить, во что им придется окунуться, в связи с этим, и повышен интерес к литературе о новорожденных, они ищут там ответы на вопрос «а что будет дальше?». Они боятся потерять свою привлекательность (из-за физиологических изменений), на этом фоне возникают также семейные и личностные проблемы (вдруг муж

Секция «Психология»

мне изменит; я же стала настоящей уродиной; не могу смотреть на себя в зеркало; а если у меня будет выкидыш, муж меня бросит).

По характеру преобладающего переживания период беременности делится на 3 этапа: принятия женщиной решения о сохранении беременности или её прерывании, начало движения плода, подготовка к родам и появлению ребёнка в доме. Любая беременность сопровождается семейным кризисом и оканчивается отказом или принятием нового члена семьи, поэтому гармония в семье во многом (если не полностью) будет зависеть от умения быть матерью. В ходе обработки данных по тревожности были выявлены следующие результаты: высокий уровень тревожности у беременных первым ребёнком до опросника составлял 26%, а после опросника 1%, в результате можно наблюдать снижение тревожности, что является показателем психотерапевтического эффекта при работе с опросником. У беременных вторым ребёнком наблюдалась обратная тенденция, до опросника было меньше женщин с повышенным уровнем тревожности, а после опросника их стало больше (соответственно 18% - 32%). Высокий уровень тревожности при работе с анкетой был обусловлен проблемностью следующих вопросов: если бы всё можно было вернуть назад, то Вы бы..., вам хочется перестать бояться..., большинство близких Вам людей не знают, что Вы боитесь, и большинство вопросов связанных с родителями, как самой беременной, так и с родителями мужа. Можно предположить, что высокая тревожность вызвана вопросами, о которых беременные раньше не задумывались, (так как иногда они, отвечая, признавались, что не думали об этом), поэтому эта тревожность является временной. Результаты по измерению уровня тревожности показали, что она значительно падает у обоих выборок (нет ни одного %с высокой, а остальные имеют либо низкую, либо умеренную тревожность). В результате наблюдения можно сказать, что во время кормления женщины обоих выборок общаются с ребёнком: поглаживая его по спине, рукам, голове, называют его солнышком, малышом, однако после кормления продолжали разговаривать с ребёнком лишь те женщины, которые относились к выборке беременные вторым ребёнком.

В результате можно сказать, что беременность переживается женщиной как сильнейший кризис, поэтому беременные вторым ребёнком находятся в более выгодном положении. Они более спокойны, уверены, большинство из них не испытывают постоянной тревоги, знают как лучше для ребёнка, и что можно ожидать в ходе беременности, они меньше подвержены стрессам, и они готовы снова стать матерью.

Литература

1. Брутман В.И., Родионова М.С. Формирование привязанности матери к ребёнку в период беременности // Вопросы по психологии, 1997, №6, с.38-47.
2. Захаров А.И. «Ребёнок до рождения и психология ребёнка» СПб. 1988г.
3. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии, 2000, №5, с. 18-27.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства М.: Издательство института психотерапии, 2002.

Психологические особенности юношей и девушек, проживающих в гражданском²⁹ и зарегистрированном браке

Байкова Л.А., Серпионова Е.И.

Студентка, соискатель

Московский педагогический государственный университет, Ленинградский

Государственный Университет им. А.С. Пушкина

E-mail: shmaka@mail.ru, serpionova2005@mail.ru

²⁹ Автор отдаёт себе отчет, в юридически необоснованном употреблении термина. Однако, для удобства взаимопонимания под «гражданским» браком в статье понимаются добровольные отношения между полами без регистрации органов ЗАГС.

С появлением в обществе новых форм семейных отношений и с кажущейся толерантностью к ним, отношение к супругам с официальным семейным статусом и с неофициальным до сих пор различно и неоднозначно. Скорее всего, каждая форма отношений выбирается людьми исходя, в первую очередь, из их личностных особенностей, однако исследований посвященных данному аспекту «семейной» проблемы весьма недостаточно, что делает наше исследование актуальным. Мы полагаем, что у молодых людей возрастного периода 19-24 года, предпочитающих разные формы отношений (официальная регистрация брака в ЗАГСе и незарегистрированное гражданский брак) существуют значимые психологические различия в защитных механизмах, акцентуациях характера и показателях нервно-психической неустойчивости, а также характерны специфические взаимосвязи защитного реагирования.

Целью стало выявить психологические различия молодых людей, предпочитающих гражданский и зарегистрированный брак в области психологических защит, нервной устойчивости и акцентуациях характера.

В исследовании приняли участие 60 испытуемых -15 пар. Одна группа (30 человек), предпочитающих зарегистрированный брак и проживающая в нем, вторая группа (30 человек), проживающих в гражданском браке. Что важно –возраст среднего стажа совместных устойчивых отношений с партнером составляет 3 года, максимальный-4 года.

Методики исследования: тест акцентуаций характера Карла Леонгарда, индекс жизненного стиля (Life Style Index) Плутчика – Келлермана, экспресс – методика «Прогноз» для оценки степени нервно-психической неустойчивости..

Результаты и обсуждение

У юношей, предпочитающих гражданский брак, выражены механизмы защиты – проекция и вытеснение. Проекция транслирует человеку девиз: «припиши свои недостатки другому». Это отказ брать ответственность за поступки на себя. Возможно, нежелание увидеть собственное отражение в другом, нежелание меняться и определенная ригидность установок и моделей поведения и побуждает избегать официальных отношений, а, при случае расставания, сказать, что виноват именно партнер и еще раз укорениться в том, что штамп в паспорте излишен. Вытеснение, девиз которого «забудь не то, что ты сделал, а почему», побуждает забыть истинные причины уже случившейся психотравмирующей ситуации. Чего же хотят забыть мужчины, как травматический опыт, ведь вроде бы еще ничего не случилось? При последующем индивидуальном собеседовании с группой юношей выяснилось, что они опасаются, что рано или поздно может возникнуть разговор об официальной регистрации отношений с женщиной, с которой он проживает. Получается, в случае, если он не собирается этого делать, не исключено сложное и эмоционально-травмирующее расставание, в котором мужчина может понимать, что именно он не готов принимать на себя данную ответственность, но, чтобы избежать чувства вины и других неприятных переживаний, психика успешно вытесняет воспоминания об истинных причинах расставания.

У девушек, предпочитающих зарегистрированный брак, выражен механизм замещения. Чаще всего замещение провоцируется чувством гнева в отношении или более сильного или значимого человека. Возможно, эти девушки способны найти замещающий объект, чтобы не срываться на партнере. Почему? Корреляционный анализ показывает, что реакция замещения у них связана с защитным механизмом отрицание. Девиз этого механизма «не замечай этого». Чего боятся осознать девушки, проживающие гражданским браком? Скорее всего - это та самая неуверенность в том, что женщина действительно нужна партнеру, порожденная вследствие зыбкости такого положения женщины. Однако впускать даже самую мысль о том, что мужчина не любит, раз не женится или не хочет жениться именно на ней - все эти осознания могут принести колоссальный вред психике женщины, поэтому она старается не замечать, игнорировать то, что повышает ее тревогу и усиливает внутренний конфликт. Возможно именно

Секция «Психология»

наличие выраженного механизма отрицание объясняет нам факты того, что после брака женщина, доселе жившая с этим же мужчиной, начинает меняться и предъявлять больше претензий – причиной на бытовом уровне кажется штамп в паспорте, а на психологическом – страх уменьшается, уверенность в себе повышается, и, как следствие защита отрицание перестает быть ведущей.

Для молодых людей обоих полов, предпочитающих узаконенные отношения, характерна рационализация.

Выяснилось, что юношей, отдающих предпочтение гражданскому браку, отличают такие акцентуации как возбудимый тип и тревожный. Напротив, юноши, живущие в зарегистрированном браке, обладают выраженными показателями акцентуированности по педантичному и эмотивному типам. Педантичные акцентуанты, при своих достоинствах, склонны долго переживать травмирующие события. Возможно, отсюда стремление делать все вовремя и по правилам. Официальная процедура создания семьи воспринимается также как правило. У девушек, предпочитающих законный брак, выражена только эмотивная акцентуация.

Юноши, предпочитающие несвободные от штампа отношения, по нашему исследованию обладают большей нервно-психической устойчивостью. Анализ также показал, что чем ниже нервно-психическая устойчивость, тем более часто используются механизмы проекции и отрицания у юношей, предпочитающих зарегистрированный брак; у девушек, предпочитающих зарегистрированный брак, чем выше уровень нервно-психической устойчивости, тем меньше выражена циклотимная акцентуация.

Полученные нами данные использовались при индивидуальной беседе с испытуемыми. Находим их ценными и полезными для практики психологического консультирования.

Проблема исследования прокрастинации в аспекте влияния культуры

Баранова Р.А.³⁰

Соискатель

*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, факультет
психологии,
Омск, Россия*

E-mail: baraya@rambler.ru

Прокрастинация – это откладывание выполнения задуманных, намеченных, своевременных, уместных действий на более поздний срок, что приводит к ухудшению качества работы и отрицательным эмоциональным реакциям.

Прокрастинация представляет собой комплексный, неоднородный в психологическом плане феномен, включающий в себя поведенческие, эмоциональные и когнитивные компоненты, тесно связанные с мотивационной сферой личности. Он проявляется прежде всего в поведении: в задержке выполнения необходимой деятельности, в откладывании принятия решения. К разнообразным формам этого психологического явления относятся также боязнь рисковать, составление грандиозных, но не исполняющихся планов и т.п. Основные сферы проявления прокрастинации – это профессиональная деятельность, забота о здоровье, а также обучение (академическая прокрастинация) [1, 2, 4, 5].

Неоспоримая актуальность проблемы, возрастающая в условиях современного общества, предъявляющего серьезные требования к самостоятельности и ответственности личности, инициировала активное изучение прокрастинации за рубежом (первые научные работы появились в США в 70-х гг. 20 века). При этом, несмотря на широчайшую распространенность этого психологического феномена в российской среде (что обусловлено как спецификой национального характера, так и неоднозначными последствиями распространения коммерческих форм обучения), в нашей стране

³⁰ Автор выражает признательность к. психол. н., доценту Карловской Н.Н. за помощь в подготовке тезисов.

практически отсутствуют исследования такого рода. Российские ученые обращались к разработке сходных понятий: лень, отсутствие силы воли, неразвитость организационных навыков, оптимизация индивидуального тайм-менеджмента. Однако как психологическое явление прокрастинация не сводится к вышеназванным конструктам [2].

Отсутствие исследований обусловлено и неразработанностью психодиагностического инструментария, направленного на оценку выраженности прокрастинации и различных ее параметров. Предварительные исследования, проведенные на факультете психологии ОмГУ в 2005-2007 гг., показали, что распространенные на западе методики (Шкала общей прокрастинации (General Procrastination Scale, Лэй К.) и Шкала прокрастинации (Procrastination Scale, Стил П.) в целом могут быть использованы для выявления прокрастинации, однако требуют модификации и адаптации с учетом российских условий.

Известно, что культура оказывает влияние на формирование я-концепции личности, во многом предопределяя восприятие мира, поведение и систему оценок окружающих явлений, в том числе и связанных с промедлением.

Например, как следует из определения, рассмотрение феномена прокрастинации связано с особенностями ориентации во времени и перспективе. Но люди из разных культур по-разному воспринимают ритм жизни, несмотря на то, что технически и объективно время должно быть для всех одним и тем же. «Правильное» время, или своевременность, устанавливаются с учетом культурного контекста. Выделяют моно- и полихронические нации. В культурной традиции первых подчеркивается ценность временных рамок, установленных сроков и графиков, обязательность и ответственность по отношению к выполняемой деятельности. Напротив, в полихронических культурах большую значимость приобретают межличностные отношения, а назначенные сроки вторичны, поддаются корректировке, одновременно выполняются несколько видов работ. Вероятно, при столь различном понимании ценности времени формируются различные поведенческие стратегии прокрастинаторов.

К другим характеристикам культуры, которые по нашему мнению могут быть связаны с феноменом прокрастинации, относятся избегание неопределенности и ориентация на индивидуализм либо коллективизм, описанные Г. Хофстеде.

Вопросы организации и планирования своей жизни таким образом, чтобы быть эффективным получают все большую актуальность в современном мире. Перед обществом встает вопрос о необходимости структурирования времени, так как человек постоянно находится в условиях неопределенности перед неизвестным и неизбежным будущим. Представители культур с высоким уровнем избегания неопределенности ориентируются на четкие правила или инструкции, отличаются потребностью к формализованным указаниям и нормам поведения, отличаются высоким уровнем тревожности, лихорадочностью в работе или «авральностью». В культурах с низким уровнем избегания неопределенности принято толерантное отношение к двусмысленностям и неопределенности, субъекты в сложных ситуациях импровизируют или проявляют инициативу, в целом ведут себя и работают более спокойно и систематично, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. По-видимому, традиционное отношение к неопределенности оказывает влияние на степень эмоционального переживания прокрастинации.

Культуры, ориентированные на индивидуализм или коллективизм, различаются силой связи между отдельным индивидом и обществом в целом [3]. Люди в индивидуалистических культурах движимы личными интересами, полагаются на себя, самостоятельно принимают решения и отвечают за последствия. В коллективистских обществах связи между индивидами значительно более крепкие: люди проявляют тенденцию включать окружающих в процесс принятия решений, спрашивая мнения и совета, разделяя с ними свою ответственность. Можно ожидать, что подобные

Секция «Психология»

особенности самодетерминации повлияют на прокрастинацию, способствуя или препятствуя ее проявлению.

Рассмотренные типы культурных отличий имеют важные последствия для ситуаций в реальной жизни. Они могут оказывать влияние на распространение проблемы прокрастинации, на силу эмоциональных переживаний при столкновении с откладыванием дел, на понимание самого феномена. Поэтому, поднимая вопрос об изучении прокрастинации, необходимо учитывать систему ценностей и мировоззрение, транслируемые тем или иным типом культуры.

Литература

1. Баранова Р.А., Карловская Н.Н. Взаимосвязь прокрастинации и параметров ответственности у студентов с разной академической успеваемостью // Активность и ответственность личности в контексте жизнедеятельности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 9-10 октября 2008 г. - Омск, 2008. – С. 17-21.
2. Карловская Н.Н., Баранова Р.А. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. - 2008. – №3. - С. 38-49.
3. Мацумото Д. Психология и культура – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
4. Ferrari J.R., Johnson J.L., McCown W.G. Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment. - N.Y., USA: Plenum Press - 1995.
5. Steel P. The nature of procrastination: A meta-analytic and theoretical review of quintessential self-regulatory failure // Psychological Bulletin. - 2007. - Vol. 133, N 1. - P. 65-94.

Динамика проявления власти в семье на разных этапах жизненного цикла

Белорукова Н.О.

Молодой ученый, кандидат психологических наук

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова,

Институт педагогики и психологии, г. Кострома, Россия

E-mail: belorukova@bk.ru

Тематика изучение власти является традиционной для социальной психологии. Однако, в настоящее время в современной отечественной психологии такой аспект, как особенности проявления власти в семье затрагивается в научных исследовательских работах крайне редко, является малораскрытым и практически не изученным в рамках психологии семейных отношений и взаимодействия. В то же время изучение феноменов и динамики проявления власти в семье представляется весьма интересным и немаловажным, так как может способствовать раскрытию факторов семейного взаимодействия, благодаря которым происходит выполнение важнейших семейных задач и функций, организация, контроль, управление семейной жизнедеятельностью.

Нами было проведено эмпирическое исследования с целью анализа динамики проявления власти в семье как малой группе. В исследовании принимали участие 324 испытуемых (162 супружеские пары) в возрасте от 18 до 62 лет, которых мы разделили на четыре группы: 1. Молодые супруги без детей (стаж брака до 2 лет), количество семей 50, 50 мужей и 50 жен, средний возраст супругов 24 года; 2. Семьи с маленькими детьми до 3 лет, количество семей 35, 35 мужей и 35 жен, средний возраст супругов 27 лет; 3. Семьи с детьми-подростками, количество семей 50, 50 мужей и 50 жен, средний возраст супругов 43 года; 4. Зрелые супруги на стадии «пустого гнезда», количество семей 27, 27 мужей и 27 жен, средний возраст супругов 55 лет.

В исследовании были использованы следующие методики: «Распределение ролей в семье» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской (1987); «Ролевые ожидания

Секция «Психология»

партнеров» (РОП) А.Н. Волковой (1979); «Распределение социальной власти в семье» (2008), разработанная нами на основании модели социальной власти Д. Френча и Б. Рэйвана специально для целей данного исследования и апробированная в нем. Методика предназначена для выявления специфики реализации в семье пяти типов социальной власти: вознаграждающей, наказывающей, легитимной, экспертной и референтной.

В результате эмпирического исследования были получены следующие результаты.

Было доказано, что на каждом из изучаемых этапов жизненного цикла семьи существует определенная специфика и динамика распределения ролей между супругами. Так, молодыми супругами на первом этапе жизненного цикла семьи единогласно признается, что роли *семейного психотерапевта* и *организатора развлечений* выполняет жена. Роли *сексуального партнера* и *ответственного за материальное обеспечение семьи* супруги считают приоритетными для обоих. За выполнение ролей *хозяина дома* и *организатора семейной субкультуры* между супругами существует борьба. В период рождения в семье первого ребенка супруги обоюдно признают, что реализация всех внутрисемейных дел и функций (роли *воспитателя, хозяйки дома, семейного психотерапевта, организатора семейной субкультуры*) отводится жене. Тогда как муж активно выполняет роли *сексуального партнера* и *ответственного за материальное обеспечение семьи*. В период подросткового возраста ребенка обоими супругами роли *воспитателя детей, хозяйки дома, организатора развлечений, семейного психотерапевта, организатора семейной субкультуры* единогласно отдаются жене. При этом они отмечают, что роли *ответственного за материальное обеспечение семьи* и *сексуального партнера* супруги делят поровну. Зрелые супруги на стадии «пустого гнезда» отмечают, что роли *воспитателя детей, семейного психотерапевта, организатора семейной субкультуры* принадлежат жене. Роль *ответственного за материальное обеспечение семьи* отводится мужу. Роли *хозяина дома, сексуального партнера* и *организатора развлечений* супругами выполняются совместно.

Было выявлено, что реализация и проявление власти в семьях на разных этапах жизненного цикла также характеризуется определенной спецификой и имеет свою динамику. Так, молодыми супругами на первом этапе жизненного цикла семьи единогласно признается, что обладателем *легитимной* и *вознаграждающей* власти в семье является муж. Супруги обоюдно видят в лице друг друга носителей *экспертной* и *референтной* власти. В отношении *наказывающей* власти наблюдается дисбаланс – мужья считают себя уполномоченным применять наказывающие санкции в семье, в то время как жены указывают на совместную реализацию данного типа власти. Также по оценкам молодых супругов нередко родители и старшие сестры выступают значимыми носителями *наказывающей, экспертной* и *легитимной* власти в их семье, «осуждают молодых супругов, советуют им и оказывают помощь в разрешении жизненных трудностей». В период рождения в семье первого ребенка в распределении между супругами социальной власти наблюдаются существенные противоречия. Мужья приписывают исключительно себе реализацию в семье *легитимной* и *вознаграждающей* власти, тогда как жены указывают на совместное обладание данными видами властных полномочий. Супруги признают совместное обладание *наказывающей* и *экспертной* власти в семье. Носителем *референтной* власти единогласно признается муж. Также супруги отмечают, что родители и маленький ребенок нередко являются обладателями *экспертной, вознаграждающей* и *референтной* власти в их семье – родители материально поощряют, маленький ребенок «вызывает сильные позитивные эмоции, ему как никому другому прощаются слабости». В период подросткового возраста ребенка супруги признают совместное обладание *легитимной* властью в семье. Мужья указывают также на совместное обладание *вознаграждающей* и *наказывающей* властью в семье, в то время как жены считают, что исключительно они контролируют поведение членов семьи посредством наказаний и поощрений. При этом супруги единогласно признают друг в друге носителей *экспертной* и *референтной* власти. Также супруги-родители подростков

Секция «Психология»

считают, что нередко бабушки, их старшие братья и дети-подростки выступают носителями *вознаграждающей, экспертной и референтной власти* в их семье, «оказывают поддержку советами, способствуют сплочению семьи, сглаживают острые углы, налаживают мир во время конфликтных ситуаций». Зрелые супруги на стадии «пустого гнезда» отмечают, что носителем *легитимной* власти в семье является муж. При этом они обоюдно признают в лице друг друга носителей *экспертной, наказывающей, вознаграждающей и референтной* власти. Также они отмечают, что родители и дети нередко выступают значимыми носителями *наказывающей, экспертной и легитимной власти* в их семье, «осуждают за невыполнение норм и правил поведения, советуют, вызывают позитивные эмоции».

Также мы выявили, что сложившаяся система реализации социальной власти в семье и реальное распределение ролей далеко не всегда совпадают с ожиданиями супругов друг от друга и их притязаниями в семейном взаимодействии. Оказалось, что совпадение ожиданий и притязаний с реально выполняемыми супругами ролями и реализацией властных полномочий в семье достигается лишь к периоду «пустого гнезда». Тогда как на более ранних этапах семейного развития наблюдается более или менее выраженный дисбаланс, характеризующийся ролевым напряжением, борьбой за лидерство и власть, столкновениями и поиском супругами себя в системе внутрисемейных взаимоотношений. Такой дисбаланс на начальных этапах семейного развития нередко может приводить к ролевым конфликтам и ссорам между супругами, недовольству друг другом и семейной жизнью, снижению общей удовлетворенности браком.

Таким образом, мы видим, что существует значительная динамика проявления власти в современной семье, во многом формирующая качество внутрисемейного функционирования и семейной жизнедеятельности.

Феноменология становления профессионального самоопределения подростков с нормальным и делинквентным развитием

Богдан Е.С.

аспирантка

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

E-mail: tигра862003@rambler.ru

Мы с вами живем в стране обеспеченной огромными запасами природных ресурсов, но многими людьми отмечается, что богатство страны заключается не только в этих ресурсах, а в первую очередь в людях, которые могли бы эти ресурсы максимально эффективно использовать и поднимать нашу страну на более высокие уровни развития. Но на данный момент сложилась такая ситуация, что настоящих специалистов, профессионалов своего дела не так уж много. Возможно, одной из причин такой ситуации явился неверный выбор профессии в юности.

Известно, что период 14-18 лет – возраст самоопределения. Человеку необходимо, завершая определенный этап своей жизни, спланировать дальнейший путь. Но оказывается, многие не готовы как к выбору, так и к принятию ответственности за него. Особенно такое положение касается категории подростков с делинквентным (противоправным) поведением. Подходя к этапу профессионального самоопределения, они не только не готовы выбрать профессию, но многие даже не хотят этого делать. Ребята не осознают необходимости в получении специальности для того, чтобы самореализоваться в данной профессии с целью обеспечения своего существования в обществе. И возвращаясь после окончания школы в прежнюю среду, продолжают вести асоциальный образ жизни, что явно не способствует социальному благополучию их окружения и общества в целом.

Социальную ситуацию развития таких подростков мы не в силах изменить, так же нам неподвластно повернуть время вспять. Одним из выходов из сложившейся ситуации мы

Секция «Психология»

рассматриваем совместную с подростками работу по становлению профессионального самоопределения, чтобы они, выходя из учреждений закрытого типа, имели возможность продолжить свою жизнь социально приемлемым способом.

Первым этапом в данном направлении для нас стало изучение на основе анализа имеющихся психолого-педагогических подходов и создания собственной модели организации работы, феноменологии становления профессионального самоопределения подростков с нормальным и делинквентным развитием.

Опираясь на материал, полученный в результате теоретического анализа литературы, для достижения поставленной нами цели был разработан развивающий курс «Мой профессиональный выбор», который впоследствии был апробирован на 2 группах подростков (с нормальным и делинквентным развитием). Экспериментальная схема представлена в таблице №1.

Таблица №1. Экспериментальная схема исследования

ЭГ1	О1	X1	X2	...	X10	О2
ЭГ2	О3	X1	X2	...	X10	О4

ЭГ1 – группа подростков из школы закрытого типа в количестве 6 человек

ЭГ2 – группа 11-классников из МОУ лицей №3 в количестве 10 человек

О – процедура пре- и постэкспериментального контроля

X – экспериментальное воздействие

Анализ актуального уровня профессионального самоопределения подростков с делинквентным поведением позволяет судить о том, что ориентировка в основных его компонентах минимальна. У ребят преобладает ценность мгновенного обогащения без приложения усилий и без личной ответственности. Им представляется, что все дается просто: как я захочу, так и будет.

Разработанная нами программа развивающего курса создавалась с опорой на научные воззрения Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, а в качестве смысловых единиц были взяты компоненты личной профессиональной перспективы (ЛПП) по Н.С. Пряжникову. Курс позволял учесть особенности подросткового и раннего юношеского возраста и создать все предпосылки для формирования полноценной ориентировки школьников в средствах и условиях, необходимых для осуществления процесса выбора профессии. Разработанные развивающие занятия позволили выявить ряд феноменов в становлении профессионального самоопределения у данной категории подростков:

1. Подростки с делинквентным поведением не готовы к работе в группе (совместной деятельности), у них плохо развиты средства взаимодействия (в частности позитивного взаимодействия). Наблюдаются сложности в формулировании высказываний касающихся темы занятий.

2. Отмечается сложность проведения диагностики в форме тестов, различного рода игр, ребята больше готовы к работе над проблемными ситуациями с постепенным переходом к другим видам деятельности (хорошо запоминают материал, который дается на слух с применением примеров).

3. Подросткам-правонарушителям более свойственна ориентация на самопринятие, и слабо выраженная мотивация к развитию. Наблюдается недооценка таких важных аспектов выбора, как необходимость честного труда, наличие и преодоление внешних препятствий.

Потребовалось достаточное количество усилий, чтобы вывести подростков на качественно иной уровень. Если для подростков с нормальным развитием одного курса развивающих занятий достаточно, для того чтобы выйти на качественно более высокий уровень профессионального самоопределения, то для подростков с делинквентным поведением необходимо организовывать ряд подготовительных процедур. При грамотной организации психологического сопровождения опанта в его профессиональном

Секция «Психология»

самоопределении, данный процесс можно вывести на иной качественный уровень. В связи с этим подростки с делинквентным поведением, выходящие из специальных учреждений закрытого типа будут иметь возможность реализовать себя в честном труде и продолжить жизнь социально приемлемым способом. Ведь «Если человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным».

Литература

1. Зеер, Э.Ф. Профориентология: Теория и практика: Учеб. Пособие для высшей школы / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Н.О. Садовникова. - М.: Академ. Проект; 2004. – 192 с.
2. Климов, Е.А Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для вузов / Е.А. Климов. – М.: Издат. центр «Академия», 2005. – 304.
3. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Междунар. гуманит. Фонд «Знание», 1996 г. – 309 с.
4. Пряжникова, Е.Ю. Профориентация: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 496 с.
5. Психологическое сопровождение выбора профессии / научно – метод пособие / под ред. Л.М. Митиной. – М.: Изд-во «Флинта»; Моск. псих.-соц. ин-т. 2003. – 184 с.

Исследование различий выраженности эгоизма у молодых людей, состоящих в браке и не состоящих в браке

Бондарева О.В.

Аспирант

Кубанский Государственный Университет, факультет Управления и Психологии, г.

Краснодар, Россия

E-mail: conseousness@rambler.ru

Согласно теории этического эгоизма, человек имеет доминирующую обязанность по отношению к самому себе, следовательно, для него значимы лишь его собственные интересы. Он ограничивает их только рамками собственного Я, тогда как неэгоистичная личность включает в свое Я заботу о других и рассматривает себя как часть целого. Другими словами, эгоизм обнаруживается, главным образом, в области целенаправленного поведения. Поэтому отличительными особенностями эгоиста являются, во-первых, направленность целей исключительно на самого себя и, во-вторых, несогласованность средств достижения целей с общепринятыми нормами, защищающими права каждого индивида и обеспечивающими справедливость в обществе.

Следует заметить, что исследования феномена эгоизма достаточно распространены в зарубежной психологии, но в России данная проблематика практически не изучена ни теоретически, ни эмпирически. Единственная философско – этическая книга, посвящённая этой проблеме, была издана более 30 лет назад Петровым Э.Ф. и содержала в себе разработку проблематики в контексте марксистских представлений. В советском обществе превалировал взгляд на эгоизм, как на отрицательное явление и это не позволяло сформировать целостное представление о данном явлении.

Хотелось бы особо отметить вклад, внесённый в изучение эгоизма отечественным исследователем Муздыбаевым К. Он смог с помощью целого ряда методик выделить основные психологические корреляты эгоизма, что позволило углубить представления о данном феномене.

Целью данного исследования стало выявление различий в выраженности эгоизма среди молодых людей, состоящих в браке и не состоящих в браке.

Объем выборки составил 120 человек в возрасте от 19 до 30 лет. Выборка представляет собой 2 группы: 1 группа - супружеские пары (80 человек), 2 группа - респонденты, не состоящие в браке (40 человек).

Для сбора эмпирического материала были использованы следующие методики. Для выявления уровня эгоизма личности использовалась методика «Шкала диспозиционного

Секция «Психология»

эгоизма» К. Муздыбаева. Шкала была разработана учеными Института социологии РАН (Санкт-Петербург) под руководством Муздыбаева К. в 1997 г., состоит из 10 суждений. Для выявления различий в представлениях респондентов с различным уровнем эгоизма о разных аспектах собственного и чужого эмоционального самораскрытия использовалась анкета «Диагностика представлений личности об эмоциональном самораскрытии», разработанная М.Н. Тепиной и И.П. Шкуратовой, включающая 9 шкал: семейные традиции, эмоциональность, потенциальное эмоциональное самораскрытие, реальное эмоциональное самораскрытие, функции эмоционального самораскрытия, отношение к чужому эмоциональному самораскрытию, выбор партнёра, искренность и языковые трудности.

Сравнение уровня эгоизма в группах респондентов, показало, что эгоизм выше у респондентов, не состоящих в браке. При сравнении уровня эгоизма в группе супружеских пар было выявлено наличие нескольких подгрупп респондентов:

1. супружеские пары, где оба супруга имеют достаточно высокие показатели эгоизма;
2. пары, где один супруг имеет высокий эгоизм, а второй – низкий;
3. пары, где оба супруга имеют низкие показатели уровня эгоизма.

В парах с различными показателями эгоизма у супругов, чаще встречались более высокие показатели у жены, чем у мужа. Супружеские пары, где у обоих супругов обнаружилось высокие показатели эгоизма, представлены в выборке наравне с супружескими парами с низкими показателями эгоизма у обоих супругов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень эгоизма различается у молодых людей, состоящих в браке и не состоящих в браке. Полученные результаты можно объяснить тем, что молодые люди, вступившие в брак, стремятся учитывать интересы Значимого Другого в организации общего супружеского пространства, порой пренебрегая собственным эгоизмом, в то время как молодые люди, не состоящие в браке, в ситуации со-бытия со Значимым Другим оказываются гораздо реже. Также полученные результаты можно объяснить предположением о том, что молодые люди с низким уровнем эгоизма готовы гораздо раньше создавать семью и разделять общее пространство с другим человеком, в то время как молодым людям с высоким уровнем эгоизма это сделать гораздо сложнее.

Литература

1. Муздыбаев К. (2000) Эгоизм личности // Психологический журнал, Т. 21., №2.
2. Славская А.Н. (1999) Соотношение эгоцентризма и альтруизма личности: Интерпретации // Психологический журнал, Т.20, №6.
3. Субъект, личность и психология человеческого бытия (2005) / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд – во «Институт психологии РАН», 2005.
4. Тиводар А.Р. (2008) Психология со-бытия личности в браке. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.

Возможности становления и развития коммуникативных способностей женщины в условиях дородовой подготовки

Бровкова Ю.И.

аспирантка

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: yulia-brovkova@yandex.ru

Условия для гармоничного развития ребенка закладываются в детско-родительском взаимодействии. Младенчество – это тот период, когда основное время ребенок проводит с мамой, они составляют диаду. Задача мамы – способствовать оптимальному развитию ребенка, организуя гармоничное взаимодействие. Предполагается, что предпосылками для такого взаимодействия являются индивидуальные особенности женщины, а именно ее коммуникативные способности и характеристики отношения к ребенку.

Секция «Психология»

Коммуникативные способности матери включают в себя принятие и отзывчивость. Принятие – это безусловное эмоционально теплое отношение к ребенку. Отзывчивость в свою очередь выражается: во внимании матери к действиям и коммуникациям ребенка (чувствительность матери); в эмпатическом понимании чувств, мыслей и состояний ребенка; в адекватном реагировании на его действия, эмоции с учетом возраста, индивидуальных особенностей (отзывчивость); в уважении индивидуальности ребенка, его интересов, привязанностей, мнений, что исключает постоянное раздражение матери и применение к ребенку физических наказаний (толерантность); в содействии матери ребенку в общении и действиях с предметами (включенность во взаимодействие с ребенком).

Сейчас в психологии известно, что диада «мать-дитя» появляется еще задолго до появления ребенка на свет. Женщина во время беременности прорабатывает свое общение с малышом, используя при этом уже имеющиеся потенциалы. Важно понять, можно ли развивать коммуникативные способности, чтобы уже в пренатальном периоде заложить предпосылки гармоничного взаимодействия с младенцем? Возможно, что дородовая подготовка может обеспечить становление или развитие способностей матери.

Дородовая подготовка – это физическая и психологическая подготовка беременных женщин к процессу родов и уходу за новорожденным. В настоящее время можно наблюдать широкий спектр центров, которые предлагают разнообразные варианты подготовки к родам и материнству. Это и психотерапевтическая работа на личностном и эмоционально-потребностном уровне, включающая работу на принятие родительской позиции, работу по минимизации влияния конкурирующих ценностей и гармонизации супружеских отношений. Такая работа также может быть направлена на преобладание адекватных мотивов рождения ребенка. Посещая занятия, женщина получает эмоциональную поддержку.

Кроме того, занятия по дородовой подготовке являются местом, где женщина получает всю интересующую ее информацию о беременности, родах, новорожденном ребенке от компетентного специалиста, опыт общения с другими беременными женщинами, учится поведению в родах (дыхание, родовые позиции, работа с голосом), а также осваивает дородовую и послеродовую гимнастики.

Таким образом, целью данного исследования было изучение динамики коммуникативных способностей у женщин, посещающих занятия дородовой подготовки. Гипотеза исследования состоит в том, что посещение женщиной дородовой подготовки способствует развитию ее коммуникативных способностей.

Для сбора эмпирических данных использовались 2 набора методических материалов. Один был направлен на диагностику коммуникативной компетентности, в него входили: методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко, методика диагностики общей коммуникативной толерантности (модификация методики диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко) и опросник на определение типа реагирования в сложных коммуникативных ситуациях, отражающего уровень коммуникативной компетентности (авторская методика). Второй набор был направлен на диагностику особенностей материнского отношения к ребенку и включал в себя рисуночную методику «Я и мой ребенок» (Г.Г. Филиппова, Е.И. Захарова), позволяющую изучить образ ребенка у матери, отношение к ребенку, к себе в роли матери, к материнству; анкеты для беременных (М.Е. Ланцбург), позволяющие оценить наличие тревожности, субъективизации и ориентации на ребенка, чувствительность и отзывчивость матери, эмоциональный фон; опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) (модифицированный нами вариант для беременных женщин), выявляющий представления женщин об ожидаемых особенностях эмоционального взаимодействия с младенцем.

В исследовании принимали участие 54 беременных женщины в возрасте от 20 до 40 лет, срок беременности которых был от 11 до 36 недель. Из них 27 женщин посещали

Секция «Психология»

занятия по дородовой подготовке. Исследование было выполнено на базе семейного центра «Волшебный ребенок», школы для будущих родителей «Новые люди», «Школы для пап и мам», центра родительской культуры «Возрождение».

По результатам проведенного исследования были обнаружены неблагоприятные особенности отношения матерей из группы подготовки. Эти женщины больше ориентированы на себя, чем на ребенка, и чаще демонстрируют амбивалентное отношение к нему. Хотя при этом имеют более адекватные представления о необходимости ориентации на состояние ребенка при реальном взаимодействии.

Полученные данные показали, что занятия по дородовой подготовке привели к некоторым положительным изменениям: повышение интуиции, уровня эмпатии и толерантности в целом, субъективизации. Хотя эти изменения не были статистически значимыми. Важно отметить, что после подготовки увеличился процент женщин, принимающих материнство и занимающих позицию, адекватную родительству, т.е. повысилось чувство ответственности и готовность к опеке, охране и заботе о младенце. Также можно наблюдать снижение тревожности. Но при этом чувствительность матерей и способность к дифференциации шевелений понизилась, что соотносится с результатами о повышении ориентации женщин на себя. Повышение отзывчивости, в свою очередь, соответствует повышению субъективизации у женщин. Причины отсутствия значимых изменений могут быть связаны с особенностями женщин, которые приходят на дородовую подготовку, а также с содержанием занятий. Женщины ориентированы на себя, поэтому элементы занятий, которые косвенно реализуют задачи повышения ориентации на ребенка, чувствительности к его состояниям, умение понимать его и адекватно реагировать, возможно, остаются ими незамеченными. Но и содержание занятий не включает в себя блок на развитие компетентности матери во взаимодействии с младенцем.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование показало, что дородовая подготовка не обеспечивает условий для развития (совершенствования) таких коммуникативных способностей как эмпатия и толерантность. В ходе подготовки они значимо не меняются.

Хотя полученные различия не достигли уровня статистической значимости, в ходе дородовой подготовки были получены следующие эффекты: повышение интуиции, уровня эмпатии и толерантности; увеличилось количество женщин, демонстрирующих субъектное отношение к ребенку и принимающих материнство; повышение отзывчивости к состояниям ребенка; снижение тревожности у женщин. Можно говорить о благоприятных тенденциях. Возможно, дородовая подготовка закладывает условия для развития этих качеств в последующем.

Литература

1. Выготский Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т.4. – М., 1984. – 433 с.
2. Исенина Е.И. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери // Журнал практического психолога, тематический выпуск «Перинатальная психология и психология родительства». – 2003. – № 4-5.
3. Филиппова Г.Г., Захарова Е.И., Печникова Е.Ю. Беременность. Консультации акушера-гинеколога, психолога. – М.: Эксмо, 2008. – 224 с.

Особенности словесных репрезентаций эмоций и чувств музыкально одарённых подростков

Бычкова И.М.

Аспирантка

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь*

E-mail: evrisha@tut.by

Секция «Психология»

В последнее время внимание психологов всё больше привлекают эмоции не сами по себе, а то, как говорят и думают о них люди в повседневной жизни и что входит в содержание эмоциональных репрезентаций.

Способность к осознанию эмоций не дана человеку изначально, она вырабатывается в процессе развития. Характер репрезентаций эмоций зависит от возрастных и индивидуальных характеристик испытуемых и специфики их образования [2]. Известно, что музыкальная деятельность способствует расширению, углублению, усложнению эмоциональной сферы личности, так как музыка является одним из самых эмоциональных видов искусства. Подростковый возраст связан с активным формированием личности и является сензитивным периодом для эмоционального развития личности. Поэтому именно данный возраст представляет интерес для изучения ментальных репрезентаций эмоций.

Целью нашего исследования являлось изучение словесных репрезентаций музыкально одарённых подростков.

Исходя из того, что преобладающим у человека является вербальное выражение эмоций и чувств, связанное с особым значением языка как средства знаковой репрезентации мира, использование методик, основанных на словесных отчётах испытуемых эффективно и достаточно валидно [3, с.107].

В качестве методики исследования мы использовали ретроспективный самоотчёт подростков об эмоциях и чувствах, доминирующих у них в различных ситуациях: в ситуациях учебной деятельности, отдыха, общения с друзьями, общения со взрослыми, общения с искусством и общения с природой.

Анализ содержания полученных от учащихся данных осуществлялся посредством использования метода контент-анализа, качественного и количественного анализа, методов математической статистики. Нами были составлены частотные словари терминов-описаний эмоций и чувств по заданным ситуациям.

В исследовании принимали участие музыкально одарённые учащиеся гимназии-колледжа при Белорусской государственной академии музыки. Контрольную группу (для сопоставления результатов) составили учащиеся общеобразовательной школы г. Минска. Средний возраст испытуемых – 13-15 лет.

Исходя из полученных нами данных, можно кратко сформулировать следующие выводы.

Для музыкально одарённых подростков в ситуации учебной деятельности, которая непосредственно связана с музыкой, характерны такие эмоции как *вдохновение, восхищение, удовлетворение, наслаждение*. Особое место занимают интеллектуальные эмоции, среди которых можно выделить *интерес, заинтересованность, увлеченность, любопытство, любознательность, огорчение*.

Рассматривая эмоции и чувства, доминирующие у учащихся в «ситуации отдыха», следует отметить, что учащиеся контрольной группы назвали только положительные эмоции. У учащихся экспериментальной группы этот список включает также *скуку, грусть, уныние*.

В ситуации «общения с друзьями», одинаково часто представленными в обеих выборках оказались такие термины, как *радость, веселье, счастье, интерес*, свидетельствующие о важности общения с понимающими друзьями и его положительном влиянии на эмоциональную сферу подростка.

Наличие в обеих выборках отрицательных эмоций – *злость, обида, разочарование, боль, непонимание, ревность* – говорит о том, что среди подростков возникают определенные требования к дружеским отношениям.

Количественный анализ данных категории «общение со взрослыми» позволил выявить соотношение положительных и отрицательных эмоций. У учащихся экспериментальной группы это соотношение составляет 2:1, у учащихся контрольной группы – 1:3 соответственно. Следует подчеркнуть, что наибольшую частотность среди музыкально одарённых учащихся имеет *чувство уважения*. В словаре учащихся

Секция «Психология»

экспериментальной группы также присутствуют термины *любовь и благодарность*, относящиеся к нравственным чувствам.

Анализ доминирующих эмоций и чувств в ситуации «общения с искусством» показал, что число использованных терминов у учащихся контрольной группы в два раза меньше, чем у учащихся экспериментальной группы. Такие отрицательные эмоции как *скука, безразличие, занудность* встречаются только в словаре учащихся контрольной группы.

Следует отметить широту диапазона испытываемых учащимися эмоций и чувств в ситуации общения с искусством, среди которых можно выделить такие, как *интерес, восхищение, вдохновение, восторг, волнение, наслаждение, чувство красивого, упоение*. В то же время здесь присутствуют *отвращение, разочарование, раздражение, печаль, злость, боль, горе*.

Полученные данные в ситуации «общения с природой» показали, что для музыкально одарённых учащихся характерно использование терминов-описаний эстетических чувств: *восхищение, восторг, чувство красивого, созерцательность, упоение* и др.

Среди учащихся обеих групп наибольший отклик вызвали ситуации учебной деятельности и общения со сверстниками, а наименьший – общение со взрослыми. Данный факт согласуется с принятыми в психологии положениями о том, что в подростковом возрасте ведущим видом деятельности является общение со сверстниками, а общение со взрослыми отходит на второй план.

Следует обратить внимание на то, что девочки в двух выборках во всех предложенных ситуациях назвали больше терминов, чем мальчики. Это подтверждает данные ранее проведенных исследований о том, что в подростковом возрасте обнаруживаются определённые гендерные различия в сфере понимания эмоциональных состояний: девочки в целом лучше, чем мальчики вербализуют свои чувства [1].

Музыкально одарённые подростки имеют меньшие показатели среднего количества слов на человека во многих ситуациях. Однако их словарь терминов богаче и разнообразнее. Только учащиеся экспериментальной группы употребили такие термины как *боль, доверие, чувство гармонии, чувство красивого, чувство прекрасного, уныние, упоение, блаженство* и др.

Таким образом, словесные репрезентации эмоций и чувств музыкально одарённых подростков имеют ряд особенностей, обозначенных выше.

Литература

- 1.Березовская, Т.П. Эмоциональное развитие старшекласников в детском театральном объединении (гендерный аспект) / Т.П. Березовская // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 5-ой междунар. междисциплинарной научно-практич. конф. 6-7 ноября 2002 г., г. Минск. – Минск, 2003. – С. 196-198.
- 2.Подпругина, В.В. Ментальные репрезентации эмоций у учащихся общеобразовательной школы и школы искусств / В.В. Подпругина, И.В. Блинникова // Психологический журнал. – Том 23. – 2002. – № 3.- С. 31 -44.
- 3.Рожина, Л.Н. Развитие эмоционального мира личности: пособие для учителей и практических психологов / Л.Н. Рожина. – Мн.: Выш. Шк. , 2003. – 272 с.

Психологические особенности личности, мотивированной на успех

Валитова В.Р., Зайцева Я.Н.³¹

*Студентки третьего курса психолого-педагогического факультета
Северо-Осетинский государственный педагогический институт, Владикавказ, Россия*

E-mail:switty_vi@mail.ru

chipi-small@mail.ru

³¹ Авторы выражают признательность доценту, к.псх.н Павловец Г.Г. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

Успех как социально-психологический феномен является одной из ведущих жизненных ценностей человека. Потребность в успехе является одной из фундаментальных и жизненно важных. В ее основе лежит мотивация достижения, стремление личности к самосовершенствованию, потребность в самоактуализации, в желании достичь большего, преодолев ранее достигнутый уровень и др.

Ведущими факторами, определяющими успешность человека является степень его самосознания и самопритятия, а также осознание смысло-жизненной необходимости приложения определенных усилий для достижения личностной комфортности и социального признания.

Проблеме мотивации и достижения успеха посвящено большое число монографий, как отечественных (В.Г. Асеев, В.К. Вилюнас, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, П.М.Якобсон), так и зарубежных авторов (Дж. Аткинсон, Г. Холл, А. Маслоу, Х. Хеккаузен и др.). Обилие литературы по данной проблеме сопровождается и многообразием точек зрения на их природу.

В психологии создана и детально разработана теория мотивации достижения успеха и избегания неудач. Основателями этой теории считаются Д. Макклелланд, Д. Аткинсон, Х. Хеккаузен.

Изучение проблемы исследования психологических особенностей личности, мотивированной на успех, особенно становится актуальной в период проводимых реформ. В современных условиях развития нашего общества особенно востребованы специалисты нового типа: активные, инициативные, предприимчивые, коммуникабельные, обладающими профессиональными компетенциями и ориентированные на мотивацию достижения успеха во всех областях жизнедеятельности. Особенно это становится важным для вузов, готовящих специалистов психолого-педагогических специальностей, т.к. от того, какие специалисты придут в современную, реформируемую средне-образовательную школу, во многом зависит не только качество подготовки выпускников школ, но и их личностное развитие.

Целью нашего исследования явилось изучение психологических особенностей современных студентов педагогического вуза, ориентированных на достижение успеха. Мы, предположили, что личность, ориентированная на успех, очень активна и инициативна и при встрече с препятствием ищет способы их преодоления и отличается настойчивостью в достижении цели, планируя свое будущее на большие промежутки времени.

Проведенное исследование показало, что, психологические особенности личности, мотивированной на успех, связаны с направленностью личности, ее самооценкой, уровнем притязаний, локализацией уровня субъективного контроля, интеллектом, мобильностью, гибкостью, позитивным отношением к своему успеху.

Для личности, мотивированной на успех, характерны такие особенности, как: четкое осознание целей и задач, направленных на реализацию личных и профессиональных решений; стремление к приобретению знаний и навыков эмоциональную удовлетворенность процессом и результатом жизнедеятельности.

Современное институтское образование должно стремиться к формированию специалистов нового типа – профессионалов, ориентированных на успех. Этому во многом способствует личностно-ориентированный подход, делающий ставку на активность, творческую инициативность, самостоятельность современных студентов.

Литература:

1. Гордеева Т.О. (2006) Психология мотивация достижения. М.: Академия.
2. Ильин Е.П. (2006) Мотивация и мотивы. СПб.: Питер.
3. Коваленко Е.П. (2003) Психология успеха. СПб.: Нева.
4. Менегетти А. (2001) Психология лидера. М.: Владос.
5. Хеккаузен Х. (2001) Психология мотивации достижения. СПб.: Речь.

Особенности половозрастной идентификации старших дошкольников в условиях отцовской депривации

Власюк О.А.

студентка

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,

Факультет дошкольного образования, Минск, Беларусь

E-mail: ASYCVETLAY@yandex.ru

Пол – есть фундаментальное биосоциальное свойство индивидуальности, одна из первых категорий, в которой ребенок осмысливает собственное «Я». В старшем дошкольном возрасте ребенок уже четко идентифицирует себя с определенным полом и возрастом. Анализ научной литературы показал, что у детей воспитывающихся в условиях отцовской депривации и не имеющих образца для половой идентификации возможны определенные нарушения в данной области.

Результаты различных исследований отечественных и зарубежных психологов подтверждают факт негативного влияния отцовской депривации на развитие личности ребенка. Так, чешские исследователи Й. Лангмейер и З. Матейчек, выделяют феномен отцовской депривации и описывают в своем труде специфические особенности воспитания в неполной материнской семье [3]. Известный психиатр А. И. Захаров в работе посвященной неврозам, отмечает высокий процент частоты возникновения данного вида расстройств у детей воспитывающихся без участия отца [4]. Исследования профессора И. Кона *и данные психологической практики*, свидетельствуют об более низком уровне притязаний, трудностях в общении и налаживанием контактов со сверстниками и усвоении мужских ролей у мальчиков данной группы [2, 4, 5].

На основании этого нами было проведено исследование группы старших дошкольников воспитывающихся в условиях отцовской депривации. Выборка состояла из сорока человек, поделенных на две группы. Детей, воспитывающихся в полной и неполной семье соответственно. Экспериментальное исследование было посвящено теме детского самосознания на предмет половозрастной идентификации, использовалась одноименная методика Н.Л. Белопольской [1]. стиль

Проведение эксперимента заключалось в предложении ребенку стимульного материала в виде двух наборов *карточек (по 6 штук)*, на которых персонаж мужского или женского пола изображен в разные периоды жизни от младенчества до старости. Исследование проводилось в два этапа. Задачей первого являлась оценка возможности ребенка идентифицировать свой настоящий, прошлый и будущий половозрастной статус. Другими словами, проверялась способность ребенка к адекватной идентификации своего жизненного пути. На втором этапе исследования сравниваются представления ребенка о Я-настоящем, Я-привлекательном и Я-непривлекательном. Из предложенных картинок ребенок выбирает самый привлекательный и непривлекательный для него образ.

Анализ результатов проводился по следующим параметрам: идентификация пола, идентификация возраста, построение итоговой последовательности по полу и возрасту, выбор привлекательного образа, выбор непривлекательного образа.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие тенденции. Идентификация пола в обеих исследуемых группах была адекватной и вызвала затруднения только у одного испытуемого из группы детей из неполных семей, что составило соответственно всего 5% от общего количества испытуемых. Наибольшее количество ошибок в обеих группах было обнаружено при выполнении построения первой идентификации связанной с определением возраста ребенка. В группе детей из неполных семей 70% испытуемых неправильно идентифицировали свой возраст, в группе

Секция «Психология»

испытуемых из полных семей 35% соответственно. Достоверность различий в распределении признака *была* подтверждена путем статистической обработки (χ^2 Пирсона, при уровне значимости $p \leq 0,05$). *Данный факт свидетельствует* о больших сложностях в формировании *возрастного аспекта* эго-идентичности у детей из неполных семей, по сравнению с их сверстниками из полных семей.

В построении итоговой (по половозрастным признакам) последовательности затруднения были у 35% испытуемых из группы неполных семей и 20 % испытуемых из группы полных семей соответственно. Что свидетельствует о более низкой степени сформированности у детей из неполных семей способности к генерализации знаний по поводу эго-идентичности *направленных* на других людей, и на собственный жизненный путь, хотя этот показатель и не является статистически значимым (χ^2 Пирсона, при уровне значимости $p \geq 0,05$). Наиболее привлекательным образом для испытуемых из неполных семей *был образ школьника (40%) и образ юности (35%), 20% испытуемых выбрали образ взрослого, 5% - образ старости.* Для группы испытуемых из полных семей наиболее привлекательным оказался образ юности, его выбрали 50% испытуемых, далее следует образ школьника - 40%, 5% выбрали образ взрослого и 5% - образ дошкольника. Исходя из этого можно *предположить* следующее: дети из полных семей имеют в представлении более развернутую временную перспективу в область будущего, что может свидетельствовать об их большей уверенности в построении их собственного жизненного пути.

Наиболее непривлекателен для *дошкольников из первой группы образ* младенца (40%) и образ старости (35%), 15% выбрали взрослого и 10 % образ дошкольника. Во второй группе наиболее непривлекателен для испытуемых образ старости (45%) и образ младенца (35%), далее следует образ взрослого (15%) и 5 % выбрали образ дошкольника. Что соответствует нормам данного возраста и свидетельствует о том, что в области нежелательного варианта жизненного пути представления детей из разных типов семей оказываются сходными.

Итак, результаты проведенного нами исследования показывают, что структура семьи обуславливает формирование личностных особенностей ребенка. Изучение половозрастной идентификации у старших дошкольников из полных семей и детей, воспитывающихся в условиях отцовской депривации, продемонстрировало низкий уровень сформированности у детей из неполных семей представлений об эго-идентичности и невысокую способность к генерализации данных знаний на других людей и на собственный жизненный путь.

Существуют основания для продолжения исследования в области особенностей построения временной перспективы будущего и факторов ее формирования. *Несмотря на то, что* не были выявлены грубые нарушения половой идентификации, *это не* дает основание констатировать их отсутствие, так как анализ литературы и собственные исследования позволяют утверждать, что эти различия могут *структурироваться* на более глубоких психических уровнях и проявляться внешне (обуславливать поведение) в более старшем возрасте [4].

Литература:

1. Белопольская Н.И. Половозрастная идентификация.- М., 1998.
2. Кон И.С. Отцовство, как социокультурный феномен// Педагогика.- №9, 2005.- С. 3-16.
3. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте.- Прага, 1984.
4. Материалы с интернет портала исполнительного комитета московского городского совета депутатов, главного управления здравоохранения, городской медико-педагогический лечебно-реабилитационный подростковый центр// www.ors.ru
5. Шнейдер Л.Б. Семейная психология.- М., 2006.

Индивидуально-психологические особенности нарративной идентичности у людей зрелого возраста

Грицук А.Г.

аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: agritsuk@gmail.com

Эмпирические исследования идентичности в психологии долгое время фокусировались на периоде подросткового и юношеского возрастов. Исследования идентичности людей зрелого возраста и старше немногочисленны.

Богатый теоретический потенциал концепции Э.Эриксона и размытость его формулировок породили большое количество интерпретаций и операционализаций идентичности в последующих работах психологов. Превалирующими подходами к изучению идентичности являются подходы, разрабатываемые в русле эриксоновской и нео-эриксоновской концепции идентичности, в частности модели, дополняющие или расширяющие теорию статусов идентичности Дж.Марсиа (Schwartz, 2001).

Альтернативный подход, не основывающийся на концепции Дж.Марсиа, но, возможно, наилучшим образом выражающий психосоциальный смысл понятия идентичности, был разработан Д.Макадамсом в виде модели идентичности как «жизненной истории» (McAdams, 1985, 2001). По Макадамсу, человек организует свою идентичность посредством нарратива (повествования), представляющего собой «личный миф», который складывается в подростничестве и пересматривается всю последующую жизнь. Жизненный нарратив – это психосоциальная конструкция. Это означает, что, несмотря на то, что история конструируется самим человеком, существенные смыслы, содержащиеся в этой истории, «вычерпываются» человеком из культуры. Здесь можно говорить о своего рода соавторстве человека и определяющей его культуры (субкультуры). С точки зрения Макадамса, именно согласованная жизненная история (нарративная идентичность) придает человеку ощущение целостности и целенаправленности существования, лежащее в основе того, что Э.Эриксон назвал «ощущением идентичности», и помогает превратить разрозненный жизненный опыт в целостную и осмысленную структуру.

Как и любая история, нарративная идентичность обладает определенными особенностями структуры и содержания. Индивидуальные различия в жизненных историях могут быть охарактеризованы с точки зрения нарративного тона, образности, тематических линий, идеологической обстановки, ядерных эпизодов, структуры имаго (ключевых персонажей истории) и сценария будущего (McAdams, 1985, 1993).

В силу теоретической и операциональной разработанности мы выбрали модель Д.Макадамса в качестве основы нашего эмпирического исследования особенностей идентичности в зрелом возрасте.

Целью данного исследования являлся анализ индивидуальных особенностей нарративной идентичности у людей зрелого возраста. В исследовании проверялась гипотеза о том, что аспекты идентичности как жизненной истории демонстрируют связь с определенными индивидуально-психологическими особенностями людей зрелого возраста.

В исследовании приняли участие 15 человек, 8 мужчин и 7 женщин, в возрасте от 30 до 39 лет, имеющие высшее образование и занятые в различных сферах деятельности.

Основным методом получения данных являлся метод самоотчета. Использовались две формы самоотчета: 1) опросники, направленные на измерение индивидуально-психологических характеристик: а) шкала психологического благополучия К.Рифф, б) тест смысложизненных ориентаций Д.А.Леонтьева; 2) методика интервью о жизненной истории Д.Макадамса. Анализ данных интервью осуществлялся с помощью методов контент-анализа и нарративного анализа (применялись как качественная, так и количественная стратегии анализа).

Результаты количественного этапа исследования свидетельствуют в пользу того, что нарративные структуры как минимум на уровне тенденций демонстрируют связь с такими

Секция «Психология»

индивидуально-психологическими показателями, как субъективная удовлетворенность жизнью и переживание осмысленности жизни.

Респонденты, имеющие высокий уровень удовлетворенности жизнью, конструируют свои жизненные нарративы с преобладанием «последовательностей компенсации» - нарративной стратегии, характеризующейся таким рядоположением событий в процессе их осмысления, при котором «плохие» события влекут за собой «хорошие» для человека последствия. Взрослые люди с низким уровнем удовлетворенности жизнью в значительно меньшей степени используют данную нарративную стратегию. В жизненных историях людей с высоким уровнем удовлетворенности жизнью тематические линии «личной активности» (сюжеты, связанные с темами могущества, автономии, достижения, контроля, самоутверждения) представлены значительно чаще, чем в жизненных историях людей с низкой удовлетворенностью жизнью. Установлено, что люди с интенсивным переживанием осмысленности жизни не склонны конструировать свою жизненную историю в паттернах «поражения/порчи», в которых «хорошее» состояние или событие оборачивается чем-то «плохим».

В рамках стратегии индивидуального случая были подробно проанализированы и сопоставлены индивидуально-психологические характеристики и содержание жизненных историй у респондентов, продемонстрировавших крайние значения по субъективной удовлетворенности жизнью и переживанию ее осмысленности.

Существует сложное соотношение между тем жизненным опытом, который переживается человеком непрерывно, и теми нарративными конфигурациями (пользуясь термином П.Рикера), которые этот опыт приобретает, становясь основанием для построения личной идентичности. Рассматривая, вслед за Д.Макадамсом, «последовательности компенсации» и «поражения/порчи» в качестве базовых нарративных стратегий, мы делали акцент на выявлении того, как человек выбирает «конструировать» свою жизненную историю.

Апробированная в данном исследовании методика Д.Макадамса представляет собой перспективный инструмент для сбора нарративного материала и может служить основой для получения и анализа качественных данных, в том числе и в рамках других исследовательских задач. Перспективы дальнейшего исследования включают расширение оцениваемых параметров жизненной истории и углубленное изучение индивидуально-психологических особенностей людей зрелого возраста, в частности, более подробное включение в анализ характеристик ценностно-смысловой сферы.

Литература

1. McAdams D. P. (1985) Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity. Chicago: Dorsey Press.
2. McAdams D.P. (1993) The stories we live by: personal myths and the making of the Self. New York: William Morrow and co., inc.
3. McAdams D.P. (2001) The Psychology of Life Stories. Review of General Psychology, Vol. 5, No. 2, 100-122.
4. Schwartz S.J. (2001) The evolution of Eriksonian and Neo-Eriksonian identity theory and research: a review and integration. Identity: An international journal of theory and research, 1(1), 7-58.

Результаты мониторинга школьных страхов первоклассников

Гузанова Т.В.

аспирант

Московский Городской Психолого-педагогический Университет, Москва, Россия

E-mail: Tania_v@bk.ru

Секция «Психология»

Начало обучения ребенка в школе является периодом первичного становления учебной деятельности, а также появлением психических проблем, связанных со школой. Одной из таких проблем является возникновение школьных страхов.

Методика исследования.

Анализ методов и методик исследования школьных страхов показал отсутствие метода прямого исследования школьных страхов первоклассников (Гузанова Т.В., 2007). Поэтому была разработана система психологического мониторинга школьных страхов в начальных классах (Гузанова Т.В., Мещерякова И.А, 2009). Методика была апробирована в 2004-2008 годах и показала высокий уровень эффективности выявления школьных страхов с первых дней ребенка в школе.

Основные особенности методики:

- низкий уровень развития рефлексии у детей данного возраста сделал необходимым включение в диагностику всех участников образовательного процесса (учащихся, родителей, учителей);

- план диагностических мероприятий составлен в соответствии со становлением учебной деятельности в первом классе;

- анализ данных осуществляет непосредственный участник образовательного процесса в школе – школьный психолог.

Выборка исследования. Исследование проводилось в одной из московских школ. В исследовании участвовало 81 первоклассник, а также 97 взрослых представителей ребенка (72 матери, 16 отцов, 8 бабушек, 1 дедушка), 12 учителей, преподающих в 1 классах..

Исследование проводилось в течение учебного года.

По результатам мониторинга были получены следующие результаты:

1. существуют адаптационные страхи первоклассников, которые в большей части случаев проходят без специализированного вмешательства специалиста психолога.

Так, например, проблема страха расставания с родными более беспокоит учителей и психолога в начале учебного года. К концу учебного года страх расставания с родными отмечался только у детей, испытывающих проблемы в обучении и взаимодействии в школьном коллективе. Поэтому можно считать данный страх проходящим со временем. А его наличие в середине и конце года может служить сигналом о неблагополучии ребенка в школе, о его неуспешности.

2. Введение отметочной системы (выставление положительных отметок) резко увеличивает количества детей, испытывающих страх перед получением плохой отметки.

Как видно из данных, полученных при опросе родителей, количество детей испытывающих страх получить плохую отметку возрастает. Учителя также обращали внимание на то, что некоторые дети боятся получить плохую отметку. По данным наблюдений психолога–исследователя введение отметочной системы даже только с положительной градацией привело к резкому увеличению количества детей со страхов получить плохую отметку, при этом к концу первого класса это количество несколько уменьшилось. Возможно, это было связано с тем, что учителя, наблюдая данное явление, после бесед с учителями, говорили ребятам, чтобы они не боялись получить плохую отметку. При этом и родители и некоторые учителя отмечали, что ребенок не боится получить плохую отметку – ребенок боится не получить хорошую. Этот феномен особенно важен с точки зрения педагогической психологии, так как считается, что многие дети учатся из-за страха перед наказанием в виде плохой отметки и ее последствиями. Однако мы считаем, что плохая отметка является для ребенка символом потери его статуса ученика и поэтому воспринимается негативно.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что 62% учащихся констатируют, что они боятся получить плохую отметку, хотя реальной угрозы нет. Возможно, это связано в самой системой отметок в школе. Их отсутствие в первом классе формально никак не влияет на наличие школьного страха в этой части образовательного процесса, или же

Секция «Психология»

наоборот. Отсутствие четкой обратной связи со стороны учителя несет для ребенка психотравмирующее воздействие и способствует развитию «выдуманных» страхов.

3. Для первоклассников общение с одноклассниками более важно. Нами было отмечено, что в разные периоды одноклассников боятся до 30 % учащихся, тогда как страх перед детьми из параллельных и старших классов не превышает 6 %. Больше девочек испытывает страх перед одноклассниками, что возможно связано с тем, что страх чаще вызывает агрессивный мальчик одноклассник, которому девочки не могут противостоять. С этим, может быть, и связано отсутствие страха перед детьми из параллельных классов у девочек, так как они могут быть защищены от детей из других классов одноклассниками и учителями.

Литература

1. Гузанова Т.В. Динамика школьных страхов на начальной ступени обучения. Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов2008». – М.: МГУ, 2008. – С. 131-134.
2. Гузанова Т.В. Проблема использования методики Филиппа для диагностики школьных страхов в начальных классах. // Культурно-историческая психология. - № 2, 2008. – С. 91-96.
3. Гузанова Т.В. Психологический анализ содержания школьных страхов современных детей 7-9 лет./Материалы научно-практических конгрессов III Всероссийского форума «Здоровье Нации – основа процветания России», Том3, Часть 2, раздел «Психология в поле междисциплинарного поле наук». – М.: МГУ, 2007. – С. 622-625.
4. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. СПб.: Издательство «Союз», 2004. 33 с.
5. Давыдов В.В. Концепция гуманизации российского начального образования (необходимость и возможность создания целостной системы развивающего начального образования).// Вопросы теории и практики развивающего образования.//Сост. В.А. Гуружапов. – М., 2002. – С 3-21.
6. Климакова Ю.В. Психологические условия изменения отношения младших школьников к «страху ошибки»: Диссертация ... канд.психол. наук: 19.00.07 / Ю.В. Климакова; Ин-т дошк. образования и семейного воспитания Российской академии образования. – М., 2000. –160 с.
7. Семаго Н. Как миновать кризис первой четверти.// Школьный психолог. N9/2006.

Нарушение привязанности к матери у детей 6-9 лет

Данькова О.А.

*Студентка факультета психологии и довузовской подготовки
Гомельский государственный университет имени Ф.Скорины, Гомель, Беларусь
E-mail: dankovaolga@yandex.ru*

Проблема привязанности является актуальным аспектом в жизни каждого человека, так как нормальное формирование отношений привязанности между матерью и ребенком в детстве – это один из самых важных моментов в эмоциональном развитии. Дети с нарушением привязанности бывают подавленными, крайне агрессивными, пугливыми и тревожными. Они требуют обеспечения им постоянной заботы и внимания со стороны взрослых. У ребенка может наблюдаться также отсутствие базового доверия к миру, которое рассматривается многими исследователями как самое первое, самое тяжелое и самое трудно компенсируемое последствие материнской депривации.

Привязанность – это прочная социально-эмоциональная связь между младенцем и родителем. По большей части поведение способствует формированию привязанности. Биологически запрограммированная привязанность развивается постепенно на протяжении 1-го года жизни; примерно к 7 или 8 месяцам младенцы идентифицируют

Секция «Психология»

фигуру привязанности, как правило, с матерью. В следующие месяцы младенцы привыкают и привязываются к другим членам семьи, в том числе к отцам, обычная роль которых - партнер по играм.

Автором теории привязанности является Дж.Боулби. Он и его коллеги (М.Эйнсворт и др.) в своих исследованиях раскрыли понятие привязанности, динамику его формирования, а также нарушения, которые возникают при определенных жизненных условиях.

Согласно этой теории, с самого начала жизни между матерью и ребенком формируется эмоциональная привязанность, которая обеспечивает психологическую безопасность младенца. В случае нарушения привязанности происходит неправильное психическое развитие ребенка, возникает сильное чувство тревоги, изменяется структура его поведения и многие другие проявления, которые ведут к нарушению формирования личности ребенка в целом.

Экспериментальное исследование по выявлению нарушения привязанности к матери проводилось в 2008 г. в г. Гомеле. Объектом сравнения выступили 2 группы: одну составили воспитанники Гомельского городского социально-педагогического центра в возрасте 6-9 лет, вторую – учащиеся Многопрофильной гимназии № 56 в возрасте 6-9 лет. Выборка составила 60 человек. В каждой группе исследуемых по 30 человек (15 мальчиков и 15 девочек).

Переживание ребенком нарушения привязанности с матерью приводит к изменениям в эмоциональной среде и поведении. Поэтому для изучения последствий нарушения привязанности мы использовали цветовой тест отношений (ЦТО), тест тревожности (Р.Тэмпл, В.Амен, М.Дорки), методику программированного наблюдения (карта Стотта).

При статистической обработке данных для выявления различий между двумя выборками применялся метод ранговой корреляции Спирмена, а также критерий ϕ^* -угловое преобразование Фишера для оценки достоверности различий между процентными долями выборок.

Исследование нарушения привязанности к матери у детей 6-9 лет показало:

1) Преобладающим типом эмоционального отношения к матери как у мальчиков, так и у девочек в ситуации материнской депривации является амбивалентный, то есть характеризующийся двойственностью, двусмысленностью, иногда противоречивостью и в психологии чувств означающий двойственное переживание, совместное присутствие в душе двух противоположных, как будто несовместимых стремлений касательно матери — например, симпатии и антипатии ($\phi^*=4,98$, при $\alpha=0,01$);

2) У детей из массовой школы присутствует положительный тип эмоционального отношения к матери;

3) Для детей из приюта характерен высокий уровень тревожности, который свидетельствует о нарушении привязанности к матери, в отличие от детей из массовой школы.

4) У детей из массовой школы наблюдается средний уровень тревожности, который может быть связан с различного рода переживаниями.

Повышение уровня тревожности, с нашей точки зрения, связано с нахождением ребенка в ситуации материнской депривации и нарушением привязанности к матери.

5) У детей из приюта наблюдаются изменения в поведении по следующим шкалам: недостаток доверия к новым людям, вещам, ситуациям; ослабленность; уход в себя; тревожность по отношению к взрослым; враждебность по отношению к взрослым; тревога по отношению к детям; враждебность к детям. Это свидетельствует о наличии дезадаптации в условиях нарушения привязанности к матери у детей 6-9 лет;

6) Показатели дезадаптации у мальчиков из приюта намного выше, чем у девочек из приюта;

7) У детей из массовой школы не выявлено признаков дезадаптации по изучаемым нами шкалам.

Таким образом, по результатам проведенного нами исследования, нарушение привязанности проявляется в следующем:

- изменении эмоционального отношения к матери;
- повышении уровня тревожности;
- повышении дезадаптированности в областях недоверия к новым людям, уходом в себя, ослабленности, тревожности и враждебности по отношению к взрослым, тревоги и враждебности к детям.

Литература

1. Боулби, Дж. (2003) Привязанность. М.: Гардарики.
2. Прихожан, А.М. (2007) Психология сиротства. СПб.: Питер.
3. Крайг, Г. (2006) Психология развития. СПб.: Питер.
4. Боулби, Дж. (2006) Создание и разрушение эмоциональных связей. Издательство «Академический проект».
5. Астапов, В.М. (2001) Тревожность у детей. М.: ПЕР СЭ.

Изучение представлений о любви в старшем юношеском возрасте

Дейкина Е.С.

Студентка

*Владимирский государственный гуманитарный университет,
факультет психологии, Владимир, Россия
E-mail: silver_lea@list.ru*

Проблема любви – проблема вечная и всегда актуальная. Необходимость изучения любви определяется тем, что она приобретает особый смысл в юношеском возрасте. При этом житейские представления о любви часто не совпадают с сущностью этого явления, часто отличаются от его трактовки с точки зрения науки. Однако и научные исследования любви несколько эклектичны и мало представлены в психологии. Поэтому решение поставленной проблемы является актуальной задачей психологии.

Методологической основой исследования являются теории К.Э. Изарда, описывающего любовь как фундаментальное чувство, которое включает паттерн эмоций, драйвов и когнитивных процессов; Эверилла, понимающего любовь как комплексное явление, имеющее психологические, социальные, биологические и другие компоненты; П. В. Симонова сводящего любовь к потребности, сформированной влияниями социальной среды, этикой и мировоззрениями общества; С. В. Петрушина рассматривающего любовь как способность.

В работе использовались методы анализа теоретических источников по поставленной проблеме, эмпирическое исследование с помощью ассоциативного эксперимента, семантического дифференциала, контент-анализа, метода незаконченных предложений, рисуночной методики «Нарисуй любовь», анкетирования.

В результате анализа теоретических источников было выяснено, что существует множество определений любви. На основе разбора взглядов различных исследователей нами было сформулировано следующее определение любви: любовь - это комплексное явление, сформированное под влиянием биологических и социальных факторов, которое включает набор характеристик, относящихся к эмоциональной, когнитивной и мотивационно-потребностной сферам психики, и проявляется в определенном поведении по отношению к объекту любви.

Исходя из изучения развития любви в онтогенезе, можно сделать вывод о том, что наиболее полно любовь как комплексное явление раскрывается в юношеском возрасте, поскольку на данном этапе наивысшего уровня достигает психическое развитие, полностью формируются ценности человека, его мировоззрение, он усваивает приемлемые паттерны поведения в обществе. Кроме этого, юность является периодом эмоциональной сензитивности: в этот период интенсивно реализуются все те потенциалы

Секция «Психология»

эмоциональности человека, которые заложены в его натуре. Именно это и обуславливает особую значимость любви для юноши.

Эмпирическое исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе нами были намечены методы изучения проблемы, исходя из их соответствия задачам исследования и методологической основе.

На втором этапе в исследование было включено четыре из выбранных методов: ассоциативный метод, метод незаконченных предложений, анкетирование с помощью опросного листа Н.Ю. Рыжовой, проективная методика «Нарисуй любовь». С их помощью мы получили данные о протекании ассоциаций со словом «любовь», особенностях восприятия любви студентами.

На третьем этапе выделялись наиболее часто встречающиеся ассоциации, по результатам их анализа был составлен список из 63 понятий, расположенных в случайном порядке, необходимый для дальнейших исследований.

На четвертом этапе было проведено исследование с помощью метода семантического дифференциала, в результате которого были получены числовые данные, отражающие близость выделенных понятий к понятию любви.

На пятом этапе проводился суммарный подсчет и анализ результатов исследования, контент-анализ данных, полученных в процессе изучения особенностей представлений о любви с использованием метода незаконченных предложений.

Исследование проводилось на базе факультета психологии Владимирского Государственного Гуманитарного Университета. В нем приняли участие студенты 1-4 курсов: юноши и девушки в возрасте 17-23 лет, всего 81 человек.

В практическом исследовании на основе теоретического анализа и эмпирического исследования была представлена структура любви, включающая эмоциональный, когнитивный, поведенческий, мотивационно-потребностный, ценностный и физиологический компоненты. Кроме этого, было выяснено, что при работе с методиками, требующими количественной оценки определенных категорий, испытуемые описывают «идеальную» любовь, причем в более близкие к любви понятия включаются наиболее желательные атрибуты любви, а нежелательные, оказывающие негативное влияние на человека, попадают в категорию слабосвязанных и отвергаемых.

В результате изучения представлений о любви с помощью контент-анализа был сделан ряд выводов. Прежде всего, большинство испытуемых понимает любовь как чувство, то есть признают эмоциональную природу любви. Система представлений студентов о любви соотносится с представленной нами структурой. При этом эмоциональный, поведенческий и когнитивный компоненты являются наиболее существенными в строении представлений о любви, в то время как остальные компоненты не осознаются или мало осознаются испытуемыми.

При анализе предложений, касающихся любимого человека, были определены его основные признаки с точки зрения испытуемых. При этом основными характеристиками любимого человека представляются те, которые позволяют комфортно рядом с ним себя чувствовать любящим людям. Признаки, которые характеризуют действия или отношение, любящего по отношению к любимому упоминаются реже.

По результатам исследования восприятия любви с помощью методики «Нарисуй любовь», были получены данные, позволяющие говорить о том, что большинство студентов предпочитают в любви следовать общепринятым тенденциям и понимают её как чувство. При этом здесь, кроме положительных, проявились и отрицательные характеристики любви. Это может свидетельствовать о том, что, в отличие от работы с методиками, требующими количественной оценки близости понятий к понятию любви, где испытуемые пытались охарактеризовать идеальную, по их мнению, любовь, в рисунках они отображали свой реальный жизненный опыт.

Литература

Секция «Психология»

1. Горобец Т.Н. Любовь – духовная потребность в реализации жизненной стратегии /Т.Н. Горобец// Мир психологии. 2006. - № 1. –С.230-241.
2. Несына С.В. Романтическая любовь в ранней юности как психологическое явление. Автореф. дис. канд. психол. наук. – Тамбов, 2004. – 198 с.
3. Пек М.С. Непроторенная дорога: новая психология любви, традиционных ценностей и духовного развития. – К.: София, Ltd., 1999. – 320 с. – ISBN 5-220-00266-х
4. Петрушин С.В. Любовь и другие человеческие отношения. – СПб.: Речь, 2006. – 144 с. – ISBN 5-9268-0334-9
5. Розенова М.И. Опыт психологического исследования представлений о любви на уровне обыденного сознания. /М.И. Розенова// Мир психологии. – 2006. - № 1. – с.241-254.
6. Рыжова Н.Ю. Отношение к любви и браку у представителей различных психологических типов личности. - Автореф. дис. канд. психол. наук. – М.: МосГУ, 2006. – 221 с.
7. Фромм Э. Искусство любить: исследование природы любви. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с. – ISBN 5-7155-0516-х

Альтруизм в системе разноуровневых характеристик личности

Джус К.Я.

*Соискатель кафедры общей психологии и психологии развития
Кемеровский государственный университет,
социально-психологический факультет, Кемерово, Россия
E-mail: sprine_jus@mail.ru*

Изучение проблемы альтруизма сплетает фундаментальные теоретические и актуальные практические задачи. Конкретные исследования истоков и психологических механизмов альтруизма в перспективе открывают возможность влиять на такие трудно управляемые социально-психологические процессы, как морально-нравственное развитие, воспитание, общественная поддержка и взаимопомощь в экстремальных ситуациях.

Среди неоднозначного спектра исследований альтруизма, с нашей точки зрения, выделяется концепция профилей личности по доминирующему инстинкту В.И. Гарбузова, где альтруизм, как инстинкт добра и гуманизма, морально ограничивает тенденции всех инстинктов, выступая в роли своеобразной «совести», не содержит эгоизма. Высшая ценность для данного профиля личности – Человек.

Доминирующий инстинкт определяет сущность, индивидуальность личности, второй инстинкт конкретизирует замысел и направленность доминирующего инстинкта.

Иерархия инстинктов образует профиль личности, обуславливающий иерархию её ценностей. Инстинкты доминирующей диады определяют набор ценностей, интериоризируемых личностью. Для типа личности с доминированием инстинкта альтруизма и инстинкта сохранения достоинства наибольшее значение в иерархии ценностей имеют: честь, духовное самосовершенствование, сочувствие человеку в беде, любовь к природе.

Основываясь на положениях концепции В.И. Гарбузова, нами было проведено эмпирическое исследование. Цель которого заключалась в выявлении взаимосвязи между доминирующими инстинктами (методика Гарбузова) и особенностью иерархии ценностей личности психологов (методика Шварца). В исследовании принимали участие студенты 1-3-5 курсов социально-психологического факультета (всего 105 человек). Результаты позволили выявить взаимосвязь между иерархией инстинктов и набором ценностей личности: изменчивость расположения инстинкта альтруизма в диадах личности (у студентов 1 курса-третья диада, у студентов выпускного курса-вторая) взаимосвязана с выбором личностью соответствующих ценностей.

Таким образом, альтруизм является особым структурообразующим компонентом психологической структуры личности будущего психолога, «снимает» эгоцентризм

Секция «Психология»

доминирующих инстинктов, обуславливает интериоризацию таких ценностей, как: совесть, милосердие, сопереживание, любовь, справедливость, ответственность, - гуманизируя направленность личности в целом. На наш взгляд, именно особенности учебно-воспитательного процесса студентов социально-психологического факультета влияют на возрастание воздействия альтруизма в инстинктивной сфере на инстинкты, направленности личности.

Альтруизм, как обостренное чувство совести, способность сопереживать, понимать других, способность к терпимости по отношению к другим, к их верованиям, традициям, потребностям, притязаниям, способность к компромиссу - духовная одаренность, развивающаяся волей самой личности в противовес её эгоизму, что особое значение приобретает для личности будущего психолога.

Литература

1. Антилогова Л.Н. (1999) Психологические механизмы развития нравственного сознания личности. Омск.
2. Гарбузов В.И. (2004) Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. СПб.: Сфера.
3. Гидлевский А.В. (2004) Философские и естественнонаучные основы современной теории нравственности. Омск.
4. Климов Е.А. (1996) Психология профессионала. М.: Институт практической психологии, Воронеж: МОДЭК.

Этапы формирования отцовства

Диисней С.Х.

Студент

Тывинский государственный университет, факультет начального обучения, Кызыл,

Россия

diisp@mail.ru

Отцовство - достаточно сложный феномен, который можно определить как категорию психологии личности, отражающую основные этапы развития личности, характеризующую комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека.

В психологии выделяются несколько стадий родительства: принятие решения о рождении ребенка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период, называемый периодом «постродительства», т.е. бабушек и дедушек. Данные стадии характерны как для женщин, так и для мужчин, однако существует определенная специфика прохождения этих стадий у мужчин.

В результате всестороннего изучения проблемы формирования отцовства, влияния социальных отношений на становление института отцовства, было сделано предположение о том, что в онтогенезе комплекса отцовства можно выделить три основных этапа;

- 1) стереотипное представление об отцовстве до беременности жены;
- 2) переосмысление стереотипов в течение беременности;
- 3) собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка, с которым в перинатальный период мужчина не имеет такой связи, как женщина, соответственно, и изменение отношения к себе, формирование отношения к ребенку, принятие новой роли отца - сложный и многофакторный процесс.

Первый — теоретический — этап начинается с рождения мальчика до момента получения сведений о беременности его жены (партнерши). Формирование стереотипов об отцовстве происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и подростковом возрасте. Однако на формирование представлений об отцовстве оказывает влияние не только семейная

Секция «Психология»

ситуация. Часто мужчина, выросший без отца, может быть хорошим родителем, если у него есть модель мужского поведения.

В среднем к 18-23 годам формируются основные представления об отцовстве, характерные для этого периода: молодые люди собираются иметь детей в будущем, но не сейчас, считают необходимым планировать рождение детей и рассматривают это как перспективу только через несколько лет (от двух до пяти), они положительно относятся к детям, но общаются не часто, полагают, что с рождением ребенка у мужчины появляется большая ответственность. Принимая социальные стереотипы современности как собственное мнение, они полагают, что отец для ребенка является образцом для подражания, воспитывает физически и духовно, социально поддерживает, дает чувство уверенности в себе, защиту.

Второй этап - «слом» стереотипов в период беременности партнерши. Этот этап начинается с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Сам момент сообщения о беременности и осознание факта реальности ребенка разнесены во времени. Реакция на сообщение о беременности может быть различной в зависимости от многих факторов, включающих намерения мужчины относительно конкретной женщины, материальную, социальную и другие виды готовности принять ответственность за будущую жизнь. Даже в том случае, когда решение о рождении ребенка принято заранее и является результатом оформления потребностно-эмоциональной и ценностной сфер отцовства, выраженном в желании иметь ребенка, известие о беременности может вызвать сложные переживания.

Беременность жены для мужчины обозначает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая способность мужчины вынести потерю внимания к себе и одновременно дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет насколько он может быть хорошим отцом. По мнению А.Н. Друсиловой и И.С. Баклушанского, поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также возникновения возможных проблем, является середина беременности, примерно четвертый месяц, когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным.

Беременность жены ставит перед мужчиной сложную задачу - справиться с внезапными ощущениями и оказать психологическую поддержку жене, взять на себя большую часть внешних проблем, создав защитный барьер между женщиной, носящей ребенка, и остальным миром. Как поведет себя будущий отец в каждом конкретном случае будет зависеть от многих факторов. Основные из них - его личностный склад, зрелость отношений к семье, осознанная оценка возникающих трудностей, способность справиться с ними и отношения с собственной матерью и отцом.

Первые два этапа представляют собой период подготовки к общению с ребенком. Теоретические представления об отцовстве формируются в социуме с начала жизни мужчины, затем изменяются, преломляясь через собственный опыт общения с еще не родившимся ребенком через жену и преобразования, изменения самосознания, самооценки и образов Я. Этот процесс является очень сложным и легко нарушается при отторжении со стороны жены или социальных проблемах будущего отца, таких, как отсутствие материальных ресурсов, постоянной работы и др. Мужчины, которые подвергаются финансовым кризисам, часто отказываются от экономических и психологических обязанностей отца, что частично является следствием уязвимости отцовства по отношению к успеху во внешней среде. Многие мужчины испытывают повышенную тревожность и ответственность за материальное положение семьи, это приводит к стремлению больше работать, чтобы обеспечить семью, но может вызывать чувство одиночества у жены. Другие, наоборот, делают вид, что ничего не происходит такого, о чем стоило бы беспокоиться. Такие мужчины полагают, что рождение ребенка — нормальное физиологическое явление и с раздражением относятся к проявлениям тошноты, утомляемости, плаксивости беременной жены. Таким образом, отсутствие

Секция «Психология»

теоретической подготовки к отцовству, страх перед рождением ребенка способствуют возникновению тревожности. Г. Дик-Рид считает, что этот период требует от мужа понимания, терпимости и бескорыстия по отношению к жене, чтобы правильно оценить ее мысли и поведение во время беременности, т.е. мужчина оказывается в ситуации повышенных требований. Считается, что этот период является периодом проверки готовности к отцовству. Тем не менее, этот период является важным с точки зрения формирования отношения к будущему ребенку и собственной позиции в семье.

Третий этап — период после рождения ребенка — практический период. Этот период является критическим с точки зрения возникновения бондинга - связи мужчины с родившимся - ребенком.

Отец, по их мнению, воспитывает в ребенке рациональность, нормальные условия развития, эстетическое, нравственное развитие.

Таким образом, формирование отцовства является сложным многоступенчатым процессом, на который влияют различные факторы, в том числе социальные, семейные и личностные.

Итак, три этапа формирования комплекса отцовства: 1) стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; 2) переосмысление стереотипов в течение беременности; 3) собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка.

Репрезентация ранних детско-материнских отношений и идентичность личности молодых женщин

Добин А.Я.

Аспирант 1ого года

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

психологический факультет, Москва, Россия

E-mail: dobin2000@gmail.com

В настоящее время в психологической науке проблема генеза и развития идентичности личности недостаточно теоретически разработана.

Признанным является положение о значении детско-родительских отношений в становлении личностной идентичности (Лисина, Божович, Смирнова, Бессменова, Захарова, Малер, Кернберг, Шпиц, Боулби, Кернберг, Рейнгольд, Чодороу, Тэкхе и др.), однако, психологические механизмы этого процесса изучены недостаточно.

Поэтому, было принято решение провести исследование, целью которого стало изучение связи опыта ранних детско-материнских отношений, личностной идентичности и образа Другого у молодых женщин

На основании теоретического анализа разработана модель, описывающая соотношение идентичности личности и образа Другого в целостной системе. Рассмотрены два варианта соотношения Я-Объектных репрезентаций: «Диффузная идентичность – инструментальный Другой (Другой как объект)» и «Сформированная идентичность – Другой как субъект».

Предложена система параметров для анализа Я-Объектных репрезентаций (соотношение идентичности личности и образа Другого).

Системообразующими параметрами являются:

1. «Базисный дефект»;
2. Высокая эмоциональная лабильность;
3. «Историчность» - «мифологичность» восприятия собственной жизни;
4. Глубина восприятия и описания Других;
5. Неприятие требований и интересов Другого;
6. Восприятие и описание отношений с матерью.

Секция «Психология»

В нашем исследовании показана связь между ранними детско-материнскими отношениями молодых женщин, идентичностью и образом Другого, отражающими отношения «Я-Объект».

Эта связь получила подтверждение в значимой корреляции между группой, выделенной на основании типа привязанности (по стилям привязанности) и «идентичности – образа Другого».

Связь между ранними детско-материнскими отношениями и «Я-Объект» репрезентациями проявилась в интервью в установленной связи между «диффузной идентичностью – инструментальным отношением к Другому (Другой как объект)» и негативным представлением о собственных детско-материнских отношениях, как в онто-, так и в актуалгенезе.

Разработанная схема интервью и параметров контент-анализа позволяет выявить и содержательно описать особенности Я-Объектных репрезентаций.

Полученные результаты свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы о том, что детско-материнские отношения молодых женщин являются важным фактором формирования идентичности и представления о Другом.

В нашей работе показана важность детско-материнских отношений в формировании идентичности и образа Другого у молодых женщин. Было показано большое влияние, оказываемое детско-материнскими отношениями на все последующее личностное развитие и на различные аспекты межличностных отношений. Были раскрыты механизмы формирования личностной идентичности, рассмотренные с позиции развития.

Анализ проблемы был осуществлен с позиций теорий объектных отношений, внесших огромный вклад в данную область. Мы полагаем, что осмысление альтернативных теоретических моделей позволяет расширить горизонты собственных исследований и позволяет интегрировать различные подходы в целостное психологическое знание.

Особенности проявления агрессии у подростков с различной направленностью личности

Дорохина И.Г.

студент

Бийский педагогический государственный университет им. В.М. Шукшина,

факультет психологии, Бийск, Россия

E-mail: psf@bigpi.biysk.ru, fpl@bigpi.biysk.ru

В последнее время изучение проблемы агрессивного поведения человека стало одним из самых популярных направлений исследовательской деятельности психологов. И, конечно, это не научная мода, а специфическая реакция психологического сообщества на беспрецедентный рост агрессии и насилия в «цивилизованном» двадцатом и двадцать первом веке. Невозможно сегодня представить себе такую газету, журнал или программу радио- и телевизионных новостей, где не было бы ни одного сообщения о каком-либо акте агрессии или насилия. Особенно острой, в настоящий момент, является проблема роста детской преступности и асоциальности.

Однако, несмотря на возросший интерес к проблемам детской агрессивности и значительное количество исследований, посвященных этой тематике, некоторые вопросы, связанные с природой и истоками агрессивности, остаются открытыми.

Целью нашего исследования было выявление особенностей агрессивного поведения у подростков с различной личностной направленностью

Для определения степени выраженности той или иной формы проявления агрессии, использовался тест Басса-Дарки. Кроме определения степени выраженности какой-либо формы агрессии данная методика позволяет определить степень агрессивности и враждебности подростков.

Для определения направленности личности использовался теста Б. Басса. Опросник позволяет выявить одну из трех личностных направленностей:

Секция «Психология»

1. направленность на себя («Я»);
2. направленность на дело («Д»);
3. направленность на общение («О»).

По итогам диагностики выраженности агрессивности у подростков было выявлено, что у 61,5% подростков уровень агрессии не превышает нормальный и 37,5% подростков имеют уровень агрессии, превышающий нормальные показатели.

На следующем этапе исследования проводилась диагностика направленности личности. На основании полученных результатов испытуемые были разделены на три группы, в зависимости от направленности личности:

- 1 группа – 26,6% подростков с направленностью личности на дело – «Д»;
- 2 группа – 34,4% подростков с направленностью личности на общение – «О»;
- 3 группа – 39% подростков с направленностью личности на себя – «Я».

Сопоставив результаты двух диагностик, нами был сделан вывод о том, что среди подростков с высоким уровнем агрессивности 87,5% имеют направленность личности на себя («Я»), 12,5% на дело («Д»). Подростков с высоким уровнем агрессивности не выявлено в категории с направленностью личности на общение («О»).

Если же говорить об особенностях проявления агрессивных форм поведения у подростков с различной направленностью личности, то можно указать на следующее:

Для подростков с направленностью личности на «Я» характерно доминирование таких показателей как «вербальная агрессия», «физическая агрессия» и «подозрительность». Наименьшую выраженность получили показатели «негативизм» и «чувство вины», что, в общем, может свидетельствовать об отсутствии отрицательной установки по отношению к другим людям, однако и о недостаточной критичности к своим поступкам, совершаемым в их отношении.

Индекс враждебности у данной категории подростков составляет 13 баллов, что превышает нормальные показатели на 3 балла.

Индекс агрессивности составляет 26,52 балла, что превышает верхние границы показателя нормы на 1,52 балла.

Для подростков с направленностью личности на дело («Д») характерно доминирование таких показателей как «чувство вины», «вербальная агрессия» и «подозрительность».

Наименее выраженным показателем у данной категории подростков является «негативизм», что говорит об отсутствии отрицательной установки в восприятии других людей.

Индекс враждебности у группы подростков с направленностью личности на дело в целом составляет 8 баллов, что соответствует норме.

Индекс агрессивности составляет 14,4, что соответствует норме.

Для подростков с направленностью личности на общение («О») характерно доминирование такого показателя как «чувство вины», что говорит о нежелании причинить боль другому, ориентации на взаимопонимание, доброжелательное общение. Кроме того, очень низкий показатель по шкале «негативизм» свидетельствует об общем положительном настрое по отношению к другим людям, способности доверять им и принимать их точку зрения.

Индекс враждебности составляет 5,27 балла, что не превышает нормальные показатели.

Индекс агрессивности составляет 8,39 балла, что так же не превышает нормальные показатели.

Таким образом, исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что направленность личности в той или иной степени определяет как степень агрессивности, так формы проявления агрессивного поведения у подростков. Кроме того, при

Секция «Психология»

рассмотрении различий в проявлении форм агрессии была обнаружена высокая степень агрессивности и враждебности у подростков с направленностью личности на себя («Я»).

Исходя из этого, следующий этап нашей работы будет заключаться в коррекции агрессивности испытуемых с данной личностной направленностью.

Развитие исследовательских способностей детей старшего дошкольного возраста в условиях дошкольного образовательного учреждения

Егорова Т.А.

Старший преподаватель факультета дошкольного воспитания, кандидат психологических наук

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия

E-mail: egorova79@list.ru

Дошкольный возраст – это возраст, который характеризуется особой чувствительностью к усвоению окружающей действительности и активностью дошкольника. С большим интересом дети участвуют в исследовательской работе, проявляя любознательность и желание экспериментировать. Спонтанно проявляющаяся поисковая активность ребенка в специально организованных условиях может привести к появлению психического новообразования, именуемого исследовательскими способностями.

Несмотря на наличие большого количества серьезных исследований по проблеме способностей, проблема диагностики и развития исследовательских способностей остается не разрешенной. Более того, многие ученые считают не правомерной постановку данной проблемы у дошкольников, полагая, что эти личностные свойства формируются на более поздних этапах. Это обусловило выбор темы исследования.

Под исследовательскими способностями мы понимаем индивидуально-психологические особенности личности, обеспечивающие успешность и качественное своеобразие процесса поиска, приобретения и осмысления новой информации.

Согласно подходу А.И. Савенкова, структуру исследовательских способностей составляют: поисковая активность, являющаяся мотивационным компонентом исследовательских способностей, конвергентное и дивергентное виды мышления, являющиеся основными механизмами осуществления исследовательской деятельности [1].

В основе поисковой активности лежит ориентировочно-исследовательский рефлекс, выявленный русским физиологом И.П. Павловым [2]. Поэтому потребность в поиске, исследовательском поведении является врожденной, но у различных субъектов она развита в разной степени. Это связано с тем, что при рождении индивид обладает только предпосылками к развитию этой потребности, а окончательно она формируется в процессе индивидуального развития и социального общения.

Соответственно этому пониманию мы выделили и обосновали следующие психологические особенности развития исследовательских способностей детей старшего дошкольного возраста:

- в структуре мотивации доминируют мотивы «бескорыстной любознательности», склонности к экспериментированию. Другие мотивы (широкие социальные, процессуальные и другие) находятся в подчиненном положении;

- интеллектуально-творческий компонент характеризуется доминированием наглядно-действенного и наглядно-образного мышления над относительно слабо представленным словесно-логическим мышлением, что определяет характер исследовательского поиска ребенка: дошкольник может логически правильно рассуждать, делать выводы и умозаключения, когда решает понятные, интересные для него исследовательские задачи и при этом наблюдает доступные его пониманию факты;

Секция «Психология»

- особенности проявления поведенческих характеристик: стремления к самостоятельности, настойчивости. В старшем дошкольном возрасте поведение ребенка характеризуется ситуативностью, неустойчивостью, произвольностью. Это определяет характер процесса и развития исследовательского поиска: его стремительность, ситуативность, кратковременность и связь с интересом к деятельности.

На основе выделенных психологических особенностей исследовательской деятельности ребенка мы разработали и апробировали модель развития исследовательских способностей детей старшего дошкольного возраста в развивающей среде дошкольного учреждения. Ее особенностью является то, что она позволяет решать задачи развития исследовательского потенциала детей в единстве с осуществлением общеобразовательных задач – усвоением необходимых знаний, умений и навыков, предусмотренных традиционной программой, и включает в себя следующие элементы:

- мониторинг развития исследовательских способностей ребенка;
- развитие исследовательских умений и навыков в образовательной деятельности;
- организацию самостоятельной исследовательской практики;
- специальные занятия по развитию интеллектуально–творческого потенциала детей.

Основными принципами, которыми мы руководствовались при разработке модели, являются:

- высокая степень самостоятельности ребенка в процессе обучения;
- активные методы обучения исследовательского характера;
- принцип открытости заданий;
- безоценочность суждений со стороны взрослых;
- гибкое сочетание индивидуальных и коллективных форм работы.

Разработанная модель развития исследовательских способностей детей старшего дошкольного возраста включает в себя комплекс занятий по основным направлениям работы с детьми в дошкольном учреждении - «Мир природы», «Социальный мир», «Развитие речи», «Изобразительная деятельность», «Конструирование и аппликация». Оптимальной структурой занятий является сочетание традиционного изложения материала с элементами исследовательской деятельности. Кроме этого она предполагает специальные занятия по развитию интеллектуально-творческого потенциала детей.

В содержательном отношении разработанные занятия были оснащены специально разработанными заданиями, которые обеспечивают поступательное развитие исследовательских способностей детей старшего дошкольного возраста в образовательной деятельности. Большое внимание отводилось приемам развития умений видеть проблемы («Посмотрите на мир чужими глазами», «Тема одна – сюжетов много» и другие); выдвигать гипотезы («Поиск причин событий»); классифицировать («Четвертый лишний», «Классификация с явными ошибками»); задавать вопросы (игра «Угадай») и другие.

Для организации самостоятельной исследовательской практики детей была разработана программа проведения детских исследований по блоку «Мир природы». Тематика исследований соответствовала программному материалу: «Снег», «Вода», «Комнатные растения», «Домашние и дикие животные».

Секция «Психология»

Таким образом, развитие исследовательских способностей детей старшего дошкольного возраста осуществляется в условиях сотрудничества со взрослым и детерминировано спецификой развития мотивационных (доминируют мотивы «бескорыстной любознательности», склонности к экспериментированию, широкие социальные мотивы находятся в подчиненном положении), интеллектуально-творческих (особенности наглядно-действенного и наглядно-образного мышления) и поведенческих характеристик.

Литература

1. Савенков А.И. (2004) Путь к одаренности: исследовательское поведение дошкольников. СПб.: Питер, 2004.
2. Павлов И.П. (1996) Мозг и психика: избр. психол. труды / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Ин-т практической психологии, 1996.

Особенности любви и романтической привязанности у людей юношеского и зрелого возраста

Екимчик О.А.

аспирант

Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова, Кострома, Россия

E-mail: olga-ekimchik@rambler.ru

Любовь и основанные на ней отношения играют особую роль в жизни человека. С одной стороны, любовь интуитивно понятна практически каждому взрослому человеку, а с другой определения феномена любви и до настоящего времени вызывает множество затруднений у исследователей ([Kelley](#) and [Berscheid](#), [Regan](#) and [Berscheid](#)).

Исследования психологии любви обусловлены запросом, сформировавшимся в современном обществе. В настоящее время существует множество телепрограмм, отдельных рубрик в СМИ посвященных обсуждению проблем любви и близких взаимоотношений, а также Интернет-сайтов предлагающих психологические консультации по вопросам любви, секса и семейных отношений. Такой острый интерес обусловлен тем, что потребность в любви относится к базовым потребностям человека (А. Маслоу, 1968).

В психологии лучше изучены материнская любовь и привязанность ребенка матери (Дж. Боулби и М. Эйнворт), которая в дальнейшем служит опытом для построения эмоциональных отношений человека с миром.

Наше исследование посвящено рассмотрению особенностей любви и романтической привязанности у людей юношеского и зрелого возраста по отношению к лицам противоположного пола.

Вслед за Э. Бершид, любовь понимается нами как особое состояние человека по отношению к другому, предполагающее особые отношения и общение с ним, сопряженное с сексуальным влечением. Мы операционализируем любовь через романтическую привязанность и стили любви. Привязанность характеризует эмоциональный аспект любви и устойчивые паттерны поведения в отношении партнера, мало осознаваемые человеком. Стилль любви включает в себя когнитивно-поведенческие проявления любви, то есть когнитивные оценки себя, своего состояния и своего партнера, установки на отношения с партнером и поведенческие проявления по отношению к нему.

Актуальность исследования: любовь оказывает значительное влияние на формирование личности в юности и развитию – в зрелости, способствует сохранению и поддержанию психологического здоровья и социальной адаптированности (Э. Эриксон, А. Маслоу, О. фон Кернберг, И.С. Кон, А.А. Кроник и Е.А. Кроник). В настоящее время существует потребность в установлении закономерностей в новых эмпирических данных относительно переживания любви на разных возрастных этапах, в частности юности и зрелости, чтобы расширить теорию и обеспечить сферу практического применения теоретических знаний в психологической практике.

Целью нашего исследования является изучение возрастно-психологических и половых особенностей романтической привязанности и стилей любви. Мы предположили, что существуют различия в переживании романтической привязанности и стилях любви по отношению к партнеру в юношеском и зрелом возрасте между мужчинами и женщинами.

Исследование проводилось с 2005 по 2008 год, в нем приняли участие 230 человек в возрасте от 17 до 45 лет, средний возраст 26,8 года. Юноши и девушки, мужчины и женщины представлены в выборке в равном соотношении.

Мы использовали следующие методы: Attitudes about Love and Sex (“Colors of Love”) авторов С. Hendrick и S. Hendrick, 1986/1990 (методика Установки любви и секса или «Цвета любви»), Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment (MIMARA) авторов К.А. Brennan и Р.Р. Shaver, 1995 (Опросник измерения романтической привязанности у взрослых). Полученные данные были обработаны с помощью пакета Statistica 6.0.

Среди полученных результатов хотелось бы отметить следующие: с помощью критерия Н - Крускала-Уоллиса нами выявлены достоверно значимые различия между юношами, девушками, мужчинами и женщинами зрелого возраста в романтической привязанности. В отношении таких параметров романтической привязанности, как стремление к сближению, амбивалентность и ревность / страх быть оставленным, в большей степени выражены половые различия. Потребность в эмоциональной близости в отношениях в большей степени выражена у девушек и женщин ($H=23,62$ при $p=0,0000$), и в меньшей степени у мужчин зрелого возраста. Также для девушек и женщин в большей степени характерна и амбивалентность чувств по отношению к партнеру, чем у юношей и мужчин ($H=27,17$ при $p=0,000$). Наивысшая степень выраженности амбивалентности имеется у девушек и наименьшая - для мужчин зрелого возраста. Подобные различия наблюдаются и в отношении такого параметра привязанности как, ревность/ страх быть оставленным ($H=18,93$ при $p=0,0003$). Ревность/ страх быть оставленным в меньшей степени характерен для мужчин зрелого возраста и юношей, чем для женщин и девушек. У девушек он достигает наибольшей выраженности.

Возрастно-психологические различия существуют в интенсивности проявления следующих параметров романтической привязанности: доверие и «срастание» с партнером. Большая степень доверия характерна для юношей и девушек и наименьшая для женщин и мужчин ($H=10,39$ при $p=0,02$). В наибольшей степени недифференцированность личностных границ выражена у девушек и юношей и в наименьшей в женщин и мужчин зрелого возраста ($H=14,11$ при $p=0,003$).

Нами были выявлены также возрастно-психологические и половые различия по стилям любви. Стиль любви мания, то есть любовь-одержимость, имеет достоверно значимые различия в большей степени обусловленные половой принадлежностью ($H=11,17$ при $p=0,01$). В большей степени любовь-одержимость выражена у девушек и женщин, а в наименьшей у юношей. В наибольшей степени стиль самоотверженной любви характерен для женщин и мужчин зрелого возраста, чем для юношей и девушек ($\text{Chi-Square}=10,72$ при $p=0,01$).

Таким образом, наша гипотеза о наличии возрастно-психологических и половых различиях в романтической привязанности и стилях любви у юношей и девушек и мужчин и женщин зрелого возраста подтвердилась. К особенностям романтической привязанности женщин и девушек относятся большая степень эмоциональной вовлеченности в отношения, стремление к большей близости, противоречивость чувств, страх быть оставленной / ревность, что находит своё отражение в преобладании любви-одержимости. Для мужчин характерней сохранение личностной автономности, эмоциональной стабильности и слабая выраженность страха быть оставленным. Психолого-возрастные различия романтической привязанности проявляются в большей степени открытости и доверии, и нечеткой дифференциации личностных границ в отношениях у лиц юношеского возраста.

Секция «Психология»

У мужчин и женщин зрелого возраста в большей степени выражена самоотверженная любовь, которая характеризуется глубокими душевными нотками и переживаниями и выраженной страстью. Для доминирования самоотверженного стиля любви необходима определенная степень личностной зрелости, которая способствует интеграции в любви эротического и сексуального компонентов (З. Фрейд). Данный стиль также предполагает контроль над собственными эмоциями и потребностями и концентрацию на личности партнера и его благополучии.

Выявленные нами возрастно-психологические и половые различия необходимо учитывать в консультировании по проблеме любви и отношений основанных на ней.

Литература

1. Боулби Дж. Привязанность / Под ред. Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003.
2. Кернберг О.Ф. Отношения любви (норма и патология). М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
3. Кон И.С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989.
4. Кроник А.А., Кроник Е.А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. М.: Мысль, 1989.
5. Brennan K.A. and Shaver P.R. Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment (MIMARA) / Handbook of Family Measurement Techniques / Ed. by J. Touliatos, B.F. Perlmutter, M. A. Straus. Vol.3. Instruments and Index. Sage Publications, Inc. Thousand Oaks. London. New Dehli, 2001. P. 179-182.
6. Hendrick C., Hendrick S.S. A Theory and Method of Love // J. of Personality and Social Psychology - 1986, № 50, 392-402.
7. Hendrick C., Hendrick S.S. A relationship-specific version of the Love Attitude Scale // J. of Social Behavior and Personality. 1990. Vol. 5. P. 239-254.
8. [Regan P.C.](#), [Berscheid E.](#) The Psychology of Interpersonal Relationships. [Prentice Hall](#), 2004.

Влияние называния на восприятие на примере Я-концепции

Ефимова О.В.

Студент

*Казанский Государственный университет им. Ульянова-Ленина,
факультет психологии, Казань, Россия*

E-mail: belis.like@mail.ru

Методологической основой исследования является лакановское утверждение о влиянии называния на восприятие названного, фиксированное в структуре: «означающий – означающее – означаемое – А - а», где означающий – это тот, кто говорит, означаемое – не объекты и вещи, а значение того, по поводу чего говорит тот, кто держит речь; означающее – то слово, знак или символ, который использует говорящий; А – Другой, тот, с которым говорят, кто присутствует в коммуникации как признанный, но не познанный; а – другое, совпадающее в каждом человеке с его собственным Я – источником всякого знания, в котором нет речи.

Данное исследование посвящено экспериментальному доказательству влияния называния на восприятие того, что названо. Сущность этого явления приоткрывает тот факт, что наши слова, которые выражают наши мысли, имеют в себе то значение, которое вкладывает в них говорящий. Таким образом, каждое понятие, слово, предложение, фраза, сказанные человеком, преломляются через его представления о данных явлениях, которые им описываются в речи через структуру языка. Так же происходит в тот момент, когда человек отвечает на вопрос, касающийся его представлений о себе (его Я-концепции). Если человеку предложить выбрать часть из предложенных утверждений, касающихся его самого, то он выберет те утверждения, которые на его взгляд ему соответствуют, исходя из того, что и как он о себе думает; но эти утверждения будут поняты им, исходя из его представлений о том, что говорится в этих утверждениях. Получается, что конечный продукт, получаемый после опроса по поводу Я-концепции, будет состоять из представлений испытуемого по поводу предложенного стимульного материала. Поэтому

Секция «Психология»

актуальность нашего исследования состоит в том, что оно позволяет, во-первых, исследовать Я–концепцию человека, а не представления испытуемого по поводу представлений исследователя относительно Я-концепции, и, во-вторых, экспериментально доказывает влияние означающего на означаемое, которое здесь демонстрируется через исследование Я–концепции.

В исследовании принимали участие школьники старших классов и студенты разных факультетов. Сначала испытуемых просили нарисовать рисунок в ответ на вопрос «Кто ты?», затем предлагался тест «10 ответов» (т.е. предлагалось написать 10 ответов на вопрос «Кто ты?»), после чего снова испытуемых просили нарисовать рисунок в ответ на вопрос «Кто ты?».

Таким образом, фиксировалось изменение рисунка, отображающего Я-концепцию, после осознания своей Я-концепции индивидом.

В ходе интерпретации результатов были выделены признаки изменения, фиксируемые во 2-м рисунке, по сравнению с 1-м: менялся предмет рисунка, нажим линий, штриховка, цветовая гамма и др.

Проанализировав работы испытуемых, мы обнаружили различия между русскими и татарами. Татарам более свойственно, чем русским, непринятие себя, отрицание, протест, связанный с собой или же большая закрытость, протест против «копания» в себе, боязнь что-то узнать о себе. У тех и других почти одинаково выражена потребность действовать, быть активными, достигать что-либо через борьбу, лидерство, инициативность. Но у русских сильно надежда на легкость, радость, оптимизм, стремление к новому, раскрепощение, расширение возможностей. Из этого можно предположить, что татары связывают достижения с трудностями, упорством, тогда как русские с легкостью, удачей. Другим отличием этих выборок является Я–концепция испытуемых: если в татарской группе соотношение Я-социального и Я-индивидуального почти равно и Я–концепция практически больше никак не представлена, то в русской группе – кроме Я-индивидуального и Я-социального присутствует также Я-трансцендентное. Также отличием является то, что татары имеют более конкретные представления о себе, а русские склонны к полету фантазии даже когда речь заходит о том, кто они есть. Это снова подталкивает на мысль, что татары более нацелены на внешнюю оболочку жизни – на социум, на видимые изменения, тогда как русские в большей мере погружены во внутреннее – в себя, в самокопание, в свой внутренний мир.

Литература

1. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. Пер. с фр./ Перевод А.К. Черноглазова. М.: «Русское феноменологическое общество», изд-во «Логос», 1997.- 184 с.
2. Лакан Ж. К Якобсону, доклад. Перевод с французского А.К. Черноглазова; режим доступа: http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r6.htm
3. Польстер И. Обитаемый человек. Терапевтическое исследование личности. М., 1999. - 240 с.
4. Хусаинова Н.Ю., Рахимова А.Ф. Я-концепция наркозависимого. Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. – 108 с.

Взаимосвязь одаренности с уровнем развития коммуникативных навыков у подростков

Жарикова Е.А.

студент

Томский государственный университет, факультет психологии, г.Томск, Россия

hedgehogus@rambler.ru

Секция «Психология»

Выявление и развитие одаренных подростков, реализация их потенциальных возможностей на сегодняшний день является одной из наиболее приоритетных социальных задач. Для них очень важно психологическое сопровождение, так они имеют ряд специфических особенностей в индивидуальном развитии, одной из которых являются проблемы с общением.

Цель данной статьи – выявление взаимосвязи между одаренностью и коммуникативными навыками у подростков.

Гипотеза заключается в том, что высокая степень одаренности сопровождается низкой степенью развития коммуникативных навыков у подростков.

В рабочей «концепции одаренности» приводится следующее определение этого понятия. «Одаренный ребенок — это ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями в том или ином виде деятельности (в том числе и инициированной им самостоятельно) или потенциалом к таким достижениям».

Подростковый период - время перехода на качественно новый уровень самосознания и Я-концепции. Подросток активно ищет себя, сопоставляя себя со взрослыми и сверстниками. Ведущий тип деятельности в этом возрасте — общение со своими сверстниками. Именно здесь осваиваются нормы социального поведения, нормы морали, устанавливаются отношения равенства и уважения друг к другу. В общении осуществляется отношение к человеку именно как к человеку. Как раз здесь происходит усвоение моральных норм, осваивается система моральных ценностей.

В контексте вышесказанного очень важно рассмотреть взаимосвязь подростковой одаренности с развитием коммуникативных навыков.

В данном исследовании были задействованы для оценки влияния одаренности на развитие коммуникативных навыков у подростков следующие методики: выявление и оценка коммуникативных и организаторских способностей (методика «КОС-1»), В.В.Синявский и В.А.Федорошин; проективная методика закончи рисунок; методика «матрица Равена».

В целом, комплекс этих методик помогает выявить подростковую одаренность и степень ее влияния на развитие коммуникативных способностей, что является первоочередной потребностью подросткового возраста.

В исследовании приняли участие 39 человек, в возрасте 10-11 лет, учащиеся школы №84, г. Северска. 19 школьников, обучающиеся в классе с коррекцией зрения, и 20 школьников, обучающиеся в гимназическом классе, 60% исследуемых составляют девочки и 40% - мальчики.

Обучающиеся в коррекционном классе по зрению отличаются повышенной чувствительностью к малейшим раздражителям окружающей среды, в связи с чем, необходимо постоянно привлекать внимание к выполнению задания, стараются выполнять каждое задание как можно быстрее и ждут похвалы.

Обучающиеся в гимназическом классе очень внимательны, задают уточняющие вопросы по ходу задания, никуда не торопятся. Сосредоточенно выполняют задания, ни на что не отвлекаются.

Полученные данные были обработаны программой statistics и подвергнуты корреляционному анализу. Оценивалось 2 параметра: проявление творческой направленности и интеллектуальные показатели и их корреляция с третьим параметром: коммуникативная компетентность.

По параметру творчество (методика закончи рисунок) среднее значение составило 20,4 с дисперсией 5,68; по параметру интеллект (методика матрица равена) среднее значение составило 3,54 и дисперсией 2,01 и по параметру коммуникативные навыки (методика КОС-1) среднее значение по методикам составило 3,44 и дисперсией 1,48.

Анализ выявленных корреляций между параметрами интеллекта, творческой активности и коммуникативной компетентности у подростков показал следующие результаты:

Секция «Психология»

1. Корреляции параметра творчество с коммуникативными навыками не выявлено ($r=0,027$, $p=0,871$).

2. Корреляции параметра интеллект с коммуникативными навыками также не обнаружено ($r=-0,081$, $p=0,625$).

3. Далее испытуемые были поделены на две группы (с учетом верхнего и нижнего квартилей), и в каждой из этих групп был проведен корреляционный анализ параметров интеллекта и творчества с коммуникативной компетентностью. Корреляции у группы, имеющей верхние границы параметров интеллекта и творчества с коммуникативными навыками, не обнаружены. Однако выявлено наличие корреляций в группе, характеризующейся низкими значениями показателей по параметру «интеллект». При этом наблюдалась обратная корреляционная связь между параметром интеллекта и коммуникативной компетентностью ($r=-0,559$, $p=0,038$).

Таким образом, несмотря на предполагаемую гипотезу, сформулированную на основе анализа научной литературы, о наличии взаимосвязи между показателями интеллекта, творческой направленности и коммуникативной компетентности, данная корреляция не была выявлена в нашем исследовании. У одаренных подростков не наблюдается взаимосвязи между их одаренностью и возможными проблемами в коммуникативной сфере. Возможно, наличие подобной корреляции основывалось на представлении, что одаренные подростки обладают таким личным качеством как социальная автономность, которое может оказывать негативное влияние на формирование коммуникативных навыков, однако это не нашло подтверждения в данной научно-исследовательской работе.

Однако были получены интересные результаты, свидетельствующие о том, что в группе подростков, имеющих среднестатистические показатели по параметрам интеллекта, творческой активности и коммуникативной компетентности, выявлена корреляция между уровнем интеллекта и уровнем коммуникативных способностей. Чем более высокий уровень развития интеллекта наблюдался у подростков, тем менее были развиты коммуникативные навыки ($r=-0,559$, $p=0,038$). Эти данные могут послужить поводом для дальнейшего исследования в данной области.

Литература

1. Богоявленская Д.Б., Брушлинский А.В., Холодная М.А., Шадриков В.Д. и другие. «Одаренность. Рабочая концепция.», 2006.
2. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности. - М.: Международная педагогическая академия, 1995. - 212с.
3. Панов В.И. Если одаренность - явление, то одаренные дети - это проблема // Начальная школа: плюс - минус. - 2000. - № 3. - С. 3-11.
4. Фельдштейн Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. - М.: Международная педагогическая академия, 1995. - 368 с.
5. Хеллер К.А. Диагностика и развитие одаренных детей и подростков // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д.Б.Богоявленской. - М.: Молодая гвардия, 1997. - С. 243-264.

Морально-нравственная сфера личности как предмет психологического исследования.

Заикин В.А.³²

Студент пятого курса

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаровск, Россия

E-mail: zaroastr@yandex.ru

³² Автор выражает благодарность профессору, д.псих.н Вязниковой Л.Ф. за помощь в подготовке тезисов

Секция «Психология»

Современное состояние науки имеет ряд проблемных и диалогических вопросов в отношении проблемной области - морально-нравственной сферы личности. В классической науке сформировались два подхода к ее исследованию: философский, где частной дисциплиной, рассматривающей эту проблематику, является этика, и общенаучный, где фактически произошло «деление» предмета между правоведением, социологией и психологией. Содержательно спектр вопросов правоведения включает вопросы регулирования и регламентирования основ человеческих отношений с позиции правоспособности и санкционирования. Социологический спектр рассмотрения данной проблемы направлен на анализ морального контекста общества, этноса или группы лиц, его динамику и взаимовлияние. Психология изучает индивидуальные основы интеграции моральных норм, их интриноризацию в морально-нравственную сферу и уровень развития морального сознания личности.

Несмотря на столь широкую представленность данной проблемы, множество спорных моментов проявляется в различии позиций философских школ: естественнонаучная школа, определяющая мораль как эволюционное образование; материалистическая школа рассматривает моральную сферу как продукт деятельности анатомических и физиологических систем; идеалистическая школа трактует мораль как следствие изначальной данности (априорности) человеческого естества.

Определяя собственную исследовательскую позицию и учитывая многоплановость и процессуальность изучаемого предмета, мы обратились к гуманитарной психологии, идеи которой, на наш взгляд наиболее адекватны рассматриваемому феномену. Эти идеи близки к позиции феноменологов, рассматривающих предмет в его изначальной данности в структуре объективной реальности. Данный подход делает акцент прежде всего на психологическом аспекте исследования морально-нравственной сферы в отличие от подходов, которые обращены исключительно к материалистическим основаниям.

Помимо этого, значимым также представляется позиция ряда ведущих ученых, рассматривающих психологические теории и концепции личности. Несмотря на их кажущееся различие в базовых методологических основаниях, их объединяет обращение к психологической сущности и природе морально-нравственной сферы.

Наиболее значимым в этом плане является период позднего творчества З. Фрейда, где он обращается к проблемам индивидуальности, культуры и общества. Отстаивая позиции эволюционной и индивидуальной психологии, акцентируя внимание на антагонизме культуры, общества и личности, на сложном взаимоотношении первичных позывов и норм поведения в психике каждого человека. З. Фрейдом были сформулированы положения, которые позволили определить проблемную область морали в психологии: преобладание функционального значения морали над императивным, необходимость психологического подхода к формулированию моральных и культурных норм. Ученый делает акцент на естественнонаучном и детерминистическом понимании социальных механизмов и институтов в их психологическом значении.

Автором когнитивной психологии Ж. Пиаже была проведена параллель между формированием морального сознания и становлением когнитивной сферы. Анализируя проблемы воспитания, он пришел к выводу о том, что принуждение является негативным фактором, не способствующим моральному развитию, так как закрепляет моральные нормы только в поведении под страхом наказания. Ученым был осуществлен синтез развития морали и интеллекта, сформулирована последовательность развития (субъективизм, реализм, объективность) моральных суждений в перманентной связи с процессами групповой интеграции и социализации.

Как автор стадияльной теории нравственного развития, в контексте которой обсуждается исследование проблемы связи морального сознания и морального действия, Л. Колберг операционализировал теоретические взгляды и обосновал возможность практического изучения морально-нравственной сферы. Он показал многоэтапность перехода от морального сознания к действию, который включает деонтические

Секция «Психология»

(императивные) суждения, принятие решений, возложение на себя ответственности за действие, интерпретацию моральной ситуации, специфические умения и эго-контроль. Чем выше стадия морального развития, тем больше сознание согласуется с действием.

Результатом исследований Л. Колберга явилось создание им «Методики оценки уровня развития морально-нравственного сознания», которую мы использовали в своем исследовании. Цель исследования: выявление возможностей данной методики для изучения морально-нравственной сферы личности. Выборку составили студенты первого курса специальности «Социальная работа» в количестве 21 человек. (г. Хабаровск)

В ходе качественного анализа полученных результатов аморальных или асоциальных установок, ценностей не выявлено, что позволяет сделать вывод о гармоничном процессе социализации у всей группы обследуемых. Незрелость или инфантильность позиции проявлялась сравнительно редко (у 9%), что свидетельствует о недостаточной степени воспитательных влияний на данных испытуемых, их личностный рост. Формальность моральных суждений (у 23%) свидетельствует о недостаточной сформированности личностной позиции, хотя не исключена активация психологических защит у некоторых испытуемых в ходе прохождения исследования. Сформированность моральной позиции у 66% респондентов, что позволяет сделать вывод об устойчивости их взглядов и целостной связи между моральным суждением и моральным действием. Несформированность моральной позиции (у 19%) обусловлена наличием сверхпопытки на авторитет (религии, права), либо ригидностью воспитательных установок, порождающих недостаточность реализации адаптивной функции морали. Проявление морального поиска (у 14%) указывает на активно формирующуюся личностную позицию. Малое количество оперирования к метафизическим основаниям либо к религиозному авторитету (у 14%) указывает на реалистичное восприятие объективного мира, и устойчивость моральных воззрений. У группы испытуемых (14%), находящихся на высшей, универсально-личностной стадии развития морально-нравственной сферы, невротических тенденций не обнаружено, их ответы носят характер личностной интеграции при отсутствии категоричности суждений.

В индивидуальном плане был осуществлен качественный анализ результатов каждого испытуемого.

Литература

1. Зиновьев П.А. Погрябский К.Д. (1999) Связь морального сознания с нравственным поведением человека // Психологический журнал. № 3. с.5-37
2. Марцинковская Т.Д. (2004) История психологии. М.: Академия
3. Новейший философский словарь (2007) / Под ред. Грицанова А.А. СПб.: Литера-М
4. Пиаже Ж. (2006) Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект
5. Фрейд З. (2007) Бесстрашие истины. М.: Вагриус

Психологический анализ особенностей переживания одиночества подростками, оставшимися без попечения родителей

Зеничева О.С.³³

Аспирант 2 года обучения

*Волгоградский государственный педагогический университет,
факультет психологии и социальной работы, Волгоград, Россия*

E-mail: Zenicheva_Olesya@mail.ru

Судьба ребенка, потерявшего родителей или ставшего сиротой при живых родителях, всегда волновала и волнует общество. В России решение вопроса сиротства является приоритетной задачей на государственном уровне.

К изучению проблемы сиротства необходимо подходить с рассмотрения объективных и субъективных факторов социальной ситуации развития детей, оставшихся без

³³ Автор выражает признательность профессору, к.пс.н. Андрущенко Т.Ю. за помощь в подготовке тезисов

Секция «Психология»

попечения родителей. Мы говорим о неблагополучии «условий жизни» в учреждении закрытого типа, с одной стороны, а также о хронологическом совпадении возрастных и жизненных кризисов (ситуация «двойного кризиса») у детей-сирот, с другой.

В нашем исследовании психологический анализ жизненной ситуации подростка, воспитывающегося в учреждении закрытого типа, проводится через призму изучения одиночества и одновременно учитывает следующие позиции: исследование уровня субъективного ощущения одиночества; определение возрастного кризисного статуса подростка; выявление содержания и особенностей переживания жизненного кризиса, связанного с проживанием вне родительской семьи.

При решении поставленных исследовательских задач мы опирались на диагностический инструментарий, который включает проективные методики: «Незавершенные предложения» и свободное сочинение «Жизнь прожить – не поле перейти» (авторская методика), а также методику диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Р. Рассела и М. Фергюсона.

В ходе исследования выявлены следующие психологические особенности переживания одиночества подростками-сиротами, а также – особенности переживания ситуации «двойного кризиса»: акцентирование внимания на невозможности совладания с одиночеством такой выраженности, как оно воспринимается подростком на данном этапе; отсутствие жизненной перспективы; выраженная ориентация на внешние проявления взрослости, на опекающего взрослого; высокая интенсивность переживания жизненного кризиса, которая сопровождается наличием переживаний отрицательной модальности, указанием на трудность сложившейся ситуации.

Статистически подтверждается взаимосвязь таких факторов как высокая интенсивность переживания жизненного кризиса, проживание собственно критической фазы возрастного кризиса подростками и высокий уровень переживания субъективного одиночества подростками.

Психологический портрет подростка, интенсивно переживающего жизненный кризис и ощущающего себя одиноким, включает чувство покинутости, отверженности, изолированности. Подросток испытывает дефицит полноценного общения. Основные моменты жизни, а также жизнь в целом, окрашены для данного подростка переживаниями отрицательной модальности. Он описывает свою жизнь как трудную, сложную. В то же время подростку из детского дома свойственно стремление к поиску вариантов разрешения кризисной ситуации, возможно, для снижения максимальной интенсивности переживаний.

Литература

1. Вайзер Г.А. (1998) Смысл жизни и «двойной кризис» в жизни человека // Психологический журнал. № 5.
2. Василюк Ф.Е. (2001) Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Журнал практической психологии и психоанализа. №4.
3. Долгинова О.Б. (2000) Изучение одиночества как психологического феномена // Прикладная психология. №4.
4. Кондратьев М.Ю. (2005) Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер.
5. Erwin, Ph. (1993) Friendship and peer relations in children. New York: JOHN WILEY & SONS.

Социально-суггестивная детерминация развития личности

Иноземцева И.А.

Студенты

*Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина,
факультет психологии, педагогики и социальной работы, Рязань, Россия*

E-mail: mimiako@yandex.ru

Секция «Психология»

Психологическая наука на данный момент находится в состоянии методологического кризиса. Существует ряд противоречий между представителями психологических школ, относящих себя к двум разным научным парадигмам. Первая парадигма - сциентистская (объяснительная) психология, рассматривающая психические явления в естественнонаучном ключе, но далёкая от изучения субъективной реальности. Вторая парадигма – гуманитарная (описательная) изучает уникальную индивидуальность человека, при этом периодически отрываясь от материальных основ.

Представители первой парадигмы склонны видеть в человеке объект, формирующийся под воздействием внешних факторов, представители второй парадигмы видят в человеке субъекта, обладающего стремлением к саморазвитию, способного меняться и менять мир вокруг. Понимание человеческой личности является главным камнем преткновения в этой научной борьбе.

Разработкой проблемы человеческой личности в различных её проявлениях занимались представители различных школ психологии: психоанализа (З. Фрейд, К. Г. Юнг), гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), даже бихевиористы пришли к концепции независимой переменной, определяющей поведение субъекта. Но только в отечественной психологии учёные (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев) подошли к пониманию личности как результата социализации, не отрываясь от биологических корней Человека Разумного. Попытка объединить данные представителей естественнонаучной и гуманитарной парадигм была предпринята Б. Ф. Поршневым.

В основе данного исследования лежит концепция личности как системы самоконтроля, формирующейся в процессе социализации. Личность включает 3 уровня, а специфика уровней задаётся особенностями второсигнального взаимодействия с окружающими.

Первый уровень – уровень бессознательной регуляции (0 - 3 лет), на котором второсигнальные раздражители незначимы, поведение направляется инстинктами, а в стремлении к удовлетворению индивид способен на неконтролируемые действия, которые могут расцениваться как агрессивные. В филогенезе по теории Б. Ф. Поршнева данные качества свойственны суггесторам, лицам, воздействующим на других с целью немедленного удовлетворения собственных потребностей.

Второй уровень – уровень сознания (3 - 7 лет), на котором поведение человека контролируется дополнительно подкрепляемыми второсигнальными раздражителями извне, как получаемых от других людей, так и произвольно генерируемых через систему громкой, а затем и эгоцентрической речи. Необходимость подкрепления извне вызывает повышенную социальную тревожность. В филогенезе данные качества присущи суггерентам, лицам, подверженным внешнему влиянию, суггестии, и при воздействии извне прерывающим удовлетворение собственных потребностей ради удовлетворения потребностей других членов сообщества.

Третий уровень – уровень самосознания (7 - 15-16 лет), на котором поведение начинает регулироваться с помощью внутренней речи, не требующей внешнего подкрепления. С формированием необходимого для рефлексии абстрактного мышления, завершается пубертатный кризис идентификации. В филогенезе по теории Б. Ф. Поршнева способность к абстрагированию (на основе дипластии) приводит к формированию психики Homo Sapiens Sapiens и появлению способности выбирать, чьи потребности – свои или окружающих удовлетворять в данный момент времени.

После пубертатного кризиса один из структурных уровней личности начинает доминировать в процессе саморегуляции. В зависимости от того, какой из уровней берёт верх, поведение человека изменяется либо в сторону суггестивности (недостаточно сознательной регуляции с оказанием воздействия на окружающих), либо в сторону суггерентности (сознательная регуляция поведения с подчинением окружающим), либо в сторону дипластии (регуляция на уровне самосознания, проявление способности свободно руководить своим поведением, выраженной в высоком уровне субъективного контроля).

Секция «Психология»

Суггестивность нейрофизиологически может быть выражена резким доминированием левого полушария, ответственного за генерацию речи и построение программ поведения, а суггерендность – резким доминированием правого полушария, ответственного за восприятие интонаций речи, имеющих смысловое значение. Высокий уровень адекватного самоконтроля возможен только при интеграции деятельности полушарий без резкого доминирования одного над другим.

На базе РГУ имени С. А. Есенина было проведено исследование выборки студентов численностью 50 человек. Изучалась межполушарная асимметрия (методика Доброхотовой – Брагиной), уровень субъективного контроля (тест Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда), ведомость и доминантность (по шкалам опросника Роджерса-Даймонда), а также уровень тревожности и агрессивности (шкалы теста самооценки психических состояний Г. Айзенка).

Были выявлены следующие результаты.

У студентов с доминированием правого полушария был отмечен самый высокий уровень тревожности (в среднем 10,5) и ведомости (в среднем 13,95), а также самый низкий уровень доминантности (в среднем 7,32). То есть, выявлены признаки суггерендности личности в социальном взаимодействии.

У студентов с доминированием левого полушария был отмечен самый низкий уровень тревожности (в среднем 7,62) и ведомости (в среднем 13,04), а также самый высокий уровень доминантности (в среднем 9,27). То есть, выявлены признаки суггестивности личности в социальном взаимодействии.

У студентов с высоким уровнем субъективного контроля уровни тревожности (8,09), агрессивности (9,73), ведомости (13,09) и доминантности (8,91) оказались средними. В целом средняя выраженность данных характеристик адаптивна, так как исключает крайности в рефлексии (сильно повышенная или пониженная тревожность), так и крайности в области контроля (недостаток самоконтроля или избыток контроля над окружающими). Уровень субъективного контроля положительно связан одновременно с уровнем тревожности (умеренная корреляция 0,425097) и с уровнем доминантности (умеренная корреляция 0,40938), то есть, на его формирование самоконтроля оказывают воздействие факторы, связанные с активностью как правого, так и левого полушарий. Это может говорить о более высоком уровне интеграции деятельности полушарий, о более тесном взаимодействии первой и второй сигнальных систем, дипластии, обеспечивающей адекватную работу самосознания и высокий самоконтроль.

Изучение личности как системы самоконтроля позволяет увидеть как физиологическую, так и социальную подоплёку ряда психологических явлений, и является перспективным направлением для объединения усилий представителей естественнонаучной и гуманитарной парадигм в создании диагностических и коррекционных методик для работы с проявлениями тревожности и агрессивности, всё чаще встречающимися в современном мире.

Место и значение перинатальной психологии в системе психологических знаний

Казачихина М.В.

Аспирант института психологии

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Екатеринбург, Россия

E-mail: kazachihin@mail.ru

В настоящее время в связи увеличение уровня рождаемости в стране представляет собой задачу первоочередной государственной важности. Обеспечение будущего России здоровыми поколениями полноценных людей невозможно без учета знаний об уникальности процесса внутриутробного развития и его влияния на всю последующую жизнь личности, разработки на их основе широкомасштабных государственных программ,

Секция «Психология»

нацеленных на изменения в практике родовспоможения, ведения беременности. Психологическими разработками этих тем занимаются психологи и психотерапевты, работающие в русле перинатальной психологии. Эти специалисты работают как в государственных учреждениях – женских консультациях, родильных домах и др., так и негосударственных – медицинских центрах, центрах подготовки беременных, школ для родителей и т.д.

Перинатальная психология – новая область знаний, изучающая обстоятельства и закономерности развития психики человека на ранних этапах (антенатальный, интранатальный, неонатальный) и их влияние на всю последующую жизнь личности. Объектом изучения является диада «мать-дитя», а объектом воздействия психолога-практика – будущая мама, семья.

История возникновения и развития перинатальной психологии и психотерапии связана с развитием психодинамического подхода и ряда его направлений и практических приложений: теории объектных отношений, теории привязанности, трансперсональной психологии и психосоматики.

В последние годы XX в. произошел поворот в сторону научного теоретического и методологического осмысления проблем пренатального и перинатального периода развития психики человека. В отечественной психологии и психотерапии предложены концепции психофизиологии материнской доминанты (Батуев А.С, Васильева В.В.); психологии материнства и психологии репродуктивной сферы (Филиппова Г.Г.), перинатальной психотерапии (Добряков И.В.), теоретическое обоснование и практическое приложение перинатальной психологии к коррекции беременности (Коваленко Н.П.) и подготовки к родительству (Ланцбург М.Е.) и др. С 1993 г. образуются научные секции и ассоциации, регулярно проводятся тематические конференции и конгрессы, организуются симпозиумы на психологических и психотерапевтических конференциях и конгрессах.

В настоящее время в нашей стране можно констатировать проникновение научно-обоснованных методик в практическую работу перинатальных психологов и психотерапевтов; растет взаимопонимание между перинатальными психологами, психотерапевтами и врачами-акушерами (свидетельством тому является большое количество сборников совместных научных работ, опубликованных в последние годы).

Тенденция роста взаимоуважения и взаимопонимания врачей и психологов находит отражение и в появлении интереса к перинатальной психологии у руководителей, организаторов служб родовспоможения, охраны материнства и детства.

Все больше становится врачей, не просто лояльно относящихся к перинатальным психологам, но и активно интересующихся психологией, повышающих свое образование в этой области, задумывающихся о том, как применить эти знания в собственной практической деятельности. Разрабатываются новые специальные психотерапевтические методики, предназначенные для сопровождения, лечения беременных женщин, младенцев, членов их семей. Можно говорить о новом направлении в психотерапии — перинатальном.

Перинатальная психотерапия является практическим приложением перинатальной психологии – как самостоятельной области психологии, сложившейся в последние четверть века.

Перинатальную психотерапию можно определить как систему лечебного психического (психологического) воздействия на психику женщины и ребенка в антенатальном (герминальном, эмбриональном, фетальном), интранатальном и постнатальном периодах, а через психику на организмы женщины и ребенка (Добряков И.В., 2000, 2001).

В практике психотерапии в середине и второй половине XX в. появились и упрочились представления о влиянии родового процесса и внутриутробного опыта на формирование различных психических свойств человека и его взрослую жизнь. Появились определения «перинатальный опыт», «перинатальные проблемы»,

Секция «Психология»

«перинатальные травмы». Особенностью психотерапевтической практики этого направления является то, что работа направлена на взрослого человека, а в плане диагностики и терапии используются методы реконструкции, основным приемом работы является введение человека в измененное состояние сознания (трансовое, медитативное, релаксационное и т.п.).

В последние годы на работу перинатальных психологов и психотерапевтов оказывает влияние изменение контингента, с которым приходится работать. Увеличение количества перинатальных психологов, разнообразие предлагаемых форм работы привело к возможности выбора пациентами (клиентами) того, что наиболее соответствует их взглядам, представлениям, материальным возможностям. В этом есть и положительные, и отрицательные моменты. С одной стороны, конкуренция предполагает повышение качества работы, с другой — на практике нередко более привлекательными могут выглядеть лучше «раскрученные», но далеко не всегда оптимальные и полезные для здоровья формы перинатальной работы. Возникает опасность конъюнктуры в ущерб качеству. В этой ситуации особое внимание должно уделяться разработке качественных способов оценки эффективности перинатальных методик, программ дородовой подготовки. Очень хочется, чтобы в прошлом остались оценки своей работы перинатальных психологов, основывающиеся лишь на субъективной оценке своего состояния пациентками, на впечатлениях самого психолога. «Если весомость субъективных впечатлений относительно родовспоможения не оценивается формальными критериями, эффективные методы никогда не будут определены и не будет возможности внедрить их должным образом» (Enkin M., Keirse M., Renfrew M., Neilson J., 1995). При этом нужно понимать, что такие критерии, как отсутствие осложнений в родах, вес новорожденного, оценка по шкале Апгар, биохимические показатели и т.п., не являются достаточными. Критерии эффективности дородовой подготовки должны быть комплексными.

Во избежание проблем, порожденных невежеством, общество нуждается в активном внедрении знания о психологической уникальности процессов перинатального развития и беременности и о мерах, способствующих рождению здоровых детей, способных обеспечить будущее нации. В качестве таковых можно назвать просветительскую, психологическую и психотерапевтическую работу с беременными, разработку новых медицинских технологий, социально-просветительские программы, нацеленные на формирование адекватных представлений о перинатальном периоде и его последствиях.

Литература

1. [Добряков И.В.](#) (2004) Современные тенденции развития отечественной перинатальной психологии и психотерапии // Перинатальная психология и психология родительства. №2.

УДК 159. 922. 6 (045)

Особенности самооценки подростков с разным уровнем академической успеваемости

Каргина О.М.

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия

E-mail: kargin06@rambler.ru

Подростковый возраст можно считать моментом развития самооценки, который сопровождается у подростка целой гаммой переживаний. Самооценка оказывает влияние на поведение подростка и формирует его личность. Являясь важнейшим компонентом самосознания, самооценка выступает необходимым условием гармоничных отношений подростка, как с самим собой, так и с другими людьми.

Секция «Психология»

Теоретический анализ литературных источников показал, что проблема изучения самооценки является одной из распространенных в современной психологии, нашло свое отражение во многих работах отечественных и зарубежных психологов, таких, как А. Н. Леонтьев, В. В. Столин, И. И. Чеснокова, Л. И. Липкина, И. С. Кон, Р. Бернс и другие. Эти авторы изучали влияние самооценки на познавательную деятельность человека (восприятие, представление, решение интеллектуальных задач), место самооценки в системе межличностных отношений; определяли приемы формирования самооценки, а при ее деформации - приемы преобразования путем воспитательных воздействий [3], [5], [6].

По мнению ряда исследователей, самооценка функционирует как часть самосознания, возникает на основе обобщающей работы процессов самосознания, которая проходит различные этапы и находится на разных уровнях развития в ходе становления личности [4]. Самооценка постоянно изменяется, совершенствуется и включает в себя следующие элементы: образы «Я - реальный», «Я - идеальный», результат сопоставления этих образов и самоотношение к результату сопоставления. Самооценка есть отношение личности к результатам сопоставления своих образов реального и идеального «Я» [1], [2].

Наше исследование мы проводили на базе МОУ «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 18» г. Саранска Республика Мордовия с подростками 7-х классов в количестве 54 учеников. Целью нашего исследования явилось сравнительное изучение самооценки подростков с высоким и низким уровнем академической успеваемости. В нашем исследовании мы сделали предположение о том, что наблюдаются различия в особенностях самооценки у учеников в зависимости от уровня академической успеваемости. В этой связи мы решили выбрать две категории испытуемых – с высоким и низким уровнем академической успеваемости.

В своем экспериментальном исследовании мы использовали метод экспертных оценок, методику «Какой Я» (Ф. Хоппе), методику Т. В. Дембо-Рубенштейна в модификации А. М. Прихожан.

На первом этапе мы предложили учителям, которые ведут занятия в 7-ом классе, выделить три категории учащихся – с высоким, низким и средним уровнем академической успеваемости. В результате экспертного оценивания мы получили следующие данные: у 15 учеников - высокий уровень академической успеваемости, у 13 - низкий и у 26 - средний.

На втором этапе нами были изучены особенности самооценки. Вначале мы использовали методику «Какой Я» (Ф. Хоппе). Согласно полученным данным, у 6 (40 %) учеников с высоким уровнем академической успеваемости выявлен высокий уровень развития самооценки, у 8 (53,3 %) учеников средний и у 1 (6,7 %) низкий уровень. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что у подростков с высоким уровнем академической успеваемости в основном средний уровень развития самооценки. Совершенно иная картина обнаружилась в группе учащихся с низким уровнем академической успеваемости, где школьников с высоким уровнем самооценки оказалось 8 (66,7 %), учеников со средним уровнем 4 (33,3 %). Подростков с низким уровнем самооценки в данной группе не оказалось. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что у этих подростков отсутствует критичность, своя точка зрения при оценивании себя. Полученные результаты методики «Какой Я» (Ф. Хоппе) свидетельствуют о том, что подростки с низким уровнем академической успеваемости имеют высокий уровень самооценки, а у подростков с высоким уровнем академической успеваемости в основном средний уровень самооценки.

Дополнительно для исследования самооценки нами была отобрана методика Т. В. Дембо-Рубинштейн в модификации А. М. Прихожан. Согласно полученным данным, у 5 (33,33 %) учеников с высоким уровнем академической успеваемости выявлена высокая самооценка, у 8 (53,33 %) учеников – средняя и у 2 (13,33 %) - низкая самооценка. В группе учеников с низким уровнем академической успеваемости

Секция «Психология»

наблюдаются следующие результаты. У 8 (66,7 %) учеников высокая самооценка, у 3 (25 %) средняя и у 1 (8,3 %) низкая самооценка.

Анализ результатов экспериментального исследования позволил сделать нам следующий вывод. У подростков с высоким уровнем академической успеваемости самооценка в основном средняя, тогда как у подростков с низким уровнем академической успеваемости наблюдается неадекватно завышенная самооценка. Подводя итоги, можно сказать о том, что в зависимости от уровня академической успеваемости подростков наблюдаются различия в особенностях самооценки.

Литература

1. Бороздина, Л. В. Что такое самооценка? / Л. В. Бороздина // Психологический журнал. - 1992. - № 4. – С. 99 - 100.
2. Зинченко, Е. В. Самооценка и её параметры / Е. В. Зинченко // Психологический журнал. – 2006. - № 3. – С. 18 – 30.
3. Липкина, А. И. Критичность и самооценка в учебной деятельности / А. И. Липкина, Л. А. Рыбак. – М. : Просвещение, 1968. – 142 с.
4. Резниченко, М. А. Особенности самооценки старших школьников при овладении способами учебной работы / М. А. Резниченко // Вопросы психологии. – 1986. - № 3. – С. 35 - 44.
5. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М. : Просвещение, 1983 – 480 с.
6. Чеснокова, И. И. Особенности развития самооценки в онтогенезе / И. И. Чеснокова // Принцип развития в психологии. – М. : Наука, 1978. – С. 316 – 336.

Сравнительный анализ «образа семьи» у дошкольников из ДООУ и детского дома

Карелина Е.А.

Аспирант

Удмуртского государственного университета Институт психологии педагогики и социальных технологий г. Ижевск Россия.

Elena-asp@yandex.ru

Изучение социально- перцептивных образов является одной из актуальных тем в современной психологии. Особую роль в данном ряду занимает изучение образа семьи. Т.М. Мишина в 1983 году ввела понятие «образ семьи, или образ «мы»», под которым понимается целостное, интегрированное образование - семейное самосознание» Одной из наиболее важных функций семейного самосознания является целостная регуляция поведения семьи, согласование позиций отдельных ее членов. Образ семьи, образы отца и матери являются одной из детерминант поведения как в семье так и за ее пределами на многие годы и влияют на формирования различных качеств характера ребенка. Поэтому понимание механизмов формирования образа семьи у ребенка имеет практическое значение.

Нами была проведена работа по изучению различий в образах семьи у двух групп дошкольников: детей, воспитывающихся в семьях посещающих ДООУ(48 испытуемых) и социальных сирот, воспитывающихся в детском доме(27испытуемых). Возраст детей от 4 до 7 лет.

В исследовании мы использовали следующие методы и методики: проективный тест «Рисунок семьи» (модификация Тихорецкой Н.Н., ребенку предлагается изобразить «какую-нибудь семью»), беседу, наблюдение за свободными играми детей, критерий Манн- Уитни. Установлены статистически значимые различия, полученные в ходе исследования, занесены в таблицу.

Показатели	Процент испытуемых, у	Достоверность различий
------------	-----------------------	------------------------

Секция «Психология»

	которых присутствует данный показатель		U-критерий Манна-Уитни	Значимость (p)
	Воспитанники ДОУ	Социальные сироты		
Методика «рисунок семьи»				
Присутствует изображение мамы	97% рисунков	64% рисунков	182	0,001
Присутствует изображение себя	92%	35%	118	0,0001
Фигуры держатся за руки	68%	57%	144	0,004
Фигуры имеют волосы	79%	35%	153,5	0,003
Одежда хорошо прорисована	57%	14%	118,5	0,0001
Использование желтого цвета	61%	14%	144	0,003
Общее количество цветов в рисунке	4,7	1,85	81	0,0001
Величина фигуры «я» относительно величины фигур родителей	«я», как правило, меньше родителей	«я», как правило, больше родителей	91	0,0001
Между фигурами мужчин и женщин есть отличия	0,73	0,21	127	0,0001
Присутствует сильная штриховка	0,07	0,73	109	0,0001
Данные беседы				
Ребенок смог ответить на вопрос: «в каком месте семья находится на рисунке?»	97%	30%	82	0,0001
Ребенок смог ответить на вопрос: « Чем занимаются члены семьи на рисунке?»	92%	30,7%	95	0,0001

• Итак, образ семьи у детей сирот значительно отличается от образа семьи у детей, воспитываемых родителями. Отличия можно наблюдать как в сфере когнитивных представлений (см данные беседы), так и в сфере эмоционального отношения к объектам (отсутствие фигуры матери, бедность красок и т.п.). Наличие отличий в области эмоционального отношения говорит о том, что их причины лежат не просто в отсутствии знаний о семье или опыта проживания в семье у ребенка, а в глубинных личностных структурах. Отсутствие в их мире «мира взрослых» (дети из детского дома не наблюдают, как взрослые относятся к друг другу, как общаются), «материнская депривация», «безусловность сверстника» приводит к обеднению и качественному искажению в первую очередь эмоционально-волевой сферы.

Мы планируем проведение формирующего эксперимента с целью выявления причин дефектов образа семьи у ребенка сироты и их психологической коррекции

К вопросу об изучении распознавания эмоций детьми.

Клят Н.О.

аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

natashaklyat@mail.ru

Исследования эмоциональной сферы детей последнее время приобретают все большую популярность. Известно, что в приспособлении человека к социальной среде важную роль играют межперсональные эмоциональные отношения, одним из важных компонентов которых является правильное опознание эмоционального состояния. Многочисленные исследования развития эмоциональной сферы детей показали важность понимания детьми как собственных, так и чужих эмоций в социальном взаимодействии.

Различные авторы включают в термин понимание (*understanding*) эмоций разные компетенции. Так, наиболее распространенное определение понимания (распознавания) эмоций включает в себя такие характеристики как способность опознать эмоцию, выявить ее последствия и осознать переживание эмоции [1,2,6]. На распознавание эмоций влияет множество факторов, таких как нервные механизмы, процессы переработки информации [1], уровень развития речи и интеллекта [3,4], особенности отношений в семье и со сверстниками, опыт эмоциональных переживаний [5]. Это перечисление можно продолжать, но, очевидно, что понимание эмоций является сложным процессом, в котором участвуют различные механизмы и разноуровневые процессы.

Наиболее часто исследование распознавания эмоций сводится к анализу мимических проявлений эмоций. Одним из наиболее информативных источников, из которого мы получаем представление о чувствах другого человека, его переживаниях, является лицо. Именно из анализа мимических проявлений мы черпаем большое количество информации. Однако при организации исследования распознавания эмоций часто бывает трудно разделить понимание мимической компоненты эмоции от ее словесного обозначения, а следовательно уровня речевого развития. Так, интересное исследование было предпринято М. Spackman, М. Fujiki, В. Brinton, D. Nelson, J. Allen [5], которые постарались отделить способность опознания эмоций по выражению лица от ее словесного высказывания. Авторы изучили особенности распознавания эмоций детьми с нарушениями речевого развития и детьми, развивающимися нормально. В результате исследователи не выявили различий в успешности распознавания эмоций между группами детей с нарушениями речи и контрольной, лишь эмоции страха и удивления дети контрольной группы опознавали лучше. В исследовании авторы минимизировали влияние речевого развития ребенка на успешность распознавания эмоций путем невербального взаимодействия с детьми (авторы просили ребенка показать какую эмоцию испытывает человек на фотографии на специальных картинках, образно отражающих базовые эмоции, предварительно убеждаясь, что ребенок верно понимает образы на картинках).

В большинстве случаев при распознавании эмоций мы опираемся не только на мимику собеседника, но и на его жесты, позы, речь, интонации, учитываем ситуационный контекст. Однако изучение распознавания эмоций с учетом этих характеристик представляется довольно сложным с точки зрения методической организации исследования, поэтому лишь немногие авторы изучают распознавание эмоций с учетом ситуационного контекста. Так, в исследовании М. Rosnay, Р. Harris [4] записывали выражения лиц респондентов-дошкольников на определенные эмоциональные ситуации на видео, после чего демонстрировали это сверстникам, которые должны были определить, какую эмоцию испытывает ребенок. Таким образом, в данном исследовании был учтен ситуационный контекст, однако так как ребенок должен был назвать эмоцию, оказался неучтенным уровень речевого развития.

В исследовании J. Strayer, W. Robins [3] изучали, как связаны мимическое выражение ребенком эмоций и характер переживания и осознания этих эмоций. Авторы выявили связь между этими показателями, однако около трети детей говорили о том, что переживали «радость» или «нейтральную эмоцию», в то время как в мимике были зафиксированы черты переживания «негативных» эмоций (испуга, грусти). Таким образом, основываясь на результатах данного исследования, осознание ребенком эмоции

и ее мимическое выражение могут расходиться. Также были выявлены как гендерные особенности, так и возрастные различия в переживании и осознании эмоций.

Также особенности взаимодействия ребенка с окружающими, опыт переживания эмоций и характер привязанности оказывают большое влияние на распознавание эмоций. В многочисленных исследованиях было выявлено, что отношения ребенка с близким взрослым связаны с успешностью распознавания эмоций. Так, в исследовании A.Edwards, K.Shipman и A.Brown [2] были выявлены различия в успешности распознавания эмоций между детьми с разным характером отношений с матерью. В диадах, где мать была склонна к переживанию негативных эмоций и отвержению, выражение ребенком своих эмоций имело меньший отклик со стороны матери, а также обсуждение испытываемых ребенком эмоций было редкостью, при этом мать транслировала ребенку негативные эмоции (наблюдение проводилось в процессе совместной деятельности). Такие дети существенно хуже распознавали эмоции.

Распознавание эмоций включает не только понимание чужих эмоций, но и осознание собственных, а также возможность управления ими. Таким образом, при изучении распознавания эмоций необходимо учитывать факторы, которые могут оказывать влияние на успешность ребенка в этой области, такие как уровень развития вербальных способностей, особенности процессов переработки информации, семейные отношения и отношения со сверстниками.

Литература

1. Люсин Д.В. Стратегии переработки информации при распознавании эмоций// Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2007. Т. 4. № 4.
2. A.Edwards, K.Shipman, A.Brown The Socialization of Emotional Understanding: A Comparison of Neglectful and Nonneglectful Mothers and Their Children// Child Maltreatment, 2005
3. J.Strayer, W.Roberts Facial and Verbal Measures of Children's Emotions and Empathy// International Journal of Behavioral Development, 1997
4. M. de Rosnay, P. L. Harris Individual differences in children's understanding of emotion: The roles of attachment and language// Attachment & Human Development – 2002, V. 4
5. M. Spackman, M.Fujiki, B.Brinton, D.Nelson, J.Allen The Ability of Children With Language Impairment to Recognize Emotion Conveyed by Facial Expression and Music// Communication Disorders Quarterly 2005, №26
6. R.Adolphs Recognizing Emotion From Facial Expressions: Psychological and Neurological Mechanisms// Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews, 2002

Динамика привязанности в диаде «мать – дитя» в первые годы жизни ребенка

Коденцева Н.В.³⁴

студентка

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
факультет педагогики и психологии, Нижевартовск, Россия*

E-mail: snegirevatanya@mail.ru

В последнее время внимание психологов всего мира направлено на проблемы раннего детства. Именно в этот период происходит интенсивное развитие и рост человека. Новообразования, приобретенные в этом промежутке времени оставляют отпечаток на всем онтогенезе человека. Обеспечение безопасности, стабильности и комфортной жизни ребенка есть ни что иное, как фактор, ведущий к формированию привязанности ребенка к взрослому. Привязанность к взрослому человеку является биологической необходимостью

³⁴ Автор выражает благодарность доценту, к.псх.н. Снегиревой Т.В. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

и изначально психологическим условием для развития младенца. Х. Фалберг определяет привязанность как стремление к близости с другим человеком и старание эту близость сохранить. Привязанность имеет определенную ценность с точки зрения самосохранения. С помощью объекта привязанности ребенок оценивает также степень опасности новой ситуации. Привязанность ребенка, как и у животных, обусловлена врожденными, генетическими механизмами и обеспечивает выживание и благополучие потомства (М. Эйнсворт, И. Боубли).

Ранний возраст – время интенсивного развития ребенка, приобретения новых навыков, новообразований, преломлений в ходе кризисов. Ребенок меняется очень быстро, меняются его отношения с взрослыми, главным образом с матерью. Развитие отношений ребенка с матерью на протяжении его первых двух лет жизни характеризуется определенной динамикой привязанности.

Исследование проводилось на протяжении двух лет, в условиях естественного эксперимента, в котором изучалось изменение поведения ребенка в непривычной ситуации, а именно при разлуке с матерью, степень воздействия такой ситуации и то, насколько легко удавалось матери успокоить малыша после слабого стресса, как изменялась в этих условиях познавательная активность ребенка. При диагностировании фиксировались изменения следующих показателей: адресованность, вокализации, длительность, интенсивность, так же фиксировались характеристики взгляда.

Полученные данные позволяют судить об интенсивном развитии привязанности: в период от 5 месяцев до 9 месяцев привязанности ребенка к матери начинает более активно проявляться – все активные действия направлены на взрослого (общение является ведущей деятельностью в первом полугодии жизни). Первую половину года можно назвать периодом эмоционального общения ребенка с взрослым. Формой общения ребенка с взрослым является ситуативно-личностная, для которой характерны потребность во внимании взрослого, личностные мотивы общения и экспрессивно — мимические средства. Несмотря на свою кажущуюся бессодержательность и примитивность, первая форма общения играет исключительно важную и даже ключевую роль для дальнейшего развития ребенка. В этот период закладываются наиболее фундаментальные, глубинные основания личности. Одно из них — «выделенность» самого себя и начальная форма самосознания. Результаты исследований, проведенных в 5 месяцев и в 9 месяцев, имеют отличия, т.к. формирование привязанности проходит через несколько стадий. Первоначально привязанность проявляется как начальная ориентировка и неизбирательная адресация сигналов любому лицу. Затем привязанность проявляется достаточно ярко, что характерно для надежного типа привязанности, когда ребенок использует мать в качестве "надежной базы" для исследовательского поведения и источника, дающего чувство защищенности.

Проведенное исследование позволило проследить динамику привязанности на первых годах жизни ребенка, остается открытым вопрос развития привязанности ребенка к матери в течение третьего года жизни ребенка, что так же является актуальной и требующей дополнительного изучения проблемой.

Литература

1. Авдеева Н.Н. Привязанность ребенка к матери и образ себя а раннем детстве // Вопросы Психологии 1997. №4. С. 3 – 12.
2. Авдеева Н.Н. Становление образа себя у детей первых трех лет жизни // Вопросы Психологии 1996. №4. С. 5 – 14.
3. Батуев А.С., Кащавцев А.Г., Соболева М.В. Зрительное предпочтение как проявление привязанности у детей первого года жизни // Вопросы психологии 1996. №4. С. 127 – 133.

Секция «Психология»

4. Батуев А.С., Кашавцев А.Г., Соболева М.В. Исследования зрительного предпочтения у новорожденных детей в ситуации выбора. // Вопросы психологии 1995. №3 С. 82 – 102.
5. Батуев А.С., Соколова Л.В. Учение о доминанте как теоретическая основа формирования системы «мать – дитя» // Вестник Санкт – Петербургского ун-та. 1994 Сер. 3 Вып. 2. №10. С. 82 – 101.
6. Мещерякова С.Ю. Влияние общения со взрослым на психическое развитие младенца / Мозг и поведение младенца / Под. Ред. О.С. Андрианова. М.: Ин-т психологии РАН. 1993. С. 184 – 220.
7. Мозг и поведение младенца. М.: ИПИ РАН, 1993.
8. Развитие личности ребенка. М.: Прогресс, 1987.

Особенности влияния состояний фрустрированности на мотивационную сферу старших подростков

Козачук Е.А.

студентка

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
факультет педагогики и психологии, Нижевартовск, Россия*

E-mail: gtkuzer_dk@mail.ru

Одним из психических состояний, необычных по своей природе и сущности, является фрустрация. Под фрустрацией понимается специфическое эмоциональное состояние, возникающее на пути к достижению цели при столкновении человека с препятствиями и сопротивлениями, которые или реально непреодолимы, или воспринимаются как таковые. Уровень фрустрации зависит от силы интенсивности фрустратора, функционального состояния человека, от сложившейся ситуации. Способы, которыми пользуются подростки в целях снижения эмоционального напряжения и выхода из стрессовой ситуации зачастую агрессивны или аддиктивны.

В процессе учебной деятельности, ориентированной на конкурентную борьбу, усиливается влияние негативных факторов, воздействующих на личность. Внутренний мир личности подвергается сильному воздействию среды и провоцирует появление различных психических состояний.

Согласно Н.Д.Левитову, «фрустрация должна рассматриваться в контексте более широкой проблемы - выносливости по отношению к жизненным трудностям и реакции на эти трудности». Всякое психическое состояние является как переживанием, так и деятельностью, имеющей некоторое внешнее выражение. Другими словами, психическое состояние характеризуется единством переживаний и деятельности. Необходимо рассматривать те трудности, которые являются действительно непреодолимыми препятствиями или преградами, барьерами, оказывающимися на пути к достижению цели, решению задачи, удовлетворению потребности. Исследуя состояние фрустрации, С.Розенцвейг разделил все возникающие реакции на: экстропунитивные (внешненаправленные), интропунитивные (внутренненаправленные) и импунитивные (ненаправленные). В отечественной психологии фрустрация рассматривается как один из видов психических состояний, выражающихся в характерных особенностях переживаний жизненных трудностей (К.Д. Шафранская) и состояния неудовлетворённости (Н.Д. Левитов). Б.Г.Ананьев подчеркивал, что в большинстве случаев фрустраторы, дезорганизуя индивидуальное сознание и поведение человека, имеют социальную природу и связаны с распадом и нарушением социальных связей личности, с изменением социального статуса и социальных ролей, с различными нравственными и социальными утратами

Практически не затронут тот факт, что вызванное фрустрацией напряжение может способствовать достижению цели, фокусируя внимание индивида более твердо на

Секция «Психология»

конкретном мотиве, действующем в данный момент. Данный мотив становится более выраженным, и другие конкурирующие потребности, желания и интересы при этом относительно теряют в своей силе, усиливается привлекательность ещё недостигнутой цели. Это явление носит название конструктивного эффекта фрустрации. Конструктивный эффект фрустрации выражается в интенсификации усилия. В определённых пределах, чем больше препятствие, тем больше мобилизация сил для их преодоления. Эти пределы характеризуются понятием фрустрационной толерантности (порог терпимости личности к раздражителям). Фрустрация проявляется из-за неудовлетворенности личностно-значимых мотивов. Попытки достичь цели, приводят к ещё более активным действиям в том же направлении. Лишь в условиях наличия препятствия сила мотива достигает своего максимума. Не встречая сопротивления, деятельность по достижению цели носит привычный характер, её мотивация оказывается периферической.

Цель исследования - выявить особенности влияния психических состояний на мотивационную сферу старших подростков.

Гипотеза – фрустрационная ситуация, как травмирующий фактор, может влиять на личностно-значимую мотивацию старших подростков.

По результатам проведенных исследований выявлено следующее: наиболее выраженным негативным психическим состоянием является *агрессия* (средний балл: 11,3 у мальчиков, 10,3 у девочек); проявление *ригидности* достаточно представлено (средний балл: 8,6 у мальчиков, 10,2 у девочек); средняя выраженность *тревожности* (средний балл: 6,3 у мальчиков, 9,2 у девочек). Проявления *фрустрации* (средний балл: 5,9 у мальчиков, 7,8 у девочек) находится на самом низком уровне по сравнению с другими показателями. Для мальчиков это низкий средний уровень фрустрированности, для девочек – средний. Тем не менее, остальные данные, характеризующие последствия фрустрации достаточно выражены у обоих полов. Преобладающими мотивами старших подростков-девочек являются: *мотивация процессом* (4,3) и *мотив благополучия*(4). Преобладающими мотивами у мальчиков являются: *мотивы благополучия* (4,2) и *мотив престижа* (3,8). Фрустрационная ситуация как психологическое состояние является фактором, влияющим на мотивацию старших подростков в частности девочек, т.к. у них выявлены высокие показатели ригидности, тревожности (как последствий фрустраций и проявлений фрустраций), а также проявилась зависимость с мотивационной сферой, а именно с высокими показателями мотивации процессом (как внутренний мотив учебы, т.е. включенность в учебный процесс). Таким образом: аспекты, которые несут в себе большее количество препятствий (фрустраций, травмирующих ситуаций) для испытуемых усиливают мотивацию в данной области. Гипотеза статистически подтверждена.

Литература

1. Василюк Ф.Е.(2002). Современные представления о переживании. М.
2. Ганзен В.А.(2001) Описание психических состояний человека // Хрестоматия: Психические состояния / Сост. Куликов Л.В. СПб.; Питер
3. Левитов Н.Д.(2001) Классификация психических состояний // Хрестоматия: Психические состояния / Сост. Куликов Л.В. СПб.; Питер.
4. Каширский Д.В.(2002) Мотивационно-потребностная сфера подростков с психологическими проблемами // Вопросы психологии.. №1.
5. Горбатков А.А.(2001) Положительные и отрицательные эмоции: взаимосвязь и их зависимость от уровня субъектного развития индивида // Пс. журнал. Т. 22. №1.

Различающееся родительское отношение и его взаимосвязь с личностными характеристиками сиблингов.³⁵

Козлова И.Е.

Аспирант

³⁵ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант №06-06-00227).

Общеизвестно, что родные братья и сестры, растущие в одной семье, могут быть столь же непохожими друг на друга, как дети, выросшие в разных семьях и не имеющие генетического сходства (Turkheimer and Waldron, 2000). Одним из важных факторов, определяющим данные различия между сиблингами, является «различающееся родительское отношение» (Differential Parental Treatment). В зарубежных работах этот феномен понимается как различия в отношении родителей к детям или восприятие данных различий детьми. (Plomin, 2001).

Несоответствия в родительском отношении впервые были описаны в психоанализе и в теории социального научения. В данных концепциях предполагалось, что эти различия влекут за собой негативизм в сиблинговых отношениях, стимулируя чувства конкуренции и гнева. (Brody, 1998)

В современной науке есть несколько подходов к пониманию данного феномена.

Во-первых, родители могут по-разному относиться к сиблингам, выделяя среди них "любимчика", в отношении с которым может наблюдаться больший уровень привязанности и эмоциональной близости.

Другим типом различающегося родительского отношения является несогласованность в родительской паре в отношении к детям. Мать и отец могут предъявлять различные требования по отношению к детям и демонстрировать разный уровень принятия (ситуация, при которой один родитель идентифицирует себя с одним ребенком, а другой - с другим).

Третий тип связан с тем, как характер родительского отношения меняется с возрастом ребенка, воспитывается ли младший ребенок в определенном возрасте так же, как в этом возрасте воспитывался старший, или существуют различия.

Следует отметить, что различающееся отношение является неотъемлемой частью детско-родительских отношений, поскольку грамотное и сензитивное воспитание зачастую требует того, чтобы в семье с детьми обращались по-разному. Дети разных возрастов требуют соответствующего уровню их развития воспитания, родителям необходимо учитывать поведенческие стили и темпераментные особенности сиблингов

В своем исследовании мы ставили перед собой цель изучить влияние характера различающегося родительского отношения, как отцовского, так и материнского, на личностные особенности сиблингов с учетом их порядка рождения.

Выборка включала в себя 254 полных семьи, имеющих двух детей в возрасте от 7 до 23 лет. Разница в возрасте между сиблингами не превышала 5-ти лет. Средний возраст старшего ребенка – 18 лет, младшего – 14,5, матери – 43,6, отца – 46,2. Все семьи проживают в Москве и Московской области.

В диагностике личностной сферы в подростковом и юношеском возрасте использовались следующие методики:

- 1.) тест Айзенка (Русалов, 1992);
- 2.) тест-опросник уровня субъективного контроля, позволяющий оценить регуляторные механизмы социального поведения личности (Бажин, Голынкина, Эткинд, 1993);
- 3.) шкала поведенческой активности, представляющая собой адаптацию шкалы поиска ощущений Заккермана (Егорова, Пьянкова, 1992).

Для диагностики детско-родительских отношений мы использовали методику И.М. Марковской «Взаимодействие родителя с ребенком» (Марковская, 2006).

Исследование показало, что существуют расхождения между старшими и младшими детьми по характеру влияния на них различающегося родительского отношения. Так, различающееся отношение родителей в степени эмоциональной близости к детям связано с высокими оценками по шкале экстернальности-интернальности и низким уровнем

Секция «Психология»

невротизма у старшего, и, наоборот, с низким уровнем субъективного контроля и высоким невротизмом у младшего сиблинга.

Следовательно, можно говорить о том, что различающееся родительское отношение в эмоциональной близости с ребенком благотворно влияет на личностные характеристики старшего сиблинга, и отрицательно – на характеристики младшего сиблинга.

Полученные нами результаты могут быть объяснены влиянием двух факторов: 1. возрастными особенностями – большинство младших детей, участвовавших в нашем исследовании, находилось в подростковом возрасте; 2. порядком рождения сиблингов. Для того чтобы оценить влияние данных факторов необходимо проведение лонгитюдного исследования, при котором повторное тестирование семей будет проводиться при достижении младшим сиблингом возраста, в котором на момент первого обследования находился старший сиблинг.

Литература

1. Бажин Ф.Е., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. (1993) Опросник уровня субъективного контроля (УСК). М.
2. Егорова М.С., Пьянов С.Д. (1992) Поиск ощущений и особенности личностной сферы // Актуальные проблемы психологической службы: Теория и практика. Сборник материалов международной конференции. Одесса. Т. 2., с. 140-146.
3. Марковская И.М. (2006) Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь.
4. Русалов В.М. (1992) Модифицированный личностный опросник Айзенка. М.
5. Brody G.H. (1998) Sibling relationship quality: Its Causes and Consequences // Annu. Rev. Psychol. Vol. 49, P. 1–24.
6. Plomin R., Asbury K., Dunn J. (2001) Why are children in the same family so different? Non-shared environment a decade later // J. Psychiatry.. Vol. 46. P. 225–233.
7. Turkheimer E., Waldron M. (2000) Nonshared environment: A theoretical, methodological and quantitative review // Psychol Bull. Vol. 126 P. 78–108.

Жанр «фэнтези» как средство самопознания в подростковом и юношеском возрасте

Коляева Е.В.

Студентка факультета ГМУ

Волгоградская академия государственной службы, Волгоград, Россия

E-mail: babulya-yagulya@yandex.ru

На пути «самопознания», обретения «зрелой идентичности» современные подростки и юноши пытаются найти своё место в мире, овладеть огромным культурным наследием, и соотнести это «наследство» с реальной жизнью. Они ищут различные средства познания себя, и мира. И, как показывают многочисленные исследования, очень эффективно этой цели служат притчи, сказки, живопись и другие метафорические формы отражения действительности. Оперирование метафорическими образами, активизирует воображение и мышление, помогает затронуть как сознательные, так и бессознательные слои психики, а так же позволяет апеллировать к тому уровню индивидуального понимания, которым обладает каждый конкретный человек.

Издrevле, через фантазийный мир метафоры, люди создавали мифы и сказки, основной функцией которых было познание себя, окружающего мира и различных его граней. Но, к сожалению, сейчас эта функция сильно деформировалась. Сегодня среди множества, различных по качеству, метафорических источников познания подростки и юноши зачастую находят не самые лучшие. Одним из таких источников они выбирают мистическую приключенческую литературу – *фэнтези*.

Поэтому, актуальными на сегодняшний день являются вопросы: как из метафорического представления основных «драм» человеческого развития, из средств

познания окружающей действительности фэнтези превращается в отдельный, далёкий от реальности мир, в котором форма заслоняет содержание? Как сохранить интегрирующую функцию мифа, помогающую подростку обрести себя в мире и мир в себе.

К побегу из реальности подростков и юношей толкает «дефицит» древнего знания – своих корней, связи настоящего с прошлым и будущим; отсутствие «наставника», который бы аккуратно познакомил ребёнка с волшебным сказочным миром. В жизни современного подростка и юноши отсутствует нужный в период личностного становления «значимый взрослый», который бы научил понимать метафорический язык, строить отношения с людьми и миром, брать на себя ответственность за свою жизнь, а не убегать от проблем и непонимания в фантазии. Поэтому ребёнок вынужден самостоятельно, как может, восполнять имеющийся «дефицит»: запойное чтение «Гарри Поттера», многочасовое просиживание за компьютером и, похожее на манию, увлечение ролевыми играми.

Многие исследователи в разные века доказали, что сказки, мифы, легенды, притчи – «образовывают», «воспитывают» и сохраняют наш человеческий мир целостным и многообразным вот уже многие тысячелетия. Они способны соединять несоединимое: способны «помирить» житейское и волшебное, индивидуальное и коллективное, интегрировать сознание и бессознательное.

К. Г. Юнг утверждал, всё это метафоре удаётся потому, что она обладает уникальным, не на что непохожим, древним, как этот мир, языком. И секрет того, почему этот язык понятен всем, без исключения, людям на свете, очень прост: «символический или метафорический способ выражения соответствует первобытному духу, язык которого владеет не абстракцией, а простыми естественными аналогиями». Эти аналогии стоят выше логических умозаключений, выше интеллектуальных изысканий – они оперируют смыслами. Поэтому рассказывание сказки, легенды – это очень серьёзное дело. Передать сказку – значит взять на себя большую ответственность, сравнимую разве что с врачеванием. Архетип, просыпающийся в метафоре, нас изменяет – наполняет целостностью, жизненной силой. И если в рассказчике не произошло перемены, значит, не было верности, не было подлинного контакта с архетипом, не было передачи, а был лишь механический пересказ или корыстное использование в собственных целях.

Настоящее соприкосновение со сказкой духовно «вращивает» человека. Поэтому легко увидеть разницу – когда человек в шутку «вырастил» сказку и когда сказка по-настоящему вырастила его. Именно второй вариант лежит в основе неразрывных духовных традиции и личностного становления.

Исходя из всего выше сказанного, нами была предпринята попытка пилотажного исследования роли фантастического жанра в становлении самопознания подростков и юношей. С помощью оригинальной анкеты-опросника были выявлены предпочитаемые и отвергаемые архетипические персонажи: 1) божество; 2) ангел; 3) демон; 4) мудрец / наставник / учитель; 5) человек со сверхъестественными способностями; 6) правитель (ница) / повелитель (ница); 7) маг / колдун; 8) колдунья / волшебница; 9) воин / воительница; 10) целитель / целительница; 11) странник; 12) бунтарь; 13) сказочное существо (эльф, гном, гоблин и пр.); 14) необычное животное (дракон, пегас, гарпия и пр.); 15) другое (свой вариант).

Большее количество выборов у школьников получили следующие персонажи: Человек со сверх. способностями, Сказочное существо и Воин / Воительница. Поскольку процесс самопознания в подростковом возрасте только начинается, можно предположить, что подросток не знает ещё всех своих сильных сторон, не знает, на что способен. А значит, его могут привлекать герои, обладающие необычными способностями и сказочные существа, которые вполне себя «знают» и многое умеют. И вместе с тем, «пубертатный взрыв» приводит к необычайному увеличению количества внутренней энергии, которая «просится» наружу, требует активной деятельности, а что может быть более активным,

Секция «Психология»

энергичным, чем ремесло Воина. Как и воин, подросток «упрям» и «агрессивен» в обретении собственной личности, её границ и возможностей.

Студенты же большее количество выборов отдали Необычному животному, Сказочному существу, Колдунье-волшебнице и Ангелу. Возможно, это говорит о том, что в период юношества процесс становления личности ещё не до конца завершён и многое нужно узнать о себе («какие ещё необычные качества есть во мне?»), но всё же, основной «выбор» уже сделан, хочется проявить свой потенциал, делать что-то полезное, хорошее (Ангел). При этом юноше хочется быть непохожим на других, быть чуточку волшебником, то есть важно чувство индивидуальности и авторства (Колдунья).

Интересно, что архетип Целитель / Целительница не получил у школьников ни одного выбора. В качестве гипотезы можно предположить, что современные подростки не видят в себе ресурса «врачевать и излечивать», и в принципе, это естественно в силу их юного возраста, неопытности. Но, если рассматривать древний архетип Целителя шире, – как «способность и желание помогать, отдавать», то становится неподдельно грустно, оттого, что подросток XXI века хочет лишь «обладать» - необычными способностями, умениями, воинской выучкой и силой (для защиты или нападения?).

В результате проведённого пилотажного исследования нам представляется продуктивным проведение психологического тренинга с использованием проективных техник, визуализации, вербальных и образных метафор, с целью формирования у подростков умения пользоваться метафорой как средством самопознания, интеграции собственной личности, что, в свою очередь, обеспечит полноценную и конструктивную культурную социализацию.

Литература

1. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Академический Проект, 2007.
2. Эстес К. П. Бегущая с волками. М.: ООО Издательство «София», 2007.
3. Притчи, сказки, метафоры в развитии ребёнка. – СПб.: Речь, 2006.

Половые различия в установках и ожиданиях агрессивных действий в романтических отношениях в юношеском возрасте

Комарова Е.А.

Студентка

*Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук, Минск, Беларусь*

E-mail: carry_fox@rambler.ru

Юношеский возраст характеризуется тем, что именно в данный период отношения со сверстниками отличаются повышением интереса к сексуальной сфере, появляется потребность в интимном общении, которая побуждает к установлению романтических отношений. Как показывают исследования, романтические отношения в юношеском возрасте зачастую являются более агрессивными по сравнению с супружескими отношениями [1, 2].

Целью данного исследования было выявить половые различия в установках и ожиданиях агрессивных действий в романтических отношениях юношей и девушек.

В исследовании была использована русская версия шкалы отношения к насилию в период свидания, разработанная Е.Л. Прайс и Е.С. Байерс [3]. Данная шкала используется для измерения установок и убеждений в необходимости проявления агрессии между партнерами в близких, интимных отношениях. Методика имеет две формы для мужчин и женщин и включает по три подшкалы для измерения мужских/женских установок к психологической, физической и сексуальной агрессии в отношениях.

Секция «Психология»

Выборка составила 91 человек: 50 девушек и 41 юноша в возрасте 15-19 лет. Респондентам предлагалось заполнить обе формы данной методики в целях измерения их установок и ожиданий агрессии в романтических отношениях.

Сравнение установок юношей и девушек показало, что для юношей характерны более выраженные установки к использованию психологической агрессии, чем для девушек ($p \leq 0,01$). Для девушек же характерны более выраженные установки к использованию физической агрессии в романтических отношениях, чем для юношей ($p \leq 0,001$). Это опровергает широко распространенное мнение о том, что мужчины являются, как правило, агрессорами, а женщины жертвами. Это может быть обусловлено меняющейся позицией женщины в обществе, ее большей активностью с одновременно возрастающей, в связи с этим, пассивностью мужчин. Различий в установках к использованию сексуальной агрессии не выявлено.

Сравнительный анализ ожиданий юношей и девушек показал, что юноши ожидают от романтических партнерш большего проявления физической и сексуальной агрессии, чем девушки ($p \leq 0,001$). Это может быть обусловлено желанием видеть партнершу более сексуально активной и агрессивной. Различий в ожиданиях психологической агрессии не обнаружено.

Анализ установок и ожиданий юношей показал, что они склонны в большей степени проявлять, чем ожидать психологическую агрессию от девушек ($p \leq 0,001$). Наряду с этим юноши склонны ожидать от девушек большей физической ($p \leq 0,001$) и сексуальной агрессии ($p \leq 0,01$), чем от самих себя по отношению к партнерше. Это может быть обусловлено развитием тенденций «благожелательного» сексизма, основные идеи которого проявляются в протективном патернализме, идеализации женщин и желании иметь интимные отношения с ними.

Для девушек более характерна агрессивная направленность, чем для юношей: показатели по всем подшкалам, выявляющим установки на использование агрессии, выше показателей ожиданий агрессивных действий от партнера. Девушки более склонны использовать психологическую агрессию ($p \leq 0,01$), физическую ($p \leq 0,001$) и сексуальную агрессию ($p \leq 0,001$) сами, чем ожидать ее от партнера.

Таким образом, юноши склонны рассматривать девушку как более агрессивного партнера, чем самого себя, в то время как девушки склонны рассматривать юношу как менее агрессивного партнера. Это проявляется в том, что юноши ожидают от партнерш в романтических отношениях большего проявления физической агрессии по отношению к себе, чем девушки. Сами же юноши склонны проявлять психологическую агрессию, а не ожидать ее от партнерши. Для девушек характерны более сильные агрессивные установки в отношении партнера, чем их ожидания.

Литература

- 1) Eckhardt C., Jamison T.R., Watts K. Anger Experience and Expression Among Male Dating Violence Perpetrators During Anger Arousal//Journal of Interpersonal Violence. – 2002. – Vol.17, No. 10. – P. 1102 – 1114.
- 2) Henning K., Klesges M.L. Prevalence and Characteristics of Psychological Abuse Reported by Court-Involved Battered Women// Journal of Interpersonal Violence. – 2003. – Vol.18, No.8. – P.857-871.
- 3) Price E.L., Byers E.S. The Attitudes Towards Dating Violence Scales: Development and Initial Validation//Journal of Family Violence. – 1999. - Vol. 14, No. 4. – P. 351-375.

Особенности психологического развития близнецовых пар

Коршунова О.О.¹

Исматуллина В.И.²

Преподаватель¹

Преподаватель-стажер²

Близнецы как особая группа требуют специального психологического внимания, поскольку их психическое развитие во многом отличается от развития одиночно рождённых детей. Эти отличия таковы, что без профилактической работы они могут привести к отставанию близнецов в интеллектуальном развитии и к формированию у них личностных черт, мешающих социальной адаптации.

«Близнецовая ситуация» является центральной «психологической» причиной постнатального развития близнецов. Ее специфика, в том, что близнецы ощущают себя скорее членами пары, чем отдельными личностями (Равич-Щербо И.В., М. – 1999).

Одним из частых и основных проявлений близнецовой ситуации является задержка речевого развития и различные речевые аномалии, к которым относится и, так называемая, криптофазия – собственный интимный язык близнецов. Слова автономной речи не совпадают по своему значению со словами «взрослых», и она связана с эмоциональным состоянием ребенка относительно конкретной ситуации. Однако у близнецов подобная речь сопровождается эмоциональными реакциями по отношению к определенной ситуации, но понятной только им. Такое явление и развитие автономной речи при отсутствии правильного воспитания со стороны родителей, по словам Семенова В.В. и Кочубея Б.И. (1985), связано с крайней «самодостаточностью» и замкнутостью близнецов. Однако, в дошкольном возрасте случаи автономной речи редки. К этому периоду близнецы, как правило, уже овладевают полноценной социализированной речью. Тем не менее, близнецы с трудом привыкают к изменению обстановки и к коллективу. Чаще они довольствуются общением с братом (или сестрой) и не стремятся к сближению с другими детьми, а иногда - активно противятся контакту.

Задержка в речевом развитии может сочетаться с социальной незрелостью, затрудненным общением со сверстниками и воспитателями, а в школе - и с учителями. К тому же у близнецов бывают проблемы в личностном развитии. Им очень трудно отделить себя от своего соблизнеца. Это приводит к тому, что один из них рассматривает другого как часть себя. Некоторые черты личности, развитые у одного, не развиваются в достаточной мере у другого. При этом близнецы не ощущают своих недостатков. Подчеркивая сходство таких пар, окружающие тем самым формируют у них еще большую психологическую идентичность.

Проблемы, связанные с самоидентичностью близнецов могут быть вызваны особенным отношением к близнецам. Родители, которые не могут найти никакой достаточно очевидной морфологической разницы, начинают “наделять” близнецов разными психологическими особенностями: один улыбается чаще, другой чаще злится, один ест с большим аппетитом, другой легче засыпает. Все становится предлогом для выявления различий, реальных или воображаемых. Подобные типологии влекут за собой не одинаковое отношение к близнецам: каждого из них будут по-разному держать на руках, кормить их будут с разной скоростью, и укачивать их будут по-разному, и менять им пеленки тоже. Все это развивает у близнецов реальные или придуманные родителями черты характера, личность каждого из них будет выстраиваться тем отличнее одна от другой, чем более разное воспитание они будут получать.

Особое внимание следует уделить близнецовым парам, которые состоят из мальчика и девочки. Разнополые близнецы имеют свои специфические особенности, вызванные близнецовостью: внешне они могут быть как похожи, так и различаться. Есть мнение, что у женского плода в период внутриутробного развития отмечается повышенный уровень тестостерона в крови и амниотической жидкости. Отсюда следует, что у девочек будет наблюдаться более маскулинизированное поведение. У мужского эмбриона в этом случае повышенный уровень экстрадиола и, следовательно, происходит феминизация мальчика.

Секция «Психология»

Однако это мнение не имеет твердого подтверждения, поскольку очень часто наблюдаются и противоположные тенденции.

Необходимо заметить, что по характеру разнополые близнецы бывают даже более похожими друг на друга, чем однополые дизиготные близнецы. Причиной может служить то, что однополые близнецы, как правило, стремятся подчеркивать и свои различия, и свое сходство, тогда как разнополым близнецам нет смысла специально подчеркивать различия. Кроме того, разнополые близнецы развиваются не синхронно, их физическое и психическое развитие протекает по-разному. Разнополые близнецы начинают говорить раньше однополых, так же они больше различаются по успеваемости в школе, по интересам, чаще имеют разный круг общения, разных друзей. Особенно сильно различия в физиологии и психологии разнополых близнецов дают себя знать в подростковом возрасте. У мальчиков и девочек пубертатный период и период взросления, связанный с мощной гормональной перестройкой и психологическими изменениями личности, наступает в разное время. В это время близнецы могут отдалиться друг от друга, могут разгореться конфликты. Еще одним источником сложностей, по мнению Н.М.Зыряновой и С.Д.Пьянковой, могут быть старшие дети в семье близнецов. Иногда один из членов разнополой близнецовой пары больше дружит со старшим братом или сестрой, чем со своим соблизнецом. В такой ситуации второй близнец может стать ближе родителям или почувствовать себя одиноким и изолированным. Но в целом, именно от родителей зависит, какие отношения складываются между членами разнополой близнецовой пары.

Проблемы, которые может принести близнецовость детям и их родителям, по мнению большинства близнецов, зависит не от их генетического сходства, а от среды. Особенно они подчеркивают влияние семейного окружения. У разлученных близнецов может и появляется с возрастом много общего, что заложено в их генотипе, но они самостоятельные личности, которые всю жизнь существовали отдельно от своего соблизнеца, и у них нет той взаимосвязи, свойственной близнецовым парам, растущим вместе. Близнецы, воспитывающиеся в одной семье, наоборот, имеют все те особенности, которые исследователи называют «близнецовой ситуацией» и которые оказывают огромное влияние на формирование их личности.

Таким образом можно сделать вывод, что «близнецовая ситуация» может быть сама психологической особенностью такого явления как близнецовость, но не смешивается с ним.

Литература

5. Канаев И.И., «Близнецы и генетика», Л. – 1968
6. Канаев И.И. Близнецы. Очерки по вопросам многоплодия. - М.-Л., 1959
7. Кочубей Б.И., Семенов В.В. «Близнецы: проблема воспитания и развития», М. – 1985.
8. Психология индивидуальных различий (Хрестоматия), М. - 2000
9. Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., «Психогенетика», М. – 1999
10. Сергиенко Е.А. и др. «Развитие близнецов и особенности их воспитания», М: РАН, 1996
11. Ricardo C. Ainslie, Ph.D The psychology of twinship, London – 1985
12. Секреты разнополых близнецов // Проект лаборатории возрастной психогенетики Психологического Института РАО Н.М. Зырянова, С.Д. Пьянкова [электронный источник] <http://twins.popular.ru>

Социальный и эмоциональный интеллект: общее и особенное

Кузнецова А.И.

аспирантка

*ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», факультет
государственного и муниципального управления, г.Волгоград, Россия
kalinka34@mail.ru*

Концепция эмоционального интеллекта (ЭМИн) получила свое развитие из представлений об эмоциях, как об информации определенного рода, с помощью которой люди составляют суждения об окружающем мире.

Понятие «эмоциональный интеллект» включил в структуру социального интеллекта Д. Гоулман и предложил рассматривать его как важный компонент лидерских способностей.

Проведя теоретический анализ, можно увидеть частичное отождествление понятий эмоциональный и социальный интеллект, что связано с выделением в структуре эмоционального интеллекта ряда способностей социально-коммуникативной направленности: социальные навыки, осознание социальных взаимодействий (Д.Гоулман), способность к перцептивно-интерпретативному распознаванию эмоций в межличностном контексте (Дж.Майер, П. Салоуэй, Д.Карузо). Вместе с тем, выделенные способности также соответствуют традиционному пониманию социального интеллекта как совокупности ментальных способностей, связанных с обработкой социальной информации и способствующих успешности межличностного взаимодействия (Э.Торндайк, Г.Олпорт).

Нам показалось интересным выявить характер взаимосвязи между эмоциональным и социальным интеллектом и определить выраженность эмоционального интеллекта у представителей разных профессий типа «человек-человек». Изучение ЭМИн проводилось в рамках исследовательского подхода Д.В.Люсина, который рассматривает внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) и межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), и считает, что ЭМИн формируется в ходе всей жизни человека. Для этого мы использовали следующие методики: методика оценки эмоционального интеллекта Н.Холла; опросник «ЭМИн» Д.В.Люсина; 4 субтеста теста Гилфорда «Социальный интеллект» - «Истории с дополнением»; CPI – Калифорнийский личностный опросник – 4 шкалы (общительность, социальное присутствие, самоприятие, самоконтроль). В проведенном нами исследовании принимали участие 242 испытуемых - государственные служащие, психологи и менеджеры, а также студенты, обучающиеся по названным специальностям.

На основании анализа полученных результатов мы выявили, что уровень развития ЭМИн определяется развитием социального интеллекта, при этом последний влияет на МЭИ (межличностный эмоциональный интеллект) и его компоненты (понимание и управление чужими эмоциями, управление эмоциями), но не определяет уровень развития ВЭИ (внутриличностного эмоционального интеллекта). Данная закономерность, выявленная в проведенном нами исследовании, подтверждает нашу гипотезу о том, что межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект являются составляющими эмоционального и, в свою очередь, социального интеллекта, влияя на их развитие специфическим образом (см. рисунок 1). При равных показателях межличностного или внутриличностного эмоционального интеллекта, удельный вес их составляющих может достаточно сильно различаться, что необходимо учитывать во время оценки персонала, при разработке тренинговых программ, в индивидуальном консультировании.

Изучив соотношение социального и эмоционального интеллекта, можно сделать вывод о том, что категорией, объединяющей эмоциональный и социальный интеллект, является общение, в процессе осуществления которого происходит распознавание и интерпретация эмоциональных состояний других людей. Что касается социального интеллекта, то он направлен на сферу межличностного общения в целом, в то время как ЭМИн направлен исключительно на сферу эмоционального общения. Для социального интеллекта коммуникация является целью, для эмоционального – стимулом.

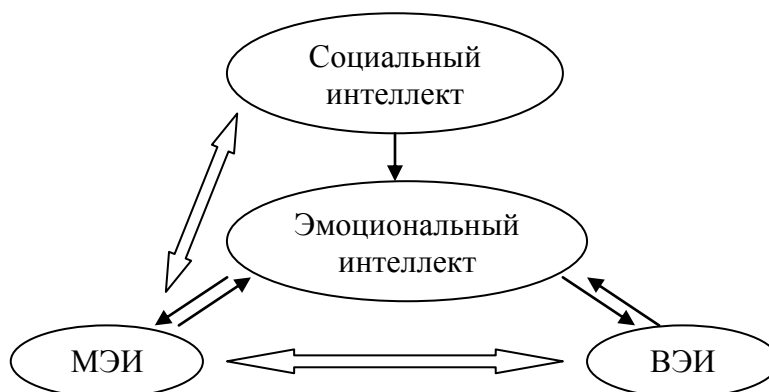

Рис.1 Взаимосвязь социального интеллекта с компонентами ЭМИн

Также нами были выявлены следующие закономерности:

- у мужчин, более выражены способности контролировать внешние проявления своих эмоций, по сравнению с женщинами;

- показатели по шкале «понимание чужих эмоций» (опросник Люсина «ЭМИн») - с возрастом понимание чужих эмоций становится менее эффективным. Указанную закономерность, как нам кажется, можно объяснить эмоциональным выгоранием, так как испытуемые, принимавшие участие в исследовании, - представители профессий «человек-человек», наиболее часто подвергающиеся интенсивным межличностным взаимодействиям, негативным психическим переживаниям. Эмоциональным выгоранием социальных работников, как нам представляется, можно объяснить также результаты, указывающие на то обстоятельство, что социальные работники менее эффективно управляют своими эмоциями, чем студенты и хуже понимают свои эмоции, чем государственные служащие. У них, в целом, показатели внутриличностного интеллекта ниже, чем у представителей других групп, принимавших участие в исследовании;

- результаты, полученные по тесту Гилфорда «Социальный интеллект», свидетельствуют о том, что показатель социального интеллекта выше у молодых сотрудников и у студентов, то есть эти группы испытуемых лучше ориентируются в невербальном общении, путем логических рассуждений грамотнее достраивают недостающие звенья в цепи взаимодействий, предсказывают, как человек поведет себя в дальнейшем. Более зрелые испытуемые затрудняются с анализом ситуаций межличностного взаимодействия и, как следствие, плохо адаптируются к различным системам взаимоотношений между людьми;

- результаты, полученные по тесту CPI свидетельствуют о том, что молодые люди, как студенты, так и молодые специалисты, по сравнению с более зрелыми работниками, обладают умениями «подать» себя, могут более успешно манипулировать другими, чтобы завладеть их вниманием. Они более адаптивны, любят привлекать к себе внимание, испытывают потребность в самоутверждении, неконфликтны и менее склонны к дистрессу.

Литература

1. Люсин Д.В., Марютина О.О., Степанова А.С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования/ Под ред. Д.В.Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

Ценностные ориентации личности как основа обучения и воспитания подростков

Кушникова И.В.

Студентка; старший преподаватель

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт психологии, г. Екатеринбург, Россия

E-mail: irishkakushnikova@yandex.ru, superquen@yandex.ru

Современный мир динамичен и непредсказуем. Он требует от человека мобильности, скорости в принятии решений, что предполагает стойкую, четко сформированную систему взглядов, интересов, ценностей. Очень важно обратить внимание на систему ценностных ориентаций в подростковом возрасте и ранней юности, ведь именно тогда молодые люди начинают «примерять» ценности общества и референтного окружения на себя и осознанно формировать собственную систему лично значимых взглядов, идеалов, интересов, ценностей.

Основой отношения человека ко всем аспектам жизни является направленность его личности. И, по мнению многих авторов, системообразующим фактором направленности личности является структура ценностных ориентаций. Причем компоненты направленности становятся свойствами личности.

Разные авторы в своих работах по-разному классифицируют ценности.

В частности, Шварц говорит о том, что целесообразно различать ценности двух типов:

- 1) ценности общества и социальных групп (социальные ценности);
- 2) ценности личности (индивидуальные ценности).

Популярным в психологии является подход к дифференциации ценностей, предложенный М. Рокичем, разделяющим ценности на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства) ценности.

В социальных, психологических и педагогических исследованиях используются как понятие ценности, так и понятие ценностных ориентаций. Однозначного различения этих понятий в литературе не прослеживается. Под *ценностными ориентациями* понимается отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Ценностные ориентации — это интериоризированные личностью ценности социальных групп. Таким образом, оказывается вполне оправданным говорить о ценностях личности как ее ценностных ориентациях.

Поскольку ценность является центральным, системообразующим фактором, она характеризуется единством определенной внешней направленности личности и ее представлением о себе.

Наиболее интересны, с точки зрения формирования системы ценностных ориентаций личности, старший подростковый и юношеский возраст. Особое значение для формирования ценностной структуры личности определяется характерной для этого периода специфической ситуацией развития.

Согласно взглядам Выготского Л.С., подростковый возраст – это самый неустойчивый и изменчивый период, который отсутствует у дикарей и при неблагоприятных условиях имеет тенденцию несколько сокращаться, составляя часто «едва приметную полоску» между окончанием полового созревания и наступления окончательной зрелости.

Э. Штерн рассматривал подростковый возраст как один из этапов формирования личности. Центральной проблемой всякой психологии, по его мнению, должна быть проблема человеческой личности, а для формирования личности решающую роль играет то, какая ценность переживается человеком как наивысшая, определяющая жизнь. В зависимости от этого совершенно по-разному формируется личность.

К. Левин поднял ряд важных проблем для психологии подросткового возраста. Проблема ориентации подростка в мире взрослых, проблема выбора мировоззренческих образцов и ценностей, проблема конструирования своих жизненных планов.

В подростковом возрасте психические процессы впервые приобретают личный характер. Формирование личности – одно из самых последних изменений в подростковом возрасте связано с развитием рефлексии и самосознания. Развитие рефлексии не ограничивается только внутренними изменениями самой личности, в связи с ее

Секция «Психология»

возникновением для подростка становится возможным более глубокое и широкое понимание других людей.

Ценностные ориентации являются педагогическим ядром социализации подростка. Система ценностей формируется поэтапно и приобретается через процессы идентификации, интернализации и подкрепления. Проходя все стадии, учащийся формирует собственную иерархию ценностных ориентаций, которая преобразуется в систему, укрепляется в сознании, способствует быстрому переходу к взрослости, формирует зрелое отношение к окружающим и себе. Задержка на определённом уровне делает систему костной, сложно поддающейся коррекции. Сформированная на определенном этапе структура ценностных ориентаций помогает подросткам адаптироваться к системе общественных требований.

Структура ценностных ориентаций включает в себя три важных аспекта: формирование многосторонней ценностной ориентации; формирование опережающей ценностной ориентации, направленной на идеалы, социальные ценности общества на основе мировоззренческих принципов; формирование социально-ценностных умений, направленных на освоение социальных ценностей общества в процессе обучения и различных видов деятельности.

Для подросткового возраста характерен повышенный интерес к другому человеку и самому себе. По мнению психологов, этот «другой» становится для подростка критерием и мерой познания собственного «я», критерием истины (Т.А.Мерцалова). Поэтому возникает задача сделать круг его общения шире, разнообразнее и содержательней. «Объектами», призванными войти в систему его ценностей, могут стать выдающиеся личности, сведения о которых содержатся в учебных программах.

Высокая степень нестабильности жизни, неясность перспектив социального развития общества, материальные трудности ведут к тому, что многие подростки, в большинстве своем не имеют представлений об истинно человеческих ценностях, не могут самостоятельно решить, чего же они хотят от жизни, поэтому можно утверждать о значительном влиянии роли взрослых на формирование ценностных ориентаций подростка.

Поэтому изучение подростков, как особой социальной группы со своими установками, системой ценностных ориентаций, становится неотложной задачей сейчас и неотъемлемым фактором рассмотрения их жизни в будущем в аспекте педагогического взаимодействия.

Нами было проведено исследование системы ценностей у студентов колледжа и вуза. Целью работы было выявление различий в сформированных ценностных ориентациях у студентов среднего и высшего учебных заведений.

Исследование показало, что ценностные ориентации студентов вуза и колледжа различны. Студенты колледжа больше ориентированы на общественную значимость их поступков, достижений, мнений, а студенты вуза, напротив, больше задумываются о том, насколько их действия и мысли значимы для них самих.

Еще одним аспектом целесообразности воспитания, обучения и формирования ценностных ориентаций может стать само построение педагогического процесса. Педагог, правильно выстраивающий свое взаимодействие с учащимися, одновременно способствует формированию их системы ценностей.

Исследование влияния уровня эмпатии, взаимоотношений в родительской и собственной семье на формирование родительских установок у беременных женщин по отношению к будущему ребёнку

Лагодина Е.В.

Студентка

Южный Федеральный Университет

психологический факультет, Ростов – на - Дону, Россия

На современном этапе развития социума женщина гораздо больше включена в общественную деятельность, чем ранее. Теперь она редко ограничивает себя исполнением одной лишь роли – жены и матери. Однако стремление сделать карьеру, добиться серьёзных профессиональных успехов, зачастую, становится источником ролевого конфликта, который каждая женщина решает по – своему, и не так редко - в ущерб семье. Однако не стоит забывать, что на выполнение роли матери влияют ещё и определённые стереотипы родительской семьи, отношения в супружеской паре, личностные особенности самой женщины.

Целью нашего исследования было изучение влияния уровня эмпатии, самооценки, а так же взаимоотношений в родительской и собственной семье на формирование родительских установок у беременных женщин по отношению к будущему ребёнку.

Исследование проводилось на базе Ростовского НИИ акушерства и педиатрии, в нём приняли участие 25 женщин от 20 до 40 лет, с нормально протекающей беременностью, на последних сроках. Для выявления уровня эмпатии использовался «Исследование уровня эмпатийных тенденций», для изучения отношения к родителям – методика «Незаконченные предложения», для определения самооценки – «Тест- опросник самооценки Столина В.В. и Пантеелева С.Р.», для диагностики родительских установок и отношений в супружеской паре - методика «PARI» Шефера и Белла (parental attitude research instrument) в адаптации Т.В. Нецверт. Были получены следующие результаты: По показателям эмпатии женщин можно разделить на четыре группы: очень высокий показатель, высокий, средний и низкий. У женщин с очень высоким (от 82 баллов), болезненным уровнем эмпатии в родительских установках доминируют такие тенденции, как самопожертвование, проявление чрезмерной заботы, опасение обидеть ребёнка, в то же время чрезмерное вмешательство в его личный мир, зависимость в супружеской паре. Прогнозируемый стиль воспитания – гиперопекающий, в эту группу вошли 13% испытуемых. Женщины с высоким показателем эмпатии (от 63 баллов) склонны к чрезмерной заботе о ребёнке, зависимому поведению в супружеской паре, они проявляют стремление к уравновешенным отношениям с будущим ребёнком, нераздражительны, однако среди доминирующих тенденций есть склонность к чрезмерному вмешательству в мир ребёнка и стремление ускорить его развитие. Прогнозируемый стиль воспитания - гиперопекающий, в эту группу вошли 20 % испытуемых. Женщин со средним, нормальным уровнем эмпатии (от 37баллов), это самая многочисленная группа - 54% испытуемых. Её можно подразделить ещё на две подгруппы. Первая подгруппа – 63%. Женщины не собираются ограничивать себя заботами семьи, не склонны к самопожертвованию и неудовлетворенности ролью хозяйки семьи, нераздражительны, настроены на поддержание контакта с будущим ребёнком, не склонны проявлять чрезмерную заботу, подавлять агрессивность и сексуальности ребёнка, достаточно выражено опасение его обидеть, прослеживается низкая внутрисемейная конфликтность. Доминирующей тенденцией является стремление к уравновешенным отношениям с ребёнком, совмещённое с тенденцией к чрезмерному вмешательству в мир ребенка. Прогнозируемый стиль воспитания – партнёрские отношения с элементами гиперопеки. Вторая подгруппа- 37%. Их объединяют сложности в супружеских отношениях: безучастность мужа к делам семьи, семейные конфликты, что сочетается с высокой раздражительностью, суровостью, стремлением подавлять агрессивность и сексуальность ребёнка, склонностью к чрезмерному вмешательству в мир ребёнка, исключению внесемейных влияний и установлению непререкаемого авторитета родителей. Прослеживается сильное стремление к уравновешенным отношениям с ребёнком, что создаёт противоречие в стратегии воспитания, и как следствие, возможны - её неэффективность, частые конфликты с ребёнком. Прогнозируемый стиль воспитания – подавляющий, авторитарный. В родительских установках женщин с низким уровнем

Секция «Психология»

эмпатии женщин (от 12 баллов) - 13% отсутствуют такие, как ограниченность заботами о семье, суровость, строгость в общении с ребёнком, уклонение от контакта, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности, чрезмерное вмешательство в мир ребёнка. У них не прослеживаются доминирующие тенденции в поведении, показатели по шкалам в основном низкие и средние, что затрудняет выделение более ли менее цельной стратегии воспитания. Стоит отметить, что у испытуемых, входящих в эту группу были сложные отношения с обоими родителями. Прогнозируемый стиль воспитания – попустительский.

Выводы: Из всего вышеописанного можно заключить, что наиболее продуктивной стратегии в воспитании, очевидно, будут придерживаться женщины со средним уровнем эмпатии, не имеющие серьёзных проблем внутри супружеской пары. Женщины, имеющие сложности в отношениях с супругом склонны к авторитарности. Женщины, имеющие очень высокий и высокий уровень эмпатии, склонны слишком опекать своего будущего ребёнка, что тоже не лучшим образом может сказаться на формировании его личности. В родительских установках женщин с низким уровнем эмпатии отсутствует стремление к авторитарности или гиперопеке, но так же отсутствует какие – либо другие, более ли менее выраженные характеристики, что заставляет определить прогнозируемый стиль воспитания, как попустительский. Мы не можем повлиять на социальную ситуацию, в которой оказалась женщина, изменить её прошлое, сделав детство более ярким или более счастливым, однако вполне в наших силах диагностировать предположительный материнский стиль уже на этапе беременности, а значит оказать своевременную психотерапевтическую и психокоррекционную помощь, предотвратив множество негативных влияний на хрупкую психику её собственного ребёнка.

Взаимосвязь социального интеллекта и личностных особенностей детей младшего школьного возраста

Леонтьева Т.Г.

аспирантка

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,

Минск, Республика Беларусь

E-mail: tatstep@bk.ru

Для современной психологии все более актуальными становятся проблемы, связанные с рассмотрением личности в совокупности всех её проявлений. Важным является вопрос, как взаимосвязан социальный интеллект с личностными особенностями детей младшего школьного возраста.

К изучению социального интеллекта учёные подходили с разными задачами и с различных теоретических позиций. Развитию представлений о природе социального интеллекта способствовали работы Г. Айзенка, М. Бобневой Ю. Емельянова, В. Кунициной и М. Кубышкиной, А. Лобанова, А. Южаниновой, Дж. Гилфорда, Г. Оллпорта, и др. [1,2,3,4,5,6,7,8]. Социальный интеллект представляет собой систему свойств и способностей, обеспечивающих участие личности в общении и взаимодействии с другими людьми. Социальный интеллект- способность правильно понимать своё поведение и поведение других людей. Эта способность необходима для эффективного межличностного взаимодействия и успешной социальной адаптации [9].

Для изучения социального интеллекта была выбрана методика Дж.Гилфорда и М.Салливена. Эта методика позволяет изучить способность человека предвидеть результаты поведения людей (субтест №1); способность человека правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике, позам, жестам (субтест №2); умение оценивать чувствительность (речевую экспрессию) в контексте определенной ситуации (субтест №3); способность к логическому обобщению,

Секция «Психология»

выделению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека (субтест №4).

Диагностика личностных особенностей младших школьников осуществлялась по тесту Р.Б.Кеттела и Р.В.Коана (адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р.Кеттела). Предлагаемый модифицированный вариант детского личностного вопросника (для детей 8-12 лет) включает в себя 12 факторов или шкал, отражающих личностные характеристики.

В ходе исследования мы провели статистический анализ, направленный на определение коэффициента корреляции между показателями социального интеллекта и личностными особенностями и выявление половых различий между уровнем развития социального интеллекта и личностными особенностями учащихся.

Основными методами статистического анализа данных были: коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ), коэффициент линейной корреляции Пирсона (r) и коэффициент ранговой корреляции Кендала (τ). Корреляционный анализ по Спирмену показал, что наблюдается положительная и статистически значимая связь между композитной оценкой социального интеллекта и следующими личностными характеристиками:

- эмоциональной стабильностью, которая отражает уверенность в себе, спокойствием, уравновешенностью ($\rho=0,143^*$, $p<0,05$), где наиболее сильно выражена связь с социальным интеллектом у мальчиков ($\rho=0,254^{**}$, $p<0,01$);

- независимостью, которая характеризуется склонностью к самоутверждению, стремлению к лидерству и доминированию, противопоставлению себя как детям, так и взрослым. Данная характеристика коррелирует с социальным интеллектом только у девочек ($\rho=0,218^*$, $p<0,05$);

- смелостью, которая характеризуется решительностью, непринужденностью в общении и значима для всей выборки в целом ($\rho=0,157^*$, $p<0,05$);

- напряженностью, которая отличается возбуждением, напряжением, раздражительностью ($\rho=0,144^*$, $p<0,01$) и наиболее выражена у мальчиков ($\rho=0,267^{**}$, $p<0,01$).

Результаты нашего исследования по остальным показателям не позволяют говорить о наличии прямой и тесной связи между личностными особенностями (холодность – доброжелательность, интеллектуальность, уравновешенность-возбудимость, озабоченность-беспечность, низкая добросовестность - высокая добросовестность, твердость-мягкосердечность, самоуверенность-подавленность, социальная нормативность) и социальным интеллектом.

На основании полученных данных, было выдвинуто предположение о связи между социальным интеллектом и личностными особенностями детей 9-10 лет: социальный интеллект тесно связан с такими личностными образованиями как эмоциональная стабильность, независимость, смелость, напряженность.

В целом можно говорить о том, что социальный интеллект сочетается с наличием таких черт характера, как уверенность в себе, склонность к самоутверждению, стремление к лидерству, решительность, непринужденность, возбужденность в общении.

Полученные результаты согласуются с данными В.П. Куницыной о том, что чем выше уровень социального интеллекта, тем более развита саморегуляция, уверенность в себе, способность влиять на других людей.

Данные согласуются с результатами, полученными в исследовании М.Л. Кубышкиной о том, что развитый социальный интеллект характерен для людей, которым присуща большая активность и уверенность в себе, высокая самооценка с твердой уверенностью в своем обаянии.

Полученные результаты позволяют зафиксировать обнаруженную тенденцию, состоящую в том, что повышение социального интеллекта влечёт за собой возрастание уверенности, независимости, доминирования, решительности и непринужденности в общении у детей младшего школьного возраста.

Проблема идентификации ребёнка с приёмными родителями
Лупекина Е.А.

*ассистент кафедры психологии факультета психологии и довузовской подготовки
Гомельский государственный университет им. Ф.Скорины, Гомель, Белоруссия
E-mail: lupkina@mail.ru*

Одной из острейших социально-экономических и психолого-педагогических проблем в нашей стране является проблема социального сиротства – явления, при котором дети остаются без родительской опеки при живых родителях. На 1 января 2007 года в стране насчитывалось 35,7 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Из них потеряли родителей по социальным причинам 85%. Наиболее приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в нашей стране и за рубежом является семейное воспитание. Традиционные модели замещающей семейной заботы – усыновление и опекуновство – развиваются крайне сложно из-за ряда экономических и социальных проблем. В настоящее время 12 тысяч сирот в Беларуси имеют статус, необходимый для усыновления.

Сравнительно новой для нашей страны моделью семейного устройства детей-сирот, где труд родителей оплачивается государством, является приёмная семья. В Республике Беларусь на 1 января 2007 года насчитывалось 4733 ребёнка, проживающих в приёмных семьях. Ежегодно количество детей, отданных на воспитание в приёмную семью, увеличивается. Это делает чрезвычайно актуальной задачу психологического изучения приёмной семьи и особенностей социализации в ней приёмного ребёнка.

Имеющиеся исследования по проблемам замещающей профессиональной семьи (В.В. Барабанова, Н.П. Иванова, В.А. Маглыш, В.В. Мартынова, В.Н. Ослон, Н.С. Поспелова, А.С. Спиваковская, В. Голанце, Дж. Лэрд, Дж. Макнамара, Б. Макнамара, Г. Райан, О. Стивенсон, М. Фриск, А. Хартман, М. Шектер и др.) лишь опосредованно касаются проблемы идентификации ребёнка с приёмными родителями, в контексте более широких проблем: компенсации депривационных нарушений и адаптации к новым семейным условиям.

Общим в теориях различных ориентаций относительно феномена идентификация является то, что идентификация выступает как механизм освоения социального опыта, она лежит в основе принятия роли других и ролевой социализации в целом; любое личностное новообразование включает и предполагает механизм идентификации.

Опираясь на позиции психодинамического подхода, а именно, на положения теорий объектных отношений к проблеме идентификации, в нашем исследовании идентификация рассматривается как одна из форм интернализации и представляет собой процесс, посредством которого индивид становится похож на другого в одном или нескольких аспектах.

Идентификация как процесс развёртывается вдоль линии индивидуального развития. Идентификация – процесс не результирующий, а динамический. Причём для каждой стадии индивидуального развития характерно определённое своеобразие процесса идентификации. Отличие процесса идентификации на одной стадии развития от аналогичного процесса на другой стадии выражается в изменении и расширении числа объектов идентификации, а также в усложнении идентификационных связей от диадной к триадной структуре.

На наш взгляд, приёмный ребёнок повторно проходит процесс идентификации, поскольку приёмные родители являются для него эмоционально значимыми объектами. Идентификация ребёнка с приёмными родителями может быть существенно затруднена ввиду прошлого опыта ребёнка. Специальных исследований, посвящённых процессу идентификации ребёнка в приёмной семье фактически нет. Данная проблематика является недостаточно разработанной.

Секция «Психология»

В качестве диагностических индикаторов идентификации ребёнка с родителями в нашем исследовании выступили: *объектная направленность идентификации ребёнка* (адекватная, нарушенная, смешанная) и *виды идентификации ребёнка с родителями* (первичная, перекрёстная).

Для изучения идентификации ребёнка с приёмными родителями нами была использована проективная методика «Три дерева» [1].

В качестве испытуемых выступила группа детей из приёмных семей (приёмные дети), в возрасте от 6 до 11 лет в количестве 64 человек, из них 37 девочек и 27 мальчиков. 80,3 % приёмных детей, принявших участие в исследовании, проживают в полных приёмных семьях. Другую группу составили дети, воспитываемые родными родителями (биологические дети) того же возраста в количестве 60 человек, из них 31 девочка и 29 мальчиков. 87 % биологических детей проживают в полных семьях.

Изучение *объектной направленности идентификации ребёнка* с помощью методики «Три дерева» позволило установить следующие тенденции:

1) у девочек вне зависимости от типа семьи преобладает адекватная объектная направленность идентификации (в приёмных семьях $\varphi^*=4,30$ при $p \leq 0,001$, в биологических семьях $\varphi^*=3,94$ при $p \leq 0,001$), преобладающим объектом идентификации является мать (в приёмных семьях $\varphi^*=4,82$ при $p \leq 0,001$, в биологических семьях $\varphi^*=3,13$ при $p \leq 0,001$);

2) у мальчиков в приёмных семьях преобладающими являются адекватная и нарушенная объектные направленности идентификации (таблица 2), при этом в качестве объекта идентификации чаще выступает приёмная мать (рисунок 11); у мальчиков в биологических семьях преобладает (таблица 2) адекватная объектная направленность идентификации ($\varphi^*=1,33$ при $p \leq 0,093$), преобладающим объектом идентификации (рисунок 12) является отец ($\varphi^*=1,32$ при $p \leq 0,092$).

3) дети, прожившие в приёмной семье более 2-х лет, значимо чаще (у приёмных девочек $\varphi^*=3,088$ при $p \leq 0,01$, у приёмных мальчиков $\varphi^*=1,37$ при $p \leq 0,1$) обнаруживают адекватную объектную направленность идентификации, чем дети, прожившие в приёмной семье около года.

Изучение *видов идентификации ребёнка* с родителями при помощи методики «Три дерева» позволило установить следующие тенденции:

1) процесс идентификации у детей в приёмной семье развёртывается повторно, о чём свидетельствует преобладание у приёмных мальчиков ($\varphi^*=1,44$ при $p \leq 0,075$) и девочек ($\varphi^*=1,66$ при $p \leq 0,05$) первичной идентификация с одним из членов приёмной семьи (чаще всего с приёмной матерью);

2) в биологической семье у мальчиков ($\varphi^*=1,65$ при $p \leq 0,05$) и девочек ($\varphi^*=1,43$ при $p \leq 0,07$) преобладает перекрёстная идентификация с обоими родителями, что является более зрелой стадией развития процесса идентификации;

3) в отдельных приёмных и биологических семьях выделены псевдотриадные объектные отношения (ребенок-родитель-другой член семьи).

Находясь в приёмной семье достаточно продолжительное время, ребёнок должен пройти те же стадии развития процесса идентификации, что и ребёнок в биологической семье, т. е. первичная идентификация с одним из родителей, должна смениться на перекрёстную идентификацию с обоими родителями. Однако, в исследовании установлено, что приёмная семья не обеспечивает полную триангуляцию даже после пребывания в ней ребёнка более 2-х лет, поэтому развитие процесса идентификации от первичной к перекрёстной у приёмных детей задерживается.

Литература

1. Corboz, R.J., Gnos, P.U. (1980) Der Dreibaumtest in der Volksschule. Acta paedopsychiat.

**Тревожность и уровень субъективного контроля как предикторы выбора
толерантных стратегий совладания**

Львова Е.Н.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: elena_lvova095@mail.ru

В настоящее время особую тревогу российского общества вызывает стремительно растущее число людей, вступающих на путь противоправной деятельности. Проблема девиантного поведения связана, главным образом, с подростковым возрастом и ранней юностью. Именно в этом возрастном периоде феномен девиантного поведения является наиболее распространенным. Многие исследователи рассматривают подростков как наиболее восприимчивых к негативным внешним воздействиям, уязвимых и подверженных стрессовым и конфликтным ситуациям. Рост отклонений именно в подростковом и юношеском возрасте, как правило, определяется внутренними трудностями переходного периода; статусно-ролевой неопределенностью, пограничностью социального положения юношества; противоречиями, обусловленными перестройкой механизма социального контроля (Кон И. С., 1979).

В качестве основной психологической причины девиантного поведения Д. А. Леонтьев выделяет нарушение смысловой регуляции жизнедеятельности (Леонтьев Д. А., 2007). Человек с развитой смысловой регуляцией способен управлять своим поведением, подчиняя его устойчивым внеситуативным факторам. Мощным психологическим ресурсом и составляющими сформированной сферы смысловой регуляции являются хорошо развитый уровень субъективного контроля, высокий уровень личностной толерантности, конструктивные и адекватные стратегии совладания со стрессовыми и проблемно-конфликтными ситуациями. Одним из сигналов, свидетельствующих о несформированности или нарушениях в сфере смысловой регуляции личности, является высокий уровень личностной тревожности у подростков, который может стать как причиной тяжелой невротизации, так и поводом к девиантному поведению. Скорректировать и предупредить как одно, так и другое нежелательное развитие личности возможно лишь при своевременной дифференциальной психодиагностике состояния основных ресурсных и конституирующих элементов мотивационно-смысловой сферы личности у тревожных подростков.

Выполненная нами работа продолжила исследование связи уровня тревожности, уровня субъективного контроля как характеристик личности и выбираемых стратегий совладания как ресурсов личности.

В проведенном нами исследовании приняли участие 169 человек в возрасте от 15 до 17 лет, 86 школьников в возрасте 15-16 лет и 83 студента колледжа в возрасте 16-17 лет, 113 девушек и 56 юношей. Были использованы следующие методики: методика диагностики уровня тревожности Ч. Спилбергера, методика УСК, методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амирхана, опросник способов совладания (адаптация методики Ways of Coping Questionnaire – WCQ – Р. Лазаруса и С. Фолкман), методика диагностики поведения в конфликтных ситуациях К. Томаса, методика определения толерантности к неопределенности С. Баднера.

После диагностики личностной тревожности, видов интернальности, толерантности к неопределенности и стратегий поведения в стрессовых и конфликтных ситуациях, нами была проведена проверка надежности полученных эмпирических данных, для этого был использован коэффициент надежности α Кронбаха, а также конфирматорный факторный анализ (КФА). Использование статистических процедур проверки эмпирических данных показало внутреннюю несогласованность ряда шкал, были выделены новые структурные модели для использованных нами опросников. Полученные

Секция «Психология»

в ходе КФА факторные баллы были использованы в качестве показателей выраженности исследуемых характеристик личности.

Для проверки возможности использования методики К. Томаса в качестве основной для диагностики копинг-стратегий, нами был проведен содержательный сопоставительный анализ шкал, выделенных авторами всех трех методик (методика диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях) Д. Амирхана, опросник способов совладания (адаптация методики Ways of Coping Questionnaire – WCQ – Р. Лазаруса и С. Фолкман), методика диагностики поведения в конфликтных ситуациях К. Томаса). Данный анализ продемонстрировал в целом, однородность и семантическую близость утверждений (пунктов методик). Далее была проведена верификация методики К. Томаса и факторов, выделенных в рамках КФА, для этого был использован корреляционный анализ. Поскольку переменные (факторные баллы) являются стандартизованными величинами и имеют нормальное распределение, был использован коэффициент корреляции Пирсона (r). Полученные коэффициенты корреляции подтвердили использование методики К. Томаса для диагностики стратегий совладания и позволили принять новые факторные структуры опросников для диагностики совладающего поведения. На следующих этапах работы было показано, что выбор стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями зависит от совокупности таких личностных характеристик, являющихся элементами сферы смысловой саморегуляции личности, как уровень тревожности, уровень субъективного контроля и толерантность к неопределенности. Нами были получены данные, свидетельствующие о том, что выбираемые стратегии совладания могут оцениваться как толерантные в зависимости от выраженности указанных личностных характеристик.

Проведенное исследование показало существование гендерных различий в выраженности тревожности и уровня субъективного контроля: уровень тревожности у девушек выше, чем у юношей. Также девушки менее самостоятельны в сфере семейных отношений и более чем юноши, склонны приписывать другим ответственность за то, каким образом складываются их семейные отношения. Были выявлены гендерные различия в выборе стратегий совладания: девушки преимущественно выбирают конструктивные стратегии совладания («саморегуляция» и «гибкая целеустремленность»), тогда как юноши отдают предпочтение интолерантным, неконструктивным («соперничество» или «путь наименьшего сопротивления»). Проведенная в рамках исследования проверка эмпирических данных показала, что ряд пунктов в методиках внутренне не согласован и отметила необходимость пересмотра существующих методических инструментов для получения действительно надежных данных.

Настоящее исследование является одним из необходимых шагов в направлении дифференциальной психодиагностики уровня сформированности сферы смысловой саморегуляции личности. Принимая во внимание тот факт, что сфера смысловой саморегуляции личности предполагает представленность в ней как осознаваемых, так и неосознаваемых уровней, нашей ближайшей задачей должны стать исследования, где будут сочетанно использованы методы классической и неклассической психологии, диагностирующие разные пласты сферы смысловой саморегуляции личности, ее операциональные и смысловые установки.

Литература

1. Кон И. С. Психология юношеского возраста: (Проблемы формирования личности). Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979.
2. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007.

Исследование особенностей узнавания и классификации эмоций в препубертатном и пубертатном периодах

Макурин А. А.³⁶

Московский психолого-педагогический Университет,
факультет «Юридическая психология»
E-mail: makurin2008@yandex.ru

Одной из наиболее актуальных проблем современной медицинской психологии и психиатрии является проблема профилактики девиантного поведения детей и подростков. Следует отметить, что в психологии нет единой точки зрения на механизмы агрессивного поведения, как нет единого определения этого понятия. Существует концепция агрессии как разновидности, своеобразной стратегии поисковой активности. Ряд авторов, развивая идеи Б.Г.Ананьева (1980), обсуждают сенсорные основы агрессии. Агрессивный акт определяется ими как некое действие с разным удельным весом сенсорного (тактильная чувствительность) и моторного (кинестетическая чувствительность) компонентов, при резком преобладании последнего. В качестве другого важным диспозиционным фактором агрессивного поведения является дефицитарность процессов социального информирования (последовательных шагов, включающих интерпретацию социальной информации), «раскодирование социальных намеков», выбора приемлемых ответов, базирующихся на интерпретации и проигрывание поведенческого ответа (Crick, N.R., & Dodge, K.A., 1996). Для таких детей специфичным является восприятие личностных качеств других людей (Матвеев В.Ф., Лебедев А.В., 1984), с преобладающим позитивным отношением к таким как агрессивность, жестокость. Даже экспериментально спровоцированные события агрессивные дети воспринимают как враждебные, а неагрессивные как случайность; не понимают и искажают поведение других и свое собственное; менее способны генерировать неагрессивные альтернативные ответы на провокацию партнеров (Frick P.J., 1999).

Все вышесказанное побудило нас к изучению роли эмоционального интеллекта в качестве провоцирующего или протективного фактора агрессивного поведения.

Сама идея эмоционального интеллекта в том виде, в котором этот термин существует сейчас, выросла из понятия социального интеллекта (Торндайк Э, Гилфорд Д., Айзенк Г.). После определения конструкта эмоционального интеллекта многими учеными был поставлен вопрос о том, как его измерить. В настоящее время разработано несколько многошкальных тестов. Подавляющее большинство тестов разработаны за рубежом. Ряд тестов оценивают испытуемого по двум областям («Опытной» и «Стратегической»). В вопросах этого типа испытуемые смотрят на портрет и должны выбрать, что чувствует человек, на нем изображенный. Из русскоязычных тестов на эмоциональный интеллект еще можно отметить представляемый И. Андреевой (2003), опросник Н. Холла. Люсин Д.В с соавторами выделяют два вида эмоционального интеллекта: внутриличностный и межличностный, и строят свой опросник соответственно этому делению. К межличностному интеллекту они относят все формы понимания и интерпретации чужих эмоций, а к внутриличностному, соответственно, своих.

Первым этапом нашего исследование было создание методики распознавания эмоций. Были отобраны актеры и люди других профессий в возрасте от 20 до 55 лет мужского и женского пола, также были отобраны дети в возрасте до 10 лет. Профессиональным фотографом были сделаны фотографии лиц этих людей, которых просили изображать восемь базовых эмоций по Изарду: гордость, радость, гнев, стыд, печаль, страх, любовь, ненависть. Затем экспертным методом были отобраны комплекты, состоящие из восьми эмоций по 6 персонажам: мальчик и девочка до 10 лет, молодые мужчина и женщина в возрасте 25 лет, мужчина и женщина в возрасте 53 лет. После этого все фотографии были

³⁶ Автор выражает благодарность руководителю Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Булыгиной В.Г. за помощь в создании методики.

переведены в рисованный карандашом вид с помощью специальной компьютерной программы. С обратной стороны все карточки были пронумерованы.

Было обследовано 96 учащихся общеобразовательной школы №868, из них 43 человека в возрасте 11 лет, 24 человека в возрасте 14 лет и 29 человек в возрасте 16 лет. Эксперимент состоял из двух предъявлений. В первом испытуемые в соответствии с указанным исследователем порядком эмоций должны были расположить по порядку фотографии каждого из 6 человек. По сути – это задание было на узнавание эмоций. Затем карточки перемешивались, и во втором предъявлении просили сложить в одну группу всех людей, выражающих одну и ту же эмоцию, что весьма схоже с заданием на классификацию.

Результаты для обработки заносились в таблицу кодированием «1», если узнавание эмоций было правильным, и «0» – если узнавание не совпадало. Поскольку наши данные были номинативными, то для статистической обработки применялась дескриптивная статистика, анализ таблиц сопряженности и биномиальный тест.

Было выявлено, что 11-летние дети лучше (на уровне статистической значимости), чем подростки из двух контрольных групп узнают эмоции своих сверстников. Однако, позитивно окрашенные эмоции, как любовь, радость, лучше узнают более старшие испытуемые, вне зависимости от возраста изображенных на картинке людей. Интересным оказался тот факт, что самые младшие дети в обследованной выборке распознают «гнев», «ненависть» и «стыд» статистически значимо лучше других испытуемых при предъявлении карточек с лицами ровесников и молодых людей. И одновременно значимо хуже узнают эти же эмоции у лиц старшего возраста.

Неожиданными оказались выявленные факты по результатам второго расклада. Подростки 16 лет собирали группы карточек, где, по их мнению, была изображена одна и та же эмоция статистически значимо хуже, чем другие испытуемые. Ни одна из подобранных карточек в группы «стыд», «любовь», «ненависть», «радость», «гнев» и «печаль» не соответствовала реально изображенной на ней эмоции.

Полученные результаты требуют дальнейшего осмысления. Созданная нами методика нуждается в дальнейшей валидации, однако ее использование представляется перспективным в сочетании с психометрическими тестами измерения эмоционального и социального интеллекта. Следующим этапом после реализации намеченных планов будет сравнительный анализ особенностей узнавания и классификации эмоций у подростков с агрессивными формами реагирования и с нормо соответствующим поведением.

Литература

1. Андреева И.Н. (2003) Взаимосвязь социальной компетентности и эмоционального интеллекта у подростков: Материалы 5-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции 6-7 ноября 2002 г., г. Минск. – Минск, 2003. – С. 194-196.
2. Ананьев Б.Г. (1980) Избранные психологические труды. М., 1980
3. Изард И. (1980) Эмоции человека М., 1980.
4. Люсин Д.В. (2006) Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3 – 22
5. Матвеев В.Ф., Лебедев А.В. (1984) Особенности отношения дезадаптированных подростков к личностным качествам людей // Вопросы психологии.-1984.-№ 3.-С.73-78.
6. Crick, N. R., & Dodge, K. A. (1996). Social information processing mechanisms in reactive and proactive aggression. *Child Development*. 67, 993—1002.
7. Frick P.J. (1999) *Conduct Disorders and Severe Antisocial Behavior*. New York. Plenum Press. 1999.

Специфика проявления ответственности подростков с различной направленностью личности
Минина Ю.И.

В современных условиях совершенствования системы образования, направленной на внедрение различных инновационных и развивающих технологий в учебный процесс, увеличиваются требования со стороны педагогов, а так же возрастает ответственность, которая возлагается на учащихся.

В повседневной практике ответственным считается тот подросток, результат деятельности которого связан с внутренней саморегуляцией и чувством долга. Именно эти личностные характеристики способствует успешному освоению учебных предметов и более высокой успеваемости в школе.

Таким образом, в организации учебно-воспитательного процесса в качестве одной из задач определено развитие такого свойства как ответственность. Для того чтобы развивать ответственность, необходимо иметь четкое представление о ее природе, механизмах и факторах, определяющих реализацию данного свойства.

Можно отметить многогранность и многоаспектность в направлениях исследования данного свойства личности: от вопросов воспитания и рассмотрения поведения в отдельных жизненных ситуациях до попыток ее объяснения посредством раскрытия отдельных сторон.

Несмотря на большое количество работ и разнообразие подходов в изучении ответственности, вопросы комплексного исследования ответственности как системного, интегративного качества личности остаются открытыми.

Поведение субъекта может меняться от простой исполнительности, продиктованной боязнью наказания и безответственности до свободного и самостоятельного принятия решения с гарантией достижения результата, если у него сформировано такое качество, как ответственность.

Вместе с тем, в научной литературе отсутствуют работы, связанные с изучением ответственности подростков с различной личностной направленностью. Этот факт и дал основание для нашего исследования.

Основной **целью** нашего исследования было выявление психологических особенностей ответственности подростков с различной личностной направленностью.

Для определения направленности личности использовался тест Б. Басса «Направленность личности». После выполнения подростками данной методики, с помощью ключа были обработаны результаты. На их основе подростки (62 респондента) были распределены в три группы (в зависимости от доминирующей направленности личности):

- **1 группа** – 22 подростка (35,5%) с направленностью на себя – «Я»;
- **2 группа** – 23 подростка (37,1%) с направленностью на общение – «О»;
- **3 группа** – 17 подростков (27,4%) с направленностью на дело – «Д».

На следующем этапе в каждой из групп был проведен «Тест суждений ответственности» В.Прядеина. Психологические особенности ответственности подростков в зависимости от личностной направленности определялись по позиции переменных в целостной структуре данного свойства.

Для **учащихся с направленностью на себя /»Я»/** характерно доминирование таких показателей ответственности как эмоциональная астеничность, эмоциональная стеничность, субъективная результативность и эгоцентризм.

В целом, школьникам с направленностью на себя свойственна эмоциональная выразительность, эгоцентризм и стремление к выполнению ответственных поручений посредством реализации личностных характеристик, чем и характеризуется направленность личности на себя.

Секция «Психология»

Психологические особенности ответственности подростков с **направленностью на общение /«О»/** определяются доминированием в целостной структуре данного свойства таких переменных, как когнитивная осмысленность, эмоциональная астеничность, предметная результативность, субъективная результативность, регуляторная интернальность, динамическая эргичность и социоцентризм.

Таким образом, четкое понимание необходимости проявления данного свойства подкрепляемое внешним локусом контроля, социоцентрическими побуждениями и широкой сферой реализации данного, что позволяет преодалевать астенические эмоции, этот факт подтверждает стремление подростков поддерживать отношения с людьми.

В общей иерархии показателей ответственности у подростков с **направленностью на дело /«Д»/** доминируют такие переменные как эмоциональность стеническая, эмоциональность астеническая, когнитивная осмысленность, субъективная и предметная результативность, регуляторная интернальность, социоцентризм и динамическая эргичность.

Для подростков с данной направленностью, при реализации ответственности свойственна широкая гамма эмоций проявляемых как в субъективной, так и в предметной деятельности выполняемой на основе четкого понимания данного свойства, внутренней регуляции и побуждений носящих социоцентрический характер, что благоприятно сказывается на организации делового взаимодействия приводящего к положительным результатам деятельности.

Итак, представленные психологические особенности не только характеризуют ответственность подростков с различной личностной направленностью, но и позволяют увидеть специфику проявления данного свойства личности.

Влияние компьютерных игр на уровень выраженности страха смерти у детей младшего школьного возраста

Мирончак Е.В.

Студент (бакалавр)

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
факультет психологии, Киев, Украина*

E-mail: katiinka@ukr.net

Современные дети нередко осваивают компьютерную грамотность раньше, чем языковую или математическую: мы живем в эпоху высоких технологий и сумасшедших скоростей. Компьютер и интернет могут стать как инструментом творчества и получения новой информации для развития, так и стать причиной возникновения «компьютерной или игровой» зависимости. Согласно нормам Минздрава, 7-10-летние дети могут проводить за компьютером не более 45 мин. в день. Но часто, не получая необходимого количества внимания и поддержки со стороны родителей, дети занимают свой досуг виртуальной игрушкой.

Игровая реальность становится для ребенка реальностью жизни, то есть происходит замена на уровне сознания. Особенно ярко это случается тогда, когда маленький человек переживает социально неудачные контакты, и погружается в игровой мир, где чувствует себя неделимым обладателем.

Виртуальная реальность формирует нереальный мир компьютерной игры, возникает эффект "присутствия", происходит то, что можно назвать "распад личности" на "Я виртуальное" и "Я реальное". Во многих компьютерных играх ребенок на каждом шагу сталкивается с фактом смерти, не имея о ней четкого, сформулированного умственного понятия. Мелани Кляйн, основываясь на своем опыте анализа детей, пришла к выводу, что совсем маленький ребенок находится в близком отношении со смертью, и это отношение возникает у него значительно раньше, чем умственное знание о смерти. Кляйн утверждает, что страх смерти является частью самого раннего жизненного опыта детей.

Секция «Психология»

В процессе развития человека, страх смерти может в определенные периоды жизни оставаться скрытым, проявляя себя посредством других страхов, а может выступать в виде доминирующего страха. Большинство детских психологов, которые исследуют возрастные новообразования, утверждают, что страх смерти впервые появляется приблизительно в 6-8 лет. Существует много факторов влияния на выраженность этого страха. Среди малоисследованных факторов выступают индивидуально личностные и ситуационные – как условия жизни и отдыха.

На этом основании было проведено исследование с детьми младшего школьного возраста. Целью данного исследования было выявление связи выраженности страха смерти у детей младшего школьного возраста с личностным и ситуационным факторами. В качестве личностного фактора была избрана тревожность учеников. В качестве ситуационного фактора выступили особенности отдыха детей – компьютерные игры, частота игры.

Проведенное исследование показало, что связь игры в компьютерные игры со страхом собственной смерти есть обратной, значимой. Коэффициент корреляции Пирсона составляет $-0,588$. Обратная связь указывает на то, что с увеличением частоты игры в компьютерные игры уменьшается уровень выраженности страха собственной смерти. Данную закономерность мы можем чаще наблюдать у мальчиков: уровень выраженности страха собственной смерти у них намного меньший. Ребенок часто отождествляет себя с персонажем, который в процессе игры может много раз умирать и оживать снова и снова. У ребенка может появиться ощущение бессмертности, перенося возможности персонажа на себя. Этот факт неминуемо отражается на восприятии ценности жизни, уничтожает стойкость предела между жизнью и смертью и развивает склонность к жизненно опасному поведению.

Вот почему, мальчики, которые очень часто играют в компьютерные игры, особенно в младшем школьном возрасте, когда еще происходит формирование и совершенствование ряда психических процессов, не осознают реальный феномен смерти.

Проведенное исследование имеет ряд перспектив для разработки этой проблематики в будущем. Это – динамика влияния данных факторов в разные возрастные периоды, когда доминантные страхи заменяют друг друга. Это – более детальный анализ влияния на страх смерти ситуационного фактора. Во время глобальной компьютеризации, компьютерные игры нужно рассматривать как своеобразный социально-психологический феномен, который сегодня занимает все более заметное место в жизни человека. Это также исследование границы, которая разделяет жизнь и смерть у ребенка во избежание ее окончательного уничтожения.

Литература

1. Захаров А.И. Как преодолеть страхи у детей. – М.: Педагогика, 1986.
2. Белоусов С. Психология страха смерти. – СПб., 1993.
3. Щербатых Ю.В. Психология страха. М.: Эксмо-Пресс, 2006.
4. Эльконин Д. Б. Психология игры. - М.: Просвещение, 1999.
5. Церковный А. Формирование навыков в пространстве компьютерных игр // Социальная психология. - 2004. - № 3 (5).
6. M. Klein, "A Contribution to the Theory of Anxiety and Guilt", International Journal of Psychoanalysis (1948) 29[^] 114-23.

Субъективное благополучие и объяснительный стиль личности на этапе геронтогенеза

Муталимова А.М.

*Старший преподаватель кафедры психологии
Дагестанский государственный педагогический университет
aidamag@inbox.ru*

Стиль жизни каждого человека уникален и неповторим. В значительной степени этот стиль мотивируется социальными побуждениями, потребностью найти свое место в жизни общества. Пройдя большую часть своего пути, человек с полной мерой ответственности может оценить свои социальные достижения и успехи, почувствовать радость от исполнившихся желаний молодости или разочарования от несбывшихся надежд, понять, какую социальную роль он играл и продолжает играть в обществе.

Каждый человек, ушедший на пенсию по-разному переживает это событие, в связи с чем происходят соответствующие изменения в его когнитивной, мотивационно-потребностной и личностной сферах.

Атрибутивный (объяснительный) стиль как способ объяснения и интерпретации человеком жизненных событий, результатов собственной активности, успехов и неудач, непременно встречающихся в процессе жизнедеятельности, представляет собой когнитивный компонент самосознания личности, его Я-концепции.

Наш привычный способ объяснять происходящее, наш стиль объяснения – это нечто большее, чем просто слова, которые мы произносим. Стиль объяснения коренится непосредственно во взгляде на наше место в мире: считаем ли мы себя ценным и заслуженным, либо бесполезным и безнадежным.

Объект исследования: объяснительный стиль личности пожилых людей различных категорий (работающие пожилые люди, пенсионеры и проживающие в интернате).

Предмет исследования: особенности объяснительного стиля личности и субъективного благополучия пожилых людей.

Гипотеза: у различных категорий пожилых людей наблюдаются существенные различия в объяснительном стиле и ощущении субъективного благополучия, кроме того субъективное благополучие личности взаимосвязанно с объяснительным стилем личности пожилых людей.

Цель исследования: изучить особенности субъективного благополучия и объяснительного стиля личности на стадии геронтогенеза.

Методики исследования: Шкала Субъективного благополучия (ШБС), адаптация М.В. Соколовой; модифицированный опросник атрибутивного стиля М. Селигмана «Тест на оптимизм» модификация Л.М. Рудиной.

Таблица 1 показывает распределение средних значений объяснительного стиля пожилых людей: PmB (Permanent Bad) – постоянство причин своих неприятностей; PmG (Permanent good) – постоянство в объяснении хороших событий; PvB (Pervasiveness Bad) – параметр широты (конкретное или универсальное объяснение беспомощности); PvG (Pervasiveness good) – оценка оптимизма с позиции широты для хороших событий; HoB (Hope Bad) – коэффициент надежды; PsB (Personalization Bad) – оценка персонализации в плохих условиях; PsG (Personalization good) – персонализация в хороших условиях; B - итог по неблагоприятным событиям; G - итог по благоприятным событиям; (G – B) – окончательный итог.

Общий подсчёт баллов по шкале субъективного благополучия, позволяет говорить, о том, что оптимальное субъективное благополучие свойственно работающим, востребованным людям, средний уровень (а по некоторым показателям низкий) присущ вышедшим на пенсию людям. Самый низкий уровень субъективного благополучия, свидетельствующий об отсутствии доверия к окружающим, мы наблюдаем у пожилых людей, проживающих в интернате.

Таблица 1. Средние значения объяснительного стиля пожилых людей

	PmB	PmG	PvB	PvG	PsB	PsG	HoB	B	G	G-B
работающие пожилые	2,736	5,421	2,421	5,368	4,684	5,526	5,157	9,684	16,315	6,578

Секция «Психология»

люди										
вышедшие на пенсию	3,294	4,235	3,823	4,294	3,764	3,823	7,352	10,47	12,35 2	1,647
проживающие в интернате	4,5	2,312	4,687	2,312	2,625	1,937	9,5	11,93 7	6,562	-4,75

Таблица 2. Средние значения показателей субъективного благополучия пожилых людей

Показатели субъективного благополучия	работающие пожилые люди	вышедшие на пенсию	проживающие в интернате
Напряженность, чувствительность	10,263	12,294	13,75
Депрессия, рассеянность	10,315	16,528	20,375
Изменения настроения	4,21	7,437	7,062
Значимость социального окружения	6,842	8,25	9,941
Самооценка здоровья	5,315	7,764	11,875
Удовлетворенность повседневной деятельностью	5,631	9,234	13,875
Общее субъективное благополучие	41,473	60,294	77
Стены	2,526	5,647	7,375

В результате проведённого эмпирического исследования выявлено, что наибольшая степень напряжённости и чувствительности присуща людям, проживающим в интернате, они более склонны к депрессии, сонливости, рассеянности частой смене настроения и пессимистической стратегии мышления и поведения.

Кроме того нами установлена взаимосвязь между субъективным благополучием и объяснительным стилем личности пожилых людей. Так, работающие востребованные пожилые люди обладают более оптимистичным объяснительным стилем и оптимальным уровнем субъективного благополучия.

Таким образом, объяснительный стиль личности на этапе геронтогенеза тесно связан с ощущением субъективного благополучия человека. Чем ниже показатели объяснительного стиля (склонность к пессимистической модели мышления и поведения), тем выше значения по шкалам субъективного благополучия. Что свидетельствует о выраженном эмоциональном дискомфорте, лица с такими показателями скорее не удовлетворены собой и своим положением, лишены доверия к окружающим и надежды на будущее, испытывают трудности в контроле своих эмоций, неуравновешенны, негибки, постоянно беспокоятся по поводу реальных и воображаемых неприятностей.

Сопоставление методик диагностики мотивационной готовности к школе

Назаренко В.В.

научный сотрудник, кандидат психологических наук

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: veronikin@inbox.ru

Цель данного исследования – сопоставить методики, исследующие мотивационное развитие старших дошкольников и первоклассников в контексте психологической готовности к школе.

Секция «Психология»

Гипотеза исследования: дети, мотивационно готовые к школе, в большей степени ориентированы на учебные занятия, чем на игровые, что должно выявляться с помощью соответствующих методик.

Задача исследования: соотнести результаты по опроснику «Внутренняя позиция школьника» Н.И.Гуткиной и методике «Сказка» Н.И.Гуткиной с результатами по проективной методике «Мотивационные предпочтения» Д.В.Солдатова.

Испытуемые: 196 учащихся первых классов пяти московских школ в возрасте от 5 лет 11 мес. до 8 лет 0 мес., из них 95 мальчиков и 101 девочка.

Методики

1. Методика «Сказка» (Н.И.Гуткина, 2002, 2004) – экспериментальная методика, позволяющая определить доминирование познавательного или игрового мотива в мотивационной сфере ребенка. С точки зрения мотивационной готовности к школе хорошим считается результат, когда познавательный мотив доминирует над игровым мотивом.

2. Методика «Внутренняя позиция школьника» (Н.И.Гуткина, 2002, 2004) – опросник, с помощью которого можно определить степень сформированности у ребенка внутренней позиции школьника. Внутренняя позиция школьника (Л.И.Божович, 1968) – это новое отношение ребенка к среде, возникающее в конце дошкольного возрасте и проявляющееся в стремлении занять новое, более взрослое положение в жизни – положение школьника и осуществлять связанную с этим серьезную социально значимую деятельность – учение. Наличие внутренней позиции школьника является одним из критериев мотивационной готовности к школе.

3. Методика «Мотивационные предпочтения» (Д.В.Солдатов, 2001) – проективная методика, позволяющая выявить отношение ребенка к учебной, игровой и трудовой деятельности. В процессе выполнения методики ребенок осуществляет ряд положительных и отрицательных выборов занятий, изображенных на карточках. На основании этих выборов делается вывод о положительном или отрицательном отношении ребенка к данным видам деятельности.

Соотнесение результатов методик проводилось следующим образом. По результатам выполнения методик «Сказка» и «Внутренняя позиция школьника» были выделены группы детей с различным уровнем мотивационной готовности к школе: высоким, средним и низким. Эти группы испытуемых сравнивались по частоте встречаемости у детей положительного и отрицательного отношения к игровой и учебной деятельности, которое определялось с помощью методики «Мотивационные предпочтения». Отношение детей к трудовой деятельности не рассматривалось. Для статистической обработки данных использовался критерий Стьюдента для процентов (С.Гланц, 1999).

Результаты исследования

Сравнение мотивационных предпочтений детей с **высоким** уровнем мотивационной готовности к школе и детей с **низким** уровнем мотивационной готовности к школе выявило статистически значимые различия между данными группами испытуемых:

1. дети с высоким уровнем мотивационной готовности к школе существенно *чаще*, чем дети с низким уровнем мотивационной готовности к школе, проявляют положительное отношение к учебным занятиям;

2. дети с высоким уровнем мотивационной готовности к школе существенно *реже*, чем дети с низким уровнем мотивационной готовности к школе, проявляют положительное отношение к игровым занятиям;

3. дети с высоким уровнем мотивационной готовности к школе существенно *чаще*, чем дети с низким уровнем мотивационной готовности к школе проявляют отрицательное отношение к игровым занятиям.

Таким образом, дети с высоким уровнем мотивационной готовности к школе по своим мотивационным предпочтениям более ориентированы на учебную деятельность и менее

Секция «Психология»

ориентированы на игровую деятельность по сравнению с детьми с низким уровнем мотивационной готовности к школе.

Группа детей со **средним** уровнем мотивационной готовности к школе неоднородна по мотивационным предпочтениям. Дети с хорошей познавательной мотивацией и внутренней позицией школьника «в стадии формирования» по своим мотивационным предпочтениям ближе к детям с высоким уровнем мотивационной готовности к школе. Дети с хорошей познавательной мотивацией, но с несформированной внутренней позицией школьника по своим мотивационным предпочтениям ближе к детям с низким уровнем мотивационной готовности к школе.

Сопоставление методик Н.И.Гуткиной «Сказка» и «Внутренняя позиция школьника» и методики Д.В.Солдатова «Мотивационные предпочтения» показывает общую тенденцию изменения мотивационных предпочтений в связи с формированием мотивационной готовности к школе: с улучшением показателей мотивационной готовности к школе возрастает предпочтение детьми учебных занятий и убывает предпочтение детьми игровых занятий.

Результаты по методике «Мотивационные предпочтения» показывают, что очень низкому уровню мотивационной готовности к школе (когда игровой мотив доминирует над познавательным мотивом, и внутренняя позиция школьника отсутствует) соответствует не отрицательное, а нейтральное, безразличное отношение к учению. Отрицательное отношение к учению у учащихся первых классов встречается очень редко.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1968.
2. Гланц С. Медико-биологическая статистика. – М., 1999.
3. Гуткина Н.И. Диагностическая программа по определению психологической готовности детей 6-7 лет к школьному обучению. - М., 2002.
4. Гуткина Н.И. Психологическая готовность к школе. – М., 2004.
5. Солдатов Д.В. Диагностика мотивационной готовности к обучению в школе. – Обнинск, 2001.

Проявление особенностей типа темперамента и эмоциональных проявлений у дошкольников

Некрасова А.П., Белоус О.В.

студент; доцент, к.псих.н.

*Армавирский государственный педагогический университет; Армавир, Россия
bell_a@mail.ru, boris11111@gmail.com*

Ведущими отечественными и зарубежными учеными: физиологами, психологами, педагогами, психиатрами, а также философами доказано, что многие психические различия по глубине, интенсивности эмоций, эмоциональной впечатлительности, темпу энергичности действий и другие динамические особенности психической жизни, поведения и деятельности определяются типом темперамента (Гиппократ, Клавдий Гален, Э.Кречмер, У.Шелдон, И.П.Павлов, Я.Стреляу, Н.С. Лейтес, Б.М.Теплов и др.).

Возникновение относительно устойчивых форм поведения, изучение типа поведения детей с эмоциональным неблагополучием, влияние типа темперамента на проявление агрессивности являлось предметом изучения многих отечественных и зарубежных психологов, педагогов и других ученых (Л.С.Выготский, Л.Г.Воронина, М.И.Буянов, М.Л.Кряжева, А.Г.Ковалев, В.М. Бехтерев и др.).

Существующие противоречия во взглядах на эти проблемы делают их наиболее актуальными, а их рассмотрение во взаимосвязи поможет адекватно разобраться в истине.

Наблюдая за поведением детей и взрослых, за тем, как они учатся, трудятся, играют,

Секция «Психология»

как реагируют на внешние воздействия, как переживают радости и горести, мы несомненно обратим внимание на большие индивидуальные различия между ними в отношении активности, подвижности, эмоциональности, т.е. различия их темпераментов.

Психика каждого человека уникальна. Ее неповторимость связана как с особенностями биологического и физиологического строения и развития организма, так и с единственной в своем роде композицией социальных связей и контактов. К биологически обусловленным подструктурам личности относится, прежде всего, темперамент. Когда говорят о темпераменте, то имеют ввиду многие психические различия между людьми – различия по глубине, интенсивности устойчивости эмоций, эмоциональной впечатлительности, темпу, энергичности действий и другие динамические, индивидуально-устойчивые особенности психики, поведения и деятельности.

Темперамент заключается в том, что различные свойства темперамента данного человека не случайно сочетаются друг с другом, а закономерно связаны между собой, образуя определенную структуру. Нет лучших и худших темпераментов – каждый из них имеет свои положительные стороны, и поэтому главные усилия должны быть направлены не на его исправление, а на разумное использование в конкретной деятельности его достоинств.

Таким образом, в динамических чертах психики обнаруживаются как особенности устремлений, действий, так и переживаний. Сфера проявлений темперамента – общая психическая активность и эмоциональность.

Детей отличают (и чем младше ребенок, тем в большей степени) некоторые признаки слабости типа нервной системы, что означает не только малую выносливость, но и более высокую чувствительность. Именно возрастная слабость нервной системы может обуславливать в ранние годы особую яркость восприятия, детскую впечатлительность и такие черты, как легкость перехода к возбуждению, импульсивность.

Характерны для детских возрастов также интенсивность эмоциональных переживаний и их неустойчивость. Весьма обычный, например, стремительный переход от горестных слез к улыбке, веселью. Слабость нервной системы удивительным образом сочетается в годы детства с быстрым возобновлением энергии. Об этом своеобразии работоспособности ребенка К.Д.Ушинский писал: «Заставьте ребенка сидеть, он очень скоро устанет, лежать – тоже самое; идти он долго не может, не может долго ни говорить, ни петь и менее всего, долго думать; но он резвится и движется целый день, переменяет все эти деятельности и не устает ни на минуту, а крепкого детского сна достаточно, чтобы возобновить детские силы».

Возможность учета в воспитании и обучении индивидуально-типологических особенностей ребенка очевидна. Игнорирование свойств темперамента приводит к развитию отрицательных черт у дошкольников, например у сангвиника – распыленности, разбросанности интересов; у холериков – несдержанности, резкости, неуживчивости, легкомыслия; у флегматика – безынициативности, безучастности, лени, вялости, апатии; у меланхолика – застенчивости, замкнутости, неуверенности, обидчивости.

При внимательном отношении к детям с отклонениями в поведении можно заметить, что немалую роль в возникновении трудностей играют отрицательные эмоциональные переживания, которые могут способствовать развитию у детей общего эмоционального неблагополучия. Неудовлетворенность ребенка взаимоотношениями с окружающими выступает в виде различных переживаний: разочарования, обиды, гнева, оскорбленного самолюбия. Они ярко проявляются в речи, мимике, позе, движениях, в проявлении жестокости.

Агрессивность у детей проявляется в виде требований, перерастающих к угрозам, драк, порчи предметов и изделий, приготовленных другими детьми. Не каждое проявление агрессии может считаться нарушением. Чаще всего агрессия, выражающаяся в гнев, направлена на устранение препятствий для достижения цели.

Применение коррекционных методов полностью зависит от характера тех причин, которые обусловили агрессивное поведение. Выбор методики коррекции происходит с учетом конкретного случая и конкретного ребенка. Задача заключается в том, чтобы находить пути, формы и методы воспитания положительных черт характера и норм поведения применительно к особенностям типа нервной деятельности (темперамента) воспитанника. Обучение и воспитание должны преодолевать недостатки того или иного типа, развивать его положительные стороны. Учитывая свойства темперамента нужно так организовать деятельность каждого дошкольника, чтобы постепенно все менее и менее редко проявлялись отрицательные свойства темперамента, которые мешают ребенку вести себя адекватно, удерживать свои отрицательные эмоции и быть организованными в деятельности.

Сравнительный анализ содержания социальных представлений о России у детей старшего дошкольного возраста и взрослых.

Нисская А.К.

студент

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,

психологический факультет, Москва, Россия

E-mail: Anastasiya-Nisskaya@yandex.ru

Изучение социальных представлений имеет длительную историю, этой проблематике посвящены работы таких авторов как С. Московичи, Ж. Пиаже,

У. Бронфенбреннер, М. Мид и др. К понятию «социальные представления» достаточно близки такие термины отечественной психологии как «гражданская идентичность», «социальная идентичность», «этническая идентичность» (В.С. Мухина, Т.Г. Стефаненко и др.), хотя содержательное наполнение их специфично для каждого из авторов.

Тем не менее, можно говорить о том, что процесс формирования социальных представлений в детском возрасте недостаточно освящен в современной психологии.

Описываемая здесь работа направлена на изучение проблематики развития социальных представлений на примере представлений российских детей о своей стране.

Рассматривая социальные представления, принято выделять когнитивную и перцептивную стороны. Изучению первого из указанных компонентов и посвящено наше исследование.

Нами было сделано предположение о том, что структурные компоненты когнитивной составляющей социальных представлений присутствует уже в старшем дошкольном возрасте.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами были проанализированы рисунки и высказывания о России детей старшего дошкольного возраста. Им предлагалось рассказать и нарисовать, что они знают о России. Для этого давалась следующая инструкция: «Расскажи, что такое Россия? Что ты знаешь о России? Может быть, тебе будет легче вспомнить, если ты нарисуешь рисунок про Россию?» Взаимодействие с каждым испытуемым носило индивидуальный характер.

Выборку составили дети, посещающие различные ДОУ г. Москвы в возрасте от 5 до 7 лет. В общей сложности в исследовании приняло участие 65 детей (31 мальчик и 34 девочки).

Для классификации рисунков и высказываний необходимо было составить представление о содержании компонентов структуры социальных представлений у взрослых. Для этого нами было проведено пилотажное исследование. Его участниками стали 49 человек в возрасте от 17 до 23 лет, в основном – студенты различных ВУЗов Москвы. Им предлагалось написать небольшое эссе, в котором они в свободной форме

Секция «Психология»

рассказывали о том, что они знают о России. Также предлагалось дополнить сочинения рисунками, иллюстрирующими их представление о России.

Результаты пилотажного эксперимента позволили выделить следующие содержательные компоненты:

1. Историко–географический аспект представлений о России
 - Территория и государственный статус (21,8%)
 - Природный аспект (19,4%)
 - Исторический аспект (13,5%)
 - Этнографический аспект (12,4%)
2. Национальная культура (11,8%)
3. Государственное устройство (8,2%)
4. Национальная символика (4,7%)
5. «Малая Родина» (4,7%)
6. Чисто эмоциональные высказывания (3,5%)

В скобках указана относительная частота упоминаний каждой из категорий.

Далее мы перешли непосредственно к основному эксперименту. В ходе индивидуального взаимодействия с ребенком, нами была проведена беседа, с заранее заданной структурой. В ходе беседы мы просили испытуемого сделать рисунок о России.

После сбора данных нами был проведен качественный анализ полученного материала.

Когнитивный компонент полученных данных был классифицирован по основаниям, выделенным в пилотажном исследовании.

Таким образом, можно говорить о наличии следующих категорий в представлениях старших дошкольников о России:

1. Историко–географический аспект представлений о России:
 - Территория и государственный статус (39,9%)
 - Природный аспект (10,7%)
 - Этнографический аспект (население) (8,8%)
2. Национальная культура (9,4%)
3. Государственное устройство (упоминание президента) (1,9%)
4. Национальная символика (14,5%)
5. «Малая Родина» (представления, близкие к понятиям «дом», «семья») (22%)
6. Чисто эмоциональные высказывания и оценки (1,9%)

В скобках указана относительная частота упоминаний каждой из категорий.

Таким образом, можно говорить о том, что анализ содержания материала подтверждает нашу гипотезу: структурные компоненты когнитивной составляющей социальных представлений присутствуют уже в старшем дошкольном возрасте. Проводя количественное сравнение, мы отметили, что уже в дошкольном возрасте на первый план выступают представления, связанные историко- географическим аспектом знаний о России. Наименее представленными оказались суждения о России, опирающиеся исключительно на эмоциональное отношение.

Статусно-ролевая дифференциация в школьном коллективе

Новгородцева Т.А.³⁷

Магистрант направления «Педагогика», специальность «Психология развития»

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

E-mail: tryagn@mail.ru

В современных социально-экономических и политических условиях особую значимость приобретает проблема формирования нравственных и моральных качеств молодежи. Воспитание и обучение ребенка, приобщение его к культуре происходит посредством участия его в малых группах. Школьный класс является одной из групп,

³⁷ Автор выражает признательность к.п.н., доценту Тихолаз Т.М. за помощь в подготовке тезисов

Секция «Психология»

оказывающих влияние на развитие и становление личностных и деловых качеств индивида. Взаимодействие с одноклассниками способствует выработке «системы действий, предназначенных для определения позиции при взаимодействии с другими индивидами» [4]. Таким образом, учащийся осваивает ролевой репертуар, базирующийся на статусных характеристиках.

Проблема соотношения ролевых и статусных характеристик личности в отечественной литературе освящена не достаточно. Рассматривая статус личности, авторы лишь упоминают о ролевом распределении в группе, зачастую, обращая внимание лишь на роль лидера.

Следует отметить, что большое значение статусно-ролевое распределение приобретает в юношеском возрасте. Центральным новообразованием данного периода является самоопределение, эффективность которого, во многом зависит от принятия или отвержения школьным классом проявлений личностных и деловых качеств учащегося. Осуществляемое посредством варьирования ролей и статусов, управление группой может способствовать улучшению психологического климата, снятию психологического напряжения, а, следовательно, увеличению эффективности процесса самоопределения.

Статус личности в группе обуславливает разнообразие выполняемых ролей и их качественную характеристику. В психологической науке статус рассматривается как фактор, определяющий степень влияния индивида на группу. В связи с этим выделяют высокий, средний и низкий статусы. Кроме того, статус соотносят с определенными сферами личности. Так, А.С. Шаров рассматривает ценностный и смысловой статусы школьников.

Теоретический анализ литературы, позволил выявить два типа ролей: деловые и межличностные. Данные роли характерны для большинства малых групп, в том числе и для школьного класса. В процессе взаимодействия в группе выделяются деловые роли, связанные с решением задач и роли, связанные с оказанием поддержки [1,4]. На основе анализа литературы, систематизированы межличностные роли [2,4,6]. В зависимости от эмоциональной насыщенности определены эмоционально-положительные, эмоционально-отрицательные и эмоционально-ситуативные роли.

Для выявления соотношения статусных и ролевых характеристик учащихся, нами проведено исследование школьного коллектива. При проведении исследования реализована методика А.С. Шарова «Ценностно-смысловая значимость личности в группе» и проведен опросник, целью которого является выявление ролевого распределения в классе. При анализе результатов, учитывалось мнение школьного психолога. Исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы № 65 г. Омска. В опросе принимали участие 25 учащихся, из них 13 девушек и 12 юношей.

В ходе исследования выявлено, что школьники с высоким ценностно-смысловым статусом составляют 20% от общего числа учащихся. Учащимся свойственны такие деловые роли, связанные с решением задач, как «инициатор», «разработчик», «оценщик». Это свидетельствует о том, что школьники проявляют активность на протяжении всего процесса решения групповых задач. Учащиеся ориентированы на оказание поддержки посредством регулирования и стабилизации отношений в группе. Для них характерны роли «вдохновитель», «примиритель» и «ведомый». В сфере межличностных отношений школьники выполняют эмоционально-положительные роли, такие как «объект любви» и «союзник». Вероятно, успешное исполнение деловых ролей способствует установлению стабильных межличностных взаимоотношений. При характеристике ролевого репертуара учащихся с высоким статусом, заметим свойственную им роль «козел отпущения». По-видимому, данная роль проявляется в сфере учебной или общественной деятельности.

Средним ценностно-смысловым статусом обладают 40% учащихся в классе. В классе учащиеся могут играть такие деловые роли, как «инициатор», «оценщик», «ведомый». Полагаем, что это свидетельствует о подверженности школьников групповому давлению при совместном решении задач. В сфере межличностных взаимоотношений ролевой

Секция «Психология»

репертуар более разнообразен. Учащиеся играют такие эмоционально-положительные роли, как «объект любви», «герой» и «мастер на все руки». Эмоционально-положительной в группе является роль «шутник», которая так же свойственна школьникам. Для учащихся со средним ценностно-смысловым статусом характерна эмоционально-отрицательная роль «подхалим». Разнообразие межличностных ролей, вероятно, свидетельствует о неоднозначности восприятия школьников учебной группой.

40% учащихся обладают низким ценностно-смысловым статусом. Степень участия школьников в деловых взаимоотношениях в классе не велика, а межличностные отношения не стабильны. Учащиеся играют такие деловые роли, как «погонщик», «нормировщик» и «ведомый». Очевидно, школьники ориентированы на контроль над деятельностью класса, но на принятие групповых решений влияют не значительно. Низкий статус обуславливает высокую степень конформности, что проявляется в том, что учащиеся чаще выступают в роли «союзник». Исполнение таких эмоционально-отрицательных ролей, как «враг», «заговорщик», «козел отпущения», определено низким статусом учащихся.

Таким образом, статус учащегося в классе во многом обуславливает сферы взаимоотношений, в которых он играет определенные роли. Наибольшей значимостью для класса обладают школьники с выраженными деловыми качествами. Сфера межличностных взаимоотношений определяет средний статус учащихся, при этом акцент делается на эмоционально-положительные роли. Низкий статус школьников объясняется однообразием и неразвитостью ролевого репертуара, преобладанием эмоционально-отрицательных ролей.

Литература

1. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие. – М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2006
2. Любен Десев Психология малых групп / пер. с болгарского Т.Е. Зюзюкиной. – М.: «Прогресс», 1979
3. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: «Просвещение», 1978
4. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика/ Перев. с англ. – СПб, 1998
5. Шаров А.С. Ценностно-смысловое поле межличностного взаимодействия в структуре классного коллектива: методические рекомендации по курсу «Психология» для студентов старших курсов / составитель Шаров А.С. – ОГПИ им. А.М. Горького, 1990
6. Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с англ. В.Б. Ольшанская Ростов н/Д.: издательство «Феникс», 1998

«Осмысленность жизни и смысложизненные ориентации в семье»

Овчинникова Е.В.

Студент

*Российский государственный социальный университет, факультет психологии,
социальной медицины и реабилитационных технологий, город Москва, РФ.*

Elenaov4@yandex.ru

Осмысленность жизни, смысложизненные ценности в семье достаточно интересная и насущная для современных условий проблема, которая непосредственно связана с определением для себя каждым конкретным человеком смысла жизни и соотношением с семейными ценностями и традициями. Семья, как малая социальная группа, определяет многие поступки человека, а также те проблемы и трудности, которые будут возникать в его жизни. Поэтому насколько и в какой степени будут усвоены важнейшие ценностные

Секция «Психология»

характеристики, настолько индивид сможет успешно справляться с возникающими проблемами.

Исследование по данной проблематике было проведено на выборке, включившую 20 семей в составе 3 человек: мать (возраст от 40 и выше), отец (от 40 и выше), дочь/сын (от 18 – 23 лет) – сын/дочь проживают с родителями.

Для выявления уровня осмысленности жизни и ценностно-смысловых особенностей были использованы тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева и методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Для определения уровня сплоченности использованы тест «семейная социограмма» модифицированной А.В.Черниковым и опросник «шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3) адаптирован М.Перре. Исследование проводилось на добровольной основе. Полученные данные прошли математическую обработку с помощью программы STATGRAP.2_1.

Гипотеза состояла в следующем: В семье при наличии одинаковых ценностей не существует общего уровня осмысленности жизни.

Проверка гипотезы осуществлялась в 2 этапа:

На первом этапе для нахождения различий между показателями уровней осмысленности жизни членов семьи, проводилось сравнение показателей уровней осмысленности жизни отца, матери и сына/дочери по критерию Mann-Whitney с помощью программы STATGRAP.2_1. В результате сравнения значимые различия по показателю осмысленности жизни (ОЖ) были выявлены между показателями ОЖ отцов и «взрослых детей», а также показателями ОЖ матерей и «взрослых детей» (табл.№1). Что позволило сделать выводы об отсутствии в семье общего уровня осмысленности жизни. Однако наметилась тенденция, при которой в семье уровень осмысленности жизни молодого поколения на порядок ниже родителей (табл.№2).

Таблица №1

гипотезы	$O \neq M$	$O > M$	$O < M$
P-value	0,615959	0,30798	0,69202
гипотезы	$O \neq P$	$O > P$	$O < P$
P-value	0,00010269	0,0000513452	0,999949
гипотезы	$M \neq P$	$M > P$	$M < P$
P-value	0,000455071	0,000227536	0,999772

Условные обозначения: *O* - уровень осмысленности жизни отца; *M* - уровень осмысленности жизни матери; *P* - уровень осмысленности жизни сына/дочери. При каждой альтернативной гипотезе получается свое значение (**P-value**), которое при **P-value** < 0,05 свидетельствует о наличии значимых различий.

Таблица №2. «Сравнительная таблица уровней осмысленности жизни членов семьи»

№	Уровень осмысленности жизни		
	отец	мать	сын/дочь
1	↑	ср	ср
2	↑	↑	ср
3	↑	↑	ср
4	ср	ср	↓
5	↓	ср	ср
6	↑	↑	ср
7	ср	ср	↓
8	ср	↑	ср
9	↑	↑	ср
10	ср	↑	ср
11	↑	↑	ср
12	ср	ср	↓

13	ср	↑	ср
14	ср	↓	↓
15	↑	↑	ср
16	↑	ср	ср
17	↑	↑	ср
18	↑	↑	ср
19	↑	↑	ср
20	↑	↑	ср

Условные обозначения: ↓ - низкий уровень осмысленности жизни; ср – средний уровень осмысленности жизни; ↑ - высокий уровень осмысленности жизни. Перевод числовых данных в смысловые осуществляется с помощью ключей, приводимых в методике СЖО.

На втором этапе проводился анализ значимых терминальных и инструментальных ценностей отца, матери и сына/дочери. В результате сравнения мы выявили наличие в каждой исследованной семье общей ценностной системы.

Полученные результаты позволили сделать общие выводы, что при наличии общесемейных ценностей общего уровня осмысленности жизни в семье не существует.

Полученные результаты имеют не только практическое значение для понимания семейных проблем, для организации оптимальных психопрофилактических мероприятий для укрепления семейных отношений, а также стали причиной появления нескольких проблем: действительно ли существует тенденция, при которой уровень осмысленности жизни (а в понимании Д.Леонтьева это и удовлетворенность жизнью) в семье молодого поколения на порядок ниже родителей. По какой причине это так? Что влияет на удовлетворенность жизнью молодого человека в семье? Какую роль здесь играет родительский и возрастной факторы? А так же тема общего уровня осмысленности жизни у родителей, то есть в паре: во всех ли парах это так? По каким причинам общий уровень осмысленности существует у брачной пары?

Эти вопросы требуют пристального внимания и дальнейшего исследования.

Литература

1. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности./Психология личности в трудах отечественных психологов. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2000.
2. Варга А.Я. Системная семейная терапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
6. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба. М.: Изд-во «Ось-89», 1997.
7. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Речь, 2001.

Особенности личности подростка в зависимости от представлений им референтной группы

Охременко А.А.

студентка

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
факультет педагогики и психологии, Нижевартовск, Россия*

E-mail: g_natalia@pochta.ru

Подростковый период представляет наибольшие возможности для определения условий и механизмов становления растущего человека как личности. Процесс формирования личности в этом возрасте не завершается. Весь этот период представляет

Секция «Психология»

собой значительную перестройку ранее сложившихся психологических структур и возникновение новых, которые с этого момента лишь начинают дальнейший путь своего развития.

Если рассматривать личность с точки зрения диспозиционного подхода, то можно сказать, что ее внутреннюю сущность составляет совокупность устойчивых, взаимосвязанных элементов, то есть черт, которые и определяют ее поведение. Именно от них зависит, как подросток будет поступать в той или иной ситуации.

Одним из основных структурных компонентов формирования личности подростка являются ценностные ориентации – разделяемые и внутренне принятые материальные и духовные ценности, предрасположенность к восприятию условий жизни и деятельности в их субъективной значимости. Именно ценностные ориентации для подростка служат опорными установками для принятия решений и регуляции поведения. Наибольшее влияние на ценностные ориентации подростка оказывает референтная группа, система ценностей и норм которой выступает для него эталоном

Подросток – еще не цельная зрелая личность, отдельные его черты могут диссонировать. Неустойчивость, подвижность всей психической жизни подростка приводит к изменчивости представлений о себе, других людях. Представление — это воспроизведенный образ предмета, основывающийся на нашем прошлом опыте. В истории психологии отношение к понятию «представление» было неоднозначным, что обуславливает необходимость его подробного рассмотрения в настоящее время.

Представление подростка о референтной группе, чьи нормы, установки и ценностные ориентации не только принимаются подростком во внимание при реализации социального поведения, но и становятся мотивом поведения личности. Именно в результате принятия норм и ценностей референтной группы подростком происходит гармоническое развитие его личности.

Вышеуказанные аспекты подтверждают тот факт, что проблема референтных групп является значимой, особенно в подростковом возрасте, где личность встает на новую ступень своего развития, что обусловило концептуальный аппарат данного исследования.

Цель учебно-исследовательской работы: изучение особенностей черт личности подростка, его представлений о референтной группе и их возможной взаимообусловленности.

Согласно цели исследования, были использованы следующие методики: 1). «Двенадцати факторный личностный опросник» (Р.Б.Кеттелл, Р.В.Коан (детский вариант), 2). Внешнегрупповая референтометрия (Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко), «Ценностные ориентации» (Рокич).

Вначале, логика исследования была направлена на *изучение черт личности подростка*: нами были изучены 11 шкал черт личности подростка. В результате, были выявлены наиболее выраженные шкалы у испытуемых: эмоциональная устойчивость-неустойчивость, напористость-зависимость, беспечность-озабоченность, напряженность-расслабленность, нежность-жесткость, совестливость-недобросовестность, высокий-низкий самоконтроль поведения. Далее логика исследования представляла поиск возможных причин в определенных чертах личности подростка, в том числе, по степени выраженности (акцентуант – не акцентуант).

На следующем этапе, в результате изучения *референтных групп* и внутригрупповых *подгрупп*, были определены основные представления подростков о *подгруппах*: родственники, сверстники, идеальный образ – герой.

Так, при изучении личностных черт подростков и их представлений о референтных группах было выявлено:

1) подростки, определяющие своей *референтной группой родственников* (и в первую очередь – родители), 22 чел. (91%), наделены чертами: *эмоциональная устойчивость-неустойчивость, напористость-зависимость, беспечность-озабоченность, напряженность-расслабленность, нежность-жесткость, совестливость-недобросовестность, высокий-*

Секция «Психология»

низкий самоконтроль поведения; ярко выраженными чертами характера (акцентуанты) обладают 11 чел. (46%), проявлением характера в пределах нормы – 11 чел. (46%);

2) подростки, определяющие своей *референтной группой сверстников* 15 чел. (63%) наделены чертами: *эмоциональная устойчивость-неустойчивость*, *напористость-зависимость*, *беспечность-озабоченность*, *высокая совестливость-недобросовестность*, *напряженность-расслабленность*, *нежность-жесткость*, *высокий-низкий самоконтроль поведения*; из них акцентуанты 7 (29%) – не акцентуанты 8 (33%);

3) подростки, определяющие своей *референтной группой «идеальный образ – герой»* 4 чел.(15%) - наделены чертами: *эмоциональная устойчивость-неустойчивость*, *напористость-зависимость*, *совестливость-недобросовестность*, *беспечность-озабоченность*, *напряженность-расслабленность*, *нежность-жесткость*, *высокий-низкий самоконтроль поведения*; из них акцентуанты 2 (8%) – не акцентуанты 2 (8%).

Дополнительно было проведено исследование ценностных ориентаций. Т.к. они являются одним из основных структурных компонентов личности, мы исследовали их взаимообусловленность от представлений о референтных группах. Соответственно было выявлено:

1) подростки, определяющие своей *референтной группой родственников* (и в первую очередь – родители), проявили ЦО: 6 чел. (25%) – *внешнюю*, 11 чел. (46%) – *внутреннюю*, 5 (21%) чел. *как внешнюю, так и внутреннюю*;

2) подростки, определяющие своей *референтной группой сверстников*, проявили ЦО: 5 чел.(21%) – *внешнюю*, 7 чел. (29%) – *внутреннюю*, 4 чел.(17%) *как внешнюю, так и внутреннюю*;

3) подростки, определяющие своей *референтной группой «идеальный образ – герой»*, проявили ЦО: 2 чел. (8%) – *внешнюю*, 1 чел. (4%) – *внутреннюю*, 1 чел.(4%) *как внешнюю, так и внутреннюю*.

Вывод: особенности личности подростка, его черты личности (как и ценностные ориентации), не определяются и не обусловлены их представлениями о референтной группе (в нашем случае - родители). Особенностью является и то, что подростки выделяют для себя несколько референтных групп одновременно, что усложняет выделение характерных черт личности.

Прикладное значение данного экспериментального исследования: поиск преобладающей референтной группы (родители), что стало определяющим для адресного составления проекта, направленного на психологическое сопровождение родителями формирования *устойчивых* черт личности подростка.

В нашем проекте мы опираемся на взгляд Маклакова А.Г., который рассматривает личность как совокупность *устойчивых* черт, которые позволяют личности успешно адаптироваться к условиям социальной среды. Таким образом, наш проект будет направлен на формирование *устойчивых* черт личности подростка, что будет способствовать его успешной социально-психологической адаптации.

Исследование групповой сплоченности детей подросткового возраста в условиях г. Владикавказа и г. Беслана

Панова Е.М.

Студентка 5-го курса

Северо-Осетинский Государственный университет им. К. Л. Хетагурова

Психологический факультет, Владикавказ, Россия

e-mail: inj3@yandex.ru

Введение

Отрочество – период, когда потребность в общении со сверстниками становится одной из основных потребностей. И хотя желание общаться со сверстниками, стремление иметь друзей отмечаются и в более ранних возрастных периодах, в отрочестве эта потребность приобретает новое качество – и по содержанию, и по формам выражения, и по роли,

Секция «Психология»

которую она начинает играть во внутренней жизни подростка, т.е. в его переживаниях и мыслях. Соответственно усиливается значение общения со сверстниками для психического развития подростка. Особенно усиливается стремление к общению со сверстниками и влияние последних на развитие подростка в 12 – 13-летнем возрасте [1, с. 20].

В этот период наиболее значимо групповое общение, общение в компании сверстников. Принадлежность к группе играет существенную роль в самоопределении подростка и в определении его статуса в глазах сверстников [2, с. 289].

Группа создает особое чувство – «чувство мы». Деление на «мы» (сверстники, члены одной группы) и «они» (взрослые или ровесники, но члены другой группы) имеет для подростка очень большое значение, что часто не учитывается взрослыми.

С развитием группового общения связана одна из наиболее сложных проблем подросткового возраста – проблема групповой сплоченности.

Общеизвестно, что одним из эффективных способов изучения отношений в коллективе является метод социометрии [4, с. 382]. Вопрос изучения отношений в группе при помощи социометрии является актуальным для современной психологии [3, с. 8]. Изучением отношений в группе занимались такие зарубежные и отечественные социологи и психологи, как: Е. С. Кузьмин, Я. Л. Коломинский, В. А. Ядов, В. И. Паниотто, А. Н. Елсуков, А. Ф. Кудряшов и др.

Наше исследование было посвящено изучению групповой сплоченности, так как в подростковом коллективе определяющими факторами общения являются непосредственные отношения и взаимодействия между ее членами, эмоциональный контакт, податливость или сопротивление групповому давлению, социально – психологическая совместимость и т.д.

Гипотезы исследования:

- в связи с развитием автономности и идентификации у детей подросткового возраста, степень сплоченности в коллективе снижается;
- социальное положение мальчиков в группе благоприятнее социального положения девочек.

Метод исследования:

В исследовании использовалась методика «Социометрия», автором которой является австрийско-американский психолог и социолог Якоб Морено [5, с. 284]. Методика предназначена для диагностики эмоциональных связей (взаимных симпатий между членами группы) и позволяет сделать моментальный срез с динамики внутригрупповых отношений. Для проведения исследования необходимы бланк социометрического опроса, список членов групп, социоматрица.

В исследовании приняли участие 193 испытуемых шестых и седьмых классов в возрасте 12-13 лет. Из них 81 испытуемый из г. Беслана и 102 испытуемых из г. Владикавказа.

Исследование было проведено на базе Муниципального государственного учреждения средней общеобразовательной многопрофильной школы №38 г. Владикавказа и Муниципального государственного учреждения средней общеобразовательной школы №44 г. Владикавказа. А так же на базе Муниципального государственного образовательного учреждения средней образовательной школы №8 г. Беслана и Муниципального государственного образовательного учреждения средней образовательной школы №4 г. Беслана.

Результаты

Результаты исследования, направленного на изучение межличностных отношений показали, что среднее значение индекса сплоченности в подростковой группе ниже нормы ($C_n = 0,18$), что, в свою очередь, подтверждает нашу первую гипотезу. Подсчитав процентное соотношение популярных членов групп по гендерному признаку, было выявлено, что показатель лидеров – мальчиков равен 28,1%, а показатель лидеров –

Секция «Психология»

девочек – 23%; показатель «отверженных» у мальчиков составил 7,5%, у девочек – 10%, что свидетельствует о более благоприятном положении мальчиков в группе, чем девочек. Так же было выявлено, что количество детей, имеющих благоприятный статус (51,9%), значительно выше количества детей, имеющих менее благоприятное положение в группе (17,5%).

Выводы

Полученные экспериментальные данные позволяют говорить о том, что низкий уровень групповой сплоченности опосредован индивидуальной мотивацией подростка, выраженной в стремлении к самоактуализации и индивидуализации, несмотря на одновременное возникновение стремления быть принятым в системе социальных связей. Необходимо срабатывание сложных социально – психологических механизмов, переход социальных и психологических условий в социально – психологические факторы становления личности, развития его самосознания для того, чтобы две противоположные тенденции: социализация и индивидуализация – равноценно участвовали в становлении индивидуальности подростка.

Социальное положение мальчиков благополучнее социального положения девочек. Выявлен такой характер связи, как взаимная симпатия между мальчиками. Мотивация выборов среди девочек в большинстве случаев определена желанием общаться больше с мальчиками, чем с девочками.

Литература

1. Анн Л.Ф. Психологический тренинг с подростками.- СПб.: Питер, 2007.-272с.
2. Кулагина И.Ю., Коллюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека.- М.: ТЦ Сфера, 2004.-464с.
3. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе/Пер. с англ. А. Боковой.- М.: Академический проект, 2001.
4. Немов Р.С. Психология: учебник для студ. Высш. Пед. Учеб. Заведений: В 3 кн.- 4-е изд.- М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003.- кн.3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики.- 640 с.
5. Римская практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других.- М.: АТС – ПРЕСС, 1999, 376 с.

Восприятие девочками-подростками типов родительского отношения

Пацанович И.П.

Магистрант

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
факультет социально-педагогических технологий, Минск, Беларусь*

E – mail: IrynaPatsanovich@mail.ru

Для ребенка первой моделью социальной среды является родительская семья. В последствии поведение родителей и их отношение к детям в значительной мере определяют, насколько легко подросток овладевает различными навыками, приобретает самостоятельность, уверенность в своих силах, положительную самооценку. В свою очередь грубость и непонимание родителей, их пренебрежение к своим родительским обязанностям могут привести к множеству трудностей в дальнейшей жизни подростка. Важен и тот факт, что ребенок усваивает поведение родителей в качестве модели.

Социализация личности представляет собой процесс формирования личности в определенных социальных условиях, процесс усвоения человеком социального опыта, в ходе которого человек преобразует социальный опыт в собственные ценности и ориентации, избирательно вводит в свою систему поведения те нормы и шаблоны поведения, которые приняты в обществе или группе.

Секция «Психология»

Любая из социальных или межличностных ролей усваивается человеком еще в детстве в среде сверстников и в родной семье. Эта роль становится привычкой, основной манерой поведения. Роль рассматривается как стереотипный ряд заученных действий, воспроизводимых в социальной ситуации, в частности в ситуации взаимодействия людей друг с другом.

Человек накапливает статистические данные об особенностях поведения другого человека. Перерабатывая и обобщая их, он превращает эти сведения в командную информацию, участвующую в регулировании его поведения по отношению к этому человеку и позволяющую ему более или менее предугадывать наиболее вероятные действия последнего.

К старшему школьному возрасту у учащихся развивается интерес к внутреннему миру человека. В подражании старшего школьника для нас существенно то, что на смену копированию внешнего поведения старших и сверстников приходит подражание их внутренним качествам, их чертам характера.

Отношения в триаде «ребенок – мать – отец», с одной стороны характеризуются смесью комплементарности и взаимности, а с другой – позитивным эмоциональным фоновым настроением. Таким образом, если позитивные родительские образы сопровождают ребенка с самого раннего возраста и постоянно подкрепляют развивающиеся «Я», мягко и твердо направляя его отношение к идеалам, – то взрослое «Я» возникает приблизительно к 18 годам. Для такой личности будет характерна уравновешенная самооценка, уверенное стремление к своим целям и идеалам, энтузиазм, радость и гордость за себя и свои успехи, уверенность в своих силах, уверенность в своем «Я».

Целью нашего исследования было изучение восприятия типов родительского отношения девочками-подростками. В исследовании приняли участие 30 девочек в возрасте 14 – 15 лет и 31 девочка 17 – 18 лет, учащихся старших классов школы.

При проведении нашего исследования использовались следующие методики: 1. Опросник «Поведение родителей и отношение подростка к ним» (ADOR); 2. Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок».

При обработке опросника «Поведение родителей и отношение подростка к ним» получены следующие результаты: при сравнении преобладающих типов родительского отношения матери к девочке выявлено, что по сравнению с 14 – 15 годами, к 17 – 18 годам отмечается появление дисгармонично-непоследовательного типа отношения (16%), увеличение процента отвергающее-отстраненного типа отношения с 14,3% до 25,8%; снижение встречаемости враждебно-подавляющего (28,6% – 9,5%) и открыто враждебного (9,5% – 0) типов отношения. Данные по гармоничному отношению изменяются незначительно: 47,6% – 48,5%.

При анализе результатов типа отношения со стороны отца следует отметить снижение процента дисгармонично-непоследовательного типа с 9,5% до 0, но увеличивается процент отвергающее-отстраненного отношения (9,5% – 25,8%), и враждебно-подавляющего типа (9,5% – 29%), снижается количество оценок родительского отношения как гармоничного с 71,5% до 45,2%. Открыто враждебный тип отношения со стороны отца не отмечен.

При анализе результатов по опроснику «ВРР» выявлено, что при сравнении характеристик воспитания матери результаты у девочек 14 – 15 лет и девочек 17 – 18 лет по шкале *Требовательность* снижаются с 80,9% до 67,7%, по шкале *Контроль* с 100% до 87%. Значения по шкалам *Сотрудничество* (100%), *Принятие* (95,2% – 96,7%) и *Согласие* (90,5% – 93,5%) не изменились. Отмечено увеличение значений по шкале *Последовательность* (66,7% – 96,7%).

При оценке характеристик воспитания со стороны отца изменений в сторону увеличения значений не отмечены, а наблюдается снижение по шкалам *Требовательность* (81% – 58%), *Близость* (95,2% – 77,4%), *Сотрудничество* со 100% до 84%, *Согласие* (90,5%

Секция «Психология»

– 80,6%). Не изменяются или изменяются незначительно значения по шкалам Строгость (28,6% – 32,2%), Контроль (100% – 83,9%), Принятие (95,2% – 96,7%), Последовательность (90,5% – 90,5%).

Также наблюдается тенденция снижения авторитетности обоих родителей: матери с 57% (группа девочек 14 – 15 лет) до 51,6% (группа 17 – 18 лет) и отца с 71,4% до 51,6%. Удовлетворенность отношений с матерью снижается со 100% до 71%, удовлетворенность отношений с отцом снижается с 80,9% до 74,2%.

Таким образом, по отношению к девочкам со стороны матери наблюдается снижение контроля и уровня требовательности, с возрастом увеличивается степень проявления доверия к дочери, стремление привить ей самостоятельность. Девочки отмечают равенство и партнерство в отношениях с матерью, согласие в различных жизненных ситуациях, наоборот, появление авторитарного стиля воспитания со стороны отца.

Девочки воспринимают отца чаще как эмоционально-холодного и отвергающего, недоступного для взаимодействия с ним, отгороженного от проблем семьи. Девочки дистанцируются от родительской опеки, не видят в отце близкого по духу человека, не склонны поддерживать дружелюбные отношения. Девочки чаще воспринимают отца как жесткого, авторитарного, отстраненного от семьи, требовательного и непоследовательного в своих воспитательных воздействиях.

Литература

1. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромыцына Е.Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. Учеб. пособие. – СПб.: "Речь", 2004. – С. 141 – 159.

2. Сенько Т.В. Психология взаимодействия: Ч. 3: Личность в семейном социуме. – Мн.: Карандашев, 2000. – С. 161–162.

Перспективы изучения особенностей адаптации в младшем школьном возрасте во взаимосвязи с уровнем освоения групповых норм

Пащенко А.К.³⁸

Преподаватель кафедры социальной психологии развития

Московский городской психолого-педагогический университет, факультет социальной психологии, Москва, Россия

E-mail: a.k.pashchenko@gmail.com

Проблема социальной адаптации в группе сверстников является актуальной проблемой для психологов и педагогов в образовательной школе. Особенно ее значение возрастает при изменении социального окружения ребенка, когда бывший воспитанник дошкольного учреждения вступает в новое для себя пространство школы, а так же в условиях переходов ученика с одной ступени школьного обучения на другую. Возникает необходимость изучения адаптационных особенностей учащихся, которые играют определяющую роль в формировании личности школьника на различных этапах его жизни, в частности в младшем школьном возрасте, являющимся наиболее ответственным периодом перехода ребенка в новую для него социально-значимую общность.

Анализ многочисленных работ показывает, что в психологической литературе проблеме адаптации личности школьника в группе сверстников уделяется большое внимание [5]. Прежде всего, исследователи в своих работах обращаются к младшему школьному возрасту. Это обуславливается тем, что межличностные отношения в группе младших школьников в системе «ученик-ученик», еще не построены, а в качестве значимого лица для учащегося выступает учитель. В результате адаптация ученика в

³⁸ Автор выражает признательность профессору, д.психол.н. Вераксе Н.Е. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

классе оказывается весьма специфичной, обусловленной субъективным отношением учителя к конкретному учащемуся.

В ситуации, когда в деятельности учащегося преобладают игровые моменты над учебными, а отношения строятся скорее по формальным признакам, нежели содержательным, отчетливо прослеживается необходимость в исследовании уровня освоения групповых норм.

Следует признать, что на сегодняшний день в социально-психологической литературе проблема изучения групповых норм в таких общностях как группа детского сада и школьный класс представлено фрагментарно [1, 3]. Школьный класс, выступая в качестве социальной общности, характеризуется специально организованной структурой, которая функционирует на основе правил, принятых как в образовательном учреждении в целом, так и в конкретной ученической группе в частности.

Социально-психологическое изучение нормативных структур в подростковых объединениях показывает, что для учащихся с просоциальной направленностью (обычный ученик средней общеобразовательной школы, а не воспитанник специальных образовательных учреждений) свойственна взаимосвязь между способностью к познанию поведения и уровнем рефлексивности нормативной ситуации [6]. Очевидно, что представляется интересным изучение данного феномена и на уровне младшего школьника.

Необходимо так же отметить, что жизнедеятельность учащегося в рамках школьного класса достаточно регламентирована, а ситуации, в которых оказываются школьники, в достаточной степени типичны [4]. Это обстоятельство позволяет исследовать особенности поведения младшего школьника в ситуации ученического класса, в которой встречаются две системы регуляции поведения. Одна определяется нормами, заданными извне (носителем норм выступает учитель), а другая – моделями ролевого поведения, которые ученики освоили в процессе социализации.

На наш взгляд, представляется целесообразным изучение особенностей адаптации учащихся в младшем школьном возрасте во взаимосвязи с уровнем освоения групповых норм, с учетом способностей школьника к познанию поведения и рефлексии нормативной ситуации. Данное исследование позволит не только расширить социально-психологическое знание особенностей адаптации учеников младшей школы, но и станут основанием для эффективной практической работы школьных психологов в ходе консультирования, как педагогического коллектива образовательного учреждения, так и родителей, чьи дети могут испытывать субъективные трудности при вхождении в новую для себя социальную общность.

Литература

1. Быков С.В. Групповые нормы как фактор регуляции трудовой дисциплины в производственных группах : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Санкт-Петербургский гос. ун-т, СПб., 1997. 158 с.
2. Веракса Н.Е. Понятие нормативной ситуации в психологии личности (структурно-диалектический подход) // Педагогический журнал Башкортостана, 2006, №1(2), с. 39-59.
3. Гулякина В.В. Групповые нормы и ценности как факторы самоопределения личности старшеклассников [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 - М.: РГБ, 2002. 192 с. (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
4. Корзинкина Н.А. Особенности поведения подростка в типичных ситуациях социального взаимодействия с заданной нормой [Электронный ресурс] : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 – Психология развития, акмеология. – М.: РГБ, 2005. 159 с. (Из фондов Российской Государственной библиотеки).

Секция «Психология»

5. Мнацаканян И.А. Адаптация учащихся в новых социокультурных условиях : Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07, 19.00.05 / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского, Ярославль, 2004. 191 с.
6. Ульянова В.П. Социально-психологические особенности рефлексии нормативной ситуации подростками с делинквентным поведением : [Электронный ресурс]: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 - М.: МГППУ, 2008. 23 с. (Из фондов Московского городского психолого-педагогического университета).

Психологическая культура и проблема неофициальных браков.

Пащенко Н.А.

*Заведующий сектором Информационно-Аналитического центра Проблем управления
Дальневосточная академия государственной службы
E-mail: paschenko_n@list.ru*

В последнее время в наши общественные отношения вошла новая форма совместного проживания людей различного пола, именуемая неофициальным браком (сожительство как пробный брак). Л. Б. Шнейдер приводит данные об особенностях людей, склонных к незарегистрированному сожительству. Обобщенный психологический портрет характеризуется более либеральными установками, меньшей религиозностью, высокой степенью андрогинии, меньшей социальной успешностью, однако, как правило, эти люди происходят из весьма успешных семей.

Современная молодежь достигает сексуальной и социокультурной зрелости задолго до того, как обретает экономическую самостоятельность. Молодые люди ведут себя более независимо в сексуальной среде и их нормативные представления отличаются от традиционных.

Специалисты задаются вопросом, является ли сожительство предварительной стадией к последующему браку? Результаты исследований показывают, что «пробный брак» продолжается сравнительно недолго. В «пробных браках» пары стремятся избежать рождения детей, а вот обоюдное желание иметь детей, как правило, приводит к юридическому оформлению отношений.

Партнерство социально, психологически и сексуально оправдавшее себя, имеет больше шансов стать официальным браком. Для реализации альтернативных форм семейной жизни паре необходимы силы и умения, чтобы противостоять давлению общественных норм. Иногда проще согласиться с большинством, считающим, что «свободное сожительство» не является полноценной заменой законному браку. Сильным аргументом в пользу последнего остаются интересы детей. В семьях, где пара не связана законным браком, обязательства партнеров основаны, прежде всего, на эмоциональных связях. Люди, предпочитающие браку эту альтернативу, считают, что отношения должны сохраняться до тех пор, пока они удовлетворяют потребности связанных ими людей. По данным статистики количество таких сожительств увеличивается с каждым годом, а возраст сожительствующих уменьшается.

Существует два кардинально противоположных взгляда на неофициальные браки. Первый характеризуется отношениями между партнерами в гражданском браке, построенными на доверии к друг другу, на возможностях экспериментировать в межличностных конфликтах и максимальной свободе. Другой взгляд, юноши и девушки вступают в отношения изначально безответственные, поскольку каждый из них в любое время может оставить другого и никто ни за что не отвечает. Перед состоящими в неофициальном браке стоит вопрос сохранения верности и постоянства в отношениях.

По данным российских исследований мужчины и женщины, связанные отношениями сожительства, чаще изменяют своим партнерам, чем законные супруги. У мужчин, состоящих в незарегистрированном сожительстве была несколько большая

Секция «Психология»

удовлетворенность «семейными отношениями». Однако вместе с тем, их готовность к разводу при каких – либо неблагоприятных обстоятельствах была выше, чем у женатых коллег того же возраста. Психологические причины такого отношения между партнерами могут быть различными. В отдельных случаях - это следствие неумения поддерживать длительные чувственные отношения, когда любовь – страсть переходит в любовь - дружбу, в зрелую любовь, когда отношения между супругами строятся на взаимной поддержке, взаимной ответственности. Современная социальная установка молодежи на частую смену партнера, на самом деле, обесценивает отношения и приводит партнеров ко взаимному ожесточению.

Во многом неумение поддерживать любовные отношения определяется тем, имеют ли супруги независимость от своей родительской семьи. В исследовании Хоффман было показано, что молодые, не состоящие в браке люди, находятся на этапе отделения от родительской семьи в так называемом процессе индивидуализации. В ходе него они приобретают четыре типа независимости: эмоциональную, установочно – ценностную, материальную и конфликтную.

К сожалению, в современной России молодежь не имеет этих типов независимостей. Это может быть объяснено современными особенностями экономики страны, но, скорее всего, является следствием культурных традиций.

Другим показателем зрелых любовных отношений является привязанность. Шавер, Хейзан и другие авторы выделяют во взрослых отношениях 3 типа привязанностей: беспечную, тревожную, отстраненную. Тревожная привязанность в большей мере характеризуется для современных детство – родительских отношений россиян (следствие неустойчивой социально – политической системы), которые впоследствии проецируются и на отношения между полами (девушки «цепляются» за любовь юношей, юноши стараются крепко «держаться» «пойманную» девушку).

Иная причина неофициальных браков может заключаться в боязни людей потерять себя, в страхе довериться партнеру. Здесь усматривается базовое недоверие к людям, формируемое еще с детства, когда мать не дает ребенку достаточного тепла и внимания. Если придавать значение отношениям в современных семьях, где родители в большей мере заняты зарабатыванием денег, то можно констатировать, что ресурс эмоциональных связей очень ограничен и детям негде учиться поддержке и простому соучастию. Отсюда следствие – холодные, отстраненные отношения между девушками и юношами.

Другая причина гражданского брака – влияние предыдущих браков и невозможность принять здоровые отношения между партнерами в силу травмирующих обстоятельств прошлого опыта. Большое значение имеет лжеустановка на то, что после штампа в паспорте начнется все самое неприятное – скандалы, недомолвки и другое.

Обобщая выше изложенное, можно сделать вывод, что взаимоотношения между лицами в гражданском браке асимметричны. Это означает, что цели у партнеров чаще всего не совпадают, стиль взаимодействий чаще всего манипулятивный, основными стратегиями поведения являются избегания (игнорирование неустойчивости положения), приспособления. После вступления в брак первое время каждый из партнеров пытается доказать другому свою значимость в совместной жизнедеятельности, поэтому преобладающее поведение – соперничество. Но постепенно при благополучном исходе отношения становятся более симметричными и партнеры учатся сотрудничать. С появлением в семье детей женщина несколько меняет свои позиции, на мужчину ложится весь груз обеспечения семьи, что чаще всего стимулирует взаимодополнение супругов и компромиссное поведение.

Психологическая культура молодежи может способствовать оптимизации брачных отношений.

Литература

1. Шнейдер Л. Б., Основы семейной психологии. 2003. С. 79
2. Андреева Т.В. Психология современной семьи. Монография. – СПб.: Речь, 2005.- С.19

3. Андреева Т. В., Шмотченко Ю. А. Мужской взгляд на брак. СПб. 2003

4. Крайг Г. Психология развития/ Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000

Развитие субъективной картины мира у детей

Подберёзкин М.А.

Преподаватель Белорусского Государственного Педагогического университета

имени Максима Танка, Минск, Беларусь

E-mail: padbiarozkin@mail.ru

Ранние периоды онтогенеза человека справедливо рассматриваются как решающие и для становления концепции мира, картины мира и для развития личности человека. Тем не менее, до сих пор процесс формирования картины мира в сознании ребёнка дошкольного и тем более раннего возраста всё ещё мало изучен как практически, так и теоретически. Под картиной мира мы понимаем структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам. С этой точки зрения, картина мира трактуется как одна из возможных культурно-исторических моделей мира, которые создаёт субъект. Понятие картины мира тесно связано с понятием образа мира, который А.Н. Леонтьев определяет как целостную, многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности. В этом понимании образ мира является более устойчивой и интегральной структурой, чем картина мира. Образ мира позволяет расставить акценты значимости и сформировать субъективный мир предметов и отношений. Структуры таких отношений называются семантиками и отображаются в картине мира человека. Таким образом, субъективные семантики – это структуры, содержащие субъективные отношения личности к объектам, явлениям, ситуациям, связанным с предметом деятельности, допускающие экспериментальную фиксацию в виде оценочного суждения или другой атрибутивной характеристики этих объектов, явлений, ситуаций [2].

Структурой, которая объединяет в себе понятия картины мира и образа мира является субъективный опыт человека. Под субъективным опытом мы будем понимать структуру, которая состоит из следов предыдущих деятельностей индивида, регулирует будущую деятельность и является основой построения субъективного образа мира.

По мнению ряда исследователей (С. Д. Смирнов, В. П. Сёркин, Стрелков, В. В. Петухов, Е. Ю. Артемьева и др.), субъективный опыт обладает уровневой структурой. Картина мира отражает семантический слой субъективного опыта, то есть слой, в котором представлены системы отношений и значений. Сами объекты, явления, ситуации оцениваются здесь как модально представленные. Следы взаимодействия с объектами в этом слое атрибутированы субъективным отношением (хороший – плохой, сильный – слабый и т.д.). Таким образом, семантический слой (картина мира) представляет собой структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам. Он тесно связан с собственно восприятием, в том числе с модальными его аспектами.

Мы предполагаем, что можно выделить четыре этапа развития субъективной картины мира ребёнка, каждый из которых имеет свою специфику:

1. Этап единичной внешней картины мира (материнский этап);
2. Этап множественной внешней картины мира (культурологический этап);
3. Этап единичной внутренней картины мира (эгоцентрический этап);
4. Этап множественной внутренней картины мира (полицентрический этап).

На *первом этапе* образ мира ребёнка не расчленён на измерения. Это связано, прежде всего, с ограниченностью субъективного опыта новорожденного. Большинство его реакций носят врождённый, инстинктивный характер. Исследования С.Ю. Мещеряковой [3] показывают, что только с третьей недели внешние воздействия начинают вызывать у ребёнка ориентировочно-исследовательскую активность. Примерно в то же время у него начинают появляться первичные эмоциональные реакции. Становление семантического слоя субъективного опыта ребёнка начинается с середины первого года жизни и связано с

Секция «Психология»

освоением языка и жестов. Тем не менее, по мнению Е.А. Сергиенко, уже в младенческом возрасте происходит формирование функционального ядра базовой репрезентации, которое рассматривается как механизм интеграции отдельных элементов в целое представление о некоторых атрибутах существования мира [4]. Однако, на данном этапе картина мира ребёнка воспроизводит картину мира матери. Несмотря на то, что мать обладает дифференцированным образом мира, отражённом во множестве картин мира, в каждой конкретной ситуации общения ребёнку доступна лишь одна из них. Это подтверждают, в частности, исследования И. Пернера [4], исходя из которых, развитие образа мира младенца ограничено неспособностью одновременно совмещать различные картины мира.

На *втором этапе* появляется дифференциация образа мира на уровни, что позволяет снять ограничения одиночной модели мира и появляется к полуторагодовалому возрасту. Именно в этот период мы можем говорить о выделении семантического слоя субъективного опыта. Семантический слой субъективного опыта, представленный в виде множества картин мира необходим ребенку для осознания различия между реальным миром и символическими средствами его представления. Важнейшей особенностью данного слоя становится способность совмещения нескольких моделей представления о мире (картины мира) в единую мультимодель (образ мира). Также появляется способность совмещения прошлых и текущих событий для предсказания невидимых трансформаций, понимания и интерпретации символических средств – таких как изображения, жесты, язык, зеркальный образ. Тем не менее, множественность картин мира на данном этапе является результатом внешних воздействий на ребёнка.

На *третьем этапе* картина мира из множественной снова становится единичной, но, в отличие от младенческого возраста, на данном этапе идеи ребёнка представляют собой продукт его собственной активности. Прежде всего, это связано с возникновением эгоцентризма. Ж. Пиаже характеризовал эгоцентризм как умственное состояние, когда ребенок рассматривает весь мир со своей точки зрения, которую не осознает. Дети не подозревают о существовании других оценок вещей и не соотносят их со своей собственной.

На *четвёртом этапе* (приблизительно после пяти лет) дети начинают понимать множественность точек зрения и усваивать относительные понятия, хотя и не отличаются в этом последовательностью и систематичностью. Благодаря развитию произвольной децентрации, ребёнок обретает способность намеренно осваивать образы мира других людей, осознавая их отличия от собственного [1]. Вместе с этим процессом возникает противоречие между двумя равноправными системами координат. Складывается ситуация, когда сам человек и любой значимый для него субъект перестают играть роль универсального и единственного достоверного ориентира, поскольку, по крайней мере, на осознаваемом уровне, для построения картины мира выдвигается требование объективности. В результате субъект оказывается перед необходимостью выбирать картину мира из широкого спектра вариантов [1]. Таким образом, картина мира снова становится множественной, но определяется внутренними переживаниями субъекта.

Литература

1. Аксенова Ю.А. Символы мироустройства в сознании детей. – М.: Деловая кн., 2000 – с. 31-32.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И.Б.Ханина М., 1999 – с. 11.
3. Лисина М.И. Формирование личности ребёнка в общении. – СПб.: «Питер», 2009 – с. 44.
4. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. проф. А. В. Брушлинский, проф. В. Н. Дружинин – М.: «Академический проект», 2000 – с. 192.

Проблемы социальной реабилитации безнадзорных подростков

Покровская О.А.

Ассистент

*Орловский государственный университет,
факультет педагогики и психологии, Орел, Россия*

E-mail: pokrovskaya-o@yandex.ru

В настоящее время в России перед учеными и практиками остро встает проблема увеличения числа детей и подростков группы риска, их безнадзорности, дезадаптации, девиантного, делинквентного поведения. Исследования (Гоголева, 2003) указывают на то, что наибольшая доля десоциализированных подростков – это выходцы из низших, материально не обеспеченных слоев населения, где часто встречается женский, материнский алкоголизм, аморальное, асоциальное поведение родителей, тунеядство, насилие.

Научно – практическое исследование проблемы безнадзорных подростков должно проводиться в двух направлениях: первое - это изучение причин и механизмов десоциализации, и второе – разработка направлений и программ ресоциализации.

Целью нашего исследования стало выявление эмоционально – личностных проблем безнадзорных подростков и особенностей их взаимоотношений с родителями и сверстниками.

Теоретическую основу исследования составили положения концепций З. Фрейда, А. Фрейд, А.Н. Леонтьева, Э. Эриксона, К. Левина, Л.И. Божович, В.В. Давыдова, А.В. Петровского, Д.Б. Эльконина, Д.И. Фельдштейна, в которых личность рассматривается как результат взаимодействия внутренних и средовых условий.

В исследовании приняли участие 255 подростков 12 – 15 лет, из которых 125 имеют социальный статус безнадзорных и девиантных, и 130 подростков из благополучных семей, обучающихся в общеобразовательных школах. Для изучения факторов, провоцирующих социальную дезадаптацию, нами были выделены следующие переменные: депрессия, агрессия, тревожность, страхи, потребность в эмоциональном принятии, отношения с матерью, отношения с отцом, отношения со сверстниками. Влияние выделенных нами переменных на социальную адаптацию подростков изучалось с помощью таких статистических методов, как корреляционный анализ, факторный анализ, многомерный дисперсионный анализ, сравнение средних.

Проведенное исследование показало, что безнадзорные подростки имеют более высокий уровень депрессии, агрессии, тревожности, страхов, потребности в эмоциональном принятии, и более конфликтные взаимоотношения с родителями и сверстниками, чем их сверстники из социально благополучных семей.

Также исследование показало взаимосвязь некоторых изучаемых нами переменных. Так выявилось влияние негативных взаимоотношений с родителями на усиление депрессии, тревожности, страхов, фрустрации потребности в эмоциональном принятии. Другая выявленная взаимосвязь подчеркивает влияние негативных взаимоотношений со сверстниками на усиление агрессивности подростков. И последнее – это влияние позитивных взаимоотношений с родителями на формирование положительных взаимоотношений со сверстниками.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало, что факторами, провоцирующими социальную дезадаптацию подростков, являются такие эмоционально – личностные проблемы, как высокий уровень депрессии, тревожности, страхов, агрессии. При этом выявленные нарушения являются следствием негативных взаимоотношений с родителями, неудовлетворенностью у подростков потребности в эмоциональном принятии и проявляются в первую очередь в нарушениях во взаимоотношениях со сверстниками. Данные выводы подтверждают научные исследования таких ученых, как

Секция «Психология»

Ю.Б. Гиппенрейтер, А.М. Прихожан, Е.О. Смирновой, Э. Г. Эйдемиллера, Г.П. Бочкаревой, А.С. Спиваковской, С.Г. Климовой, И.А. Фурманова и др.

Исходя из результатов, полученных нами в результате проведенного исследования, мы можем предположить, что восстановление социального статуса безнадзорных подростков должно проводиться одновременно в трех направлениях:

- 1) проведение социально – психологической работы с семьей;
- 2) коррекция эмоционально – личностных нарушений;
- 3) развитие социальной компетенции.

Реализация комплексного подхода к процессу реабилитации способствует стабилизации эмоционального состояния подростков и гармонизации сферы их взаимоотношений, что обеспечивает повышение уровня социальной адаптации.

Литература

1. Беличева С.А. (1994) Основы превентивной психологии. – М.: «Соц. Здоровье России»
2. Божович Л.И. (1979) Этапы формирования личности в онтогенезе. /Вопросы психологии, №4
3. Гоголева А.В. (2004) Беспризорность. Социально – психологические и педагогические аспекты. Москва – Воронеж.
4. Гоголева А.В. (2002) Десоциализация и ресоциализация безнадзорных детей и подростков / Ярославский психологический вестник, Выпуск 6
5. Змановская Е.В. (2006) Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). – М.: АКАДЕМИЯ
6. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. (1998) Психологическая работа с детьми, лишенными родительской опеки. Минск: И.П. Ильин
7. Шнейдер Л.Б. (2005) Девиантное поведение детей и подростков. М.: Трикста

«Замысел как ориентировочная часть изобразительной деятельности детей дошкольного возраста»

Полякова А.А.

аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: elenvir@gmail.com

Изобразительная деятельность, подобно любой психической деятельности, состоит из двух частей – ориентировочной и исполнительной (П.Я. Гальперин). По нашему мнению, ориентировочной частью в изобразительной деятельности является замысел. Под замыслом понимают задуманный план действий, деятельности, намерение, который осуществляется в умственном плане с помощью внутренней речи. Замысел имеет форму (зона актуального развития) и содержание (зона ближайшего развития).

Целью работы было выделение и описание разных типов замысла в рисунках детей. В исследовании приняли участие 32 ребёнка в возрасте 5;1 – 6;2 лет (средний возраст 5;9). Методы включали в себя: 1) анализ рисунков на свободную тему; 2) построение рисунка в ЗБР при дозированной помощи взрослого; 3) анализ речевого сопровождения.

Качественный анализ рисунков детей на свободную тему позволил выделить 4 формы замысла и, соответственно, 4 группы испытуемых: 1) замысел отсутствует; 2) промежуточный; 3) шаблонный; 4) целостный замысел. Форма замысла имеет высокую значимую связь с уровнем графической деятельности ($p < 0,001$).

Речевую продукцию детей во время рисования мы разделили на несколько категорий: 1) констатирующая речь следует за действиями ребёнка; 2) сопровождающая речь протекает одновременно с действием; 3) планирующая и регулирующая речь предваряет исполнение действия; 4) шепотная речь; 5) речь отсутствует. Каждому ребёнку ставился в

Секция «Психология»

соответствие преимущественный тип речевой продукции. 41 % от общей выборки детей рисуют молча. Дети первой группы или рисуют молча, или сопровождают свою деятельность речью, не связанной, однако, с их действиями. При этом в среднем они производят 10 высказываний за время рисования. Дети второй группы используют все 5 типов речевых высказываний, преимущественно сопровождающего типа (36%). Также дети этой группы чаще, чем другие дети используют шепотную речь. Среднее число высказываний – 12. Разнообразие проявления речевых высказываний может быть связано с промежуточным положением, занимаемым этой группой детей, у которых замысел находится в активной стадии становления.

57 % детей с шаблонным замыслом рисуют молча. Это может быть связано со знакомостью, освоенностью замысла, с отсутствием трудностей, которые вызывают «речь для себя» у дошкольников. С другой стороны, 29 % детей используют комплексный тип речевого сопровождения. Среднее число высказываний – 10. Дети четвёртой группы преимущественно используют комплексный тип речевых высказываний и делают в среднем 29 высказываний.

С одной стороны, по мере перехода от первой к четвертой форме замысла происходит уменьшение числа детей, рисующих молча, с другой – происходит увеличение общего числа высказываний и появление комплексного типа речевой продукции – одновременное присутствие предваряющих, сопровождающих и констатирующих высказываний. Исключение составляют дети с шаблонным замыслом: они чаще, чем другие дети рисуют молча.

Детям, содержание замысла которых находится в ЗБР, требуется помощь взрослого для актуализации, а иногда даже реализации замысла рисунка. Мера помощи составляет содержание замысла. Помощь может иметь несколько форм: 1) опредмечивание графических построений – каракулей; 2) составление плана рисунка и контроль; 3) взрослый предлагает ребёнку выбрать сюжет рисунка; 4) взрослый задает ребёнку тему для рисования: «Детский сад». Вторая форма помощи оказалась наиболее действенной для детей с промежуточным замыслом. Она служила детям опорой, «стержнем», благодаря которому замысел оставался устойчивым и не подвергался изменениям. Детям с отсутствием замысла и находящимся на стадии каракуль, стимуляция взрослого не только не оказывала помощи, но приводила к дезорганизации деятельности. Для этих детей наиболее действенной оказалась помощь взрослого в опредмечивании каракуль.

Дети с шаблонным замыслом благодаря второй форме помощи насыщали рисунок новыми элементами, иногда даже вводили персонаж. У детей с целостным замыслом активизировалась планирующая речь, они рассказывали о том, что хотели нарисовать, но качественных различий в самостоятельных рисунках детей и рисунках, выполненных с помощью взрослого, не обнаружено.

Дети с отсутствием замысла не смогли воспользоваться третьей формой помощи, из-за отсутствия средств для её реализации. Дети с промежуточным замыслом не испытывают проблем с выбором темы, для них важнее оставаться в пределах первоначального замысла. Поэтому для них третья форма помощи оказывалась не результативной – их замысел нестойкий и подвержен изменениям. Дети с шаблонным замыслом часто не имеют достаточного арсенала графических образов, поэтому помощь в выборе темы оказывалась недейственной – они не могли реализовать задуманное и отказывались от выбранной темы.

Рисунок на заданную тему позволил выделить тенденцию к снижению количества высказываний с продвижением по уровням замысла (по сравнению с рисунком на свободную тему). У детей 1 и 2 групп не выявлено значимых различий в среднем количестве высказываний. Анализ частоты встречаемости разных по направленности высказываний показал, что у детей первой группы резко уменьшается число сопровождающих высказываний, зато происходит увеличение планирующих и регулирующих высказываний. Очевидно, рисование на заданную тему вызывает у детей с

Секция «Психология»

отсутствием замысла трудности. При этом качество их рисунков повышается. У детей с промежуточным замыслом происходит уменьшение числа констатирующих и сопровождающих высказываний при увеличении числа регулирующих высказываний.

У детей 3 и особенно 4 групп наблюдается снижение среднего числа высказываний. Ожидалось, что у детей с шаблонным замыслом задание нарисовать «детский сад» должно было оказаться трудным и вызвать изменения в речевом плане. Оказалось, что это задание привело к уменьшению количества планирующих, регулирующих и поясняющих высказываний, зато привело к увеличению сопровождающей речи. Качество рисунков на заданную тему ниже, чем у детей с промежуточным или целостным замыслом. В группе детей с целостным замыслом произошло увеличение планирующих и регулирующих высказываний, и уменьшение констатирующих и не относящихся к деятельности высказываний.

Анализ формы и содержания замысла позволил установить их взаимосвязь ($p < 0,05$). Для большинства детей оказалась необходимой помощь в организации своей деятельности в виде планирования и регуляции. От уровня замысла, т.е. ориентировки в условиях задания, зависит качество исполнительской деятельности и конечного продукта – рисунка. Изобразительный замысел необходимо использовать при классификации детских рисунков, учитывая также внешний критерий – уровень графической деятельности. Вопрос о стадиях развития изобразительного замысла ещё недостаточно хорошо изучен и требует дальнейшего уточнения.

Стратегии совладания у людей с разным уровнем эмоционального интеллекта

Полянина М.И.

Аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет

психологии, Москва, Россия

E-mail: polyanina@list.ru

Высокий темп жизни, социальная и материальная нестабильность и постоянно изменяющиеся условия существования ставят перед современным человеком задачу преодоления трудных жизненных ситуаций. Встречаясь со своими проблемами один на один, каждый человек использует доступный ему репертуар способов совладания, придерживаясь привычных и уместных с его точки зрения стратегий для разрешения конфликтов с внешним миром и собственных внутренних противоречий. Эмоциональная жизнь человека, его чувства являются детерминантами поведения, во многом определяя способности к саморегуляции, адаптации и проявления личности в социуме (Mauey, Salovey, 2000).

Способность разбираться в своей и чужой эмоциональной жизни необходима для понимания различных аспектов трудных жизненных ситуаций и умения выбирать адекватный способ совладания с ними. Поэтому наше внимание привлеч феномен эмоционального интеллекта, понимаемый в широком смысле как способность личности к эффективному общению за счет понимания эмоций окружающих и умения подстраиваться под их эмоциональное состояние.

Эмоциональный интеллект является относительно новым понятием в психологии, и единого согласованного понимания этого феномена до сих пор нет. Тем не менее, неоднозначность понимания эмоционального интеллекта скорее всего говорит о том, что это многокомпонентное образование, и эти компоненты по-разному могут влиять на выбор стратегий совладания. Поэтому возникает следующий исследовательский вопрос: "Какие компоненты эмоционального интеллекта в наибольшей степени будут способствовать выбору эффективных стратегий совладания?"

Особенно весомый вклад, по нашему мнению, эмоциональный интеллект делает в репертуар способов совладания подростка, в жизни которого имеет место масса трудностей, связанных с неопределенностью "взрослого" будущего, конфликтами со

сверстниками и родителями, поэтому особенностью нашей выборки стал юношеский возраст испытуемых.

В исследовании приняли участие 169 человек: 113 девушек и 56 юношей в возрасте от 15 до 18 лет. Была использована батарея из 6 методик: шкала личностной тревожности Спилбергера, тест ЭИИ Д.В. Люсина, методика определения толерантности к неопределенности С. Баднера, методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса в адаптации Гришиной, методика диагностики стресс-совладающего поведения Д. Амирхана, опросник способов совладания (адаптация методики Ways of Coping Questionnaire - WCQ - Р. Лазаруса и С. Фолкман).

Обработка результатов исследования проходила в два этапа. На первом этапе была проведена проверка надежности данных и изменение факторной структуры методик. Для проверки одномоментной надежности каждой методики был использован коэффициент Кронбаха (α). Для приведения в соответствие концептуальной модели опросников экспериментальным данным был использован подтверждающий факторный анализ (КФА). Используемые приемы позволили нам говорить о необходимости изменения факторной структуры методик.

На втором этапе исследования с целью выявления связей эмоционального интеллекта и стратегий совладания был проведен корреляционный анализ данных. Проведенное эмпирическое исследование показало, что высокий уровень понимания чужих эмоций способствует более положительному принятию условий неопределенности и выбору толерантных по отношению к другим стратегий поведения в проблемно-конфликтной ситуации. В то же время, плохое понимание эмоций других людей, хоть и не влечет за собой интолерантное по отношению к окружающим поведение, но заставляет человека отступать от намеченных целей, приспособляясь под других или обстоятельства. Особую роль играет высокий контроль эмоциональных проявлений, способствующий более рациональному рассмотрению решения проблемы, однако, приводящему к разочарованию в случае неполного удовлетворения интересов в конфликте.

Литература:

1. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional Intelligence as Personality, and as a Mental Ability // The Handbook of Emotional Intelligence, Jossey-Bass, Bar-On R., Parker J.D., 2000.

Детско-родительское взаимодействие и отношения со сверстниками в призме формирования автономии подростков

Поскрёбышева Н.Н.³⁹

Аспирантка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: poskrebyшева@gmail.com

Основной задачей подросткового возраста, безусловно, является обретение автономии. Чаще всего под автономией подразумевают не столько самостоятельность как таковую, но некоторую перестройку детско-родительских отношений. В новых способах взаимодействия с родителями подростки ждут предоставления большей степени свободы со стороны родителей. В нашем исследовании мы подошли к проблеме автономии более комплексно – и рассмотрели различные ее аспекты (эмоциональный, когнитивный, поведенческий, когнитивный, ценностный) – в двух планах отношений: в детско-родительских отношениях и в отношениях со сверстниками. Эти два плана отношений составляют основу социальной ситуации развития подросткового возраста.

³⁹ Работа выполнена под научным руководством доктора психол. наук, профессора О.А. Карабановой.

Целью исследования является изучение связи детско-родительских отношений и отношений со сверстниками с формированием автономии в подростковом возрасте. В исследовании приняли участие 455 подростков 13-16 лет (учащиеся 9 и 10 классов).

С помощью кластерного анализа было выделено пять групп подростков с различным характером процесса формирования автономии и различными ее уровнями. Проведенный далее анализ показателей отношений с родителями и со сверстниками в выделенных группах, а также значимых различий между группами, показал существенные особенности как сферы детско-родительских отношений, так и сферы взаимодействия со сверстниками у подростков с разным уровнем сформированности автономии.

Подростки из групп с относительно низкими показателями автономии воспринимают родителей как излишне строгих и требовательных. Подростки из группы с наименьшим уровнем развития автономии (как в целом, так и отдельных ее аспектов) предполагают, что родители не склонны прощать даже негрубые проступки и требуют повинования, нагружая подростка большим количеством обязанностей, заставляя его, таким образом, делать то, что ему не хочется. При этом подросток к тому же не может быть уверен, какое качество выполнения поручений требуется и будет ли контроль за выполнением этих требований, а также, как отнесутся к результату родители – похвалят за инициативу или отругают за плохое качество исполнения. Важным здесь является и то, что подростки данной группы не чувствуют эмоционального отклика со стороны тех, чьи требования обязаны выполнять – создается ощущение, что чаще будут отмечены недостатки, чем достоинства. Эти подростки не чувствуют поддержки своих планов на будущее и увлечений в настоящем, не чувствуют близости в устремлениях и в эмоциональном плане. Их детско-родительские отношения в меньшей степени подразумевают равноправное сотрудничество. При принятии семейных решений подростки с низким уровнем автономии чувствуют себя лишенными права голоса, указывают, что им не поручают трудных и важных дел, высказывают неуверенность в том, что их выслушают и подтверждают, что родители не готовы признать свою неправоту и изменить свое мнение.

В отношениях со сверстниками неавтономные подростки также не чувствуют эмоциональной поддержки. Более того – видимо, не находя образца для поддержки другого, они не склонны и оказывать эмоциональную поддержку своим сверстникам и друзьям. Респонденты указывают, что друзья не делятся с ними своими переживаниями, а сами они лишь с трудом находят правильные слова, чтобы поддержать друга в сложной ситуации. Сложности они испытывают и в том случае, когда надо порадоваться за друга в его успехах. Кроме того, они не рассчитывают и не дают надежд на взаимопомощь в дружеских отношениях, а также указывают на сравнительно меньшее количество друзей в целом. При этом конфликтность в дружеских отношениях они указывают значительно более низкую, чем подростки с более высокими показателями автономии. Возможно, это обусловлено некоторым дистантным характером самих отношений в целом – если отношения не нагружены эмоционально и не предполагают учет мнений и событий в жизни другого, то конфликтов действительно легко избежать. Возможно же, что это и защитная позиция, в которой конфликты попросту избегаются или отрицаются.

В целом, мы получили не слишком благополучную картину отношений как с родителями, так и со сверстниками у подростков с относительно низким уровнем автономии. Особое внимание привлекает излишняя опека без эмоционального тепла, некая выхолощенность отношений. Причем такая безэмоциональность присуща, похоже, практически всем отношениям подростков данной группы. Не привыкшие к сотрудничеству в семье, подростки и вне семьи не чувствуют себя компетентными.

Группы с высокими показателями автономии, напротив, указывают на низкий уровень директивности и контроля со стороны родителей. Подростков из групп с высоким уровнем сформированности автономии выделяет преобладание стратегии сотрудничества в отношениях с родителями и, более того – согласие с родителями в основных жизненных

Секция «Психология»

вопросах и позициях. Видимо, эти подростки не находятся в негативистической позиции в отношениях со своими родителями, имеют возможность в равноправных отношениях проявлять себя – и тем самым полноправно участвовать в построении отношений. Естественно, что при таком взаимодействии уровень директивности и контроля будет значительно ниже.

В отношениях со сверстниками высоко-автономные подростки испытывают меньше тревоги, они более заинтересованы в познании себя в общении с другим, более склонны оказывать помощь в дружбе и склонны рассчитывать на помощь со стороны своих друзей. Интересно также отметить, что автономные подростки имеют более позитивное представление о своем окружении в целом – считают его более дружелюбным и менее враждебным, нежели менее автономные подростки.

В целом, группы распределились по характерным уровням и особенностям развития автономии и показали существенные различия между собой по различным характеристикам как детско-родительских отношений, так и отношений со сверстниками.

Психологическая защита и ее взаимосвязь с уровнем развития эмпатии у подростков

Рассудова Л.А.

аспирант кафедры общей и педагогической психологии, факультета психологии и педагогике

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

E-mail: milayamilla@list.ru

Проблемы психологической адаптации, социализации и девиантности являются одним из основных объектов практического приложения теоретических знаний о психологической защите личности. Психологическая защита – это последовательное искажение когнитивной и аффективной составляющих образа реальной экзистенциальной ситуации с целью ослабления эмоционального напряжения, которое угрожает индивиду в случае, если бы ситуация была отражена в предельно возможном соответствии с реальностью [1]. Психологическая защита является одним из самых противоречивых свойств в структуре личности, поскольку одновременно способствует как стабилизации личности, так и ее дезорганизации. Можно сказать, что примитивные виды психологической защиты деструктивны, а высшие конструктивны, то есть служат целям социальной адаптации личности. Соответственно, развитие высших психологических защит может быть эффективным способом как коррекции, так и профилактики девиаций в подростковом возрасте. Психологические защиты могут оказывать влияние на формирование тех или иных особенностей личности подростка, в том числе и эмпатии. Эмпатия это интегративное образование, выступающее как сторона межличностных отношений и одновременно как результат межличностного взаимодействия [2].

Представляется целесообразным исследовать психологическую защиту и ее связь с уровнем развития эмпатии у девиантных подростков.

Была проведена психологическая диагностика с целью определения уровня развития эмпатии и выраженности тех или иных психологических защит у подростков. В ходе психологической диагностики нами применялись следующие методики:

13. методика экспресс-диагностики эмпатии И. М. Юсупова;
14. методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко;
15. методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика.

Было проведено исследование среди учащихся старших классов ГОУ ОО «Омская специальная общеобразовательная школа закрытого типа». Данная школа предназначена для подростков с отклоняющимся от общепринятых правовых и морально-нравственных

Секция «Психология»

норм поведением. В исследовании приняли участие 24 подростка мужского пола в возрасте 13 – 15 лет.

Исследование показало, что высшие психологические защиты, действительно, оказывают влияние на развитие эмпатии. Установлено наличие взаимосвязи между такими психологическими защитами, как реактивное образование, интеллектуализация и компенсация и уровнем развития эмпатии у подростков. Наличие данной взаимосвязи можно объяснить тем, что функционирование некоторых видов психологической защиты ведет к изменениям в мотивационной системе личности [1]. При доминировании высших психологических защит изменение мотивационной системы личности происходит таким образом, что формируются более сложные потребности, в том числе и альтруистические потребности, ведущие за собой развитие эмпатии. На основании полученных данных сделан вывод о взаимосвязи высших видов психологической защиты и уровня развития эмпатии, что может быть использовано при коррекции и профилактике девиантного поведения.

Таким образом, данная работа затрагивает важный и малоизученный аспект в теории психологических защит, а именно, взаимосвязь психологических защит эмпатии.

Литература

8. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты. Генезис. Функционирование. Диагностика. – Мытищи: Изд. “Талант”, 1996. – 144 с.
9. Юсупов И. М. Психология эмпатии (Теоретические и прикладные аспекты): Дис. ...д-ра. психол. наук. С.-Петербург. Гос. Ун-т. СПб., 1995. – 252 с.

Психологические особенности неполных семей

Решетникова Д.А.

Студентка

*Армавирский государственный педагогический университет, социально-педагогический факультет, Армавир, Россия
E-mail: maslova_ia@mail.ru*

Семья - важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета.

Семейное благополучие во многом зависит от того, является семья полной или неполной.

Неполной называется такая семья, которая состоит из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми. Есть дополнительная категория - так называемые функционально неполные семьи. В этой группе двое родителей, но профессиональные или другие причины оставляют им мало времени для семьи.

Неполная семья образуется вследствие расторжения брака, внебрачного рождения ребенка, смерти одного из родителей или раздельного их проживания. В связи с этим различают следующие разновидности неполных семей: осиротевшая, внебрачная, разведенная, распавшаяся. В зависимости от того, кто из родителей занимается воспитанием ребенка, выделяют материнские и отцовские неполные семьи. По количеству поколений в семье различают неполную простую — мать (отец) с ребенком или несколькими детьми и неполную расширенную — мать (отец) с одним или несколькими детьми и другими родственниками.

Таким образом, каждый тип неполной семьи имеет свои специфические особенности, связанные с характером внутрисемейных отношений, что не может не сказаться на развитии психики ребенка и формировании его личностных качеств.

Важной психологической проблемой, связанной с воспитанием ребенка в неполной семье, является нарушение половой идентичности, несформированность навыков

Секция «Психология»

полоролевого поведения. Для правильной половой идентификации необходимо, чтобы ребенок не только четко осознал, что он такой же, как его отец (мать), но и испытывал нежные чувства к родителю противоположного пола, с которым при нормальных условиях воспитания в этот момент возникают особенно близкие отношения.

Изучая особенности неполных семей, мы провели методики «Кинетический рисунок семьи» и «Диагностика уровня школьной тревожности».

Результаты данных методик показали, что у детей из неполных семей наблюдается подавленное депрессивное состояние, нехватка семейного общения, высокий и выше среднего уровень тревожного состояния.

Для снижения уровня тревожности, подавленного и депрессивного состояния детей, на наш взгляд, необходимо полноценное общение детей с обоими родителями, благоприятный психологический климат в семье.

В нашей стране на 100% заключенных браков ежемесячно происходит 50% разводов, то можно предположить, что около 30% детей живут в неполных семьях. Поэтому в школах должна быть организована деятельность по сопровождению таких семей.

В работе с неполной семьей школьный психолог в обязательном порядке должен учитывать ее разновидность, так как в каждой из них возможно возникновение специфических проблем, связанных с психическим развитием и формированием личности ребенка.

Литература:

1. Журавлев Д. неполные семьи, как помочь детям / Народное образование, 2006 №1
2. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. - М., 2004.

Изучение уровня психологического благополучия личности интеллектуально одарённых подростков

Роденко Е.А.

Студент

*Казанский государственный университет имени Ульянова-Ленина, факультет психологии, г. Казань, Россия
g1751-1752@yandex.ru*

«Образовательная политика нашего государства несколько предшествующих десятилетий преследовала важные, но лишь общие цели реформы образования. Вопросы качества обучения и воспитания оставались за бортом, проблемам развития мышления и личности детей и молодёжи не придавалось особого значения. В системе образования идея равенства и справедливости доминировала» [4]. Сейчас ситуация к счастью стала меняться в лучшую сторону из-за необходимости серьёзного подъёма интеллектуального потенциала общества, который возможен только в условиях целенаправленного отбора и дифференцированного обучения одарённых. А дифференцированное обучение, в свою очередь, возможно только при учёте индивидуальных особенностей личности, важной «ипостасью» которых являются психические состояния и общий эмоциональный фон, специфические на каждом возрастном этапе развития.

Учитывая феномен диссинхронии развития одарённых [4], особенно в контексте подросткового возраста [3], можно предположить преобладание негативного фона психических состояний в структуре психики интеллектуально одарённых подростков в отличие от подростков со средним уровнем развития интеллекта.

В исследовании анализируются результаты психодиагностики интеллектуально одарённых подростков социально-педагогического комплекса по работе с интеллектуально одарёнными детьми «СЭЛЭТ».

Так же используется метод сравнительного анализа. Мы сравниваем показатели интеллектуально одарённых подростков и показатели подростков со средним уровнем развития интеллекта, которые берутся как нормативные. Необходимо отметить, что и та и

Секция «Психология»

другая группы подбирались достаточно однородно по финансовому положению семьи и социальной ситуации, а так же по полу и возрасту.

Была подготовлена батарея тестов, которые диагностируют те состояния, которые влияют на формирование негативного эмоционального фона и на уровень внутреннего психического благополучия в целом.

Методики, используемые в исследовании: Методика исследования самоотношения С.Пантилеева; «Индекс качества жизни» (ИКЖ); Опросник «Доминирующее состояние»; «Личностная шкала проявления тревоги»; Методика В.Бойко «Фрустрация»; Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д.Рассела и М.Фергюсона.

Выводы по исследованию интеллектуально одарённых подростков:

Из результатов диагностики интеллектуально одарённых подростков можно сделать вывод о склонности относиться к себе как к уверенному, самостоятельному, волевому человеку, достойному уважения, иначе говоря об ощущении ценности собственной личности и предполагаемой ценности её для других. Преобладает эмоциональная оценка своего «Я» по внутренним субъективным критериям духовности, богатства внутреннего мира, и, как следствие, уверенность в своей способности вызывать аналогичное внутреннее чувство у окружающих.

Активное и оптимистическое отношение к жизненной ситуации, вера в свои возможности, готовность к преодолению препятствий, жизнерадостность свидетельствует о преобладании повышенного положительно окрашенного эмоционального фона, бодрого настроения. Этим людям свойственно расширение интересов, ожидание радостных событий в будущем, выраженное желание действовать. Высокая эмоциональная устойчивость, в состоянии эмоционального возбуждения, адекватность и эффективность психической саморегуляции поведения и деятельности свидетельствует о достаточно спокойном протекании эмоциональных процессов. Исследуемые подростки удовлетворены жизнью в целом, её ходом, самореализацией. Они ощущают способность брать на себя ответственность и возможность делать свой выбор, в котором слышен голос собственного «Я». Так же наблюдается чувство готовности преодолеть трудности в реализации своих способностей (если высшие потребности активизированы), достаточно высокая оценка личностной успешности, выраженное стремление к адекватности в оценке своих психологических особенностей и своего состояния, критичность в самооценивании.

Но необходимо отметить, что у данной группы испытуемых так же наблюдается и устойчивая тенденция к фрустрации. Это говорит о склонности переживать чувства страха и беспокойства, которые выражаются в агрессивных действиях, иногда без достаточно чёткого различия реальной опасности и воображаемой. Может преобладать негативный эмоциональный фон, вызываемый неотступной мыслью: «Я хочу, но не могу».

Возможна склонность к состоянию одиночества.

В результате исследования существенных различий в уровне психологического благополучия личности и факторов, негативно влияющих на эмоциональный фон, не выявлено. Гипотеза подтвердилась частично. У интеллектуально одаренных подростков самоуверенность несколько выше, чем у подростков со средним уровнем развития интеллекта. Это качество личности во многом препятствует появлению негативного эмоционального фона. Так же у одарённых более выражено ощущение ценности собственной личности и предполагаемой ценности для других, преобладание активного отношения к жизни, бодрости, отсутствия склонности к самообвинению, что так же в значительной степени препятствует появлению негативных состояний. Однако, в отличие от подростков со средним уровнем развития интеллекта, у одарённых подростков более ярко выражена устойчивая тенденция к фрустрации. Состояние «Я хочу, но не могу» нередко бывает вызвано высоким уровнем притязаний, не соответствующим возможностям хотябы даже возраста, и фиксации на достижении более высоких результатов в области интеллектуального развития в отличие от подростков со средним уровнем развития интеллекта. Можно предположить, что причиной фрустрации может

Секция «Психология»

выступать феномен диссинхронии психического развития одарённых. В этом предположении гипотеза данной работы может частично найти подтверждение.

Литература

- 1) А.О.Прохоров, Г.Ш.Габдреева «Практикум по психологии состояний» учебное пособие/ под ред. А.О.Прохорова. – СПб: Речь. 2004. – 480 с.,илл.;
- 2) А.О.Прохоров «Психические состояния и их проявления в учебном процессе» Издательство Казанского Государственного Университета. 1991.;
- 3) Г.Крайг., Д.Бокум «Психология развития».- 9 изд.- СПб.: Питер, 2005.-940с.;
- 4) Д.Шакирова, И.Сибгатуллина, Дж.Сулейманов «Мышление. Интеллект. Одарённость: вопросы теории и технологии» Издательство «Центр инновационных технологий» Казань, 2005.;
- 5) Доклад Ф.Л.Ратнер на конференции по теме «Одарённость», состоявшейся в конце апреля 2007 года в Академии Наук Республики Татарстан;
- 6) Доклад И.Ф.Сибгатуллиной на конференции по теме «Одарённость», состоявшейся в конце апреля 2007 года в Академии Наук Республики Татарстан;
- 7) С.Р.Пантилеев «Методика исследования самоотношения.» - М.: «Смысл», 1993. – 32с.

Формирование ценностных ориентаций под влиянием кинопродукции

Романенко К.Р.

Студент

*ГОУ ВПО МО «Академия социального управления», факультет психологии,
г.Москва, Россия*

E-mail: rom_ksu_rom@mail.ru

Ценностные ориентации, осознанные представления субъекта о собственных ценностях, выявляются с помощью любых вербальных методов, как социологических, так и психологических.

«Истоки человеческих ценностей прослеживаются в культуре, обществе и его институтах...» пишет Рокич. По мнению Д.А. Леонтьева существует «представление о трех формах существования ценностей, переходящих одна в другую 1) общественных идеалах - выработанных общественным сознанием и присутствующих в нем обобщенных представлениях о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметном воплощении этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационных структурах личности ("моделях должного"), побуждающих ее к предметному воплощению в своей деятельности общественных ценностных идеалов. Эти три формы существования переходят одна в другую».

Придерживаясь основных положений культурно-исторической психологии мы сформулировали гипотезу, согласно которой ценности и ценностные ориентации формируются благодаря продуктам культуры, в частности благодаря наиболее популярному сейчас жанру — художественным фильмам, включающим в себя также многосерийные и анимационные.

В ясной и образной форме значимые, а потом и любимые сюжеты влияют на формирование идеалов и ценностей. Также кинозритель усваивает правила поведения в той или иной ситуации, способы и стили взаимодействия героев. А отношение к качествам и поступкам героев может выработать критерии самооценки. С другой стороны внимание и любовь к какому-либо кинофильму, выбор и понимание его значимости появляется из-за уже сформированных у зрителя ценностей.

Для изучения формирующихся и уже сформированных ценностей и ценностных ориентаций нами разработан опросник, выявляющий ценности на основании предпочитаемых продуктов киноиндустрии и отношения к их героям. Также каждый испытуемый прошел опросник по методике Рокича, выявляющей ценностные ориентации. Сейчас еще продолжается пилотажное исследование. Его участники: мужчины и

Секция «Психология»

женщины, в возрасте от 16 до 45. Выборка уравнена по порядку прохождения испытуемыми методик.

Опросник обработан с помощью методики контент-анализа. И дальше исследование пошло в двух направлениях. Во-первых, с помощью количественных методов показана несильная, но значимая корреляция между иерархиями ценностных ориентаций, полученных методикой Рокича и иерархиями ценностей каждого испытуемого, выявленных в нашем опроснике. Это говорит о взаимовлиянии ценностных ориентаций и предпочтений в кинопродукции. Во-вторых, качественный анализ показал, что наш опросник работает как проективная методика, показывающая идеалы, личностные смыслы, ценности и ценностные ориентации каждого испытуемого. Замечена некоторая разница, которую можно объяснить тем, что в методике Рокича ценностные ориентации заданы извне, ограничены, и, вероятно, их расстановка подвержена влиянию факта социальной желательности, а данные, полученные в опроснике, показывают истинные ценности испытуемых.

Нам кажется, что в дальнейшем может оказаться целесообразным исследование сюжетов конкретных фильмов, повлиявших на формирование ценностей и ценностных ориентаций, так как именно в реализации социальных отношений и активной деятельности героев и человеческого к ним отношении, по нашему мнению, задаются усваиваемые и формируемые ценности.

Литература:

1. Алксеев А.Н. «Контент-анализ: Техника или методология?» // Методологические и методические проблемы контент-анализа. - М.; Л., 1973. Вып.1. С.19-24.
16. Леонтьев Д.А. «Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции» // Вопр. Филос. - № 4, 1996. - С.15-26
17. Асмолов А.Г. «По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии» - М.:Смысл. 2002. - 480 с.
18. Сидоренко Е.В. «Методы математической обработки в психологии» - Спб.: ООО «Речь», 2007. - 350 с.
19. Rokeach M. «The Nature of Human Values» - NY: Free Press, 1973. - 438 pp.

Особенности временной перспективы подростков больших и малых городов

Романова Э.Ю.

Студентка

Российский государственный гуманитарный университет, Институт психологии имени

Л.С. Выготского, Москва, Россия

E-mail: sai-elka@mail.ru

Постоянные социальные изменения, характерные для современной России, когда в обществе формируются новые стандарты жизни, смыслы и ценности, оказывают влияние на процесс социализации подростков. Подростки – это социальная группа, наиболее чутко реагирующая на происходящие изменения, поэтому особенный интерес представляют изменения, происходящие в их сознании. В подростковом возрасте происходит осознание собственной идентичности и формирование образа Я, что проявляется в формировании системы ценностных ориентаций, а так же в осознании времени своего существования, жизненного пути, и построении временной перспективы личности. В настоящее время изучением временной перспективы занимаются многие психологи, однако, в современной социальной психологии временная перспектива формирующейся личности остается важной и малоизученной проблемой. Временная перспектива соотносится с содержательностью жизни человека. Так, отмечают, что чем насыщеннее временная перспектива событиями, планами и надеждами, тем интенсивнее, содержательнее жизнь

человека. В старшем подростковом возрасте появляется система жизненных планов с учетом жизненных обстоятельств, которая еще отличается крайней изменчивостью и слабой продуманностью. В субъективной картине жизненного пути подростков ярко выражено преобладание будущего над прошлым и настоящим или, в терминах, введенных А.А. Кроником, преобладание потенциальных причинно-целевых связей над реализованными и актуальными.

Особый интерес представляет рассмотрение этой проблемы во взаимодействии с фактором окружающей среды. Современные исследователи отмечают, что окружающая среда (природная, созданная человеком, социальная) имеет существенное значение для социализации индивида. Различные темпы развития и урбанизации общества приводят к тому, что процесс социализации подростков в больших и малых городах может значительно различаться. Поэтому изучение процесса социализации в зависимости от величины города, является одним из аспектов рассмотрения влияния города как особого окружающего мира на становление личности, и в частности, на построение временной перспективы.

В данной работе мы рассматриваем особенности временной перспективы подростков малых и больших городов. Представляется, что в особенностях временной перспективы подростков находят отражение как возрастные, так и социальные факторы, а именно, мы предполагаем, что: 1) большинство старших подростков ориентированы на фактор «будущее» во временной перспективе; 2) имеются значимые различия между особенностями временной перспективы подростков малого и большого города. В исследовании приняли участие 60 подростков 15-16 лет, учащихся в школах Москвы (большой город) и городов с населением около 20 тыс. чел. Краснодарского края. Испытуемым предлагалось заполнить опросник Зимбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory) ZTPI, который позволяет анализировать временную перспективу личности по пяти измерениям: «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «будущее», «позитивное прошлое», «фаталистическое настоящее». Методика основывается на теоретическом фундаменте, объединяющем мотивационные, когнитивные и социальные процессы. Имеет хорошие показатели валидности и измеряет временную перспективу по различным измерениям [Zimbardo, 1999].

Эмпирически были выявлены следующие особенности временной перспективы старших подростков. Наиболее выражены факторы «гедонистического настоящего» и «позитивного прошлого» как в выборке малого, так и большого городов. Иными словами, наиболее выражено гедонистическое, рискованное, «а мне все равно» отношение ко времени и жизни, которое предполагает ориентацию на удовольствие, волнение, возбуждение, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях или жертв в пользу будущих наград. Фактор «позитивного прошлого» отражает превалирование теплого, сентиментального отношения к прошлому. Таким образом, наша первая гипотеза не подтвердилась. Дисперсия по этим двум показателям имеет самые низкие значения, что может говорить об их нормативности для исследуемого возраста. Анализ выраженности факторов временной перспективы у подростков малого города показывает, что 33% респондентов ориентированы на «позитивное прошлое» и 23% ориентированы на «гедонистическое настоящее». Остальные три фактора практически не различаются по степени выраженности. Однако «будущее» выражено у наименьшего числа респондентов и обнаруживает самые высокие показатели дисперсии, что противоречит возрастным тенденциям, так как исследования показывают, что для старшего подросткового и юношеского возраста характерна ориентация на будущее. Основные характеристики временной перспективы подростков большого города сходны, то есть наблюдается преобладание «гедонистического настоящего» (35% выборки) и «позитивного прошлого» (30% выборки). Однако на уровне статистической тенденции ($=0,05$) имеются различия с выборкой малого города по факторам «будущее» и «фаталистическое настоящее», что подтверждает нашу вторую гипотезу. Большая

Секция «Психология»

выраженность фактора «будущее» наблюдается у подростков большого города, что отражает нормативную возрастную тенденцию, когда поведение начинает определяться стремлением к целям и вознаграждениям будущего. Также заметна выраженность «фаталистического настоящего» у подростков малого города, тогда как у подростков большого города он почти не выражен.

Таким образом, в ходе нашего исследования был выявлен ряд особенностей временной перспективы подростков, отражающих как собственно возрастные особенности развития личности, так и влияние социальной среды на данный процесс. А именно, современным подросткам присуща ориентация на «гедонистическое настоящее» и «позитивное прошлое». А так же выявлены статистические различия между выборками большого и малого городов по факторам «будущее» и «фаталистическое настоящее».

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания, М., 2000.
2. Болотова А.К. Психология организации времени. Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006
3. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. 2-е изд., ипр. и дополн. М., Смысл, 2008.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.
5. Zimbardo Philip G., Boyd John N. Putting time in perspective: a valid, reliable, individual-differences metric// Journal of Personality and Social Psychology, 1999. Vol.77 (6), p.1271-1288.

Влияние социометрического статуса на межличностные отношения студентов

Салтыкова Ю.В.

студентка

*Нижевартовский государственный гуманитарный университет,
гуманитарный факультет, Нижевартовск, Россия*

E-mail: elena.rose@mail.ru

Проблема межличностных отношений является одной из самых актуальных при обучении в высшей школе. Поскольку в университете учебный процесс существенно отличается от организации учебной деятельности в школе, приходящим в университет студентам приходится устанавливать новые типы межличностных взаимоотношений.

Межличностные отношения – это субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения⁴⁰.

Фактором социальной адаптации выступает переживание⁴¹ – момент, крайне редко рассматриваемый в социальной психологии. Что это значит? Личность переживает острые для нее критические ситуации, в частности, взаимодействие с незнакомыми людьми в непривычной обстановке; кроме того, пытается либо приспособиться к новым условиям (так называемый конформистский тип поведения), либо старается находить выходы путем давления на других и т.д. Таким образом, становится ясно, что чувства являются уникальной основой всех отношений человека (как к самому себе, так и к другим членам группы). Именно чувства и определяют межличностные отношения в социальной группе.

В группе, существующей относительно продолжительный период времени (в данном исследовании – 1-1,5 г.), можно наблюдать те или иные эмоциональные предпочтения субъектов по отношению друг к другу. Все это ведет к появлению абсолютно у каждого студента своего статуса в группе. Связано это также и с тем, что в раннем юношеском возрасте человек стремится определить свое место в мире, начинает доминировать и потребность в признании. Статус может быть более высоким или низким в зависимости от

того, какие чувства испытывают другие члены данной группы по отношению к студенту – положительные или отрицательные. Совокупность всех статусов, в свою очередь, задает статусную иерархию в студенческом коллективе.

В психологической практике социальные статусы в группах, и в целом, сами межличностные отношения эмоционально-непосредственного плана, были изучены Т. Шибутани, Дж. Морено, А. Маслоу, К. Роджерсом, М.Е. Литваком и др. Данное исследование проводилось на основе социометрической методики Дж. Морено, разработанной в начале 1930-х гг. в модификации М. Битяновой⁴², и его целью явилось влияние социометрического статуса на межличностные отношения студентов в группе.

Исследование связи экономического и личностного самоопределения подростков и юношества северного города.

Сандлер Т.С.⁴²

аспирант

Сургутский государственный университет, факультет психологии, г. Сургут, Россия

E-mail: tatyana_sandler@mail.ru

Проблемой нашего научного исследования является изучение экономического самоопределения в его связи с личностным самоопределением у контингента юношества промышленного города крайнего севера. Развитие экономического самоопределения неразрывно связано с развитием нравственного сознания и самосознания человека, развитием ценностных ориентаций, мотивационной сферы личности и личностным самоопределением в целом. Актуальность проблемы определяется необходимостью разрабатывать психологически обоснованные формы помощи подрастающему поколению в связи со сложностью процессов социализации в современных условиях жизни с учетом неоднозначности ценностных ориентиров взрослого сообщества, выраженной прагматичностью, утратой определенных гуманистических идеалов, характерных для традиций русского северного края. Именно это предопределяет своевременность изучения экономического самоопределения юношества в промышленном северном регионе.

Понятие «экономическое самоопределение» является достаточно новым для психологии развития, необходимо его содержательное наполнение. Опорой для теоретико-методологического обоснования изучения ЭС могут выступать исследования, в которых содержательно характеризуется понятие «личностное самоопределение». Основанием выступают известные исследования Б.С. Братуся, М.Р. Гинзбург, А.В. Толстых, В.В. Столина, Д.А. Леонтьева. Неразрывная связь ЭС с личностным самоопределением выступает в качестве предмета изучения в таком направлении как «экономическая психология», в специальных исследованиях ЭС (Дейнека 2002, Фенько 2007), преодолевающих эмпирический подход.

В нашем исследовании экономическое самоопределение соотносилось с особенностями интерпретации и решения проблемных экономических задач, предполагающих необходимость актуализации значимых ценностных ориентаций человека, осуществляющего личностный выбор.

Цель исследования состояла в выявлении своеобразия способов интерпретации задач, предполагающих одновременно экономический и личностный выбор в проблемных жизненных ситуациях.

Для проведения исследования нами была разработана, валидизирована и применена методика «Экономический конфликт» (ЭК). Она позволяет характеризовать участников исследования как субъектов экономических отношений по десяти основаниям. Эти основания представляют собой крайние полюса шкал: «Кратковременность планов на покупки» – «Долговременность планов на покупки», «Прагматичность при планировании покупок» (покупать только нужные вещи, связанные с бытийным планом жизни) – «Идеализм при планировании покупок» (делать покупки с ориентацией на духовный рост, саморазвитие), «Эгоизм» - «Альтруизм» при выборе покупок и планировании расходов, «Самостоятельность» -

«Зависимость» при планировании покупок и планировании расходов, «Импульсивность» - «Произвольность» в покупках и расходах. Нами проводилось сопоставление данных методики ЭС и данными, полученными на основе интервью. Применялась также методика, позволяющая выявлять уровень развития приемов саморегуляции юношества, таких как планирование, моделирование ситуаций, программирование, оценка результатов, гибкость, самоконтроль. (Осницкий 1996). Для сопоставления показателей, выявленных на основе двух методик, осуществлялся корреляционный анализ.

Гипотеза исследования состояла в проверке предположения о наличии связи между показателями, характеризующими экономическое самоопределение юношества, особенностями его обоснования на базе актуализации личностных ценностей и уровнем развития приемов саморегуляции собственной деятельности.

Исследование проводилось на выборке, состоящей из 30 старшеклассников в возрасте от 13 до 18 лет, проживающих в сельской местности.

Результаты исследования позволяют дать определенную характеристику своеобразия ЭС в изучаемой выборке. Эти результаты показали хорошую осведомленность старшеклассников о позитивных ценностных идеалах и стиле морального поведения в соответствии с ними. Именно поэтому были получены высокие показатели при решении проблемных экономических задач по таким основаниям как «Альтруизм» «Идеализм» «Долговременность планировании покупок». Это свидетельствует о тенденции у старшеклассников руководствоваться «знаемыми мотивами» при выборе ответ на предлагаемые задания (Неймарк 2003). Такого рода ответы не означают того, что реально действующие мотивы соответствуют заявленным в тестовых ситуациях.

В ходе исследования была выявлена сильно выраженная тенденция к самостоятельности планирования своей экономической жизни. При сопоставлении с данными интервью выявляется, что мотив самостоятельности при планировании и осуществлении финансовых расходов не подтвержден реальной практикой жизни. Так на вопрос «Как часто Вы планируете свои расходы на будущее?» большинство подростков отвечают «Изредка». Можно сделать вывод о том, что у подростков недостаточно сформированы средства для реализации на практике описанных тенденций.

Такие показатели как «Эгоизм», «Кратковременность», «Прагматизм» и «Импульсивность», оказались слабо представлены, что еще раз подтверждает знакомство старшеклассников с оптимальными моделями организации своих финансовых расходов. Однако это не свидетельствует о том, что их реальная финансовая активность регулируется такого рода моделями.

Были получены статистически значимые корреляции ряда показателей методики «ЭК» и методики, выявляющей степень сформированности приемов саморегуляции. Примером выявленных соответствий может служить положительная корреляция между показателем «Оценки результатов» методики Осницкого и значением шкалы «Альтруизма» в методике «ЭК» при коэффициенте корреляции, равном 0,32. Положительная корреляция с коэффициентом 0,36 наблюдается также между шкалами «Самоконтроль» и «Прагматизм» по данным соответствующих методик.

Выявлена отрицательная корреляционная связь с коэффициентом 0,41 между степенью «Программирования» деятельности старшеклассников и долей «Альтруизма» в их поступках, касающихся финансовых трат. Обратная корреляция (0,33) выявлена при сопоставлении шкал «Моделирования» собственной деятельности и «Зависимости» при планировании расходов.

Полученные нами эмпирические показатели свидетельствуют о наличии определенной связи ЭС с такой важной характеристикой зрелости личности, как развитость приемов саморегуляции деятельности. Это подтверждает необходимость изучения динамики ЭС в неразрывной связи с личностным развитием в юношеском возрасте.

Для углубления исследований своеобразия ЭС в юношестве выигрышным направлением может выступить планирование и осуществление генетико-моделирующего эксперимента на основе курса развивающих занятий, позволяющего поддержать интеграцию идеальных моделей

экономического самоопределения и его воплощения в практику жизнедеятельности в критических проблемных ситуациях нравственного выбора.

Литература

1. Дейнека О. (1999) Экономическая психология. СПб: Изд-во СПбГУ.
2. Неймарк М.С. (2003) О соотношении осознаваемых и неосознаваемых мотивов в поведении, характеризующих направленность личности подростка / Психология личности. Под ред. Д.А. Леонтьева - М.: Вопросы психологии, 2003.
3. Осницкий А.К. (1996) Психология самостоятельности. Москва-Нальчик.
4. Фенько А.Б. (2000) Дети и деньги: особенности экономической социализации // Вопросы психологии, № 2, с.28-42.

Акцентуация характера как фактор развития ценностных ориентаций девиантных подростков

Синицина А.В.

Студент факультета психологии

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

E-mail: svetym@yandex.ru

Актуальность исследования. В настоящее время с невероятной скоростью увеличивается рост детской и подростковой преступности. По всей стране все большее количество детей оказываются за стенами учреждений открытого и закрытого типов для несовершеннолетних. Нельзя отрицать, что эта ситуация во многом является следствием влияния мирового финансового кризиса. Рост безработицы, урезание зарплат. Подросткам отказывают даже в незначительных подработках, тем самым провоцируя их на асоциальное поведение. Элементарным примером является рост краж и грабежей. Мы задались вопросом: почему один подросток не пойдет на преступление, тогда как другой, долго не задумываясь, проявит девиантность в поведении? В чем причина, какие приоритеты для себя расставляет взрослеющий человек, какие акценты в его характере могут стать катализатором девиантного поведения в условиях кризиса и как их сгладить во избежании новых инцидентов – эти вопросы проходили через все исследование.

В современной психологии девиантное поведение рассматривают как поступки, действия индивида, выражающиеся в относительно устойчивых и массовых формах деятельности, не соответствующие ожиданиям и нормам, фактически сложившимся или официально установленным в данном обществе (Должанская Н.А., Драгун Г.Н., Личко А.Е.).

Исследования личности подростков с отклоняющимся поведением показали, что они характеризуются разной степенью деформации системы внутренней и поведенческой регуляции – установок, ценностно-нормативных представлений, референтных ориентаций [1.]. Многие из них находятся в состоянии психологической изоляции, им свойственны низкий уровень социализации, отставание в развитии (М.А. Алемаскин, В.Г. Баженов), различные искажения эмоциональной сферы (Т.Н. Курбатова, И.С. Лебединская).

Акцентуации характера – чрезмерное усиление отдельных черт характера, при котором наблюдаются не выходящие за пределы нормы отклонения в психике и поведении человека. Это гипертрофированное развитие одних свойств характера в ущерб другим, в результате чего ухудшается взаимодействие с окружающими. В изучении проявлений как положительных, так и отрицательных акцентов характера нельзя не учитывать особенности ценностно-мотивационной сферы ребенка или подростка, насколько и в чем она искажена, впрочем, как и наоборот. Ценностные ориентации - это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [3.]. Это сложный социально – психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности

личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Ценностные ориентации являются одним из центральных личностных новообразований и выражают сознательное отношение человека к социальной действительности, определяют мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его действительности.

Нам было интересно изучить связь ценностных ориентаций личности с акцентуациями характера девиантных подростков. Мы приводим результаты, полученные на выборке учащихся Государственного общеобразовательного учреждения «Специальное профессиональное училище закрытого типа для несовершеннолетних» г. Астрахани. Всего 30 юношей. Возраст: от 14 до 17 лет.

Методы исследования: теоретический анализ литературы, диагностические методики: М. Рокич «Ценностные ориентации», А.Е. Личко «Модифицированный патохарактерологический диагностический опросник»; математико-статистические методы. Все расчеты выполнялись с помощью компьютерной программы STATISTICA 6.0.

Результаты исследования. В результате применения методики А.Е. Личко «Модифицированный патохарактерологический опросник» выявлены подростки с истероидным типом акцентуации характера — 8 человек, с гипертимным — 6 человек, с сенситивным — 3 человека, с эпилептоидным — 1 человек, с психастеничным — 1, с лабильным — 1, с шизоидным — 3 человека; количество лиц с невыявленным типом акцентуации характера: 7. С помощью методики М. Рокича «Ценностные ориентации» мы определили иерархию ценностей девиантных подростка.

Для выявления связи между типом акцентуации характера девиантных подростков с ценностными ориентациями мы рассчитали критерий Крускала – Уоллиса. Выявлены достоверные различия между акцентуантами для ценности «смелость в отстаивании своего мнения» ($N= 9,88$; $p=0,043$), а также наблюдается тенденция к различиям по ценности «развлечение» ($N= 7,73$; $p= 0,1$).

Из рис. 1 видно, что ценность «смелость в отстаивании своего мнения» наименее значима для таких акцентуантов, как сензитивы, тогда как для истероидов, шизоидов, подростков с невыраженным акцентом в характере и гипертимов (несколько меньше, чем для выше названных) в той или иной мере ценно смелое поведение.

Диаграмма размаха (рис. 2) наглядно представляет нам, что развлечения наименее значимы для шизоидов и сенситивов и, наоборот, ценны для истероидов, гипертимов и подростков с невыраженной акцентуацией характера.

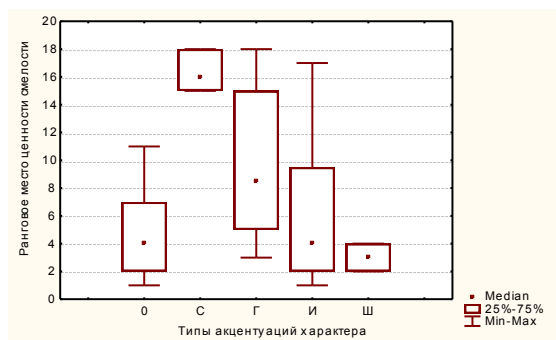

Рис. 1 Связь ценности смелость с акцентуацией характера девиантных подростков

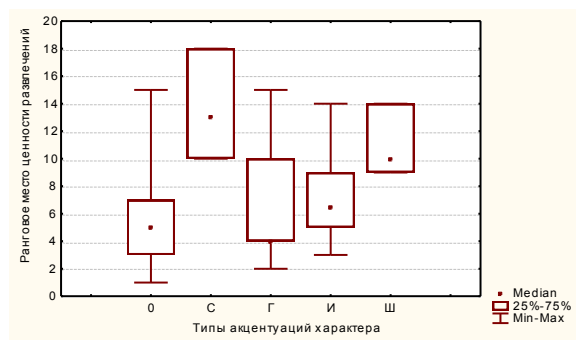

Рис. 2. Связь ценности развлечений с акцентуацией характера девиантных подростков

Таким образом, нами выявлена связь между типом акцентуации характера девиантных подростков с ценностными ориентациями, что дает возможность с помощью коррекции ценностей подростка корректировать и девиантное поведение.

Литература

1. Беличева С.А. «Социально-психологические основы предупреждения десоциализации несовершеннолетних».- М: 1989.
2. Леонгард К. «Акцентуирование личности». Ростов - на - Дону: 1997

Развитие эмоционально-ценностного отношения к себе и окружающему миру у детей с нарушением зрения⁴²

Слюсарская Ю.В.

преподаватель

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
факультет психологии, Тула, Россия*

E-mail: slusarskaya@mail.ru

Развитие эмоционально-ценностного отношения к себе и окружающему миру является неотъемлемой частью образования и направлено на формирование ценностных ориентаций и развитие эмоционально-волевой сферы старших дошкольников с нарушением зрения. Стоит также отметить, что эмоции не являются отдельным психическим процессом, они влияют на весь внутренний мир ребенка, проявляясь в самые различные моменты его жизни. Все рассмотренные выше составляющие эмоционально-ценностного отношения к себе и окружающему миру достигают определенного уровня сформированности у старшего дошкольника и продолжают развиваться, когда ребенок приступает к систематической учебной деятельности в школе. Это и создает основу для формирования у ребенка, ставшего первоклассником, качеств, необходимых школьнику для успешного освоения программного материала, развития различных сторон его личности. Не вызывает сомнения, что любой компонент структуры, как и вся структура в целом, важны как для того, чтобы учебная деятельность ребенка была успешной, так и для его скорейшей адаптации к новым условиям, безболезненного вхождения в новую систему отношений.

Исследования, проведенные тифлопедагогами и тифлопсихологами, показали, что у детей с нарушением зрения развитие эмоций имеет ряд особенностей: преобладание отрицательных эмоций, повышенная тревожность, одиночество, страхи. Психологические наблюдения за детьми с косоглазием и амблиопией показывают, что у них проявляются негативные реакции, когда педагоги пытаются их включить в совместные игры и занятия. Иногда отмечаются аффективные и бурные эмоциональные переживания, сопровождающиеся криком и плачем. Импульсивность и лишенное активного взаимодействия с людьми состояние ребенка с косоглазием и амблиопией объясняют и проявление парализованности волевых усилий, пассивность и подавленность, потерю интереса к окружающей действительности. Помимо этого, у большинства дошкольников с косоглазием и амблиопией при существующих в практике их обучения и воспитания способах ознакомления с самим собой, приемах и методах сенсорного воспитания наблюдаются бессистемные, неточные сведения о собственных сенсорно-перцептивных возможностях, о внешних признаках, строении, функциональном назначении органов чувств. Это не позволяет ребенку с патологией зрения активно включиться в процесс компенсации собственного дефекта, развить в достаточной мере эмоционально-ценностное отношение к себе и окружающему миру.

В связи с этим нами был подобран комплекс диагностических методик для исследования особенностей эмоционально-ценностного отношения к себе и окружающему миру. По данным, полученным на констатирующем этапе эксперимента, удалось установить, что для большинства детей с нарушением зрения характерна высокая импульсивность, заключающаяся в большой неточности ответов при их высокой скорости. Полученные результаты показали, что дошкольникам с нарушением зрения особенно трудно мимическими средствами передать эмоции гнева, страха, удивления. При определении и назывании эмоциональных состояний дошкольники с нарушением зрения смешивали различные эмоции: гнев, страх, удивление. Дети с косоглазием и амблиопией старшего дошкольного возраста не имеют достаточно четких и ясных представлений о внешних признаках, строении своих органов чувств, не осознают их как органы, обеспечивающие процесс чувственного познания окружающего мира и ориентировку в нем.

На основе выявленных особенностей эмоционально-ценностного отношения старших дошкольников с нарушением зрения к себе и окружающему миру была разработана коррекционно-развивающая работа, цель которой заключается в развитии эмоциональной сферы старших дошкольников с нарушением зрения через формирование представлений о себе и окружающем мире. Коррекционно-развивающая работа проходит в два этапа. На первом этапе основная работа направлена на ознакомление дошкольников с нарушением зрения с внешними признаками и строением органов чувств; обучение их приемам использования органов чувств при ознакомлении с признаками окружающего мира; формирование представлений о механизме опознания предметов с помощью различных способов и средств восприятия.

На втором этапе коррекционно-развивающей работы необходимо было отработать коммуникативные навыки, развить навыки сотрудничества и взаимной эмпатии, обучить способам регуляции эмоциональных состояний, а также показать индивидуальные возможности зрения в обеспечении зрительной ориентации в окружающем пространстве; раскрыть значение полисенсорного восприятия в процессе практической ориентации во внешнем мире.

Проведение контрольного среза позволило выявить у детей с нарушением зрения произошедшие изменения в представлениях об органах чувств, в понимании ими своих сенсорно-перцептивных возможностей, в осознании значимости полисенсорного и анализирующего восприятия. Раскрывая аналитическую функцию органов, дети демонстрировали свое понимание особенностей собственного зрения, роли органов чувств в различных видах деятельности и пространственной ориентировки. Кроме этого, дошкольники, за счет активного использования сохранных анализаторов и овладения приемами целенаправленного восприятия, увеличилось количество вычленимых признаков при обследовании объектов.

Данные контрольного эксперимента показали также значительные сдвиги в развитии положительных эмоций у детей с косоглазием и амблиопией старшего дошкольного возраста, у них снизился уровень тревожности, повысился уровень социальных переживаний, оцениваемый на основании умения отражать в рисунке эмоциональные эталоны противоположных модальностей и способности оценивать поведение по заданным моральными критериями нормам, дети с нарушением зрения научились правильно воспринимать и понимать эмоции различных модальностей.

Использование данной системы коррекционно-развивающей работы, позволяет не только развивать эмоционально-ценностное отношение к себе и окружающему миру у дошкольников с нарушением зрения, но и формировать осознанное отношение к нормам поведения, дает возможность не только повысить психологическую устойчивость детей с косоглазием и амблиопией и оптимизировать становление социально адекватного поведения, но и повлиять на процесс формирования их культурной идентичности. Однако

развитие эмоционально-ценностного отношения у дошкольников с косоглазием и амблиопией к себе и окружающему миру не должно ограничиваться разовым проведением разработанной коррекционно-развивающей программы, так как формирование данного процесса – сложная и трудоемкая работа, требующая немалых усилий как со стороны педагога, так и со стороны самого ребенка.

Литература

1. Кошелева А.Д., Перегуда В.И., Шаграева О.А. (2003) Эмоциональное развитие дошкольников. М.: Академия, 2003.
2. Литвак А.Г. (2006) Психология слепых и слабовидящих. М.: Каро, 2006.
3. Плаксина Л.И. (1998) Теоретические основы коррекционной работы в детском саду для детей с нарушением зрения. М.: Город, 1998.

Изучение гендерных особенностей и возрастной динамики атрибутивного стиля у старшекласников

Смирнова И.А., Шармай Ю.В

Студенты

Северо-восточного государственного университета, социально-гуманитарного факультета, отделения психологии, Магадан, Россия.

E-mail: insmi@rambler.ru, sharmju-88@mail.ru

Атрибутивный стиль или стиль объяснения – это *когнитивная личностная характеристика, отражающая характерный специфический способ, которым люди объясняют причины событий, в которые вовлечены*. Впервые понятие выступает как ключевое в теории выученной беспомощности и депрессии *М. Селигмана*.

Выделяют два типа атрибутивного стиля: пессимистический и оптимистический. Первый тип стиля понимается, как стиль, при котором неблагоприятные события объясняются внутренними, постоянными и общими характеристиками. А хорошие – внешними, временными, относящимися к конкретной сфере причинами. Человеку свойственно думать, что он не в силах руководить происходящими с ним негативными событиями. Данный стиль не рассматривается как конструктивный, поскольку не ведет к решению проблемы, а направлен на поиск виноватого. Успех рассматривается как случайный, временный и неконтролируемый. *Оптимистический атрибутивный стиль* – это стиль, объясняющий неудачи внешними, непостоянными и конкретными причинами, а удачу – внутренними, постоянными, общими причинами. Этот стиль выступает как конструктивный, при котором успехи трактуются как стабильные, глобальные и контролируемые, а неудачи считаются временными, случайными и контролируемыми, относящимися к небольшой части жизни.

Для диагностики атрибутивного стиля в зарубежной психологии применяются две основные методики – ASQ и CAVE. Методика ASQ была разработана *К. Петерсоном* и *М. Селигманом*, впервые была адаптирована на русской выборке *Л.М. Рудиной* и *В.М. Русаловым* под названием Тест на оптимизм (ОАС).

В рамках адаптации опросника атрибутивного стиля сотрудниками факультета психологии МГУ *Т.О. Гордеевой, Е.Н.Осиным, В.Ю. Шевяковой, И.А. Смирнова* и *Ю.В. Шармай* провели исследование возрастных и гендерных различий в параметрах атрибутивного стиля на выборке старшекласников одной из гимназий г. Магадана.

Учащимся был предложен вариант опросника атрибутивного стиля для подростков, позволяющий диагностировать особенности оптимистического мышления в области негативных и позитивных жизненных ситуаций. Атрибутивный стиль в данном опроснике характеризуется через параметры: постоянство (временная характеристика), широта (пространственная характеристика), и контроль (способность контролировать события). Данный вариант опросника применялся авторами адаптации также при работе с

московской выборкой школьников. По результатам сравнения магаданской и московской выборок статистически значимых различий не выявлено.

В рамках нашего исследования были выдвинуты 2 гипотезы:

- 1) Существует возрастная динамика атрибутивного стиля.
- 2) Существуют гендерные различия в параметрах атрибутивного стиля.

Для проверки первой гипотезы сравнивались результаты возрастных групп от 14 до 15 лет и 16 – 17 лет. По всем шкалам не было выявлено статистически значимых различий. Сформулирован вывод: в рамках данной возрастной группы не существует различий в возрастной динамике атрибутивного стиля. Можно предполагать, что изменения атрибутивного стиля могут произойти в связи с резким изменением социальной ситуации развития и сформировавшийся в 14-15 летнем возрасте стиль сохраняется на протяжении нескольких лет (до 16-17). Говоря о *гендерных различиях* в атрибутивном стиле, предполагалось, что будут выявлены особенности характерного способа, которым молодые люди и девушки объясняют причины событий, в которые вовлечены. С помощью *t*-критерия Стьюдента выявлены значимые различия при $p < 0,01$ по следующим шкалам: *постоянство успеха* (2,85) и *контролируемость успеха* (2,87). Это говорит, что молодые люди в ситуациях успеха, в большей степени, чем девушки, считают возможным контролировать события. Также молодые люди ситуации успеха расценивают как постоянные, а девушки как кратковременные. Полученные результаты можно объяснить различиями гендерной социализации юношей и девушек. Если юноши с детства воспитываются в духе успеха, стремлении держать ситуацию под контролем, то девушки в меньшей степени ориентированы на данные качества.

Литература

1. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. (2008) Опросник атрибутивного стиля. – М.: Смысл, 2008.
2. Гордеева Т.О. (2006) Психология мотивации достижения. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006.
3. Наследов А. Д. (2006) Математические методы психологического исследования. – СПб, 2006.

Особенности семейного взаимодействия в повторном браке

Сорокина И.Э.

Студентка 3 курса

Костромской Государственный Университет имени Н.А. Некрасова, институт педагогики и психологии, Кострома, Российская Федерация

E-mail: iriska-konfeta@mail.ru

Большая часть населения современной России объединена в семьи; семья – наиболее древнее из социальных объединений людей. В настоящее время достаточно распространенная альтернатива традиционным брачно-семейным отношениям – повторные браки. Как правило, в результате развода ребенок остается с матерью, и в случае создания новой семьи возникает проблема взаимоотношений между членами семьи. Изучением особенностей повторных браков занимаются как отечественные, так и зарубежные психологи, психотерапевты и социологи (Карabanова О.А., Кратохвил С., Сатир В., Шнейдер Л.Б и др.), но специфика повторных браков до сих пор остается малоизученной и до конца нераскрытой.

Семья в повторном браке – это семья с двумя родителями, где наряду с общими детьми могут быть дети от прежних браков. Иногда они живут вместе, иногда только с детьми мужа или с детьми жены (Шнейдер Л.Б., 2005). Большинство сегодняшних семей представляют собой ту или иную форму повторного брака. Это может быть и

зарегистрированный повторный брак, и совместное проживание партнеров с родными и неродными детьми. Естественно, что повторный брак отличается от первичной семьи. Он - не хуже и не лучше; он - иной в своей основе, взаимоотношения и поведение внутри такой семьи подчиняются своим правилам и законам. Специфика повторных браков заключается в том, что функции, ролевое распределение и многое другое претерпевают изменения в отличие от традиционно-брачной семьи.

Нами было организовано и проведено эмпирическое исследование с целью выявления особенностей семейного взаимодействия в повторном браке.

В данном исследовании мы выдвинули следующие гипотезы: 1. В повторном браке ролевое распределение неравномерно, проявляется безучастность мужа, его невключенность в дела семьи; 2. В особенностях организации семейной жизни в повторном браке проявляется доминирование матери, закреплённость за ней всех типов социальной власти, а именно: вознаграждающего, наказывающего, легитимного, экспертного и референтного; 3. В повторных браках фактор личностного взаимодействия с ребенком матери оценивают выше, а отчимы чаще отмечают ссоры в отношениях с ребенком; тогда как дети-подростки в повторном браке воспринимают родительское отношение к себе более дистантным, контролирующим и даже доминирующим, особенно в отношениях с отчимом.

База исследования: 72 человека, 24 семьи: 24 мужа, 24 жены и 24 ребёнка- подростка в возрасте от 13-16 лет – дети от предыдущего брака женщины. Стаж семейной жизни не менее 5 лет, средний возраст супругов – родителей: жен – 36, мужей – 37 лет.

Методами исследования выступили: 1. Опросник распределения ролей в семье Ю.А. Алешинной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской (Алешина Ю.Е. и др., 1987); 2. Опросник распределения социальной власти в семье, разработанный Н.О. Белоруковой и А.А. Смирновой и апробированный в 2008г. в рамках квалификационной работы Смирновой А.А.; 3. Опросник родительско-детского взаимодействия W.Furman (1995), адаптированный Н.О. Белоруковой (Белорукова Н.О., 2007).

В эмпирическом исследовании нами были получены следующие результаты, исследование состояло из трех этапов:

1. Оказалось, что за женами в повторных браках закреплена ответственность за реализацию таких ролей, как: воспитатель детей, роль ответственного за поддержание эмоционального климата в семье, организацию развлечений, роль «хозяина – хозяйки», организацию семейной субкультуры; ролевое исполнение мужей заключается в материальном обеспечении семьи и в выполнении роли сексуального партнера.

В повторных браках присутствует согласованность в представлениях об исполнении супругами ролей. Это означает, что в данных семьях отсутствует конфликтность, борьба за ролевое распределение. Однако, несмотря на то, что есть четкая согласованность в распределении ролей в представлениях мужей и жен, мы видим, что при этом роли распределяются в семейном взаимодействии неравномерно. Т.о., проявляется меньшая включенность мужа в дела семьи, в повторных браках присутствует ролевая перегрузка женщин.

2. Мы выявили особенности распределения социальной власти в повторных браках: представления о реализации типов социальной власти у супругов противоположны, различны и не согласованны; мужья приписывают реализацию всех типов власти женам: вознаграждающую, наказывающую, экспертную, легитимную и референтную; а жены, в свою очередь, считают, что власть в их семье распределяется поровну между мужем и женой.

Мужчины, видимо, добровольно отказываются от какой либо власти, отдавая лидерство и главенство женам. Возможно, это связано с тем, что мужчины не хотят подрывать авторитет жен в глазах ребенка, тем самым, завоевывая доверие у ребенка; т.к. они вошли в семью со сложившейся системой взаимодействия между матерью и

ребенком. При этом жены не согласны с таким поведением мужей, они, видимо, хотят видеть их более участвующими в семейном взаимодействии, поэтому наделяют в своих представлениях мужей вознаграждающей и экспертной властью, т.е. они действительно ждут от мужей реализации этих типов социальной власти в реальности.

3. Мы исследовали особенности родительско-детских отношений в повторных браках: матери в повторных браках представляют свои отношения с ребенком как благополучные; они избегают наказаний ребенка, ссор, при этом стараются доверительно относиться к ребенку, делать все совместно и проводить все свободное время вместе. Матери оценивают взаимодействия с ребенком как позитивное, они больше, чем отчимы проявляют интерес к жизни ребенка. Это говорит о том, что они больше взаимодействуют с ребенком, больше включены в его жизнедеятельность.

Отчимы в отношениях с ребенком соблюдают определенную дистанцию, избегая столкновений и напряженных ситуаций в отношениях с ним. В тоже время и не слишком сильно стараются добиться расположения у ребенка, оценивая свои отношения как умеренные. Также они мало идентифицируют себя с ним.

В восприятии собственного взаимодействия у детей-подростков и матерей различий нет. У отчимов и детей-подростков мы выявили различия, оказалось, что отчимы оценивают такие характеристики, как позитивные, родительско-детского взаимодействия, выше, нежели подростки ощущают их в отношениях с ними. Т.е. отчимы склонны больше идеализировать свои отношения с ребенком, наделять эти отношения теплотой, добротой и доверием.

Дети-подростки в повторных браках воспринимают родительское отношение к себе, как позитивное. В повторных браках восприятие своих отношений с ребенком у родителей имеет схожие позиции с восприятием взаимодействия с родителями у самих детей: отношения в этих семьях доверительные, сплоченные.

Таким образом, действительно, в повторнобрачных семьях существуют особые характеристики семейного взаимодействия.

Литература

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1987.
2. Белорукова Н.О. Опросник родительско-детского взаимодействия. – К., 2007.
3. Шнейдер Л.Б. Основы семейной психологии: Учебное пособие. – М. – Воронеж, 2005.

Эмоциональная направленность личности как личностный регулятор выбора предмета профессиональной деятельности

Спиридонова Н.Ю.

аспирант

*ГОУ ВПО «Астраханский государственный университет», факультет психологии,
Астрахань, Россия*

nata-spiridonova@yandex.ru

Траектория профессионального становления у каждого человека индивидуальна и во многом зависит от особенностей выбора предмета труда на стадии оптации и в начальный период профессионального образования. В научном профессиональном образовании (Зеер Э.Ф., Климов Е.А.) в качестве одной из задач психологического сопровождения профессионального становления указывается необходимость создания таких условий, в которых личность может стать полноценным субъектом своей профессиональной жизни. Очевидно, такой подход предполагает не просто определение способностей и склонностей к тем или иным видам деятельности, профессиональных интересов и намерений, но и

ориентацию на личностные механизмы субъекта профессионального выбора, регулирующие профессиональное становление в целом.

Своеобразным регулятором сбалансированности выбора профессии и дальнейших перспектив профессионального становления выступает направленность личности юноши (девушки). Направленность личности задает основной вектор развития личности в целом и профессионального становления в частности. Эмоциональная сторона направленности личности (эмоциональная направленность личности), по мнению Додонова Б.И., обуславливает систему предпочтений и оценок людей в различных видах деятельности, характер взаимоотношений с окружающими, представления человека о своем будущем, о своем месте в мире и в жизни, о счастье. Кроме того, именно эмоциональная направленность личности (ЭНЛ) определяет выбор сферы деятельности, то есть предмет труда.

Нами было проведено исследование на предмет установления связи между типами эмоциональной направленности личности и предметной сферой профессиональной деятельности. В экспериментальном исследовании приняли участие школьники 9-11 классов лицея № 3 г. Астрахани, слушатели подготовительных курсов ГОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (АГУ), учащиеся 1 и 2 курсов инженерно-технологического колледжа и колледжа сервиса и туризма при АГУ, студенты 1 и 2 курса факультета физики и электроники и юридического факультета АГУ.

Для решения поставленной задачи мы использовали методику исследования эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова в модификации Е.Р. Гореловой. С целью выявления связи между видами эмоциональной направленности личности и предметами профессиональной сферы (по Климову Е.А.) мы использовали статистические критерии. Для зависимых переменных, распределение которых значимо не отличалось от нормального и выполнялось условие гомогенности дисперсии, применили однофакторный дисперсионный анализ (F). Для тех переменных, для которых нарушалось хотя бы одно из перечисленных требований, мы рассчитали критерий Краскела-Уоллиса (H). В результате статистической обработки результатов было выявлено, что значимое влияние ($p < 0,05$) на все переменные («человек – живая природа», «человек – техника и неживая природа», «человек – человек», «человек – знаковая система», «человек – художественный образ») оказывают гностическая, альтруистическая, эстетическая, акизитивная, коммуникативная и практическая ЭНЛ.

Анализируя связь эмоциональной направленности личности и групп профессий по классификации Климова Е.А., нами установлено, что тип эмоциональной направленности личности создает условия к тому, чтобы корреспондирующие с ним предметные миры профессиональной деятельности занимали у его представителей доминирующее положение среди других видов профессий. Однако наше заключение распространяется не на все типы эмоциональной направленности личности в юношеском возрасте, а касается только гностической, альтруистической, эстетической, акизитивной, коммуникативной и практической ЭНЛ.

Степень выраженности одного и того же типа эмоциональной направленности личности у юношей и девушек, выбравших разные предметные сферы профессиональной деятельности, различна и варьирует в зависимости от содержания труда. Соразмерное сочетание разных типов эмоциональной направленности личности составляет некоторый профиль эмоциональной направленности, характерный для каждой группы профессиональной деятельности с аналогичным предметным содержанием. Такой профиль нами назван идеальным, так как точное его соответствие у конкретных юношей (девушек) может быть не обнаружено, но относительное соответствие ему позволит молодым людям благополучно спроектировать траекторию профессионального становления. Мы полагаем, что в процессе психологического сопровождения профессионального становления юношей и девушек учет психологом-профконсультантом

содержательных характеристик индивидуального типа направленности их личности позволит создать оптимальные условия для профессионального самоопределения молодых людей.

Литература

1. Додонов Б.И. (1978) Эмоция как ценность. – М.: Политиздат.
2. Зеер Э.Ф. (2003) Психология профессия. – М.: Академический проспект; Екатеринбург; Деловая книга.
3. Климов Е.А. (1996) Психология профессионального самоопределения. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс».

Изучение особенностей проявления возрастного кризиса старости в условиях дома-интерната

Стяжкина А.А.

Студентка

Тольяттинский государственный университет, факультет психологии, Тольятти, Россия

E-mail: nastenka931@yandex.ru

Демографическая ситуация последних десятилетий характеризуется значительным увеличением доли пожилых людей в возрастной структуре населения экономически развитых стран, что свидетельствует о старении населения (Карсаевская Т.В., 1997). Подобная тенденция характерна также и для России: в 1997 году лиц старшего возраста насчитывалось – 30,5 млн. человек, в 2002 году – 29,86 млн. человек, в 2003 году – 29,61 млн. человек. Таким образом, доля пожилых людей в составе населения с 2003 года составляет около 20,7 %.

Демографическое старение как глобальная тенденция XXI века все больше привлекает внимание к исследованию особенностей протекания старости. Смена социального статуса, а также изменение экономических условий в связи с выходом на пенсию обостряют протекание возрастного кризиса у пожилых людей. Кризис старости относится к одним из наиболее остро переживаемых, т.к. связан с поиском смысла жизни и осознанием неизбежности смерти.

Проживание данного периода жизни зачастую отягощается дефицитом значимого социального окружения, одиночеством. В общей численности пожилых людей проживают одиноко: в возрасте 60 лет и старше – около 23 %, в возрасте 70 лет и старше – около 50 % населения этой возрастной группы. За последнее время в России возросла доля пожилых людей, нуждающихся в постоянной посторонней помощи, что соответственно определяет высокую потребность в услугах, оказываемых стационарными геронтологическими учреждениями.

Поступление в дом-интернат, изменение привычной жизнедеятельности является критическим моментом в жизни пожилого человека. Э.Я. Штернберг [1977] рассматривает переезд в дом престарелых как стрессовую ситуацию, которая не только ведет к нарушению адаптации, но и, усугубляя социальную изоляцию, увеличивает риск сердечно-сосудистых заболеваний и даже смерти. Основным источником стресса при этом считаются потеря знакомого окружения и разрыв социальных связей. Поэтому изучение особенностей проявления кризиса старости в условиях дома-интерната является актуальной задачей для формирования более эффективного вхождения пожилых людей в среду стационарного учреждения социального обслуживания.

Эмпирической базой исследования поставленной проблемы выступил пансионат для ветеранов труда г. Тольятти. В исследовании принимало две группы подопечных: с

полным самообслуживанием и с частичным самообслуживанием в возрасте от 55 лет и старше.

Проведенное исследование показало, что 42,5 % проживающих имеют семью, а 57,5% - относятся к категории одиноких. Также были выявлены основные причины пребывания в интернате: 40,4% подопечных оказались в стационаре по причине одиночества, отсутствия семьи; от 40,4% проживающих отказались родственники (сложная семейная ситуация, отсутствие возможности обслуживания пожилого человека и т.п.) и 19,2% подопечных относятся к категории лиц без определенного места жительства.

Для изучения особенностей проявления возрастного кризиса старости в условиях интерната нами были выделены 2 группы подопечных: «активные» - пожилые, занятые полезной социальной деятельностью (трудовые мастерские, работа на приусадебном участке, помощь лицам с частичным или полным отсутствием самообслуживания, творческая деятельность и т.п.) и «пассивные» - пожилые, не участвующие в социальной деятельности. К группе «активные» относится большинство подопечных с полным самообслуживанием – 34,8% от общего числа проживающих, 65,2% проживающих составляют группу «пассивные», куда входят лица с частичным или полным отсутствием самообслуживания, а также пожилые, остро переживающие кризис (основную часть которых составляют вновь поступившие подопечные). Данное обстоятельство требует более серьезного подхода в работе с людьми, находящимися в состоянии тяжелого переживания кризиса старости.

Сегодня в решении проблем пожилых людей все усилия направлены в основном на поддержание экономического положения лиц преклонного возраста [Шилова Л.С., 1998]. С нашей точки зрения, все социальные службы, занимающиеся обслуживанием пожилых помимо обеспечения материальной защищенности лиц старшего возраста должны оказывать психологическую поддержку подопечным, которая бы способствовала восстановлению потенциала личности в деятельности, общении.

Таким образом, многообразие и сложность социальных проблем, связанных со старением населения России, прогнозы о сохранении сложившихся тенденций требуют дальнейшей разработки программ по оказанию социальной и психологической помощи пожилой части населения, а также создание соответствующих условий для реализации личностного потенциала в старости, способствующих благополучному преодолению возрастного кризиса.

Литература

1. Дементьева Н. Ф. Методические аспекты социально-психологической адаптации лиц пожилого возраста в стационарных учреждениях социального обслуживания // Психология зрелости и старения. – 1998. - №2.
2. Доклад «О мерах по улучшению социального обеспечения пенсионеров в Российской Федерации» от 27.01.04г.
3. Ермолаева М. Практическая психология старости. – М., 2002.
4. Карсаевская Т. В. Этапы жизненного цикла человека: зрелость, старость: Социально-философский аспект // Психология зрелости и старения. – 1997. - №1.
5. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России).

Аутентичность как основа благополучного развития личности

Суднева О.Ю.

Ассистент

Томский государственный университет,

факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: avendus@mail.ru

Распад социальных и профессиональных ценностей и установок неизменно ведёт к потере смысложизненных ориентации личности в современном мире, подрывает психическое здоровье человека. Поэтому становится особенно актуальным изучение такого явления как способность человека творить собственное аутентичное бытие. Быстрый темп жизни, большая социальная взаимозависимость, коммуникативная и информационная перезагруженность ставит человека перед необходимостью быть автономной, ответственной и благополучной личностью.

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение феномена аутентичности как психологического ресурса благополучного развития личности.

В исследовании принимали участие студенты различных факультетов Томского государственного университета в количестве 350 человек.

Исследование проводилось в течение трёх лет и состояло из 3-х этапов. На первом этапе было осуществлено пилотажное феноменологическое исследование. Здесь посредством рефлексивных отчётов и авторских текстов респондентов о себе и своей жизни, был выявлен феномен неаутентичности и подробно описан субъективный опыт его переживания.

На втором этапе была поставлена цель более детального и всестороннего изучения обнаруженного феномена. Для этого использовались: Тест самоактуализации личности (Лазукин А.В. в адаптации Калина Н.Ф.), Тест смысложизненных ориентаций (Леонтьев Д.А.), Шкала психологического благополучия (Рифф К.), Шкала базисных убеждений (Янов-Бульман Р. в адаптации Кравцовой О.), методика Жизнестойкости (Мадди С. в адаптации Рассказова И.И., Леонтьева Д.А.), опросник Личностной креативности (Туник Е.Е.), опросник Эмоционального интеллекта (Холл Н.), тест Кэттелла.

Третий этап был посвящен изучению проявлений аутентичности и неаутентичности в коммуникации. Для этого применялся метод моделирования коммуникативного мира личности (Кабрин В.И.) и МАК- шкала (в адаптации Знакова В.В.).

Мы определили аутентичность как сложное многоуровневое образование в структуре сознания, которое выражается в форме уверенности (или ощущения), того, что человек действует (поступает, живёт) в соответствии с системой внутренних убеждений, принципов, ценностей, верований. Это делает возможным осознание (если это уверенность) и переживание (ощущение) собственной уместности (правоты, правильности, значимости) в определённых пространственно- временных обстоятельствах (условиях) своей жизни, которые человек создаёт, изменяет или принимает.

Понятие «аутентичности» по смысловой нагрузке близко понятию «идентичности», и может быть определено как обретение чувства самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям, адекватности и стабильного владения личностью «собственным Я» независимо от ситуационных, обстоятельственных и, в целом, средовых изменений. И аутентичность, и идентичность в качестве личностных структур обладают собственной энергией, которая способна определять динамику личностного развития.

Отличительной особенностью аутентичности является её прерывность, разорванность. В отличие от идентичности переживание и осознание личности собственной аутентичности носит дискретный характер. Будучи психологическим ресурсом, в том числе, обретения позитивной идентичности или подлинной идентичности (Эриксон Э.), аутентичность долгое время может игнорироваться и не использоваться личностью (не быть осознанной, и не переживаться).

Аутентичность развивается в онтогенезе и по мере возрастного развития человека имеет тенденцию к сохранению, расширению и усложнению, как стремление личности к наиболее полному самоосуществлению.

Как свойство человеческой «природы» она обнаруживается на протяжении всего жизненного пути в различных сферах жизнедеятельности: социальной, профессиональной, духовной. В то же время, аутентичность выступает исходным условием саморазвития. Она основывается на доверии человека к самому себе и удовлетворяет потребность человека в самоактуализации (или совпадает с потребностью в самоактуализации), достигается как эпифеномен в процессе постановки и разрешения различных жизненных задач.

Было выявлено, что аутентичность отрицательно коррелирует с жестокостью ($r=-0,70$, $p=0,0031$), подозрительностью ($r=-0,46$, $p=0,0001$), тревожностью ($r=-0,56$, $p=0,0039$), везением ($r=-0,56$, при $p=0,0012$), эмпатией ($r=-0,57$, $p=0,0031$), Мак-шкалой ($r=-0,64$, $p=0,0047$), конформизмом ($r=-0,55$, $p=0,0011$).

Аутентичность положительно коррелирует с автономностью ($r=-0,57$, $p=0,0031$), личностным ростом ($r=0,49$, $p=0,0021$), управлением (контролем) внешними событиями ($r=0,47$, $p=0,0014$), самопринятием ($r=0,49$, $p=0,001$), принятием других ($r=0,55$, $p=0,004$), любознательностью ($r=0,46$, $p=0,0023$), познанием сложных явлений ($r=0,56$, $p=0,0008$), творческим потенциалом ($r=0,57$, $p=0,0046$), наличием в жизни целей ($r=0,53$, $p=0,001$).

В группе респондентов с высокими показателями аутентичности оценка правильности собственной жизни была представлена через категорию осмысленности. Они придают большое значение способности рефлексивно относиться к собственным мыслям, чувствам и поведению. Для них вектор принятия партнёра связан с его ответственностью и справедливостью. Негативные переживания определяются нерешительностью и пассивностью другого. Возможности своего личностного роста данная группа рассматривает в единстве с наличием жизненных целей. Вектор личностного роста в партнёрах неразрывно связан с жизненной непредсказуемостью, спонтанностью. Вербализация транс в партнёрах коррелирует с такой характеристикой, как стихийность жизни.

У представителей с низкими значениями аутентичности была выявлена неспособность чувствовать себя хозяином собственной жизни и неудовлетворённость самореализацией. Было обнаружено снижение общего количества интересов и рост негативных переживаний по этому поводу. Готовность принять партнёра по общению непосредственно связана с такими характеристиками как энергичность и весёлость другого, в свою очередь, негативные переживания порождает такая оценка партнёра по общению, как нескромность.

Таким образом, аутентичность как психологический ресурс и как качество личности является залогом и условием нормального развития и психического благополучия человека.

Литература

1. Суднева О.Ю. (2006) Переживание неаутентичности в аутокоммуникации // Вестник Томского государственного университета: Общественно-научный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации, 2006. №91.
2. Суднева О.Ю. (2007) От переживания неаутентичности к неаутентичной коммуникации. Коммуникативное измерение в психологической антропологии: Коллективная монография. Под науч. ред. В.И. Кабрина.- Томск, 2007.
3. Эриксон Э. Детство и общество. / Пер. и научн. ред. А.А.Алексеева. – Спб.: Ленато: АСТ: Фонд «Университетская книга», 1996. - 590с.

Исследование влияния роли отца в пренатальном периоде развития ребёнка

Супруненко Я.В.⁴²

студентка

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, психологический факультет, Черкассы, Украина

E-mail: soncedara@meta.ua

Изучение феномена отцовства в научной среде осуществляется в нескольких направлениях: исследуется возникновение феномена отцовства и его историческое происхождение, рассматривается мотивация отцовства и её зависимость от возраста мужчины. Также исследуется роль супруга в пренатальном развитии ребёнка и в протекании беременности супруги, влияние отношения мужчины к беременности в целом на благополучие и развитие семьи (Александрова В. А., 2004), (Герасимова А., 2005), (Кертис Г., 2000), (Каган В. Е., 1990).

Цель нашего исследования – выявить психологические аспекты влияния роли отца в период внутриутробного развития ребёнка и факторы, которые определяют характер этого влияния.

В нашем исследовании мы исходили из того, что процесс формирования отцовства может носить как позитивный так негативный характер в зависимости от целого ряда факторов, которые напрямую влияют на эмоциональное состояние беременной женщины.

Для решения поставленной задачи были использованы методики, которые помогли составить целостную картину семейных взаимоотношений у каждой испытуемой во время беременности.

Мы использовали следующие методики:

- анкетирование для первичного сбора информации;
- методика определения согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре (Волкова А.Н.);
- шкала тревожности Тейлора.

Анализ результатов сводился к сравнению данных двух выборок испытуемых: семейные пары, мужья в которых проявляют активность и интерес к происходящим процессам в организме жены (группа А) и пары, мужья в которых не принимают активного участия в протекании беременности супруги (группа Б).

С помощью методики определения согласованности семейных ценностей Волкова А.Н., мы получили информацию (представления супругов) о значимости в семейной жизни 8 факторов. В процессе нашего исследования мы сосредоточили внимание на 3 шкалах: «Личностной общности мужа и жены», «Родительских обязанностей» и «Моральной и эмоциональной поддержки».

Сравнительный анализ исследования позволил выявить ряд различий по выделенным шкалам в группах А и Б. Интерпретация результатов по первой шкале группы А показала высокие баллы. Последнее означает, что оба партнера ощущают необходимость в общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций. В то время как результаты работы с группой Б были несколько иными: мужская часть испытуемых в своём большинстве (52%) – показала тенденцию к автономии, 48% - ситуативную потребность во внимании партнёра. Результаты работы с женской половиной продемонстрировали важность оговорённого аспекта (общности интересов) в семейной жизни.

Две последующие шкалы («Родительских обязанностей» и «Моральной и эмоциональной поддержки») имеют некоторые отличия. Они состоят из двух подшкал – «ожидания» и «притязания». «Ожидание» соответственно иллюстрирует выраженность установки супруга(и) на активную родительскую позицию брачного партнёра, «притязание» – отражает ориентацию мужа (жены) на выполнение собственных родительских обязанностей по воспитанию детей. Работа по шкале «Родительских обязанностей» показала расхождение по набранным результатам в группе Б и некоторые разногласия в группе А. Мужчины группы А в 85% случаев продемонстрировали готовность к отцовству и высокие показатели требований по этому признаку к своим брачным партнёрам. У 15% опрошенных мужчин показатели на среднем уровне (осознание отцовства уже есть, но не проявляется в действии).

Что касается мужчин группы Б, то в подшкале «ожидания» они получили высокие баллы, а по подшкале «притязания» более низкий показатель, что иллюстрирует несовпадение требований с собственными возможностями в родительской сфере.

Женщины обеих групп показали высокие результаты, что демонстрирует готовность к выполнению своих материнских обязанностей, но в то же время высокую требовательность к своим супругам.

Шкала, отражающая установку супруга(и) на значимость моральной и эмоциональной поддержки, показывает высокую потребность женщин обеих групп в поддержке брачного партнёра в вопросах семейного климата и лидерования в эмоционально сложных ситуациях, а также умение и готовность предоставлять свою поддержку в аналогичных ситуациях.

Относительно мужчин, то в группе А в большинстве своём они готовы поддерживать свою супругу, но также ожидают поддержки и с её стороны.

Брачные партнёры женщин группы Б продемонстрировали среднюю степень готовности к психологической поддержке своих супругов, но требования по отношению к их персоне тоже были на среднем уровне.

В ходе обработки данных по тревожности были выявлены следующие результаты:

- тревожность женщин группы А была на среднем уровне в 95%, у 5 % – на низком;
- тревожность женщин группы Б имела высокий показатель – в 97% опрошенных, и лишь в 3%- этот показатель был на среднем уровне.

Таким образом, можно предположить, что высокий уровень тревожности объясняется как недостаточной поддержкой женщин супругами во время беременности, так и некоторым несовпадением ценностей в семейном кругу, что повышает риск возникновения эмоционально тяжёлых ситуаций, крайне нежелательных для беременных.

Анкетирование, предшествующее работе, дало возможность очертить спектр факторов, которые создают эмоциональный дискомфорт, а вместе с ним и тревогу и напряжение. Среди них наиболее часто встречаются такие: неприятие поведения жены из-за отсутствия теоретических знаний о процессах, которые происходят в организме женщины во время вынашивания ребёнка и следующая за этим агрессивность, раздражительность; отсутствие или незначительная помощь мужа в бытовых делах, которые стали тяжело выполнимыми для женщины и другие.

Таким образом, роль отца в протекании беременности очень важна как для будущей мамы, так и для ребенка, благополучие которого во многих аспектах зависит от её состояния в период вынашивания. Поэтому, чем раньше молодой отец осознает своё влияние на процесс развития будущего ребёнка, тем здоровее и крепче будет его ребёнок.

Литература

1. Александрова В. А. Здоровье вашего ребенка: новейший справочник. – СПб.: Сова, 2004. – С. 37-39.
2. Герасимова А. Путеводитель по раннему развитию. – СПб.: Нева, 2005. – С. 24-26.
3. Кертис Г. Все о беременности в вопросах и ответах. – М.: Эксмо, 2000. – С. 213-219.
4. Каган В. Е. Семья, дитя, врач. – Таллинн: Валгус. – 1990. – С. 33- 35.

Взаимоотношения в диаде «отец-ребенок» как факторы установления романтических отношений в юношеском возрасте.

Терентьева Е.А.⁴²

Студентка 5 курса

Костромской Государственный Университет имени Н.А. Некрасова,

Институт педагогики и психологии, г. Кострома, Россия

E-mail: pelenchik-band@mail.ru

Для ребенка на каждом этапе его развития первостепенное значение играет семья. Родители помогают ребенку в адаптации в окружающем мире, они на собственном примере показывают ребенку возможные варианты взаимодействия с окружающими людьми, с членами семьи, с представителями противоположного пола. Традиционно в психологической литературе наибольшее значение в данном контексте отводится роли матери как первому объекту привязанности для ребенка, как человеку, который наиболее близок ему как в физическом, так и психологическом плане. Однако, необходимо отметить, что в последние годы все чаще исследователи отмечают и значительную роль отцов в развитии детей, особенно в формировании их полоролевой и гендерной идентичностей, что является ведущей предпосылкой в установлении ребенком гармоничных отношений с людьми противоположного пола.

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью изучения взаимосвязей особенностей взаимоотношений в диаде «отец-ребенок» и спецификой складывающихся романтических отношений юношей и девушек.

Для проведения исследования были использованы следующие методы сбора эмпирической информации:

1. Опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (Марковская И.М.), 1999;
2. MIMARA (Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых), авторы К.А. Brennan и Р. R. Shaver, 1995 (переведена и апробирована Т.Л.Крюковой, О.А.Екимчик, 2006);
3. Attitudes About Love and Sex (“Colors of Love”), С. Hendrick и S. Hendrick, 1984 (методика «Цвета любви», переведена и апробирована Т.Л.Крюковой, О.А.Екимчик, 2005).

Базу исследования составили 100 человек, которые были разделены нами на 2 группы:

- 1) 25 отцов, в возрасте от 42 до 48 лет, и 25 их сыновей в возрасте от 18 до 22 лет,
- 2) 25 отцов, в возрасте от 41 до 52 лет, и 25 их дочерей в возрасте от 19 до 22 лет.

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить следующие результаты.

Было выявлено, что как для юношей, так и для девушек в особенностях романтической привязанности наиболее ярко выражено стремление к эмоционально близким отношениям с партнерами (наиболее выраженными шкалами оказались *стремление к сближению* и *ревность*). Кроме того, юноши и девушки в большей степени склонны к выбору таких стилей любви как эрос и агапэ, что свидетельствует о доминировании эротического компонента в романтических отношениях и готовности к самоотдаче, пожертвованию своими интересами ради любимого человека.

Анализ взаимоотношений отцов и их детей юношеского возраста позволил сделать вывод о том, что данные отношения можно характеризовать как благополучные, основанные на взаимоуважении и поддержке друг друга. Была отмечена удовлетворенность отношениями с отцами у юношей и девушек. Отношения юношей с отцами можно характеризовать как партнерские, в которых у каждого есть собственная автономность. У девушек с отцами дружеские отношения, в которых присутствует ярко выраженное взаимоуважение. (У юношей и у их отцов были выявлены следующие доминирующие шкалы – удовлетворенность взаимоотношениями, сотрудничество, у девушек и их отцов – удовлетворенность взаимоотношениями, авторитетность отцов в глазах дочерей)

Согласно основной цели нашего исследования мы обнаружили значимые взаимосвязи особенностей взаимоотношений в диаде «отец-ребенок» с особенностями романтической привязанности и выбором определенного стиля любви у их детей – юношей и девушек. Так, оказалось, что *мягкость* отцов по отношению к сыновьям положительно связано со *стремлением к сближению* с романтическим партнером у

юношей ($R=0,42$ при $p=0,03$). Кроме того, отрицательные связи были обнаружены между таким стилем любви как мания, выбираемыми юношами в романтических отношениях, и такими характеристиками отношения отцов к сыновьям как *близость* ($R= -0,49$ при $p=0,01$), *принятие* ($R= -0,6$ при $p=0,001$), *сотрудничество* ($R= -0,5$ при $p=0,006$) и *последовательность* ($R= -0,6$ при $p=0,002$). Следовательно, для юношей особенности взаимоотношений с отцами выступают как модели взаимных отношений, которые молодые люди переносят в отношения с романтическими партнерами, с девушками. Также было обнаружено, что *стремление к сближению* с романтическим партнером у девушек отрицательно связано с *мягким* отношением отцов к дочерям ($R= -0,57$ при $p=0,002$), а кроме того была обнаружена положительная связь между *эмоциональной близостью* отцов с дочерьми и выбором девушками такого стиля любви как *эрос* ($R=0,46$ при $p=0,02$), и обнаружено существование отрицательной связи между *мягкостью* отцов по отношению к дочерям и выбором ими стиля любви *аганэ* ($R= -0,57$ при $p=0,003$). Следовательно, мы можем говорить о том, что для девушек взаимоотношения с отцом являются первоначальной ступенью при формировании привязанности к романтическому партнеру и первым опытом общения с противоположным полом. Качественные характеристики данных взаимоотношений во многом определяют отношения девушек к своим романтическим партнерам, а также к самим себе как к женщинам.

Проанализировав все полученные результаты, мы обнаружили, что отцы оказывают различное влияние на юношей и на девушек. Кроме того, нами было выявлено, что юноши и девушки ориентированы на установление продолжительных и эмоционально близких романтических отношений с партнерами. И здесь при формировании гармоничных романтических отношений, важная роль отводится взаимоотношениям юношей и девушек со своими отцами.

Литература:

1. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. – 2006 - №3.
2. Екимчик О.А. Изучение романтической любви и ее исходов: квалиф. работа/ науч. рук. Крюкова Т.Л. – Кострома, 2006.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М.: Гардарики, 2005 – 320.
4. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1982 – 207.
5. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В.. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – Кострома: РЦОИ «Эксперт – ЕГЭ», 2004.
6. Марковская И.М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная психотерапия. – 1999.
7. Психология родительства. Подходы, проблемы, методы исследования/ под ред. Е.В.Куфтяк. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А.Некрасова, 2006.

Гендерные особенности взаимосвязи мотивации достижения и социального поведения детей младшего школьного возраста

Трофименко Г.С.

Студентка

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева,
факультет начальных классов, Красноярск, Россия

E-mail: trofi08.87@mail.ru

Поиск путей повышения эффективности и качества человеческой деятельности остаётся актуальной проблемой для ученых-исследователей и на сегодняшний день. Общество нуждается в людях профессионально подготовленных, выполняющих свою

работу на высоком уровне, имеющих стремление повысить этот уровень, работать более эффективно и качественно. Человеку, если он хочет активно участвовать в жизни общества, реализовать себя как личность, необходимо быть энергичным, уверенным, целеустремлённым, проявлять творческую активность, обнаруживать и развивать индивидуальные способности, постоянно учиться и самосовершенствоваться. Психологами установлено, что успешность деятельности зависит, прежде всего, от отношения к ней субъекта, от особенностей его мотивационной сферы (Бодалёв А.А., Х.Хекхаузен) В связи с этим в последнее время всё большее внимание уделяется исследованию характера мотивационной сферы личности, в частности – преобладанию мотива достижения успехов как одного из условий, определяющее творческое, инициативное отношение человека к делу и влияющее как на характер, так и на качество выполнения труда.

Проблема мотивации достижения неоднократно освещалась в психологической литературе. Существует множество подходов к объяснению понятия мотива достижения. Мотив или потребность в достижении определяется как стремление проявить возможно более высокую степень собственных способностей и усилий [Д. Миклелланд, 1971]; как способность переживать гордость за собственное трудолюбие [Дж. Атkinson]; как стремление сделать что-то быстро, хорошо, на высоком уровне качества [М.В.Матюхина, 1987.]; как установка в смысле Д.Н.Узнадзе; как функциональная система интегрированных воедино аффективных и когнитивных процессов [М.Ш.Магомед-Эминов, 1987]». В нашей работе мы основываемся на понимании мотивации достижения предлагаемом И.Р. Алтуниной, которая понимает под мотивацией достижения устойчивый мотив социального поведения, проявляющийся в выраженном стремлении человека добиваться успехов в ситуациях, где есть некоторый стандарт достижений, особенно в таких, которые предполагают соревнование человека с другими людьми. [2, с. 59]

Опираясь на мнение И.Р. Алтуниной, мы считаем, что основные предпосылки к формированию мотивов и мотивации достижения успехов и избегания неудач складываются в дошкольном возрасте, а в младшем школьном возрасте они закрепляются как в реальных (учебных) достижениях ребёнка, так и в его сознании, чётко дифференцирующем все основные составляющие мотивации достижения успехов [2, с.46]. В этот период начинают складываться представления о собственных возможностях, формируются компенсаторные схемы относительно усилий и способностей, тип атрибуции, оказывающие влияние на развитие мотивации достижения. Кроме того, данный возраст характеризуется с точки зрения Э. Эриксона кризисом образования трудолюбия или чувства неполноценности и, как следствие положительного разрешения конфликта возникает чувство компетентности.

Целью нашего исследования является выявление взаимосвязи мотивации достижения и социального поведения детей младшего школьного возраста. Исследование проводилось на базе МОУ СОШ №7 г. Красноярск, в нем приняли участие 75 детей в возрасте 9-11 лет. Для изучения проблемы мы пользовались следующим психодиагностическим инструментарием: МД-решетка Шмальта, Личностный многофакторный опросник Кеттелла (детский вариант), «Незаконченные предложения» Ж. Нюттена, «Хен-тест» (по Б. Бриклен, З. Пиатровски, Э. Вагнеру). Обработка результатов проводилась с использованием методов математической статистики. Для установления тесноты связи между параметрами использовался метод линейной корреляции по Пирсону.

Анализируя полученные данные, мы получили следующие выводы:

Более высокие показатели по шкале «надежда на успех» проявляются у мальчиков. Такие дети пытаются вести себя в обществе директивно, имеют установку превосходства над другими людьми, но в то же время легко подчиняются, зависимы от взрослых и сверстников, что говорит о том, что в данный период у детей начинает формироваться

иерархическая установка поведения в обществе. Девочки с высокой надеждой на успех являются более осторожными, рассудительными, благоразумными и серьёзными, они менее зависимы, что говорит о развитии по маскулинному типу и представляет интерес для дальнейшего исследования.

Мальчики с развитой боязнью личных неудач являются менее социально-смелыми, робкими, застенчивыми, у них отсутствует мотивация самообразования, что не только дезорганизует деятельность, но может привести к комплексу неполноценности в связи с отсутствием понимания причин личных неудач и перспектив личностного роста. Девочки с высоким уровнем развития боязни личных неудач неустойчивы в настроении, нетерпеливы, тревожные и напряженные. Эмоциональная нестабильность у девочек сказывается не только на эффективности их деятельности, но и взаимодействии в обществе с окружающими людьми. Для мальчиков и девочек с высоким уровнем боязни личных неудач характерна низкая степень развития интеллектуальных способностей, что даёт возможность говорить о том, что развитие мотивации достижения напрямую связано с формированием интеллектуальных функций человека.

Боязнь социальных последствий неудач у мальчиков связана с социальной изоляцией – такие дети не стремятся заводить друзей, поддерживать дружеские и приятельские отношения, не ценят дружбу и не испытывают радости от установления контактов, в то время как девочки с высоким уровнем боязни социальных последствий неудач склонны к самоутверждению, противопоставлению себя как детям, так и взрослым.

Таким образом, проведённое нами исследование, позволяет сделать вывод о том, что на этапе младшего школьного возраста необходимо проводить психокоррекционную работу по формированию мотивации достижения с учетом гендерных особенностей взаимосвязи мотивации достижения и социального поведения.

Литература

1. Алтунина И.Р. Возрастные особенности структуры мотивации социального поведения детей/Мир психологии, 2005, №2, с. 240-254.
2. Алтунина И. Р. Мотивы и мотивация социального поведения детей. (Формирование и развитие). Учеб.пособие. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2006. – 144 с.
3. Божович Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. - М., 1972.
4. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд.-СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003 г. – 860 с.

Доверие к инновациям как установка на изменение темпоральных характеристик образа жизни.

Устинов Д.Ю.

Студент психологического факультета

Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: grifon_u@rambler.ru

Готовы ли мы доверять? –Доверять новому. В приведенной работе мы даем один из ответов на этот вопрос, рассматривая «время» и «доверие» как системные качества культуры, усвоение которых и представляет собой одну из сторон культурного развития личности,- результатом же этого развития и оказывается готовность к инновационному поведению. Культурную форму связывающую всю эту систему что М.М. Бахтин называет «шаблонизированной формой» которая выступает в качестве «общепонятного застывшего мировоззрения служащего мостом к новому, еще неизвестному содержанию»[к метод гуман наук]. Но это у Бахтина, - постиндустриальное общество интерпретирует «неизвестное содержание» чаще всего как «инновацию». Как подчеркивает Борис Гройс:

«Акт инновации состоит в самой общей форме в том, что можно назвать инновативным обменом между сферой ценного и неценного, так что неценное становится ценным, а ценное — неценным»[Гройс инноац как втор].. В данной работе мы хотели бы рассмотреть доверие как некоторый базовый ресурс, содержащийся в обществе, а точнее в культуре и усваиваемый индивидом в процессе социализации. Причем нам кажется, что инновация это всегда изменение темпоральных характеристик образа жизни, - всегда новый специфический способ использования времени,- дело тут не только в том, что мы можем делать что-то быстрее, мы можем делать также что-то по другому или вообще делать что-то совсем другое. Зачастую образ жизни подчинен тому, что называется «социальным временем», которое, по-нашему мнению, правильнее было бы назвать «индустриальным» или даже «фабричным», - такой образ жизни можно сравнить с нитью вплетенной в канат жизнедеятельности общества, или с колеблющейся на социальной синусоиде точкой, причем синусоида и является как раз тем самым социальным временем. Наилучшим устройством для такого мира представляется процесс полной синхронизации отдельных времен его граждан, - «создание нормативной темпоральной картины мира» [Рябцева Н.К. цит по Нестик Т.А.]. Информационному обществу помогла стать информационным, как нам кажется, именно высокая степень концентрации доверия в культуре, - оно то, доверие, как раз и является тем необходимым квантом энергии, который позволяет точке совершить скачок с основной синусоиды на альтернативные(а возможно и создать свою), - т.е. изменить частоту и амплитуду собственных колебаний, - по-новому распорядиться временем. И этот скачок ознаменовывает подлинное завершение инновативного обмена, т.е. такую перемену образа жизни, которая характеризовалась бы образованием доверия к продукту, то есть переходу от простой его переработки к его со-творению, к «конструированию различных социальных миров»[Асмолов] В самом общем виде можно говорить, по всей видимости, о наличии двух типов теорий времени, - реляционных и субстанциональных, - реляционные мыслят в терминах отношений(до, после, вовремя) и приписывают времени основное физическое свойство – длительность, субстанциональные – в терминах энергии и материи, а потому могут приписывать времени, например, такое физической свойство, как плотность. Начнем мы как это не странно с теории Ньютона, с его абсолютного и относительного времени. Вспоминая, что Ньютон был глубоко религиозным философом и обращаясь к его трактовке абсолютного: «Ньютон считает, что для проверки, для различения в общем виде абсолютного и относительного движения нужно приложить к телу силу. Если положение только этого данного тела среди других изменилось, значит, его движение – абсолютно. Соответственно, если только данное тело при применении силы осталось в покое, не изменилось, то перед нами абсолютный покой. И это – тела со своими внутренними свойствами. Но если примененная данная сила подействовала одинаково и на все остальные тела, значит, их движение – относительно. И это – точки без внутренних свойств», - Аксенов подчеркивает, что не в коем случае невозможно исключить теологический компонент из теории Ньютона,- Бог вот причина существования точек пребывающих в абсолютных состояниях.[Аксенов Г.П.] Проводя аналогии с теорией биологического времени Вернадского, основным положением которой является необратимость биологического времени в противоположность к обратимости явлений неживой косной материи, Аксенов подчеркивает, что живые тела можно охарактеризовать как тела, характеризующиеся абсолютным движением ведь, они сами, а не какие-то там внешние силы являются его инициатором. Для нашего анализа инноваций как изменения темпоральных характеристик образа жизни важным оказывается то, что точки, существующие в абсолютном времени, Аксенов называет точками с «собственным поведением». Ньютонская теория времени также в отличие от эйнштейновской постулирует принципиальную важность выбора определенной точки отчета, - эта идея представляется нам очень важной для понимания феномена «собственного» или (мы

считаем, что в данном контексте эти определения синонимичны) «инновационного» поведения,- так человек, часто имеющий собственную уникальную точку отсчета, продолжает двигаться в общей, фабричной системе координат, - (с соответствующей альтернативной стоимостью своей деятельности), в такой-то ситуации и возникает быстрее всего доверие к инновации, ведь такой человек по сути представляет собой систему с избыточной энергией. Следующей теорией, которой мы хотели бы коснуться, является субстанциональная теория времени Козырева, в самом общем виде ее можно свести к следующему положению, - время является некоторой энергией, которая необходима для упорядочивания структуры тела, - при увеличении энтропии время выделяется, при уменьшении поглощается. Время, понимаемое субстанционально, время как ресурс, накопленный в культуре, может позволить по-новому осмыслить гуманитарные дисциплины. Время как и доверие, таким образом, сперва накапливается индивидом в процессе социализации, служит для упорядочивания его когнитивных схем, его системы отношения с миром, а затем растрачивается на упорядочивание окружающей среды и более того на ее творчество, - человек не приспосабливается больше к своей среде обитания он формирует свой уникальный мир. Почему именно сегодня мы вынуждены говорить о времени доверия к инновациям (да, да именно вынуждены и никак иначе), - дело в том что из состояния кризиса общество выходит обычно двумя способами либо войной (надеемся, что два предыдущих опыта закроют для нас подобную альтернативу) либо с новыми технологиями(которым, хочешь - не хочешь, приходится или доверять или доверяться, причем первая перспектива представляется несколько более радужной). Как уже подчеркивалось выше, доверие и время, можно трактовать как системные качества культуры, которыми и овладевает индивид в процессе становления его как личности, - остается лишь только попытаться ответить на вопрос как именно он это делает, или вернее что же является катализатором этого процесса. В будущем планируется разработка методик для изучения вышеприведенного аспекта культурного развития личности.

Литература.

- 1.Аксенов Г.П. «От абсолютного времени и пространства Ньютона к биологическому времени и пространству Вернадского» Доклад в рамках семинара “Изучение феномена времени”. МГУ. 14 ноября 2000 г.
2. Асмолов А.Г. Психология личности. М. 2007.
- 3.Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук.
- 4.Гройс Б. Инновация как вторичная обработка // «Мысль изреченная...»: Сб. науч. ст. М., 1991. С.132
- 5.Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени//Логический анализ языка: Язык и время. М.,1997. С. 78-95, 83.

Противоречивость ценностной системы как характеристика юношеского возраста

Хачатрян М.А.

студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
психологии, Москва, Россия
xamarat@gmail.com*

В работе рассматривается формирующаяся система ценностей подростка на фоне развития его самосознания. Данная тема рассматривалась неоднократно, однако большей частью – описательно и на примере школьных классов. В данном исследовании мы не будем отходить от рассмотрения контактных групп как основного источника развития ценностной системы этого возраста, но ограничиваться академическими группами не будем. Кроме того, концептуальные основания работы соединяют в себе теорию

универсального содержания и структуры ценностей Шалом Шварца [2] и теорию личностных конструкторов Джорджа Келли [3].

Итак, проблемой исследования является неоднозначный путь, который вынужден пройти любой подросток для того, чтобы сформировать устойчивую и однозначную систему ценностей. Дело в том, что общество наших дней предлагает очевидный плюрализм разнообразных вариантов развития: огромный выбор профессий и учебных заведений, увлечений, различных хобби и пр. Отдельно стоит отметить приоритет потребительской активности: СМИ переполнены рекламой всевозможной продукции. Такое разнообразие кажется абсолютным преимуществом лишь на первый взгляд: за каждым предложением стоит определённая позиция, ценность. Профессия экономиста ассоциируется с престижностью, успехом, тогда как врача – с заботой о других, широтой души и т.п. Столкновение ценностей коллективизма и индивидуализма характерно для нашей страны в частности и для мира в целом: глобализация приводит к смешению взглядов и ставит людей в ситуацию полнейшей неопределённости. Действительно, межкультурные трансформации совершенно меняют ход социализации человека: если традиционное общество само вовлекало человека в культурную практику, то современное – напротив, ставит человека перед проблемой выбора и постоянной адаптации [5].

В связи с этим, вполне естественно предположение о том, что человеку, воспринимающему все подчас противоречащие друг другу предложения общества, становится сложно сделать сознательный выбор в пользу той или иной ценности. Для индивида, который не видит этого многообразия предложений (либо не определяет репрезентируемые ими ценности), такого вопроса не возникает. Таким образом, мы переходим к концептуальному аппарату теории личностных конструкторов Дж. Келли и определяем значимую характеристику конструктивной системы, а именно её дифференцированность (если говорить о когнитивном стиле, то речь о когнитивной сложности индивида).

При определённой близости понятий «конструкт» и «ценностная ориентация» (проведены соотнесения смысловых образований и конструкторов, определяющих категориальный аппарат личности [1]) гипотезой исследования стала не прямая зависимость противоречивости ценностной структуры от когнитивной сложности, а параболическая – образующая своего рода оптимум: при средней когнитивной сложности система ценностей наиболее упорядочена.

Проводится соотнесение личной системы ценностей не только в широкой культурной рамке, но и в более узкой – с ценностями наиболее значимых групп. Наиболее интересны случаи несовпадения ценностей различных групп, что, по сути, является моделью описанной общественной ситуации. С помощью метода срезов оказалось возможным наблюдать становление ценностной системы, что позволяет сделать предположение о возможностях благополучного формирования ценностной системы при различных когнитивных стилях при переходе от подросткового и юношеского возраста к взрослому этапу жизни.

В предварительном исследовании отдельно рассматривался процесс ценностного обмена внутри групп (в первую очередь академических) и связь этого процесса с межличностными отношениями. Кратко отметим, что значимых связей между личными и групповыми ценностями обнаружено достаточно мало, но их число возрастает при положительных отношениях и референтности группы. Кроме того, можно выделить специфическую обратную связь – своего рода реактивное образование: при отрицательных отношениях усваиваются противоположные ценности.

Использованные методики: методика Шварца для изучения ценностей личности, «11 слов» (адаптация Шмелёва [4]), методика диагностики межличностных отношений Лири, опросник на референтность группы.

В качестве перспективы исследований в данной области можно назвать разработку методов воздействия в сфере ценностей – точнее, поиск необходимых условий для формирования непротиворечивой системы ценностей (нами планируется разработка специфического тренинга в данной области). Отдельно стоит отметить о теоретической разработке и разведении таких понятий как «противоречивость ценностной системы» и «ценностный конфликт».

Литература

1. Долганов Д.Н. Система личностных конструкторов как компонент системы субъективного опыта // Социальные и гуманитарные науки на дальнем востоке, 2006, №1 с. 33-41.
2. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. Речь: 2004.
3. Келли, Дж. Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб.: 2000.
4. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику, М: 1983, стр. 137-141
5. Стефаненко Т. Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире. Аспект-пресс: 2002. Глава 2.
6. Тихомандрицкая О.А., Дубовская Е.М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. 1999. № 3 с.80-90.

Исследование связи эмпатии подростков и их матерей при разных типах родительского отношения

Хонина А. А.

Аспирантка

*Московский городской психолого-педагогический университет, факультет
психологического консультирования, Москва, Россия*

E-mail: ahonina@mail.ru

Значительные социальные изменения, влияние средств массовой информации, несущее разрушающее воздействие на формирование духовно-нравственной сферы личности, привели к тому, что отношения между людьми, в том числе между родителями и детьми, характеризуются эгоизмом, отсутствием взаимопонимания, неспособностью эмоционально отзываться на переживания человека.

На наш взгляд, все эти процессы связаны с низким уровнем развития эмпатии у родителей, который невольно передается собственным детям. Теоретический анализ психологической литературы показал, что проблема эмпатии является одной из фундаментальных и противоречивых проблем в психологии. Особенно неизученной и неоднозначной остаётся проблема взаимосвязи эмпатии детей и родителей, её формирование в семье в зависимости от специфики детско-родительских отношений, и от родительского отношения к ребёнку в частности.

Данная работа была направлена на изучение связи эмпатии у подростков и их матерей при разных типах родительского отношения. Объектом эмпирического исследования выступили 75 подростков в возрасте 12-14 лет и 75 матерей этих же подростков. Гипотезой исследования стало предположение о том, что при разных типах родительского отношения будет наблюдаться линейная связь между эмпатией у подростков и их матерей, а именно: в семьях с гармоничным типом родительского отношения к ребёнку предполагается высокий уровень развития эмпатии и у матери, и у подростка; в семьях с дисгармоничным типом отношения – низкий уровень развития эмпатии и у матери, и у ребёнка.

В исследовании использовались следующие методики: 1) методика определения уровня эмпатии А. Меграбиана и Н. Эпштейна в адаптации Ю.А. Менджеричкой ("шкала эмоционального отклика"); 2) тест-опросник родительского отношения к детям А.Я. Варги и В.В. Столина.

В результате проведенного нами исследования были выявлены следующие показатели эмпатии. Большинство матерей обладают средним уровнем развития эмпатии, в то время как большинство подростков – низким и средним с тенденцией к низкому. Объяснением того, что у подростков показатели эмпатии оказались ниже, чем у их матерей, является конструктивная функция эмоций матери в общении с ребенком. Наше предположение об этом подтверждает Г.Г. Филиппова, согласно которой, эмоциональная реакция матери на выражение ребёнком отрицательных эмоций состоит не в синхронизации с эмоциями ребенка, а в их устранении. Для этого матери необходимы сострадание, эмпатия, уверенность в себе, но никак не страх, боль или гнев, которые переживает сам ребенок (Синягина, 2001).

Нами не было выявлено испытуемых с высоким уровне развития эмпатии, что может свидетельствовать о недостаточно развитой эмоционально-нравственной сфере подростков и их матерей.

По выборке матерей были выявлены два типа родительского отношения: около трети матерей обладают гармоничным типом отношения к ребёнку и две трети – дисгармоничным. Типы родительского отношения были выявлены в результате факторного анализа показателей по шкалам опросника родительского отношения. В гармоничный тип родительского отношения вошли такие характеристики: эмоционально положительное отношение к ребенку, проявление интереса к его мыслям, чувствам, стремление ему помочь в трудной ситуации. Дисгармоничный тип отношения к ребенку характеризуется эмоциональным отвержением ребёнка, низкой кооперацией, высокой симбиотичностью с ребёнком. Такие матери испытывают чаще отрицательные чувства к нему, не признают его индивидуальность, часто ощущают тревогу за подростка.

Нами было выявлено, что эмпатия матерей тесно связана только с такой характеристикой родительского отношения, как эмоциональное принятие ребенка. Высокоэмпатичные матери проявляют теплые чувства к ребенку, стремятся проводить с ним как можно больше времени, одобряют его интересы и планы, относятся к нему как к полноценной личности.

Итак, наша гипотеза подтвердилась частично. Было установлено, что только при гармоничном типе родительского отношения выявляется линейная связь между эмпатией подростков и их матерей, а именно: чем выше уровень эмпатии у матери, тем выше уровень развития эмпатии у её ребенка. При дисгармоничном типе родительского отношения такой связи выявлено не было. С нашей точки зрения, это связано с проблемой нашего исследования, которая заключается в противоречии природы феномена эмпатии: с одной стороны, благоприятный эмоциональный фон в семье будет способствовать высокому уровню развития эмпатии ребёнка, а неблагоприятные отношения в семье – низкой эмпатии ребёнка, однако, с другой стороны, согласно исследователям, незначительное число дистрессирующих ситуаций, пережитых в детстве, положительно влияют на развитие эмпатии (Лабунская, 2001).

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что значимую роль в развитии эмпатии детей играет характер отношений в диаде мать-ребенок, что указывает на факт социальной природы эмпатии. Таким образом, проблема эмпатии подростков и их родителей очень интересна, сложна и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А. (2001) Психология затруднённого общения. М.: Академия.
2. Синягина Н.Ю. (2001) Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. М.: Владос.

Особенности духовно-нравственного развития детей в условиях психической депривации

Чернова А.А.

Преподаватель факультета психологи, кандидат психологических наук

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: anastasiya.chern@mail.ru

Проблема духовно-нравственного развития в настоящее время занимает важное место в системе научно-психологического и педагогического знания. Приоритетным направлением в образовании становится формирование духовно-нравственной культуры человека. Необходимо также затронуть проблему духовно-нравственного развития детей, воспитывающихся вне семьи и без семьи, то есть в детских домах. Так как специфические условия проживания сказываются на развитии детей, которое существенно отличается своеобразием психических функций, личностной, поведенческой, эмоционально-мотивационной сфер, коммуникативных навыков и умений.

Человек стремится не только к развитию, но и к духовному становлению. Духовное благополучие является одним из слагающих психического здоровья ребенка. Духовность субъекта можно понять только в контексте культуры и мироздания, так как духовная сфера жизни человека включает в себя бесконечное разнообразие его отношений с другими людьми, попытки осознания своего места и роли в мире (Знаков, 2005). Развитие личности ребенка происходит в процессе усвоения им социального опыта. Этот опыт существует в виде некоторых образцов, эталонов, в которых воплощены продукты созидательной деятельности человека во всех областях культуры. Освоение ребенком этих социальных норм, принципов жизнедеятельности довольно сложное явление. Оно представляет собой единство и одновременно противоречие двух сторон: социализации и индивидуализации. Социализация выступает как присвоение ребенком определенных ценностей, норм и правил человеческого бытия, а индивидуализация как открытие, утверждение и формирование себя как субъекта (Фельдштейн, 2004). При организации системы воспитания стержневым моментом, с точки зрения Д.И. Фельдштейна, должно быть понимание того, что любая индивидуальность раскрывается не для себя и не в себе, а в оценке себя среди других, другими, как значимого для других. Поэтому и духовно-нравственное развитие должно происходить только при активном взаимодействии ребенка со значимыми взрослыми.

Особенно важно рассмотреть проблему духовно-нравственного воспитания детей и подростков в условиях депривации, в закрытых образовательных учреждениях, где не удовлетворяются даже базовые потребности ребенка. Многие дети, которые проживают в детских домах, имеют разный жизненный опыт, разный опыт доверительных отношений с взрослыми. Согласно полученным данным (Чернова, 2006) наблюдаются значимые различия в типах взросления подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях. Понятие взросление мы определяем как процесс вхождения индивида в социальный мир взрослых путем разрешения возрастных задач, поставленных перед ним обществом, который происходит при условии определенной меры выраженности доверительных отношений. Можно предположить, что у подростков из детского дома освоение определенных ценностей, нравственных, справедливых начал общественной жизни, моральных норм поведения в обществе характеризуется иррегулярностью. Если речь идет о развитии духовности как самореализации личности, то оно невозможно без свободы. Само духовное состояние личностной свободы возникает у человека при осознании им наличия внешних возможностей выбора и сформированной внутренней готовности осуществлять его. Для этого необходимы определенные возрастные, личностные и социальные возможности человека. Именно в подростковом возрасте начинают формироваться элементы теоретического мышления, оно становится

рефлексивным, происходит становление нового уровня самосознания, но одно из главных моментов то, что образуется относительно устойчивое внутриличностное новообразование – доверие к себе. Нами было выявлено, что существуют значимые различия между подростками, воспитывающимися в семье, вне семьи и без семьи, как в формировании доверия к себе, к другим людям, так и по другим показателям (Чернова, 2006). Но именно доверие является системообразующим фактором. Уровень выраженности доверительных отношений взаимосвязан с личностными, когнитивными и поведенческими особенностями подростков. Поэтому мы склонны считать, что важным аспектом развития духовности также является оптимальная мера доверия к себе и к миру в целом.

Рассуждая о духовно-нравственном воспитании, можно сказать, что речь идет о формировании определенного духовно-нравственного отношения к миру посредством освоения ключевых понятий культурологического мышления и моделей нравственного поведения при активном взаимодействии со значимым взрослым, на основе выстроенной системы доверительных отношений. Доверие выступает главным побудителем нравственного поведения и регулятором нравственных отношений (Скрипкина, 2000). Именно в процессе освоения ребенком социальных норм, ценностей, принципов жизнедеятельности доверие является одним из механизмов, способов, интегрирующих внешнее и внутреннее, делая их соотносительными друг другу в субъективном мире ребенка. Таким образом, с нашей точки зрения, духовно-нравственное развитие у детей, воспитывающихся вне семьи и без семьи, затруднено, так как недостаточно сформированы формально-динамические признаки доверия, вследствие депривации доверительных отношений со значимыми взрослыми.

Литература

1. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 448с. ISBN 5-9270-0078-9
2. Скрипкина Т.П. Психология доверия: Учеб.пособие для студ.высш.пед.учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 264с. ISBN 5-7695-0647-4
3. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды/Д.И. Фельдштейн. – 2-е изд. – М.: Московский психолого-педагогический институт: Флинта, 2004. – 672с. ISBN 5-89502-096-8
4. Чернова А.А. Особенности взросления подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях: Автореф. дис...канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2006.

Эмоциональные нарушения подростков, обучающихся в школе-интернате.

Шарипова О.С., Смирнова В.В.

студент

старший преподаватель

Великолукская государственная академия физической культуры и спорта, социально-гуманитарный факультет, г. Великие Луки, Россия

E-mail- olesysharipova@yandex.ru

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения глобальность и актуальность проблемы сиротства в России. Еще по данным 2002 года в нашей стране количество детей-сирот составляло 683.700. Безнадзорных детей в России по разным подсчетам от 300 тыс. до 1,5 мл. человек. И со временем эти цифры только растут.

Традиционно считается, что интернат представляет собой депривированное пространство, так как имеет целый ряд ограничений жизнедеятельности воспитанников.

Жизнь в таком учреждении предполагает частое нарушение границ психологического пространства детей со стороны воспитанников и сотрудников. Исследования показывают, что лишение детей материнской заботы с последующей психической депривацией в сиротских учреждениях, катастрофически сказывается на их социальном, психическом и физическом здоровье.

Данные учреждения находятся в изолированности и отстраненности от реальной жизни. Организация жизни детей в детском доме и интернате является далекой от той модели, которой живёт большинство людей: она не даёт опыта построения отношений в семье, тем более далека от модели организации самостоятельной индивидуальной жизни. Жизнь по группам-классам, коллективное содержание и общение, отсутствие выбора в еде, играх, общении, не способствует формированию самостоятельности и ответственности за свою жизнь, поступки, будущее.

Большинству брошенных детей не хватает личного внимания и эмоционального стимулирования необходимого для развития. У таких детей происходят тяжелые повреждения личности, самосознания и интеллектуального развития. Этот травмирующий комплекс сохраняется у ребенка на всю жизнь.

Все выше сказанное, говорит о насущности, масштабности и социальной значимости проблемы сиротства в современной России. Поэтому целью нашей работы было способствовать развитию эмоционально-волевых проявлений у подростков, обучающихся в школе-интернате.

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что у детей, обучающихся в школе-интернате и лишенных родительского попечительства имеются следующие нарушения в развитии эмоциональной сферы: повышенный уровень тревожности и ощущения одиночества, наличие депрессивных состояний, агрессивности и враждебности. В связи с этим необходимо проведение специальной психолого-педагогической работы по коррекции данных нарушений.

В исследовании приняло участие 20 подростков в возрасте 13-15 лет. Исследование проходило на базе школы-интерната №1 для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей г. Великие Луки.

В качестве психодиагностического инструментария использовались следующие методики: методика диагностики показателей и форм агрессии А.Баса и А. Дарки, методика диагностики психических состояний (по Г. Айзенку), методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, методика выявления уровня тревожности (модификация О. Кондаша), методика диагностики депрессивных состояний Зунге.

Изучение особенностей агрессивного поведения показало, что и в контрольной и в экспериментальной группах 10% испытуемых имели результат выше нормы по шкале агрессия и 60% имели показатель выше нормы по шкале враждебности.

Результаты применения методики на диагностику психических состояний позволяют говорить о том, что большинство воспитанников по всем шкалам имеют средние показатели. Имеются высокие значения по следующим критериям: 30% испытуемых имеют показатель выше нормы по шкале ригидности, 20% показатель выше нормы по шкале агрессивности.

В ходе применения методики на диагностику уровня субъективного ощущения одиночества было выявлено, что средняя степень субъективного ощущения одиночества присутствует в структуре личности у 80% опрошенных.

Изучение уровня тревожности показало наличие высоких результатов у 50% испытуемых.

Следовательно, в ходе исследования мы выявили следующие нарушения в эмоциональной сфере подростков, обучающихся в интернате: повышенный уровень тревожности, агрессивности, наличие средней степени ощущения одиночества.

Полученные данные позволили определить основные направления и мишени коррекционной работы.

Был разработан и проведён коррекционно-развивающий комплекс занятий по развитию эмоционально-волевых проявлений у подростков из интерната. Данный комплекс включал в себя 25 занятий по 45 минут и проводился 2 раза в неделю в течение 3 месяцев.

После проведенной коррекционной работы были получены следующие результаты: по методике выявления агрессии: в экспериментальной группе 100% испытуемых имеют уровень агрессии в норме, тогда как в контрольной 10% опрошенных имеют уровень агрессии выше нормы. Лишь 10% испытуемых экспериментальной группы имеют показатель выше нормы по шкале враждебности, тогда, как в контрольной группе 40% имеют показатель выше нормы по той же шкале.

Результаты применения методики на диагностику психических состояний выявили следующие результаты: в экспериментальной группе заметно снизились показатели по шкале ригидности и агрессивности. Высоких показателей по данным шкалам выявлено не было, в основном испытуемые имеют показатели, находящиеся в пределах нормы и средне допустимые.

Результаты применения методики на диагностику субъективного ощущения одиночества позволяют говорить о том, что у 90% испытуемых экспериментальной группы уровень одиночества находится в норме и лишь 10 % испытуемых той же группы имеют средний уровень одиночества. В контрольной же группе 40% опрошенных имеют уровень одиночества в норме и 60% средний уровень одиночества.

По методике выявления уровня тревожности показатель выше нормы присутствует лишь у 10% испытуемых экспериментальной группы, остальной процент испытуемых продемонстрировали уровень тревожности, находящийся в норме. В контрольной группе 30% испытуемых имеют показатель тревожности выше нормы и 70% в норме.

Наличия депрессии по методике выявления депрессивных состояний в экспериментальной группе выявлено не было. В контрольной же группе у 20% опрошенных имеется легкая депрессия ситуационного характера.

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о том, что специально проведенная коррекционно-развивающая работа способствует снижению эмоциональных нарушений у детей-сирот.

Литература

1. Реан А.А., Прокофьева В.А. Социальное сиротство в современной России. Аналитический доклад.- М.: Юрист,2002.-306 с.
2. Выявление и устройство детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, в 2001 г. Аналитическая справка//Вестник образования России.-2002.-№6.-с. 8-1
3. Прихожан А.И. Дети без семьи / А.И. Прихожан, И.И. Толстых. - М.: Педагогика, 1990. – 76 с.

Эмпатические способности: различия между юношами и девушками

Шелест В.И.

Студентка магистратуры

*Российский государственный социальный университет, факультет психологии,
социальной медицины и реабилитационных технологий, Москва, Россия*

E-mail: chebella.psy@gmail.com

Принятие и понимание эмоций у себя и партнёров как важного элемента человеческой жизни обеспечивает более успешное межличностное взаимодействие и является важным компонентом психологического здоровья. Этому во многом способствует эмпатия – способность человека к параллельному переживанию тех эмоций, которые возникают у другого человека в процессе общения с ним. Для исследования эмпатических

способностей у девушек (№22) и юношей (№21) 18-22 лет, были использованы: 1) Опросник EQ Н. Холла. 2) Фрагмент опросника формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова для диагностики эмоциональности. 3) Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

Важным показателем эмпатических способностей девушек является проникающая способность в эмпатии – коммуникативное свойство человека, обуславливающее открытость и доверительность в общении. Она связана с распознаванием чужих эмоций и общим уровнем эмпатии (0,524 и 0,459 при $p \leq 0,01$), а также с уровнем самомотивации (0,367 при $p \leq 0,05$).

Для выборки юношей важным показателем является управление эмоциями. Он имеет обратную связь коммуникативной эмоциональностью (-0,580, $p \leq 0,01$), общим показателем эмоциональности и психомоторной эмоциональностью (-0,368 и 0,328 соответственно, $p \leq 0,05$). Собственно эмпатия связана с проникающей способностью в эмпатии (0,415, $p \leq 0,01$), эмоциональным каналом эмпатии (0,378, $p \leq 0,05$), идентификацией в эмпатии (0,538, $p \leq 0,01$) и общим показателем эмпатии (0,477, $p \leq 0,01$). Распознавание чужих эмоций взаимосвязано с идентификацией в эмпатии (0,531, $p \leq 0,01$), рациональным каналом эмпатии (0,386, $p \leq 0,05$) и общим показателем эмпатии (0,396, $p \leq 0,01$).

По U критерию Манна-Уитни статистически значимые различия при уровне значимости $p \leq 0,05$. присутствуют по параметрам коммуникативной эмоциональности (0,009), эмоциональный канал эмпатии (0,019), интуитивный канал эмпатии (0,038), общий показатель эмпатии (0,036).

Эмпатические особенности девушек, таким образом, имеют следующие особенности:

- большая склонность проявлять эмпатию в межличностных отношениях;
- приоритет эмоционального и интуитивного каналов эмпатии;
- большая зависимость качества эмпатии от эмоционального фона в процессе общения;
- большая зависимость качества эмпатии от установок, способствующих или препятствующих ей;
- большая склонность к выражению эмоций.

Эмпатические способности юношей имеют такие особенности:

- большая склонность к управлению эмоциями;
- приоритет рационального канала эмпатии;
- меньшее выражение собственных эмоций в процессе эмпатии;
- большая зависимость эмпатии от понимания эмоционального состояния партнёра.

Литература

1. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. - СПб: Питер, 2001. – 752 с: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Редактор-составитель Райгородский Д. Я. / – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2006. – 672 с.
3. Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ). Методическое пособие. – М.: ИП РАН, 2001. – 50 с. © В. М. Русалов, 1997.
4. Шелест В.И. Гендерные особенности структуры эмоционально интеллекта у студентов социального вуза // Студенческий сборник научных статей / Под ред. Е.А. Петровой, Т.Ф. Суловой. – М.: Изд-во РИЦ АИМ, 2008. – С. 102 – 109.

Семя и работа – выбирает ли женщина.

Шиловская В.И.

Аспирант

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова,
Институт педагогики и психологии, Кострома, Россия
E-mail:shwi@yandex.ru

Для самосознания современной женщины характерны две тенденции. Одна из них заключается в том, что женщина становится активным субъектом на поприще социальной деятельности. Другая - в нестабильном социуме возрастает значимость семьи как опоры, особого пространства, в котором реализуется потребность её членов в любви и безопасности, а ребёнок выступает как гарант возможной реализации полноценного бытия.

Нами изучались прямые и опосредованные характеристики, позволяющие судить об особенностях совмещения работы и ролей в семье различных категорий работающих женщин, а также об их установках на это совмещение. Среди них: самооценка реализованности жизненных планов в отношении работы и семьи, самооценка своей успешности в этих сферах, ролевая перегрузка и стратегии её преодоления, предпочтения в выборе стратегий самопрезентации в деловом и межличностном взаимодействии, субъективные переживания чувства вины перед близкими по поводу своей вовлечённости в работу и т.д.

Соотношение типов женщин в различных возрастных группах, в %

Типы женщин	Возрастные группы			
	2 1-25	26 -30	31 -40	41 -50
Ориентированные на карьеру	6 5	55	44	44
Ориентированные на семью	3 5	45	56	56

Распространенный стереотип о том, что женщины, ориентированные на работу и карьеру, в меньшей степени заинтересованы в создании семьи, оказывается ошибочным. Как выяснилось, женщины считают семью очень важной стороной своей жизни. Что же касается женщин, ориентированных на карьеру или интересную работу, большинство имеют в числе своих жизненных целей ориентацию на создание счастливой семьи ($\varphi^*=5,323$ при $p<0,01$).

В семьях женщин-руководителей их доходы являются основой семейного бюджета, а ещё в четверти случаев вклад супругов в семейный бюджет является равным ($\varphi^*=6,69$ при $p<0,01$). Достаточно высоки (семьи, где основа бюджета – доходы женщины и семьи с равным вкладом супругов) эти показатели были и в семьях квалифицированных специалистов ($\varphi^*=3,786$ при $p<0,01$). Даже в группах служащих (технического и обслуживающего персонала), где эти показатели были самыми низкими из всех работающих женщин, в 46,5% случаев вклад женщины в семейный бюджет был, по их самооценки, по крайней мере равным вкладу супруга ($\varphi^*=4,834$ при $p<0,01$).

Так, материальное положение беспокоит прежде всего женщин, ориентированных на семью, чем женщин, ориентированных на карьеру ($\varphi^*=3,523$ при $p<0,01$). Жилищная проблема, которая по мере взросления всё-таки как-то обычно разрешается, также стоит особенно остро в этой группе женщин ($\varphi^*=2,76$ при $p<0,01$). Примерно треть женщин в составе данной группы обеспокоена и проблемами с работой, а также отсутствием социальных гарантий ($\varphi^*=3,147$ при $p<0,01$).

Общественное мнение по-прежнему репрессивно по отношению к незамужним женщинам. Оно склонно поддерживать исключительно «нормальный», семейный образ жизни. Приведу выдержку из интервью с женщиной, которая несколько лет назад развелась с мужем: «У меня почти не осталось замужних подруг, даже среди тех, с кем я училась в школе и в университете. Они не любят, когда я прихожу в гости, - как будто во

мне видят опасность, угрозу их семье. Их раздражает, что я свободна. Постепенно у меня образовался свой круг знакомых – из таких же, как я, одиноких женщин».

Эта атмосфера неприятия или неполного приятия обществом чувствуется и в ответах наших незамужних респонденток. Так, среди отрицательных последствий своего профессионального роста незамужние женщины чаще, чем замужние называют «неприятности со стороны начальства и коллег» ($\varphi^*=2,308$ при $p<0,01$). Незамужние женщины отмечают, что им не удаётся сохранить баланс семьи и работы, чем замужним женщинам ($\varphi^*=2,106$ при $p<0,05$). Удовлетворены «жизнью в целом» больше замужние женщины, чем незамужние ($\varphi^*=1,919$ при $p<0,05$). Число неудовлетворённых тоже меньше, чем у замужних женщин ($\varphi^*=4,329$ при $p<0,01$). Но особенно показателен ответ на вопрос о себе в роли матери: больше половины незамужних женщин и только 9% замужних считают себя недостаточно хорошими матерями ($\varphi^*=2,606$ при $p<0,01$).

Для сравнения, среди семейноориентированных незамужних женщин лишь 3% неудовлетворены собой в материнской роли ($\varphi^*=1,724$ при $p<0,05$). При этом все остальные показатели: удовлетворённость жизнью, отношение к работе и её общая оценка, представление о перспективах жизни в России, отношение к изменениям – в этой группе незамужних женщин значительно хуже.

Профессионально ориентированные незамужние женщины, несомненно, лучше справляются с «этой жизнью», но за свой профессиональный выбор они расплачиваются ощущением постоянного дискомфорта в материнской роли. Возникают ощущение, что они разделяют предубеждение по поводу своего семейного статуса, переживая его как постоянное чувство вины перед ребёнком. Другими словами, дети для всех женщин – это не только неотъемлемая часть жизни самой женщины. Но необходимое «связующее звено» отношений мужчины и женщины в семье в целом.

Составляющие счастливой семьи по мнению женщин:

Прежде всего, счастливая семья – это семья, основанная на любви. Так считают 87,3% женщин, ориентированных на семью и 75,8% женщин, ориентированных на карьеру ($\varphi^*=2,394$ при $p<0,01$). Впрочем, настоящая любовь для российских женщин – чувство не столько романтическое, сколько придающее жизни устойчивость и надёжность.

Следующая обязательная составляющая счастливой семьи – это дети. Причём не так важно их число, сколько сам факт их наличия. Так считают 64,2% семейноориентированных женщин и 52,8% карьероориентированных женщин ($\varphi^*=1,544$ при $p<0,01$).

Третьей особенностью семей, которые можно считать счастливыми, является официально зарегистрированный брак.

Стоит отметить, что для женщин, ориентированных на карьеру, семья – это эмоциональный ресурс. Они отмечают, что важно не количество, проведённого с семьёй времени, а эмоциональная насыщенность этого события.

Следует отметить, что представленные результаты являются лишь частью исследования, посвящённого интересующей нас проблематике. Но необходимо сказать, что изучение данной темы является актуальным для лучшего понимания особенностей женщин в современном российском обществе.

Литература

1. Дударева А.А. Рекламный образ. Мужчина и женщина. – М.: РИП – холдинг, 2002.
2. Макаров В.В., Макарова Г.А. Новая женщина, играющая и выигрывающая. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008.
3. Тиводар А.Р. Ролевая идентичность молодых женщин как предмет социального исследования // Содержание социально-гуманитарного образования в меняющемся мире: междисциплинарный подход: Матер. Южнорос. науч.-метод. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000

**Влияние жизненной позиции на конструктивность личности в жизни
(на примере лиц раннего зрелого возраста)**

Юлыгина Ю.В.

студентка 5 курса

*Институт экономики, управления и права; психологический факультет, Республика
Татарстан, г. Казань
solteeva@ieml.ru*

Трансформационные процессы в современном обществе за последние десятилетия повлекли глубокую перестройку социальных институтов и значительно повлияли на общественное и индивидуальное сознание людей. Это послужило толчком для поиска стратегий оптимальной организации жизни и регуляции ее хода. Жизненная позиция - это найденный способ реализации принципиальных для человека направлений его жизни, решение кардинальных задач (К.А.Абульханова-Славская). Если личность достигает поставленных жизненных целей и самореализуется, то это придает ей уверенность в себе. Отсутствие эффективной жизненной позиции - это уступка личностью своих внутренних индивидуальных целей, задач требованию времени и обстоятельств.

В настоящее время проблема конструктивности личности в жизни является одной из важных и ключевых в психологической науке. Однако эмпирических конкретизаций в контексте разных возрастных периодов и выявленных детерминант конструктивности недостаточно. Поэтому изучение влияния жизненной позиции на конструктивность личности в жизни на примере людей раннего зрелого возраста является актуальным. Ведь именно в этот период жизни личность впервые осознанно выстраивает свой жизненный путь в соответствии с собственными ценностями и интересами.

Объектом исследования выступила конструктивность личности в жизни. Предметом - влияние жизненной позиции на конструктивность личности в жизни (на примере лиц раннего зрелого возраста). В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что поведение, основанное на жизненной позиции, учитывающей вероятность случайного в сочетании с собственной активностью, приводит к более успешной самореализации личности в жизни, чем крайние жизненные позиции.

В качестве методов сбора данных применялось психологическое тестирование. Конструктивность как способность личности находить адекватный способ построения жизненного пути на основе соотнесения внутренних возможностей и требований социума оценивалось методикой О.В.Моткова «Личностная биография». Жизненные позиции - с помощью модифицированного варианта проективной методики «Лентяй и работяга» и самооценки жизненной позиции по предложенным описаниям. Методы обработки данных: t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни, угловое преобразование Фишера, корреляция Пирсона. Исследование проводилось в период 2007-2008 г.г. на базе ИЭУП (г. Казань). Выборку составили 90 испытуемых в возрасте от 19 до 23 лет.

Как показано в работах отечественных и зарубежных психологов (Б.Г.Ананьев, М.Р.Гинзбург, Э.Эриксон и др.), на стадии ранней зрелости личностью принимаются смысловые решения относительно собственной жизни, строятся планы, определяется центральная жизненная позиция, регулирующая процессы гармонизации функционирования основных компонентов психики и поведения. Во всех сферах жизни обнаруживаются стремление к личностному выражению, выработке стиля жизни. Однако в ходе исследования было выявлено, что среди лиц раннего зрелого возраста 49% юношей и девушек имеют нечеткую жизненную позицию, которая характеризуется отсутствием четкого жизненного плана и представлений о способах его реализации, Найденные способы самореализации непостоянны и порой противоречивы. Данные результаты подтверждают

тот факт, что период ранней взрослости характеризуется остаточными проявлениями подросткового и юношеского возраста.

32% испытуемых отличает жизненная позиция, в которой доминирует представление о том, что «воля человека и предначертанное судьбой неразрывны». На субъекте ежит частичная ответственность за результаты жизнедеятельности, а остальное - дело случая (судьба, фортуна, бог и т.п.). Причем с «судьбой» у человека складывается своеобразный «игровой» контакт. Жизненная позиция «Я творю - Я отвечаю», согласно которой человек принимает на себя полную ответственность за все происходящее, характерна для 19% испытуемых. Выборке испытуемых отсутствуют позиция «смирения», где ответственность за происходящее полностью в руках судьбы, а проявление собственной активности неуместно, бесполезно, а также позиция «уныния» с преобладающим пессимистическим жизненным настроем, где судьба слепа, а человек бессилён.

Далее выборка испытуемых была разделена на 3 по критерию «преобладающая жизненная позиция» (по 16 человек), для того, чтобы выявить специфику компонентов конструктивности личности в жизни юношей и девушек с разными жизненными позициями и их взаимосвязи. Обнаружено, что у людей с нечеткой жизненной позицией низкий уровень позитивных изменений, происходящих в процессе развития личности ($p \leq 0,01$). Это подтверждает акмеологическое понимание принципа детерминизма развития. Отсутствие четких ориентиров в жизни и представлений о способах достижения целей затрудняет саморазвитие, так как не формируется динамическая сила, побуждающая к изменениям. Им характерна тенденция к адекватному построению жизненного пути с учетом внутренних возможностей и требований социума ($p \leq 0,05$) и тенденция к ощущению полноты и гармоничности своей жизни ($p \leq 0,05$), что отражает их устремленность к поиску смысла жизни для преодоления ощущаемого жизненного вакуума или фрустрации.

При наличии жизненной позиции «Воля человека и судьбы неразрывны» у юношей и девушек 19-23 лет-высокий уровень позитивных изменений в личности ($p \leq 0,01$), а также тенденция к эффективной жизненной самореализации ($p \leq 0,05$), к существенным перестройкам в личности, к осознанию жизненного предназначения и адекватному построению своих планов на будущее ($p \leq 0,05$). Жизненная позиция «Я творю - Я отвечаю» определяет средний уровень позитивных изменений в личности ($p \leq 0,05$) и недостаточную конструктивность личности в жизни ($p \leq 0,05$) по сравнению с людьми, имеющими другие жизненные позиции.

Анализ взаимосвязей компонентов общей конструктивности личности в жизни (самоопределения, самореализации, трансформации личности, гармоничности) у людей с разными жизненными позициями показал, что жизненная позиция, в которой «воля человека и судьбы неразрывны», определяет большую целостность и высокую интегрированность компонентов конструктивности личности и жизни, что может свидетельствовать об устойчивости личности в целом. Влияние жизненной позиции на конструктивность личности внешне незначительно и касается лишь позитивных сдвигов в личности, происходящих в процессе взросления. Однако внутренняя структура общей конструктивности личности при разных жизненных позициях существенно отличается, что характеризует разные механизмы функционирования данного процесса.

Преимущества жизненной позиции «Воля человека и судьбы неразрывны» объясняется с точки зрения концепции «веры в справедливый мир», которая способна повлиять на поведение, даже оставаясь на осознанной (М.Лернер, Л.Я.Гозман). Убежденность в справедливости мира эффективно снимает страхи человека, высвобождая ресурсы к изменениям. Причем поведение человека, как известно, всегда обусловлено совокупностью внешних ситуативных и внутренних психологических факторов. Упование лишь на волю случая неэффективно, ибо без включенности активности личности в

деятельность не задействуется «источки развития из резервного фонда потенциалов человека» (В.Г.Асеев), и, как следствие, развитие не происходит.

Таким образом, поведение на основном на жизненной позиции, учитывающей вероятность случайного в сочетании с собственной активностью, приводит к более успешной и конструктивной самореализации личности в жизни, чем иные крайние позиции.

Формирование психолого-педагогической компетентности родителей в процессе взаимодействия семьи и дошкольного учреждения

Ярославцева С.Г.

студент

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,

факультет психологии, Тула, Россия

E-mail: oikokoreva@bk.ru

Первым и наиболее значимым институтом социализации ребенка является его семья. Те отношения, которые в ней складываются, он во многом переносит в дальнейшую жизнь, и недостатки семейного воспитания оказывают одно из определяющих влияний на психологические проблемы личности, проявляющиеся как в детстве, так и на протяжении всей жизни человека. Поэтому так важна психолого-педагогическая компетентность родителей, которая проявляет себя как способность особым образом и в особых условиях взаимодействовать с другими людьми и обозначает возможности родителей как воспитателей своих детей. Это комплексное понятие нельзя свести ни к педагогическим способностям, ни к осведомленности в сфере педагогики и психологии, ни к отдельным личностным чертам.

В итоге речь идет о праве ребенка на таких родителей, которые способны обеспечить ему возможность разностороннего развития и эмоционально-психологическое благополучие, что особенно важно в период дошкольного детства, имеющего определяющее значение для всей последующей жизни человека и, как доказано психологами, являющегося источником многих ее проблем. Исходя из этого, формирование психолого-педагогической компетентности родителей должно составлять необходимую часть социальной политики современного общества.

В этих условиях весьма актуальной становится проблема взаимодействия семьи и дошкольного образовательного учреждения, обусловленная рядом факторов. Прежде всего, тем, что семейное воспитание – процесс динамичный и чрезвычайно сложный. Родители нередко полагаются на свой индивидуальный опыт, не задумываясь над последствиями неверных воспитательных воздействий на ребенка, и не владея в достаточной мере знаниями о возрастных и индивидуальных особенностях развития ребенка, порой осуществляют воспитание интуитивно, прибегая к ситуативным воздействиям.

Недостаток психологических знаний, плохо развитая у многих современных людей эмпатичность как постижение эмоционального состояния, проникновение, вчувствование в переживания другого человека, приводят к непониманию родителями психологического состояния, реакции на свои действия в конкретной ситуации и внутреннего мира своего ребенка в целом. Проблемой для многих родителей является неумение проявить такие особые формы эмпатии как «сопереживание-переживание» субъектом тех же эмоциональных состояний, которые испытывает их ребенок, отождествляясь с ним, и «сочувствие-переживание» собственных эмоциональных состояний по поводу чувств детей. В контексте межличностного взаимодействия и восприятия, речь идет о неспособности родителей эмоционально откликнуться на проблемы ребенка, неумении поставить себя на его место, взглянуть на события с его позиций. Проявление эмпатичности означает, что специфика поведения ребенка понимается и принимается в

расчет, а собственная стратегия поведения строится по-другому, более гибко, чего, к сожалению, часто не происходит в процессе взаимодействия в семье, что приводит к проблемам в общении между родителями и детьми, которые затем переносятся на всю дальнейшую жизнь.

Воспитание в дошкольных образовательных учреждениях имеет свои сильные стороны, оно строится на научной основе, однако детский сад и семья имеют собственные функции в воспитании детей и не могут заменить друг друга. При самом внимательном и добросовестном отношении педагогов к своим обязанностям, они не смогут решить сложные вопросы формирования личности ребенка без активного участия родителей. А родители в своей воспитательной деятельности нуждаются в помощи со стороны педагогов.

Психолого-педагогическая компетентность родителей должна рассматриваться в контексте семейного благополучия, где она выступает как способность понять детей, создать возможность сделать ребенка счастливым, умение видеть перспективы развития ребенка. Структура психолого-педагогической компетентности родителей может быть представлена как совокупность когнитивного (знания о психологических особенностях детей дошкольного возраста и методах воспитания), деятельностного (умения использовать имеющиеся знания в педагогической деятельности) и личностного (значимые личностные качества, наличие которых необходимо для осуществления педагогической деятельности) компонентов.

Степень выраженности этих компонентов может проявляться на продуктивном, репродуктивном и интуитивном уровнях.

Проведенное экспериментальное исследование позволило выявить условия, формирования эффективности процесса психолого-педагогической компетентности родителей. Во-первых, взаимодействие семьи и дошкольного учреждения должно строиться на основе принципа объединения субъектных позиций его участников. Во-вторых, при проведении работы с родителями необходимо использовать игровые технологии, ориентируемые на вербальные и практические способы взаимодействия родителей и педагогов. В-третьих, следует создавать условия переноса приобретенного родителями педагогического опыта в реальную жизнь.

Для выполнения этих условий необходимо реализовать следующие задачи: расширение представлений родителей о возрастных и индивидуальных особенностях детей; помощь родителям в оценке проблемных и критических ситуаций во взаимоотношениях с ребенком с учетом специфики возраста; формирование у родителей понимание важности и значимости организации в семье интересного и содержательного досуга как одного из средств профилактики асоциального поведения детей.

Для повышения психолого-педагогической компетентности родителей была разработана программа «Школа для родителей», имеющая следующую структуру. Вводный блок – проведение родительского собрания, основными целями которого являлись предоставление родителям возможности поделиться своим опытом воспитания детей; расширение психологических знаний родителей; оказание помощи в налаживании более комфортных для детей и родителей отношений в семье.

Основной блок реализовывался в течение учебного года и включал и цикл занятий, одной из основных целей которых было развитие навыков понимания, осознания и общения. Каждое занятие включало в себя ознакомительную беседу и выполнение определенных тренинговых упражнений и заданий и завершалось рефлексией, которая давала возможность родителям, оценить эффективность своей воспитательной деятельности с осмыслением ее не только «для себя», но и «для ребенка».

Заключительный блок представлял возможность подведения итогов в ходе культурно-массового мероприятия «Мама, папа, я – спортивная семья».

Секция «Психология»

Исследование было направлено на решение следующих задач:

- 1) измерение степени сплоченности-разобщенности в группе;
- 2) выявление социометрических статусов;
- 3) обнаружение внутригрупповых сплоченных образований (микрогрупп).

В соответствии с целью и задачами была выдвинута и гипотеза: становление межличностных отношений, главным образом, сопровождается чувствами членов группы друг к другу.

Исследование проводилось на протяжении 5 месяцев со студентами второго курса отделения филологии гуманитарного факультета высшего учебного заведения г. Нижневартовска. В исследовании принимали участие две группы студентов, каждая из которых насчитывала около 20 человек. В первой студенческой группе (далее – группа А), наблюдалось наличие 6 взаимовыборов (индекс прочности дружеских взаимосвязей студентов) и 1 взаимовывбора (индекс взаимной неприязни студентов). Показатель групповой сплоченности находился на достаточно высоком уровне – примерно 60%. Что же касается второй группы (группа Б), то здесь ситуация оказалась совершенно иной: число взаимовыборов составило 2, взаимовывборов – 5, показатель групповой сплоченности – 45%. В результате полученных количественных данных стало возможным сделать заключение о том, что в группе А преобладают отношения положительного характера, многие члены группы ощущают стабильность своего положения, а в группе Б установились недоброжелательные отношения в коллективе, а значит, для нее характерны слабая согласованность действий и эмоциональная неудовлетворенность ее членов своими межличностными отношениями.

Структура межличностных отношений в группах:

Группа А	Группа Б
«звезды» (3), «высокостатусные» (6), «среднестатусные» (4), «низкостатусные» (2), «изолированные» (1), «пренебрегаемые» (1), «отвергнутые» (0)	«звезды» (1), «высокостатусные» (4), «среднестатусные» (6), «низкостатусные» (3), «изолированные» (3), «пренебрегаемые» (2), «отвергнутые» (1)

Знание социометрических статусов и взаимовыборов(взаимовывборов) студентов позволяет получить достаточно полную информацию о положении каждого студента в системе межличностных отношений. Анализ характера отношений позволяет выяснить, также, существуют ли устойчивые микрогруппы межличностного предпочтения. Здесь отметим, что в группе А такие образования, действительно, имели место: существовало 2 сплоченных микрогруппы, которые, однако, не являлись носителями конфликтности в силу позитивного психологического климата в коллективе. В группе Б также были 2 микрогруппы, но уже воинственно настроенные по отношению друг к другу, хотя в группах и существовало общепризнанное лидерство и авторитетность некоторых студентов.

В результате проведенных исследований стало возможным сделать следующие выводы:

1. Межличностные отношения в группе А можно оценить как достаточно стабильные, доброжелательные, т.к. уровень благополучия взаимоотношений высокий, коэффициент изоляции не превышает 12-20%;

2. Анализируя проблемную ситуацию межличностных взаимоотношений в группе Б, можно судить о:

1) том, что взаимоотношения студентов слабо опосредованы совместной деятельностью;

Проведенное по окончании работы обследование показало значительную положительную динамику уровня психолого-педагогической компетентности родителей.

Секция «Психология»

2) предположительно, студенты могут иметь трудно совместимые жизненные ценности;

3) переживания отдельных членов группы редко даны другим как мотивы деятельности;

3. Межличностные отношения, действительно, сопровождаются эмоционально-ценностными ориентирами, которые отражают отношение человека к самому себе и окружающим, что свидетельствует о подтверждении выдвинутой гипотезы.

Литература

1. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: Словарь:/Под ред. Б.А.Душкова. – 3-е изд. – М.: Академический Проект:и Фонд «мир», 2005.

2. Андриенко Е.В. Социальная психология: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. В.А.Сластенина. - М.: Издательский центр «Академия», 2001.

3. Битянова М.Р. Социальная психология: наука, практика и образ мыслей. Учебное пособие / М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

Психология организаций и управления персоналом

The Research on the Driving Behavior of Full-score Drivers in China

Qin Bo

Postgraduate, M. S. candidate

Department of Psychology, Peking University, Beijing, P. R. China

qinbo@pku.edu.cn

Abstract Driving safety has become a serious problem in China due to its rapid motorization. Therefore, a demerit point system, called full-score drivers, has been introduced in order to help authorities to identify and regulate drivers committing traffic offenses repeatedly. This research aims to analyze the point system and driving behaviors, comparing full-score drivers whose deduction has reached maximum with those whose deduction has Not reached maximum. 694 drivers, 46.3% of them being full-score drivers, fill in a questionnaire on driver status & driving behavior, driver self-image, attitudes, and personality. It is observed that full-score drivers are significantly younger than non-full-score drivers; and there are fewer professional drivers in the full-score group. In univariate analysis, full-score drivers report more unwanted driving behavior (aggressive violations, errors), fewer safety-promoting attitudes, and more thrill-seeking than the non-full score group do. They also estimate their driving skills to be higher, with the lie scale included revealing that they tend to present a truer picture of themselves. Logistic regression shows that younger age, male gender, higher weekly kilometrage, non-professional driver status, lower safety-orientation, and less safe speeding & risk attitudes are significant predictors for full-score drivers.

Key words Full-score driver; Driving Behavior Questionnaire (DBQ); Driving Skill Inventory (DSI); Attitude; Demerit Point System

Особенности трудовой мотивации персонала государственных и частных предприятий

Алексеева В.Н

студентка

Чувашский государственный университет имени

И.Н. Ульянова, факультет управления и психологии, город Чебоксары, Россия

valekkulek@mail.ru

Исследование профессиональной мотивации как важного фактора результативности работы представляет собой одну из актуальных проблем современной психологии управления персоналом.

Цель данной работы: сравнительный анализ трудовой мотивации персонала государственной и частной организации. В исследовании приняли участие 20 сотрудников государственного высшего учебного заведения (далее государственное предприятие - ГП) и 20 сотрудников ООО «Волжская ипотечная корпорация» (далее частное предприятие). Результаты методики «Диагностика социально-психологических установок в мотивационно – потребностной сфере» О.Ф.Потемкиной показали, что наиболее выраженной установкой для испытуемых ГП является труд, процесс деятельности, свобода. Сильно выражена установка на альтруизм в группе испытуемых государственных учреждений (царит коллективизм, развита корпоративная культура). В отличие от них для испытуемых частных организаций характерна эгоистическая направленность, наиболее приоритетной является установка на деньги, опережая даже такую характеристику, как хороший коллектив и благоприятный психологический климат. Результаты методики «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э.Мильмана показали, что в системе установок экономистов ГП значимое место занимает творческая и

общая активность, и социальная полезность. В отличие от них, экономисты частных учреждений уделяют большое внимание социальному статусу, комфорту, жизнеобеспечению, у них преобладает стремление к личному первенству и престижу, ярко выражены мотивы собственного благополучия. Опросник Орлова «Потребность в достижении» выявил, что у испытуемых двух групп уровень довольно низкий. С целью определения факторов, влияющих на трудовую деятельность, был использован «Опросник мотивации трудовой деятельности». Были получены следующие данные: к факторам, мотивирующим деятельность сотрудников государственных организаций, относятся удовлетворенность работой, признание другими этого результата, хороший коллектив и грамотный руководитель. Факторами, демотивирующими деятельность, являются некомпетентный руководитель и неясность функций. Изучение мотиваторов испытуемых второй группы показало, что наиболее часто ими выбираются: положительный результат, заработок и признание. Демотирует, прежде всего, критика и некомпетентный руководитель. Таким образом, исследование выявило доминирование материальных ценностей в профессиональной мотивации сотрудников частной организации, рассматривающих работу, как место где есть возможность самореализоваться, имея высокую заработную плату.

Литература

1. Егоршин А.П. Управление персоналом. – Н.Новгород, 2007.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. - СПб, 2000.
3. Столяренко Л.Д. Основы менеджмента. - М.,1997.

Изучение качественного содержания мотивации и временной перспективы в зависимости от вида профессиональной деятельности

Алямкина Е.А.

*Бакалавр психологии, студентка V курса кафедры психологии
Международный университет природы, общества и человека «Дубна»,
Дубна, Россия
E-mail: ekaterina-psy@mail.ru*

В последнее время проблематике мотивации человеческой деятельности и достижений придается все большее значение. Что касается проблемы времени, то она рассматривается на протяжении всей истории развития человечества, но особую актуальность она приобрела в последние десятилетия в связи с ускорением темпа жизни, увеличением объема информации, необходимостью постоянно адаптироваться к быстро меняющемуся предметному и социальному миру.

Анализ литературы по вопросам мотивации достижения и временной перспективы позволил сделать вывод о недостаточной изученности взаимосвязи данных феноменов, поэтому основной целью исследования явилось изучение взаимосвязи мотивации достижения и временной перспективы. На основе изученной нами литературы были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

1. Мотивация достижения выше у предпринимателей, чем у учителей.
2. Чем ниже мотивация достижения, тем удаленнее расстановка мотивационных объектов во временной перспективе.

Выборка состояла из 20 человек, которая была разделена на две группы: группу из 10 учителей и группу из 10 предпринимателей. Для учета возрастных различий при формировании выборки были привлечены респонденты в возрасте от 35 до 45 лет в приблизительно равном соотношении в двух группах. Для нейтрализации влияния гендерного фактора в каждой подвыборке было по 5 мужчин и 5 женщин. Все участники имели опыт профессиональной деятельности со стажем работы 7-10 лет.

Секция «Психология»

Для достижения поставленной цели исследования были использованы следующие методики:

1. Опросник А.Мехрабиана для диагностики мотивации достижения;

2. Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена – вариант метода неоконченных предложений, предназначенный для анализа содержания мотивационных устремлений и для определения темпоральной локализации данных мотивационных объектов, совокупность которых дает представление о временной перспективе.

а. Методика Ж.Нюттена-вариант Д.А. Леонтьева, состоящая из 40 индукторов (неоконченных предложений), с помощью которых выявляется набор мотивационных объектов, которые в ходе анализа переводятся в восемь основных категорий, обозначающихся в коде содержания своим особым символом.

б. Измерение временной перспективы – темпоральное кодирование, состоящее в приписывании каждому мотивационному объекту периода времени, в который в «нормальном» случае это событие происходит.

Результаты исследования.

1. Для оценки статистической достоверности различий мотивационных профилей сравниваемых групп был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни. В результате было обнаружено, что уровень мотивации достижения у предпринимателей выше, чем у учителей. Различия в уровне изучаемого признака можно считать статистически значимыми ($U_{эмп} = 23$; $p < 0,05$). Таким образом, предположение о том, что мотивация достижения предпринимателей выше, чем мотивация достижения учителей, можно считать подтвержденным.

2. Доминирующими мотивационными категориями у учителей являются «Самореализация», «Материальные ценности», «Отдых»;

3. Доминирующими мотивационными категориями у предпринимателей являются «Реализация», «Материальные ценности» и «Самореализация»;

4. С помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни, было выявлено, что различия в мотивационных категориях учителей и предпринимателей можно считать статистически значимыми по следующим категориям:

«Самореализация» у учителей выше, чем у предпринимателей ($U_{эмп} = 20,5$; $p < 0,05$), что, возможно, может быть обусловлено тем, что действия или стремления учителей, в большей степени направлены на саморазвитие, личностный рост и профессиональное становление.

«Реализация» у предпринимателей выше, чем у учителей ($U_{эмп} = 15$; $p < 0,01$), что можно объяснить тем, что действия и активность предпринимателей в большей степени ориентированы во вне.

«Отдых» у учителей выше, чем у предпринимателей ($U_{эмп} = 15,5$; $p < 0,01$). Это может быть обусловлено спецификой работы, а также сравнительно низким уровнем оплаты труда.

«Контакты» у предпринимателей выше, чем у учителей ($U_{эмп} = 24$; $p < 0,05$). Это можно объяснить тем, что профессиональная деятельность предпринимателей изменчива, не структурирована и во многом обусловлена наличием широкой системы связей.

5. Для оценки статистической достоверности различий в расстановке мотивационных объектов во временной перспективе был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни. В результате было обнаружено, что уровень насыщенности мотивационными объектами в периоде «Настоящее (Ближайшее будущее)» выше у предпринимателей, чем у учителей. Различия в уровне изучаемого признака можно считать статистически значимыми ($U_{эмп} = 20,5$; $p < 0,05$). Насыщенность мотивационными объектами в периоде «Отдаленное будущее» выше у учителей, чем у предпринимателей. Различия между двумя группами можно считать значимыми ($U_{эмп} = 21,5$; $p < 0,05$). Данные различия могут быть обусловлены спецификой профессиональной деятельности. Различие в уровне насыщенности мотивационными объектами в периоде «Открытое настоящее» не

Секция «Психология»

является статистически значимым. Также следует отметить, что полученные данные не показывают гендерных различий, что может быть обусловлено малыми размерами подвыборок.

Учитывая то, что мотивация достижения и насыщенность мотивационных объектов во временной перспективе в периоде «Настоящее (Ближайшее будущее)» выше у предпринимателей, чем у учителей, можно считать, что гипотеза о том, что чем ниже мотивация достижения, тем удаленнее расстановка мотивационных объектов во временной перспективе подтверждается.

Полученные результаты могут быть использованы при отборе кадров в организациях и при диагностике ведущих мотивационных категорий, влияющих на эффективность трудовой деятельности.

Литература

1. Алямкина Е.А. Взаимосвязь мотивации достижения и временной перспективы // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2008, №1 (www.psyanima.ru)
2. Вилюнас В.К., Витис. Психология развития мотивации: современные и классические исследования. Научные данные и жизненные примеры. – СПб.: Речь, 2006. – 458 с.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. – 336с.
4. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего/ Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.:Смысл, 2004. – 608 с.

Профессиональное самоопределение и инновационный потенциал: возможности для исследования и практики

Антони М.А.

студентка

Томский государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: antoni-marina@mail.ru

Современное решение актуальных социально-экономических задач оказывается напрямую связанным с профессиональным самоопределением, как на этапе выбора профессии, так и на этапе вхождения в профессиональную деятельность, что непосредственно выводит к проблеме поиска ресурсов и возможностей реализации личностного потенциала в профессиональной деятельности.

Наши многочисленные исследования показывают наличие сложности в понимании молодыми специалистами возможностей профессиональной самореализации. В условиях финансового кризиса и высокой конкуренции на рынке труда традиционные методы трудоустройства оказываются менее эффективными, что приводит к необходимости поиска новых областей применения профессиональных знаний, не связанных напрямую с имеющейся специальностью.

Нами было проведено интервью с молодыми специалистами-психологами, которое показало, что молодые специалисты очень остро ощущают проблему собственного трудоустройства, сталкиваясь со сложностями поиска вакансий по своей специальности. Молодые специалисты предпочитают устраиваться на работу в государственные учреждения образовательной сферы, в которых существуют закрепленные законодательством РФ ставки психологов, педагогов—психологов. Лишь немногие молодые специалисты выбирают путь профессионального развития в тех сферах деятельности, где отсутствуют прямые вакансии психолога, но есть потребность в психологическом знании, и специалист имеет возможность создать для себя рабочее место по договоренности с работодателем.

Секция «Психология»

Анализ мнения работодателей г. Томска, проведенный нами в ноябре 2008г., в свою очередь показал, что основными проблемами выпускников с их точки зрения являются отсутствие навыков презентации себя и своих профессиональных умений, знаний и способностей. Работодатели заинтересованы в активных и инициативных молодых людях, способных привнести новые идеи, работающие на развитие их компаний, поэтому часто специалистов ищут на карьерных форумах, ярмарках вакансий, объявляют конкурсы для студентов, стремясь выявить наиболее ярких молодых людей.

Работодатели также заинтересованы в том, чтобы молодой специалист сумел быстро адаптироваться в свободных условиях, самостоятельно планируя свою деятельность, не отвлекая наставников по каждому пустяку. Таким образом, проблемой выпускников часто становится отсутствие способностей к планированию собственной деятельности в неопределенных условиях и способностей в рамках организации найти применение своим профессиональным знаниям.

В связи с данной проблематикой необходимо больше внимания уделять не только профессиональной готовности выпускников, но и развитию их личностного потенциала, позволяющего видеть им новые возможности трудоустройства и использовать свои личностные ресурсы.

Существует потребность в образовательных программах, которые способствовали бы переориентации студентов гуманитарной специальности, в сторону выбора менее традиционного профессионального пути. Ставка в этих программах должна делаться на развитие не только профессиональных компетенций, но и на раскрытие инновационного потенциала личности, как образа ее мыслей, позволяющего осознать и проанализировать возникшее в культуре противоречие и для его устранения выдвинуть идею и реализующее ее творческое решение, которого не было на предшествующих стадиях развития культуры, после чего с учетом возможных последствий способствовать его социализации в культуре (ТГУ, 2008). Данные программы позволят будущим молодым специалистам чувствовать себя более уверенно на современном рынке труда, так как будущие специалисты, прошедшие обучение и получившие качественно новые знания, будут способны самостоятельно искать и создавать себе рабочее место, находя возможности для трудоустройства там, где может неосознанно еще потребности работодателей находят соответствие их профессиональным способностям.

Однако методологическая и теоретическая проблема связи инновационного потенциала личности и профессионального самоопределения лежит гораздо глубже и требует более тщательных исследований. При этом основной вопрос, который требует ответа – это почему личности с более выраженными инновационными качествами делают свой профессиональный выбор в сторону предпринимательства?

Факт того, что данное явление имеет место быть сегодня признается всеми, но если внимательно рассмотреть посылки, то из утверждения, что «данный человек обладает более выраженным инновационным потенциалом», нельзя сделать прямой и однозначный вывод о том, что наиболее успешной областью его профессионального самоопределения станет предпринимательство. На самом деле, нельзя с уверенностью утверждать о прямой взаимосвязи между инновационным потенциалом и профессиональным самоопределением, так как на наш взгляд между ними существует некое опосредующее звено, которое является решающим в данном выборе. Но, к сожалению, мы не можем пока ответить на вопрос, что представляет собой данное звено, так как эта проблема соразмерна с такими философскими проблемами, как «почему одни возможности осуществляются, а другие - нет? Почему одни события случаются, а другие - нет?»

Литература

Диагностика мотивационной готовности к инновационной деятельности: тезаурус (словарь, охватывающий специфику профессиональной лексики) (2008) / Под ред. В.Е. Ключко - Методическая разработка для психологов, педагогов, специалистов,

работающих в системе повышения квалификации, найма и отбора персонала. – Томск, ТГУ.

Комплексная методика оценки эмоционального интеллекта на этапе подбора персонала

Арзамасцева К.А., Павлюкевич М.П.

студентки

Томский государственный университет, факультет психологии, г.Томск, Россия

vfif@sibmail.com

На сегодняшний день методики оценки персонала на этапе подбора претерпевают существенные изменения. Традиционно при подборе персонала оценивался преимущественно профессиональный уровень кандидата [5]. Однако, сегодня начинает осознаваться тот факт, что опыт работы далеко не всегда является критерием успешности человека в новой компании [8]. Этому свидетельствует практика приема на работу выпускников вузов вместо опытных сотрудников («Сибирская Аграрная Группа», «Вимм-билль-Данн» и т.д.). Причины данного явления, на наш взгляд, кроются в нескольких аспектах - это связано и с особенностями корпоративной культуры, и с большей, по мнению работодателей, инициативностью и мотивацией молодых сотрудников. Мнения по этому поводу расходятся. В связи с этим необходимо осуществить выработку новых критериев оценки персонала на этапе подбора. Одной из таких методик может служить методика оценки эмоционального интеллекта (EQ). Понятие и сущность эмоционального интеллекта. А также методики его определения и комплексной оценки будут рассмотрены в данной статье.

Существует множество тестов на определение EQ. Однако, как указывает Владислава Друтько в своем интервью журналу «Отдел кадров», «EQ-это величина, которая изменяется в течении жизни, и поэтому нет четких критериев, потому что нет определенного жизненного сценария» [9]. Однако, это не исключает возможности оценки EQ кандидата на этапе подбора.

Многие компании используют, сами того не подозревая, при подборе персонала элементы методики определения уровня EQ (тесты на ответственность, уровень субъективного контроля, тип темперамента, лидерские качества, тип референции, методику метапрограмм). Но в силу того, что эта система во многом недоработана, комплексной оценки развития эмоционального интеллекта кандидата не происходит. Конечно, существуют разработанные и апробированные тесты для определения уровня EQ, однако, насколько известно из общей практики подбора персонала, точность любых тестов составляет всего 23-58% [3], что вызывает необходимость доработки данной методики оценки .

Так же для выявления составляющих EQ часто используются ролевые игры. Широко известно, что в конкурсе на Потанинскую стипендию второй этап представляет собой оценку лидерских качеств посредством деловой игры (на первом этапе происходит оценка уровня IQ). Однако, лидерские качества не являются полным отражением сущности EQ, и здесь мы сталкиваемся с той же проблемой: оцениваются лишь фрагменты, а целостная картина остается без внимания.

Казалось бы, развернутое интервью может решить данную проблему, однако, здесь появляется новое препятствие, а именно: дефицит времени рекрутера и, зачастую, его недостаточная компетентность в данном вопросе.

Возможным выходом из сложившегося положения может считаться комплексная оценка EQ респондента путем трехступенчатой системы определения EQ, которая включает в себя следующие элементы:

1. Собеседование (знакомство, определение уровня притязаний, соответствие ценностей человека корпоративной культуре компании);

Секция «Психология»

2. Тест на выявление уровня EQ и анализ его результатов;
3. Ролевая игра (верификация результатов теста);
Далее - собеседование (построение карты карьеры).

Данный метод может показаться затратным с точки зрения временных ресурсов, однако он в значительной мере окупает себя на практике (как с экономической точки зрения, так и с позиции снижения текучести кадров).

Литература:

1. Андерсен, Э. Как вырастить отличных сотрудников/ М., Эксмо, 2008. – 361с.
2. Базаров, Т. Ю. Управление персоналом : учебное пособие / Т. Ю. Базаров. — М.: Мастерство, 2002. — 224 с.: ил. — (Среднее профессиональное образование). — Библиогр.: с. 216-217.
3. Гостев А. Измеряя неизмеримое [электронный ресурс] // Режим доступа <http://executive.ru>
4. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта/Дэниел Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки; Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 301 с.
5. Иванова С. Искусство подбора персонала: как оценить человека за час/ Москва Альпина Бизнес Букс, 2007. – 158с.
6. Искусство управления персоналом. Таланты и лидеры. Книга 1. Библиотека журнала «Управление компанией»/ Под ред. Ю.Наврузова, Н.Черепухиной. – К: Издательство Алексея Капусты, 2002. – 320с.
7. Кетс де Врис Манфред. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта/Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
8. Нордстрем Кьелл А., Йонанс Риддерстрале. Бизнес в стиле фанк: капитал пляшет под дудку таланта/ Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2001. – 279с.
9. Орел Е. Эмоциональный интеллект: понятие и способы диагностики [электронный ресурс] // Режим доступа <http://flogiston.ru/articles/general/eq>
10. Эмоциональный интеллект. Википедия [электронный ресурс] // Режим доступа <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

«Применение комплексного подхода в оптимизации деятельности персонала»

Артамонова Л.Н.

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия
E-mail: mila_moskva@mail.ru*

Работоспособный персонал является необходимым ресурсом любой организации, обеспечивающим эффективность ее деятельности. В связи с этим усилия организационной науки и практики постоянно направлены на решение вопроса об оптимизации работы сотрудников компании, а именно уменьшении «цены» деятельности, повышении их заинтересованности в труде, увеличении производительности, сохранении здоровья и т.п. Эти факторы в свою очередь определяют «экономическое благополучие» организации [2, 3]. В практике работы организационных психологов ставится множество задач, требующих комплексного подхода, т.е. учета максимального количества факторов и нахождения сложных взаимосвязей между ними. Так, для реализации комплексного подхода к оптимизации деятельности персонала мы предлагаем исследователю основываться на нескольких принципах:

1. Последовательное построение оптимизационной работы. Одним из важнейших этапов комплексного подхода к оптимизации деятельности является системная организационная диагностика. Целью данного этапа является получение четкого представления о ресурсах, проблемах и возможностях организации, что дает информацию,

Секция «Психология»

на основе которой возможно планирование дальнейших оптимизирующих мероприятий [1]. Можно отметить, что на практике сама оргдиагностика является не только исследовательской деятельностью, но и средством воздействия на многие структуры и процессы в организации. Далее следуют этапы: разработка мероприятий по изменению (технологического, организационного и др. характера), дальнейшее их внедрение, а также оценка эффективности мероприятий и коррекция при необходимости.

2. Проведение оптимизационной работы на трех уровнях функционирования организации (работник/группа (коллектив)/организация как система), принятых в организационной психологии [3]. Реализация комплексного подхода подразумевает объединение различных методик, технологий и приемов в единую программу организационных изменений [1, 2]. На каждом уровне функционирования организации существуют различные аспекты оптимизационной работы:

Работник:

- изменение динамических характеристик деятельности сотрудников (темп, объем выполняемой работы, график работы);
- изменение функциональных обязанностей и профессиональной нагрузки, степени ответственности профессионала и востребованности его знаний и навыков в выполняемой работе;
- организация и обеспечение рабочих мест, нормализация рабочего пространства и условий работы (микроклимат, освещенность, объем рабочих помещений и др.) в соответствии с существующими гигиеническими стандартами, внедрение эргономичного предметного окружения и усовершенствование технических устройств в соответствии с психофизиологическими особенностями человека;
- коррекция функционального состояния за счет оптимальных режимов труда и отдыха, обучения и использования специальных техник и программ, адекватных производственной ситуации и степени нагрузки работника.

Группа (коллектив):

- перераспределение функций и обязанностей в совместной деятельности, эффективное использование ресурсов каждого члена коллектива, проектирование новых форм взаимодействия, делегирование полномочий;
- изменение формальных характеристик группы (половой, возрастной состав, образование, профессиональная специализация, стаж работы в профессии и в организации), реорганизация структуры группы;
- коррекция стиля управления группой, создание или укрепление управленческой команды;
- формирование позитивных эмоциональных отношений, разрешение и профилактика конфликтов через обучение членов коллектива командным формам поведения с целью достижения большей удовлетворенности совместной деятельностью.

Организация:

- изменение организационной культуры, ориентация на развитие персонала и поддержание приверженности сотрудников организации, повышение культуры безопасности труда, стимулирование инновационной деятельности;
- наличие и фиксация в сознании персонала миссии и «идеологии» организации, поддержание общего видения основных целей и направлений развития,
- реорганизация организационной структуры, совершенствование информационного обмена в организации посредством электронной почты, проведения собраний и документооборота и иных методов;
- изменение мотивационных механизмов и степени самостоятельности персонала, введение новых методов принятия решений, других критериев оценки работы и критериев успешности, установление ясных целей деятельности группы;
- модернизация производства или системы труда в целом;

Секция «Психология»

- внедрение целенаправленной кадровой политики, например, изменение систем отбора и оценки сотрудников, профессионального обучения и развития персонала;
- работа над позитивным внешним и внутренним имиджем организации.

Практика показывает, что мероприятия на указанных уровнях часто взаимосвязаны, например, инновации в организационной культуре с необходимостью влекут формирование новых групповых отношений и изменения мотивации сотрудника.

3. Важным принципом успешной реализации комплексной оптимизационной программы является обеспечение совместной работы и профессиональных усилий различных специалистов – психологов, технологов, социологов, медиков, консультантов по организационному развитию и бизнес-процессам, а также сотрудничество на каждом этапе работы всех заинтересованных сторон – руководства компании, выше перечисленных профессионалов и представителей той группы сотрудников, деятельность которых предстоит оптимизировать. Это необходимо для формирования полного видения ситуации в организации со стороны участников процесса оптимизации, более оперативного принятия решений и согласованности действий на этапе внедрения предложений и коррекции.

Безусловно, применение комплексного подхода в оптимизации деятельности персонала по сравнению с разовыми коррекционными мероприятиями требует более серьезных материальных, временных затрат и организационных ресурсов. Вместе с тем такой подход обеспечивает более долгосрочный и глубокий эффект и способствует естественному процессу изменения деятельности сотрудников.

Литература

1. Джеус А.В. «Оптимизация деятельности управленческого персонала учреждения дополнительного образования». Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2003 г.
2. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. «Психологические технологии управления состоянием человека». – М.: Смысл, 2007 г.
3. Лютенс Ф. «Организационное поведение». – М.: Инфра, 1999 г.

Исследование связи самовосприятия с подачей обратной связи в деловом общении

Белов А.Б.

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Факультет психологии

E-mail: belov.andrew@mail.ru

Введение

В настоящее время представление о деловом общении как о системе партнерских отношений считается наиболее перспективным. Для формирования таких отношений необходимо как собственное развитие сотрудников компании, так и учет ими обратной связи от клиентов и корректировка своего поведения и дальнейшего эффективного общения на основе полученной информации.

В связи с этим особую актуальность и значимость приобретают исследования делового общения, раскрывающие специфику взаимосвязи характеристик партнеров по общению и особенностей их взаимодействия.

В отечественной социальной психологии разработаны теоретические положения о функциях, роли и структуре общения (Г.М.Андреева, 2004), видах общения и подаче обратной связи (Л.А.Петровская, 1989), характеристиках обратной связи (О.В.Соловьева, 1992). На эмпирическом уровне изучаются различные аспекты обратной связи в межличностном общении (Н.В.Антонова, 1996; Н.С.Журавлева, 2004; М.А.Ладионенко, 2007; Е.Н.Стремоусова, 2007; и др.). Вместе с тем вопросы о соотношении особенностей

Секция «Психология»

партнеров по деловому общению и подачи ими обратной связи остаются недостаточно изученными.

Цель данной работы состояла в выявлении характеристик самовосприятия и обратной связи сотрудников компании и особенностей соотношения между этими характеристиками. В работе выдвигались и эмпирически исследовались гипотезы:

- 1) особенности самовосприятия сотрудников компании связаны с реализуемой ими обратной связью клиентам;
- 2) существует связь между самовосприятием сотрудников компании и восприятием ими клиента.

Методы

Для изучения особенностей самовосприятия сотрудников использовался тест М.Куна и Т. Маркпартленда «Кто Я?». С учетом того, что самовосприятие связано с восприятием других (Андреева, 2004), для изучения восприятия сотрудниками клиентов, мы использовали тест «Кто мой клиент?», который являлся модифицированным нами вариантом указанного выше теста М.Куна и Т. Макпартленда. Данная методика была дополнена авторским опросником, содержащим вопросы, касающиеся следующих факторов: направленность на обратную связь от клиентов, подача обратной связи клиентам, удовлетворенность общением, возникающие в деловом общении трудности и атрибуция данных трудностей.

Проводилось наблюдение за общением сотрудников с клиентами. Были записаны на диктофон десять диалогов каждого сотрудника с клиентами. Для анализа формальной и содержательной сторон высказываний сотрудников во время реального взаимодействия с клиентами использовалась категориальная сетка, разработанная Л.А. Петровской (Петровская, 1981), в модифицированном в соответствии с целями данного исследования варианте.

В исследовании принимали участие 27 сотрудников (20 мужчин и 7 женщин) одной из российских компаний в возрасте от 20 до 55 лет, со стажем работы по специальности не менее 1 года. Также в исследовании участвовали 32 клиента данной компании: 22 мужчины и 10 женщин в возрасте от 20 до 66 лет.

Результаты

В результате анализа особенностей самовосприятия было выделено три группы сотрудников, отличающихся типом самовосприятия: в 1 группе тип самовосприятия характеризовался наличием только субъективных (преимущественно эмоционально-личностных) категорий в самоописаниях, во 2 группе – объективных, для 3 группы было характерно сочетание объективных и субъективных категорий.

Сравнение выделенных групп между собой показало, что:

- у представителей 1 группы эмоционально-личностный компонент в общении, и в частности, в обратной связи, ярко выражен (большее количество оценочных, оценочно-интерпретативных и автодескриптивных высказываний, чем в других группах), для них характерна наибольшая частота подачи обратной связи, это сильно отличает их от участников 2 группы;
- представители 2 группы стараются избегать высказываний, направленных на личность собеседника и характер коммуникации, предпочитают формальный стиль общения, реже дают обратную связь, она представлена большим количеством дескриптивных высказываний, чем в других группах;
- у представителей 3 группы обнаружены значимые различия с участниками 2 группы и различия на уровне тенденции с 1 группой по частоте подачи обратной связи, для которой характерно большее количество советов, по сравнению с другими группами;
- для всех групп характерна нейтральная по эмоциональному знаку обратная связь, но количество положительных высказываний больше у представителей 1 группы, чем у других групп.

Секция «Психология»

Сравнение особенностей самовосприятия сотрудников с восприятием ими клиентов показало, что между этими видами восприятия существует положительная корреляционная связь, свидетельствующая о том, что сотрудники при описании клиента во многом опираются на знания о себе.

Вместе с тем полного совпадения описаний не отмечается. Сотрудники описывают себя более подробно, чем клиентов. Тем не менее, количество объективных категорий при описании клиентов больше, чем при самоописании.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004.
2. Антонова Н.В. Идентичность педагога и особенности его общения. Дисс...канд. психол. наук. М., 1996.
3. Журавлева Н.С. Способы подачи обратной связи и ее эффекты в корпоративном тренинге. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 2004.
4. Ладионенко М.А. Критическая обратная связь: фактор гендера при ее восприятии. // Психология общения: тренинг человечности: Тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л.А.Петровской – М.: Смысл, 2007. С. 40 – 42.
5. Соловьева О. В. Обратная связь в межличностном общении – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
6. Стремоусова Е.Н. Характеристики обратной связи в личностном и деловом общении в организации. // Психология общения: тренинг человечности: Тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Л.А.Петровской – М.: Смысл, 2007. С. 50 – 52.
7. Петровская Л.А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989
8. Петровская Л.А. Обратная связь как феномен социально-перцептивных процессов в группе. // Межличностное восприятие в группе. / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И.Донцова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

Взаимосвязь динамики профессиональной мотивации и временных перспектив личности

Бердыган А.В.

Аспирант кафедры «Психология»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

E-mail: bonny1983@mail.ru

Важнейшим фактором, определяющим мотивацию человека, является его познавательная активность по осмыслению жизни и преследуемых в ней целей. Сложившиеся потребности окрашивают всевозможные условия, объекты и цели той части «образа мира», которая содержит представления о будущем, образуя особое мотивационное поле жизненной перспективы. Способ, программа и конкретные цели жизни становятся системой мотивов личности. Мотивы трудовой деятельности человека, входящие в общую систему мотивов, включают в себя мотив выбора профессии.

Выбор профессии – это сложный и долгий мотивационный процесс. Во многом от правильного выбора профессии зависит удовлетворенность человека своей жизнью. Профессиональная мотивация – это устойчивый интерес человека к выбранной профессии. Выделяют доминантный тип профессиональной мотивации (устойчивый интерес к профессии), ситуативный тип профессиональной мотивации (влияние происходящих жизненных обстоятельств, которые не всегда согласуются с интересами человека) и конформистский (или суггестивный) тип профессиональной мотивации (внушающее влияние со стороны ближайшего социального окружения – советы родных,

Секция «Психология»

друзей, знакомых). В образовательном учреждении развитие доминантного типа профессиональной мотивации является необходимым условием сохранения контингента учащихся. Устойчивый интерес к будущей профессии у студентов позволяет повысить учебную мотивацию.

Мы считаем, что время является формой организации, упорядочивания и координации деятельности людей в мире. Формирование у студентов образа себя в будущем как профессионала, успешного работника, представление у них модели своей специальности, позволяет определить временную перспективу профессионального развития личности. Планирование этапов своего развития в выбранной профессии определяет представление учащегося о психологическом будущем, которое измеряется потенциальными связями между событиями хронологического прошлого, настоящего и будущего. Задумываясь о том, что ожидает его в будущем, человек меняет свое настоящее.

Профессиональная мотивация как устойчивый интерес к выбранной профессии позволяет выстраивать процесс обучения с позиции изменения событий настоящего, реального бытия человека, что возможно только при условии наличия желания, сил и определенной направленной активности. Соединение педагогических технологий и возможностей психологического сопровождения образовательного процесса позволяет сформировать временную перспективу профессионального развития у студентов, тем самым развить устойчивый интерес к профессии (профессиональную мотивацию).

Литература

1. Вилюнас В. (2006) Психология развития мотивации. СПб.: Речь.
2. Ильин Е.П. (2008) Мотивация и мотивы. СПб.: Питер.
3. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. (2003) Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл.
4. Леонтьев А.Н. (2000) Лекции по общей психологии. М.: Смысл.
5. Стрелков Ю.К. (2005) Инженерная и профессиональная психология. М.: Академия.
6. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. (2008) Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. Том 29. № 3.

Возможности переговорного процесса при увольнении квалифицированных сотрудников организации

Бородина А.В.

Студентка

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова факультет психологии,
Москва, Россия*

Научный руководитель: профессор Т.Ю.Базаров

E-mail: a-borodina@hotmail.com

В большинстве исследований по психологии управления процесс увольнения уходит из поля зрения исследователей. Не секрет, что грамотный руководитель знает подход к своим подчиненным, чувствует как нужно мотивировать сотрудника или как указать ему на ошибки в работе. Но даже опытные руководители зачастую стараются избежать процедуры увольнения сотрудника.

Ниже разложим по порядку каждую составляющую увольнения и наш интерес к ней.

Увольняемый.

Нас интересует, какое положение, какой статус он заработал в нашей организации. В первую очередь, наше исследование касается работников высшего звена, топовый срез организации. Что характеризует таких работников? Это высочайшие профессионалы в своей области. Они привыкли к тому, что не они ищут работу, а работа их. Компании крайне не выгодно «ссориться» с таким работником. Чуть ниже мы еще к этому вернемся.

Увольняющий.

Секция «Психология»

Зачастую, человек, которому выпадает роль уволить, относится к этой процедуре с нескрываемым неудовольствием и стремится поскорее от этого отделаться. Здесь мы и сталкиваемся с нашей первостепенной задачей, а именно изменить представление об увольняемом. Для нас человек, которого хотят уволить, представляется высококлассным, разносторонним специалистом, которого необходимо «прощупать и, оценив по достоинству, попробовать использовать в рамках нашей организации.

Давайте взглянем на возможные варианты взаимодействия с увольняемым.

1) Иная позиция в организации. Мы рассматриваем специалистов, которые занимают высокую должность. Следовательно, их компетенции соответствуют не только конкретному рабочему месту. Пообщавшись с увольняемым, мы можем наметить ту область, в которой можно приложить компетенции работника к компетенциям рабочего места.

2) Та же позиция, но новые условия.

3) Расставание с работником с возможностью продолжения сотрудничества. Это вариант, при котором работник уходит из компании, но готов сотрудничать при пересечении сфер деятельности. Либо вариант актуальный для ситуации кризиса: работник покидает организацию, но знает, что в нем там все еще заинтересованы и если будет такая возможность. Он обязательно вернется.

Все эти варианты подразумевают, что с увольняемым будет проведена не стандартная беседа об увольнении, а целая работа с конкретной ситуацией увольнения. Для нашего исследования наиболее интересны первый и третий вариант взаимодействия с увольняемым, т.к. вторая ситуация связана с непосредственным начальником работника и носит больше формально – юридическую сторону отношений, чем психологическую.

Условия увольнения.

Для нашей работы не столь важны условия, при которых будет проходить увольнение работника. Таким образом, мы сводим условия увольнения к тому, что рассмотрение этой составляющей носит характер еще одного исследования для составления классификации условий. В классификацию, по нашему мнению, должно войти, как изменяется работа увольняющего с увольняемым в зависимости от типа корпоративной культуры. Так же стоит составить классификацию общих причин увольнения и затем связать эти две классификации. Но это работа будущих исследований.

Внешние характеристики увольнения.

Мы не можем закрыть глаза на то мировое положение, в котором проходит наше исследование. Ситуация мирового кризиса сделала нашу тему еще более актуальной и востребованной, но и искажает представление испытуемых о ситуации увольнения. Поэтому стоит отметить, что мы будем стараться учесть социально – культурный аспект исследования, но в целом эти характеристики стоит ставить на одно из определяющих мест уже в конкретном случае.

Теперь вернемся к самой ситуации увольнения.

Во-первых, это процесс общения. А, следовательно, мы должны учитывать личностные особенности 2 сторон этого общения.

Во-вторых, самой процедуре увольнения предшествует сбор и анализ информации об интересующем нас работнике, а после беседы по увольнению мы получим новые отношения с этим же работником.

Как работать с увольняемым, и на что стоит обращать внимание, мы хотим выяснить в нашем исследовании.

Цель нашего исследования – построить более или менее универсальную схему беседы увольняемым работником, которая позволит с одной стороны, попробовать «применить» сотрудника в организации, а с другой стороны, если с сотрудником мы все-таки расстанемся, то минимизируем риски этого расставания.

Задачи исследования можно выделить следующие.

Секция «Психология»

1. Нам необходимо разделить выборку, на которой мы будем проводить эксперимент, по выраженности эмоционального интеллекта (EQ).

2. Далее предоставляем нашей группе наглядный материал для обработки (3 сюжета с одним и тем же человеком, который в каждом сюжете представляет образ работника с разной установкой).

3. На нескольких методиках выявляем показатели, которые будут определяющими для разных установок. Причем, необходимо выявить какие показатели будут общие у группы с высоким EQ и у группы с высоким IQ, а какие будут различаться.

Для решения первого вопроса, нам необходимо провести следующие методики:

Тестирование на определение уровня EQ и уровня IQ. EQ мы будем мерить по опросникам, разработанным Манфредом Кетс де Врисом. Выверять IQ мы можем по тестам Айзенка.

Сюжеты будут представлять собой рассказ одного и того же человека о своей работе с разной инструкцией. Инструкции будут следующие:

- Ситуация 1 - Без дополнительных инструкций
- Ситуация 2 - С вводной «Вы - лояльный сотрудник»
- Ситуация 3 - С вводной «Вы - увольняющийся сотрудник».

Общая гипотеза нашего исследования состоит в том, что есть объективные показатели установки на работу, которые по-разному воспринимаются людьми с высоким и низким показателем эмоционального интеллекта.

Исследование, данные которого мы представляем на конференции Ломоносов-2009, является пилотажным.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., Аспект пресс,1999.
2. Айзенк Г. Новые тесты IQ. - М., Эксмо,2003.
3. Базаров Т.Ю. Психологические грани изменяющейся организации. – М., Аспект пресс, 2007.
4. Базаров Т.Ю., Беков Х.А., Аксенова Е.А. Методы оценки управленческого персонала государственных и коммерческих структур. – М., ИПК Госслужбы, 1996.
5. Жуков Ю.М. Методы практической социальной психологии. – М., Аспект пресс, 2004.
6. Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – М: Прогресс, 1980.
7. Кетс де Врис М. мистика лидерства. – М., Альпина Бизнес Бук, 2007.
8. Хьюстон М., Штрёбе В. Введение в социальную психологию. Европейский подход. /Под научной ред. Т.Ю.Базарова. – М.. ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
9. Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. 2-е изд. - М.,1988.

Детерминанты предпочтения командных ролей

Бочарова Н.В.

студентка

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, факультет психологии,
город Ярославль, Россия*

E-mail: miss-sunshine@mail.ru

В настоящее время актуальной является проблема командной работы. Важным ее аспектом является обеспечение эффективности деятельности команд. Для эффективной работы команды огромное значение имеет ее качественный состав. При подборе кандидатов важно не только то, какими знаниями или специальными навыками обладает потенциальный работник, но и то, как он будет проявлять себя на работе, каково будет рабочее поведение человека, отобранного из достаточно квалифицированных кандидатов.

Секция «Психология»

Именно поэтому был создан язык командных ролей. Типы поведения людей безграничны, но диапазон полезных моделей поведения в команде достаточно ограничен. По мнению Белбина, эти модели поведения могут быть сведены воедино. К ним применяется термин «командная роль».

Целью нашего исследования является определение личностных характеристик каждой командной роли.

Цель конкретизируется в задачах исследования:

- 1) Раскрыть содержание каждой командной роли;
- 2) Выделить предполагаемые личностные диспозиции членов команды;
- 3) Диагностировать предпочитаемую командную роль;
- 4) Диагностировать личностные качества;
- 5) Определить взаимосвязь между предпочитаемой командной ролью и личностными

качествами.

Объем выборки составил 80 человек.

Использовались 3 методики:

1. Опросник самовосприятия Белбина, который позволяет диагностировать предпочитаемую командную роль.

2. 16-факторная личностная методика Кеттелла, форма С.

3. Пятифакторный личностный опросник NEO-PI-R (базовые шкалы опросника: N – нейротизм, E – экстраверсия, O – открытость опыту, A – сотрудничество, C – добросовестность).

Полученные данные были подвергнуты статистической обработке с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Исследование показало, что:

1) Определенная командная роль связана с уровнем выраженности некоторых личностных черт.

2) Выраженные черты консерватизма, ригидности, социабельности позволяют прогнозировать предпочтение роли Руководителя (Координатора).

3) При доминировании такой черты, как смелость, а также при высоких показателях эмоциональной стабильности и добросовестности наиболее предпочитаемой ролью является Рабочая пчелка.

4) При высокой степени выраженности черты подозрительности и при слабом стремлении к сотрудничеству можно прогнозировать предпочтение роли Мотиватора.

5) Яркая выраженность таких черт, как настойчивость, склонность к чувству вины, гибкость, а также низкий уровень выраженности доброты (сердечности) и добросовестности позволяют предполагать наличие предпочитаемой роли Генератора идей.

6) Доминирование черт настойчивости, беспечности, подозрительности и гибкости, а также низкий показатель стремления к сотрудничеству дают возможность прогнозировать предпочитаемую роль Снабженца.

7) При выраженных чертах: безыскусственность, простота, недобросовестность, мягкосердечность, стремление к сотрудничеству – предпочитаемой ролью можно предполагать Вдохновителя.

8) Наличие черт зависимости, покорности, озабоченности, склонности к чувству вины и добросовестности позволяют прогнозировать наиболее предпочитаемую роль Контролера.

В нашем исследовании было раскрыто содержание каждой командной роли, выявлены личностные характеристики, которые определяют предпочтение каждой из этих ролей.

Разработка данной проблематики позволяет:

1. Создавать эффективные команды;
2. Сделать работу уже существующих команд более эффективной;
3. Грамотно распределять обязанности между членами команды;

Секция «Психология»

4. Оптимизировать взаимоотношения между членами команды;
5. Проводить отбор кандидатов на должности.
- 6.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений – М.: Аспект Пресс, 2002. – 364 с.
2. Белбин Р. М. Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач / Пер. с англ. М.: НИРО, 2003. 315 с.
3. Белбин Р. М. Типы ролей в командах менеджеров. Пер. с англ. М.: НИРО, 2003. – 232 с.
4. Гертер Г., Оттл К. Работа в команде. Практические рекомендации для успеха в группе. Пер. с нем. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2006, – 192 с.
5. Орел В. Е., Сенин И. Г. Личностный опросник NEO PI-R. Руководство по применению. НПЦ «Психодиагностика», 2004

Особенности осознания своей деятельности водителями автобусов на разных этапах профессионального развития

Воскресенская Н.Г.

Аспирант

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, отделение «Психология» факультета социальных наук, Н.Новгород, Россия
E-mail: sbortnikov@yandex.ru*

В процессе освоения профессии происходит профессиональное развитие субъекта труда, формируются профессиональные установки. Они проявляются в представлениях субъекта труда о своей деятельности, о себе как специалисте, о наличии профессионально важных качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных задач, другими словами - в особенностях осознания своей профессиональной деятельности.

При осознании субъектом труда своей профессии можно выделить две стороны. С одной стороны, это осознание своей деятельности с точки зрения ее социально-ценного результата (рассмотрение своей профессии с точки зрения той услуги, которую она оказывает обществу). У водителей автобусов это проявляется в выделении в числе первоочередных своих профессиональных обязанностей соблюдении безопасного и качественного обслуживания пассажиров. С другой стороны, профессия осознается работником как выполнение должностных инструкций, перечня функций и норм, принятых в данном профессиональном сообществе. Так водители в числе самых важных профессиональных обязанностей могут выделять выполнение плана выручки, соблюдение графика перевозок, технической исправности транспортного средства и т.д.

Данные особенности осознания индивидом функций профессии называются, соответственно, социальной и инструментальной моделями профессии. Субъективная интерпретация индивидом данных моделей формирует индивидуальную концепцию труда работника. При этом осознание социальной значимости субъектом труда своей деятельности является условием развития его профессиональной готовности на эффективную деятельность, а игнорирование инструментальных функций связано с отсутствием интереса к операционной стороне деятельности. Таким образом, благоприятным условием для реализации себя как профессионала, является присутствие как социальной, так и инструментальной моделей профессии в индивидуальной концепции.

Особенности осознания профессиональной деятельности субъектом труда во многом зависят от того, на каком этапе профессионального жизненного пути находится личность. Характер соотношения способностей и требований профессии определяет особенности осознания субъектом труда своих профессиональных обязанностей.

Данное положение нашло подтверждение в проведенном нами исследовании профессиональных установок водителей автобусов г. Н.Новгорода. Выборка состояла из 126 водителей в возрасте от 21 до 58 лет.

Исследование показало, что низкий уровень вождения транспортного средства в силу недостатка опыта, а также снижение уровня профессионального мастерства вследствие возрастных изменений ведут к рассогласованности социальной и инструментальной моделей в индивидуальной концепции труда водителя.

Наличие противоречия между требованиями деятельности и уровнем развития профессионально ориентированных структур психики у молодых водителей становится основной движущей силой развития личности как профессионала. У водителей старшего возраста наличие такого противоречия ведет к угасанию профессиональной активности, перестройке жизненных установок. Между тем максимально полная включенность в деятельность, сопровождаемая оптимальным соотношением способностей водителя с требованиями, предъявляемыми содержанием и условиями деятельности, ведет к осознанной позиции по отношению к своей профессиональной деятельности, рассмотрение своей работы как с точки зрения ее социальной заданности, так и с точки зрения требований предъявляемых организацией-работодателем.

Литература

1. Бодров, В.А., Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы / В.А. Бодров. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
2. Ермолаева, Е.П. Социальные функции и стратегии реализации профессионала в системе «человек-профессия-общество» / Е.П. Ермолаева // Психологический журнал. – 2005. - Т. 26, №4.
3. Новозенцев В.В. Психофизиология водителя в дорожных условиях. - М.: ВНИИБД, 1977.
4. Фонарев, А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала / А.Р. Фонарев. – М.: Изд. Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд. НПО «МОДЭК», 2005.

Исследование социально-психологических установок личности сквозь призму «дисциплинарных» и «знаниевых» стратегий самореализации человека в современном обществе

Герасимова М.А.⁴³

Студентка

Тверской Государственный Технический Университет

Гуманитарный факультет, Тверь, Россия

E-mail: Marin_Psy@mail.ru

Одним из условий эффективной деятельности органов внутренних дел и, в том числе, оперативных служб является их адекватное и своевременное кадровое обеспечение, сущность которого заключается в комплектовании подразделений и служб профессиональными кадрами. Такая деятельность, во-первых, предполагает подбор кандидатов на службу, а, во-вторых, отбор среди них наиболее пригодных к деятельности в данной силовой структуре. На сегодняшний день выделяется довольно-таки новая тенденция, характеризующая состояние в МВД: это все большее и большее привлечение представительниц женского пола на службу. Если говорить об актуальности этой темы, то можно вполне уверенно сказать, что на данный момент в российской реальности, да и не только в российской – в мировой – постоянно растет количество женщин, избравших столь нетипичную для них профессию военнослужащих, служащих в силовых структурах.

⁴³ Автор выражает признательность доценту, к.ф.н. Рассадину С.В. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

Учитывая вышесказанное, можно проследить явную связь между современными тенденциями на рынке труда и гендерными проблемами, сложившимися в современном мире. Именно поэтому, я считаю, разработка этой проблемы довольно актуальна на данный момент... Также налицо тот факт, что служба в силовых структурах предполагает собой владение властными полномочиями, которые приобретает индивид, поступая на службу. Также в связи с этим можно выделить еще одну особенность – службу в данных организациях выбирают люди, оказавшиеся в стороне от знания на начальном этапе своего образования. Поэтому в своей работе мы попытаемся выяснить причины такого профессионального выбора у представительниц «слабого» пола.

Цель, поставленная перед началом работы, заключалась в проведении теоретического анализа социально-психологических установок современного общества, статуса знания зарубежной и отечественной литературы и осуществить эмпирическое исследование по данной проблеме.

Предметом исследования послужили социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере, уровень мотивации к успеху и избеганию неудач. Для проведения пилотажного исследования были использованы следующие методики: методика исследования социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной и Методика диагностики личности на мотивацию к успеху и избеганию неудач Т. Элерса.

Результаты эмпирического исследования подтвердили выдвинутую в начале исследования гипотезу о том, что социально-психологические установки личности в мотивационно-потребностной сфере влияют на уровень ее мотивации к успеху и уровень мотивации к избеганию неудач. Нетрудно заметить, что у представителей силовых структур властные полномочия, властные стремления проявляются в большей степени, чем такие фундаментальные характеристики как альтруизм, ориентация на результат. Интересен тот факт, что ориентация на деньги, в которой в настоящий момент заинтересовано большинство работающего населения, также не пользуется успехом у испытуемых. Это еще раз подтверждает тот факт, что представительниц женского пола служба в силовых структурах привлекает, прежде всего, своей стабильностью. Они не ориентированы на большой заработок, для них важны социальные льготы и гарантии, наличие работы. Также можно проследить еще одну особенность: такие характеристики как высокий уровень избегания неудач, ориентация на процесс, на свободу, и, конечно же, ориентация на власть указывают на доминирование предпочтений опрашиваемых на властные отношения. По большому счету, при трудоустройстве в данную специфичную организацию индивидами, в нашем случае речь идет о представительницах женского пола, руководит стремление к власти, желанию доминировать. Хотя приказной порядок, казалось бы, должен наоборот настроить женщину отрицательно в отношении жесткой структуры. Также в данной работе уже был упомянут тот факт, что служба в МВД, в основном, привлекает лиц, находившихся в стороне от знания на начальном периоде своего обучения – в школе. Это еще раз подтверждает то, что во внутреннем мире индивида, который не имел доступа к власти в детстве или юности, в большей степени усиливается мотив власти или борьба за превосходство.

Таким образом, по результатам теоретического анализа литературы и эмпирического исследования, можно сделать вывод о том, что период современности, переходный период из эпохи модерна в постмодерн, общество характеризуется как информационное, где знание приобретает ведущую роль, является главной производительной силой. Однако сегодня нередки еще случаи, когда срабатывают механизмы дисциплинарной власти. В этом кроется противоречие современности. Соответственно, в социуме имеют место феномены, в которых отражается данное противоречие: увеличивается количество людей, женщин, которые выбирают для себя, для самореализации социальные институты, использующие дисциплинарные, силовые средства, механизмы в осуществлении своей деятельности. В данной работе были проанализированы возможные причины этого

Секция «Психология»

феномена. Исходя из анализа этих причин, можно заметить, что в большей степени индивидами руководит мотив власти в достижении своих целей или такой фактор как борьба за превосходство. И руководствуются им, в основном, люди, находящиеся в стороне от стратегии «знаниевого» типа.

Согласно проведенному эмпирическому исследованию, можно сделать вывод о том, что в целях эффективного кадрового подбора для обеспечения социального спокойствия и гармонии, необходимо проводить детальный отбор кандидатов, претендующих на службу в «силовых» структурах, которые должны осуществлять свою деятельность с позиции гуманности и человеколюбия прежде всего.

Литература

1. Бем С. Л. (2004) Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН.
2. Гидденс Э. (1999) Социология. М.: «УРСС».
3. Клецина И. С. (2004) Психология гендерных отношений: Теория и практика. СПб: Алетейя.
4. Лиотар Ж. Ф. (1998) Состояние постмодерна. М.: «Центр экспериментальной социологии» «Издательство «АЛЕТЕЙЯ».
5. Московичи С. Машина, творящая богов (1998) М.: «Центр психологии и психотерапии» «Издательство «КСП+».
6. Райгородский Д.Я. (1999) Психология и психоанализ власти. М.: «ХОХРАХ».
7. Сокулер З. А. (1991) Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ.
8. Фуко М. (2005) Нужно защищать общество. СПб.: «Наука».
9. Хекхаузен Х. (1986) Мотивация и деятельность. М.: "Педагогика".
10. Эпштейн М. (2000) Постмодерн в России. М.: Элинина.

Психологические аспекты реализации профессиональной деятельности в автоматизированных информационных системах

Гонкало Е.А.

Сотрудник

Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, Казань, Россия

E-mail: g-katy@mail.ru

Внедрение, использование и усовершенствование автоматизированных информационных систем в различных областях деятельности, в том числе в банковской сфере, способствует упрощению трудовой деятельности, увеличению пропускной способности систем, снижению ошибочных действий, повышению эффективности процессов осуществления трудовых функций и прочие. Осуществление профессиональных действий в подобного рода системах приводит к усовершенствованию некоторых навыков, определяющих принципиально важные психологические качества, необходимые для данной профессии. В деятельности операторов автоматизированных информационных систем важными составляющими являются: высокая скорость и точность исполнительской стороны труда, идентификационный контроль получателей услуг, который обеспечивает оператор с помощью специализированных технико-технологических средств и др. Эффективное исполнение профессиональных функций, в том числе перечисленных осуществляется посредством индивидуальных свойств и качеств, а также знаний, умений и навыков специалистов.

Перцептивная сфера операторов автоматизированных информационных систем обуславливается средствами труда (в качестве которых выступает автоматика) и

Секция «Психология»

профессиональными задачами. Изучение перцептивной сферы операторов позволит выделить психологические характеристики, свойственные субъекту труда и возможно их закономерные изменения, которые необходимо учитывать при подборе, отборе, обучении, консультировании, аттестации. В инженерной психологии и психологии труда авторы подчеркивают важность изучения темы восприятия для построения психологического аппарата анализа профессиональной деятельности.

Изучение психологического содержания деятельности операторов автоматизированных информационных систем и экспериментальное исследование перцептивной составляющей профессиональной деятельности позволяют сделать обоснованные выводы о том, что особенности перцептивной составляющей обусловлены операционально-исполнительным составом профессиональной деятельности. Таким образом, элементы автоматизированной информационной системы, используемые в деятельности оператором, при получении, преобразовании информации, оказывают влияние на исследуемые параметры перцептивной составляющей профессиональной деятельности (объем зрительного восприятия, точность идентификации и скорость обнаружения зрительного стимула). Таким образом, развитие информационных технологий, расширение сфер эксплуатации подобных технологий в банковской области предполагает формирование устойчивых психических новообразований, обусловленных воздействием и содержанием профессиональной деятельности. Применение автоматизированных информационных технологий (автоматизированных банковских систем) упрощает некоторые профессиональные функции субъекта труда и, тем самым, способствует ускорению исполнительской части и увеличению производительности труда, приводит к изменениям психофизиологических процессов, а именно, характеристик перцептивной составляющей профессиональной деятельности операторов.- успешные в профессиональной деятельности операторы автоматизированных информационных систем РС-банкинга характеризуются высокими показателями объема зрительного восприятия, скорости обнаружения зрительного стимула.

Выявленные особенности перцептивной составляющей профессиональной деятельности операторов автоматизированных информационных систем применимы для программ профподготовки. Разработанный психодиагностический аппарат оценки перцептивной составляющей профессиональной деятельности предназначен для профотбора и аттестации операторов автоматизированных информационных систем РС-банкинга. Результаты изучения перцептивной составляющей профессиональной деятельности позволяют дополнить и конкретизировать некоторые аспекты психологического содержания профессиональной деятельности операторов РС-банкинга АБС с перспективой реализации полученных сведений в работе по решению задач профессионального отбора, консультирования персонала и проектирования деятельности, рабочего места и элементов системы при разработке.

Личностные опросники при отборе персонала

Готра Ю.Я.

Студент

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка,
факультет психологии, Киев, Украина*

E-mail: ulia_g@ukr.net

При сегодняшнем темпе жизни выживаемость предприятий на рынке предусматривает высокий уровень конкурентоспособности, одним из главных компонентов которого является вовлеченный в производственный процесс человеческий ресурс. Значение имеют даже незначительные отличия, которые могут повлиять на качество работы, поэтому сегодня наряду с профессиональными качествами при отборе персонала все чаще

Секция «Психология»

оцениваются личностные характеристики претендента на должность. И для этих целей используются разного рода личностные опросники.

Прогностическая способность таких опросников оставляет желать лучшего, так как существует ряд неразрешенных вопросов, которые существенно ее снижают. К ним относятся как проблемы, связанные с диагностическим инструментарием, так и человеческий фактор.

Что касается личностных опросников как инструмента, основной проблемой является низкий уровень валидности и надежности таких тестов. Большинство из сегодня используемых при отборе персонала – это не всегда грамотно переведенные западные аналоги, которые не учитывают языковых, отличий

Человеческий фактор при использовании личностных опросников имеет значение в той степени, в которой результаты зависят от самого респондента. В ситуации отбора персонала претендент осознает, что от его ответов зависит решение работодателя о предоставлении должности. Этот факт значительно повышает риск искусственного искажения ответов к социально желаемому полюсу. Поэтому для повышения надежности результатов западные ученые предложили 3 способа: (а) вопросы, ответы на которые можно проверить; (б) измерение времени, затраченного на обдумывание ответа; (в) исследование паттерна ответов для исключения противоречащих друг другу. Но каждый из них имеет свои ограничения. На этом основании была сформулирована гипотеза: респонденты, которые знают, что результаты тестирования каким-либо образом повлияют на их жизнь (например, на решение работодателя о предоставлении должности), более склонны исказить результаты, чем те, которые знают, что результаты будут использоваться исключительно в исследовательских целях.

На основании этой гипотезы было проведено исследование, результаты которого показали, что респонденты, убежденные в том, что результаты личностного опросника повлияют на решение работодателя, более склонны исказить свои ответы. В исследовании в качестве эксперимента использовалась русскоязычная редакция опросника «Большая пятерка», предложенная Шмелевым А.Г. и Похилько В.И. в 1993г. Данные экспериментальной группы были сопоставлены с таковыми контрольной группы. Была установлена следующая корреляция: показатели социально позитивных факторов (Конформность, Добросовестность, Открытость, Экстраверсия) экспериментальной группы значительно превышали таковые контрольной группы, в то время как значения фактора Нейротизм были ниже. Также был проведен сравнительный анализ сырых баллов, дифференцированных по половой переменной, в результате чего было установлено, что лица мужского пола более склонны исказить факторы Открытости опыту и Экстраверсии, в то время как Женщины изменяли ответы по факторам Добросовестность и Нейротизм. Фактор Приятность оказался нечувствительным к половой переменной.

Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу, что доказало наличие проблемы и необходимости поиска ее решений. Такая необходимость привела к следующему предположению: склонность респондентов к искажению ответов на вопросы личностного опросника коррелирует с его мотивационными ориентациями. Данное предположение должно быть проверено экспериментально.

На наш взгляд, использование личностных опросников в практике имеет ряд ограничений. Их результаты не могут использоваться как основание для принятия решений, пока не будут применяться методы для устранения возможных неточностей таких результатов. Одним из таковых может быть показатели мотивационных ориентаций, которые смогут указать нам на респондентов, пытающихся жульничать.

Литература

1. Anderson, C. D., Warner, J. L., & Spencer, C. E. (1984). Inflation bias in self-assessment examination: Implications for valid employee selection. *Journal of Applied Psychology*, 69, 574-580.

Секция «Психология»

2. Anrew M. Colman (2008). Oxford: Dictionary of Psychology. Oxford University Press.
3. Barrick, M. R., & Mount, M. K. (1991). The big-five personality dimensions job performance: A meta-analysis. *Personnel Psychology*, 44, 1-26.
- Cattell, R. B. (1965). *The scientific analysis of personality*. London: Penguin Books, Limited.
4. Costa, P. T., & McRae, R. R. (1992). *Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five Factor Inventory (NEO-FFI) professional manual*. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.

Социальные стереотипы в представлениях о личности профессионального психолога

Грудцина М.В.

Преподаватель

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г.

Севастополе, факультет психологии, Севастополь, Украина

E-mail: mariagrudcina@rambler.ru

В широком, общепсихологическом смысле под социальными стереотипами понимают устойчивые, категоричные и крайне упрощенные представления о каком-либо явлении, группе или личности, распространенные в данной социальной среде.

Особую группу составляют стереотипы, которые характеризуют особенности личности представителей различных профессий. Исследование таких стереотипов необходимо для решения большого круга задач психологии труда, связанных с профессиональным общением и пониманием человека человеком в трудовой ситуации [1]. Это особенно актуально для профессий социономического типа, к которым относится профессия психолога.

Одним из следствий социальных трансформаций, связанных с технологическими и коммуникационными изменениями в современном мире, является появление новых и изменение содержания давно известных профессий. Сталкиваясь с необходимостью взаимодействия с психологом, многие люди не обладают достаточными сведениями о его профессиональной деятельности. Поэтому для преодоления дефицита информации в процессе межличностного восприятия субъект вынужден опираться на сложившиеся ранее социальные стереотипы. Имея представление о содержательной стороне этих стереотипов, психолог может более эффективно решать свои профессиональные задачи. Кроме того, осознание проблемы имиджа профессионала является важной частью профессиональной рефлексии психолога, которая лежит в основе профессионального самосознания и эффективной трудовой деятельности [2].

Содержание стереотипов и характер профессионального образования

Методологической основой данного исследования стал психосемантический подход, адекватность которого при изучении стереотипов обыденного сознания обоснована в работах В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелева, В.В. Знакова, О.А. Мальцевой и др. Для реконструкции семантических представлений о личности профессионального психолога использована методика частного семантического дифференциала. Для конструирования опросника частного СД, адекватного объекту исследования, был собран перечень личностных черт, которые в обыденной лексике могут использоваться для описания личности психолога. С этой целью составлена анкета, в которой испытуемые указывали ряд качеств личности, имеющих отношение к профессиональной деятельности психолога. В результате нескольких этапов отбора получен перечень из 20 качеств, которыми были заданы шкалы методики частного семантического дифференциала.

В исследовании приняли участие 3 группы испытуемых: респонденты, не имеющие психологического образования, - представители различных профессиональных групп; респонденты с неоконченным высшим или высшим психологическим образованием; студенты 1 и 2 курсов факультета психологии Филиала МГУ в г. Севастополе.

Испытуемые оценивали при помощи шкал частного семантического дифференциала свои представления о пяти объектах: клиент профессионального психолога; идеальный профессиональный психолог; профессиональный психолог в действительности (не идеальный, а реальный); собственное идеальное Я; собственное реальное Я.

В результате факторного анализа оценок составлены семантические пространства представлений о личности субъектов профессионального взаимодействия в системе «психолог – клиент» как для всех испытуемых вместе, так и для каждой группы респондентов в отдельности. Сравнение состава факторов и оценок объектов, вычисленных отдельно для каждой выборки, позволило выявить их содержательные отличия для людей с разным уровнем профессиональной психологической подготовки.

Психологи, получившие или завершающие высшее образование, обладают наименее стереотипным образом представителя собственной профессии благодаря особенностям жизненного опыта и разносторонним знаниям в своей профессиональной области. Они также имеют наиболее положительные стереотипные представления о клиентах. Как известно, одним из психологических признаков сформированного сознания субъекта труда является положительное отношение к объекту, средствам труда и трудовым отношениям, поэтому положительная оценка клиента является следствием особенностей трудовой мотивации психолога [3].

Студенты, которые только начинают осваивать профессию психолога, обладают высоким стремлением к познанию особенностей своей будущей трудовой деятельности. Однако они еще не располагают достаточным опытом и информированностью в данной сфере, поэтому их стереотипы о психологах отличаются наиболее развернутым содержанием. Интересно, что студенты одновременно приписывают психологам альтруизм и такие качества, как жесткость, доминантность, стремление к открытой критике. Мы предполагаем, что из-за небольшого опыта взаимодействия с представителями своей будущей профессии студенты соединяют образы профессиональных ролей психолога и преподавателя.

Стереотипные представления, выявленные у респондентов, не имеющих профессиональной психологической подготовки, связаны с коммуникативными и деловыми особенностями психолога, которые оцениваются положительно.

Связь результатов методики частного СД с уровнем самоактуализации

Было сделано предположение о том, что мера сходства между стереотипными представлениями о психологе, клиенте и собственном Я связана с определенными характеристиками личности респондентов. Эта связь может выражаться в существовании значимых корреляций между оценкой собственной личности и оценкой личности психолога или его клиента у респондентов с одинаковым уровнем проявления некоторой «личностной переменной». В рамках данного исследования в роли такой переменной рассматривается уровень развития самоактуализационной потребности. В качестве показателя самоактуализации, адекватного предмету исследования, были выбраны результаты шкалы «Поддержка» методики САТ. Этот параметр трактуется как индикатор направленности личности на себя или на других в отношении целей, убеждений, ценностей и установок. Тестирование с помощью САТ прошли все испытуемые вместе с методикой частного семантического дифференциала.

Между оценками «идеального я» и образа клиента профессионального психолога значимая корреляционная связь не обнаружена. Также нет достоверной связи между оценкой «реального я» и образа клиента у респондентов с низким уровнем самоактуализации. А вот у испытуемых с высоким уровнем самоактуализации выявлена средняя по силе и значимая связь между оценками образа собственной личности и представлениями о клиенте профессионального психолога. Возможно, для людей с высоким уровнем самоактуализации личностные аутостереотипы близки по содержанию к стереотипам о клиенте профессионального психолога. Можно сделать предположение о том, что люди, оценившие себя подобным образом, проявляют склонность к

взаимодействию с психологом в целях решения определенных проблем, а также самопознания и самосовершенствования.

Литература

1. Бодалев А.А. Личность и общение: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1983
2. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. - М.: Academia, 2005
3. Климов Е.А. Введение в психологию труда. - М.: Academia, 2004

Методика оценки удовлетворенности пользователя при работе в интернет-среде

Дегтяренко И.А.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: idegtiarenko@act.org

В последние десятилетия в науке и практике активно разрабатывалась проблематика особенностей деятельности, опосредствованной информационными технологиями (Бурмистров, Бельшкин, 2005), в частности, средствами, размещаемыми в интернет-среде. Эти средства играют важную роль в функционировании современного общества, однако вопрос о психологических критериях и детерминантах удовлетворенности пользователя остается нерешенным и в специальной литературе ему уделяется недостаточно внимания (Lindgaard, Dudek, 2003). Важной проблемой является отсутствие адекватных психологических средств оценки удовлетворенности интерфейсом и недостаток верифицируемых диагностических инструментов, пригодных для практического применения.

Удовлетворенность продуктом есть высокая «субъективная оценка его качества» (Большой психологический словарь, 2006, статья «Удовлетворенность»), отражает отношение пользователя к продукту, сформированное на основании предыдущего опыта взаимодействия с ним, в ходе которого неоднократно возникали чувство удовлетворения. В свою очередь, удовлетворение — это «чувство того, кто доволен исполнением своих стремлений, желаний, потребностей» (Ожегов, Шведова, 2006).

Наиболее распространенное представление о механизмах формирования удовлетворенности связано с процессами сличения идеального и реального образов используемого продукта. Соответственно, для того, чтобы исследовать удовлетворенность, в первую очередь необходимо иметь методику оценки образа представления продукта. Для использования в практике она должна быть компактной (25—30 пунктов) и психометрически валидной. Создание такой методики и стало целью данного исследования.

Методика исследования. Исследование состояло из трех основных этапов: сбор и предварительный отбор пунктов для методики, шкалирование ряда продуктов по представленным пунктам с последующим факторным анализом, создание на основе результатов факторного анализа компактного варианта методики.

Для обеспечения высокой содержательной валидности методики на первом этапе был собран массив из 400 высказываний пользователей о качествах интернет-сайтов. Использовался ряд источников: результаты исследования, основанного на методике репертуарных решеток, проведенного Д.О. Павловым (2007), а также перевод ряда англоязычных методик, предназначенных для оценки удовлетворенности пользователя. По результатам трехступенчатой экспертной процедуры, в которой использовались методика свободной сортировки и субъективное шкалирование, было отобрано 51 высказывание.

На втором этапе респонденты (138 человек, 53% женщин, 47% мужчин, ср. возраст 24) оценивали истинность этих высказываний относительно различных популярных интернет-сайтов по семибалльной шкале. Они могли оценить произвольное количество из 18

Секция «Психология»

сайтов, предложенных на выбор (в среднем, каждый оценил около 2,5). Для использования в факторном анализе было собрано 319 бланков.

На третьем этапе на основе результатов факторного анализа пункты были распределены по шкалам методики. Затем методика сокращалась на основе вклада различных пунктов в ее надежность-однородность.

Результаты исследования. Так как разные методы выявления факторов дали схожие результаты, в исследовании использовался наиболее популярный метод главных компонент. Руководствуясь критерием Кайзера (собственное значение фактора > 1) следовало выделить 6 факторов, однако анализ графика собственных значений факторов, параллельный анализ данных и качественный анализ результатов показали, что количество факторов скорее равно 4. Сумма объясняемой факторами дисперсии при ортогональном вращении — 60,3%. Однако в данном случае применялось косоугольное вращение методом Direct Quartimin, которое дало возможность получить более простую факторную структуру. По результатам отдельного факторного анализа пунктов, вошедших в каждый из факторов, в рамках первого фактора были выделены два подфактора.

В результате была составлена методика из 25 пунктов. Пункты распределены по 4 шкалам (с 2 субшкалами в рамках первой). Содержательная интерпретация шкал и примеры пунктов каждой шкалы представлены в табл. 1. Была показана высокая надежность-однородность методики: показатель Альфа Кронбаха для шкал методики варьирует от 0,878 до 0,898.

Табл. 1. Выделенные в результате факторного анализа шкалы методики

Факторы	<i>1. Эффективность</i>	<i>2. Простота</i>	<i>3. Полезность</i>	<i>4. Удовольствие и эмоциональный фон</i>
Число пунктов	10 (5+5)	5	5	5
Пункты с наибольшей факторной нагрузкой (указана в скобках)	<p><i>Подфактор 1а. Надежность:</i></p> <p>1. Этот сайт часто работает некорректно и подводит меня (-0,832)</p> <p>2. Этот сайт подводил меня в важный момент (-0,790)</p> <p><i>Подфактор 1б. Функциональность и скорость работы:</i></p> <p>1. На сайте отсутствуют необходимые для выполнения задачи функции (-0,720),</p> <p>2. Сайт заставляет совершать много лишних действий (-0,618)</p>	<p>1. Мне было просто понять, как работать с сайтом (0,888)</p> <p>2. По внешнему виду сайта легко понять, как выполнить какое-либо действие (0,745)</p> <p>3. Все действия, выполняемые на сайте, для меня привычны и знакомы (0,744)</p>	<p>1. Этот сайт нужен мне для работы (0,952)</p> <p>2. Сайт экономит мое время (0,837)</p> <p>3. Предоставляемая сайтом информация хорошо помогает в решении моих задач (0,796)</p>	<p>1. Этот сайт помогает мне развлечься и расслабиться (0,884)</p> <p>2. Мне интересно пользоваться сайтом (0,801)</p> <p>3. На сайте есть много интересной для меня информации (0,751)</p>

После проведения (1) валидации методики, (2) сбора данных о нормах и (3) проработки процедуры получения оценок удовлетворенности на основе оценок образа продукта методика может быть использована в практике разработки пользовательских

Секция «Психология»

интерфейсов и в теоретических исследованиях, посвященных проблеме удовлетворенности пользователей.

Литература

1. Большой психологический словарь (2006) / Под ред. Зинченко В.П., Мещерякова Б.Г.— СПб.: Прайм-Еврознак.
2. Бурмистров И.В., Бельшкин А.А. (2005) Юзабилити-инженерия как перспективное направление работы прикладных психологов // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России: Материалы конференции.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. (2006) Толковый словарь русского языка.— М.: ИТИ Технологии.
4. Павлов Д.О. (2007) Удовлетворенность пользователя при человекоориентированном подходе к проектированию технических устройств: Дипломная работа.— СПбГУ.
5. Lindgaard G., Dudek C. (2003) What is this evasive beast we call user satisfaction? // *Interacting with computers*, 15.

Особенности феномена доверия в условиях переговорного процесса

Денисова Н.С.

Аспирантка

*Московский Государственный Университет имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия
n_sh85@rambler.ru*

В связи с особенностями социально-экономического развития современной России психология переговоров может сыграть ключевую роль в обозначении и культивировании стандартов продуктивной межличностной и межгрупповой (включая этнические, конфессиональные, молодежные и др. социальные и профессиональные группы) коммуникации. Проблема эффективного ведения переговоров стала особенно актуальной только во второй половине двадцатого века (Аллахвердова О.В., Лебедева М. М., Мастенбрук В, Ниренберг Дж., Панов М. И., Петров В.В., Сурин А. В., Фишер Р., Чумиков А. Н., Эртель Д., Юри У). Однако стоит отметить, что феномен «диалога» имеет колоссальную историю в рамках философского знания (так, диалог становится одной из центральных идей уже в учении Сократа). Современная наука различает два вида переговоров – переговоры, ведущиеся в условиях конфликта и сотрудничества. В первом случае переговоры выступают в качестве способа урегулирования существующего конфликта между людьми (отдельными индивидами или группами). При сотрудничестве участники переговоров строят новые отношения, позволяющие им получить некий новый продукт. Их цель состоит в том, чтобы договориться о "вкладе" каждого, а также об организации взаимодействия и распределения полученного.

В соответствии с основным принципом, из которого исходят их участники (рассматривают они переговоры как продолжение борьбы или как процесс решения проблемы, предполагающий совместные усилия) выделяют два основных подхода или две стратегии переговоров: торг и совместный с партнером поиск решения проблемы (Лебедева М.М., 1999). При втором, наиболее значимом в рамках нашей работы подходе присутствуют совместный анализ проблемы и совместный поиск вариантов решения, подразумевающий кооперативность, партнерские отношения. При этом, результат переговоров в данном подходе – не достижение максимальной выгоды отдельно для каждой стороны, успех переговоров рассматривается как разрешение противоречий и максимальное взаимное удовлетворение интересов всех сторон.

Особенно важно при этом то, что выбор партнерского подхода не может быть сделан в одностороннем порядке, он подразумевает в значительной степени открытость обоих участников, формирование отношений диалога. Именно в ходе диалога участники стараются по-иному увидеть проблему и ее решение. В диалоге между сторонами

формируются новые отношения, ориентированные в перспективе на сотрудничество и взаимопонимание. В связи с этим, особенно ярко встает вопрос доверия как необходимого условия, и, одновременно, результата переговорного процесса, проходящего в условиях сотрудничества сторон в соответствии с партнерским подходом решения существующих проблем.

В социальной психологии традиционно основные исследования феномена доверия ведутся в связи с межличностным общением, межгрупповым и организационным взаимодействием. Все чаще в зарубежной и отечественной литературе можно встретить понимание доверия как одного из важнейших условий успешности любой совместной деятельности людей (Скрипкина Т.П., 2008, Шихирев П.Н., 2003, Шо Р., 2000, Антоненко И.В., 2003, Базаров Т.Ю., 2006). Нельзя недооценить роль доверия в переговорном процессе. Без определенной степени чувства предсказуемости, надежности и единства некоторых целей у каждого из участников переговоров, не может возникнуть того самого диалога, открытости и готовности к продуктивной совместной деятельности.

Однако относительно недавно появилась новая точка зрения, согласно которой некоторые ситуации требуют скорее определенного уровня недоверия, выражающегося в усилении контроля над деятельностью людей, введение дополнительных санкций, без которого взаимодействие не будет эффективным (Sztompka P., 1997, Р. Левицки, Д. Макалистер, Р. Байес, 1998). Так при выполнении творческих, интеллектуальных заданий, требующих оперирования большим количеством информации, разделенной между участниками взаимодействия, а также поиска новых, неочевидных решений, абсолютное, безграничное доверие участников взаимодействия по отношению друг к другу, может привести к возникновению ошибок, неточностей в работе, связанных с недостаточным контролем членами группы процесса совместной деятельности, в том числе и действий каждого отдельного человека. Контроль, рассматривающийся как проявление недоверия людей друг к другу при взаимодействии, выступает в качестве характеристики успешной совместной деятельности. При этом, с данным феноменом не связываются отрицательные эмоциональные состояния, часто ассоциирующиеся с недоверием (например, мнительность, предубеждение, подозрительность). Таким образом, при совместной деятельности людей может одновременно сосуществовать как определенный уровень доверия, необходимого для любого взаимодействия, так и определенный уровень недоверия, проявляющийся в форме взаимного перекрестного контроля участниками работы друг друга (Базаров Т.Ю., 2008, Шишкина Н.С., 2008). В связи с этим интересно выявить роль взаимного перекрестного контроля участниками взаимодействия при проведении переговоров, направленных на нахождение инновационного совместного решения проблемной ситуации в отсутствие острого конфликта.

Участники переговоров в ходе построения новых отношений приближаются к получению некоего нового продукта. Этим продуктом могут стать как непосредственно само новое качество отношений, так и некий иной продукт (вещественный или интеллектуальный - инновационная идея, совместное решение проблемной ситуации и т.д.). В условиях переговоров выход из сложившейся ситуации невозможен без участия обеих сторон, при том сотрудничество не выступает в качестве необходимого условия, но становится фактором, коренным образом меняющим итоговый продукт, обогащаящим его. Совместную деятельность участников переговорного процесса, в таком случае, можно рассматривать как совместно-творческую, в соответствии с типологией типов совместной деятельности (Уманский Л.И., Андреева Г.М., Базаров Т.Ю.). Представляется, что переговоры, как сложная совместно-творческая деятельность, направленная на создание инновационного продукта, требует определенной степени взаимного контроля, причем обязательно институционализированного, «открытого», принимаемого обеими сторонами.

Представляется, что осознанное принятие необходимости контроля каждым участником повышает успешность переговорного процесса. Объясняется это тем, что

Секция «Психология»

участники переговоров, контролируя работу друг друга и допуская контроль собственной деятельности, нацелены одновременно на открытость, прозрачность взаимодействия, что приводит к увеличению эффективности организации совместной работы по анализу информации и принятию решения. Таким образом, недоверие, в таком его проявлении как взаимный перекрестный контроль не только не оказывает деструктивного влияния на совместную деятельность, но и способствует повышению доверия.

Стоит особо отметить, что проблема доверия и недоверия, а также особенностей проявления и формирования данных феноменов в переговорном процессе, на данный момент не достаточно широко освещена в современной отечественной и зарубежной литературе, что обуславливает новизну данной тематики.

Выявление управленческого потенциала молодых специалистов промышленного предприятия

Джумагулова А.Ф.

аспирантка

Санкт-Петербургский Государственный Университет, кафедра эргономики и инженерной психологии, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: biwiman@mail.ru

В современных сложных экономических условиях к личности руководителя предъявляются высокие требования. В связи с широким внедрением новых технологий управленческий корпус организаций становится все моложе, карьера строится все быстрее. Психологические качества молодых специалистов, планирующих стать руководителями, должны соответствовать современным требованиям.

Целью настоящей работы явилось исследование управленческого потенциала молодых специалистов промышленного предприятия. В исследовании участвовали молодые специалисты металлургического предприятия в возрасте от 22 до 25 лет, стаж работы 1,5 – 2 года, в количестве 60 человек.

В своем исследовании мы опирались на работы Т. Ю. Базарова, Б. Ф. Ломова, Е.С. Кузьмина, Л.И. Уманского, Ю.Н. Емельянова, А.Л. Журавлева, А. В. Филипова, М. Вудкока, М.Х. Мескона, Д. Френсиса, Дж. Харрингтона и других авторов.

В качестве методических средств использовались личностный опросник «16-PF» Р. Кеттелла; методика «Мотивация к успеху» Т. Элерса; тест «Уверенность в себе Райдаса, опросник «Лидер»; тест «Ведущий или ведомый»; опросник «Каков ваш творческий потенциал», тест «Якоря карьеры» Э. Шейна.

Личность руководителя, его психологические особенности и качества играют ведущую роль в управлении организациями, поэтому к ним предъявляются особые повышенные требования.

Обобщая результаты теоретического исследования, можно сказать, что руководителю организации для достижения эффективности в профессиональной деятельности необходимы высокая компетентность, умение работать с людьми, критичность, аналитичность и оригинальность мышления, а также лидерские качества, высокий самоконтроль поведения, эмоциональная устойчивость, решительность и инициативность, т.е. в структуре управленческого потенциала можно выделить такие составляющие, как интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные и лидерские качества.

Эмпирическое исследование профессионально важных для управленческой деятельности качеств молодых специалистов показало, что испытуемые обладают достаточно высоким уровнем управленческого потенциала. Они эмоционально устойчивы, общительны, для них характерен высокий самоконтроль, способность доминировать, смелость, высокая нормативность поведения, радикализм, что соответствует требованиям к личности руководителя. В то же время молодые люди обнаружили средние показатели по развитию творческого потенциала и уверенности в

Секция «Психология»

себе. Недостаток творческого потенциала связан, по-видимому, с тем, что они работают в большой корпорации со строгими правилами, сложной технологией и условиями труда. Творчество молодых специалистов ограничено условиями и содержанием их деятельности. Все молодые люди работают в настоящее время рабочими и находятся в ситуации адаптации.

По индивидуальным характеристикам среди испытуемых есть молодые специалисты со слабо выраженными лидерскими качествами (8,5%), характеризующихся замкнутостью (11,5%), обладающих тревожностью (17%), эмоционально неустойчивых (10%), с низким уровнем самоконтроля (2%), обладающих жестокостью (15%), подозрительностью (10%) и напряженностью (8%), что не соответствует требованиям предприятия к качествам личности руководителя. Таким молодым специалистам для того, чтобы успешно заниматься управленческой деятельностью, необходимо пройти обучение с целью приобретения необходимых руководителю коммуникативных навыков, уверенности в себе, способности влиять на других, способности к эмпатии, воспитания инициативы, умений пользоваться своим интеллектом, развития творческих способностей. Также им можно рекомендовать индивидуальную коррекцию личностных и профессиональных качеств, поддающихся формированию и развитию.

Стремление сделать карьеру является неотъемлемым желанием человека, ориентированного на реализацию своего личностного и управленческого потенциала. По результатам исследования, карьерных устремлений по методике Э. Шейна было выявлено, что приоритетным для молодых специалистов является: «управленческая направленность», «стабильность места работы» и «вызов».

Самое главное для них – управление: людьми, проектами, любыми бизнес-процессами – это в целом не имеет принципиального значения. Центральное понятие их профессионального развития – власть, осознание того, что от них зависит принятие ключевых решений. Т.е., молодые специалисты с карьерной ориентацией на менеджмент склонны считать, что цели относительно карьеры не достигнуты до тех пор, пока ими не занята какая-либо должность, на которой они могли бы управлять различными сторонами деятельности предприятия: производством продукции, разработками и т.д. Ключевыми ценностями и мотивами молодых людей выступают возможности для лидерства, высокого дохода, повышение уровней ответственности и вклад в успех своей организации.

Такая карьерная ориентация, как «Стабильность места работы» у молодых специалистов, обусловлена потребностью в безопасности и стабильности с тем, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы. Их потребность в безопасности и стабильности ограничивает выбор вариантов карьеры. В настоящее время они работают в большой промышленной корпорации, имеющей свои сильные традиции, постоянно развивающейся и стабильной. Корпорация обеспечивает им определенный срок службы, имеет хорошую репутацию, осуществляет заботу о своих работников. На сегодняшний день, в условиях экономического кризиса, данная ориентация становится еще более значимой.

Основные ценности при карьерной ориентации «Вызов» - конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Человеком, ориентированным на то, чтобы "бросать вызов", социальная ситуация чаще всего рассматривается с позиции "выигрыша - проигрыша", процесс борьбы и победа более важны для человека, чем конкретная область деятельности или квалификация. Молодые специалисты промышленного предприятия, находящиеся в процессе жизненного пути, амбициозные, целеустремленные (высокая мотивация достижения), ориентированные на управленческую карьеру и стабильную работу в корпорации.

Менее всего у молодых специалистов выражены такие факторы мотивации, как: профессионализм и стабильность места жительства. Это, по-видимому, связано с тем, что в настоящее время все они работают рабочими, и знаний, которые они получили в ВУЗе вполне достаточно для работы. Кроме того, многие молодые люди еще не женаты, а

потому и не привязаны к месту жительства. У молодых специалистов на сегодняшний день другие приоритеты.

При установлении корреляционной взаимосвязи был обнаружен ряд особенностей связи между компонентами управленческого потенциала. Было установлено, что основополагающим качеством молодых специалистов является уверенность в себе. Степень уверенности в себе взаимосвязана с уровнем развития интеллекта и такими коммуникативными особенностями, как экспрессивность и нонконформизм, а также с лидерскими качествами, способностью влиять на окружающих и творческим потенциалом личности, который, в свою очередь, зависит от уровня развития воображения.

Структурные компоненты разных типов жизненных миров

Дроганчук А.В.

*Студентка факультета психологии и социальных коммуникаций
Таганрогский Институт Управления и Экономики, Таганрог, Россия
E-mail: anna_droganchuk@mail.ru*

Проблема жизненных миров была и остается одной из актуальных проблем психологии XXI века. В этой связи эмпирическая часть нашего психологического исследования зиждется на выделении типа жизненного мира, присущего каждому индивиду. В рамках данной работы под экзистенциальным понятием «жизненный мир» мы будем понимать некоторую область реальности, в которой человеку свойственно самостоятельно осуществлять выбор, причем этот выбор связан с основными психологическими категориями, такими как смысложизненные ориентации, мотивационная сфера, потребности, самоопределение, ценности и т.д. На сегодняшний день существует множество отечественных классификаций жизненных миров, но мы остановились на типологии Ф.Е. Василюка. Психологом были выделены следующие типы жизненного пространства:

- гедонистический (инфантильный) жизненный мир (принцип удовольствия является центральным; характерен когнитивный и эмоциональный инфантилизм; паразитическое существование - мир гончаровского Обломова);
- реалистический жизненный мир (здесь личность фанатична, ей характерны: неистовость поведения, готовность ради достижения цели жертвовать всем);
- ценностный жизненный мир (определяется духовно-нравственными ценностями, основной принцип - личностный и профессиональный рост, непрерывное развитие и расширение потенциала);
- творческий жизненный мир (высшие ступени ценностного развития; состояние, в котором человек способен пожертвовать любым из своих мотивов).

Проанализировав содержание жизненных миров по Ф.Е. Василюку, мы пришли к выводу, что центральным компонентом жизненного мира, позволяющим диагностировать его тип, являются ценностные ориентации в их терминальном аспекте. Для установления ценностей мы воспользовались методикой М. Рокича «Ценностные ориентации». Зная преобладающие ценности человека, мы можем отнести его к представителям того или иного типа жизненного мира. Мы считаем, что: гедонистическому жизненному миру присущи такие ценностные ориентации как «любовь», «материально обеспеченная жизнь», «развлечения», «друзья», «уверенность в себе», «здоровье», «свобода». Для реалистического жизненного мира базовыми ценностями являются – «здоровье», «семья», «любовь», «работа», «материально обеспеченная жизнь»; для ценностного – «познание», «развитие», «активная деятельная жизнь», «общественное признание», «продуктивная жизнь», «работа». Творческому миру характерны – «творчество», «уверенность в себе», «свобода», «общественное признание», «продуктивная жизнь», «красота природы и искусства». Затем нами были соотнесены смысложизненные ориентации и выделен вид мотивации в рамках каждого жизненного пространства. Для диагностики мотивации мы

Секция «Психология»

использовали взаимодополняющие методики Т. Элерса «Мотивация к успеху» и «Мотивация избегания неудач», а для выявления смысложизненных ориентаций - «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева. Для проведения данных исследований была выдвинута следующая гипотеза: существуют ли различия в структуре мотивационной сферы представителей различных жизненных миров. Следовательно, целью данного психологического исследования является детальное рассмотрение структуры мотивационной сферы, характеризующей основные закономерности в каждом типе жизненного мира, а также подтверждение или опровержение гипотезы. Объект работы - взрослый человек. Предмет работы - ценностные и смысложизненные ориентации, мотивация личности.

Данная исследовательская работа проводилась в 2009 году. Количество респондентов, участвовавших в опросе - 40 человек. Из них представителей мужского пола - 9, представителей женского - 31. Возраст испытуемых варьировал в границах от 21 до 56 лет. Из 40 испытуемых к реалистическому жизненному миру относятся 65%, к ценностному - 35%, к гедонистическому - 5% , к творческому - 0%, т.е. данный тип не нашел отражения в ответах респондентов.

После сравнения видов мотивации и сопоставления смысложизненных ориентаций мы получили следующие результаты:

1. Представителям гедонистического жизненного мира в большей степени свойственна мотивация избегания неудач. Они заняты собой и удовлетворением собственных потребностей, им присущи эгоистические установки. Гедонисты предпочитают либо малый, либо чрезмерно большой риск, где неудача не угрожает собственному престижу.

2. В реалистическом жизненном мире, как и в гедонистическом, превалирует мотивация избегания неудач. По нашему мнению, представители данного жизненного мира живут повседневной жизнью. Исходя из основных ценностных ориентаций этого мира (здоровье, работа, любовь, семья), представители ничего не желают менять и меняться, привыкли к традиционному жизненному сценарию. Живут жизнью «трудового муравья», ежедневно выполняя однообразную деятельность. Жизнь реалиста идет по накатанной колее. Они боятся экспериментировать, боятся потерять уже созданное.

3. В рамках ценностного мира преобладает мотивация к успеху. Представители этого мира меньше других попадают в стрессовые и проблемные ситуации, еще реже в несчастные случаи; полученный результат также указывает на способность к достижению намеченных целей. На наш взгляд, это напрямую связано с основными характеристиками представителей данного мира - активной жизненной позицией, продуктивной жизнью, стремлением познавать, что естественно может быть под силу человеку с сильной волей и особенно целеустремленному. Желают получить от жизни большего, не привыкли жить в рутине, если они оказываются «на коне», ликуют, так как живут этим. Пытаясь все больше и больше познать, оказываются участниками вечной «погони» за знаниями, в связи с чем, возможно, не получают эмоциональный отклик от уже прожитого временного отрезка. С другой стороны, благодаря трудолюбию и непоколебимому желанию добиваться поставленных целей и приобретать новые ЗУНы, развиваются как личностно, так и профессионально.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась. Проведенное исследование показало, что у представителей разных типов жизненных миров различна структура мотивационной сферы, также неодинаковы ценностные и смысложизненные ориентации.

Литература

1. Василюк Ф.Е. (1984) Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета.

Социальный интеллект руководителя – основа профессионального успеха

Евстифеева Н.В.⁴⁴

студент

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: Evstifeevanata@e1.ru

В современных социально-экономических условиях России проблема успешности профессиональной деятельности руководителя представляется весьма актуальной. Одним из важнейших факторов эффективности управления является социальный интеллект как способность правильной интерпретации своего социального окружения.

Данный феномен описывался в теориях Э. Торндайка, Г. Айзенка, Дж. Гилфорда, В.Н. Кунициной, Е.Н. Емельянова.

Первым надёжным тестом для измерения социального интеллекта стала методика Дж. Гилфорда и М. Салливена, которая позволила не только измерить общий уровень развития социального интеллекта, но и оценить частные способности к пониманию поведения людей.

На основании проведённого в 2008 году пилотажного исследования среди руководителей высшего и среднего звена г.Екатеринбурга (выборка 120 чел.) можно предположить следующее:

- женщине-руководителю необходим больший социальный интеллект, чем мужчине для того, чтобы занять высокий статус (это подтверждают более высокие значения оценок среди женщин);

- у руководителей среднего звена социальный интеллект ниже, чем у руководителей высшего звена, что говорит о зависимости занимаемого статуса от уровня социального интеллекта;

- феномен имеет компенсаторную природу, которая при высоком уровне социального интеллекта проявляется в снижении ролевой пластичности и повышении рефлексивности.

Таким образом, социальный интеллект – это способность, которая необходима для эффективного межличностного взаимодействия и социальной адаптации. Именно эта способность сегодня обеспечивает успешность профессиональной деятельности руководителя.

Литература

1. Куницина В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. М.: ПИТЕР, 2003.
2. Лунёва О.В. Социальный интеллект: основные подходы. М.: Аспект пресс, 2006.
3. Шепель В.М. Управленческая психология. М.: Экономика, 2004.

Анализ социально-психологических методов управления

(на примере предприятий г. Барнаула)

Емишина Е.С., Лаврентьева А.А.

студентки

*Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова,
Институт экономики и управления региональным развитием, г. Барнаул, Россия
emsh_lenochka@mail.ru, lavranna1987@mail.ru*

В настоящее время отечественные бизнес-структуры и наука об управлении переживают переходный этап к качественно новому пониманию роли человека в успешной деятельности организации. В связи с этим в менеджменте человеческих ресурсов появляются новые методы, технологии и способы управления персоналом, и

⁴⁴ Автор выражает признательность канд. филос. наук, доценту Дроздовой А.В. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

одно из первых мест занимают социально-психологические аспекты и технологии управления личностью.

Результаты труда во многом зависят от целого ряда психологических факторов. Умение учитывать эти факторы и с их помощью целенаправленно воздействовать на отдельных работников может помочь руководителю сформировать коллектив с едиными целями и задачами. Социологические исследования свидетельствуют о том, что если успех деятельности хозяйственного руководителя на 15% зависит от его профессиональных знаний, то на 85% - от умения работать с людьми.

Актуальность выбранной темы обусловлена все возрастающей ролью человека в деятельности любой организации, его непосредственным влиянием на экономические успехи, тенденциями к рассмотрению менеджмента как процесса управления людьми и взглядом на человека как на объект управления, а не часть механизма.

Главная цель работы - изучить применение социально-психологических технологий управления личностью на предприятиях г. Барнаула, выявить их эффективность и проанализировать недостатки.

Объектом социально-психологического руководства в трудовом коллективе являются взаимоотношения работников, их отношение к средствам труда и окружающей среде. Необходимость использования в практике управления организацией социально-психологических методов руководства очевидна, так как они позволяют своевременно учитывать мотивы деятельности и потребности работников, видеть перспективы изменения конкретной ситуации, принимать оптимальные управленческие решения.

Особенность социально-психологических методов состоит в чрезвычайном разнообразии их конкретных форм, проявляющихся через формирование коллектива, создание здорового психологического микроклимата, совершенствование материального и морального стимулирования.

Психологические методы управления направлены на регулирование отношений между людьми путем оптимального подбора и расстановки персонала. К ним относятся методы комплектования малых групп, гуманизации труда, профессионального отбора и обучения и др.

Анализ использования психологического воздействия на людей в различных сферах общественной практики показывает, что для формирования полноценной ориентировочной основы целесообразно использовать комбинацию различных средств воздействия, приемов воздействия, методов и технологий воздействия. При этом стоит заметить, что определенные социально-значимые результаты могут быть достигнуты только при решении комплекса взаимосвязанных психологических задач и проблем, рассматриваемых в контексте конкретных ситуаций.

С целью анализа современного состояния социально-психологических методов управления личностью на предприятиях г. Барнаула нами был проведен ряд исследований, по результатам которых можно сформулировать следующие выводы.

1. В качестве основных форм социально-психологического воздействия на предприятиях г. Барнаула используются:

- планирование социального развития трудовых коллективов (27 %);
- убеждение как метод воспитания и формирования личности (25 %);
- экономическое соревнование (21 %);

2. Большинство опрошенных работников предприятий г. Барнаула относится к супернормативному и нормативному типам поведения, что говорит о хорошей производственной дисциплине и эффективности управленческого воздействия.

3. Показатель ценностно-ориентационного единства персонала барнаульских предприятий равен 35%, что означает довольно низкий уровень ценностных

Секция «Психология»

ориентаций, а может привести к различным трениям и конфликтным ситуациям внутри коллектива.

Подводя итог, можно заметить, что социально-психологические методы просто необходимо использовать при управлении предприятием, для которого крайне важны взаимоотношения между работниками внутри коллектива. Поэтому задача управления, в том числе и на предприятиях г. Барнаула, состоит в создании такой деловой атмосферы, в которой наиболее полно могли бы реализоваться способности каждого работника. В связи с этим, на основании проведенного исследования, нами разработан ряд рекомендаций для предприятий г. Барнаула.

1. Социально-психологические методы управления только тогда будут эффективными, когда они опираются на подготовку руководителей как на уровне овладения ими средствами воздействия, так и конкретными приемами, методами и технологиями. Руководители не только должны иметь представление о целях, которые достигаются с помощью социально-психологического управления личностью, но и осуществлять декомпозицию психологических задач, обеспечивающих их достижение, уметь оценивать их с этической точки зрения.

2. Основным методом социально-психологического управления должно стать побуждение работников к развитию их способностей для более интенсивного и продуктивного труда. Это значит, что руководитель должен не приказывать своим подчиненным, а ориентировать их на цели и задачи организации, направлять усилия, помогать раскрытию способностей людей, концентрировать их на самом главном, формировать вокруг себя группу единомышленников, свою команду.

3. С побуждением неразрывно связано и умение убеждать. Убеждая, руководитель должен максимально полно учитывать природу человеческого поведения и человеческих отношений в процессе совместной деятельности. Понимание руководителем рассматриваемого предприятия биологической природы и внутреннего мира личности помогает ему подобрать наиболее эффективные формы сплочения и активизации коллектива.

4. Создание здоровой социально-психологической и деловой атмосферы невозможно без построения корпоративной культуры и четкого понимания ее принципов. Корпоративная культура поможет определить различные структурные единицы, рабочие взаимоотношения, распределение полномочий, позволит спрогнозировать необходимый культурный уровень персонала, потребность в обучении и развитии, а также сформировать и укрепить ценности, нормы, традиции коллектива.

5. Разработка модели кадрового планирования также является важным моментом социально-психологического управления коллективом. Благодаря кадровому планированию четко прогнозируется потребность в персонале необходимого качества и количества, закладываются требования как к квалификации сотрудников, так и к их личностным свойствам. Следовательно, зная наперед, какие люди требуются организации, имея возможность предвидеть будущие изменения, руководители снижают риск приема персонала, который не вписывается в принятую модель поведения, угрожая нарушить устоявшиеся отношения.

Нравственный компонент субъекта профессиональной деятельности

Закирзянова Л.А.

Аспирант

Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина

психологический факультет, Казань, Россия

E-mail: lutsia_zak@mail.ru

Актуальность изучения нравственного поведения субъекта профессиональной деятельности обусловлено сложившейся социальной и экономической ситуацией в России. В производственной сфере встал вопрос человеческого ресурса. Деловое поведение,

организационная культура и ее ценности, корпоративные нормы морали, нравственные отношения коллектива находятся в фокусе исследования таких отраслей психологической науки, как психология профессий, организационной психологии, психологии менеджмента, этической психологии и т.д. С одной стороны, разрабатываются программы профессионального совершенствования личности, с другой – недостаточно внимания уделяется нравственно-этической сфере в профессиональном образовании. Ученые-практики (Е.А.Климов, И.В.Дубровина, Ю.Д.Красовский, А.Р.Фонарев, Л.М.Попов и др.) отстаивают мнение, что нравственные качества личности обеспечивают наилучшее выполнение профессионального долга, способствуют личностному развитию профессионала. Вместе с тем, выявляется необходимость, во-первых, изучения нравственных качеств в различных типах профессий, во-вторых, создания психологической технологии нравственного совершенствования субъекта профессиональной деятельности.

Целью нашего исследования является изучение нравственно-психологических качеств субъекта профессиональной деятельности. Нравственно-этический компонент человека оказывает влияние на его поведение, взаимодействие с окружающим миром, развитие и саморазвитие (Л.М.Попов), тогда можно предположить о его влиянии на профессиональное саморазвитие человека. Формирование ценностно-нравственного отношения к своей профессии, творческое созидание профессиональной деятельности, отношений, своего внутреннего мира, на наш взгляд, благоприятно повлияет на мотивацию, удовлетворенность трудом и, как следствие, повысит эффективность деятельности. Профессиональное становление личности – это процесс прогрессивного изменения личности под влиянием профессиональной деятельности, социальных воздействий и собственной активности, направленной на самосовершенствование. Несомненно, целью психологического обеспечения профессионального становления личности является стимулирование роста профессионализма, продуктивности труда, развитие творческой инициативы сотрудника, научение навыкам самостоятельного преодоления трудностей процесса становления, укрепление профессионального «Я». В качестве психологического обеспечения профессионального образования предлагается создание условий и возможностей для продуктивного решения задач профессионального развития и саморазвития личности. Особое внимание в условиях профессионального образования следует уделять нравственному аспекту профессиональной деятельности работника (будущего специалиста).

В исследовании принимало участие 30 человек (студенты вузов Казани и специалисты разных профессий) в возрасте 18-45 лет. Для реализации поставленной цели использовались четыре методики: тест «Добро-Зло» Л.М. Попова, А.П. Кашина, методика «Нравственное самоопределение личности» А.Е.Воробьевой, А.Б.Купрейченко, тест «Диагностика социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М.Салливена, тест «Социально-психологическая адаптация» К.Роджерса и Р. Даймонда.

В результате проведенного исследования по изучению нравственно-психологических качеств студентов и специалистов различных профессий, определены особенности нравственного поведения испытуемых, а также уровни Добра и Зла (системы нравственных качеств личности), нравственные ориентации личности. Выявлены взаимосвязи между показателями социального интеллекта личности и стратегиями этического поведения, а также между интегральным показателем нравственно-этического компонента (ДЗ) и социально-психологической адаптацией. Данные связи дают основание полагать, что люди с ориентацией на «Добро», в своем поведении соблюдая нравственные принципы и нормы, обладают высокой степенью социально-психологической адаптации в различных условиях. Кроме того, были выделены приоритетные нравственные качества для различных типов профессий. К примеру, среди значимых нравственных характеристик, которыми необходимо обладать человеку, занятому в типе профессии «Человек-Знак» выделили трудолюбие, ответственность, терпение, добросовестность,

Секция «Психология»

верность делу. Самую высокую оценку по сравнению с другими типами профессий получила характеристика ответственности для типа профессий «Человек-Техника», помимо данного качества были выделены трудолюбие, верность делу, добросовестность. Особенность этих сфер деятельности связана с оперативностью решений, риском, необходимостью точных реакций и т.д. Поэтому в первую очередь выделяются те нравственные качества, которые характеризуют отношение человека к труду. В то же время в типе профессий «Человек-Природа» наряду с такими качествами как трудолюбие, ответственность, добросовестность, верность делу, отмечены отзывчивость, доброта, гуманность. Здесь важно не только отношение к делу, профессиональному долгу, но и более бережное, гуманное отношение к окружающей среде. Равномерно и на достаточно выраженном уровне расположились нравственные характеристики в типе профессий «Человек – Человек», однако наиболее приоритетными и необходимыми для эффективного и качественного исполнения своих профессиональных функций являются вежливость, гуманность, дружелюбие, доброта, отзывчивость, чуткость, справедливость, уважительное отношение к другим. Несомненно при взаимодействии с людьми нравственная регуляция поведения приобретает решающее значение. К наиболее значимым, приоритетным нравственным характеристикам в типе профессий «Человек- Художественный образ» можно отнести: трудолюбие, терпение, добросовестность, уважительное отношение к другим, доброта, дружелюбие, а также искренность. Данную область сложно регламентировать, поскольку по своему существу она является творческой. Здесь присутствуют качества, определяющие отношение к труду и отношение к другим.

Таким образом, полученный набор нравственных качеств для различных типов профессий позволяет обогатить представление о профессионально важных качествах специалиста. Результаты данного исследования можно использовать при профессиональной диагностике и профессиональной подготовке специалистов, делая акцент на профессионально-важных нравственных качествах отдельной сферы труда. Последнее может найти выражение в психологических технологиях нравственного совершенства субъекта с учетом специфики его профессиональной деятельности.

Литература

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов.- 4-е изд., перераб., доп.- М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2006.- 336 с.
2. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях: Учеб. пособие.-М.: изд-во МГУ, 1995.- 224 с.
3. Красовский Ю.Д. Нравственно-психологические проблемы управления в производственной организации. - М.: Знание, 1980.- 64 с.
4. Попов Л.М., Устин П.Н, Голубева О.Ю. Добро и Зло в этической психологии личности. - М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.- 240 с.
5. Фонарев А.Р. Психологические особенности личностного становления профессионала.- М.: Изд-во московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005.- 506 с.

Мотивационный менеджмент в структуре управления персоналом

Залкиприева Н.С.

Студент

*Дагестанский государственный университет, факультет психологии, Махачкала, Россия
E-mail: naidaz@list.ru*

Потребности человека и возможности их удовлетворения в хозяйственной деятельности основываются на характеристиках человеческого потенциала: здоровье, нравственности, творческих способностях, образовании, профессионализме.

Мотивационный менеджмент представляет собой управление, в котором ключевые приоритеты отдаются мотивированию творческой, производительной, профессиональной,

Секция «Психология»

инициативной деятельности человека. Следовательно, уровень реализации мотивирующей функции управленца зависит от ряда критериев:

- Профессиональная компетентность
- Уровень развития профессионального самосознания
- Индивидуальный стиль профессиональной деятельности
- Уровень профессиональной деструкции
- Наличие либо отсутствие кризиса профессионального становления
- Наличие определенных профессионально важных качеств
- Способность к управленческой деятельности.

Исследуя понятие компетентность менеджера по управлению мотивацией наемного персонала, необходимо понять как происходит формирование ценностно-нравственной, смысловой, личностной структуры его профессионального сознания. В научной литературе разные авторы выделяют два, а то и три этапа рождения личности: первый этап связан с дошкольным возрастом, когда выстраивается первая иерархия мотивов, второй – в подростковом возрасте, когда молодой человек по-новому осознает свои мотивы и начинает руководить собственным поведением. Третий этап рождения личности связывают с гражданской зрелостью индивида и согласованием своих мотивов с общественными и общечеловеческими.

Понимание специфики развития личности менеджера обуславливает выделение особенностей формирования его самосознания. Наиболее известной в России является периодизация развития человека как субъекта труда, предложенная Е.А. Климовым, который выделяет стадии развития с момента рождения и до стадии наставника – высший уровень работы любого менеджера.

Обобщая изложенное, можно выделить более конкретные этапы освоения профессии менеджера: адаптация к профессии, самоактуализация в профессии, гармонизация с профессией, преобразование, обогащение менеджером своей работы, свободное владение несколькими профессиями, этап творческого самоопределения себя как личности. Здесь главным критерием перехода из одного этапа в другой является готовность человека пересматривать смыслы своей жизни и профессиональной деятельности, не забывая и о системе ценностей.

В основе формирования индивидуального стиля труда менеджера лежит развитие его профессиональной системы профессиональной деятельности. Для формирования профессиональной мотивации необходимо «принятие» менеджером профессии, а также нахождение в ней личностного смысла деятельности, цели. В результате образуется целостное поведение менеджера.

Таким образом, индивидуальный стиль деятельности следует понимать не как набор отдельных свойств, а как целостную систему взаимосвязанных действий, при помощи которой достигается определенный результат. Отдельные действия образуют целостную систему именно благодаря целостному характеру их связи.

Профессиональная деструкция – это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействия с другими участниками этого процесса, а также на развитие самой личности.

Профессиональные деформации нарушают целостность личности, снижают её адаптивность, устойчивость, отрицательно сказываются на эффективности деятельности.

Таким образом, можно выделить следующие основные группы факторов, детерминирующие профессиональные деструкции: а) объективные, связанные с социально-профессиональной средой; б) субъективные, связанные с особенностями личности и характером профессиональных взаимоотношений; в) объективно-субъективные, порождаемые системой, качеством и профессионализмом менеджера.

Кризисы профессионального становления менеджера основаны на прохождении человеком основных этапов развития личности. Ряд авторов (Б.Ливерхуд, Г.Шихи),

Секция «Психология»

обобщая логику и основные кризисы развития личности, делают акцент на изменение ценностно-смысловой сферы личности. При этом выделяют следующие основные фазы жизни: душевное восприятие - до 20 лет; экспансивная фаза - от 20 до 40 лет, когда происходит переработка опыта наступает равновесие между биологической и духовной линией развития личности; социальная фаза или фаза руководства – завершающая стадия, когда происходит постепенное опережение развития духовной линии жизни и угасание биологической. Именно духовное развитие является важным и решающим для повседневной фазы жизни, поскольку оно как бы компенсирует угасание биологического развития.

Важным понятием в психологии труда является психограмма, представляющая собой выделение и описание качеств человека, необходимых для успешного выполнения данной трудовой деятельности. Эти качества носят название профессионально-важные качества (ПВК). В научной литературе на основе анализа выделяют ряд походов к содержанию и структуре профессиограмм, предъявляя к ним особые требования:

1. Комплексная профессиограмма (Платонов К.К., Котелова Ю.В. и др.)- учитывается широкий круг социальных, технических, экономических характеристик и указывается предмет, цели, способы оценки результатов.

2. Аналитическая профессиограмма (Иванова Е.М.)- раскрываются обобщенные нормативные показатели профессии и показатели психологической структуры профессиональной деятельности.

3. Психологически ориентированная профессиограмма (Гарбер Е.И.)- описание внешней картины труда, трудовое поведение, типичные реакции личности на определенные профессиональные ситуации.

Любая управленческая деятельность имеет три основных измерения: собственно деятельностное, связанное с организацией и управлением системой; кадровое, связанное с управлением людьми и межличностных взаимоотношений; производственно-технологическое измерение, связанное с организацией технологического процесса, его управлением. Эффективность управления определяться будем тем, насколько менеджер способен обеспечить и согласовать между собой эти три разных измерения.

Таким образом, управленческие способности менеджера, на наш взгляд, целесообразнее рассматривать в контексте общей структуры личности, обеспечивая взаимоувязку всех уровней реализации мотивирующей функции менеджера.

Литература:

- 1.Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.(2005) Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Пер. с англ.- М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- 2.Карпов А.В. (2000) Психология менеджмента. М.: «Гайдарики», 2000.
- 3.Климов Е.А. (1996) Психология профессионала. М.: Воронеж, 1996.
- 4.Ливерхуд Б. (1994) Кризисы жизни – шансы жизни. Калуга, 1994.
- 5.Оськин В. (2004) Каждый HR желает знать...// Управление персоналом, № 15
- 6.Уткин Э.А. (1999) Мотивационный менеджмент, М.: ЭКСМО, 1999.

Исследование совладающего со стрессом поведения на рабочем месте

Зенько А.А.

Аспирант

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова, Институт психологии и педагогики, Кострома, Россия

E-mail: xene@mail.ru

В последнее время четко обозначилась проблема совладания со стрессом на рабочем месте. Этому посвящено некоторое количество публикаций и исследований: Бендюков М.

Секция «Психология»

О., Бодров В. А., Обознов А. А., Хейккила В. М. и другие. Среди них особое место занимают разработки стресс-аудита, а также различных тренингов и способов борьбы с рабочим стрессом.

Люди проводят значительную часть времени на работе. Какой бы многообещающей и стимулирующей удовлетворение потребностей индивида ни была работа, известно, что работа может вызывать стресс (Warr, 1982). Стресс приводит к различным негативным последствиям, которые снижают эффективность работы как отдельного индивида, так и всей организации в целом. Исследования показали, что стресс может оказать негативное влияние как на физическое (Cartwright и Cooper, 1993; Cooper и Eaker, 1988) так и на психическое здоровье, (Cooper и Roden 1985) на удовлетворенность работой, качество выполнения работы (Hendrix, Ovalle и Troxler, 1985).

Проблема стресса на рабочем месте изучалась для различных видов деятельности. Установлено, что подверженность профессиональному стрессу связана со стрессогенностью самой деятельности (В.А. Бодров, 2000-2007; А.А. Обознов, 1998).

Первым этапом нашего большого исследования явилось изучение совладания у представителей разных профессий. В исследовании приняли участие 90 человек (3 экспериментальные выборки, включающие равные группы менеджеров среднего звена, водителей маршрутных такси и водителей междугородных автобусов). Возраст испытуемых от 22 до 45 лет (средний возраст 33 года): все три группы были уравнены по возрасту.

По результатам нашего исследования оказалось, что наибольший стресс на рабочем месте испытывают водители маршрутных такси (методика - модифицированная нами шкала Холмса и Раге, 1967). Несколько ниже был зафиксирован уровень стресса у водителей автобусов. Мы подтвердили данные о стрессогенности этих профессий. Другой задачей было измерение у испытуемых стратегий совладающего со стрессом поведения на рабочем месте.

Получены значимые различия в выборе стилей и стратегий совладания со стрессом представителями разных профессий (методики Опросник способов совладания - WCQ Folkman и Lazarus, адаптирован Крюковой Т.Л., 2003; и Копинг-поведение в стрессовых ситуациях - CISS Endler и Parker, адаптирован Крюковой Т.Л., 2001): чаще проблемно-ориентированный копинг используется менеджерами, чем водителями маршрутных такси и автобусов ($p = 0,04$), но реже ими используется избегающий копинг-стиль, к которому водители прибегают гораздо чаще, чем менеджеры.

Выявлена взаимосвязь уровня стресса и выраженности определенных стилей и стратегий совладания. Взаимосвязь уровня стресса у водителей маршрутных такси с копингом получилась отрицательной, т.е. чем выше уровень стресса, тем менее выражены такие стили совладания как: Избегание, Отвлечение и Социальное отвлечение, а стратегия Принятие ответственности выражена более всех остальных.

Гипотеза о повышенной стрессогенности работы водителей, подтвердилась. Кроме того, уровень совладания со стрессом на рабочем месте выше всего у водителей маршрутных такси, на втором месте – водители автобусов и на третьем – менеджеры.

Приведенные выше результаты демонстрируют лишь небольшую часть проблематики стресса на рабочем месте. Целью нашего дальнейшего исследования является расширение и углубление уже имеющихся данных. В направлении исследования наметились некоторые отклонения от начальной версии.

Анализ литературы показал, что часто причиной рабочего стресса является моббинг (психологическое давление на работе). Нами были проанализированы работы Беаты Шустер, Кери Купера, Хайнца Леймана, Дена Ольвеуса. Из них видно, что моббинг составляет серьезную проблему. На работе от 3,5-9% сотрудников испытывают ее на себе. Возникновение моббинга не зависит от возраста и пола сотрудника. Далее было выявлено, что необходимо дифференцировать различные формы моббинга, демонстрируемые преимущественно женщинами или мужчинами.

Секция «Психология»

В отечественной психологии пока нет исследований конкретно касающихся проблемы стресса, вызванного моббингом. Основной источник информации по данной проблематике – книга Моббинг персонала, А.В. Скавитин, 2004. Кроме того, есть множество статей прикладного характера, которые обобщают проблему и дают практические советы человеку, подвергнутому психологическому давлению на работе.

Выявлены причины возникновения моббинга, его характеристики и формы проявления, но ни одно исследование не дало результатов о том, что же будет являться 100%-ной гарантией возникновения моббинга. Однако, ряд причин всё – же можно назвать: психологи считают, что причины моббинга необходимо искать в поведении того, кто стал жертвой. Если для "агрессоров" моббинг - это лишь игра, то для жертвы - это стресс в 76% случаев, головные боли в 55% случаев, сомнения, стыд и чувство вины в 38% случаев. За пределами организации последствия психологического прессинга часто выражаются в бессоннице, рассеянности, ночных кошмарах. В 35% случаев прессинг на рабочем месте провоцирует значительные изменения в весе (набор или потерю), а в 28% - чрезмерное потребление алкоголя, сигарет, медикаментов.

По итогам анализа литературы мы выяснили, что моббинг является причиной возникновения стресса, который приводит к негативным последствиям. Решено выделить 2 группы испытуемых, которые находятся в разных условиях работы. Работники бюджетной сферы с фиксированной заработной платой и работники торговли, сферы обслуживания и др., чей доход зависит от собственной активности.

Нами была создана анкета, которая содержит три группы вопросов о моббинге. В опросе приняли участие 28 человек: мужчины и женщины, преподаватели вузов г. Костромы. Средний возраст 43,5 года. 17 человек из 28 (60,7%) отметили редкие проявления моббинга, 11 человек (39,3%) отметили, что проявления случаются чаще и 2 человека (7,1%) отметили постоянные проявления моббинга.

Но несмотря на то, что большинство респондентов опровергли наличие причин моббинга, в разговоре чаще они утверждают обратное. Следовательно, наша методика нуждается в доработке и усовершенствовании для точного выявления причин и характеристик моббинга. Необходимо усовершенствовать структуру анкеты, расширить список причин и ситуаций проявления моббинга на рабочем месте.

Особенности функциональных состояний в зависимости от предпочитаемого вида отдыха с использованием электронных средств (на примере профессиональных компьютерных пользователей)

Киеня О.С.

*Студентка кафедры психологии труда и инженерной психологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
психологии, Москва, Россия
E-mail: olga.kienya@gmail.com*

Массовая информатизация всех сфер человеческой жизни ставит проблему изучения как положительных, так и отрицательных аспектов взаимодействия человека с компьютером: изменений в традиционных видах деятельности, в самом человеке, в его личности. Одним из важнейших вопросов, требующих изучения, является проблема влияния компьютерных технологий на динамику и особенности функциональных состояний (ФС) активных пользователей, на формирование у них недопустимых ФС, в частности компьютерного стресса, что непосредственно сказывается на эффективности их деятельности.

На сегодняшний день компьютерные технологии не только заняли прочное положение как одно из основных средств труда, но и проникли в сферу досуга. Многие популярные и доступные виды отдыха связаны с использованием компьютеров и различных информационных технологий. Однако в силу того, что компьютерные виды деятельности

Секция «Психология»

обуславливают формирование у пользователя особого рода ФС, связанных с большими когнитивными требованиями и эмоциональными нагрузками, вынужденным режимом работы, задаваемым компьютером, восстановительный эффект подобного отдыха оказывается под сомнением.

Помимо этого в нашей стране растет число офисных работников, проводящих весь рабочий день за компьютером, и актуальным представляется вопрос об использовании ими компьютерных технологий в часы свободного времени. Как известно, восстановление оптимального уровня работоспособности субъекта требует прекращения выполнения вызвавшей утомление деятельности на определенный период времени, который с необходимостью должен включать элементы как пассивного, так и активного отдыха (Леонова, 1984). Однако в случае профессиональных компьютерных пользователей отдых за компьютером оказывается, наоборот, сходным видом деятельности. Интерес представляют психологические последствия подобного времяпрепровождения и, прежде всего, его влияние на ФС человека, восстановление после работы и дальнейшую эффективность деятельности.

В связи с этим целью нашей работы стало выявление особенностей функциональных состояний профессиональных компьютерных пользователей в зависимости от роли электронных средств, а именно компьютера, в организации ими своего отдыха. Объектом исследования выступили профессиональные компьютерные пользователи, проводящие за компьютером большую часть рабочего дня. Предметом исследования выступили их функциональные состояния в зависимости от предпочитаемого вида отдыха с использованием компьютерных средств или без их применения.

Наш исследовательский интерес был конкретизирован выдвижением следующих гипотез:

1. Существует связь между предпочитаемым видом отдыха и особенностями функционального состояния.

2. Особенности функциональных состояний работников будут различны в зависимости от роли компьютера в их отдыхе.

Данные предположения были выдвинуты на основании исследований, проведенных в области оптимизации функциональных состояний (Леонова, 1984; Леонова, Кузнецова, 2007) и изучения психологических последствий информатизации (Бабаева, Войскунский, 1998; Бодров, 2000; Тихомиров, 1993).

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе в наши задачи входило определение роли компьютера в жизни испытуемых в целом, а также его значения при организации ими своего свободного времени, для чего нами была разработана специальная анкета. По результатам анкетирования выборка была поделена на две группы в зависимости от отношения к компьютеризации своей деятельности и интенсивности использования компьютера во время отдыха. Испытуемые, вошедшие в первую группу (группа активных пользователей), дают в целом положительную оценку необходимости ежедневно работать на компьютере и присуждают компьютеру одну из ведущих ролей в сфере досуга. Вторая группа (группа пассивных пользователей) оценивает работу на компьютере нейтрально, не придавая ему особого значения в их жизни, и рассматривает компьютеризацию своей деятельности как необходимость. Во время отдыха они предпочитают смену деятельности и не считают компьютерные виды деятельности отдыхом.

На втором этапе в наши задачи входило изучение специфики ФС профессиональных компьютерных пользователей в зависимости от их предпочтений в использовании компьютера во время отдыха. Для проверки данной гипотезы нами был использован пакет из 8 методик, направленных на диагностику устойчивых индивидуальных проявлений и ситуативных реакций в описаниях состояний – тревожности, гнева, депрессии, общего самочувствия, активности, настроения, степени хронического утомления (Леонова, 1984; Леонова, Кузнецова, 2007). Оценка ФС проводилась дважды – в конце рабочей недели

Секция «Психология»

(вечер пятницы) и в начале следующей рабочей недели (утро понедельника). Такая последовательность замеров была выбрана с целью проследить динамику ФС за время выходных дней.

Анализ особенностей ФС профессиональных компьютерных пользователей выявил определенные различия между двумя обследованными группами. В группе пассивных пользователей отмечен более выраженный восстановительный эффект отдыха, по сравнению с группой активных пользователей. Ухудшение самочувствия и субъективное переживание дискомфорта у активных пользователей по сравнению с пассивными дополняется выраженностью тревожности и депрессии как устойчивых личностных черт. В конце рабочей недели у пассивных пользователей наблюдается комплексное изменение ФС, а у активных пользователей структура ФС распадается на блоки, среди которых выделяется блок тревожно-депрессивных переживаний. Выраженность тревожно-депрессивного блока сохраняется в группе активных пользователей и после выходных, что может быть обусловлено спецификой предпочитаемых видов деятельности, осуществляемых с использованием компьютера.

Полученные нами данные, свидетельствующие о связи особенностей функционального состояния со спецификой предпочитаемой досуговой деятельности, подтверждают необходимость осознанного планирования отдыха и выбора досуговой деятельности и могут стать ориентиром при разработке программ профилактики и коррекции неблагоприятных функциональных состояний, повышения эффективности трудовой деятельности и удовлетворенности своим трудом.

Литература

1. Бабаева Ю.О., Войскунский А.Е. Психологические последствия информатизации // Психологический журнал, 1998, №1.
2. Бодров В.А. Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000.
3. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. МГУ, 1984.
4. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007
5. Тихомиров О.К. Информационный век и теория Л.С. Выготского // Психологический журнал, 1993, №1.

Самооценка педагогов и их ценностные организационно-культурные предпочтения

Климычева М.В.

студентка 4 курса

Нижегородский Государственный Университет имени Н. И. Лобачевского, факультет Социальных Наук, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: marishka88@mail.ru

Введение

Одной из важнейших характеристик личности, определяющих профессиональное становление и профессиональную самореализацию, является самооценка. Самооценка является частью самосознания, и, как указывает Л.В.Бороздина, самооценка – это «наличие критической позиции индивида по отношению к тому, чем он обладает, но это не констатация имеющегося потенциала, а именно его оценка с точки зрения определенной системы ценностей» [1, с. 99]. Поэтому исследование самооценки актуально в плане выявления характера ее влияния на формирование профессиональных притязаний, наличие и уровень которых определяет стремления к профессиональной самореализации, готовность к инновациям в профессиональной деятельности, что является в настоящее время особо значимым во многих областях практики, в т.ч. в образовании.

В профессиональной сфере социально-психологическим контекстом формирования самооценки служит организационная культура (ОК), ядром которой являются

Секция «Психология»

доминирующие в организации ценности. Известно, что одни ОК поддерживают высокие притязания в профессиональной сфере (рыночная и адхократическая), а другие (клановая и бюрократическая) сдерживают профессиональные притязания [2]. Но практически не исследован вопрос о том, каков характер связи между самооценкой и типом ОК с соответствующими ей ценностями. **Гипотеза** исследования: существует определенная связь между организационно-культурными ценностями человека и его самооценкой. **Цель** исследования – выявить характер этой связи.

Результаты эмпирического исследования

Испытуемые: 47 учителей начальных классов школ с разными типами ОК. Методическое обеспечение: методика выявления личностных самоидентификаций М.Куна и Т.Макпартленда, методика выявления самооценки использована методика О.И.Моткова (модификация Л.Н.Захаровой), метод диагностики актуальных и предпочитаемых типов ОК и соответствующих им ценностей К.Камерона и Р.Куина, непараметрический критерий Вилкоксона и расчет рангового коэффициента корреляции. Результаты представлены в табл.1 и 2.

Таблица 1 Особенности самооценки педагогов и их организационно-ценностные предпочтения

ОК	ПС	Нр	В	С	К	Г	ТВ	Су	ПЦ	
А	К-	20%	3.1	1.9	4.0	3.7	3.0	3.1	3.5	К- А
И	Д-	10%	4.1	3.9	4.1	4.0	3.4	3.7	3.8	К- А
W		*	**	-	-	-	*	-	-	-

В табл. Ок – тип культуры; ПС- профессиональные самоидентификации; Самооценка: Нр – нравственность; В – воля; К – креативность; Г – гармоничность; ТВ - вовлеченность в трудовую деятельность; Су – самоуважение; ПЦ предпочитаемые ценности. тип ОК: К-А – кланово-адхократический; Д-И – иерархически-деловой.

Таблица 2 Корреляционная связь между организационно-культурными предпочтениями и особенностями самооценки в группе с доминирующими профессиональными ролями

Тип ОК	Аспект самооценки личности						
	Нр	В	С	К	Г	ПТ	СУ
К	0,14	- 0,07	-0,23	-0,01	0,15	0,3 5*	0,1
А	- 0,43*	0, 14	0,11	0,12	0,25	- 0,22	-0,01
Д	-0,13	0, 29	0,20	-0,17	-0,34*	- 0,23	-0,12
Б	0,45 *	- 0,36*	-0,02	0,07	-0,13	0,0 4	0,02

* - уровень статистической значимости $P < 0,05$

Данные таблицы 1 показывают, что педагоги предпочитают клановые ценности, хотя пребывание в ОК с выраженным клановым компонентом обуславливает более низкие показатели по таким значимым для профессиональной деятельности качествам как нравственность, воля, вовлеченность в трудовую деятельность.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что существует связь между самооценкой включенности в трудовую деятельность и предпочтением клановой организационной культуры ($r = 0,35$). Кроме того, у педагогов, работающих именно в клановой культуре, профессиональная самооценка выше, чем у их коллег, работающих в других культурах, другими словами, клановые ценности способствуют формированию чувства высокой вовлеченности в трудовую деятельность, что, судя по данным табл.2., не соответствует действительности. Это, видимо, объясняется тем, что педагоги, работающие в К-А культуре, не имеют опыта работы в деловой культуре и наоборот. К сожалению, не оказалось возможным получить данных по теоретически оптимальному типу ОК –

Секция «Психология»

адхократически-деловому. Но заслуживает внимания тот факт, что никто из испытуемых не высказал желания работать в такой культуре. Следовательно, можно предположить, что для сохранения существующего уровня профессиональной самооценки педагоги предпочитают работать в среде с мягкими требованиями, с приоритетом ценности хороших отношений, где нет необходимости в конкуренции и приложении максимальных усилий для подтверждения высоких результатов. В клановой культуре проще получить положительную обратную связь от начальства или коллег, что способствует сохранению высокой профессиональной самооценки. Возможно, в ряде случаев данная оценка себя является завышенной и не в полной мере адекватной.

Также в данной группе педагоги, считающие себя гармоничной личностью, не проявляют желания работать в деловой культуре, отдавая предпочтение клановой системе. Кроме того, была выявлена связь между высокой самооценкой по такому качеству как нравственность и выбором бюрократической культуры. И, наоборот, творческая культура, на их взгляд, обуславливает снижение нравственности.

Можно отметить отрицательную корреляцию между оценкой себя как волевого человека и выбором бюрократической культуры ($r = -0,36$), что естественно, так как в бюрократической системе у человека почти нет выбора, он вынужден постоянно выполнять правила, соответственно у него меньше возможности проявлять свободу воли.

Выводы

1. Существует связь между определенными аспектами самооценки и организационно-культурными условиями, но ценностные организационно-культурные предпочтения педагогов в целом близки. Педагоги предпочитают ОК с доминированием клановых ценностей, несмотря на то, что такая культура не способствует самоактуализации в труде.

2. Ценности деловой культуры, связанные с высокими требованиями к профессионализму, субъективно являются угрозой высокой самооценке и отвергаемы даже педагогами - высокими профессионалами. Этот, на первый взгляд, парадокс может быть объяснен неполной компетентностью менеджмента в выстраивании мотивационно привлекательной ОК образовательного учреждения. Такая ситуация является существенным психологическим барьером развития образования.

Литература

1. Бороздина Л. В. «Что такое самооценка», Психологический журнал, 1992, №4 С.99-100.
2. Захарова Л.Н., Организационно-культурные и мотивационные барьеры принятия инноваций // Культура и поведение в организации: российский опыт. Сборник научных трудов под ред.С.П.Дырина, А.А.Журавлева, Т.О.Соломанидиной. М. - Набережные Челны. 2008. С.207-214.

Стрессы у руководителей высшего и среднего звена и совладание с ними

Ковалёва О.А.

студентка

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова,

Институт педагогики и психологии, Кострома, Россия

E-mail: kovaleva.olya.vita@gmail.com

Повышение ритма жизни, динамики, снижение стабильности являются неотъемлемыми чертами современного мира. Эпоха информации и новых технологий предъявляет особые требования к мобильности, предприимчивости людей. Это, в свою очередь, непосредственно отражается на физическом и психическом здоровье человека, который вынужден находиться в состоянии повышенного напряжения, что способствует развитию стресса.

Особо значимой в современном обществе стала проблема профессионального стресса, стресса на рабочем месте, где человек в среднем проводит треть своей жизни. А такие

факторы, как экономические трудности, увеличение продолжительности рабочего дня, рост конкуренции, нехватка квалифицированного персонала, делают особо острой проблему стресса у руководителей организаций. Именно они представляют лицо фирмы (предприятия), в их руках сосредоточены властные полномочия, ответственность, от них в конечном итоге зависит принятие решений и направление деятельности компании. И как личностные качества, способности и опыт руководителя непосредственно влияют на данные процессы, так и сами процессы, происходящие в организациях, отражаются на личности руководителя. В научном плане проблема профессионального стресса и совладания с ним у руководителей является новой и, несмотря на рост числа исследований в данной области, остается недостаточно изученной. Ее разработка может способствовать оптимизации психологического состояния менеджеров, увеличению эффективности работы, управления и принятия решений в организациях. Результаты исследования могут быть применены в разработке программ по стресс-менеджменту для руководителей.

Проблеме стресса (в том числе, стресса на рабочем месте) и совладания с ним посвящены исследования как зарубежных (Г. Селье, Р. Лазарус, S. Folkman, N.S. Endler, J.D.A. Parker, C.L. Cooper и др.), так и отечественных ученых (Л.А. Китаев-Смык, Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, А.Б. Леонова, Т.Л. Крюкова и др.)

А.Б. Леонова (2004), проанализировав основные теоретические модели профессионального стресса, выделяет три типа концептуальных парадигм:

1) Парадигма соответствия в системе «личность-среда», лежащая в основе экологического подхода. Стресс в ней рассматривается как результат дисбаланса между требованиями окружающей среды и ресурсами человека.

2) Процессуально-когнитивная парадигма, оформившаяся в виде транзактного подхода. Она основана на психологической модели стресса Р. Лазаруса, в которой стресс выступает как процесс развития индивидуально-личностных форм адаптации к трудным условиям деятельности. Основными компонентами в данном процессе являются когнитивная оценка ситуации и актуализация репертуара внутренних средств преодоления трудностей.

3) Парадигма регуляции состояний, реализуемая в рамках регуляторного подхода. Стресс в ней анализируется как особый класс состояний с богатой феноменологией, которые возникают в результате изменения механизмов регуляции деятельности и поведения при актуальном и пролонгированном воздействии стресс-факторов.

Как отмечает А.Б. Леонова, данные подходы не имеют жестких разграничений, а взаимодополняют друг друга. Мы также полагаем, что при анализе стресса у руководителей следует опираться на совокупность трех подходов, учитывая требования среды (например, содержание управленческих ситуаций), личностные особенности, регуляцию поведения и индивидуальный опыт менеджеров в преодолении стресса.

К.Л. Купер и Д. Маршалл получили перечень из более 40-ка взаимодействующих факторов, которые могут привести к управленческому стрессу. Ими выделены основные категории стресса на рабочем месте: факторы, связанные с трудовой деятельностью (избыток или дефицит работы, нехватка времени и длительные паузы, необходимость принимать слишком много решений), роль в организации (ролевая неопределенность, ролевой конфликт, ответственность), взаимоотношения с коллегами и подчиненными, развитие карьеры, организационная структура и психологический климат, внеорганизационные источники стресса (Cooper, Marshall, 1995). Можно предположить, что в современных условиях трудовой деятельности, то есть в условиях экономического кризиса, высокой конкуренции, основными категориями стресса у руководителей являются повышенная ответственность за контроль рабочего процесса, взаимодействие с подчиненными, необходимость быстрого принятия решений и внедрения инноваций.

Наше исследование направлено на выявление стресс-факторов и стратегий совладания с ними у руководителей высшего и среднего звена. Мы предполагаем, что чем выше

Секция «Психология»

управленческий статус руководителей, тем выше уровень их стресса. Это можно объяснить тем, что руководители высшего звена более ответственны за принятие итоговых решений, направление деятельности организации, ее статус в экономической отрасли, чем руководители среднего звена. Кроме того, сами стрессовые ситуации (их содержание и динамика) различны у руководителей разного уровня. Также мы полагаем, что руководители высшего и среднего звена по-разному совладают со стрессовыми ситуациями на рабочем месте.

И, как мы ожидаем, у руководителей, склонных к демократическому стилю управления, имеется меньше стрессоров на рабочем месте, чем у руководителей, склонных к авторитарному стилю, и больше ресурсов, в том числе, социальных. Руководители, склонные к демократическому стилю управления, в большей степени используют юмор как стратегию совладания со стрессом, чем руководители, склонные к авторитарному стилю управления.

Выборку для данного исследования составляют руководители высшего и среднего звена производственных и торговых организаций. Для реализации цели исследования и проверки наших предположений было разработано полуструктурированное интервью, использованы методики: «Опросник способов совладания» (*WCQ* Р. Лазаруса, С. Фолкмана, 1988 г., адаптированный Т.Л. Крюковой, 2004), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (*CISS* Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера, 1990 г., адаптированный Т.Л. Крюковой, 2001), методика Ф. Фидлера (1961, 1967 г., модификация методики для изучения установки личности по отношению к «значимым другим» сделана Ю.Н. Емельяновым, 1984; Т.Л. Крюковой и В.И. Кашницким, 1988), опросник *MBI*, предназначенный для измерения психического выгорания у руководителей (К. Маслач, С. Джексона, 1986, адаптированный Н.Е. Водопьяновой), опросник «Опросник стилей юмора» (*HSQ* Р. Мартина, 2003 и др.).

В докладе будут представлены данные о выявленных стресс-факторах у руководителей высшего и среднего звена и выборе стратегий совладания с ними в зависимости от ранга, пола, стажа, стиля руководства.

Литература

- 1.Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004.
- 2.Купер К.Л., Маршалл Дж. Источники стресса «белых воротничков» // Психология труда и организационная психология. Современное состояние и перспективы развития. – М: Радекс, 1995.
- 3.Леонова А.Б. Комплексная стратегия анализа профессионального стресса: от диагностики к профилактике и коррекции // Психологический журнал, 2004. №2. С. 75-85.

Особенности профессиональной мотивации персонала государственных учреждений

Колебанова Е.А

Студент

Чувашский Государственный Университет имени И.Н.Ульянова, факультет управления и психологии, город Чебоксары, Россия.

nelepost21@mail.ru

Мотивация - это система побуждений, вызывающая активность индивида, определяющая направленность и характер его поведения и деятельность.

Над вопросом мотивации работали многие выдающиеся ученые: А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд, С. Адамс, Врум и др.

Целью исследования является изучение особенностей мотивации среди сотрудников государственных организаций.

Секция «Психология»

В исследовании приняли участие 30 сотрудников диспетчерской службы ОСП «Чебоксарские электрические сети» и 30 сотрудников Проектного института «Чувашгражданпроект».

При изучении данной темы использовались: анализ научных источников, опрос, тест «Что люди хотят получить от своей работы?», тест «Определение мотивации в работе», тест «Оценка удовлетворенности работой».

На первом этапе исследования для определения степени удовлетворенности работой использовалась методика «Оценка удовлетворенности работой». Было выявлено, что среди работников диспетчерской службы ей вполне удовлетворены 31% опрошенных, удовлетворены - 50%, не вполне удовлетворены - 15% и не удовлетворены совсем - всего 4%. Среди же сотрудников проектного института не было выявлено ни одного человека, неудовлетворенного своей работой, а удовлетворены 38% и вполне удовлетворены 62%.

На втором этапе для определения важных мотивов в работе сотрудников использовалась методика «Определение мотивации в работе». Были получены следующие результаты: и у работников диспетчерской службы и у проектировщиков преобладающим в работе является финансовый мотив. Далее для проектировщиков по важности идут отношения с руководством и сотрудничество. Среди рабочих-электриков после преобладающего финансового мотива следуют продвижение по службе и сотрудничество.

Для определения того, какие факторы (гигиенические или мотивационные) преобладают, использовалась методика «Что люди хотят получить от своей работы?». Получены следующие данные: для большинства рабочих-электриков преобладающими являются мотивирующие факторы (42%), т. е. для них наибольшую значимость имеют успех, продвижение по службе, признание и одобрение результатов работы, а для 38% самое важное – это условия работы, заработная плата, межличностные отношения в коллективе, т.е. гигиенические факторы. И у 20% опрошенных эти два вида факторов стабилизированы между собой, т.е. находятся на одном уровне по значимости для человека. Для сотрудников Проектного института преобладающими в их рабочей деятельности являются гигиенические факторы (56%), для 28% - это факторы - мотиваторы и для 16% эти виды факторов находятся на одной ступени.

В ходе исследования было выявлено, что для сотрудников обеих организаций необходимо не только материальное стимулирование, но и нематериальное.

Результаты данной работы нашли свое применение в практике работы службы развития персонала исследованных предприятий.

Качество трудовой жизни как важный фактор эффективного функционирования организации

Кольякова М. А

Студент

Чувашский Государственный Университет имени И. Н. Ульянова, факультет управления и психологии, город Чебоксары, Россия.

kolyakova_masha@mail.ru

В настоящее время высокое качество трудовой жизни человека рассматривается в развитом обществе как один из главных стимулов производительности труда. Качество трудовой жизни - степень удовлетворения членами организации своих личных потребностей, достижения своих личных целей и исполнения желаний посредством трудовой деятельности в данной организации.

Вопросами качества трудовой жизни занимались такие ученые, как А.С. Астахов, Н.А.Горелов, К. Адельфер, М. Вебер, Ф.Герцберг и многие другие.

Целью исследования является изучение качества трудовой жизни как одного из факторов эффективного функционирования организации.

В исследовании принимали участие 92 сотрудника одной из проектных организаций г.Чебоксары.

Секция «Психология»

Гипотеза исследования - качество трудовой жизни зависит от таких показателей, как: социально-психологический климат в трудовом коллективе, оплата труда, организация рабочего места, руководство организацией, индивидуальное развитие карьеры, социальные гарантии, социальные блага.

В работе была применена комплексная методика, включающая анализ научных источников, опрос, анкетирование, наблюдение, беседу, методы математико-статистической обработки данных и тестирование. Были применены следующие методики: «Удовлетворенность работой», «Диагностика социально-психологического климата коллектива», «Определение индекса групповой сплоченности Сижора», «Уровень организационной культуры», «Определение стиля руководства трудовым коллективом», «Качество трудовой жизни»¹.

На первом этапе исследования качества трудовой жизни изучалась степень удовлетворенности сотрудниками своей работой. Было выявлено, что большинство работников организации ей вполне удовлетворены (62%).

В ходе диагностики социально-психологического климата коллектива данной организации было выявлено, что все три компонента (эмоциональный, поведенческий и когнитивный) имеют положительную направленность в данном коллективе, а социально-психологический климат коллектива в целом оценивается как весьма благоприятный.

Также для диагностики взаимоотношений в коллективе была использована методика «Определение индекса групповой сплоченности Сижора», по результатам которой было получено, что исследуемый коллектив имеет высокую степень сплоченности.

На четвертом этапе нашего исследования мы измеряли уровень организационной культуры по основным направлениям: трудовая деятельность, коммуникации, управление, мотивация и мораль. В целом, организационная культура организации, по мнению сотрудников, имеет средний уровень (55%), 28% считают его высоким, очень высоким - 3% и 14% - низким.

Исследование стиля руководства трудовым коллективом показало, что большинство сотрудников считают его демократическим.

Завершающий этап - это оценка качества трудовой жизни сотрудников, которое включает такие показатели, как: социально-психологический климат в трудовом коллективе, оплата труда, организация рабочего места, руководство организацией, индивидуальное развитие карьеры, социальные гарантии, социальные блага. При анализе полученных данных было установлено, что половина работников организации качество своей трудовой жизни оценивают на «удовлетворительно», чуть меньше половины на «неудовлетворительно» и 1 человек считает его хорошим. Самыми не одобряемыми показателями из предложенных оказались «оплата труда», «служебная карьера», «социальные блага».

Выводы:

1. Социально-психологический климат коллектива данной организации в целом оценивается как благоприятный с высокой степенью сплоченности.

2. Сотрудники удовлетворены своей трудовой деятельностью, трудовым коллективом, рабочим местом, социальными гарантиями.

3. Сотрудники не совсем удовлетворены размером заработной платы, возможностью предоставления социальных благ, системой поощрения.

4. Стиль руководства трудовым коллективом – демократический.

5. Качество трудовой жизни сотрудников организации находится на оптимальном уровне, что доказывается высокими показателями по большинству из основных его элементов.

В целом - сотрудники исследуемой организации довольны своим нынешним положением в организации, ценят свое рабочее место, уважают коллег и руководство, нацелены на продвижение по карьерной лестнице, готовы к обучению и саморазвитию, преданы своей организации. Все это является показателем успешно выбранной организационной стратегии, слаженной работы руководства.

Литература

1. Егоршин А. П. Управление персоналом. Н. Новгород: НИМБ. 2005. 720 с.

Актуальность использования деятельностного подхода в целях социально-психологического обеспечения организационной культуры

Коннов С.А.

Аспирант факультета социальной психологии

Московский городской психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: ksa-hr@live.ru

В развитии современных организаций, помимо экономических и юридических составляющих, одним из важнейших факторов успешного развития является способность руководства устанавливать высокий уровень взаимодействия с персоналом (подразумевающий целый перечень составляющих, таких как: открытость, прозрачность стратегий, лояльность персонала, взаимное доверие, партнерство и т.д.).

Подобная система взаимодействия в организации, основана на двух составляющих: организационной и корпоративной культуре. Корпоративная культура – это модель делового взаимодействия, предлагаемая руководством, для регуляции основной деятельности организации. В данном контексте необходимо отметить, что корпоративная культура основывается на ценностях и нормах продвигаемых руководством, исходящим из соображений рационального развития относительно целей и задач организации, по отношению к затратам на их достижение. Организационная культура – это сложная система взаимодействий и взаимоотношений в организации, основанная на ценностях и нормах принятых сотрудниками, а также на субъективном представлении сотрудников об организационной действительности. Важно подчеркнуть, что через данную систему осуществляется видение организационной действительности, построения важной части самосознания, как личности (и/или индивидуальности), самооценки, Я-концепции, другими словами, основную роль в данном механизме играет межличностное взаимодействие и личностное понимание ситуации.

В современной Западной организационной психологии, исследователи теоретики и многие практики стараются уходить от изучения проблематики организационной культуры, так как на данный момент отсутствует четкое представление о методологической основе изучения организационной культуры. Более того, Дитер Герберт и Лутц фон Розенштиль в своей книге “Организационная психология” отмечают, что “<...>отсутствие исчерпывающей системы организационно-психологических теорий<...>” и основы для практических действий, не дают возможности “<...>интерпретировать практические действия организационных психологов как применение технологий, которые, подобно гипотезам они выводят из теорий”. Те же авторы указывают на то, что в данный момент все теории, построенные на специфических условиях организации, не в состоянии выдержать научной проверки. В этом ключе, практикующий психолог вынужден опираться только на личный опыт, полученном в различных ситуациях, а также на предположения о приемлемости (относительной непротиворечивости), которые различаются по базовым психологическим знаниям.

Другой теоретик в области организационной культуры: Мэтс Элвессон в книге “Организационная культура” предостерегает нас от попытки упрощения понимания организационной культуры и от “менеджерского подхода” (или инструментально-управленческого). Можно обратить внимание на принцип выявления и работы над проблемами современных организаций: основным принципом работы является анализ случаев или case-studies известные нам благодаря МВА (системам повышения квалификации управляющих менеджеров). Такой способ анализа, в условиях быстро развивающегося рынка, вряд ли можно считать достаточно эффективным, так как case-studies направлены на избегание, как правило, произошедших проблем (пусть даже успешно разрешенных), другими словами анализ проблем идет не параллельно с развитием, а постфактум. Подобный подход являет нам пример констатирующего анализа проблем организационной психологии и открывает большое пространство, требующее детальной проработки, как с позиций теоретического анализа проблематики, так и с практико-методологических позиций.

Таким образом, применительно к нашему контексту, на первый план выходит проблема основного показателя уровня развития и анализа организационной культуры, поддающегося более или менее объективной оценке. В принципе, такой показатель уже существует – это деятельность. Однако, ввиду отсутствия в Западной психологии четкого представления о теоретической основе, происходит упрощение данного понятия, а соответственно и его анализа, что зачастую приводит к некорректным выводам. Так, С.Л. Рубинштейн указывает на необходимость глубокого анализа деятельности, без заведомо ложных упрощений, как возможного пути предотвращения разрыва между практической и теоретической составляющими науки. Во многих современных исследованиях организационного поведения, субъектность деятельности каждого члена (команд, групп, отделов) организации, выбрасывается за рамки анализа. В результате подобной тенденции теряется суть существования организации как таковой, то есть происходит своеобразная механизация или стереотипизация организации, что приводит к потере множества значимых факторов для существования организации.

Во многих схемах, описанных в Западной организационной психологии, субъект преподносится нам, как реципиент, а его действия являются итогом ситуации, результат же вообще выносится за рамки субъектности (что само по себе противоречит даже когнитивным моделям). Этот теоретико-методологический пробел устраняется, если мы обратимся к принципам субъектности, системности и детерминизма.

Ценность деятельностного подхода заключается в учете субъектности при рассмотрении деятельности, как ключевой переменной. В этой связи выделяется опосредующая роль деятельности в восприятии действительности (ее семантический контекст для субъекта), что важно подчеркнуть, активным субъектом. Более того, подчеркивается значимость познавательного процесса в индивидуальном плане, по отношению к социальной ситуации развития.

Таким образом, мы можем заключить, что в Отечественной психологии существует, признанная и эвристичная, концепция, рассматривающая, что особенно важно, субъекта и его деятельность в диалектическом единстве. И важным направлением исследований в области организационной психологии может стать изучение и раскрытие возможностей деятельностного подхода в целях социально-психологического обеспечения организационной культуры и решения различных прикладных задач.

Литература:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебн. Пособие для студентов высших учебных заведений. 2-ое издание, переработанное и дополненное.//Аспект Пресс – Москва, 2000.
2. Герберт Д., Л. фон Розенштиль. Организационная психология. Человек и организация.// Гуманитарный центр – Харьков, 2006.

3. Грошев И.В., Емельянов П.В., Юрьев В.М. Организационная культура.// ЮНИТИ-ДАНА – Москва, 2004.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии.// Питер – Спб., 2002.
5. Элвессон М. Организационная культура. // Гуманитарный центр – Харьков, 2005.
6. Smircich L. Organizations as shared meanings. In Pondy R.L. Organizational symbolism. Greenwich: JAI Press 1983.

**Мотивация применения психологических знаний
в практической деятельности управленца**

Копытова А.М.

Соискатель

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
психологии, кафедра общей психологии, г. Москва
saliya@yandex.ru*

В последние годы наблюдается всплеск интереса в обществе к применению психологических знаний в практической деятельности специалистов различных направлений. Это проявляется в самых различных сферах: от разработки образовательных программ до управления персоналом компаний различного профиля. Между тем, отношение к психологическим знаниям остается двойственным, а ответ на вопрос о необходимости их использования в практической деятельности организации по-прежнему неоднозначен. При этом степень интереса к привлечению специалистов-психологов, а также и эффективность применения психологических знаний во многом связаны не с их объективной необходимостью, а с личностными и мотивационными качествами руководителя компании.

Закономерно было бы предположить, что мотивационные основания для привлечения психологических знаний руководителем имеют сложную структуру и во многом детерминированы не производственной необходимостью, а личностными потребностями человека, принимающего соответствующие решения. При этом ожидаемая эффективность (как по своей направленности, так и по степени) от применения психологических знаний в разнообразной социальной практике часто не совпадает с реальной. Эти обстоятельства делают проблему исследования мотивационной подоплеки интереса к психологическим знаниям со стороны специалистов-практиков весьма актуальной. Исследование этой проблемы позволит рефлексировать социальное «лицо» психологической науки в нашем обществе, прогнозировать основные формы социальной востребованности психологических знаний со стороны практики.

Для изучения выше обозначенной проблемы мы обратились к руководителям коммерческих организаций. В исследовании приняло участие 46 руководителей среднего и высшего звена в возрасте от 23 до 59 лет, среди которых 18 мужчин и 23 женщины. В качестве методов исследования были использованы стандартизованная беседа, анкетирование, метод неоконченных предложений, а также метод ранжирования. В результате обработки данных получены следующие результаты:

1. Подавляющее большинство руководителей организаций декларируют необходимость применения психологических знаний и потребность в специалистах этой области знаний в коммерческих организациях.

2. Некоторые руководители имеют амбивалентное отношение к психологам и психологическим знаниям: это, чаще всего, руководители-мужчины, а также руководители в возрасте до 30 лет. Обозначенные группы руководителей декларируют значимость психологических знаний, психологов и психологических служб, однако сами склонны отвергать их в решении своих личных и профессиональных задач.

Секция «Психология»

3. Наиболее заинтересованными в применении психологических знаний и в работе психолога, и психологической службы в организации являются женщины-руководители и руководители в возрасте от 30 до 45 лет.

4. Отношение к психологическим знаниям и психологам не связано со стажем работы руководителей на руководящей должности, но связано с половой принадлежностью и возрастом руководителя.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношение к психологическим знаниям, психологам и психологической службе является личностно обусловленным и не связано с должностным статусом руководителя.

В целях определения мотивации к использованию психологических знаний мы разделили испытуемых на две группы: группу руководителей, отвергающих использование психологических знаний и необходимость работы специалистов-психологов и психологической службы в коммерческих организациях, и группу руководителей, активно их использующих. Как уже упоминалось выше, все руководители декларируют необходимость использования психологических знаний, и поэтому разделение на группы происходило по совокупности критериев (наличие намерения обращения к психологу в случае необходимости, утверждение возможности работы психологической службы в организации, применение психологических знаний в решении управленческих задач).

Говоря о мотивации руководителей к использованию психологических знаний, можно отметить, что мотив понимания других людей и их поступков является ведущим как у руководителей, использующих, так и у руководителей, отвергающих психологические знания и услуги специалистов-психологов. Равными по частоте встречаемости у руководителей обеих групп являются также мотивы понимания себя, достижения успеха, использования психологических знаний в качестве дополнительного аргумента.

Особенностью мотивации руководителей, которых мы отнесли к категории фактически отвергающих использование психологических знаний и психологических услуг (но декларирующих их необходимость), являются мотивы контроля и влияния на других людей. Что касается руководителей, активно использующих психологические знания и прибегающих к услугам психологов, их отличительным мотивом является мотив самореализации.

Таким образом, руководителям, отвергающим психологические знания в большей степени присущи стремления к власти и контролю над другими людьми, эта группа руководителей имеет экстернально направленную мотивацию. В то время как руководители, использующие психологические знания, скорее используют их на работу с собой, самореализацию, и в этом смысле их мотивация является интернально направленной. Ввиду того, что именно вторая группа руководителей склонна чаще прибегать к психологическим знаниям и к помощи специалистов-психологов для решения управленческих задач, подтверждается наше предположение о том, что мотивационные основания для привлечения психологических знаний руководителем детерминированы не производственной необходимостью, а личностными потребностями человека, принимающего соответствующие решения.

Ввиду того, что руководители в целом декларируют позитивное отношение к психологическим знаниям, полученных данных не достаточно для того, чтобы говорить о статистически значимых различиях в мотивации привлечения/отвержения психологических знаний для решения управленческих задач. Однако, можно с уверенностью сказать, что описанные в данной статье тенденции в различии мотивации руководителей, отвергающих пользование услугами психологов и психологическими знаниями и руководителей, активно к ним прибегающих, существуют.

Социально-личностные компетенции и профессиональная мобильность личности
Кормильцева М.В.

Аспирант, ассистент

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: mashaperv@rambler.ru

Современное российское общество, политические и социально-экономические изменения, развитие рыночных отношений породили новые требования к работнику. «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые ... отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью...» (из доклада Госсовета РФ «Об образовательной политике России на современном этапе»). Как видно, одним из условий соответствия личности новым требованиям является наличие развитой мобильности.

В настоящее время профессиональная мобильность становится важнейшей характеристикой, необходимой личности для успешной самореализации в современном мире. Отсутствие профессиональной мобильности приводит к невозможности гибкой ориентации в изменяющихся профессиональных условиях, потере источника существования и снижению уровня благосостояния, межличностным и внутриличностным конфликтам, что сказывается на интенсификации профессиональной дезадаптации и стагнации, снижении темпов экономического роста.

Несмотря на то, что в зарубежной психологии исследования профессиональной мобильности начались в первой половине (П.А. Сорокин, М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Шелер и А. Шюц и др.), а в нашей стране с 60-х гг. XX века (И.Г. Шпакина, Н.Р. Хакимова, Л.П. Бочкарева, Л.В. Горюнова, Е.А. Никитина, Ю.Ю. Дворецкая и др.), до сих пор учеными разных стран ведутся разработки технологий, направленных на формирование, развитие, повышение профессиональной мобильности личности, с целью обеспечения успешности специалистов на рынке труда, расширения области их трудоустройства.

Конкретной задачей в рамках выше обозначенной проблемы является научно-теоретическое и практическое обоснование развития социально-личностных компетенций как фактора повышения профессиональной мобильности специалистов. Новизна поставленной задачи заключается в том, что нами используется компетентностный подход к развитию профессиональной мобильности личности, который из локальной педагогической теории трансформировался в общественно значимое явление, и становится концептуальной основой политики различных государств, проводимой в области образования и кадрового управления.

Профессиональная мобильность проявляется в быстрой смене выполняемых производственных заданий, рабочего места, специальности, профессии, отрасли. Кроме конативного компонента в структуре профессиональной мобильности можно выделить базовый (индивидуально-типологические свойства, личностные качества, интеллектуальные свойства) и когнитивный (осознание необходимости смены профессии, специальности и т.п., выбор путей реализации данного решения). Представляемая нами структура отличается тем, что включает в себя компетенции, которые актуализируются в деятельности по мере возникновения проблемных ситуаций.

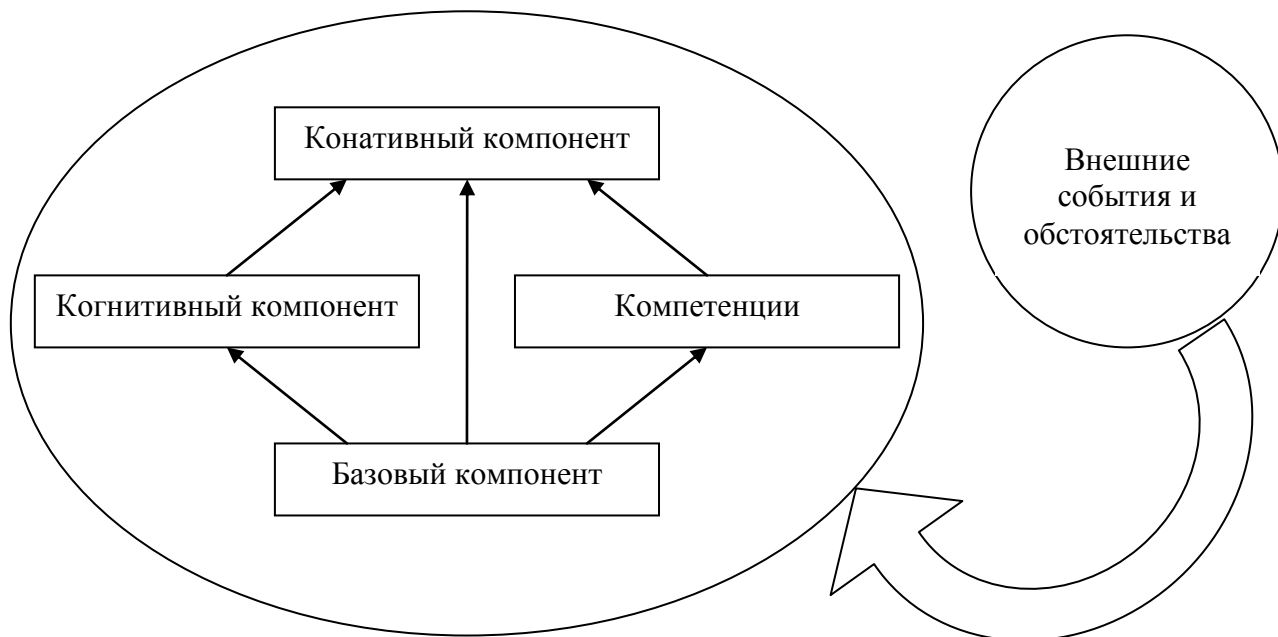

Рис.1. Структура профессиональной мобильности личности

Значительную роль в повышении профессиональной мобильности личности играют социально-личностные компетенции. Это определяется их инвариантностью к области профессиональной деятельности и опосредованной связью с ней. В конечном счете, именно личностные качества, ценности определяют характер использования знаний, и, следовательно, вектор общественного развития. Кроме того, данный вид компетенций раскрывает способность личности к позитивному интеллектуальному, психологическому и волевому саморазвитию и изменению, а также обеспечивают жизнедеятельность человека во многих контекстах социального взаимодействия и достижения согласия с другими (В.И. Байденко, Э.Ф. Зеер).

Парадигма управления как ведущая социально-психологическая характеристика организации

Коробейникова Е.В.

Аспирантка

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, Нижний Новгород, Россия

E-mail: jara7777@mail.ru

Современная жизнь России характеризуется существенными изменениями, обусловленными созданием демократических устоев и переходом к рыночной экономике. Однако данные перемены, имея очевидные преимущества, на практике тормозятся целым рядом факторов, большинство из которых базируются на недостатке опыта управления в конкурентной среде. Одним из наиболее важных этапов на пути разрешения подобного рода противоречий является комплексное исследование и системный анализ организационных условий, в которых осуществляет свою деятельность современный менеджер.

Существующие на предприятии условия, характеризуются большим разнообразием и включают в себя производственные, финансово-экономические, информационные, социально-психологические компоненты. Последний из них относится к предметному полю исследований психологической науки. В литературе встречаются различные взгляды на вопрос о том, что именно относится к социально-психологическим

Секция «Психология»

характеристикам предприятия, при этом упускается из вида комплексный характер процессов, происходящих в организации. Включение же в поле исследования феномена «парадигма управления» дает возможность наиболее полного и всестороннего изучения социально-психологической реальности организационной жизни.

Комплексно понятие «парадигма» разработано американским исследователем Томасом Куном. Опираясь на его учение, парадигму управления (ПУ) следует определить как исходное ценностно-целевое образование, соединяющее воедино организацию на каждом этапе ее существования. С точки зрения системного подхода ПУ имеет сложную структуру, которая включает в себя:

1) ядро (внутренний уровень) – организационные ценности, характеризующиеся относительной устойчивостью, социальной обусловленностью, общепринятостью. Они определяют видение проблем, их значимость, выбор способов решения задач. Опираясь на взгляды Д.А. Леонтьева, можно сказать, что организационные ценности, образующие ПУ, характерную для определенной организации, формируются на основе личностных ценностей, действующих в ней субъектов управления (менеджеров), они имеют общее генетическое происхождение, а значит схожие характеристики и закономерности развития;

2) инструментальная матрица (внешний уровень) представляет собой систему практических предписаний для сотрудников. Это достаточно формализованный компонент, который осознается и легко вербализуется. С его помощью организационные ценности транслируются во внутреннюю и внешнюю среду. Данный уровень имеет сложную структуру: смысловой элемент – организационная культура (ОК); целевой элемент – система мотивирования (СМ); исполнительский элемент – принятая модель организационного поведения (ОП); поддерживающий элемент – концепция обучения и развития персонала (КОР).

Как показало эмпирическое исследование, проведенное на пяти предприятиях Нижегородского региона в 2003 – 2008 гг., качественное своеобразие обозначенных компонентов ПУ и их взаимосвязей образуют четыре типологических комплекса - клановый, бюрократический, новаторский и деловой, - которые имеют статистически значимые отличия по U-критерию Манна-Уитни (табл.). Каждый из них формирует на предприятии определенные социально-психологические условия («социальную ситуацию развития»).

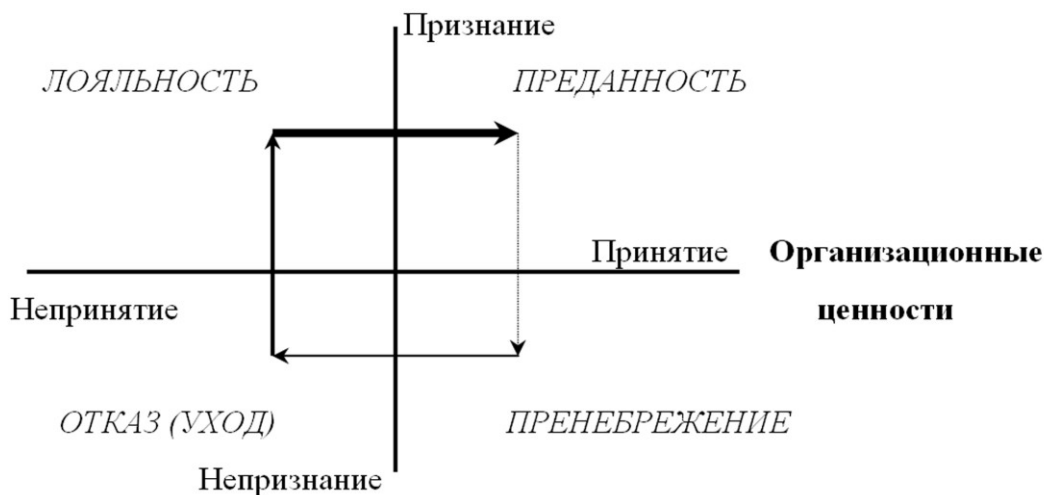
Классификация типов парадигмы управления

Структурные элементы ПУ	Типы парадигмы управления (ПУ)			
	Клановый $p \leq 0,05$	Бюрократический $p \leq 0,01$	Новаторский $p \leq 0,05$	Деловой $p \leq 0,05$
1. Ценностный уровень:				
Доминирующая организационная ценность	Поддержка хороших отношений	Порядок и стабильность	Индивидуальный результат	Максимальный результат и мораль
2. Инструментальный уровень:				
Смысловой элемент: ОК	Семейная	Иерархическая	Административная	Рыночная
Целевой элемент: СМ	Модель Z	Модель X	Модель Y	Модель P (участия)
Исполнительский элемент: ОП	Патерналистская	Автократическая	Поддерживающая	Коллегиальная
Поддерживающий	Сопутствующий	Пассивная	Инновационная	Проектная

ий элемент: КОР	ющая		ионная	ая
-----------------	------	--	--------	----

Как и любая система, ПУ находится в постоянном развитии, в котором можно выделить четыре ключевых этапа (рис.): кризис, революция, зарождение и закрепление нового типа ПУ. Исходя из результатов проведенного исследования, можно говорить о циклическом характере этапов развития ПУ, которое осуществляется на качественно своеобразных основаниях. Это процесс диалектического перехода осознанного в бессознательное, пассивного отношения в активное, а также смена фаз ценностного принятия и отторжения.

Инструментальная матрица

Выводы

1. Установлено, что социально-психологические условия, характеризующие организацию, представляют собой единое ценностно-целевое образование – парадигму управления, – которая является сложноорганизованной системой, состоящей из внутреннего (ценностного) и внешнего (инструментального) уровней. Качественное своеобразие входящих в ПУ компонентов и их взаимосвязей образует четыре типологических комплекса, для которых характерно диалектическое развитие.

2. На основе выявленных характеристик и закономерностей развития парадигмы управления менеджмент может целенаправленно (а не стихийно) и комплексно формировать на предприятии необходимый тип парадигмы, наиболее адекватный внешним и внутренним условиям существования конкретной организации и обеспечивающий оптимальное достижение поставленных целей.

Представления работников об организационной культуре как фактор их приверженности компании

Кузавлёв Е.В.

Аспирант

Государственный университет – Высшая школа экономики, факультет психологии,

Москва, Россия

kuzavlev@gmail.com

В современном мире компании ведут острую конкурентную борьбу не только за ресурсы, новые рынки, обладание эффективными технологиями, клиентов, но и за сотрудников. При этом работодатели ценят, помимо профессиональных и личностных качеств работника, его навыков, знаний и опыта, также его приверженность организации. Данное понятие, в психологическом смысле, характеризует образ мыслей работника, связанный с формированием у него представления об организации и деятельности в ней, отражающий различные аспекты отношения человека к организации и его работе в ней (эмоциональное отношение, отношения экономического расчёта и моральные

соображения) и связанный с намерением продолжать работу в данной организации. Эмпирические исследования, проведенные на Западе, показывают, что приверженность работника имеет важные положительные следствия для организации и работника (например, меньший уровень абсентеизма, большую удовлетворённость трудом, гражданское поведение человека в организации).

Одной из основных проблем, которая интересует исследователей приверженности, является проблема её предпосылок. Различные авторы полагают, что среди них важную роль играет то, как работник воспринимает организацию, в которой он работает, но эмпирических исследований этого вопроса пока мало.

В организационной психологии центральным понятием, описывающим комплексы представлений работника об организации, является понятие организационной культуры, под которой в русле данной научной дисциплины понимается представление работников об основных характеристиках организации, в которой они работают. Крайне немногочисленные исследования, посвящённые непосредственно взаимосвязи организационной культуры (представлений работников о ней) и приверженности, зачастую дают противоречивые результаты (часть авторов подтвердила наличие связи, другая часть не нашла достаточных оснований для того, чтобы утверждать её существование).

В нашем исследовании мы предположили, что различные характеристики субъективной организационной культуры будут предсказывать приверженность работника организации, но связь эта будет не прямой, а опосредованной: в качестве промежуточных переменных будет выступать привлекательность организационной культуры для работника и соотношение между индивидуальными и организационными ценностями. Таким образом, на основании анализа литературы по данной тематике была разработана концептуальная модель взаимосвязи этих переменных. Затем она была операционализирована с учётом особенностей используемых инструментов измерения каждой переменной. На наш взгляд, такая модель позволяет более глубоко рассмотреть природу приверженности и выявить её связь с представлениями человека об организационной среде через отношение к ней.

В эмпирическом исследовании использовались 4 методики: организационная культура измерялась с помощью переведённого нами с английского опросника организационной культуры, авторами которого являются S. Glaser, S. Zamanou и K. Hacker; приверженность – с помощью переработанного русскоязычного варианта опросника организационной приверженности Дж. Мейера и Н. Аллен; соответствие между индивидуальными и организационными ценностями – с помощью модифицированной процедуры измерения личностно-организационного соответствия (person-organization fit), разработанной в исследованиях Ч. О'Рейли (O'Reilly) и коллег; для измерения привлекательности организационной культуры на основе различных схожих инструментов нами была сконструирована специальная анкета.

В качестве респондентов выступили 70 человек (23 мужчины и 47 женщин) из 4-х организаций разного профиля (энергетическая компания, банк, агентство недвижимости и кадровое агентство). Рабочий стаж на данном месте работы у всех респондентов был не менее одного года.

Перед проверкой основной гипотезы все переведённые или модифицированные методики прошли проверку на надёжность-согласованность, которая показала, что их (а также их отдельные шкалы) в целом можно считать согласованными. Кроме этого, факторная структура опросников приверженности и организационной культуры была подтверждена с помощью метода конфирматорного факторного анализа.

Для проверки соответствия полученных данных предложенной концептуальной модели была проведена статистическая процедура моделирования с помощью структурных уравнений в форме путевого анализа в программе AMOS 7. Полученный результат показал, что модель нуждается в модификации. Модифицированная модель

Секция «Психология»

была построена с учётом того, что между организационной культурой и приверженностью могут быть не только опосредованные, но и прямые связи. Результат подтвердил это предположение.

В целом на основе различных параметров модели можно сделать вывод о том, что влияние промежуточных переменных на связь представлений людей об организационной культуре и приверженности работника организации весьма невелико (они объясняют около 12% дисперсии приверженности). Между представлениями работников об организационной культуре и их аффективной приверженностью организации наблюдается сильная прямая связь ($r = 0.76$). Более детальное исследование этой связи позволяет сделать вывод о том, что основной предпосылкой аффективной приверженности является представление сотрудников об атмосфере в организации. Если она воспринимается как благоприятная, тёплая, дружеская, то человек будет привержен организации, если же атмосфера в организации неблагоприятная, конфликтная, то его аффективная приверженность будет низкой (эта шкала объясняет около 60% дисперсии аффективной приверженности).

Параметры модели также подтвердили наше предположение о том, что приверженность, обусловленная издержками ухода из организации, не связана с представлениями человека об организационной культуре.

Исследование не позволяет сделать однозначных выводов относительно взаимосвязи представлений работников об организационной культуре и их нормативной приверженностью организации. По-видимому, в данной связи большую (чем в случае с аффективной приверженностью) роль играют промежуточные переменные: соотношение между организационными и индивидуальными ценностями и привлекательность организационной культуры для работника. Но эти промежуточные связи хоть и значимы, но слабы для того, чтобы мочь с уверенностью утверждать наличие здесь определённой закономерности на концептуальном уровне.

Итак, наше исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Существует сильная прямая связь между организационной культурой и аффективной приверженностью сотрудников организации.
2. Главным фактором аффективной приверженности является представление человека об атмосфере в организации как об открытой, тёплой, доверительной.
3. Представления людей об организационной культуре, как и предполагалось, не связаны с приверженностью, обусловленной издержками ухода из организации (continuance commitment).

Диагностика особенностей психологического контракта сотрудников предприятий с различными типами организационной культуры

Кузина А.В.

Аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: alkor1986@yandex.ru

Современная организационная жизнь характеризуется высокой динамичностью деятельности персонала организаций и мобильностью организационных структур, связанной с постоянным изменением решаемых задач и трудовых отношений. Эти изменения трудно зафиксировать в должностных инструкциях и правовых документах, в результате чего т.н. «психологический контракт» между исполнителем и работодателем становится важным регулятором взаимоотношений между сотрудником и организацией.

Понятие психологического контракта является относительно новым и мало разработанным в психологических исследованиях. Вместе с тем, оно непосредственно связано с анализом эффективности трудовых отношений и должно рассматриваться в более общем контексте регуляции совместной деятельности персонала организаций, в

частности, с точки зрения типа организационной культуры. Психологический контракт определяется как воспринимаемый сотрудником комплекс взаимных и официально не зафиксированных правил и ожиданий, существующих между работником и работодателем (Lee, Faller, 2005). На его основе формируются трудовые установки сотрудников, которые влияют на организационное поведение персонала компании в целом. В существующих эмпирических исследованиях показано, что психологический контракт связан с мотивацией и приверженностью сотрудников организации (Lee, Faller, 2005). Это обеспечивает возможность более детальной проработки в специальных исследованиях вопроса о характерных проявлениях и содержательных особенностях психологических контрактов в различных организационных культурах и на этой основе - разработки адекватных методических средств для анализа их взаимоотношений. На данный момент верифицированные психодиагностические методики такого рода в русскоязычной психологической литературе отсутствуют. Этим объясняется актуальность разработки данной темы исследования, в практическом плане ориентированного на создание верифицированной и апробированной инструментальной базы для диагностики особенностей данного комплексного психологического феномена.

Зарубежные исследователи (Rousseau и Tijoriwala) выделяют 3 аспекта изучения феномена психологического контракта:

1. Исследования, ориентированные на выявление особенностей психологического контракта (feature-oriented) – например, психологический контракт может быть краткосрочным или долгосрочным, имплицитным или эксплицитным, «деловым» (ориентированным на денежный обмен) или «родственным» (ориентированным на долгосрочные социальные связи и приверженность организации).

2. Исследования, ориентированные на изучение содержания психологического контракта (content-oriented) – выявление воспринимаемых сотрудником взаимных обязательств, существующих между ним и работодателем (например, предоставление возможности для обучения, разнообразие рабочих задач, гибкий график работы, неразглашение коммерческой тайны, сверхурочная работа и т.п.)

3. Исследования, ориентированные на изучение выполнения психологического контракта – выявление воспринимаемой работником степени выполнения, изменения или нарушения психологического контракта (Freese, Schalk, 2006).

В зарубежной литературе существует большое количество исследований как всего комплекса вышеперечисленных аспектов рассмотрения феномена психологического контракта, так и его отдельных сторон. Наиболее популярным методом исследования психологического контракта является использование опросников. За последние 10 лет было разработано большое количество опросников, посвященных измерению различных сторон психологического контракта. Однако на данный момент не существует единого общепринятого инструмента диагностики данного феномена (Freese, Schalk, 2006).

В связи с необходимостью создания комплексной инструментальной базы для диагностики особенностей, содержания и выполнения психологического контракта были выбраны 2 опросника, в совокупности, выявляющие все вышеперечисленные аспекты данного феномена. Так, опросник Паркса (Parks), Киддера (Kidder), Галлахера (Gallacher) направлен на диагностику особенностей психологического контракта. Авторы выделяют следующие шкалы – гибкость (flexibility), сфера охвата (scope), ясность (tangibility), направленность (focus), временная перспектива (time frame), детализация (particularism), волевое управление (volition), возможность устроиться на работу (employability) (Parks, Kidder, Gallacher, 1998). Опросник PCI, разработанный Д. Руссо (D. Rousseau), измеряет одновременно содержание и выполнение психологического контракта (Rousseau, 2000). Диагностика содержания психологического контракта включает в себя следующие шкалы – краткосрочность (short-term), лояльность (loyalty), узость (narrow), поддержка выполнения работы (performance support), развитие (development), внешняя конкурентоспособность (external marketability), стабильность (stability). Каждая из этих

шкал представлена дважды – сначала она выявляет, в какой степени, в представлении работника, данные обязательства были обещаны ему работодателем, а во второй раз, наоборот, в какой степени он сам давал такие обещания работодателю. Выполнение психологического контракта также выявляется применительно к обеим сторонам – выполнение своих обязательств работником и работодателем. Также опросник содержит 3 шкалы, описывающие отношение работодателя к работнику (Rousseau, 2000).

Таким образом, использование обоих опросников позволит проводить комплексную диагностику психологического контракта сотрудников организации. В связи с отсутствием русскоязычных методик такого рода, представляется актуальным и важным проведение дальнейшей работы по переводу, адаптации и апробации выбранных методик диагностики психологического контракта.

Литература

1. C. Freese, R. Schalk. How to measure the psychological contract? A critical criteria-based review of measures // South African Journal of Psychology, 38 (2), 2006, p. 269-286
2. G.J. Lee, N. Faller. Transactional and relational aspects of the psychological contracts of temporary workers // South African Journal of Psychology, 35 (4), 2005, p. 831-847
3. J.M. Parks, D.L. Kidder, D.G. Gallacher. Fitting square pegs into round holes: mapping the domain of contingent work arrangements onto the psychological contract // Journal of organizational behavior, 19, 1998, p. 697-730
4. D.M. Rousseau. Psychological contract inventory technical report, version 2, 2000.

Специфика психологической готовности спортивных менеджеров к работе в современных экономических условиях

Кузьмина С.В.

аспирант

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
факультет Социальных наук, г. Нижний Новгород, Россия
svetiknn@list.ru*

В настоящее время многие физкультурно-спортивные организации (ФКСО) осуществляют преобразования в формах, методах и стратегиях управления. Необходимость преобразований вызвана существующей социально-экономической ситуацией, которая предъявляет высокие требования к ускорению адаптации современных организаций к быстро меняющимся условиям жизнедеятельности и к повышению конкурентоспособности.

Исследователи отмечают, что рынок физической культуры и спорта - это рынок услуг социального характера, который подчиняется законам рынка, но имеет и свои особенности: высокий динамизм; чувствительность к рыночной конъюнктуре; своеобразие процесса оказания услуг, связанное с личным контактом производителя и потребителя, неопределенностью результата во многих ситуациях, особым социальным значением данной сферы (сохранение здоровья нации).

Это определяет специфику процесса управления коммерческими ФКСО. Особенности управления коммерческой ФКСО в сравнении с бюджетной представлены в таблице.

Особенности управления коммерческой и бюджетной ФКСО

Основные параметры	Коммерческая ФКСО	Бюджетная ФКСО
Цель	Получение акционерами прибыли, оказание населению физкультурно-спортивных услуг высокого качества	Социализация подрастающего поколения, сохранение его здоровья
Структура	Гибкая, оперативно изменяющаяся	Жесткая, консервативная

Секция «Психология»

Основная философия	Маркетинговая	Социальная
Стратегия	Определяется реактивным реагированием на внешние условия	Определяется бюджетными циклами
Назначение	Предоставление разнообразных физкультурно-спортивных услуг населению за определенную плату	Воспитание культуры здорового образа жизни, физическое развитие подрастающего поколения
Основные методы управления	Материальное и нематериальное стимулирование	Администрирование, долженствование
Этическая ориентация	Личные и корпоративные интересы	Государственные и общественные интересы
Степень риска	Постоянный риск финансовых потерь	Минимальная при соблюдении законодательства
Персонал	Зависит от работодателя и рыночной ситуации	Относительно стабильный
Изучение рынка	Активный маркетинг в изучении рынка, влияние потребителей определяющее	Слабое изучение рынка из-за слабого влияния на деятельность потребителей

С целью диагностики психологической готовности будущих менеджеров к работе в коммерческих ФКСО проведено исследование, в котором приняли участие 50 студентов факультета ФКС ННГУ им.Н.И.Лобачевского, осуществляющего подготовку управленческих кадров физкультурно-спортивной сферы. В исследовании использованы методика диагностики мотивационной структуры личности В.Э.Мильмана; адаптированная методика «Конфликтные ситуации» Л.Н.Захаровой, контент-анализ сочинений студентов на тему «Я – менеджер ФКС».

По результатам диагностики выделены две подгруппы: психологически готовых студентов (ПГ), их составило 30% испытуемых, и психологически неготовых (ПнГ) – 70%.

Характеристики психологической готовности будущих спортивных менеджеров по результатам диагностики

Компоненты готовности	ПГ-студенты	ПнГ-студенты
Мотивационный	Мотивационная нацеленность на успех, нахождение конкурентных преимуществ; видение профессиональных задач, творческую активность в их решении; активную позицию в отношении развития физкультурно-спортивной организации, саморазвития, самореализации	Мотивационная нацеленность на установление и сохранение доброжелательных взаимоотношений в рабочем коллективе; нахождение и поддержание личностных связей; реализацию потребности в любви и уважении
Целевой	Сформированная концептуальная модель реализации профессиональной деятельности в динамичных условиях рынка	Сформированная концептуальная модель реализации профессиональной деятельности в условиях экономической стабильности

Операционный	Выбор способов поведения при принятии решений с высокой степенью ответственности и низкой открытостью.
Регуляционный	Высокая степень процессуальной рефлексии

В концептуальную модель профессиональной деятельности ПГ-студентов входят представления о целях управленческой деятельности, заключающихся в победе на рынке ФКС-услуг на основе конкурентных действий и достижений, обретения новых ресурсов и решения проблем. Результат управленческой деятельности они видят в обладании уникальной новейшей фитнес-технологией или спортивной продукцией, лидерстве на рынке ФКС-услуг, достаточно высокой зарплате как для менеджмента, так и для членов коллектива организации.

Концептуальная модель профессиональной деятельности ПНГ-студентов характеризуется представлениями о целях управленческой деятельности, заключающихся в сохранении стабильности, поддержании рентабельности, гуманных взаимоотношений в ФКСО, что наиболее адекватно требованиям профессиональной деятельности в бюджетных ФКСО.

При принятии решений операционная составляющая готовности студентов обеих групп характеризуется выбором способа поведения с высокой степенью ответственности и низкой открытостью. Такой способ поведения более характерен для работы в рыночных условиях. Таким образом, проявляется несоответствие мотивационно-целевого и операционного компонентов психологической готовности студентов второй группы. В характеристике их психологической готовности мы видим мотивационную нацеленность на работу в условиях бюджетной организации, в то же время они показывают выбор способов поведения, характерных для деятельности в коммерческих ФКСО.

Диагностика регуляционной готовности показала высокую степень процессуальной рефлексии в обеих группах студентов (применения готовых и стереотипных средств). Ожидалось, что у ПГ-студентов будет наблюдаться высокая степень личностной рефлексии (осмысления ценностно-смысловых аспектов проблемы), что обеспечивает возможность креативного подхода к решениям в практических ситуациях. Но этого не произошло. Характеристики регуляционной готовности первой подгруппы студентов встали в противоречие с их показателями мотивационно-целевой готовности.

Приведение в соответствие всех компонентов психологической готовности студентов, адекватной требованиям работы в коммерческих ФКСО, стало целью разработки программы психологической подготовки спортивных менеджеров.

Разработанная программа успешно прошла апробацию на базе факультета ФКС ННГУ им.Н.И.Лобачевского и показала свою состоятельность в формировании полного обеспечения психологической готовности выпускников к работе в современных экономических условиях.

Организационная идентификация: разработка методики оценки

Ловаков А.В.

Ассистент факультета психологии

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: lovakov@gmail.com

Результаты исследований последних 20 лет позволяют говорить о наличии устойчивой связи между уровнем организационной идентификации (ОИ) работников и множеством их аттитюдов и поведенческих проявлений, связанных с работой. В частности показано, что ОИ работников положительно связана с их удовлетворенностью работой, производительностью труда, включенностью в деятельность организации и отрицательно связана с намерением уйти из организации, абсентеизмом. Таким образом, ОИ является конструктом, с помощью которого можно объяснять и предсказывать поведение человека

Секция «Психология»

в организации, а это, в свою очередь, приводит к актуализации потребности в её диагностике.

Несмотря на очевидную практическую значимость диагностики уровня идентификации работников со своей организацией, в отечественной организационной психологии и практике работы с организацией пока нет для этого надёжных и валидных методических средств. В исследовательских и диагностических целях чаще всего используется простой перевод одной из двух популярных западных методик, которые в последнее время критикуются в отношении их содержательной и конструктивной валидности. Данные обстоятельства ставят под сомнение оправданность адаптации данных англоязычных методик на российской выборке и заставляют инициировать работу по созданию новой методики оценки уровня ОИ. Целью данного исследования является попытка концептуализации ОИ и создания на её основе методического средства для оценки ОИ.

Концептуализация ОИ. Основываясь на определениях, сформулированных в рамках разных подходов, можно выделить три аспекта ОИ: 1) связь индивида с организацией, основанную на восприятии работником себя как члена организации (*самокатегоризация*); 2) эмоциональную привязанность индивида к своей организации, значимость группового членства для индивида (*эмоциональную привязанность*); 3) интернализацию индивидом организационных характеристик (целей и ценностей), встраивание их в свою Я-концепцию (*разделение организационных целей и ценностей*). Результаты этнопсихологических исследований свидетельствуют о том, что принадлежность к группе необязательно предполагает положительную оценку этой группы и принадлежности к ней, поэтому, перенося эти результаты в организационный контекст, можно выделить ещё один аспект ОИ – оценку работником факта своей принадлежности к организации (*валентность идентификации*). Таким образом, можно предположить, что ОИ представляет собой четырёхкомпонентный конструкт, включающий в себя самокатегоризацию, валентность идентификации, эмоциональную привязанность, разделение организационных целей и ценностей.

Операционализация ОИ. На основании данной концептуализации ОИ нами был разработан опросник для её оценки. Он представляет собой список из 12 суждений (по 3 на каждый из 4 компонентов), которые оцениваются респондентами по 7-бальной шкале Лайкерта: от «полностью не согласен» (1 балл) до «полностью согласен» (7 баллов).

Самокатегоризация ($\alpha=.669$)	Валентность идентификации ($\alpha=.570$)
5. Я считаю себя представителем [название организации] (0.867**)	2. Я жалею, что состою в рядах [название организации]* (0.700**)
9. Я похож(-а) на других представителей [название организации] (0.230)	8. Я предпочитаю не говорить о том, что являюсь работником [название организации]* (0.549**)
12. Я не чувствую себя частью [название организации]* (0.612**)	11. Мне кажется, что [название организации] ничего особого собой не представляет* (0.460**)
Эмоциональная привязанность ($\alpha=.618$)	Разделение организационных целей и ценностей ($\alpha=.521$)
1. Успехи [название организации] – это и мои успехи (0.743**)	3. Мне кажется, что мои цели расходятся с целями [название организации]* (0.490**)
4. Я сильно привязан(-а) к [название организации] (0.486**)	6. Я объединен(-а) с другими сотрудниками [название организации] общей целью и средствами ее достижения (0.657**)
7. Для меня очень важно быть сотрудником [название организации] (0.440**)	10. Для меня очень важно то, чем занимается [название организации] (0.444**)
(*) – обратные суждения; в скобках указаны стандарт. регрессионные	

Секция «Психология»

коэффициенты (***) – $p < 0.01$

Методика и процедуры исследования. Оценка психометрических свойств полученного опросника проводилась на выборке из 72 сотрудников трёх медицинских организаций: двух государственных больниц (31 чел из одной и 9 чел из другой) и коммерческой организации, занимающейся оказанием медицинских услуг (32 чел). В выборку вошли врачи (31 чел), младший медицинский персонал (30 чел), вспомогательный персонал (7 чел). Из них 19 мужчин и 49 женщин. Средний возраст участников исследования составил 39.6 года ($\sigma=11.47$), а средний стаж – 6.8 года ($\sigma=8.35$). Оценивалась надёжность (внутреннее постоянство шкал (коэффициент α -Кронбаха)) и валидность (проверка с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) согласованности структуры опросника с полученными эмпирическими данными (с помощью программы AMOS 7.0), оценка конвергентной валидности опросника посредством сравнения его результатов с результатами графической методики на ОИ (Shamir, Kark, 2004)) опросника.

Результаты. Было установлено, что все четыре шкалы показали умеренный уровень внутренней согласованности. По результатам КФА было установлено, что кроме пункта 9, все суждения имеют значимую связь (при $p < 0.01$) с тем фактором, в который они входят. При этом были получены довольно высокие статистические показатели соответствия теоретической модели и эмпирических данных: $\chi^2(48)=58.548$ ($p=0.142$), $\chi^2/(df)=1.220$, CFI=0.942, RMSEA=0.056. С целью улучшения модели данное суждение было исключено. При повторном КФА преобразованная модель показала ещё более высокие статистические показатели соответствия эмпирическим данным: $\chi^2(38)=44.413$ ($p=0.220$), $\chi^2/(df)=1.169$, CFI=0.963, RMSEA=0.049. При этом удаление пункта 9 из шкалы «самокатегоризация» увеличило её внутреннюю согласованность (коэффициент α -Кронбаха увеличился с 0.539 до 0.669). Для проверки гипотезы о многокомпонентности конструкта ОИ статистические показатели соответствия четырёхфакторной модели эмпирическим данным сравнивались с такими же показателями для однофакторной модели. Расчёты показали, что однофакторная модель ($\chi^2(44)=60.194$ ($p=0.053$), $\chi^2/(df)=1.368$, CFI=0.908, RMSEA=0.072) приближается к хорошему соответствию эмпирическим данным, однако четырёхкомпонентная модель лучше описывает эмпирические данные. При этом корреляции между шкалами оказались высоко значимыми (r варьируется от 0.295 до 0.593), что может свидетельствовать об их низкой дискриминантной валидности. Оценки по самокатегоризации, разделению организационных целей и ценностей и эмоциональной привязанности значимо (при $p < 0.01$) положительно коррелируют с оценками по графической шкале ОИ ($r=0.539$, $r=0.635$ и $r=0.541$, соответственно), общее значение ОИ также значимо коррелирует с графической шкалой ($r=0.615$ (при $p < 0.01$)). Данный уровень корреляции между оценками можно рассматривать как подтверждение конвергентной валидности как шкал, так и методики в целом. Таким образом, при пилотной апробации опросник показал приемлемые значения психометрических показателей. Однако он требует дальнейшей валидации и проверки надёжности на более широкой выборке.

Литература

1. Shamir B., Kark R. A single-item graphic scale for the measurement of organizational identification // Journal of Occupational and Organizational Psychology, 2004, Vol. 77, N. 1. P. 115-123.

Проблема адаптации молодых сотрудников в организации

Макарычева В.В.

Студент

Волгоградская Академия Государственной Службы, Волгоград, Россия

E-mail: 4avelka@mail.ru

Поступая на работу, человек активно включается в систему профессиональных и социально-психологических отношений конкретной трудовой организации, усваивает

Секция «Психология»

новые для него социальные роли, ценности, нормы, согласовывает свою индивидуальную позицию с целями и задачами организации (трудового коллектива), тем самым, подчиняя свое поведение служебным предписаниям данного предприятия или учреждения. Каждое предприятие или его коллектив обладает специфическими, только ему присущими особенностями, от учета которых зависит успешная или менее успешная работа коллектива в целом.

Процедуры адаптации персонала призваны облегчить вхождение новых сотрудников в жизнь организации. Практика показывает, что 90% людей, уволившихся с работы в течение первого года, приняли это решение уже в первый день своего пребывания в новой организации. Как правило, новичок в организации сталкивается с большим количеством трудностей, основная масса которых порождается именно отсутствием информации о порядке работы, месте расположения, особенностях коллег и т.д. То есть специальная процедура введения нового сотрудника в организацию может способствовать снятию большего количества проблем, возникающих в начале работы. С адаптацией тесно связан личностный потенциал работника как совокупность определенных черт и качеств работника. Личностный потенциал характеризует внутреннюю физическую и духовную энергию человека, его деятельную позицию. Психофизиологический, трудовой потенциал работника, его образование, опыт активно влияют на уровень и степень адаптации.

Таким образом, в результате разработанной и проведенной адаптационной программы организация получает профессионально состоявшихся, мотивированных сотрудников, способных значительно повысить эффективность работы всей организации. В ускорении процесса адаптации, снижении негативных моментов, ее сопровождающих, и состоит задача управления ею. Необходимость управления адаптацией предопределяется большим ущербом, как для производства, так и для работников.

Исходя из полученных данных и наблюдений, можно сказать, что процесс адаптации влияет на отношение работника к организации. Группа, которая прошла социально-психологическую программу по адаптации проявила большую лояльность и терпимость к организации. При возникновении спорных вопросов люди готовы пойти на некоторые уступки и не так резко реагировать на сложившуюся ситуацию. Мы пришли к выводу, что процесс адаптации необходимый элемент при работе с персоналом. От эффективности адаптации зависит удовлетворенность человека трудом, отношение к организации, принятие норм и ценностей коллектива. Без исследований процесса адаптации будет неполным рассмотрение любой проблемы психического несоответствия, а анализ описанных аспектов адаптационного процесса представляется неотъемлемой частью психологии человека

Литература

1. Волина, В.Г. Методы адаптации персонала [текст] Управление персоналом. -1998, - №13. – С. 13.
2. Комиссаров, Т.А. Управление человеческими ресурсами.[текст] - Издательство «Дело», 2002, 320 с.
3. Куприн, В. Профессиональная адаптация работников в компании [текст] /В. Куприн // Бизнес без проблем. Персонал. - 2001. - №11.- С.53-58
4. Маслов, Е.В. Управление персоналом предприятия: Учеб. пособ. Для ВУЗов [текст]/Е.В. Маслов. - М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1999. - 312 с.
5. Семенова, Ю.Г. Адаптация персонала на предприятии [текст]/Ю.Г. Семенова, А.Э. Рякова// Кадры. - 1996. - № 11. – С.13-15
6. Чередниченко, И. П., Тельных, Н. В. Психология управления [текст] Серия «Учебники для высшей школы». — Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. — 608 с.

Методы формирования команды для решения поставленных задач
Макимова В.В., Юнусова Н.Н., Ермолаева Е.В.

В современном мире методы командной работы при решении проблем организаций неслучайно становятся популярными. Многие международные корпорации сегодня, такие как Microsoft, Hewlett-Packard, компании Японии, успешно применяют командную деятельность и считают это одним из важнейших факторов своих достижений. Понимание этого приходит и в нашу страну.

Команда – это сплоченная рабочая группа, которая выполняет определенную задачу и в которой проявляется синергический эффект, то есть результат усилий команды больше, чем сумма результатов усилий ее членов. Команда – это способ построения коллектива с учетом реальных качеств его членов. Из этого следует, что не всякая рабочая группа будет эффективной. Для наилучшего достижения цели командой необходимо правильно выбрать методику построения команды.

Исследование различных методов формирования творческих команд позволит выявить наиболее эффективный.

Объектом исследования явились 3 учебные студенческие группы 3 курса экономико-математического факультета.

Цель: определение наиболее предпочтительного метода построения команды для практических целей.

Задачи исследования:

1. Применение различных методических подходов к формированию групп.
2. Выявление наиболее эффективной методики формирования команды.

Методы исследования:

1. Тест Белбина «Групповые роли».
2. Опросник Д. Кейрси.

Практическая значимость состоит в использовании результатов экспериментального исследования при формировании команды для эффективного решения поставленной задачи.

В ходе исследования было сформировано 3 рабочих группы в составе 8 человек из каждой учебной группы с применением 3-х различных методов: ролевого (по методу 1), подбор индивидов, склонных к аналитической деятельности (по методу 2) и метода случайной выборки.

Каждой группе было предложено одинаковое задание по коллективному решению общей проблемы. Время работы ограничено.

Эффективность выполнения задания командами оценивалась по следующим показателям:

1. Результативность (правильность) выполнения задания.
2. Время выполнения.
3. Психологическая атмосфера при выполнении задания и принятии решения.

Результаты проведенного исследования позволили выявить наиболее эффективный способ построения команды для выполнения поставленного задания.

Литература

1. Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 224 с.
2. Жуков Ю.М., Журавлев А.В., Павлова Е.Н. Технологии командообразования. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 320 с.
3. Рогов Е.И. Психология группы. - М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 430 с.

Морально-нравственные характеристики управленца – важнейшая часть его компетентности

Максимова А.О.

Аспирант

*Казанский Государственный Университет им. Ульянова-Ленина, факультет психологии, г. Казань, Россия
Ya_rabota@mail.ru*

Деловая этика, или этика бизнеса, сравнительно недавно получила место в системе российского образования. Но учебных пособий по данной дисциплине и отечественных разработок и недостаточно, и они слабо отвечают требованиям практического характера. В настоящее время наблюдается стабильный рост интереса не только деловых кругов, но и науки, как академической, так и прикладной, к проблемам психологии и этики бизнеса, соотношению бизнеса и морали. В частности, в большинстве ведущих университетов США регулярно читаются курсы по таким дисциплинам, возросло количество публикаций по этике международного бизнеса, чему немало способствует глобализация.

По мнению Синягина Ю.В., одним из важнейших отличий между российской и западной системами управления является идентификация личности и должности в России на уровне любого чиновника (когда чиновник легко встраивается в «кресло»). Поскольку взаимодействие чиновничества и бизнеса весьма тесное, постепенно происходит взаимопроникновение подобных норм делового поведения, которые становятся почти универсальными для управленцев в сфере бизнеса и экономики.

В отечественной психологии вопросы этического поведения руководителя представлены в ряде работ (Никифоров Г.С., Базаров Т.Ю., Пономарев Л.Н., Шипунов В.Г., Кричевский Р.Л.).

Говоря о психологической субъективности делового человека – нравственных принципах, которыми он руководствуется в своей работе – можно выделить два их вида: принцип «все дозволено» (по классификации Р.Андерсона и П.Шихерова такой предприниматель называется «акула») и принципы «не укради», «доброе имя дороже» («дельфин»).

В настоящее время в деловых кругах развитых стран уже становится правилом принцип «быть честным выгоднее», как вследствие морального развития самих бизнесменов, так и под давлением изменившихся условий ведения дела. Применение неэтичных средств ведения бизнеса часто становится чревато потерей кредита доверия, а вместе с ним денежного кредита, либо, например, возможности отсрочки платежа.

Для бизнеса естественна ведущая роль экономического обоснования принимаемых решений, но это не значит, что этика препятствует экономической выгоде. Основная идея, которую сейчас развивают большинство руководителей в возрасте 30 лет: можно поступиться частью прибыли ради принципов, но нельзя поступиться всей прибылью. Менеджеры зачастую напрасно считают этику «неприбыльной», ведь при разработке оптимального решения важно, чтобы этические соображения усиливали действие экономического или другого фактора, или чтобы другие факторы усиливали их действие.

Быстрый успех благодаря отмыванию денег, обману вкладчиков, уклонению от налогов – это все достижения вчерашнего дня. Этические факторы принятия решений получают качественное развитие от признания необходимости их учета к конкретным методикам и способам задействования этических требований в стандартном процессе принятия бизнес-решений. Информация о репутации компании в деловом мире распространяется очень быстро, и мало кто хочет добровольно становиться членом группы с низким уровнем развития этики, поэтому текучесть кадров в таких компаниях значительно выше. Низкая этика по отношению к подчиненным лишает руководителя важного инструмента управления – доверия. Современный бизнес, основанный на

Секция «Психология»

высокоинтеллектуальном, творческом труде, не делается из-под палки, а требует наличия энтузиазма, навыков, инициативы, подразумевает ориентацию всех членов группы на перспективу, обеспечиваемую наличием устоявшихся норм на всех уровнях внутригрупповой культуры. Без этого такая группа становится неконкурентоспособной. Важность изучения

Руководитель является транслятором корпоративных и общечеловеческих ценностей не только для персонала, но и для бизнес-партнеров. Поэтому включение системы мер по повышению уровня этичности менеджеров будет способствовать не только развитию компаний, но и общественному прогрессу.

Целью проведенного исследования явилось изучение морально-нравственных коррелятов ряда качеств руководителя, определяющих эффективность управленческой деятельности. В качестве критериев эффективности управленческой деятельности были отобраны 12 факторов, приведенных в рамках методики «Анализ своих ограничений». Также использовались следующие методики: методика «Дельфины и Акулы» Л.М.Попова, методика «Добро и Зло» Л.М.Попова, методика диагностики уровня эмпатии Юсупова, методика диагностики локуса контроля Роттера, методика САТ.

Исследование проводилось в несколько этапов: на этапе пилотажного исследования был создан и апробирован пакет методик, позволяющий оценить морально-нравственные особенности личности, а также выявить наличие взаимосвязей между ними. На данном этапе проводилась оценка согласованности пакета методик между собой на смешанной выборке общим количеством 30 человек. Пилотажное исследование показало, что такая интегральная характеристика личности как «дельфинность» (в рамках американской традиции), положительно коррелирует с такими качествами личности как интернальность, человечность, эмпатия, ценностные ориентации.

Во втором этапе исследования участие принимали 40 руководителей из коммерческих организаций РТ (г. Казань, г. Н. Челны, г. Нижнекамск) малого и среднего бизнеса, мужского пола, со стажем руководства не менее 1 года, в возрасте до 33 лет, под непосредственным руководством которых работает не менее 5 человек. До проведения тестирования с ними проводилась консультационная работа с целью повысить эффективность управления, поэтому они имели высокий уровень мотивации отвечать правильно. Предварительная оценка результатов, выявленных на данном этапе, показала, что ряд показателей, характеризующих успешных руководителей, как «четкость личных и корпоративных ценностей», «продолжающееся саморазвитие», «умение наладить групповую работу», «способность руководить» положительно коррелирует с такими морально-нравственными характеристиками как человечность, различные виды эмпатии, доброжелательность, представление о природе человека.

Дальнейший ход исследования предположительно будет включать более подробную математическую обработку результатов исследования, а именно факторный анализ, а также разработку ряда рекомендаций для руководителей.

Современная психологическая практика в сфере консультирования руководителей по вопросам управления персоналом постоянно доказывает, что морально-нравственные качества являются необходимой профессиональной компетенцией, которая часто на этапе разработки модели компетенций незаслуженно игнорируется менеджерами по персоналу во многих, даже высокоразвитых в плане корпоративной культуры компаниях. Таким образом, требования к кандидатам на руководящие должности должны необходимо содержать требования к морально-нравственным качествам кандидата.

Литература

1. Синягин Ю.В.
2. Базаров Т.Ю., Еремин Б.Л. (2001) Управление персоналом. М.: ЮНИТИ-ДАНА.

Социально – психологическая компетентность менеджеров среднего звена

Манюкова Е.В.

Сотрудник

Череповецкий государственный университет, психологический факультет,

г. Череповец

eMail: Ekatrin17@yandex.ru

Современные социально - экономические условия предъявляют высокие требования к уровню компетентности различных специалистов. В связи с высокой конкуренцией, увеличиваются нормы, предъявляемые к качеству профессиональной деятельности, что обуславливает необходимость развития личностно-профессиональных качеств специалистов. Наряду с этой проблемой, в настоящее время происходит смещение приоритетов в качествах, которые необходимы менеджеру. Акценты в современных требованиях к руководителю смещаются на решение задач, связанных с наличием у руководителя комплекса профессионально – психологических и личностных качеств: умения разбираться в людях, навыков эффективно влиять на поведение, способности убеждать и мобилизовывать подчиненных на эффективное решение оперативно – служебных задач, лидерство и высокий авторитет, а также способности управлять своими эмоциями и собственным поведением. Наиболее важно изучить социально – психологическую компетентность менеджеров среднего звена по причине специфики их положения в управленческой иерархии: они занимают промежуточное положение между руководителями высшего и низового звена, что свидетельствует о высоком уровне ответственности и подверженности стрессам.

Цель исследования: выявить характеристики социально – психологической компетентности менеджеров среднего звена.

Объектом выступил процесс профессиональной деятельности менеджера.

База исследования – предприятие ОАО «Череповецкий Азот».

Методы исследования: тест «Кеттелла (16 PF - Form C)»; «Способность к лидерству» (автор Р. С. Немов); «Каков уровень ваших коммуникативных и организационных способностей?».

Выявлены наиболее существенные характеристики социально – психологической компетентности менеджеров и способы ее развития. Структурными компонентами социально – психологической компетентности являются: психологический (профессионально – важные качества личности), практико – исполнительский (лидерские способности), когнитивный (обусловлен наличием компетентности в общении).

В процессе исследования было выявлено три уровня развития социально – психологической компетентности – низкий, средний и высокий. Первый уровень социально – психологической компетентности характеризуется стандартностью, формальностью в выполнении управленческих функций, низкой лабильностью и гибкостью. Средний уровень выявляется у руководителя, который ведет себя как профессионал, заинтересованный в развитии собственных способностей, собственного стиля деятельности. Он умеет работать с идеями, которые внешне кажутся противоречивыми, делать выбор из альтернативных действий в двойственных ситуациях. Высокий уровень развития социально – психологической компетентности связан с проявлением творчества в деятельности. Руководитель этого уровня компетентности замечает проявления профессиональной деформации, негативные явления в социально – психологическом климате коллектива и применяет меры для восстановления баланса.

В результате проведенной диагностики был выявлен средний уровень психологического (у 70%, т. е. у большинства респондентов) и практико – исполнительского компонентов (у 60%), когнитивный компонент в своем большинстве имеет низкий уровень развития – у 85%. Далее нами был разработан тренинг по развитию структурных компонентов социально – психологической компетентности специалистов, где акцент был сделан на развитие когнитивного компонента. Эффективность данного

тренинга была доказана исходя из проведенной вторичной диагностики, которая выявила увеличение уровня психологического (теперь у большего количества испытуемых высокий уровень развития), практико – исполнительского и когнитивного компонента (70% респондентов стали иметь высокий и средний уровень развития).

Поэтому, социально – психологическая компетентность менеджера среднего звена, выступает как условие влияния на эффективность его деятельности, и средством повышения социально – психологической компетентности может выступать социально-психологический тренинг, направленный на раскрытие структурных компонентов социально – психологической компетентности специалистов.

Профилактика дизадаптации у бортпроводников

Марченко Д.В.⁴⁵

Аспирант

Российская Академия наук, Москва, Россия.

E-mail: foxdarm@rambler.ru

Решение кадровых проблем авиакомпаний невозможно без рассмотрения проблемы психической дизадаптации персонала. Исследования Ф.Б.Березина [1] доказывают, что эффективная психическая адаптация представляет собой важнейшую предпосылку успешной профессиональной деятельности. При этом степень дизадаптации прямо зависит от уровня психического стресса в профессиональных ситуациях, внутриличностных конфликтов, физического и эмоционального перенапряжения.

Все факторы дизадаптации бортпроводников можно разделить на внешние и внутренние. Каждый из них характеризуется достаточно специфическими, продолжительными интенсивными воздействиями, ведёт к неудовлетворению потребностей, тормозит развитие личности, обуславливает возникновение состояний неудовлетворенности, нервнопсихического, напряжения и тревоги, т.е. оказывает психотравмирующее действие на личность.

Таким образом, сила влияния внешних факторов в работе бортпроводников, нарушение суточного ритма, нестабильность и неопределенность рабочего графика, задержки вылетов по погодным и техническим причинам, закрытое пространство, шум и вибрации самолетов, большое количество пассажиров, требование к персоналу, одновременного исполнения двух профессиональных составляющих (безопасность и сервис и т.д), опосредуется внутренними факторами (отношения и мотивы деятельности, наличие опыта, возраст, здоровье, стаж работы, внутриличностные конфликты, защитные механизмы, стратегии совладения со стрессом и т.п).

В совокупности внешние и внутренние факторы приводят к хроническому переутомлению, эмоциональному истощению, раздражительности, агрессивности, снижению настроения и в конечном итоге – к нарушению целенаправленных социально-психологических установок личности и смыслообразующих профессиональной деятельности бортпроводника. В целом эти состояния составляют симптомы «эмоционального сгорания», специфического для лиц группы риска, работающих с людьми.

В целях профилактики дизадаптации, выраженной наличием «синдрома эмоционального выгорания», кандидаты в бортпроводники в обязательном порядке должны пройти психологический отбор и психологическую подготовку в центрах обучения авиаперсонала.

В этой ситуации необходима активная направленная подготовка специалистов по программе, которая бы включала профилактическую работу по предупреждению

⁴⁵ Автор выражает признательность профессору, д.т.н Фокину Ю.Г. за помощь в подготовке.

Секция «Психология»

дизадаптации бортпроводников. Это позволит снизить риск их эмоционального выгорания и повысить эффективность обслуживания.

Нами было приведено экспериментальное исследования эмоционального выгорания у бортпроводников на базе авиакомпании «Сибирь». С учётом результатов исследования нами разработана структура учебных процедур, которая обеспечит подготовку стажеров-бортпроводников, в рамках программы включающий следующие компоненты:

- Информационный-теоретические знания о механизмах формирования и факторах влияния эмоционального выгорания на дизадаптацию;
- Психологический – развитие личностных ресурсов и стратегий позитивного поведения у специалистов;
- Социальный – формирование навыков общения, навыков уверенного поведения, установление позитивных отношений с пассажирами и коллегами.
- Практический – закрепление приемов и методов двух основных профессиональных составляющих – безопасность и сервис.

Литература

1. Березин Ф.Б. (1988) Психическая и психофизическая адаптация человека. Л.
2. Бодров В.А. (2006) Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ
3. Думченко Н.И. (1984) Подготовка квалифицированных рабочих широкого профиля. М.: Высшая школа
4. Зеер Э.Ф. (1996) психология профессий. Екатеринбург: Издательство Урал. гос. проф.
5. Орёл В.Е. (1999) Исследование феномена психологического выгорания в отечественной и зарубежной психологии. // Проблемы общей и организационной психологии. Ярославль.
6. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. (2007) Психология труда и человеческого достоинства.

Управление коммуникацией как ресурс мотивирования персонала

Матвиенко О.В.

Студент

Томский Государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: lighty09@mail.ru

Коммуникация является одной из основных функций менеджера, а также одним из основных процессов в жизнедеятельности организации.

Без коммуникации невозможно существование никакой организованной группы людей. Коммуникация является средством, с помощью которого модифицируется поведение, осуществляются изменения, информация приобретает эффективность, реализуются цели. Поэтому в сфере управления персоналом очень важно уметь выстраивать эффективные коммуникации (коммуникации, в которых взаимодействующие стороны достигают поставленных целей), уметь управлять ими. А менеджеру, управленцу необходимо помнить, что то, как он выстраивает коммуникации с сотрудниками, во многом влияет на уровень их мотивации, а значит, на их работу в организации. Поэтому важно понять, каким образом можно управлять коммуникациями. Для этого хотелось бы отразить следующие моменты: роль коммуникаций в организации, взаимосвязь эффективных коммуникаций и мотивированности персонала.

Известно, что на коммуникацию менеджер тратит 50-90% времени. Так, А.З. Фахрутдинова и Г.И. Петрова говорят о возможности управления деятельностью через управление смыслами, что в свою очередь, осуществляется через формальные и неформальные коммуникации. [2]

Существует две основные функции коммуникации: информационная и личностная. Первая осуществляет процесс движения информации, вторая - взаимодействие личностей.

Секция «Психология»

Неправильно выстроенная коммуникация может вести к ошибкам в работе сотрудников, усложнять процесс работы, а также способствовать возникновению конфликтов между сотрудниками.

Информационный поток в организации можно разделить на несколько уровней, в зависимости от потребностей работников, а именно:

- потребность рабочего места (должности) в информации, т.е. в информации, необходимой человеку для качественного выполнения им своих профессиональных, функциональных обязанностей на рабочем месте в своей должности.

- потребность человека в информации о системе, т.е. в информации, необходимой человеку как члену организации (подразделения), как элементу целостной системы для ориентации в структуре организации, в знании направления ее стратегического развития и положения во внешней среде.

- субъективную потребность человека в информации, т.е. в информации для снятия состояния его личной тревожности, информационной или познавательной неопределенности.

Таким образом, если на одном из данных уровней происходят помехи в коммуникациях или отсутствует приток информации, это может приводить к осложнениям в работе, невозможности выполнять свои обязанности, а, значит, к снижению уровня мотивации у сотрудника. Поэтому управленцу необходимо отслеживать движение информации на данных уровнях, удовлетворять потребность работников в получении информации, уделяя большое внимание обратной связи.

Снетков выделяет правило комплиментарности коммуникативного поведения (принцип соответствия поведения реципиента ожиданиям и позиции коммуникатора)[1, с.63]. И действительно, для эффективного взаимодействия соблюдение этого правила необходимо. Так, например, если сотрудник приходит к менеджеру только с той целью, чтобы получить эмоциональную поддержку, возможность высказаться или пожаловаться на обстоятельства, ошибкой со стороны менеджера будет попытка формализовать разговор, так как в данной ситуации сотруднику необходимо лишь человеческое внимание и поддержка. Или наоборот, сотрудник может обратиться к менеджеру с желанием получить конкретный совет, стимул к действию, а его лишь выслушают, ничего не порекомендовав и не удовлетворив тем самым потребность конкретной коммуникации. А это, безусловно, скажется на общем настрое сотрудника к деятельности и к данной организации.

Когда реципиент ведет себя не так, как от него ожидается, он вызывает у коммуникатора определенную негативную эмоциональную реакцию, а иногда и вербальную агрессию. А значит можно сделать вывод, что управленцу важно понимать, что именно пытается донести до него сотрудник, учитывать его эмоциональные потребности, и пытаться им соответствовать.

Также Снетков [1] выделяет следующие типы взаимодействия и взаимоотношений, которые могут проявляться в ходе коммуникации и выполнения людьми своих функциональных обязанностей.

Конкуренция – один из партнеров по коммуникации сознательно или бессознательно стремится решить свои проблемы за счет ущемления или при полном игнорировании интересов другого. Конкурентные отношения характеризуются тем, что цель одна, а претендентов несколько.

Конфронтация – партнер по коммуникации всеми возможными способами старается противодействовать попыткам другого решить вопрос или проблему, сознательно или бессознательно мешает достичь ему своей, субъективной цели. Можно говорить о том, что цели партнеров не совпадают или противоположны. Конечно, очень важно различать в подобном поведении личную и должностную позиции участников

Исходя из описания данных типов взаимодействия, можно сделать вывод, что очень важно регулировать коммуникацию таким образом, чтобы соперники получали

Секция «Психология»

информацию независимо друг от друга, пресекая возможность «умалчивания» в личных целях. Тогда персонал будет обладать необходимой для работы информацией, что будет способствовать успешному труду, а, следовательно, не будет демотивировать сотрудников.

Корпорация – партнеры по коммуникации на основе субъективного понимания о невозможности достижения личных или деловых целей в одиночку договариваются о взаимном обмене согласованными действиями. При таком взаимодействии управленцу можно тратить меньше времени на личное оповещение по некоторым вопросам и уделять время другим процессам, так как персонал в данном виде взаимодействия заинтересован во взаимопомощи и сотрудничестве.

Учитывая это, управленцу важно понимать взаимоотношения сотрудников, брать во внимание их должности, статус в организации и личные взаимоотношения и стараться регулировать информационные потоки приемлемым для данного вида взаимоотношений способом.

В итоге можно сказать, что умелое управление коммуникацией способствует повышению мотивации персонала, его более эффективной деятельности, что в свою очередь, безусловно, сказывается на общей успешности организации.

Литература

1. Снетков В.М. (2002) Психология коммуникации в организациях. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2002 – 192с.
2. Фахрутдинова А.З., Петрова Г.И. (2002) Коммуникации в образовании и управлении: Учебно-методическое пособие / Под ред. докт. филос.наук Г.А. Антипова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 288с.

Особенности социально-перцептивной компетентности в трудовых коллективах и студенческих группах

Мартиросян О.Г.

Студентка

*Волгоградская академия государственной службы,
факультет государственного муниципального управления, Волгоград, Россия
E-mail: martirosyan-olga@mail.ru*

Актуальность исследования социально-перцептивной компетентности определяется тем, что процессы взаимного восприятия, их психологическое опосредствование (установки, стереотипы, аттитюды) влияют на психологический климат в группе, процессы группового сплочения и, как следствие, на эффективность совместной деятельности. Особое значение социально-перцептивная компетентность, как полнота и характер отражения субъектом психических и поведенческих особенностей отдельных членов группы, а также и себя самого, приобретает в сфере «человек-человек». В исследовании мы поставили вопрос о том, каковы особенности социально-перцептивной компетентности в группах, имеющих различные цели и условия деятельности, которые объединяют их членов.

Объектом исследования стали 2 группы: трудовой коллектив (состав менеджеров среднего звена ООО «Фора») и студенческая группа (3 курс специальности «Менеджмент» Российского Университета Кооперации). Мы предположили, что деятельность в учебной группе носит индивидуальный характер, поэтому студентам нет необходимости взаимодействовать с целью достижения общего результата, и как следствие, не развивается социально-перцептивная компетентность. В трудовом коллективе совместная деятельность детерминирует повышение уровня социально-перцептивной компетентности. На этом основании мы выдвинули гипотезу о том, что уровень социально-перцептивной компетентности в трудовом коллективе выше, чем в

Секция «Психология»

студенческой группе. Также мы предположили, что в обеих группах преобладает прагматический тип восприятия, т.е. индивид оценивает группу с точки зрения полезности и отдает предпочтение контактам лишь с наиболее компетентными источниками информации и способными оказать помощь.

В исследовании мы использовали диагностику перцептивно-интерактивной компетентности (модифицированный вариант Н.П. Фетискина) В результате обработки данных, было выявлено, что коммуникативной компетентность выше у членов трудового коллектива по сравнению со студенческой группой. Различия измерялись по Т-критерию.

Для определения типов индивидуального восприятия реальных малых групп была выбрана методика социально-перцептивной дифференциации малых групп. Из трех типов восприятия, как и предполагалось, доминирует прагматический (85% - трудовой коллектив и 90% - студенческий), меньшее число испытуемых имеют индивидуалистический(10% и 5%) и коллективистский(5% и 5%).

Социально-перцептивная компетентность предполагает и объективное восприятие себя, которое мы исследовали с помощью методики перцептивно-образной самооценки (В.В. Бойко). Главный акцент сделан на изучении устойчивости нейтральных и позитивных эмоциональных состояний в обычной, благоприятной и неблагоприятной ситуациях. Нормативная изменчивость была выявлена у большинства испытуемых в обеих группах (55,6% в трудовой коллективе, 60% в студенческой группе), приемлемая – у 20% и 23% соответственно. При помощи вторичной математической обработки был сделан вывод о том, что у большинства испытуемых в обеих группах преобладают адекватные эмоциональные реакции на жизненные ситуации, имеют коммуникативно-компетентную форму.

Таким образом, гипотеза о том, что уровень перцептивно-интерактивной компетентности выше в трудовом коллективе, чем в студенческой группе, а также гипотеза о преобладании прагматического типа восприятия у большинства испытуемых, подтвердилась.

В дальнейшей перспективе исследований можно отметить необходимость разработки методов развития социально-перцептивной компетентности, как средства повышения эффективности деятельности коллектива.

Литература

1. Бодалев А.А.(1994) Психология межличностного общения. Рязань.
2. Уманский Л.И. (1975.) Критерии и характеристики общественной активности личности и контактной группы как коллектива //Социально – психологические аспекты общественной активности личности и коллектива школьников и студентов. Ярославль.
3. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. (2005) Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института психотерапии.
4. Чернышев А.С. Крикунов А.С, (1991) Социально-психологические основы организованности коллектива. Воронеж
5. <http://vsetesti.ru/137/>

Опережающая рефлексия в контексте изучения эффективности профессионального развития руководителей

Мотькина Ю.В.

аспирант

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, факультет
психологии, Москва, Россия
E-mail: jul123@bk.ru*

Подбор и развитие руководителей является актуальной проблемой современной практики, причем развитие сотрудников организации в ряде случаев является экономически более выгодным, чем подбор руководителей из внешней среды. В связи с этим повышается необходимость оптимизировать процесс развития. Это возможно посредством рефлексии работниками собственного профессионального развития, которая выступает здесь в опережающей форме.

Понятие опережающей рефлексии относится с одной стороны к классу рефлексивных процессов, а с другой стороны к классу процессов опережающего отражения. Рефлексия представляет собой процесс, направленный на осмысление и обоснование предпосылок собственных действий, требующий обращения сознания на себя. С помощью рефлексии человек может оценивать прошлое с точки зрения настоящего [2, 9].

Опережающее отражение – термин, предложенный П.К. Анохиным [1] в рамках теории функциональной системы как центрально-периферического образования, обеспечивающего достижение приспособительного эффекта при помощи саморегуляции. Опережающее отражение позволяет исправить ошибку поведения. Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков [3] указывают на то, что из всех понятий, подразумевающих фактор будущего времени в организации поведения животных и деятельности человека, понятие «опережающего отражения» является наиболее емким.

Одним из частных случаев опережающего отражения, сходным по внешним проявлениям с процессом опережающей рефлексии является антиципация. Высшим уровнем антиципации согласно Б.Ф. Ломову, Е.Н. Суркову является речемыслительный (вербально-логический), на котором становится возможным планирование действий и «рефлексивное отражение» [3, с.212]. «Именно антиципация обеспечивает формирование цели, планирование и программирование поведения (и деятельности), она включается в процессы принятия решения, текущего контроля и в коммуникативные акты» [3, с.13].

Таким образом, антиципация разворачивается от настоящего к будущему в процессе планирования и целеобразования, а опережающая рефлексия представляет собой обратный процесс, возврат из будущего в настоящее. Опережающая рефлексия содержит в себе основной признак рефлексии – остановку и «взгляд назад» [4], но сама эта остановка происходит с позиции будущего по отношению к настоящему.

Согласно взглядам П.Г. Щедровицкого [5], перспективная (опережающая) рефлексия позволяет представить возможный ход и его последствия, но не просто возможные последствия, а с точки зрения цели. То есть если антиципация позволяет субъекту ответить на вопрос «какой результат я получу если сделаю так», то в процессе опережающей рефлексии субъект ищет ответ на вопрос «как сделать, чтобы получить желаемый результат».

Применительно к профессиональному развитию это означает возможность субъекта осознанно подойти к выбору обучающих программ. Ведь зачастую в практике человек не выбирает обучение, а соглашается на предлагаемое работодателем. При этом он может понимать, что это обучение ему даст, предвосхищать результат. Однако наличие выбора обучающих программ позволяет максимально осознать пользу конкретного обучающего мероприятия для профессионального роста, что повышает готовность к обучению и открытость получению нового опыта. Это особенно актуально для работы с кадровым резервом руководящих работников.

Оценка уровня опережающей рефлексии вызывает ряд сложностей. Во-первых, недостаточно разработан инструментальный выявление опережающей рефлексии. Во-вторых, попытки выявить рефлексии могут приводить к ее актуализации. Например, если человек не задумывался глубоко о своем профессиональном развитии, то вопросы о том, к чему он стремится, чего ему не хватает для профессионального роста и т.п. могут

Секция «Психология»

стать поводом для размышления на эту тему. В-третьих, сложность вызывает определение внешних (поведенческих) индикаторов рефлексии.

С учетом возникающих сложностей в настоящее время разрабатывается инструментарий для исследования влияния процесса опережающей рефлексии на эффективность профессионального развития управленческих кадров.

Литература

1. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы Издательство: Наука, 1980.
2. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М., 2004.
3. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М., «Наука», 1980.
4. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы. // Международный научно-практический междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление» 2001г. №1, с.47-54.
5. Щедровицкий П.Г. К анализу топике организационно-деятельностных игр. Пушино, НЦБИ, 1986.

Исследование стратегий решения профессиональных проблем в зависимости от уровня развития творческого Я «успешных» и «неуспешных» руководителей **Мухорчева Е.Н.**

Студент

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, институт педагогики и психологии, город Казань
kroha1306@rambler.ru

Умение принимать решения особенно важно в быстро меняющемся нестабильном мире, где человек постоянно и вынужденно находится в ситуации выбора. В современных условиях умение принимать решение зависит от актуализации использования инициативы и ресурсов творческого Я, поиска новаторских и креативных решений, поиска возможных вариантов решения как развитие способности к антиципационной состоятельности.

В настоящее время имеется цикл работ, посвященный разработке системного подхода к изучению проблемы принятия решений: Б.Ф. Ломов, А. Ю.Козелецкий, Т.В. Корнилова, С.Г. Скотникова, Я.А. Пономарев, Г.Ч. Кунрютер [2,3,4]и др.

Наше исследование направлено на решение одного из частных случаев данной проблемы, а именно изучение стратегий решения профессиональных проблем в зависимости от уровня развития творческого Я и успешности в профессиональной деятельности.

Целью нашего исследования было изучение влияния уровня развития творческого Я на стратегии решения профессиональных проблем «успешных» и «неуспешных» руководителей.

Объектом данного исследования являются стратегии решения профессиональных проблем руководителями в ситуации предъявления им профессиональных требований.

Предметом - взаимосвязь стратегий решения профессиональных проблем «успешных» и «неуспешных» руководителей с уровнем развития творческого Я.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что стратегии решения профессиональных проблем определяются уровнем развития творческого Я.

В качестве испытуемых выступали руководители учреждений г. Казани, среди которых 37женщин и 30 мужчин в возрасте от 30 до 45 лет. Общий объем выборки составил 67 человек.

Методы и методики. Для выявления «успешных» и «неуспешных» руководителей использовались: метод экспертных оценок и метод анкетного (авторская разработка).

Секция «Психология»

Для определения творческого потенциала использовался опросник на определение творческого потенциала неизвестного автора. Для изучения креативности - невербальной креативности - методика Е.Торренса и вербальной креативности методика С.Медника, адаптированы А.Н.Ворониным, 1994. На выявление факторов принятия решений - опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР – 25) Т.В. Корниловой (1994). Для определения особенностей решения профессиональных проблем - «Опросник поведения и переживания, связанного с работой» (AVEM) - разработан У.Шааршмидтом и А.Фишером.

Достоверность результатов сравнения средних значений показателей оценивалась с помощью t-критерия Стьюдента. Также при обработке полученных данных использовался корреляционный и качественный анализы.

Результаты и обсуждение.

На первом этапе были определены группы руководителей в зависимости от успешности и продуктивности их профессиональной деятельности. Менее успешных руководителей мы отнесли к группе «неуспешных», более успешных к «успешным».

На втором этапе определялись и анализировались различия в креативности и творческом потенциале руководителей в двух группах. Результаты показали, что средние значения показателей оригинальности и уникальности по невербальной и вербальной креативности выше у успешных руководителей ($t_{\text{мп}} = 3,29$ при $p < 0,01$ и $t_{\text{мп}} = 3,92$ при $p < 0,01$). Из этого следует, что в группе «успешных», более развито словесное творческое мышление и изобразительное творческое мышление.

При анализе данных, полученных в результате проведения методики Т.В. Корниловой (ЛФР -25) оказалось, что результаты группы «успешных» испытуемых по показателю готовность к риску выше аналогичных показателей испытуемых «неуспешных». Это, значит что руководители с успешной профессиональной деятельностью, более склонны к актуализации своего интеллектуального и личностного потенциала при принятии решений в условиях неопределенности, нежели руководители с менее успешной профессиональной деятельностью.

На следующем этапе исследования перед нами стояла задача изучить особенности стратегий решений профессиональных проблем «успешных» и «неуспешных» руководителей в ситуации предъявления им профессиональных требований. В результате полученных данных оказалось, что почти по всем категориям, таких сфер как профессиональная активность, психологической устойчивости и стратегии преодоления профессиональных проблем, эмоциональный настрой на профессиональную деятельность, «успешные» руководители так же имеют высокие показатели. Только в сфере психологической устойчивости и стратегия преодоления профессиональных проблем в категории тенденции отказа в ситуации неудач группа «неуспешных» имеет высокие средние значения. Полученные данные говорят нам о том, что руководители с успешной профессиональной деятельностью способны к решению трудных проблем, придают работе высокое (но не экстремальное) значение, контролирующие собственные энергетические затраты. Отличается конструктивным способом преодоления ситуаций неудач и поражений, которые рассматриваются субъектом как стимул для поиска активных стратегий их преодоления. Руководители же с менее успешной профессиональной деятельностью, напротив, характеризуются низким субъективным значением деятельности, низкой стрессоустойчивостью, средним уровнем энергетических затрат и профессиональных притязаний, выраженной склонностью к сохранению дистанции по отношению к профессиональной деятельности, удовлетворенностью своего труда.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования, мы выявили, что руководители с более высоким уровнем профессионализма, вошедшие в группу «успешных», обладают высоким уровнем творческого потенциала и креативности, более склонны актуализации своего интеллектуального и личностного потенциала при принятии решений в условиях

Секция «Психология»

неопределенности. А руководители, относящиеся к «неуспешным» имеют низкий творческий потенциал и креативность, они более склонны к обдумыванию своих решений.

Управленческая деятельность, как и любая иная деятельность, может характеризоваться разным уровнем ее качественных параметров, выполняться с большей или меньшей эффективностью. Это определяется многими факторами, но в нашем исследовании мы выяснили, что креативность играет важную роль в процессе эффективного управления.

Литература

1. Богоявленская Д. Б. О предмете и методе исследования творческих способностей // Психологический журнал. 1995. №5..
2. Козлецкий Ю. Психологическая теория решений, М.:Прогресс, 1979. – 503 с.
3. Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений// Психологический журнал, 2005, т.26, №1, с.7 -17.
4. Стивен Дж. Хок, Говард Ч. Кунрютер "Wharton о принятии решений", ИК «Аналитика», 2005. – 354 с.

Особенности локуса контроля военнослужащих, проходящих военную службу по контракту

Назарова Е.Н.

Аспирант

Тамбовский государственный университет имени Р.Г. Державина

Mulikova_tmb@mail.ru

Необходимость изучения индивидуально-психологические особенности военнослужащих по контракту обусловлена потребностями разработки адекватных технологий диагностики и прогнозирования профессиональной сохранности и успешности военных специалистов, обоснования и внедрения соответствующих программ психологического сопровождения их профессионального развития. Несмотря на неоднородность военных профессий, ученые (В.П. Петров, А.Т. Ростунов, Н.Ф. Феденко и др.) выделяют некоторые индивидуально-психологические характеристики, которые чаще всего определяют успешность профессионального труда всех военнослужащих. Прежде всего, здесь нужно назвать ответственность и самоконтроль, нравственные качества (честность, порядочность, чистота, бескорыстие, умение противостоять различным соблазнам), определенный стиль взаимоотношений с окружающими (чуткость, особая внимательность к людям, забота о них), а также способность быстро переключаться с одной деятельности на другую, успешно выполнять многообразные обязанности. И, конечно, успех в работе военнослужащего фактически невозможен без глубокого интереса к ней, любви к военному делу.

Профессия военнослужащего бригады специального назначения связана с постоянным воздействием стрессовых факторов, возникающих в связи с напряженными условиями службы. Различный характер реагирования на стресс отмечается у людей с внешним или внутренним локусом контроля. Ю.В. Постылякова показала, что интеральный локус контроля связан с большим использованием личностью активных стратегий, направленных на работу.

Целью нашего исследования стало изучение индивидуально-психологических особенностей (в частности локуса контроля) военнослужащих, проходящих военную службу по контракту.

В блок психодиагностических методик, направленных на изучение индивидуально-психологических особенностей военнослужащих мы включили: методику диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера, опросник определения смысла жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методику многофакторного исследования личности Р.

Секция «Психология»

Кеттелла (русскоязычная версия в адаптации А.Г. Шмелева), тест-опросник Г. Айзенка EPi (русскоязычная версия в адаптации А.Г. Шмелева), методики Т. Элерса диагностики личности на мотивацию к успеху и на мотивацию к избеганию неудач, методика определения нервно-психической устойчивости, риска дезадаптации в стрессе «Прогноз», методика диагностики степени готовности к риску Шуберта. Экспериментальную группу составили 154 новобранцев бригады специального назначения, проходящих службу по контракту. Обработка всех данных и дальнейшие вычисления проводились с использованием программы «SPSS 13.00 for Windows».

Использование факторного анализа метода «Varimax» позволило уменьшить количество исходных признаков и перейти к нескольким новым интегральным характеристикам, достаточно полно описывающим рассматриваемую совокупность признаков. В результате нами были выявлены следующие факторы, описывающие индивидуально-психологические особенности военнослужащих войск специального назначения: первый фактор «осмысленность жизни», 2 фактор «локус контроля», 3 фактор «социальная адаптация», 4 фактор «эмоциональная устойчивость», 5 фактор «эмпатия», 6 фактор «ответственность», 7 фактор «активная жизненная позиция».

Как видно из представленного материала характеристика интернальности-экстернальности в структуре личности военнослужащего занимает одно из ведущих мест. Для оценки уровня локуса контроля нами была использована методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера. Показатели по шкале «Общая интернальность» у военнослужащих по контракту находятся в пределах нормы (5,87 стенов). Однако по таким характеристикам как «Интернальность в области достижений» (6,08 стенов), «Интернальность в семейных отношениях» (6,25 стенов) являются выше нормы. Таким образом, для военнослужащих характерен высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями жизни. Они так же считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни. Показатели ниже средних по шкале «Интернальность в производственных отношениях» (5,03 стенов) характеризуют испытуемых как людей, придающих большое значение внешним обстоятельствам – руководству, товарищу по работе, везению – невезению. Показатели по шкале «Интернальность в отношении здоровья и болезни» являются ниже среднего (4,49 стенов). Военнослужащие войск специального назначения считают здоровье и болезнь результатом случая и надеются, что процесс выздоровления будет зависеть от действия других людей.

На основании анализа мотивации профессионального выбора с использованием факторного анализа по методу «Varimax» и двухшагового кластерного анализа группа военнослужащих разделилась на 3 примерно одинаковые по численности группы с разным типом мотивации (Назарова Е.Н., 2006, 2007). Показатель, характеризующий особенности общего локуса контроля, достоверно выше ($p \leq 0,05$) у военнослужащих 1 кластера с "глотическим" типом мотивации. Иными словами, военнослужащие данной категории считают, что большинство событий жизни являются результатом их собственных действий, и таким образом чувствуют собственную ответственность за события жизни. Следует сказать, что низкий уровень общей интернальности, интернальности в области неудач и интернальности в производственных отношениях отмечен у военнослужащих 2 кластера с "пассивно-конформным" типом мотивации. Такие люди, как правило, не видят связи между своими действиями и значимыми событиями жизни, не считают себя способными контролировать их. Представители 3 кластера с "прагматическим" типом мотивации имеют высокий \square по сравнению с остальными военнослужащими \square уровень интернальности в области достижений \square интернальности в области семейных \square производственных и межличностных отношениях. Данное обстоятельство говорит о военнослужащих войск специального назначения как о людях с высоким уровнем эмоционального контроля над положительными эмоциями. Они

Секция «Психология»

считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной производственной и личной жизни.

Таким образом, на основании полученных данных можно утверждать, что уровень субъективного контроля входит в число профессионально важных качеств военнослужащего и определяет успешность в профессиональной деятельности. Для военнослужащих бригады специального назначения с "глорическим" типом мотивации профессионального выбора характерен высокий уровень субъективного контроля и степень ответственности за события собственной жизни.

Литература

20. Петров В.П. Военно-профессиональная ориентация молодежи / В.П. Петров, А.Т. Ростунов. – Министерство обороны СССР.- М.,1988.- 289 с.
21. Профессиональный психологический отбор в военно-учебные заведения советских вооружённых сил// под ред. Феденко Н.Ф. - М.,1989.- 80с.
22. Постылякова Ю.В. Ресурсы совладения со стрессами в разных видах профессиональной деятельности// Психологический журнал.-2005.-№6.-Т.26.-с.35-44

Проблемы самомотивации в деятельности руководителя⁴⁶

Назьмова Ю.И.⁴⁷

Студентка

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, институт экономики и менеджмента, Пенза, Россия
E-mail: pochtayn@gmail.com*

Владея навыками самомотивации – человек способен более эффективно управлять своим временем. Особенно актуально это для руководителей, работа которых во многом направлена на то, чтобы мотивировать других людей. Следует осознавать тот факт, что внутренняя мотивация руководителя должна отличаться от самомотивации подчиненных несколькими важными свойствами. Во-первых, самомотивация управленца должна быть в несколько раз сильнее, что бы действеннее преодолевать проблемы и разрешать задачи повышенной трудности и значимости. Во-вторых, самомотивация руководителя во многом отражается на эффективности работы всей организации, так как работники при выполнении работы в первую очередь ориентируются на руководство.

Объектом изучения при исследовании проблем самомотивации явилась управленческая среда предприятий г. Пензы. Источниками исследования послужили справочные материалы по изучаемой проблематике, данные научных и экономических журналов и газет, публикации в Интернете. Данные социологического опроса руководителей г. Пензы позволили определить некоторый круг проблем, которые отрицательным образом влияют на самомотивацию руководителя. Данный социологический опрос состоял из анкеты, состоящей из 25 вопросов, касающихся проблемы самомотивации. Все респонденты, принявшие участие в опросе - являлись или руководящими работниками организаций или частными предпринимателями.

Анализ данных опроса показал, что в целом – руководители, которые принимали участие в анкетировании, уделяют недостаточное внимание внутренней мотивации в силу ряда причин – занятость на работе, возможность справляться с делами «и так» и, наконец, просто нежелание развиваться. Более половины опрошенных управленцев предпочитают справляться с «горящими делами», пренебрегая правилами Парето, матрицей Эйзенхауэра и т.д. Только 43% руководителей знакомы и применяют такой метод самомотивации, как само-вознаграждение. Несмотря на то, что общепринятая данная форма самомотивации является одной из самых распространенных в мире. И только 13% респондентов знакомы

⁴⁶ Тезисы доклада основаны на материалах исследования, проведенного в рамках научной работы для открытого конкурса студенческих работ 2009.

⁴⁷ Автор выражает признательность профессору, д.э.н. Резнику С.Д. за помощь в подготовке тезиса.

Секция «Психология»

и используют метод «самонаказания», который используется, если работа не была выполнена или была выполнена плохо. При этом 53% респондентов его не применяют вообще. При этом наблюдалась следующая тенденция - руководитель, который не был знаком с методом само-вознаграждения, в 80% случаев не указывал и метод самонаказания, и наоборот. Сложно говорить о развитой и качественной системе самомотивации, если не применяются наиболее простые методы внутреннего стимулирования.

Рекомендуемые методы позволяют снизить влияние негативных факторов на уровень самомотивации руководителя. Для того чтобы побеждать негативные факторы, которые содействуют понижению самомотивации, руководителю необходимо периодически проводить инвентаризацию своего времени, осознать, на что оно тратится. Это позволяет сделать хронометраж - непрерывный учет времени в течение определенного периода. Кроме того, развитие устойчивости к негативным факторам помогает «определение четких границ времени». Сосредоточивание руководителя на негативных целях ведет к снижению самомотивации. Негативные цели программируют на неудачи, лишая возможности выигрыша. Позитивные цели, полны энергии, и веры в потенциал успешного достижения запланированного.

Для того чтобы снизить влияние негативных факторов, которые так или иначе влияют на формирование системы самомотивации у руководителя, во-первых, необходимо научиться расслабляться физически. Для этого могут подойти самые различные виды спорта - такие как йога (методы медитации), так и экстремальные виды спорта, например скалолазание или дайвинг. Во-вторых, руководителям необходимо ознакомиться с психологическими приемами, которые помогают посмотреть на кажущуюся неразрешимой проблему с другой стороны, или повысить свое настроение, и, как следствие, работоспособность, научиться этому можно на специальных психологических курсах.

Литература

1. Архангельский Г.А. Организация времени: о личной эффективности к развитию фирмы. СПб.: Питер 2003.
2. Брег.П.С. Формула совершенства. – Спб.: Наука,1993.
3. Ваше преуспевание в ваших руках/Д. Карнеги, Л. Дж. Питер, С.Н. Паркинсон, А. Блох. – М.: Республика, 2000.
4. Ищенко. С. Труд для человека может быть как суровым испытанием, так и радостью. – 2007. – №5.
5. Манурова Р. Стресс-менеджмент: техника управления стрессом в профессиональной деятельности // Управление персоналом. – 2007. – №9.

Референтность как инструмент в системе управления персоналом

Одинцова П.А.

Студентка

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, факультет социальных наук, г. Нижний Новгород, Россия

E-mail: mneroline@yandex.ru

В наши дни все большее внимание менеджеров привлекают психологические способы мотивации, подбора и отбора персонала. В связи с этим встает вопрос о неформальной структуре организации, которая оказывает значительное влияние на показатели производительности и удовлетворения от труда работников [4]. Являясь одним из факторов функционирования социальной группы, предметом нашего исследования является референтность сотрудников к организации.

Секция «Психология»

Целью нашей работы стало изучение референтности как инструмента в системе управления персоналом.

История изучения референтности ведет нас в начало XX века, однако на данный момент нет даже однозначного и общепринятого определения референтных групп. Под референтной группой понимают и просто группу, «к которой индивид причисляет себя психологически», – это одно из первых определений референтной группы, которое дает Т. Ньюком, и «группу реальную или воображаемую, цели деятельности и ценностные ориентации членов которой – эталоны для личности, считающей ее для себя референтной группой», – современное общее определение референтной группы в отечественное социальной психологии[3].

В западной и отечественной социальной психологии и социологии сложились различные традиции в изучении влияния неформальных структур организации на ее непосредственную деятельность. В отечественной психологии в основу его трактовки был положен момент значимой избирательности при определении субъектом своих ориентаций (мнений, позиций, оценок). Специфика референтности заключается в том, что направленность субъекта на некоторый значимый для него объект реализуется посредством обращения к другому значимому лицу. Таким образом, референтность имеет форму субъект-субъект-объектных отношений, т.е. таких, при которых отношение субъекта к значимому для него объекту опосредствуется связью с другим субъектом[6].

Теория референтных групп в американской социальной психологии развивалась в рамках интеракционистской ориентации и понятие «референтная группа» тесно связано в основном с понятием «роль» и «символ интеракции»[1].

Однако большинство психологов, занимающихся данной проблемой, согласны с тем, что понятие референтной группы и, особенно, ее функции связаны с нормами и ценностями человека [3].

Таким образом, что сотрудники организации, для которых она является референтной группой, усваивают ее нормы и ценности в качестве своих личных, стремятся быть принятыми в ней, тем самым повышая свой статус. Мы предполагаем, что эти сотрудники как носители организационных ценностей могут наиболее продуктивно исполнять управляющие функции, обладая необходимым лидерским потенциалом.

Для определения степени принятия организационных норм и ожиданий поведения сотрудников мы предлагаем использовать технику репертуарных решеток. Эта методика основана на теории личностных конструктов Дж. Келли[5]. Он определяет конструкт как «особое субъективное средство, сконструированное самим человеком, проверенное (валидизированное) на собственном опыте, с помощью которого человек выделяет, оценивает и прогнозирует события, организует свое поведение, «понимает» других людей и реконструирует систему взаимоотношений и строит «образ Я». Конструкты представляют собой сложные организованные системы. В силу общности и социального опыта человека многие конструкты у разных людей схожи[2].

Репертуарные решетки, в отличие от других методов, направлены не на изучение объекта шкалирования, а на получение информации о человеке, заполняющем решетку. Они дают возможность для реконструкции внутренней картины мира испытуемого, в этом заключается их индивидуализированный характер. Факторный анализ, проводимый по индивидуальным данным, выделяет актуальные эмпирические обобщения конкретного испытуемого. Таким образом, техника репертуарных решеток – своеобразный компромисс между идеографическими описательными методами и стандартизированными измерительными методами[5, 2].

Таким образом, сравнив представления об организационном поведении менеджеров более высокого звена с представлениями менеджеров среднего звена, а также с провозглашаемой миссией и философией организации, мы можем определить, насколько организация с ее нормами и ценностями является референтной группой для сотрудника.

Мы полагаем, что процедуру диагностики индивидуальных представлений можно применять в качестве инструмента профессионального отбора и формирования кадрового резерва.

Литература

1. Келли Г. Две функции референтных групп// Современная зарубежная социальная психология. Тексты/Под ред. Г. М. Андреевой и др. – М., 1984 – С. 197-203
2. Колосова В.В., Гремина Е.В. Психологический анализ содержания системы личностных конструкторов менеджеров//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, серия «Социальные науки» - 2006г. – С. 54-66
3. Меланьина А.А. Референтность как феномен межличностных отношений
4. Ньюстром Дж.В., Дэвис К. Организационное поведение/Перевод с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского – СПб: Издательство «Питер», 2000. – 448с.
5. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности (предисловие Ю.М.Забродина, В.И.Похилько). М., 1986. – 236 с.
6. Щедрина Е.В. Референтность как характеристика системы межличностных отношений / Е.В. Щедрина // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. – М., 1979. – С. 111-127.

Диагностика профессиональной направленности личности на основе теста «Зеркало»

Пермогорский М.С.

студент

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики, Москва, Россия

E-mail: miwka-89@mail.ru

В настоящее время известно, что при поступлении в высшие учебные заведения студенты подают документы подчас на совершенно разные специальности. Причем дальнейшие успехи в освоении выбранной специальности, профессии определяются не только способностями в данной области, но в большей мере интересом и мотивацией к учению, приобретению знаний.

Мы предположили, что есть определенное сочетание специализаций, для которых характерны некие общие «точки отсчета». Другими словами, хороший менеджер, например, мог бы быть и хорошим психологом, журналистом, инженером.

Цель нашего исследования – найти такие «смежные» специальности. Выпускникам университета, молодым бакалаврам, магистрам предстоит выбор направления своей будущей деятельности. Каждому желательно знать как можно больше о своих возможностях, о перспективах своего дальнейшего профессионального роста в своей сфере деятельности.

А.Н. Лебедев с сотрудниками обнаружили, что психологический портрет личности, когнитивный ресурс, успешность в учебе и профессиональной деятельности можно с высокой степенью достоверности определить по таким предикторам как самооценки испытуемыми собственных индивидуальных особенностей (Лебедев и др., 2006).

В нашем исследовании принимали участие 30 студентов факультета менеджмента ГУ-ВШЭ г. Москвы. Им была предложена анкета («Зеркало») с набором личностных качеств (51 характеристика), выраженность которых нужно было оценить по пятибалльной шкале в течение 10-15 минут. В основе теста лежит отечественный личностный опросник, разработанный Б.Г. Бовиным в ходе исследований в системе МВД России с целью психологически обоснованного продвижения специалистов МВД по служебной лестнице (Бовин, Лебедев и др., 1997).

В результате исследований Литвиновой Т.И., в ходе которых регистрировались самооценки около 600 студентов, было выявлено, что по вектору ответов можно определить профессиональную направленность студента (Литвинова, 2006 б). Иными

Секция «Психология»

словами, по вектору самооценок можно вычислить выбранный каждым испытуемым факультет. Для численного расчета корреляции каждого предиктора со значением избранного студентом факультета, последнему приписывалась численная оценка, равная 100 единицам, всем остальным факультетам приписывали нуль. По найденным предикторам вычисляли теоретическое значение факультета. Предварительно значения всех колонок нормировались так, что бы среднее значение для каждой колонки было равно 100 единицам, а стандартное отклонение – 10 единицам.

Для проверки точности диагностики выборку студентов разделили на две части. Одну половину выборки использовали для создания диагностических уравнений, а вторую половину – в качестве контроля, для проверки точности прогноза профессиональной направленности «вслепую».

Для обработки данных использовались компьютерные программы регрессионного анализа, разработанные профессором Лебедевым А.Н.. Мерой связи между шкалами опросника и тестовым показателем служит коэффициент линейной корреляции по Пирсону.

Тест «Зеркало» был успешно испытан Т.И. Литвиновой (Литвинова, 2006 а; 2006 б) и др. (Киселева и др., 2005; Михалкин, 2006) в экспериментах с участием нескольких сот испытуемых.

Имея большую базу данных по разным специальностям, мы имели возможность проверить нашу выборку на принадлежность к разным профессиям, а не только к уже выбранной, т.е. менеджменту.

В результате было обнаружено, что среди 13 выбранных специальностей наиболее близкой к менеджменту оказалась специальность экономиста. Также удалось найти и другой полюс – наиболее отдаленные от менеджмента профессии: учитель, юрист, священник. Остальные 9 специальностей оказались в пределах допустимой вероятности, 50 на 50.

Полученные результаты, как нам кажется, можно объяснить фактором экстраверсии. Деятельность менеджера, прежде всего, направлена на себя, на собственное продвижение по карьерной лестнице. В той же ситуации из-за переизбытка на рынке труда и кризиса оказываются и экономисты. Деятельность юристов, учителей и священников направлена, в первую очередь, на других: у учителей – это дети, у священников и юристов – люди, которым необходима помощь в определенной ситуации.

Литература

1. Бовин Б.Г., Лебедев А.Н. и др. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел. Справочное пособие. МВД РФ. Изд-во НИЦПО. 1997. - 344 с.
2. Киселева Е.А., Лебедев А.Н., Шеховцев И.К. Диагностика предрасположенности к наркомании // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 1(38). - С 169-179.
3. Лебедев А.Н., Литвинова Т.И., Шеховцев И.К. Предикторы профессиональной направленности и когнитивный ресурс личности // Труды СГУ. Выпуск 99. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. - М., 2006. - С.127-133.
4. Литвинова Т.И. Диагностика профессиональной направленности // Психология индивидуальности: Материалы Всероссийской конференции. Москва, 2-3 ноября 2006 а. - С. 360-364.
5. Литвинова Т.И. Личностные предпосылки профессиональной направленности // Труды СГУ. Выпуск 99. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. -М., 2006 б. - С.134-145.
6. Михалкин С.О. Диагностика пресуицидального состояния на основе теста «Зеркало» // Психология индивидуальности: Материалы Всероссийской конференции. Москва, 2-3 ноября 2006. - С.388-391.

Особенности трудоустройства персонала в условиях кризиса

Прикуль Т.В.

Студентка

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: t_prikul@mail.ru

Экономическое развитие, международные связи, рост ВВП, занятость, стабильность, уверенность в завтрашнем дне - совсем недавно эти понятия имели положительный оттенок и не вызывали сомнения у многих граждан.

Вне всякого сомнения, ситуация, которая имеет место как на мировом, так и на российском рынке в данный момент, называется кризисом. Причем кризис этот имеет как минимум две проекции - экономическую и личностную. И если экономическая составляющая происходящих в настоящее время процессов относительно понятна и прогнозируема, то психологическая составляющая процесса еще требует понимания. Резкое снижение объемов производства, кризис банковской системы, массовые сокращения персонала, свертывание бизнеса и банкротство предприятий – все это подогревается многочисленными сообщениями в СМИ и долгим молчанием со стороны правительства, создавая впечатление невероятной неустойчивости всей системы, которое в сумме провоцирует панику.

Рассматривая деятельность предприятий, отметим, что именно персонал, трудовой ресурс попал под наиболее сильный удар. Долго и сложно формировавшиеся на российском рынке ростки менеджмента, подхода к персоналу как к главному капиталу - рухнули в считанные недели. Многие руководители в момент резкого обострения кризиса в первую очередь принялись «чистить» ряды своих сотрудников.

Так если на конец прошлого года безработица в России превысила отметку в 1,5 млн. человек, то прогнозы на грядущий год еще менее утешительны. По разным данным к концу 2009 года от 2 до 7 миллионов россиян останутся без работы, при этом прогноз по официальной безработице составляет 2,2 миллиона человек. Десять тысяч предприятий объявили о планируемом в начале 2009 года высвобождении более 270 тысяч работников, во временных отпусках по инициативе администраций находятся порядка 310 тысяч человек. На сегодняшний день 330 градообразующих предприятий заявили о своих планах по высвобождению более 27 тысяч человек. В Свердловской области число безработных за декабрь-январь 2008 увеличилось в 2 раза и составило 1,04%.

Данные условия существенно видоизменили рынок трудовых ресурсов и подход к подбору персонала. Произошел качественный переход от рынка «соискателя» к рынку «работодателя».

Долгое время, в условиях практически полной занятости, господствовал рынок «соискателя», который характеризовался именно поиском и заманиванием ценных специалистов работодателем (спрос на труд превышал предложение). Недостаточным было предложить только высокий оклад, чтобы заполучить интересующего фирму специалиста, так как в сознании современного работника накрепко закрепились такие понятия как: карьерный рост, дополнительные льготы и бонусы, социальное страхование, возможность развивать свои способности, ответственность, хороший климат в коллективе, признание достижений, престиж компании и многие другие. Деньги перестали быть единственным мотивационным фактором. В данных условиях именно соискатель делал выбор в пользу того или иного работодателя, тем самым, диктуя рынку свои условия. Рынок «соискателя» повлек за собой рост заработных плат (не всегда обоснованный), расширение пакета бонусов, льгот, предлагаемых работодателем, который вынужден был принимать условия игры.

Разразившийся кризис откатнул маятник в противоположную сторону, передав бразды правления работодателю. Рынок «работодателя» - это рынок, на котором предложение

Секция «Психология»

труда существенно выше спроса на труд. Сейчас работодатель имеет обширные возможности выбора кандидата, на переполненном рынке труда, «пробитая» для своих компаний высококвалифицированных специалистов с опытом и образованием, причем может это делать за существенно более низкие цены и сокращая пакет дополнительных «пряников». Соискатель вынужден идти на условия работодателя вследствие отсутствия альтернативного выбора.

В целом, изменилось отношение и к набираемому персоналу. Как отмечают руководители кадровых агентств, а также проделанный анализ сайтов по поиску персонала, многие работодатели повышают требования к кандидатам, требуя от них не только уже привычные профессиональные качества, но и многофункциональность, готовность выполнять обязанности, не предусмотренные его специализацией и занимаемой должностью. Это вызвано высоким уровнем совмещений должностей, но при относительно низком изменении в заработной плате. Так, например, уровень предлагаемых заработных плат в целом по городу Екатеринбург упал на 20-30%. И если ценные кандидаты с хорошим послужным списком еще имеют шанс найти работу, то выпускники и молодые специалисты оказались в тупиковой ситуации. Работодателю просто нет смысла вкладывать в развитие, обучение, становление молодого специалиста, когда он с легкостью может позволить нанять себе профессионала за те же деньги.

Кроме того интересна и структура сфер безработицы. Большинство сфер оказались в кризисной ситуации, среди которых лидируют: строительство, лизинг, специалисты по работе с персоналом, рекламщики и маркетологи, бухгалтера. Что удивительно, кризис почти не коснулся IT-специалистов и фармацевтов. Самой популярной вакансией остается менеджеры по продажам.

Повлиял кризис и на методы поиска как работы, так и кандидатов. Так работодателю больше нет необходимости выделять существенные статьи бюджета на привлечение персонала. Достаточно элементарно разместить вакансию на одном из бесплатных сайтов в Интернете. Этого вполне достаточно для получения сотни резюме. При этом нет необходимости лично осуществлять прямой поиск.

Соискателям в свою очередь приходится искать новые и новые каналы поиска работы. Размещение резюме на сайте – далеко не достаточный вариант, который при желании трудоустройство, необходимо расширить как минимум прозвонкой работодателей, газетами по поиску работы, ярмарками вакансий. Но наиболее действенный способ трудоустройства – это рекомендации, либо трудоустройство «по знакомству», так как каждый старается в первую очередь помочь в кризисной ситуации именно «своим».

Отметим в целом, что кризис нужно воспринимать не только негативно как разрушающий фактор, но и как дающий возможность дальнейшего развития. В этот период хорошие и ценные специалисты проявят себя, а те, кто создавал видимость работы - окажутся за бортом. Это укрепит компанию с помощью качественного улучшения своего персонала.

Безусловно, что сложившаяся ситуация является весьма сложной и напряженной. Однако, как отмечают эксперты самые массовые сокращения штатов в крупных и средних компаниях уже позади. Психологический порог кризиса преодолен. От панического периода мы переходим к периоду рационализации, в связи с чем, компании частично возвращают ценных сотрудников, уволенных в эмоциональном порыве в начале ноября, понимая, что выполняемые ими функции необходимо осуществлять.

Любой рынок осуществляет колебательные движения вокруг точки оптимума, рынок труда – из состояния дефицита персонала до безработицы, время от времени приближаясь в точку оптимальной полной занятости. Поэтому в скором времени, пускай и не легким путем, будет достигнута определенная стабилизация как экономики в целом, так и рынка труда в частности.

Психологические основания понятия карьеры.

Рикель А.М.

аспирант

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sasharikel@yandex.ru

Большая Советская Энциклопедия определяет карьеру как «быстрое и успешное продвижение в области общественной, научной, служебной или другой деятельности; достижение известности, славы или материальной выгоды». В Советское время это понятие употреблялось зачастую близко к другому термину – карьеризму - погоне за личным успехом в служебной, научной или другой деятельности, вызванной корыстными целями в ущерб общественным интересам (согласно, той же БСЭ). Негативное отношение, заложенное в последнее определение, было продиктовано общей идеологической установкой, господствовавшей в том обществе.

В то же время на протяжении последних двух десятилетий в западной, а также отечественной психологии наметился бурный рост интереса к понятию карьеры, вызванный особенностями процессов, проходивших в наших обществах. Являясь междисциплинарным, этот социокультурный феномен не мог не вызвать внимания и у психологов.

За эти годы накопилось большое число работ, посвященных карьере и ее особенностям. Большинство из них (как отечественных, так и зарубежных) можно назвать выполненными по следующей схеме: сначала автор вводит определение карьеры, а затем – исходя из этого определения - старается проанализировать какой-то аспект этого феномена (например, модели карьерного роста или факторы, влияющие на профессиональный успех). Так, получается, что любой исследователь остается «заложником» собственного понимания карьеры, на котором и базируется дальнейшие выводы.

Большая часть исследователей рассматривает карьеру как динамическое образование, выделяя в качестве основных детерминант объективные переменные, такие как карьерный рост, повышение заработной платы, общее количество продвижений по службе. Исходя из такого понимания карьеры, выделяются факторы, влияющие на динамику карьеры: стратегии ее построения, межличностные отношения, семейные отношения, инвестиции в человеческий капитал, мотивационные факторы, характеристики организации и самой личности (Хаммер, 2008). Каждый из этих факторов разделяется на дополнительные переменные, в отношении которых проводятся различные эксперименты. Кстати, последние отечественные эмпирические исследования свидетельствуют о ведущей роли интраиндивидуальных детерминант, влияющих на карьерный рост, и, в частности, выделение такого конструкта как самоэффективность (вера в эффективность собственных действий) как ведущей «внутренней» детерминанты карьерного продвижения (Богатырева, 2008).

Другая ветвь научного творчества, также рассматривающая карьеру с точки зрения ее объективных показателей, рассматривает различные модели карьерного роста как индивидуального пути продвижения сотрудника внутри организации. Так, в недавнем масштабном исследовании, проходившем в Нижнем Новгороде и вовлекшем более 1000 руководителей различных звеньев и организаций, было выявлено, что все многообразие карьер исчерпывается различными вариантами пересечения 4 основных моделей, названных «трамплином», «лестницей», «змеей» и «перепутьем». Так, первый вариант, предусматривающий постепенное восхождение руководителя до высшей должности и подразумевающий максимально длительное время пребывания в ней до выхода на пенсию, характеризует карьерные пути руководителей «застойных» предприятий. Модель «лестницы» напоминает «трамплин», однако по достижении наивысшей для данного

Секция «Психология»

сотрудника карьерной позиции начинается постепенный «спуск». В такой модели бывший начальник до выхода на пенсию занимается консультационными проектами, а его карьерные передвижения контролируются, например, Советом директоров или правлением. Модель карьеры «змея» интересна тем, что предусматривает горизонтальное перемещение работника по должностям перед повышением на следующий этап – так сотрудник лучше осознает конкретные функции различных отделов и становится более компетентным руководителем. Модель карьеры «Перепутье» является американским индивидуализированным вариантом карьерного продвижения и подразумевает череду постоянных аттестаций (Егоршин, 2007). Схожие модели разрабатываются и другими отечественными и зарубежными авторами.

Однако научная картина исследований карьеры была бы неполной, если бы в ней не учитывалась другая важная составляющая этого понятия – так называемый «субъективный профессиональный успех» как совокупность суждений человека о его достижениях и результатах, т.е. уровень удовлетворенности (Хаммер, 2008). Действительно, как можно объективно сравнивать успешность той или иной карьеры, не зная, насколько сам человек считает свою карьеру успешной?

В центре многих исследований находится связь успешности объективных критериев построения карьеры с различными организационными культурами. Нам представляется интересным внести свой вклад в дело построения моделей успешной карьеры, рассмотрев успех не только с его «внешней», но и внутренней стороны. Ведь сравнение карьер генерального директора крупной компании и руководителя научного института с точки зрения зарплат и продвижения по службе оставляет картину, неполную вследствие отсутствия понимания внутренней удовлетворенности собственной карьерой.

Построив исследование путем сравнения особенностей успешных и неуспешных карьер руководителей и менеджеров в организациях с различными организационными культурами, мы сможем «на выходе» получить модель-рекомендацию для построения карьеры разными людьми в различных типах компаний и организаций.

Литература

1. Хаммер Я. Профессиональный успех и его детерминанты. // Вопросы психологии №4, 2008 г.
2. Богатырева, О. О. Психологические предпосылки карьерного роста // Вопросы психологии. - 2008. - № 3.
3. Егоршин А.П. Карьера одаренного менеджера. М., 2007.

Ролевая структура как фактор эффективности групп в организации

Сайфулин Р.Р.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: saifulinrustam@gmail.com

Прошло время, когда выполнение поставленных задач ложилось на плечи одного человека. Причиной этого являлась невозможность эффективно выполнять возложенные функции в одиночку, так как для них зачастую необходим набор различных качеств, которые редко можно встретить в лице одного субъекта.

Осознание данного момента привело к возникновению активного изучения и внедрения в практику командной работы. Очень скоро специалисты пришли к мнению о том, что команда является плодотворным и эффективным инструментом при решении поставленных задач, разумеется, если состав команды подобран правильно.

Секция «Психология»

В связи с вышесказанным, актуальной проблемой является правильное комплектование команды, так как от данного фактора зависит успех и эффективность всей дальнейшей работы малых групп в организациях различного профиля.

В настоящее время существует большое количество разнообразных методов комплектования команд, но, к сожалению, нет единого мнения о том, какой из них является наиболее эффективным. Основная причина такой ситуации заключается в сугубо «индивидуальном» характере работ, посвященных данной тематике. То есть, применение методик зачастую призвано решать вопросы, возникающие в определенной ситуации, в определенной группе и организации, в которой функционирует данная группа. Вторая причина заключается в конфиденциальности данных, полученных во время исследований. Все это привело к тому, что до сих пор нет точных данных по поводу того, какая команда, с какой структурой будет наиболее эффективной при решении поставленных задач.

Тем не менее, в современной психологии существует два наиболее распространенных подхода к комплектованию команд: типологический и ролевой. Несмотря на дифференциацию данных подходов, стоит отметить их связь. Так, например, для диагностики ролей по типологии Марджерисона–МакКенна используется анкета управления командой TMQ, которая представляет собой переработанный опросник Майерс-Бриггс, направленный на выявление психотипа человека.

Стоит отметить, что традиционно с помощью данных подходов исследовались управленческие команды или команды для решения интеллектуальных задач и модели, разработанные для данных команд, автоматически переносятся на команды другого типа. Конечно, это кажется осмысленным, например, в управленческой и в научной деятельности коммуникативные компетенции выходят на первый план, но с точки зрения теории деятельности (и не только ее) тип взаимодействия и сама структура деятельности будут существенны для внутригрупповых и межгрупповых отношений, таким образом, перенесение модели может быть некорректно.

Таким образом, исходя из написанного выше, перед нами стоит задача по разработке универсальной модели формирования команды, где основным фактором эффективности является ее ролевая структура.

С учетом связи классических ролевых и типологических моделей формирования команд, мы считаем правомерным использование при анализе эффективных групп трехмерной модели понятия «роли». Трехмерная модель роли включает в себя следующие стороны:

1) Функциональная роль. Вытекает из формальной структуры организации. Функциональные роли непосредственно относятся к нашим должностным обязанностям и охватывают навыки и умения, технические знания и опыт. Фактически это некоторая формальная позиция в организации, что, по мнению автора, является отличительной характеристикой ролевых моделей формирования команд.

2) Командная роль. Командные роли отражают способ, каким мы выполняем свою работу, она определяется нашими врожденными личными качествами и приобретенным поведением. Данная сторона модели, тесно пересекается с юнгианской моделью формирования команд (групп), где основной акцент делается на психотип индивида.

3) Межличностные роли. Если первые две роли больше относятся к профессиональным, то межличностные роли более социальны. Данная роль не формализована, часто она выходит за рамки деятельности организации.

Опираясь на данную модель, мы можем затронуть те моменты, которые не затрагивались классическими моделями формирования команд, основанные лишь только на типологическом или ролевом подходе. Тем самым, с помощью данной модели мы можем решить практические вопросы, связанные с созданием модели эффективного комплектования команд, групп в организациях различного профиля, чего не могли предложить нам классические модели. Стоит отметить, что данное нововведение позволит значительно облегчить работу профильных специалистов, снизить расходы по аудиту и

Секция «Психология»

подбору персонала, а также решить ряд задач, поставленных перед множеством компаний в условиях неблагоприятной мировой экономической ситуации.

Относительно фундаментальной стороны вопроса предполагается рассмотрение понятия «роли» во всей ее полноте (с учетом командной, функциональной и межличностной роли). Таким образом, мы сможем увидеть связь трех сторон «роли», а также выяснить их влияние на эффективность деятельности команды, т.е. рассмотреть ролевую структуру, как некоторый фактор эффективности групп.

Потенциал личности как фактор успешности специалиста в профессиональной деятельности

Солдатова Ю.М.

Аспирант Института психологии

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Екатеринбург, Россия

E-mail: july_soldatova@mail.ru

Политические и экономические изменения в российском обществе обусловили необходимость расширения научных исследований в области трансформации социального поведения людей, поиске оптимальных путей развития потенциала их личности. В послании Президента РФ В.В.Путина в 2007 году Федеральному Собранию Российской Федерации был сформулирован важный тезис о том, что основная задача россиян - интенсивное развитие собственного потенциала. В федеральных и региональных нормативных документах, посвященных проблеме образования подчеркивается его судьбоносная роль, основа национальной безопасности, ресурсный базис прогрессивного развития Отечества.

Слово «потенциал», «потенция» происходит из латинского языка и в переводе на русский означает «сила», «возможность», «мощность». Его общенаучное употребление своими корнями уходит в философию Аристотеля, который рассматривал «акт и потенции личности». По Аристотелю (Аристотель, 1975), бытие делится на «потенциальное» и «актуальное», а личностное развитие рассматривается как процесс перехода от первого ко второму. Взгляды Аристотеля стали основой многих теоретических концепций в гуманитарных и общественных науках. Психологическое понимание сущностных характеристик потенциала тесно связано с общенаучным. Потенциал является универсальной категорией и означает совокупность имеющихся средств, ресурсов, возможностей.

В психологических и акмеологических исследованиях можно обозначить три ключевых подхода, приведенных в работе Е.В. Дьячковой (Дьячкова Е.В., 2003), к изучению потенциала личности. Согласно первому из них, основанному на неструктурированном обобщении различных исследований проблемы потенциального в человеке, потенциал личности включает следующие составляющие: природные особенности индивида (тип нервной системы, физические данные, активность), сложные способности, силу личности в ее различных проявлениях, работоспособность, активность, «интенсивность» направленности (Е.Н. Богданов, В.Г. Зазыкин, 2003; С.Л. Рубинштейн, 1976 и др.).

В русле второго подхода, потенциал личности обладает свойствами системного качества, что позволяет осуществлять его изучение с опорой на системные модели и описания. Данная исследовательская позиция дала основание утверждать о наличии «иерархической системы потенциалов человека» (Е.П. Ходаева; В.Н. Марков, 2000 и др.).

Третий подход основывается на изучении потенциальных возможностей человека в пространстве его профессии. Согласно этому подходу, именно психологическая специфика сложной профессиональной деятельности является своеобразным системообразующим фактором, направляющим не только развитие личностных качеств до

Секция «Психология»

уровня профессионально важных, но и интегрирующим различные потенциалы личности в единое целое. (А.А. Деркач, 1997; К.К. Платонов, 1981; Б.Г. Ананьев, 1980; В.Н. Толмачев, 1998 и др.).

В перспективе настоящей исследовательской работы мы планируем изучение особенностей потенциала личности специалистов юридического профиля, поэтому придерживаемся рассмотрения потенциала в контексте профессиональной деятельности, развития человека в пространстве профессии, достижения им успеха, вершин мастерства, акме.

Успешность является одной из важнейших характеристик любой деятельности, которая связана с интеллектуальной, мотивационной и эмоционально-волевой сферой личности, индивидуальными психофизиологическими качествами. Разделяя подход к изучению успешности Б.М. Теплова, мы считаем, что успешность профессиональной деятельности зависит от индивидуально-психологических особенностей и способностей человека. Однако не отдельные способности как таковые непосредственно определяют возможность успешного выполнения какой-либо деятельности, а лишь своеобразное сочетание этих способностей, возможностей человека, т.е. потенциала личности специалиста.

В контексте нашей работы мы придерживаемся представления Д.А. Леонтьева в рассмотрении сущности потенциального. По мнению автора, потенциал личности рассматривается как базовое измерение собственно личностного в личности. Личностный потенциал – это системная организация индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Это способность человека проявлять себя в качестве личности, выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, оказывающим целенаправленные изменения во внешнем мире и сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на изменение внешней и внутренней ситуации (Леонтьев Д.А., 2002). В русле изучения потенциала специалиста, дефиниция феномена потенциала, предложенная Д.А. Леонтьевым, наиболее полно отражает содержание данного феномена.

Рассматривая потенциал личности через призму успешности профессиональной деятельности специалиста, необходимо определить его структурные компоненты. Согласно Д.А. Леонтьеву, в структуру потенциального входят три дополняющих друг друга группы переменных, соответствующих трем выделенным его сторонам: те, которые связаны с успешностью самоопределения в пространстве возможностей и выбора цели для последующей реализации; те, которые связаны с организацией целенаправленной деятельности и те, которые связаны с сохранением устойчивости и цельности на фоне неблагоприятных или враждебных обстоятельств.

Таким образом, потенциал личности во многом определяет успешность профессиональной деятельности специалиста, поскольку является интегральной характеристикой, обуславливающей самоопределение, самоактуализацию и самореализацию личности в профессии.

Литература

1. Аристотель (1975) Собрание сочинений, т.1. Метафизика. Книга 8. М.
2. Дьячкова Е.В. (2003) Психолого-акмеологические особенности раскрытия предпринимательского потенциала: Дис. ... кандидата психол. наук. М.
3. Леонтьев Д.А. (2000) Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психологический журнал. Т.21. - №1, С. 15-25.

Секция «Психология»

4. Психология труда, профессиональной, информационной и организаторской деятельности: Словарь \ Авторы – составители: Б.А. Душков, Б.А. Смирнов, А.В. Королев; Под ред. Б.А. Душкова. М., 2003.
5. Словарь иностранных слов. М, 1954.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007.

Организационная культура как внутрикорпоративный феномен и предмет научных исследований: сравнительный анализ определений, вариантов классификации и операционализации Спиваковский В.Е.

Аспирант психологического факультета

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: well1985@rambler.ru

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных организационной культуре, единой концепции последней не существует [8]. Тем не менее, попробуем дать определение понятия «организационная культура», для чего рассмотрим возможные варианты, встречающиеся в отечественной и зарубежной литературе.

Первое определение фигурирует в одном из отечественных учебников по организационному поведению и звучит так: «Организационная культура – это атмосфера (социальный климат) в организации, общее понимание членами организации ожидаемого поведения» [5, стр. 422]. Чуть более детальное определение организационной культуры приведено в одном из американских учебников по менеджменту: «Организационная культура – это ценности, представления, а также формальные и неформальные модели поведения, которым привержены работники организации» [2, стр. 346]. Несмотря на чрезмерную обобщенность этих двух определений, их достоинством является указание на тот факт, что организационная культура разделяема большинством сотрудников компании.

Два следующих определения более детализированы и претендуют на статус «канонических». Вот они:

- «Культура организации – это то, что для нее ценно, каковы стиль ее лидерства, язык и символы, процедуры и повседневные нормы, а также то, как определяется успех. Другими словами – все то, что определяет уникальность характера организации» [1, стр. 45].

- «Организационная культура – это разделенные верования, ценности, установки и ожидания в совокупности с не подвергающимися сомнению умозаключениями, которыми обладает каждый сотрудник касательно способа функционирования организации, ее традиций и т.п.» [8, р.37].

Единственное, что упущено в данных определениях – это рассмотрение организационной культуры как движущей силы развития организации, возникшей в результате апелляции к успешным паттернам функционирования последней в прошлом. На наш взгляд, данное упущение преодолено в определении, предложенном Э. Шейном. Согласно автору, организационная культура - это «паттерн коллективных базовых представлений, обретаемых организацией при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, эффективность которого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной системы восприятия и рассмотрения названных проблем» [6, стр. 31-32].

Определение, предложенное Э. Шейном, представляется нам наиболее емким и точным, поэтому его можно, по нашему мнению, использовать в качестве рабочего определения понятия в теоретических и прикладных исследованиях.

Секция «Психология»

Существует достаточно большое количество моделей и концепций классификации и диагностики корпоративной культуры. Наиболее популярными из них на данный момент являются: модель Г. Хофштеда, модель Р. Лайкерта, модель Т. Дила и А. Кеннеди, модель Л. Константина и модель К.Камерона и Р. Куинна [1, 3, 4, 7].

Среди всех вышеперечисленных моделей можно выделить последнюю, поскольку она обладает наиболее мощным диагностическим инструментарием, характеризуется высокой степенью апробированности и валидности, а процедура диагностики удобна и оперативна.

Рассмотрим типы организационных культур, выделенные Камероном и Куинном:

1) *Клановая культура*. Очень дружественное место работы. Организации похожи на большие семьи. Лидеры воспринимаются как воспитатели и, возможно, даже как родители. Организация держится вместе, благодаря преданности и традиции. Организация делает акцент на высокой степени сплоченности коллектива и моральном климате. Успех определяется в терминах заботы о людях. Организация поощряет участие людей в бизнесе.

2) *Адхократическая культура*. Динамичное, предпринимательское и творческое место работы. Люди готовы идти на риск. Связующей сущностью организации является преданность экспериментированию и новаторству. Подчеркивается необходимость деятельности на переднем рубеже. Организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов. Успех означает производство уникальных и новых продуктов. Организация поощряет личную инициативу и свободу.

3) *Рыночная культура*. Организация, ориентированная на результаты, главной заботой которой является выполнение поставленной задачи. Люди целеустремленны, присутствует элемент конкуренции между сотрудниками. Лидеры – твердые руководители. Организацию связывает воедино акцент на стремлении побеждать. Фокус перспективной стратегии настроен на конкурентные действия, решение поставленных задач и достижение измеримых целей. Успех определяется в терминах проникновения на рынки и увеличения рыночной доли. Для организаций с таким типом оргкультуры очень важно быть лидерами на рынке.

4) *Иерархическая культура*. Очень формализованное и структурированное место работы. Тем, что делают люди, управляют процедуры. Лидеры гордятся тем, что они рационально мыслящие координаторы и организаторы. Критически важно поддержание плавного хода деятельности организации. Долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности. Успех определяется в терминах надежности. Управление сотрудниками ориентировано на гарантию занятости и обеспечение долгосрочной предсказуемости [1].

Данная модель, как уже было сказано выше, отличается надежностью, простотой и оперативностью в использовании, поэтому ее можно рекомендовать в первую очередь исследователям, занимающимся практическими изысканиями, посвященными организационной (корпоративной) культуре.

Литература

1. Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2001.
2. Курс МВА по менеджменту / Под. ред. А.Р. Коэна / Пер. с англ. – 4-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
3. Липатов С.А. Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики // Вестник МГУ. Серия 14. Психология, 1997, № 4.
4. Липатов С.А. Опросник «Шкалы организационных парадигм» Л.Л. Константина // Журнал практического психолога, 2005, № 2.
5. Организационное поведение: Учебник для вузов / Под ред. Г. Р. Латфуллина, О.Н. Громовой. СПб.: Питер, 2006.

6. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство: построение, эволюция, совершенствование / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.
7. Deal T.E., Kennedy A.A. The new corporate cultures: Revitalizing the workplace after downsizing, mergers and reengineering. New York: Basic Books, 1999.
8. Statt D.A. Psychology and the world of work. New York: New York University Press, 1994.

Роль команд в преодолении сопротивления проектным изменениям

Старикова Т.А.

Студент факультета психологии

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: starikova_tatyan@mail.ru

Успех организации зависит от ее способности к своевременной адаптации в ответ на вызовы динамичного окружения. Адаптация, в свою очередь, предполагает способность к проведению изменений в организации, а также к преодолению естественной реакции на перемены со стороны персонала – сопротивления данным изменениям.

В литературе обозначено множество способов преодоления сопротивления проектным изменениям, но особого внимания заслуживает способ, предполагающий участие персонала, человеческих ресурсов в инновационных процессах организации, одной из форм которого является командная работа. Внимание к человеческим ресурсам основано на современном взгляде науки управления на роль персонала в успехе предприятий, отдающем ему стратегически важную позицию, как ресурсу, способному производить, обрабатывать и накапливать основной производительный ресурс постиндустриальной экономики – информацию и знания, в отличие от сырья и энергии, доминировавшим, соответственно, в доиндустриальном и индустриальном обществе.

Сопротивление - это сознательные действия (бездействие) человека и/или группы людей, направленные на затягивание принятия и реализации решений в организации. Причинами сопротивления, как правило, являются⁴⁸: ощущение бесконтрольности ситуации; стремление сохранить то, что привычно, ценно; угроза авторитету, статусу; непонимание новых требований; конфликт интересов; борьба за власть; недоверие.

Одним из механизмов, обеспечивающих атмосферу вовлеченности персонала в процесс изменений является формирование команд – проводников изменений. Работа единой командой над достижением целей программы изменений включает в процесс преобразований большую часть работников предприятия, обеспечивает обратную связь.

Опыт российских компаний («Магнат Трейд Энтерпрайз», ГК «Палисад») по преодолению сопротивления с помощью команд позволяет сформулировать ряд рекомендаций для современных предприятий в области управления сопротивлением.

В компании «Магнат Трейд Энтерпрайз» было принято решение о внедрении целевого управления (Management by Objectives, MBO), усилить систему управления такими методиками, как SMART – управление, STANDART – управление, управление по КРІ49. ГК «Палисад» сделала ставку на внедрение системы корпоративного управления, предполагающего также ввод нового управленческого звена⁵⁰.

Причины сопротивления изменениям сотрудников компаний были похожи:

- ✓ Ощущение бесконтрольности ситуации;
- ✓ Недоверие. Запрос необходимости изменений, квалификации руководства;
- ✓ Стремление сохранить то, что ценно. Попытка сохранить те нормы, традиции и принципы, которые сторона, оказывающая сопротивление, считает ценными и предпочтительными внедряемым идеям, методам и программам;

Секция «Психология»

- ✓ Конфликт интересов. Даже такие очевидно выигрышные изменения воспринимаются негативно теми, кто предпочитает стабильность новым возможностям;
- ✓ Угроза авторитету, статусу.

Для преодоления сопротивления изменениям в ГК «Магнат» первоначально была создана команда специалистов (команда по подготовке рекомендаций), целью которой было разработка соответствующих KPI, согласование принципов оценки, распределение зон ответственности за результат между руководством и подразделениями. Затем были созданы управленческие команды, состоящие из представителей руководства и функциональных специалистов, целью которых было создание целей, отражающих будущее состояние предприятия, привлечение внимания к необходимости изменений, планирование процесса изменений. Проектные команды занимались непосредственно внедрением самой методики управления, обучением сотрудников. Управленческие и проектные команды совместно отслеживали ход преобразований.

ГК «Палисад» изначально было нацелено на формирование и сохранение команд и командных отношений. Проектные и управленческие команды, в первую очередь, ввели практику проведения общих собраний, на которых обсуждались и решались вопросы, волнующие весь коллектив. У каждого участника была возможность выразить свою позицию, получить обратную связь. Были разработаны механизмы, способствующие утверждению единой корпоративной культуры, провозглашены ценности, миссия и стратегия изменений. С помощью процессов командообразования решены вопросы недоверия, конфликта интересов, распределения ролей, авторитета и статуса.

Анализ опыта компаний позволил сделать следующие выводы.

На каждом этапе управления изменениями необходимы свои типы и виды команд. Команды по своему целевому назначению очень разнообразны. Но все они в той или иной степени обладают основными признаками командной деятельности – представляют собой особый тип сплоченных рабочих групп, характеризующихся: общей целью и задачами, реализовать которые индивидуально невозможно или невыгодно; меньшей, по сравнению с традиционными группами, ролью формального руководителя; единством ее участников; взаимодополняющими навыками и способностями членов; общей культурой, ценностями; синергетическим эффектом совместной деятельности.

На различных этапах формирования команд устранимы уже известные причины сопротивления проектным изменениям:

- ✓ Угроза авторитету, статусу и автономии устраняются на первом этапе командообразований посредством установления неформальных контактов, соперничества за лидерство и распределение ролей, а также уменьшением власти формальных лидеров, обеспечившем равноправное участие всех членов команд;

- ✓ Ощущение бесконтрольности ситуации возможно преодолеть с помощью управленческих команд, обосновывающих необходимость, позитивные последствия изменений. Совместное участие в командах управленцев и рядовых специалистов обеспечит контроль над ситуацией и распространение информации о ходе и промежуточных результатах преобразований;

- ✓ Недоверие, стремление сохранить то, что ценно, конфликт интересов преодолеваются единством, убежденностью представителей управленческих и проектных команд в успехе и целесообразности инноваций, которая передается на уровень остальных команд, и на уровень исполнителей, рядовых сотрудников.

Именно качества и свойства команд как организационных форм проведения изменений предоставляют широкие возможности для преодоления сопротивления в рамках гуманистического подхода к управлению человеческими ресурсами. Удовлетворение потребностей работников способствует повышению эффективности деятельности предприятия за счет участия персонала в решении поставленных задач, эффективной организационной коммуникации, мотивации и гибкого управления.

Литература

1. Исаченко Н. Социально-психологический контекст сопротивления изменениям // http://www.cfin.ru/management/strategy/change/resistance_context.shtml(свободный)
2. Павловский Ю. (2007) Запуск в три фазы // Журнал управление компанией. №12 (79).
3. Шицле Д. (2008) Взросление без потерь // Журнал управление компанией. № 01 (80).

Стадии профессионального самоопределения личности в бизнесе

Степанищева А.Е.

аспирантка,

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-mail: anastasyast@mail.ru

В современном динамичном мире становится все более актуальной проблема поиска человеком своего места среди многочисленных социальных и профессиональных групп. В процессе профессионального становление личности, ведущей формой проявления активности является профессиональное самоопределение.

В современной России бизнес как профессиональная среда возник недавно. Однако, за несколько десятилетий, он стал неотъемлемой частью политической, экономической и общественной жизни страны. В свете новизны данной профессиональной деятельности, важно понять каким образом происходит становление самоидентификация бизнесмена как профессии. Целью данного исследования было выделение и описание стадий профессионального самоопределения личности в бизнесе.

В исследовании выдвигались следующие гипотезы:

1. существует ряд существенных факторов, формирующих профессиональное самоопределение бизнесмена на разных этапах его карьеры
2. профессиональное самоопределение как компонент и фактор профессионального развития проявляется на разных этапах профессионального пути;

В исследовании принимали участие студенты московских Вузов, сотрудники коммерческих и государственных организации г. Москвы. Общее число испытуемых и респондентов составило 233 человека.

Методами, применяемыми в исследовании, являлись беседа, нестандартизированное интервью, опросники Н.С.Пряжникова и Г.Айзенка.

Анализ данных по типу темперамента с помощью методики, разработанной Г.Айзенком показал, что во всех трех группах подавляющее большинство холерики (66 %), то есть в разных возрастных группах, бизнесмены, начинающие бизнесмены и те, кто стремится в будущем ими стать.

Теперь перейдем к интерпретации данных, полученных в ходе интервью со всеми тремя группами. Первая выделенная стадия - Выбор профессии в бизнесе. Более 80 % предпринимателей разделяло выбор профессии при поступление в образовательное учреждение и выбор профессии в бизнесе, многие подчеркивали, что их профессиональных путь начался с определения сферы деятельности той, которой они занимаются в данный момент.

В ходе анализа интервью было выяснено, что в первые годы вхождения в профессию, большинство предпринимателей сталкивались с проблемой отсутствия необходимых знаний. Более 78 % отмечают, что бизнес – это среда, где необходимы знания в самых разных областях, начиная от ведения бухучета и заканчивая управленческими навыками. Поэтому первые года в бизнесе, большинство предпринимателей начали получать второе высшее образование, проходили курсы, тренинги, получали опыт из всех возможных источников – учились у профессионалов, рабочих смежных профессии, читали необходимую литературу и т.д. Таким образом, выделяем вторую стадию профессионального самоопределения - поиск пути профессионального развития.

Для поиска пути профессионального развития характерны следующие признаки:

1. Осмысление своей профессии как интеграцию множества профессиональных сфер

Секция «Психология»

2. Поиск возможностей получить знания и опыт в других профессиональных сферах

Важно отметить, что стадия поиск пути профессионального развития – это не развитие на протяжении всей профессионализации бизнесмена. Поскольку получение опыта и новых знаний происходит на протяжении всей профессиональной жизни человека, однако, при вхождении в профессию, бизнесмен отмечает многоплановость деятельности, которой он занимается.

Однако, кроме получения необходимых знаний, в первые годы работы (3 - 6 лет), предприниматели отмечают повышенную сопротивляемость окружающей среды их деятельности. В первую очередь это касается государственных органов.

Следует выделить следующую стадию – борьба с окружающим миром. К сожалению, сложно проверить насколько эта стадия является закономерной у всех бизнесменов России, ведь более 70 % опрошенных - начали строить свой бизнес в 90-е гг., для многих это был способ выживания в том мире. Практически все бизнесмены говорят о трудностях, с которыми они столкнулись в тот период – и в основном это связано с политическим и экономическим положением в стране. Бизнесмены, начавшие бизнес в 2000-е гг., также говорят о борьбе с средой, однако, в основном эта группа говорит о государственных проверках и особенностях законодательства. В то время как бизнесмены 90-х, отмечают фон постоянной борьбы за выживание. Однако, поскольку большинство предпринимателей выделяют эту стадию, необходимо признать, что для бизнеса в российских условиях, такая особенность есть и ее необходимо изучать.

Для стадии переосмысления профессии в связи с сопротивлением окружающей среды характерны следующие признаки:

1. Моя профессия связана с окружающим миром – политикой, экономикой, законодательством и другими сферами жизни страны

2. Окружающий мир скорее враждебно относится к моей деятельности.

Для стадии преодоления кризиса идентичности характерны следующие признаки:

1. Поиск профессиональной идентичности через годы работы в профессии.

2. Переосмысление своей профессиональной идентичности

Для стадии становление профессионального самоопределения характерны следующие признаки:

1. Уверенность в выбранной профессиональной деятельности

2. Большой опыт и понимание схем работы

3. Самоидентификация: я – человек, занимающийся бизнесом.

В результате проведенного экспериментального исследования осуществлен сравнительный анализ восприятия своей профессиональной идентификации людей из бизнеса, выделены и описаны стадии становление бизнесмена как профессионала.

Исследование вносит вклад в разработку проблемы профессионального самоопределение личности в бизнесе, принятия решения бизнесмена, профессиональной самоидентификации и ее особенностях в современных российских условиях, его результаты могут быть применены в психологической работе с бизнесменами в России.

Литература

1. Борисова Е.М. Основы психодиагностики. Учебное пособие для студентов педвузов.// М., 2002 г. - 544 с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий, М. 2006 г. – 336 с.
3. Иванова Н.Л. Самоопределение личности в бизнесе: Монография. - М.-Ярославль: МАПН - Аверс-Плюс, 2008. - 204 с.
4. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. М., Воронеж, 2001 г.

Влияние фактора адаптивности на неуставные взаимоотношения в армии

Степанова А.А.

студентка

Якутский Государственный Университет имени М.К. Аммосова,

Военная служба является видом человеческой деятельности, обладающим не только высокой социальной значимостью, но и выходящим за пределы обыденного, связанным с особыми условиями. Защита Отечества во все времена считалась почётной обязанностью и долгом каждого гражданина. При этом армия всегда рассматривалась как частица общества, поэтому в ней находят отражение все те социально-экономические и политические процессы, которые происходят в обществе.

В этом отношении значительный интерес представляет изучение различных форм неуставных взаимоотношений (далее НУВ). Вместе с тем для Вооружённых Сил более адекватен термин «отклоняющееся поведение», подчёркивающий «пограничный» характер подобных поведенческих нарушений.

Объектом исследования выступили военнослужащие по призыву в/ч 14145 п.г.т. Тикси (выборка в составе 80 человек: солдаты срочной службы и офицеры – контрактники, диапазон призыва 2005 – 2007 гг.). Предметом исследования являлись неуставные взаимоотношения в Вооружённых Силах среди военнослужащих по призыву. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности адаптивности к НУВ в Вооружённых Силах. Гипотеза научной работы в том, что адаптивность у военнослужащих к НУВ зависит от интенсивности межличностных контактов (у солдат – срочников адаптивность будет ниже, чем у офицеров – контрактников). Теоретико-методологическую основу курсовой работы составили научные труды: Ковалёва А. Г., Шипилова А. И., Кичеева А., Мясищева В. Н., Боевского Р. М., Маклакова А. Г., Д. Майерса и др. Программа нашего исследования по изучению неуставных взаимоотношений включала три методики: опросник «Эмоционально – деятельностная адаптивность», многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» и методика незаконченных предложений.

С призывом на военную службу или поступлением на неё по контракту человек оказывается в совершенно новых, отличных от предыдущей жизни условиях. Существует целый перечень факторов, оказывающих специфическое воздействие на военнослужащих. При этом данное воздействие в зависимости от особенностей того или иного фактора может осуществляться на одном из трёх уровней: биологическом, психическом и деятельностном.

После проведённого нами исследования следует сделать вывод о том, что у солдат срочной службы адаптивность к неуставным взаимоотношениям выше, чем у офицеров контрактной службы, следовательно, наша гипотеза о том, что адаптивность у военнослужащих к НУВ зависит от интенсивности межличностных контактов (у солдат – срочников адаптивность будет ниже, чем у офицеров – контрактников) не подтвердилась, но и не была опровержена, так как расхождения в показателях адаптивности среди офицеров – контрактников и солдат – срочников весьма незначительны; далее следует добавить, что офицеры контрактной службы отрицают присутствие НУВ в их подразделениях и в большей степени отстаивали бы свои права при участии в НУВ, чем солдаты срочной службы; также следует сказать о том, что те люди, которые относятся к группе хорошей и удовлетворительной адаптации (как солдаты, так и офицеры) принимают активные меры по устранению НУВ в их подразделениях, считают НУВ – нарушением дисциплины и неприемлемым атрибутом военной службы, руководствуясь при этом моральными и этическими принципами.

С призывом на военную службу или поступлением на неё по контракту человек оказывается в совершенно новых, отличных от предыдущей жизни условиях. Существует целый перечень факторов, оказывающих специфическое воздействие на военнослужащих. При этом данное воздействие в зависимости от особенностей того или иного фактора может осуществляться на одном из трёх уровней: биологическом, психическом и деятельностном.

Напряжённые межличностные отношения, сложившиеся между военнослужащими в ходе предшествующего взаимодействия, могут выступать психологической причиной конфликтов. Исследования психологов показывают, что конфликты в воинских коллективах чаще возникают между военнослужащими, отношения которых характеризуются напряжённостью, взаимными негативными установками, предвзятостью и т. п. Возникает порочный круг: чем хуже отношения, тем чаще конфликты, а чем чаще конфликты, тем хуже отношения. Личностные причины конфликтов связаны, прежде всего, с индивидуально – психологическими особенностями участников. Они обусловлены спецификой процессов, происходящих в психике человека в ходе его взаимодействия с другими людьми и окружающей средой.

Несомненно, насилие неотделимо от дедовщины как социального явления, она порождена им и в свою очередь порождает ещё большее насилие, представляя собой круговую поруку. Дедовщина играет не только разрушительную роль в армейской жизни, но выполняет ряд позитивных функций. Она сплачивает военнослужащих – одних для более эффективного господства над остальными, других – для более эффективной защиты перед врагом.

**Эффективность обратной связи в зависимости от вида общения
при учете ее знака и вида**

Стремоусова Е.Н.

Аспирант 3-го года обучения

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Россия*

katrina_home@mail.ru

Обратная связь – неотъемлемая часть повседневного общения, однако ее специфика в повседневном общении в организации изучалась мало. Эффективность обратной связи при общении в организации может в значительной степени определяться характером отношений между людьми, т.е. тем, являются ли эти отношения чисто деловыми или дружескими. Кроме того, сами характеристики обратной связи, такие, как знак, предмет, вид, структура, влияют на ее эффективность. В связи с этим представляло интерес исследование эффективности обратной связи в зависимости от вида общения при учете ее знака и вида.

Обратная связь является важным регулятором общения и пронизывает всю нашу жизнь, поэтому она может иметь как негативные, так и позитивные последствия. В связи с этим возникает вопрос о ее эффективности. Многие исследования, посвященные проблеме обратной связи, затрагивали и проблему ее эффективности (Рассел, 2002; Журавлева, 2004). Определение критериев эффективности до сих пор остается открытым. Некоторые авторы решают данную проблему путем описания характеристик, присущих эффективной обратной связи (Кларин, 2002; Уильямс, 2003; Федин). Другие авторы исследуют проблему эффективности обратной связи в определенном контексте: в тренинге, в ассессмент-центре и т.д. (Жуков, 2003), однако в этом случае речь идет о структурированном и организованном общении, а не о непосредственном межличностном общении. Один из критериев эффективности обратной связи, предложенный рядом авторов, - ее принятие, то есть готовность человека работать с информацией. В связи с поиском критериев эффективной обратной связи, нам представляется целесообразным обратить внимание на функции обратной связи (Соловьева, 1992): обратная связь как регулятор поведения, как регулятор межличностных отношений, как источник самопознания. Эффективность обратной связи будет пониматься нами как выполнение ее функций, влияние на всех трех уровнях. В данной работе исследуется первый уровень – поведенческий, поэтому эффективная обратная связь – та, которая изменяет поведение в соответствии с целями коммуникатора.

Секция «Психология»

Цель исследования состояла в выявлении связи между характеристиками обратной связи и ее эффективностью при различных видах общения – делового или дружеского с учетом организационного контекста. Основная гипотеза нашего исследования: в дружеском и деловом общении будут наблюдаться значимые различия в эффективности, а также в видах положительной и отрицательной обратной связи.

Для сбора данных были использованы: авторская анкета, глубинные интервью, ролевая игра (ролевая игра проводилась со студентами психологических факультетов различных ВУЗов в рамках занятий по социальной психологии). Объектом исследования выступили сотрудники коммерческих организаций, имеющих разную специфику (IT, консалтинг, продукты питания). Всего в исследовании участвовало 176 респондентов, из них 86 сотрудников коммерческих организаций и 90 студентов. В анкетировании участвовали: мужчины – 27 человек в возрасте 22 – 55 лет, женщины – 49 человек в возрасте от 22 до 55 лет (всего 76 респондентов). Все испытуемые имели высшее образование и работали в коммерческих организациях на рядовых позициях (ассистенты, менеджеры младшего и среднего звена). Глубинное интервью проводилось с начальниками отделов – 10 человек в возрасте 27 – 55 лет. В ролевой игре принимали участие студенты различных психологических факультетов. Всего было проведено 5 игр, в каждой участвовало по 18 человек. Всего в играх участвовало 90 студентов, из них 68 девушек и 22 юноши.

Данные, полученные по итогам анкетирования, обрабатывались статистически при помощи дисперсионного анализа (RM ANOVA). Итоги глубинных интервью обрабатывались качественными методами.

Результаты проведенного эмпирического исследования (и анкеты и ролевой игры) позволяют сделать вывод о том, что есть значимые различия в эффективности, неэффективности, игнорировании обратной связи, при учете ее знака.

По итогам анкетирования можно сказать, что полученные результаты подтвердили гипотезу о связи эффективности обратной связи с ее знаком: обратная связь более эффективна, если она положительна, и неэффективна, если она отрицательна, причем и в деловом и в межличностном общении.

Однако по итогам глубинных интервью необходимо отметить, что руководители предпочитают подавать отрицательную обратную связь (частота подачи отрицательной обратной связи в два раза выше), уделяют ей больше внимания, продумывают ее структуру, считают ее необходимой и наиболее эффективной. Положительная обратная связь подается редко, ее структуре и содержанию руководители не придают значения.

Результаты нашего исследования также показывают, что вид обратной связи взаимосвязан с видом общения. В деловом общении сотрудников чаще всего используется описательная обратная связь, а в дружеском – автодескриптивная обратная связь (высказывание чувства и высказывание отношения). В обоих типах общения реже используется обратная связь – совет. Результаты, полученные в ходе глубинных интервью с руководителями, также подтверждают данный вывод о связи видов обратной связи и вида общения, однако только при отрицательной обратной связи. Положительная обратная связь от руководителя независимо от вида общения чаще всего носит описательно-констатирующий характер.

В целом необходимо отметить, что проблема подачи и получения обратной связи в повседневном общении остро стоит перед сотрудниками различных организаций. Руководителям необходимы рекомендации по повышению эффективности как отрицательной, так и положительной обратной связи, которую они подают сотрудникам.

Литература

1. Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003.

Секция «Психология»

2. Журавлева Н.С. Современные тенденции подачи обратной связи в сфере управления человеческими ресурсами организации // Современный кадровый менеджмент / Под ред. Т.Ю.Базарова. М.: ИПК Госслужбы, 2004.
3. Кларин М.В. Корпоративный тренинг от А до Я: Научно-практическое пособие. 2-е изд. М.: Дело, 2002.
4. Рассел Т. Навыки эффективной обратной связи. СПб.: Питер, 2002.
5. Соловьева О.В. Обратная связь в межличностном общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
6. Уильямс Р. Управление деятельностью служащих. СПб.: Питер, 2003.
7. Федин М. Концепция предоставления обратной связи в компании // Школа профессиональных бизнес-консультантов. <http://www.spbs.ru/library/article/doc10382/>

Сравнительная оценка мотивационных объектов как способ диагностики трудовой мотивации

Стрижова Е.А.

аспирант

(научный рук. – д.психол.н., проф. А.Н. Гусев)

*Государственный университет – Высшая школа экономики
ekaterina-st@list.ru*

Одним из ключевых направлений работы с персоналом является мотивация и стимулирование труда работников для повышения эффективности организации в целом, сокращения издержек на оплату труда, создания справедливого, с точки зрения работников, вознаграждения за выполненную работу (как материального, так и нематериального). В данном контексте приобретает особое значение разработка надежных, валидных и объективных методов психологической оценки трудовой мотивации персонала. При этом особую значимость приобретает оперативность проведения диагностики в связи с ограниченностью времени, отводимого для исследований персонала.

Замысел проведенного исследования заключается в разработке нового методического средства для измерения трудовой мотивации с помощью процедуры сравнительных оценок мотивационных объектов в многомерном пространстве оценочных шкал.

Объект исследования: трудовая мотивация менеджеров.

Предмет исследования: многомерное пространство мотивационных объектов как способ диагностики трудовой мотивации.

Участниками исследования были менеджеры – 120 сотрудников компаний малого, среднего и крупного бизнеса и 5 экспертов из числа организационных психологов и HR-менеджеров.

На *общепсихологическом уровне* методологическую основу исследования составляют принципы деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, а также представления о природе и механизмах формирования и функционирования мотивационной сферы личности А. Н. Леонтьева, Ж. Нюттена, Х. Хекхаузена. На *конкретно-психологическом уровне* мы ориентируемся на авторов содержательных теорий мотивации (А. Маслоу, К. Альдерфер, П. Портер, Д. МакКлелланд, Д. МакГрегор, Ф. Герцберг, и др.), процессуальных теорий мотивации (К. Халл, Э. Торндайк, Б. Ф. Скиннер), теории ожидания (К. Левин, В. Врум, Л. Портер, Э. Лоулер, и др.); целевую теорию мотивации (Э. Лок, Т. Раен, Г. Латем); теорию модификации поведения (Ф. Латенс, Р. Крейтнер). На *технологическом уровне* мы опираемся на работы А. А. Бодалева, В. В. Столина, В. С. Аванесова, Т. В. Корниловой, Р. Эммонса.

Для достижения поставленной цели была разработана многоэтапная программа исследования. Первоначально был проведен анализ существующих методик диагностики мотивации, в результате которого были отобраны: 7 тестовых методик, с помощью

Секция «Психология»

которых можно измерить мотивацию, 1 полупроективная методика, «Метод мотивационной индукции» (ММИ) Ж. Нюттена [1], с помощью которой можно получить конкретные мотивационные объекты испытуемых, а также 17 шкал из «Пакета оценки личностных стремлений» Р. Эммонса [2], пригодные для оценки мотивационных объектов. Затем 120 менеджеров были продиагностированы по 8 методикам (ММИ и тестовые методики), после чего на основе полученных мотивационных объектов (27 объектов, встречающихся у 75% испытуемых по результатам ММИ) и 17-ти шкал оценки личностных стремлений методом экспертной оценки были получены данные, характеризующие возможность оценки каждого объекта по каждой шкале. Анализ данных экспертной оценки (факторный и кластерный анализ) позволил сократить пространство оценочных шкал с 17 до 6, а также сократить количество мотивационных объектов с 27 до 15. Полученные данные позволили разработать новую процедуру оценки мотивации, которая представляет собой расположение испытуемыми друг относительно друга в пространстве 6 оценочных шкал 15 мотивационных объектов. 6-мерное оценочное пространство было представлено испытуемым в виде трех двухмерных пространств на координатной плоскости. Из списка 15 мотивационных объектов испытуемый должен был выбрать тот, который для него наиболее значим, актуален в данный момент и оценить его по двум шкалам на первой координатной плоскости, следующий по важности объект располагается им относительно первого, третий – относительно двух уже расположенных и т.д. Такая процедура. Производилась на каждой из трех координатных плоскостей. Первичным результатом диагностики являлись абсолютные оценки каждого мотивационного объекта по каждой оценочной шкале, а также Евклидовы расстояния между мотивационными объектами.

Результаты.

1) Разработан список мотивационных объектов: стабильность, уверенность в завтрашнем дне; карьерный рост; статус; интересная работа, где я могу максимально реализовать себя и пр.

2) Созданы генерализованные оценочные шкалы: однополюсные факторы («Важность», «Вероятность успеха», «Усилие», «Прогресс», «Трудность»), двухполюсной фактор «Причина» (с полюсами «внешняя причина» и «внутренняя причина»).

3) Апробирована процедура диагностики трудовой мотивации, состоящая в сравнительной оценке друг с другом и расположения друг относительно друга в пространстве 6 оценочных шкал 15 мотивационных объектов. В методику входит:

Данные, полученные в результате апробации методики (расстояния между мотивационными объектами в 6-мерном пространстве оценочных шкал) при помощи многомерного линейного регрессионного анализа были соотнесены с результатами оценки менеджеров по стандартным методикам диагностики мотивации, благодаря чему были вычислены оценки 47 мотивационных шкал по значениям евклидовых расстояний между мотивационными объектами. Таким образом, была показана принципиальная возможность судить о выраженности 47 мотивационных шкал у испытуемого не прямо, а по косвенным показателям – взаимному расположению 15 мотивационных объектов в 6-мерном пространстве оценочных шкал.

Таким образом, нами был предложен и апробирован новый метод оценки трудовой мотивации при помощи сравнительной оценки мотивационных объектов. Методика требует дальнейшей исследовательской работы.

Литература

1. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под.ред Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
2. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.

Совершенствование системы мотивации и стимулирования персонала в сфере ресторанного бизнеса.

Сумовская М.В.⁵¹

Студентка 5 курса факультета управления и предпринимательства

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: aerals@bk.ru

На сегодняшний день индустрия гостеприимства является активно развивающейся сферой народного хозяйства в России. С каждым днём список новых открывающихся заведений общественного питания увеличивается. Новоявленные бизнесмены заманивают гостей оригинальной кухней, изысками интерьера, специальными предложениями. Однако лишь немногие осознают, что для поддержания посещаемости важен уровень сервиса. Большинство специальностей ресторанного бизнеса рассматриваются в нашей стране как промежуточные. Официанты, бармены, бариста, администраторы - это лишь способ быстро и неплохо заработать. Так, в связи с подобным массовым восприятием этих профессий и постоянной текучестью кадров теряется сама суть культуры обслуживания, а бары и рестораны сменяют друг друга один за другим. В связи с этими проблемами в современном управлении персоналом все большее значение приобретают мотивационные аспекты профессиональной деятельности.

Руководитель каждого, даже самого обычного, заведения общественного питания должен понимать значимость и необходимость построения эффективной системы мотивации персонала. Важно не просто реализовать стандартную систему «кнут и пряник», а сформировать у сотрудников стремление работать качественно, т.к. именно эффективный труд будет оценён и принесёт дополнительный доход и уважение.

Несколько лет назад основным и практически единственным способом мотивации персонала служили деньги. Мотивация — это процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей или целей организации (Мескон, 1997). Это создание таких условий, в рамках которых у работника появляется потребность качественно трудиться. К настоящему времени ситуация изменилась. Во-первых, конкурентоспособность компаний стала определяться качеством не только продукции, но и сервиса. Во-вторых, руководители осознали, что терять сотрудников невыгодно: после увольнения опытного и квалифицированного работника уходит немало времени и затрат на обучение нового человека.

Наше исследование проводилось на основе ресторанного комплекса «Корона». Штат организации составляет 98 человек и включает в себя специальности нескольких уровней руководства, производственный, обслуживающий и технический персонал. На рынке услуг ресторан находится уже 4 года и занимает лидирующие позиции на протяжении последних 3х лет. Около 57 % сотрудников работают в ресторане с первого года открытия.

Проанализировав систему мотивации коллектива ресторана «Корона», мы сделали вывод, что она базируется исключительно на материальных поощрениях. Так, все сотрудники ежемесячно получают премии в размере фиксированной суммы, составляющей 30 % от их оклада. Также работники имеют право на разовые премии и бонусы, связанные с результатами труда, количеством отработанных сверхурочно дней, знаменательными датами. Размер этих материальных средств зависит от суммы удержаний из зарплаты за период, составляющий 2 месяца. Система штрафов предусматривает небольшие взыскания за халатное отношение к работе и нарушения трудовой дисциплины. Главным минусом данной системы мотивации, на наш взгляд, является слабая дифференцированность материального стимулирования, т.е. ежемесячные премии получают все, их размер для каждой должности фиксирован, и он не зависит от

⁵¹ Автор выражает признательность доценту, к.псх.н. Шутенко Е.Н. за помощь в подготовке тезисов

Секция «Психология»

качества работы персонала. Стоит также отметить, что в организации отсутствует система нематериального стимулирования, нет простых элементов западных стандартов мотивации персонала.

Для выбора тактики совершенствования системы мотивации мы измерили некоторые объективные показатели за последние 6 месяцев до введения изменений, так коэффициент текучести кадров составил 18 %, количество оштрафованных – 20 человек, а количество уволенных - 15 человек.

Помимо этого нами было проведено исследование уровня групповой мотивации и степени удовлетворённости трудом сотрудников, по результатам которого был выявлен низкий уровень трудовой мотивации коллектива (41,7 %) и низкий уровень удовлетворённости трудом (38 %). Т.е. персонал в большинстве случаев плохо осознаёт полноту своих трудовых обязанностей, многие не знают системы и условия премирования, интерес к работе у большинства ниже среднего, а стремление работать эффективно отсутствует более чем у половины сотрудников.

Проанализировав результаты исследований, мы разработали проект по совершенствованию системы мотивации. Реализация проекта осуществлялась в 2 этапа. На первом были разработаны и введены более подробные должностные инструкции для каждой должности. На втором этапе работа строилась по трём выделенным направлениям: 1) нематериальное стимулирование (доски почёта, поздравления с днём рождения от руководителей при всём коллективе, публичное оглашение списка оштрафованных сотрудников, конкурсы за звание лучшего работника в разных категориях;

2) предоставление льгот, бонусов всему коллективу (бесплатное питание, оплата предприятием расходов на форму работников, медицинское обслуживание, обучение, и улучшение условий труда);

3) разработка и ознакомление сотрудников с новыми принципами стимулирования персонала (проработка и ознакомление с Положением о премировании и стимулировании сотрудников, введение и ознакомление Положения о карьерном росте).

Разработанные нами нововведения действуют в ресторане «Корона» на протяжении 6 месяцев, по итогам которых можно констатировать уменьшение текучести кадров (коэффициент составил 10%), сокращение числа уволенных сотрудников с 15 до 8 человек за 6 месяцев, а количество оштрафованных уменьшилось с 20 до 9 человек. Работники с большей охотой соблюдают трудовую дисциплину и стремятся выполнять свои трудовые обязанности более качественно, т.к. знают, что это не останется незамеченными для руководства. После проведения промежуточных тестов значения субъективных показателей стали выше. Так, уровень мотивации работников возрос до 60 %, а степень удовлетворённости трудом коллектива возросла до 61 %. Промежуточные значения говорят о правильно выбранной тактике проведения изменений в системе мотивации и стимулирования персонала. Сегодня важно закрепить и постепенно улучшать полученные результаты, а также следить за нововведениями, т.к. сфера обслуживания развивается постоянно и динамично, что требует большего внимания к политике управления персоналом в ресторанном бизнесе.

Литература

- 1.Айситулина К. (2005) Где найти персонал для ресторана// Ресторанные ведомости. № 5.
- 2.Ошмянская Э. П. (2006) Как управлять рестораном // Ресторанные ведомости. № 7-8.

Психологические детерминанты эффективности деятельности промоутера.

Суртукова Е.Ю.

Студентка

*Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, факультет
психологии, Ярославль, Россия
E-mail: surtukova_eu@mail.ru*

По мере развития и преобразования рекламы пополняется новыми вакансиями и рынок труда. Сегодня одной из самых популярных профессии в среде молодежи является профессия промоутера. Анализ литературных данных показал, что на фоне достаточно хорошо изученной психологии потребителя рекламы остается практически не тронутой проблема психологии рекламиста, т.е. того, кто делает рекламу, в частности промоутера. Практика показывает, что в данной отрасли одной из актуальных проблем выступает отсутствие универсального критерия оценки деятельности промоутеров. Существующие экономические показатели не раскрывают особенностей личности работника, а характеризуют в большей степени успешность самой рекламной кампании, чем эффективность работы её главных участников. Представленная работа посвящена проблеме разработки психологической составляющей оценки эффективности деятельности промоутера.

В качестве гипотез исследования было выдвинуто 2 предположения:

1. Эффективные и неэффективные промоутеры характеризуются наличием специфических личностных качеств и метапрограмм.

2. Эффективность деятельности промоутеров обеспечивается высоко сформированной и структурированной системой организации их ПВК.

Общая выборка испытуемых составила 97 человек. Для подтверждения выдвинутых гипотез испытуемые посредством экспертной оценки были разделены на 2 полярные группы - эффективные и неэффективные промоутеры. Таким образом, в исследование было включено только 54 человека: 36 промоутеров (эффективных и неэффективных) и 18 человек, ранее пробовавших данный вид деятельности, но отказавшихся от него в связи с возникшими психологическими трудностями. Далее определялась значимость различий в выраженности изучаемых личностных черт (вербальная креативность, экстраверсия, нейротизм, открытость, эмоциональная устойчивость, консерватизм, групповая зависимость, самоконтроль, социальная эргичность, пластичность и эмоциональность) и содержании метапрограмм промоутеров с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни. В выраженности личностных черт статистически значимых различий выявлено не было. Однако были обнаружены значимые различия в содержании метапрограмм: процедура-возможность ($p=0,005$), одиночка-менеджер-командный игрок ($p=0,037$). Таким образом, первая гипотеза получила лишь частичное подтверждение.

Для подтверждения второй гипотезы исследования использовался корреляционный анализ и метод построения структурограмм с вычислением основных характеризующих их индексов и использованием критерия хи-квадрат для определения гомогенности-гетерогенности. На этапе структурного анализа было выявлено, что структуры личностных черт и метапрограмм эффективных промоутеров являются значимо более когерентными и высокоорганизованными, что, по всей видимости, и обеспечивает более высокую адаптированность эффективных промоутеров к данному типу профессиональной деятельности. Анализ гомогенности-гетерогенности структур, показал, что данные структуры являются качественно разнородными (по структурам личностных черт $p=0,001$, по структурам метапрограмм $p=0,01$), т.е. различаются не только степенью своей организованности, но и качественно специфичным содержанием. В структурограммах эффективных промоутеров выделяются следующие базовые компоненты:

- социальная эргичность,
- групповая зависимость,
- экстраверсия,
- метапрограммы «менеджер» и «командный игрок».

Вероятно, эффективность работы промоутера обеспечивается именно за счет тесного включения данных компонентов в структуру ПВК. Подводя итог, отметим, что вторая гипотеза об определяющем значении организованности и сформированности ПВК для успешности в профессии промоутера получила подтверждение. Установленный факт

Секция «Психология»

позволяет сделать вывод о том, что эффективность деятельности промоутера определяется не выраженностью отдельных ПВК, а системой их взаимосвязей.

Полученные в ходе исследования результаты имеют как теоретическое, так и практическое применение в сфере рекламного дела

Литература:

1. Иванова С.В. Искусство подбора персонала: Как оценить человека за час. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2003. — 160 с.
2. Карпов А.В. Психология менеджмента: Учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2004. — 584с.: ил.
3. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. — СПб.: Питер, 2003. — 368 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
4. Царев А.В. Пехота маркетинговых войск. — СПб.: Питер, 2006. — 352с.: ил.
5. Черниговцев Р. BTL – проблемы жанра: [Эффективность рекламных и промоушн-кампаний] // Рекламные технологии.— 2004. — № 4.—с.22-25.

Психологическая модель прогнозирования профессиональной успешности менеджеров туристических фирм

Тесля Ю.В.

Магистрант

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
институт психологии, Екатеринбург, Россия
E-mail: ule4ka@olympus.ru*

В большинстве профессий с повышенными требованиями к людям имеются личностные характеристики, которые наряду с профессиональными навыками обеспечивают успех. Личностные переменные оказываются более надежными предикторами эффективного руководства, чем показатели когнитивных способностей, установок или демографические характеристики. Не только эффективность, но и сама возможность реализации управленческих функций зависит от того, обладает ли человек такого рода личностными особенностями. В связи с этим определение личностных предпосылок, детерминирующих успешность профессиональной деятельности менеджера играет особую роль при приеме его на работу и при дальнейшем осуществлении им проф. деятельности.

В соответствии с этим нами было проведено исследование, целью которого явилось создание эмпирической модели прогнозирования проф. успешности менеджеров среднего звена, занятых в туристической сфере.

Методологическую основу исследования составили идеи системного подхода к анализу трудовой деятельности, личности и субъекта деятельности (С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, Б.Ф.Ломов); методологические и теоретические положения изучения профессиональной деятельности (Л.Г.Дикая, Е.А.Климов, А.К.Маркова); концепция человека как субъекта деятельности (В.А.Бодров, Э.Ф.Зеер); теория черт личности (Р. Кеттелл).

Наша работа проходила в несколько этапов. На первом этапе на основании проведенного анализа теоретического материала были выделены и замерены ключевые личностные характеристики менеджеров турфирм: факторы теста Р.Кеттелла - обособленность/обращенность вовне; неуверенность/готовность идти на риск; реальность/недостаточная самостоятельность; спокойствие/беспокойство с чувством вины; малый волевой контроль/самоконтроль; низкая тревога/высокая тревога; интроверсия/экстраверсия; хрупкая эмоциональность/реактивная уравновешенность; и мотивация к достижению успеха по методике А.Мехрабиана. Методом экспертной оценки для каждого сотрудника получены значения интегрального показателя успешности его труда.

Секция «Психология»

Следующим этапом стало составление регрессионного уравнения успешности, согласно которому чем выше уровень открытости, смелости, спокойствия, самоконтроля, уравновешенности, мотивации на достижение успеха и чем ниже уровень мечтательности, тревоги, интроверсии, тем выше уровень профессиональной успешности менеджера в сфере туризма.

Для проверки созданной нами модели прогнозирования проф. успешности кандидата на должность менеджера турфирмы были протестированы студенты старшего курса, обучающиеся по специальности «менеджмент в туризме и гостиничном сервисе» (использовались те же методики, что и на первом этапе исследования). При этом мы руководствовались следующими критериями проф. отбора: при значениях показателя успешности свыше 5,0 - абсолютно пригоден, от 3,2 до 5,0 - условно пригоден, ниже 3,2 - непригоден. Согласно полученным результатам, двое кандидатов оказались абсолютно пригодными и с довольно высокой долей вероятности станут профессионально успешными в данной области; двое других кандидатов охарактеризованы как непригодные, вероятность их профессиональной успешности в данной сфере довольно низка. Остальные же кандидаты явились условно пригодными для выполнения данной профессиональной деятельности и их проф. успешность в туристической сфере может быть как высокой, так и не очень. Для отбора среди них необходимо использовать дополнительные критерии (знание иностранного языка, дополнительные личностные и характерологические параметры – такие как трудолюбие, целеустремленность и прочее)

Эти результаты позволяют сделать вывод, что существуют личностные качества, обуславливающие профессиональную успешность человека в определенной отрасли. В сфере туризма такими качествами являются общительность, уверенность, экстравертированность, эмоциональная уравновешенность, высокая степень самоконтроля и волевой саморегуляции в сочетании с мотивацией работника на достижение успеха, в отличие от мотивации на избегание неудач.

Литература

1. Абульханова К.А. Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. – М.: Наука, 1989г. – 237с.
2. Абульханова-Славская К. А. Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе. Активность и развитие личности. - М.: Наука, 1998г, 338с.
3. Глуханюк Н.С. Практикум по психодиагностике: учеб. Пособие – М: Издательство Московского психолого-социального института, 2003г. – 192с.
4. Дуракова И.Б. Управление персоналом: отбор и найм. Исследование зарубежного опыта. – М.: Центр, 1998г.- 213с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб: Изд-во ЛГУ, 2000г. – 269с.
6. Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск: КАТАР, 1993г. – 185с.
7. Кормишева А.В., Жукова М.А. Менеджмент туристической отрасли современного хозяйства – СПб: Питер, 2005г. – 317с.
8. Кравченко К.А. Поиск и отбор персонала: История и современность.// Управление персоналом. –1998г. -№12 –С. 39-42.
9. Кулагин Б.В. Основы профессиональной психодиагностики. Ленинград: "Медицина", 1984г. – 430с.
10. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. -М.: Речь, 1999г. – 415с.
11. Чудновский А.Д. Менеджмент в туризме и гостиничном хозяйстве: учебник – М: КНОРУС, 2007г. – 320с.
12. Щекин Г.В., Основы кадрового менеджмента: Учебник – Казань: МАУП, 1993г.- 487с.

Специфика пологендерной структуры интегральной индивидуальности преподавателей с большим стажем преподавательской деятельности в вузе

Ткаченко Е.Н.

соискатель

Пятигорский государственный лингвистический университет, Пятигорск, Россия

E-mail: tkalena82@yandex.ru

Экспериментальное исследование проводилось на базе Пятигорского государственного лингвистического университета в 2007-2009 гг. Объектом исследования являлись преподаватели вуза в количестве 120 человек (60 мужчин и 60 женщин) в возрасте от 25 до 70 лет, из них была выделена группа преподавателей с большим стажем преподавательской деятельности в вузе (больше 10 лет). Мы диагностировали свойства четырех уровней интегральной индивидуальности испытуемых преподавателей: нейродинамического, психодинамического, личностного и социально-психологического уровней.

С помощью методики Я. Стрелая диагностировали основные свойства нервной системы. Для диагностики свойств предметно-деятельного и коммуникативного аспектов темперамента была использована методика В.М. Русалова. Локус контроля личности в различных ситуациях определяли с помощью методики УСК Е.Ф.Бажина и др. Свойства доминирующие в общении определяли при помощи методики Т.Лири.

Для исследования пологендерного психологического портрета преподавателей с большим педагогическим стажем в вузе мы привлекли следующий математический аппарат: t-критерий Стьюдента для определения статистической значимости различий по отдельным показателям интегральной индивидуальности преподавателей; дискриминантный анализ (по О.М.Калинину) для выделения интегральных изменений в структуре интегральной индивидуальности преподавателей; корреляционный анализ для установления попарных внутриуровневых и межуровневых корреляций показателей разноуровневых свойств интегральной индивидуальности.

С помощью поэлементного анализа (t-критерия Стьюдента) установлено, что у преподавателей мужчин и женщин статистически значимые различия по отдельным показателям свойств четырех уровней интегральной индивидуальности между данными группами наблюдаются в 5 случаях из 26 теоретически возможных, что составляет 19,23%. Различия не наблюдались на нейродинамическом уровне, но наблюдались в одном случае на психодинамическом уровне, в одном случае на личностном уровне и в трех случаях на социально-психологическом уровне.

На психодинамическом уровне зафиксировано статистически значимое различие в социальном темпе ($p < 0.05$). Социальный темп в большей степени проявляется у преподавателей – женщин, чем у мужчин, что свидетельствует о более высоком темпе речи у женщин при общении.

На личностном уровне зафиксировано одно статистически значимое различие: интернальность в области производственных отношений ($p < 0.05$); в соответствии с чем, можно констатировать, что преподаватели – мужчины считают себя важным фактором в производстве.

На социально-психологическом уровне было выявлено три статистически значимых различия: эгоистичность ($p < 0.05$), зависимость ($p < 0.01$) и дружелюбие ($p < 0.01$). Преподаватели – женщины более дружелюбны и более зависимы, любезны со всеми, они стремятся удовлетворить требования всех, быть в согласии с мнением окружающих, считают, что другие в основном бывают правы. Мужчины более эгоистичны, ориентированы на себя.

Дискриминантный анализ показал, что в группе преподавателей с большим стажем педработы в вузе по интегральным показателям четырех уровней интегральной индивидуальности в отдельности между мужчинами и женщинами статистически значимых различий установлено не было. Различия обнаружились на личностном и социально-психологическом уровнях (у мужчин эти показатели статистически значимо

Секция «Психология»

выше, чем у женщин). Различия были также обнаружены по интегральному показателю высших уровней интегральной индивидуальности и по общему интегральному показателю (у мужчин эти показатели статистически значимо выше, чем у женщин).

Корреляционный анализ пологендерных структур интегральной индивидуальности преподавателей с большим стажем работы в вузе позволил нам провести внутриуровневый и межуровневый анализы интегральной индивидуальности мужчин и женщин преподавателей. Одноуровневые свойства пологендерных структур интегральной индивидуальности преподавателей с большим стажем работы в вузе в обеих группах по-разному сгруппированы, но обнаруживается следующая закономерность: у мужчин плотность внутриуровневых корреляционных связей во всех случаях, кроме природных уровней выше, чем у женщин. У женщин плотность низших уровней немного превышает. Но в целом общая внутриуровневая плотность корреляционных связей выше у мужчин.

Межуровневый корреляционный анализ структур интегральной индивидуальности преподавателей, мужчин и женщин с большим стажем работы в вузе, описывает условия существования разноуровневых связей. У мужчин межуровневые взаимосвязи более согласованы и гармонизованы в структуре интегральной индивидуальности, чем у женщин. У мужчин наибольшая плотность корреляций наблюдается в основном между психодинамическим и личностным, психодинамическим и социально-психологическим, личностным и социально – психологическим уровнями, у женщин наибольшая плотность корреляций наблюдается в основном между психодинамическим и личностным. Межуровневая структура интегральной индивидуальности преподавателей мужчин с большим стажем работы более уплотнена и упорядочена, чем у женщин. У мужчин структура интегральной индивидуальности представлена большим количеством много-многозначных связей, чем у женщин. У женщин наряду с много-многозначными связями выявлено много одно-многозначных и однозначных зависимостей. В целом по плотности межуровневых связей, характеризующих степень пластичности интегральной индивидуальности, мужчины опережают женщин.

О характере межуровневых зависимостей в пологендерных структурах интегральной индивидуальности преподавателей мужчин и женщин с большим стажем работы может сообщить нам факторный анализ. Путем факторного анализа были извлечены структуры интегральной индивидуальности преподавателей мужчин и женщин с большим стажем работы, состоящие у мужчин из четырех целостных факторов, у женщин – из трех целостных и одного частичного фактора.

Сравнительный факторный анализ структур интегральной индивидуальности преподавателей с учетом стажа педработы в вузе показал, что наибольшая приспособительная значимость у преподавателей с большим стажем работы в вузе у мужчин приходится на психодинамический уровень, у женщин – на личностный уровень. На высших уровнях у мужчин с большим стажем работы в вузе доминирует социально-психологический уровень, у женщин – личностный. Наибольшая приспособительная значимость у преподавателей без учета стажа работы в вузе, у мужчин и женщин приходится на нейродинамический уровень, причем у женщин этот показатель выше. На высших уровнях складывается следующая картина: средняя величина насыщенности социально-психологического уровня превалирует у мужчин, на личностном уровне преимущество, хотя и небольшое, у женщин.

Личностные противоречия на раннем этапе профессионального становления: индивидуально-типологическая специфика

Тхагалижокова Л.В.

*Аспирант кафедры управления персоналом и организационной психологии факультета
управления и психологии*

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Выявление механизмов, особенностей успешного профессионального становления личности достаточно давно привлекает внимание исследователей (Е.М.Борисова, Е.Н.Волкова, Э.Ф.Зеер, М.В.Каминская Е.А.Климов, Т.В. Кудрявцев, Н.В.Кузьмина, А.К.Маркова, Л.М.Митина и др.) [1, 2]. Среди наиболее типичных противоречий, связанных с профессиональным самоопределением студентов-старшекурсников и выпускников вузов, противоречие между их склонностями, способностями и фактическими требованиями избираемой профессии, притязаниями/ожиданиями и реальными возможностями на рынке труда, осознаваемым уровнем своего развития и необходимостью заниматься менее квалифицированной работой. Эти противоречия можно отнести к личностно-психологическим. Они обостряются вместе с обострением противоречий социально-экономических, например, между перепроизводством специалистов с дипломами и необходимостью заполнить рабочие места, не требующие высокой квалификации.

В настоящее время и без того трудный период начала профессиональной деятельности осложняется необоснованно завышенными ожиданиями молодых специалистов, сформированными средствами массовой информации и обществом. Некоторые молодые люди неадекватно оценивают свои профессиональные возможности из-за широко транслируемых примеров быстрой и успешной профессиональной карьеры. У многих формируется убеждение, что успешный человек одновременно успешен во всем. Кажется, что для достижения социального признания необходимо не только быстро продвигаться по карьерной лестнице, но и получить второе высшее образование, принимать участие в различных тренингах и семинарах, повышать квалификацию, следить за своим здоровьем и физической формой, быть успешным в личной жизни и во взаимоотношениях с окружающими людьми.

Согласно исследованиям, студенты идентифицируют себя с людьми экономически и социально успешными, но объективно далеко не все выпускники смогут найти работу, соответствующую карьерным предпочтениям. По данным статистики, в Краснодарском крае самые востребованные направления обучения – специальности высшего профессионального образования в области экономики, управления, права и здравоохранения. А самые востребованные профессии и специальности – водитель автомобиля и автобуса, продавец, слесарь, слесарь-ремонтник, тракторист, повар [3]. Нереализованные потребности личности могут стать причиной обострений противоречий между различными сторонами, свойствами, отношениями и действиями личности. Такое психическое состояние интерпретируется как внутриличностный конфликт. В начале профессиональной деятельности личность может переживать различные мотивационные конфликты, межролевые и внутреролевые конфликты. Особенно характерен для периода начала профессиональной деятельности адаптационный конфликт [2].

Несмотря на значительные научные достижения в изучении общих закономерностей раннего этапа профессионального становления личности, все еще недостаточно внимания уделяется индивидуально-психологической специфике содержания, осознания, переживания и преодоления личностно-психологических противоречий и конфликтов данного периода развития. Развитие этой линии психологических исследований, разработка на их основе обучающих и корректирующих программ – важное условие помощи выпускникам и молодым специалистам в профилактике и успешном преодолении подобных внутриличностных конфликтов именно с учетом своих индивидуальных особенностей, ценностей, целей, связанных с этим потенциалов и ограничений.

В нашем исследовании, с одной стороны, строится система критериев описания и типологизации особенностей содержания, осознания, переживания и преодоления личностно-психологических противоречий и конфликтов; с другой стороны, исследуются индивидуально-типологические предпосылки, которые обуславливают тот или иной вариант актуализации и протекания таких внутриличностных конфликтов. Помимо

Секция «Психология»

темперамента, особое внимание уделяется собственно личностным диспозициям – ценностно-мотивационной направленности, чертам характера (модель «Большая Пятерка»), особенностям самосознания и субъективной картины мира молодых людей. Несмотря на сохраняющееся многообразие подходов к изучению и описанию личности, в психологической науке все больше заметна тенденция трактовать личность скорее как субъективный мир, структуру опыта, систему смыслов, чем как объектное описание через профиль тестовых данных.

Ценностное сознание субъективно, и, например, экономический, социальный успех может иметь неодинаковую ценность для разных людей. К. Хорни отмечала, что стремление к власти, престижу и обладанию или богатству зависят от культуры [4]. И даже в периоды, когда эти ценности кажутся одобряемыми абсолютным большинством (как сейчас в России), представляют интерес и личности с иными ценностными ориентациями. Возможно, именно от них будет зависеть выход страны из морально-психологического кризиса (начавшегося значительно раньше кризиса экономического), в котором она находится. Специфика психологического содержания и протекания внутриличностных конфликтов молодых людей в этом контексте может изучаться с использованием обоснованного А.А. Лузаковым [5] обобщенного основания различения ценностно-мотивационных типов личности. Согласно этой модели, диспозиции личности мировоззренческого уровня тяготеют либо к полюсу «социальный прагматизм» (стремление к социальному успеху, признанию, богатству, власти), либо к полюсу «ориентации на личностное развитие» (стремление к самодетерминации, познанию, построению гармоничных отношений с близкими людьми). Обнаружено, что эти типы используют неодинаковые системы координат при восприятии и оценивании других людей и себя, обладают разной степенью когнитивной дифференцированности в оценке разных черт личности, и в частности, разных аспектов Я-концепции. Поскольку Я-концепция и представления о других, как правило, непосредственно вовлечены в развертывание внутриличностного конфликта, то в этом комплексе диагностических показателей мы обнаруживаем важное проявление индивидуально-типологической специфики. Одна из гипотез, которую мы проверяем: субъекты, ориентированные «на личностное развитие» будут острее переживать нравственный конфликт, связанный с рассогласованием собственных ценностей и ценностей, которым их вынуждают следовать. Таким образом, учет индивидуально-психологической специфики содержания, осознания, переживания субъектом своих психологических противоречий позволит лучше предупреждать и смягчать травмирующие внутриличностные конфликты на начальном этапе профессиональной деятельности.

Литература

1. Маркова О.П. Психология профессионализма. - М., 1996
2. Климов Е.А. Психология профессионала. - М., 1996
3. Труд и занятость в Краснодарском крае: Стат. сб./ Краснодарстат. Краснодар, 2007
4. Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Сомоанализ: Пер. с англ.- М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
5. Лузаков А.А. Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека. Краснодар, 2007.

Соотношение честолюбия и мотивации достижения

Устина Ю.Н.

ассистент, канд.психол.наук

Институт экономики, управления и права, кафедра психологии труда и предпринимательства, Казань, РФ

ravust@mail.ru

Секция «Психология»

Современный рынок труда находится в условиях жесткой конкуренции, которые предъявляют к личности специалиста особые требования, способствующие его успешному трудоустройству и карьерному росту. Однако если конкуренция предполагает достижение целей в условиях противоборства с другими, добивающихся этих же целей, то успешность профессиональной деятельности во многом опираются на эффективное межличностное взаимодействие, где особое место отводится именно этической составляющей. Поэтому среди этих особых требований значительная роль должна отводиться именно духовно-нравственным характеристикам человека.

Проблематика нравственного развития субъекта в современной психологии занимает одну из ведущих позиций, что находит свое подтверждение в работах Б.С. Братуся, А.В. Брушлинского В.П. Зинченко, В.В. Знакова, Д.А. Леонтьева, Л.М. Попова, В.Д. Шадрикова и многих других авторов. Выдвижение вопросов, связанных с нравственным развитием субъекта в круг наиболее актуальных проблем связано с тем, что от их решения во многом будет зависеть как гармоничное существование отдельного человека, так и всего современного общества в целом.

Одним из условий успешной профессиональной деятельности, на наш взгляд, выступает наличие такой черты, как честолюбие, которое проявляется через желание одобрения за реальные достижения и выступает одной из значимых детерминант активности человека. Проблема заключается в том, что содержание данного понятия часто сопрягается с другими психологическими характеристиками, которые тоже затрагивают как желание одобрения, почестей, так и связанные с этим достижения. В круг таких понятий входит мотивация достижения.

Целью нашего исследования стало определение эмпирического соотношения данных понятий. Оно было проведено на выборке в 308 человек (от 11 до 21 года). Методиками исследования стали авторская методика измерения честолюбия и методика измерения мотивации достижения (Элерс). Исследование проводилось методом срезов.

На основе результатов диагностики учащихся с использованием авторской методики измерения честолюбия были выделены три группы: с высоким, средним и низким значениями показателя честолюбия. Данные группы сравнивались по характеру выраженности мотивации достижения. Сравнение результатов осуществлялось с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок, а также дисперсионного анализа (двухфакторный ANOVA). Использование дисперсионного анализа позволило установить характер влияния честолюбия на выделенные характеристики в широком возрастном диапазоне становления личности.

Мотивация достижения в группе со средним и высоким уровнем честолюбия имеет высокие значения ($X_{cp}=17.11$, $X_{cp}=18.17$), в группе с низким уровнем честолюбия она имеет средние значения ($X_{cp}=15.46$) на границе с высокими. Мотивация на успех относится к позитивной мотивации. При такой мотивации человек, начиная дело, имеет в виду достижение чего-то конструктивного, положительного. В основе активности человека лежит надежда на успех и потребность в достижении успеха. Такие люди обычно уверены в себе, в своих силах, ответственны, инициативны и активны. Их отличает настойчивость в достижении цели (целеустремленность).

Несмотря на то, что мотивация достижения в той или иной степени выражена в каждой группе, но от группы с низким уровнем честолюбия до группы с высоким уровнем честолюбия ее значения повышаются, что подтверждается результатами по t-критерию Стьюдента. То есть честолюбие схоже с мотивацией достижения. Однако, это предположение частично опровергают результаты дисперсионного анализа.

Тест Ливена показал равенство дисперсий, что дало основание провести дисперсионный анализ. Результатами проведенного математического анализа показано, что на мотивацию достижения значимо влияет честолюбие ($F=17,668$, $p \leq 0,001$), не влияет возраст ($F=0,267$, $p \leq 0,898$), но их взаимодействие статистически достоверно ($F=2,520$, $p \leq 0,046$). Самым показательным в наших результатах является анализ графического

представления характера влияния честолюбия и возраста на мотивацию достижения, который представлен на Рис.1.

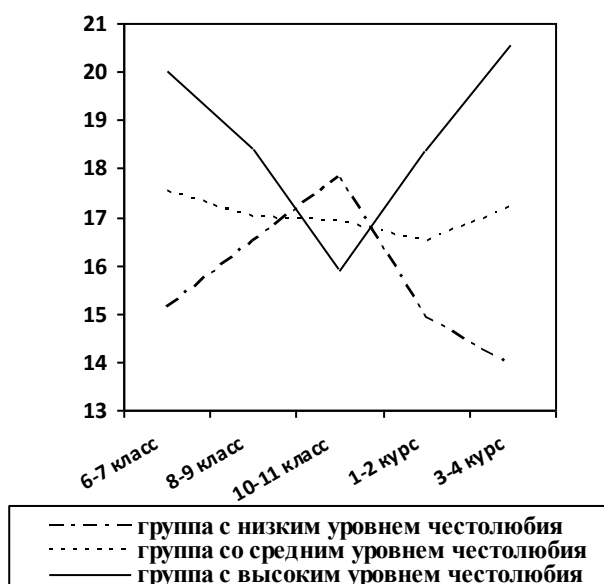

Рисунок 1 Мотивация достижения при различных уровнях развития честолюбия в разные возрастные группы

При анализе графика (Рис.1), видно, что при высоком честолюбии мотивация достижения снижается до 10-11 класса, а затем резко увеличивается, а при низком честолюбии пик мотивации достижения приходится на 10-11е классы с последующим снижением. Данный результат показывает что, честолюбие и мотивация достижения не являются идентичными образованиями – честолюбие выступает детерминантой мотивации достижений, а характер этой детерминации определяется возможностью личного выбора. Когда появляется возможность самостоятельного выстраивания жизненного сценария (студенческие годы), мотивация достижения честолюбивого человека резко возрастает, а нечестолюбивого резко снижается. Эти результаты объясняются механизмами внешней и внутренней детерминации, которые действуют по принципу психологического маятника: для жизненных достижений значение честолюбия возрастает, когда отходят на задний план внешние стимуляторы (учителя, родители и другие значимые лица).

Таким образом, влияние честолюбия на мотивацию достижений имеет двойственный характер: мотивация достижения нечестолюбивого человека сильно возрастает, а резко честолюбивого снижается в период обучения в школе, но после перехода в вуз положение кардинально меняется.

Влияние династичности на становление профессиональных и жизненных смыслов

Федулкина Е.А.

Аспирант кафедры «Психология»

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

E-mail: optima1984@mail.ru

Из всех факторов социальной среды наибольшую роль в жизни человека играет семья. Даже в тех случаях, когда контакт между детьми и родителями ослаблен или утерян совсем, влияние семейной морали, привычек, стиля взаимоотношений и т.д. долгое время продолжает сказываться на формировании личности и стиля поведения человека. В рамках выбора профессии именно преемственность является основным следствием влияния семьи. В некоторых отраслях традиция наследования профессии является отличительной чертой профессиональной группы.

Формирование трудовых династий в сфере железнодорожного транспорта - явление, имеющее длительную историю. Нами были изучены мотивы профессионального выбора студентов ФСПО-ХТЖТ ДВГУПС нового набора 2007-2008г.г.: на профессиональный выбор 47% респондентов оказали влияние родители, при этом 27%(от общего числа опрошенных) продолжают профессиональную деятельность родных. Данные опроса нового набора 2008-2009 учебного года позволяют рассмотреть показатель династичности подробнее, так 55% студентов, принявших участие в анкетировании, продолжают профессиональную деятельность родных. Из них 37% имеют родственников работающих в сфере железнодорожного транспорта в одном поколении, 13% в двух поколениях, 4% и 1% в трех и более трех поколений соответственно.

Это позволяет сделать вывод о том, что на первый план часто становится не выбор конкретной профессии, а занятие определенной социальной позиции. Профессиональное самоопределение – это, прежде всего, специфическая форма активности субъекта труда, которая по своим масштабам сопоставима с категорией жизнедеятельности. Дальнейшее самосознание приводит к потребности нахождения смысла жизни. Смысл жизни отражает жизненную концепцию человека, осознанный и обобщенный принцип его жизни, его жизненную цель. Неадекватность смысла жизни тесно связана с проблемой профессионального самоопределения. Профессиональные устремления, не учитывающие своеобразие индивидуальных особенностей и возможностей человека, способствуют формированию неадекватного смысла жизни, который как бы закрепляет эти стремления, что приводит к жизненным конфликтам и негативно сказывается на всем процессе становления личности.

Отсюда проистекает огромное влияние внешнего образца, соотнесенности субъекта с представителями данной профессиональной группой (в нашем случае семьей), т.е. видение себя в качестве носителя определенных ценностей и образа жизни.

Адаптационный опыт сложившийся несколькими поколениями в отдельной семье передается следующему представителю, что позволяет проследить развитие профессионализма. Изучение адаптационных возможностей этой профессиональной группы выявит социально-психологические характеристики личности, регулятивные способы адаптации, стратегии действий, а также базовые профессиональные и жизненные смыслы, которые не только держат людей в профессии, но и влияют на становление профессионального самосознания последующих потомков.

Практическая значимость изучения этого феномена позволит выявить и актуализировать вклад ценностно-смыслового отношения студентов к будущей профессии, оптимизировать социальные аспекты труда и жизни будущих профессионалов, которые не являются продолжателями династий.

Литература

1. Дикая Л.Г. (2007) Актуальные проблемы и перспективы исследования в психологии труда в условиях глобализации // Психологический журнал. Том 28. № 3.

Выбор копинг-стратегий поведения в конфликте в ситуациях делового взаимодействия

Хачатурова М.Р.⁵²

Преподаватель факультета психологии

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики, Москва, Россия

E-mail: milanahse@mail.ru

Проблема конфликтных взаимодействий в организациях продолжает оставаться одной из самых актуальных проблем современной организационной психологии. Ведь в основе

⁵² Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Болотовой А.К. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

любой организации лежит трудовой коллектив – люди. А взаимодействие людей невозможно без конфликтов. Кроме того, постоянное усложнение современного мира, а, следовательно, и процессов взаимодействия людей в нем делают проблему возникновения конфликтов в организациях особенно актуальной. Разнообразные конфликтные ситуации приносят существенный ущерб экономической деятельности, приводят к большим потерям ресурсов организаций. Следовательно, необходимо снижать уровень конфликтного противостояния, используя классические и современные достижения в области управления и профилактики конфликтов.

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов в области психологии конфликта позволяет говорить о том, что в работе с уже возникшими конфликтами большую роль играет изучение копинг-стратегий поведения в конфликтных ситуациях. Копинг-стратегии (от англ. «cope» - совладать) – это действия человека, предпринимаемые им для совладания с трудными ситуациями. Выделяются эмоциональные, когнитивные и поведенческие типы копинг-стратегий (Lazarus, 1984). Данные типы копинг-стратегий поведения в конфликте имеют свои варианты: адаптивный, относительно адаптивный и неадаптивный.

Таким образом, *проблемой* данного *исследования* является влияние личностных особенностей человека на выбор копинг-стратегий поведения в конфликтной ситуации.

В качестве *объекта* нашего *исследования* выступили сотрудники московских организаций (120 человек - 60 мужчин и 60 женщин, в возрасте от 18 до 55 лет).

В работе нами были выдвинуты следующие *гипотезы*:

1. Существует взаимосвязь между такими личностными особенностями человека, как эмпатия, локус контроля, тревожность, а также темперамент и самооценка и избираемой копинг-стратегией поведения в конфликте.

2. Наиболее предпочитаемым типом копинг-стратегий поведения в конфликтной ситуации в деловых взаимодействиях являются когнитивные копинг-стратегии.

Для проверки сформулированных гипотез и решения поставленных задач нами были использованы следующие *методики*: опросник эмпатических тенденций А.Меграбяна и Н.Эпштейна, методика «Определение локуса контроля поведения», опросник на определение типа темперамента Г.Айзенка, методика «Самооценка конфликтности», опросник на выявление уровня тревожности Ч.Спилбергара, методика самооценки личности А.Будасси и методика «Определение копинг-стратегий поведения» Э.Хайма.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволяют сделать следующие *выводы*:

Удалось обнаружить, что наиболее распространенными типами копинг-стратегий поведения в конфликте в ситуациях делового взаимодействия являются когнитивные и поведенческие стратегии.

Статистический анализ данных показал, что выбор человеком копинг-стратегий поведения в конфликтной ситуации связан с такими личностными особенностями как эмпатийность, локус контроля и самооценка (коэффициент корреляции Пирсона $r=0,43$, $r=0,5$ и $r=0,6$ соответственно).

Сотрудник, обладающий высоким уровнем эмпатии, в конфликте в ситуации делового взаимодействия предпочитает эмоциональные копинг-стратегии поведения. Сотрудники с интернальным локусом контроля избирают когнитивные и поведенческие копинг-стратегии поведения в конфликте, а экстерналы преимущественно выбирают эмоциональные копинг-стратегии. И, наконец, сотрудники с завышенной и адекватной самооценкой предпочитают когнитивные и поведенческие копинг-стратегии поведения в конфликте, в то время как сотрудники с заниженной самооценкой – эмоциональные.

Статистически значимой связи между выбором копинг-стратегий поведения в конфликтной ситуации и такими личностными особенностями как темперамент и уровень тревожности в нашем исследовании выявить не удалось.

Секция «Психология»

Проведенное исследование свидетельствует о том, что выбор сотрудниками копинг-стратегий поведения в деловых взаимодействиях обусловлен возрастными особенностями, а также управленческим статусом.

Кроме того, результаты исследования позволяют утверждать, что существуют гендерные особенности выбора той или иной копинг-стратегии поведения в конфликтной ситуации: женщины чаще, чем мужчины предпочитают выбор эмоциональных копинг-стратегий ($p < 0,05$).

В заключение необходимо отметить, что апробированный в работе комплекс методик на выявление личностных особенностей поведения в конфликте в организациях может помочь в предотвращении возникновения конфликтных ситуаций, а также при практической работе с уже возникшими конфликтами.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология - М.: ЮНИТИ, 1999. - 551 страница.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта - СПб: Питер, 2004. – 464 страниц.
3. Киселева О.В. Личностные особенности и стратегии совладания у учащихся с нарушениями поведения. - Автореф. дис. канд. психол. наук. - М., 2007. - 17 с.
4. Рамендик Д.М. Деловое общение: Формы и правила. – «Ардис», 2005.
5. Amirkhan J.H. Factor analitically driven measure of coping: the strategy indicator // J. of Personality and Social Psychology, v. 59, 1990.
6. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. - N. Y: Springer. - 1984.

Стратегии кооперативного поведения в конкурентной среде

Шевченко Ю.С.

Студент

*Московский Государственный университет им. М.В.Ломоносова, факультет
психологии, Москва, Россия
E-mail: produkt5@yandex.ru*

На социально-психологическом уровне в контексте теории деятельности проблема социального взаимодействия – это проблема соотношения индивидуальной и совместной деятельности, а также индивидуальных и общественных потребностей. Если человек стремится к достижению целей и осуществляет индивидуальную деятельность, то за счет чего возможна организация совместной деятельности? Если существует совместная деятельность, то существует ли одновременно с этим параллельно индивидуальные деятельности участников совместной деятельности или они неким образом изменяются?

Несмотря на более чем 70-летнюю историю изучения кооперации, до сих пор не сложилось ни ее устойчивого определения, ни однозначных обозначающих ее терминов. Перевод с английского (cooperation) имеет более узкий смысл и подразумевает сотрудничество, то есть взаимодействие, основанное на взаимозависимости действий и/или общности целей индивидов. С. Альпер, Д. Тжосволд и К. Ло, обобщая проведенные ранее исследования, определяют кооперативное поведение как деятельность, участники которой обмениваются информацией, считаются с точкой зрения друг друга, общаются и оказывают влияние друг на друга, обмениваются ресурсами деятельности, содействуют друг другу и оказывают поддержку, открыто обсуждают противоположные мнения, совместно принимают решения, поддерживая взаимную аттракцию, укрепляя рабочие отношения и готовность к сотрудничеству в будущем (Alper, 1998). Определения кооперации в современной социальной психологии допускают отсутствие четко сформулированной цели совместной деятельности. В современных исследованиях также говорится о том, что взаимодействие между членами группами не обязательно должно

быть непосредственным, чтобы быть кооперативным. Допускается возможность совместной деятельности «с неполной структурой» (Нестик, 2005), когда деятельность осуществляется без четкого осознания общих целей и/или интегрируясь из относительно слабо (опосредованно) связанных друг с другом индивидуальных деятельностей.

В отечественной традиции под совместной деятельностью понимается деятельность, субъект которой является коллективным и представляет из себя некую группу индивидов (Андреева, 2004). Анализируя форму взаимодействия индивидов внутри группы, говорят о том, что члены группы могут способствовать организации совместной деятельности – такие проявления называют кооперацией. Кооперация, или кооперативное взаимодействие, означает «координацию единичных сил участников (упорядочивание, комбинирование, суммирование этих сил)» (Андреева, 2004, стр. 98). С другой стороны, члены группы могут препятствовать кооперации. В связи с этим наблюдаются феномены конкуренции и конфликта, являющиеся показателями дисгармонизации отношений в группе. О конкуренции можно говорить в узком понимании, как о любой форме борьбы, столкновения несовместимых интересов (конфликт интересов). В широком смысле конкуренция представляет собой взаимоотношения между субъектами, стремящимися к обладанию одними и теми же объектами (благами, ценностями).

Конкретизируя проблему совместной или индивидуальной деятельности до уровня отношений в группе, мы обратились к теме кооперации и конкуренции, формулируя вопрос следующим образом: каким образом возможна кооперация в условиях конкуренции? Какие индивидуальные стратегии кооперативного поведения могут складываться в условиях конкурентной среды? Для ответа на этот вопрос нами было проведено эмпирическое исследование, основанное на методе ролевой игры. Ролевая игра моделировала деятельность коммерческой компании, занимающейся производством и продажей продуктов. В структуре компании между участниками, количество которых составляло 12 человек, были распределены должности и даны инструкции. Состав участников формировался заранее исходя из индивидуальных предпочтений одному из типов организационных культур (Базаров, 2007). В ходе игровых периодов сотрудники компании занимались производственной деятельностью, в перерывах обсуждали стратегию и проблемы на общем собрании. После каждого периода игры участники индивидуально принимали решение о том, как распорядиться собственными денежными средствами: оставить себе или внести в общий бюджет компании.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Приверженность типу организационной культуры влияет на стратегию кооперативного поведения.

2. Специфика занимаемой должности влияет на стратегию кооперативного поведения.

3. Уровень осознания цели связан со стратегией кооперативного поведения.

Результаты проведенного исследования мы собираемся представить на конференции.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М., 2004.
2. Базаров Т.Ю. Психологические грани изменяющейся организации. – М.: Аспект Пресс, 2007.
3. Нестик Т.А. Исследования совместной деятельности в современной зарубежной социальной психологии // Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. - М.: ИПРАН, 2005, СС. 37-86.
4. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю.Базарова, Б.Л.Еремина. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.

5. Alper S., Tjosvold D., Law K. Interdependence and controversy in group decision making: antecedents to effective self-managing teams // *Organizational behavior and human decision processes*, 1998, 74 (1), pp. 33-52.

Профессиональная подготовка и развитие профессиональных способностей, реализуемых в «промоутерской» деятельности⁵³

Шиповская Е.Г.⁵⁴

аспирант

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

E-mail: lenusik25@mail.ru

Проблемы профессиональной подготовки в современном динамично изменяющемся и развивающемся мире приобретают все большую актуальность и значимость. Действительно, последние годы характеризуются существенными изменениями на рынке труда: появляются новые сферы деятельности, профессии, специальности; требуются все более многосторонние и непрерывно обновляющиеся знания и навыки даже в пределах конкретных специальностей; возрастает уровень требований к профессионально важным качествам, профессиональным способностям работников. Все это, с одной стороны, требует от личности постоянного профессионального совершенствования и развития, а, с другой, - ставит вопрос об организации и содержании процесса профессионального обучения и профессиональной подготовки.

В числе новых, относительно недавно появившихся в современной России, но уже имеющих большое значение и получивших широкое распространение в различных сферах: экономической, политической, социальной, - можно выделить «промоутерскую» (от англ. «promote» – продвигать, содействовать), или промо - деятельность, которую можно определить как составляющую рекламной деятельности, носящую информационный и стимулирующий характер. Работа «промоутером» не всегда требует предварительного продолжительного профессионального обучения, особой специальной подготовки и полной занятости и приобрела популярность среди молодежи, студентов. Но деятельность далеко не всех сотрудников, несмотря на отсутствие высоких требований и относительную простоту деятельности, - становится результативной, успешной.

Основываясь на концепции системогенеза деятельности, представлении о способностях с точки зрения системного подхода (В.Д.Шадриков, Л.В.Черемошкина) и взглядах на профессиональное обучение и развитие персонала в современной организации, нами было проведено исследование – психологический анализ «промоутерской» деятельности, включающее ряд этапов и решающее несколько задач в области организационной психологии и управления персоналом (в т.ч., профотбора, обучения, мотивации персонала). Была составлена профессиограмма, выделены профессионально важные качества (ПВК) промо-деятельности, а также определены наиболее важные профессиональные способности из числа ПВК – мыслительные, коммуникативные и аттенционные способности.

Также в исследовании был определен интегральный (по ПВК) критерий профпригодности для промо-деятельности, сопоставление с которым позволило прогнозировать успешность в данной деятельности кандидата на этапе профотбора. Данный критерий разделил кандидатов на 3 области – абсолютной пригодности, относительной пригодности и непригодности. Самая интересная в исследовательском отношении – вторая группа, с которой проводилась работа на следующем этапе исследования. При «относительной пригодности» к промо-деятельности успешность

⁵³ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках дипломного и диссертационного проектов.

⁵⁴ Автор выражает признательность профессору, д.пс.н. Черемошкиной Л.В. за научное руководство работой по данной проблематике.

Секция «Психология»

субъекта в данном виде деятельности в большой степени зависит от профессиональной подготовки, профессионального обучения. Существующая в ряде изученных нами компаний, занимающихся промо-деятельностью, система профессиональной подготовки включала в себя ознакомительные занятия по основам «промоутерской» деятельности, основам коммуникативных техник и информации по рекламируемой продукции. Сформировав из отобранных кандидатов (с относительной профпригодностью к «промоутерской» деятельности) несколько групп с разными программами профессиональной подготовки (в две группы были добавлены занятия по развитию основных выделенных профессионально важных способностей) и проанализировав в последующем результаты деятельности членов каждой группы, мы пришли к выводу, что подготовка к «промоутерской» деятельности, помимо обучения собственно профессиональному инструментарию и основам установления контакта, должна включать в себя работу по развитию основных профессиональных способностей, реализуемых в промо-деятельности (прежде всего, мыслительных и аттенционных познавательных способностей). Полученные показатели – коэффициенты 0,87 и 0,79 у групп, где проводились занятия по развитию профессионально важных способностей (различен был уровень информированности о рекламируемом продукте: у первой из перечисленных больше, второй – меньше соответственно) против 0,63 при традиционно применяемом обучении «промоутеров» свидетельствует о том, что процесс профессиональной подготовки должен быть построен так и наполнен таким содержанием, чтобы происходило профессиональное развитие субъектов труда, в т.ч. развитие профессиональных способностей, служащих в психологическом плане одними из главных средств реализации профессиональной деятельности.

Литература

1. Магура М.И., Курбатова М.Б. Современные персонал-технологии. - М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 2001;
2. Назарова Е.Г. Психологический анализ «промоутерской» деятельности в целях профотбора / Современная психология: от теории к практике: материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». Секция «Психология». – М.: МГУ, 2008. – Ч. 3. - С. 87-89;
3. Реклама: язык, речь, общение: Учеб.пособие / Под ред. проф. Гойхмана О.Я., проф. Лечика В.М. – М.: Инфра-М, 2008;
4. Хапенков В.Н., Сагинова О.В., Федюнин Д.В. Организация рекламной деятельности: Учеб. пособие. – М., Издательский центр «Академия», 2007;
5. Черемошкина Л.В. Способности как факторы профессиональной деятельности //Психология труда: Учеб. для студ. высш. учеб. Заведений / Под ред. проф. А.В. Карпова. – М.: «Владос», 2004. – С. 174-190;
6. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – М.: «Наука», 1982;
7. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-синтез», 2002;
8. Щепилова Г.Г., Щепилов К.В., Краснюк В.М. Введение в рекламоведение. Учебник. – М.: «Элит – 2000», 2002.

**Исследование ценностных ориентаций будущих менеджеров
Шкиндр О.Л.**

Аспирант кафедры теории и практики управления организацией

В современных реалиях проблема нравственности для России является одной из самых актуальных. Социально-экономические преобразования, произошедшие в стране, привели к резкому падению нравственных устоев и смене ценностей и ценностных ориентаций, особенно в среде молодежи.

Ценности – вершина структуры ценностных ориентаций, связанных с идеализациями и жизненными целями личности. Ценности, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его действительности.

Профессиональные же ценности – это ориентиры, на основе которых человек выбирает, осваивает и выполняет свою профессиональную деятельность. Они характеризуются степенью доминирования, определенным знаком, степенью осознанности и степенью изменчивости.

Анализ содержательной стороны деятельности личности может также показать, в какой степени выявленные ценности студентов соответствуют общественному эталону, насколько они адекватны цели воспитания.

Нами проводились исследования нравственных и профессиональных ценностей среди студентов УрГПУ очного и заочного отделения факультета менеджмента. Данный контингент был выбран неслучайно: особый интерес здесь представляет сравнение набора ценностей, студентов обучающихся на одной и той же специальности, но имеющих следующие различия: форма обучения (очная и заочная), возраст (студенты-очники – 17-19 лет; заочники – 27-41 год), социальный статус (100% студентов заочного отделения имеют постоянное место работы, 87% имеют семью и детей)

Данные исследования могут представлять практическую значимость еще и с той точки зрения, что мы исследуем ценности студентов, имеющих профессиональный опыт управленца (63%), осознанно сделавших выбор (87%) и молодых людей, чей выбор профессионального будущего по большому счету определялся родителями (37%), престижностью специальности (23%).

Базовые ценности студентов как очного, так и заочного отделения очень близки. И те, и другие ориентированы в большей степени на интересную работу (49% и 53,7% соответственно студенты – очники и студенты – заочники), чем на заработок. И те, и другие в большинстве своем предпочитают свободу (70,5% и 58,5% соответственно) материальному благополучию (29,5% и 41%).

Наконец, как показывают приведенные данные, в группе ценностей морального плана, студенты - очники продемонстрировали определенную преобладанность со студентами - заочниками, хотя происшедшие в этой области сдвиги все же не могут не насторожить. Так, большинство молодежи убеждено, что лучше не достичь материального благополучия и не сделать карьеры, чем перешагнуть ради этого через свою совесть и мораль. Но все же 43,8% из них, т.е. почти половина, готовы драться за свое место в жизни и переступить ради своего благополучия через моральные нормы. Среди заочников данное соотношение составило соответственно 75,5% и 23,8%.

Дополним набор ценностей студентов - очников данными исследования о том, какие качества они в наибольшей степени ценят в людях. В анкете имелась возможность отметить не более трех из 14-ти предлагаемых положительных качеств человека.

Хотелось бы обратить внимание, что такие качества, как обязательность (17,5%), стремление к независимости (9,9%) и инициативность (9,5%) занимают гораздо более низкие позиции, чем это требуется логикой и содержанием развития рыночных отношений. Независимость, разумеется, коррелирует со стремлением к свободе, но это качество выбирают в данном контексте только 9,8%. Обязательность — безусловное условие успеха в складывающейся системе общественных отношений, в рыночных

Секция «Психология»

взаимосвязях, но и оно получает поддержку только 17,5%. Больше число молодых людей избирает отзывчивость (22,5%). Полученные данные, говорят о том, что студенты - очники, чей возраст между студентами заочниками имеет разницу в 15-17 лет, ещё недостаточно активно повернулись в сторону рыночных отношений, проявляют слабую требовательность к себе и явно недооценивают необходимость повышения культуры делового общения.

Особое место среди жизненных ценностей студентов - очников занимает образование. В сложных условиях всеобщего изменения жизни обостряется вопрос о ценности образования. Для чего нужны знания, что даёт высшее образование? Известно, что многие выпускники вынуждены работать не по специальности, т.к. найти работу нелегко.

Полученные данные о ценности учёбы указывают на то, что в сознании студентов как очного, так и заочного отделения, господствует ориентация на приобретение с помощью знаний профессии (61%). Получается, что ценность знаний, которые связаны с расширением кругозора (47%), понимание общих законов организации природной и человеческой жизни изначально умалется. Идёт интуитивное, неосознанное деление приобретаемых в вузе и вне его знаний на необходимые для будущей профессии и лишние. Но если не придётся по ней работать, как же без общей широкой подготовки молодые люди смогут приспособиться к жизни? Обнаружилось, что чем старше студенты, тем ярче у них выражена ориентация только на те знания, которые дают возможность реализовать себя в профессии, применить эти знания на практике (87%).

Более предпочтительным выглядит выбор, связанный с желанием стать образованным человеком (58%). Он будто бы ориентирует на ценность знания как средства развития культуры, познания законов организации жизни природы, людей, самого себя. Однако он снижается с 1 по 5 курс в более чем в 2 раза: с 20% до 8%. Видимо, выпускники приходят к выводу, что полученные за годы учёбы знания не повлияли существенно на их культуру, представления о мире, приобретаемые на основе жизненного опыта, под влиянием друзей, родителей и т.д. Лишь 17% респондентов связывают своё образование с изменением их жизненных и профессиональных ценностей. Это значит, что не был доведен подлинный смысл образованности, и студенты не рассматривают полученные знания как важнейший способ развития своей личности. При этом всё-таки 80% указывают, что планируют получить необходимые знания именно в вузе.

Противоречие сегодняшнего образования заключается в том, что, с одной стороны, оно ориентировано на формирование культурных, освоивших нормы и правила современной жизни, стремящихся к постоянному самосовершенствованию индивидов. С другой стороны, студентам постоянно внушают, что знания нужны, прежде всего, для реализации себя в конкретной специальности. Не осознаётся необходимость более широкого общего развития, позволяющего человеку заниматься широким спектром деятельности, который предполагает, например, получение управленческой специальности.

Проводимые в вузе инновации должны создать новую модель формирования интереса к учёбе на основе развития у студентов в ходе освоения любого предмета ценностных навыков взаимодействия с природой, людьми, с самим собой не в отдалённом будущем, а в повседневной жизни, в профессии. Тогда можно надеяться на то, что студенты как заочного, так очного отделения и будут учиться не только ради приобретения профессии, а, прежде всего для того, чтобы постоянно самосовершенствоваться и тем самым всегда соответствовать времени, приобрести определенный уровень нравственно-профессиональных ценностей. Организация образовательного процесса с учетом полученных данных будет соответствовать требованиям рынка, то есть будет более практико-ориентированной.

Стратегии поведения официантов в процессе межличностного взаимодействия с клиентами

В связи с все более и более расширяющейся индустрией развлечений и связанной с ней сферой обслуживания в современном обществе важнейшей проблемой выступает поиск новых подходов и совершенствование имеющейся практики более эффективного использования человеческих ресурсов.

Одна из особенностей деятельности ресторанов заключается в том, что ее центральным компонентом выступает работа с клиентами. На личности официанта, как наиболее представительного сотрудника персонала, лежит непосредственная ответственность за первое впечатление клиента о ресторане, за полноту удовлетворения его запросов, за получение им наслаждения от проведенного в ресторане времени, за формируемое в итоге отношение, как к конкретному ресторану, так и ко всей сфере ресторанных услуг. Поэтому целью данной работы является исследование стратегий поведения официантов в процессе межличностного взаимодействия с клиентами. При этом стратегии поведения рассматриваются во взаимосвязи с личностными особенностями официантов и с типом межличностных отношений, которые они предпочитают. Исследование проводилось с помощью таких методик, как опросник «SACS» (С. Хобфолл), «Индивидуально-типологический опросник» (Л. Н. Собчик), «Опросник межличностных отношений» (Шутц), а обработка результатов осуществлялась с помощью корреляционного анализа Спирмена и регрессионного анализа.

Корреляционный анализ показал, что настроенные на социальный контакт и социальную поддержку официанты отличаются сензитивностью ($r=0,493$ при $p\leq 0,01$) и эмотивностью ($r=0,624$ при $p\leq 0,01$). Ассертивные действия связаны с ригидностью ($r=0,522$ при $p\leq 0,01$) и агрессивностью ($r=0,472$ при $p\leq 0,01$). Такие стратегии поведения, как осторожные действия и избегание, присущи интровертам ($r=0,524$ при $p\leq 0,01$) и тревожным официантам ($r=0,486$ при $p\leq 0,05$). А агрессивные и импульсивные действия преобладают у официантов с агрессивным ($r=0,670$ при $p\leq 0,001$) и ригидным ($r=0,721$ при $p\leq 0,001$) свойствами личности. Регрессионный анализ позволил выявить, какие именно факторы обуславливают ту или иную стратегию поведения. Например, осторожные действия в своем поведении чаще совершают тревожные официанты ($\beta=0,431$ при $p\leq 0,01$). Официанты с ригидным свойством личности чаще прибегают к импульсивным действиям ($\beta=0,98$ при $p\leq 0,001$). Ассертивные действия официанта в большей степени определяются агрессивностью ($\beta=0,65$ при $p\leq 0,001$) и т.д. Таким образом, было установлено: на то, как будет взаимодействовать с клиентом официант, в большей степени влияют его личностные особенности, а не предпочитаемые им типы межличностных отношений.

Кроме того, проведенное исследование позволило выявить, что в ситуации взаимодействия с клиентом официанты прибегают к таким стратегиям поведения, которые являются неэффективными и более того опасными в данной профессии. Личностные особенности, которые обуславливают эти стратегии, не относятся к профессионально важным качествам официантов. Поэтому можно сделать вывод о том, что официанты, входящие в обслуживающий персонал ресторана, не удовлетворяют квалификационным требованиям профессии. Это указывает на их профессиональную непригодность и как следствие на ошибку менеджера на этапе отбора персонала (один аспект проблемы). В связи с этим могут быть даны рекомендации по организации отбора персонала с

⁵⁵ Автор выражает признательность доценту, к.п.н. Зиновьевой Д.М. за помощь в подготовке тезисов.

использованием определенных психологических методик, специальным образом структурированного интервью и процедур assessment-center.

Литература:

1. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях [Текст]/ Е.А. Климов. – М.: Изд – во МГУ, 1995. – 224с.
2. Колбин Г.И., Фросина И.М. Социально-психологические процессы на предприятии сервиса. – М.: Изд-во института психологии РАН, 1997. – 186 с.
3. Платонов Ю.П. Психологические феномены поведения персонала в группах и организациях. Кн. в 2 т. – СПб.: Речь, 2007. – 904 с.
4. Сухоруков М.М., В. В. Исаков, В.В. Психологические особенности работы предприятий сервиса. – СПб.: Бизнес и право, 1995. – 246 с.
5. Чирков В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека [Текст]/ В.И.Чирков // Вопросы психологии. – 1996. - №3. – с. 116-132.

Влияние уровня креативности на эффективность менеджеров по продажам

Щербинина Д.А.

студентка

*Воронежский государственный университет,
факультет философии и психологии, Воронеж, Россия
E-mail: daha1801@rambler.ru*

Менеджеры по продажам именно так называется самая востребованная профессия на современном рынке труда. Многочисленные сайты и газеты пестрят объявлениями по поиску менеджеров по продажам. Работодатели предъявляют к кандидатам различный перечень требований, но одна характеристика встречается практически во всех подобных объявлениях. И этой характеристикой является креативность. Тема креативности уже давно встречается как в теоретических, так и экспериментальных исследованиях. Значительный вклад в развитие проблемы креативности внесли как зарубежные (Дж. Гилфорд, Е. П. Торренс, С. Медник, Э. де Боно, М.Рорбах А. Ротенберг, Р.Мэй, А.Маслоу, К.Роджерс, Дж. Рензулли, А.Танненбаум, Р. Стернберг, К. Хеллер и др.), так и отечественные исследователи (С.Л. Рубинштейн, Я.А. Пономарев, А.В. Брушлинский, В.Н. Дунчев, В.Н. Дружинин, В.Н. Козленко, Л.Б. Ермолаева-Томина, Д.Б. Богоявленская, Р.М. Грановская, Ю.С. Крижанская и др.). Но несмотря на большой и давний интерес к проблеме креативности, остаётся большое количество нерешенных вопросов: нет единого определения данного понятия, неизвестными остаются факторы формирования креативности, пределы до которых можно развить креативность, связь креативности с другими личностными характеристиками, и тем более не разработан вопрос о влиянии креативности на различные виды профессиональной деятельности. В своем исследовании мы как раз и постараемся изучить влияние креативности на эффективность профессиональной деятельности менеджера по продажам. В данной работе мы будем опираться на определение креативности, данное Дж. Гилфордом, который понимал креативность как способности порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации. Так как деятельность менеджера по продажам непосредственно связана с межличностным общением, в котором просто не возможно продумать все варианты развития событий в общении с клиентом, то способность решать проблемные ситуации, отклоняться от стереотипных форм мышления кажутся нам не просто желательными качествами личности в данном виде деятельности, а профессионально важными. Исходя из этого, можно предположить, что чем выше уровень развития креативности, тем эффективнее будет деятельность менеджера по продажам. Как же обстоит дело на самом деле, нам предстоит выяснить в нашем исследовании.

Секция «Психология»

Целью нашего исследования является изучение влияния уровня креативности на эффективность менеджеров по продажам. В качестве гипотезы выступало предположение о том, что эффективные менеджеры по продажам обладают высоким уровнем креативности. Исходя из цели, базой исследования была выбрана организация, предоставляющая на рынок рекламные услуги в виде печатной продукции. Основным штатом организации составляют менеджеры по продажам рекламных площадей в различных печатных изданиях. Исследование проводилось в течение месяца. Общее число испытуемых составило 90 человек. Стоит отметить, что в исследовании принимали участие менеджеры по продажам, работающие в компании не менее одного года и при устройстве на работу прошедшие психологическое тестирование и собеседование.

На первом этапе исследования были отобраны экспериментальная и контрольная группы. В качестве критерия выступала эффективность специалистов по продажам, за которую принимался средний арифметический показатель продаж за последние полгода. Соответственно, в экспериментальную группу попали менеджеры с высоким показателем продаж, а в контрольную с низким показателем.

На втором этапе мы выявляли уровень креативности всех испытуемых с помощью следующих методик: тест творческого мышления Ф.Вильямса для диагностики таких показателей креативности как беглость, гибкость, оригинальность, разработанность; тест творческого мышления Е. П. Торренса для диагностики вербальной (словесное творческое мышление) и невербальной креативности (изобразительное творческое мышление). Для обработки данных был использован t-критерий Стьюдента (для сравнения средних выборочных значений) и критерий Фишера. Были получены следующие результаты: найдены значимые различия в интегральной оценке уровня креативности по обоим методикам у эффективных и неэффективных менеджеров по продажам. Значимых различий по отдельным шкалам тестов творческого мышления выявлено не было. При чем эффективные менеджеры обладали средним уровнем креативности, а неэффективный менеджеры обладали высоким или низким уровнем креативности.

Исходя из полученных результатов, можно сделать следующие выводы. Выделенные нами эффективные менеджеры по продажам обладают средним уровнем креативности, а не высоким, как предполагалось ранее. Неэффективные же обладают низким или высоким уровнем креативности. Эти данные свидетельствуют о том, что для данной сферы деятельности, творческий подход к решению проблем (умение переходить от одной категории к другой, поиск необычных, оригинальных, нестандартных решений, отступление от очевидного, общепринятого) являются профессионально важными лишь при среднем уровне развития. Низкий и высокий уровень развития креативности наоборот приводят к снижению эффективности деятельности менеджера по продажам. Попытаемся объяснить полученные данные. То что низкий уровень креативности отрицательно сказывается на эффективности деятельности достаточно понятно, так как человеку со стереотипным шаблонным мышлением трудно справиться с новыми ситуациями, возникающими в профессиональной деятельности. Сложнее обстоит дело с высоким уровнем креативности, который так же снижает эффективность деятельности менеджера по продажам. Возможно, что это происходит из-за того, что повышение креативности связано с установкой на проблемность восприятия окружающего мира, поиск многообразных решений, что осложняет процесс окончательного принятия решения и сопровождается повышением восприимчивости, чувствительности, впечатлительности. Что возможно в свою очередь приводит к повышению депрессивности, агрессивности, т.е. некой невротизации личности. А данные характеристики уже отрицательно влияют на процесс межличностного взаимодействия, снижая тем самым эффективность деятельности менеджера по продажам.

Проанализировав результаты проведенного исследования, можно дать ряд рекомендаций психологу (HR-менеджеру), который осуществляет отбор менеджеров по продажам. Необходимо обращать внимание на креативность человека, так как она

Секция «Психология»

является профессионально важной чертой, но при этом помнить, что лишь средний уровень креативности способствует эффективной профессиональной деятельности, а низкий и высокий значительно снижают ее. Осторожно стоит относиться к тренингам (которые очень часто используются при обучении персонала), направленным на повышение уровня креативности у менеджеров по продажам, так как это может привести к слишком высокому уровню развития креативности, что, как уже известно, снижает эффективность деятельности. Так же хотелось бы отметить важность дальнейшего сопровождения работающих менеджеров по продажам, необходимость проводить диагностику персонала, с целью регистрации их актуального развития, выявления имеющихся проблем, позволит выбирать наиболее эффективные пути дальнейшего развития, прогнозировать кризисных периоды профессионального и личностного роста, грамотно выстраивать обучение молодых специалистов по продажам.

В завершении хотелось бы обозначить ряд вопросов, рассмотрение которых, по нашему мнению является наиболее актуальным для продолжения исследования эффективных менеджеров по продажам. Незучеными остаются влияние интеллектуальных способностей, мотивационных, гендерных, возрастных и имиджевых особенностей менеджеров на эффективность продаж. Такими мы видим пути наших дальнейших исследований.

Исследование социально-психологических характеристик сотрудников, принимающих и не принимающих организационные изменения

Эльяфи Е.Я.

преподаватель

*Южный федеральный университет, факультет психологии, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: elyafi@mail.ru*

Последние десять лет исследователи и практики [1,2,3] активно говорят о нарастании скорости изменения окружения современных организаций. Поэтому проблема эффективного осуществления изменений в организациях является, пожалуй, самой важной для их руководителей на сегодняшний день.

В настоящее время не существует единой позиции в определении понятия «организационные изменения». В представляемом исследовании использовалось определение организационных изменений, предложенное В.М. Матиашвили. Он рассматривает их как комплекс мероприятий сознательно осуществляемых на плановой основе, реализуемых в масштабе всей организации или ее подразделений, управляемых менеджментом организации, имеющих своей целью повышение эффективности и рост стоимости компании, использующих специальные технологии и методики на основе бихевиористских наук.

Однако в условиях мирового кризиса потребность в изменениях актуализируется не только в организациях, но и у самих сотрудников. Следовательно, становится важным выявление социально-психологических характеристик, обеспечивающих эффективную профессиональную деятельность, которые бы способствовали или не способствовали принятию организационных изменений. В результате теоретического анализа [4,5,6,7,8,9,10,11,12,13] было установлено, что основными социально-психологическими характеристиками для эффективной деятельности в сфере риэлторства выступают умение слушать, гибкость поведения и мышления, оптимизм, активность, вера в другого человека и умение видеть в нем хорошее, креативность, эмпатия, внутренний локус контроля.

Исследование проводилось в два этапа, в течение двух лет в крупной риэлторской компании. В исследовании приняли участие 79 сотрудников, из которых 26 человек ушли из компании после начала внедрения изменений.

После проведения в компании «А» организационных изменений, ее оставили сотрудники, у которых, в первую очередь ($p=0,007$), есть способность выражать свои

Секция «Психология»

чувства в заранее непродуманных действиях. Во-вторых, среди ушедших оказалось значительно больше сотрудников способных быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, проявляли разумность в применении некоторых стандартных принципов, при этом среди оставшихся оказалось практически такое же количество людей для которых, наоборот, характерен догматизм, проявляющийся в жестком соблюдении общих принципов ($p=0,018$). В-третьих, ушли сотрудники, которые принимают себя такими, какие они есть, - со всеми недостатками и слабостями ($p=0,027$); для которых характерна внутренняя поддержка, т.е. они мало подвержены внешнему влиянию, до определенной степени чувствительны к одобрению, привязанности и хорошему отношению людей, в своих поступках такие люди опираются на собственные чувства и мысли, критически воспринимают воздействие внешних сил ($p=0,030$). Необходимо отметить, что среди ушедших сотрудников больше, чем среди оставшихся людей с развитой творческой направленностью ($p=0,032$).

Также небольшие различия были выявлены по шкалам «Ориентация во времени» методики «САТ» ($p=0,063$) и «Контактность» методики «САТ» ($p=0,088$). То есть, среди ушедших сотрудников больше, чем среди оставшихся, правильно ориентирующихся во времени: тех, кто рассматривают время в единстве прошлого, настоящего и будущего; не откладывают жизнь на завтра, не увязают в прошлом, живут в настоящем; они не обременены чувствами вины, сожаления, обиды, идущими из прошлого, и меньше неправильно ориентирующихся во времени: они либо живут прошлым, их мучают раскаяния за совершенные проступки, воспоминания о нанесенных им обидах, испытывают постоянные угрызения совести либо живут будущим, строят недостижимые планы, надежды, ставят перед собой нереальные задачи; они считают, что идеалы и цели могут являться средствами, с помощью которых удовлетворяются потребности в привязанности, любви, признании, восхищении; такие люди тешат свое тщеславие, удовлетворяя в воображении свои желания и цели. Для многих ушедших сотрудников характерны легкость и быстрота вступления в контакт, при этом, их отношения с людьми не являются поверхностными и лишь у единичных сотрудников присутствовали трудности в общении. У оставшихся работников ситуация прямо противоположная.

Следовательно, из компании ушли сотрудники, для которых характерны спонтанность в действиях, гибкое поведение, самопринятие, внутренняя поддержка, креативность, правильная ориентация во времени, контактность. А остались люди, опасющиеся открыто проявлять свои чувства и эмоции, негибкие в применении некоторых принципов, не принимающие себя, подверженные внешнему влиянию, нетворческие, неправильно ориентирующиеся во времени, испытывающие трудности в общении.

Таким образом, в результате исследования мы получили «портреты» сотрудника, который с большей вероятностью уйдет при внедрении изменений и сотрудника, который, скорее всего, останется в компании. И можем сделать вывод о том, что, с большей вероятностью, при проведении изменений, компанию покинет человек, обладающий, в первую очередь, спонтанностью в действиях, кроме того, «внутренней» поддержкой, руководствующийся интериоризированными принципами и мотивацией, мало подверженный внешнему влиянию, способный быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, гибкий в применении некоторых стандартных принципов, принимающий себя таким, какой он есть и с развитой творческой направленностью.

Литература:

1. Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2003. 380с.
2. Тоффлер Э. Футурошок. СПб.: Лань, 1997. 467 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 781 с.
4. Бодалев А.А. Личность и общение // Социально-психологические аспекты организации и самоорганизации первичного коллектива / Научные труды. Том № 199. Курск, 1980. 112 с.

Секция «Психология»

5. Бодалев А.А. Психология общения. Избранные психологические труды. – 3-е изд., перераб. и допол. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 320 с.
6. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. 272 с.
7. Друкер П.Ф. Эффективный руководитель. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. 224 с.
8. Ермолаева Е.П. Преобразующие и идентификационные аспекты профессиогенеза // Психологический журнал. Том 22. №4. 2001. С. 51-59.
9. Климов Е.А. Психология профессионала: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003. 456 с.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
11. Самоукина Н. Управление персоналом: российский опыт. СПб.: Питер, 2003. 236 с.
12. French J.R.P. The social environment and mental health // Journal of Social Issues. 1963. V. 19. P.39-56.
13. Harrison R.V. Person-environment fit and job stress // Stress at work / Eds. C. Cooper and R. Payne. N. J.: Wiley. 1978. P.175-209.

Опыт разработки психогаммы вожатого детского оздоровительного лагеря

Япрынцева Н.Г.

Студентка

*Воронежский государственный университет, факультет философии и психологии,
Воронеж, Россия*

E-mail: umkosha@mail.ru

Каждое лето родители, сталкиваясь с проблемой отдыха своих детей, отправляют их или в детские оздоровительные лагеря, санатории или центры отдыха. На протяжении трех-четырех недель с детьми взаимодействуют вожатые, воспитатели, комиссары, в роли которых обычно выступают не профессиональные педагоги, а студенты вузов. С одной стороны, это дает детям огромное преимущество: вожатые, которые еще совсем недавно сами были детьми, гораздо активнее, веселее, чем взрослые профессиональные педагоги, с ними дети могут почувствовать себя гораздо свободнее, «отдохнуть от взрослых», родителей и учителей. С другой стороны, случаются ситуации, когда юноша или девушка, приезжая работать вожатым, не вполне точно представляет себе деятельность, которой он будет заниматься. Как правило, это связано с тем, что в большинстве лагерей, санаториев и центров отдыха не действуют постоянные педагогические коллективы, и вожатые набираются случайным образом. Профессия вожатого не считается профессией в полном смысле этого слова, а рассматривается скорее как одна из форм отдыха для студентов. Однако трудовая деятельность вожатого детского оздоровительного лагеря полностью соответствует всем критериям, которые позволяют называть эту деятельность профессиональной. Исходя из этого, для осуществления более эффективной профессиональной деятельности вожатого необходимо проводить профотбор на эту должность, что сопряжено с некоторыми сложностями. Одной из них является отсутствие профессиональных и личностных критериев оценки претендента.

Подобный отбор проводится на основе психогаммы, которая в нашем исследовании определяется как результат психологического изучения конкретных видов трудовой деятельности, включающий производственно-технические, социально-экономические, социально-психологические, медико-гигиенические, собственно психологические характеристики специалиста, а также требования к его подготовке. Компонентом психогаммы является психогамма – систему требований профессии к качествам работника, т.е. к ПВК.

Цель нашего исследования состоит в разработке психогаммы вожатого детского оздоровительного лагеря, а также в составлении на ее основе программы тренинга профессионально важных качеств вожатого. Объектом исследования является

Секция «Психология»

профессиография, а его предметом – разработка психогаммы вожатого детского оздоровительного лагеря. Базой исследования служил Воронежский государственный университет, а также Воронежский государственный педагогический университет и детский оздоровительный лагерь «Прометей» г. Анапа. В качестве объекта эмпирического исследования выступали студенты 2 – 5 курса отделения социальной педагогики факультета философии и психологии ВГУ, а также студенты разных факультетов ВГПУ

В данном исследовании мы выдвигали следующие гипотезы. Во-первых, для эффективного осуществления профессиональной деятельности вожатого необходимы такие качества личности, как эмпатия, коммуникабельность, организаторские способности, креативность, активность и стрессоустойчивость. Во-вторых, уровень развития ПВК у вожатых с высокой и низкой эффективностью профессиональной деятельности различается. Вожатые с более высокой эффективностью деятельности обладают более высоким уровнем развития таких качеств как креативность, коммуникабельность, организаторские способности, стрессоустойчивость и коммуникабельность.

Для проверки выдвинутой гипотезы использовался комплекс методов: метод стандартизированного самоотчета; тестовый метод; метод анализа документов. Метод стандартизированного самоотчета был реализован в следующих методиках: «Лист Липмана», «Диагностика уровня эмпатических способностей В.В. Бойко», «КОС-2», «Фигурный тест креативности Торренса».

Методом экспертной оценки были изучены представления субъектов труда о ПВК вожатых: особенностях познавательных процессов и личностных особенностях. Таким образом, была составлена иерархия ПВК вожатых. Для оценки эффективности деятельности вожатых нами использовались 2 основных критерия: оценка за педагогическую практику, а также уровень развития временного детского коллектива, который был достигнут вожатыми к моменту завершения смены. Он измерялся с помощью методики оценки уровня социально-психологического развития группы Л.И. Уманского.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа взаимосвязи эффективности деятельности вожатого и его профессионально важных качеств в том случае, когда критерием эффективности деятельности вожатого выступала оценка за педагогическую практику. Исходя из этого, можно предположить, что эффективность профессиональной деятельности будет выше у тех вожатых, которые обладают более высоким уровнем развития таких качеств как стрессоустойчивость и креативность. Результаты корреляционного анализа взаимосвязи эффективности деятельности вожатого и его профессионально важных качеств в том случае, если критерием эффективности деятельности выступал уровень развития временного детского коллектива, достигнутый вожатым к окончанию смены, дают возможность предположить, что эффективность профессиональной деятельности будет выше у тех вожатых, которые обладают более высоким уровнем развития таких качеств как эмпатия, коммуникативные склонности и креативность.

В ходе проверки гипотезы о том, что уровень развития ПВК у вожатых с высокой и низкой эффективностью профессиональной деятельности различается, были получены следующие результаты. Не было выявлено значимых различий в уровне развития профессионально важных качеств между вожатыми в высокой и низкой эффективностью профессиональной деятельности в том случае, когда она оценивалась по критерию отметки за педагогическую практику. В том случае, если критерием оценки эффективности деятельности выступал уровень развития временного детского коллектива, достигнутый вожатыми к моменту окончания смены, коэффициенты по таким качествам как эмпатия, коммуникативные склонности, организаторские склонности, стрессоустойчивость и креативность являются статистически значимыми. Вожатые с более высокой эффективностью деятельности действительно обладают более высоким

уровнем развития таких качеств как креативность, коммуникабельность, организаторские способности, стрессоустойчивость и коммуникабельность.

На основании проведенного исследования нами была разработана психограмма вожатого, включающая 7 разделов. Проведенное нами исследование позволило также разработать программу тренинга профессионально важных качеств вожатых, что в свою очередь будет способствовать повышению эффективности их профессиональной деятельности. Исходя из психограммы вожатого, основное внимание уделяется развитию таких качеств как эмпатия, коммуникативные навыки, организаторские способности, креативность. Важным качеством для вожатого является стрессоустойчивость, поэтому в программу тренинга включены также упражнения, формирующие навыки саморегуляции.

Литература

1. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М., 2001. – 480 с.
2. Мастерская вожатого / под ред. Е.А. Левановой. – М., 2003. – 176 с.

Динамика отношение к труду работников промышленного предприятия в современных социально-экономических условиях

Ярыгина О.Ю.

Аспирант факультета психологии

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: olga-sofiab@yandex.ru

Современные социально-экономические условия обуславливают переход от производства к продаже, что в свою очередь предопределяет направленность экономики. Промышленные предприятия не имеют такого большого влияния и значения как в советскую и пост советскую эпоху. Поскольку большое производство требует больших затрат как материальных так и человеческих, это и предопределяло расположение самих этих производств. Большой завод (фабрика) зачастую были градообразующими предприятиями, что обуславливало большой приток рабочей силы. Изменения социально-экономической обстановки в современном государстве провоцируют т.н. «сворачивание» производств, что высвобождает значительное количество рабочей силы, что в свою очередь выводит такие производства на новый «коммерческий» уровень получения дохода. В изменившихся условиях люди, которым приходится исполнять свои (как правило, не изменившиеся) обязанности, меняют все отношение как к труду в целом, так и к отдельным его компонентам. (Отношение к труду характеризует степень готовности человека к высокопроизводительной деятельности на предприятии. Это отношение проявляется в трудовой мотивации, в самооценке уровня удовлетворенности трудом и в соответствующем поведении работников).

Отношение к труду является неким отражением отношения ко всем уровням организации трудового процесса на предприятии. Поскольку, по словам Мясищева, любое отношение как имеет свой предмет (предметно), так и организовано на двух уровнях: (проявляемого непосредственно в деятельности и осуществляемого во внутренних процессах) и необходимо говорить об оценке двух уровней организации процесса внешнего и внутреннего.

Таким образом, объектом нашего исследования являлось отношение к труду работников промышленного предприятия. Предметом – «субъективная» динамика отношения к труду работников промышленного предприятия в современных социально-экономических условиях.

В пределах теоретического исследования было подробно разработаны методологические обоснования подходов к категории отношение к труду и его составляющих. Так же было подробно исследовано социально экономическое состояния

Секция «Психология»

региона за период с 1990 по 2009 год. Основным видом анализа применяемом в исследовании был ретроспективный и перспективный анализ, а так же анализ исторических событий и документов.

В рамках нашего исследования применялись следующие методики:

1. Незаконченные предложения
2. СД
3. Определение понятий
4. Проективные методики (рисунки прошлого, настоящего и будущего труда)
5. Удовлетворенность трудом
6. Структура трудовой мотивации
7. Опросник динамики отношения к труду

Данные методики были составлены специально для определения динамики отношения к труду.

Структура проведенного исследования: Для определения динамики отношения к труду мы исследовали не реальную динамику отношения к труду, а субъективное представление о динамике отношения к труду. Для этого мы просили испытуемых вспомнить каково было их отношение к труду раньше (1990, 2000) в настоящем (2009) и представить каково будет их отношение к труду в будущем (2010, 2020). Данные периоды были выбраны нами как наиболее кризисные для предприятия на котором проходило исследование.

Основные результаты находятся в обработке, однако из полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Отношение к труду на промышленных предприятиях изменяется с учетом изменения социально-экономических условий, не только в рамках предприятия, но и в пределах страны в целом.

2. Изменение отношения к труду строиться по типу от хорошего к плохому, причем кризисные этапы в деятельности предприятия воспринимаются людьми легче если они происходили в сложный периоды жизни, и наоборот.

3. Отношение к труду зависит от гендерных и возрастных особенностей. Женщины относятся к условиям труда более требовательно чем мужчины, однако мужчин удовлетворенных трудом больше чем женщин.

4. Отношение к труду зависит от занимаемой должности и статусного уровня работающих. Чем выше (старше) должность тем лучше отношение к труду, причем самое негативное отношение к труду отмечается у работников среднего звена и ИТР.

Литература

1. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. 1990
2. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия. — М.: Педагогическое общество России, 2000. — 539 с.
3. Стрелков Ю.К. Время в психологическом анализе. // Журнал практического психолога, №5-6, 2000, с. 216-230.
4. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология. — М.: Академия, 2001.

Психология социальных процессов и массовой коммуникации
Влияние факторов самооценки личности на семантические характеристики образа будущего

Абрамов В.В.

Студент

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,

факультет психологии, Киев, Украина

E-mail: abramov.vladimir@gmail.com

Введение. Разработка проблемы психологического времени личности, как представленности в сознании человека временных отношений между событиями в его жизни, важна по причине того, что любая терапия затрагивает тему представлений человека о своей жизни во времени.

Существующие модели психологического времени, либо более узко — временной перспективы, утверждают ее детерминантами различные психологические явления. Например, в причинно-целевой концепции Головахи Е. И. и Кроника А. А. такими детерминантами являются события в жизни человека (которые авторами понимаются как объективные и субъективные изменения в его жизни) и связи между ними; концепция временной перспективы Нюттена Ж. утверждает тесную связь характеристик мотивации человека со структурой его временной перспективы.

Многие концепции психологического времени (Головаха Е. И., Кроник А. А., Абульханова К.А., Березина Т.Н., Бюлер Ш.) объединяет постулирование связи психологического времени с самореализацией человека в процессе жизни. Таким образом, важными факторами влияния на структуру и характеристики временной перспективы должны быть факторы самооценки человека как представление про свою способность к построению собственной жизни соответственно некому идеальному ее образу в сознании человека.

С целью определения связи самооценки личности и образа ее будущего было проведено исследование, в котором сопоставлялись представления человека о себе и о своей способности к решению жизненно важных для человека задач с семантическими характеристиками будущего в его сознании.

Задачами исследования было определить факторы видения настоящего и будущего, определить влияние самооценки человека на семантические характеристики представленности будущего в его сознании и определить влияние представления о течении определенного события в недалеком будущем на образ будущего, следующего за этим событием.

Исследуемую выборку составляли 32 студента факультета психологии.

Методика исследования. Для исследования образа будущего и настоящего был использован метод семантического дифференциала, шкалы которого были разработаны с помощью исследуемой выборки. Для определения самооценки исследуемых использовалась методика определения самооценки Дембо-Рубинштейн с семью шкалами: “здоровье”, “ум”, “характер”, “счастье” (рекомендованы авторами методики как обязательные), “удовлетворенность собой”, “оптимизм” (рекомендованные как обязательные П.В. Яньшиным) и специфическую относительно объекта исследования шкалу “способность управлять своей судьбой”. Для квалификации события каждый испытуемый должен был в процентах указать, насколько данное событие определяет его будущее, насколько вероятным является удовлетворительный для него результат данного события, и насколько исход данного события зависит от него лично, его действий.

Результаты исследования. Полученные с помощью семантического дифференциала результаты исследуемых были проанализированы с помощью факторного анализа после поворота факторных структур по принципу Varimax. Факторами оценки настоящего являются следующие факторы: “Насыщенность впечатлениями” (22% вариаций, шкалы

Секция «Психология»

“Разнообразное – Однообразное”, “Меняющееся – Повторяющееся”, “Зависимое от Вас – Независимое от Вас”, “Любопытное – Безразличное”, “Желаемое – Отвращающее”, “Доступное – Недостижимое”, “Наполненное – Пустое”, “Просторное – Тесное”, “Авантюрное – Нудное”, “Доступность желаемого” (14%, шкалы: “Счастливое – Грустное”, “Многообещающее – Разочаровывающее”, “Успешное – Неуспешное”, “Перспективное – Бесперспективное”), “Сложность” (13%, шкалы: “Приятное – Тревожное”, “Спокойное – Неспкойное”, “Простое – Сложное”), “Прогнозируемость” (10%, шкалы: “Логичное – Алогичное”, “Стабильное – Нестабильное”, “Податливое – Неподатливое”), “Реальность” (8%, шкалы: “Близкое – Далекое”, “Четкое – Туманное”, “Реальное – Нереальное”), “Ограниченность возможностей” (7%, шкала “Безграничное – Ограниченное”).

Факторы оценки будущего: “Реальность” (18%, шкалы: “Четкое – Туманное”, “Реальное – Нереальное”, “Доступное – Недостижимое”, “Близкое – Далекое”, “Приятное – Тревожное”, “Стабильное – Нестабильное”), “Перспективность” (15%, шкалы: “Перспективное – Бесперспективное”, “Успешное – Неуспешное”, “Логичное – Алогичное”, “Податливое – Неподатливое”, “Спокойное – Неспкойное”), “Авантюренность” (12%, шкалы: “Авантюрное – Нудное”, “Разнообразное – Однообразное”, “Желаемое – Отвращающее”), “Наполненность” (11%, шкалы: “Наполненное – Пустое”, “Меняющееся – Повторяющееся”, “Интересное – Безразличное”, “Безграничное – Ограниченное”), “Переживания” (11%, шкалы: “Многообещающее – Разочаровывающее”, “Счастливое – Грустное”, “Просторное – Тесное”).

Таким образом, определяющей характеристикой представленности будущего в сознании является его реальность. Фактор реальности в характеристиках образа будущего приобретает качественную специфику в сравнении с аналогичным фактором в образе настоящего и объясняет наибольшую долю вариаций в представленности будущего в сознании.

Найдены значимые корреляции факторов самооценки со шкалами видения будущего. Наиболее существенным результатом, исходя из гипотез исследования, является корреляция с выделенным в образе будущего фактором “Реальность”. Позитивная оценка человеком себя по шкалам самооценки “Оптимизм” (корреляция 0,576 $p < 0,01$), “Удовлетворенность собой” (0,469 $p < 0,01$), и “Способность управлять своей судьбой” (0,417, $p < 0,05$) значимо коррелирует с фактором Реальность и способствует оценке будущего как более реального, четкого, доступного и стабильного.

По ответам на вопросы о характере события исследуемая выборка с помощью кластерного анализа была разделена на три группы: группа уверенных в своих силах и оценивающих событие как значимо определяющее их будущее, группа оценивающих событие как неважное, группа неуверенных в своих силах и оценивающих событие как определяющее будущее. Все испытуемые оценивали свое влияние на исход события как значительное. С помощью однофакторного дисперсионного анализа не было найдено статистически значимой разницы между образами будущего у групп исследуемых, что можно объяснить малым количеством представителей группы неуверенных в своих силах. Однако, у этой группы была замечена тенденция оценивать будущее как более негативное по всем шкалам фактора “Реальность” в образе будущего по сравнению с группой уверенных в своих силах.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. - СПб.: Алетейя, 2001.
2. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. - Киев. 1984.
3. Рубинштейн С. Л. Человек и Мир. – М.: Наука, 1997.

Гендерные особенности социальных представлений о счастливом человеке

К такому фундаментальному и мало изученному в психологии феномену как счастье люди проявляли интерес еще с древних времен. Вопросами что такое счастье, что значит быть счастливым, как добиться счастья задавались и задаются не только известные мыслители, писатели, ученые разных исторических эпох, но и каждый обычный человек. В науке под счастьем понимается «удовлетворенность своим бытием». (Каретко, 1992). Важным актуальным моментом является вопрос о практическом достижении счастья. На наш взгляд, для этого человеку важно точно и четко представлять, что есть счастье и какие значимые характеристики присущи счастливому человеку в современном динамичном и мобильном мире. На основе полученных социальных представлений можно понять к чему стремятся люди, что является подлинным выражением счастья в разных возрастных группах, каковы способы в достижении счастья.

Основываясь на теорию «социальных представлений» С.Московичи и исследования ученых Н.Азума, К.Кашиваги, Н.Л.Смирновой, осуществленных в русле субъектного подхода, в соответствии с которым описываются конкретные люди, являющиеся, по мнению респондентов субъектами определенных качеств, нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого было выявление гендерных особенностей социальных представлений о счастливом человеке в ранней и средней взрослости. Среди задач исследования были не только выявление гендерных особенностей представлений о счастливом человеке у лиц ранней и средней взрослости, но и проведение сравнительного анализа и выявление типичного и специфичного в данных социальных представлениях. Исследование проводилось в 2 основных этапа. Во время I взаимодействия с испытуемыми им раздавались модифицированная методика самоотношения М. Куна для выявления представлений о счастье и счастливом человеке для первичного сбора дескрипторов, которая представляет собой 5 незаконченных предложений и открытый вопрос, который посвящен представлениям опрашиваемых о счастливом человеке на основе собственного опыта. Методика направлена на первичный сбор дескрипторов для подготовки анкеты. На II этапе исследования использовались бланки с семантическим дифференциалом «Представление о счастливом человеке». Анкета содержит 28 пар характеристик – антонимов, которые опрашиваемые соотносили с образом реального им лично знакомого человека, которого они называли по их мнению счастливым. Выборку исследования составили 131 человек: на I этапе – 51 человек, на II – 80 человек. Возраст опрашиваемых от 20 до 50 лет.

Полученные результаты показали, что при исследовании гендерных особенностей представлений о счастливом человеке у лиц ранней взрослости было выявлено как различия, так и сходства. Представления схожи в понимании счастливого человека как коммуникативной, активной личности, главными качествами которой являются ум, открытость, доброта, любовь, отзывчивость, понимание, ориентированность на оптимистическое восприятие жизни. Наличие креативного подхода к жизненным ситуациям и уверенность в собственных силах помогают достигать целей, но дилетантская позиция в отношении профессии имеет место быть. Отличия заключаются в том, что девушки видят в «счастливце» психологически здорового человека, затрагивают профессиональная, коммуникативная, семейная, эмоциональная, духовная сферы человеческой жизнедеятельности. У юношей же данный «портрет» не был освещен семейными, духовными составляющими.

⁵⁶ Автор выражает признательность доценту, к.пс. н., Купченко В.Е. за руководство научной работой.

Секция «Психология»

При исследовании гендерных особенностей представлений о счастливом человеке у лиц средней зрелости было выявлено, что счастливый человек – это свободный, стремящийся к взаимодействию, открытый, добрый, отзывчивый, оптимистично настроенный и готовый к общению человек. Он профессионал своего дела, успешный, добивается поставленных целей; уделяет внимание физическому благополучию. Семейная сфера является важной областью его жизнедеятельности. Также были выявлены и отличия в представлениях женщин и мужчин: женщины определяли счастливую как духовного человека, мужчины же выбирали другую полярность – бездуховность. Различия заключаются и в отношении позиции «пространственного движения» счастливой человека: для женщин он путешественник, который постигает непознанное, а для мужчин – «домосед», человек, наблюдающий за людьми, событиями из «окна» своего дома.

Для проведения сравнительного анализа гендерных особенностей социальных представлений о счастливом человеке у лиц ранней и средней зрелости мы условно выделили следующие сферы или области, относительно которых были высказаны мнения респондентов: семейная, духовная, профессиональная сферы, коммуникативная активность, позиция в жизни, особенности эмоциональной сферы личности счастливой человека.

Типичным в социальных представлениях о счастливом человеке во всех выборках оказалось представление об активной, социально-ориентированной позиции в жизни счастливой человека, позитивное, оптимистичное восприятие жизни в целом, коммуникативная активность, творчество и любовь.

Было выявлено сходства социальных представлений о счастливом человеке

- по возрасту – сходные позиции в отношении профессиональной сферы, физического здоровья в группах мужчин и женщин, а также одинаковые представления относительно дилетантской позиции в отношении профессии у девушек и юношей;

- по половому аспекту: юноши и мужчины называют счастливой человека бездуховным, девушки и женщины, наоборот, уделяют внимание духовно-нравственному вопросу;

- в эмоциональной сфере по таким характеристикам как эмоциональная уравновешенность в выборках у девушек, женщин и мужчин, и агрессивность и враждебность – в выборках у девушек, юношей и мужчин;

- в семейной сфере - в выборках у девушек, женщин и мужчин.

Раскрытие гендерных и возрастных аспектов счастья предоставляет нам возможность лучше понять представленность в сознании людей образа счастливой человека. А зная к чему молодое и зрелое поколение стремиться, будет понятнее и легче в будущем выяснить пути и стратегии в достижении счастья, что предполагает дальнейшее глубинное исследование проблемы.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья.- СПб.: - Питер, 2003.- 271 с.
2. Воловикова М.И. Первая книга о счастье в отечественной психологии // Психологический журнал, 2002, №3.
3. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004г. - 312с.
4. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. – СПб.: Алетейя, 2001.
5. Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психология личности, 2000. Т. 21, № 2. С. 40-48.
6. Каретко М.А. о счастье // Вопросы психологии, 1992. №1.

Этнопсихологические аспекты отношения к труду студенческой молодежи
Антонова М.В.

Студент

*ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
факультет управления и психологии, Чебоксары, Россия
Iluhasan@bk.ru*

Вопросы, связанные со спецификой национального развития, являются в настоящее время актуальными и, чтобы найти позитивное разрешение возникающих проблем, надо изучить этнокультуральные особенности людей внутри той или иной культуры.

Целью исследования является изучение этнопсихологических аспектов отношения к труду в Чувашии.

В исследовании приняло участие 60 студентов ЧГУ факультета управления и психологии, ЧГСХА экономического факультета 3 курса.

При изучении данной темы использовалась комплексная методика, включающая в себя: наблюдение, анкетирование, анализ научных источников, изучение пословиц и поговорок чувашского народа, тестирование.

Были применены следующие тестовые методики: методика изучения ценностных ориентаций М.Рокича, методика выявления социально-психологических установок «свобода-власть», «труд-деньги», «альтруизм-эгоизм», «процесс-результат». О.Ф.Потемкиной.

Было выявлено, что у студентов чувашской национальности наиболее выраженными социально-психологическими установками являются свобода, труд, деньги, власть, тогда как у представителей татарского этноса на первом месте стоит власть, деньги, труд и свобода.

Основное содержание терминальных ценностей составляют: материально обеспеченная жизнь, общая хорошая обстановка в стране, знание и соблюдение национальных обычаев и традиций; патриотизм.

Наиболее часто студентами обеих групп выбирались такие средства достижения жизненных целей, как: воспитанность независимость, образованность, ответственность, решительность.

В целом выборка, в данном исследовании, молодежи татарского этноса, по сравнению с представителями чувашского, характеризовалась большей направленностью на активную самореализацию, более уверенным поведением и высокими притязаниями, ориентирована на образованность, для них характерна внутренняя мобилизация, большая ориентация на силовые способы разрешения конфликтов.

С помощью ассоциативного эксперимента были выявлены ассоциативные связи с различными понятиями, с культурой чувашского народа.

Среди чуваш подчеркивается трудолюбие, скромность, коллективизм, толерантность, неприязнительность, гостеприимность. Основными чертами чувашского этноменталитета, по мнению респондентов, являются: развитое чувство патриотизма, доверие к своим соотечественникам, признание равенства всех перед законом, приверженность к традициям, неконфликтность и миролюбие.

Прайминг-эффект компьютерных игр

Артемов В.В.

Студент

*Среднерусский университет (Гуманитарно-технологический институт)
г. Обнинск, Россия
E-mail: feodaioi@rambler.ru*

Перед большей частью исследователей уже не стоит вопрос о том, повышают ли сообщения в СМИ, содержащие информацию о насилии, вероятность того, что в дальнейшем уровень агрессии возрастет. Даже кратковременные эффекты могут быть довольно сложными: несомненно, они находятся под влиянием разнообразных

Секция «Психология»

психологических процессов. В современных психологических обзорах о воздействии сцен насилия и агрессии на детей обсуждается понятие прайминг. Центральная идея понятия «прайминга» (от англ. *prime* — заряжать, воспламенять) связана с тем, что при столкновении людей с неким стимулом (или событием), имеющим частное значение, им в голову приходят другие идеи с точно таким же значением. Эти мысли в свою очередь могут активизировать и другие семантически родственные им идеи и даже склонить к действию. Явления подобного рода способствуют агрессивному поведению, которое является результатом просмотра теле- или кинопрограмм со сценами насилия или знакомства с газетными новостями о человеческой жестокости. Люди заражаются агрессивными идеями. Более строго под «праймингом» в современной психологии понимается явление имплицитной памяти, которое представляет собой: либо (а) изменение скорости или точности решения задачи (перцептивной, мыслительной или мнемической), наблюдаемое после предъявления информации, связанной с содержанием или с контекстом этой задачи, но не соотносящейся прямо с ее целью и требованиями, либо (б) повышение вероятности спонтанного воспроизведения этой информации в подходящих условиях. Поскольку прайминг, вне зависимости от намерений человека, может повлиять на решение задачи как положительно, так и отрицательно, этот феномен традиционно относится к классу произвольных и неосознаваемых влияний на решение задач. В исследованиях перцептивного внимания человека прайминг-эффекты используются как инструмент для решения ряда научных проблем. Иными словами прайминг – это вид памяти участвующий в научении способам действия в различных ситуациях.

Актуальным представляется исследовать не только воздействие агрессивных теле-видео сюжетов на младших подростков, но и компьютерных игр с агрессивными сюжетами. Для решения данной задачи было организовано наблюдение за группой младших подростков (десятью мальчиками и пятью девочками 9-10 лет) из частной школы-интерната, регулярно играющими в разнообразные компьютерные игры. Для восьми мальчиков наиболее избираемой была игра «Контр-страйк», популярнейшая «стрелялка» современности. В игре неизменно воспроизводится сюжет войны ФБР с террористами. Юные игроки чаще всего играют роль террористов против более старших товарищей (подростков 12-ти-14-ти лет). При этом, в случае выигрыша часто можно услышать радостный крик младших подростков: «Терроры выиграли!». Следует отметить, что «центром игровой ситуации является роль, которую берет на себя ребенок. Она определяет всю совокупность тех действий, которые в воображаемой ситуации производит ребенок. А роль — это взрослый человек, деятельность которого воссоздает ребенок. Таким образом, предмет деятельности ребенка в игре является взрослый человек — то, что он делает; то, ради чего он это делает; то, в какие отношения он вступает при этом с другими людьми. В этой игре «стрелялке», активизируется агрессия, так как играющие изначально думают, что видят людей, намеренно пытающихся ранить или убить друг друга. Главным мотивом этой игры является получение удовольствия от возможности расправиться со своим врагом. Мальчики играют очень эмоционально, подпрыгивая, реагируя эмоционально-тотально. Игра в «терроров» часто продолжается уже не на компьютере, а в реальности. Двое из мальчиков не любят агрессивных игр и предпочитают различные виды развивающих компьютерных игр, например, шахматы. Следует отметить, что девочек, вообще, не притягивали компьютерные игры. Они посещают компьютерный класс только для того, чтобы выполнить задание по информатике. Меньший интерес к играм у девочек можно объяснить тем, что у мальчиков ярко выражена инструментальная направленность, а у девочек эмоционально-социальная. Девочки предпочитают реальность.

Прайминг-эффект «Контр-страйк» был обнаружен у восьми мальчиков, когда на развивающих занятиях им было предложено нарисовать бабочку своей души. Мальчиками были нарисованы бабочки-террористы и бабочки-бандиты, причем

Секция «Психология»

вооруженные до зубов, чаще всего на скейтбордах, что может свидетельствовать о проекции собственной инструментальной активности на образ бабочек-террористов. Следует отметить, что бабочки-террористы и бабочки-бандиты не имели негативной оценки для их авторов. Воображение подростков удивительным образом склеило впечатления от игры и бабочек, символически продлило удовольствие, полученное от игры. Девочки нарисовали достаточно красочных бабочек – радости, мечты, снов, не привязанных к каким-то компьютерным играм. Один из мальчиков нарисовал бабочку жалости (так он ее назвал), которая летает над полями сражений, а другой бабочку - жизни в коконе. Исследования уровня агрессивности в проективном тесте руки и рисунке «Несуществующего животного» показали чрезвычайно высокий уровень агрессивности и активности подростков, увлеченных «Контр-страйк» Следом за Д.Б.Элькониным, мы приводим цитату из К.Д. Ушинского: «Мы хорошо познакомились бы с душою взрослого человека, если бы могли заглянуть в нее свободно; но в деятельности и словах взрослого нам приходится только угадывать его душу, и мы часто ошибаемся; тогда, как дитя в своих играх обнаруживает без притворства всю свою душевную жизнь» (1950, с. 438). Высоко оценивая значение игры для развития, он отмечал, что «в игре дитя живет, и следы этой жизни глубже остаются в нем, чем следы действительной жизни, в которую он не мог еще войти по сложности ее явлений и интересов. В действительной жизни дитя не более как дитя — существо, не имеющее еще никакой самостоятельности, слепо и беззаботно увлекаемое течением жизни; в игре же дитя — уже зреющий человек, пробует свои силы и самостоятельно распоряжается своими же созданиями».[2]

Появление образа бабочки-террориста может быть объяснено прайминг-эффектом компьютерной игры «Контр-страйк». Следует отметить, что младший подростковый возраст является периодом активной поисковой деятельности подростка по опредмечиванию своих базовых потребностей в социально одобряемом направлении. Возможно, что компьютерные игры вызывают узнавание предмета своей потребности, который моделирует дальнейшее поведение подростков. В случае агрессивных игр происходит латентное научение к реализации действий удовлетворяющих агрессивные потребности и влечения смерти.

Литература

1. Брайнт Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. - М-С.-Пб.: Вильямс.-2004. - С. 232.
2. Эльконин Д.Б. Психология игры. Издательство: Владос, 1999-С. 254

Российская идентичность и способы ее формирования

Артемова Е.Н.

Студентка факультета педагогики и методики начального образования

Набережночелнинский государственный педагогический институт,

Набережные Челны, Россия

E-mail: Katya1102@yandex.ru

Актуальность исследования российской идентичности обусловлена низким уровнем гражданского самосознания в обществе. Отсутствие единой, российской системы ценностей влечет за собой снижение уровня культуры и нравственности в целом.

В исследованиях последних 20 лет в области социологии одним из наиболее популярных вопросов является кризис российской идентичности. По расчетам Г.С. Батыгина, в 1990-е годы по теме "российская идентичность" в России опубликовано около 1500 книг и 3 тыс. статей.

Как отмечают исследователи кризис идентичности возникает тогда, когда социально-структурные и этнические различия становятся препятствием на пути общенационального объединения и идентификации с определенной политической системой [5]. Поэтому

Секция «Психология»

сегодня и ведется поиск некой интегративной идеологии для России, в который включился было даже президент страны. Как отмечает М.В. Ильин: «...попытки российских властей дать заказ на государственную идеологию вызваны, вероятно, неспособностью отринуть идеократические привычки и предрассудки» [6].

Неслучайно поиск российской идентичности неразрывно сплетен с проблемой «Россия и Запад», ведь именно «Запад» был в новое время тем «значимым Другим», противостояние и диалог с которым играли и играют решающую роль в определении национальной идентичности, поиске направления и содержания развития страны. Конечно же, речь идет не о реальном Западе, а скорее о «мифе Запада» или ментальном образе Запада, олицетворения и символы которого для русских в разные исторические эпохи были различными.

Таким образом, не преувеличивая, можно сказать, что «Запад» — это навязчивая идея России, а «миф Запада» — одна из констант российской традиции. «Наша страна не просто испытывает на себе влияние Запада. Запад и Россия возникли в качестве цивилизаций как результат прививки на разные этнические основы одного культурного черенка. Их развитие происходило не рядом, а параллельно. Поэтому развитие России по-особенному, внутренне, а не внешне, связано с развитием Запада».[8, с.53]

И все же, поиск в научной литературе определения «российская идентичность» не дал ожидаемых результатов. Исследователи в области социологии и психологии так и не пришли к единому мнению, что такое «российская идентичность» и каким содержанием стоит ее наполнить. Дискуссии на эту тему представляют собой рассуждения о том, какой идеологии следует придерживаться России в своем дальнейшем развитии, упуская при этом важный психологический аспект. Не имея под собой твердой почвы, система ценностей в российском обществе нивелируется и исчезает как феномен. Уровень гражданского самосознания неотвратимо снижается, что приводит к отсутствию ключевых жизненных ориентиров и нежеланию жить во благо Родины.

Российская идентичность на наш взгляд представляет собой осознание гражданином России себя как полноценного члена российского общества. Рядовые граждане Российской Федерации зачастую считают себя непричастными, бессильными в оказании любого влияния на процессы, происходящие в обществе. Так происходит снятие с себя лично ответственности за судьбу российского народа в целом и свою в частности. Наше исследование направлено на изучение психологических и педагогических аспектов формирования российской идентичности средствами гражданско-патриотического воспитания. Анализ российской системы воспитания показал, что наиболее эффективным средством в данном случае будет являться внедрение культурных образцов, характерных для российской системы ценностей, в процессы воспитания и обучения.

Литература

1. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.» (№ 422 от 11.06.2005).
2. Минимальный социальный стандарт оказания социальных услуг по воспитанию в образовательных учреждениях общего образования (Министерство образования РФ от 15.12.2002 № 30-51-914/16).
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года, (Правительство РФ № 1756-р от 29.12.2001 г.).
4. Государственный стандарт общего образования.
5. Введение в политологию: Словарь-справочник / Под ред. В.П. Пугачева. М., 1996
6. Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997
7. Малинкин А.Н. Патриотизм и социальные общности // Социологический журнал. N 1999. 3/4.

8. Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый путь?) // Полис. 2001, № 1.

Позитивная этническая идентичность в структуре индивидуальности у студентов начального и завершающего этапа обучения в Вузе

Асланова Д.Т.

соискатель

*ГОУ ВПО Ставропольский государственный университет, факультет психологии, г. Ставрополь, Россия
k-psyho-soc@mail.ru*

Приобщение студентов к традиционной культуре своего и других этносов, проживающих на одной территории, является важнейшей гуманистической задачей, основой стабилизации полиэтнического, поликультурного общества. Высшее образование, способствующее развитию когнитивных, социальных, эмоциональных характеристик личности, не может оставаться в стороне от происходящих в обществе событий. Напротив, как показывает опыт многих стран, переживших этнические конфликты, вузы иногда остаются единственными структурами, в которых проводится целенаправленная объединяющая и миротворческая политика. Образование может помочь обществу сформировать у молодежи гуманную модель поведения и отношения к людям других наций. В образовании можно найти эффективные способы смягчения межнациональных конфликтов, применимые в различных социальных сферах. Поэтому изучение взаимосвязи особенностей индивидуальности и выраженности позитивной этнической идентичности в условиях полиэтничной образовательной среды является актуальной научной проблемой в современных условиях развития социума. Особенно актуально это исследование в таком регионе, как Северный Кавказ, где проживает свыше 100 народов и этносов, говорящих на языках трех лингвистических семей: кавказской, индоевропейской и алтайской.

Выраженность этнической идентичности изучалась в Ставропольском государственном университете на двух выборках испытуемых – студентах факультета психологии – на первом курсе (46 человек) в возрасте 17-18 лет и четвертом курсе (30 человек) в возрасте 20-21 года. В исследовании использовались методы: опросник «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова), методика «Личностная готовность к переменам» (PCRS) разработанная канадскими учеными Ролником, Хезером, Голдом и Халом, методика «Толерантность к неопределенности» предложенная американским психологом С. Баднером (Budner, 1982).

Результаты факторного анализа. На выборке студентов первого курса с низким уровнем позитивной этнической идентичности обнаружены два значимых фактора: фактор 1 - «Активность», на положительном полюсе фактора располагаются следующие показатели: смелость (0.89), страстность (0.78), оптимизм (0.40). На отрицательном полюсе – этноэгоизм (-0.40), этноизоляционизм (-0.43). Фактор 2 – «Сила этнического Я», на положительном полюсе фактора располагаются следующие показатели: уверенность (0.33), этноэгоизм (0.42), а на отрицательном – адаптивность (-0.93).

У студентов первого курса с высоким уровнем позитивной этнической идентичности, выделены также два значимых фактора: фактор 1 – «Сила Я», на положительном полюсе которого располагаются показатели: оптимизм (0.43), уверенность (0.48). А на отрицательном полюсе – этноизоляционизм (-0.72), этноэгоизм (-0.99). Фактор 2 - «Адаптивность», на положительном полюсе располагаются такие показатели как смелость (0.61), находчивость (0.61), толерантность к двусмысленности (0.40). Обнаруженные данные позволяют отметить тот факт, что респонденты с низким уровнем позитивной этнической идентичности характеризуются высокой активностью, оптимизмом и отрицанием ценностей этноизоляционизма, при этом силой «этнического Я» и

Секция «Психология»

склонностью к неадаптивным формам поведения. Респонденты с высоким уровнем позитивной этнической идентичности обладают более выраженными показателями «Силы Я» - оптимизмом, уверенностью в собственных силах и отрицанием ценностей этноэгоизма, при этом для них характерно преобладание адаптивных форм поведения – фактор 2 - «Адаптивность», где показатели - смелость, находчивость, толерантность к двусмысленности имеют наибольшие факторные веса.

Результаты факторного анализа у студентов четвертого курса в зависимости от выраженности позитивной этнической идентичности обнаруживают следующие особенности. У студентов с низким уровнем позитивной этнической идентичности выделен один значимый фактор - фактор – «Самообладание», на положительном полюсе которого находятся такие показатели как: адаптивность (0.49), толерантность к двусмысленности (0.41), смелость (0.25). На отрицательном полюсе располагается страстность (-0.51).

У студентов с высоким уровнем позитивной этнической идентичности выделены два значимых фактора: фактор 1 – «Сила Я», на положительном полюсе два показателя: смелость (0.95) и толерантность к неопределенности (0.63) и фактор 2 – «Сила этнического Я, этноцентризм», на положительном полюсе которого располагаются оптимизм (0.69), адаптивность (0.75) и этноэгоизм (0.45). На отрицательном полюсе – индифферентная этническая идентичность (-0.48), этнонигилизм (-0.40) и национальный фанатизм (-0.45). Данные, полученные на указанных выборках свидетельствуют о том, что респонденты с низким уровнем позитивной этнической идентичности на завершающем этапе обучения характеризуются наличием способности к саморегуляции, самообладанию, толерантностью к двусмысленности в отличие от студентов первого курса с аналогичной выраженностью этнической идентичности. У респондентов с высоким уровнем позитивной этнической идентичности на завершающем этапе обучения преобладают показатели силы Я, а также силы этнического Я, которое связано, в данном случае, не только с адаптивностью, как это было обнаружено у студентов на первом курсе, но и с этноцентризмом (что подтверждает противопоставление показателю – этнонигилизм). При этом, именно, у студентов с высоким уровнем позитивной этнической идентичности подчеркивается противопоставление оптимизма, адаптивности и национального фанатизма, что говорит о том, что обучение в Вузе, в полиэтничной среде, способно формировать не только позитивную этническую идентичность и осознание ценностей собственного этноса, но расширять рефлексивные возможности студентов, проявляющиеся в сочетании ценностей адаптации и силы этнического Я, в противовес идеалам этнонигилизма и национального фанатизма.

Некоторые личностные аспекты социальной креативности

Банюхова А.Е.

Аспирантка

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

E-mail: banyuhova@gmail.com

Данная работа посвящена изучению наиболее противоречивого феномена психологической науки и практики – креативности личности. На сегодняшний день не существует единого подхода к понятию креативности. Все большее распространение получает комплексный взгляд на креативность: рассматривается функциональная структура взаимодействующих когнитивных и личностных составляющих творческой личности, а также взаимозависимость индивида и его окружения на протяжении всего процесса творческой деятельности. Следовательно, творческий потенциал человека должен проявляться не только в предметной сфере, но и в сфере общения, межличностного взаимодействия. Таким образом, в последнее десятилетие выделяются интеллектуальная и социальная разновидности креативности. Рассмотрев существующие

Секция «Психология»

эмпирические исследования по данной проблеме (А.А. Попель, Г.В. Сорокоумова, Н.А. Тюрмина, С.Ю. Канн), мы определяем социальную креативность как комплексное качество личности, позволяющее понимать и анализировать причины и динамику различных социальных ситуаций, а также принимать эффективные, творческие, нестандартные решения ситуаций межличностного взаимодействия.

На данном этапе феномен социальной креативности находится на стадии разработки, делаются попытки описать психологическую структуру коммуникативной креативности, разработать методику диагностики и развивающей программы. Главный отличительный признак социальной креативности заключается в следующем. В интеллектуальном творчестве объектом является предмет, и процесс творчества разворачивается по схеме «человек-предмет». А в социальном – объектом является человек, и здесь процесс творчества проявляется в сфере «человек-человек».

Целью нашего исследования является обнаружение личностных коррелятов социальной креативности. В соответствии с принципом системности любое психологическое явление целесообразно рассматривать в комплексе с другими психологическими свойствами. Таким образом, для изучения концепта социальной креативности нами были выбраны следующие: предметная креативность, социальный интеллект, эмпатия и самоактуализация.

Дополнительно к батарее методик нами было разработано и проведено задание творческого характера, которое позволило оценить содержательный аспект проявления изучаемого феномена. В данном задании предлагалось в свободной форме ответить на три вопроса, касающиеся проявления одного свойства личности, в качестве которого было выбрано «упрямство». Необходимо было перечислить признаки, по которым можно распознать упрямого человека, а также перечислить ситуации, в которых данное качество будет полезно и может навредить. Ответы оценивались по десятибалльной шкале по выраженности следующих параметров: беглость, оригинальность, разработанность, узость-широта. Данные параметры были условно сгруппированы в общий фактор «социальная проницательность», который также учитывался при анализе результатов.

Исследование проводилось среди студентов I курса технических специальностей Новосибирского государственного технического университета. Общий объем выборки составил 160 человек.

Методики исследования: ассоциативный тест С. Медника для выявления уровня вербальной креативности; самоактуализационный тест («САМОАЛ») Н.Ф. Калиной; тест В.В. Бойко для определения уровня эмпатии; тест Дж. Гилфорда и М. Салливена «Диагностика социального интеллекта». Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи коэффициента корреляции Пирсона.

Отметим основные результаты исследования. Было получено, что социальная проницательность имеет прямую взаимосвязь с показателями социального интеллекта. ($p < 0,05$) Лица с высоким социальным интеллектом способны извлечь максимум информации о поведении людей, понимать язык невербального общения, высказывать быстрые и точные суждения о людях, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с другими, что способствует их успешной социальной адаптации. Данная взаимосвязь показывает, что наличие социального опыта, отражающегося в уровне социального интеллекта, дает основу для проявления новых оригинальных способов действий и суждений, а также позволяет в конкретной социальной ситуации выносить достаточно большое количество подходящих, эффективных и нестандартных решений. В дополнение к вышесказанному хочется отметить обнаруженную взаимосвязь социальной проницательности и вербальной креативности по тесту С.Медника ($p < 0,05$).

Также параметр «социальный интеллект» имеет прямую взаимосвязь с самоактуализацией ($p < 0,05$) личности и эмпатией ($p < 0,05$). Таким образом, можно констатировать, что успех в ситуациях межличностного взаимодействия наряду с другими

Секция «Психология»

факторами является неременным условием самоактуализации человека. Причем успех может обеспечиваться умением поставить себя на место другого, понять его эмоциональное состояние, что позволяет создавать атмосферу открытости и доверительности.

В виду ограниченности объема данной работы невозможно описать все полученные результаты. Также необходимо отметить, что обработка эмпирического материала на данный момент продолжается. Однако уже сейчас есть основания полагать, что феномен социальной креативности взаимосвязан со многими психологическими структурами личности, что создает необходимость комплексного изучения и построения системной модели.

Виртуальная коммуникация: функциональный аспект

Баранов А.Б.

аспирант

*Волгоградский Государственный Университет,
факультет философии и социальных технологий, Волгоград, Россия*

E-mail: Winzor@inbox.ru

Современные, телекоммуникационные технологии и, в первую очередь, - глобальная компьютерная сеть Интернет, являются одним из наиболее важных факторов в развитии мирового сообщества, оказывающим решающее воздействие на общественную, политическую, экономическую и социокультурную сферы.

Процесс виртуализации, возникший из-за внедрения новых виртуальных технологий, породил киберпространство, которое изменило саму реальность, раздвоив её на объективную реальность, ограниченную многими факторами и, виртуальную, неограниченную ничем, кроме несовершенства технологий или собственного воображения¹.

Под «виртуальной реальностью» подразумевается реальность, отличная от действительного, материального мира, основой которой являются нематериальные понятия - информация, мысли и образы. Основное выражение, определяющее весь смысл виртуальной реальности - это «ощущение присутствия» в виртуальном мире. Определяя виртуальную реальность таким образом, можно будет отказаться от привязанности к компьютерным технологиям и остановиться на рассмотрении самого человека².

Виртуальной коммуникации присущи такие характеристики, как опосредованность, интерактивность, дистантность, глобальный кросс-культурный характер, в большинстве случаев - анонимность участников, широкие возможности для конструирования личностной и социальной идентичности, отсутствие статусной иерархии, внеинституциональность, неразвитость и неопределенность социальных норм (в том числе - правовых и нравственных), маргинализация и карнавализация коммуникационных процессов³.

Коммуникационные виртуальные технологии выполняют несколько функций. Прежде всего, это удовлетворение потребностей в информации, потому что Всемирная

Сеть, это, прежде всего, огромное информационное пространство, в котором осуществляется поиск, хранение, передача информации; функция коммуникации - Виртуальные компьютерные технологии позволяют сегодня общаться на больших расстояниях, в реальном времени и с отсрочкой во времени; репрезентативная - позволяет представлять результаты какой-либо своей работы и мыслительной деятельности;

Секция «Психология»

саморепрезентативная - дает возможность создавать свои личные профили, помещать там свои личные фотографии, комментарии, вести личный дневник, рассказывать о себе; аффективная - общение по средствам удалённой коммуникации, несмотря на некоторую упрощенность, по сравнению с межличностным общением, так же окрашено эмоционально и, также влияет на эмоциональный фон коммуникантов. Предполагается, что каждая предыдущая функция входит в состав каждой последующей, занимая соответствующее место в иерархии функций.

Кроме того, общение в Виртуальном пространстве, так как общение происходит по средствам считывания печатных знаков с экрана, сопровождается постоянным диалогом с самим собой – считываемая информация интериорезируется внутренней речью и проговаривается, анализируется, а затем экстериорезируется по средствам тех же печатных символов.

Также, в процесс виртуальной коммуникации включен социально-психологический контекст. Всемирная сеть Интернет предоставляет ряд уникальных сервисов, таких как: голосовое общение (Skype), текстовое общение (клиенты мгновенных сообщений, электронная почта), а также возможно репрезентировать свою личность в сети («Одноклассники», «В Контакте», «My Space»). Последний способ не только позволяет рассказывать о себе, изменениях своего, например, социального, профессионального статусов, заводить новые знакомства, которые могут не ограничиваются пределом одного города. Поиск может быть ограничен лишь фантазией ищущего и ограниченностью тех языков, которыми он владеет.

Считываемая информация интериорезируется внутренней речью и проговаривается, анализируется, а затем экстериорезируется по средствам тех же печатных символов.

Несмотря на то, что процесс виртуальной коммуникации может быть ограничен текстом, звуком, заменителями невербальной коммуникации – смайликами (эматиконами), реже когда видео конференцией, популярность предоставляемых услуг всё равно увеличивается. Справедливо утверждение о том, что использование репрезентативных виртуальных сервисов может быть продиктовано не только потребностью в общении, но и сопровождаться такими социально-психологическими характеристиками как «мода», «поднятие своего статуса в глазах других», «быть замеченным или даже знаменитым» в кругу своих приятелей.

У некоторых пользователей наблюдается зависимость от того, сколько и как им образом прокомментировали те фотографии, которые они разместили на своей странице.

Таким образом, компьютеры и киберпространство в каком-то смысле можно рассматривать как тип «промежуточного пространства» (transitional space), расширяющего внутренний психический мир человека. Это состояние может настолько захватывать, что временами происходит растворение собственного «Я»⁴. Можно также предположить, что использование электронного квазиобщения, несмотря на свою мобильность и возможность постоянного доступа, подразумевает под собой некоторую отчужденность самих субъектов по общению. Получается несколько парадоксальная ситуация – чем ближе мы становимся благодаря новейшим телекоммуникационным разработкам в общении, тем дальше нам приходится быть во внутриличностном аспекте.

Литература

1. Говорухина М.Ю. (2004) Виртуализация современного мира: раздвоение реальности, <http://www.ict.edu.ru/ft/004097/govor.pdf>
2. Дмитрий Репкин. Виртуальная Реальность www.really.ru/vr.html
3. Малькова Е.Ю. Этические проблемы виртуальной коммуникации: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.05 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена
4. John Suler (1999) The Psychology of Cyberspace. www.rider.edu/suler/psycyber/psycyber.html

Восприятие физической привлекательности, как фактор аттракции мужчин к женщинам

Бастракова А.С.

Студентка

*Киевский Национальный Университет им. Тараса Шевченка, факультет психологии,
Киев, Украина*

E-mail:bastra4ok@mail.ru

Человек – это социальное создание, поэтому не удивительно, что мы стремимся взаимодействовать друг с другом, устанавливать дружеские или любовные отношения, создавать семейные пары.

С детства нам пытаются объяснить, что «внешность обманчива» и что «не следует оценивать книжку по ее обложке». Но если мы придем к выводу, что внешность для нас ничего не значит, мы будем отрицать реальное влияние, которому поддаемся. Многие исследования, проведенные за границей, подтверждают, что внешность, на самом деле, имеет большое значение. Привлекательная внешность – очень ценное качество. Внешний облик человека и принадлежность к определенному полу - самые очевидные и доступные признаки в социальном взаимодействии. Вот почему психология содержит многочисленные теоремы, которые позволяют предвидеть характер человека и его личность через изучение внешности.

Считается, что красивые люди владеют и привлекательными для нас чертами характера. Эти представления дают возможность говорить про стереотип физической привлекательности: что красивое – то и хорошее. В стереотипе физической привлекательности есть доля истины. Дети и молодые люди с привлекательной внешностью более уравновешенные, общительнее и лучше ведут себя в обществе. Красивых людей ценят и любят и, поэтому у многих из них есть все основания для того, чтобы быть уверенными в себе.

Но, не смотря на то, что привлекательность имеет большое значение, она далеко не всегда может заслонить другие человеческие качества. Привлекательность, в первую очередь, влияет на первое впечатление. Первые впечатления важны и приобретают особо большее значение, по мере того, как общество становится все более мобильным и урбанизованным и по мере того, как общение людей становится более скоротечным. Так при приеме на работу, в первую очередь, обращают внимание на ухоженность внешности претендентов. Это позволяет объяснить, почему привлекательные люди имеют престижную работу, больше зарабатывают и чаще признают себя счастливыми.

Внешность играет значительную роль в формировании самооценки человека и его восприятии окружающими. Если самооценка по параметру привлекательности занижена, человек стремится всевозможными способами исправить это, но не всегда эти способы верны. Часто это приводит к неврозам и заболеваниям (булимия и анорексия). Чаще такими видами заболеваний страдают женщины, так как именно женщины в большей степени недовольны своей внешностью. Это объясняется существованием гендерных особенностей в восприятии внешней привлекательности. Философ Бертан Рассел считает, что: « в целом женщины любят мужчин за характер, тогда как мужчины склонны любить женщин за внешность».

В соответствии с вышесказанным, необходимо особое внимание обратить на физическую привлекательность как фактор формирования аттракции мужчин к женщинам. А особенно на роль восприятия отдельных характеристик внешности женщины в формировании аттракции к ней со стороны мужчины. Это позволит подтвердить или развеять еще один феномен, связанный с внешней привлекательностью - эффект «ореола»: оценка целостного внешнего образа влияет на оценку отдельных характеристик.

Литература

1. Майерс Д. (2005) Изучаем социальную психологию. СПб.: Питер, стр.599 .
2. Gross, A. J., & Crofton, C. (1977). What is good is beautiful // *Sociometry*. p. 492
3. Hatfield , E., Aronson, V., Abrahams, D., & Rottman, L. (1966) [The importance of physical attractiveness in dating behavior](#) // *Journal of Personality and Social Psychology*, №4, p.508-516.
4. Jacobs, L., Berscheid, E., & Hatfield, E. (1971) [Self-esteem and attraction](#) // *Journal of Personality and Social Psychology*, №17, p. 84-91.
5. Dion, K., Berscheid, E., & Hatfield, E. (1972) [What is beautiful is good](#) // *Journal of Personality and Social Psychology*, №24, p. 285-290.

Представления эмоционально позитивной и негативной социальной рекламе на примере информационных программ по безопасности дорожного движения у водителей и пешеходов

Батаева А.С.

Студентка факультета психологии

Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

alenabataeva@mail.ru

Социальная реклама представляет собой вид коммуникации, направленный на мобилизацию сил общества для решения социально значимых проблем и духовно-нравственного развития его членов. Однако сфере социальной рекламы существует множество проблем, это и неготовность аудитории, и нехватка финансирования, и несистематичность реализации проектов, и недостаток теоретических и эмпирических исследований в этой сфере, и многое другое.

В современной социальной рекламе выделяется два основных направления: эмоционально позитивная реклама и «шоковая», эмоционально негативная. Приверженцы позитивного направления считают, что социальная реклама, прежде всего, должна демонстрировать позитивные образцы поведения, сторонники «шоковой» рекламы, полагают, что для эффективного воздействия аудиторию необходимо напугать мрачными перспективами.

Мы поставили вопрос о том, какой из этих видов социальной рекламы обладает наибольшим потенциалом воздействия через соответствие представлениям об идеальной социальной рекламе, на примере представлений водителей об информационных программах по безопасности дорожного движения. Так как одним из наиболее актуальных и развитых в нашей стране видов социальной рекламы являются информационные программы по безопасности дорожного движения.

Нами были сформированы две группы испытуемых: водители и контрольная группа лиц без опыта вождения автомобиля. Им было предложено оценить предоставленные образцы социальной рекламы с ярко выраженной позитивной либо негативной эмоциональной окраской, а также образ идеальной социальной рекламы.

Проведенное исследование показало, что и водители, и пешеходы склонны оценивать эмоционально позитивную социальную рекламу как более близкую к идеальной по ряду характеристик. Однако, в целом, пешеходами позитивная реклама оценивается несколько ниже, чем водителями, а негативная – выше.

Таким образом, мы рекомендуем для создания и развития информационных программ по безопасности дорожного движения использовать эмоционально позитивные рекламные сообщения. Эмоционально негативная социальная реклама высоко оценивается лишь немногими людьми, что обусловлено действием защитных механизмов, которые являются реакцией на агрессивное воздействие и не позволяют аудитории воспринимать такое сообщение в полной мере.

Литература

1. Балашова Алла, Вайнер Владимир. «Социальная реклама – когда прибыль больше, чем деньги!» // http://www.socreklama.ru/sr_article.php?arti_id=53
2. Евсина Наталья, Нефедова Алина, Панова Елизавета, Яблочкина Софья. «Социальная реклама как основа развития современной общественной жизни: история вопроса, законодательная база, сценарно-прогнозные условия развития» // http://www.socreklama.ru/sr_article.php?arti_id=52
3. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
4. Разбегин Ю.В. «Оценка эффективности влияния социальной рекламы на общественное сознание» // http://www.socreklama.ru/sr_article.php?arti_id=159
5. Ученова В.В. Старых Н.В. История рекламы. 2-е издание. – СПб.: Питер, 2003.

Гендерные различия восприятия современных проблем толерантности в юности

Белюсева Ю.С.

Студент

*Великолукская государственная академия физической культуры и спорта
itar69.69@mail.ru*

Развитие толерантности является одной из центральных проблем адаптации человека в условиях участвовавших межнациональных, межличностных конфликтов в российском обществе. Для того, что повысить уровень толерантности в обществе необходимо сначала изменить в сознании само понимание толерантности и специфики ее проблем. Исходя из этого, целью нашего исследования стало изучение гендерных особенностей взгляда на проблемы терпимости в юности.

В ходе исследования применялся «Вопросник С. Бэм по изучению маскулинности/фемининности» и анкетирование. Достоверность различий была выявлена с помощью Н критерия Крускала-Уоллеса.

Достоверно различно мнение представителей разных гендеров о сущности понятия терпимость ($p < 0,05$). Так 100% фемининных респондентов уверены, что терпимость является результатом воспитания, тогда как этого же мнения придерживаются 64% андрогинных и лишь 20% маскулинных представителей выборки. 40% представителей маскулинного и 28% андрогинного гендера определяют это понятие, как поведенческую реакцию, зависящую от личностных особенностей. При этом 40% же маскулинных и лишь 8% андрогинных респондентов считают толерантность врожденным свойством психики. Таким образом, определенная часть выборки считает толерантность качеством приобретённым от рождения и соответственно неподвластным изменениям. Необходимо изменить в сознании юношества, что толерантность не может быть обусловлена только биологически и родившегося нетерпимым человека, уже невозможно «переделать». Воспитание таких качеств, как принятие, эмпатия, доброжелательность, тактичность, чувство юмора и собственного достоинства, которые изменяют, в том числе и личностные особенности, способствует постепенному познанию иных взглядов, обычаев, точек зрения, а значит и повышению толерантности.

Также были выявлены достоверные гендерные различия ($p < 0,05$) по вопросу «Что на ваш взгляд важнее всего в проявлении человеком терпимого отношения к другим людям?». По мнению 40% представителей фемининной выборки в основе терпимости лежит мотивация согласия, 30% - устойчивая психика и 20% - духовность. Навыки общения в этой группе респондентов никто не назвал самыми важными. Среди представителей же маскулинного гендера достоверно чаще считается наиболее важным фактором терпимости устойчивая психика (60%) и навыки общения (40%). У представителей андрогинного гендера мнения по предложенным показателям распределились почти равномерно.

Мы предполагаем, что это связано с преобладанием у маскулинного гендера таких черт, как напористость, прямота и склонность защищать свои взгляды, поэтому для

Секция «Психология»

проявления терпимости они считают важным сдерживать свои эмоции. Наличие же женственных качеств, как умение уступать, сочувствовать, мягкость способствует восприятию терпимости как баланса устойчивости психики, мотивации согласия и духовности.

Большее половины фемининных студентов считают, что развитию терпимости в большей степени мешают такие факторы, как расслоение общества, преступность и насилие, наличие социальной несправедливости и собственных проблем. Маскулинные и андрогинные респонденты наряду с этими же показателями, считают также препятствующим фактором вседозволенность. При этом маскулинные в 60% случаев выделяют как препятствие, различия между людьми, что в 3 раза чаще, чем андрогинные и фемининные респонденты.

Изучение гендерных особенностей восприятия перспективы проблем толерантности показало, что 60% представителей фемининного гендера считают, что в ближайшее время ситуация ухудшится и лишь 10% надеются на ее улучшение. По сравнению с маскулиным гендером эти показатели достоверно различаются ($p < 0,05$). 40% маскулинных респондентов верит в улучшение ситуации и 40% считает, что она ухудшится. Среди респондентов андрогинного гендера мнения по данному вопросу распределились в почти равном процентном соотношении.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о наличии гендерных различий, как в определении сущности понятия толерантности, так и в восприятии специфики ее проблем. На наш взгляд эти различия в большей степени связаны с преобладанием тех или иных мужественных и женственных качеств характера в зависимости от гендерной принадлежности. В то же время следует уделить особое внимание тому факту, что значительная часть исследуемой выборки не верит в возможность повышения уровня толерантности в обществе в ближайшее время, и это может значительно тормозить развитие толерантных отношений с окружающими.

Мотивационно-ценностная сфера личности, подверженность внушению: применение в социальной рекламе.

Беляева Е.В.

Студент

*Волгоградская академия государственной службы, факультет государственного и муниципального управления, Волгоград, Россия
B-Elena@list.ru*

В настоящее время в России много внимания уделяется вопросам места и роли социальной рекламы в жизни общества. Необходимость решения социальных проблем в стране повышает значимость данного вида рекламы и ставит задачи ее дальнейшего развития. Однако сейчас имеется очень мало данных, касающихся социальной рекламы, особенно, по сравнению с коммерческой, несмотря на то, что социально направленная реклама является общественно значимой и востребованной.

Психологическая проблематика изучения восприятия социальной рекламы является новой и малоизученной, хотя и имеет прочные корни в психологии восприятия и сознания. В настоящий момент эта проблема является актуальной, поскольку социальная реклама стала неотъемлемой и необходимой частью жизни современного общества.

Остро стоит проблема методики создания и эффективности социальной рекламы. Во-первых, серьезных исследований по этой проблематике на сегодняшний день мало. В основном все исследования эффективности рекламы посвящены рекламе коммерческой. Социальная реклама чаще ориентирована на широкий охват аудитории, на массовое сознание, толпу, человека массы. Однако чтобы быть успешным, она должна носить адресный характер.

Секция «Психология»

Говоря о психологических аспектах социальной рекламы, необходимо рассмотреть такое важное и распространенное явление в современной рекламе как внушение. Оно осуществляется зачастую на подсознательном уровне. Степень внушения зависит, во-первых, от качества рекламного продукта (субъекта внушения). Если при этом он ориентирован на актуальные мотивы адресата, эффективность влияния во много раз увеличивается. Во-вторых, от объекта внушения - потребителя рекламного предложения, его состояния в определенный момент, его личностных характеристик, т.е. от его подверженности внушению. Разные люди обладают разной степенью внушаемости, уровнем восприимчивости к внушению, субъективной готовностью испытать внушающее воздействие и подчиниться ему.

В данной работе мы бы хотели сделать шаг к разработке эффективной социальной рекламы. При ее создании необходимо учитывать значимые мотивы аудитории, чтобы оказать наиболее плодотворное воздействие. Так для создания рекламы, ориентирующей на семейные ценности, необходимо определить ведущие мотивы населения, на которого она рассчитана (женщины и мужчины 18-30 лет).

В ходе работы была изучена мотивационная структура молодых людей, а также место в ней семейных ценностей и их содержательная направленность. Также сделана попытка выявить связь структуры мотивации со степенью подверженности внушению.

Применялись следующие методы: методика «Незаконченное предложение», психосемантическая диагностика скрытой мотивации (ПДСМ) И.Л.Соломина, которая включает модифицированный вариант метода семантического дифференциала Ч.Осгуда и методику цветowych метафор, диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С.Бубнова, метод сравнения парных таблиц Л.Н.Собчик. Результаты были обработаны при помощи SPSS.

Исследование проходило в несколько этапов. Первый состоял в определении целей и задач работы, программы и методики, проведении исследования для выявления понятий ассоциирующихся у молодых людей с семьей (контент-анализ результатов методики «Незаконченное предложение»). В итоге были выделены понятия, включенные в методику при дальнейшей работе. Второй этап представлял собой исследование методом семантического дифференциала мотивационной структуры. Проведён анализ мотивов и их связь с семейными ценностями. На третьем этапе происходило изучение внушаемости. В ходе четвертого этапа был проведён анализ полученных результатов исследования, сформулированы теоретические выводы и практические рекомендации.

В ходе работы было выявлено, что восприятие семьи у молодых людей позитивно эмоционально окрашено и ассоциируется с друзьями и близкими. В семье им важно находить возможности взаимного творчества, открытия нового, занятия интересным делом. Таким образом, в рекламе должны быть отражены дружеские, доверительные отношения между супругами, которые совместно занимаются интересным делом, открывают что-то новое, занимаются творчеством. Т.е., семья для молодого поколения - это возможность совместного развития и раскрытия потенциала. Привлекает молодых людей связанная с семьей защищенность, спокойствие, получение положительных эмоций.

Самым важным оказалось признание и уважение окружающих. Можно предположить, что реклама, в которой показывается социальная привлекательность человека, имеющего семью, будет более продуктивна. Связи между внушаемостью и мотивационными компонентами выявлено не было.

Исследование ориентировано на дальнейшую работу в данном направлении. Зная особенности мотивов и ценностей, которые связаны у молодежи с семьей, мы можем попытаться создать более эффективное рекламное предложение социальной направленности: в ролике должны быть отражены дружеские, доверительные отношения между супругами, которые совместно занимаются интересным времяпровождением, открывают что-то новое, занимаются творчеством.

Проведенное исследование затрагивало как сферу сознательного, так и неосознанного испытуемыми. В дальнейшем мы попытаемся изучить возможности воздействия на подсознательное, изучив восприятие респондентами символов семьи, брака, рождения и т.д. Использование при создании рекламы, например, образов луга, ручья, горы, плодоносящего дерева, вазы, козы, пещеры, дома и др. в сочетании с определенным контекстом сделают ее намного эффективнее простого призыва создавать семьи.

Литература

1. Архангельский В.Н. Взаимоотношения в современной российской семье // Народонаселение. – 2002. - № 2
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Знамя, 2000. – 672 с.
3. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. – СПб.: Питер, 2005. – 377 с.
4. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М.: Вятка, 1998. – 468 с.
5. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учебное пособие для студ. высш. учеб. Заведений / Под ред. Е.Г. Силаевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 192 с.
6. Самойлова П. Трудности русского перевода или особенности отечественной социальной рекламы // Солидарность. – 2005. - № 3.- С.114-120.
7. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию.- СПб.: Речь, 2002.-256с.
8. Чебурашкина Е. Роль социальной рекламы в современном обществе. Анализ российского опыта. // http://socreklama.ru/sr_article.php?arti_id=115
9. Щирков Ю.Э. Практические направления социально-психологических работ в области рекламы // Введение в практическую социальную психологию: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Ю.М.Жукова, Л.А.Петровской, О.В.Соловьевой.- М.: Наука, 1994.- С. 127-136.

Экспертиза сайтов как современный подход в исследовании восприятия бренда

Бунеева М.В.

Студентка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

психологический факультет, Москва, Россия

E-mail: mr-vr@mail.ru

Развитие интернет-пространства в настоящее время оказывает существенное влияние на брендинг, предлагая для него новые стратегические возможности. Интернет представляет собой высокоэффективный коммуникативный канал, позволяющий в режиме реального времени осуществлять мониторинг бренда, отслеживать показатели посещаемости сайтов, динамику потребительской аудитории, число совершаемых покупок, а также способствует быстрому развитию компаний и их брендов в глобальной экономике.

Активное внедрение интернет-технологий в брендинг требует от руководства компаний грамотных стратегических действий и обоснованности оперативных и тактических мероприятий. Процесс формирования новых брендов в сети затруднен в силу лавинообразного нарастания количества сайтов и децентрализованной системы управления информационными потоками в интернете. Только успешная интернет-маркетинговая политика может способствовать новой, виртуальной жизни всемирных брендов.

Развитие брендов в глобальной сети основано на формировании позитивного опыта их взаимодействия с потребителями. Таким образом, для усиления лояльности к бренду, необходимо постоянно следить за собственным сайтом, который должен учитывать психологические особенности потребителей. Сайт должен соответствовать таким аспектам как: удобная система навигации по сайту; формирование адекватного

Секция «Психология»

потребительским предпочтениям содержания сайта; персонализацию предложений; использование взаимодействия сайтов между собой; постоянная забота о покупателе, способность предвидеть и ответить на любой вопрос; указание на включенность покупателя в диалог при каждом посещении сайта, что обеспечивается разнообразными опросами, последними новостями об интересующем товаре и т.д., и создание специальных «сообществ» - это форумы, чаты и другие. Особая роль отводится бренд-сообществам. Анализ форумов, чатов дает большое количество информации о том, как целевая аудитория воспринимает бренд, каких улучшений они хотят. Так же сами владельцы брендов стараются инициировать создание подобных сообществ, так как это хороший способ для того, чтобы влиять на восприятие и оценку потребителями бренда.

Брендинг в интернет-среде осуществляется пятью этапами (привлечение потребителей, вовлечение, удержание, изучение и расположение), каждый из которых характеризуется определенным набором задач, обеспечивающих достижение конкретных целей.

Особое внимание в целях развития интерактивного брендинга необходимо уделять проблеме исследования процесса восприятия виртуального бренда. Различные методы экспертизы изучают основные характеристики их функционирования в глобальной сети, а именно:

- стратегии поиска сайтов;
- восприятие структура сайтов: главной страницы, разделов, подразделов;
- оценка их функционирования и навигации;
- отношение к интерактивным приемам;
- восприятие содержание сайта;
- оценка дизайна и влияние дизайна на восприятие (цветовая гамма, изображения, персонажи, анимация);
- соответствие содержания, дизайна и функционирования сайта;
- ожидания посетителей сайта;
- соответствие сайта общей стратегии продвижения продукта.

Ускорение темпа жизни современного человека, необходимость выполнять несколько дел одновременно приводят к нехватке времени на поиск информации об интересующем товаре. Это стимулирует компании создавать более удобные формы ознакомления потребителя с их продукцией. Таким образом, созданный сайт бренда в интернете помогает решить множество проблем, таких как экономия времени, информирование о последних новостях о товаре, удобство обращения в любом месте и в любой момент и другие. Но, для того, чтобы потребитель был доволен, необходимо постоянно следить за сайтом, развивать его, подстраивать под особенности и запросы целевой аудитории. Для этого нужно исследовать и распознавать желания и особенности потребителей. Важной составляющей такого сложного и системного анализа является изучение восприятия потребителями интернет-сайта бренда.

Экспертиза сайтов в исследовании восприятия бренда является новым направлением. В данный момент разрабатываются и проверяются методики, подходящие для экспертизы сайтов. Уже используются такие методики исследования восприятия потребителями интернет-сайтов как:

- опросы в режиме доступа;
- измерение эффективности рекламы ресурса, т.е. фиксируется через какую и как расположенную ссылку или баннерную рекламу посетитель попал на сайт;
- система распознавания посетителей, т.е. IP-адреса, что позволяет фиксировать количество посетителей и их географию;
- наблюдений за посетителями сайта, т.е. собираются данные о передвижении посетителя по пространству сайта; время, потраченное на просмотр каждой страницы; части и места, на которые обращается/не обращается внимание и т.д.

Секция «Психология»

Анализ восприятия сайтов позволяет определить особенности данного процесса и выделить основные составляющие хорошего сайта. Посетители приходят на сайт за получением информации, они ценят свое время. Доступ в интернет возможен не только с компьютера, но и с помощью мобильных устройств в любое время, в любом месте. Восприятие дизайна сайта зависит от того, как осуществляется доступ посетителей к информации, размещенной на сайте. Сайт должен оставаться в памяти посетителей, определенным образом ассоциируясь с тем, что их интересует. Основные цвета, используемые в дизайне сайта, оказывают психофизиологическое воздействие. На восприятие сайта влияет та установка, которую задал себе посетитель сайта. Задача веб-дизайнера – побудить посетителя изучать, а не просматривать. Дизайн сайта воспринимается по-разному при естественной и искусственной освещенности. Основными составляющими эффективного сайта являются: структура, дизайн, контент, функциональность, быстродействие, обновляемость, конкурентоспособность, находимость, узнаваемость и прибыльность. Экспертиза сайтов в процессе исследования восприятия бренда совершенствует интернет-технологии создания виртуальных брендов.

На наш взгляд, знание основных закономерностей восприятия сайта должно прежде всего способствовать дальнейшему развитию интерактивного брендинга и заключаться в создании успешных конкурентоспособных брендов.

Литература

1. Андреева, Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений/Г.М. Андреева. М.: - Аспект Пресс, 2003. – 348с.
2. Маркетинг в виртуальной среде: Сб. статей (Маркетинг. Спец. вып. №26). – М: Центр маркетинговых исследований и менеджмента, 2004.
3. Михайлова, Е.А. Проблемы и перспективы взаиморазвития интернет и международного маркетинга / Маркетинг в России и за рубежом.1999. №6
4. Уилсон Р. Планирование стратегии интернет-маркетинга/Ральф Ф.Уилсон – М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. - 264с.

Социально-психологические особенности осужденных мужского пола, отбывающих наказание в колонии строгого режима

Бурукина Е.А.

студентка 5 курса,

Зеленодольский филиал института экономики, управления и права г.Казань,

психологический факультет, г.Зеленодольск РТ

nauka@zel.ieml.ru

Осужденный - человек, находящийся в местах лишения свободы, в наказание за совершение противоправных действий. Личность осужденного – это интегральное качество представляющее взаимосвязанный комплекс социально-демографических, психологических, уголовно-правовых и иных признаков, которые прямо или косвенно обуславливают преступное поведение и характеризуют общественную опасность осужденного. В исследованиях, объектом которых являются осужденные, выявляются их типологические особенностей, исследователи выявляют степень зависимости склонностей к противоправному действия с особенностями характера (В.И. Кашкаров, 1977; В.Ф. Десятников, Г.Р. Трофимов, В.Г. Козюля, 1981 и др). Опора на исследования (Ю.А. Алферов, И.П. Башкатов, М.Г. Дебольский, А.И. Ушатиков) позволяет построить схему изучения личностных характеристик осужденных, осуществить анализ их зависимости от социальных и индивидуально-типологических особенностей. Многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что значительное количество преступников обладают однородными психологическими свойствами, среди которых ведущими являются: импульсивность, агрессивность, гиперчувствительность в

Секция «Психология»

межличностных взаимоотношениях, отчужденность и плохая социальная приспособленность.

Наше исследование проводилось на базе ФБУ ИК-5 ГУФСИН РФ по РТ, в исследовании приняли участие 34 осужденных мужского пола. Целью нашего исследования было выявление социально-психологических особенностей осужденных, для этого мы использовали методики: диагностика враждебности (по шкале Кука - Медлей); диагностика коммуникативной толерантности (В.В. Бойко); проективный тест «Несуществующее животное». Результаты исследования показали, что в группе осужденных преобладает уровень цинизма (тенденция движения от среднего уровня к высокому у 77%). Данный показатель может объяснить факт пребывания осужденных в колонии строго режима, причем большинство испытуемых отбывали уже не первое наказание. Еще одним доказательством цинизма как личностной позиции было осознанное или демонстративное пренебрежение осужденных к нравственным нормам, этическим ритуалам, когда была сделана попытка провести с ними тестирование по тесту юмористических высказываний.

Агрессивность в группе осужденных оказалась выражена несколько ниже цинизма, преобладающим уровнем показателей агрессивности был средний уровень с тенденцией к низкому (57 %). Та же тенденция была обнаружена относительно такого эмоционального состояния как враждебность (преобладает средний уровень враждебности с тенденцией к низкому у 57%). Таким образом, из трех указанных характеристик личности: цинизм, агрессивность, враждебность, более выраженным оказался цинизм. Причем использование методики «Несуществующее животное», выявив факт агрессивности у 33,3% осужденных, подтвердило результаты диагностики.

Для изучения социально-психологических особенностей была использована методика «Диагностика коммуникативной толерантности». При этом результаты исследования лиц, пребывающих в колонии строго режима сравнивались с результатами тестирования правопослушных мужчин. Результаты измерения свидетельствуют, что при отсутствии особых различий в коммуникативных характеристиках двух групп испытуемых, им присущи некоторые различия в средних показателях составляющих коммуникативной толерантности:

- категоричность или консерватизм в оценках людей наиболее присущ осужденным, чем испытуемым контрольной группы (7,8 – 6,0);
- так же неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров наиболее присуще осужденным (7,4 – 5,7);
- а вот, например, стремление переделать или перевоспитать партнеров, у осужденных наиболее меньше выражено, чем у испытуемых контрольной группы (4,1 - 5,7).

На основе корреляционного анализа была установлена связь между результатами методики «Диагностика враждебности (по шкале Кука-Медлей)» и «Диагностика коммуникативной толерантности В.В. Бойко», используемых в работе с осужденными. Проведенная обработка результатов корреляционного анализа, позволяет увидеть сильные связи между отдельными показателями диагностики, которые дают возможность включить в социально-психологический портрет осужденного следующие характеристики: стремлением подогнать под себя и неумением, скрывать свои чувства, стремиться сглаживать их в отношении с партнерами ($r = 0,70$).

Проведенное исследование позволяет говорить и о ряде других качеств присущих осужденным, нарушителям режима колонии, выявленных на основе проектной методики «Несуществующее животное». Обработка результатов проектной методики показала: к выраженным характеристикам осужденных можно отнести замкнутость, оппозиционность – данные характеристики были обнаружены у 46,6%; большой процент осужденных имеет высокую самооценку 43,3%; высокая степень и средняя склонность к аморальным поступкам обнаружена соответственно у 33,3% и у 40% осужденных. Факт нахождения в

Секция «Психология»

колонии отразился на самоощущении свободы - наличие проблемы ограничение свободы отразилось в отсутствии в рисунках туловища, несущей части тела и т.д. у 11,76%.

Проведенное исследование подтверждает общие характеристики осужденных, представленные в работах теоретиков и практиков, определив и возможные направления исследования социально-психологических особенностей разных групп осужденных.

Центральная черта как фактор формирования впечатлений: современный контекст

Бурухин О.А., Овчинникова Е.С., Селиванова Т.И.

Студенты

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

психологический факультет, Москва, Россия

E-mail: moscowromanclub@gmail.com

Теория и проблема. Особенности межличностного восприятия – механизмы его осуществления и искажения – популярная тема среди ученых, занимающихся проблематикой процессов социального познания (Андреева, 2005). В изучении таких эффектов восприятия, как эффекты «ореола», «первичности» и «новизны», важное место занимают исследования формирования впечатлений о человеке на основе центральной черты С. Аша и его последователей (см. например, Kelley H.H., 1950, Mensch I.N., and Wishner J., 1947). Одна из основных идей С. Аша заключалась в том, что впечатление о личности формируется не на основе интеграции всех известных ему черт в целостный образ, и не на простой суммации последних, но в результате прибавления к имеющемуся «списку» черт еще одной, центральной, которая «сдвигает» восприятие «периферических» черт в свою сторону (Asch, 1946). Таким образом, утверждается существование значимых различий в удельном весе каждой черты в формировании впечатления о личности. При этом наиболее действенными чертами, как известно, оказались пара «теплая - холодная». Особенностью нашего исследования является изучение данной тематики с точки зрения актуальности полученных ранее результатов на сегодняшний день. Современный контекст, в котором испытуемые формируют представление о личности по предложенным им (оригинальным) чертам, характеризуется высоким темпом изменений (на уровне образа жизни, ценностей), ориентацией на деловые качества личности, ее самостоятельность. К этому стоит добавить, что в своем исследовании мы уделили внимание сформированному самостоятельно испытуемым образу персонажа, представленному в виде свободного текста, и его влиянию на уже заданные нами критерии оценки личности (шкалы, использованные Ашем в его исследовании).

Цель. Выявить различия в механизме формирования первого впечатления о личности в современном контексте по сравнению с результатами классического эксперимента С. Аша при условии сохранения определяющих результат элементов процедуры и методики.

Задачи: 1) сравнение результатов воспроизведенного исследования С. Аша с оригинальными с учетом дополнительных переменных: образование испытуемого, степень его знакомства с психологией, субъективная оценка общительности; 2) изучение причинной связи «влияние центральной черты («теплый» или «холодный») - свободное описание испытуемым сформированного им образа персонажа - результаты его категоризации с помощью заданных шкал»;

Объектом нашего исследования являются процессы межличностного восприятия, предметом - механизм формирования первого впечатления о личности.

Процедура исследования. Для получения новых результатов, в саму процедуру исследования, нами были введены некоторые изменения. Двум группам испытуемых в устной форме было предоставлено два списка прилагательных: умный, искусный, трудолюбивый, теплый/ холодный, уверенный, практичный, осторожный. Эти прилагательные предоставлялись обеим группам как некоторые качества, описывающие конкретного человека. После двух прочтений, испытуемых просили в свободной форме

Секция «Психология»

описать впечатление, которое сложилось у них об этом человеке. Только после выполнения данного задания всеми членами группы происходил переход к следующему этапу исследования. Испытуемым предлагался список из девятнадцати пар прилагательных, из каждой пары необходимо было выбрать одно, которое, по их мнению, подходит к описанному ими человеку. На данном этапе нами была введена модификация относительно выбора прилагательных. В отличие от оригинального исследования Аша (Asch, 1946), где необходимо было просто выбрать одно прилагательное из пары, мы просили обозначить степень выраженности того или иного качества. Во избежание усредненных результатов, нами было решено ввести четное число шкал между прилагательными. Например:

«Щедрый X X X X X X Скупой».

После выполнения данной процедуры, участникам предлагалось проранжировать указанные выше прилагательные (умный, искусный, теплый/холодный и проч.) по степени их влияния на сформированное впечатление.

Выборку составили 168 студентов 2 и 3 курсов ВУЗов с гуманитарным и техническим профилем образования (81 и 87 испытуемых в экспериментальных группах по «теплой» и «холодной» переменным соответственно).

Результаты и интерпретация. В исследовании Аша для ряда характеристик был получен максимальный разброс значений в отношении «теплой» и «холодной» черты. Это относилось к таким качествам, как «щедрый», «добродушный», «с чувством юмора», «популярный», «общительный». Данные характеристики чаще приписывались «теплому» персонажу. На основе анализа результатов нашего исследования можно сделать вывод о том, что приписывание качеств не зависит от различий, заданных в инструкции «теплой» и «холодной» переменной. Однако такие качества, как «коммуникабельный», «щедрый», «гуманный» и «альтруистичный», испытуемые легче связывали именно с «теплым» персонажем, а «холодному» чаще приписывали характеристики «скупой», «нелюдимый», «эгоистичный», «бесчеловечный». Разброс в процентных соотношениях, относящихся к выбору положительных или отрицательных характеристик между двумя группами испытуемых незначителен: то есть, нельзя говорить о том, что образ «теплого» персонажа характеризуется как в большей степени положительный по сравнению с «холодным». Различия в свободных описаниях так же могут выступать как значимые переменные, повлиявшие на последующие выборы качеств. Исходя из анализа свободных описаний, мы выделили ряд критериев, которыми может быть обусловлено это влияние: описание мужского или женского образа, персонифицированность образа и его связь с реальным опытом испытуемого, развернутость и оригинальность описания, наличие фантастических элементов и т.д. В целях изучения рефлексии испытуемых по поводу значимости той или иной черты в формировании образа персонажа, испытуемым было предложено проранжировать качества (умный, искусный, трудолюбивый, холодный/теплый и т.д.) от наиболее «влиятельного» к наименее «влиятельному». На основе полученных средних значений и моды к наиболее влиятельным качествам помимо ожидаемых «теплый» и «холодный» относится также черта «умный». При этом с учетом среднего ранга, черта «умный» оказалась более значимой, чем «теплый/холодный» и равная им по данному параметру «уверенный». Это может быть обусловлено влиянием социального контекста (актуальность умного и трудолюбивого человека по сравнению с «теплым» или «холодным»), индивидуальными особенностями испытуемых (трудность в рефлексии значимости влияния той или иной черты на самостоятельно сконструированный образ; наличие параметра, который «разбил» выборку на два распределения с ориентацией на «инструментальное» или «социальное» измерение личности), а так же самой методикой (понимание инструкции).

Литература

- 1) Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.

Секция «Психология»

- 2) Asch, S.E. Forming Impressions of Personality. Journal of Abnormal and Social Psychology. Vol. 41. 1946. P258-290.
- 3) Kelley H.H. The Warm-Cold Variable in First Impressions of Persons // Journal of Personality. Vol. 18. 1950. p431-439.

Реклама как одно из средств социального научения агрессивному поведению в современном обществе

Быстрова Е.В.

Студент

*Уральский Государственный Университет им. А.М.Горького,
психологический факультет, Екатеринбург, Россия*

E-mail: BystrovaE.V@gmail.com

Реальность СМИ, воспринимаемая зрителем, в особенности телевидение и кино в Соединенных Штатах, довольно жестока. Приблизительно в 60% американских телепрограмм и 90% телефильмов встречаются сцены драк и насилия (National Television Violence Study, 1997). В телевизионных программах США показывают 5 актов насилия в час в вечернее время и 18 актов насилия в дневное время по выходным. Очень много сцен насилия в мультфильмах, в них в среднем происходит 26 актов насилия в час (Gerbner & Gross, 1980 Huston et al., 1992).

Американская психология после 1950-х гг. большей частью переключила внимание с недоступных наблюдению, предполагаемых внутренних детерминант поведения на внешние факторы, влияющие на наблюдаемые поведенческие реакции. Поведение людей подверглось широкому изучению с точки зрения вызывающих его стимулов и подкрепляющих последствий.

Теория социального научения — это смесь когнитивных и стимульно-реактивных концепций в отношении широкого множества разнообразных форм и видов поведения, включая агрессию. Согласно этой теории, процессы, на которые возлагается ответственность за агрессию, по существу идентичны процессам, имеющим отношение к освоению, реализации и поддержанию большинства видов открытого поведения.

В рамках теории социального научения А.Бандура исследовал влияние образцов насилия на экране или в жизни на агрессивное поведение тех, кто на это смотрит и это воспроизводит в собственных поступках, Бандура пришёл к заключению, что должно быть что-то ещё, помимо научения через подкрепление и наказание, и что моделирование прекрасно подходит для заполнения этой брешы. При моделировании научающийся таким образом регулирует собственное поведение, чтобы копировать или имитировать поведение учителя. Моделирование является потенциально значительно более эффективным, чем системы подкрепления/наказания, для научения сложным видам поведения.

В классическом исследовании с куклой Бобо (1965) Бандура, Росс и Росс были намерены проверить гипотезу, что агрессия является одним из типов поведения, научение которому может происходить через моделирование. Они сосредоточились на детях, приняв допущение, что весьма значительная часть личности взрослого формируется переживаниями детства.

Дети, наблюдавшие агрессивную модель, в имитировании агрессивного поведения своих моделей намного превзошли тех детей, которые никакую модель не наблюдали, и тех, которые наблюдали неагрессивную модель. Они также чаще били молотком по предметам в комнате, чем дети, наблюдавшие неагрессивную модель.

После экспериментов с куклой Бобо Бандура в 1965 году исследовал, будут ли дети имитировать телевизионные агрессивные модели.

Результаты исследования показали, что дети, наблюдавшие вознаграждение телевизионной модели за её агрессию в отношении куклы, сами были склонны вести себя

Секция «Психология»

агрессивно некоторое время спустя (со значительным последствием) уже по отношению друг к другу, а не к кукле. То есть, успешное осуществление насилия, вознаграждающееся по ходу фильма, служит мощным средством передачи агрессивных действий пассивно наблюдающим детям, побуждает их аналогичным образом агрессивно действовать по отношению к другим, часто даже без повода.

Эта позитивная взаимосвязь между наблюдением насилия на телевидении и последующим жестоким поведением обнаруживалась в большинстве длительных исследований, всего с несколькими исключениями. Наиболее сильное исключение - исследование Milavsky, Kessler, Stipp & Rubens, 1982, проводившееся на средства Эн-би-си. Основное отличие просмотра телевидения от опытов Бандуры с куклой Бобо состоит в том, что моделирующий эффект избияния куклы угасает примерно к 12 годам, но моделирующий эффект жестокости на экране в подростковом возрасте не ослабевает, а усиливается и действует всю жизнь. То есть воздействие телеагрессии сильней, долговременней и опасней, поскольку зритель легче ассоциирует себя с героями фильмов, которые он сам захотел посмотреть, чем с какой-то там куклой.

Реклама в современном обществе постоянно транслирует агрессивные образы и модели агрессивного поведения. На пример, в кампании сезона весна/лето 2009 марки DSquared2, «Fighting Woman» («Дерущаяся женщина») столкнулись Наоми Кэмпбелл и Линда Евангелиста.

Социальная реклама пытается бороться с агрессивным поведением в современном обществе, воздействовать яркими образами и хлесткими фразами. В этой области создается очень много креатива, который поражает, шокирует, пугает или заставляет недоумевать.

Рекламное агентство из Йоханнесбурга Lowe Bull попыталось привлечь внимание общества к проблеме насилия над женщинами. Слоган разворота, подготовленного для организации «Люди против насилия над женщинами» — «Если вы делаете это силой, это изнасилование». Важно, что разворот в журналах склеен и читателю предлагается раскрыть его силой.

Агентство Tonga Workroom (Шанхай) обращает внимание на то, что действующих лиц, увы, всегда трое. И даже умалчивание или нежелание видеть тот кошмар, который творится под носом человека - это содействие. Неважно, мать вы насилюемого ребенка или простой обыватель. Копилайн: If you pretend to not see it, you could be a paedophile too (Если вы предпочитаете не видеть этого, вы тоже можете стать педофилом).

Сингапурское отделение агентства SAATCHI & SAATCHI SINGAPORE подняло тему вербального насилия, визуально показав, что слово тоже ранит.

В социальной рекламе против домашнего насилия бренд Benetton обыграл с негативной точки зрения свой слоган - United Colors of Benetton (объединенные цвета Benetton) - и превратить его в более жестокий Colors of Domestic Violence (цвета домашнего насилия).

При этом реклама призывающая прекратить насилие, делает это единственным способом – демонстрируя его во всех видах и ракурсах. А ведь если обратиться к экспериментальным данным – наблюдение за агрессивным поведением вызывает подобное поведение.

В то же время, если взять за основу результаты эксперимента А.Бандуры, что дети, которые наблюдали мужскую неагрессивную модель, оказались значительно менее агрессивными, чем дети в контрольной группе (не видевшие никакой модели). То эффективнее было бы использование образов любящих родителей, счастливых семей, заботы и доброты между близкими в социальной рекламе.

Литература

1. Бандура А., Теория социального научения.- СПб.: Евразия, 2000. – 320с.

2. Albert Bandura, Dorothea Ross & Sheila A. Ross (1961). Transmission of aggression through imitation of aggressive models// Journal of Abnormal and Social Psychology, 63, 575-582
3. Mitchell A. A., Advertising Exposure, Memory, And Choice. University Of Toronto, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 1993 Hillsdale, New Jersey Hove And London.

Мотивационно-потребностный компонент личности, стремящейся к политической власти

Васильев А.Л.⁵⁷

Студент

Братский филиал Иркутского государственного университета, Братск, Россия

E-mail: psi24@mail.ru

2009 год по указу президента Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева, будет проведен под эгидой Года молодежи, целью которого является развитие творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активного привлечения к проведению социально-экономических преобразований в стране, воспитания чувства патриотизма и гражданской ответственности у молодых людей. Данный проект является актуальным и своевременным, т.к. всегда среди молодежи находился определенный процент людей, который находил себя в определенной сфере, будь то наука, искусство, бизнес или политика, что выигрышно отличало его от основной массы. В рамках данной работы нас будет интересовать та когорта молодых людей, которые стремятся к политической власти. Однако, предметом психологического анализа являются не властные отношения, как таковые, а скорее, их субъективные аспекты, а главным субъектом власти, в конечном счете, выступает личность. Поэтому наиболее актуальным для нас является вопрос: кто и почему рвется к власти? Личность, стремящаяся к политической власти, является сложнейшим образованием, и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Цель данной работы – рассмотреть особенности мотивационно-потребностной сферы личности, стремящейся к политической власти.

Проблема изучения политического лидерства не нова, она привлекала к себе внимание, начиная с античности (Плутарх, Геродот и др.), позднее к ней обращались Макиавелли, Ф. Ницше, Лебон, Тард. В 20 веке феномен лидерства рассматривался в работах М. Вебера, Т. Парсонса, Х. Арндта. Среди современных исследователей можно назвать такие имена, как У. Шутца, Г. Герта, Т. Митчелла, Д.В. Ольшанского, В.Ф. Петренко и др.

Для реализации цели исследования была сформирована экспериментально-опытная база. Первая группа – личности, стремящиеся к политической власти, в количестве 18 человек (14 мужчин и 4 женщины). Возраст испытуемых от 19 до 29 лет (средний возраст – 23 года). В данной группе представлены члены Молодежного парламента г. Братска и Законодательного собрания Иркутской области, руководители и активисты молодежных политических движений, помощники депутатов Законодательного собрания Иркутской области. Вторая группа – личности, индифферентные к политической власти, в количестве 20 человек (12 мужчин и 8 женщин). Возраст испытуемых в данной группе составляет от 19 до 23 лет (средний возраст – 20). Группа составлялась на основе предварительного анкетирования, подтверждающего индифферентное отношение к политической власти.

Для осуществления целей исследования нами применялся следующий психодиагностический инструментарий: методика психосемантической диагностики скрытой мотивации Соломина И.Л., предназначенная для диагностики мотивов различных видов деятельности и потребностей; методика оценки притязаний личности, используемая для исследования ее мотивационной структуры; методика «Парные сравнения», предназначенная для диагностики степени удовлетворенности основных потребностей

⁵⁷ Автор выражает признательность доценту, к.псих.н. Храмцовой Л.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

личности. Полученные результаты подверглись качественному, количественному и статистическому анализу с применением Q-критерия Розенбаума.

Рассмотрим результаты, полученные по методике оценки уровня притязаний личности, в которой мы рассматривали такие шкалы, как внутренний мотив, познавательный мотив, мотив избегания, состязательный мотив, мотив смены деятельности, мотив самоуважения, оценка своего потенциала, закономерность результатов, инициативность. Так в первой группе, ориентированной на обладание политической власти, внутренний мотив выражен в виде 16,1 средних баллов, познавательный – 18,9 баллов, мотив избегания – 9,75 баллов, состязательный – 13,7 баллов, мотив смены деятельности – 7,7 баллов, мотив самоуважения – 17,9 баллов, оценка своего потенциала – 18,31 баллов, закономерность результатов – 17,25 баллов, инициативность – 16,6. Таким образом, в данной группе ведущим мотивом оказался познавательный. В свою очередь во второй группе, индифферентной к политической власти, наблюдается следующая картина. Внутренний мотив составляет 12,95 средних баллов, познавательный – 17,45 баллов, мотив избегания – 10,6 баллов, состязательный – 10,95 баллов, мотив смены деятельности – 12,75 баллов, мотив самоуважения – 14,8 баллов, оценка своего потенциала – 15,25 баллов, закономерность результатов – 13,6 баллов, инициативность – 15,35. Соответственно, в данной группе также наиболее значимым оказался познавательный мотив, что возможно объясняется возрастными особенностями испытуемых. После проведения математического анализа, нами были выявлены значимые различия в выборках по таким показателям, как внутренний мотив ($p=0,05$), мотив смены деятельности ($p=0,01$), оценка своего потенциала ($p=0,01$), закономерность результатов ($p=0,01$). По остальным шкалам значимых различий обнаружено не было.

Обратимся к данным, полученным по методике «Парные сравнения». В группе личностей, стремящихся к политической власти, наиболее выраженная потребность – потребность в безопасности (средний балл – 25,25). Далее идут потребность в признании (23,75), материальные потребности (20,5), потребность в самовыражении (20,25) и наименее значительными оказались социальные потребности (16,5). Во второй группе, индифферентной к политической власти, потребности расположились следующим образом: потребность в безопасности (28,1), социальные потребности (24,7), материальные потребности (20,5), потребность в самовыражении (17) и в признании (14,5 балла). Сравнительный анализ показал, что группы имеют значимые различия по таким показателям, как потребность в безопасности ($p=0,05$), социальные потребности ($p=0,05$), потребность в признании ($p=0,05$). То есть можно сказать, что люди, стремящиеся к политической власти, больше стремятся к признанию, но менее зависимы от социальных потребностей.

Рассмотрим данные, полученные по методике диагностики скрытой мотивации Соломина И.Л. В первой группе были выявлены следующие ценности, определяющие мотивы деятельности: моя семья, мои друзья, творчество, моя карьера, мое будущее (расположены в порядке убывания значимости для испытуемых). Во второй группе, соответственно: мое будущее, мое увлечение, мои друзья, моя учеба и достижение успеха. Таким образом, наглядно видно, что личность, стремящаяся к политической власти, превалирующей ценностью, считает значимых окружающих, в зависимости от чего и формирует свое поведение. Кроме этого, выборки были подвергнуты сравнительному анализу по таким мотивирующим факторам, как достижение успеха, мое прошлое, мое будущее, мое настоящее, мое увлечение, личная независимость, признание окружающими, материальное благополучие, моя карьера, выполнение обязанностей. В результате чего были выявленные значимые различия в восприятии прошлого и настоящего ($p=0,01$), т.е. личность, стремящаяся к политической власти, более позитивно относится к своему прошлому и настоящему. Также для представителей данной группы

Секция «Психология»

более мотивирующими факторами выступают признание окружающими, моя карьера, выполнение обязанностей ($p=0,05$).

Таким образом, мы наглядно продемонстрировали отличительные особенности мотивационно-потребностного компонента личности, стремящейся к политической власти.

Кросскультурное исследование представлений о трудных жизненных ситуациях (на примере России и Франции)

Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-06-00679а)

Виноградова Д.В.

Студент

*ГОУ ВПО Костромской Государственный университет им. Н.А. Некрасова
Институт Педагогики и Психологии, кафедра социальной психологии, Кострома, Россия
E-mail: angel3434@yandex.ru*

С. Московичи, характеризуя социальные представления, говорил: «Однажды произведенные, они живут своей жизнью, перемещаются, комбинируются, притягиваются и отталкиваются, рождают новые представления, в то время как старые исчезают» (Московичи, 1995). Социальные представления, как когнитивные системы, обладающие собственной логикой и языком, как набор понятий, убеждений и объяснений, являются неотъемлемой частью межличностных отношений, коммуникации личности, рождаются в них и детерминируют их характер (Московичи, 1995). Представления в психологии традиционно рассматриваются, как фактор формирования целостной картины мира. На становление системы представлений, как отдельного человека, так и всего общества, значимое влияние оказывает культурно-исторический фактор. Культурные особенности каждого государства обуславливают различия в системе представлений жителей разных стран. Актуальность данного исследования определяется теоретической и эмпирической значимостью кросскультурных исследований в поликультурном пространстве науки и практики. В современном обществе необходимость контактов между представителями разных стран постоянно увеличивается, однако, развитие кросскультурной области знаний происходит довольно медленно, особенно в России. Особый интерес представляет изучение аспектов психики личности, как представителя определенной культуры, которые детерминируют характер межнационального диалога. Взаимосвязь предшествующего исторического опыта отношений стран и современных реалий, культура самой страны, ее традиции и установки, влияют главным образом на представления жителей государства о себе и на его представления о жителях других стран. Это во многом определяет эффективность межкультурной коммуникации.

В данной работе изучаются представления жителей Франции о трудных жизненных ситуациях в опыте представителей своей страны и россиян. Франция и Россия - это две страны, история взаимоотношений которых отличается постоянством контактов, но неопределенностью, сменой влияния стран друг на друга. Однако, интенсивность, востребованность и необходимость эффективности этих контактов в современной реальности привлекает особое внимание ученых в области кросскультурных исследований

Целью исследования является изучение связи, нахождение сходства и различий в представлениях французов о трудных жизненных ситуациях в их жизни и в жизни россиян. Постановка цели определила выдвижение исследовательской гипотезы: существует корреляционная связь, а так же сходства и различия в представлениях французов о трудных жизненных ситуациях в своей жизни и жизни россиян. В исследовании принимало участие мужчины и женщины, проживающие во Франции. Испытуемые принимали участие в исследовании по желанию, предварительные критерии отбора выборки отсутствовали. Французы, принимающие участие в исследовании не

имели опыта непосредственных контактов с россиянами. Это позволяет говорить о стереотипном характере их представлений, на который оказывает влияние как культурно-исторический контекст отношений двух стран, так и современные отношения, освещаемые средствами массовой информации.

Для проведения эмпирической части была использована методика, которая включает 19 жизненных трудностей разных типов (М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, 2008). Статистическая обработка данных, качественный анализ позволили сделать следующие заключения.

Малое количество корреляционных связей (только 8% значимых корреляций от всей совокупности) говорит о незначительной связи между автопредставлениями и представлениями о россиянах в контексте трудных жизненных ситуаций. Выявленные связи находятся в области представлений о мужчинах и женщинах вообще (выявлены связи между представлениями французских мужчин о соотечественниках и о русских мужчинах; и французских женщин о соотечественницах и о россиянках). Это дает нам основание предположить, что представления о жизненных трудностях больше связаны с гендерным аспектом, а не кросскультурным. Из полученных корреляций положительных связей значимо больше (64%), чем отрицательных (36%). Это говорит в сторону положительной, либо нейтральной эмоциональной связи между представлениями внутри групп мужчин и женщин. Анализ отрицательных корреляций, возможно, демонстрирует наличие механизма контрпроекции собственных проблем. Так, например, в представлениях французов одиночество в их жизни, как психологическая трудность, противопоставляется тревоге россиян за будущее своих детей ($r = -,698$, $p = ,003$); несчастливый брак в жизни французов противопоставляется пустоте и отсутствию интереса в жизни у россиян ($r = -,734$, $p = ,001$).

Результаты сравнительного анализа так же представляют интерес. Отсутствия различий больше (66%), чем их присутствия (34%). Сходства в представлениях касаются в основном социальных и социально-психологических трудностей. Это свидетельствует о том, что в представлениях французов россияне имеют такую же степень выраженности данных трудностей, главным образом: материальные затруднения, тревога за будущее своих детей, угроза безработицы. Различия в представлениях касаются больше психологических трудностей (недостаток ответственности за собственную жизнь, невозможность заниматься творческой работой, невозможность саморазвития, наличие вредных привычек и зависимостей). Указанные проблемы приписываются более россиянам, нежели жителям Франции. Это может быть обусловлено представлениями французов о своей нации, как центре мира, как законодательнице высокого тона во всем. И представлениями о России как стране, где существует достаточно жесткий политический режим и недостаточно развита демократия, стране, которая на протяжении нескольких веков находилась под культурным влиянием Франции, имея достаточно скудную собственную культуру. Эти представления во многом связаны с отсутствием непосредственных контактов с россиянами наших испытуемых. Как мы можем видеть, культурно-исторический фактор напрямую связан с системой социальных представлений жителей Франции о себе и России, эффективностью межкультурного взаимодействия и дистанцией в их диалоге.

Данное исследование не претендует на завершенность, так как социальные представления французов о трудных жизненных ситуациях – это лишь малая доля всей совокупности межкультурных представлений. Так или иначе, на современном этапе эти две нации достаточно плодотворно сотрудничают во многих общественных сферах. Для понятия причин данных отношений необходимо рассмотрение большей совокупности представлений двух наций друг о друге, о себе, увеличение выборки испытуемых в будущих исследованиях.

Литература

1. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд. // Психологический журнал. 1995. N 1, с. 3–18; N 2, с. 3–14.
2. Сапоровская М.В. О методах изучения межкультурных представлений и установок // Диалог культур – культура диалога. Материалы международной научно-практической конференции. – Кострома, 2008.

Лояльность бренду в интернет-сообществах

Винокуров Ф.Н.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: fedlav@mail.ru

Цель проведенного исследования – установление характера влияния, которое оказывает участие в сообществе потребителей бренда на лояльность к этому бренду. Лояльность, приверженность бренду обуславливает предрасположенность потребителя к покупке товара, который репрезентируется данным брендом. Разделяя общие ценностные и эмоциональные проявления, связанные с предпочитаемым брендом, потребители объединяются в многочисленные сообщества. В соответствии с концепцией социальной идентичности это связано с тем, что у лояльных потребителей бренд становится основанием для социальной категоризации и выделения в сознании потребителей группы «мы» – те, кто пользуется товарами или услугами данного бренда. Найдя таких же, как он – «своих», потребитель может поделиться радостью от покупки, использования бренда, получить полезные советы и т.д. Он обретает все преимущества членства в референтной группе. В связи с этим, можно предположить, как будет изменяться отношение потребителя к бренду под влиянием группы. Разделенная с другими членами сообщества приверженность к бренду становится групповой нормой, и в дальнейшем группа прививает высокую степень лояльности к бренду новым участникам. К примеру, такой группе будет гораздо проще противостоять поступающей негативной информации о бренде, чем лояльному потребителю в одиночку.

В наше время Интернет является наиболее простым и доступным каналом для участия в сообществах потребителей. При этом общение между участниками сообществ, как правило, происходит не только в сети Интернет, но и в рамках регулярных встреч, организуемых самими участниками. В интернет-сообществе каждый участник может разделить свою приверженность к бренду с другими, аккумулировать эту приверженность и в некоторой степени перенести ее влияние на всю группу. Впоследствии приверженность этому сообществу, симпатия к отдельным его участникам может увеличить степень лояльности к бренду или удерживать ее на более или менее постоянном уровне.

Объектом исследования выступали участники интернет-сообществ. В выборку вошли мужчины и женщины старше 16 лет, участники популярных сообществ брендов Pepsi Light (pepsilight.ru), Kaspersky (kaspersyclub.ru), Lexus (club-lexus.ru), Ford (ffclub.ru). Сбор данных осуществлялся методом электронного анкетирования. В исследовании использовалась модель ценностных ориентаций М. Рокича, позволившая проанализировать ценности интернет-сообщества, бренда и ценностные проявления социальной идентичности респондентов. Оценка степени лояльности к брендам осуществлялась с помощью методики NPS (Net Promoter Score) Ф. Райчельда. Оценка приверженности участников к интернет-сообществу проводилась по следующим факторам: интенсивность общения с другими участниками, участие во встречах сообщества, причастность к развитию сообщества, привлечение новых участников

Секция «Психология»

(реклама сообщества). Данная система рациональных критериев приверженности отражает вовлеченность в основные виды деятельности участника сообщества.

Результаты исследования показали, что наблюдается прямая зависимость степени лояльности к бренду от стажа участия в интернет-сообществе: чем больше стаж участия в сообществе, тем выше лояльность к бренду. Построенная регрессионная модель продемонстрировала вклад в лояльность бренду только одного из критериев приверженности сообществу – участия в его развитии. Значимость индивидуальных ценностей лояльных к бренду участников и ценностей, декларируемых сообществом различна. Индивидуальные ценности лояльных бренду потребителей не соответствуют декларируемым ценностям их сообщества в целом. При этом наиболее значимые и наименее значимые ценности сообщества полностью соответствуют наиболее значимым и наименее значимым ценностям бренда, и общий уровень лояльности к бренду среди участников интернет-сообщества является высоким. Полученные данные доказывают, что лояльность потребителей к брендам может стать основой формирования и развития новых социальных групп.

Литература

1. Андреева Г.М. (2005) Психология социального познания // Аспект Пресс.
2. Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности // М., Медиум.
3. Шефер Б., Шредер Б. Социальная идентичность и групповое сознание // Психологический журнал, № 1, 1993
4. Энджел Дж.Ф., Блэкуэлл Р.Д., Миниард П.У. Поведение потребителей // СПб., Питер, 2007
5. Ядов В.А. (1999) Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России
6. Alberto V. The link between identification and in-group favouritism: Effects of threat to social identity and trust-related emotions // The British Psychological Society, 2006
7. Americus Reed II (2000) Activating the Self-Importance of Consumer Selves: Exploring Identity Salience Effects on Judgments // doctoral dissertation
8. Bagozzi R.P., Gurhan-Canli Z., Priester J.R. The Social Psychology of Consumer Behaviour // Open University Press, Buckingham – Philadelphia, 2002
9. Van Vugt M., Hart C. Social Identity as Social Glue: The Origins of Group Loyalty // Journal of Personality and Social Psychology, 2004, Vol. 86, No 4

Межкультурная компетентность и уровень адаптированности к инокультурному окружению

Витлина М.Б.

студентка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: mvitlina@gmail.com

Практически любому человеку в современном обществе необходимо уметь эффективно общаться с людьми из других культур, другими словами, обладать межкультурной компетентностью. При этом существуют категории людей, для которых обладание межкультурной компетентностью является жизненной необходимостью. Одной из таких категорий являются студенты, получающие образование за рубежом. Иностранцы сталкиваются с большими трудностями при адаптации к новым условиям жизни, к другой культуре, в которой они оказались, особенно если она сильно отличается от их собственной. Можно сказать, что в настоящее время одними из наиболее актуальных являются проблемы, связанные с адаптацией студентов из Китая, поскольку

Секция «Психология»

студенты-китайцы составляют самую большую группу иностранных студентов, получающих образование и в странах Запада, и в России.

Одним из факторов успешности адаптации к инокультурному окружению мы рассматриваем межкультурную компетентность. В качестве одной из важнейших теоретических проблем межкультурной компетентности изучается вопрос соотношения культурно-специфической и общекультурной компетентности. Культурно-специфическая компетентность – это способность эффективно взаимодействовать с представителями той или иной конкретной культуры. Общекультурная компетентность – это способность к взаимодействию с людьми, имеющими другие ценности и поведенческие коды. Таким образом, можно говорить о том, что общекультурная компетентность является первой ступенью, на которую накладывается компетентность в отношении определенной культуры или множества различных культур. Впрочем, не совсем ясно, что является более необходимым: подготовка студентов к пребыванию в определенной культуре, их знакомство с её особенностями, формирование культурно-специфической компетентности или развитие у студентов общекультурной компетентности. То есть существует проблема связи между уровнем компетентности, как общей, так и специфической в отношении конкретной культуры, и уровнем адаптированности к инокультурному окружению.

Таким образом, целью нашего исследования было выявление связи между успешностью адаптации студентов к инокультурному окружению и уровнем их межкультурной компетентности, а также изучение соотношения культурно-специфической компетентности и общекультурной компетентности студентов. Основная гипотеза касалась наличия положительной связи между уровнем межкультурной компетентности и уровнем адаптированности к инокультурному окружению.

В исследовании приняли участие студенты 3-4 курсов (68 человек) и подготовительных факультетов (77 человек) двух московских университетов – РУДН имени Патриса Лумумбы и МГУ имени М.В. Ломоносова – в возрасте от 16 до 32 лет. Женщины составляли 45% выборки, мужчины – 55%. Длительность пребывания респондентов в России варьировалась от 1 месяца до 8 лет, в среднем 6 месяцев для студентов подготовительных факультетов и 4,4 года для студентов старших курсов.

При проведении исследования была использована батарея из трех методик, все они предъявлялись респондентам на китайском языке. Для выявления уровня и типа адаптации мигрантов к новой социокультурной среде применялся «Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде», разработанный Л.В.Янковским и И. С. Шахтариним [см. Панов, 1999]. Вторая методика - «Шкала межкультурной сензитивности» (Intercultural Sensitivity Scale), разработанная Г. Ченом и В. Старостой [Chen, Starosta, 2001]. Методика использовалась в частично модифицированном китайском варианте, который был предоставлен её автором профессором Г. Ченом. Использование методики обусловлено тем, что одной из основных составляющих общекультурной компетентности является межкультурная сензитивность – чувствительность к различиям между культурами, осознание их значимости для межкультурного общения. Для выявления уровня культурно-специфической компетентности студентов в отношении России использовался опросник, основанный на ситуациях из культурного ассимилятора, созданного для китайских студентов в России. Культурный ассимилятор был взят за основу, так как он является методом когнитивного ориентирования [Стефаненко, 2006]. С нашей же точки зрения, в межкультурной компетентности когнитивный компонент, наряду с поведенческим, относится именно к культурно-специфической компетентности. Методика представляет собой набор из пяти ситуаций, описывающих жизнь китайских студентов в России, и пяти вопросов по каждой из ситуаций, соответственно.

Проведенный корреляционный анализ собранных данных (методы Спирмена и Кэндалла) выявил значимую отрицательную связь между общей удовлетворенностью студентов и культурно-специфической компетентностью. Если рассматривать шкалу

Секция «Психология»

удовлетворенности опросника Янковского и Шахтарина как один из основных показателей адаптированности, то можно сказать, что все респонденты недостаточно хорошо адаптированы к жизни в России. По данным факторного анализа ностальгия, одна из неуспешных стратегий адаптации, объединяется в один фактор с двумя успешными стратегиями – интерактивностью и конформностью. Наличие ностальгии означает отрыв от родной культуры, отрицательные эмоции из-за чувства разъединенности с привычными ценностями и нормами. Поэтому тот факт, что ностальгия объединяется в один фактор с успешными стратегиями адаптации говорит о том, что студенты даже при наличии желания адаптироваться к новым условиям жизни всё-таки не чувствуют себя комфортно. Отсюда становится понятным, почему культурно-специфическая компетентность в отношении России отрицательно коррелирует с уровнем удовлетворенности. Студенты осведомлены об обычаях, правилах поведения в российской действительности, однако поскольку российские нормы и ценности вступают в противоречие с традиционными китайскими, студентам из Китая крайне сложно принять их, и чем больше они знают об этих противоречиях (то есть чем выше их культурно-специфическая компетентность), тем больше растет у них чувство неудовлетворенности, с одной стороны, и ностальгия по Родине, с другой стороны.

Однако корреляционный анализ показал, что студенты, обладающие более высоким уровнем компетентности в отношении российской культуры, всё же более адаптированы к российским условиям жизни, так как они больше используют успешные стратегии адаптации – конформность и интерактивность. Отчужденность, напротив, менее характерна для таких студентов. Таким образом, подтвердилась наше предположение о связи между культурно-специфической компетентностью и успешностью адаптации.

Корреляционный анализ выявил значимую положительную связь между уровнями межкультурной сензитивности и культурно-специфической компетентности, то есть чем более уважительно относится студент к чужим культурам, чем более он внимателен к культурным различиям и положительно их воспринимает, тем больше он знает об особенностях поведения и взглядах на мир представителей этой культуры. Одновременно высокий уровень межкультурной сензитивности соответствует высокому уровню конформности и интерактивности и низкому уровню отчужденности. Кроме того, поскольку наличие высокой межкультурной сензитивности означает положительное отношение к культурным различиям, другим культурам, то для таких людей в инокультурном окружении характерен общий положительный эмоциональный фон. Поэтому у студентов с высокой сензитивностью по мере ее роста снижается депрессивность. Таким образом, межкультурная сензитивность связана с использованием успешных стратегий адаптации и меньшим присутствием неуспешных стратегий.

Китайские студенты испытывают значительные трудности при адаптации к жизни в России. Однако если уровень их межкультурной компетентности достаточно высок, то процесс адаптации проходит более успешно. Причем одним из основных результатов исследования можно назвать выявление значимости для успешной адаптации не только знаний о российской действительности, российских нормах и ценностях, но и высокого уровня общекультурной компетентности. На основании результатов проведенного исследования можно заключить, что для того, чтобы помочь студентам адаптироваться к новым условиям, развитию межкультурной компетентности должно быть уделено большое внимание как при подготовке китайских студентов для обучения за рубежом, так и уже после того, как они начали жить в другой культуре.

Литература

1. Панов М.С. Влияние личностных характеристик на адаптацию беженцев. Дипломная работа. М.: МГУ, 1999
2. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. 206с.

3. Chen G., Starosta W. The Development and Validation of the Intercultural Communication Sensitivity Scale // Human Communication. 2001. Vol. 3. P. 1-15.

Восприятие различных способов введения в заблуждение в контексте делового общения (на основе теории манипулирования информацией).

Вихман А.А.

Аспирант

Пермский Государственный Педагогический Университет.

Институт психологии. Пермь. Россия.

E-mail: vixmann@mail.ru.

В современном обществе с развитой системой коммуникационных возможностей, размытием границ и расстояний все большую актуальность у ученых психологов приобретают вопросы обмана, лжи и качества передаваемой информации в целом.

Один из интереснейших, но плохо исследованных вопросов является вопрос о специфике восприятия обмана в зависимости от культуры и от социального статуса участников коммуникации.

Теоретическая основа. Традиционно, большинство исследователей делали упор на изучение лжи (или фальсификации), тогда как более тонкие формы введения в заблуждение оставались мало изученными. Причина тому – отсутствие жизнеспособной теоретической основы, которая могла бы объединить в четкую систему различные способы введения в заблуждения, объясняла бы сам механизм лжи и помогла создать понятные определения данных феноменов (Anolli, 2001). Создание такой теоретической основы стало одной из основных задач в последние десятилетия, и это привело к возникновению различных концепций. Наиболее разработанная и современная концепция – теория манипулирования информацией (Masip, 2004).

В основу концепции входит тезис о том, что любое поведение, целью которого является введение в заблуждение, происходит путем тайных нарушений диалоговых принципов и представляет из себя манипулирование информацией. Эти диалоговые принципы были разработаны Грисом и включают в себя принципы качества, количества, манеры и уместности.

Принцип *качества* определяет то, что участники диалога будут предоставлять информацию, которую они сами считают правдивой. Нарушение этого принципа создает ложь. Принцип *количества* основан на ожидании того, что вклад участников диалога будет столь информативным, сколь этого требует ситуация. Нарушение этого принципа хорошо описывает обман, укрывательство и умолчание. Принцип *манеры* основан на ожидании того, что собеседник представит информацию ясно и в той манере, которая соответствует ситуации. Принцип *уместности* основан на ожидании, что собеседник предоставит информацию, уместную вопросу, и не будет отклонять разговор от его сути.

Подобные исследования. За последние десятилетия были проведена целая серия исследований, целью которых было установление особенностей восприятия способов манипулирования информацией на различных культурах: западной (США) и восточной (Китай, Корея, Япония). МакКорнак выявил, что все виды манипулирования информацией на выборке американцев являются вводящими в заблуждение. Далее Янг с коллегами выявил культурологический аспект восприятия видов манипулирования информацией на студентах в Гонг-Конге. Результатом данного исследования было то, что студенты китайской культуры не воспринимали нарушение количества передаваемой информации и нарушение манеры передачи информации как вводящие в заблуждение (Yeung, Levine, Nishiyama, 1999). Парк и Ан (Park, Ahn, 2007) обнаружили, что корейцы не воспринимают нарушение манеры передачи информации как вводящее в заблуждение. По мнению исследователей на это влияет распространенный в Корее косвенный стиль связи – «punchi», который вовлекает в себя нарушение нескольких принципов нормальной

коммуникации. Мураи (Murai, 1998) получил результаты подобные Парку на японской выборке.

Очевидно, что культура влияет на восприятие способов введения в заблуждения, и эта идея особо интересна в контексте русской культуры как культуры на стыке востока и запада. Кроме фактора культуры авторы описывают и влияние особенности ситуации на восприятие способов манипулирования информацией. Например, по мнению Левин (Lapinski, Levine, 2000) важность ситуации во многом определяет специфику восприятия обмана.

Метод. Для тестирования гипотез была разработана пробная методика, позволяющая оценить степень восприятия способов манипулирования информацией как вводящих в заблуждение (на основе ИМТ). Участниками исследования были сотрудники фирм города Перми (N=44). Средний возраст 35,5. При статистической обработке применялся Т-критерий Стьюдента.

Результаты. Обман из уст руководителя оценен участниками исследования как более вводящий в заблуждение, чем обман в ситуации делового общения равноправных сотрудников фирмы. Возможно, дело в том, что у руководителя больше возможностей и ответственности и потому его обман образует особую серьезность его коммуникации, где обман не уместен и поэтому оценивается как менее правдивый. Если в обычной ситуации («сотрудник-сотрудник») на оценивание влияет тот факт, что сотрудник все-таки сказал правду (пусть не всю), то в ситуации «руководитель-сотрудник» решающее значение принимает то, что упустил руководитель, так как его должность накладывает на его слова особую значимость. Исходя из этих рассуждений, можно предположить, что чем выше серьезность ситуации, тем более вводящим в заблуждение будет восприниматься обман.

Что касается влияния культуры на восприятие манипулирования информацией, то результаты исследования отчасти соотносятся со всеми ранее проведенными исследованиями и на выборке западной культуры (Lapinski, Levine, 2000) и на выборке восточной культуры (Yeung, Levine, Nishiyama, 1999; Park, Ahn, 2007; Murai, 1998). Действительно все способы введения в заблуждение характеризуются как менее правдивые, однако можно говорить о том, что существуют две группы способов отличающихся по степени правдивости. К первой группе можно отнести наиболее вводящие в заблуждение способы: ложь и неуместную информацию, ко второй группе способы воспринимаемые (но не сводимые) более приближенными к правде: обман и нарушение манеры. Это совмещение ранее полученных результатов может отражать русскую культурологическую особенность людей, задействованных в деловом общении.

Литература:

1. Знаков В. В. Индивидуальные различия в понимании обмана в малом бизнесе // Психологический журнал. – 1994. Т.15 №6.
2. Anolli L., Ciceri R. and Riva G. Deceptive Miscommunication Theory (DeMiT): A New Model for the Analysis of Deceptive Communication, IOS Press, 2001.
3. Lapinski M., Levin T. Culture and information manipulation theory : the effects of self-construal and locus of benefit on information manipulation //Central States Communication Association. 2000
10. Masip J., Garrido E., Herrero C. Defining deception // Anales de psicologia (испания) Vol. 20, 2004
11. Murai J. Perceived deceptiveness of verbal message: An examination of Information Manipulation Theory // Japanese Journal of Psychology. Vol. 96. 1998
13. Park H., Ahn J. Cultural differences in judgment of truthful and deceptive // Western Journal of Communication. Vol. 71. 2007
15. Yeung L., Levine T., Nishiyama K. Information manipulation theory and percertions of deception in Hong Kong // Communication Reports. Vol. 12. 1999

Особенности психологического исследования категории «бренд»

Володина А.Н.

аспирант

Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, факультет социальных наук, Нижний Новгород, Россия

annvolodin@yandex.ru

Введение. «Бренд» является наиболее распространенным в современной литературе по маркетингу и рекламе явлением. Однако на сегодняшний день среди исследователей отсутствуют согласованные представления о границах и содержании данной категории. Тем не менее, специалисты в области маркетинга сходятся в одном - включение в категорию «бренд» в качестве важнейших составляющих определенного комплекса психических процессов, формирующих «образ» товара и эмоциональное отношение к нему, и, в конечном счете, влияющих на поведение потребителя. Подобная психологическая начинка «бренда», создает возможность для ее осмысления в понятиях научной психологии. Психологический анализ большого количества литературы по теории и практике маркетинга и сопоставление результатов этого анализа с понятийным рядом социальной психологии позволяет предположить, что психологическая составляющая категории «бренд» хорошо подводится под понятие «социальная установка». Действительно, и по своей природе, и по составу структурных компонентов, и по механизмам формирования психологическая составляющая бренда обнаруживает принципиальное сходство с понятием «социальная установка».

Подобное «узнавание» и «перевод» на язык социальной психологии позволяет использовать ее объяснительный потенциал в целях теоретического осмысления маркетинговой категории «бренд». Не менее важно, что рассмотрение бренда как разновидности социальной установки создает возможность применения ранее разработанных в этой сфере методов и исследовательского инструментария.

Целью нашего эмпирического исследования является изучение индивидуального содержания и степени сформированности компонентов социальной установки к торговым маркам.

Методика. Эмпирическая проверка представленного подхода была реализована нами на примере исследования брендов «МТС» и «Билайн» (эмпирическое исследование было выполнено под научным руководством автора аспиранткой А.Н.Володиной). Объектом эмпирического исследования выступали потребители услуг сотовой связи компании «Билайн» и «МТС» г. Нижнего Новгорода, средний возраст испытуемых составлял 30 лет, а средний срок пользования потребителями услугами сотового оператора составлял 3 года. Выборка испытуемых состояла из 184 человек.

Рассматривая структуру установки с точки зрения дифференциального подхода, мы выделили три компонента и исследовали их по отдельности, с использованием различных методик. Для диагностики когнитивного компонента была выбрана шкала Лайкерта (*Likert scal*), для аффективного компонента использовался метод семантического дифференциала с базисными факторами: оценка, сила, активность и для оценки поведенческого компонента использовался специально разработанный опросник намерений.

Для диагностики индивидуальных особенностей (мотивационной направленности) потребителя был использован самоактуализационный тест (САТ), позволяющий дифференцировать потребителей на следующие психологические типы: «с ориентацией на себя», «с ориентацией на других».

Результаты. Были получены статистически значимых различий в когнитивном и поведенческом компонентах бренда между группами потребителей «Билайн» «ориентированных на себя» и «ориентированных на других» Самостоятельные

Секция «Психология»

потребители оказались более осведомленными о своей компании по сравнению с зависимыми. Кроме того, они обладали и большей приверженностью к своему сотовому оператору, т.е. готовностью пользоваться его услугами и в дальнейшем.

Аналогичное сравнение для пользователей компании «МТС», напротив, выявило статистически значимые различия в эмоциональном компоненте бренда. Эти различия касаются силы и активности эмоционального компонента. При этом зависимые потребители обнаружили более высокие показатели и по силе, и по активности эмоционального компонента по сравнению самостоятельными.

Обнаруженные различия в сформированности компонентов брендов «МТС» и «Билайн» у различных психологических типов их потребителей свидетельствуют о том, что существуют различия в векторе влияния их рекламных компаний: реклама «МТС» оказывает более сильное влияние на эмоциональный компонент зависимых потребителей, а реклама «Билайн» на когнитивный и поведенческий компоненты самостоятельных потребителей.

Более детальный сравнительный анализ содержания эмоционального компонента брендов «МТС» и «Билайн» позволяет выявить не только формальные характеристики эмоционального отношения каждого из них, но и выявить различия в их качественном своеобразии.

Самостоятельные потребители компании «Билайн» эмоционально воспринимают этот бренд как дружелюбный, обаятельный и добросовестный (по фактору «оценка»); как уверенный, самостоятельный, сильный (по фактору «сила»); как энергичный, деятельный, общительный (по фактору «активность»). Зависимые потребители «Билайн» эмоционально воспринимают этот бренд как дружелюбный и обаятельный (по фактору «оценка»); как уверенный, активный (по фактору «сила»); как энергичный, общительный (по фактору «активность»).

Самостоятельные потребители «МТС» эмоционально воспринимают этот бренд как добросовестный (по фактору «оценка»); как сильный (по фактору «сила»); как деятельный, общительный (по фактору «активность»). Зависимые потребители «МТС» эмоционально воспринимают этот бренд как добросовестный, дружелюбный (по фактору «оценка»); решительный (по фактору «сила»); как общительный (по фактору «активность»). Легко видеть, что подобный углубленный анализ содержания эмоционального компонента позволяет в значительной степени детализировать эмоциональный компонент бренда.

Таким образом, эмпирическое исследование показало, что от индивидуально-психологических особенностей субъекта, в частности мотивационной направленности потребителя и направленности рекламного сообщения зависит доминирование компонентов социальной фиксированной установки. Более детально, сказываются качество особенностей знания и соответствующих эмоций. В отношении первых существенна их разветвленность, дифференцированность относительно торговой марки и ситуации деятельности. В отношении вторых будет иметь значение сила эмоции, что в свою очередь, определяется значимостью активированной потребности. В целом, результаты эмпирического исследования позволяют нам сделать вывод о перспективности использования понятия социальной установки в исследованиях маркетинговой категории бренд.

Социальные представления о беременности

Вопилова И.Е.

Студентка

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Институт Психологии им.

Л.С. Выготского, Москва, Россия

E-mail: Irina.Vopilova@gmail.com

Секция «Психология»

Состояние беременности едва ли можно назвать новым объектом изучения в гуманитарных науках. Так, данный феномен оказывается в центре внимания не только психологов, но также этнографов, осуществивших систематические исследования ритуалов и обрядов, сопровождающих наиболее важные события в жизни человека и общества, и социологов, интересующихся проблемами демографии, репродуктивными установками населения, состоянием семьи как социального института. В рамках психологических исследований наибольшее внимание данной теме было уделено представителями психоаналитического направления. Однако представлены также исследования материнства и беременности, проведенные на основе деятельностного подхода, а также имеют место изучение беременности в рамках патопсихологии и перинатальной психологии. Таким образом, состояние беременности оказывается достаточно изученным с феноменологической точки зрения, но в то же время недостаточно исследованным как весьма специфический объект социального познания.

Востребованность психологического и в частности социально-психологического изучения периода беременности во многом определяется изменениями, происходящими в обществе, а именно - трансформацией женских ролей. Дискурс вокруг данной проблемы можно считать крайне противоречивым и непоследовательным с содержательной точки зрения. С одной стороны, представления о беременности зачастую мифологизированы, противоречивы, алогичны, с другой же стороны, степень открытости и откровенности обсуждения данного феномена является крайне неопределенной, не заданной четкими нормами, что, вероятно, является барьером для циркуляции информации и в свою очередь создает благоприятную почву для появления и развития всевозможных мифов.

В качестве методологической базы исследования нами была выбрана концепция социальных представлений С. Московичи. Данную концепцию можно считать адекватной методологической основой в силу следующих причин. Во-первых, социо-когнитивная «выпуклость» такого явления как беременность свидетельствует о возможности формирования социального представления как средства адаптации сложного, противоречивого явления к картине мира, разделяемой той или иной группой. Во-вторых, само понятие социального представления включает в себя как когнитивный, так и эмоциональный компоненты, что крайне важно для исследования объекта, в отношении которого можно предположить наличие яркой аффективной окраски. В-третьих, сама теория, а также ряд методик, разработанных на её основе, позволяют изучить семантическую структуру обыденных репрезентаций исследуемого объекта, что весьма важно на начальных этапах работы. И, в-четвертых, методический инструментарий позволяет проследить динамику становления и изменения социального представления, что также открывает интересные перспективы исследования.

Целью нашего исследования было выявление, анализ и описание структуры представлений о беременности. Предметом – социальные представления молодежи о беременности. Объектом исследования стали студенты московских и красноярских вузов (всего 330 человек: 122 москвичей, среди которых 68 девушек и 54 юноши, средний возраст которых составил 20,6 лет, и 208 студентов из Красноярска, среди которых 121 девушка и 68 юношей, средний возраст которых составил 18,7 лет).

В качестве метода исследования было выбрано анкетирование. Анкета состояла из двух частей: в первой части мы просили респондентов перечислить по семь ассоциаций со словом «беременность», вторая часть анкеты была нацелена на получение социально-демографической информации. Для дальнейшей обработки полученных ассоциаций применялась методика П. Вержеса, позволяющая описать структуру социального представления. В качестве вспомогательной методики мы также использовали метод контент-анализа. Обработка данных для групп московских и красноярских студентов осуществлялась независимо. Далее уже в рамках каждой из групп были выделены по две подгруппы по гендерному признаку, для которых структура социального представления была описана в отдельности.

Секция «Психология»

Анализируя структуры социальных представлений, выявленные на основе московской и красноярской выборок можно выделить ряд схожих моментов. Так, ядра данных представлений включают в себя категорию *ответственности*, которая в силу своей высокой частотности, а также благодаря смысловой сложности может претендовать на роль центрального, организующего социального представление элемента. Также элементами ядра являются понятия *живот* и *токсикоз*, благодаря которым социальное представление может выполнять функцию облегчения познания, ускоряя и упрощая процесс категоризации. Высокочастотными являются входящие в состав ядра ассоциации *ребенок, дети и мама*, иллюстрирующие социально-психологический аспект беременности, связанный, с одной стороны, с необходимостью включения нового члена группы в её структуру, а с другой, с приобретением женщиной новой роли. Также стоит отметить наличие в структуре ядра категории *проблема*, потенциально имеющей широкие семантические связи с другими категориями представления. Общими элементами периферии являются понятия *любовь, забота, роды, контрацепция, брак, плохое самочувствие и залёт*. И, наконец, общими понятиями для собственно периферической части представления являются *коляска, новая жизнь, секс и ужас*.

Заметим, что гипотеза о наличии ярко выраженного аффективного компонента в структуре представления и о его противоречивости подтвердилась. Так, эмоционально окрашенные понятия встречаются как в области ядра, так и в области периферии, причем среди их числа мы находим как позитивно окрашенные понятия (*счастье, радость, любовь, нежность, улыбки*), так и негативно окрашенные (*страх, ужас, боль, плохое самочувствие*).

К региональным особенностям социальных представлений о беременности можно отнести различное отношение к проблемам, связанным с *контрацепцией*: возможно, большая представленность в сознании столичных студентов данного понятия обуславливает меньшую вероятность возникновения такой ассоциации как *аборт*, что может быть следствием внедрения социальных программ. Помимо этого представления красноярской молодежи, скорее всего, испытывают на себе воздействие более традиционной, по сравнению со столичной, культуры. Результатом этого может быть появление в структуре представления понятия *свадьба*.

Говоря о гендерных особенностях представлений о беременности, следует отметить, что эмоциональный компонент представлений девушек оказывается более дифференцированным, по сравнению с юношами, которые в свою очередь уделяют больше внимания проблемам, связанным с контрацепцией и материальным обеспечением, что, вероятно, является следствием полоролевых предписаний. Также заметим, что исключительно среди женских ассоциаций мы встречаем такое понятие как *материнство*, что может свидетельствовать о значимости не только самого процесса беременности, но и связанных с ним изменений в социальном статусе.

Литература

1. Агнаева Е.Х. Образ будущего ребенка у беременной женщины // Автореф. дисс., Ростов-на-Дону, 2001.
2. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М., 2007.
3. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психол. журн. 2001. Т.22. №6. С. 39-47.

Исследование социально-психологических аспектов ориентировочной основы совместной деятельности малых групп

Гамова Е.И.

соискатель

*Курский Государственный Университет, кафедра психологии, г. Курск, Россия
gamova-katrine@yandex.ru*

В социальной, организационной и экономической психологии, в психологии труда и управления заметно повысился интерес к изучению различных групп, прежде всего трудовых, выполняющих совместную деятельность [2;6]. Актуальность этих вопросов определяется рядом практических потребностей. Например, групповое обслуживание больших систем выдвигает на первый план ряд проблем, требующих комплексного изучения совместной деятельности.

В самых разных разделах современной социальной, организационной, экономической психологии и психологии труда понятие «коллективный субъект» используется в нескольких значениях. Но наиболее широкое толкование «коллективного субъекта» в социальной психологии может быть представлено следующим образом. Коллективный субъект есть всякая совместно действующая или ведущая группа людей всякая совокупность людей, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т.п., есть коллективный субъект. Поэтому группы могут быть реальными и потенциальными субъектами. Группа должна обладать следующими свойствами, чтобы признаваться коллективным субъектом.

1. Взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, которое способствует формированию группового состояния как состояния преактивности (в частности, преддеятельности) - важнейшего условия любой активности (в частности, деятельности).

2. Способность группы проявлять различные формы совместной активности, т.е. выступать, быть единым целым по отношению к другим к другим социальным объектам или по отношению к себе самой. К различным формам совместной активности относятся общение и взаимодействие в группе, групповые действия, совместная деятельность

3. Способность группы к саморефлексии. Данное качество формирует в группе социально-психологическое чувство «мы», формирует групповые социальные представления о своей группе; настраивает членов группы на разные формы совместной активности, т.е. способствует формированию их психологической готовности к совместной активности в целом, в частности очень существенно для организации совместной деятельности группы; помогает членам группы более адекватно ориентироваться в социальной среде [2].

Нам представляется интересным исследовать такое групповое состояние как состояние преддеятельности или ориентировочную деятельность. Еще А.С. Макаренко установил, что без способности личности и коллектива к ориентировке их организация невозможна [4]. В связи с вышеизложенным нам представляется перспективным изучение ориентировочной части деятельности группы и ее влияние на результативность совместной деятельности в целом.

В гуманитарных науках известно несколько вариантов интерпретации ориентировки. Ориентировочный рефлекс, по И.П. Павлову – комплекс реакций организма в ответ на новизну раздражителя, т. е. чисто физиологический процесс По П.Я. Гальперину [1] психологическая ориентировка начинает действовать тогда, когда нет готового механизма на успешное решение задач. Мы понимаем ориентировку как групповой процесс подготовки к совместной деятельности, успешность которого влияет на ее результативность.

Планируя исследование, мы исходим из гипотетического предположения о том, что результативность совместной деятельности и организация взаимодействия членов группы обусловлена особенностями ориентировки группового субъекта в предстоящей деятельности.

В исследовании ориентировочной деятельности мы используем метод наблюдения и лабораторный эксперимент с применением приборов-моделей «Арка» и «ГСИ-7» для измерения следующих показателей: время, затраченное на ориентировку, время, затраченное на исполнение; содержание ориентировочной деятельности; вербальные реакции в ходе ориентировочной и исполнительской совместной деятельности.

Секция «Психология»

Данные приборы-модели обладают рядом свойств:

- групповая деятельность проста, не требует предварительной выработки специфических навыков;
- предоставлена большая степень свободы в выборе стратегий преодоления стресс-фактора;
- фиксируется не только результат совместной деятельности, но и сам процесс деятельности;
- обеспечивается обратная информация о вкладе каждого индивида в общий результат, следовательно, возможность влиять на процесс совместной деятельности.
- позволяют сопоставлять официальное и неофициальное взаимодействие;
- актуализируется процесс создания и функционирования организации;
- вводятся разные формы организации, соответствующие разным уровням организованности.[5]

Литература

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во «Книжный дом «Университет», 2002.
2. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
3. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
4. Макаренко А.С. О воспитании. М.: Наука, 1960
5. Чернышев А.С., Лунев Ю.Л., Сарычев С.В. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
6. Шорохова Е.В. Исследование личности в группе в истории отечественной социальной психологии в 20-х-50-х годах XX века // Психология совместной жизнедеятельности групп и организаций/ Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.

Гендерные особенности адаптации курсантов к учебно-боевой деятельности

Горлов В.В.

молодой ученый

Военный Университет, Москва, Россия

E-mail: Sundrome@mail.ru

Современный этап развития общества и Вооруженных Сил России показывает нам то, что начинает стираться граница между гендерным разделением обязанностей, есть общество и активно развивающиеся его члены, которые способны реализовать те потребности, к которым склонна их личность. И в вооруженных силах давно снято табу на наличие женщин в их рядах, причем не только в тыловых, но и в боевых подразделениях. Кроме того, в данный момент наблюдается значительное усиление внимания к проблеме надежного и эффективного функционирования человека в условиях воинской деятельности. Возрастает ответственность каждого военнослужащего, связанная как с ним самим, так и с вверенной ему техникой и оружием, исходя из этого, идет поиск новых методов управления, способов повышения готовности и способности к выполнению задач в любых условиях обстановки. А все это во многом зависит от адаптации человека к условиям деятельности, поэтому изучение особенностей, в том числе и гендерных, выходит на передний план. Ведь по данным социологического центра ВС РФ на данный момент вооруженные силы насчитывают около 110 000 женщин в своих рядах, это более 10 % от всего количества личного состава проходящего военную службу. И всех этих

специалистов надо готовить, а что бы их готовить нужно, создать благоприятные условия, одним из которых является адаптация. А эффективная и быстрая адаптация возможна, если только, мы учитываем особенности той группы, адаптацией которой нам придется заниматься. В данный момент все эти процессы в основном основываются на интуиции и жизненном опыте ответственных за этот процесс кадров, что конечно не плохо, но в данный момент назрела необходимость в создании системы с четко проработанными особенностями программ адаптации, как мужчин, так и женщин. Определенные гендерные особенности адаптации в воинской среде позволяют скорректировать программы подготовки и обучения у мужчин и женщин, позволит выработать перечень первоочередных задач и занимаемых должностей у каждой из гендерных групп исходя из склонностей каждой. Кроме того, данное исследование позволяет разработать модель гендерных особенностей адаптации, что даст нам ясную картину механизмов, влияющих на этот процесс у каждого из полов. Так же наше исследование поможет заложить еще один кирпичик в фундамент дальнейших исследований в этой области. Данная проблема в разные периоды была областью научных интересов: прежде всего, это работы И.С. Кона и Б.Г. Ананьева. В учебном пособии И.С. Кона «Психология юношеского возраста» целая глава посвящена взаимоотношениям юношей и девушек и их психосексуальному развитию⁵⁸. Одной из первых данную проблему затронули в 1981 году, в журнале «Вопросы психологии» была опубликована статья И.С. Кона «Психология половых различий», где был представлен обзор и анализ зарубежной литературы по данной проблеме. Б.Г. Ананьев в своем теоретико-экспериментальном психологическом исследовании о человеке обосновал необходимость изучения половых характеристик, как первичных свойств человека. В его книге «Человек как предмет познания», есть глава «Половой диморфизм и психофизиологическая эволюция человека», правда в основном речь здесь идет не столько о психологических характеристиках человека, сколько о его психофизиологии.

Объектом исследования: адаптация различных гендерных групп к военно-учебной деятельности.

Предметом исследования: гендерные особенности адаптации курсантов к военно-учебной деятельности.

Гипотеза исследования: у людей разного пола существуют особенности в механизме адаптации к военно-учебной деятельности, эти особенности могут влиять на скорость, эффективность и предел адаптации.

Характеристика испытуемых и методы исследования:

В исследовании приняли участие 60 курсантов 1-го курса (мужчин и женщин) военного университета. 1 группа девушек и 1 группа юношей зачисленных на 1й курс военного университета, исследование проводилось в течение 6 месяцев. Исследование проводилось в индивидуальном порядке с каждым испытуемым.

Методы исследования:

1) Методика «МЛО-АМ» (А.Г.Маклаков, С.В.Чермянин); 2) «Карточка явлений дезадаптации» - разработана автором исследования; 3) Методика исследования ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина.

Проведенное нами исследование позволило прийти к выводу, что процессы адаптации, а главное достижение состояния адаптированности у мужчин и женщин протекает различно. Они могут быть обусловлены биологическими особенностями человека, личностными психологическими конструктами, а так же формирующей функцией влияния социума и референтных групп. То есть у каждого пола есть целая совокупность устойчивых паттернов поведения, способов подстройки и адаптации, к различным проблемам продуцируемыми видами деятельности. К тому же мы определили наиболее чувствительные для воздействия механизмы адаптации у каждой из групп, и воздействия, имеющие наиболее глобальные воздействия, все это позволило создать

⁵⁸ Кон И.С. Психология половых различий, В/П 1981, № 3.

систему сопровождения при адаптации к учебной деятельности, исходя из гендерных особенностей мужчин и женщин. Непосредственно в самом исследовании была полностью подтверждена гипотеза о том, что процесс адаптации к военно-учебной деятельности имеет гендерные особенности, возникающие из-за проявления различных потребностей, реакций дезадаптаций, а так же социально-психологических и биологических особенностей каждого из полов. Доказательство гипотезы не только выделить особенности, но и позволило найти подходящие механизмы в их коррекции. Что позволит максимально эффективно влиять на курсантов в процессе адаптации, учитывая их гендерные особенности.

Литература

1. Анцупов А.Я. Влияние трудных ситуаций на эффективность деятельности воина-оператора: Дис...канд. психол.наук. - М., 1986.
2. Визгина А.В., Пантелеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. – 2001. - № 3.
3. Грошев И.В., Мужское и женское: коды гендерного конфликта, М., 2001.
4. Пушкарева Н.Л., Читаем сказки «сквозь гендерные очки», М., 2004.
5. Анохина Г.М. Личностный рост учащихся как результат адаптивного обучения. Инновации в образовании. №1, 2003.

Амбивалентность архетипа матери, как наследие культа Великой Матери давних славян*

Григоренко Ю.В.

студентка

Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, Черкассы, Украина

E-mail: yuliya_ua@meta.ua

Для глубинного понимания амбивалентного восприятия женщины, мы намерены обратиться к первичным истокам нашего этноса – венедской (славянской культуре).

Культ Богини-Матери был самой характерной чертой формирования религиозного сознания многих народов, и славянского в частности. Элементы этого культа являются отзвуками давних времен формирования одного из самых известных архетипов коллективного бессознательного - Архетипа Матери.

Археологические находки трипольской культуры, которая существовала на территории современной Украины, указывают на аналогичное чествование трипольцами Богини-Матери. Свидетельством этого являются многочисленные глиняные фигурки, которые также символизируют идею отождествления земли с женщиной, чья беременность является символом плодородия. Среди них встречаются изображения беременных и рожаящих женщин, фигурки женщин с жертвенником и ритуальным сосудом, женщин с ребенком и тому подобное [2].

Животворность совмещалась с танатологическими представлениями наших предков о женщине. Амбивалентность животворно-смертоносного аспекта Матери-Земли заключалась в том, что земля, как женщина давала жизнь, кормя и со временем забирая человека в свое смертоносное лоно. Позже это было описано в текстах Старого Завета о создании первых людей из праха земного, в который (по замыслу Бога) они непременно возвращались после смерти. Во времена археологических раскопок древних захоронений, курганов были найдены скелеты людей, заключенных в позу новорожденного ребенка [3]. Достоверно, что такие ритуалы захоронений воплощали верование в возвращение человека в материнское лоно после смерти. Это свидетельствовало о мистическом страхе наших предков перед процессом зарождения жизни в женской утробе.

* Автор выражает глубокую признательность кандидату психологических наук, доценту Аврамченко С.М. за помощь в подготовке тезисов

Танатологические представления славян находят свое выражение в поверье о том, что земля может расступиться, поглотив злоумышленника, или же наоборот – не принять его в свое лоно после смерти, обрекая этим на пожизненные скитания.

Восприятие женщины времен аграрных культов находилась в прямой зависимости от святости земли. Свидетельством осмысления земли, как святой есть представление давних славян о неприятии ею в свои недра колдунов, самоубийц и убийц. Происходили случаи, когда во время долговременной засухи люди начинали выкапывать из земли утопленников.

Закономерно, что адский потусторонний мир был расположен под землей, а рай, соответственно, находился на небесах. Небо (Сварог) в дохристианских верованиях анимистов является мужским символом, свидетельствами чего являются многочисленные космогонические мифы о совокуплении Неба и Земли. В поэме Котляровского «Энеида» изображено празднование свадьбы Дидоны и Энея во время большой бури. Их свадебный союз совпадает с единением стихий: Небо сжимает в объятиях свою жену, проливая необходимый для плодородия дождь.

У давних славян существовали многочисленные обряды и праздники, когда мужчины и женщины уподоблялись Небу и Земле. Мужчины символично оплодотворяли землю, сея лен раздетыми, а женщины, демонстрируя небу свои гениталии, тем самым вызывали дождь. В некоторых районах Украины еще в XIX веке вместо ритуального совокупления на полях в период посевной существовал обычай перекачивания парами по пашне [4, 221-223].

По мнению К.Г.Юнга, восприятие образа матери зависит от пола [5]. Если для женщины материнство является воплощением ее собственной последующей жизни, то для мужчины оно появляется неизвестным, чужим и таким, которого следует бояться.

Закономерной причиной амбивалентного отношения к материнскому образу является желание субъекта преодолеть сильную эмоциональную привязанность. Это является необходимым условием для приобретения им собственной независимости. Бессознательное может продуцировать образ угрожающей матери в виде животных, свидетельство чего можно встретить в фольклорных источниках славян. Примером может служить персонаж древнерусских сказок птица Алконост [3], которая считалась жительницей Ирия (славянского рая) и символом светлой печали. Ее изображали птицей-девой, с человеческим лицом. За легендами, Алконост управляла погодой, высиживая птенцов в море. В течение этого периода морские воды находились в покое. Самым выдающимся признаком райской девы было очаровывающее пение, которое радовало мертвых в райском саду и вынуждало живого человека забыть обо всем в мире. Рядом с Алконостом часто изображалась птица-дева Сирин, которая тоже владела волшебным голосом, но, в отличие от предыдущей, была олицетворением зла и страданий. Два похожих персонажа символизируют амбивалентность образа женщины-матери, которая одновременно оберегает и несет угрозу для субъекта потерять себя. Поглотив своей опекой, как опьяняющим пением она символично покушается на автономность индивида, обрекая его на пожизненное пребывание в плену матери.

Представление о женщине, как о носительнице сакрального знания, мистический страх перед ней породили образ Страшной Матери, который нашел свое проявление в виде сказочных персонажей. В древнерусских сказках Баба Яга изображалась с растрепанными волосами, заброшенной за спину большой грудью, которая летит в ступе, размахивая метлой [3]. Образ Страшной Матери может проявлять себя во всех продуктах деятельности несознательной сферы субъекта: сновидениях, кататимном переживании образов, психорисунках и т.д.

Таким образом, амбивалентность архетипа Матери ярко представлена в фольклоре давних славян. Данное явление обусловлено мистическим трепетом перед зарождением жизни в утробе и страхом возвращения посредством смерти в лоно женщины. Такое

восприятие тесно связано с желанием субъекта преодолеть сильную эмоциональную привязанность к матери, порождая внутренние противоречия и конфликты.

Литература

1. Кісь О. Етнічні гендерні стереотипи та джерела їх конструювання // Український жіночий рух: здобутки і проблеми: Зб. наук. праць. Вип.перший. – Дрогобич: Коло, 2002. – С.26-43.
2. "Історія релігії в Україні". Т.1: Дохристиянські вірування; Прийняття християнства. - К.: Укр. Центр духовн. Культури, 1996
3. Капица, Ф.С. Тайны славянских богов// М.:Рипол классик, 2007. – 416 с.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. Учебное пособие для вузов. М.: Олимп и ИНФРА-М, 1999.
5. Юнг К.Г. Символы матери и возрождение. Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа / Сборник. Переводы с нем. – Львов: Инициатива; М.: Совершенство, 1998.– С.313–380.

Влияние социальной среды на развитие эмпатии

Дементьев И.В.

Слушатель

Голицынский пограничный институт, Голицыно, Россия

E-mail: natalya_spring@mail.ru

Повышение уровня подготовки будущих офицеров–психологов является одной из ведущих задач образовательной деятельности военных вузов. Одним из факторов успешности профессиональной деятельности военного психолога является развитие эмпатии. Эмпатия как способность к целостному постижению внутреннего мира человека является для военного психолога средством сохранения собственной целостности, доброжелательности и должна стать устойчивым личностным качеством. В профессиональной подготовке специалистов психологов недостаточное внимание уделяется личностной готовности к профессиональной деятельности, к проявлению эмпатии.

Ряд психологических положений Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, К.К. Платонова, Б.Ф. Ломова и других ученых дают основание рассматривать эмпатию и как личностное качество. В то же время работы Е.А. Акчуриной, С.Б. Борисенко, Т.П. Гавриловой, Л.П. Стрелковой, О.В. Солнцевой и др. свидетельствуют о том, что развитие эмпатии как условия становления психолога не подвергались широкому научно-психологическому анализу.

На основании анализа научных публикаций было сформулировано определение эмпатии как способности к целостному постижению внутреннего мира другого человека и формированию у эмпатирующего рефлексивной стороны.

Исследование проводилось на базе военного вуза среди слушателей 1, 3, 5 курсов. Общий объем выборки составил 95 человек, из них: 43 человека 1 курса, 26 – 3 курса, 26 – 5 курса. Перед началом исследования внимание уделялось на создание у курсантов положительной мотивации к участию в эксперименте.

Исследование проводилось с помощью: опросника структуры темперамента (ОСТ) В.М. Русалова, «Методики диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко, «Способность педагога к эмпатии», «Опросник для диагностики способности к эмпатии» А. Меграбян – Н. Эпштейна.

Основные результаты исследования:

После проверки на нормальность распределения исследуемого признака был проделан корреляционный анализ. Выявлены значимые показатели по следующим шкалам:

Секция «Психология»

1 курс – предметная эргичность – пластичность (0,56), социальная эргичность – пластичность (0,50), социальная эргичность – социальная пластичность (0,55), предметная эргичность – темп и скорость (0,62), социальная эргичность – темп и скорость (0,49), пластичность – темп и скорость (0,81), социальный темп – пластичность (0,62), социальная пластичность – социальный темп (0,57), темп и скорость – социальный темп (0,48), эмоциональность – социальная эмоциональность (0,70).

Корреляционный анализ показал, что на 1 курсе у слушателей наблюдается легкость переключения с одного вида деятельности на другой, быстрый переход с одних форм мышления на другие в процессе взаимодействия с окружающей средой, высокая моторно-двигательная способность и психическая скорость. В этот период показали эмпатии имеют высокие значения так как вся деятельность направлена на окружающий мир и имеет альтруистические элементы.

3 курс – социальная эргичность – социальный темп (0,45), социальная пластичность – темп и скорость (0,58), эмоциональность – социальная эмоциональность (0,63), социальная эргичность – способность педагога к эмпатии (0,56), социальная пластичность – способность педагога к эмпатии (0,69), темп и скорость – способность педагога к эмпатии (0,59), социальная эмоциональность – способность педагога к эмпатии (0,55);

На 3 курсе данная способность начинает переходить в статистическое положение, т.е. утрачивается главный элемент – стремление к познанию. Это связано в первую очередь со спецификой обучения, которая имеет строгие ограничения. Уже в этот период наблюдается определенный застой в деятельности.

5 курс – пластичность – темп и скорость (0,57), темп и скорость – социальный темп (0,68), социальный темп – интуитивный канал (0,46), способность к эмпатии – интуитивный канал (0,54), интуитивный канал – идентификация (0,54)

У слушателей 5 курса отмечается тенденция к снижению уровня развития эмпатических способностей, что возможно объясняется более длительным нахождением в условиях военного социума.

Таким образом, в исследовании предпринята попытка проследить динамику развития профессионально важного качества военного психолога – эмпатии. В дальнейшем данная работа будет продолжена, что позволит выявить причины сложившейся тенденции.

Литература

1. Макарова Е.Д. Воспитание эмпатии как профессионально–личностного качества будущих социальных педагогов в целостном образовательном процессе педагогического колледжа: Дис. ... канд. педаг. наук. – Петрозаводск, 2006.
2. Роджерс К. Эмпатия // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984.

Особенности влияния эмоций на коммуникативное взаимодействие в военном социуме

Дупак А.А.

слушатель

Голицынский Пограничный Институт, Голицыно, Россия

E-mail: dokonca@yandex.ru

В современной отечественной и зарубежной психологии проблема общения, как элемента межличностного взаимодействия рассматривается очень широко. Особое внимание психологов обращено к тому, что «любой акт непосредственного общения - это не просто воздействие человека на человека (хотя и этот вариант не исключен), а именно их взаимодействие. Процесс общения строится как система сопряженных актов» (Б.Ф. Ломов, 1984). Взаимодействие рассматривается как такая связь (коммуникация), которая включает в себя обмен не только действиями, но и представлениями, идеями, интересами, настроениями, чувствами и установками между людьми (С.Л. Рубинштейн, 1973; Б.Ф. Ломов, 1984; Н.И. Шевандрин, 1995; А.А. Бодалев, 1996; А.А. Леонтьев, 1997). И

исследование феномена влияния эмоций на процесс коммуникации имеет важное практическое значение и позволяет подойти к решению проблемы оптимизации межличностных отношений военнослужащих всех категорий. Специфика жизнедеятельности курсантов военных вузов подразумевает постоянно растущие нагрузки на психическую деятельность, это делает процессы общения все более разнообразными и эмоционально напряженными, а значит, предъявляет повышенные требования к культуре общения, к умению быстро и адекватно ориентироваться в многочисленных по сложности коммуникативных ситуациях. От умения грамотно строить свое общение зависит результат, соответственно, достижение цели в процессе коммуникативного взаимодействия. (А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов).

Цель исследования заключалась в изучении и выявлении особенности коммуникативного взаимодействия, связанной с функционированием эмоций субъектов коммуникации.

Исследование проводилось в декабре 2008-январе 2009 года на базе военного вуза. В исследовании принимали участие курсанты-юноши 3 и 4 курсов, обучающиеся по специальности «психология» (N = 20) и « юриспруденция» (N = 23). Возрастной ценз участников составил 19 – 25 лет. Исследование включало следующий комплекс методов: специально разработанная анкета, стандартизированное наблюдение (видеозапись), беседа, контент - анализ видеозаписей, экспертные оценки. Для статистической обработки результатов исследования использовался биноминальный критерий.

Результат. В процессе коммуникации:

- Эмоциональное напряжение, возникающее у курсантов, приводит к изменению содержания коммуникативного взаимодействия. Содержание определяется индивидуальными моделями ситуации. Приписывается личностно-значимый смысл словам и действиям партнера.
- Возникновение субъективно измененных моделей восприятия коммуникативного взаимодействия приводит к стереотипизации (упрощению) коммуникативного поведения субъекта коммуникации. Из его памяти извлекаются привычные паттерны поведения, соответствующие его восприятию ситуации, происходит эгоцентрическая интерпретация сигналов коммуникативного обмена.
- Несогласие партнера по коммуникации идентифицируется как эмоционально неприемлемое для субъекта взаимодействия, что приводит к необоснованному использованию защитных реакций. Поведенческие проявления субъекта коммуникации при сопротивлении со стороны партнера приобретают стойкий, эгоцентрический характер. Многократно повторяются одни и те же слова, совершаются однотипные действия, проявляется « мыслительный коллапс».
- Под влиянием эмоций происходит искажение интерпретации сигналов обратной связи. Они интерпретируются в соответствии с субъективным смыслом содержания коммуникативной ситуации, что, в свою очередь приводит к усилению эмоциональной напряженности общения.
- Доминирование собственных интересов и эгоцентрическая интерпретация содержания коммуникативного обмена субъектом коммуникации побуждает партнеров по диалогу к обособленному поведению, что в итоге дискредитирует установку «курсанты – братья», что неприемлемо для курсантского социума.

Вывод. Изучение специфики функционирования эмоций в коммуникативном взаимодействии позволило выявить связь между содержанием, структурой, характером коммуникативного взаимодействия и эмоциями его субъектов в ситуации конфронтационного общения, а так же скорректировать вероятные затруднения в межличностных отношениях курсантов военных вузов.

Литература

1. Бархаев Б.П. Военная педагогика и психология. - М.: 1998. С. 8
2. Молчанова Н.В. Влияние эмоций на коммуникативное взаимодействие. – Кострома., 2005.
3. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: учебное пособие 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Высшая школа, 1984.
4. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984
5. Леонтьев А.А. Психология общения. Изд.2. М.: 1997. Леонтьев, 2000: А.А.Леонтьев.

**Особенности взаимодействия молодежи с информационной средой
и формирование ценностных ориентаций**

Ерохин Д.О.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: erokhindmitry@gmail.com

Ценности человека, являясь интегрирующим и стабилизирующим началом психической жизни, направляют развитие как общественных, так и межличностных отношений. В силу этого ценностные ориентации являются одной из приоритетных областей изучения в психологии, социологии, политологии и других науках, изучающих человека и общество.

Сегодняшняя картина ценностей молодежи, по мнению исследователей, во многом соответствует образам счастья и успеха, формируемым современными средствами массовой коммуникации. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть возможный вклад массовой коммуникации, как одного из важнейших компонентов информационной среды человека, в процесс формирования ценностных ориентаций молодежи.

Под информационным пространством мы понимаем совокупность коммуникативных процессов, влияющих на жизнедеятельность человека, опосредованных технологиями, социальными институтами и языком. Информационная среда определяется в рамках нашего исследования как ближайшая внешняя по отношению к субъекту часть информационного пространства, совокупность «коммуникативных условий», в которых непосредственно протекает его деятельность. В настоящее время информационная среда представляет собой сложное многоаспектное образование. Ее можно охарактеризовать как систему коммуникативных потоков, на пересечении которых (и под воздействием которых) находится субъект.

Социально-психологические исследования традиционно рассматривают формирование ценностей как процесс усвоения, инкультурации индивидом норм и смыслов, характерных для групп, в которые тот непосредственно включен и которые являются для него референтными. В качестве таких источников норм и ценностей исследователи рассматривают семью, образовательные учреждения, трудовые коллективы и т.д.

При взаимодействии индивида с информационной средой источниками трансформации и формирования ценностей являются, в первую очередь, сообщения, получаемые по каналам массовой коммуникации, которая представляет собой процесс взаимодействия больших социальных групп, опосредованный техническими средствами (каналами коммуникации).

При рассмотрении массовой коммуникации мы исходим из той посылки, что коммуникатор, создавая и транслируя сообщения, всегда преследует цель управления поведением и мнениями реципиентов. Эта цель достигается, в частности, за счет того, что сообщения коммуникатора заведомо содержат в себе интерпретацию описываемых событий, фактов действительности.

Секция «Психология»

На теоретическом уровне рассмотрения мы можем представить процесс трансформации ценностей под влиянием сообщений СМК следующим образом. Значения и смыслы индивида, полученные при взаимодействии с группами членства и подкрепляемые личным опытом, дополняются значениями и смыслами, содержащимися в сообщениях, полученных по каналам массовой коммуникации. Чем более эффективна коммуникация, тем с большей вероятностью значения и смыслы реципиента будут видоизменяться в желаемом для коммуникатора направлении. Аналогично можно рассмотреть трансформацию аффективных компонентов ценностных ориентаций: они трансформируются под воздействием образного наполнения и эмоциональной окрашенности воспринимаемых сообщений СМК.

В рамках нашего эмпирического исследования предполагалось выделить различные типы взаимодействия с информационной средой и установить соответствующие им доминирующие ценностные ориентации. Под типом взаимодействия мы понимаем совокупность мотивационных и поведенческих компонентов, функционально описывающих процессы поиска, отбора и восприятия всей совокупности сообщений СМК.

В исследовании нами были использованы: методика структурированного интервью; анкета с вынужденным выбором высказываний. Исследование проводилось на выборке, в которую вошли 2000 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет. Путем кластерного анализа содержания интервью и анкет были получены 9 мотивов обращения к СМК, а также 13 базовых процессуальных характеристик взаимодействия с информационной средой. Было получено четыре параметра, не соотносящиеся ни с одним из «мотивационных типов» обращения к СМК, как то: консервативная приверженность – поиск новых источников информации; пассивное восприятие – активное распространение знаний; авторитарность – демократизм; устойчивость – подвижность интересов.

Анализ результатов исследования выявил, что все многообразие поведения индивида в отношении информационной среды можно описать с помощью пространства, образованного двумя биполярными факторами:

- 1) Спонтанность, развлечение, удовольствие – концентрация, информация, контроль;
- 2) Ориентация на свое «я», индивидуальная реализация – «мы»-чувство, сопричастность.

Качественный анализ результатов позволил также выявить соответствие мотивационных типов поведения в информационной среде жанровым предпочтениям респондентов и наиболее референтным для них каналам массовой коммуникации.

На последующих этапах эмпирического исследования мы планируем проверить гипотезу о взаимосвязи типа взаимодействия с информационной средой (включая референтность тех или иных каналов коммуникации) и особенностей системы ценностных ориентаций респондентов.

В предыдущем исследовании, где применялась аналогичная схема анализа, нам удалось выявить взаимосвязь преобладания индивидуалистических ценностей и ориентации на потребление с выраженной референтностью телевидения и рекламы в качестве источников (каналов) информации. В первую очередь, это касается ценностей, в формировании которых телевидение и реклама участвуют, создавая стереотипные образы успеха и счастья, связывая в восприятии молодежной аудитории потребление и карьерные достижения с набором терминальных ценностей.

Литература

1. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян. М., Социс. 2001.
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации. М., Аспект пресс, 2008.

3. Пронина Л.А. Современная информационная среда как новая форма бытия человека. <http://analiculturolog.ru>, 2006.

Критерии оценки эффективности религиозного копинга

Есын М. З.

*Аспирантка кафедры психологии философского факультета
Львовского национального университета имени Ивана Франка
janka_ko@yahoo.com*

Лица, которые активно внедряют учения Церкви в свою повседневную жизнь, часто употребляют для преодоления трудностей религиозный копинг [4]. Это – религиозное поведение, которое отражает готовность индивида решать свои жизненные проблемы. Его особенность состоит в обращении человека к учению Церкви и использовании различных религиозных практик (молитвы, посты, посещения Церкви, участие в религиозной жизни общины и т.п.). Поскольку в религиозной жизни индивида данный копинг занимает ведущее место, психологи обратили внимание на определение эффективности религиозного копинга [1, 3, 5].

В психологической литературе существуют три критерия оценки религиозного копинга: содержательный, прагматический и интегративный [1, 3, 5]. Согласно содержательному критерию религиозный копинг является эффективным в том случае, если человек придерживается в своей жизни соответствующих убеждений и взглядов, предложенных Церковью, часто молится, соблюдает посты в определенные дни, а также переживает чувство вины за совершенные грехи. По мнению К. Паргамента, Б. Зинбауера, А. Скота, Э. Баттера, Дж. Зеровина и П. Станика, этот критерий недостаточен для определения эффективности религиозного копинга, поскольку не учитывает ситуационных и социальных влияний [5]. Прагматический критерий созданный на основе модели оценки результата религиозного копинга [2, 3]. Согласно этой модели индивид будет использовать ту копинг-стратегию, которая приводит к позитивному результату и оценивается им как полезная или эффективная. К. Паргамент и С. Фолькман считают, что данный критерий и модель имеют ряд недостатков [2, 3]. Во-первых, в них не анализируются способы, необходимые для достижения цели, а также конечный результат, что не дает возможности выявить проблемные вопросы в религиозном копинге. Во-вторых, лица могут достичь позитивных результатов случайно, не прикладывая при этом значительных усилий, что не учтено в модели оценки результата копинга. В-третьих, данная модель и критерий не допускают вероятности того, что человек будет продолжать преодолевать трудности при помощи той же стратегии даже в случае негативного исхода [3]. Из этого вышесказанного, можно сделать вывод, что о религиозных копинг-стратегиях нельзя однозначно сказать, являются ли они эффективными или нет, и к какому результату они приводят – позитивному или негативному.

О интегративном критерии говорят в пределах модели оценки процесса религиозного копинга, которая изучает проблемные для человека сферы [1, 2]. Согласно этому критерию эффективность копинга определяется уровнем соответствия, взаимодействия или противодействия отдельных элементов копинг-процесса. Этими элементами являются способы, которыми владеет личность, конечная цель, которой есть необходимость достижения, а также система ценностей, разработанная Церковью [3]. Целью в религиозном копинге может быть стремление ощутить близость Бога или членов религиозной общины, духовно развиваться, а также достижение эмоционального комфорта. Среди способов достижения этой цели ведущее место занимают религиозные практики, разнообразные эмоциональные переживания, соблюдение соответствующих взглядов и убеждения, формирование необходимых взаимоотношений с окружающими [5]. Система ценностей проявляется в том, что человек придерживается определенных норм и правил поведения, записанных в Святом Письме или других религиозных текстах.

Отсутствие интеграции или координации между перечисленными элементами религиозного копинга может помешать процессу преодоления трудностей. Различают такие препятствия на пути решения проблемных ситуаций: «ошибочное направление», «ложная дорога» и «против ветра» [1, 5]. Если человек постоянно приносит себя в жертву ради одной и той же цели, отбрасывая или обесценивая при этом другие, то он идет в «ошибочном направлении» [1, 5]. Довольно часто «ошибочное направление» связано с несогласованностью между целями и ценностями, которые предъявляет человеку Церковь и которые существуют у индивида по отношению к самому себе. «Ошибочное направление» может приобретать форму самоотречения, когда человек полностью посвящает себя религиозной жизни; самопоклонению, когда индивид придерживается лишь собственных целей, не обращая внимания на религиозные; религиозной индифферентности, при которой личность обесценивает собственные и религиозные ценности.

Бывают случаи, когда религиозная копинг-стратегия, которую использует индивид для достижения желаемой цели, не соответствует требованиям конкретной ситуации. Тогда говорят, что личность идет по «ложной дороге», переоценивая или недооценивая собственный контроль над ситуацией [1, 5]. Выделяют такие формы «ложной дороги»: возмездие Бога, когда определенное событие рассматривается как результат собственной грешности, несправедливого поступка; религиозная пассивность, когда любая активность относительно решения проблемы перекладывается на Бога; религиозная месть, когда религия используется для нанесения вреда окружающим; религиозное опровержение, которое предусматривает, что человек отрицает любые негативные последствия стрессовой ситуации. Препятствие в преодолении трудностей в ситуации «против ветра» связано с религиозными конфликтами с другими людьми, Богом или самим собой из-за несоответствия взглядов или практик разных лиц относительно религиозных вопросов [1, 5]. «Против ветра» может приобретать форму интерперсонального религиозного конфликта с родственниками, друзьями или другими членами общины; конфликта с догмами Церкви, которых придерживаются священнослужители; злости на Бога, который, по мнению человека, несправедливо поступает с добрыми людьми; религиозных сомнений, когда человек запутался в своих религиозных взглядах.

Теоретический анализ приводит нас к таким выводам. Исследования эффективности религиозного копинга проводились с точки зрения его влияния на изменение поведения и взглядов индивида ради достижения желаемого результата. Были изучены такие критерии эффективности, как соблюдение личностью соответствующих поучений Церкви, польза от результата деятельности человека и согласованность различных составляющих элементов копинг-процесса. Однако, по нашему мнению, невыясненным остается вопрос, какие именно личностные свойства влияют на эффективность религиозного копинга, а также существует ли зависимость между эффективностью религиозного и нерелигиозного копинга.

Литература

1. Butter E. M., Pargament K. I. Developmental of a model for clinical assessment of religious coping: initial validation of the Process Evaluation Model // *Mental Health, Religion & Culture*. – London: BrunnerRoutledge. – Volume 6, Number 2, 2003. – P. 175-193.
2. Folkman S. Making the case for coping // *Personal Coping: Theory, research, and application* / Ed. by B. N. Carpenter. – London: Praeger, 1992. – P. 31-46.
3. Pargament K. I. *The Psychology of Religion and Coping: Theory, research, practice*. – New York: The Guildford Press, 1997. – P. 32-100.
4. Pargament K.I., Smith B. W., Koenig H. G. & Perez L. Patterns of positive and negative religious coping with major life stressors // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 1998, Vol. 37. – P. 710-724.

5. Pargament K.I., Zinnbauer B.J., Scott A.B., Butter E.M., Zerowin J. & Stanik P. Red flags and religious coping: Identifying some religious warning signs among people in crisis // Journal of Clinical Psychology. – 1998, No 54. – P. 77–89.

Ценности современных и будущих российских предпринимателей

Жирикова А.В.

Аспирант факультета психологии

Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

E-mail: anas-zhirikova@rambler.ru

В современном российском обществе большое внимание уделяется проблемам развития бизнеса и формированию деловой культуры современных предпринимателей. Основной проблемой остается осознание и понимание механизмов, способствующих формированию компетентного и ответственного подхода к реализуемой ими профессиональной деятельности. Для выявления и понимания данных механизмов, необходимо проанализировать внутренние и внешние нормативные конструкты, координирующие и детерминирующие реализацию профессиональной деятельности предпринимателей. Одним из таких конструктов на наш взгляд, являются ценности предпринимателей.

Согласно концепции Ш. Шварца, стратегические жизненные цели, общие мировоззренческие ориентиры, а, следовательно, и профессиональная направленность отражается в сознании человека в виде структуры его ценностей. Ценности личности представляют собой ключевые цели, которые связаны со всеми аспектами ее поведения. Таким образом, можно говорить о том, что ценности являются именно тем конструктом, который имеет четкую внутреннюю структуру и внешнюю реализацию, посредством демонстрируемого поведения.

Основываясь на данном положении, нами были изучены ценности современных предпринимателей, реализующие данную деятельность более 10 лет и студенты, намеривающиеся реализовывать предпринимательскую деятельность, после окончания ВУЗа, на основе полученной профессиональной подготовки. Основной задачей нашего исследования было выявить сходства и различия структур ценностей современных и будущих предпринимателей, организующих реализацию их деятельности.

Проведенное исследование показало, что структуры ценностей современных и будущих предпринимателей различны. Структуру ценностей современных предпринимателей составляют такие ценности как «Достижение», «Самостоятельность», «Безопасность», «Универсализм», «Конформность». Данная структура ориентирована на достижение стабильности, социального статуса и личного успеха, в соответствии с социальными стандартами и социальными ожиданиями, а также терпимость при реализации важных жизненных задач. Преобладающая совокупность ценностей, может свидетельствовать о достаточно сложившемся способе реализации своей профессиональной деятельности, основанном на учете и гибком отношении к факторам окружающей действительности (партнерам, контролирующим органам, т.д.), что, несомненно, детерминируется достаточным опытом профессиональной деятельности.

В структуру ценностей будущих предпринимателей входят такие ценности как «Традиции», «Стимуляция», «Гедонизм» и «Власть», что характеризует направленность на соблюдение обычаев и традиций при выполнении профессиональной деятельности. Более того, будущие предприниматели ориентированы на реализацию усвоенных в рамках обучения, профессиональных компетенций, а также знаний, умений и навыков, т.е. готовы применять накопленный ранее опыт (предшествующими специалистами) в своей профессиональной деятельности. Таким образом, достаточно четко прослеживается механизм преемственности норм, традиций и обычаев реализации предпринимательской деятельности. Данная преемственность обуславливается тем, что предпринимательство в

Секция «Психология»

настоящее время является не стихийной формой профессиональной реализации человека, а областью включающей специализированную профессиональную подготовку. Следовательно, основное различие структуры ценностей будущих и современных предпринимателей состоит в том, что будущие специалисты ориентированы на преобразование и совершенствование имеющихся традиций, посредством полученных знаний и компетенций, что может свидетельствовать о большей социальной направленности их деятельности, нежели у настоящих специалистов. Таким образом, профессиональная подготовка предпринимателей, в рамках системы высшего образования, позволяет формировать структуру профессиональных ценностей, которая ведет к осознанию стратегий и факторов профессионального успеха, социально приемлемыми, а самое главное социально ответственными способами, и является, одним из механизмов, формирования деловой культуры бизнеса.

Литература

1. Дементий Л.И., Жирикова А.В. Ценности как детерминанта выбора карьерных ориентаций студентами - будущими предпринимателями// Вестник Омского университета. Серия «Психология» №2, 2007 с. 4-11;
2. Дементий Л.И., Жирикова А.В. Формирование ценностей и карьерных ориентаций у будущих специалистов в учебно-профессиональной деятельности//Психология в вузе №3,2008 с.26-38;
3. Дементий Л.И., Жирикова А.В. Ценности как детерминанта реализации карьерных ориентаций у предпринимателей// Вестник Омского университета. Серия «Психология» №1, 2008 с. 8-15;
4. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство – СПб: Речь, 2004;
5. Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру – М.: Новости, 2000.

Особенности мышления и ценностные ориентации человека, состоящего в секте *Журавская Е.Е.*

Студент

Томский государственный университет,

факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: special_k@mail2000.ru

Наше время многими исследователями (Дворкин А.Л., Зенько Ю.М., Волков Е.Н. и др.) определено как время расцвета сект. На территории России существует множество религиозных организаций, которые не представляют серьезной опасности, но также существует множество организаций, оказывающих психологическое и физическое насилие над своими адептами. Проблема попадания и существования людей в сектах становится важной для государства, т.к. государство – это, прежде всего его граждане, здоровье и благополучие которых напрямую воздействует на состояние и развитие государства. Интерес к данной проблеме возник в середине 20 века. Одним из первых ее разработчиков считается Дворкин А.Л.. В дальнейшем эта тематика получила развитие в ряде современных работ Короленко Ц.П., Дмитриевой Н.В., Волкова Е.Н. и других.

В настоящей работе, мы хотели бы рассмотреть один из аспектов личности человека, состоящего в секте, – мышление адепта. Особенности мышления адепта являются довольно сложными для понимания. В большинстве случаев у человека отключается механизм критического мышления по отношению к идеям культа. Любая критика или иное восприятие данного культа, воспринимается им как бы сквозь фильтр. Таким образом, срабатывает механизм защиты своего разума от внешних, негативных поступлений. Этим способом сектант ограждает себя от болезненных ощущений, которые появляются, когда он начинает осознавать пробелы или недостатки культового учения.

Секция «Психология»

Критическое мышление является значимым фактором в формировании приверженности к культуре. Его развитость определяет: насколько глубоко человек будет «затянут» в секту. В группу риска, по вероятности вовлечения в секту, входят люди с неразвитым критическим мышлением. [5]

Однако не все адепты сект характеризуются неразвитой критичностью. Ф.В. Кондратьев описывает типы адептов, обладающих вполне развитым критическим мышлением, самостоятельных в принятии решений и определении своего поведения, т.е. наличие или отсутствие критичности нельзя назвать основной детерминантой попадания людей в секты. Ценностные ориентации сектантов достаточно вариативны, в них присутствуют как нацеленность на духовные, макросоциальные ценности, так и ориентация на удовлетворение витальных потребностей. В общих чертах, ценности носят дефицитный характер. [2]

Каждый адепт обладает определенной системой ценностей, навязанной культом. Любая другая система отвергается им априорно. Твердость системы ценностей определяется несколькими факторами:

- длительностью нахождения в секте (приблизительно достаточно двух месяцев для формирования полной зависимости от культа и формированию новых ценностей)
- развитостью доверительных отношений между адептом и другими членами культа [1].

Длительность пребывания человека в секте определяет уровень зависимости от нее, т.е. чем дольше человек находится в секте, тем более он привержен ей. Доверительные отношения между новым адептом и другими сектантами выстраиваются не сразу, а спустя какое-то время. В течение этого срока человек устанавливает крепкие дружеские отношения с другими участниками секты, за счет чего происходит формирование многоуровневой системы доверия. Она разворачивается от доверия к отдельным адептам, затем ко всей группе и, в последующем, в доверии к учению секты. Таким образом, переход или отказ от системы ценностей культа может разрушить всю систему доверия, любви и привязанности к адептам и учению секты. Данные чувства сформированы страхом человека перед разрушением его ценностной системы. Адепт беспрекословно доверяет учению культа, любое сомнение в учении считается греховным и формирует чувство вины, как своеобразный способ защиты от нежелательной информации.

В последствии развивается механизм блокировки мышления, которую обуславливают два фактора:

- «любовь», привязанность к культу,
- односторонняя информация, отсутствие альтернативных вариантов [1].

Мышление сектанта как бы подразделяется на собственные мысли и мнения, навязанные организацией. Главная проблема заключается в том, что свои мысли для него не отделены от мнения культа. Человек искренне верит, что он сам так считает, и пришел к такому мнению по собственному желанию и при помощи осмысления доктрины. Сектант характеризуется отсутствием аналитического мышления по отношению к культовой идеологии, по механизму страха отклонения от истин организации. Такое мышление запрещается культурами. Любые пробелы или неточности в учении, воспринимаются адептом ни в коем случае как ошибки доктрины, а сводятся к его элементарному незнанию или неопытности. Адепты характеризуются наличием механизма отрицания, т.е. любое посягательство на учение, критика, даже априорные факты рассматриваются ими как неверные, т.к. адепт может мыслить только в одном направлении – направлении защиты любыми способами истины культа. [1]

Резюмируя, хотелось бы подчеркнуть наличие у культиста своеобразного мышления, проявляющегося в однонаправленности, идентификации своего мнения и мнения культа, наличию своеобразной защиты ценностей (отрицания), сформированной в секте. Адепта секты характеризуют и личностные особенности, проявляющиеся в несформированном чувстве идентичности, зависимом типе личности, не критичности.

Литература

1. Скерцо И.А. Тайное царство Сторожевой башни. Разоблачение Свидетелей Иеговы [Электронный ресурс] // URL: <http://askforbiblie.by.ru/forjw.htm>, свободный.
2. Кондратьев Ф.В. Современные культовые новообразования ("секты") как психолого-психиатрическая проблема [Электронный ресурс] // <http://psyfactor.org/> «пси-фактор» — информационный ресурсный центр по практической психологии. URL: <http://psyfactor.org/lib/lifespring.htm>, свободный.
3. Лири Т. Технологии изменения сознания в деструктивных культах / Пер. с англ. — «Janusbooks» / Под ред. Митрофановой И. С-Пт., 2002. 224 с.
4. Вершинин М.В. Психологические особенности личности членов деструктивных и террористических групп [Электронный ресурс] // <http://psyfactor.org/> «пси-фактор» — информационный ресурсный центр по практической психологии. URL: <http://psyfactor.org/vershinin1.htm>, свободный.
5. Балакин М.А. К вопросу о деструктивных тоталитарных корпоративных культах. Причины попадания в деструктивные, тоталитарные культы и группы риска [Электронный ресурс] // <http://psyfactor.org/> «пси-фактор» — информационный ресурсный центр по практической психологии. 2007. URL: <http://psyfactor.org/lib/sekta21.htm>, свободный.

Религиозность молодежи: социально-психологический аспект

Иванова Э.М.¹

Студент

*Российский государственный профессионально-педагогический университет, Институт психологии, г. Екатеринбург, Россия
E-mail: pp04@mail.ru*

С социально-психологической точки зрения, религия – это одна из форм общественного сознания (общественной жизни) социальных групп и личностей, с помощью которой люди общаются (пытаются общаться) с реальностью, но не той, с которой мы сталкиваемся в повседневной действительности, а другой – лежащей за пределами обыденного опыта и представленной в голове человека в иллюзорно-фантастических образах, представлениях, понятиях. Религия – особая сфера проявления психики человека, связанная с поиском им духовной и психологической помощи, идейных и других ориентиров и функционирующая в форме верований и практических действий, к которым, как давно уже доказали психологи, люди обращаются тогда, когда они не способны решить свои повседневные проблемы собственными силами в борьбе за свое существование.

С социально-психологической точки зрения религиозность служит основой психического здоровья человека. Возможно источником религиозности могут являться осознание и переживание слабости, страха и чувства угрозы; переживание человеком собственной ограниченности и предельности, экзистенциального и творческого беспокойства, связанного с выработкой ценностей и поиском смысла жизни.

Целью исследования, проведенного студентами института психологии РГППУ, являлось выявление уровня религиозности молодежи, изучение которого необходимо в наши дни, так как именно молодежь по своей социальной природе представляет “голографическое” отражение всех противоречий и возможностей социально-исторической и культурной динамики общества в рамках определенного масштаба социальной реальности.

В исследовании приняли участие 340 молодых людей города Екатеринбурга, в возрасте от 15 до 30 лет. Средний возраст участников исследования варьирует в интервале от 19 до 21 года, представителей мужского пола 189, женского пола 151.

Секция «Психология»

Основной используемой методикой было анкетирование, так как оно позволяет сохранить анонимность респондента и собрать большой объем информации за сравнительно небольшой промежуток времени.

Анкета содержала ряд вопросов, каждый из которых направлен на выявление уровня религиозности и особенностей ее проявления в определенных ситуациях. Вопросы охватывали те составляющие, которые должны быть у истинно верующего человека. Это, во-первых, в сфере сознания:

- вера в бога;
- вера в бессмертие души;
- отождествление себя с верующими определенной конфессии.

Во-вторых, в сфере поведения:

- посещение церкви;
- чтение религиозной литературы;
- соблюдение религиозных праздников.

Совокупность ответов на эти вопросы позволили определить уровень религиозности опрошенных респондентов.

Сконструированная анкета содержала вопросы, направленные на выявление уровня искренности респондента, позволяющее оценить достоверность полученных результатов.

Исследование проводилось в начале декабря 2007 года в местах массового скопления молодежи города Екатеринбурга (школы, дворы, клубы, игровые залы и др.) Выбор места проведения был обусловлен тем, что именно на такие места сконцентрировано внимание большей части молодежи. Диагностические процедуры были запланированы на первую половину дня, так как в более раннее время или в более позднее эффективность работы и концентрация внимания человека снижаются.

После проведения анкетирования результаты заносились в таблицу путем подсчета ответов-повторов на каждый вопрос анкеты в процентном соотношении ко всей выборке, после чего был проведен статистический анализ полученных данных.

Ответы, оценивающие уровень искренности респондента, показали высокие значения, что свидетельствует о высоком уровне достоверности полученных результатов для данной выборки.

Респонденты активно использовали строки для ответов на открытые вопросы, что говорит об ответственности, достоверности и честности ответов. После проведения статистического анализа полученных ответов можно сделать следующие выводы:

1. Только половина опрошенных относит себя к религиозному человеку (56%), остальные относят себя либо к “колеблющимся”(24%) или к “неверующим”(20%).

2. Большинство опрошенных исповедуют христианство, хотя многие из них не относят себя к религиозному человеку (70%).

3. Значительное влияние на выбор религии опрошенных оказала семья(56%).

4. Большинство опрошенных обращаются к богу в сложных жизненных ситуациях, когда им необходима моральная поддержка (40%).

5. Многие из опрошенных не интересуются религиозной литературой и не читают ее (20%), но они знают религиозные праздники и традиции, которые их сопровождают (64%).

6. Сравнительный анализ гендерных особенностей религиозности молодежи показал, что представители мужского и женского пола по всей выборке существенной разницы по уровню выраженности религиозности не имеют.

7. Анализ возрастного состава участников исследования обращает на себя внимание тем, что молодые люди в возрасте от 15 до 21 года (58%) в большинстве случаев не религиозны, а с увеличением возраста, то есть после 22-23 лет уровень религиозности возрастает (42%).

Исходя из этого, можно объяснить рост преступности, жестокости, равнодушия ко всему происходящему вокруг среди молодежи. Ведь если человек не религиозен, он более

Секция «Психология»

склонен к нарушениям законов, а именно к жестокости, варварству, зависти, злобе, равнодушию, воровству, убийству (в том числе и аборт) и т.д. Религиозность предполагает присутствие у людей доброты, гуманности, толерантных отношений друг к другу, сочувствия и т.п.

Религия в настоящее время недостаточно привлекает молодежь. И для предупреждения роста преступности религиозность необходима, ведь именно от молодежи зависит дальнейшая судьба нашего общества, от ее нравственных установок, ценностных ориентаций, которые зачастую складываются под влиянием религии.

Для повышения уровня религиозности молодежи может быть предложено введение курса религиоведения в различных учебных заведениях духовными или светскими лицами. Многие молодые люди в период социализации нуждаются в совете взрослых, в психологической поддержке и помощи, которую зачастую не могут получить, т.к. освещение в средствах массовой информации существования и возможности воскресных школ, телефона доверия в храмах явно не достаточно. Это характеризуется такими высказываниями как «не знаю, куда можно обратиться за помощью», «почему нет телефона доверия в церкви?», «кто в церкви может дать совет?», «зачем нужна воскресная школа?» и пр.

О возможностях исследования психологической дистанции в кросскультурных исследованиях (на примере России и Германии)

Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-06-00679а)

Ильичева Е.А.

Студент

*ГОУ ВПО Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
Институт Педагогики и Психологии, кафедра социальной психологии, Кострома, Россия
E-mail: zhenekkkk@mail.ru*

Изучение психологической дистанции вызывает интерес у исследователей в области кросскультурной психологии. Это связано с тем, что психологическая дистанция напрямую связана с процессом коммуникации. Психологическая дистанция представляет собой установку на желаемую степень близости / отдаленности между партнерами коммуникации, их позиции по отношению друг к другу (А.Н. Татарко, 2004). Психологическая дистанция может привести как к улучшению качества коммуникации, так и к нарушению процесса взаимодействия между людьми.

В современном мире происходит увеличение контактов между представителями разных культур, как на государственном уровне, так и на личном (межличностное взаимодействие). Изучение процесса коммуникации, знание факторов, его определяющих, уменьшает риск возникновения коммуникативных барьеров, непонимания между представителями различных культур.

Однако, не смотря на очевидную значимость исследования данной проблематики, существует явный недостаток эмпирических исследований по изучению данного аспекта коммуникации в области кросскультурной психологии. Изучение психологической дистанции как фактора эффективности российско-немецкого взаимодействия актуально в настоящее время в связи с тесным взаимодействием и сотрудничеством России с Германией.

Психологическую дистанцию в межкультурной коммуникации в большей степени определяют сходства и различия представлений о людях – представителях «своей» и «чужой» культуры. Представления – это сложные когнитивные схемы, в которых запечатлены системы социальных образов. Представления детерминируют поведение человека, определяют его позиции по отношению к другим людям в процессе коммуникации (С. Московичи, 1995)

Цель данного исследования заключается в изучении корреляционной связи между представлениями о трудных жизненных ситуациях в опыте жителей Германии и России.

Цель определила выдвижение основной исследовательской **гипотезы**: наличие положительной связи между представлениями о жизненных трудностях способствует уменьшению психологической дистанции в межкультурном взаимодействии, а отрицательная корреляция, либо отсутствие корреляционной связи – к ее увеличению.

Выборку исследования составили мужчины и женщины среднего возраста, высокого уровня образования - жители Германии. Респонденты ранее имели непосредственный опыт взаимодействия с россиянами.

Представления жителей Германии о трудных ситуациях в жизни соотечественников и россиян изучались с помощью методики «Перечень типичных трудностей» (М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, 2008). Испытуемым было предложено оценить степень выраженности трудностей у представителей своей культуры (мужчин и женщин) и у представителей российской культуры (также мужчин и женщин). Для статистической обработки полученных данных был использован *r*-критерий Спирмена (программа SPSS 13.0).

По данным проведенного исследования были выявлены представления о наиболее часто встречающихся трудностях в жизни немцев и россиян. Выявленные в авто- и гетеростереотипах сходства и различия мы рассматривали как фактор, влияющий на психологическую дистанцию.

Различия проявляются в том, что по представлениям немцев в их жизни чаще встречаются трудности психологического характера (у мужчин, 85 % выборки) и социально-психологического (у женщин, 90% выборки). С точки зрения немецких респондентов российские мужчины и женщины чаще испытывают трудности социального характера (в основном, финансового плана, 90-100% выборки).

В целом, немецкие респонденты полагают, что россияне испытывают значимо больше трудностей, чем они. Можно говорить о тенденции к преувеличению показателей трудностей, характерных для представителей российской культуры. Данный факт может говорить о тенденции воспринимать россиян как «других», обладающих более негативными качествами.

Однако, корреляционный анализ позволил выявить связи между авто и гетеростереотипами. Но количество этих связей незначительно (всего лишь 6,5% от общего количества возможных связей). Это можно объяснить большой культурной дистанцией, которую немцы поддерживают по отношению к россиянам, причиной этого, скорее всего, является индивидуализм немецкой культуры. О стремлении к культурному дистанцированию также говорят полученные отрицательные корреляционные связи (20 из 89). Например, чем реже у мужчин (жителей Германии) в опыте встречается трудность «недостаток ответственности за собственную жизнь», тем, с их точки зрения, чаще женщины (россиянки) испытывают трудность «отсутствие признания о стороны окружающих» ($r = -0,508$; $p = 0,022$).

Большее количество корреляционных связей обнаружено внутри групп мужчин и женщин, а именно: между представлениями о немецких и русских мужчинах (9,06% из возможных связей) и немецких и русских женщинах (7% из возможных связей). Корреляционный анализ между группами мужчин и женщин выявил меньшее количество связей: немецкие мужчины и русские женщины – 5,55% из возможных связей; немецкие женщины и русские мужчины – 4,3%. из возможных связей. Вероятно, это говорит о тенденции к меньшей межкультурной дистанции между представителями одного пола. Так, были обнаружены следующие положительные корреляционные связи между представлениями о жизненных трудностях: в группе мужчин - *Недостаток ответственности за собственную жизнь* ($r = 0,586$; $p = 0,007$), *Угроза безработицы* ($r = 0,609$; $p = 0,004$); *Наличие вредных привычек и зависимостей* ($r = 0,491$; $p = 0,028$). В группе женщин: *Наличие вредных привычек зависимостей* ($r = 0,624$; $p = 0,003$); *Проблемы,*

Секция «Психология»

связанные с воспитанием детей ($r=0,646$; $p=0,014$). Проекция может быть связана либо с отсутствием представлений о каких-либо трудностях, встречающихся в опыте людей другой культуры, либо со сходством представлений о трудностях собственной и чужой культуры.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждена частично. Нами были выявлены различия в авто/гетеростереотипах, которые определяют стремление немцев к дистанцированию по отношению к россиянам. Данное исследование носит, скорее, пилотажный характер и не претендует на завершенность. Оно будет продолжено нами в следующей серии исследований.

Литература

1. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – N1. – С.3 -10.
2. Сапоровская М.В. О методах изучения межкультурных представлений и установок // Диалог культур – культура диалога. Материалы международной научно-практической конференции. – Кострома, 2008.
3. Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и толерантности (на примере этнических групп юго-востока Башкирии) // Вопросы психологии. – 2004. – N2.

Взаимосвязь выраженности лидерских качеств и профессиональной и гендерной идентичности личности

Калиниченко Н.В.

Студент

*Ярославский государственный университет имени П.Г.Демидова, факультет психологии,
Ярославль, Россия*

E-mail: kalina0303@mail.ru

В наше время, когда происходит уменьшение поляризации ролей, женщины активно вступают на лидерские позиции в политике, экономике и других сферах, но традиционно лидерство изучалось без учета пола. В качестве ярких примеров лидеров рассматривались "портреты" великих учёных и политиков мужчин, поэтому сейчас гендерная психология лидерства является быстро развивающейся отраслью.

Необходимо, на наш взгляд, изучать и взаимовлияние лидерских качеств личности и её профессиональной деятельности. Ведь в одних типах профессий лидерство работника может повысить эффективность и продуктивность деятельности, а в других наоборот снизить.

Итак, целью нашего исследования, результаты которого будут представлены в данной статье, являлось выявление взаимосвязи выраженности лидерских качеств и социальной идентичности личности.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что существуют качественные и количественные различия в выраженности лидерских качеств у представителей разных профессий и пола.

В исследовании использовались следующие методы: теоретический анализ современной литературы по проблемам лидерства, гендерной и профессиональной идентичности и специальные методики: «Измерение лидерского потенциала» (Жариков Е., Крушельницкий Е.), «Социальный пол личности» (С. Бэм), «ДДО» (Е.А. Климова).

Полученные эмпирические данные обрабатывались с помощью качественно-количественного анализа и методов статистической обработки (U-критерий Манна-Уитни, ранговый коэффициент корреляции Спирмена).

Нашими испытуемыми были студенты, аспиранты и молодые специалисты 17-26 лет (100 человек), т.к. именно в этом возрасте можно говорить о сформировавшейся идентичности; из них 50 девушек, 50 юношей, чтобы определить выраженность

Секция «Психология»

исследуемого признака (лидерство) в зависимости от биологического пола; по 20 человек каждого типа профессий, чтобы определить выраженность лидерства в зависимости от рода деятельности и гендерной идентичности.

Результаты исследования показали, что существует прямая корреляция с уровнем значимости $p < 0,001$ между лидерством и маскулинностью. Это говорит о том, что лидерами являются те испытуемые, у которых маскулинность значимо преобладает над фемининностью. Данный результат объясняется тем, что маскулинность многими авторами (С.Бем, Т. Бендас и др.) понимается как активный, рациональный, целеустремлённый, уверенный в себе тип людей, а эти черты присущи лидерам (Жариков Е., Крушельницкий Е.). Это даёт основание утверждать, что в большинстве случаев лидерство будет выше у мужчин, так как уровень маскулинности у них выше, чем у женщин.

Значимых связей ПИ с лидерством не выявлено. Но вместе с тем, в женской выборке установлены тенденции к достоверной связи $p < 0,1$ между ПИ Ч-Ч и лидерством (прямая корреляция) и между ПИ Ч-П и лидерством (обратная корреляция).

Прямая корреляция с уровнем значимости $p < 0,05$ обнаружена у женщин между маскулинностью и ПИ Ч-Ч. Это позволяет говорить о том, что у женщин с ПИ Ч-Ч высокая маскулинность, скорее всего это связано с тем, что женщинам с данной профессиональной идентичностью присущи такие качества, как активность, коммуникабельность, открытость, оптимистичность и аналитичность. Эти же качества часто включаются в описание маскулинной идентичности, то есть теоретически эти два фактора пересекаются.

Была обнаружена интересная взаимосвязь между маскулинностью и фемининностью у мужчин: при увеличении маскулинности наблюдается увеличение фемининности и наоборот. В литературе мы не нашли объяснения выявленной закономерности. Возможно, это связано с тем, что высокомаскулинные мужчины описывают себя социально желаемыми качествами. В использованной методике (С.Бэм) нет шкалы лжи, поэтому наше предположение необходимо экспериментально проверить.

Был выявлен высокий процент (46%) расхождения профессиональной идентичности испытуемых и получаемой или полученной профессией. Наиболее ярко это проявляется в профессиях типа Ч-З (85% от всей выборки Ч-З), и меньше всего выражено в профессиях типа Ч-Х (20% от всей выборки Ч-Х). Во-первых, не бывает чистых типов профессий, в любом типе требуются навыки других. Во-вторых, расхождения могут компенсироваться хобби. И, в-третьих, выбор профессии часто определяется не склонностью к ней или желанием, а престижностью и оплачиваемостью. К сожалению, последнее объяснение, на наш взгляд, более присуще нынешней молодёжи.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась частично. А именно - обнаружилась значимая взаимосвязь выраженности лидерских качеств и маскулинности, и не выявились различия в выраженности лидерских качеств в разных профессиях.

Литература

1. Клецина И. Гендерный подход в системе психологического образования // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Материалы 2-й Международной Летней Школы по Гендерным Исследованиям (Фарос-1998) /ХЦГИ. Харьков, 1998. С. 193-215.
2. Климов Е.А. Психология профессионала. - М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО, «МОДЭК», 1996. - 400 с.
3. Лукьяненко Н.В. Развитие профессиональной и гендерной идентичности в групповой работе с подростками: Автореф. дис... на соискание ученой степени к.п.н, М., 2007
4. Мищенко Т.В. Психологические особенности профессиональной идентичности// Проблемы системогенеза в учебной и профессиональной деятельности: материалы Российской научно-практической конференции, 8-10 октября 2003 г., г. Ярославль, 2003

Рефлексия в профессиональной коммуникации учителей

Карнелович М.М.

Старший преподаватель

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки

Купалы» Кафедра общей и социальной психологии, Гродно, Беларусь

karnyalovich_mm@mail.ru

В социальной педагогической психологии проблеме профессиональной коммуникации придается большое значение. Исследованиями перцептивно-рефлексивных аспектов педагогической коммуникации занимались Я.Л.Коломинский, С.В.Кондратьева, А.А.Реан и другие, которые подчеркивают рефлексивность учителя как необходимое условие успешности педагогического взаимодействия (Коломинский, 1999; Кондратьева, 2003; Митина, 1994).

Коммуникативная рефлексия, актуализирующаяся в процессах профессиональных взаимодействий, осуществляется путем мысленного проникновения во внутренний мир другого человека, при котором субъект самопознания получает информацию о том, как его понимает, как к нему относится и как его оценивает этот другой. В процессе профессиональной коммуникации в сознании учителей формируются многочисленные образы «Я-глазами какого-либо субъекта взаимодействия». «Рефлексивное Я» педагога выполняет регулятивную функцию, так как содержащаяся в нем обратная информация о степени эффективности собственной коммуникации постоянно сопоставляется с другими компонентами профессионального самосознания («актуальным Я» и «идеальным Я»), что приводит, в конечном итоге, к его перестройке, поднятию на новый, более высокий уровень (Ковалев, 2003).

Степень адекватности коммуникативной рефлексии учителей влияет на формирование их личностной рефлексии, т.е. на осмысление собственного сознания и своих действий самопознания. В свою очередь, личностная рефлексия («Актуальное Я») как компонент профессионального самосознания, опирающийся на коммуникативную рефлексивность («Рефлексивное Я»), оказывает значительное воздействие на регуляцию профессиональной коммуникации.

Целью исследования явилось изучение структуры коммуникативной рефлексии учителей с разным стажем педагогической деятельности, проявляющейся во взаимодействии с представителями профессиональной среды, в частности, с коллегами и администрацией школы. В качестве испытуемых выступили 108 учителей 22-32 лет, составившие группы по длительности педагогической деятельности: менее 3 лет стажа, от 3 до 6 лет, более 6 лет.

Для определения структуры коммуникативной рефлексии применялся метод личностных конструкторов (G.Kelly,1955), модифицированный в соответствии с целью исследования. В качестве конструкторов использовались заданный набор личностных черт, вошедших в первый и второй квартили ранжируемых свойств, выделенных в сочинениях педагогов о том, как их воспринимают и оценивают коллеги и администраторы, и набор личностных черт по А.Г.Шмелеву (Шмелев,1983). Заданными ролевыми элементами являлись варианты образа «Я-глазами других» (всего 15 элементов).

Факторный анализ структурных особенностей коммуникативной рефлексии учителей трех групп проводился с помощью метода главных компонент с последующим вращением по типу «Varimax». При семантическом анализе факторов

Секция «Психология»

рассматривались конструкторы со значениями факторных нагрузок выше 0.7. В результате были выявлены специфические особенности коммуникативной рефлексии учителей в профессиональной педагогической коммуникации.

Исследование продемонстрировало наличие как общих для всех групп учителей, так и специфических для каждой группы факторов, опосредующих коммуникативную рефлекссию во взаимодействии с другими. Факторные структуры рефлексивных Я-образов у учителей разных групп отличаются степенью семантической упорядоченности, полнотой и разносторонностью представленных смысловых блоков качеств.

В образе «Я-глазами доброжелательного коллеги» испытуемых всех групп ярко выражены как личностные, так и субъектные свойства, что связано с личностным и деловым взаимодействием субъектов педагогической среды в режиме профессиональной деятельности, соответственно и их предполагаемое оценивание со стороны коллег осуществляется испытуемыми учителями в значительной степени.

Образ «Я-глазами недоброжелательного коллеги» у испытуемых учителей является менее полным и разносторонним в силу редукции ряда смысловых блоков качеств. Это свидетельствует о стремлении педагогов уйти от необходимости рефлексирования качеств собственной личности с точки зрения данной категории коллег вследствие сформированности защитных механизмов.

Учителя всех групп в процессе общения с референтными коллегами чувствительны к оценке последними субъектных свойств, проявляющихся в профессиональной педагогической деятельности, - отношения к труду, интеллекта, уровня профессиональной компетентности. Наиболее позитивным является образ «Я-глазами референтного коллеги» у учителей первой группы, наименее позитивным – у испытуемых второй группы.

В структуре коммуникативной рефлексии учителей, проявляющейся во взаимодействии с директором, выявлено редуцирование смысловых блоков качеств, характеризующих личностные свойства. Это указывает на наличие у испытуемых мнения о специфическом характере взаимодействия в диаде «директор-учитель», при котором не обеспечиваются достаточные условия для раскрытия профессионально-личностного потенциала. Структура коммуникативной рефлексии учителей, проявляющейся во взаимодействии с завучем по учебной работе, отражает мнение учителей о проявлении межличностного взаимопонимания в диаде «завуч-учитель», где администратор склонен видеть и уровень профессионально-педагогических достижений, и противоречия в эмоционально-волевой и духовной

сфере, и стремление учителя к профессионально-личностному росту и саморазвитию.

Фокус коммуникативной рефлексии учителей, проявляющейся во взаимодействии с завучем по воспитательной работе, у педагогов первой и третьей групп сосредоточен преимущественно на прогнозировании оценивания администратором личностных свойств педагога, являющихся приоритетными для реализации задач воспитания. Наличие блока качеств интеллекта в описываемой структуре учителей второй группы, по-видимому, связано со спецификой данного этапа профессионализации педагога, в частности, интеллектуализацией рефлексивного Я-образа. Педагоги третьей группы отчасти преодолевают этот стереотип. Обнаружено наличие у испытуемых второй группы стереотипного представления о негативном оценивании завучами характеристик эмоционально-волевой регуляции педагога. У учителей третьей группы семантика описываемой структуры коммуникативной рефлексии является наиболее позитивной и разносторонней, что отражает уверенность опытных педагогов в получении общей положительной оценки своих личностных и субъектных свойств с точки зрения завучей.

Таким образом, различия в структуре коммуникативной рефлексии учителей, проявляющейся в общении с коллегами и администраторами, связаны с профессионально-ролевыми особенностями субъектов взаимодействия; эмоциональной окраской роли партнера; частотой, интенсивностью, психологической значимостью коммуникации.

Выявленные особенности коммуникативной рефлексии учителей расширяют представление о педагоге как о субъекте делового взаимодействия, доказывая значимость осознания учителями роли обратной связи в общении с другими и ее влияния на развитие профессиональной коммуникации.

Хамство как социально-психологический феномен

Коврижникова Н.А.

Студентка

Башкирский государственный университет факультет психологии, Уфа, Россия

E-mail: unlimitedls@mail.ru

Многие явления обыденной жизни становятся объектом интереса современной психологической науки, пристального изучения исследователей. Хамство как жизненное явление, как феномен взаимодействия не является проблемой специального научного анализа. Однако в реальной жизнедеятельности в изменяющихся условиях мы можем констатировать факт повсеместного присутствия этого явления в нашей жизни.

Обратимся к этимологии данного понятия. В Библии отмечалось, что «Ной начал возделывать землю и насадил виноградник и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему».

Позднее в языке дворян хамом был назван человек, принадлежащий к низшим классам и лишенный потому всякого человеческого достоинства, таким образом, называя крепостных хамами, дворяне в очередной раз повышали себе самооценку.

В современном понимании «Хамство – некультурность, невежество, свойственное хаму» при этом хам – грубый, наглый и невоспитанный человек. Как правило, после встречи с этим социальным явлением у людей остается неприятный «осадок», подкрепленный негативными эмоциями.

Секция «Психология»

Хамство может рассматриваться как социально-психологическое явление, обусловленное деформацией субъект-субъектных отношений, и как личностная диспозиция.

Хамство – личностная черта, выраженная дисгармонией отношений в контексте социально-психологических и профессиональных связей, связанная с особенностями воспитания, неудовлетворенностью потребностей и самооценкой индивида и проявляющаяся в неуважительном отношении к окружающим людям.

Для изучения феномена нами была составлена анкета, процедура которой основывалась на теоретических взглядах японских психологов Азума и Кашиваги по изучению имплицитных представлений.

На первом этапе мы провели опрос студентов 3-4 курсов (N=42), необходимо было назвать качества личности, присущие хаму. На основе полученных данных нами была сконструирована анкета по изучению личностных качеств человека-хама.

На втором этапе представлялась анкета для заполнения респондентам 3-5 курсов (N=62). Анкета включает 39 дескрипторов, которые испытуемые оценивают по пятибалльной шкале: от «выражено в полной степени» до «не выражено». Так же был представлен ряд открытых вопросов: 1) В какой возрастной категории, по Вашему мнению, относится человек которого можно назвать хамом? 2) Представителем какой профессии может быть хам? 3) К какому полу на Ваш взгляд чаще принадлежит хам? 4) Что на Ваш взгляд является причиной хамства?

По результатам проведенного исследования были получены следующие результаты.

Для статистической обработки данных использовалась процедура факторного анализа по методу главных компонент по типу Varimax – normalized. В качестве порогового критерия был использован факторный вес – 0,500. В результате анализа было выявлено 6 факторов, объясняющих 55,7% дисперсии.

В первый фактор (ДОД – 16,3%) вошли: употребление ненормативной лексики (0,775), бестактность (0,717), грубость (0,707), конфликтность (0,694), эмоциональная незрелость (0,656), неуживчивость (0,650), невоспитанность (0,649), дерзость (0,636), несдержанность (0,600). На хамство в первую очередь влияет воспитание человека, та социальная среда, в которой он рос, те установки и ценности которые заложили в него родители. Фактор может быть интерпретирован как вербальная агрессия.

Второй фактор (ДОД – 8,8%) вобрал: настойчивость (0,720), самоуверенность (0,592), прямолинейность (0,574), упрямство (0,535), циничность (0,524), эгоизм (0,500) – применение волевых усилий. Этот человек чувствует безнаказанность, поднимает свою самооценку за счет других. Фактор обозначен как проявление негативной волевой активности.

Третий фактор (ДОД – 7,3%) объединил: общительность (0,667), трусливость (0,624), скрытность (0,581), тщеславность (0,571). Фактор назван - «скрытость своих намерений».

Четвертый фактор (ДОД – 8,1%) включил: корыстность (0,711), вредность (0,665), лицемерность (0,616) – страх. Двуличность и услужливость, при этом страх быть уличенным в этом.

Пятый фактор (ДОД – 8,8%) – «обманная активность» образован следующими дескрипторами: небрежность (0,749), недоверчивость (0,529), неприятность (0,510).

Шестой фактор (ДОД – 6,4%) определяется следующими дескрипторами: жестокость (0,650), злость (0,600), применение физической силы (0,600), агрессивность (0,588). Как говорится в русской пословице: «не все горлом, ино и руками». На наш взгляд это уже крайний вариант решения разногласий, но и он присущ хаму. Фактор может быть описан как «физическая агрессия».

Так же результаты исследования позволили выявить некоторые причины хамства: невоспитанность (плохое воспитание, неуважение окружающих, нетерпеливость), нарушение межличностных, семейных отношений (проблема «отцов и детей»), профессиональных отношений (неприятие коллег), неудовлетворенность собственных

Секция «Психология»

потребностей, личностные особенности (неуверенность в себе, низкая самооценка, особенности характера, фрустрация), направленность на себя (эгоизм, себялюбие, высокомерие), непонимание как барьер межличностных отношений, необразованность, влияние случайных факторов (плохое настроение, усталость, стресс).

Анкетирование показало, что возрастную категорию человека-хама определить довольно сложно. Большинство опрошиваемых считает, что это свойство личности не имеет ярко выраженного возрастного промежутка, некоторые наоборот указывают определенный возрастной промежуток (15-21, 35-50, 30-40), а иногда даже конкретные годы (19 лет, 46 лет)

Выделены следующие профессии, в которых чаще всего ассоциируются хамством: водитель, работники общепита, продавец, кондуктор, уборщица, сантехник, строитель, милиционер.

50% анкетированных утверждают, что хамы в основном мужчины; 27% респондентов отмечает, что хам не принадлежит к определенному полу, одинаково хамят как мужчины так и женщины; 22% опрошенных полагают, что хамы исключительно представительницы слабого пола.

Литература

1. Толковый словарь русского языка(1935-1940): В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов.
2. С.А. Кузнецов (1998) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт
3. Брушлинский А.В. (2003) Психология субъекта/ Отв.ред. проф. В.В. Знаков М.: Институт психологии РАН; СПб.: издат. «Алетейя», 2003.
4. В. А. Лабунская, Ю. А. Менджерицкая, Е. Д. Бреус Психология затрудненного общения М.: Академия.

Проблемы коммуникативного взаимодействия в стрессовой ситуации

Козлова К.В.

студент

*Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского Государственного
Университета факультет естественных наук, г. Волжский, Россия*

E – mail: guravli@mail.ru

Проблема адаптации человека к критическим факторам среды привлекает интерес современной науки в связи с ростом так называемых «болезней стресса». Стресс – это вид эмоционального состояния, характеризующийся повышенной физической и психической активностью. Изменения функционального состояния человека при стрессе меняют его отношение к окружающему миру, в том числе к миру людей. При стрессе у людей изменяется не только характер физиологической и психологической активности, но и показатели активности общения. Это отражается на взаимодействии индивида с социальной средой: с окружающими людьми, с группой, с коллективом, с членами производственной организации, в которую он включен, и т. д. Социальное взаимодействие заметно изменяется, когда стресс возникает одновременно у многих людей.

Отличительной чертой общения при остром стрессе является эмоциональность, которая может резко усиливать или, напротив, подавлять активность. Для выявления основных особенностей общения личности в ситуации стресса нами было предпринято следующее исследование, гипотеза которого была сформулирована следующим образом: мы предполагаем, что при стрессе у людей изменяется не только характер физиологической и психологической активности, но и показатели активности общения. При решении первой задачи исследования: определить и рассмотреть понятие, стадии развития стресса и его виды, был проведён теоретический анализ содержания понятия стресс в психолого-педагогической литературе и выявлено его содержание. При решении второй задачи: изучить социально-психологические исследования общения при стрессе и выяснить

общую структуру изменения общения при стрессе было установлено, что изменения общения при стрессе могут возникать как при действии на человека физических, физиологических стрессоров, так и в результате контактов с людьми, характер общения которых изменен имеющимся у них стрессом. При решении третьей задачи: провести исследование особенностей общения при стрессе, были использованы следующие методики: методика «личностная шкала проявления тревоги» (Дж. Тейлор, адаптация Т. А. Немчинова), «диагностика межличностных отношений (ДМО)» (опросник Т. Лири. Адаптация Л.Н. Собчик) и получены следующие результаты. В выборке состоящей из подростков среди испытуемых оказалось 50% детей, испытывающих стресс от той или иной жизненной ситуации. Нами было также установлено, что эти дети испытывают затруднения в межличностном общении. Отличительной чертой общения этих детей является эмоциональность, которая может резко усиливать или, напротив, подавлять активность их взаимодействия; в их поведении проявляется конфликтность, напористость, либо наоборот, замкнутость, нежелание общаться, плаксивость, подозрительность и так далее. Исходя из того, что нами было использовано две методики, мы смогли проследить более подробно такие акценты как тревожность и особенности общения подростков. По результатам проведения первой методики мы получили следующие результаты: с очень высоким уровнем развития личностной тревоги выявлены – 30% детей, с высоким уровнем – 20% подростков, со средним уровнем – 10%, с низким уровнем – 40%. С помощью методики ДМО выявили особенности межличностных отношений: мы выделили четыре типа межличностных отношений - выявлены подростки характеризующиеся преобладанием неконформных тенденций, таких у нас выявлено 50%, из них со склонностью к дизъюнктивным (конфликтным) проявлениям 30%, и со склонностью к большей независимости мнения, упорством в отстаивании собственной точки зрения, тенденцией к лидерству и доминированию 20%. Эти дети характеризуются нетерпимостью к критике, переоценке собственных возможностей, обладают чувством собственного превосходства над окружающими, ярко выражена прямолинейность, чрезмерное упорство, недружелюбие, несдержанность и вспыльчивость. Выявлены подростки, характеризующиеся преобладанием конформных тенденций, таких у нас выявлено - 50%, из них со склонностью к подчиняемости, неуверенности в себе и конформности – 10%, и 40% – со склонностью к компромиссам, конгруэнтности и ответственности в контактах с окружающими. Таким образом, отличительной чертой общения при остром стрессе является эмоциональность, которая может резко усиливать или, напротив подавлять активность взаимодействия людей; изменения общения при остром стрессе проистекают из сложнейшей интеграции влияния стрессогенных факторов и различных психических функций, таких, как мышление, воля, эмоции. Эти изменения обуславливаются индивидуальными, личностными особенностями общающихся людей, а также социокультурными, национальными, этническими нормами, принятыми в обществе, к которому принадлежат общающиеся люди.

Литература

1. Айзенк Г.Ю. (1995) Интеллект: новый взгляд. //Вопросы психологии. № 1.
2. Бессонова Л.В., Доценко Е.Л. (1999) Обыденные представления о структуре общения. //Вестник Моск. Ун-та. Сер. Психология. № 2.
3. Емельянов Ю.Н. (1985) Активное социально-психологическое обучение. Л..
4. Краткий психологический словарь. (1996) /под ред. М.А. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. Минск.
5. Куницына В.Н. (1995) Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение. //Теоретические и прикладные вопросы психологии. Ч. 1. М.
6. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. (2003) Межличностное общение. СПб.
7. Леонтьев А.А. (1997) Психология общения. М.

Секция «Психология»

8. Лукичева М.А. (2004) Развитие социального интеллекта у студентов – будущих педагогов. Череповец.
9. Люсин Д.В. (2004) Современные представления об эмоциональном интеллекте. //Социальный интеллект. Теория, измерение, исследования. /Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. М.
10. Петровская Л.А. (1989) Компетентность в общении. М.
11. Практический интеллект. (2002) СПб.
12. Социологический энциклопедический словарь.(1993) /под ред. Г.В. Осипова. М.
13. Ушаков Д.В. (2003) Интеллект: структурно-динамическая теория. М.
14. Холодная М.А. (1997) Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.
15. Южанинова А.Л. (1984) К проблеме диагностики социального интеллекта. //Проблемы оценивания в психологии. Саратов.

Отдельные аспекты социально-демографического и психологического портрета интернет- пользователей

Коновалова Ю.Ф.⁵⁹

студент

*Волгоградская академия государственной службы, факультет государственного и муниципального управления, Волгоград, Россия
e-mail: yulcha_87@mail.ru*

За последние годы в России сформировался новый тип социального сообщества - пользователи глобальных компьютерных сетей (Voiskounsky & Hilton 1995). Специфика такого типа сообщества состоит в том, что данная среда с одной стороны неоднородная, образованная различными социальными общностями, а с другой стороны составляющая сложное динамическое единство. В первую очередь это единство взаимовлияний общества на процессы внутри данного пространства и Интернета как приобретающего силу и значимость в современном обществе института средств массовой информации.

В настоящее время все больше людей вовлекаются в сеть, это становится необходимостью. По данным Фонда «Общественное мнение» полугодовая Интернет-аудитория на 2008 год составляет 34,4 млн. человек. Для кого-то Интернет становится работой, для кого-то средством или инструментом достижения целей. Причем спектр целей очень велик. От использования Интернет как глобальной базы данных до средств самоактуализации и поиска идентичности посредством сети.

Пользователи в силу различных причин проводят все больше времени в сети Интернет. Увеличение числа пользователей происходит за счет лиц молодого возраста. В настоящее время 37-38 % аудитории российского Интернета составляют именно лица молодого возраста (от 18 до 24 лет), при этом отмечается, что количество молодежи в Интернете растет быстрее, чем количество представителей других возрастных групп.

С целью изучения и описания некоторых социально-демографические и психологические особенностей интернет - пользователей было проведено исследование 56 человек в возрасте от 18 до 24 лет, имеющих незаконченное и законченное высшее образование.

По результатам обработки данных можно сформировать некоторую картину, отражающую основные особенности социально-демографических условий данной выборки.

В рамках данной выборки наиболее распространенным является стаж пользования, равный 2-3 годам с некоторым(53%) преобладанием пользователей, каждый день использующими сеть с целью образования(80%) и общения(63%). Эти две категории

⁵⁹ Автор выражает признательность к.п.н Медведеву А.М. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

являются наиболее предпочтительными. Далее в порядке убывания идут узнавание новостей, поиск информации и использование Интернет в целях работы.

Для реализации данных целей пользователи чаще всего проводят в сети около двух часов. Наиболее предпочтительными являются следующие сайты: все респонденты пользуются услугами всевозможных поисковых систем (указываются самые распространенные и популярные: yandex, google, Rambler, mail). Вторыми в порядке убывания являются форумы, дискуссии, чаты. Сюда же можно отнести относительно недавно появившийся тип сайтов - социальные сети (веб-сервис предоставляющий on-line средства группе людей, публично проявивших потребность друг в друге на основе общего интереса к определенной предметной области).

В итоге можно говорить о некоем обобщенном образе типичного представителя интернет- среды, характерного для отдельной социальной категории, которой являются студенты.

Поскольку Интернет дает возможность примерить на себя различные роли, экспериментировать с образами Я, реализовать мифологическую составляющую образа «Я» в нашем исследовании мы выделяем такой аспект как идентификация. Для этого были применены следующие методики: незаконченные предложения, метафора, направленная на выявление субъективного отношения опрашиваемых к Интернету и затрагивающая некоторые характеристики Я- концепции. И в дополнение был использован Индивидуально-типологический опросник (Л.Н.Собчик).

В рамках исследования были выделены две группы пользователей по степени идентификации и отождествления себя с виртуальным героем. Распределившись почти поровну, среди респондентов были представлены пользователи, как полностью отождествлявшие себя с виртуальным образом, так и показывающие отсутствие идентификации.

Для пользователей, которые продемонстрировали высокую степень идентификации характерны: преобладание негативных оценок по отношению к межличностным контактам в сети, а также отрицательно или нейтрально окрашенных чувств по отношению к Интернет; умеренно повышенные показатели спонтанности как высокой поисковой активности; в окружающих ценят больше всего личные качества и коммуникативную компетентность.

С другой стороны пользователям, у которых наблюдался низкий уровень идентификации присущи: высокие показатели по сензитивности, тесно связанной с повышенной и тонко дифференцированной чувствительностью человека в отношении различных нюансов влияния среды; преобладание позитивных оценок и положительно окрашенных чувств по отношению к Интернет; в окружающих ценят в большей мере положительное отношение к собственной личности, коммуникативную компетентность и личные качества.

Литература

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс] / http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10769.html?no_cache=1&cHash=66cf2a6dd3
2. Минаков А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернет как нового слоя реальности. <http://flogiston.ru/projects/articles/minakov.shtml>
3. Социально-психологические аспекты общения в Интернете <http://flogiston.ru/projects/articles/refinf.shtml>
4. Фонд «Общественное мнение» [Электронный ресурс] / <http://www.expert.ru/news/2009/02/19/internet/>

Особенности восприятия индивидуально - психологических особенностей человека по фотографическому изображению его лица
Королева А.Ю.

Восприятие лица — это сложный, многомерный процесс. Общаясь с человеком, мы в первую очередь обращаем внимание на лицо собеседника. Лицо выражает личность человека и является основным каналом невербальной коммуникации. Лицо несет информацию о возрасте, расовой и половой принадлежности человека, его интеллекте, характере, эмоциональном состоянии, определяет содержательный контекст высказываний, включено в организацию процесса общения. Поэтому, воспринимая лицо, мы относимся к данному предмету восприятия как к себе подобному. Перцептивный процесс строится по принципу общения, восприятие другого человека это эмоциональное сопереживание, т. е. целостный акт общения, в процессе которого о каждом человеке формируется определенное мнение, на результаты которого влияют индивидуальные особенности собеседников- убеждения, потребности, чувства. Для восприятия человека и его понимания мы неосознанно выбираем различные механизмы межличностного познания. Основным является механизм интерпретации (соотнесения) личностного опыта познания людей вообще с восприятием данного человека. Механизм идентификации в межличностном познании представляет отождествление себя с другим человеком. Человек также использует механизм каузальной атрибуции (приписывание воспринимаемому определенных мотивов и причин, объясняющих его поступки и другие особенности).

В нашем исследовании мы задаемся вопросом: существуют ли такие механизмы межличностного познания, благодаря которым мы склонны приписывать человеку определенные индивидуально - психологические особенности, основываясь на восприятии его лица. При этом данные особенности будут совпадать с теми, которые человек, которого оценивают, сам у себя выделяет. То есть, имеют ли место определенные объективные индивидуально - психологические особенности человека, которые возможно распознать по лицу.

В нашем исследовании была поставлена следующая цель: установить, есть ли взаимосвязь между чертами лица человека и его индивидуально - психологическими особенностями.

Для ее достижения были сформулирована задача: установить, есть ли соответствие между тем, как человек воспринимает свои индивидуально - психологические особенности, и тем, как воспринимают их другие люди.

В эксперименте принимали участие 60 испытуемых (студенты различных факультетов, разного пола, в возрасте от 17 до 23 лет)

Используемая методика: метод личностного дифференциала (за основу был взят модифицированный личностный дифференциал Чарльза Осгуда)

Стимульным материалом послужили:

1)18 фотографий 6 людей (5 девушек, 1 молодой человек), каждая модель представлена набором из трех фотографий:

-спокойное, нейтральное выражение лица

-лицо во время решения математического примера в уме

-лицо, во время мысленного представления хорошего, счастливого события, переживания

2)бланк личностного дифференциала

Экспериментальное задание состояло из трех этапов:

1.испытуемому давалась фотография лица человека (нейтральная), и предлагалось оценить изображенного по параметрам личностного дифференциала.

Секция «Психология»

2. После того, как испытуемый выполнял задание, его просили оценить фото лица того же человека, но в динамике, и испытуемому представлялись уже 3 фотографии (набор), а также еще один бланк дифференциала, (первый закрывался, чтобы он не мог повлиять на результаты второго).

3. Каждый человек, изображенный на фотографии (модель), также оценивал себя по шкалам личностного дифференциала.

Примечания:

- в исследовании принимали участие испытуемые, которые в прошлом не были знакомы с людьми, изображенными на фото

- каждый испытуемый, оценивал набор фотографий только одного человека, чтобы была максимальная концентрация на задании и соблюдалась чистота эксперимента. Таким образом, каждую модель в среднем оценивало 9 человек.

Полученные по методике личностный дифференциал данные были преобразованы в сводную таблицу и статистически обработаны. После чего были получены обобщенные результаты того, как испытуемые оценивали лица на фотографии. Нами был выявлен ряд индивидуально – психологических качеств, которые совпали при оценивании моделью самой себя, и тем, как оценивали модель испытуемые.

Было установлено, что оценки, которые человек дает сам себе совпадают с оценками, которые ему дают другие люди по ряду индивидуально – психологических качеств методики Личностный дифференциал:

- по 5 качествам (из 21) в 66% оценок при предъявлении статичного лица (качества: добросовестность, справедливость, отзывчивость, дружелюбность, доброта)

- по 7 качествам (из 21) в 66-100% оценок при предъявлении лица в динамике (качества: доброта (в 100%), добросовестность (в 83%), дружелюбность, общительность, деятельность, честность, обаятельность (в 66%)).

Таким образом, есть основание предположить, что существует ряд индивидуально – психологических качеств (на примере методики Личностный дифференциал) выделенных большинством испытуемых, по которым люди склонны оценивать нас так же, как мы сами себя оцениваем.

Также нами был сделан вывод, что при восприятии фотоизображения лица в динамике мы выделяем большее количество личностных качеств, которые совпадают с качествами, которые человек выделяет сам у себя.

Литература

1. Щекин Г.В. (1992) «Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешнему облику» М., 1992
2. Бодалев А.А. (1982) Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. 200 с.
3. Болдырев А.О. (2004) (совместно с В.А. Барабанщиковым) «О механизмах восприятия человеческого лица» // Научные труды аспирантов и докторантов. Вып. 2004, 8 (31) М.: Издательство МосГУ, 2004, с. 24-25
4. Болдырев А.О. «Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека с частично закрытым лицом», Прикладная психология, №6(2), с.42-47
5. Хрисанфова Л.А. «Особенности восприятия лица человека по фотографии в зависимости от собственных личностных качеств испытуемых разного возраста и пола.», автореферат
6. Федосеев С.М. (2003) «Восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по фотоизображению его лица» Дис. канд. психол. наук. – М.: ИП РАН, 2003

К вопросу диагностики одиночества

Коротеева Е.М.

Ассистент кафедры социальной психологии факультета психологии

Развитие в российском обществе феномена одиночества признают многие ученые и неспециалисты, но сама проблема не становится яснее от простой констатации факта. В отечественной психологии имеется крайне ограниченное число работ по проблеме одиночества. Между тем теоретическая и практическая значимость данной проблемы очевидна: все большее число людей разных возрастов оказываются в ситуации одиночества и самостоятельно не могут совладать с ней, что приводит к самым негативным чувствам и состояниям. Несмотря на острую актуальность проблемы, в настоящее время, особенно в отечественной психологии, крайне недостаточно эмпирических исследований одиночества. Главным препятствием на пути эмпирического исследования в данной области становится, по нашему мнению, отсутствие адекватного инструментария для измерения одиночества.

Анализ литературы показывает, что исследования одиночества ведутся в рамках одного из двух подходов: одномерного или многомерного.

Одномерный подход рассматривает одиночество как единое явление, которое отличается по испытываемой интенсивности переживания. Этот подход допускает, что в переживании одиночества имеется для всех людей нечто общее. Недостаток этого подхода заключается в том, что он не принимает во внимание то, чем каждый отдельный случай одиночества является для индивида. Таким образом, одна и та же общая шкала применяется к разным проявлениям одиночества. Одной из наиболее распространенных одномерных систем измерения одиночества является методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона (шкала одиночества UCLA (University California Los-Angeles)).

Многомерный подход, напротив, концептуализируя одиночество как многогранное явление, которое нельзя подвести под единую мерку глобального одиночества, представляет собой попытку операционализации различных форм проявления одиночества. Этот подход ориентирован на выделение гипотетических типов одиночества.

Изучая проблему одиночества, в частности возрастных ее особенностей, в парадигме одномерного подхода, мы столкнулись с целым рядом методических трудностей, научная рефлексия которых и послужила основой для данной статьи.

Общий объем выборки составил 480 человек, из них 180 человек подросткового возраста и по 60 человек старшего школьного возраста (средний возраст – 16,6 лет), юношеского возраста (средний возраст – 18,8 лет), испытуемых периода молодости (средний возраст – 23,8 лет), зрелости (средний возраст – 38,7 лет) и поздней зрелости (средний возраст – 68,8 лет). При формировании выборки мы использовали возрастную периодизацию развития Кулагиной И.Ю. (Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н., 2003). В свою очередь испытуемых подросткового возраста мы используем периодизацию Фельдштейна Д.И. (Фельдштейн Д.И., 2004), разделили на 3 группы: 10-11 лет (средний возраст – 10,5 лет), 12-13 лет (средний возраст – 12,9 лет) и 14-15 лет (средний возраст – 14,1 лет). Необходимость деления этих групп диктовалась целью изучения особенностей одиночества внутри самого подросткового периода.

В качестве основных методов исследования выступили: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона (Практическая психодиагностика. Методики и тесты, 2000); методика Х. Азума, К. Кашиваги (Воловикова М.И., 2004), модифицированная нами под задачи исследования (в частности: испытуемым предлагалось вспомнить человека, которого они знают лично и считают одиноким, и описать какой он); анкета, разработанная нами для изучения особенностей переживания одиночества, представлений об одиночестве, причин одиночества.

Для выявления статистических закономерностей в полученных данных мы применяли следующие методы математической обработки: частотный анализ и процентиля, угловое преобразование Фишера (критерий ϕ^*), статистический критерий нормальности

Секция «Психология»

Колмогорова-Смирнова, корреляционный анализ (мерой зависимости служил коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена).

Проведенное исследование показало, что ни методика Д. Рассела и М. Фергюсона, ни самооценочные шкалы не являются адекватным инструментарием измерения одиночества, поскольку не решают проблему социальной желательности ответов. Вследствие того, что одиночество – отрицательно окрашенное эмоциональное состояние, зачастую стрессовое и травматичное для личности и, кроме того, представляет собой своеобразный социальный ярлык, в частности анализ возрастных особенностей представлений об одиноким человеке показал, что во всех возрастных группах, исключение составляют только испытуемые позднего зрелого возраста, сформирован негативный образ одиноким человека. Среди негативных характеристик во всех, исследуемых нами возрастных группах, чаще других встречались следующие: «замкнутый», «не удовлетворен своей жизнью, пессимистичный», «отдаленный от других людей», «необщительный», «грустный, плаксивый», «нет коммуникативных навыков», «скучный», «неразговорчивый», «нет друзей», «не выходит из дома», «неопрятный, внешне не привлекательный», «пассивный, ни к чему не стремится», «занят своими мыслями и переживаниями», «закомплексованный, с низкой самооценкой». Соответственно, если человек отвечает на вопрос «Можете ли Вы назвать себя одиноким» утвердительно, он признает наличие у себя ряда социально нежелательных качеств. В связи с этим, на наш взгляд, многие испытуемые давали социально желательные ответы, чтобы не выглядеть одинокими.

Результаты нашего исследования, их противоречивость (например, большинство подростков 12-13 лет на прямой вопрос нашей анкеты отвечали, что они остро переживают одиночество, хотя по методике Д. Рассела и М. Фергюсона у большинства из них диагностирован низкий уровень субъективного ощущения одиночества, указывали больше причин, вызывающих у них переживание одиночества, чем испытуемые других возрастных групп и т.п.), указывают на необходимость дальнейшего изучения одиночества и, прежде всего, одиночества подростков 12-13 лет. На наш взгляд, наиболее адекватным решением проблемы метода диагностики одиночества подростков является эмпирическое исследование одиночества в рамках многомерного подхода, поскольку многомерные шкалы располагают большими возможностями для идентификации самых разнообразных случаев одиночества. Концептуализируя одиночество как сложный многофакторный феномен мы считаем необходимым изучить следующие компоненты одиночества: эмоциональный, когнитивный, поведенческий, интенсивность, частоту, остроту и длительность переживания одиночества.

Литература

1. Лабиринты одиночества (1989) / Под ред. Н.Е. Покровского. М.: Прогресс.
2. Тихонов Г.М. (2006) Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты: автореферат дисс... доктора философских наук. Нижний Новгород.

Визуальные аналоги литературных тропов⁶⁰

Коротченко Е.А.

Аспирантка

Психологический институт Российской академии образования

zessica@yandex.ru

В докладе будут рассмотрены визуальные аналоги многих литературных тропов и дана попытка описания действия тропа на семантику психологического образа, и как следствие этого на построение, трансформацию и преобразование смысла

⁶⁰ См. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов // Методология и история психологии. М., 2008 (в печати).

Секция «Психология»

художественного произведения. Наша задача состоит в попытке рассмотреть типы тропа (метафору, метонимию, оксюморон, гиперболу и др.), используемые в лингвистике и языкознании, не только как риторические фигуры и средства выразительности речи, а как формы ментальных операций, связанных с работой (деятельностью) по порождению, преобразованию и трансформации смыслов художественной реальности.

Грань между образом, представлением, словом и живописью, достаточно условна.

Художник не копирует на холсте воспринятую действительность, а решает, как говорил А.Н.Леонтьев (*Леонтьев, 1975*), задачу на смысл. Создавая замысел, тему произведения, оперируя представлениями, образами, продумывая композицию, визуальные планы, цветовые и световые решения, художник мыслит формами, красками, звуками.

Представления (или, как еще их называют, вторичные образы (см.: *Гостев, 1998*), т.е. образы фантазии или памяти, возникающие у человека в воображении без наличия физических стимулов, занимают малоизученную нишу перехода от образа к понятию. Они и выступают тем виртуальным, незримым материалом, в котором художник творит еще не проявленное полотно. Художник, в начале, рисует картину, не используя кисти, а в собственном воображении. Даже рисуя на пленере, он не копирует природу, а выбирает то, что резонансно его замыслу: «...красота, разлитая в природе, в ее формах и красках, на картине является сосредоточенною, сгущенною, подчеркнутою» (*Соловьев, 1990, с.421*).

Пейзаж выступает проекцией души художника (см.: *Петренко, Коротченко, 2008*).

Сознание и воображение пронизывает как творчество литератора, так и художника. «Всякое искусство есть образное мышление, т. е. мышление при помощи образа» (*Потебня, 1990, с. 163*). В своем творчестве художник не менее рефлексивен, чем писатель, создающий нарративы, или философ, оперирующий всеобщими категориями. И если художник движется от сознательного замысла и смыслового решения к непосредственному созданию материальной плоскости картины, то зритель, отталкиваясь от визуального живописного поля, поднимается до высот замыслов и смыслов художника.

Использование аналогии образа и текста позволило дать трактовку «образа как перцептивного высказывания о мире» (*Петренко, 1975, с. 270*) и открыло возможность использовать методы психосемантики и лингвистики для анализа визуального искусства (см. *Петренко, 2005*).

Живописные произведения имеют, как правило, литературную тему, которая в простейшем случае присутствует уже в названии полотна, давая литературный дискурс, направление движений ассоциаций. Это утверждение справедливо в первую очередь для классической сюжетной живописи, которая тяготеет к развитию, но развитию уже вне произведения. «...Литературная тема обязательно выводит нас за пределы картины, требует, если можно так выразиться, развития» (*Ингарден, 1962, с. 281*). Чтобы понять изображенное на картине, нужно обратиться именно к ее литературному аспекту (к ее литературной теме). Р. Ингарден приводит пример: «Если, например, мы оставим в стороне всю легенду об Иисусе в том смысле, что выключим ее, рассматривая картину, из своего сознания, то картина Леонардо наверняка будет представлять для нас нечто совершенно иное, чем она «должна» представлять применительно к своему названию. Мы бы видели тогда не Иисуса и его учеников, собравшихся на последнюю трапезу, и не понимали бы вкушение хлеба и вина в духе христианского учения, а видели бы перед собой всего лишь какое-то собрание мужчин разного возраста за общим столом, причем различные жесты и выражения лиц мы понимали бы с трудом или вообще не понимали. Но и тогда в рассматриваемой нами картине содержалась бы определенная литературная тема, хотя и совершенно иная, чем та, которая выражена в ней для нас, если мы знаем историю Иисуса и благодаря названию картины внимание наше заранее привлечено к определенному моменту этой истории» (*Ингарден, 1962, с. 283*).

Художественный образ символичен по своей природе. «Художественный образ, лишенный этой обобщающей силы [символа] и мощной символической картины этой жизни всегда есть только бессильная натуралистическая копия жизни...» (*Лосев, 1991, с.*

251). Переход образа в символ, по выражению М.М. Бахтина, «придает ему смысловую глубину и смысловую перспективу <...> Подлинный символ своим содержанием соотнесен с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» (Бахтин, 1986, с. 381 - 382).

Осознание символического значения произведения искусства, по мнению Р. Арнхейма, – это главная задача зрителя, наблюдающего картину (Арнхейм, 1994). Созерцая произведение, зритель переживает атмосферу, переданную в картине: изображается туманный берег реки, а переживается чувство забвения, успокоения, изображается гора – переживается чувство величия. Каждый из множества художественных (или изобразительных) символов, используемых в жанре пейзаж, имеет собственную интерпретацию и связан с собственным значением (см. Петренко, Коротченко, 2008). Если вообразить, как можно изображать, например, умиротворение, то это может быть безмятежная морская гладь и светлое небо, но вряд ли умиротворение будет выразить скопление людей в городском пейзаже.

Как элемент языка искусства, художественный образ в каждом произведении неповторим, уникален. Живописный символ многомерен: он рождает в зрителе больше, чем только, например, безмятежность. Он может навеять некоторую спокойную отстраненность, грусть; он может породить ощущение замедления хода времени или другие переживания – символ может стать резонансным состоянием, образу мысли зрителя. Сложные эмоциональные отклики зрителя на произведение - результат удачно использованных выразительных средств, служащих для создания художественного образа, которыми, в частности, являются тропы.

Литература

1. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986.
3. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975
5. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
6. Соловьев В. Литературная критика. Современник, М 1990.
7. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А. Пейзаж души. Психосемантическое исследование восприятия живописи // *Экспериментальная психология*. М., 2008. №1.
8. Петренко В.Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // *Восприятие и деятельность*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 268–293.
9. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
10. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.

Агрессия, тревожность и особенности обращения детей к фильмам, содержащим сцены агрессии и насилия, на примере боевиков

Корсакова Е.И.

Студентка психологического факультета

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

E-mail: Korsakovi@inbox.ru

В настоящее время СМИ являются неотъемлемой частью нашей жизни. Наиболее распространенной формой СМИ является телевидение. Современное телевидение оказывает влияние на установки, поведение, личностные особенности обращающейся к нему аудитории, которое может быть как позитивным, так и негативным. Большое внимание исследователи уделяют негативному влиянию, в частности, воздействию фильмов, содержащих сцены агрессии и насилия (Харрис, 2002; Хюсмен, 2003; Федоров, Цимбаленко, 2004; Качкаева, 2006). Наиболее чувствительной к негативному воздействию данных фильмов является детская аудитория. В качестве негативных последствий часто отмечаются появление равнодушия к страданиям других, проявление жестокости,

Секция «Психология»

грубости и неуважения к сверстникам и старшим, возникновение страхов, невротических состояний, вплоть до расстройств сна и нервной системы.

Наше исследование было направлено на выявление особенностей телепросмотра детьми фильмов, содержащих сцены агрессии и насилия, на примере боевиков. Также нами учитывались такие особенности детей, как агрессивность и тревожность, как наиболее частые причины и последствия просмотра фильмов, содержащих сцены агрессии и насилия.

Выбор боевиков в качестве примера фильмов, содержащих сцены агрессии и насилия, обусловлен их доступностью для просмотра, в большинстве случаев отсутствием запретов на их просмотр со стороны родителей, а также отношением детей к просмотру боевиков как к развлечению.

В исследовании участвовало 40 детей, среди которых одинаковое количество мальчиков и девочек, в возрасте 9-10 лет.

Для выявления особенностей телепросмотра детей была разработана авторская анкета, которая позволила выявить предпочтения детей смотреть боевики в свободное время, частоту и возможность их просмотра, отношение к главному герою боевика, а также пользу и вред от их просмотра. Для выявления уровня агрессии детей использовалась методика «Несуществующее животное», уровня тревожности - Тест школьной тревожности Филиппа.

Наше исследование позволило выделить 2 равные группы детей: предпочитающих в свободное время смотреть боевики и предпочитающих в свободное время смотреть комедии.

Дети, предпочитающие смотреть в свободное время боевики, значимо чаще демонстрируют заинтересованность при их просмотре; боевик их привлекает наличием боевых действий, боевой техники, расследований. В главном герое им нравятся такие качества, как целеустремленность, ум, характер, упрямство, справедливость, сила, внешность и оружие. Дети считают полезным смотреть боевики.

Дети, предпочитающие в свободное время смотреть комедии, значимо чаще проявляют безразличие во время просмотра боевиков. В отличие от детей, предпочитающих боевики, указывают негативные качества главного героя, такие как способность убивать, проявление жестокости, агрессии, легкомысленность. Дети считают просмотр боевиков вредным.

Отсутствие различий в уровне агрессии и тревожности у обеих групп детей мы связываем с тем, что нами не была изучена степень увлеченности детей просмотром боевиков, а также с тем, что обе группы детей имели доступ к просмотру боевиков.

У детей, предпочитающих в свободное время смотреть боевики, обнаруживается снижение уровня тревожности в общении со сверстниками при увеличении частоты просмотра боевиков. Возможно, в боевиках дети видят поощряемые модели поведения (проявление силы, жестокости, агрессии), которые позволяют им демонстрировать более активные формы взаимодействия со сверстниками.

Таким образом, наше исследование показало, что существуют различия в обращении детей к фильмам, содержащим сцены агрессии и насилия, на примере боевиков. В дальнейшем необходимо исследовать личностные особенности детей, степень и причины увлеченности боевиками.

Литература

1. Котуранов Л.А. (2001) О некоторых аспектах влияния СМИ на процесс формирования мировоззрения учащихся // Интегрированное медиаобразование: Опыт работы школ России / Под ред. А.А. Журина. М.: ЮУМЦ.
2. Тарасов К.А. (2000) Кинематограф насилия и его воздействие // Жабский М.И., Тарасов К.А., Фохт-Бабушкин Ю.У. Кино в современном обществе: Функции – воздействие – востребованность. М.: Изд-во Министерства культуры РФ, НИИ киноискусства.

Секция «Психология»

3. Федоров А.В. (2004) Насилие на экране и российская молодежь // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, №1.
4. Харрис Р. (2002) Психология массовых коммуникаций. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
5. Цымбаленко С.Б., Шариков А.В., Щеглова С.Н. (1998) Российские подростки в информационном мире. М.: UNICEF – Юнпресс.

Этнопсихологические особенности воспитания в семье

Косойкина И.В.

Студент

*ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»,
факультет управления и психологии, Чебоксары, Россия
Kosoykina08@rambler.ru*

В настоящее время большое внимание уделяется проблеме изучения особенностей семейного воспитания с учетом национальных, этнопсихологических, социально - психологических факторов. Традиционно основным институтом воспитания человека, с момента его рождения и его становлением как зрелой личности является семья.

Анализ научной литературы показывает, что данной проблемой занимались Г.Н. Волков, Т.Н. Петрова, М.Г. Харитонов, Э.И. Сокольникова, Н.М. Охотников, М.Н. Бычкова, Э.В. Никитина и ряд других исследователей.

Целью данной работы было изучение этнопсихологических особенностей воспитания в русской и чувашской семье.

Возраст респондентов 18-20 лет.

В ходе данного исследования были использованы следующие методы: наблюдение, опрос, анкетирование, тестирование, методика определения интегральных форм коммуникативной агрессивности, шкала семейной адаптации и сплоченности.

Сравнительный анализ результатов исследования показателей шкалы семейной адаптации и семейной сплоченности у представителей русского и чувашского этноса показал, что у русских степень удовлетворенности существующей семейной системой оказалась ниже, чем у чувашей. Это говорит о том, что они хотят добиться изменений в системе семейного функционирования, быть ближе к идеальным отношениям в семье. У чувашей - сплоченность и адаптация находится в норме, и они более удовлетворены существующими правилами в семье.

Полученные результаты по методике агрессивности показали, что у русских преобладает склонность к отраженной агрессии, аутоагрессия. Они более раскованы в проявлении эмоций, в поведении. У чувашей на первом месте - неумение переключать агрессию на деятельность или неодушевленные объекты. На 2-ом - склонность к отраженной агрессии, спонтанности и неспособность тормозить агрессию, провоцирование агрессии, также аутоагрессия. Низкие показатели по данной шкале могут свидетельствовать о том, что студентам чувашской национальности характерен стыд, боязнь выразить наружно свои чувства, скрывать, контролировать эмоции.

Данные исследования могут найти свое применение в семейном консультировании, позволяют учесть выявленные психологические особенности.

Социально-психологические детерминанты образа политического лидера

Криворучко М.В.

*Ассистент кафедры социальной психологии факультета психологии
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск, Россия
E-mail: mkrivoruchko@rambler.ru*

Радикальные политические, экономические и социальные изменения, происходящие в нашем обществе, требуют от личности осознания их необратимости и значительности, а

также их оценки и выработки наиболее адаптивных стратегий поведения. Адаптация личности к современным российским реалиям осложняется тем, что отечественные исследователи называют состоянием идейно-мировоззренческого вакуума, социальной нестабильности, ломкой ценностной иерархии и в тоже время приобретением новых, характерных для демократического общества, прав и свобод.

Одним из существенных прав является возможность активного участия граждан в становлении гражданского общества, в частности в форме голосования за кандидатов в выборах различного уровня, которые являются неотъемлемым элементом демократического устройства общества. Прогнозирование результатов выборов, проведение предвыборных кампаний с продвижением кандидатов, потребность в манипуляции общественным сознанием спровоцировало актуальную необходимость в анализе процессов восприятия политических событий, политических партий и политических лидеров различными категориями населения. Оценка политической власти является одним из сложнейших процессов, определяющих взаимоотношения политической системы и личности.

Рассматривая политического лидера как объект социальной перцепции, мы обращаем внимание на тот факт, что образ политика, складывающийся в сознании электората, является многокомпонентным феноменом, и в свою очередь одним из элементов образа власти, в которой мы вслед за Е.Б.Шестопал выделяем такие ее составляющие, как образ власти, существующей в данный момент (реальная власть); образ власти идеальной, нормативный образ власти (власть, какой она может быть). Во всех этих составляющих наиболее значимыми характеристиками оказываются личностные особенности олицетворяющих их лидеров. Акцентирование внимание электората на личностных особенностях политиков, связано с одной стороны с несформированностью, противоречивостью политического сознания граждан, а с другой усугубляется отсутствием четких идеологических программ у самих лидеров.

К электорату мы обращаемся как субъекту социальной перцепции, который характеризуется индивидуальными (пол, возраст), личностными (характерологические особенности, ценности), субъектно-деятельностными особенностями (интерес к политике, готовность и реализация различных форм политической активности, идеологические предпочтения, установки к ведущим политикам и политическим партиям). Также нами учитывался ряд социально-демографических параметров (уровень дохода, занятость, профессионально-статусные характеристики, семейное положение, уровень образования).

Наше исследование, направленное на выявление образов идеального и типичного политических лидеров в представлениях электората, а также социальных, социально-психологических факторов, определяющих специфику этих образов, показало, что все выделенные нами характеристики в большей степени обуславливают образ идеального политического лидера, нежели представления о типичном политическом лидере. С повышением возраста, уровня образования, занятости, социального статуса респондентов растут и требования к качествам идеального политика, женщины также оценивают идеального политика выше по всем параметрам, по сравнению с мужчинами.

Специфика влияния ценностей на образы политиков определяется социально-демографическими особенностями электората. Роль характерологических особенностей в детерминации образов политических лидеров незначительна.

Исследование также показало важность идеологических предпочтений электората в определении образа типичного политического лидера.

Установки к ведущим политическим лидерам в значительно большей степени детерминируют образы идеального и типичного политического лидера по сравнению с установками к политическим партиям, которых эти политики представляют.

Реальная политическая активность определяет образы как типичного, так и идеального политических лидеров, в то время как готовность к политической активности в большей мере определяет ожидания относительно идеального политика. Наиболее

Секция «Психология»

адекватные ожидания в отношении идеального политика и более высокие оценки типичного политического лидера демонстрируют граждане наибольшим образом и реально и потенциально вовлеченные в политику. Наиболее высокие требования к личности идеального политика и наименее низкие оценки типичного политика характерны для мало интересующегося политикой и протестно-настроенного электората.

Таким образом, полученные данные демонстрируют особенности образов политических лидеров и их детерминант на региональной выборке, что в свою очередь дает возможность к их учету и использованию при проведении агитационных, предвыборных кампаний.

Литература

1. Егорова-Гантман Е.В. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. – М.: ЦПК «Николо М». 1994. – 254 с.
2. Образы власти в постсоветской России / Под ред. Е.Б. Шестопаля. — М.: Алетея, 2004. — 536 с.
3. Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия политической власти. // Полис. Политические исследования, 2000, №4.
4. Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлениях россиян // Полис. Политические исследования, 2000, №6.
5. Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопаля. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002. — 244 с. — (Серия «Научные доклады», Выпуск 1).

Особенности взаимосвязи компонентов социальной идентичности и жизнестойкости студентов

Кузьмин М.Ю.

Аспирант

Иркутский Государственный Университет, Иркутск, Россия

E-mail: Mirroy@mail.ru

Введение

Проблема социальной идентичности по праву считается одной из центральных тем современной социальной психологии. По нашему мнению, такой интерес вызван глобальными трансформационными процессами, происходящими в мире. С одной стороны, результатом этих процессов является свобода человека выбирать образ своей жизни. С другой стороны, как справедливо отмечал И. Ялом, обретенная свобода выбора имеет и обратную сторону – отсутствие какой-либо организации. Обнаружив, что только он сам выбирает для себя «точку опоры» среди многообразия норм и ценностей, человек может попытаться отказаться от этой ответственности.

Попытка разрешить проблему такого «бегства от свободы» и принятия ответственности за свою жизнь прослеживается в различных концепциях социальной идентичности. Обычно она выражается в форме поиска соотношения между личностным и коллективным компонентами идентичности. Одни авторы отмечают, что большая выраженность коллективной составляющей скорее характерна для инфантильных, поверхностных людей. Так, в когнитивном направлении Г. Тэджфел и Дж. Тернер указывали, что личностная идентичность характерна для зрелых, состоявшихся людей [2]. Другие авторы, наоборот, связывают коллективный компонент с ответственным отношением к миру и самому себе. Например, по Е. Гофману, подлинно «нормальной» идентичностью обладает личность, полностью соответствующая приписываемым ее статусу нормам [3].

По нашему мнению, попытка отделить идентичность, способствующую развитию личности, от препятствующей ему, используя категории «личностная идентичность» - «коллективная идентичность», не совсем удачна. Каждая из этих сторон идентичности

Секция «Психология»

может способствовать как принятию ответственности человеком за свою жизнь, так и уходу от нее. Таким образом, необходимо обнаружить некоторые другие стороны социальной идентичности, способствующие или препятствующие развитию личности. Для этого, на наш взгляд, можно использовать учение о жизнестойкости С. Мадди.

Жизнестойкость - это база, исходя из которой перерабатываются стрессовые воздействия, это катализатор поведения, которой позволяет трансформировать негативные впечатления в новые возможности. Она состоит из трех взаимосвязанных аттитюдов (или установок, как называет их Мадди): «вовлеченности» (включенности), «контроля» и «вызова» (принятия риска). «Включенность» дает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью вовлекаться в решение жизненных задач, несмотря на наличие стрессогенных факторов и изменений. «Контроль» мотивирует к поиску путей влияния на результаты стрессогенных изменений, в противовес впаданию в состояние беспомощности и пассивности. «Вызов» помогает человеку оставаться открытым окружающей среде и обществу. Суммируя, можно сказать, что жизнестойкость - это особый паттерн установок и навыков, позволяющих превратить изменения в возможности [3].

Нами была выдвинута гипотеза, согласно которой аттитюды жизнестойкости будут положительно взаимосвязаны с такими составляющими социальной идентичности, которые способствуют принятию ответственности за свою жизнь и развитию личности.

Методы

Для исследования социальной идентичности использовалась методика М. Куна «Кто я». Обработка полученных с помощью нее данных проводилась на основе «ключа» разработанного Ю. А. Васильевой. При интерпретации ответов испытуемых использовались следующие категории: 1. Идентификация – возрастная, общечеловеческая национальная, региональная, религиозная, половая, семейная, межличностная, профессиональная; 2. Личностные характеристики – имя, личностные качества, личностные позиции, предпочтения, умения, особенности поведения. 3. Коммуникативная – указание на статус друга, приятеля, собеседника; 4. Деятельное Я – указание на себя как деятеля, как совершающего определенные действия. Кроме того, в ходе пилотажного исследования было обнаружено, что ряд испытуемых характеризуют себя различными негативными характеристиками: обидными кличками, указаниями на отрицательную жизненную позицию, на то, что не получается и т. п. В связи с этим была выделена такая категория, как Негативная идентичность.

Затем ответы ранжировались: идентичности, указанной в первой шкале, присваивался высший ранг – 10, а в последней – ранг 1. Далее, путем суммирования рангов, все ответы сводились в шкалы, отражающие указанные выше категории социальной идентичности.

Для исследования жизнестойкости и образующих ее аттитюдов использовался Тест жизнестойкости, представляющий собой адаптацию методики С. Мадди Hardiness Survey, выполненную Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой [1].

Выборку исследования составили 182 студента различных курсов и специальностей ИГУ.

Результаты

Проведенный при помощи программы Statistica 6.0 корреляционный анализ полученных данных выявил значимую положительную корреляцию между аттитюдом «Вовлеченность» и коммуникативной стороной идентичности ($r=0.5$ при $p<0.01$). Таким образом, студенты, создающие и поддерживающие дружеские отношения, одновременно более других вовлечены в происходящее вокруг них. Кроме того, у них выше удовлетворенность своей деятельностью.

Также была обнаружена значимая взаимосвязь между такими аттитюдами жизнестойкости, как «Вовлеченность» и «Контроль», равно и самим качеством жизнестойкости, и Деятельностным Я ($r=0.3$, $r=0.5$, $r=0.5$ соответственно при $p<0.01$).

Секция «Психология»

Отсюда был сделан вывод, что студенты, идентифицирующие себя с собственными делами и поступками, обладают выраженным качеством жизнестойкости.

Наконец, были получены значимые отрицательные корреляции между всеми аттитюдами жизнестойкости и Негативной идентичностью ($r=-0.4$, $r=-0.5$, $r=-0.4$ соответственно при $p<0.01$). Отсюда можно сделать вывод, что студенты, идентифицирующие себя с различными негативными событиями своей жизни и сторонами своей личности, имеют сравнительно низкую жизнестойкость.

Таким образом, нами было установлено, что сторонами социальной идентичности, способствующими принятию ответственности за свою жизнь и развитию личности, являются Коммуникативная и Деятельностная ее составляющие. Стоит отметить, что ни одна из них не может быть отнесена к личностной или коллективной составляющей идентичности. Кроме того, компонентом, препятствующим развитию личности, способствующему ориентации на уклонение от проблем, является Негативная идентичность.

Литература

1. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. – Тест жизнестойкости. М – 2006, 63 с.
2. Тернер Дж. – Социальное влияние. СПб – 2003, 256 с.
3. Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963, 244 p.

Взаимосвязь степени дифференцированности образа партнёра по коммуникации со стратегией лжи **Кутковой Н.А.**

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет
психологии, Москва, Россия
E-mail: czarvsejarusi@list.ru*

Психология лжи – это достаточно перспективное направление исследования, особенно учитывая тот факт, что по сравнению со многими другими областями исследований в этом разделе психологии было сделано не так много работ. Один из основных исследователей лжи в мире, П. Экман, изучил основные признаки, по которым можно распознать ложь – это мимические, жестовые, вербальные, паравербальные и другие проявления (см. П. Экман «Психология лжи», 2007). Кроме того, по этим проявлениям можно судить о стратегиях, которые человек использует для того, чтобы солгать. Эти стратегии выстраиваются человеком в зависимости от ситуации. Экман выделяет несколько стратегий в зависимости от способа преподнесения информации:

- 1) Подача правды в виде лжи
- 2) Сокрытие причины эмоции
- 3) Представление полуправды
- 4) «Увёртка» от ответа
- 5) «Маска» для сокрытия эмоций

В нашем исследовании мы на основе этих стратегий попытаемся выделить другие стратегии, поскольку мы несколько смещаем акцент с его поведения на его представления о том, как ему себя вести. Одной из основ таких представлений, по нашему мнению, является образ партнёра по общению, или, вернее степень его дифференцированности. Дифференцированность образа партнёра по коммуникации можно определить через степень знакомства одного субъекта с другим, т.е. чем более знаком один человек с другим, тем более развиты у них представления друг о друге, тем более определённы их образы друг друга, тем больше они друг о друге знают и понимают: во-первых, это субъективная характеристика (человек имеет мнение, хорошо ли он знаком с другим или

Секция «Психология»

нет), во-вторых, это относительно объективная характеристика, выражающаяся в длительности и интенсивности знакомства.

В данном исследовании мы выдвинули следующую общую гипотезу:

Степень дифференцированности образа партнёра по коммуникации у субъекта связана с выбранной им стратегией лжи.

Гипотезы-следствия:

1. Стратегия лжи зависит от объективных факторов, таких как пол, степень знакомства.

2. Степень дифференцированности образа партнёра по коммуникации зависит от объективных факторов, таких как пол, степень знакомства.

3. Степень дифференцированности образа партнёра по коммуникации влияет на стратегию лжи.

Основным методом является метод квазиэксперимента. План построен по типу игры «Мафия»: группа из 6 человек делится по ролям (2 мафии, комиссар, доктор и 2 мирных жителя), причём ни один из участников не должен знать ролей других участников, кроме мафии. Задача мафии: «убить» остальных участников и не дать себя вычислить, а задача остальных – вычислить и «убить» мафию. При этом мафии приходится лгать, чтобы их не изобличили, а остальные участники должны понять, кто лжёт, а кто говорит правду.

Аналогом независимой переменной будет выступать степень знакомства с участниками эксперимента (градации: незнаком, немного знаком, очень хорошо знаком), кроме того, самоотчёты испытуемых о других участниках и о том, как продвигалась игра, а зависимая переменная – поведение испытуемого, фиксируемое на категориальной сетке 2 наблюдателями. Категориальная сетка составлена на основе ответа людей на вопрос «Назовите, пожалуйста, по крайней мере 7 характеристик, по которым Вы можете узнать, что человек лжёт» (всего опрошено 105 человек) и на основе характеристик, представленных в литературе. Перед основным исследованием будет проведён пилотажная серия, во время которой будут выявлены проблемы в категориальной сетке.

Испытуемых будет проходить через 3 серии: со знакомыми, с хорошо знакомыми и с незнакомыми.

Примерная процедура исследования:

- 1) Формирование группы участников на основе аналога независимой переменной
- 2) Раздача ролей участникам эксперимента
- 3) Проведение игры, во время которой наблюдатели фиксируют поведение испытуемого.
- 4) Заполнение испытуемым самоотчёта
- 5) Анализ категориальной сетки и контент-анализ самоотчёта, выявление стратегий лжи.

Литература

- 1) Жуков Ю.М., Хренов Д.В. «Методологический анализ исследований неискренности», Мир психологии, 1999, №3, с. 219-230
- 2) Симоненко С.И. «Психологические основания оценки ложности и правдивости сообщений», Вопросы психологии, 1998, №3, с. 78-84
- 3) Экман П. «Психология лжи», Питер, Спб. 2007

Особенности воздействия телевизионных новостей

Лаврова Е.В.

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

may_day@list.ru

Секция «Психология»

Поток информационных сообщений как продукт коммуникативных телевизионных корпораций формирует информационную среду общения людей, имитируя постоянную связь индивидуального и коллективного сознания (М. Маклюэн). В современном мире информация играет огромную роль. Таким образом, велика и роль средств массовой информации (СМИ). По средствам телевизионных новостей люди узнают о происходящем в мире, и нередко на основании этой информации принимают решения: за какого кандидата голосовать, куда вложить деньги. Под влиянием СМИ формируется общественное мнение о политиках, национальных меньшинствах и т. д., а кроме того создаются определенные настроения и эмоциональные состояния у аудитории. СМИ в целом и новостные программы в частности нельзя не учитывать как важную переменную во взаимодействии экономических, социальных и культурных сил.

Однако влияния СМИ имеют и свою обратную негативную сторону. Например, повышается возможность массовой паники, усиливается конформность, появляются устойчивые стереотипы.

Различные исследования воздействия новостей ведутся на индивидуальном, групповом и национальном уровнях. Такие исследования показывают, что на самом высоком уровне СМИ могут оказывать воздействие на международную политику и отношения между государствами.

Например, Т. А. Van Dijk приводит свидетельства роли телевидения в повышении уровня национализма в Сербии и США. Он считает, что СМИ – это один из стратегических компонентов воздействия на общественное сознание. Русские исследователи так же подчеркивают роль СМИ в информационной войне. С.Н. Ениколопов, А.А. Мкртычян проанализировали связь СМИ, терроризма и его последствий, они установили, что после теракта за счет распространения информации по каналам СМИ может активироваться цепная реакция в виде паники и страха смерти. С.Н. Ениколоповым с соавторами было так же проведено исследование, направленное на изучение ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) на модели отраженного СМИ стрессогенного события: захвата заложников на мюзикле «Норд-Ост» в центре на Дубровке. В результате оказалось, что 20 % людей, смотревших трансляции каждый день, демонстрировали симптомы ПТСР. Это демонстрирует, что под влиянием просмотра могут происходить существенные изменения на уровне индивидуального сознания.

Желание быть в курсе последних событий содержит в себе опасность стать зависимым от новостей, поскольку цель создателей передачи заинтересовать всех зрителей, и повысить рейтинг своего канала. После просмотра новостей, демонстрирующих остросюжетные материалы, может повыситься тревожность, появиться новые страхи, возникнуть подавленное настроение и т.п. Телевизионные программы новостей с травматическим содержанием часто оказывают более сильный эффект, по сравнению с художественными фильмами (боевиками, триллерами и т.п.), так как зрители сталкиваются в них с реальными, а не вымышленными событиями.

Влияние новостей на человека, зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов. Уровень личностной тревожности, травматические переживания в недавнем прошлом усиливают влияние новостей. Анализируя новостные передачи, следует обращать внимание на характеристики речи и поведения ведущего, тембр, тональность, ритмика речи, жесты и поза – важные невербальные показатели, с помощью которых транслируется информация.

Содержание новостной передачи во многом зависит от политики телевизионной компании, это легко заметить, сравнивая передачи разных каналов. Об одном и том же событии можно рассказать совершенно разными словами, подобрать соответствующий видеоряд, отбирая наиболее впечатляющие кадры, иллюстрирующие событие. СМИ часто достаточно реалистично показывают происходящее в мире, а за счет того, что телевидение воздействует одновременно на зрительную и слуховую сенсорные системы,

Секция «Психология»

люди невольно погружаются в происходящее на экране. Как показывают исследования, это может приводить к негативным последствиям, и даже к ПТСР.

Основным механизмом, обуславливающим влияние негативной информации с экрана на эмоциональные и когнитивные компоненты психики человека, по-видимому, является идентификация. Многие склонны ставить себя на место жертвы катастрофы и задумываться над тем, что делали бы они, попав в подобную ситуацию. Идентификация обычно помогает взаимопониманию между людьми, но в случае воздействия СМИ может играть негативную роль. В результате, расширяется список субъектов, за которых волнуется зритель. Человек начинает переживать не только за своих близких, но и за свой регион, страну, за известных людей и политических деятелей. Границы между субъектом и миром размываются. Просмотр новостей связан с прогнозированием развития событий и таким образом, телевизионные передачи влияют на восприятие образа будущего.

Учитывая влияние СМИ можно отметить, что людям, склонным к эмоциональному переживанию следует овладеть некоторыми приемами, позволяющими справиться с потоком негативной информации. С другой стороны, создателям новостных передач важно учитывать законы восприятия человека, особенности вербального и невербального общения при подготовке и оформлении новостей.

Для всестороннего исследования феномена новостного дискурса необходимо анализировать как объективные показатели, путем проведения контент-анализ содержания, анализа вербальных и невербальных маркеров в поведении ведущих и корреспондентов, так и субъективные характеристики зрителей, определяя уровень личностной и ситуативной тревожности, выявляя структуру представлений об опасностях. Подобные исследования осуществляются с помощью различных методов, например, опросников, психофизиологических методик, фокус-групп, контент-анализа, семантического дифференциала и др.

Литература

1. Брайант Д., Томпсон С., Основы воздействия СМИ, Издательский дом «Вильямс», Москва, Санкт-Петербург, Киев, 2004.
2. Ениколопов С. Н., Мкртычян А. А., Психологические последствия терроризма, Вопросы психологии 2008, №3.
3. Ениколопов С.Н., Лебедев С.В., Бобосов Е.А., Влияние экстремального события на косвенных участников // Психол. журн. 2004. Т.25.№ 6.
4. под ред. Тараса Информационно-психологическая и психотронная война, Харвест, Минск, 2003
5. Матвеева Л. В., Анисеева Т. Я, Мочалова Ю. В. Психология телевизионной коммуникации, - М, «РИП – холдинг», 2002.
6. McLuhan. M., Understanding Media. N. Y, 1964
7. Van Dijk T. A. The mass media today: discourses of domination or diversity?
8. Van Dijk T. A., Power and the News Media

Суверенность психологического пространства как показатель субъектности личности

Мартиросян К.В.

Студентка факультета ГМУ, специальности «Психология»

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», Волгоград, Россия

Marti-5@mail.ru

Актуальность проблемы суверенности психологического пространства (далее - СПП) личности связана, прежде всего, с теми изменениями социально-политического и экономического характера, которые происходят в современном российском обществе. Проблема психологического пространства личности и суверенности как характеристики психологического пространства имеет глубокие корни как в отечественной

Секция «Психология»

(С.Л.Рубинштейн, Л.С.Выготский, К.А.Абульханова-Славская А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, А.В.Брушлинский, Л.И.Анцыферова, А.В.Бурмистрова, М.М.Бахтин, С.К.Нартова-Бочавер), так и в зарубежной психологии (У.Джемс, К.Левин, Э.Эриксон, К.Г.Юнг, Ф.Перлз и др.).

Достижение суверенности (личностной автономии) представляет собой результат и фактор ненасильственного, уважительного отношения к субъекту и самого субъекта к миру. Суверенность представляет собой также условие и результат продуктивной деятельности в разных областях и потому может коррелировать с объективными и субъективными показателями жизненной успешности адекватными возрастной стадии и конкретной жизненной ситуации человека.

Целью данной работы является выявление психологических аспектов становления суверенности личности, а также исследование состояния границ психологического пространства личности (подростков и взрослых).

Объект исследования - ученики старших классов (10 – 11 классы), в возрасте 16 – 17 лет, а также студенты в возрасте 20 – 23 лет. В исследовании приняли участие 50 респондентов (25 подростков и 25 студентов).

Предмет исследования – изучение особенностей СПП личности и связи суверенности с субъектными свойствами личности.

Задачи: охарактеризовать особенности СПП личности; установить связь между СПП и рядом субъектных характеристик личности, а также с показателями социально - психологической адаптированности и с особенностями самосознания личности.

Гипотеза: наличие взаимосвязи между уровнем СПП личности и рядом субъектных характеристик (независимость ценностей и поведения личности от воздействия извне; компетентность во времени; самоуважения; спонтанности; интернальность; самопринятие и принятие других и т. д.). Также мы предположили, что уровень СПП личности положительно коррелирует с показателями социально – психологической адаптированности (суверенные отличаются лучшей адаптированностью, чем депривированные).

Методы: Опросник «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер; Самоактуализационный тест Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза; Методика диагностики социально - психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда

Психологическая (личностная) суверенность — это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанная на обобщенном опыте успешного автономного поведения. Она представляет собой форму субъектности человека и позволяет в разных формах спонтанной активности реализовать потребности. Несколько иначе суверенность может быть понята как состояние границ психологического пространства, являющихся инструментом равноправного взаимодействия и селекции внешних влияний, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека. Психологическое пространство личности (ППЛ) определяется как субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Оно включает комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, личные предметы, социальные привязанности, установки). Выделяются шесть измерений (секторов) ППЛ, отражающих физические, социальные и духовные аспекты человеческого бытия: это собственное тело, территория, личные вещи (артефакты), временной режим, социальные связи и вкусы (ценности). Обращаясь к данным детской психологии, можно обнаружить факты, свидетельствующие о том, что СПП у детей возникают на исходе дошкольного возраста, укрепляются в младшем школьном и достигают наивысшего расцвета в подростковом возрасте.

Понятие суверенности во многом пересекается с категорией субъектность. Понятие субъектности конкретизируется, раскрывается в многообразных субъектных проявлениях личности. К субъектным проявлениям (свойствам) личности, выделяемые различными

Секция «Психология»

авторами относятся: активность, ответственность, креативность, рефлексивность, целеполагание, саморегуляция, самоконтроль, временная организация деятельности, внутренняя свобода, достоинство, личностные смыслы, ценности, самоопределение, самодеятельность, самооценка, самовоспитание, самоидентификация, и многие другие.

На основании анализа полученных результатов осуществлено распределение респондентов по типам суверенности психологического пространства: сверхсуверенные (школьники – 10%, студенты – 10%); с нормальной суверенностью (школьники – 50%, студенты – 75%); депривированные (школьники – 35%, студенты – 15%).

По результатам корреляционного анализа было выявлено наличие значимых корреляционных связей между показателями СПП и рядом субъектных характеристик, а также между СПП и показателями социально-психологической адаптированности. Можно заключить, что суверенные личности имеют высокие показатели по социально – психологической адаптированности в окружающей их действительности, прекрасно ориентируются в происходящих событиях; ориентированы на настоящее, переживают настоящий момент своей жизни во всей его полноте; ощущают неразрывность прошлого, настоящего и будущего, то есть видят свою жизнь целостной, а депривированные ориентированы лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее) и (или) имеют дискретное восприятие своего жизненного пути; имеют высокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, считают, что большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом; независим в своих поступках, стремится руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками; свободны в выборе, не подвержен внешнему влиянию (“изнутри направляемая” личность); способны к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми, к субъект-субъектному общению.

Таким образом, гипотезы нашего исследования получили статистическое подтверждение.

Проблема психологической суверенности изучается достаточно давно. К настоящему времени сложился весьма эклектичный междисциплинарный контекст изучения психологической суверенности. Однако данная проблема продолжает оставаться дискуссионной, и нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Проблема определения субъекта в психологии// Субъект действия, взаимодействия и познания. – Москва, Воронеж, 2001.
2. Валединская О. Р., Нартова-Бочавер С. К. Личное пространство человека и возможности его "измерения" // Психология зрелости и старения. М., 2002.
3. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб.: Питер, 2008.

Социальные установки присяжных и стиль ведения процесса судьей

Меркулова В.С.

*Студент кафедры социальной психологии факультета психологии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

E – mail: veramerk@inbox.ru

Уже более пятнадцати лет прошло с момента распада Советского Союза, и на протяжении всего этого времени мы являемся свидетелями становления нового государства – России. Необходимость реформ была очевидной с самого начала, этого требовала новая Конституция. В частности, право каждого гражданина на беспристрастный суд не могло быть обеспечено старой инквизиционной системой судопроизводства, что явилось причиной возрождения в нашей стране суда с участием присяжных заседателей.

Секция «Психология»

Часто нежелание признавать принципы нового института со стороны профессионалов, участвующих в судебном разбирательстве, продиктовано наличием деформированного представления о процессе принятия решения присяжными и своей роли в нем, что, в свою очередь, является следствием практически полного отсутствия исследований в данной области в нашей стране.

В настоящий момент возможность изменения правосознания присяжных в течение судебного разбирательства еще является дискуссионной темой для науки. Данной проблеме посвящено не так много эмпирических исследований: большинство сконцентрированы на изучении правосознания либо потенциальных присяжных, либо тех, кто уже успел ими побывать. Те же исследования, что ставят своей задачей изучение изменений в правосознании присяжных, происходящих в ходе процесса, практически не уделяют при этом внимания судье, который является далеко не второстепенным участником заседания. Таким образом, центральной для нашего исследования являлась проблема изменений в правосознании присяжных в их взаимосвязи с определенным стилем ведения процесса судьей.

На основе анализа литературы нами были выделены три основных фактора, под влиянием которых происходит выбор судьей того или иного стиля ведения процесса: представление судьи о том, какой вердикт является справедливым; представление судьи о механизме функционирования коллегии присяжных заседателей и представление судьи об обстоятельствах, препятствующих присяжным вынести справедливое решение.

На основе возможных комбинаций перечисленных выше факторов были выделены шесть стилей ведения процесса судьей: авторитарный, потенциально манипулятивный, манипулятивный, ритуальный, потенциально исследовательский и исследовательский.

Цель исследования состояла в изучении взаимосвязи правосознания присяжных со стилем ведения процесса судьей. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: определение стиля ведения процесса судьей; изучение правосознания присяжных до и после их участия в судебном процессе; выявление различий в правосознании присяжных до и после их участия в судебном процессе.

Исследование проводилось в игровом процессе, респонденты исполняли роли двенадцати присяжных заседателей. Респондентами выступили студенты психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Данное исследование было выполнено с использованием метода опроса, а также наблюдения. Для изучения аттитюдов, входящих в состав правосознания, был разработан опросник, имеющий в своей основе вопросы, разработанные О.А. Гулевич для исследования различных аспектов правосознания присяжных [Гулевич, 2004]. В исследовании также была использована схема наблюдения за судьей, разработанная О.В. Соловьевой [Соловьева, 2006].

Исходя из полученных данных, можно сказать, что в течение процесса у присяжных произошли изменения во всех установках, составляющих правосознание. При этом в разных аттитюдах изменения затронули разные компоненты. Так, аттитюд к закону изменился во всех компонентах. Изменение когнитивного компонента наблюдалось в аттитюдах к наказанию, преступлению и преступнику. В установке к судебной системе и ее работникам изменились когнитивная и поведенческая составляющие.

Что касается установки по отношению к закону, то с одной стороны, присяжные после процесса выразили большую готовность приложить усилия для получения знаний в этой области, но с другой стороны, эмоциональная составляющая изменилась в худшую сторону. Установка по отношению к наказанию изменилась таким образом, что важное место в ее структуре заняло осознание восстановления справедливости как одной из важнейших целей наказания преступника. После процесса присяжные стали более склонны преступления оценивать с точки зрения нормы, закона. Установка о преступнике изменилась таким образом, что он стал вызывать у присяжных скорее не страх, а жалость. Установка по отношению к судье изменилась таким образом, что судья стал восприниматься как менее честный. Также судья представляется уставшим от постоянных

Секция «Психология»

сомнений. Участие в процессе также повлекло за собой изменения в установках респондентов относительно суда присяжных. Во-первых, проявляется большая готовность участвовать в реальных процессах. При этом после процесса стала больше осознаваться ответственность, возложенная на присяжных.

В исследовании судья пытался воплотить исследовательский стиль ведения процесса, но остановился лишь на потенциально исследовательском, т.е. конструктивные попытки председательствующего разъяснить непонятные моменты были восприняты как попытки манипуляции, что может быть вызвано недостаточными познаниями судьи в психологии присяжных.

Сами присяжные указывали на то, что фигура судьи для них являлась ключевой, остальные юристы даже не были упомянуты, речь судьи респондентами после процесса оценивалась как решающий фактор, повлиявший на их решение по делу.

Проверка гипотезы о том, что изменение правосознания присяжных связано со стилем ведения процесса судьей, может открываться данным исследованием, но, конечно, не может быть им ограничена. Было показано, что, во-первых, правосознание присяжных меняется в ходе процесса, во-вторых, было показано, что судья является ключевой фигурой для присяжных, и наконец, были выявлены те изменения в правосознании присяжных, которые наблюдались в том случае, когда судья придерживался потенциально исследовательского стиля ведения процесса. Дальнейшая разработка данной проблемы видится в том, чтобы проанализировать и сопоставить с уже полученными результатами те изменения в правосознании присяжных, которые наблюдаются в судебных разбирательствах, где председательствующие придерживаются других стилей ведения процесса.

Литература

1. Гулевич О.А. Взаимосвязь аттитюдов к закону и суду с поведением в правовой сфере (на примере участия в работе коллегии присяжных). Исследование в рамках гранта ИНО-Центра № КИ 109-2-02. М., 2004. <http://psychology.rsuh.ru>
2. Гулевич О.А. Психология в суде присяжных (аналитический обзор). М., 2003.
3. Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М., 2000.
4. Магун А.В., Краснопольский И.А. Судья-профессионал в суде присяжных // Состязательное правосудие: Труды научно-практических лабораторий / Отв. ред. С.А. Пашин и Л.М. Карнозова. М, 1996. Вып. 1. Ч. II.
5. Соловьева О.В. Наблюдение // Социальная психология. Практикум / Под ред. Т.В. Фоломеевой. М., 2006.
6. Шкуратова И.П., Габдулина Л.И. Стили общения. Ростов-на-Дону, 2000.
7. Miller L.S. Jury reform: an analysis of juror perceptions of the criminal court system // Criminal Justice Review. 1985. Vol. 10.

Взаимосвязь социального самоопределения и социально-экономического статуса у представителей российского среднего класса: постановка проблемы

Моисеев А.С.

аспирант

Институт психологии РАН, Москва, Россия

E-mail: moisey-as@yandex.ru

Среди немногочисленных социально-психологических исследований среднего класса выделяется аналитический доклад «Городской средний класс в современной России», подготовленный Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством фонда имени Фридриха Эберта в РФ [Тихонова, 2007]. В исследовании ИС РАН в качестве критериев отнесения к среднему классу использовались характеристики: 1) образования (наличие как минимум среднего специального образования); 2) социально-

Секция «Психология»

профессионального статуса (нефизический характер труда или предпринимательская деятельность); 3) уровня благосостояния (определяется по двум параметрам, каждый из которых является достаточным для попадания в средний класс: а) среднемесячные душевые доходы должны быть не ниже медианных значений для того типа поселения, в котором проживает респондент; б) количество товаров длительного пользования должно быть не ниже медианного значения по населению в целом); 4) показателей теста интегральной самооценки человеком своего положения в обществе по десятибалльной шкале, позволяющего учесть особенности *самоидентификаций* респондентов [Тихонова, 2007, стр. 9-10]. По данным ИС РАН 2006 года к среднему классу (включая верхний средний) может быть отнесена треть (34%) экономически активного городского населения России [Горюнова, 2008].

В пилотажном исследовании социального самоопределения представителей российского среднего класса мы исследовали ценности и антиценности [Смирнов, 2003], удовлетворённость различными сферами жизни, социально-экономические сценарии, а также готовность к социальной активности респондентов.

Согласно уровневой модели самоопределения личности [Журавлёв, Купрейченко, 2007], **социальное самоопределение** – это процесс *активного* поиска субъектом своего способа жизнедеятельности в обществе (социуме) на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых (создаваемых) им во временной перспективе базовых отношений к обществу (социуму) и его субъектам, а также на основе собственной системы жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, возможностей и способностей, ожиданий и притязаний. Под **социальной активностью** мы понимаем деятельное состояние субъекта, направленное на социальные изменения или противодействие им [Моисеев, 2008].

В нашем пилотажном исследовании приняло участие 20 респондентов в возрасте от 20 до 60 лет. Все респонденты живут или работают в Москве. Гипотезы исследования: 1) для респондентов, чьи социально-экономические показатели не позволяют их включить в средний класс, характерны коллективистические ценности; 2) респонденты с разными жизненными сценариями различаются удовлетворённостью разными этапами своей жизни.

Анализ данных показывает, что для респондентов, чей душевой доход ниже медианного значения в 25 000 рублей более значима ценность *равенства*, чем для представителей среднего класса ($U=0.037$). Вместе с тем, для представителей среднего класса менее неприемлемы антиценности *глупости* ($U=0.046$) и *разобщённости* ($U=0.030$), чем для тех респондентов, чей душевой доход не позволяет включить их в средний класс.

Для респондентов, которые оценивают своё социальное положение ниже 5-ти баллов по десятибалльной шкале, более значима ценность *справедливости* ($U=0.041$), чем для представителей среднего класса. Кроме того, эти респонденты чаще, чем представители среднего класса, отмечают, что для страны в целом значимы такие ценности, как *внимание к людям* ($U=0.026$), *сотрудничество* ($U=0.041$), *справедливость* ($U=0.020$), *стабильность* ($U=0.026$). В то же время, для представителей среднего класса менее неприемлемы антиценности *взятничества* ($U=0.006$) и *чёрствости* ($U=0.041$), а также менее неприемлемы для страны в целом антиценности *разврата* ($U=0.041$) и *слабости* ($U=0.015$).

Таким образом, для респондентов, чьи социально-экономические показатели не позволяют их включить в средний класс, характерны и поддерживаются коллективистические ценности: равенство, внимание к людям, справедливость, сотрудничество, стабильность. Это говорит о подтверждении гипотезы № 1.

Типы социально-экономических сценариев выделялись с помощью качественного анализа. Респондентам предлагалось изобразить динамику своего социально-экономического статуса на протяжении всей жизни, нарисовав соответствующую линию. В местах перелома предлагалось указать возраст, в котором произошли или по прогнозу

Секция «Психология»

произойдут изменения. По оси абсцисс отмечены прошлое, настоящее и будущее, по оси ординат – низкий, средний и высокий статус. Было выделено два основных социально-экономических сценария: 1) «зигзаг судьбы» (ломаный график с падениями и взлётами); 2) «оптимизм» (восходящий график).

Для респондентов с социально-экономическим сценарием «зигзаг судьбы» более характерна удовлетворённость своим прошлым в *экономической* ($U=0.018$), *профессиональной* ($U=0.003$) сфере и в сфере *безопасности* ($U=0.018$), чем для респондентов с социально-экономическим сценарием «оптимизм». Для «оптимистов» более характерна удовлетворённость настоящим моментом в сфере *значимых отношений* с другими людьми ($U=0.05$), а также в *экономической* сфере ($U=0.05$). «Оптимисты» чаще прогнозируют удовлетворённость своей жизнью в будущем в *культурной* ($U=0.018$) и *экономической* сферах ($U=0.05$). Кроме того, для респондентов с социально-экономическим сценарием «оптимизм» более значимы ценности *внимания к людям* ($U=0.036$) и *природы* ($U=0.036$), чем для респондентов с социально-экономическим сценарием «зигзаг судьбы». «Оптимисты» также считают себя более *социально активными* ($U=0.05$), чем респонденты с социально-экономическим сценарием «зигзаг судьбы».

Таким образом, для респондентов с социально-экономическим сценарием «зигзаг судьбы» характерна удовлетворённость своей жизнью в прошлом, а для респондентов с социально-экономическим сценарием «оптимизм» характерна удовлетворённость жизнью в настоящий момент и прогноз удовлетворённости в будущем. Это говорит о подтверждении гипотезы № 2.

Итак, социально-экономический статус человека определяется не только объективными показателями (например, уровнем дохода), но и связан с психологическими характеристиками: ценностями, удовлетворённостью жизнью, социальной активностью, приверженностью разным социально-экономическим сценариям. Другими словами, активное самоопределение личности в социальной сфере, наряду с объективными показателями, может оказывать влияние на социально-экономический статус субъекта.

Литература

1. Горюнова С. Методологические проблемы выделения среднего класса в российском обществе // Сборник статей аспирантов факультета экономики ГУ-ВШЭ. Москва: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008.
2. Журавлёв А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
3. Моисеев А.С. Социальное самоопределение и социальная активность: соотношение понятий и актуальность исследований // Психология и современное российское образование: Мат. IV Всероссийского съезда психологов обр-ния. России, М., 2008.
4. Смирнов Л.М. Базовые ценности и антиценности современных россиян // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш., М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
5. Тихонова Н.Е. Критерии выделения и определение численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад ИС РАН, М., 2007.

Изучение нравственного самосознания студентов

Мугатабарова Э.К.

студент

*Российский государственный профессионально - педагогический университет, Институт психологии, Екатеринбург, Россия
E-mail: mugatabarova@yandex.ru*

Секция «Психология»

Современная социально-психологическая ситуация, характеризуется своеобразным кризисом личности, который проявляется как кризис ее духовности, возникающий вследствие изменений ценностей личности. Прежние ценности и идеалы исчерпали себя, а новые еще не утвердились. Затянувшийся духовный кризис сопровождается деформацией индивидуального сознания и нравственного самосознания личности.

В изучении нравственного самосознания личности существует большое многообразие теоретических и экспериментальных подходов. Это порождается, во-первых, различными ориентациями современных психологических и этических школ; во-вторых, противоречивостью и сложностью исследуемого феномена.

Анализ методологических и теоретических оснований о природе и сущности самосознания (Р.Бернс, У.Джеймс, Л.И.Божович, Л.С.Выготский, В.В.Столин, И.И.Чеснокова и др.) позволяет сформулировать некоторые важные для нас положения о самосознании личности: 1) в структурном отношении самосознание представляет единство трех компонентов (сторон, подструктур): аффективного, когнитивного и волевого; 2) формируется под влиянием внешних и внутренних факторов, развивается в деятельности и общении; 3) проявляется в отношении личности к деятельности, самой себе и окружающим.

Самосознание выступая обязательным элементом моральной регламентации, рассматривается в качестве нравственной характеристики личности (Е.Л.Дубко, В.В.Столин). Нравственное самосознание определяет уровень развития личности в целом (Р.Д.Азимова).

С учетом представлений ученых на проблему становления нравственного самосознания (Л.С.Выготский, Д.И.Дубровский, И.С.Кон, А.Г.Спиркин, В.В.Столин, С.Л.Рубинштейн, Е.В.Шорохова и др.) нравственное самосознание определяется как интегративное личностное образование, проявляющееся в процессе осознания, оценки и регуляции человеком своих действий, мыслей, чувств морального облика, на основе соотношения их с нравственными требованиями и ценностям социума.

С целью изучения природы нравственного самосознания предметом нашего исследования являются психологические особенности нравственного самосознания студентов первого курса на этапе профессиональной подготовки. В исследовании приняли участие студенты первого курса машиностроительного института в количестве 78 человек (возраст от 17 до 19 лет). Методы исследования базировались на общепсихологических, философских, культурологических научных концепциях. Определение и измерение психологических показателей нравственного самосознания личности велось на основе распространенных методов психодиагностики: метод определения понятий, СД (семантический дифференциал Ч.Осгуда) и цветовой тест (МЛюшер). В качестве методов математической обработки экспериментальных данных применен кластерный анализ данных.

Для изучения психологических особенностей нравственного самосознания мы обратились к психосемантическим методам, которые направлены на реконструкцию индивидуальных значений и личностных смыслов. В ходе исследования испытуемым предлагалось дать определения высшим моральным ценностям: добро, зло, долг, совесть, свобода. Эти определения и явились шкалами СД. Так осуществлялась модификация СД под предметную область (частный СД), посредством которого мы определили когнитивную содержательность элементов. Эмоциональный (аффективный) компонент был исследован при помощи цветовой теста Люшера.

Наиболее полное представление у студентов присутствует относительно категорий добра и зла. В результате кластерного анализа понятия «добро» была построена дендрограмма (процесс кластеризации в форме древовидной структуры), на которой отчетливо видно, что в первый кластер «самоотверженность» вошли такие конструкты как дружба, честность, отзывчивость, благородство, удача и искренность. А во второй кластер «альтруизм» вошли понятия бескорыстность, действие, содействие и гуманность. Из

Секция «Психология»

дендрограммы кластерного анализа понятия «зла» определено три кластера. Первый кластер «ненависть» состоит из переменных враждебность, мучение, вред, негатив. Во второй кластер вошли понятия безнравственности, расчетливости, наказания и неудачи, которые мы называли «корысть». В третий кластер «вероломство» объединились понятия раздражения, предательства, жизни и страдания.

В результате цветоассоциативного эксперимента установлено, что у большинства испытуемых элемент «зло» ассоциируется с черным цветом (граница, идея уничтожения), элемент «добро» - с желтым цветом (свет, бодрость, положительные эмоции).

В целом полученные данные свидетельствуют о том, что общепринятые значения высших моральных ценностей наделены определенными личностными смыслами, которые не противоречат социальным нормам и носят вполне адекватный характер.

Результаты кластеризации и цветотеста остальных элементов обладают меньшей групповой диагностической информативностью. Такие элементы как: долг, совесть и свобода, каждый респондент наделяет исключительно собственным личностным смыслом, что общей групповой тенденции в понимании этих категорий не обнаружено. Поэтому, для изучения психологических особенностей нравственного самосознания (вполне абстрактного феномена) все же более корректно использовать технику репертуарных решеток Дж.Келли.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы при диагностике уровней развития нравственного сознания личности, при подготовке научно-методических материалов, направленных на совершенствование работы по нравственному воспитанию. Теоретические положения и эмпирические результаты исследования также могут быть использованы в практике вузовской психологической службы.

Литература

- 1 Анциферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л.Колберга и его школы) // Психологический журнал, 1999. Т. 20. № 3. С. 5-17.**
- 2 Веселова Е. К. Психологическая деонтология: мировоззрение и нравственность личности. СПб., 2002.**
- 3 Зотов Н.Д. Личность как субъект нравственной активности. Томск, 1984.
- 4 Титаренко А.И. Структуры нравственного сознания. М., 1974.
- 5 Этика / Под общ. ред. А.А. Гусейнова и Е.Л. Дубко. – М., 2000.**

Особенности развития взаимоотношений у людей с разным представлением о родительской семье

Неверовская А.Н.

молодой ученый

Таганрогский Технологический Институт Южного Федерального Университета,

Факультет информационной безопасности, г.Таганрог, Россия

e-mail: neverovskaya_a_n@mail.ru

Семья, особенно в последнее время, стала объектом интенсивного психологического исследования в различных аспектах: она рассматривается как среда, в которой формируется личность, как посредник между личностью и обществом, рассматривается с точки зрения ее защитных свойств для личности и т.д. Поскольку семья является одним из главнейших институтов социализации человека, то именно в ней будут зарождаться первые навыки взаимодействия, осваиваться первые социальные роли, осмысливаться первые нормы и ценности. Именно в семье устанавливается стиль жизни, паттерны поведения, которые закладывают основу для всей последующей социализации [2]. Именно семья является основой для формирования системы межличностных отношений.

Развитие взаимоотношений предполагает наличие некоторых навыков, которые так или иначе закладываются в детстве, и в дальнейшем развиваются под действием многих факторов, одним из которых является семья [1]. В результате человек во взаимоотношениях с другими реализует опыт межличностных отношений своего детства. При этом, семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора формирования межличностных отношений. Необходимо отметить, что каждый человек по-своему представляет родительскую семью и его поведение при разрешении различных жизненных ситуаций зависит от того, какие взаимоотношения и навыки хранит его память[3]. Именно представления оказывают непосредственное влияние на стратегию и поведение человека в процессе взаимодействия и способов коммуникации, адаптации в социуме, и на всю его деятельность, в т.ч. на возможность противостоять угрозам, на его психологическую безопасность.

Таким образом, целью нашего исследования явилось изучение развития взаимоотношений людей с разным представлением о родительской семье. С целью изучения семейной обстановки и представлений о семье, а также нарушений поведения на основе исследования некоторых аспектов биографии, окружающей среды и личности испытуемого была использована методика «Биографический Опросник» (**BIV** – Biographisches Inventar zur Diagnose von Verhaltenstorungen). Для выявления представлений о родительской семье было использовано полустандартизированное интервью, разработанное самостоятельно в соответствии с целями исследования. Для изучения сферы межличностных отношений были использованы «Методика диагностики уровня развития взаимоотношений» и социально-психологическая анкета «Представления субъекта об общении и о межличностных отношениях со значимыми Другими», разработанная Эксакусто Т.В.

Изучая представления о родительской семье были выявлены люди с положительным (62% опрошенных) и негативным (38% опрошенных) представлением о родительской семье. Люди с ППоРС⁶¹ характеризуются хорошим взаимодействием между родителями, позитивным отношением семьи к окружающему миру, благоприятным влиянием со стороны семьи в детстве и юности. В целом, отношения с родителями удовлетворяют респондентов и, люди данной группы испытывают к родителям такие чувства как любовь, уважение, забота, нежность, расположение. Для людей с НПоРС⁶² характерна неблагоприятная семейная ситуация, отрицательное воспитательное воздействие со стороны родителей. Уровень фактического и желаемого психологического климата имеет достоверные различия. Данной группе людей свойственно проявление таких чувств к родителям как, любовь, забота, уважение, обида, отстраненность, страх. Респонденты испытывают неудовлетворенность отношениями с родителями.

При рассмотрении уровня развития взаимоотношений у людей с разным представлением о родительской семье было выявлено, что у всех испытуемых с семьей, друзьями и коллегами по работе коммуникативный, когнитивный эмоциональный и волевой компоненты взаимоотношений находятся на низком уровне развития положительной тенденции. Но, у группы испытуемых ППоРС уровень развития взаимоотношений с начальством, в отличие от людей с НПоРС находится на низком уровне развития отрицательной тенденции. Это объясняется тем, что в связи с наличием раскованных отношений у людей с ППоРС с семьей, в дальнейшем им трудно устанавливать формальные контакты, «приспосабливаться» к ним. Необходимо отметить, что испытуемые групп считают важным в отношениях с другими людьми практически одинаковые вещи. Так, в частности, люди с ППоРС и НПоРС утверждают, что наиболее важным в отношениях являются знания о себе как субъекте взаимодействия, интересный собеседник, при этом люди с ППоРС так же самым важным в отношениях выбрали отсутствие непонимания, затруднений, испытуемые с НПоРС утверждают, что этот

⁶¹ Положительное представление о родительской семье, далее ППоРС

⁶² Негативным представлением о родительской семье, далее НПоРС

Секция «Психология»

фактор не имеет абсолютного значения. Необходимо отметить, что при подсчете ранговой корреляции r_s Спирмена, корреляции между упорядоченными перечнями характеристик социальных отношений в группах испытуемых с ППоРС и НПоРС не достигает уровня статистической значимости, при $p < 0,05$. Так же прослеживается следующее: группа с ППоРС на второе место ставит возможность обратиться за помощью, группа же с НПоРС данную характеристику социальных отношений ставит на девятое место, вторым по значимости они ставят взаимопонимание с другими людьми. Данный факт очевиден, людям с ППоРС важен факт обращения за помощью, так как в трудную ситуацию, как и в любой другой ситуации, они всегда находят эмоциональный и действенный отклик со стороны родителей, и им важно то, чтобы данная возможность была и со стороны другого социального окружения. В группе же с НПоРС испытуемые, в большинстве случаев, привыкли решать сами собственные проблемы, трудности, родители, как правило, не проявляли инициативу, ко всему этому, по мнению испытуемых, родители плохо понимали своих детей, редко разделяли интересы и поступки испытуемых с НПоРС, и, как следствие, у них возникает потребность во взаимопонимании с другими людьми (живут по принципу: если близкие не могут понять меня – хочу чтобы кто-нибудь понимал). Так же большая разница наблюдается в степени важности таких характеристиках социальных отношений, как сохранение личного достоинства и гармония в отношениях с другими, первая имеет большую степень важности в группе с НПоРС, вторая в группе с ППоРС. Это может быть связано с тем, что в связи с неблагоприятными отношениями с семьей, непониманием, запретами, неразделением интересов испытуемым с НПоРС важно сохранение личного достоинства в глазах других людей, важно доказать себе и родителям, что они достойны уважения и лучшего отношения к себе. Для группы с ППоРС важно, чтобы у них сложились такие же гармоничные отношения, как и в семье.

Литература

1. Мудрик А.В. Социализация человека: Учеб.пособие для студ.высш.учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 304с.
2. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. – СПб.: Речь, 2006. – 305с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999. – 656с.

Социально-психологические детерминанты неуспеха в учебно-профессиональной деятельности успешных и неуспешных студентов

Нечепоренко О.П.

Аспирантка факультета психологии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

E-mail: necholya@mail.ru

Современное общество, предъявляя личности свои требования, четко обозначает, в какой период человек должен уложиться, чтобы «успеть, то есть социально не отстать» [1]. Высокие социальные требования современного общества формируют желание личности стремиться к успеху. Успех становится главной ценностью современного общества и критерием благополучного существования, «гонка» за наивысшими результатами в профессиональной, семейной, личностной и других сферах очевидна. На этом фоне все больше появляется лиц, переживших неудачный опыт. Известны лишь единичные исследования, посвященные проблеме неуспешности и исследованию ее детерминант (например, феномен выученной беспомощности М. Зелигмана) [2]. Современные исследования неуспеха в психологии немногочисленны: прикладные

Секция «Психология»

разработки неуспеха в первую очередь связаны с учебной неуспеваемостью, ситуациями длительной безработицы, неблагополучия.

Одной из наиболее интересных проблем в этом контексте является поиск детерминант неуспеха, определяющих способность к саморегуляции и самодетерминации поведения. С этой целью нами было проведено исследование по выявлению социально-психологических детерминант неуспеха в учебно-профессиональной деятельности успешных и неуспешных студентов. В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте 20-22 лет. В качестве критерия успеха-неуспеха выступила успеваемость, так как в данном возрасте ведущей деятельностью является учебно-профессиональная и объективным критерием успеха, соответственно, – хорошая учеба. Для проведения исследования была разработана анкета, позволяющая выявить социально-психологические детерминанты неуспеха. В качестве методов статистической обработки данных был использован контент-анализ, факторный анализ данных, выполненный методом главных компонент с вращением Varimax, множественный регрессионный анализ (пошаговый метод Backward) [3].

Факторный анализ данных позволил выделить совокупность социально-психологических детерминант неуспеха в учебно-профессиональной деятельности для успешных и неуспешных студентов.

Факторная структура социально-психологических детерминант неуспеха в учебно-профессиональной деятельности успешных студентов включает в себя три фактора, описывающих 52% общей дисперсии: фактор 1 «Незаинтересованность – постоянное откладывание решения дел «на потом» (прокрастинация)» описывает 20% от общей дисперсии, фактор 2 «Низкая мотивация» (17% от общей дисперсии), фактор 3 «Лень» описывает 15% от общей дисперсии.

Структура социально-психологических детерминант неуспеха у неуспешных студентов представляет собой три фактора, которые описывают 64% общей дисперсии: фактор 1 «Отсутствие стремления к перфекционизму - прокрастинация» описывает 22% от общей дисперсии, фактор 2 «Нехватка времени – отсутствие интереса» описывает 22% от общей дисперсии и фактор 3 «Личность преподавателя» (не нравится преподаватель, предвзятое отношения преподавателя и т.д.) описывает 20% от общей дисперсии.

По результатам факторного анализа нами была выявлена структура социально-психологических детерминант неуспеха у успешных и неуспешных студентов. Однако выявленная структура не позволяет нам делать вывод о том, существует ли влияние определенного набора социально-психологических характеристик на успешность в учебно-профессиональной деятельности. Поэтому с целью исследования характера детерминации неуспеха социально-психологическими характеристиками нами был использован множественный регрессионный анализ.

Регрессионный анализ показал, что неуспех в учебно-профессиональной деятельности студентов детерминируют такие личностные особенности, как прокрастинация (постоянное откладывание решения дел «на потом») ($p \leq 0,01$) и отсутствие интереса к изучаемому предмету ($p \leq 0,05$), т.е. низкая мотивация. Таким образом, данные, полученные с помощью множественного регрессионного анализа на всей выборке, конкретизируют результаты факторного анализа социально-психологических детерминант неуспеха у неуспешных студентов: влияние прокрастинации и незаинтересованности студентов в изучаемом предмете на неуспех в учебной деятельности соответствует факторной структуре детерминант неуспеха у неуспешных студентов: фактор №1 в данной структуре «Отсутствие стремления к перфекционизму – прокрастинация», фактор №2 «Нехватка времени – отсутствие интереса».

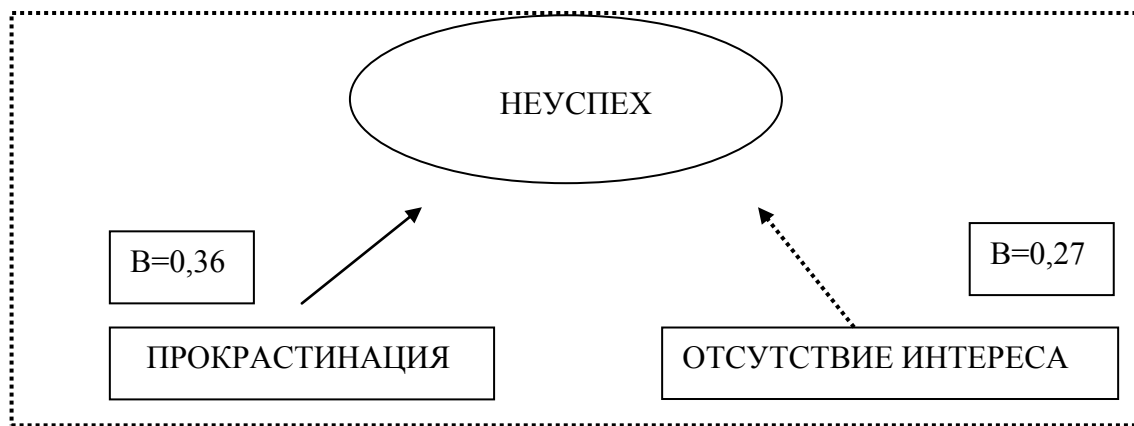

Рис.1. Влияние прокрастинации и отсутствия интереса к изучаемому предмету на неуспех в учебно-профессиональной деятельности

Примечание. —> $p \leq 0,01$ > $p \leq 0,05$

На основе анализа всех данных, полученных в исследовании, нами были сформулированы следующие выводы.

1. Факторный анализ социально-психологических детерминант неуспеха показал, что причинами неуспехов в учебно-профессиональной деятельности успешных студентов выступают низкая степень познавательной активности личности и низкая мотивация, тогда как причинами неуспехов в учебно-профессиональной деятельности неуспешных студентов являются отрицательные личностные характеристики (прокрастинация, отсутствие стремления к перфекционизму) и влияние внешних обстоятельств (нехватка времени, личность преподавателя).

2. С помощью множественного регрессионного анализа было установлено, что неуспех в учебно-профессиональной деятельности детерминируется такими особенностями личности, как постоянное откладывание решения дел «на потом» (прокрастинация) и низкая мотивация (отсутствие интереса к изучаемому предмету).

Литература

1. Абульханова - Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Зелигман М. Как научиться оптимизму: Пер. с англ. – М.: Вече, 1997. – 432 с.
3. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных.: учеб. пособие. – 3-е изд., стереотип. – СПб.: Речь, 2007. – 392с.

Сравнительный анализ профессионально важных качеств студентов юридического факультета и практикующих юристов

Новикова Е.В.⁶³

студентка

Волгоградская Академия Государственной Службы, Волгоград, Россия

E-mail: tonyuka87@mail.ru

На сегодняшний день профессия юриста была и до сих пор является одной из самых престижных в современном российском обществе. Юридическая деятельность, как и любая другая, предполагает наличие определённых личностных качеств, которые необходимы для эффективного выполнения данной работы.

Создание и апробация профессиограмм для каждой конкретной юридической профессии позволит подбирать специалистов необходимого уровня компетентности и

⁶³ Автор выражает признательность к психол.н. Зиновьевой Д.М. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

значительно улучшить работу всех юридических органов, что так необходимо на сегодняшний момент нашего времени.

За последние годы в нашей стране растет число преступлений связанных с превышением должностных полномочий, «взяточничества», не только в правоохранительных органах, но и в органах прокуратуры и суда. Примечательно, что по данным социологических опросов, о которых сообщил Генеральный прокурор России Ю.Чайка, особенно остро стоит проблема раскрываемости должностных преступлений и борьбы с коррупцией в органах, наделенных государственной властью, особенно в Южном федеральном округе, куда входит и Волгоградская область.

Эффективность деятельности юристов, судей, прокуроров обуславливается не только их специальными знаниями, но и ценностными ориентациями, направленностью и последовательностью мировоззрения. Мировоззрение личности определяет ее понимание социальной значимости своей профессии, идейную убежденность, чувство долга, справедливости, объективности, честности, а также предопределяет активность личности, как стремление принимать деятельное участие в жизни общества, проявляя при этом социально важную инициативу.

К профессионально важным качествам юристов традиционно относят: высокий уровень интеллектуального развития, социальной адаптации, коммуникативную компетентность, организаторские способности, нервно-психическую устойчивость, высокий уровень развития морально-этических качеств личности, умение противостоять внешним факторам, особенности мотивации.

Для определения различий ряда профессионально важных качеств юристов и студентов специальности «Юриспруденция» было проведено исследование на базе Волгоградской академии государственной службы и Областного суда г. Волгограда. Выборка нашего исследования составила 70 человек, из них студенты юридического факультета 4 курса (20-21 год) и юристы областного суда (от 24 до 40 лет).

Были использованы следующие методики: анкетирование, стандартная методика CPI, методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), авторская метафора «История о Случае», авторский опросник с использованием пословиц и поговорок. Две последние методики использовались преимущественно с целью диагностики морально-этических качеств личности и особенностей мотивационной сферы.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что студенты предрасположены к преодолению каких-либо норм и правил, неконформизму. Они склонны противопоставлять собственные нормы и ценности групповым, искать трудности, которые можно было бы преодолеть.

У юристов-практиков прослеживается склонность к конформным установкам, склонность следовать стереотипам и общепринятым нормам поведения. У них наблюдается тенденция скрывать свои реальные нормы и ценности, либо желание «приукрасить» свои результаты путем самоконтроля любых поведенческих эмоциональных реакций, чувственных влечений.

В проективной методике у студентов ярко прослеживается образное, абстрактное мышление, развитое воображение. Они ищут легкий способ решения проблем, часто не задумываясь о результатах своих действий, последствиях, что говорит о сниженной ответственности, отсутствия планирования, тревожности. Тем не менее, у них прослеживается стремление к самосовершенствованию, гуманизм, гибкость мышления, грамотная, интересная речь, объективность, честность, совесть, логичность, доминирование социально значимых мотивов в сфере профессиональной деятельности.

В проективной методике у юристов-практиков наблюдалось способность к дедуктивному мышлению (от общего к частному), всестороннему анализу, к прогнозированию, умению выделить главное; настойчивость, решительность, уверенность в своих силах, а также склонность не завершать начатое до конца, но при этом

Секция «Психология»

чувствовалась некоторая «закрытость» и настороженность по отношению к тестированию. Предложение «бартера», бегства и ухода от заданной ситуации, как способа решения проблем (История о Случае) заставляет задуматься о порядочности, честности, о нравственном облике юристов, а также недостаточно развитых волевых качествах

Статистическая обработка показала различия между группами испытуемых в следующих факторах: в коммуникативной компетентности, в уровне напряженности, агрессии, тревоги и страхов; в утверждении независимости и самодостаточности, в предрасположенности к разным видам зависимости, а так же различие в реализации форм аутоагрессивного поведения и в склонности к реализации комплексов вины.

По итогам исследовательской работы мы пришли к выводу о том, что профессионально важные качества студентов и юристов-практиков различаются по следующим компонентам ПВК: уровень социальной адаптации; нервно-психической (эмоциональной) устойчивости; в уровне познавательной активности; в коммуникативной компетентности; а так же в уровне развития организаторских способностях.

Хотелось обратить особое внимание на существующий парадокс в полученных результатах: все респонденты, с одной стороны, ратуют за законность, за правопорядок, но в то же время считают возможным нарушать законы, если это будет полезным для них лично, не будет ущемлять интересы их и ближнего круга. Чем не пресловутое следование пословице «закон, что дышло...».

Когда такими юристами принимаются решения о соблюдении или не соблюдении закона, они исходят из своего субъективного понимания ситуации, из личностного восприятия, из сиюминутных эмоций и желаний. Иными словами, на бытовом уровне в сознании юристов присутствует правовой нигилизм, не существует определенных сдерживающих факторов.

Литература

1. Васильев В. Л. Проблемы профессионального отбора следователей // Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 15—19.
2. Коновалова В.Е. Правовая психология. - Харьков: Консум, 1997.
3. Мамонтова С.Н. Прикладная юридическая психология. М., - 2000.
4. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 1995.
5. Жалинский А.Э. Профессиональная деятельность юриста. Введение в специальность. Учебное пособие. - М.: Издательство БЕК, 1997.

Половые различия в восприятии СМИ молодёжью

Новикова Е.С., Смирнова В.В.

Студент, старший преподаватель

Великолукская государственная академия физической культуры и спорта, социально-гуманитарный факультет, г. Великие Луки, Россия

E-mail: www.psychologist221@rambler.ru

Средства массовой информации, все шире распространяясь с каждым годом, оказывают воздействие на различные сферы общества, на разнообразные виды деятельности и на каждого человека в отдельности. Во многом влиянию прессы и телевидения подвержена молодежь.

Молодость - такой период жизни, когда личность еще не сформировалась, не определилась, а только выбирает дальнейший жизненный путь. На этом промежутке самое главное – не поддаваться какому-либо внешнему воздействию. Это воздействие может исходить не только от сверстников, но и от СМИ, что во многом определяет его поступки, мысли, действия и здоровье.

Секция «Психология»

Несформировавшаяся личность будет брать пример с тех, кто, на ее взгляд, силен и ловок, кто пользуется авторитетом, уважаем и бесстрашен. Под это описание отлично подходят образы бандитов в современных сериалах, которые имеют не только вредные привычки, но и транслируют преступный стиль поведения. На СМИ возложена огромная ответственность, ведь оттого, что молодые люди «впитывают» с экранов телевизоров, зависит направление их дальнейшего развития и здоровья. Это как старший товарищ, к мнению которого они с удовольствием прислушиваются и подражают.

Следовательно, проблема влияния СМИ на молодежь является весьма актуальной и имеет неоднозначный характер.

В своём исследовании мы попытались определить были рассмотрены половые различия во влиянии на старшеклассников телевидения, Интернета, радио и печатных СМИ.

Исследование проходило в Псковской области, городе Великие Луки в лицее №11. В нём приняли участие учащиеся 10-11 классов в количестве 180 человек, из них 90 юношей и 90 девушек. Было проведено анонимное анкетирование с помощью опросника «Влияние СМИ на современного подростка», задачей которого являлось определение эмоционального воздействия СМИ на психическое состояние подростков.

По результатам анкетирования выяснилось, что у 60% юношей, и у 80% девушек при просмотре таких информационных передач как «Новости», «Вести», «Сегодня» появляется чувство тревоги, страха, происходит снижение настроения, разочарование, у 15% девушек, и у 30% юношей наблюдается чувство радости, и у 5% девушек и у 10% юношей проявляется безразличное отношение. Большинство передач транслируют репортажи об убийствах, кражах, видео сюжеты с захватыванием заложников, из-за этого большинство опрошенных испытывают ухудшение самочувствия, негодование и тревогу за себя и своих близких. Преобладание отрицательных эмоций наблюдается среди девушек и связано это с их повышенной эмоциональной восприимчивостью.

Огромный объем эфирного времени занимает реклама. Каково же ее влияние на молодежь, если она составляет более 30% всего времени. Не смотря на то, что реклама вечный двигатель торговли, она вызывает такие негативные чувства у молодых людей как: раздражение (65% у юношей и 74% у девушек), недомогание (50% у юношей и 65% у девушек), недовольство (50% у юношей и 80% у девушек), и лишь у 20% девушек и юношей реклама вызывает радость, смех и желание переключить канал. Следовательно, юноши проявляют более терпимое и эмоционально толерантное отношение к рекламе, хотя доминирующим является негативное отношение.

Исследование вкусовых предпочтений показало, что юноши на первое место по интересам ставят юмористические передачи, на второе познавательные, на третье развлекательные, на четвертое место сериалы, а девушки на первое место сериалы, на второе юмористические передачи, на третье развлекательные, на четвертое место познавательные передачи. Это говорит о различиях в жизненных приоритетах и ценностных ориентациях юношей и девушек. Для молодых людей ценным является лёгкий юмор и новая полезная информация, для девушек – практическая событийная сторона жизни.

76% юношей и 94% девушек безоговорочно доверяет информации полученной из СМИ, и только 24% юношей и 6% девушек проверяют ее достоверность. Все это свидетельствует о том, что девушки более доверчивые и легкомысленные, а юноши практичнее осторожнее и внимательнее чем девушки.

Таким образом, мы выяснили, что СМИ имеет как положительное, так и негативное влияние. Из-за отсутствия жесткой цензуры негативное влияние оказывается более сильным. Многие передачи не имеют возрастного ограничения, поэтому, при их просмотре, дети становятся объектом сильнеешего психологического воздействия, вызывающего агрессию, снижение настроения, появление чувства страха и тревоги. Часто данные воздействия носят манипулятивный характер, особенно со стороны рекламы.

Секция «Психология»

Девушки из-за повышенной чувствительности и эмоциональной нестабильности больше подвержены влиянию СМИ, а у юношей формируется навязанная СМИ агрессивная, разрушающая модель поведения.

Молодежь - самая непредсказуемая категория населения, и то, какой шаг она предпримет завтра, зависит во многом от СМИ. Ведь СМИ обладает огромными возможностями в качестве инструмента формирования мировоззрения подрастающего поколения. Только применение данного механизма должно быть очень осторожным, корректным и отвечать, прежде всего, нравственно-этическим нормам.

Литература

1. Байярд Р., Байярд Дж. Ваш беспокойный подросток. - М.: Просвещение, 1991.
2. Кле М. Психология подростка: Психосексуальное развитие. - М.: Педагогика, 1991.
3. Кон И. С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). М., 1979. 175 с.
4. Кулагина И.Ю. Возрастная психология. -М.: Изд-во УРАО, 1999. -176с.
5. Мир детства: Подросток. / Под ред. А.Г.Хрипковой. - М.: Педагогика, 1989.

Советский человек как социологический типаж

Новикова Ю.А.

студент

*Московский государственный лингвистический университет
институт международных отношений и социально-политических наук, Москва, Россия
E-mail: novyuliaalex@rambler.ru*

Россия в настоящее время находится в процессе преобразования макросоциальной социокультурной идентичности и механизмов консолидации социальных общностей, что обусловлено исчезновением прежней советской культуры, разрушением коммунистической идеологии и распадом Советского Союза. Кризис национальной идеи и фрагментация общекультурной идентичности в современной России являются прямым следствием трансформации советскости, или советской идентичности.

Объектом исследования является советский человек как социологический типаж. Предметом исследования являются сущностные характеристики советского человека.

Цель исследования – выявление сущностных характеристик советского человека как социального типажа с позиций культурной антропологии.

В ходе исследования были выявлены следующие сущностные характеристики советского человека как социального типажа: коллективизм, оптимистичность мировоззрения, стереотипность мышления, ограниченный выбор, нежелание расставаться с вещами. Советский человек – приспособленный – принимал реальность как безальтернативную данность, у него отсутствовали легитимные возможности выразить свое недовольство. Отсюда происходит лукавое приспособление, поиск всяческих лазеек.

Сравнение социальных типажей: «советский человек» и «современный человек».

Советский человек	Современный человек
60-80 гг.	после 90-х гг.
оптимистическое мировоззрение (причина - стабильность)	нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне
коллективизм	индивидуализм
стереотипность мышления (причина - информационный голод)	стереотипность мышления (навязанная СМИ)
ограниченный выбор	широкий выбор
нежелание расставаться с вещами	"конец постоянства", "новизна",

Как ни странно, чем дальше в прошлое уходит СССР, тем очевидней уникальность возникшего благодаря ему «человека советского». Феноменом является не только сам советский человек, но и культурная среда, окружавшая людей в советскую эпоху. Спустя полтора десятилетия с момента официальной кончины СССР, после периода активного отторжения всего, что имело хоть какие-то ассоциации с советским прошлым, мы видим уже куда менее негативное отношение социума к предметам и символам ушедшей эпохи. Более того, мы наблюдаем моду на советское, как в ее китчевом варианте — футболки с гербом и гимном СССР и т. д. — так и вполне серьезное предпочтение либо предметов быта, сохранивших неизменную технологию производства со времен СССР, либо же современных псевдо-советских «брендов», внешне идентичных советским товарам.

Литература

1. Юрий ЛЕВАДА. От мнения к пониманию. Социологические очерки 1993-2000 Москва, Московская школа политических исследований, 2000, 574 страницы.
2. М.В. Восканян. Эстетика советского в современной России. Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Выпуск 3 / Под ред. В.В. Парцвания. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. — С.150-154
3. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / [А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Ю.А. Левада и др.; под общ. ред. Ю.А. Левады]. М.: Мировой океан, 1993.
4. Ю.А. Левада. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6 (44). С. 7-13. [Статья]
5. Ю.А. Левада. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1 (45). С. 19-27. [Статья]

Отношение к судьбе как предмет психологического исследования

Озерова А.М.

Студентка

*Российский Государственный Гуманитарный Университет, институт психологии им. Л.С. Выготского, факультет социальной психологии и педагогики, Москва, Россия
E-mail: sunny_cheb@mail.ru*

Судьба как таковая не может быть предметом научного исследования, однако понятие судьбы является одним из базовых во многих культурах и языках. Оно является предметом изучения сразу нескольких наук (лингвистика, культурология, семиотика) и часто изучается на их пересечении. Согласно концепции ключевых слов культуры А. Вежбицкой ключевые слова отражают глубинные представления человека о мире, они отличаются особой устойчивостью и сохраняются неизменными в течение длительного времени на фоне изменений, происходящих в обществе. Судьба является как раз одним из таких слов в русской культуре. Согласно концепции языковой картины мира, в языке отражается совокупность представлений о мире, определенный способ понимания и объяснения действительности. В психологии социального познания языковой картине мира соответствует понятие образа социального мира, который имеет свое отражение в языке и в данном случае принадлежит не одному конкретному человеку, а целому этносу или народу. В каждом языке существуют ключевые понятия, отражающие специфические особенности данной языковой общности, этноса, и отличающие ее от других. В русском языке понятие судьбы как раз и является одним из таких концептов.

Секция «Психология»

Под отношением к судьбе мы понимаем набор определенных представлений человека о том, что такое судьба, а так же веру в ее существование и влияние на человеческую жизнь.

Таким образом, мы можем предположить, что отношение человека к судьбе отражает одну из важных сторон субъективной картины мира (образа мира) и может быть предметом изучения такого раздела психологии как психология социального познания. Не смотря на культурный (этнический) аспект понятия судьбы отношение человека к судьбе представляется нам во многом индивидуальным, так как преломляется через личный жизненный опыт. И таким образом может быть рассмотрено и как индивидуальная особенность человека.

Отношение к судьбе представляется нам связанным с такой проблемой как проблема свободы/несвободы личности, а также с такими понятиями как локус контроля и каузальная атрибуция. Интересна также связь отношения к судьбе с поведением человека в целом и в отдельных конкретных ситуациях.

Данный вопрос мы начали изучать в рамках курсовой работы «Взаимосвязь временных ориентаций личности и отношения к судьбе», однако нам кажется, что имеет смысл сконцентрировать свое внимание именно на изучении отношения к судьбе как новому объекту исследования. Наша работа имела пилотажный и поисковый характер, в исследовании приняло участие 40 испытуемых в возрасте от 19 до 47 лет.

Для изучения отношения к судьбе мы использовали два открытых вопроса («Как Вы думаете, что такое судьба? Постарайтесь наиболее полно описать Ваше мнение»; «Какую роль судьба играет в Вашей жизни?»), а также специально разработанный нами опросник. Материалом для его составления послужили поговорки, пословицы и афоризмы о судьбе. В первоначальный вариант вошло 54 суждения о судьбе, респондентов просили оценить степень согласия с каждым из них. В дальнейшем была применена процедура факторного анализа, по результатам которой было выделено 3 фактора отношения к судьбе:

1) Фактор фаталистического отношения к судьбе: судьба как неизбежность, как сила, которой нельзя противостоять («От судьбы не уйдешь»; «Судьба придет – по рукам свяжет»; «Чему быть, того не миновать»);

2) Фактор активности и ответственности: активность и ответственность человека за свои действия, возможность взаимодействовать, влиять и изменять судьбу («Мудрый человек сам творит свою судьбу», «Храбрым судьба помогает», «Человек – хозяин своей судьбы»);

3) Фактор принятия судьбы: принятие своей судьбы и отсутствия контроля за происходящими событиями, возможность влияния на судьбу через согласие с ней («К негативному событию в нашей жизни нужно относиться как к должному, ибо это всего лишь очередной шаг нашей судьбы», «Даже в самой худшей судьбе есть возможности для счастливых перемен», «Мудрый умеет даже от удара судьбы извлекать максимальную пользу»).

Были проведены следующие процедуры психометрической проверки опросника: вычисление силы заданий, внутренней валидности заданий, проверка надежности (критерий Альфа-Кромбаха).

На наш взгляд, получившиеся шкалы отражают качественные характеристики отношения к судьбе. Фактор фаталистического отношения к судьбе не предполагает как таковой возможности взаимодействовать человека с судьбой. Судьба представляется как некоторая сущность, которой невозможно противостоять. Фактор активности и ответственности представляет собой более сложные отношения к судьбе. С одной стороны, человек сам строит свою судьбу и несет ответственность за свои поступки (сам виноват в своих неудачах). С другой стороны, судьба тоже воздействует на человека, но делает она это как бы «опираясь» на его поступки, «положительные» черты характера и личностные качества («Храбрым судьба помогает», «Судьба должна быть необходимым следствием действий, действия – страстей, страсти – характеров»). Третий фактор

Секция «Психология»

принятия судьбы представляется нам более интересным, так как он отражает достаточно неожиданное отношение к судьбе. Это тоже вариант взаимодействия, но в данном случае уже скорее человек следует за судьбой (идет ей навстречу, переосмысляет и изменяет свое отношение к ней), чтобы достичь успеха. В этом факторе судьба представлена уже не как непоколебимая сила, которой нельзя противостоять, а скорее, как что-то изменяемое и до некоторой степени случайное («Даже в самой худшей судьбе есть возможности для счастливых перемен», «В каждом большом деле всегда приходится какую-то часть оставить на долю случая»).

В данном исследовании открытые вопросы выступали скорее в роли дополнения к другим методикам. Небольшое количество испытуемых и материала для анализа не позволяет сделать серьезных выводов относительно представлений о судьбе, результаты контент-анализа носят скорее ориентировочный и поисковый характер. Нами были выделены основные категории в представлениях о судьбе: жизненный путь человека, предопределенность, результат активности субъекта, некая потусторонняя сила. Все эти категории соотносятся с рассмотрением понятия судьбы в культурологии и лингвистике.

В целом, изучение отношения к судьбе представляется интересным и перспективным, и мы предполагаем дальнейшее более детальное и планомерное изучение данной проблематики, а также поиск и рассмотрение взаимосвязей с другими психологическими характеристиками и феноменами.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. - М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М. : Яз. славян. культуры, 2001.
3. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. - М. : Яз. славян. культуры, 2005.

Восприятие логотипов операторов сотовой связи юношами и девушками: сходство и различия

Панчехина Н.Н.

студентка

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

E-mail: nighthooligan84@mail.ru

Проблема изучения эффективного рекламного воздействия на потенциальных потребителей – проблема на сегодняшний день актуальная и широко исследуемая, так как её решение могло бы сократить огромные вложения производителей в рекламу товара/услуги, увеличив таким образом затраты на повышение качества продукции.

Одним из наиболее важных факторов функционирования успешной (с точки зрения эффективности) рекламы, является фирменный логотип организации. Именно процесс его внедрения и реализации часто определяет дальнейшее развитие самой организации, успешность её продвижения на рынке товаров и услуг. Таким образом, необходимо понимать, как рекламный логотип воспринимается потенциальными потребителями, насколько он привлекает, оказывает ли он должное воздействие на потенциального покупателя.

Современная реклама сохраняет тенденцию быть ориентированной на определенные сегменты потребительского общества. В связи с этим активно изучается гендерная специфика формирования потребности в товаре или услуге. На сегодняшний момент существует достаточное количество исследований, посвященных восприятию образов мужчины и женщины в рекламе, но наблюдается значительный дефицит исследований, где бы рассматривалась специфика восприятия рекламной информации мужчинами и женщинами.

Целью нашей работы было исследование специфики восприятия рекламы на примере логотипов операторов сотовой связи МТС, Мегафон, БиЛайн (самых крупных

Секция «Психология»

корпораций, предлагающих подобные услуги на современном российском рынке). В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте от 18 до 24 лет (из них 60 – юношей, 60 – девушек; 40 – пользователей МТС, 40 – пользователей Мегафон, 40 – пользователей БиЛайн). В качестве экспериментального метода оценки рекламной продукции с точки зрения эмоционального отношения к ней потребителей был использован метод семантического дифференциала Ч. Осгуда. Респонденты оценивали по предложенным биполярным шкалам сначала цветовое решение каждого логотипа, а потом – логотип в целом. Для статистической обработки полученных результатов использовался *t*-критерий Стьюдента (далее мы рассматриваем только те средние значения, различия между которыми статистически значимы на уровне не ниже 0,05).

Анализ и интерпретация результатов проводились поэтапно. На первом этапе мы сравнили между собой средние оценки трех изучаемых логотипов всеми испытуемыми (120 человек). Были выявлены статистически значимые различия между оценками логотипов МТС, Мегафон и БиЛайн по шкалам «приятный – неприятный» – как наиболее приятный респонденты оценили логотип БиЛайн (5,65), а наименее приятный – МТС (4,50); «спокойный – раздражающий» – наиболее спокойным отмечен логотип Мегафон (5,17), а более раздражающим – МТС (3,57); «привлекательный – непривлекательный» – как наиболее привлекательный оценен логотип БиЛайн (5,15), наименее привлекательный – логотип МТС (4,13); «понятный – непонятный» – наиболее понятным респонденты считают логотип оператора БиЛайн (5,10), а непонятным – логотип МТС (3,67) и «запоминающийся – незапоминающийся» – наиболее запоминающимся по мнению респондентов является логотип БиЛайн (6,06), наименее запоминающимся – логотип Мегафон (4,54). Также были выявлены статистически значимые различия в оценках логотипа Мегафон по сравнению с двумя другими по шкалам «яркий – тусклый» и «насыщенный – ненасыщенный», таким образом, логотип Мегафон оценили как более тусклый и ненасыщенный (4,30 и 4,40 соответственно) по сравнению с логотипами МТС и БиЛайн. В оценках всеми респондентами логотипа МТС по сравнению с БиЛайн и Мегафон было обнаружено статистически значимое различие по шкале «логичный – нелогичный», логотип МТС оценивают по сравнению с двумя другими как наиболее нелогичный (3,39). Логотип БиЛайн респонденты считают наиболее запоминающимся (6,06) по сравнению с логотипами Мегафон и МТС и это различие также статистически значимо.

На втором этапе мы сравнили средние оценки трех логотипов, полученные в мужской и женской выборках. Было установлено, что юноши считают логотип оператора МТС более привлекательным и приятным, чем девушки. Юноши также оценивают логотип Мегафон намного более положительно по шкале «приятный – неприятный», считая его более приятным, чем женщины. В целом, необходимо отметить, что юноши имеют тенденцию давать более позитивные оценки в принципе, женщины более критичны в своих оценках, возможно, это связано с тем, что женщины вообще более ответственно подходят к выполнению задания, стараясь более точно дифференцировать свои ощущения во время восприятия логотипа.

На следующем этапе мы сопоставили между собой оценки логотипов БиЛайн, МТС и Мегафон, полученные в мужской половине выборки. Выявлено, что наиболее приятным юноши оценивают логотип БиЛайн (5,66), менее им приятен логотип МТС (5,06). Они также оценивают логотип БиЛайн наиболее привлекательным, ярким и насыщенным по цветовому оформлению (4,96; 5,31; 5,30 соответственно) и наиболее понятным, оригинальным и запоминающимся в целом (4,88; 5,08 и 6,00 соответственно) по сравнению с МТС и Мегафон. Логотип МТС мужчины оценивают как наиболее раздражающий (3,80), наименее привлекательный (4,53), и наименее понятный (3,73) из трех. Как наиболее спокойный и логичный мужчины называют логотип Мегафон (5,11 и 4,95 соответственно).

Секция «Психология»

Наконец, мы сравнили между собой оценки трех изучаемых логотипов, полученные в женской половине выборки. Девушки оценили логотип БиЛайн как наиболее приятный (5,65), привлекательный (5,33), насыщенный (5,26), наиболее понятный (5,31), логичный (5,08), запоминающийся (6,13) и оригинальный (5,41), т.е. данный логотип практически по всем оцениваемым шкалам получил более высокие по сравнению с оценками логотипов МТС и Мегафон результаты. Наименее приятным и привлекательным девушки считают логотип МТС (3,95 и 3,73 соответственно). Наиболее спокойным ими был отмечен логотип Мегафон (5,23), наиболее раздражающим из трех – логотип МТС (3,35). Логотип оператора сотовой связи Мегафон девушки оценивают как наименее оригинальный (4,20) и менее запоминающийся (4,46) в сравнении с двумя другими.

Подводя итоги проведенного исследования, мы можем констатировать, что наиболее эффективным по восприятию респондентов является логотип БиЛайн, причем эта тенденция проявляется как во всей выборке, так и в подвыборках юношей и девушек. Логотип МТС устойчиво воспринимается как раздражающий и наименее привлекательный, логотип Мегафон – как наиболее спокойный. Гендерная специфика восприятия рекламных логотипов ярче всего проявляется в том, что юноши в целом оценивают логотипы позитивнее, чем девушки. Интересно, что юноши более положительно оценивают логотип Мегафон и выделяют такую его характеристику как логичность, а девушки считают этот логотип наименее запоминающимся и наименее оригинальным.

Мы планируем продолжить исследования гендерной специфики восприятия логотипов операторов сотовой связи, сравнив между собой результаты, полученные в подгруппах пользователей МТС, БиЛайн, Мегафон, а также использовать факторный анализ для выявления комплексных параметров восприятия.

Возрастные особенности содержания социальных представлений об ответственном человеке.

Пенькова И.И.¹

Аспирант факультета психологии

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: penkova_otgu@mail.ru

Проблема персональной ответственности личности неизменно остается актуальной для российского общества. Выступая в качестве формы активности, ответственность «призвана» регулировать поведение, уравнивая свободу и необходимость в жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом.

Одним из наиболее актуальных и малоизученных аспектов ответственности являются социальные представления об ответственном человеке на разных этапах становления личности.

Согласно С. Московичи, социальные представления – это любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний. Социальные представления – это форма познания социальной действительности [4].

Наше исследование было посвящено изучению социальных представлений об ответственном человеке в юношеском возрасте и в период ранней взрослости.

В качестве испытуемых мы рассматривали две возрастные группы: юность (11-19 лет) и ранняя взрослость (20-40 лет), т.к. это стадии наиболее активного формирования социальной ответственности в связи с изменением социальной позиции. Выборка исследования составила 200 человек. В исследовании мы использовали методику Азумы и Кашиваги, в адаптации Смирновой Н.Л. [2]. В качестве методов статистической обработки использовался контент-анализ, факторный анализ, выполненный методом главных компонент с варимакс - вращением и нормализацией Кайзера [5].

Секция «Психология»

В результате проведенного исследования в юношеском возрасте было выделено четыре прототипа ответственного человека. Для представителей юношеского возраста преобладающий прототип ответственного человека (11,85% дисперсии фактора) представляет собой заботливого, порядочного и честного человека и хорошего, заботливого родителя. Т.е. человека ответственного в сфере семейных отношений, заботливого, умеющего брать на себя ответственность за поступки и быть честным и порядочным. Т.о. моделью ответственного человека и ответственного поведения для представителей юношеского возраста выступает семья. Данные этого исследования подтверждает ранее высказанное положение о том, что семья является социально-психологической моделью жизненных сфер, наиболее адекватная для принятия и проявления ответственности [3].

Во второй прототип ответственного человека (10,84% дисперсии фактора), входят следующие характеристики: хороший друг, воспитанный. Для испытуемых юношеского возраста ответственный человек – это тот, кто может быть хорошим другом. Т.о. в модели ответственного человека представителей юношеского возраста представлена сфера межличностных отношений и ценность дружбы. Эти данные подтверждают значение дружбы в юношеском возрасте, подчеркиваемое в возрастной психологии.

Следующий прототип ответственного человека (10,74% дисперсии фактора) составляют такие характеристики как: инициативность, активность, организованность. Т.о. в данном прототипе ответственность связана с другими личностными характеристиками, представляющие формы активности личности. Так как эти результаты вполне согласуются с идеями К.А. Абульхановой о формах активности личности, мы можем утверждать, что в сознании представителей юношеского возраста представлены сущностные характеристики ответственности, связывающие ее с активностью и субъектностью [1].

Четвертый фактор (10,04% дисперсии фактора) представляет прототип ответственного человека, наделенного такими качествами, как надежность, чувство долга, умеющего держать свое слово, добросовестность, своевременно выполняющего дела, доводящего начатое дело до конца.

Преобладающим прототипом ответственного человека для представителей ранней взрослости (17,99% дисперсии фактора) является заботливый родитель, супруг, хороший друг, добрый, воспитанный и порядочный человек. Т.е. ответственный человек представляется, прежде всего, ответственным в сфере семейных, родительских и межличностных отношений.

Во второй прототип (13,23% дисперсии фактора) ответственного человека, входят такие характеристики как: активность, инициативность, организованность, успешность. Второй по значимости, таким образом, выступает профессиональная сфера, в которой ответственный человек описывается как активный, успешный в своей профессии.

Следующий прототип ответственного человека (8,40% дисперсии фактора), составляют такие характеристики как надежность, исполнительность, добросовестность. Т.е. ответственный человек – это человек надежный, на которого можно всегда положиться.

Четвертый фактор (6,63% дисперсии фактора) описывает ответственного как умеющего держать свое слово, обязательного, пунктуального, своевременно выполняющего дела, до конца доводящего до результата, умеющего адекватно распределять свои возможности.

Полученные данные позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Существуют возрастные особенности содержания социальных представлений об ответственном человеке. По сравнению с юношеским возрастом представления испытуемых ранней взрослости являются более осознанными и непротиворечивыми.

2. Выявлены социальные представления об ответственном человеке, не имеющие возрастной специфики в исследуемых возрастах: для обеих изучаемых групп наиболее

Секция «Психология»

выраженными являются представления об ответственности и ее проявлениях, прежде всего, в сфере семейных и межличностных отношений.

3. Данные нашего исследования подтверждают результаты полученные в более ранних работах (К.А. Абульханова, Л.И. Дементий, К. Муздыбаев) о том, что ответственность в обыденном сознании тесно связана с представлениями о надежности, обязательности, исполнительности.

4. Типы социальных представлений, выявленные в юношеском возрасте и ранней взрослости, отражают достаточно полный спектр проявления сущности ответственности.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. Издательство Мысль, 1991. С.297.
2. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
3. Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания. – Омск: ОмГУ, 2001.- 192с.
4. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Псих. журнал 1995, Т.16, №2
5. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004.-392с.

¹ Автор выражает огромную благодарность и признательность профессору, д. психол. н., Дементий Л.И. за помощь в подготовке тезисов и вдохновение.

Архетипы коллективного бессознательного в популярных молодежных кинофильмах

Петренко Е.К.

Студентка

*Иркутский Государственный Университет, факультет психологии, г. Иркутск, Россия
E-mail: NLO-27@yandex.ru*

В современной науке практически все внимание ученых-психологов уделяется исследованию сознательных процессов, в то время как бессознательное, проявления которого исследовать крайне сложно, отходят на второй план. Затруднения в изучении данной стороны психики объясняются по большей мере ограниченностью возможностей исследователя в выделении чистых проявлений коллективного бессознательного из всей массы психических процессов, явлений, состояний и продуктов психической деятельности. Однако, несмотря на это коллективное бессознательное представляет для нас особый интерес, так как оно оказывает влияние на каждого человека и на все общество в целом, передается из поколения в поколение, являясь носителем архетипов – универсальных элементов личности человека. По словам К.-Г. Юнга, в коллективном бессознательном содержится все духовное наследие человеческой эволюции, возродившееся в структуре мозга каждого индивида. Однако проявляется это «наследие» в строгой взаимосвязи со временем, культурой, уровнем развития общества.

Такое средство массовой коммуникации как телевидение играет достаточно значимую роль в современном обществе. При восприятии кино как искусства человек испытывает эстетическое удовольствие или наслаждение. Когда человек сталкивается с образами архетипов, он всегда чувствует силу, которая была трансформирована в этот образ. Поэтому встреча с архетипическим образом всегда сопровождается сильным эмоциональным переживанием, сообщаям индивиду чувство надличностной энергии, некоей силы, явно превосходящей его индивидуальное Эго. Однако, не секрет, что при просмотре одного и того же фильма разные люди испытывают разные переживания. Это объясняется тем, что все архетипы коллективного бессознательного живут в каждом из нас, но в разной степени имеют место в нашей жизни.

Эмоционально идентифицировав себя с тем или иным «экранным» персонажем, чей архетип доминирует в личностной сфере человека, он начинает подражать ему в поведенческих проявлениях, вербальных высказываниях, привычках, интересах, ценностях и т.д. Узнавая на экране телевизора свои ведущие архетипы на эмоциональном уровне, определяя личные предпочтения, человек вместе с его индивидуальными и личностными характеристиками или даже целая социальная группа становятся объектом непосредственного воздействия архетипических образов.

В нашем исследовании в качестве такой социальной общности выступает современная молодежь. Мы изучили несколько самых популярных и востребованных среди представителей современной российской молодежи на данный момент времени художественных фильмов и определили ее архетипические «предпочтения» - надличностную силу, трансформированную в образы. Выборку нашего исследования составили студенты из разных российских городов в возрасте от 18 до 22 лет. Основанием для такой рандомизации служит тот факт, что коллективное бессознательное – надиндивидуально по своей природе и проявляется одинаково в той или иной общности людей, его носителей, вне зависимости от территории, на которой они проживают. Общность же достигается путем относительного уравнивания в возрастной и статусной категориях. Объем выборки, произведенной случайным способом, составил 100 человек: 50% женского, 50% – мужского пола.

По результатам проведенного опроса был составлен рейтинг самых популярных среди российской молодежи кинофильмов. Всего было названо 328 фильмов, из них первое место по рейтингу занял фильм «Эффект бабочки» (16 % голосов), второе – «Достучаться до небес» (11% голосов), третье – «Бойцовский клуб» (10 % голосов). Данные произведения содержат в себе глубокие смыслы, одной из их особенностей можно назвать тот факт, что скрытое, непонятное и необычное в начале просматриваемого фильма к концу становится логичным и закономерным.

Далее для выявления архетипических предпочтений молодежи мы применили количественно-качественный метод контент-анализа. Мы считаем, что в данном случае использование данного метода оправдано, во-первых, тем, что имеется большое количество однородного материала для анализа, во-вторых, целью, состоящей в постижении внетекстовой реальности, а также сложностью непосредственного изучения этой реальности. Данный метод не только позволяет подойти к изучению коллективного бессознательного с качественной стороны, но и дает ему количественную оценку. В качестве категорий анализа использовались архетипы, в качестве индикаторов – образы, которые они принимают.

В ходе исследования были получены следующие данные. Из всех проявлений основных архетипических образов, выделенных Юнгом (Самость, Анима, Анимус, Персона, Мудрость, Тень, Мать, Отец, Дитя, Герой, Чудовище), отмеченных в выше названных кинофильмах, 26 % составил архетип Отца, 18 % – архетип Дитя, 17 % – Анимус, 16 % – Герой. То есть мы выяснили, что в популярных среди молодежи фильмах наиболее часто встречается архетип Отца, а значит, предположительно, он доминирует в молодежном коллективном бессознательном и оказывает наиболее значимое воздействие на ее представителей. Возможно, этот факт связан с ведущей деятельностью юношеского возраста, возможно – с ситуацией, преобладающей в их социальном окружении и являющейся наиболее значимой в данном возрасте, а возможно, архетипический образ отца сочетает в себе те качества, которые считаются необходимыми в молодежной среде и предстают в качестве эталона современного юноши.

Кроме того, мы проанализировали, насколько часто демонстрируются в фильмах такие явления, как любовь, рождение, смерть, возрождение и интимные сцены. На первом месте оказалась смерть (36 % из общего количества отмеченных явлений). Чаще всего – смерть носителя архетипов Дитя, Чудовища, Героя. Гибель героя – стандартное событие архетипического сюжета, а гибель Героя обычно сопровождается его последующим

Секция «Психология»

возрождением либо оказывается мнимой. Что касается Дитя, то это – типичное состояние персонажа перед Смертью, выражающееся в беспомощности, зависимости.

Таким образом, гипотеза исследования нашла лишь частичное подтверждение. Обнаружено, что в популярных среди молодежи фильмах наибольшее внимание уделяется архетипу не героя, но отца, а также архетипу Дитя и Анимусу. Интерпретация полученных данных требует дополнительного исследования механизмов связи архетипов в фабуле современной аудиовизуальной художественной продукции.

Литература

1. Конфорти М. Архетипы, когерентность и кино // *Spring*. – 2005. – № 73.
2. Федоров А. В. Проблемы аудиовизуального восприятия // *Искусство и образование*. – 2001. – № 2.
3. Юнг К.-Г. Архетип и символ. – М., 1991
4. Юнг К.-Г. и др. Человек и его символы. – М., 1997
5. Юнг К.-Г. Архетипы и коллективное бессознательное. – М., 1999

Представления молодежи о внутренней красоте женщины

Погонцева Д.В.

Аспирант

*Южный федеральный университет, факультет психологии, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: dashapgn@rambler.ru*

Телесная красота в современных зарубежных работах ассоциируется с женским телом, что обусловлено тем, что индустрия красоты в большинстве случаев рассчитана на женскую аудиторию. И хотя проблема телесности все чаще поднимается в современных российских и зарубежных работах, можно отметить, что ни в одной из современных работ не поднимается проблема внутренней красоты, внутреннего наполнения неких модных параметров. Для определения понятия «внутренняя» красота, нами был проведен опрос 464 людей (232 мужчины, 232 женщины от 17 до 25 лет), с просьбой дать описание женщины обладающей внутренней красотой.

Следует отметить, что нами были выделены гендерные различия в количестве результативных ответов. Так, описывая внутреннюю красоту, мужчины давали в среднем 3,9 характеристик, в то время как девушки указывали 5,08 характеристик. Однако, не смотря на это, нами не было отмечено значимых различий в самих описаниях. И мужчины, женщины называли ряд характеристик, частота появления которых была довольно высока. Следует так же подчеркнуть, что в связи с тем, что участниками давалось свободное описание портрета внутренне красивой женщины, и разброс ответов достаточно широк, мы объединили некоторые характеристики в группы.

Нами были выделены основные три группы характеристик внутренней красоты, это «эмпатичность», «ум», «доброта». В категорию «эмпатичность» нами были включены такие характеристики, как понимающая, умеет поддержать, заботливая, может помочь, всегда придет на выручку и т.д. В категорию «ум» помимо «умная», нами так же были включены такие характеристики, как образованная, мудрая, интеллектуальная. В категории «доброта» нами были включены два понятия «добрая» и «добросердечная».

Следует отметить, что самым частым вариантом ответа были ответы категории «ума», более 56% указали данную характеристику. Около 53% отметили характеристики «эмпатичности» и 49% указали на «доброту».

Помимо представленных выше характеристик, нельзя не выделить и другие часто повторяющиеся описания, в том числе (частота появления 15-50%): веселая, верная, душевная, с богатым духовным миром, женственная, искренняя, нежная, скромная, уверенная в себе, улыбчивая, обаятельная и обладающая чувством юмора.

В данном контексте интересной является характеристика «улыбки», которую участники исследования затруднялись однозначно отнести к внутренней или к внешней

Секция «Психология»

красоте. Около 16% отметили, что эта характеристика относится к описанию внутренней красоты. Таким образом, мы еще раз можем наглядно продемонстрировать, что через внешнее проявляется внутреннее.

Однако на данном этапе мы столкнулись с проблемой разделения «внутренней красоты» и других родственных понятий, как например обаяние. Так, по мнению В.И. Кочнева «обаяние - это наличие определенных идеальных (тех, которые данная социальная общность особенно ценит и которых ей как раз недостает) внутренних черт; явно выраженных во внешнем облике человека и поэтому легко «диагностируемых» окружающими при самом кратковременном контакте» [1]. Таким образом, в данном контексте эти два понятия находятся рядом, однако по нашему мнению понятие «внутренняя красота» - шире и включает в себя обаяние, т.е. набор внутренних черт, и поведенческий компонент, что подчеркивают группы характеристик «эмпатичность» и «доброта».

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что «внутренняя красота женщины» в представлении современной молодежи включает три основных группы характеристик: эмпатия, ум, доброта; которые подчеркивают как наличие «идеальных внутренних черт» так и поведенческие характеристики.

Литература

1. Кочнев В.И. (1993) Психологические особенности сценического обаяния // Вопросы психологии. № 5, с. 74 – 80.

Нравственно – психологические характеристики молодежи, формирующиеся под воздействием идеологии российских каналов (ТНТ и СТС)

Полякова М.В.

Студент факультета психологии

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: the_mari@mail.ru

Нестабильность российского общества создает специфические условия для развития личности. А телевидение – одно из самых важных влиятельных структур. Здесь мы сталкиваемся с двумя проблемами: с одной стороны – пагубное влияние большинства передач на молодежь, а с другой стороны – желание самих зрителей смотреть именно такие передачи. Результат – формирование ложного мнения, предполагающее считать ценностные суждения и этические нормы исключительно делом вкуса и произвольного предпочтения.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить психологическое содержание нравственных характеристик молодежи в современном российском обществе и воздействие идеологии определенных каналов на них.

Таким образом, можно выдвинуть следующую гипотезу: отношение молодежи к идеологии российских каналов формирует сомоотношение. Чем позитивнее отношение студентов к идеологии каналов, тем больше оно оказывает влияния на формирование самопрезентации через нравственно – психологические характеристики.

Характеристика выборок. В исследовании приняли участие 33 человека: 12 студентов 3 курса КГЭУ факультета теплоэнергетики дневного отделения, 9 студентов 4 курса КГУ физического факультета дневного отделения и 12 студентов 3 курса КГУ факультета психологии дневного отделения.

В качестве содержательных элементов представления о рекламе как о социальном явлении рассматривались:

- отношение к идеологии российских каналов («серIALы канала СТС характеризуются чувством долго и ответственности», «большинство передач канала ТНТ являются

Секция «Психология»

наглядным примером проявления справедливости», «что идея программ «Наша Раша», «Камеди клуб» (ТНТ) – «хорошее чувство юмора» - не оправдала себя» и др.);

- мнение о себе («Я всегда проявляю истинные чувства и умею сопереживать», «Я достаточно яркий и привлекательный человек», «Я считаю, что я не умею ценить и хранить семейные ценности» и др.).

А в качестве возможных психологических детерминант отношения к идеологии рекламы рассматривались такие характеристики личности, как:

- способность к самоуправлению;
- самоотношение;
- отношение к соблюдению нравственных норм.

На основе результатов обработки первичных данных с помощью методов математической статистики было обнаружено, что:

1. Идеология канала влияет на формирование принципиальности у студента, то есть при просмотре тех или иных передач образ «главного героя» и его принципы примеряются на себя.

2. При просмотре телевизионных программ, некоторые, возможно, воздействуют отрицательно на эмоциональную сферу и вследствие этого у студента формируется принципиально негативное отношение к данной телепрограмме.

3. У студентов формируется некоторое противоречие относительно того, как на это отреагирует окружающее их люди (скорее ровесники). И чем позитивнее отношение к идеологии канала, тем выше мнение о себе, что ведет к положительному формированию такой нравственно – психологической характеристики как справедливости.

4. Следует также отметить воздействие на терпимость (терпимость к мнению, к особенностям людей) через показатели самоотношения. Она понижается с увеличением таких показателей, как закрытость, самообвинение, а соответственно мнение о себе понижается.

Развитие личности и формирование нравственно – психологических факторов осуществляются в определенных условиях семьи, окружения, в определенных социально – экономических условиях, в СМИ. И достижение личностью фазы зрелости означало достижение наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей человеческой личности.

Наша гипотеза подтвердилась частично. Мы сделали несколько предположений, почему на некоторых студентов идеология таких российских телеканалов как ТНТ и СТС воздействует и влияет на формирование нравственно – психологических характеристик, а на некоторых студентов не влияет. То есть разорванность целостности большинства показателей может свидетельствовать:

1. о неосведомленности данной группы студентов в отношении различных телепрограмм каналов ТНТ и СТС. То есть, если студент вообще не смотрит, или достаточно редко, эти телеканалы;

2. о не до конца сформированном отношении к идеологии выше указанных телеканалов. То есть, если студент на одном из этих двух телеканалов смотрит только одну – две передачи, тогда у него нет целостного представления об идеологии всего телеканала в целом;

3. о толерантности к отношению других к идеологии данных каналов. То есть нейтральное отношение к людям, которые смотрят данные телеканалы, при условии, что сам студент их не смотрит.

Литература

1. Андреева Ю.В. Психология имиджа и рекламы: концепции, технологии, стратегии эффективности. Инновационный учебный курс. - Казань: Центр инновационных технологий, 2006. - 356с.

Секция «Психология»

2. Бегство от свободы. Человек для себя / Эрих Фромм; пер. с англ. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. - 571 с.
3. Бологова Е.И. О некоторых задачах практической психологии на современном этапе развития России // Материалы Учредительного съезда РПО (22-24 ноября 1994 г., Москва) Ежегодник РПО. - Москва, 1995, том 1, вып. 2. - с. 48-49
4. Л.М. Аболин, Х.Х. Валиахметов. Духовно - нравственное развитие личности в событийной деятельности. - Казань: Изд-во "Карпол", 2002. - 230с.
5. Посохова С.Т. Изменения окружающей среды и психологические феномены адаптации / Психологические проблемы самореализации личности. Вып.6 / Под ред. Г.А. Коростылевой. - СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. - с. 218-230.
6. Профессиональная направленность личности. Теория и практика. - Алма-Ата, 1990. - 336с.
7. Психология взросления: структурно – содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды / Д.И. Фельдштейн. – 2-е изд. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004. – 672 с.
8. Философско - психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова; Научно - исследовательский институт общей и педаг. психологии АПН СССР. - М.: Педагогика, 1981. - 176 с.
9. www.gazetachel.ru (Вячеслав Поличенко: телевидение - очень жесткая штука)
10. <http://www.ostankino.ru/news/text-3705.html> (X Международный Конгресс НАТ)

Мотивация общения

Прончатова К.Н.

Студентка 4 курса

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, Нижний Новгород, Россия

E-mail: rjdom@mail.ru

Общение является важным условием человеческого существования. Однако господствовавшее расширенное и дегуманизированное понимание общения сделало его синонимом коммуникации, позволяя обозначать этим понятием практически все виды человеческих взаимодействий. Реальное значение психологической сущности общения, его мотивации, функций и механизмов оказывалось крайне ограниченным. В большей части работ, посвященных исследованию проблемы общения, либо совсем не затрагивается мотивационная сторона данного феномена, либо рассматривается поверхностно.

Как отмечает И.П. Шкуратова, проблема мотивации общения не получила должного освещения ни в зарубежной, ни в отечественной психологии. В зарубежной психологии, по ее словам, работы строятся на основе изучения отдельных мотивов с помощью традиционных методик, и не ставится вопрос о специфике мотивации общения по сравнению с мотивацией познания, игры, творчества. В отечественной же психологии существует понимание специфичности потребности в общении, однако, эти работы имеют преимущественно теоретическую направленность. [2]

Однако общение является очень важной и неотъемлемой частью жизни человека. Если пользоваться терминологией М.Г. Ярошевского, через общение человек удовлетворяет много других потребностей, являющихся внешними по отношению к этому процессу. Е.П. Ильин считает, что потребность в общении следует понимать как потребность в контакте с другим реальным или воображаемым живым существом. Он подчеркивает, что потребность в собственно общении, если таковая все же существует, — это только одна причина общения как вида активности человека. Через процесс общения человек удовлетворяет потребность во впечатлениях, в признании и поддержке, познавательную потребность и многие другие духовные потребности. [1]

Секция «Психология»

Мной был проведен анализ теоретической базы касающееся проблемы мотивации общения и пилотажное эмпирическое исследование с целью первичного анализа содержательной характеристики мотивации общения, а также целью являлось в сравнительном анализе выявить сходство и различия мотивации общения людей, профессиональная деятельность которых связана со сферой «человек - человек» и со сферой «человек - техника».

Исследование проводилось с использованием, разработанного И.П. Шкуратовой тест диагностики мотивации межличностного общения (ММО). В исследовании использовался стандартный, предложенный И.П. Шкуратовой бланк теста ММО и ориентировочный список мотивов общения теста ММО. Исследование было проведено на двух группах испытуемых: первая группа - студенты - психологи 3 курса ННГУ им. Лобачевского факультета социальных наук, профессиональная деятельность которых связана со сферой «человек - человек», вторая группа - студенты 3 курса ННГУ им. Лобачевского факультета высшей математики и кибернетики, профессиональная деятельность которых связана со сферой «человек - техника». [2]

И.П. Шкуратова выделила 12 категорий мотивов: эмоциональные и нравственные, деловые, познавательные, интерес к партнеру, мотивы самоутверждения, мотивы обмена мнениями и выяснения отношений, конвенциональные мотивы, мотивы игры и развлечения, житейские мотивы, негативные мотивы, эгоцентрические мотивы, альтероцентрические мотивы. Также тест ММО И.П. Шкуратовой рассчитан на изучение мотивации межличностного общения в трех основных сферах общения человека: семья и родственники, деловая сфера (работа или учеба) и дружеская (вне работы и семьи).

Проведенное исследование показало, что преобладающими в обеих группах являются одни и те же категории, но с разной степенью выраженности. Наиболее выраженной у обеих групп является категория эмоциональных и нравственных мотивов, к которым относятся мотивы, направленные на поиск или оказание моральной и эмоциональной поддержки. Т.е. можно предположить, что для обеих групп ведущим содержанием общения является поиск или оказание моральной и эмоциональной поддержки. Анализ мотивов в зависимости от сферы общения показал, что во всех сферах общения в обеих группах присутствуют одни и те же категории, но с разной степенью выраженности.

Необходимо отметить также, что из пары альтероцентрические - эгоцентрические мотивы у обеих групп преобладают эгоцентрические мотивы. Это вполне соответствует данным, полученным И.П. Шкуратовой о том, что у людей старше 30 лет преобладают альтероцентрические мотивы, а у более молодых людей эгоцентрические мотивы. Показатели по категории эгоцентрических мотивов у обеих групп наиболее высоки в семейной сфере, и немного ниже в деловой сфере. Если сравнивать показатели по категории альтероцентрических мотивов у студентов факультета социальных наук и студентов факультета ВМК, то показатели по данной категории выше у студентов факультета социальных наук. На основании этого можно предположить, что студентам факультета социальных наук более характерно оказание разнообразной помощи и услуг другим людям в процессе общения.

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы - СПб: Питер, 2006.-512с.
2. Шкуратова И.П. Диагностика мотивации межличностного общения: методическое пособие / Под ред. В.А. Лабунской. Самара: Изд-во Сам ГПУ, 1998. - 28с.

Ароматы эфирных масел в создании имиджа

Раитина В.А.⁶⁴

Студент

Томский Государственный Университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: awl@land.ru

Различные аспекты психологического и социального пола в последнее время все чаще становятся объектами исследований социальных психологов. Развитие идей о гендерном равенстве, разрушение веками складывавшихся стереотипов мужественности и женственности открывает современному человеку большую свободу самоопределения, достижения аутентичности. В качестве частного аспекта идентичности нами был выбран запах как часть образа человека, отвечающая его социальной роли и характеризующая его личность. Кроме того что запах оказывает воздействие на эмоциональную сферу человека, а центральные отделы обонятельного анализатора не представлены в новой коре, а, значит, выбор запаха может носить неосознанный, наименее социально опосредованный характер.

В этой связи можно рассматривать человека с позиций трех различных составляющих его пола:

Биологический пол - выявление закономерностей предпочтения ароматов в различных по половому и возрастному составу группах может свидетельствовать о динамике сексуальной активности и сексуальной аттракции в онтогенезе.

Социальная идентичность. Этот аспект важен с точки зрения феномена конформности социальным установкам. Если в словесных тестах измерителях феминности - маскулинности возможна большая вероятность эффектов «социально желаемого образа» или «соответствия ожиданиям экспериментатора», то в случае с ранжированием ароматов этих эффектов проще избежать. Впрочем, необходимо также учитывать и относительную условность обозначения одних ароматов феминными, других – маскулинными, а третьих нейтральными. Социальная идентичность трактуется в терминах группового членства, принадлежности к группе, включенности в какую-либо социальную категорию

Личностная идентичность. Пол, с которым человек себя ассоциирует и совпадает ли он с биологическим, может служить показателем рассогласованности между ощущением себя и господствующими в данной культуре в данное время требованиями общества.

Под личностной идентичностью понимается набор характеристик, который делает человека подобным самому себе и отличным от других.

Психологический пол - комплекс психологических, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины и женщины. То есть психологический пол будет в некотором роде равнодействующей социальной и личной идентичности.

Внешним выражением психологического пола индивида будем считать имидж, понимая под этим термином, образ-представление, в котором в сложном взаимодействии соединяются внешние и внутренние характеристики. Именно с точки зрения имиджа будем рассматривать критерий выбора запахов.

Весь набор ароматов разделен на 3 группы: маскулинные (кедр, сандал, корица), фемининные (иланг-иланг, жасмин, нероли) и нейтральные (лаванда, вода). Испытуемому предлагалась шкала от 1 до 8 и требовалось распределить ароматы по мере убывания привлекательности. После чего, суммировались отдельно баллы по феминной, нейтральной и маскулинной группам запахов. Стоит понимать, что измеренные таким образом феминность и маскулинность могут не соответствовать аналогичным шкалам в методике исследования психологического пола С.Бэм, поэтому для их различения будет

⁶⁴Выражаю признательность своим соавторам Яковлева М.Н., Левченко Н.А., Хайдарова А.Р., Николаева С.А.

Секция «Психология»

использовать такое обозначение Φ^* M^* H^* соответственно, а также установим критерий андрогинности A^* . Для отнесения испытуемого к одной из групп рассчитаем индекс I^*

$$I^* = M^* - \Phi^*$$

Если $I^* < -1$, то относим в фемининную* группу;

Если $I^* > 1$, то относим в маскулинную* группу;

Если $-1 \leq I^* \leq 1$, то относим в андрогинную* группу.

Для установления влияния или не влияния факторов биологического и психологического пола на выбор запаха будем использовать уже апробированную и успешно используемую методику С.Бэм. В ней также присутствуют шкалы маскулинность (М), фемининность (Ф), недифференцированный пол (НД). Недифференцированного пола в нашей выборке не казалось, поэтому эту шкалу мы в дальнейшем убрали.

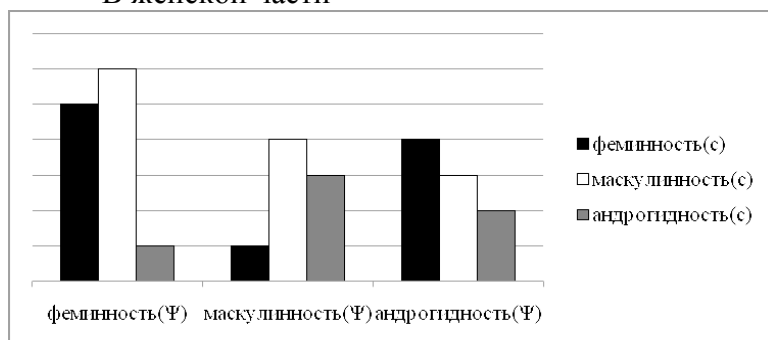
В исследовании принимали участие 45 испытуемых в возрасте от 18 до 52 лет, без патологий ринальной полости, разного социального статуса, образования и материального положения.

Испытуемому предъявлялись 8 одинаковых пробирок с эфирными маслами, впечатление от которых он должен был соотнести со своим образом и расставить образцы в порядке убывания их привлекательности. Кроме того к бланку для фиксации этого порядка прилагалась анкета «Психологический пол» С.Бэм.

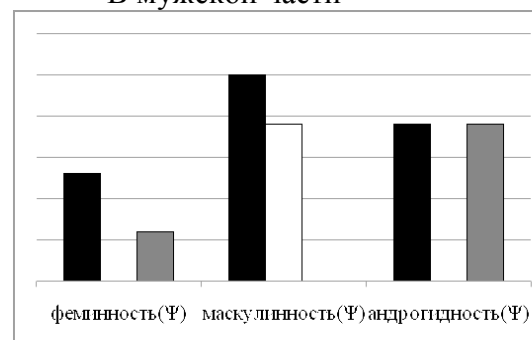
Соотношение биологического и психологического пола. Для обоих полов прослеживается выделение группы людей, у которых биологический и психологический пол не совпадают (25%), группа с андрогинным психологическим полом, у остальных биологический и психологический пол совпадают. Соотношение социального и психологического пола.

Полученные результаты имеет смысл рассматривать отдельно для мужской и женской частей выборки, в каждой из которых наблюдаются специфические особенности и закономерности.

В женской части

В мужской части

Итак, мы видим, что большая часть психологически феминных женщин выбирают запахи маскулинные и в меньшей степени феминные. Шкала андрогинность представлена по нашему мнению как желание в нашей насыщенной ароматными отдушками жизни быть нейтральными. В мужской части феминные и андрогинные по психологическому профилю мужчины не пытаются замаскировать этот аспект, и выбирают запахи не маскулинные. Интересен тот факт, что маскулинные мужчины выбирают феминные запахи, и не предпочитают андрогинные.

Феномен предпочтения противоположных запахов можно интерпретировать, например, как стремление замаскировать свой психологический пол: феминные женщины стараются произвести впечатление более активных, спокойных, менее чувственных, а маскулинные мужчины наоборот придать своему имиджу мягкости.

Литература

1. Алексеева А.В. Психологический пол, как фактор формирования идентичности в юношеском возрасте // Журнал практикующего психолога – 2003, - № 3. –С.167-174.

Влияние религиозных взглядов на проблему «Суицид»

Рысюкова Ю.В.

Студент

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами

e-mail: atc@uzatc.buzton.com

Суицид – это проблема, которая стоит очень остро в современном мире. Число суицидальных попыток и завершённых суицидов превышает на сегодняшний день ту планку, которая установилась в 80-90 годах, в несколько десятков раз.

По определению французского философа и социолога Эмиля Дюркгейма, суицид (от англ. suicide) — намеренное лишение себя жизни. В случаях завершённых суицидов это намерение легко заподозрить, но очень трудно доказать. Одним из способов выяснения намерений суицидентов является так называемая психологическая аутопсия, поэтому специалист должен как можно раньше побеседовать со всеми близкими жертве людьми и зафиксировать их реакции и воспоминания об ушедшем, пока они еще свежи. Самоубийство и покушение на самоубийство составляют объект междисциплинарной области знаний — суицидологии, которая в последние годы интенсивно развивается во многих странах мира.

По данным Всемирной Организации Здоровья, в год от суицида погибает больше людей, чем от войн, несчастных случаев и преступлений вместе взятых: 1 миллион в год. Рост числа самоубийств, особенно среди молодежи, списывают на перенаселенность земли, большое количество стрессов, "дурных новостей", плохую экологию и алкоголизм. К сожалению, постепенно разрушается прежняя система ценностей, и самоубийство не только перестало быть социальным табу, но и становится элементом стиля... смерти. К сожалению, многие попытки приостановить такое явление как суицид не увенчались успехом. А ведь жизнь по своей сути прекрасна и многогранна, для каждого из нас в этом мире отведено местечко, где царит гармония, комфорт и уют. Надо просто суметь найти этот уголок и обрести спокойствие и мир с собой и окружающими.

Многими учеными явление суицид изучалось и изучается до сих пор, по последним данным исследований было выявлено, что религиозность страны влияет на количество самоубийств в ней, соответственно, чем религиозней страна, тем меньше вероятности, что будут осуществлены попытки суицидального характера, а также количество завершённого суицида, то есть число суицидентов будет небольшим.

Отношение к проблеме самоубийства религии как одной из важнейших составляющих человеческой культуры, на протяжении тысячелетий формировавшей этические принципы социальных отношений и не утратившей своего влияния до наших дней. Эстетические категории в ходе развития человеческой цивилизации формировались и развивались под воздействием тех или иных религиозных концепций.

К примеру, были оценены 67 государств мира, и Эстония оказалась наименее религиозной страной, а больше всего самоубийств совершается в Беларуси. Также в ходе исследования было установлено, что наиболее религиозны жители Кувейта - здесь ежегодно совершается 1.95 суицидов на 100 тыс. жителей - это рекордно низкий уровень. На втором месте Мавритания - в ней совершается 8.15 на 100 тыс. жителей. На третьем месте по уровню религиозности оказались Филиппины, но уровень самоубийств здесь намного ниже, чем у Мавритании - 2.10 на 100 тыс. жителей. В рейтинге религиозности США занимают 25 место. Такова же религиозность мексиканцев, однако, в Мексике на 100 тыс. жителей совершается 4 суицида, в США - 11.05.(по данным службы Gallup). Печально осознавать тот факт, что за последнюю четверть века число самоубийц возросло на 60 %, кроме того, на каждого желающего покончить с собой приходится 20 попыток (по данным Всемирной Организации Здоровья).

Секция «Психология»

На проблему самоубийства среди женщин обратили внимание и мусульманские священнослужители. По словам имама мечети «Хонаках» в Андижане, самоубийство является большим грехом, самоубийцам навсегда закрыты ворота в рай. В священном писании Коран описаны суры, говорящие о том, что Ислам наставляет людей быть терпеливыми, что человек при любых обстоятельствах должен сохранять терпение, о чем в Коране упоминается 70 раз. «Терпение и есть одно из лучших достоинств мусульманина». Возможно, осознание этого высказывания помогает многим верующим людям находить в себе внутренние силы для нахождения решения возникающих проблем, а также противостоять такому соблазну, как суицид... Верующий мусульманин следует своей судьбе, предназначенной ему Аллахом, он обязан сносить все тяготы, ниспосланные ему свыше как испытание в этой жизни, повторяя при этом: "На все воля Аллаха!", и сама мысль о возможности с помощью самоубийства как-то избавиться от этих тягот настолько кощунственна, что, видимо, даже не должна приходиться в голову мусульманину.

Даже Платон в своих "Законах" предписывал позорные похороны тому, кто лишил себя жизни не по общественному приговору и не по причине какой-либо печальной и неизбежной необходимости, не из-за невыносимого стыда, а исключительно по трусости и слабости, то есть из малодушия.

Еще одна сторона вопроса.

Существуют люди, являющиеся суицидальными личностями, но этого не признают, ни их друзья, ни родственники. Их поведение может быть направлено на смерть из-за отчаяния и невыносимости жизненных препятствий. Такое поведение Э. Дюркгейм еще в 1897 году назвал "символическим суицидом". Позднее все типы поведения, над которыми у человека есть реальный или потенциальный волевой контроль, но которые способствуют продвижению индивида в направлении более ранней физической смерти, стали определять как саморазрушающее поведение. Такое поведение, которое сокращает жизнь человека, также еще определяют как "частичное", "полунамеренное", "скрытое" самоубийство, "бессознательное суицидальное поведение" или "суицидальный эквивалент". К саморазрушающим типам поведения обычно относят злоупотребление алкоголем или наркотиками, игнорирование серьезных болезней, чрезмерную работу, переедание или курение. Суицидальный эквивалент может быть закамуфлирован увлеченностью "смертельными" играми или "рискованными" видами спорта, случаями фанатической храбрости с желанием отдать свою жизнь за какие-либо *религиозные* или социальные *идеалы*. Значит, существуют в мире такие религиозные течения и верования, которые толкают людей на самоубийство, либо относятся к суициду лояльно, говоря конкретней, не противостоят этому явлению. К примеру: в Древнем Китае и Японии были широко распространены жертвенные ритуальные самоубийства, совершаемые при постройке новых домов, новых зданий и мостов и т. п. С помощью этих жертвоприношений люди надеялись, что духи земли и воды благосклонно отнесутся к их постройкам и не станут их разрушать.

Другой пример, родившаяся в Древней Индии эпохи ведизма идея сансары - непреходящего потока смертей и рождений в новом теле - имеет сложное философское, этическое и эстетическое содержание. "Подобно тому, как золотых дел мастер, взяв кусок золота, придает ему другой, более новый, более прекрасный образ, так и этот Атман, отбросив это тело, рассеяв незнание, претворяется в другой, более новый, более прекрасный образ", - считали древнеиндийские брамины. При этом самовольная смерть на костре, своевременный уход из жизни для брамина, по сути дела, лишь составная часть искусства сансары - искусства возрождения в новом, более благородном, высоком и прекрасном теле. Нельзя дожидаться старости, нельзя дожидаться болезни - это может обезобразить всю сансару. Только того, кто вовремя уходит из жизни и сам может определить предел своей жизни, можно считать истинным мудрецом. Именно к этим мудрецам - гимнософистам и ездили учиться древнегреческие философы.

Секция «Психология»

Для большинства людей самоубийство является формой поведения, как бы свидетельствующей о безумии человека. Однако это предубеждение мало обосновано, т.к. 70-85% всех самоубийств совершают лица, которые психическими заболеваниями не страдают.

Давно доказано, что лишение себя жизни это не значит решение проблемы или избавление от нее, самоубийство это побег от ответственности, жизни, будущего.

Литература

1. Трегубов Л., Вагин Ю. «Эстетика самоубийства» (электронный учебник)
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровский Л.А. «Современная социальная психология на западе (теоретические направления)». - М.: издательство Московского Университета, 1978г.
3. www.iwpr.net
4. www.mosmedclinic.ru/conf_library/2003/4/415

Формирование этнической толерантности в студенческой среде поликультурного региона как элемента личностной зрелости

Рядченко А.В.

студентка

Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

E-mail: lavissa_359@rambler.ru

Студенческий возраст является сенситивным периодом нравственного созревания, когда умение принять иную точку зрения становится одним из критериев человека, обладающего устойчивыми социальными и нравственными убеждениями. Поликультурная среда вуза представляет собой насыщенную атмосферу межличностных контактов, стимулирующую потребность приобщения к общенациональным и общечеловеческим духовным ценностям. В то же время студенчество имеет весьма ограниченный опыт конструктивного взаимодействия в поликультурной, полиэтничной среде. Отсутствие знаний, общей культуры и психологической готовности не дает возможности современной молодежи достаточно глубоко разбираться в этнических проблемах и принимать участие в их разрешении. Наоборот, создается ситуация, когда от того, будет ли сформировано толерантное сознание у молодого поколения, зависит, станет ли это поколение деструктивной силой общества или нет. Кроме того, в студенческой среде в последние годы, наряду с высоким интеллектом, глубокими знаниями, широким кругозором, активной нравственной позицией, духовными запросами, развивается чувство своей исключительности, излишней самоуверенности, стремление к самоутверждению своей независимости. Это приводит к раздражительности, нетерпимости, агрессии, межличностным конфликтам, неприятию окружающей действительности и может стать орудием в руках социально опасных сил. В связи с этим, мы считаем, что именно в студенческом возрасте необходимо уделить серьезное внимание формированию толерантности, как значимому элементу личностной зрелости. Объектом данного исследования является студенческая среда поликультурного региона. Предмет исследования – формирование этнической толерантности в студенческой среде поликультурного региона как элемента личностной зрелости. Целью исследования является изучение значимости формирования этнической толерантности студентов поликультурного региона для становления их личностной зрелости. Гипотеза исследования: успешность межкультурного взаимодействия в студенческой среде поликультурного региона основана на формировании позитивных стереотипов и толерантном отношении к представителям других этнических групп. Устойчивая личностная идентичность способствует развитию толерантности, которая является одной из важнейших черт личностной зрелости, способствующая эффективной социально-психологической адаптации и снижению напряженности в социуме. В соответствии с целью исследования определены следующие задачи: 1) проанализировать уровень

развития этнической толерантности студентов; 2) определить значение этнической толерантности для становления личностной зрелости студентов; 3) на основе анализа взаимосвязи этнической толерантности и личностной зрелости определить пути успешного социально-психологического взаимодействия студентов.

Исследование проводилось в несколько этапов. Первоначально студентам (выборка 83 человека) была представлена интерактивная выставка «Возможно быть другим» [Visser G.W., Tuinier J.D, Минина С.Б., Юхневич М.Ю.,1999]. Знакомство с выставкой – это попытка осознать свое место в социуме, выстроить свою шкалу ценностей воспринять идеи культурного и этнического разнообразия. В основе выставки лежат три основные темы – «Предрассудки», «Дискриминация», «Феномен «козла отпущения», которые, на первый взгляд, знакомы каждому, но в мире, поделенном на «они» и «мы», в атмосфере возрастающей агрессии и постоянных конфликтов, эти темы приобретают особое значение. Как известно, людям свойственно «навешивание ярлыков», например, то, что в основе несправедливого обвинения цыганенка в воровстве лежит стереотип – «все цыгане – воры», увидели только 21% студентов. Показательные результаты мы получили при ответе на вопрос о правдивости высказываний: «русские – ленивые», «цыгане – воры», «евреи – хитрые», «чеченцы – жестокие»: «нет» ответили 9%, «да» - 29%, «иногда» - 62%. В результате была выявлена сильная зависимость суждений студентов от стереотипов, влияющих на процесс межэтнического восприятия в полиэтничной среде. Полученные результаты в значительной степени актуализировали проблему, поэтому возникла необходимость дальнейшего исследования, позволившего определить уровень развития личности и степень сформированности этнической толерантности у студентов. Выборка составила 187 человек, из числа студентов тольяттинских вузов, представителей наиболее многочисленных этносов Среднего Поволжья: русских, татар, чувашей, мордвы.

Одной из составляющих толерантности является умение найти выход из конфликтной ситуации. Мы изучили личностную предрасположенность студентов к конфликтному поведению (по К. Томасу). В результате, стремление избегать конфликты продемонстрировали лишь 23 %. Для диагностики общего уровня толерантности студентов, мы использовали экспресс-опросник Г.У. Солдатовой и др. «Индекс толерантности». Был выявлен средний уровень толерантности – 83 балла, что указывает на сочетание у группы испытуемых как толерантных, так и интолерантных черт, причем по субшкале этнической толерантности показатель стремился к нижнему порогу средней ступени – 64 балла, что указывает на то, что испытуемые в одних ситуациях могут вести себя толерантно, в других – проявлять интолерантность. Уточняя и сопоставляя данные, методика ИНТОЛ (Л.Г. Почебут), позволила определить среднее значение толерантности для данной выборки, составившее 9,3 балла. Таким образом, был выявлен недостаточный уровень сформированности этнической толерантности у студентов и предрасположенность к интолерантному поведению. Основным показателем развития толерантности в поликультурном социуме являются позитивная этническая идентичность, характерная только для зрелой личности. Применение опросника Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой «Типы этнической идентичности» выявило, что для большинства испытуемых характерна позитивная этническая идентичность. Это подтверждают и данные модифицированной методики «Ценностные ориентации» М. Рокича: к числу значимых ценностей студенты отнесли национальный язык, культуру, обычаи, обряды, верования. Таким образом, исходя из содержания личностной зрелости (по А.А. Реану), устойчивая личностная идентичность способствует развитию толерантности, выступая в качестве внутренней «точки отсчета» в процессе межкультурного взаимодействия. Результаты исследования в целом свидетельствуют о позитивном ценностном отношении студенческой молодёжи к своей и другим этническим группам, интегративная модель взаимодействия в процессе совместной деятельности представителей различных этносов является наиболее эффективной в условиях поликультурности и полиэтничности.

Литература

Секция «Психология»

1. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
2. Психодиагностика толерантности личности // Под. ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008.
3. Реан А.А. Акмеология личности // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – №3. – С.88–95.
4. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
5. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
6. Этническая толерантность в поликультурных регионах России / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Изд-во РУДН, 2002.

Межличностная сенситивность как компонент социального интеллекта

Самекин А.С.

Аспирант 2-го года обучения факультета психологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва Россия

E-mail: S_Adil@list.ru

Интерес к исследованию межличностной перцепции в психологии возник в середине XX века. Именно это время можно охарактеризовать как пик исследовательского интереса к вопросам восприятия и понимания людьми друг друга. В этот период в работах российских и зарубежных авторов были выделены основные закономерности восприятия человека человеком, рассмотрены особенности влияния личностных и ситуационных факторов, выделены также возрастные, половые и профессиональные различия, оказывающие влияние на формировании образа другого человека [1,2,8]. Что же касается собственно проблематики сенситивности, то исследования в этом направлении были фактически свернуты. В первую очередь в связи с трудностями, в подборе адекватных критериев точности межличностного восприятия [5].

В настоящее время наблюдается возрождение интереса к данной проблематике, как в экспериментально-теоретической сфере, так и, особенно, в прикладной. В первую очередь эта связана с расширительной трактовкой понятия эмоционального интеллекта и включение в содержание данного понятия таких компонентов, которые строго говоря не относятся к эмоциональной сфере [3]. Что приводит к понятию социального интеллекта [6]. Есть все основания полагать, что в понятие социального интеллекта следует включить способности к точной оценке психических состояний и личностных черт других людей. Тем более, что в последнее время наблюдается явный прогресс в деле обеспечения исследований более надежными критериями адекватности таких оценок [4,7].

Включение проблематики межличностной сенситивности в сферу исследований социального интеллекта ставит задачу выяснения статуса самого понятия межличностной сенситивности, т.е. выяснения вопроса, является ли эта сенситивность общей способностью или мы имеем дело с рядом разнообразных, не связанных друг с другом частных умений.

Гипотеза. Успешность распознавания состояний личности связана с успешностью распознавания свойств личности.

Методика. 26 испытуемым, студентам 1-2 курсов предъявлялось по 12 видеосюжетов, в которых интервьюированные намеренно искажали информацию о фактах своей биографии. В среднем продолжительность одного видеосюжета составила 10 минут.

Чтобы исключить эффект научения со стороны испытуемых и возможной усталости, которая может отразиться так же на результатах исследования, экспериментальная ситуация состояла из нескольких этапов: на 1 этапе каждому испытуемому в строгой

Секция «Психология»

последовательности предъявлялись видеосюжеты №2,4,6,8,10,12; на 2 этапе видеосюжеты №1,3,5,7,9,11.

Перед испытуемыми ставилась задачи: определить где интервьюированный говорит о себе правду или неправду, и после окончания одного видеосюжета так же определить по поведенческому рисунку интервьюированного тип его темперамента. На специальном бланке испытуемые отмечали те вопросы, в которых, по их мнению, интервьюированные исказили информацию о себе и определяли тип темперамента интервьюированного.

Результаты исследования: коэффициент корреляции между распознаванием свойств и психических состояний ($r = -0,15$) является незначимым. Кроме того, было установлено, что испытуемые способны по поведенческим признакам на основе просмотра видеозаписи на удовлетворительном уровне определить ложь ($r=0,5$), но затрудняются определить тип темперамента ($r = -0,04$).

Из проведенного нами исследования следует: что говорить о том является ли межличностная сенситивность общей способностью нет основания. Что не отменяет возможность рассматривать межличностную сенситивность в структуре социального интеллекта и разрабатывать исходя из этого диагностический инструментарий.

Достаточно развитая способность личности распознавать эмоциональные состояния на примере распознавания лжи, на наш взгляд, связана с тем, что данная компетентность необходима в личностно-значимых ситуациях для любого человека и совершенствуется в повседневных социальных ситуациях. С другой стороны, способность разбираться в свойствах личности (темперамент, характер, психотип), на наш взгляд, необходима преимущественно в специальных видах профессиональной деятельности и в профессиональном общении.

Полученные в нашем исследовании существенные различия в уровне развития данных компетентностей по-видимому, объясняются тем, что для многих испытуемых умение разбираться в типах темперамента не является жизненно важной задачей.

По результатам проведенного исследования можно говорить о том, что межличностная сенситивность является сложным и неоднородным образованием, различные компоненты которого формируются с разным темпом в ходе участия человека в различных сферах жизнедеятельности.

Литература

- 1 Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учеб. заведений. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 376с.
- 2 Бодалев А.А. Формирование понятия о другом человеке как личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 136с.
- 3 Гоулман Д.,Бояцис Р.,Макки Э.. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. / Перевод с англ. – Изд-во: Алпина Бизнес Букс,2007.- 302с.
- 4 Жуков Ю.М, Д.В.Хренов Методический анализ исследования неискренности// Мир психологии.№3.1999.с.219-230.
- 5 Жуков Ю.М. Проблемы измерения точности межличностного восприятия // Вестник Московского университета. Психология. 1978, №1.
- 6 Михайлова Е.С. (Алешина) Тест Дж.Гилфорда и М.Салливена Диагностика социального интеллекта/Методическое руководство:Изд-во ГП «Иматон»,2002.-57с.
- 7 Павлова Е.Н. Обучение социально-перцептивным умениям по прототипам // Журнал практического психолога. 2000, №5,6.
- 8 Психология межличностного познания/Под ред. А.А. Бодалева; Акад. пед. наук СССР.- М.: Педагогика, 1981.- 224с.

**Исследование подчинения легитимным авторитетам в условиях обучения в вузе
Семенецкова Е.И.**

Очень часто мы сталкиваемся с ситуациями, в которых бывает трудно ответить отказом на прямое требование конкретного человека, особенно если этот человек оказывается легитимным авторитетом. Данное явление называется подчинением. Подчиняясь, человек делает то, о чем его попросили или то, что ему приказали, не имея на то какого либо внутреннего желания или согласия. Подчинение – вполне повседневное явление: дети уходят играть в комнату, если родители им приказали это; преподаватель принимает экзамен в совершенно неприемлемой для студентов форме, только потому, что он является легитимным авторитетом для них. В окружающей действительности можно найти множество примеров, демонстрирующих безропотное подчинение несправедливому представителю власти.

После своего эксперимента, направленного на изучение феномена повинности, С. Милграм сделал вывод о сильном влиянии ситуационных факторов на поведение такого рода, указывая на то, что «подчинение может быть глубоко укоренившейся склонностью, побуждением, превосходящим по силе этическое воспитание, сострадание и нормы социального поведения» [1, 89].

Ситуация обучения построена таким образом, что преподаватель влияет или должен влиять на поведение ученика, тот в свою очередь занимает подчиненную позицию, предписываемую ему его ролью. В традиционной модели обучения нарушение ролевого поведения участников взаимодействия может привести к снижению качества восприятия и понимания информации. Об этом писал в своей статье «Классная комната колледжа как окружающая среда обучения» Арт Поскоцил [2], анализируя результаты проведенного им в 1977 году исследования повинности студентов американских колледжей и университетов. Он считает, что образовательное учреждение является уникальным местом, тесно связанным с повинением и является суровым испытанием, в котором в значительной степени формируется послушный гражданин.

Наше исследование, проведенное в октябре-декабре 2008 г. на базе Коломенского государственного педагогического института было направлено на расширение представлений о границах подчинения легитимным авторитетам в рамках обучения. Мы хотели проверить, насколько студенты готовы подчиниться авторитету преподавателя, предлагающего им выполнить абсурдный экзаменационный тест.

В основу исследования лег эксперимент А. Поскоцила и ситуативные переменные С. Милграма, использованные в эксперименте, изучающем феномен подчинения. Организуя наше исследование, мы решили выяснить, насколько личностные переменные: самооценка, уровень притязаний, особенности личности студента могут повлиять на степень его повинности, каким образом на результатах отразится то, проводит ли тестирование знакомый преподаватель, или незнакомое студентам лицо, выступающее от имени преподавателя.

В нашем эксперименте студенты заранее были предупреждены о том, что у них будет контрольный тест, который прямым образом повлияет на экзаменационную оценку по дисциплине. Чтобы варьировать переменную известный/неизвестный преподаватель, мы провели две серии тестирования в двух учебных группах.

В первом варианте эксперимента группу испытуемых встретил совершенно незнакомый педагог, который сообщил студентам, что, действует по просьбе их непосредственного преподавателя, и должен провести итоговое тестирование по предмету, в области которого он сам не компетентен. Во втором варианте - преподаватель данной дисциплины сам проводил тестирование «по предмету».

Всего исследованием было охвачено 94 студента педагогического вуза 34 юношей и 60 девушек в возрасте от 17 до 20 лет. В первом случае тестировалась группа, состоящая

Секция «Психология»

из 41 человека: 12 юношей и 29 девушек в возрасте 19-20 лет. Во второй серии – группа студентов состояла из 53 человек: 22 юношей и 31 девушки в возрасте 17-19 лет. В обоих случаях, время выполнения задания было ограниченным: на 25 вопросов давалось 25 минут. Задания в тестах были абсурдными, абсолютно не связанными с дисциплиной, по которой студенты должны были сдавать итоговый тест, один вопрос был на португальском языке. В обоих случаях студенты находились под постоянным присмотром преподавателя, задачей которого было регулировать процесс тестирования, отвечать на появляющиеся вопросы, например таким образом: «Если вам что-то кажется некорректным, вы можете отказаться от выполнения теста».

Результат эксперимента оказался неожиданным: все студенты, хотя и демонстрировали признаки напряженности, фрустрированности, недовольства, несогласия с содержанием предметного теста, выполнили его до конца.

После сравнения результатов с использованием t-критерия Стьюдента, значимой разницы в степени проявления подчиненного поведения в двух сериях обнаружено не было. Следовательно сама ситуация обучения несет в себе характеристики, заставляющие принимать определенные роли: преподавателей - демонстрировать безграничную власть, студентов - не менее безграничное подчинение. Ф. Зимбардо [3] связывал причину подобного поведения с тем, что в стрессовой ситуации (а итоговое тестирование, безусловно, относится к таковой) человек испытывает беспокойство и теряет способность мыслить рационально. В то же время растет стремление как можно скорее покончить с неприятной ситуацией, а это можно сделать, лишь завершив тестирование. Большую роль здесь играют и два вида социального влияния: нормативное и информационное. Нормативность подразумевает внешнее принятие превалирующего в группе стандарта. Информационное влияние предполагает, что оказавшись в трудной ситуации, не будучи уверенными, в том, что именно следует сейчас делать, мы всегда можем следовать примеру окружающих и положиться на то, что человек, знающий больше нас (а таковым является преподаватель), подскажет верный путь.

Корреляционный анализ Спирмена позволил обнаружить лишь 4 личностные характеристики, которые в той или иной мере могут сказаться на степени подчинения легитимным авторитетам. Факторы жесткость - чувствительность; интеллект; спокойствие - тревожность; консерватизм - радикализм, обнаруживают значимую положительную корреляцию с тенденцией задавать вопросы в процессе тестирования, демонстрируя, таким образом, закамуфлированное неподчинение, протест.

Таким образом, можно констатировать, что степень влияния личностных особенностей на подчиненное поведение весьма невелика, а решающее значение на феномен повинности оказывает сама ситуация, требующая от индивида неуклонного выполнения возложенной на него роли, даже если эта роль требует от него абсурдных действий. Мы увидели, что правило: «подчиняйся законным властям» может настолько глубоко укорениться, что люди начинают применять его избыточно, переоценивая степень взаимосвязи между авторитетным лицом и подчиненным.

Литература

1. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2001, 336с
2. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000, 348с.
3. Poskocil A. The College Classroom as a Learning Environment// Teaching Sociology, Vol. 4, No. 4, (Jul., 1977), pp.

Феномен коллективной памяти у Мориса Хальбвакса

Солдатова П.А.

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
психологический факультет, Москва, Россия*

В современном обществе нередко задаются вопросом творения истории памяти, ее задачах и особенностях. Многие ученые, вспоминая события своей жизни, намекают на их значимость в коллективном сознании, тем самым поддерживая идею ученика Эмиля Дюркгейма Мориса Хальбвакса - французского социолога, чья научная деятельность была оборвана Второй мировой войной, но все равно необычайно актуальна в наше время. Главное, о чем писал Хальбвакс, заключалась в невозможности человеческой памяти функционировать без общества, имея в виду не только весь социум, но и каждого отдельного человека. Смутное ощущение, оставленное былыми событиями и впоследствии запечатленное в глубинах нашего сознания, способно превратиться в воспоминание, т.е. более или менее поддающийся рефлексии образ, только получая толчок извне, встраиваясь в более широкое представление о прошлом, которое хранится в памяти той или иной социальной группы.

Коллективная память – это совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем. Изучение данного феномена осуществляется в следующих направлениях: прочтение содержаний коллективной памяти с использованием методологического анализа текста; учет культурных предпочтений, норм и "болевых точек", которые определяют структуру и состав памяти; социальное конструирование реальностей прошлого. Психологи и социологи уделяли внимание этой теме: А. Левинсон, Т. Адорно, Ф. Фуре, Ю. Хабермас, М. Фуко, М. Хальбвакс, а также авторы нескольких исторических трактатов.

По мнению Хальбвакса, в воспоминании мы размещаем или локализуем образы прошлого в специфическом пространстве, сами по себе образы всегда фрагментарны и условны. Они не обладают целостным значением, пока мы не проецируем их в конкретные обстоятельства, дающиеся нам в связке с мнемоническими местами. Поэтому воспоминание можно назвать процессом воображаемой реконструкции, в рамках которого мы интегрируем специфические образы, созданные в настоящем, в особый контекст, отождествляемый с нашим прошлым. Среди многих впечатляющих картин, к которым обращается Хальбвакс, одной из самых ярких является картина морских волн, разбивающихся о морской берег. Когда подступает волна, скалы погружаются в нахлынувшую воду, но как только отступит - остаются только "миниатюрные лужицы, ютящиеся между камней". По аналогии, нахлынувшее море является волной живой памяти. Ее волны катятся вперед и несут из прошлого в будущее беспокойное настоящее. Как только волна откатывается назад, безмятежные лужи воспоминания остаются после нее. В них прошлое присутствует в меньшем объеме, и внимание уделяется мнемоническим местам-скалам, которые и формируют наши воспоминания, выступая в роли социальных рамок памяти.

Коллективная память – это сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех социальных групп, к которым он относится. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки коллективной памяти, и только внутри этого может быть расположена индивидуальная память.

Хальбвакс опровергал теорию Фрейда, что все записанное в индивидуальной памяти сохраняется в психике. Образы, наполнявшие глубины человеческого сознания, которые Фрейд считал индивидуальными, были для Хальбвакса коллективными образами социального дискурса, открыто представленными в нашей повседневности.

Мы причастны ко многим социальным группам, и поэтому для Хальбвакса проблема памяти связана с социологией. То, что мы помним, зависит от контекста, в котором мы обнаруживаем себя и ту группу, с которой нам пришлось связаться. Процесс, посредством которого индивидуальные воспоминания интегрируются в коллективную память, Хальбвакс связывает с традицией. По его мнению, традиция и сохраняет, и медленно

Секция «Психология»

модифицирует социальные рамки во времени. Мнемонические места традиции поддерживаются актом коммеморации. Коммеморация, как доказывает Хальбвакс, является их целенаправленной попыткой остановить, или, по меньшей мере, скрыть процесс медленного изменения традиции. Коммеморативные мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Как и мнемотехники древности, Хальбвакс полагает, что память является проблемой ментальной географии, где прошлое, его незабываемые места наносятся на карту нашего сознания. Исследование мнемонического процесса, завершающегося политическими целями, служит входом в историю.

Вопросы, которыми задается Хальбвакс, раскрывают социальные аспекты области индивидуальной психологии. Что и как мы помним, пытается показать Хальбвакс, определяется вовсе не особенностями нашей личной биографии или душевной конституцией, но тем, какие средства для воссоздания прошлого предоставляет в наше распоряжение социальное окружение. Несмотря на то, что его книга "Социальные рамки памяти" вышла в 1925 году и современным гуманитариям его идеи могут показаться банальными, она по сей день не потеряла актуальности и каждое историческое событие доказывает это. Созданная ученым, погибшем в 1945 году в Бухенвальде, почти забытая в бурные послевоенные годы, концепция социальной памяти стала одним из важнейших аргументов в споре о том, зачем нужно думать о трагических вехах нашей истории (Второй мировой войне, геноциде, Холокосте).

Литература

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
2. Хаттон П. "История как искусство памяти". С.-Пб.: "Владимир Даль", 2003.

Своеобразие переживания времени студентами и работающей молодежью северного города

Сорокин П.П.¹

Студент факультета психологии

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

E-mail: pavel-fn@bk.ru

В современных исследованиях психологии времени оказываются востребованным средства и способы междисциплинарного подхода, объединяющие достижения психологии личности, социальной психологии, психологии здоровья, инженерной психологии, психологии обучения и развития.

То, как организуются в некоторую последовательность события жизни человека, как они располагаются на шкале от прошлого к будущему, уплотняются или «рассосредотачиваются» по этой шкале, интерпретируются как дискретные или последовательно связанные – все это определяется стороны объективными ритмами и содержанием организации жизнедеятельности (трудовой, учебной, досуговой). Организация деятельности предопределяет режимы и сроки достижения результатов, распределения усилий человека, чередование периодов напряженного и ненапряженного времени, ожиданий вознаграждения и периодов отложенных «радостей». На все это откладывает отпечаток природно-климатические циклы жизни людей, специфика ландшафта, а также семиотика временной организации, представленная в знаково-символических средствах описания временной действительности. Огромное влияние оказывают особенности представлений о времени и переживаний времени ценностно-смысловые образования личности, процессы целеобразования. Все это делает необычайно сложными и актуальными исследования своеобразие переживания времени людей различных возрастов, включенных в особенные условия организации жизнедеятельности северного города.

Многочисленные объективные и субъективные требования к временной организации

Секция «Психология»

предъявляются юношеству и молодежи в сфере внешней «бытийной» организации жизненной практики и в сфере духовной организации внутренней жизни. Для этого возрастов характерно создание смыслового эскиза будущего. Овладение новыми деятельностями (учебно-познавательной - для студенчества, трудовой для работающей молодежи) предполагает овладение новыми циклами организации жизни на ее макро- и микро- уровнях. Психологическая сложность состоит в том, что это происходит на фоне сложных процессов смысловой интерпретации субъектом своего будущего в юности и молодости, формирования стратегических жизненных целей, развертывания во времени «Я-концепции», осознания себя автором собственной жизни. Все это делает необычайно сложными и актуальными исследования своеобразия переживания времени людей в различных производственных и образовательных ситуациях жизни, включенных в особые условия организации жизнедеятельности северного города.

Предметом нашего исследования выступила связь переживаний психологического времени с особенностями смысловой организации жизни студентов и работающей молодежью г. Сургута.

Методологической основой исследования выступали положения о деятельностном опосредовании психических новообразований человека.

Методами исследования выступили следующие: методика «Метафоры времени» (Кларк Р.Н., 1960), методика изучения смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьев (2000), методика семантического дифференциала шкал оценки психологического времени, опросника, направленного на выявление особенностей восприятия и переживания времени работающей молодежью производственный режим деятельности в условиях работы на нефтяных буровых скважинах.

При обработке выяснялись приоритеты метафор переживания времени жизни по таким основаниям как: «континуальность-дискретность», «напряженность - ненапряженность»; «эмоционально положительное переживание времени жизни - эмоционально-отрицательное». Методика семантического дифференциала предполагала описание времени по аналогичным шкалам. Методика изучения смысложизненных ориентаций позволяла характеризовать испытуемых по таким основаниям как: оформленность жизненных целей, оценка эмоциональной насыщенности жизни, ее результативности, таких характеристик как «локус контроля-я», «локус контроля-жизнь».

Исследование было проведено в выборке студентов факультета психологии (в количестве 32 человек) со 2-ого и 4-ого курсов, в выборке молодежи, работающей на нефтедобывающих скважинах в полевых условиях крайнего севера (31 человек), и в выборке людей среднего возраста работающих на производстве в условиях города (30 человек).

Выступили определенные различия в характеристике, касающейся напряженности времени. В выборке студентов оно оценивается как напряженное 40% участников, а у работающей молодежи 62,6%, что статистически значительно различается по критерию Фишера, но не различается с показателями напряженности времени производственников зрелого возраста, работающих в городе. Их показатели – 61%. Такая оценка напряженности согласуется с тем, что в выборке рабочей молодежи 67% отметили, что их время организовано циклами производственной деятельности, а в выборке производственников такое доминирование у 61,8%. И у работающей молодежи и производственников зрелого возраста более низкие показатели по сравнению с эталонной выборкой, полученной на эталонной выборке в исследование Д.А. Леонтьева (выявленный средний показатель по двум выборкам – 25, эталон – 30,14).

В студенческой выборке организация времени жизни гораздо в меньшей мере предопределена режимом учебно-познавательной деятельности и успехами или неудачами в ней. Они в большей мере оценивают время как ненапряженное - 60%, у них выше, чем в эталонной выборке, показатели локуса контроля-Я (выявленный средний показатель выборке – 21, эталон – 18,58), это свидетельствует о том, что они чувствуют больше

Секция «Психология»

свободу выбора и возможности ее смысловой регуляции, чем производственники города и работающая молодежь.

Таким образом, результаты в выборке работающей молодежи приближаются к результатам выборки производственников зрелого возраста. Это объяснимо тем, что у них схожие по содержанию ритмы и режимы деятельности. Переживание времени у студентов, включенных в иной тип ведущей деятельности, характеризуется большей свободой в оценке ресурсов времени и его напряженности. Смысловое развертывание своей «я-концепции» в будущем времени у них гораздо более выражено и содержательно, чем у работающей молодежи, включенной в практику каждодневного напряженного труда в суровых условиях севера. Полученные эмпирические характеристики свидетельствуют в пользу положений о деятельностном опосредствовании переживаний времени у молодежи, выбирающей разные траектории организации жизни.

Литература

1. Леонтьев Д.А. (2000) Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). М.: «Смысл»
2. Knapp R.H. (1960) A study of the metaphor // Journal of Projective Techniques, №24, p. 389-395

¹ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Шибасовой Л.В. за помощь в подготовке тезисов

Образы идеальных телегероев мужчины и женщины и их связь с гендерной идентичностью в подростковом возрасте

Степанова А.С.

Студент факультета психологии

*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: aleksandra_st@inbox.ru

В настоящее время средства массовой информации представляют собой один из основных механизмов, формирующих общественное мнение, и, как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, все большую роль в этом приобретает телевидение. Среди множества сфер влияния СМИ в частности указывается на их роль в формировании гендерных представлений. Наиболее сензитивной группой для данного влияния оказываются подростки, поскольку они являются одним из основных потребителей СМИ, в этом возрасте окончательно формируется идентичность и ее базовая структура – гендерная идентичность. Однако, согласно исследованиям (Грошев, 2000, Кирилина, 2000, Кон, 2000, Скорнякова, 2004, Орлянский 2004), СМИ обладает ограниченным набором образов мужчин и женщин, что может привести к усвоению подростками достаточно узкого репертуара ролей и, в свою очередь, к неконструктивному взаимодействию полов, конфликтам и трудностям в построении межличностных отношений.

Наше исследование было направлено на выявление взаимосвязи между образами популярных персонажей телевидения, представлениями подростков о себе как о женщине или мужчине (Я-реальное) и идеальном представителе своего пола (Я-идеальное). В исследовании приняли участие 48 подростков, среди них 64 % девушек и 36 % юношей в возрасте 15–16 лет.

Подросткам предлагалось перечислить идеальных, с их точки зрения, представителей своего пола, которых они видят на телеэкране, и поставить на первое место наиболее идеального для них телегероя.

Для описания женщин и мужчин, занимающих первую строчку «рейтингов», составления подростками образа «Я-реальное» и «Я-идеальное» применялся метод личностного семантического дифференциала, разработанный О.Л. Кустовой. Оцениваемые характеристики были сгруппированы в 10 базовых черт: оценка (общая привлекательность); сила личности; эмоциональность; социальный статус; зависимость; эмпатийность; современность; феминность; маскулинность; андрогинность. Для изучения связей между образами использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Наше исследование показало, что рейтинг мужских персонажей включает вымышленных героев и реальных людей – представителей из сферы политики и бизнеса, спорта и шоу-бизнеса, участников реалити-шоу. Рейтинг женских персонажей более разнообразен и включает представительниц шоу-бизнеса, певиц, персонажей реалити-шоу и сериалов, спортсменов, героев художественных произведений, актрис и моделей.

Среди названных мужчин абсолютным лидером стал В.В. Путин – он был назван идеальным мужчиной 70% юношей-подростков. Среди женского рейтинга лидирующие позиции занимают Дж. Лопез, П. Хилтон и К. Собчак.

Среди идеальных мужских персонажей появляются герои мультфильмов (Шрек, Кот Матроскин). Среди девушек встречаются упоминания своих матерей как наиболее идеальных женщин.

У 90% юношей была обнаружена значимая положительная связь ($p \leq 0,01$) между образом наиболее идеального персонажа и образом «Я-реальное», у 80% - между образами персонажа и «Я-идеальное», и у 70% - между образами «Я-реальное» и «Я-идеальное».

У 67% девочек была обнаружена значимая положительная связь ($p \leq 0,01$) между образом наиболее идеального персонажа и образом «Я-реальное», у 89% - между образами персонажа и «Я-идеальное», и у 67% - между образами «Я-реальное» и «Я-идеальное».

Образы наиболее популярных персонажей, как мужских, так и женских, совпадают по своим характеристикам с образами идеальных представителей пола.

Таким образом, мы можем предполагать, что презентуемые образы СМИ тесно связаны с представлениями подростков о том, какими должны быть идеальные мужчины и идеальные женщины, какие гендерные роли им свойственны и какая модель поведения предпочтительна. Для идеального мужчины характерна внешняя привлекательность, сдержанность, он независим и современен, не склонен к проявлению феминных черт. Образ идеальной женщины обладает тенденцией к маскулинизации – это независимая, сильная личность, достигшая высокого социального статуса, не склонная к проявлению эмпатии и других традиционно женских качеств.

Наше исследование ставит новые вопросы: насколько соответствуют такие образы ожиданиям подростков от противоположного пола, и какую роль играет телевидение в формировании представлений подростков о противоположном поле и о моделях межличностного взаимодействия.

Литература

1. Алешина Ю.Е., Волович А.С. (1991) Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. № 4, 1991. — С.74-81.

Секция «Психология»

2. Кирилина А.В. (2000) Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания / Сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. – С. 47-81.
3. Клецина И.С. (1998) Гендерная социализация. — СПб., 1998.
4. Скорнякова С.С. (2004) Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Сборник научных трудов "Актуальные проблемы теории коммуникации". СПб. – Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 225-231.
5. Харрис Р. (2001) Психология массовых коммуникаций. – СПб.: прайм-Еврознак, 2001. – 448 с.

Anthropology of Dress from the perspective of Psychology or how Cloths influence the Behavior of a Person within the Society

Stremilo M.N.

Student

American University – Central Asia, Anthropology department, Bishkek, Kyrgyzstan

E-mail: marina_30.01@rambler.ru

Twenty first century has been exemplary for many cultural trends that have appeared due to globalization and emergence of mercantilism. Overtly, one of well spoken and widely shown phenomena is fashion. This concept has spread out worldwide in many countries as well as in many places difficult to access. It became something more than a performance of art by designers. It inculcated in the life of every cosmopolitan – starting from the president of the country ending to an ordinary citizen. Hundreds of glossy magazines with the discussions and even debates regarding the person and his style are being published daily and appear in the kiosks, supermarkets and bazaars. Even though people do not notice the inculcation of fashion into their lives and it becomes normal, not a lot of analytical research has been done regarding the fashion. How did the fashion emerge and how it affects our lives? According to many myths about our first human ancestors, Adam and Eve, people say that they were living naked.

In the research is show at those times, human beings would not even have a need in clothes until people became in need to “protect the human body from extreme weather and other features of the environment”. Still, this is only part of the whole definition given by the contemporary academic society. With the development of civilization clothes were “worn to reflect religions, cultural and social meaning”.

The reseach has proved the reason we have split the whole definition is to show that clothing in has become more than just a safety and protection from the weather. Clothing helped people to express their identity, whether it was religious, cultural or professional. According to Z. Freud, civilization became the source of demand for cleanliness and order; moreover, to a certain degree fashion emerged as an extreme of such demand. There is no doubt that one should look at fashion in the context of emergence of market and its outgoing consequences. The concept of clothing went through materialism, terms such as “fashionable” and “unfashionable” were employed by many agencies, later on by many people.

References:

1. Davis, F. Fashion (1992) Culture and Identity. Chicago: The University of Chicago Press.
3. Sigmund Freud, James Strachey, Peter Gay (1989) Civilization and Its Discontents

Идентификационные основания средовой идентичности коренных и некоренных жителей города

Токмакова С.В.

студент

Гуманитарный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: tokmakovas@mail.ru

Секция «Психология»

Отличительной чертой современного общества является территориальная мобильность. Если раньше миграция вызывалась жизненной необходимостью, то сегодня мобильность все больше связана с самовыражением и выбором человеком своего жизненного пути. В современном динамичном обществе все меньше остается статичных, predetermined territorial identities and all more becomes identities by choice. В связи с чем вопросы сохранения и разрушения средовой идентичности становятся особенно актуальны. Многолетние исследования свидетельствуют о том, что идентификации с большими социальными общностями отличаются своей неустойчивостью. Поэтому стабильная позитивная социальная идентичность может быть достигнута только в более мелких сетях взаимодействия - так, одной из таких микроидентичностей может выступать идентификация со своим городом.

В процессе формирования средовой идентичности индивиды опираются на различные идентификационные основания. Под идентификационными основаниями понимается совокупность находящихся в распоряжении индивида социальных, психологических, экономических, культурных и т.п. средств, предоставляемых городской средой, и способствующих адаптации к ней. Это такие средства, с помощью которых индивид одновременно и включается в социальную среду города, и трансформирует ее, приспособляя к своим нуждам.

У людей, с рождения проживающих в одном и том же месте, складываются своего рода экологические стереотипы, в соответствии с которыми они ориентируются и действуют. В формировании своей средовой идентичности коренные жители города опираются на сложившуюся годами систему оценок и на свой предыдущий опыт.

Средовая идентичность некоренных жителей рассматривается нами как идентичность по выбору. Другой город – это не просто новое место жительства, это необходимость сознательного выбора новой идентичности. От того, как человек сможет реализовать себя на новом месте и будет, в первую очередь, зависеть его идентификация с городом.

Мы предполагаем, что в формировании средовой идентичности коренные и некоренные жители города будут опираться на различные идентификационные основания.

В соответствии с данным предположением нами было проведено исследование по выявлению идентификационных оснований средовой идентичности коренных и некоренных жителей города (на примере города Екатеринбурга).

В ходе исследования использовались методики: модифицированный вариант методики неоконченных предложений, рассказ «Мой город», рисунок «Я в городе» и анкета «Мой город».

Были обследованы две группы испытуемых (50 человек): коренные и некоренные жители города, в возрасте от 21 до 41 года. В исследовании принимали участие граждане РФ, т.е. люди, родившиеся, выросшие и воспитанные в традициях той культуры, в которой проживают. Среди некоренных жителей в исследовании принимали участие люди, самостоятельно принявшие решение переехать в другой город, и проживающие в нем не менее 3 лет, т.к. нас интересовали испытуемые, уже прошедшие период адаптации к новой среде. Некоренные жители, проживающие в городе более 10 лет, также не принимали участия в исследовании, как не обнаруживающие каких-либо существенных отличий от коренных жителей. В результате, для коренных и некоренных жителей были выделены компоненты городской среды, способствующие идентификации с городом и являющиеся идентификационными основаниями. Коренные жители города в формировании

Секция «Психология»

своей средовой идентичности опираются, в основном, на территориальные характеристики города, т.е. на совокупность объективных аспектов жизненной среды, места жизни человека как психофизического, индивидуального существа. Коренные жители воспринимают город, в первую очередь, как место жительства, территорию жизнедеятельности: оценивается, прежде всего, характер производственно-экономической ситуации, степень экономической самостоятельности города, уровень развития инфраструктуры, эстетические характеристики территории, а также те факторы городской среды, которые влияют на индивидуальное самочувствие граждан.

Некоренные жители города в формировании своей средовой идентичности опираются, в основном, на пространственные характеристики, т.е. на совокупность субъективных аспектов жизненной среды – место жизни, существования человека как личности и индивидуальности, обладающее качественными характеристиками. Некоренные жители воспринимают город, в первую очередь, как пространство, наделенное личными смыслами, обеспечивающими индивидуальность и персонализированность среды. Город для них - это возможность развития своих способностей, возможность для профессионального и карьерного роста, достижения статусных позиций и самореализации.

Таким образом, в основе средовой идентичности коренных жителей города, в первую очередь, лежит функциональное восприятие среды, рассмотрение ее с точки зрения инструментальных возможностей, предоставляемых городом человеку.

В основе средовой идентичности некоренных жителей города лежат процессы смыслового сравнения нового места проживания с предыдущим в пользу нового, т.к. такое сравнение способствует формированию позитивной средовой идентичности.

Итак, проведенное исследование показало возможность выделения двух векторов, задающих основания средовой идентичности: вектора «использования ресурсов» и вектора «присвоения возможностей», что предоставляет широкое поле для дальнейших исследований в данной области, в частности, для разработки программ успешной адаптации как мигрантов «по выбору», так и вынужденных переселенцев.

Эффективность совместного творчества в деятельности руководителя.

Туманян Д.Г.

Студент

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
психологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: dorikne@mail.ru

Решение различного рода задач входит в число обязанностей всех руководителей. Каждый руководитель заинтересован в эффективном решении, и нельзя забывать, что каждая задача требует индивидуального подхода с пониманием всех тонкостей проблемы. Чтобы для каждого случая не затрачивать слишком большое количество организационных

Секция «Психология»

ресурсов, для определения способов решения конкретной задачи, а также не применять уже известный эффективный способ, но не подходящий к данной задаче, необходимо выделить типы задач, которые можно было бы решить определенными способами.

Целью данного исследования является выявление эффективных методов решения задач с учетом типов творческих задач. Задачи:

- 1) Классификация творческих задач по типам.
- 2) Выявление эффективных методов решения в зависимости от типа задач
- 3) Определение методов решения задач, направленных на активизацию творческого потенциала.

Объектом исследования выступили студенты 3 курса университета.

Предмет исследования – эффективность решения задачи в зависимости от метода.

Гипотезой исследования является предположение о том, что методы решения творческих задач имеют как инструментальный, так и активационный потенциал.

Гипотезы-следствия предполагает, что: 1) "Метод синектики", а также "Метод номинальных групп" относятся к способам активизации творческого потенциала. 2) "Метод фокальных объектов" является инструментальным методом.

Для подтверждения гипотезы были отобраны разные методы группового решения задач. Необходимо было посмотреть, каким образом одну и ту же задачу испытуемые будут решать данными методами, и насколько решение будет результативным.

Для исследования были выбраны: «Метод фокальных объектов», «Метод номинальных групп» и «Метод синектики», а также имело место быть групповое обсуждение результатов и процесса решения задачи с последующим протоколированием. Для измерения включенности участников в процесс решения задачи использовалась шкала эффективности совместного творчества.

Для решения была выбрана задача «Победил слабейший», которая, предположительно, ориентирована на решение с помощью активационного материала, однако не все представленные методы позволяют решить задачу с помощью абстрактных представлений и инсайтов.

Исследование состояло из нескольких этапов:

- 1) Этап знакомства со своим методом и с задачей. Процесс решения задачи своим методом в течение 20 минут. Получение некоторого результата. Перерыв.
- 2) 15-ти минутное обсуждение в команде уже полученных результатов после перерыва.
- 3) Общее обсуждение решения каждой командой.
- 4) Заполнение анкеты эффективности совместного творчества

Согласно *результатам* исследования можно считать, что гипотеза подтвердилась.

По данным анализа протоколов команд можно увидеть, что «Метод синектики» и «Метод номинальных групп» относятся к способам активации творческого потенциала, а «Метод фокальных объектов» является инструментальным методом.

В «Метод номинальных групп», было меньше всего ограничений в плане способов выражения своих идей, каждому участнику было необходимо принять участие в формулировке возможного решения, и каждый из них мог предложить любой ответ, который подходил, по его мнению, и предложить несколько вариантов решения, при этом ничто постороннее не направляло его мысли.

В «Метод синектики» необходимо было проявить творческую инициативу, чтобы придумать варианты ответов по разным типам аналогий. В данном случае творческий потенциал направлялся тем, что метод включал различные типы аналогий, которыми нужно было воспользоваться. Можно сказать, что данный метод подходит для решения подобных задач, потому что он требует разностороннего подхода к решению.

В этих методах присутствовало действительное проявление творческого потенциала.

«Метод фокальных объектов» меньше всего демонстрирует проявление творческой активности. Строгость применения метода не позволяет выйти за рамки заданных слов,

Секция «Психология»

поэтому этот метод скорее относится к инструментальному, и подходит для решения задач не творческого типа.

Выводы: "Метод синектики", а также "Метод номинальных групп" относятся к способам активизации творческого потенциала, а "Метод фокальных объектов" является инструментальным методом.

Команда синектики и номинальных групп пользовались методом, который активировал творческий потенциал, благодаря чему и было возможно решение данной задачи.

Активационным потенциалом обладали два метода из трех: "Метод синектики", а также "Метод номинальных групп".

Таким образом, можно заключить, что для данного типа задач нельзя использовать всякий метод решения, необходимо использование таких методов, которые стимулируют творческое мышление и активизируют творческий потенциал, наталкивая на неординарные решения.

Метод фокальных объектов является инструментальным, и применим к задачам, требующим по-новому взглянуть на проблему и привести инновационные идеи с применением ассоциаций. Этот метод не подходит для решения подобных задач, которые были представлены в эксперименте.

Заключение: Проведенное исследование показывало, что не все методы одинаково хорошо подходят для решения творческих задач, наиболее приемлемыми являются методы, имеющие активационный потенциал.

О роли взгляда в невербальном общении

Федуленков М.Н., Антонова Ж.С.

Студенты

*Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
факультет дошкольной педагогики и психологии, филологический факультет
fedmaximn@yandex.ru, antonovaz@yandex.ru*

Наиболее актуальным в современной психолингвистике считаем вопрос о значении взгляда в невербальном общении. В деловом общении взгляд несет немаловажную информацию. С помощью глаз передаются самые точные и открытые сигналы из всех сигналов человеческой коммуникации. Поэтому очень важно во время делового разговора контролировать выражение своих глаз. Для того чтобы построить хорошие отношения с собеседником, наш взгляд должен встречаться с его взглядом на протяжении примерно двух третей всего времени общения [Пиз 2007: 59]. Во время делового разговора специалисты рекомендуют направить свой взгляд на воображаемый треугольник на лбу собеседника, чтобы контролировать ход беседы при помощи взгляда.

Учеными установлено, что взгляд выполняет при деловом разговоре функцию синхронизации [Кузин 2004: 17]. Говорящий обычно меньше смотрит на партнера, чем слушающий. Это дает ему возможность концентрироваться на содержании своих высказываний и не отвлекаться. Но примерно за секунду до окончания длинной фразы или нескольких логически связанных высказываний говорящий поднимает глаза и смотрит в лицо слушателю, сигнализируя о конце своего высказывания и о наступающей очереди собеседника. Берущий слово, в свою очередь, отводит глаза.

Что касается обсуждения неприятных вопросов, то здесь ученые рекомендуют воздерживаться от визуального контакта, что является выражением вежливости и понимания эмоционального состояния собеседника. И наоборот, настойчивый взгляд в этом случае воспринимается как вмешательство в переживания человека. Слушающий выражает взглядом внимание, одобрение или неодобрение. По глазам можно определить эмоциональное состояние собеседника. Взгляд помогает поддерживать контакт при разговоре, компенсируя действие факторов, разделяющих собеседников. Авторы

Секция «Психология»

эксперимента выяснили, например, что если попросить беседующих сесть по разные стороны широкого стола, окажется, что они чаще смотрят друг на друга, чем когда беседуют за узким столом. В таком случае увеличение расстояния между собеседниками компенсируется увеличением частоты взглядов.

Специалисты установили, что на вышестоящего по статусу смотрят чаще, нижестоящего же менее удостаивают взглядом. Положительные эмоции сопровождаются увеличением количества взглядов, а отрицательные – снижением. Оптимальная продолжительность взгляда не превышает десяти секунд. Более длительный взгляд может быть воспринят как вызов или желание смутить. Особенно это касается людей неуверенных или стеснительных (около 40%). Установлено также, что дольше взгляд задерживается на тех, кем восхищаются, интересуются или с кем желают установить доверительные отношения.

Взгляд может осуществлять и сильное психологическое давление, и выдавать эмоциональное состояние. Этим пользуются опытные предприниматели, например, китайские и турецкие купцы назначают цену товара, ориентируясь на зрачки покупателя: если тот удовлетворен ценой и получает желаемое, зрачки его глаз расширяются. Но, есть и такие страны, особенно в которых принято торговаться, где именно сужение зрачков у потенциального покупателя воспринимается как знак неподдельного интереса, что соответствующим образом сказывается на цене товара [Олдер, Хэзер 2000: 43].

Под иным углом рассматривается этот вопрос с точки зрения нейро-лингвистического программирования. Аббревиатурой НЛП обозначен революционно новый подход к человеческому общению. Эффективные приемы общения в духе НЛП позволяют быстрее добиваться взаимопонимания с окружающими. В этом процессе активизируются те умственные способности, о существовании которых мы даже не подозревали. Если мы проследим, в каком направлении смотрит собеседник, задумываясь над вопросом или что-то вспоминая, то заметим, что движения его глаз тесно связаны с такими мыслительными процессами, как работа воображения, памяти и разговор с самим собой. Вероятно, движения глаз согласуются с обработкой сенсорной информации различными участками мозга, локализация которых известна по томограммам и общей диагностике больных с повреждениями мозга. Недаром глаза называют *зеркалом души*. Начиная отслеживать на микроуровне движения глаз, специалисты замечают, что они в самом деле значительно правдивей и выразительней всего, что бы ни говорил собеседник [Wilson 1996: 137].

В заключении подчеркнем, что изучение значения взгляда является актуальной проблемой и перспективным направлением общего исследования семантики невербальной коммуникации.

Литература

1. Кузин Ф.А. Культура делового общения. М.: Ось-89, 2004.
2. Пиз А. Язык телодвижений. М., 2007.
3. Олдер Г., Хэзер Б. НЛП. Вводный курс. Полное практическое руководство. Пер. с англ. М., 2000.
4. Wilson G., McLaughlin Chr. *Winning with Body Language*. Bromley: Bloomsbury, 1996.

Качественное исследование восприятия средств массовой коммуникации

Фетисова Е.А

Аспирантка

*Государственный университет Высшая школа экономики, факультет психологии,
Москва, Россия*

E-mail: elisafet@gmail.com

Интерес к качественным исследованиям в сферах СМИ, маркетинга, оргдиагностики и политики с каждым годом возрастает. За последнее десятилетие проведено большое

Секция «Психология»

количество исследований потребителей СМИ с применением качественной методологии. В настоящее время в качестве активных потребителей информации выступают подростки. Но число качественных исследований с подростками значительно уступает количеству исследований взрослых потребителей (Gordon, Langmaid, 1988).

Цель любого качественного исследования – получить максимально широкий спектр мнений респондентов, а не усредненные значения. Процедура исследования носит нестандартизированный характер. Наибольший интерес для исследователя-качественника представляют индивидуальные особенности восприятия респондентов, мотивационные аспекты поведения человека, установки, субъективная значимость, ценность изучаемого объекта или явления. Одно из преимуществ качественного исследования заключается в том, что оно предоставляет респонденту свободу в самовыражении, возможность самостоятельно рассказать о своих ценностях, мотивах, установках, продемонстрировать их в ходе тестирования, респонденты оперируют категориями, представленными в их сознании. Категории не навязываются извне (Фоломеева, 1994; Мельникова, 2007; Власова, 2005). Цель данной работы заключается в изучении возрастной специфики применения качественных методов при исследовании восприятия средств массовой коммуникации (телевидение, Интернет, журналы).

Учитывая некоторые особенности подросткового возраста (стремление подростков к обособлению, ограждению своей жизни от вмешательства старших, «чувство взрослости», «маскировка» истинных переживаний и чувств (Эльконин, 1989, *Формирование личности...*, 1989; Кон, 1989, Якобсон, 1988)), было сделано предположение, что получить от респондентов информацию, отражающую их действительное отношение к изучаемому явлению, с помощью количественных методов не удастся. Подростки не всегда осознают истинные мотивы своего поведения: прямо задаваемые вопросы могут не дать нам ответа на вопрос о причинах их мнений, отношений и эмоциональных реакций. Именно качественные методы позволяют изучить неосознаваемые слои психики, взглянуть на проблему глазами респондента.

Для проведения исследования были отобраны три разновидности метода вербальных ассоциаций (*метод свободных ассоциаций*, методика «*Planet Game*», «*Персонификация*»). Вербальные техники связаны с более «поздними» слоями психики, которые отвечают за речь и социальную функцию личности, следовательно, они несут информацию о мироощущении респондента и положении исследуемого объекта в его личной системе символических категорий. Кроме того, принимая во внимание тот факт, что подростки в значительной степени конформны и есть вероятность того, что они не смогут открыто высказывать свое мнение в присутствии одноклассников, было решено воспользоваться рисуночной методикой «*Дом*» и модификацией методики «*Bubbles*». Преимущество изобразительных методик заключается в том, что они обладают наиболее богатыми возможностями для понимания мотивационных и эмоциональных аспектов восприятия респондентом, его отношения к изучаемому явлению.

С помощью проективных методик удалось собрать богатый материал для качественного анализа. Нужно отметить, что все респонденты справились с предложенными им заданиями. Результаты, полученные с помощью методики свободных вербальных ассоциаций, вряд ли можно назвать глубинными. Подростки демонстрируют высокую степень конформности, они с большей охотой соглашались с кем-то из одноклассников или молчат. Возможно, с помощью методики направленных ассоциаций нам бы удалось сконцентрировать размышления участников в нужном русле.

С помощью методики «*Planet Game*» были получены данные, пригодные для глубинного анализа. Данная методика позволяла направлять и углублять ассоциации респондентов с помощью уточняющих вопросов («какая природа на планете X, есть ли на ней города» и т.п.)

Относительно глубокую информацию удалось получить с помощью рисуночных методик. Преимущество данных методик по сравнению с вербальными заключалось в том,

Секция «Психология»

что респонденты не могли контролировать выражение своего отношения к изображаемому объекту.

Особенно интересные результаты были получены в ходе анализа данных, полученных с помощью методики персонификации. Респондентам не требовалось выражать свое отношение к определенному источнику информации напрямую, они могли свободно высказываться, «прикрываясь» образами созданных ими персонажей.

Интернет описывается респондентами как самый удобный способ общения и получения достоверной информации. Он позволяет отдохнуть и самовыразиться. Выделяются и негативные стороны – «затягивает», его нужно оплачивать. Телевидение носит исключительно развлекательный характер, оно искажает информацию («продажность»). Однако, телевидение является чем-то устойчивым и стабильным. В журналах респондентов привлекают картинки, а не статьи, их сравнивают с будущей макулатурой.

Применение нескольких методик в рамках изучения одной проблемы позволило валидизировать результаты исследования. В данном случае была применена техника методологической триангуляции, суть которой заключается в применении разных процедур сбора данных в рамках одного проекта (Мельникова, 2007).

Можно сказать, что данные, полученные в ходе исследования, отвечают требованиям инструментальной валидности, так как результаты использованных методик подтверждают друг друга. Кроме того, данные по методике «Дом» и по модификации методики «Bubbles», совпадают с результатами, полученными с помощью методик «Персонификация», «Planet Game» и свободных ассоциаций.

Проводя качественное исследование с группой подростков, необходимо ориентироваться на вышеуказанную специфику их возраста. Особое внимание следует уделить разогревающим приемам. Подростки медленнее включаются в работу, чем взрослые, им требуется больше времени на выполнение каждого задания. Последовательность использования методик также немаловажна. В начале работы с подростками следует использовать методики, не требующие значительных усилий со стороны респондентов. Более трудоемкие методики (например, свободные ассоциации) следует проводить в хорошо «разогретой» группе. Наиболее фактурную информацию можно получить, проводя исследование в немногочисленной группе подростков. Желательно набирать в группы подростков с высоким уровнем интеллектуального развития, они охотнее включаются в обсуждение проблемы, с энтузиазмом встречают каждую новую методику, стараются качественно выполнить все задания.

Литература

1. Власова М.Л. Социологические методы в маркетинговых исследованиях. М., 2005.
2. Кон И.С. (1989) Психология ранней юности. М.
3. Мельникова О.Т. (2007) Фокус – группы // Методы. Методология. Модерирование. М.
4. Фоломеева Т.В. (1994) Фокус-группы как метод социально-психологического исследования массовой коммуникации. Дис. ... канд. психол. наук. М.
5. Формирование личности старшеклассника (1989). Под ред. Дубровиной И.В. М.
6. Эльконин Д.Б. (1989) Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Избранные психологические труды. М.
7. Якобсон П.М. (1988) Психология чувств и мотивации. М.
8. Gordon W., Langmaid R. (1988) Qualitative market research. A practitioner's and buyer's guide. Aldershot.

**Анализ современных и традиционных ценностных ориентаций у представителей
разных культур
Фломина М.В.**

Аспирантка факультета психологии

Ценностные ориентации (ЦО) личности, связывающие ее внутренний мир с окружающей действительностью, образуют сложную многоуровневую иерархическую систему. Система ценностных ориентации является одним из важнейших компонентов структуры личности, занимая пограничное положение между ее мотивационно – потребностной сферой и системой личностных смыслов, и выполняя, соответственно, двойственную функцию. С одной стороны, система ценностных ориентации выступает в качестве высшего контрольного органа регуляции всех побудителей активности человека, определяя приемлемые формы их реализации. С другой — в качестве внутреннего источника жизненных целей человека, выражая соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом.

Одним из ведущих факторов, воздействующих на систему ценностных ориентаций личности является социокультурная среда. Исследование влияния социального и культурного контекста на изменение системы ценностных ориентаций личности является важной задачей, направленной на выявление механизмов изменения ценностных образований. Современное общество, все ускоряя темп своего индустриального развития (Э.Фромм, 2008) за последний век претерпело ряд значительных изменений. В связи с этим, была предпринята попытка выделения в иерархии ценностных ориентаций личности ценностей современных и традиционных. А поскольку ценности занимают стратегическое месторасположение, позволяющее исследовать индивидуальные и культурные изменения, происходящие в ответ на изменения исторические и социальные, мы попытались исследовать представления о современных и традиционных ценностях у респондентов, принадлежащих разным культурам – российской и азербайджанской.

В качестве методов исследования, в котором приняли участие 90 человек из России (преимущественно из Москвы) и Азербайджана (преимущественно из Баку) в возрасте от 18 до 60 лет, был использован опросник ценностных ориентаций М.Рокича и тест для изучения ценностей личности Д.Шварца.

С помощью двух экспертных групп, состоящих из представителей российской и азербайджанской культур, для каждой из культур нами были получены списки ценностей, понимаемых, как современные и традиционные. В рамках русской культуры в качестве современных были выделены ценности: 1)активной деятельной жизни, высоких запросов; 2)независимости, свободы, продуктивной жизни; 3)широты взглядов. К числу традиционных же ЦО были отнесены: 1)жизненная мудрость, доброта, любовь, ответственность, честность, чуткость; 2)здоровье, красота природы и искусства, наличие хороших и верных друзей, воспитанность, конформность и традиции, твердая воля; 3)общественное признание, счастливая семейная жизнь, аккуратность, исполнительность.

Для азербайджанцев же, по полученным данным, к числу современных ЦО могут быть отнесены: 1)интересная работа, продуктивная жизнь, высокие запросы; 2) материально обеспеченная жизнь, свобода, независимость, непримиримость к недостаткам в себе и других, эффективность в делах . К числу традиционных же ЦО были отнесены: 1) жизненная мудрость, красота природы и искусства, любовь, наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь, счастье других, аккуратность, воспитанность, ответственность, твердая воля, честность, чуткость; 2) жизнерадостность, самоконтроль, смелость в отстаивании своего мнения, конформность и традиции, терпимость.

Таким образом, среди современных ЦО, выделенных экспертами, представлявшими разные культуры, есть значительные различия в понимании того, какие ценности являются современными, что может быть обусловлено разными жизненными реалиями, экономической ситуацией и разным положением в размерности индивидуализма – коллективизма (русские, являясь коллективистской культурой, находятся ближе к полюсу индивидуализма). Что же касается традиционных ЦО, то здесь наблюдается значительное

Секция «Психология»

совпадение экспертных оценок, что может быть обусловлено большей универсальностью ЦО, а также наличием сходств между азербайджанской и русской культурами.

Далее, на основе показателей методик Д.Шварца (среднее значение от 9 до 33) и М.Рокича (мода от 1 до 15, для терминальных и инструментальных ЦО), были сопоставлены иерархии ЦО в изучаемых культурах. В итоге для российской культуры оказались наиболее значимы такие современные терминальные и инструментальные ценности, как независимость, активная деятельная жизнь, широта взглядов, свобода и продуктивная жизнь. А для азербайджанской культуры – материально обеспеченная жизнь, независимость и интересная работа.

Значимыми же для российской культуры традиционными ценностями оказались – здоровье, любовь, ответственность, наличие хороших и верных друзей, честность, счастливая семейная жизнь. А для азербайджанской культуры – счастливая семейная жизнь, воспитанность, честность, аккуратность, жизнерадостность, наличие хороших и верных друзей, любовь, жизненная мудрость.

Результаты, полученные применительно к типам нормативных идеалов, взятых из методики Шварца, в контексте рассмотрения современных и традиционных ЦО, говорят о том, что, хотя в русской культуре выделилось 3 значимых традиционных ЦО (доброта, конформность, традиции), а в азербайджанской 2 (конформность и традиции), в азербайджанской иерархии традиционные ЦО занимают гораздо более значимые позиции. Этот результат, вместе с описанным выше, характеризует азербайджанскую культуру, как более патриархальную (судя по показателям традиций), ориентированную на доверие властям (судя по показателям конформности) и на получение удовольствия (показатели гедонизма у Шварца и Развлечения у М.Рокича).

В итоге, можно заключить, что современные ценности в структуре ЦО азербайджанцев занимают более низкие позиции, по сравнению с современными ЦО в структуре ЦО русских. По полученным результатам можно заключить, что в русской и азербайджанской культурах доминируют традиционные ЦО, но в русской культуре современные ЦО представлены в гораздо большей мере. Таким образом, можно предположить, что социально-экономические изменения в русской культуре вызывают меньшее сопротивление, чем в азербайджанской, о чем можно судить по наличию большего числа современных ЦО в системе ЦО русских респондентов.

Литература

1. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности – С-Пб., 2004 г.
2. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций – М., 1992г.
3. Ломов Б.Ф. Личность как продукт и субъект общественных отношений // Психология личности в социалистическом обществе : Активность и развитие – М., 1989г.
4. Фромм Э. Иметь или быть – М., 2008г.
5. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система - Кемерово, 2000г.
6. Akiba D., Klug W. The different and the same: Reexamining east and west in a cross-cultural analysis of values // Social-Behavior-and-Personality. 1999; Vol 27(5): 467-473

Коммуникативная толерантность как фактор оптимизации межличностных отношений в малой группе

Хамидуллина Л.Р.

Студентка третьего курса психологического факультета

Казанского государственного университета имени Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: leysan_khamid@mail.ru

В современной социальной психологии малоизученной является проблема оптимизации межличностных отношений. Необходимой является выработка факторов,

Секция «Психология»

влияющих на оптимизацию межличностных отношений в малой группе. Актуальность изучения данной проблемы опосредована возрастающей социальной мобильностью современного человека, а, следовательно, ростом числа малых групп, в которые он вступает. Гипотетически мы предполагаем, что одним из основных факторов оптимизации межличностных отношений является коммуникативная толерантность.

Объектом нашего изучения является малая группа. Базируясь на характеристиках группы, предложенных Г.М. Андреевой и Е.В. Андриенко, мы последовательно рассматриваем формальные и неформальные параметры малой группы через призму межличностных отношений. Взяв за основу этот анализ, мы составляем список качеств личности, способствующих построению эффективных межличностных отношений в группе. К ним мы относим: активность в процессе принятия групповых решений, стремление к достижению высокого статуса в группе, сформированность «мы-чувства», эмпатийность, стремление к сотрудничеству.

Реализация всех вышеперечисленных качеств невозможна без развитой терпимости к другим членам малой группы, т.е. коммуникативной толерантности. Таким образом, мы теоретически доказываем, что коммуникативная толерантность является одним из ведущих факторов оптимизации межличностных отношений.

Анализируя взгляд на понятие коммуникативной толерантности В.В. Бойко, мы приходим к тому, что коммуникативная толерантность – это характеристика отношений к членам социальной группы, показывающая степень переносимости неприятных или неприемлемых психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию. Мы также выделяем основные подструктуры данного качества (интеллектуальную, ценностно-ориентационную, этическую, эстетическую, эмоциональную, сенсорную, энергодинамическую, алгоритмическую, характерологическую, функциональную) и подробно описываем каждую из них.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что коммуникативная толерантность является сложной, интегральной характеристикой личности, функционирующей в группе, и является фактором, оптимизирующим межличностные отношения внутри малой группы.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. - М.: Изд-во Аспект Пресс, 2000. – 376 с.
2. Андриенко Е.В. Социальная психология. Учебное пособие для студентов пед. вузов. – М., 2000. – 363 с.
3. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М: - Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 472 с.
4. Большой психологический словарь под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 672 с. – (Большая университетская библиотека).
5. Коллектив. Личность. Общение. Словарь социально-психологических понятий под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова. – Л.: Лениздат, 1987. – 144 с.

Самообучение команд

Хасина П. Л.

аспирантка

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Россия*

E-mail: polhas@mail.ru

Условия современной работы предъявляют трудовым коллективам высокие требования, особенно по части конкурентоспособности. Поэтому крупные компании не жалеют средств на постоянное обучение своих сотрудников новым знаниям и умениям,

Секция «Психология»

будь то повышение квалификации в своей специальности, обучение языкам или тренинги по тайм-менеджменту и эффективной коммуникации. Однако в настоящий момент приходится признать тот факт, что специально организованное обучение в отрыве от реальной работы дает не такие уж высокие результаты, так как программы обучения «не поспевают» за столь динамичными изменениями в экономике, политике и технологиях. Все это порождает проблему поиска новых способов организации обучения, которое бы отражало последние тенденции в той или иной сфере бизнеса.

Один из способов решения поставленной проблемы разрабатывается в рамках концепции самообучающихся организаций. В ее основе лежит мысль о том, что каждая компания или организация в состоянии обучаться. Под обучением понимаются не курсы повышения квалификации, а постоянное совершенствование – и каждого члена организации, и всей организации как единого организма. Таким образом, самообучающаяся организация – это та, которая постоянно учится на своем опыте и постоянно использует то, чему она учится.

Крупную систему невозможно изучать целиком. Для научного анализа необходимо вычленить ее структурно-функциональные единицы. Концепция самообучения применительно к организациям сосредоточивается на изучении таких подразделений организации, как команды.

В командах изначально заложен ресурс к развитию. Командная работа может быть описана по схеме обучения, основанного на опыте. Группа планирует свои действия, осуществляет их, отслеживает результаты и следствия, проводит рефлексивный анализ, а затем планирует дальнейшие шаги.

Эффективность решения задач командой зависит не только от актуальной (то есть наличной) способности к решению задач, но и от того, насколько команда в состоянии обучаться в процессе осуществления самого этого решения. При этом имеются в виду быстрота обучения, повышение качества решения и возможность решения более сложных задач.

Данное исследование направлено на изучение факторов, способствующих самообучению команд. Среди таких факторов можно выделить условия работы команды, индивидуальные особенности ее членов, ее структурные особенности. В этом контексте особую актуальность приобретает самообучение команд, связанное, в частности, с таким их параметром, как степень однородности ролевого состава, а именно гомо- и гетерогенность ролевого состава команд.

В проведенном нами исследовании изучалась способность команд к самообучению в зависимости от их ролевого состава.

Полученные в ходе исследования результаты говорят о том, что гетеро- и гомогенные команды обучаются качественно по-разному. Обучение гомогенных команд характеризуется равномерностью и постепенностью. Приобретая опыт, они повышают свою эффективность. Напротив, в результатах гетерогенных команд виден «эффект потолка». Это проявляется в том, что в начале работы они показывают высокий результат, а далее их продуктивность снижается. Можно сказать, что они обучаются с первой секунды, а дальше уже не развиваются.

Литература

1. Арджирис К. Организационное научение. М.: Инфра-М, 2004.
2. Белбин Р.М. Команды менеджеров. М.: Аспект-Пресс, 2003.
3. Донцов А.И., Дубовская Е.М., Жуков Ю.М. Группа – коллектив – команда. Модели группового развития // Социальная психология в современном мире/ Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002.
4. Жуков Ю.М. Идеология практика тренинга. Событийная основа опыта//Методы практической социальной психологии. Под ред. Ю.М. Жукова. М.: ЗАО «Аспект-Пресс», 2004.

Секция «Психология»

5. Жуков Ю.М., Павлова Е.П., Журавлев А.Л. Технологии командообразования. М.: Аспект-Пресс, 2008.
6. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. 2-е изд. М.: ЗАО "Олимп-Бизнес", 2003.
7. Сенге П. и др. Танец перемен. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.

Влияние этнического фактора на содержание гендерных стереотипов и гендерных ролей (на примере российской и китайской культур)

Чепков А.В.

Студент

Московский городской психолого-педагогический университет,

факультет социальной психологии, Москва, Россия

E-mail: tanno.melkor@gmail.com

Как свидетельствуют исследования в различных научных областях, понимание жизни человеческого общества невозможно без признания существования стереотипов мужественности и женственности, отражающих различия в психике мужчин и женщин. Гендерный подход в социальной психологии делает акцент на изучении именно социальных (а не биологических) аспектов пола и ролевой дифференциации по половому признаку, имеющей место в различных социокультурных общественных системах. В последние годы, ввиду увеличивающегося количества межэтнических коммуникаций, браков, конфликтов, социальные психологи все больше осознают потребность в кросс-культурных исследованиях гендера, которые помогут определить степень влияния культуры на содержание гендера и гендерных различий.

Изучение этнопсихологической специфики гендерных стереотипов в русской культуре весьма актуально, поскольку отсутствие такой информации препятствует созданию полной картины этнических особенностей русских в современном мире.

Рассматривая гендерные стереотипы как типичные психологические и поведенческие характеристики, традиционно приписываемые мужчинам либо женщинам, и считая, что гендер относится к поведению и паттернам деятельности, общепринятыми для мужчин либо женщин в контексте какого-либо общества или культуры, мы проанализировали различные группы стереотипов на примере русской и китайской культур.

Выбор китайской культуры для сопоставления с русской объясняется тем, что, во-первых, у России с Китаем установлены тесные быстро развивающиеся экономические и социальные контакты, во-вторых, в нашей стране учится много студентов, магистрантов из Китая, в-третьих, увеличивается число российских студентов, изучающих китайский язык и желающих учиться и работать в Китае, и, наконец, это позволит провести экспериментальное исследование и выявить различия в содержании гендерных стереотипов у русских и китайских студентов.

Исследование проводилось методом психосемантического дифференциала Осгуда. Наше исследование подтвердило, что среди факторов, оказывающих влияние на формирование гендерных стереотипов, наиболее существенными оказываются религия, культура и социально-экономическое развитие страны. Несмотря на свою устойчивость, гендерные стереотипы не являются неизменными, что отразилось на результатах исследования. Однако нужно заметить, что в сознании китайского студента роль женщины во многом более отлична от роли мужчины, чем это демонстрируют представители русской выборки, дистанция между мужчиной и женщиной у которых заметно менее выражена. При этом, стереотипы представления о другой культуре больше похожи на стереотипы мужчин этой культуры, чем женщин.

Социальные сдвиги и трансформация общества, безусловно, вызывают перемены в гендерных стереотипах, которые сегодня становятся менее отчетливыми и полярными, что должно идти на пользу как самим мужчинам и женщинам, так и всему обществу. И

хотя в современном обществе в виду изменения текущих гендерных ролей возникает необходимость пересмотра или отказа от традиционных стереотипов, это представляется возможным только в случае создания новых, ведь, говоря словами У.Липпмана, «любое посягательство на стереотип представляется посягательством на основы мироздания».

Литература

1. Берн Ш. (2008) Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения Спб.: Прайм-ЕВРОЗНАК
2. Мацумото Д. (2002) Психология и культура. – Спб.: Прайм-ЕВРОЗНАК
3. Eagly A.H., Kite M.E. (1987) Are stereotypes of nationalities applied to both women and men? – Journal of Personality and Social Psychology, 53

Роль рекламной коммуникации и дискурса в формировании представления о событии⁶⁵

Чернова А.Ю.

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: chernova_85@inbox.ru

Введение

Социально-конструкционистский подход к вопросам психологии СМИ позволяет по-новому поставить вопрос эффективности массовой коммуникации. Согласно идеям теоретиков подхода, социально-психологические процессы могут быть рассмотрены как конструируемые в дискурсе, т.е. в едином разделенном между людьми пространстве значений. Результатом подобного конструирования можно считать социальное представление [2]. В таком случае актуальной задачей научного исследования становится определение того, какую роль играют дискурс и рекламная коммуникация в формировании социального представления.

Для того чтобы проследить процесс формирования представления, необходимо, чтобы объект представления обладал характеристиками «выпуклости», яркости, привлекал внимание, обладал значимостью, вызывал общественный резонанс и порождал разные мнения. В качестве подобного объекта мы выбрали проведение Олимпиады 2014 года в Сочи как возможное в будущем событие.

Целью исследования было определить роль дискурса и рекламной коммуникации в формировании представления о событии на примере Сочи-2014.

В поставленные **задачи** входил 1) анализ характеристик рекламной коммуникации (описание каналов, содержания, определение эффективности рекламной коммуникации), 2) выявление набора дискурсивных средств, с помощью конструируется представление о событии Сочи-2014, 3) описание структуры социального представления о событии и выявление в нем элементов, транслируемых через РК, и элементов, конструируемых в дискурсе.

В исследовании проверялись следующие **гипотезы**.

1. В социальном представлении можно выделить элементы, сформированные в ходе рекламной коммуникации, и элементы, конструируемые в дискурсе.

2. Рекламная коммуникация и дискурс вносят различные вклады в формирование представления: в ходе рекламной коммуникации формируется осведомленность и позитивное отношение к событию, а в процессе дискурсивного конструирования это отношение уточняется, и складывается окончательная структура представления.

Методы

⁶⁵ Автор выражает признательность к.п.н., доценту Фоломеевой Т.В. за помощь в проведении исследования.

Секция «Психология»

Для оценки содержания рекламной коммуникации мы подвергли контент-анализу рекламные материалы, эфир программы «Время» и новостные сообщения на Интернет-сайтах. В качестве критерия эффективности рекламной коммуникации использовались объективные показатели (количество выходов на различных каналах СМК), а также замерялись степень осведомленности о событии и установки в отношении события.

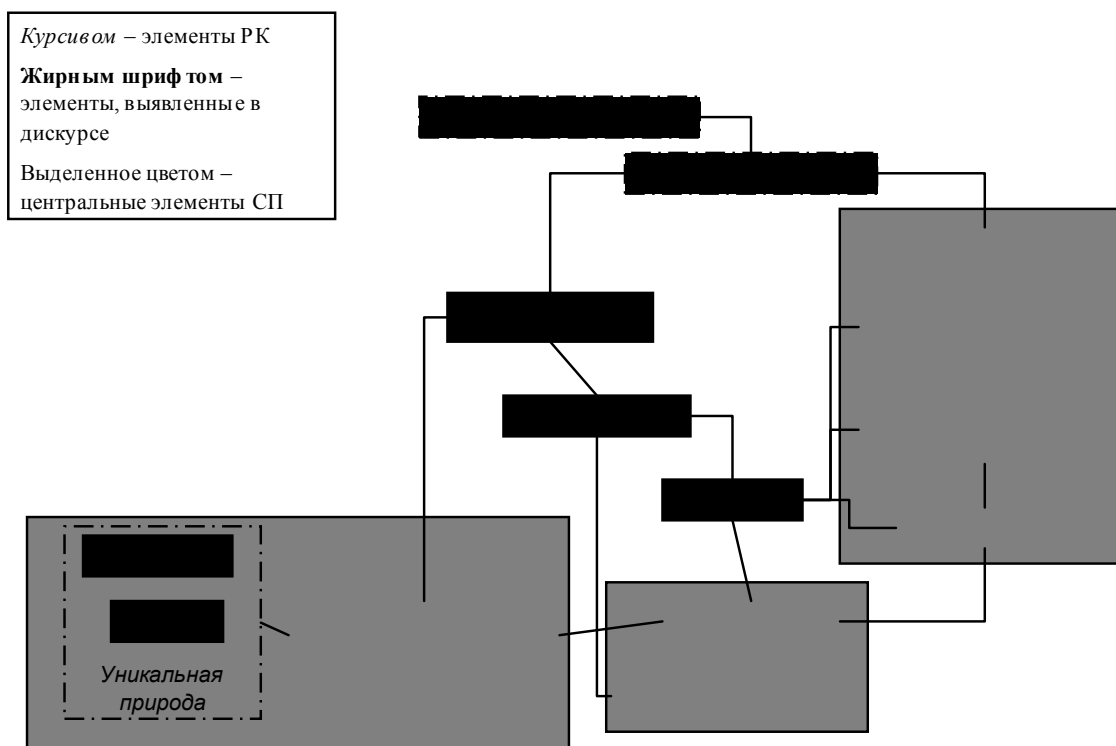
Чтобы оценить вклад дискурса в конструирование социального представления, мы провели полуструктурированные интервью, которые затем подвергли дискурс-анализу по схеме, предложенной Поттером, Уезерелл [1]. Мы выделили тематические блоки:

- формулирование модели ситуации: знание о Сочи-2014,
- разрешение противоречия: зимняя олимпиада в субтропиках,
- Сочи как субъект в субъекте: устройства для категоризации,
- выгода для государства: экономика и престиж,
- особенности проведения олимпиады в России: «фактор русского человека»,
- значимость события для респондента: личный, приватный характер дискурса.

Чтобы выявить структуру социального представления, использовалась методика Вержеса на выявление центральных элементов и элементов периферии [3].

Результаты

В итоге была выявлена структура социального представления о событии, в котором были выделены элементы, представленные в рекламной коммуникации, и элементы, дискурсивно конструируемые респондентами в интервью. Элементы ядра социального представления можно условно изобразить следующим образом:

Рекламная коммуникация и дискурс вносят различные вклады в формирование социальных представлений. С помощью рекламной коммуникации люди получают информацию о событии и формируют первичное отношение (установки). Социальное представление окончательно формируется в дискурсе: дискурс направлен на то, чтобы осмыслить, оценить, убрать противоречия и, в конечном счете, встроить социальное представление в реальность.

Литература

1. Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, Гуманитарный Центр, 2004.

Секция «Психология»

2. Potter J., Edwards D. Social representations and discursive psychology: from cognition to action// Culture and psychology, vol. 5(4). – London: Thousand Oakes, 1999.
3. Rigaud D. Les Deux Pollutions. Une étude pluriméthodologique des images et des peurs associées à la pollution // JIRSO – Vol. 3, No. 1, Décembre 2006. [http://www.geirso.uqam.ca/jirso/06_12.php]

Психологические особенности участников флэшмобов

Чурилова М.С.

Студент

ГОУ ВПО «Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского», факультет психологии, г. Пенза, Россия

vvk@sura.ru

В век информационных технологий люди стали меньше времени уделять межличностному общению. Сегодня нередко реальное коммуникативное взаимодействие замещается электронной почтой, чатами и другими мобильными технологиями. Однако, людям необходимо чувствовать себя частью коллектива, а также найти свой способ самовыражения. Именно поэтому в 90-е годы XX-го века возникло такое направление как флэшмоб (*Flash mob* - от англ. «вспышка толпы»). Это интернет-технология, которая позволяет любому множеству людей договориться друг с другом, чтобы синхронно осуществить какое-то определенное, заранее согласованное действие. В сети интернет между участниками распространяется сценарий того, что, где, и когда надо сделать, и каждый волен как выполнить эту инструкцию, так и проигнорировать ее.

Несмотря на то, что флэшмоб является стихийным явлением, отрицающим всякое персонифицированное руководство, существуют несколько основополагающих правил (законов), которые ни в коем случае не должны нарушать участники флэшмобов:

1. Отсутствие централизованного руководства. Никто не может персонифицировать власть во флэшмобе. И потому каждый может стать координатором акции.

2. Полная демократия. Акции проводятся путём голосования. Никто не обязан приходить на акцию, которая ему не нравится. Каждый волен проводить свои акции, если соберёт достаточное количество желающих принять в ней участие.

3. Несовместимость с политикой. Акции флэшмоба не могут быть политической направленности.

4. Полный отказ от любых денежных отношений. Никто не может брать деньги за участие во флэшмобах, и никто не может платить деньги за участие во флэшмобах.

5. Полный отказ от освещения флэшмоба в СМИ. Так как основной задачей флэшмоба является желание удивить людей, как можно меньше людей должны знать о самом существовании флэшмоба. Все попытки СМИ выйти на связь с мобберами заканчиваются настойчивой просьбой отказаться от своих намерений. Для предотвращения попадания СМИ на место проведения акции разработано несколько защитных механизмов.

6. Полная деперсонификация. Участники флэшмоба должны как можно меньше знать друг о друге.

Кроме правил выработан ряд инструкций, позволяющих правильно понять правила и механизм их осуществления.

В связи с тем, что феномен флэшмоба, равно как и психологические особенности участников флэшмобов не исследованы в полной мере, нами была предпринята попытка эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей участников флэшмобов.

Была выдвинута следующая гипотеза, что существуют различия в показателях самооценки, осмысленности жизни и мотивации аффилиации у участников флэшмобов и лиц, не принимавших участие во флэшмобах.

Секция «Психология»

Всего в исследовании приняло участие 20 испытуемых (две группы) в возрасте от 16 до 21 года (10 человек в экспериментальной группе - участники флэшмоба и 10 человек в контрольной группе - никогда не принимавшие участие в флэшмобе).

В качестве диагностического инструментария нами были использованы следующие методики:

1. Методика самооценки личности (С.А. Будасси)
2. Тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева
3. Диагностика мотивации аффилиации (Тест А. Махрабиана)

В ходе диагностики с помощью теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, что личности, участвующие во флэшмобе имеют в основном средний уровень показателей по шкале «цели». Можно предположить, что это обусловлено тем, что такие люди имеют какие-то общие интересы, взгляды, цели, что в свою очередь создает предпосылки для участия в таких мероприятиях, как флэшмоб.

У испытуемых никогда не участвовавших во флэшмобах, не просматривается выраженность какой-либо тенденции в распределении значений по субшкале «цели», что возможно связано с тем, что их образ жизни, никак не связывает их друг с другом.

Диагностика испытуемых с помощью теста А. Махрабиана, выявила тот факт, что для большинства испытуемых, участвующих во флэшмобе характерно сочетание мотивов «Высокий СП – Низкий СО», что позволяет говорить о том, что для них характерен мотив «стремление к принятию группой», они активно ищут контактов и общения с людьми, испытывая от этого в основном только положительные эмоции. Скорее всего, именно потому, что доминирующим мотивом у них является стремление к принятию группой, испытуемые участвуют во флэшмобах. У испытуемых в контрольной группе преобладает сочетание «Низкий СП – Низкий СО» и «Низкий СП – Высокий СО».

Диагностика испытуемых с помощью методики С.А. Будасси показала, что участники флэшмобов отличаются более высоким уровнем самооценки. Анализ результатов диагностики позволяет нам заметить, что все испытуемые экспериментальной группы имеют завышенную самооценку. Испытуемые из контрольной группы, имеют в большинстве нормальную самооценку. Можно предположить, что высокая самооценка участников флэшмобов обусловлена тем, что все они считают себя нестандартными, незаурядными личностями, нашедшими свой способ самовыражения.

В ходе проведения исследования было установлено, что для лиц, участвующих во флэшмобах характерны, завышенная самооценка, более низкий уровень целеустремленности, более высокий мотив к принятию группой и низкий мотив страха отвержения.

Особенности восприятия субъективной уверенности при взаимодействии с различными партнерами по общению

Шаринова Н.В.

студентка

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,

факультет психологии (Москва, Россия)

nash4elovek@gmail.com

Феномен уверенности на протяжении длительного времени привлекал внимание исследователей. История изучения этого феномена началась с исследований неуверенности (Сальтер А. 1949, Вольпе Д., 1966). В отечественной психологии уверенность изучалась как установка (Прангшвили Я. С., 1958); интеллектуальное состояние (Володарская М. Н., 1977); уровень напряжения (Наенко Н. И., 1976); значимое переживание (Котик М. А., 1974); интеллектуальная эмоция (Васильев И. А., 1980); релевантное "Я" когнитивное образование, а также релевантное "Я" эмоциональное

Секция «Психология»

переживание (Хантিকা Я., 1980); аспект стратегии собственных действий в интеллектуальных играх (Коссов Б.Б., Карпов А. Е., 1975)

Большое количество исследований также было посвящено изучению проблемы связи уверенности и уверенности в себе с я-концепцией и я-образом, а также самовосприятием и самоотношением. Многими авторами, например, Р. Зигмундом, было отмечено, что неуверенность в себе возникает как следствие негативных оценок, "нарушенного образа себя". Также отмечалась и положительная корреляция составляющих я-концепции с уверенностью в себе. (Олина С. П.), изучавшаяся в контексте проблемы уверенности (Ромек В., 1996) и в контексте управленческой деятельности (Агапов В. С., 2000, Базаров Т.Ю., 2007).

Проблемой настоящего исследования являются противоречивые данные о различиях во взаимодействии «уверенных и неуверенных» людей с партнерами по общению. В одних случаях «уверенность» связывается с особенностями «Я-концепции» личности. В других исследованиях отмечается влияние «Я-образа» личности на характеристику ее «уверенности».

Цель исследования: выявить, каким образом соотносится уверенность, которую ощущает в себе человек, с тем, как это воспринимается различными партнерами по общению.

Задачи исследования:

1. выявление тех характеристик личности, которые составляют качество уверенности, актуальное для всех участников взаимодействия.

2. анализ проявлений уверенности человека во взаимодействии с представителями разных групп людей

3. выяснение зависимости «уверенности/неуверенности» испытуемого в реальном поведении с результатами предварительного тестирования.

Гипотезы исследования.

Общей гипотезой является предположение о том, что у уверенных и неуверенных людей найденное поле «актуальной уверенности» будет различаться и по своей величине, и по тем внешним группам, совпадение с которыми будет наибольшим.

Гипотезы-следствия:

1) Отличительной особенностью «уверенных» испытуемых состоит в соответствии между характеристиками «Я-образа» и «Я-концепции».

2) У «неуверенных» испытуемых совпадение характеристик «Я-образа» и «Я-концепции» будет ярче выражено во взаимодействии с членами группы «нейтрального окружения».

Для проведения исследования планируется выборка из студентов ВУЗов Москвы, различных специальностей от 18 до 23 лет (по равному количеству испытуемых, получивших низкие и высокие результаты по тесту уверенности).

Исследование будет проводиться в 3 этапа.

На первом этапе планируется провести опрос с целью выделения основных характеристик уверенности в представлении людей и выявления, на этой основе, высокочастотных характеристик уверенности.

Второй этап предполагает тестирование уверенности испытуемых по методике В. Ромека, и затем построение с помощью набора найденных характеристик уверенности гипотетических схем я-концепции и я-образа «уверенных» и «неуверенных» испытуемых.

На третьем этапе планируется провести сравнение полученных данных.

Литература

1. Агапов В. С. Критерии эмпирического изучения я-концепции. // «Психология и жизнь», 2000.

Секция «Психология»

2. Базаров Т.Ю. Психологические грани изменяющейся организации. – М.: Аспект Пресс, 2007.
3. Будич Н.Ю. Исследование уверенности в себе. // «Социальная работа в Сибири». Сборник научных трудов. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
4. Головина Е. В. Структура уверенности и когнитивные стили. – М., 2006.
5. Ромек В.Г. Понятие уверенности в себе в современной социальной психологии // Психологический вестник. Выпуск 1. Часть 2. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 1996.
6. Wolpe J., Lazarus A.A. Behavior Therapy Techniques.- N.Y.: Pergamon Press.- 1966.

Эффективность программы «Формирование положительного образа будущего у учащегося»

Шаркунова Ю.В.

Аспирант

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

E-mail: shark-ulia@yandex.ru

Качество образования становится на современном этапе основополагающим моментом развития общества. Сейчас ни для кого не секрет, что академическая успешность школьника определяется не только и не столько его способностями, сколько его желанием учиться, то есть мотивацией. Считается, что, для того чтобы ребенок учился успешно, необходимо сочетание познавательной и социальной мотивации [2]. Поэтому одним из средств работы с учащимися должна быть профориентация.

В теории интеллектуального порога Перкинса доказывается, что для успешного овладения каждой деятельностью необходим определенный уровень интеллекта, дальнейший же успех обуславливается не интеллектом, а другими индивидуально-психологическими особенностями, например, такими, как тревожность [5]. Поэтому повышение качества образования невозможно без психологического сопровождения образовательного процесса. Сопровождать, значит создавать условия для ответственного и осознанного свободного выбора ребенком своего жизненного пути, в том числе и профессионального [1].

Профессиональная ориентация рассматривается через призму педагогической, психологической и управленческой практики [1]. Если на этот процесс посмотреть через призму психологической науки, то образ профориентации рассматривается как психологическое явление, состоящее из двух взаимосвязанных сторон: принятие учащимися решения о своем профессиональном выборе; воздействия на психику учащегося с целью формирования профессиональных намерений в соответствии с общественными потребностями. В таком понимании профориентация переплетается с понятием профессиональное самоопределение – это способность индивида определить себя в мире, понять себя и свои возможности, осознать свое место и назначение в жизни, в избранной общественной и трудовой сфере, быть активным субъектом своей деятельности и осознанного жизненного выбора [4].

В МОУ «Гимназия №1» г. Ханты – Мансийска, целью психологического сопровождения профессионального самоопределения учащихся является осуществление профориентации на протяжении всего периода школьного обучения. Согласно И.С. Кону, на каждом этапе школьного обучения необходима реализация различных задач профориентации [3]. Для их реализации была разработана авторская программа «Формирование положительного образа будущего у учащегося» по психологии со 2 по 11 классы.

Весь курс можно разделить условно на три блока

- пространство учебных проб, в котором формируются основные учебные компетентности (умение учиться);
- пространство социальных проб, в котором формируются коммуникативные,

Секция «Психология»

мотивационные, волевые компетентности, развивается ответственность;

- пространство профессиональных проб, формирующее мотивационные компетентности, начальные профессиональные умения и навыки.

Профориентационная работа начинается с самого начала данного курса. Вслед за И.С. Коном [3] полагаем, что уже во 2 классе учащиеся могут быть ознакомлены с информацией о том, представители каких профессий могут помочь людям в разных ситуациях. В третьем классе ребята изучают, какие способности нужны в каждой профессии, мечтают о своем будущем. С 4 по 7 класс уделяется внимание развитию интересов и способностей, связанных с выбором профессии.

С 8 класса начинается период предпрофильной подготовки. В данный период направлен на изучение профессий и факторов, влияющих на приобретение той или профессии, формируется отношение к определенным профессиям, осуществляется выбор учебных предметов в соответствии с выбранной профессией

В 9 классе формируется у учащихся задача выбора будущей сферы деятельности с учетом имеющегося психологического и психофизиологического ресурсов.

Педагогический аспект профориентационной работы реализуется через идею профильности старшей ступени школы. Педагогический коллектив МОУ «Гимназия №1» г. Ханты – Мансийска пришел к выводу, что именно профильное обучение на основе индивидуальных учебных планов более индивидуализировано позволяет формировать предварительное самоопределения выпускника в отношении профессионального образования. Организация работы по составлению индивидуальных учебных планов с учетом психологических диагностик позволяет решать проблему преемственности предпрофильного и профильного образования.

В 10 классе происходит формирование принципов у учащихся, которыми они должны руководствоваться, выбирая себе профессию и место в социальной структуре общества. А в 11 классе – формирование позитивного образа профессионального будущего, анализ перспектив развития и построения карьеры.

Важным звеном в профориентационной работе школы является работа с родителями. Практика показывает, что проблемы профессионального самоопределения старшеклассников нередко являются следствием их личностной незрелости, в основе которого лежат трудности семейного воспитания.

В итоге внедрения программы «Формирование положительного образа будущего у учащегося» и реализации комплекса психологических диагностик получены следующие результаты:

- наблюдается повышение мотивации учения у 12% учащихся, так как полноценная помощь школьнику в выборе профессии помогает ему организовать саму учебную деятельность, когда он осознанно изучает школьные предметы, которые могут ему пригодиться в будущей взрослой, трудовой жизни;

- при реализации психологического сопровождения профессионального самоопределения формируются дальние оптимистические перспективы своего обучения и профессионального роста гимназиста, в результате чего снижается тревожность во всех аспектах жизни старшеклассника, так школьная тревожность у учащихся снизилась на 69%, самооценочная тревожность - на 25%, межличностная тревожность - на 19%, общая тревожность снизилась на 40%.

Таким образом, по результатам исследования в МОУ «Гимназия №1», можно сделать вывод об эффективности внедрения программы «Формирование положительного образа будущего у учащихся» и реализации в ней средств и методов психологического сопровождения профессионального самоопределения, способствующих снижению уровня тревожности и повышению мотивации учения.

Литература

Секция «Психология»

1. Бадьина Н.П. Психологическое сопровождение реализации курсов по выбору/ИПКиПРО Курганской области. – Курган, 2006. – 30с.
2. Дробинская А.О. Школьные трудности «нестандартных» детей. – 2-е изд. – М.: Школа-Пресс, 2001. – 144 с.
3. Кон И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. М.: Просвещение, 1989 - 254 с.
4. Педагогический Энциклопедический словарь / Под ред. Бим-Бада Б. М. - М.: Большая Российская энциклопедия.- 2002, 528 с.
5. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК»,- 2000, 304 с.

Ценности и потребительские установки детей и родителей

Шурыгина Ю.С.

Аспирантка

Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: yl4ik@bk.ru

Психология потребительского поведения – это новая область социальной психологии, которая является на сегодня одной из наиболее востребованных прикладных областей социальной психологии. Данная работа является продолжением изучения потребительской социализации, изучение которой было нами начато в 2007 году (Шурыгина, 2008), и она посвящена потребительским установкам и ценностям, изучению того, как связаны потребительские предпочтения родителей и потребительские предпочтения их детей, и зависит ли это от схожести ценностей детей и родителей.

В результате предыдущего исследования было установлено, что наибольшее влияние на формирование потребительских установок оказывают ровесники и родители, поэтому объектом данного исследования являлись дети разного возраста и их родители.

Также мы предположили существование латентных установок, а на основании литературы - что ценности человека влияют на его потребительские установки. Итак, предметом исследования выступила взаимосвязь ценностей и потребительских установок детей и родителей.

В данном исследовании под ценностью мы понимали «устойчивое убеждение в том, что определенны способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования» (Rokeach, 1973, p.56). Под потребительской установкой - знания людей о том, как нужно потреблять, их отношение к разным видам и способам потребления, то, как они себя ведут в ситуации потребления, а также их отношение к деньгам. Нами было сформулировано следующие определение латентных установок: это те установки, которыми человек не пользуется при покупке товаров, то есть те установки, которые имеют аффективный и когнитивный компоненты, но не имеют поведенческого, побуждающего к действиям компонента. Эти установки существуют пока в скрытом виде, у них нет возможностей реализоваться (например, из-за недостатка средств для приобретения данного товара).

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи ценностей и потребительских установок детей и их родителей.

Для достижения поставленной цели нам необходимо было решить следующие задачи:

1. Определить и сравнить ценности детей и их родителей
2. Выявить и сравнить потребительские установки детей и родителей
3. Провести сравнительный анализ ценностей и потребительских установок детей разного возраста и их родителей.

В ходе исследования нами были выдвинуты следующие гипотезы:

Секция «Психология»

1. Если ценности детей и родителей совпадают, то у них будут сходны и потребительские установки.

2. Если ценности детей и родителей совпадают, то латентные установки детей будут формироваться на основе установок их родителей.

3. Когнитивный и поведенческий компоненты потребительской установки детей и родителей сходны, аффективные компоненты – различаются.

Наше исследование состояло из двух этапов. Первый этап – пилотаж. Во-первых, было проведено интервью с десятью респондентами для составления представления людей о том, как они привыкли покупать, с кем советуются при покупке тех или иных товаров, на что при покупке товаров обращают внимание, ориентируются ли они на бренды при покупке товаров. Результаты интервью были использованы для составления методик, используемых в этом исследовании. Во-вторых, была проведена экспертная оценка методики «Компоненты установки», где экспертами выступали 6 преподавателей кафедры социальной психологии. С помощью их комментариев и замечаний, мы усовершенствовали методику, которая и была использована в исследовании.

Вторым и основным этапом исследования был опрос, в ходе которого были проверены гипотезы. Опрос проводился в апреле 2008 года. Респонденты заполняли анкету, которая включала в себя следующие методики: «Ценности» (разработанную Рокичем), «Компоненты установки», «Пословицы» и «Предпочтение бренда» (которые были специально разработаны под задачи данного исследования). В опросе приняли участие 24 семьи. Дети были условно поделены на 2 группы: дети старшего возраста (от 18 до 23 лет) и младшего возраста (от 12 до 17 лет). В нашем опросе участвовало: 22 матери, 10 отцов, 21 ребенок старшего возраста и 10 детей младшего возраста. Всего 63 человека, 43 пары родитель – ребенок.

Результаты нашего исследования показали, что:

1. Если ценности детей и родителей совпадают, то будут совпадать и их потребительские установки. Дети и родители будут предпочитать сходные бренды в продуктовых категориях товаров, а также сходным образом относиться к экономии, накоплению и деньгам. По данным методик «Ценности», «Пословицы», «Предпочтение бренда» первая гипотеза подтвердилась.

2. Если ценности детей и родителей совпадают, то установки родителей на товары влияют на формирование латентных установок на товары у детей. Подтвердилась вторая гипотеза. Кроме того, установки детей старшего возраста (18-23) на товары влияют на латентные установки их родителей (по данным методик «Ценности», «Предпочтение бренда»).

3. У детей младшего возраста (12-17) могут, как совпадать, так и не совпадать ценности с родителями, но при этом у них чаще всего будут сходны потребительские установки (по данным методик «Ценности», «Предпочтение бренда», «Пословицы»).

4. Потребительские установки на бренд таких товаров как одежда, обувь, шоколад даже при совпадении ценностей, у детей и родителей различаются, возможно, потому что на формирование вкусов на эти товары большее внимание оказывают ровесники, а не родители (по данным методик «Ценности», «Предпочтение бренда»).

5. Третья гипотеза о том, что когнитивный и поведенческий компоненты будут совпадать у детей и родителей, а аффективный компонент установки различаться – не подтвердилась. Это можно объяснить тем, что компоненты установки потребителя взаимосвязаны, поэтому нельзя выделить четкую связь между когнитивными и поведенческими компонентами детей и когнитивным и поведенческими установками их родителей (по данным методики «Компоненты установки»).

Таким образом, поставленные цели и задачи исследования были достигнуты. Мы провели изучение взаимосвязи ценностей и потребительских установок детей и их родителей. Выяснилось, что ценности влияют на потребительские установки. Так же на потребительские установки человека влияет и его возраст и установки тех людей, которые

его окружают. Наше исследование вносит свой вклад в развитие направление экономической психологии, в части изучения поведения потребителей, формирования потребительских предпочтений и потребительских вкусов.

Литература

1. Rokeach M. The nature of Human Values. N.Y.: Free press, 1973.
2. Шурыгина Ю.С. Особенности потребительской социализации в детском возрасте// Современная психология: от теории к практике: Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2008». Секция «Психология» (Москва, 9 -10 апреля 2008 г.). – М.: МГУ, 2008. – Ч.1.

Макиавеллизм личности и его влияние на тип представлений о социальной ответственности бизнеса

Щепоткин С.В.

Аспирант факультета психологии

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

E-mail: theli@front.ru

В условиях рыночной экономики, особенно в нашей стране, явно недостаточно моральных и этических норм регуляции поведения больших корпораций и бизнес-структур. Одним из важнейших этических оснований бизнеса должна стать его социальная ответственность.

Социальная ответственность бизнеса и бизнесмена многогранна и должна распространяться и на наемный персонал, партнеров по бизнесу, социальное развитие региона, на общество в целом.

При этом, с нашей точки зрения, чтобы корпорации или средний бизнес был социально ответственным, важна, кроме позиции широких социальных кругов, и позиция самих бизнесменов относительно роли бизнеса в обществе.

Наша работа связана с исследованием представлений предпринимателей, бизнесменов о социальной ответственности бизнеса, так как именно социальные представления – это универсальный механизм социального познания и регуляции поведения.

Проблема, на решение которой направлено исследование, состоит в том, что социальные условия, в которых формируется сознание российских предпринимателей, весьма противоречивы – с одной стороны, общество заинтересовано в формировании сильного среднего класса, а, с другой – отдельные слои общества (например, чиновники) создают порой невыносимые условия для построения бизнеса.

Социальные представления предпринимателей формируются в условиях перманентных конфликтов. Следует ожидать, что и содержание представлений об ответственности бизнеса перед обществом у представителей бизнеса будет отражать противоречия социальных условий, в которых разворачивается предпринимательская деятельность.

Анализ работ, посвященных личностным основаниям представлений о социальной ответственности бизнеса позволил нам выделить две личностные особенности, которые, по нашему, мнению, могут оказывать влияние на содержание представлений о социальной ответственности бизнеса у бизнесменов (предпринимателей). Таким личностными детерминантами могут выступить ценности личности и макиавеллизм.

Таким образом, основными конструктами в нашей работе выступают: социальные представления, ответственность, ценности личности и макиавеллизм.

Качественный анализ результатов, полученных с помощью методики Азумы и Кашиваги [1] позволил нам выделить три основных типа предпринимателей, чьи представления содержательно различаются как по количеству дескрипторов, так и по сущности характеристик социально ответственного бизнеса: 1 тип - «социально безответственный», 2 тип - «законопослушный», 3 тип - «оптимально-ответственный».

Секция «Психология»

Далее мы попытались выявить влияние уровня макиавеллизма на тип представлений о социальной ответственности бизнеса.

Напомним, что макиавеллизмом западные психологи называют склонность манипулировать другими людьми в межличностных отношениях, включающую манипуляцию субъектом в личных целях. В общении макиавеллисты предметно ориентированы, целеустремленны, направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с другими людьми.

Результаты исследования с помощью Мак-шкалы Кристи и Гейс [2] представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Выраженность макиавеллизма у предпринимателей среднего и крупного бизнеса с разным типом представлений.

Тип представлений	Уровень макиавеллизма		
	Низкий	Средний	Высокий
1 тип	0	33,3	66,7
2 тип	50	50	0
3 тип	33,3	55,6	11,1

Как видно из таблицы, высокий уровень макиавеллизма обнаружен у предпринимателей, тип представлений которых мы обозначили как «безответственный». Это группа предпринимателей, которые либо отказывались вообще давать ответы на вопросы о социальной ответственности бизнеса, либо не смогли сформулировать свою позицию, либо высказывали мнение о том, что в нашей стране социально ответственный бизнес невозможен. Исходя из интерпретации синдрома макиавеллизма, данным предпринимателям свойственны такие черты личности как экстернальность, враждебность, склонность к обманам и лести, недоверчивое отношение к людям, склонность к эмоциональному отчуждению, вместе с тем, они более конкурентоспособны, более целеустремленны, настойчивы. Кристи и Гейс называют высокий уровень макиавеллизма «синдромом эмоциональной холодности».

Только 11,1 % представителей бизнеса, отнесенных нами к оптимально ответственному типу, имеют высокий уровень макиавеллизма, 33,3% - низкий уровень, 55,5% - средний. Лицам с низким уровнем макиавеллизма свойственны такие черты как честность, сентиментальность, надежность, они в большей степени, чем ярко выраженные макиавеллисты, подвержены влиянию.

Лицам со средним уровнем макиавеллизма не свойственны крайние выражения черт, которые присущи двум полярным группам. Им, с одной стороны, присущи такие личностные характеристики как целеустремленность, настойчивость, ориентированность на достижение цели, конкурентоспособность, а с другой – ориентация на построение взаимодействия с людьми, а не только предметная ориентация, социальная направленность, надежность.

Сравнительный анализ макиавеллизма у предпринимателей с разным типом представлений позволил выявить статистически значимые различия в уровне выраженности синдрома макиавеллизма у первого и третьего типов ($F_{эмп.}=2,46$ при $p \leq 0,05$): данные типы значительно различаются по степени выраженности высокого уровня макиавеллизма у представителей первого типа.

Полученные результаты показывают, что для предпринимателей с низким уровнем осознанности социальной ответственности бизнеса свойственен синдром макиавеллизма.

Применение однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) позволило доказать влияние макиавеллизма на тип представлений ($F=3,648$, $sig=0,046$).

Литература

1. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. – М: Институт психологии РАН, 2003.

2. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. – М: «Смысл», 2001.

Влияние знания о профессии на оценку образа политика избирателями

Юркина Е.В.

Студентка

*Сыктывкарский государственный университет, факультет психологии и социальной работы, Сыктывкар, Россия
E-mail: elle1987@yandex.ru*

В условиях публичной политики необходимой предпосылкой эффективной деятельности политического лидера становится завоевание авторитета и поддержки у населения. Не заручившись такой поддержкой, лидер в демократической среде не получит возможности проводить свою линию, какой бы прогрессивной и правильной она ни была. При выборе кандидата важную роль играет и его внешность. Какие бы масштабы не имела выборная кампания, в ее основе лежит механизм межличностного восприятия. Поэтому необходимо выявить особенности межличностного восприятия в ситуации выборов и факторы, влияющие на это восприятие.

Рядом авторов изучались разные аспекты проблемы восприятия. Восприятие как рефлекторная деятельность изучалась Б.Г. Ананьевым, Л.М. Веккером, Б.Ф. Ломовым, Е.Н. Соколовым, А.Л. Ярбусом; как область социальной перцепции - Г. Келли. Воздействие отношения на характер формирования образа другого человека было предметом исследования А.А. Бодалева, К. Готтшальдта, Л.И. Божович, В.Н. Мясищева, П.М. Якобсона; роль установок как факторов, определяющих отношение к воспринимаемому изучалась Г. Бирном, М. Ротбартом, П. Бирреллом и др.

Обобщение работ по проблеме восприятия человека позволяет выделить факторы, влияющие на структуру межличностного восприятия: фактор превосходства, привлекательности, отношения к воспринимаемому, избирательность восприятия, узость или широта портретного изображения. Выяснилось, что визуальный образ можно изменять посредством создания эффектов межличностного восприятия и установок, а используя эффекты восприятия для формирования позитивного образа, можно изменять отношение к человеку (политическому лидеру). Также было выявлено, что восприятие образа человека зависит от соотношения социальных позиций воспринимающего и воспринимаемого, эмоционального отношения и статуса воспринимаемого [1], [2], [4]. Можно предположить и обратное влияние: изменяя образ, мы будем вызывать те или иные отношения к объекту, который находится в поле восприятия.

В сознании людей существует некий «идеальный прототип» того, каким должен быть политик. Во всех исследованиях по восприятию образа политика оценка реальных политических деятелей у респондентов – это сравнение данного образа с идеальным прототипом [3].

Проведенное нами эмпирическое исследование включало два этапа: 1) предварительный – выявление личностных черт, которые ассоциируются у респондентов с понятием «идеальный политик» и 2) основной – выявление влияния предварительного знания о профессии на оценку образа политика, а также выявление существования у испытуемых некоторых шаблонных представлений об образе политика.

На первом этапе было опрошено 100 человек по 50 лиц мужского и женского пола старше 23 лет. Первые 10 мест среди названных качеств заняли: дипломатичный, ответственный, надежный, трудолюбивый, добросовестный, уравновешенный, серьезный, решительный, настойчивый, самостоятельный (приведены в порядке убывания). Средний возраст идеального политика, по мнению опрошенных, – 44 года. Идеальным политиком мужчину видят 80% респондентов, женщину – 9%. Те, для кого пол не имеет принципиального значения, составили 11% опрошенных.

На втором этапе был использован семантический дифференциал, модифицированный для целей исследования. К десяти наиболее значимым с точки зрения респондентов

Секция «Психология»

чертам личности были подобраны антонимы. В исследовании применялась 7-мибальная шкала. Наряду с этим, были отобраны 7 пар портретов, которые соответствуют друг другу по своим физиогномическим характеристикам, возрасту и способу изображения на портрете. В каждой паре - политик и один из представителей других профессий (PR-менеджер, учитель географии, заведующий кафедрой политологии в университете, хореограф, милиционер, программист и юрист). Для создания стимульного материала использовались фотографии реальных лиц. Протоколы респондентов, которые узнавали изображенные лица, отбраковывались. Респондентами могли стать лица, достигшие 18-тилетнего возраста. В исследовании приняли участие 100 человек (48 мужчин и 52 женщины) трех возрастных групп: молодые (до 30 лет); среднего возраста (30-50 лет); пожилые (после 50 лет). В каждой возрастной группе были выделены контрольная и экспериментальная группы, соответствующие друг другу по социально-демографическим характеристикам. Контрольной группе (50 человек) предъявлялись семантический дифференциал и портреты лиц, истинные профессии которых были известны испытуемым. Для экспериментальной группы профессии лиц, представленных на фотографиях, были изменены: политики были представлены как представители другого рода занятий, и наоборот. Результаты обрабатывались статистически: достоверность на 5-типроцентном уровне значимости.

Проведенный анализ эмпирических данных позволяет сделать ряд выводов.

Знание о политической принадлежности предполагает более низкие оценки по качествам «идеального политика» со стороны респондентов. Можно предположить, что это обусловлено тем, что политики в нашей стране не пользуются авторитетом у населения. Таким образом, знание о политической принадлежности воспринимаемого лица негативно влияет на оценку образа в целом.

В целом фактор возраста не оказался значимым при восприятии образа политиков. Но в отдельных случаях этот фактор может играть существенную роль, например, когда образ реального конкретного политика будет похож на образ «идеального» в сознании испытуемых определенной возрастной группы. Поэтому в политической деятельности будет более успешен тот кандидат, который будет учитывать специфику и интересы возрастных групп и, исходя из этого, создавать такой образ, который будет благоприятно воспринят.

Респонденты-женщины, по сравнению с респондентами-мужчинами, завышают оценки по различным качествам политиков. Это можно объяснить гендерными различиями восприятия (на фотопортретах были изображены лица мужского пола), женской эмоциональностью и тем, что женщины при оценке опираются больше не на знание о профессии, а на внешность.

В случаях, когда профессия воспринимаемого (политика) совпадает с профессией воспринимающего (потенциального избирателя), оценки ставятся значительно выше. Суть этой особенности в том, что люди склонны более позитивно оценивать тех, кто разделяет важные для них взгляды, поэтому для любого политика важно учитывать интересы социальных групп, на которых он хочет произвести благоприятное впечатление.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. - 200 с.
2. Майерс Д. Социальная психология: Пер. с англ. 4-е междунар. изд. СПб., 2004. - 512 с.
3. Пищева Т.Н., Шелекасова Н.П. Образ идеального политического лидера в массовом сознании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2004. № 4. С. 81-93.
4. Gottshaldt K. Methodologische Perspektiven in der Ausdrucksforschung // Der Bericht über den sechszehnten internationalen Kongress. Amsterdam, 1961. По: Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. - 200

Психология спорта

Влияние психологической коррекции личности на эмоциональное состояние наездника

Банищикова Л.В.

Студент

Братский филиал Иркутского государственного университета, Братск, Россия

E-mail: tagimura2213215@mail.ru

Любой спортсмен знает, что соревнование – это не только испытание физических качеств. Уровень психической нагрузки соревновательной деятельности несравненно выше тренировочной, в чем, наверное, и состоит особая притягательность спорта.

Верховая езда – это сложное взаимодействие человека и коня. Причем человек в этой системе должен являться лидером. Даже если он не умеет ничего, а конь – «профессор». На практике часто бывает наоборот: молодая, плохо выезженная лошадь может оказаться лидером по отношению к неуверенному в себе или неумелому всаднику. Уверенность в себе, сочетающаяся со спокойной, не грубой, но твердой настойчивостью – вот важнейшее и необходимое условие обращения с конем. Если Вы боитесь лошадь, то лучше на нее не садитесь. Разберитесь в себе. Может быть Вы просто хотите погладить, потрогать, покормить лошадку? Если Вас это успокоит – хорошо. Возможна и такая форма общения с конем. Только не думайте, что так Вы сможете «задобрить» коня. Это подкрепление (поощрение) скорее для Вас, чем для него. Лошадь не собака и не завилает хвостом от съеденного куска сахара или морковки.

Целью данного исследования является изучить влияние социально-психологической коррекции на эмоциональную сферу личности наездника.

Для достижения поставленной цели нами были сформированы две группы – экспериментальная и контрольная. В экспериментальную группу вошли 20 человек (12 юношей и 8 девушек), возраст которых составляет 15-17 лет (средний возраст 16). Испытуемые в данной группе занимаются верховой ездой в среднем 1-2 года. В контрольную группу также вошли 20 человек (11 юношей и 9 девушек), возраст которых составляет 14-17 лет (средний возраст 15,5). Испытуемые в данной группе занимаются верховой ездой в среднем 1-2 года. Психическое и физическое состояние испытуемых можно охарактеризовать как норму.

Для достижения цели нами была подобрана база методик: методика выявления самооценки, предназначенная для оценивания себя, своих достоинств и недостатков, своего места среди других людей; шкала самооценки тревожности (Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханин), является надежным и информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент (реактивная тревожность как состояние) и личностной тревожности, как устойчивая характеристика человека); шкала самоуважения М. Розенберг, показатели по опроснику связаны с депрессивным состоянием, тревожностью и психосоматическими симптомами, активностью в общении, лидерством, чувством межличностной безопасности, отношением к испытуемому его родителей. Полученные результаты подверглись качественному, количественному и статистическому анализу.

На первом этапе нашего исследования мы провели психологическую диагностику в экспериментальной и контрольной группе. Таким образом, у нас получились данные по уровню самооценки, тревожности и самоуважения в двух выборках. На втором этапе с экспериментальной группой проводилась психологическая коррекция в виде групповых и индивидуальных занятий, в процессе которых было взаимодействие с лошадью, консультирование, игровые упражнения, психогимнастика и другое. Психологическое сопровождение осуществлялось в течение одного месяца. На третьем этапе исследования мы заново проводили диагностику экспериментальной и контрольной группы, после чего полученные результаты подверглись статистическому анализу при помощи U-Критерия

Манна-Уитни. В результате чего были выявленные значимые различия в уровне самооценки и тревожности, уровень самоуважения в свою очередь значимых различий не показал.

**Ситуация неопределенности в профессиональной деятельности спортсмена
Веракса А.Н.**

Старший научный сотрудник

Факультет психологии Московский государственный университет имени

М.В.Ломоносова (Россия, Москва)

veraksa@yandex.ru

Целый ряд исследователей (Д.Бертон, Л.Моррис, Г.Робретс и др.) отмечают, что в своей профессиональной деятельности спортсмены часто сталкиваются с ситуацией неопределенности (с ситуацией дефицита средств, модели поведения и т.д.). Такая ситуация характеризуется, прежде всего, переживанием тревоги спортсменами. Л.Харди поставил под сомнение вывод о том, что переживание тревоги препятствует выполнению спортивной деятельности. Например, в работе М.Махони и М.Авенер было показано, что американские олимпийцы использовали переживание тревоги как стимул для максимального приложения сил при выступлении.

В исследовании Л.Харди и К.Парфита изучалась успешность бросков баскетболистов за день до начала важного турнира (когда степень переживаемой тревоги у испытуемых была высока) и через два дня после его начала (когда степень тревоги была низкой). Оказалось, что спортсмены в состоянии высокой степени тревоги показывали либо чрезвычайно низкие, либо очень высокие результаты; в состоянии же низкой тревоги результаты держались на среднем уровне. Л.Харди утверждает, что намеренное введение спортсмена в некомфортную для него ситуацию может быть продуктивным в том случае, если спортсмен будет иметь способ управления ею. В качестве такого способа предлагается интерпретация субъектом собственных переживаний.

Кроме того, некоторые авторы (Р.Верначиа, Р.Уайт и др.) указывают на то обстоятельство, что многие спортсмены обращаются в ходе своего профессионального становления к религии. Не случайным является в этом отношении и существование таких организаций, как Братство христианских спортсменов, Центр спорта и иудейской жизни в Америке, Христиане в спорте Великобритании и т.п.

На наш взгляд, приведенные данные указывают на существование проблемы продуктивного действия спортсмена в ситуации неопределенности. Как показали наши предыдущие исследования, в ситуации неопределенности субъект спонтанно прибегает к объективной и субъективной стратегиям символического опосредствования. Объективное символическое опосредствование связано с интерпретацией свойств ситуации, в которой находится субъект. Субъективное символическое опосредствование характеризуется описанием собственного эмоционального состояния. Можно предположить, что существует два типа субъективной символической стратегии: продуктивная и непродуктивная.

Литература

1. Веракса А.Н. Роль символического и знакового опосредствования в познавательном развитии // Вопросы психологии, 2006, №6.
2. Веракса А.Н. Символическое и знаковое опосредствование в познавательной деятельности // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2007. – Т.4. №4.
3. Burton. D. & Naylor. S. Is anxiety really facilitative? Reaction to the myth that cognitive anxiety always impairs performance. //Journal of Applied Sport Psychology. – 1997. - №9.
4. Hardy L., Parfitt C. G. A catastrophe model of anxiety and performance// British Journal of Psychology. – 1991. - №82.

5. Mahoney M. J., Avenier M. Psychology of the elite athlete: An exploratory study. // Cognitive Therapy and Research. – 1977 - № 1.
6. Vernacchia, R. A., McGuire, R. T., Reardon, J. P., Templin, D. P. Psychosocial characteristics of Olympic track and field athletes. // International Journal of Sport Psychology. – 2000. - № 31.

Мотивы занятия спортом курсантов военного вуза

Гукасян Е.М.

курсант

Учреждение образования «Военная академия Республики Беларусь» пограничный факультет, г. Минск, Республика Беларусь

jaka-ya@mail.ru

Спорт – одно из любимых детищ цивилизации – с момента своего зарождения имеет не только апологетов, но и критиков. При всей его огромной социальной значимости нельзя не признать, что побудительная, мотивирующая основа занятий спортом в значительной мере лежит в области эгоцентризма. Спортивная деятельность человека определяется его мотивами, целями, интересами, установками, желаниями, взглядами, убеждениями и пр.

В психолого-педагогической литературе мотив рассматривается как субъективная причина (осознанная или не осознанная) того или иного поведения, действия человека - психическое явление, непосредственно побуждающее человека к выбору конкретного способа действия и его осуществлению. В качестве мотивов могут выступать инстинкты, влечения, направленные на определенный объект. В свою очередь, под мотивацией понимается совокупность стойких мотивов, побуждений, определяющих содержание, направленность и характер деятельности личности, ее поведения [2]. Мотивации и мотивам посвящено большое количество исследований различных психологов: В.Г. Асеева, В.К. Вилюнаса, В.И. Ковалева, А.Н. Леонтьева, М.Ш. Магомед-Эминова, В.С. Мерлина, П.В. Симонова, Д.Н. Узнадзе, А.А. Файзуллаева, П.М. Якобсона.

Мотивы занятий спортом условно делят на общие и конкретные, что, впрочем, не исключает их сосуществования. К первым относятся желания заниматься спортом вообще; конкретный вид спорта незначим для индивида. Ко вторым относятся желания заниматься любимым видом спорта, определенными упражнениями.

Физическая подготовка и спорт являются одними из основных предметов боевой и профессионально-должностной подготовки, важной и неотъемлемой частью военного обучения и воспитания военнослужащих. Цель физической подготовки заключается в обеспечении необходимого уровня физической подготовки военнослужащих для эффективного выполнения поставленных задач в любое время и в любых условиях. Однако, сегодня далеко не все курсанты кроме основных занятий по физической подготовке занимаются в спортивных кружках и секциях. Такая ситуация объясняется особенностями мотивационно-потребностной сферы будущих офицеров, наличием или отсутствием собственного профессионального плана развития и т.д.

С целью оптимизации процесса подготовки будущих офицеров на пограничном факультете учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» было проведено исследование мотивов занятия спортом курсантов различных лет обучения. В исследовании использовалась методика «Мотивы занятий спортом» А.В. Шаболатас, которая включала 45 пар суждений. Испытуемым предлагалось выбрать утверждения, с которыми они согласны, и оценить их значимость для себя.

Ответы испытуемых систематизировались по следующим видам мотивов:

- Мотив эмоционального удовольствия — стремление, отражающее радость движения и физических усилий;

Секция «Психология»

- Мотив социального самоутверждения — стремление проявить себя, выражающееся в том, что занятия спортом и достигаемые при этом успехи рассматриваются и переживаются с точки зрения личного престижа, уважения знакомыми, зрителями;
- Мотив физического самоутверждения — стремление к физическому развитию, становлению характера;
- Социально-эмоциональный мотив — стремление к спортивным событиям ввиду их высокой эмоциональности, неформальности общения, социальной и эмоциональной раскованности;
- Социально-моральный мотив — стремление к успеху своей команды, ради которого надо тренироваться, иметь хороший контакт с партнерами, тренером;
- Мотив достижения успеха в спорте — стремление к достижению успеха, улучшению личных спортивных результатов;
- Спортивно-познавательный мотив — стремление к изучению вопросов технической и тактической подготовки, научно обоснованных принципов тренировки;
- Рационально-волевой (рекреационный) мотив — желание заниматься спортом для компенсации дефицита двигательной активности при умственной (сидячей) работе;
- Мотив подготовки к профессиональной деятельности — стремление заниматься спортом для подготовки к требованиям избранной профессиональной деятельности;
- Гражданско-патриотический мотив — стремление к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях, для поддержания престижа коллектива, города, страны [1].

Анализ результатов показал, что у курсантов разных лет обучения мотивы занятия спортом отличаются по виду и силе выраженности. Относительно стабильные же позиции по отношению ко всем исследуемым мотивам занимает на протяжении всего процесса обучения мотив подготовки к будущей профессиональной деятельности. Такой результат можно объяснить системой профессионального отбора, а также выделением высокого уровня физической подготовки как профессионально значимого качества личности офицера.

У курсантов, систематически занимающихся спортом и достигших определенных результатов в данном виде деятельности, наиболее часто встречаются мотивы физического самоутверждения, т.е. проявляется желание развиваться физически, закалять свой характер, быть активным и здоровым.

Таким образом, рассматривая мотивацию как особый вид детерминации поведения, можно оптимизировать систему подготовки кадров. Полученные при проведении исследования данные можно использовать для определения условий, способствующих формированию у курсантов положительной мотивации к занятию спортом.

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
2. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

Методика диагностики чувства темпа у спортсменок синхронного плавания

Леонов С.В.

*Научный сотрудник, кандидат психологических наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет психологии, Москва, Россия
svleonov@gmail.com*

С целью изучения особенностей чувства темпа и одновременности выполняемых действий спортсменками синхронного плавания нами была проанализирована совместно с тренерами мелодия, под которую спортсменки готовят свою соревновательную

Секция «Психология»

программу. Из частей этой мелодии был составлен музыкальный фрагмент, наиболее важных аспектов музыкальной композиции, например, вступление, начало новой части, когда требуется максимальная синхронизация всех участников пловцов – синхронистов.

Это было сделано с целью моделирования реальной деятельности спортсменок синхронного плавания и диагностики у них чувства темпа и степени синхронности выполняемых под музыку движений.

Мелодия специальным образом была подготовлена на компьютере с помощью программы. Далее через наушники каждому испытуемому предъявлялся этот музыкальный фрагмент по два раза. От спортсмена требовалось нажимать на определенную кнопку клавиатуры в каждый такт звучащей композиции.

Для оценки степени синхронности движений, ассоциированных с отдельными единицами внутреннего счета, спортсменкам предлагалось во время прослушивания тестовой мелодии нажимать на клавишу клавиатуры компьютера в те моменты, когда они внутренне произносят цифры при «просчитывании» мелодии «восьмерками». В инструкции подчеркивалось, что "нажимать на клавишу необходимо в том же темпе, в котором ведется внутренний счет».

Тестовая мелодия состояла из начального фрагмента музыкальной композиции, под которую спортсменки готовились выступать на соревнованиях. Время звучания тестовой мелодии составляло 1,3 мин, тогда как полная музыкальная композиция звучит 5 мин. Мелодия предъявлялась через наушники с помощью компьютерной программы, позволяющей с точностью до 1 мс регистрировать моменты нажатия на клавишу и отмечать их точками на графическом спектре мелодии.

Для оценки индивидуальной устойчивости временной структуры внутреннего счета тестовая мелодия каждой спортсменке предъявлялась два раза, так что время проведения всего теста состоящего из двух проб (предъявлений мелодии) составляло около 3 мин. При втором предъявлении мелодии в инструкции предлагалось «вести внутренний счет и нажимать на клавишу в том же темпе и в те же моменты времени, как и в первой пробе теста».

Важными характеристиками чувства темпа спортсменок являются частота их внутреннего счета, равная количеству единиц, считаемых в одну секунду, а также средняя длительность (в сек) между двумя последовательными ударами по клавише клавиатуры.

Вычислялись и анализировались нами еще два показателя - относительное и абсолютное групповое различие индивидуальных длительностей между двумя последовательными ударами по клавише клавиатуры. Первый из этих показателей определялся по величине коэффициента вариации индивидуальных длительностей, а второй – по размаху вариации этих длительностей.

Проведенное исследование показало, что для диагностики чувства темпа и одновременности ассоциированных с внутренним счетом движений у спортсменок синхронного плавания в разрабатываемом тесте-тренажере могут быть использованы следующие показатели: 1) относительная и абсолютная групповая асинхрония моментов начала и окончания периодов внутреннего счета (нажатий на клавишу) каждой спортсменкой; 2) частота внутреннего счета, а также относительное и абсолютное групповое различие индивидуальных длительностей между двумя последовательными ударами по клавише клавиатуры; 3) степень устойчивости (воспроизводимости при повторном тестировании) временной структуры внутреннего счета у каждой спортсменки. Некоторые из этих показателей могут сообщаться спортсменкам в качестве психологической обратной связи при одновременном выполнении ими данного теста с использованием музыкальной композиции в полном формате.

Особенности общения школьников при профильном обучении (оборонно-спортивное направление)

Мартынова Е.В.

студентка 3 курса

*Автономная некоммерческая образовательная организация «Межрегиональный открытый социальный институт», психологический факультет, г. Йошкар-Ола, Россия
koratos1@gmail.com, olga630705@yandex.ru*

Изучение природы межличностных отношений – непростая задача. В своей работе мы попытались решить одну достаточно важную задачу – исследовать процесс влияния профильного обучения на взаимоотношения школьников в их повседневной совместной деятельности. Исследование проводилось в профильных классах оборонно-спортивного направления (кадетские классы): в восьмом классе средней общеобразовательной школы п. Советский и одиннадцатом классе средней общеобразовательной школы п. Медведево Республики Марий Эл. В исследовании приняли участие 50 школьников.

Будущая профессиональная деятельность предъявляет определенные требования к уровню развития мышления, памяти, восприятия и общения. Так, например, человек, чья профессиональная деятельность относится к профессии типа «человек-человек», должен обладать гуманистической направленностью. Такой профессионал обладает особой чувствительностью к проявлениям душевной деятельности другого человека, его ума и характера. Особенности профессионального общения проявляются в речи, стиле общения, значимости ролей руководитель-подчиненный, в решении проблем, конфликтов и во многом другом [1].

Не менее важным условием, обеспечивающим успешность межличностного общения, является учет специфики взаимодействия общающихся в кадетских классах. Нормативные требования уставов и воинских законов способствуют выбору в первую очередь авторитарного стиля. Жесткий упор на авторитарный стиль может давать негативный эффект - рост агрессивности и враждебности во взаимоотношениях, которые могут выплескиваться на самого слабого члена коллектива. Демократический стиль часто обеспечивает высокое качество деятельности в коллективе. Подчиненные оказываются способны к самостоятельности и инициативности в своих действиях, у них развивается творческий подход к делу. Взаимоотношения в большей степени ориентированы на дружбу и войсковое товарищество [3].

Готовность к профессиональному общению начинает формироваться уже в кадетских классах, так как по внешним особенностям общения эти классы стараются приблизить к общению военнослужащих. Кадеты имеют форму, отдают честь, приветствуя других военных. Ученики кадетских классов проходят через военно-спортивные сборы, рапортуют, выполняют приказы, сами отдают приказы, так как есть отделения и взвод, старшие по отделениям и взводные.

Кадеты добровольно проходят школу становления языковой личности в условиях такой социальной организации, которая жестко регламентирует все стороны жизни индивидов. Типичная ситуация, которая предполагает функционирование рапорта/доклада как жанра устного общения, заключается в необходимости сообщить, доложить какую-либо информацию небольшого объема и актуальную только на данный короткий отрезок времени. Система отношений в данном случае обусловлена ролевой иерархией. В случае подчинения на первый план выступают именно ролевые, деятельностные отношения и доминирующими становятся регламентные формы регуляции. Устав воплощает в себе детальную регламентацию речевых действий, вплоть до мельчайших подробностей. Эта регламентация выражается в установленных формах речевого обращения командира к подчиненному, формах приветствия, просьбы, представления и прощания, в использовании команды [5].

Мы предположили, что в кадетских классах будет формироваться демократический стиль общения, так как несмотря на официальную форму общения и жесткую дисциплину, главной целью формирования таких классов является развитие патриотизма,

Секция «Психология»

товарищества и взаимной ответственности. Для диагностики особенностей общения были подобраны следующие методики: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири [2] и диагностика межличностных отношений А.А. Рукавишниковой [4].

В результате исследований по методике А.А. Рукавишниковой было выявлено, что у мальчиков и девочек наблюдается высокий уровень аффекта, а это типично для лиц, которые требуют, чтобы все остальные устанавливали с ними близкие эмоциональные отношения. Также школьников характеризует низкий уровень контроля, что говорит о стремлении брать на себя ответственность, но неумении контролировать свои возможности.

По методике Т. Лири были получены следующие результаты. Всю группу (восьмой класс) характеризует способность к взаимопомощи и общительности, также группа способна брать на себя ответственность. Мальчики склонны к доминантности, независимости, проявляют лидерские качества. Группа показала низкие результаты по шкале «негативизм», что говорит о доброжелательности и внимательности к другим людям. Девочкам свойственна эмоциональная устойчивость, терпимость к недостаткам других. Два основных показателя (дружелюбие и доминирование) относятся к первой степени выраженности, это показывает адаптивность по отношению к другим людям. В одиннадцатом классе ведущими особенностями общения являются деловитость и стремление заботиться о близких. У юношей проявляются лидерские качества наряду с критичным отношением к себе. Девушкам свойственны терпимость к недостаткам других и стремление заботиться о близких. Вся группа также имеет низкие результаты по шкале «негативизм».

Сравнив два класса, мы можем сказать, что в обоих кадетских классах прослеживается способность к взаимопомощи и демократичности. Ответственные по отношению к людям, деликатные, добрые, бескорыстные и отзывчивые, уверенные в себе, упорные и настойчивые, обладающие состраданием, умением подбодрить и успокоить окружающих – такими предстали перед нами представители кадетских классов.

Таким образом, полученные нами данные в ходе исследования подтверждают выдвинутую гипотезу, что в кадетских классах существуют особенности общения и складывается демократический стиль.

Литература

1. Горянина, В.А. Психология общения / В.А. Горянина. – М.: Академия, 2004. – 416 с.
2. Истратова, О.Н. Психодиагностика: коллекция лучших тестов / О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. – Ростов н/Д.6 Феникс, 2006. – 375 с.
- 3.Нартова-Бочавер, С.К. Дифференциальная психология / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: Флинта, МПСИ, 2006. – 280 с.
4. Практикум по социальной психологии / Под ред. И.С. Клециной. – СПб.: Питер, 2008. – 256 с.
5. Шапарь, В.Б. Практическая психология: психодиагностика групп и коллективов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 448 с.

Адаптация опросника для выявления мотивации у спортивных болельщиков

Марущак Н.В.⁶⁶

Студент

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: rt@pisem.net

⁶⁶ Автор выражает признательность за помощь в подготовке тезисов кандидату психологических наук, доценту кафедры нейро- и патопсихологии психологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова Ениколопову С.Н.

Секция «Психология»

Футбольное хулиганство стало глобальным явлением и является одной из главных проблем современного общества, которая затрагивает и простых обывателей, далеких от спорта. В "околофутбольные" беспорядки вовлекаются и политики (война в Центральной Америке, начало распада Югославии) и обычные люди. К сожалению, исследований футбольного хулиганства и вандализма очень мало. По данным Д.Ванна и его коллег, только 4% всех исследований, опубликованных в спортивных психологических и социологических журналах, были посвящены исследованиям болельщиков. В России же по тем или иным причинам подобные исследования вообще никогда не проводились.

Главным "двигателем" хулиганов является агрессия по отношению к болельщикам команды соперника. Основным стимулом к агрессивным действиям в данном случае служит фрустрация, которая определяется как блокирование или создание помех для какого-либо целенаправленного поведения.

Фрустрирующие ситуации возникают, конечно же, не только на футбольном матче (например, в случае проигрыша любимой команды). Они преследуют каждого человека и в повседневной жизни. Но не всегда он может "сорвать зло" непосредственно на том, кто его фрустрировал, из-за возможности наказания. Поэтому часто в случае с агрессивными действиями имеет место смещение агрессии.

Естественно, что беспорядки устраивают далеко не все болельщики, пришедшие на стадион. Обычно это делают люди, привыкшие реагировать на фрустрирующие их ситуации агрессивно. В их случае агрессия представляет собой приобретенную в процессе научения модель социального поведения. Социальное научение предполагает проявление агрессии людьми только в определенных социальных условиях, способствующих подобному поведению. Футбольный матч создает именно такие условия, поэтому для агрессивных действий футбольный стадион – благоприятное место.

Во-первых, фаната привлекает безнаказанность. Он – часть толпы и ведет себя "как все". Здесь имеет место так называемый феномен деиндивидуализации, когда нормативное сдерживание значительно ослабевает.

Во-вторых, сама атмосфера на стадионе, когда все скандируют, поют песни, устраивают бурные овации красиво забитому мячу и освистывают соперников, способствует проявлению агрессии. И если кто-то начинает вести себя агрессивно, всегда найдутся хотя бы несколько человек, которые вслед за ним поведут себя подобным образом. В этом случае можно наблюдать феномены заражения и подражания.

Для понимания феномена футбольного фанатизма и хулиганства необходимо выяснить, какие факторы отвечают за интерес людей к спортивным соревнованиям вообще и к футболу в частности. Поэтому нами была адаптирована методика Д. Ванна "Sport Fan Motivation Scale" (SFMS). Важно отметить, что в данном исследовании принимали участие спортивные болельщики в широком смысле этого слова, то есть не только поклонники футбола.

По мнению Д. Ванна, можно выделить 8 основных факторов, влияющих на интерес человека к наблюдению разного рода спортивных соревнований: положительное психологическое напряжение (eustress); чувство собственного достоинства (self-esteem); уход от жизненных проблем (escape); фактор развлечения (entertainment); экономический фактор (economic); эстетический фактор (aesthetic); принадлежность к группе (group affiliation); фактор семьи (family needs). Все они нашли подтверждение в исследованиях, проведенных как самим Д.Ванном, так и другими зарубежными исследователями с помощью разработанной им методики.

По итогам нашего пилотажного исследования мы получили практически те же факторы, отвечающие за мотивацию российских спортивных болельщиков, за исключением фактора развлечения. Также стоит отметить, что экономическому фактору было присвоено название "фактор азарта", т.к. его следует понимать в более широком

Секция «Психология»

смысле, нежели просто как получение некоторой материальной выгоды в результате успешных ставок на исход соревнования.

Среди полученных нами факторов основными можно назвать факторы психологического напряжения и азарта, а также эстетический фактор. Можно предположить, что они являются ведущими по отношению к остальным. То есть, например, такие мотивации, как "принадлежность к группе" и "уход от проблем" (характерные для футбольных фанатов) редко встречаются отдельно от мотивации к психологическому напряжению.

Существенной связи главных факторов с такими демографическими характеристиками, как пол, возраст, социальное и семейное положение, выявлено не было. Респонденты, которые показывали низкие результаты по основным факторам, обычно демонстрировали низкую заинтересованность в наблюдении за спортивными соревнованиями вообще.

Важно отметить, что корреляционный анализ факторов, выделенных у Д.Ванна, и факторов, получившихся в данном пилотажном исследовании показал отсутствие какой-либо связи между ними. Этому факту можно дать два объяснения:

- в оригинальном опроснике Д.Ванна плохо сгруппированы факторы, т.к. в каждый фактор автор помещает слишком прямые вопросы, на которые можно ответить вполне однозначно. Это лишает возможности увидеть наличие связей между факторами;

- факторы не совпали вследствие перехода от иностранной выборки к российской. Это может быть связано с принадлежностью испытуемых к различным культурам. Вполне возможно, что за рубежом болельщики относятся к спортивным соревнованиям не совсем так, как у нас в стране.

Методика Д.Ванна была успешно адаптирована нами для работы с российскими спортивными болельщиками. В дальнейшем ее вполне можно будет применить для исследования футбольных хулиганов. Важно учесть некоторые недостатки, к которым в первую очередь стоит отнести отсутствие в методике пунктов, направленных на выявление какой-либо агрессии у болельщиков.

Литература

1. Cohen A., Avrahami A. Soccer fans' motivation as a predictor of participation in soccer-related activities: an empirical examination in Israel // *Social behavior and personality* – 2005 – 33 (5) – p. 419-434
2. Wann D. L. Preliminary validation of the Sport Fan Motivation Scale // *Journal of sport & social issues* – November 1995 – p. 377-396
3. Wann D. L., Schrader M. P., Wilson A. M. Spor Fan Motivation: Questionnaire validation, comparison by sport, and relationship to athletic motivation // *Journal of sport behavior* – 1999 – Vol. 22, № 1 – p. 114-139
4. Андреева Г. М. Социальная психология // М.: Аспект Пресс – 1999 – 375 с.
5. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия // СПб: Питер – 2001 – 328 с.
6. Крэйхи Б. Социальная психология агрессии // СПб.: Питер – 2003 – 336 с.
7. <http://ru.wikipedia.org/> (*Википедия – свободная энциклопедия*)

Волевой компонент психологической готовности к профессиональной спортивной деятельности

Матушанская А.Г.

ассистент

***Казанский государственный энергетический университет,
институт экономики и социальных технологий, Казань, Россия***

E-mail: asya8621@rambler.ru

С принятием постановления Совета министров СССР в 1988 году "О совершенствовании управления футболом, другими видами спорта и дополнительных

мерах по упорядочению содержания команд и спортсменов по основным видам спорта" в нашей стране было официально зарегистрировано такое явление, как «профессиональный спорт». За прошедшие 20 лет профессия «спортсмен» заняла свое место среди других профессий и популярность данного вида деятельности постоянно растет. При общих чертах с другими профессиями в рамках спортивной деятельности вся система профессионального становления личности имеет свои особенности, что, безусловно, накладывает свою специфику на развитие спортсмена как будущего профессионала. Однако исследований, посвященных этому новому виду профессиональной деятельности, недостаточно. В частности, мало исследован такой аспект, как психологическая готовность к профессиональной спортивной деятельности.

Исследователями выделяются различные компоненты психологической готовности к профессиональной деятельности, в основном это мотивационный, волевой и когнитивный компоненты, которые и были рассмотрены в данном исследовании. Для изучения мотивационного компонента использовалась методика «Изучение мотивов занятий спортом» В.И. Тропинникова[1], а также ее модификация, составленная с учетом необходимости изучения мотивов занятий спортом в качестве профессиональной деятельности. Для изучения когнитивного компонента готовности к профессиональной спортивной деятельности использовалась методика изучения самооценки С.А.Будаси[2], модифицированная для изучения профессиональной самооценки. Кроме того, была разработана авторская анкета. Выбор методик для изучения *волевого* компонента психологической готовности обосновывается данными предшествующего пилотажного исследования волевых качеств личности подростков и юношей, занимающихся спортом. Системообразующими качествами в системе волевых качеств личности юных спортсменов оказались показатели самоконтроля и настойчивости. Именно данные качества рассматривались при изучении волевого компонента в настоящем исследовании и диагностировались с помощью опросника Е.П.Ильина и Е.К.Фещенко [3] для оценки настойчивости и методики диагностики способности к самоуправлению Н.М.Пейсахова [4].

Эмпирическую базу исследования составили данные диагностики спортсменов подросткового и юношеского возрастов (мужского пола) - учеников ДЮСШ «Рубин» г. Казани (50 человек). В качестве объективных внешних критериев психологической готовности к профессиональной спортивной деятельности были выделены стаж занятий спортом (или год обучения в школе спортивной подготовки) и экспертные оценки, данные спортсменам тренерами ДЮСШ «Рубин». Рассмотрение структуры готовности, выделенной по критерию стажа спортивной деятельности, показало, что с возрастом данная структура действительно становится более сформированной, однако экспертные оценки с возрастом становятся достоверно ниже. Кроме того, оказалось, что стаж занятий спортом влияет на некоторые компоненты готовности к профессиональной деятельности, в частности, - на мотивационный компонент, но не на всю структуру в целом. Поэтому, несмотря на свою значимость, стаж занятий спортом не может рассматриваться как главный внешний критерий готовности к профессиональной спортивной деятельности. В качестве наиболее адекватного критерия готовности целесообразно применять экспертные оценки.

Волевой компонент структуры готовности к профессиональной деятельности в целом рассматривается исследователями как совершение эффективных действий по достижению цели, самоконтроль и умение управлять своими действиями[5]. Анализ результатов исследования показывает, что с повышением уровня экспертной оценки повышается и выраженность «настойчивости». Кроме того, повышается выраженность следующих звеньев способности к самоуправлению: «анализ противоречий», «критерии успеха» и «принятие решения», а также немного понижается выраженность следующих звеньев: «целеполагание», «планирование», «самоконтроль». Таким образом, для более готовых к профессиональной спортивной

деятельности спортсменов характерна выраженность лишь некоторых составляющих волевого компонента (таких как «настойчивость», «анализ противоречий», «критерии успеха», «принятие решений»). Вероятно, такие составляющие, как «целеполагание», «планирование», «самоконтроль» включаются в исследуемую структуру волевого компонента готовности к профессиональной спортивной деятельности в последнюю очередь.

С повышением экспертной оценки структура волевого компонента в целом интегрируется, что говорит о большей развитости у спортсменов с высокими экспертными оценками способности к самоуправлению. Примечательно также, что при рассмотрении структур волевого компонента в выборках, выделенных по критерию стажа спортивной деятельности (или году обучения в школе спортивной подготовки, что в данном случае равняется возрасту) выявилась тенденция, отмеченная также и в пилотажном исследовании: общая структура волевых свойств личности с возрастом становится более гибкой. При этом у лиц, не занимающихся спортом, распад структуры менее выражен. По-видимому, волевые качества изначально формируются в общей структуре, со временем происходит их дезинтеграция, на которую также влияют и занятия спортом.

Таким образом, проблема готовности к профессиональной спортивной деятельности (в частности, рассмотрение волевого компонента данной готовности как совершение эффективных действий по достижению целей профессии, самоконтроль и умение управлять действиями), безусловно, требует дальнейшей разработки, необходимой для решения вопросов профессиональной подготовки в целом, профессионального отбора и профессиональной адаптации.

Литература

1. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы/Е.П.Ильин.- СПб.: Питер, 2006.-512с.
2. Марищук В.Л. Методики психодиагностики в спорте: Учеб. Пособие для студентов пед.институтов по спец. «Физ.культура»/В.Л.Марищук, Ю.М.Блудов, В.А.Плахтиенко, Л.К.Серова. - 2-е изд., доп. и испр. –М.: Просвещение, 1990.-256с.
3. Ильин Е.П. Психология воли/Е.П.Ильин. -- СПб.:Питер, 2000. -288с.с.39
4. Пейсахов Н.М. Практическая психология: (Науч.основы)/Н.М.Пейсахов, М.Н.Шевцов. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1991. – 119с.
5. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности/ М.И.Дьяченко, Л.А.Кандыбович.--Мн., Изд-во БГУ, 1976. --176 с.

Особенности общения школьников при профильном обучении (оборонно-спортивное направление)

Мартынова Е.В.

студентка 3 курса

*Автономная некоммерческая образовательная организация «Межрегиональный открытый социальный институт», психологический факультет, г. Йошкар-Ола, Россия
koratos1@gmail.com olga630705@yandex.ru*

Изучение природы межличностных отношений – непростая задача. В своей работе мы попытались решить одну достаточно важную задачу – исследовать процесс влияния профильного обучения на взаимоотношения школьников в их повседневной совместной деятельности. Исследование проводилось в профильных классах оборонно-спортивного направления (кадетские классы): в восьмом классе средней общеобразовательной школы п. Советский и одиннадцатом классе средней общеобразовательной школы п. Медведево Республики Марий Эл. В исследовании приняли участие 50 школьников.

Будущая профессиональная деятельность предъявляет определенные требования к уровню развития мышления, памяти, восприятия и общения. Так, например, человек, чья профессиональная деятельность относится к профессии типа «человек-человек», должен

обладать гуманистической направленностью. Такой профессионал обладает особой чувствительностью к проявлениям душевной деятельности другого человека, его ума и характера. Особенности профессионального общения проявляются в речи, стиле общения, значимости ролей руководитель-подчиненный, в решении проблем, конфликтов и во многом другом [1].

Не менее важным условием, обеспечивающим успешность межличностного общения, является учет специфики взаимодействия общающихся в кадетских классах. Нормативные требования уставов и воинских законов способствуют выбору в первую очередь авторитарного стиля. Жесткий упор на авторитарный стиль может давать негативный эффект - рост агрессивности и враждебности во взаимоотношениях, которые могут выплескиваться на самого слабого члена коллектива. Демократический стиль часто обеспечивает высокое качество деятельности в коллективе. Подчиненные оказываются способны к самостоятельности и инициативности в своих действиях, у них развивается творческий подход к делу. Взаимоотношения в большей степени ориентированы на дружбу и войсковое товарищество [3].

Готовность к профессиональному общению начинает формироваться уже в кадетских классах, так как по внешним особенностям общения эти классы стараются приблизить к общению военнослужащих. Кадеты имеют форму, отдают честь, приветствуя других военных. Ученики кадетских классов проходят через военно-спортивные сборы, рапортуют, выполняют приказы, сами отдают приказы, так как есть отделения и взвод, старшие по отделениям и взводные.

Кадеты добровольно проходят школу становления языковой личности в условиях такой социальной организации, которая жестко регламентирует все стороны жизни индивидов. Типичная ситуация, которая предполагает функционирование рапорта/доклада как жанра устного общения, заключается в необходимости сообщить, доложить какую-либо информацию небольшого объема и актуальную только на данный короткий отрезок времени. Система отношений в данном случае обусловлена ролевой иерархией. В случае подчинения на первый план выступают именно ролевые, деятельностные отношения и доминирующими становятся регламентные формы регуляции. Устав воплощает в себе детальную регламентацию речевых действий, вплоть до мельчайших подробностей. Эта регламентация выражается в установленных формах речевого обращения командира к подчиненному, формах приветствия, просьбы, представления и прощания, в использовании команды [5].

Мы предположили, что в кадетских классах будет формироваться демократический стиль общения, так как несмотря на официальную форму общения и жесткую дисциплину, главной целью формирования таких классов является развитие патриотизма, товарищества и взаимной ответственности. Для диагностики особенностей общения были подобраны следующие методики: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири [2] и диагностика межличностных отношений А.А. Рукавишникова [4].

В результате исследований по методике А.А. Рукавишникова было выявлено, что у мальчиков и девочек наблюдается высокий уровень аффекта, а это типично для лиц, которые требуют, чтобы все остальные устанавливали с ними близкие эмоциональные отношения. Также школьников характеризует низкий уровень контроля, что говорит о стремлении брать на себя ответственность, но неумении контролировать свои возможности.

По методике Т. Лири были получены следующие результаты. Всю группу (восьмой класс) характеризует способность к взаимопомощи и общительности, также группа способна брать на себя ответственность. Мальчики склонны к доминантности, независимости, проявляют лидерские качества. Группа показала низкие результаты по шкале «негативизм», что говорит о доброжелательности и внимательности к другим людям. Девочкам свойственна эмоциональная устойчивость, терпимость к недостаткам других. Два основных показателя (дружелюбие и доминирование) относятся к первой

Секция «Психология»

степени выраженности, это показывает адаптивность по отношению к другим людям. В одиннадцатом классе ведущими особенностями общения являются деловитость и стремление заботиться о близких. У юношей проявляются лидерские качества наряду с критичным отношением к себе. Девушкам свойственны терпимость к недостаткам других и стремление заботиться о близких. Вся группа также имеет низкие результаты по шкале «негативизм».

Сравнив два класса, мы можем сказать, что в обоих кадетских классах прослеживается способность к взаимопомощи и демократичности. Ответственные по отношению к людям, деликатные, добрые, бескорыстные и отзывчивые, уверенные в себе, упорные и настойчивые, обладающие состраданием, умением подбодрить и успокоить окружающих – такими предстали перед нами представители кадетских классов.

Таким образом, полученные нами данные в ходе исследования подтверждают выдвинутую гипотезу, что в кадетских классах существуют особенности общения и складывается демократический стиль.

Литература

1. Горянина, В.А. Психология общения / В.А. Горянина. – М.: Академия, 2004. – 416 с.
2. Истратова, О.Н. Психодиагностика: коллекция лучших тестов / О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 375 с.
3. Нартова-Бочавер, С.К. Дифференциальная психология / С.К. Нартова-Бочавер. – М.: Флинта, МПСИ, 2006. – 280 с.
4. Практикум по социальной психологии / Под ред. И.С. Клециной. – СПб.: Питер, 2008. – 256 с.
5. Шапарь, В.Б. Практическая психология: психодиагностика групп и коллективов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 448 с.

К вопросу о состоянии фрустрации у спортсменов

Некраш Е.Н.

Студент

*Белорусский государственный университет физической культуры,
спортивно-педагогический факультет массовых видов спорта, Минск, Беларусь
E-mail: dakrash@mail.ru*

Исходя из понятия фрустрации как психического состояния, Левитов Н.Д., дает ей такое определение: «фрустрация – состояние человека, выражающееся в характерных особенностях переживаний и поведения и вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так понимаемыми) трудностями, возникающими на пути к достижению цели или к решению задачи».

Б. Кретти, Р. Мартенс, Д. Джил, Дж. Силва, Р. Уэйнберг и Д. Гоулд установили, что спортсмены находятся в состоянии фрустрации, когда: 1) проигрывают; 2) воспринимают судейство как несправедливое; 3) испытывают беспокойство; 4) испытывают физическую боль; 5) выступают ниже своих возможностей.

При низком фрустрационном пороге (низкой толерантности) проявляется деструктивное воздействие этого психического состояния на спортсмена: нарушается тонкая координация, когнитивная ограниченность (спортсмен не видит альтернативных путей или другой цели), эмоциональное возбуждение с частичной утратой контроля над собой и ситуацией, генерализуется агрессия.

Для выявления наиболее стрессогенных соревновательных ситуаций, вызывающих фрустрацию, было проведено исследование с участием 40 спортсменов: из них 20 девушек в возрасте 16-20 лет и 20 юношей в возрасте 16-21 года. Исследование проводилось с помощью методики Р. Фрестера «Соревновательные стресс-ситуации» и «Метода рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга.

Секция «Психология»

«Методом рисуночной фрустрации» С. Розенцвейга установлено, что у юношей доминирующим направлением реакции во фрустрирующей ситуации является импунитивная (фрустрирующая ситуация рассматривается как нечто незначительное или неизбежное, преодолемое «со временем», обвинение окружающих или самого себя отсутствует).

У девушек доминирующим направлением реакции во фрустрирующей ситуации является также импунитивная.

Используя методику Р. Фрестера «Соревновательные стресс-ситуации» выявлено, что у юношей наиболее стрессогенными соревновательными ситуациями ($12,35 \pm 0,51$) являются объективные ситуации соревнования, влияние которых растет с повышением мастерства и соревновательного опыта спортсмена (незнакомый соперник, плохое оснащение соревнований, отсрочка старта, неожиданно высокие результаты соперника, зрительные, акустические и тактильные помехи, неудача на старте).

У девушек наиболее стрессогенными соревновательными ситуациями ($12,9 \pm 0,42$) являются ситуации «успеха-неудачи» и стабильности вегетативных функций (предыдущие неудачи, предшествующие поражения от данного соперника, чрезмерное волнение перед соревнованием, плохой сон накануне, плохое физическое самочувствие).

Исходя из полученных данных можно сказать, что юноши более устойчивы к воздействию соревновательных стресс-факторов, так как набрано меньшее количество баллов по шкалам методики Р. Фрестера.

Доминирующая импунитивная реакция во фрустрирующих ситуациях, как у юношей, так и у девушек свидетельствует об адаптации к соревновательным условиям.

Фрустрация – состояние неприятное и напряженное, следовательно, есть стремление избавиться от него. Для этой цели человек чаще всего использует защитные механизмы психики. Одним из механизмов является воображение. Спортсмен, потерпев неудачу в процессе осуществления своих целей, может создавать воображаемые ситуации, в которых осуществляет свои желания и цели. Компенсаторная функция воображения помогает сохранить психическое здоровье. Другая форма защиты – регрессия, заключается в том, что спортсмен бессознательно стремится вернуться к предыдущим уровням своего развития, ищет в них защиты от фрустратора. Одним из важнейших и повседневно используемых людьми защитных механизмов является реакция вытеснения из сферы сознания неприемлемых для моральных установок личности мыслей и желаний, неприятных событий. Защитным механизмом может выступать агрессия. Выражением слабости фрустрированной личности является механизм идентификации с агрессором, фрустрирующее влияние которого человек не в состоянии устранить. Важным механизмом защиты является рационализация, псевдопереосмысление ситуации. Если нет возможности достичь целей, человек успокаивает себя, «усматривая» в недостижимых целях массу недостатков, которые раньше игнорировались, или отказывается от них как недостойных столь больших трат.

Стратегия преодоления фрустрации характеризуется быстрым переходом от спокойного рационального анализа ситуации к энергичным действиям по достижению цели. Успешному разрешению ситуации способствует устранение избыточной реакции на неудачи и внушение уверенности в своих силах. Для этого используется самовнушение и самоубеждение.

В практике спорта чаще всего используются разновидности психической саморегуляции: аутогенная, психорегулирующая, психомышечная и идеомоторная тренировки. Эффективным средством является быстродействующая, простая и не имеющая противопоказаний методика С-КР, разработанная и апробированная В.Л. Марищуком.

Литература

1. Левитов Н.Д. (1967) Фрустрация как один из видов психического состояния // Вопросы психологии, №4.

Секция «Психология»

2. Прохоров А.О. (2004) Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. проф. А.О. Прохорова. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Речь, 2004.
3. Хекалов Е.М. (2003) Неблагоприятные психические состояния спортсменов, их диагностика и регуляция: Учебное пособие. М.: Советский спорт, 2003.
4. Юров И.А. (2006) Психологическое тестирование и психотерапия в спорте. М.: Советский спорт, 2006.

К вопросу о волевых качествах спортсменов.

Петракова Ю. Г.

*Студентка Белорусского государственного университета физической культуры,
спортивно-педагогический факультет массовых видов спорта,*

Минск, Белоруссия

E-mail: gandjubaska@mail.ru

А.Ц. Пуни [3], К.П. Жаров [1], П.А. Рудик [4], Е.П. Ильин [2] уделяли большое внимание вопросам волевой подготовки. Волевая подготовка – одна из важнейших сторон психологической подготовки спортсмена. Она направлена на формирование воли как высшего сознательного саморегулирования человеком своего поведения и деятельности, связанного с затратой волевых усилий при преодолении препятствий и для достижения поставленной цели. Спортсмен должен управлять своими действиями, мыслями, переживаниями для достижения высоких результатов в избранном виде спорта, опираясь на определенные волевые качества, которые обеспечили бы ему успех [1].

Для определения уровня волевой подготовленности спортсменов было проведено исследование с участием 40 спортсменов, из них 20 - занимающихся дзюдо и 20 - пулевой стрельбой. Спортсмены являются учащимися Минского государственного областного училища олимпийского резерва и студентами Белорусского государственного университета физической культуры, постоянно посещающие тренировки и выступающие на соревнованиях.

Для определения уровня волевой подготовленности спортсменов была использована методика «Самооценка волевых качеств студентов-спортсменов», разработанной Н.Е. Стамбуловой. Результаты методики были обработаны по шкалам: «Целеустремленность», «Смелость и решительность», «Настойчивость и упорство», «Инициативность и самостоятельность», «Самообладание и выдержка».

По шкале «Целеустремленность» у стрелков средний уровень результатов как по выраженности ($19,1 \pm 0,84$), так и по генерализованности ($19,25 \pm 0,95$) свидетельствует о наличии у спортсменов ясных целей и задач, способности наметить еще более высокие и сложные цели, а так же умение подчинять свою деятельность их достижению, объективно оценивать результаты своих действий, корректировать решаемые задачи. Низкий уровень развитости целеустремленности у дзюдоистов (выраженность: $18,55 \pm 0,88$, генерализованность ($17,75 \pm 0,87$)) показывают, что у спортсменов не в полной мере проявляются и другие волевые качества, особенно при встрече с трудностями, требующими проявления волевых усилий. Поэтому целеустремленность занимает особое положение в волевой подготовке спортсменов, является связующим звеном в волевой деятельности, объединяя все волевые качества, повышая эффективность их проявления.

По шкале «Смелость и решительность» стрелки и дзюдоисты продемонстрировали средний показатель выраженности ($19 \pm 0,81$ против $19,2 \pm 0,93$; $P > 0,05$) и генерализованности ($22,3 \pm 0,99$ против $22,55 \pm 0,75$; $P > 0,05$) свидетельствует о способности спортсменов самостоятельно и своевременно находить и принимать обдуманные решения вопросов и задач, возникающих в процессе деятельности, реализации решений в напряженные моменты борьбы (стрельбы), не боясь принять на себя ответственность, активно действовать в условиях риска и опасности для достижения цели. Решительность и смелость способствуют выполнению сложного технического приема.

Секция «Психология»

По шкале «Настойчивость и упорство» результаты дзюдоистов на среднем уровне. Показатель выраженности ($19,25 \pm 0,92$) говорит о проявлении воли в достижении намеченной цели, преодолении препятствий, несмотря на временные неудачи. Показатель генерализованности ($19,25 \pm 0,93$) свидетельствует о настойчивом и постоянном стремлении не уходить от трудностей в любом деле, не только в спорте. Можно сказать, что дзюдоисты успешно совмещают занятия спортом с учебой, работой, что требует от них высокой личной ответственности. Низкий уровень выраженности ($18,85 \pm 0,8$) и генерализованности ($18,65 \pm 1,17$) у стрелков может свидетельствовать о том, что им сложнее, чем дзюдоистам переносить неудачи и поражения, а во время соревнований им сложнее побороть нарастающее утомление. Не все стрелки способны бороться до конца, через «не могу», когда ситуацию невозможно изменить. Конечно, сказывается то, что борьба характеризуется непосредственным контактом с соперником, а в стрельбе нет.

По шкале «Инициативность и самостоятельность» средний уровень выраженности ($23,45 \pm 0,75$; $P > 0,05$) и средний генерализованности ($22,25 \pm 0,54$; $P > 0,05$) у дзюдоистов свидетельствует о проявлении качества в различных жизненных ситуациях, умении организовать свою деятельность, вносить в нее творчество, не поддаваться влиянию людей, но оно неустойчиво проявляется, что порой может негативно повлиять на исход соревнований, если спортсмен нуждается в помощи тренера в сложной обстановке, а его нет рядом. Стрелки же, наоборот, зная свои индивидуальные особенности и видя, что что-то идет не так, меняют намеченный план (тактику) самостоятельно, что повышает их спортивное мастерство. Это видно по результатам выраженности ($19,5 \pm 1,13$) и генерализованности ($21,7 \pm 1,01$) волевых качеств (инициативности и самостоятельности).

По шкале «Выдержка и самообладание» стрелки продемонстрировали средний уровень. Об этом свидетельствуют результаты выраженности ($23,05 \pm 0,59$; $P > 0,05$) и генерализованности ($24,15 \pm 0,65$; $P > 0,05$) качеств. Это говорит о способности управлять своими чувствами, мыслями, действиями в условиях эмоционального возбуждения или подавленности, нарастающего утомления, неожиданных трудностей, неудач и других неблагоприятных факторов. Дзюдоистами были продемонстрированы показатели ниже, чем у стрелков, но так же относящиеся к среднему урону выраженности ($20,15 \pm 0,93$) и генерализованности ($20,00 \pm 0,98$). Выдержка и самообладание во всем многообразии проявляются в условиях соревнований, особенно в поединках с равным соперником (дзюдо) и в финале (стрельба), когда необходимо правильно распределить свои силы, реализовать намеченный тактический план. В пылу соревновательного азарта спортсмен рассуждает здраво, управляет чувствами и действиями и составляют психологическую сущность выдержки и самообладания.

Для эффективности волевой подготовки необходимо воспитывать все волевые качества, но упор делать на тех, которые являются ведущими в избранном виде спорта.

Волевые качества «инициативность и самостоятельность» у спортсменов-дзюдоистов выражены больше, чем у спортсменов-стрелков. По мнению Ф.Генова [4] данные качества являются ведущими волевыми качествами в борьбе.

Волевые качества «выдержка и самостоятельность» имеют большую выраженность у представителей стрелкового спорта. А.Ц. Пуни [3] выделяет эти качества, как ведущие в данном виде спорта

Литература:

1. Жаров К.П. (1976) Волевая подготовка спортсменов. М.: Физкультура и спорт
2. Ильин Е.П. (2009) Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер
3. Пуни А.Ц. (1958) Воспитание воли спортсмена. Л.: КОИЗ
4. Рудик П.А. (1974) Психология. М.: Физкультура и спорт
- 5.

Креативность как ресурс преодоления соревновательного стресса.⁶⁷

***Попова В.В.*⁶⁸**

Аспирант

*Пермского Государственного Педагогического Университета Института Психологии,
Пермь, Россия*

E-mail: varushik@mail.ru

В условиях стремительного развития спорта одной из наиболее актуальных является проблема поиска ресурсных возможностей спортсмена. И центром внимания здесь все больше выступают психические возможности спортсмена, способного реализовать свой не только физический, но и психологический потенциал. Известно, что «в процессе подготовки к высшим результатам и участию в наиболее ответственных соревнованиях проявляются социальные, психологические, биохимические закономерности деятельности, которые не встречаются в других её видах, которые, в свою очередь, требуют от спортсмена оптимального развития определенных качеств, отвечающих запросам данной деятельности». Что обуславливает необходимость изучения спортсмена как целого.

В своей работе мы рассматривали ситуацию соревнований как экстремальную, для решения которой необходимо превысить порог своих возможностей. Спортсмену необходимы наиболее адекватные для него с одной стороны и позволяющие выиграть с другой стороны стратегии преодоления данной ситуации, то есть создать систему целенаправленного поведения по сознательному овладению ситуацией для уменьшения вредного влияния стресса.

При изучении литературы мы остановились на двух моментах, позволяющих нам обратиться к ресурсным возможностям преодоления стрессовой ситуации через возможность творчества: в тактической деятельности рассматривается нами как дивергентное мышление Дж. Гилфорда, а в момент максимального напряжения мы видим проявление личностных качеств, присущих креативным людям, позволяющих добиваться пиковых переживаний и максимальной концентрации на деятельности, что соответствует теориям гуманистического направления.

Исследование было проведено на материале сборной России по Киокушинкай карате. Нас интересовало представленности креативности в структуре индивидуальности спортсмена, а так же особенности индивидуальности.

Проведенное исследование подтвердило наше предположение, что показатели дивергентного мышления участвуют в тактических действиях спортсменов необходимые для эффективного ведения поединка. Так же черты личности, сопутствующие креативности: смелость, независимость, самостоятельность, самоконтроль, отчетливо выражены у спортсменов. Обнаруженные связи показателей беглости и гибкости с психомоторной сферой и пластичностью интеллектуальной, говорит о возможности спортсменов проведения выверенных тактически двигательных реакций с максимальной продуктивностью.

Интересен факт, что мужчины и женщины спортсмены практически не имеют различий в выраженности показателей по перечисленным выше чертам личности, что свидетельствует о том, что в условиях «мужского» спорта женщина приобретает специфичный для неё профиль личности, который противоречит образу «вечной женственности».

Влияние спорта высших достижений на приведенные свойства индивидуальности, говорит о воспитании в спорте не только необходимых для победы качеств, но и таких общественно важных характеристик, как смелость, независимость, самостоятельность.

⁶⁷ Тезисы доклада основаны на материалах исследования выпускной квалификационной работы ИП ПГПУ 2008г.

⁶⁸ Автор выражает признательность профессору, д.псих.н. Вяткину Б.А. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

Можно предположить, что ресурсом, который на данный момент дает креативность для развития профессионально важных качеств спортсмена являются чувствительность и самоконтроль, так как обнаружено влияние уровня креативности на данные черты личности. То есть действительно, если в тренировочном процессе обратить внимания на дивергентное мышление, то возможно его влияние на соответствующие характеристики индивидуальности, приводящее к их увеличению и гармонизации. Что позволит спортсменам увидеть новые стратегии преодоления стартового стресса.

Литература

1. Адлер Г. (2001) CQ, или мускулы творческого интеллекта. СПб: Питер.
2. Алымов А.Н. (2006) Обучающая программа по киокушинкай каратэ. Этап спортивного совершенствования. Пермь.
3. Василюк Ф. Е. (1986) Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство Московского университета.
4. Вяткин Б.А. (1974) Диагностика и регулирование психологического состояния спортсмена в соревнованиях. Пермь.
5. Вяткин Б.А. (2005) Избранные психологические исследования индивидуальности: теория, эксперимент, практика. Пермь: Книжный мир.
6. Вяткин Б.А. (2004) Психология предстартовых состояний в спорте. Пермь.
7. Гатанов Ю.Б. (1998) Развитие личности, способной к творческой самореализации // Психологическая наука и образование, №1.
8. Гогонов Е.Н. (2000) Психология физического воспитания и спорта. М: Академия.
9. Гордон С.М. (2003) Оценка личности спортсменов разных специализаций и квалификаций // Теория и практика спорта научно-популярный журнал, №2.
10. Горчаковская Е.С. (2001г) Особенности связи креативности со свойствами индивидуальности преподавателей художественно-эстетического цикла: диплом ПГПУ.
11. Де Боно Э. (1997) Латеральное мышление. СПб: Питер.
12. «Додзё. Боевые искусства Японии» // Научно популярный методический журнал, с 2000 года.
13. Дружинин В.Н. (1999) «Психология общих способностей. СПб.: Питер.
14. Закс Л.А. (1990) Мышление как творчество. Екатеринбург: изд. Уральского университета.
15. Ильин Е.П. (2000) Психология физического воспитания. СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцина.
16. Кон И.С. (1981) Психология половых различий // Вопросы психологии, №2.
17. Маляко В.А. (1995) Стратегии решения новых задач в процессе регуляции творческой деятельности // Психологический журнал №1, Том 16.
18. Маслоу А. (1999) Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл.
19. Меерович Д.М. (2001) Технологии творческого мышления. СПб: Питер.
20. Мей Р. (2001) Мужество творить. Львов: Инициатива.
21. Мерлин В.С. (1986) Очерк интегрального исследования индивидуальности. М: «Педагогика».
22. Москатова А.К., Воронцова М.Э. (2004) Интуитивная способность – предпосылка спортивного мастерства в бильярде // «Спорт», №3.
23. Нартова-Бочавер С. К. (1997) «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал, т. 18, № 5.
24. Родионов А.В. (1987) Влияние психологических факторов на спортивный результат. М.: «Физкультура и спорт».
25. Роджерс К. (1994) Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс.
26. Серавин А.И. (2005) Конвергентное, дивергентное и творческое мышление: специфика, определения и исследования // Психологическая газета, №7/8.

Секция «Психология»

27. Хазова С.П. (2002) Совладающее поведение одаренных старшикласников Кострома.
28. Шрагина В.А.(2001) Логика воображения. СПб: Питер.
29. Compas B. E. (1998) An agenda for coping research and theory: basic and applied developmental issues// International Journal of Behavioral Development, 22(2).
30. Lazarus R. S. (1996) Psychological stress and the coping process. N.-Y. Интернет ресурсы:
31. Сайт федераций каратэ России www.superkarate.ru

Формирование благоприятного психологического климата в спортивной команде

Румянцева Л.И.

студентка

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова,

факультет психологии, Якутск, Россия

E-mail: taptalpsy@mail.ru

Особое внимание в последнее десятилетие в психологии уделяется вопросам развития личности. Но при этом недостаточно раскрыть процесс развития личности в группе и ее отношение к другим членам группы, т.е. межличностные отношения в группе, в спортивной деятельности.

Спортивные команды всегда отличаются коллективизмом, товариществом, взаимопомощью, сплоченностью. Именно в спортивном коллективе рождаются дополнительная энергия, энтузиазм, столь необходимые для победы, то, что в социальной психологии именуется «групповым эффектом», а в практике спорта «чувством локтя».

Для спортивной команды особенно важен этот феномен «группового эффекта», выражающий в том, что объединяет людей, может способствовать увлечению или уменьшению индивидуального вклада спортсмена, энергии отдельных участников группы и существенно влиять на общий уровень совместной деятельности, на достижение групповой цели. Недаром исследование спортивных коллективов занимает центральное место в социально-психологической проблематике физического воспитания и спорта. Потребности спортивной практики требуют вооружения этими знаниями и будущих профессиональных кадров в области физической культуры.

Таким образом, актуальность проблемы исследования, ее недостаточная разработанность в спортивной и социальной психологии, теории физического воспитания и спорта, а также практическая значимость определили выбор темы курсовой работы.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке эффективности комплекса (технологии) психологических условий и динамики межличностных отношений в спортивной команде. Объектом исследования являются межличностные отношения в спортивной команде. Предметом исследования выступает динамика межличностных отношений в спортивной команде. Методы исследования: Опросник для оценки межличностных отношений в коллективе и индекса групповой сплоченности спортивной команды; методика изучения сплоченности в группе. Гипотеза исследования в том, что влияние психологического воздействия приводит к созданию благоприятного климата в группе, в данном случае к сплочению спортивной команды.

Практическая значимость исследования состоит в разработке динамики межличностных отношений; технологии процесса формирования благоприятного психологического климата в спортивной команде; результаты исследования могут быть рекомендованы в помощь тренерам-педагогам, учителям физической культуры.

Созданный нами комплекс психологических условий привел к формированию и развитию активного слушания, навыков снижения эмоционального напряжения у партнеров, атмосферы доверия, понимания и открытости, к расширению осознания участниками своих ощущений в команде.

Секция «Психология»

Для повторной диагностики спортивной команды юношей-боксеров после психологического воздействия мы использовали опросник для оценки межличностных отношений в коллективе и индекса групповой сплоченности спортивной команды.

Если сравнить результаты первой методики со вторым, то анализ результатов контрольного среза говорит о том, что в команде сложились такие качества межличностных отношений, как доверие, понимание, открытость, взаимная поддержка, взаимовыручка и т. д. Участники команды удовлетворены отношением товарищей по команде. В команде возникло подлинное единство и целостность коллектива, отражающее сплоченность. В основе сплоченности лежит единство целей, мотивов, взглядов, ценностей членов коллектива, их готовность и умение бороться за достижение общих целей, отстаивать ценности.

В первой части нашего исследования мы рассмотрели важные вопросы, связанные с теоретическими основами динамики межличностных отношений в спортивной команде. Здесь мы хотим отметить, что для создания благоприятного психологического климата, в данном случае приведения команды к сплочению большое значение имеют комплекс психологических условий (психологическое воздействие) и проведение психологического тренинга.

Вторую главу мы посвятили опытно-экспериментальному исследованию с целью приведения команды к сплочению. В качестве эксперимента проведена работа по выявлению уровня сплоченности в спортивной команде.

В заключении следует сказать, что создание благоприятного психологического климата для спортивной команды, приведение команды к сплочению необходимо для достижения высших результатов в соревнованиях. Сплоченный спортивный коллектив способен легче преодолевать трудности, мобилизовывать усилия, не допускать разногласий и конфликтов ни на тренировках, ни на соревнованиях, обеспечивать простор для развития возможностей каждого спортсмена. Объективно сплоченность спортивного коллектива проявляется в высоких стабильных результатах, в едином общественном мнении, сопереживании успехов и неудач, в высокой дисциплине, взаимопонимании, постоянстве состава.

Литература

1. Алаторцев В.А. Проблемы психологии спорта (сборник статей). – М.: 1971 г.
2. Андриенко Е.В. Социальная психология. – М.: 2004 г.
3. Богданова Д. Социально-психологическая характеристика спортивного коллектива.- Ленинград, 1977 г.
4. Гуменюк Н.П., Клименко В.В. Психология физического воспитания и спорта. – Киев, 1985 г.
5. Кричевский Р.Л., Рыжак М.М. Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. – М.: Изд-во МГУ, 1985 г.
6. Кретти, Брайент Дж. Психология в современном спорте. – М.: 1978 г.
7. Мартенс Р. Социальная психология и спорт. – М.: 1979 г.
8. Попов А.Л. Психология спорта. – М.: 1999 г.
9. Радионов А.В., Худаков Н.А. Психология и современный спорт. Международный сборник научных работ по психологии спорта. – М.: 1982 г.
10. Рудик П.А. Психология спорта. Сборник работ. – М.: 1959.

Анализ эффективности применения методов психологической саморегуляции в индивидуальных видах спорта

Сазонова Т.С.

студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии, Российская Федерация, Москва
E-mail: lira1901@yandex.ru*

Секция «Психология»

В современном спорте высших достижений спортсмену приходится преодолевать очень серьезные физические нагрузки для выхода на пик формы к международным соревнованиям. Разница в результатах, показанных спортсменами на финише (особенно это заметно в циклических видах спорта), минимальна. Поэтому для того, чтобы побеждать соперников, одной физической формы недостаточно, важными становятся такие качества, как упорство в достижении целей, выносливость, эмоциональная устойчивость, умение противостоять неблагоприятным условиям соревнований. Психологическая подготовка спортсменов становится немаловажным звеном в тренировочной деятельности. Должны использоваться адекватные методы достижения оптимального состояния, подчиняющиеся общей цели – предотвращению (профилактике) неблагоприятных функциональных состояний (ФС) или их коррекции.

Одним из самых действенных способов повышения работоспособности во время тренировочных занятий и формирования умения оптимизировать собственное состояние во время выступления на соревнованиях является использование методов психологической саморегуляции (ПСР) (Леонова, Кузнецова, 2007). Наиболее важная задача, встающая перед спортивными психологами, – повышение эффективности методов ПСР путем их подбора и адаптации к различным видам спорта, для этого требуется изучение специфики каждого вида, индивидуальных особенностей спортсменов.

Представленное исследование ставило своей целью проверку гипотезы о том, что наиболее эффективными будут те методы ПСР, которые актуализируют доминирующую сенсорную модальность образной сферы у спортсменов, принимающих участие в релаксационном тренинге.

В работах, посвященных исследованию влияния различных методик на ФС спортсмена, уже была показана разная степень оказанного ими воздействия, в том числе важной становится эмоциональная оценка сеанса саморегуляции спортсменом, его непосредственная реакция на приемы, используемые в данных методах (Барабанщикова, 2005; Ермолаева, Стрижак, Тер-Овасеян, 1992). Поэтому приоритетной задачей спортивной психологии является получение информации о том, применение каких методик управления состоянием будет наиболее эффективным в конкретном виде спорта, какая методика позволит достичь полного восстановления сил и последующей мобилизации спортсмена на выполнение соревновательной деятельности.

Для выявления доминирования модальности образной сферы был использован опросник «Образная сфера» А. А. Гостева (Гостев, 1992). Диагностика ФС спортсменов производилась с опорой на принципы структурно-интегративного подхода, который осуществляет оценку проявлений ФС на 3 уровнях: физиологическом, поведенческом и психологическом. На физиологическом уровне производилось измерение систолического и диастолического артериального давления и пульса (Леонова, Кузнецова, 2007). На поведенческом уровне необходимо измерить параметры деятельности или ее результаты. Вследствие этого был выбран теппинг-тест, который позволяет смоделировать определенный аспект деятельности спортсменов (Стрелков (ред.), 2003), а именно взрывную скорость и хорошую стартовую реакцию, которые необходимы для достижения высоких результатов в соревнованиях и которые являются общими для данных видов спорта (Викулов, 2004; Ермолаева, Стрижак, Тер-Ованесян, 1992). На психологическом уровне изучаются особенности эмоциональных процессов и субъективной оценки состояний. Проявления ФС на этом уровне были оценены с помощью методик «Шкала состояний» и «Шкала реактивной тревожности» Спилбергера (Стрелков (ред.), 2003).

Программа исследования включала 2 замера: до применения (фоновый) и после применения методов ПСР (итоговый).

В исследовании приняли участие две группы спортсменов: пловцы (20 человек) и легкоатлеты (бег) (12 человек). Возраст испытуемых от 13 до 16 лет. При описании особенностей данных видов спорта с помощью анализа деятельности методом построения аналитической профессиограммы были выделены у них профессионально-важные

Секция «Психология»

качества, которые указывают на преобладающее задействование у спортсменов данных групп разных сенсорных модальностей: визуальной – легкоатлеты (бег), кинестетической – пловцы. Поэтому важной составляющей исследования стало выявление реального соотношения доминирования той или иной модальности у выбранных групп спортсменов, а также вывод об эффективности воздействия на спортсменов различных, основывающихся на актуализации визуального или кинестетического образа, методов ПСР.

Обработка данных осуществлялась при помощи компьютерного статистического пакета “SPSS”, версия 12.0.5. Анализ данных спортсменов проводился с использованием следующих процедур статистической обработки данных: процедуры подсчета описательной статистики, дисперсионный анализ, непараметрический критерий сравнения парных выборок Вилкоксона.

Полученные результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Для спортсменов с доминированием кинестетической модальности образной сферы (пловцы) более эффективным является воздействие метода ПСР, который предполагает формирование яркого кинестетического образа (метод нервно-мышечной релаксации), что отразилось в позитивной динамике значений показателей ФС ($p \leq 0,05$).

2. Для спортсменов с доминированием визуальной модальности образной сферы (бег на короткие, средние и длинные дистанции) более эффективным является воздействие метода ПСР, который предполагает формирование яркого зрительного образа (метод сенсорной репродукции), что отразилось в позитивной динамике значений показателей ФС ($p \leq 0,05$).

3. Более того, при применении в группе пловцов метода ПСР, нерелевантного доминирующей для этого вида спорта сенсорной модальности, были получены результаты, свидетельствующие о значимых ухудшениях показателей самооценки состояния и результативности выполнения теппинг-теста.

Таким образом, представленные в данном исследовании выводы позволили подтвердить выдвинутую гипотезу и обосновать роль сенсорной модальности образной сферы в процессе оптимизации ФС спортсменов индивидуальных видов спорта.

Литература

1. Барабанщикова В. В. Модальность образной сферы как фактор оптимизации функциональных состояний профессионалов в процессе психологической саморегуляции. Кандидатская диссертация. – М.: 2005.
2. Викулов А. Д. Плавание. Учебное пособие для ВУЗов. – М.: ВЛАДОС – ПРЕСС, 2004.
3. Гостев А. А. Образная сфера человека. – М.: Институт психологии РАН, 1992.
4. Ермолаева М. В., Стрижак А. П., Тер-Ованесян И. А. Психологическая подготовка легкоатлетов: Практические рекомендации. – М.: Советский спорт, 1992.
5. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007.
6. Практикум по инженерной психологии и эргономике // Учебное пособие под ред. Ю. К. Стрелкова. – М.: Академия, 2003.

Социально-психологические особенности поведения футбольных фанатов

Тимакова А.С.

студент

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
факультет психологии, Ярославль, Россия*

E-mail: pavlova_a_s@mail.ru

Отклонение в поведении – девиантное поведение – является естественным условием развития человека, жизни всего общества. Актуальность данной проблемы объясняется тем, что девиантное поведение, понимаемое как нарушение социальных

Секция «Психология»

норм, футбольных фанатов приобрело в последние годы массовый характер и поставило эту проблему в центр внимания социологов, социальных психологов, работников правоохранительных органов.

Для объяснения причин отклоняющегося поведения в нашей работе был выбран подход, базирующийся на переживании противоречий у футбольных фанатов.

Актуальность исследования ролевого конфликта футбольных фанатов обусловлена рядом причин теоретического и практического характера. Увлечение футболом, посещение матчей, реализация творческого потенциала (придумывание различных акций в поддержку любимого клуба), возможные выезды в другие города, развитие ощущения личной независимости одновременно сокращают время общения, взаимодействия с родителями, сверстниками, любимой девушкой, что может приводить к ролевой перегрузке, напряжению и конфликту.

С целью эмпирического изучения ролевой напряженности футбольных фанатов в рамках нашей работы была поставлена задача разработки опросника, диагностирующего уровень ролевой напряженности.

Текст опросника состоит из 79 утверждений. Данные утверждения поделены на 8 шкал, которые демонстрируют взаимоотношения со следующими группами:

1. родители, семья
2. друзья, одноклассники, однокурсники
3. футбольные фанаты, болельщики
4. близкий и любимый человек
5. мои внутренние характеристики
6. правоохранительные органы
7. я как часть толпы
8. отношение к нормативным тенденциям в обществе

Опросник прошел статистическую проверку.

В первой части исследования мы сравнивали между собой 2 группы испытуемых:

1. футбольные фанаты, активно посещающие матчи, - 50 человек;
2. футбольные фанаты, у которых ограничен свободный доступ на матчи (курсанты Ярославской военной финансово-экономической академии) – 50 человек.

Сравнение достоверных различий между этими двумя выборками не выявило никаких различий. Такие результаты можно объяснить тем, что, по-видимому, происходит полная идентификация молодым людьми себя как членов субкультуры футбольных фанатов, независимо от способа поддержки любимого клуба.

Вторая часть исследования состояла в поиске корреляции между уровнем ролевой напряженности футбольных фанатов, уровнем личностной и ситуативной тревожности и уровнем нормативности поведения.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что уровень ролевой напряженности зависит от ситуации (уровень ситуативной тревожности, тревога как состояние). Высокие баллы по опроснику измерения ролевой напряженности получаются по шкалам, которые непосредственно связаны с ситуацией присутствия на стадионе во время матча (это и взаимодействия с другими футбольными фанатами, и отношения с правоохранительными органами).

Что касается взаимосвязи со шкалами опросника СОПа (нормативное поведение), то здесь получилась прямая зависимость между уровнем ролевой напряженности и уровнем склонности к агрессии и насилию. Т.е. чем выше уровень ролевой напряженности (независимо по какой шкале), тем выше уровень по шкале склонности к агрессии.

Это можно объяснить тем, что в современном обществе не поощряется проявление агрессии. Вследствие чего у молодого человека возникает напряжение оттого, что ему нужно и хочется выплеснуть накопившуюся энергию, но это запрещается. Молодой человек пытается выплеснуть энергию на стадионе во время матча, но даже здесь со всех

Секция «Психология»

сторон накладываются ограничения: правоохранные органы, друзья, любимая девушка и т.д. В результате таких запретов футбольные болельщики склонны проявлять свои эмоции в отклоняющихся от нормы, асоциальных поступках (драки, устраивание массовых беспорядков, порча имущества стадионов). Субкультура футбольных фанатов предполагает свободу действий, полный и жесткий контроль только подталкивает, провоцирует болельщиков на нарушение социальных норм.

Результаты исследования футбольных фанатов могут быть использованы:

1. для более полного и целостного социально-психологического портрета футбольного фаната;
2. советы и рекомендации для дирекции стадионов и для правоохранительных органов, зачастую неграмотное поведение и неправильные действия работников правоохранительных органов приводят к столкновениям фанатов между собой и с милицией.

Футбольный фанатизм – сложное социальное явление, имеющее в основе многие психологические явления. На футбольный фанатизм нужно смотреть как нечто большее, чем просто бездумное насилие.

Литература

1. Беседина П. Неформальные объединения и девиантное поведение в молодежной субкультуре. // Школа: день за днем. Педагогический альманах. №9, 2004.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2006.
3. Ерина С.И. Психология работы с населением в конфликтных ситуациях: учебное пособие. / С.И. Ерина; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2005.
4. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. – М.: ТЦ Сфера, 2003.
5. Социология молодежи. Под ред. В.Т. Лисовского. Из-во СПбГУ, 1996.
6. Шевчук В.Ф., Шевчук В.Д. Поведение / Под общей ред проф. В.В. Новикова. Монография. Ярославль: 2004.

Психологическое сопровождение профессиональной деятельности спортсменов (на примере хоккейной команды)

Федоткина Н.М.

студентка

*Воронежский Государственный Университет, факультет философии и психологии,
г. Воронеж, Россия
nafania.87@inbox.ru*

В настоящее время все больше говорят о том, что для подготовки спортсменов необходимо привлекать компетентных специалистов, способных грамотно спланировать и реализовать тренировочные программы. В связи с этим, тренерам рекомендуется постоянно повышать свои квалификации и привлекать к совместной работе знающих помощников, в том числе спортивных психологов. По нашему мнению, в спорте вопрос о привлечении именно психологов к работе со спортсменами является на данный момент актуальным и значимым, так как не все тренеры обладают психологической информацией и если даже и располагают ей, то зачастую не способны самостоятельно, без помощи специалистов, провести полноценную психологическую подготовку своих подопечных. Вместе с тем, лишь немногие спортивные школы (в том числе спортивные школы Олимпийского резерва) могут позволить себе иметь психолога в качестве постоянного штатного специалиста. Настоящая работа призвана показать важность психологического сопровождения профессиональной деятельности спортсменов и подвести некоторые итоги его осуществления на примере хоккейной команды.

Секция «Психология»

Стоит отметить, что подготовка спортсменов игровых видов спорта имеет свою специфику: в работе тренерам необходимо учитывать не только индивидуальные показатели отдельных игроков, но и анализировать в целом процессы, происходящие внутри команды. Это добавляет сложность при понимании тренером тех психологических закономерностей, которые отражают особенности развития команды как малой группы. Безусловно, он может грамотно спланировать тренировочные упражнения, провести физическую подготовку спортсменов, поддержать их во время игры, при этом тренер не сможет грамотно проводить психологическую диагностику и тренинговые занятия.

В связи с этим, необходимо рассмотреть, каким же образом работа психолога может быть включена в тренировочный процесс хоккейной команды и что именно может сделать психолог для оптимальной подготовки спортсменов.

Исходя из нашего практического опыта, мы считаем, что деятельность психолога в хоккейной команде может быть направлена на непосредственную работу с хоккеистами и на взаимодействие с тренерским штабом. При этом, если мы берем младшие возрастные группы, то к этому добавляется и общение с родителями юных спортсменов. Теперь подробно опишем, что конкретно делает психолог в каждом из этих направлений.

Работа психолога с родителями в основном складывается из индивидуальных консультаций, в рамках которых важно рассказывать о возрастных аспектах психологического и личностного развития их детей, а также раскрывать специфику межличностных отношений, складывающихся в спортивных коллективах.

Тренерам необходимо раскрывать особенности психологической совместимости хоккеистов, комплектования «пятерок» с учетом личностных качеств игроков. Наряду с этим, психолог дает рекомендации по результатам непосредственной работы со спортсменами, которые существенно помогают при подготовке к соревнованиям.

Непосредственная работа с хоккеистами основывается на исследовании их индивидуальных и личностных особенностей. Чаще всего эту информацию можно получить, используя опросные методы исследования, наблюдение, а также тестирование, т.е. с помощью применения психологической диагностики. Полученные данные, наряду с разработкой рекомендаций для тренеров, используются в процессе подготовки к индивидуальным консультациям со спортсменами. Вместе с тем, диагностика может быть направлена не только на изучение индивидуальных особенностей игроков, но и на исследование внутригрупповых процессов в команде в целом. Необходимо измерять сложившийся психологический климат в группе, социометрическую структуру спортивного коллектива и т.д. Наш практический опыт показывает, что использование одной психологической диагностики недостаточно для полноценной психологической работы со спортсменами. В связи с этим, мы считаем необходимым проведение групповых работ с хоккеистами в форме тренинговых занятий. Остановимся на этом подробнее.

Как правило, складывающиеся межличностные отношения в спортивной команде могут проявляться на трех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Следовательно, психологическая работа должна быть составлена с учетом воздействия на каждый из перечисленных уровней. На когнитивном уровне у хоккеистов необходимо формировать новые знания, позволяющие спортсменам принимать адекватные решения в складывающихся игровых ситуациях во время игры. На поведенческом уровне вырабатываются необходимые движения и схемы взаимодействия в «пятерках». Воздействуя на эмоциональный уровень, мы должны достичь оптимизации общего эмоционального фона в команде и гармонизации межличностных отношений спортсменов.

Следует отметить, что выбор подобной формы проведения групповой работы с хоккеистами не случаен, так как именно тренинг позволяет, во-первых, осуществить психологическое сопровождение тренировочного процесса, во-вторых, в таких занятиях

Секция «Психология»

эффективнее усваивается новая информация и вырабатываются необходимые профессиональные навыки.

Подводя промежуточный итог, следует заметить, что только комплексная работа, включающая и психологическую диагностику, и групповую работу, позволяет получить необходимый результат, т.е. эффективно подготовить спортсменов к соревнованиям и развить их личностный потенциал.

Таким образом, можно увидеть, что работа психолога очень важна в спорте, в частности в хоккее. Она необходима как тренеру, так и спортсменам. Чаще всего сама психологическая работа не видна внешним обывателям, тем не менее, ее необходимость осознается каждым спортивным специалистом. Поэтому мы считаем, что данная работа позволила еще раз аргументировать важность психологического сопровождения профессиональной деятельности спортсменов, а также указать на главные вопросы, которые стоят перед психологом, работающим с хоккейными командами.

Психотехнические упражнения в спорте

Хотулева М.С.

*Бакалавр психологии, студентка V курса кафедры психологии
Международный университет природы, общества и человека «Дубна»,
Дубна, Россия
E-mail: hotms@mail.ru*

Проведено эмпирическое исследование по изучению влияния психотехнических упражнений на социально-психологический климат, сплоченность спортивной команды и на эффективность спортивной деятельности. Объектом исследования являлась спортивная (баскетбольная) команда, состоящая из мужчин в возрасте 28-35 лет, которые тренируются вместе в течение семи лет и участвуют в районных соревнованиях. На основании изученной литературы, посвященной данной проблематике, а также изучению социально-психологического климата группы и групповой сплоченности, в исследовании проверялись две гипотезы. Во-первых, гипотеза о том, что социально-психологический климат команды и степень ее сплоченности влияют на внутрикомандные отношения и на успешность групповых выступлений. Во-вторых, гипотеза о том, что после проведения серии психотехнических упражнений в данной спортивной команде улучшатся взаимоотношения по горизонтали (система «спортсмен-спортсмен»), в результате чего изменятся в положительную сторону социально-психологический климат и групповая сплоченность команды.

Постановку проблемы данной работы определил запрос тренера по баскетболу, а также недостаток информации в соответствующей литературе, касающейся вопросов организации и формирования команды.

Актуальной проблемой стало то, что через несколько лет тренировок группа спортсменов, занимающихся вместе, не представляет собой команды, необходимой для выполнения групповой программы соревнований. Помимо того, что многие просто перестают посещать тренировки, из тех, кто продолжают тренироваться, для тренера не всегда представляется возможным составить группу.

Для проверки гипотез были использованы следующие методики:

1. Тест по изучению социально-психологического климата;
2. Социометрический метод Дж. Морено;
3. Психотехнические упражнения.

Особенность предлагаемого подхода – игровая форма коллективных упражнений.

Общее количество занятий – 20. Занятия проводились раз в неделю, продолжительность каждого из них – 45-60 минут. В ходе одного занятия проводилось 3-4 упражнения в зависимости от затраченного на них времени. Занятия начинались с приветствия, каждое упражнение сопровождалось обсуждением.

Секция «Психология»

Исследование условно можно разделить на три этапа:

Первичная диагностика:

1. Изучение социально-психологического климата с целью выявления его среднегрупповой оценки.

2. Социометрическое исследование, цель которого – диагностика межличностных отношений неформального типа, измерение степени сплоченности и показателей удовлетворенности своим положением в группе.

Проведение психотехнических упражнений (20 занятий):

- До тренировки (цель – создание групповой сплоченности, улучшение социально-психологического климата);

- После тренировки (цель – улучшение социально-психологического климата, снятие эмоционального и физиологического напряжения).

Вторичная диагностика (после проведения психотехнических упражнений):

1. Изучение социально-психологического климата с целью выявления его среднегрупповой оценки.

2. Социометрическое исследование, цель которого – диагностика межличностных отношений неформального типа, измерение степени сплоченности и показателей удовлетворенности своим положением в группе.

При анализе результатов исследования использовались статистические методы обработки, с помощью которых было выявлено следующее:

- после проведения психотехнических упражнений среднегрупповая оценка климата увеличилась, что свидетельствует об улучшении социально-психологического климата. Это было подтверждено с помощью непараметрического Т-критерия Вилкоксона;

- с помощью социометрического метода было определено количество положительных и отрицательных взаимовыборов до и после проведения психотехнических упражнений. До проведения упражнений в группе было шесть положительных взаимовыборов, по окончании занятий их число увеличилось до девяти.

- подводя итоги качественному изучению динамики, можно сделать вывод о том, что количество положительной динамики преобладает, что было подтверждено с помощью статистического многофункционального критерия F^* Фишера;

- показатели коэффициентов удовлетворенности (Куд) своим положением в группе увеличились, но изменения являются статистически не значимыми. Следует отметить, что имеется положительная динамика по средним значениям, что позволяет предположить о наличии тенденции к росту удовлетворенности своим положением в группе;

- после проведения психотехнических упражнений индекс групповой сплоченности увеличился, что свидетельствует о положительной динамике изменений;

- был составлен рейтинг психотехнических упражнений, наиболее способствующих достижению поставленной нами цели;

- необходимо отметить, что на данный момент, исследуемая баскетбольная команда поднялась в рейтинге на одну ступень выше (с седьмого на шестое место).

Таким образом, это также позволяет говорить о том, что психотехнические упражнения влияют на внутрикомандные отношения, что, в свою очередь, влияет на успешность групповых выступлений.

Литература

1. Большой психологический словарь/Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко, – СПб: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
2. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Учебное пособие. – М.: Издат-во «Ось-89», 1999. – 176 с.

Секция «Психология»

3. Хотулева М.С. Влияние психотехнических упражнений на социально-психологический климат и сплоченность спортивной команды // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2009, №1 (www.psyanima.ru)
4. Цзен Н.В., Пахомов Ю.В. Психотренинг: игры и упражнения. М., Физкультура и спорт, 1988 – 270 с.

Роль физической культуры в развитии творческого потенциала как фактора психологического здоровья личности младших школьников

Шмарева Е.А.

соискатель

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

E-mail: sea_04@mail.ru

Двигательная активность в жизни человека является фактором активной биологической стимуляции, фактором совершенствования механизмов адаптации, фактором не только физического, но и интеллектуального развития. Двигательная активность благоприятно воздействуют на перцептивные, мнемические и интеллектуальные процессы. Современная физическая культура выполняет важные социальные функции по оптимизации физического состояния населения, организации здорового образа жизни, подготовке к жизненной практике. Она, как и любая сфера культуры, предполагает, прежде всего, работу с духовным миром человека – его взглядами, знаниями и умениями, его эмоциональным отношением, ценностными ориентациями, его мировоззрением и мировоззрением применительно к его телесной организации. Одна из главных причин того, что физическая культура не всегда является основной потребностью человека - это смещение акцента при её формировании на двигательные компоненты в ущерб интеллектуальному и социально-психологическому. Следовательно, необходимо по-иному взглянуть на проблему формирования физической культуры человека, на её теоретические основы, потому что этого требуют современные условия развития нашего общества. Ведь ценность физической культуры для личности и всего общества в целом, её образовательное, воспитательное, оздоровительное и общекультурное значение заключается именно в формировании здорового образа жизни, развитии телесных и духовных сил. В современном обществе востребован здоровый, социально адаптированный человек. Необходимо формировать «здоровые» общественные стереотипы, например, моду на здоровье (Н.М. Амосов, 1998; О.С. Васильева, Е.Н. Журавлева, 1999). Одним из эффективных средств оздоровления и физического развития человека являются физические упражнения аэробного характера. Среди их различных видов ведущее место занимает плавание. Исследователи Института Здоровья выделили пять видов спорта, которые обладают наилучшим оздоровительным потенциалом. Вторым по эффективности было отмечено плавание (И.И. Переверзин, 1992). Анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме психического и психологического здоровья показывает, что в применяемом ранее (а в некоторых источниках и до настоящего времени) понятии «психическое здоровье» отражается чаще всего как альтернатива состоянию психического нездоровья, нарушений психики. Изучение опыта работы различных специалистов позволяет утверждать, что во многих случаях в основе психологической практики лежит все та же парадигма «нездоровья», «дефекта». Однако следует отметить, что сегодня представления о психическом и психологическом здоровье в мировой практике в значительной степени основаны на данных о том, что практически в каждом человеке и уж наверняка в каждом новорожденном ребенке заложено активное стремление к здоровью, заложена тяга к развитию, к актуализации человеческого потенциала (А. Маслоу 1999, К. Роджерс, 1997). Успешное становление ребенка как личности определяет не только его включение в общественную жизнь, нахождение своей ниши, но, в конечном счете, и прогресс развития общества в целом. Они являются приоритетной группой, так как степень образованности, социализированные масштабы и уровень

культуры, здоровья детей завтра материализуются в здоровье нации, в качество жизни народа, в новые технологии и безопасность социальной жизни, в авторитет страны в мире. Проблема психологического здоровья является актуальной и разрабатывается рядом исследователей (В.А. Ананьев, Б.С. Братусь, И.Н. Гурвич, Н.Г. Гаранян, В.Э. Пахальян, В.И. Слободчиков, А.М. Степанов, А.Б. Холмогорова и др.). Проблеме психологического здоровья детей посвящены труды И.В. Дубровиной, В.В. Давыдова, О.В. Хухлаевой, Г.С. Никифорова, Д.Б. Эльконина и др.). Научная категория «психологическое здоровье» была введена и наиболее детально разработана И.В.Дубровиной. Психологическое здоровье - это психологические аспекты психического здоровья, то есть совокупность личностных характеристик, являющихся предпосылками стрессоустойчивости, социальной адаптации, успешной самореализации. Сохранение психологического здоровья учащихся является необходимой предпосылкой физического здоровья, школьной успешности и социальной адаптированности. (В.Э. Пахальян, 2006). Творчеству как фактору психологического здоровья и одному из важнейших компонентов человеческой деятельности отводится первостепенная роль в различных социально значимых сферах общественной жизни. Творчески мыслящий человек способен быстрее и экономичнее решать поставленные перед ним задачи, эффективнее преодолевать трудности, намечать новые цели, обеспечивать себе большую свободу выбора и действий, то есть, в конечном счете - наиболее эффективно организовывать свою деятельность. Достижение высоких результатов в любом виде деятельности, в том числе и спортивной, требует наивысших форм проявления способностей – одаренности, таланта. Выявление своеобразия психологии творчества в различных сферах общественной жизни составляет актуальную задачу современного этапа научного изучения феномена творчества. Рассматривая творчество в физкультурной сфере, выделяют моторное творчество, связанное с двигательной активностью на уровне выполнения физических упражнений и также их мысленного создания, мыслительное, или интеллектуальное, творчество, творчество в общении. Таким образом, исходя из выше изложенного, нами была сформулирована цель исследования: – определить психологические условия, способствующие развитию творческого потенциала личности младшего школьника как фактора психологического здоровья на занятиях в плавательном бассейне. Выдвинута гипотеза исследования – занятия в плавательном бассейне оптимизируют процесс развития творческого потенциала как фактора психологического здоровья личности младшего школьника. На начальном этапе исследования приняли участие дети 1-3 классов, занимающиеся в плавательном бассейне Центрального стадиона, всего 90 человек, преимущественно мальчики в возрасте от 6 до 10 лет. В исследовании использовался «Опросник для определения творческих наклонностей у школьников», направленный на выявление склонности ребенка к творчеству, которая складывается из таких его качеств, как разнообразие интересов, независимость и гибкость ума, любознательность, настойчивость. Существенное значение имеет и обстановка в семье ребенка. Также для исследования были специально разработаны 2 опросника: 1) предназначен для получения сведений о влиянии занятий в бассейне на эмоционально-личностное состояние ребенка; 2) предназначен для родителей детей, занимающихся в бассейне. Необходимым явилось изучение образного мышления и воображения для активизации творческого потенциала, определения индивидуальных особенностей структуры творческих способностей младших школьников, потому был использован тест «Круги» И.М. Пейсахова. Теоретический анализ отечественной и зарубежной литературы по проблеме психологического здоровья дает возможность сделать вывод, что оно зависит от социальных, экологических, культурных, психологических и других факторов и условий и требует дальнейшего исследования. Психологическое здоровье следует целенаправленно формировать. При этом особое внимание необходимо уделять занятиям физической культуры в развитии творческой составляющей психологического здоровья личности младших школьников.

Литература

1. Дубровина И.В.(2000) Психическое здоровье детей и подростков.- М.: Академия.
2. **Пахальян В.Э.(2006) Развитие и психологическое здоровье: Дошкольный и школьный возраст. - М.: Питер.**

**Психология безопасности, экстремальных ситуаций и
противодействия терроризму**

Роль личностных свойств в процессе саморегуляции в экстремальных ситуациях

Бабкина Е.В.

аспирант

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,

Институт психологии, Тамбов, Россия

E-mail: Helen-babkina@mail.ru

Проблема психической саморегуляции в экстремальных ситуациях остается одной из центральных в психологии.

При взаимодействии с окружающим миром индивид сталкивается с экстремальными ситуациями, в которых ему приходится выбирать различные способы реализации своей активности и прибегать к разнообразным средствам саморегуляции. Это предполагает реализацию субъектом индивидуально-личностных усилий, посредством которых происходит снижение уровня неопределенности, дискомфорта и риска.

С целью подтверждения данного факта, нами было проведено исследование. Для этого была отобрана группа респондентов, так или иначе связанная с экстремальными ситуациями в своей деятельности, в частности, молодые люди, стремящиеся к овладению мастерством в экстремальном виде спорта «маунтинбайк» (N=66).

За основу был взят опросник «Стиль саморегуляции поведения» ССП-98

(В.И. Моросанова). Также в ходе работы использована совокупность методик, позволяющих изучить индивидуально-психологические особенности и личностные свойства испытуемых.

Данные полученные в результате психодиагностического среза были подвергнуты корреляционному и сравнительному анализу.

В первом случае был проведен тщательный анализ корреляционных взаимодействий шкалы «общего уровня саморегуляции» опросника ССП-98 с другими личностными свойствами испытуемых. Во втором установлены различия в содержательном аспекте готовности к риску на двух контрастных уровнях в процессе саморегуляции в экстремальных ситуациях.

На первом этапе для выявления наиболее сильных корреляционных связей за минимальное значение Pearson Correlation мы взяли $r=0,318$ при $\text{Sig. (2-tailed)} = 0,09$.

В результате наиболее сильные связи со шкалой «общий уровень саморегуляции» набрали следующие шкалы – по методике ССП-98 (В.И. Моросановой): «моделирование» ($r=0,522$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,00$), «программирование» ($r=0,477$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,00$), «оценка результатов» ($r=0,471$ при $\text{sig. (2-tailed)}=0,00$), «гибкость» ($r=0,556$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,00$); по методике САМОАЛ Н.Ф. Калининой – «высокая потребность в познании» ($r=0,322$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,08$), «спонтанность» ($r= - 0,345$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,05$); по методике диагностики волевых особенностей личности (ВКЛ) М.В. Чумаковой – «выдержка» ($r=0,329$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,07$); по опроснику МакКрае – Коста («Большая пятерка») – «привязанность - обособленность» ($r=0,412$ при $\text{sig. (2-tailed)}=0,01$), «сотрудничество-соперничество» ($r=0,436$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,00$), «доверчивость-подозрительность» ($r=0,318$ при $\text{sig. (2-tailed)} = 0,09$).

Корреляционный анализ выявил прямую зависимость уровня саморегуляции от личностных свойств и охарактеризовал испытуемых как способных в экстремальных условиях саморегулировать свою активность при помощи, прежде всего:

➤ процесса гибкости и моделирования принятия решений. При возникновении непредвиденных обстоятельств такие испытуемые легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, они способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий;

Секция «Психология»

- высокой потребности в познании, характерной для самоактуализирующейся личности, всегда открытой к новым впечатлениям;
- выдержки, усилий, привязанности, сотрудничеству и доверчивости.

Влияние рассмотренных личностных свойств на процесс саморегуляции можно объяснить, цитируя высказывание тренера по маунтинбайку «...Скоростной спуск – это не борьба с соперником, это борьба со скоростью, и, прежде всего с собой. Он требует от человека полной концентрации, заставляет отключить привычный разум и принимать решения ранее редко задействованные...».

На втором этапе проведенное нами исследование, изучающее личностные свойства испытуемых, предпочитающих заниматься экстремальными видами спорта, показало, что большинство из них подсознательно предпочитают избегать рискованные ситуации и оценивают себя по методике диагностики степени готовности к риску Шуберта, как людей «слишком осторожных». Так, из выборки (N=66) только 30% оценили себя как «склонных к риску», 47% «среднее значение» и 23% «слишком осторожные».

Получается, что экстремалы, занимаясь экстремальными видами спорта не оценивают себя таковыми. Можно предположить, что данный процентный показатель сложился в результате того, что молодежь, ежедневно подверженная экстремальным воздействиям, становится более осторожной и критичной к себе и своему окружению, нежели лица, предпочитающие рациональный образ жизни.

Это послужило основанием для проведения сравнительного анализа среди групп экстремалов на двух контрастных уровнях готовности к риску, в результате которого было выявлено, что для лица с высоким уровнем готовности к риску оказались в большей степени свойственны – спонтанность (САМОАЛ), расслабленность («Большая пятерка»), беззаботность («Большая пятерка»), эмоциональная комфортность («Большая пятерка»), эмоциональная стабильность («Большая пятерка»), в меньшей – экстернальность в области производственных отношений (УСК).

Таким образом, лица «склонные к риску» в меньшей степени приписывают важное значение внешним обстоятельствам, больше полагаются на себя, считая свои действия важным фактором организации деятельности. Они уверены в себе и доверяют окружающему миру, самоактуализация в экстремальных ситуациях стала для них образом жизни, а не мечтой или стремлением. Спонтанность испытуемых соотносится с такими ценностями, как свобода, естественность, игра, легкость без усилия, расслабленность и эмоциональная комфортность.

Для респондентов же с низкой готовностью к риску в большей степени оказались свойственны – экстернальность в области производственных отношений (УСК), эмоциональная устойчивость («Большая пятерка»), тревожность («Большая пятерка»), напряженность («Большая пятерка»), депрессивность («Большая пятерка»), эмоциональная лабильность («Большая пятерка»), в меньше – спонтанность (САМОАЛ).

Значит лицам, предпочитающим рациональный образ жизни, в большей степени свойственно приписывать важное значение внешним обстоятельствам – тренеру, товарищам по спорту, везению – невезению. Они с тревогой ожидают неприятностей, в случае неудачи легко впадают в отчаяние и депрессию. Достижение успеха и мастерства у них напрямую зависит от тщательного планирования и организации своей спортивной деятельности. В экстремальных ситуациях они предпочитают избежать неудачу, нежели идти на риск.

Таким образом, личностные свойства и индивидуально-психологические особенности: моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, высокая потребность в познании, спонтанность, выдержка, привязанность, сотрудничество, доверчивость; готовность к риску, расслабленность, беззаботность, эмоциональная комфортность, эмоциональная стабильность, экстернальность в области производственных отношений, тревожность, напряженность, депрессивность, эмоциональная лабильность, эмоциональная устойчивость - могут быть описаны индивидуально-типическими

особенностями саморегуляции, оказывать влияние на ее процесс в экстремальных ситуациях и, в этом смысле, могут являться регуляторно-личностными свойствами.

Факторы конфликтогенности межличностного взаимодействия (на примере экстремистских организаций)

Баранова Е.В.

*Аспирантка кафедры общей психологии
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Факультет психологии, Москва, Россия
E-mail: baranova_kate@bk.ru*

Конфликты в XX в. стали основной причиной гибели людей: две мировые войны, локальные военные конфликты, тоталитарный режим, вооруженная борьба за власть, убийства. Медленное и неудержимое совершенствование и распространение оружия массового поражения, испытание ядерного оружия свидетельствуют о возрастании опасности войны с применением этого оружия.

Внутриполитическая борьба может являться одним из факторов развития конфликтов большинства государств, такая борьба не редко оказывает значительное влияние на качество их деятельности и атмосферы в обществе в целом.

Население России захлестнула волна преступности, наркомании и алкоголизма. Родителям, занятым одной мыслью – как выжить, стало не до воспитания детей.

В крупных российских городах такие факторы как: отсутствие стабильности в социально-экономических условиях жизнедеятельности значительной части граждан, при явном имущественном неравенстве социальных слоев, резкое изменение информационного поля под воздействием средств массовой информации, в результате которого у граждан формируется состояние повышенной тревожности, ощущение постоянного дискомфорта влекут за собой увеличение числа психических заболеваний, которые становятся затем причинами депрессии и агрессии и являются благодатной почвой для продуцирования насилия.

Влияние средств массовой информации, например телевидение, возможно, является одним из основных источников бесконечных сериалов и фильмов об убийствах и терактах. Уже давно перестали подвергаться цензуре выражения актеров и ведущих телепрограмм, порнография становится все более доступна детям.

В современном мире чрезвычайное значение имеет процесс обмена и восприятия информации, которые имеют не только социальные, но психологические процессы.

Конфликт представляет собой выводы, сделанные на основе противоречий, при этом если противоречия уже проинтерпретированы как конфликт, то будут выбираться доказательства, поддерживающие этот вывод. Если ситуация уже определена как конфликтная, то дальнейшее представление о ней будет формироваться с учетом этого определения, «подгоняться» под него, соответственно, развивая именно конфликтное взаимодействие

Межличностное взаимодействие – это случайные или преднамеренные, частные или публичные, длительные или кратковременные, вербальные или невербальные контакты и связи двух или более человек, вызывающие взаимные изменения их поведения, деятельности, отношений и установок⁶⁹.

При межличностном взаимодействии в социуме неизбежно возникают противоречия, но наличие противоречий еще не конфликт, конфликт возникает в результате интерпретации противоречий как конфликт. Противоречия не определяют конфликт, но из противоречий, осознанно или бессознательно, можно легко «сконструировать» конфликт, придавая противоречиям соответствующее значение

⁶⁹ В.Н. Непопалов «Основы конфликтного поведения», Москва 2003, Кафедра психологии, РГУФКСТ

Секция «Психология»

В зависимости от того, как индивид воспринимает конфликт и интерпретирует поведение другого человека в конфликте, саму ситуацию в конфликте, свое поведение в конфликте, во многом зависит характер поведения участников в конфликте и исход конфликта в целом.

Конфликт, возможно, является причиной проявления экстремизма в обществе. Экстремизм в своем проявлении может угрожать единству общества. Страх невозможности реализовать чувство «мы» в общественно-полезной деятельности, манипулирование сознанием, рост числа психических расстройств, вызывающих агрессивность, ощущение социальной бесперспективности, ограниченность культурного уровня, взаимная нетерпимость, поклонение материальным ценностям также являются факторами конфликтогенности в обществе.

Согласие в семье и с самим собой выступают важнейшими условиями счастливой жизни каждого человека, что говорит о решающей роли конфликтов в жизни отдельного человека, государства, общества, организации, семьи и человечества в целом.

Семья играет важную роль в жизни каждого человека и общества в целом. И неудивительно, что на каждом новом этапе развития общества, когда происходит переоценка ценностей, возрастает интерес к проблемам семьи, морали, духовности. В настоящее время, в усложнившихся условиях современного бытия, семья, как уникальный посредник между интересами личности и общества, оказалась в эпицентре общественных катаклизмов. Одним из способов снижения конфликтогенности в обществе, возможно, может выступать такой фактор как культивирование семьи и семейных ценностей.

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания, Учебное пособие для студентов вузов, Москва, 2005
2. Гришина Н.В. Психология конфликта, СПб, 2008
3. В.Н. Непопалов «Основы конфликтного поведения», Москва 2003, Кафедра психологии, РГУФКСТ

«Представления студентов об экстремизме: социально-психологический анализ»

Беляев М. А.

Студент

Российский Государственный Гуманитарный университет,

факультет социальной психологии, Москва, Россия

E-mail: Nordeast@list.ru

Проблема экстремизма и радикальных методов ведения политической борьбы существует примерно столько же, сколько и человеческие цивилизации. У любого народа, в любую историческую эпоху мы можем легко найти проявления того, что сейчас принято называть экстремизмом. Сегодня «лики экстремизма» более чем разнообразны, а социальная острота данного явления неуклонно нарастает. Но, не смотря на достаточно развернутую историю, его научная рефлексия, особенно в том, что касается психологических и социально-психологических аспектов экстремизма, еще только начинается. Между тем, любые политические или социальные попытки преодоления угрозы экстремизма очевидно должны исходить из знания о том, каков его образ в глазах простых граждан, как они его представляют, что знают о нём и какие эмоции он вызывает. Сухие сводки новостей, по сути, являются единственным общедоступным источником информации, в то время как пропаганда партий экстремистской направленности легко может создать романтический образ борца за «светлое будущее», пополнив тем самым свои ряды и число сочувствующих, - ведь быстрые и радикальные способы решения общественных проблем могут увлечь за собой многих, особенно молодых.

Секция «Психология»

С социально-психологической точки зрения важной проблемой является именно субъективная представленность экстремизма в массовом сознании. Наше эмпирическое исследование было посвящено анализу представлений об экстремизме в молодежной среде и на данном этапе носило поисковый характер. В качестве основной методики исследования использовалась методика П. Вержеса, традиционно применяющаяся при анализе социальных представлений. Полученный массив ассоциаций обрабатывался методом контент-анализа. Респондентами выступили студенты 2-го – 3-го курсов РГГУ (всего 112 человек). Были получены следующие результаты.

По всему массиву данных преобладают слова-ассоциации, связанные с терроризмом, войной и политикой, составляющие 27% всех ответов. Второй по выраженности является категория, отражающая эмоции, чувства и эмоционально окрашенные оценки, составляя 23% от всех ответов, при этом оценочные суждения встречаются в 2 раза чаще, чем собственно индивидуальные чувства и эмоции. Интересно при этом, что с точки зрения «знака» переживаний, ассоциативно связанных с понятием экстремизма, в равной степени присутствуют как негативные, так и нейтрально/позитивные переживания. Ассоциации, связанные с обстоятельствами экстремистских действий (место действия, атрибуты) и упоминания субъектов экстремизма (как групповых, так и индивидуальных, как персонифицированных, так и неперсонифицированных) оказались представлены примерно в равных долях (12% и 11%). Обращает на себя внимание тот факт, что 13% всех полученных ассоциаций свидетельствовали о непонимании и/или путанице в понятиях у респондентов - экстремизм ошибочно принимали за экстремальные виды спорта, специфический образ жизни и приравнивали к «экстриму».

Анализ по рангам показал следующее. Первый ранг в равных долях (по 14%) имели категории «терроризм» и «экстрим», отсутствовали позитивные чувства и оценки, а негативные чувства и оценки составляли 12%. Примерно в равных долях, по 11% и 9%, присутствовали характеристики социальных отношений (указания на политические идеологии – например, расизм, фашизм, мусульманский экстремизм; указания на социальные конфликты – например, война, террор, геноцид), и межличностных отношений (например: насилие, нетерпимость, несогласие и т.д.), а выраженность категории «обстоятельства» составляла 10%. На последних рангах: преобладало упоминание «обстоятельств» – 23%. Также в равных долях были представлены негативные и нейтральные чувства и оценки (по 14%). Характеристики социальных отношений были в 2 раза менее выражены, чем характеристики межличностных отношений (7% против 14%), а ассоциации, свидетельствующие о непонимании респондентами понятия экстремизм, отсутствовали.

Согласно методике П. Вержеса мы можем вычлени из полученных ассоциаций подобие «ядра» социальных представлений, куда входят высокочастотные и перворанговые ассоциации, а также «периферию» - низкочастотные и низкоранговые ассоциации, данные респондентами. Полученное «ядро» составили ассоциации связанные с войной, терроризмом и политикой и эмоциональные переживания с ними связанные, «периферию» же составили ассоциации, указывающие на различных субъектов экстремизма, а также на его обстоятельства и атрибуты.

Представляется, что, несмотря на небольшие выборку и методическую оснащенность исследования, можно уже сделать некоторые выводы. В сознании молодых экстремизм напрямую связывается с войной и терроризмом, но одновременно эмоции и ценностные суждения, ему сопутствующие, отличаются достаточной противоречивостью. Это может быть связано как с характером оценок, даваемых экстремизму современными СМИ, так и с политической пассивностью наших респондентов. В то же время тот факт, что ни одна из выделенных категорий контент-анализа не составляет абсолютного большинства, можно интерпретировать как отсутствие сложившегося «ядра» социальных представлений об экстремизме. Хотя информации об экстремизме во всех его проявлениях в средствах массовой информации сегодня более чем достаточно, а экстремизм и терроризм, как одна

Секция «Психология»

из его разновидностей, повсеместно позиционируются политиками как одна из глобальных проблем человечества, представления о нём в массовом сознании еще далеки от сформированности. Соответственно, их ещё вполне можно изменить, манипулятивно направив в то или иное русло, - например, придав посредством СМИ экстремизму позитивный, романтический образ борьбы, «вызова» повседневности, возможности испытать себя. Опасность подобной манипуляции подкрепляется тесной ассоциативной «связкой» в сознании молодежи понятий экстремизма и экстрима.

Таким образом, полученные в ходе пилотажного исследования результаты заставляют нас продолжать работу в выбранном направлении, в котором мы видим следующие возможные приоритеты исследования и анализа. Так, необходимо провести более масштабное исследование социальных представлений (на разных социальных группах и с большим количеством респондентов), а также провести контент-анализ сайтов и литературы экстремистской направленности для выявления характера их самопрезентаций и образа экстремизма у самих деятелей данных организаций. Возможен также анализ образа экстремизма посредством контент-анализа соответствующих публикаций в официальных СМИ для определения его возможного влияния на массовое сознание.

Особенности черт личности преступников корыстного и насильственного типа

Бендатович Е.А.

Студент

*Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского,
факультет психологии, Омск, Россия*

E-mail: b_e88@mail.ru

Проблема преступления во все времена волновало людей. На сегодняшний момент эта проблема осталась актуальной, т. к. в современном обществе число преступлений растет с каждым годом. Познание сущности и причин преступного поведения позволяет многое понять в человеке, в его психике и психологии, в его отношениях к природе и обществу, к себе подобным и к самому себе, к духовным и материальным сторонам жизни.

Для более подробного изучения проблемы преступного поведения необходимо, обратится к проблеме изучения личностных особенностей преступников, а именно изучение черт личности. Как полагает известный исследователь психологии преступного поведения Ю.М. Антонян «отличие личности преступника от не преступника состоит в негативной направленности, реальными носителями которой выступают личностные свойства, получившие законченное выражение в виде и характере преступного деяния, являющегося основным мериллом ее глубины и силы».

Изучаемая нами проблема на наш взгляд актуальна, т. к. знание черт личности дает возможность прогнозировать возможное поведение и деятельность преступников корыстного и насильственного типа при совершении преступления, а также процесс ресоциализации.

В исследовании принимали участие осужденные мужского пола в возрасте от 20 до 35 лет, отбывающие наказания в ИК г. Омска. Общий объем выборки составил 30 человек, из них 15 человек преступников насильственного типа и 15 человек преступники корыстного типа.

Нами использовалась методика многофакторного исследования личности Р. Кэттелла (форма А).

Для выявления статистических закономерностей в полученных данных мы применили метод математической обработки: Критерий Манна-Уитни. Мы применяем данный вид математической обработки для выявления значимых различий в чертах личности преступников корыстного и насильственного типа.

В ходе проведения исследования мы выявили следующие черты личности преступников корыстного и насильственного типа.

Преступникам корыстного типа свойственны: стабильная криминальная

Секция «Психология»

направленность, сдержанность, обособленность, критичность, стремление утвердить себя в глазах других. Преступление выступает как способ решения внутриличностных проблем, сильно выраженные эгоистические интересы. Это люди практичные, консервативные, быстро решают практические вопросы, руководствуются объективной реальностью, у них хорошая ориентация в нормах и требованиях. Для них характерен также хороший интеллектуальный контроль поведения, им свойственна высокая способность к обучению, гибкость, умение быстро принимать решение. Такие люди действуют по интуиции, ипохондричные, беспокоятся о состоянии своего здоровья. Такие люди прямые, но бестактные в общении, эмоционально сдержанные, самодостаточные, стремящиеся к групповой независимости, они находчивы в принятии решения. У таких людей высокое самомнение, самоконтроль, высокая эго-напряженность.

Преступникам насильственного типа свойственны: устойчивые социальные установки, которые трудно поддаются коррекции. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются ими как результат враждебных действий со стороны окружающих. В своих неудачах предпочитают обвинять других, а не себя. Они очень чувствительны к межличностным взаимодействиям, воспринимают окружающий мир, как враждебный. Это люди менее интеллектуально развиты, конкретно мыслящие, у них меньшая способность к обучению. Для них характерны импульсивность, эмоциональная возбудимость, слабость «Я», при расстройствах они теряют равновесие духа. Это люди конформные, экспрессивные, легко выводятся из равновесия. У них высокая тревожность, конфликтность, мстительность, завышенная самооценка, присутствуют элементы высокого самолюбия и самомнения, они эгоцентричны. Они стремятся к групповой независимости.

Литература

1. Альманах психологических тестов. – М.: КСП, 1996.-400 с.
2. Анатонян Ю. М. Психология убийства. – М.: Юрист, 1997. – 304 с.
3. Анатонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследование преступлений. – М.: Юрист, 1996. – 336 с.
4. Дементий Л. И. Купченко В. Е. Агрессия: понятие, подходы, диагностика. – О.: госуниверситет, 2001.-40 с.
5. Еникеев М. И. Юридическая психология с основами общей и социальной психологии. – М.: Норма, 2006. – 640 с.
6. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. – СПб.: Речь, 2006.-392 с.

Психологическая безопасность и жизнестойкость у жителей сибирского региона⁷⁰

Гладких А.Г.

Студентка

*Томский государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия
happystacy@sibmail.com*

Психологическая безопасность постепенно становится «нормой» жизни современного человека и важным индикатором ее качества. Убеждение в важности этого вида безопасности складывается из понимания того, что она, с одной стороны, является базисной потребностью человека, а с другой стороны, рассматривается в качестве важного условия, обеспечивающего его нормативное психическое и личностное развитие. Как утверждал А. Маслоу (1968), потребность человека в безопасности и защите мотивирует его на установление разумного порядка, на структуру и прогнозируемость своего окружения. Другими словами, потребность в безопасности оказывается личностным

⁷⁰ Настоящая статья подготовлена по результатам исследований, проведенных в рамках проекта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант № 08-06-00172а).

Секция «Психология»

фактором, способствующим самоорганизации жизни человека посредством нахождения в ней некоторого «разумного» порядка, создающего, по его мнению, определенность и предсказуемость собственного будущего.

Схожей точки зрения придерживается американская исследовательница Ронни Янов-Бульман. Она уверена, что здоровое чувство безопасности является одним из базовых ощущений нормального человека. Оно, в свою очередь, основано на «базисных убеждениях», которые можно определить как имплицитные, глобальные, устойчивые представления человека о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека. С целью диагностики базисных убеждений Р. Янов-Бульман разработала Шкалу базисных убеждений, выявляющую восемь частных убеждений, свидетельствующих об уровне личностной безопасности человека, его психической стабильности и успешности в повседневной жизни.

Возможность же человека справляться с экстремальными ситуациями определяется его жизнестойкостью, которую С. Мадди определяет как «личностную установку, лежащую в основе экзистенциальной отваги или «мужества быть». Эта установка включает в себя три компонента: включенность, контроль и склонность к риску.

Анализ психологической литературы по проблемам базисных убеждений и жизнестойкости показывает, что у данных конструктов есть как общие черты, так и различия. С нашей точки зрения, и тот, и другой конструкт можно рассматривать в качестве систем взаимосвязанных установок. Однако система базисных убеждений – это установки человека о мире и о себе в контексте повседневной жизни, тогда как жизнестойкость связана с его отношением к экстремальным и новым ситуациям.

Эта идея нашла свое подтверждение в результате проведения психодиагностического исследования, в котором приняло участие 422 респондента, проживающих в сибирском регионе (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 45 лет). Им было предложено выполнить методику «Жизнестойкость» С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, позволяющую оценить такие составляющие жизнестойкости как вовлеченность, контроль и склонность к риску. Кроме того, участники исследования ответили на вопросы «Шкалы базисных убеждений» (ШБУ) Р. Янов-Бульман, отражающей систему убеждений человека о мире и о природе людей, справедливости и контролируемости мира, ценности собственного «я», способности к самоконтролю и удачливости. Исследование проводилось в 2008 году.

На первом этапе данного исследования были вычислены средние значения показателей психологической безопасности для жителей сибирского региона. Так, показатель «благосклонность мира» составил в среднем $4,31 \pm 0,96$ баллов; «доброта людей» $3,97 \pm 0,87$ баллов; «справедливость мира» $3,77 \pm 0,90$; «контролируемость мира» $4,01 \pm 0,82$; «случайность» $3,57 \pm 0,96$; «ценность собственного Я» $4,24 \pm 1,03$; «степень самоконтроля» $4,15 \pm 0,91$; «степень удачи, или везения» $3,93 \pm 0,90$ баллов. На основе полученных данных можно сделать вывод, что жители сибирского региона склонны испытывать чувство психологической безопасности в повседневной жизни.

На втором этапе исследования был проведен корреляционный анализ, выявивший ряд статистически значимых связей между уровнем жизнестойкости и показателями Шкалы базисных убеждений. Так, показатель ШБУ «везение» коррелировал со всеми компонентами жизнестойкости: контролем ($r=0,31$; $p=0,000$), вовлеченностью ($r=0,28$; $p=0,000$) и риском ($r=0,35$; $p=0,000$). Кроме того, обнаружена корреляционная связь суммарного индекса ШБУ «Психологическая безопасность», выделенного нами ранее (Богомаз С.А., Гладких А.Г., 2009), с компонентом «контроль» и суммарным показателем жизнестойкости ($r=0,31$; $p=0,000$ и $r=0,32$; $p=0,000$, соответственно). Формально это означает, что наличие позитивных базисных убеждений и чувство психологической безопасности сопровождается высокой жизнестойкостью.

На третьем этапе был проведен факторный анализ (метод «principal components» с ротацией факторов «varimax normalized»), в результате которого было получено 4

Секция «Психология»

фактора, описывающих 65,7 % дисперсии. В одном факторе со значимыми весовыми нагрузками оказались три параметра жизнестойкости, а по трем другим распределились показатели Шкалы базисных убеждений. Эти факты говорят в пользу того, что базисные убеждения и установки относительно вовлеченности, контроля и риска являются независимыми факторами, хотя они и коррелируют между собой. Следовательно, чтобы прогнозировать поведение человека в различных ситуациях, необходимо изучать оба конструкта.

Таким образом, нами были вычислены средние значения показателей психологической безопасности, характерные для жителей сибирского региона докризисного периода в экономике. Полученные данные склоняют нас к выводу о том, что базисные убеждения и компоненты жизнестойкости являются двумя самостоятельными системами установок, регулирующих жизнедеятельность человека.

Литература

1. Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - № 318. - С. 191-194.
2. Гладких А.Г. Психологическая безопасность как условие развития ресурсов адаптации у подростков // Современная психология: от теории к практике: Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008». Секция «Психология» (Москва, 9-10 апреля 2008 г.). - М.: МГУ, 2008. - Ч. 1. - С. 338-340.
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. - М.: Смысл, 2006. - 63 с.
4. Падун М. А., Котельгакова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психол.журн., 2008. - Т. 29, № 4. - С. 98-106.

Компульсивное повторение как переживание травматического опыта

Гордова И. И.

сотрудник

Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aniri17@mail.ru

Феномен компульсивного (навязчивого) повторения, впервые был выделен Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия», в психоаналитической ситуации, в которой человек вместо воспоминания реальной травмы, повторяет ее, разыгрывая это повторение перед аналитиком. Для навязчивого повторения характерно то, что повторяются отнюдь не самые приятные события жизни субъекта, то есть навязчивое повторение не следует принципу удовольствия и поэтому тесно связано с идеей «возвращения к прежнему состоянию», по Фрейду, оно является одной из манифестаций влечения к смерти.

В данном исследовании компульсивное повторение рассматривается в контексте актуального направления изучения последствий психологической травмы и способа совладания с ней. Целью данной работы становится исследование компульсивного повторения как переживания травматического опыта человека. Актуальность темы обусловлена также отсутствием целостной психологической теории переживания травматических ситуаций. В теоретической части работы мы анализируем феномен компульсивного повторения на примере различных психических явлений, а также предлагаем трактовку навязчивости и навязчивого образа в контексте одной из ведущих тенденций в травматическом переживании – тенденции вторжения. Навязчивый образ рассматривается как условное обозначение сложного составного психического

Секция «Психология»

образования, в котором необходимо различать представление (предмет) и сопровождающий его аффект (Магомед-Эминов М. Ш.).

Навязчивое повторение, объединяет две тенденции, которые характеризуются активным процессом восстановления травмирующих событий, с одной стороны (вторжение), и активным противодействием этому, с другой (избегание). Они проявляются в эмоциональной сфере, когнитивных процессах, поведении, общении и др. Первая из них определяется позитивной фиксацией на травме, вторая – негативной фиксацией на травме, т.е. выстраиванием психологической защиты от болезненных воспоминаний. Таким образом, объектом исследования является проблема компульсивного повторения с точки зрения фиксации: позитивной и негативной. Предметом исследования - выявление и описание феномена компульсивного повторения: навязчивые мысли, действия, повторяющиеся переживания, сновидения. Основная гипотеза в том, что компульсивное повторение при переживании травматического опыта имеет два фундаментальных аспекта проявляющихся как позитивная фиксация и как негативная фиксация. Используется метод структурированного интервью «Тестирование травматических ситуаций», а также анализ отдельных случаев людей, оказавшихся в травматических ситуациях различного генеза. На основании полученных данных осуществлялась попытка соотнесения особенностей переживания травматического опыта каждого испытуемого в соответствии с выделением негативной и позитивной фиксации на этом опыте.

При анализе данных структурированного интервью прослеживаются две основные тенденции переживания травматических событий:

- 1) вторжение - характеризуется активным процессом восстановления травмирующих событий, определяется позитивной фиксацией на травме, что детерминирует навязчивое воспроизводство одних и тех же событий;
- 2) избегание - характеризуется активным противодействием восстановления травмирующих событий, негативной фиксацией на травме, т.е. выстраиванием психологической защиты от болезненных воспоминаний.

Представляется очевидным, что на основании наличия тех или иных событий, которые даже для большинства людей могут оказаться травмирующими, нельзя сказать о том, что данный человек обязательно получит психическую травму. Некое событие, вызвавшее у одного человека переживания, с которыми он не может справиться, которые нарушают его нормальное функционирование, в глазах другого выглядит вполне преодолимым или вообще обыденным. По-видимому, следует говорить о потенциально травмирующих событиях, имеющих индивидуальный смысл для каждого человека, и что смысловая концепция травмы является наиболее адекватным объяснительным аппаратом для толкования полученных результатов (Магомед-Эминов М.Ш.).

Интерес представляет само обращение к проблеме компульсивного повторения, забытой исследователями и на данный момент мало изученной, особенно в контексте психической травмы. Перспективной представляется также попытка качественно и количественно описать две неочевидные тенденции в компульсивном повторении и рассмотреть их в рамках смысловой концепции травмы.

Литература

1. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. – М.: Психоаналитическая Ассоциация, 1998. – 496с.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Экстремальная психология. Том 2. От психической травмы к психотрансформации – М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2006. - 576с.
3. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. (« По ту сторону принципа удовольствия») ООО «Попурри», 2005. - 480с.

4. Фрейд З. Человек Моисей: психология религии. М.: Академический Проект, 2007. – 186с.
5. Лапланж Ж., Понтаже Ж-Б. Словарь по психоанализу, М.: Высшая школа, 1996г.

Многоактная структура совладающего поведения

Залялова Л.И.

Студентка психологического факультета

Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина, Казань, Россия

E-mail: Lynx_13@list.ru

Совладающее со стрессом поведение, или копинг стал активно изучаться в последние годы (Н.Ф.Михайлова, Р.М.Грановская S.Folkman). В создавшейся на сегодняшний день экономической ситуации изучение данной проблематики приобретает особенно острую необходимость. Значительное количество работ посвящено, как теоретической разработке данной категории (Л.И.Анцыферова, В.А.Бодров, Л.А.Китаев-Смык, N.S.Endler, J.A.Parker) так и эмпирическим исследованиям (Крюкова, Н.А.Сирота, В.М.Ялтонский). Проанализировав существующие работы можно предположить, что совладающее поведение имеет ступенчатую, последовательную, многоактную структуру, и не ограничивается одним единственным действием.

В современных исследованиях используются методики имплицитно предполагающие выбор одного действия в рамках копинг-стратегий. Необходимость доказательства многоактной структуры совладающего поведения поставила нас перед необходимостью модифицировать существующие методики. Использовался метод свободного интервью, где подростки могли указывать, произвольное количество действий в ходе описания копинг-стратегий в трех заданных ситуациях: стресс во время экзамена, стресс в экстремальной ситуации, стресс в сфере межличностных отношений. При этом подростки при ответе могли пользоваться как текстами стандартизированных методик, что бы описать разные формы совладающего поведения, так и предложить свои собственные формулировки.

В исследовании приняло участие 80 подростков (15-16 лет, 44 девочки и 36 мальчиков).

Результаты показали, что для совладания со стрессом наряду с единичными копинг-стратегиями используются также цепочки, состоящие из последовательности разнообразных копинг-стратегий. Длина цепочек достигает от одного до восьми актов в рамках одной копинг-стратегии, что дает огромное количество различных комбинаций.

В экстремальной ситуации в 32,5% случаях используются единичные копинг-стратегии. Двухактные копинг-стратегии в экстремальной ситуации используются в 25%, трехактные в 12,5%, а четырехактные в 10% случаях. При стрессе в ситуации межличностных отношений использование единичных копинг-стратегий снижается до 7,5%. Трехактные, четырехактные и пятиактные копинг-стратегии используются в 17,5%, 10% и 5% соответственно. Нужно отметить, что именно в ситуациях межличностных отношений широко используются длинные цепочки копинг-стратегий, состоящие из 7 и 8 копинг-стратегий, которые составляют 7,5% и 5%. В ситуации экзамена, использование одноактных копинг-стратегий составляет 10%, наиболее широко распространены двухактные копинг-стратегии - 32,5%, использование трехактных стратегий составляет 20%, четырехактных 22,5%, семиактных - 2,5%.

В экстремальных ситуациях одноактные копинг-стратегии в большинстве случаев являются проблемно-ориентированным копингом, а копинг, направленный на избегание, не используется. Это объясняется тем, что экстремальная ситуация предполагает опасность для жизни или здоровья человека при промедлении. В ситуации межличностных отношений единичные копинг-стратегии составляют проблемно-

ориентированный копинг и копинг направленный на избегание, эмоционально-ориентированный копинг в данном случае не используется.

Рассматривая многоактные цепочки от 5 до 8 актов, мы не заметили определенной постоянной последовательности, возможно из-за их немногочисленности. Лишь 12% испытуемых при совладающем со стрессом поведении использует цепочки копинг-стратегий длиннее 4 комбинаций. Однако и среди многоактных стратегий можно было выделить определенные закономерности. Например, можно заметить, что в целом проблемно-ориентированный копинг встречается наиболее часто, что объясняется его наибольшей эффективностью в преодолении стрессовой ситуации.

Наиболее распространенными являются следующие комбинации: ПОК-КОИ-ПОК (10%); N-ПОК(25%); N-N-ПОК(7,5%); N-N-N-ПОК(17,5%). Можно заметить, что наиболее часто подростками используются комбинации из копинг-стратегий, где проблемно-ориентированный копинг находится в конце последовательности совладающих действий. Нами было установлено, что в 80% случаях такой стиль воспринимается испытуемыми как наиболее эффективный при решении трудной или экстремальной ситуации. Надо отметить, что наиболее это характерно для тех ситуаций, решение которых зависит от самого подростка.

Таким образом, полученные результаты полностью подтверждают нашу гипотезу о том, что копинг-поведение, имеет сложную, многоступенчатую структуру, состоящую из нескольких последовательных актов. Количество последовательно используемых копинг-стратегий различно и чаще всего личность не ограничивается одной-единственной копинг-стратегией.

Литература

1. Абульханова – Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова – Славская. – М., 1991. – 300с.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита //Психол. журнал. 1994. Т. 15, №1.
3. Бодров В.А. «Информационный стресс». М., 2000. с. 270-275
4. Дикая Л.Г., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психол. журнал. – 1996. -№3. – С.1377-146.
5. Дикая Л.Г. Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. с.80-103
6. Жарков Е.С. «Психологические средства стрессоустойчивости». М., 1990. С 8-29
7. Журбин В.И. Понятие психологической защиты в концепциях З. Фрейда и К Роджерса /Вопросы психологии. 1990 №3.
8. И.Г. Малкина-Пых. Стратегии поведения при стрессе. Московский психологический журнал. №12
9. Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969.
10. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. – Кострома, 2004.
11. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования /Эмоциональный стресс/ Под. Ред. Л.Леви.
12. Наенко Н. И. Психическая напряженность. М.: МГУ, 1976. С. 5-20.
13. «Практикум по психологии личности». Елисеев О.П. –СПб: «Питер», 2002 г.
14. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1979. – 125 с.
15. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков. – Обозр. психиат. и мед. психол., 1994/1, с.63-74.
16. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2002. – С.552 – 573.

17. Толочек И. А. Индивидуальный стиль деятельности — устойчивость и изменчивость // Вопр. психол. 1987. № 4. С. 100—108.
18. Ф.Е.Василюк. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций — М.: Издательство Московского университета, 1984.

Связь жизнестойкости будущих специалистов водного транспорта с копинг-поведением в стрессовых ситуациях

Кобзев М.В.

Аспирант

Астраханский государственный университет, факультет психологии г.Астрахань, Россия

www.Maksscorpion84@mail.ru

Деятельность специалистов водного транспорта с момента выхода в рейс сопровождается непростой навигационной обстановкой, а так же негативными гидрометеорологическими условиями, долгими, отрицательно влияющими на человека штормами, туманами, качкой и другими неблагоприятными факторами погодных условий. Современными исследованиями установлено, что капитан осуществляет на мостике свою активную трудовую деятельность зачастую по 16 часов в сутки и более [3].

В связи со спецификой профессиональной деятельности специалистов водного транспорта этот вид деятельности является малоизученным и представляет собой особый интерес при изучении человека находящегося в экстремальной ситуации. В данной статье мы представляем результаты исследования, целью которого является изучение особенностей связи жизнестойкости будущих специалистов водного транспорта со стратегиями совладания в стрессовых ситуациях.

Следуя цели нашего исследования, мы выявили особенности связи жизнестойкости будущих специалистов водного транспорта со стратегиями совладания личности эмпирическим путем. Базой исследования выступило Астраханское речное училище. В исследование приняли участие 248 курсантов (юношей) I-III курсов.

Нами были использованы следующие диагностические методики: «Тест жизнестойкости» Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой [1], методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А.Паркера) [2]. При обработке данных использовался статистический пакет STATISTICA 6.0. в результате чего была определена достоверность результатов исследования. В анализ включались описательные статистики, критерий Колмогорова-Смирнова для одной выборки, корреляционный анализ. Для окончательных выводов использовались результаты на уровне значимости $p \leq 0,1$; $p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$.

На первом этапе проводилось обследование курсантов с целью определения их жизнестойкости с помощью методики «Тест жизнестойкости» Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой. Установлено, что у 15 % опрошенных низкий уровень, 68 % - средний уровень, 17 % - высокий уровень развития вовлеченности. Низкий уровень по показателю контроля имеют 6 % юношей, средний – 75 %, высокий – 19 %. 11 % респондентов имеют низкий уровень принятия риска, 73 % - средний и 16 % - высокий. Наконец, по шкале жизнестойкости обнаружено 9 % с низким уровнем, 77 % со средним и 14 % с высоким.

Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» позволила определить стратегии совладающего поведения будущих специалистов водного транспорта. С помощью критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки мы установили, что распределение переменных: «проблемно-ориентированный копинг», «эмоционально-ориентированный копинг», «копинг ориентированный на избегание», «субшкала отвлечение», «субшкала социальное отвлечение»- значимо не отличаются от нормального. Поэтому для выявления взаимосвязи указанных переменных с жизнестойкостью мы рассчитали коэффициент линейной корреляции Пирсона. (Табл.).

Взаимосвязь между жизнестойкостью и копингами - поведения в стрессовых ситуациях

Переменные		Значение коэффициента корреляции Пирсона	Уровень значимости
Жизнестойкость	Проблемно-ориентированный копинг	0,0104	p=0,940
	Эмоционально-ориентированный копинг	-0,4328	p=0,001
	Копинг ориентированный на избегание	-0,1297	p=0,341
	Субшкала отвлечение	-0,2998	p=0,025
	Субшкала социальное отвлечение	0,1321	p=0,332

Из таблицы видно, что выявлена значимая ($p < 0,05$) отрицательная корреляция жизнестойкости с эмоционально-ориентированным копингом, и субшкалой «отвлечение». Отрицательный коэффициент корреляции указывает на то, что высокий уровень жизнестойкости связан с низкими значениями для шкал «эмоционально-ориентированный копинг», «отвлечение», или наоборот, чем ниже уровень жизнестойкости, тем выше баллы для признаков «эмоционально-ориентированный копинг» и «отвлечение».

Таким образом, по результатам эмпирического исследования можно сделать вывод о том, что для высокого уровня жизнестойкости не характерна выраженность таких стратегий совладания, как эмоционально-ориентированный копинг и отвлечение, на что указывают выявленные значимые отрицательные коэффициенты корреляции.

Литература

1. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости.- М.: Смысл, 2006.
2. Маликова Т.В., Михайлов Л.А., Соломин В.П., Шатрова О.В. Психологическая защита: направления и методы.- СПб.: Речь, 2008.
3. Снопков В.И., Конопелько Г.И., Васильева В.Б. Безопасность мореплавания. - М., 1994. с.9

Переживание террористической угрозы жителями

Краснодарского края России

Кожина Н.В.

Аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: Natali_kozh@inbox.ru

В последние годы в России периодически происходят террористические акты, сопровождающиеся массовой гибелью людей [2]. Директор ФСБ РФ Александр Бортников в докладе на заседании Национального антитеррористического комитета указал, что 80% террористических проявлений в стране приходится на Южный федеральный округ [3].

В связи с этим актуальным является изучение переживания террористической угрозы [1] жителями Южного федерального округа. При этом особый интерес представляет Краснодарский край, где количество терактов не так велико, как, например, в Дагестане или в Чеченской республике, но близость к «горячим точкам» создаёт постоянную угрозу

Секция «Психология»

проявления терроризма. Именно поэтому целью нашего исследования является изучение переживания террористической угрозы жителями Краснодарского края.

В исследовании приняли участие 163 студента и 156 школьников из Краснодара, Новороссийска и Сочи. Эти категории респондентов выбраны не случайно. Во-первых, молодёжь является наиболее социально активной частью населения, а во-вторых, взгляды этих людей на жизнь и политическую ситуацию в стране находятся в стадии формирования и могут быть неоднозначны, чем представляют для нас интерес. При этом взгляды школьников в силу возраста предположительно окажутся более радикальными по сравнению с взглядами студентов.

Количество студентов и школьников в каждом из городов было примерно одинаково. Средний возраст студентов – 18-21 год, средний возраст школьников – 15-17 лет. Среди студентов 131 девушка и 31 молодой человек. Среди школьников 95 девочек и 59 мальчиков. Не указали своей половой принадлежности один студент и два школьника.

В исследовании были использованы следующие методики:

- Методика «**Незаконченные предложения**», касающаяся феномена терроризма и проблем безопасности;
- Методика «**Суждения**», содержащая десять вопросов о терроризме и связанных с ним явлениях с двумя вариантами ответов в каждом.

В соответствии с целью нашего исследования из методики «Незаконченные предложения» нами были выбраны пункты «Когда я узнаю о террористическом акте...», «Больше всего я боюсь...», «Когда я нахожусь в толпе...» и «Места большого скопления людей...».

Анализ пункта «*Когда я узнаю о террористическом акте...*» показал, что 19% студентов и 9% школьников из Краснодарского края при сообщении о теракте испытывают страх. При этом студенты в 7% случаев указывали на появление ужаса, а школьники в 6,5% случаев сообщали об испуге и панике, охватывающих их, когда они узнают о террористическом акте.

Также в результате анализа этого пункта было выявлено, что достаточно часто и студенты (43%), и школьники (53%) продолжали предложение «Когда я узнаю о террористическом акте...» так, как будто находятся в ситуации теракта или теракт происходит где-то рядом с ними. Самым популярным ответом на это незаконченное предложение как среди студентов (14%), так и среди школьников (28%) был ответ «Сообщи в правоохранительные органы».

Этот факт представляется нам особенно интересным в плане изучения отношения общества к террористическим актам, поскольку показывает большую включённость этих людей в ситуацию теракта. В дальнейших исследованиях мы планируем сравнить этот показатель с показателями жителей районов, где существует меньшая угроза терактов.

В результате анализа пункта «*Больше всего я боюсь...*» было выявлено, что ответы на него связаны с терроризмом у 53% опрошенных студентов и 34% школьников. При этом, представительницы женского пола, как среди студентов (56,5%), так и среди школьников (34%) боятся терактов сильнее по сравнению с представителями мужского пола (42% случаев среди студентов и в 32% случаев среди школьников). Самым типичным ответом как среди студентов (37%), так и среди школьников (26%) был ответ «Боюсь, что я или мои близкие станут жертвами теракта».

Анализ пункта «*Когда я нахожусь в толпе...*» показал, что 66% студентов и 56% школьников, находясь в толпе, испытывают дискомфорт, внимательно относятся к подозрительным людям и бесхозным предметам. Наиболее типичными ответами на этот пункт среди студентов (36%) и среди школьников (22%) был ответ «Проявляю осмотрительность». При этом 3% студентов и 4% школьников прямо указали, что, находясь в толпе, опасаются терактов.

В ответе на пункт «*Места большого скопления людей...*» 30% студентов и 13% школьников назвали эти места потенциально опасными, при этом 29% студентов и 17%

Секция «Психология»

школьников прямо указали на места большого скопления людей как наиболее вероятные для совершения терактов. Наиболее типичными ответами на этот пункт как среди студентов, так и среди школьников были ответы: «Места большого скопления людей опасны» и «Места большого скопления людей – потенциальные места для совершения теракта».

В методике «Суждения» для анализа эмоционального отношения респондентов к терроризму нами были выбраны два пункта. А именно:

1. 1) Не стоит посещать места, где существует напряжённость между разными группами людей.
- 2) Террористический акт может случиться когда и где угодно — это не должно влиять на наши решения о поездках.
2. 1) Не стоит появляться в местах, где проходят различные политические акции.
- 2) Нужно обязательно участвовать в политических акциях, если они соответствуют твоим убеждениям.

Анализ первого пункта выявил, что 44% студентов и 41% школьников из Краснодарского края считают, что не стоит посещать места, где существует напряженность между разными группами людей. А 56% студентов и 59% школьников считают, что террористический акт может случиться когда и где угодно, и его возможность не должна влиять на их решения о поездках.

Анализ второго пункта показал, что 55,5% студентов и 60% школьников считают, что не стоит появляться в местах, где проходят различные политические акции. В то время как 54,5% студентов и 40% школьников придерживаются позиции активного участия в политических акциях, соответствующих их убеждениям.

Итак, наше исследование в определённой степени раскрыло характер переживания террористической угрозы представителями молодёжи Краснодарского края. А именно, были выявлены некоторые тенденции, указывающие на существование у участников исследования эмоциональной напряжённости в отношении террористических актов. Также в ходе исследования нами были рассмотрены различия в переживании террористической угрозы студентами и школьниками.

Литература

1. Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ – Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук. – М, 2007 г. – 27 стр.
2. www.nak.fsb.ru/nac/media/terrorism_today/history.htm (Сайт Национального антитеррористического комитета)
3. www.rbcdaily.ru/2008/07/04/focus/358308 (Сайт газеты «РБК Daily»)

Социальный стереотип представителей новых религиозных организаций в сознании молодежи

Лушпай С.А.

*Аспирант третьего года обучения
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
факультет психологии, Ярославль, Россия
E-mail: sluschpay@yandex.ru*

Представители новых религиозных организаций, воспринимают окружающий мир, в большинстве своем, как опасный, наполненный страхом. Безопасно можно чувствовать себя только внутри сплоченной организации, при условии, что исполняются ее требования. [3] Сходные взгляды на мир можно встретить и в молодежной среде. Подобные взгляды на внешний мир широко распространены в молодежной среде.

Секция «Психология»

Молодые люди считают окружающий мир враждебным, ищут защиты от него в замкнутых, отгороженных от общества организациях [1], к коим можно смело отнести новые религиозные организации.

На отношение к новым религиозным организациям, а, значит, и на стремление примкнуть к ним, непосредственное влияние оказывает их социальный образ, сложившийся в сознании молодежи. Социальный образ, или же стереотип, - это упрощенный, схематизированный образ социальных объектов, характеризующийся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений [4. с 241]. Стереотипы усваиваются обычно из вторичных источников, а не из непосредственного опыта, и используются задолго до возникновения ясных представлений о тех социальных группах, к которым они относятся. Наиболее частот встречающимися внешними источниками формирования стереотипов являются СМИ и религиозная пропаганда.

Целью нашего исследование было изучение «образа сектанта» в среде молодежи. Данное исследование направлено на выявление особенностей восприятия молодыми людьми представителей религиозных сект, а также влияние на эти представления средств массовой информации и религиозной агитации, и, как следствие, сделать предположение об устойчивости молодежи к воздействию агитации новых религиозных организаций.

Для исследования нами был использован тест установок личности на себя: «Кто я?» [2]. Методом контент-анализа были исследованы 52 статьи в СМИ, посвященные религиозным сектам и 100 статей из агитации новых религиозных организаций христианской формации. Исследование проводилось в Ярославле в 2008-2009 году.

Для наглядности результаты следует представить в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Распределение полученных данных по категориям образов

	Соц Я	Комм. Я	Мат. Я	Физич. Я	Деят. Я	Персп. Я	Рефл. я
Образ Я	18%	8%	2%	2%	16%	3%	51%
Образ сектанта	29%	9%	1%	2%	14%	0%	45%
Образ сектанта в СМИ	18%	19%	11%	0%	16%	0%	36%
Агитация	34%	23%	0%	29%	0%	14%	0%

Как видно из таблицы 1, в образе представителя новых религиозных организаций у молодежи, в средствах массовой информации на первое место выходит рефлексивная составляющая, в религиозной агитации – социальная составляющая образа. Следует подробнее остановиться на трех самых выраженных у молодежи составляющих «образа Я».

Сравнивая данные образы, можно отметить следующее. Молодежь, прежде всего, уделяет внимание «рефлексивному Я», то есть в описании преобладают характеристики, которые требуют определенного самоанализа. Такая позиция приводит и к стремлению понять других, поставить себя на их место, описании их с помощью подобных характеристик (в «Образе сектанта» так же преобладает «рефлексивное Я»). Однако отличием является то, что характеристики более конкретны, в них меньше «глобальности». В СМИ же, как и в религиозной агитации, рефлексивные характеристики более обобщены, глобальны.

Так же заинтересованность молодежи в «социальном Я» определяет и акцентирование внимание на этой характеристике «образа сектанта». В описании «образа сектанта» - на характеристики «групповая принадлежность», «мировоззрение». Составляющая «социальной составляющей образа Я» в СМИ и агитационной литературе также завязано на понятиях «семья», «общественная деятельность», однако эмоциональная составляющая образа противоположна.

Секция «Психология»

В деятельностной составляющей «образа Я» молодежи, занимающей третью позицию по частоте встречаемости, преобладает самооценка деятельности, тогда как в «образе сектанта» упор делается на описание интересов. Агитационные материалы не рассматривают этот аспект образа вообще. СМИ описывает деятельность сектантов как деструктивную, противозаконную.

Статистически достоверных различий, между образами новых религиозных организаций, в сознании молодежи, СМИ и агитации новых религиозных организаций не выявлено. Проверка на достоверность различий проводилась с использованием программы STATISTICA 6.0. Мы склонны объяснять полученный результат тем, что СМИ и религиозная агитация делают упор на одних и тех же качествах личности сектанта, однако, СМИ описывают их с негативной точки зрения, а издания религиозной тематики – с положительной. Таким образом, при изучении образа представителей новых религиозных организаций, необходимо уделять внимание не только «рациональной», но и «эмоциональной» составляющей социального стереотипа.

В целом, сложившийся в создании молодежи образ представителя новой религиозной организации более близок к описанию, представленному в СМИ, чем к описанию, которое дает религиозная агитация. Это говорит о довольно высокой степени устойчивости молодежи к влиянию агитационного материала, и использования в качестве основного источника информации о новых религиозных организациях публикаций в средствах массовой информации.

Литература

1. Дарвиш О.Б. Возрастная психология. - М.: Владос, 2003
2. Лушпай С.А. «Образ сектанта» в сознании молодежи // Современная психология: от теории к практике: материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2008». Секция «Психология». (Москва 9-10 апреля 2008 г.) – М. МГУ, 2008, ч. 2.с. 338-341
3. Лушпай С.А. «Образ Я» представителей новых религиозных организаций // ЧЕЛОВЕК. ВЛАСТЬ. ОБЩЕСТВО. Научные труды VII Азиатско-Тихоокеанского Международного Конгресса психологов (Хабаровск-Токио 12-16 мая 2008 года) – Хабаровск, 2008 – 308 с.
4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / М.: ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000 – 320 с.

Изучение особенностей личности сотрудников правоохранительных органов, проходивших службу в экстремальных условиях

Матвеева Е.А.

Студент

Томский государственный университет,

факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: mea2887@sibmail.com

Последние десятилетия жизни нашего общества сопровождаются возрастающим количеством экстремальных ситуаций различного масштаба и характера. Пребывание в экстремальных условиях характеризуется воздействием на психику человека стресс-факторов повышенной интенсивности. Длительность их воздействия, а также психотравмирующий характер могут способствовать возникновению изменений в психической деятельности, снижающих эффективность жизнедеятельности уже в мирных условиях.

Опыт изучения постстрессовых состояний показывает, что выявления симптомов и степени их выраженности без учета личностных особенностей недостаточно для представления полной картины. Кроме того, наличие хронических симптомов

Секция «Психология»

посттравматического стрессового расстройства часто отмечается на протяжении всей последующей жизни человека, пережившего психотравму, и может привести к патологической трансформации всей его личности. Поэтому изучение личностных особенностей пребывавших в экстремальных условиях людей является актуальным и значимым, так как позволяет получить более полное представление о постстрессовом состоянии и подобрать наиболее адекватные формы коррекции и лечения.

В работе представляются результаты исследования, проведенного среди сотрудников правоохранительных органов, проходивших службу в «горячих точках».

Целью исследования являлось изучение личностных особенностей, наблюдаемых у лиц, имеющих опыт службы в экстремальных условиях. Исследование проводилось на базе Томского Научно - Исследовательского Института Курортологии и Физиотерапии. Выборка (n=186) состояла из мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, имеющих одну и более командировок в «горячие точки».

Для проведения исследования были использованы Стандартизированная методика исследования личности (СМИЛ) Л.Н. Собчик и Психодиагностический тест Л.Т. Ямпольского.

Изучение обобщенного профиля СМИЛ выявило ведущие пики по шкалам: «сверхконтроль» ($p < 0,05$), «эмоциональная лабильность» ($p < 0,05$), «оптимистичность» ($p < 0,05$).

При анализе результатов психодиагностического теста Ямпольского повышение было выявлено по шкалам «активность» ($p < 0,05$), «экстраверсия» ($p < 0,05$), «расторженность» ($p < 0,05$).

Полученные данные позволили сделать вывод, что для сотрудников правоохранительных органов, проходивших службу в экстремальных условиях характерны следующие черты: неустойчивость поведения, демонстративность, яркие эмоциональные проявления при некоторой поверхностности переживаний, неустойчивость самооценки, на которую значительное влияние оказывает значимое окружение; сверхответственность, сочетающаяся с тенденцией к избеганию серьезной ответственности из-за страха не справиться.

Проведенный корреляционный анализ используемых методик показал наличие отрицательных взаимосвязей шкалы «сверхконтроль» со шкалами «невротизм» ($r = -0,1756$, $p = 0,038$), «психотизм» ($r = -0,2537$, $p = 0,002$), «депрессия» ($r = -0,1858$, $p = 0,028$), «расторженность» ($r = -0,1828$, $p = 0,031$), «активность»; ($r = -0,1933$, $p = 0,022$). Также отрицательные корреляции были получены между шкалами «эмоциональная лабильность» и «психотизм» ($r = -0,2996$, $p = 0,000$), шкалами «пессимизм» и «общительность» ($r = -0,2185$, $p = 0,010$), шкалами «импульсивность» и «совестливость» ($r = -0,2446$, $p = 0,004$), шкалами «индивидуальность» и «психотизм» ($r = -0,2068$, $p = 0,0014$).

Положительная связь была обнаружена между шкалами «сверхконтроль» - «эстетическая впечатлительность» ($r = 0,2564$, $p = 0,002$), женственность ($r = 0,2701$, $p = 0,001$). Положительно связаны шкалы «пессимизм» - «депрессия» ($r = 0,2062$, $p = 0,015$), «робость» ($r = 0,3669$, $p = 0,000$); шкалы «импульсивность» и «сенситивность» ($r = 0,1729$, $p = 0,041$); шкалы «тревожность» и «невротизм» ($r = 0,1967$, $p = 0,020$); шкалы «интроверсия» - «невротизм» ($r = 0,3196$, $p = 0,000$), «психотизм» ($r = 0,1764$, $p = 0,037$), «депрессия» ($r = 0,2233$, $p = 0,008$).

Корреляционный анализ продемонстрировал ряд статистически значимых связей между показателями используемых методик. При высоком уровне подавления спонтанности, сдерживания активной самореализации, испытуемые проявляют неуверенность в себе, высокую чувствительность, замкнутость, снижение настроения и общей активности. Отмечается также, наличие пессимистических мыслей и повышение импульсивности при общем снижении общительности и негативном отношении к социальным нормам и требованиям. Чрезмерная замкнутость с преобладанием тревожно-мнительных черт

Секция «Психология»

способствует развитию пассивной личной позиции испытуемых, что предполагает снижение включенности в социальную среду, скованность в межличностных контактах.

На сегодняшний день личностным изменениям, вызванным психическими травмами, уделяется мало внимания, в основном исследование психических последствий, являющихся следствием пребыванием в экстремальных условиях, ограничивается изучением посттравматических стрессовых расстройств. Поэтому проблема возникновения патологических личностных свойств под влиянием психотравмирующих событий нуждается в дальнейшем исследовании и разработке.

Изучение специфики восприятия экстремальной ситуации и динамики эмоционального компонента у спасателя в структуре МЧС

Москаленко НВ

студентка

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, факультет психологии,
Ярославль, Россия*

E-mail: nad_m_v@mail.ru

Словосочетание чрезвычайные ситуации прочно вошло в жизнь и сознание современного человека. В 1992 году была создана поисково-спасательная служба МЧС России. Спасатели МЧС России всегда первые там, где людям нужна помощь: в завалах разрушенных строений, в огне пожаров, в местах выброса опасных и вредных веществ. Спасатели МЧС России являются профессионалами высокого класса. Служба спасателя протекает в постоянно меняющейся обстановке. В этих условиях он должен распределить внимание так, чтобы держать в поле зрения все важные элементы ситуации. Помимо этого спасатель находится в постоянной боевой готовности, в постоянном ожидании экстремальных ситуаций. Его работа связана с риском для жизни, дефицитом информации и времени на обдумывание и принятие адекватного решения (1). Поэтому такие вопросы как отбор, обучение, формирование и поддержание слаженной работы в команде, а также саморегуляция являются актуальными и требующими грамотного решения.

В работе, которую мы проводили со спасателями одной из пожарных частей города Ярославля, как первый шаг в разработке практических предложений, было важно выяснить специфику работы пожарного и ее влияние на восприятие экстремальной ситуации.

Был разработан и проведен эксперимент, позволивший решить ряд исследовательских задач: выявить особенности восприятия экстремальной ситуации профессионалами и людьми, не связанными с работой спасателей; выявить динамику эмоционального компонента у спасателей с течением времени.

Полученные результаты.

- Люди, которые не связаны с работой спасателей, описывают сюжет. В качестве ответа они называют, что именно они видят, и какие оценки они при этом дают («Горит дом», «ходят спасатели», «это тяжело», «там жарко», «как страшно», «мне жалко»). У специалистов такого описания происходящей ситуации нет. Представленную ситуацию они начинают рассматривать как стимул для размышления о своей деятельности. Сразу переходят на собственные определения того, что они чувствуют, что они думают и как они действуют в реальной ситуации. Но не то, что они видят перед собой на экране.
- Интересные результаты, связанные с эмоциональным компонентом пожарных. Изначально мы предполагали, что с опытом работы эмоции ослабевают и уходят.

Секция «Психология»

Пожарные перестают испытывать какие-либо эмоции в ходе выполнения задания. Но при анализе протоколов выяснилось следующее:

80% опрошенных признали наличие у них эмоций в течение работы. Они соглашались с тем, что полностью от эмоций не избавишься, и они присутствуют, «даже когда работаешь уже более 10 лет».

На следующем этапе работы мы отследили, как изменяются эмоциональные реакции и их проявление у новичков и спасателей с большим стажем.

Оказалось, что молодые спасатели в большинстве случаев называют определенные и четкие эмоции, которые у них возникают на пожаре («очень жалко людей», «неприятно очень», «волнение сильное испытываю», «у меня всегда злость возникает»). Спасатели со стажем более 5-6 лет не могут дать определенный ответ на подобный вопрос. Наиболее часто встречающимся ответом является: «нет сильных и определенных эмоций». Они не смогли объяснить это состояние. Максимум что нам удалось выяснить – перечисление общих чувств, например, ситуация в целом неприятна, «эмоции где-то на фоне, наверное», «переживаю за товарищей». Хотя очень многие отмечали, что по молодости они испытывали определенные эмоции – страх, неприязнь, жалость.

Исходя из этого, можно говорить о том, что с опытом эмоции не уходят, а лишь теряют свою конкретность. При этом сохраняются эмоции в своей интегрированно-энергетической части. Происходит образование «комбинированной эмоции», которая не имеет конкретного названия, но имеет суммарное напряжение эмоций, обычно испытываемых спасателями в начале своей профессиональной работы. Напряжение, идущее от «комбинированной эмоции» обеспечивает тонус и энергетику действенного и мыслительного компонента.

Стоит отметить следующее, когда в ходе спасательных работ возникает непредвиденная ситуация, т.е. проблемная ситуация – возникает определенная эмоция (например, злость, страх за кого-то). Эти эмоции являются стеническими по своей сути, потому что стимулируют к действию. Наиболее часто приводимые условия возникновения таких стенических эмоций приведены ниже.

- Дети в огне
- Люди в огне
- Есть жертвы
- Жертвами оказались дети
- Есть препятствие, мешающие началу или продолжению спасательных работ.

В подобных ситуациях, стенические эмоции стимулируют работу, как когнитивного уровня, так и действенного, но в тоже время «забирают» на себя часть внимания, т.к. находится в области сознания. Если такая ситуация сохраняется в течение длительного времени, то вырастает вероятность ошибок. Поэтому должны включаться механизмы, направленные на подавление эмоций. Мы предполагаем, что подобные механизмы должны быть сформированы еще на первых этапах работы, возможно в обучении.

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. Специфика восприятия ситуации профессионалами заключается в том, что ситуация воспринимается объемно. Экстремальная ситуация ведет к актуализации всего интегрированного опыта с прогнозированием развития данной ситуации и выбором наиболее адекватных действий в данной ситуации
2. Специфика эмоций, которые испытывает профессионал, заключается в том, что уходят четкие названия этих эмоций, но сохраняется суммарное напряжение, которое служит энергетической основой для мыслительной и действенной активности.

Литература

Особенности связи психологической безопасности, толерантности и авторитаризма у современных мужчин

Синдеева Н.Б., Николаев И.А.

студенты

Томский Государственный Университет, факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: Natalie_SG@sibmail.com

Для того чтобы проверить предположение о связи между психологической безопасностью современных мужчин, их толерантностью и авторитаризмом нами было организовано и проведено психодиагностическое исследование. Были использованы три методики: Шкала базисных убеждений (ШБУ, автор Ронни Янов-Бульман), методика Индекс толерантности (ИТ, автор Г.У.Солдатова) и Шкала авторитаризма (ША, авторы Т.Адорно и др.). В исследовании приняли участие 76 мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. Результаты психодиагностики были статистически обработаны, вычислены средние значения показателей, проведён корреляционный анализ. В итоге был выявлен ряд значимых корреляционных связей.

Показатель шкалы «Благосклонность к миру» ШБУ положительно коррелирует с показателями шкалы «Межличностное доверие» ИТ ($r=0,676$, $p=0,000$) и шкалы «Этническая толерантность» ИТ ($r=0,338$, $p=0,019$), но отрицательно коррелирует с шкалой «Деструктивность и цинизм» ША ($r=-0,36$, $p=0,001$). Это означает что, чем больше современный мужчина убеждён в благосклонности окружающего мира, тем больше он доверяет людям вокруг и терпимо относится к представителям других этнических групп, а также менее враждебен и агрессивен по отношению к чужакам и испытывает меньший страх перед незнакомцами. Кроме того, обнаружена отрицательная связь шкалы «Благосклонность мира» ШБУ со шкалой «Суеверие и стереотипия» ША ($r=-0,266$, $p=0,02$). Следовательно, чем ниже убеждённость в позитивной природе мира, тем больше он верит в предначертание судьбы и разного рода мистические внешние силы.

Положительные связи шкалы «Доброта людей» ШБУ со шкалой «Межличностное доверие» ИТ ($r=0,614$, $p=0,000$) и «Индекс доверия» ИТ ($r=0,527$, $p=0,000$) показывают, что, при восприятии людей как добрых, мужское население начинает им в большей степени доверять. Кроме того, анализируя связи шкалы «Доброта людей» ШБУ со шкалами «Этническая толерантность» ИТ ($r=0,489$, $p=0,000$), «Личностная толерантность» ИТ ($r=0,339$, $p=0,018$), «Социальная толерантность» ИТ ($r=0,407$, $p=0,004$) и «Индекс толерантности» ИТ ($r=0,525$, $p=0,000$) можно сказать, что при позитивном отношении к людям повышается терпимость к их различным личностным характеристикам, этнической принадлежности, а также любым проявлениям судьбы. Понятна отрицательная связь шкалы «Доброта людей» ШБУ и шкалы «Индекс ксенофобии» ИТ ($r=-0,512$, $p=0,000$). Действительно, чем более добрыми современный мужчина видит людей, тем меньше страха он испытывает по отношению к незнакомцам. Наблюдается отрицательная связь со шкалами «Авторитарное подчинение» ША ($r=-0,271$, $p=0,018$) и «Авторитарная агрессия» ША ($r=-0,288$, $p=0,012$), что говорит о связи негативного отношения к людям с возрастающим стремлением к подчинению авторитетам, потребности в сильном лидере, склонности к осуждению, отвержению и наказанию людей, не уважающих традиционные ценности. При благосклонном отношении к людям снижается вера в мистическое предначертание судьбы, склонность к суевериям, перенесение ответственности на внешние силы, ригидность мышления (опираясь на данные шкалы «Суеверность и стереотипия» ША, $r=-0,38$, $p=0,001$), а также общая враждебность, очернение человеческой природы, оценка враждебности по отношению к чужакам как естественной

Секция «Психология»

(связь со шкалой «Деструктивность и цинизм» ША, $r=-0,324$, $p=0,004$) и предрасположенность верить в то, что мир зол и опасен (связь со шкалой «Проективность» ША, $r=-0,272$, $p=0,017$).

Шкала «Контролируемость мира» ШБУ отрицательно коррелирует с двумя шкалами «Этническая толерантность» ИТ ($r=-0,355$, $p=0,013$) и «Индекс доверия» ИТ ($r=-0,34$, $p=0,018$). Таким образом, видно что, чем больше современный мужчина пытается контролировать происходящее, тем менее терпимое отношение он проявляет к различным этническим группам, которые так или иначе не соответствуют нормам группы, которой он принадлежит. Кроме того, снижается общее доверие к окружающим.

«Случайность как принцип распределения происходящих событий» ШБУ положительно коррелирует с «консерватизмом» ША ($r=0,255$, $p=0,026$), которое выражается в сильной приверженности ценностям среднего класса. Это понятно, ведь, чем больше неопределённости в жизни, чем большей защищённости хочется достичь, строго соблюдая все правила и действуя чётко «по плану». Отрицательная же взаимосвязь наблюдается с показателями «Этнической толерантности» ИТ ($r=-0,335$, $p=0,02$) и «Индексом доверия» ИТ ($r=-0,34$, $p=0,018$). Опять же, при неопределённом будущем современный мужчина меньше доверяет окружающим, открывается им, ему особенно сложно строить отношения с «чужими», порой очень непонятными людьми, принадлежащими другой этнической группе.

Похожая ситуация складывается при анализе связи показателей шкалы «Степень самоконтроля» ШБУ и шкалы «Консерватизм» ША, которые имеют положительную корреляцию ($r=0,265$, $p=0,021$). Действительно, чем больше мужчина пытается себя контролировать, чем сдержаннее он, чем больше хочет контролировать происходящие события, тем сильнее ставит себя в рамки той или иной группы или общества, и более критично относится к тем, кто из них выбивается.

Также из полученных данных можно сделать вывод о том, что чем больше мужское население чувствует удачу и везение (опираясь на данные шкалы «Степень удачи, или везения» ШБУ), тем больше оно доверяет людям (шкала «Межличностное доверие», ШБУ) ($r=0,508$, $p=0,000$), толерантно к ним относится (шкала «Социальная толерантность» ШБУ) ($r=0,322$, $p=0,026$), а также меньше подвержено страху перед стигматизированными группами (шкала «Страх перед стигматизированными группами» ШБУ) ($r=-0,307$, $p=0,033$) и незнакомцами (шкала «Страх перед незнакомцами» ШБУ) ($r=-0,348$, $p=0,015$). Скорее всего, так происходит, потому что эти люди не боятся негативных проявлений со стороны «чужих», обманов, предательств и т.п., они верят в свою удачу и везение, что, видимо, повышает и веру в самих себя.

Анализируя показатели последней шкалы «Суммарный индекс психологической безопасности» ШБУ, видно, что наша гипотеза подтвердилась. Итак, «Суммарный индекс психологической безопасности» ШБУ отрицательно коррелирует с «Суммарным показателем авторитарности» ША ($r=-0,251$, $p=0,029$), «Преувеличенной озабоченностью сексуальной жизнью» ША ($r=-0,373$, $p=0,001$), «Проективностью» ША ($r=-0,261$, $p=0,023$), «Деструктивностью и цинизмом» ША (общая враждебность, очернение человеческой природы, оценка враждебности по отношению к чужакам как естественной) ($r=-0,335$, $p=0,003$) и «Индексом ксенофобии» ИТ ($r=-0,355$, $p=0,013$). Положительно коррелирует с «Межличностным доверием» ИТ ($r=0,524$, $p=0,000$) и «Индексом доверия» ИТ ($r=0,339$, $p=0,019$).

Таким образом, можно сказать, что чувство психологической безопасности положительно влияет на жизнь современных мужчин и уменьшает их стремление к агрессии, подавлению других и авторитаризму. В противном случае, потеря у них этого чувства безопасности, вероятно, вследствие их стремления контролировать жизненные события и окружающих, может приводить к повышению чувствительности к антидемократической идеологии и авторитаризму и снижению толерантности.

Литература

1. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У.Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. - М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2003. – 112 с.

Особенности переживания утраты ребенка (на примере матерей, потерявших детей в результате трагедии в Беслане)

Отрадинская В.В.⁷¹

аспирантка

Российский государственный социальный университет

*Факультет психологии, социальной медицины и реабилитационных технологий,
Москва, Россия*

E-mail: pupanka@mail.ru

Увеличившееся в последнее десятилетие количество трагедий, террористических актов, масштабных катастроф привело к огромному количеству смертей и еще большему количеству искалеченных судеб. Зачастую жертвами становятся дети.

Теракт в Беслане 1-3 сентября 2004 года, всколыхнувший мировую общественность, сделал маленький город в Северной Осетии печально известным. Трагедии подобного масштаба требуют принятия на законодательном уровне программы поддержки и помощи пострадавшим. В качестве пострадавших необходимо выделять как первичных (заложники, их близкое окружение), так и вторичных жертв теракта (жителей города, которые невольно стали свидетелями трагедии и испытывали стрессогенные переживания, приводящие нередко к тяжелым психическим расстройствам, выражающимся в некорректном поведении, особом отношении к себе и пострадавшим). В то же время нам известно лишь о наличии программы долговременной психологической помощи пострадавшим детям. Психологическая помощь другим категориям пострадавших (например, членам семьи) оказывается лишь попутно.

Мы решили проверить психологическое состояние матерей, потерявших детей в результате теракта. Исходя из того, что процессу переживания утраты свойственна динамика и, в ходе анализа литературы придя к мнению, что большинство психологов считают три года достаточным сроком для завершения работы горя (во время нашего обследования с момента трагедии прошло 3 года и 4 месяца), мы считали, что спустя 3,5 года «работа горя» будет либо закончена, либо подходить к концу [1; 2; 3; 4].

Однако, побеседовав с 20 женщинами, которые в результате трагедии потеряли одного или двух детей, мы пришли к выводу, что завершение «работы горя» присутствует лишь в единичных случаях. В остальных случаях мы можем говорить об остром горе, характеризующемся ощущением своей крайней несчастья (72% опрошенных матерей), поглощенностью образом умершего (постоянные обращения к умершему (90%), комната в его память(95%)), виной (55%), враждебными реакциями (55%), утратой прежних моделей поведения (60%), мыслями и попытками самоубийства (50%), депрессией (65%), высоким уровнем тревоги (60%), острой болью (85%), пессимистическим взглядом на будущее (45%). Нахождение на данных этапах не позволяет пострадавшим матерям завершить «работу горя» и выстроить взаимоотношения в мире без ушедшего.

Проведенный статистический анализ позволил заключить, что связанными оказались следующие характеристики утраты:

⁷¹ Автор выражает признательность профессору, д.пс.н. Петровой Е.А. и доценту, к.пс.н. Нестеровой А.А.

за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

- Плач связан с невысокими представлениями о добре и справедливости (-0,500 при $p \leq 0,05$) и низким уровнем компенсации (-0,504 при $p \leq 0,05$);
- Существование комнаты памяти ребенка связано с механизмами отрицания (0,549 при $p \leq 0,05$) и подавления (0,520 при $p \leq 0,05$);
- Постоянное желание прийти к зданию школы связано с низкими показателями образования (-0,484 при $p \leq 0,05$), высокой депрессией (0,520 при $p \leq 0,05$) и низкими показателями интеллектуализации (-0,529 при $p \leq 0,05$);
- Постоянные мысли о самоубийстве с высокими показателями депрессии (0,541 при $p \leq 0,05$) и отрицания (0,516 при $p \leq 0,05$);
- Удушье, оцепенение, потерянности и ощущение, что она – самый несчастный человек на свете (0,570 при $p \leq 0,05$);
- Чувство своей исключительной несчастью с плачем (0,523 при $p \leq 0,05$), постоянными разговорами с умершим ребенком (0,570 при $p \leq 0,05$), высокими показателями механизма регрессии (0,649 при $p \leq 0,01$) и стратегией антиципирующего преодоления (0,477 при $p \leq 0,05$);
- Постоянное обращение к умершему ребенку связано с высокими показателями механизма регрессии (0,753 при $p \leq 0,01$) и стратегией изменения личностных свойств (0,540 при $p \leq 0,05$);
- Избегание встреч с детьми возраста умершего ребенка связано с высоким уровнем развития механизма реактивного образования (0,504 при $p \leq 0,05$) и высокой депрессией (0,684 при $p \leq 0,01$);
- Социальная изолированность связана с высоким уровнем регрессии (0,493 при $p \leq 0,05$);
- Депрессия связана с развитостью стратегии ухода или бегства (0,439 при $p \leq 0,05$) и механизмом отрицания (0,472 при $p \leq 0,05$);
- Тревога связана с низкими показателями стратегии позитивного истолкования ситуации (-0,533 при $p \leq 0,05$).

Нами было выявлено, что женщина, не закончившая после 3,5 лет «работу горя», имеет в большинстве случаев следующие характеристики: среднее образование, одинокая или рассталась с мужем или спутником жизни после трагедии, испытывает чувство вины, постоянно «общается» с умершим ребенком, избегает детей возраста своего ребенка, постоянно приходит к зданию школы; имеет низкие показатели интеллектуализации и компенсации, высокие показатели замещения, реактивного образования и идентификации со счастливым, поколебавшиеся отношения с Богом после трагедии, низкое представление о добре и справедливости; справляется с переживаниями в одиночку (общество ей, по ее мнению, не помогает), не видит смысла в жизни.

Мы считаем, что высказанные выше результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что пострадавшим от потери ребенка матерям необходима последовательная психологическая помощь (особенно в ситуациях потери ребенка в масштабных трагедиях). Данная помощь должна быть направлена на признание факта утраты, снятие чувства вины и построение новых взаимоотношений с миром и ушедшим. Показанные в работе патологические особенности переживания утраты требуют коррекции, которая наиболее полно может быть выражена в рамках долговременной психологической работы.

Литература

1. Волкан В., Зинтл З. Жизнь после утраты: психология горевания / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2007. – 160с.
2. Дейтс Б. Жизнь после потери / Пер. с англ. В.Челноковой. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 1999. – 304с.
3. Моуди Р., Аркэнджел Д. Жизнь после утраты. – Киев: София; М: Гелиос, 2002. – 287с.

Специфика транзитного феномена в подростковом возрасте

Попова Т.В.

Студентка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: tanuxa@list.ru

Подростковый возраст традиционно рассматривается в психологии как период кризиса, «бури и натиска», «гормонального взрыва» и пубертата. В это время происходит переход от ребенка к взрослому во всех сферах — физической (конституциональной), физиологической, личностной (нравственной, умственной, социальной). При этом часто считается, что это переход имеет характер острого, конфликтного периода с явно выраженными изменениями в поведении подростка. Например, А. Фрейд считала, что само по себе аномально быть нормальным в подростковый период. Очень многие реакции в подростке фрейдизм объяснял инстинктами. Например, агрессивность понималась как проявление инстинкта Танатос (смерти и разрушения), если подросток не находил достойного сексуального замещения.

Основные изменения этого переходного возраста касаются не только физической, телесной сферы, но и сферы самосознания, идентичности и мировоззрения. Например,

Л. С. Выготский центральной проблемой подросткового периода считал становление самосознания и интериоризацию социальных функций.

Однако мы можем рассматривать подростковый возраст, как транзитный (переходный) период из одного состояния в другое, из детства во взрослость, рассматривая происходящие изменения с точки зрения трансформационной модели (Магомед-Эминов, 1998). При этом эта трансформация не всегда проходит заметно для самого подростка и может не носить острый кризисный характер. Представители культурной антропологии М. Мид и Р. Бенедикт доказали, что в культурах, где подростки рано принимают на себя обязанности взрослых, не происходит кризисов, нет и непредсказуемости в их поведении. (Мид М, 1988).

Актуальность работы состоит в изучении аспектов трансформации личности подростка в переходный период, а также в изучении специфики перехода у подростков, переживших психическую травму.

Цель исследования в нашей работе – выявить характерные особенности транзитного феномена в подростковом возрасте, а также определить факторы, влияющие на более продуктивную трансформацию личности.

Предметом изучения являются особые состояния трансформации личности, переживаемые в подростковом возрасте.

Гипотеза исследования состоит в том, что существуют различия во взрослении подростков, переживших психическую травму в период предподростничества или в детстве, и во взрослении подростков без наличия психической травмы.

Одним из основных методов при проведении исследования является модификация методики «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда. При этом подростки отвечают на вопрос «кто я?» оценивая себя до подросткового возраста, в настоящее время и какими они себя представляют в будущем. Таким образом, выявляется темпоральный или временной аспект перехода, т.е. в момент существования личности связываются моменты «перед» и «после» (Магомед-Эминов, 2007).

Для исследования транзитного феномена у подростков, переживших психическую травму также используется метод биографического интервью. Для выявления силы психической травмы и ее воздействия используется тест (шкала) «Воздействия жизненных событий» (М.Хоровитц), адаптированный М.Ш.Магомед-Эминовым (ТВЖС). Методика

направлена на измерение интенсивности посттравматических стрессовых реакций на травматические стрессоры в результате воздействия различных жизненных травматических событий. Качественный анализ полученных в ходе биографического интервью отчетов испытуемых, их сравнение, а также соотнесение с результатами методики «Кто я?» и ТВЖС позволяет оценить и выявить характерные особенности изучаемого феномена у данной группы испытуемых.

Литература:

- 1) Магомед-Эминов М.Ш. «Позитивная психология человека, том 1. Москва, ПАРФ, 2007.
- 2) Мид М. Культура и мир детства. Изд: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1988.

Экзамен как экстремальная ситуация в образовательном процессе

Рубцова И.С.⁷²

Студент факультета психологии

Российский государственный профессионально-педагогический университет,

Екатеринбург, Россия

Email: erzenkova@olympus.ru

Актуальность изучения влияния экстремальных ситуаций на личность во многом обусловлена возрастанием частоты их возникновением в жизни всего мирового сообщества и отдельного человека. Проблема психологической устойчивости личности в нестабильном мире становится насущной; исследования социально-психологических детерминант этой устойчивости выступают одним из факторов обеспечения безопасности жизнедеятельности.

Понятие «экстремальная ситуация» в научной литературе существенно расширило свои рамки, что обусловлено сменой критериальных подходов к классификации ситуаций, переходом от внешнесредовых представлений об экстремальной ситуации к изучению особенностей ее перцепции и интерпретации. Экстремальная ситуация (от лат. *extremus* - крайний) - понятие, посредством которого дается целостная характеристика внезапно изменившейся обстановки, связанной с особо неблагоприятными или угрожающими факторами, для жизнедеятельности человека, а также высокой проблемностью, напряженностью и риском, в реализации целесообразной деятельности, в данных условиях. С теоретической точки зрения экстремальная ситуация характеризуется разрывом сознания ее субъекта. В этой связи именно современные теории сознания могут явиться научной базой для обоснования эффективных подходов и схем к описанию психологии таких ситуаций. Конкретные экстремальные ситуации не похожи друг на друга, поэтому выход из ситуации невозможно предугадать с самого начала. Поиск нужного пути лежит в поиске особой «болевого точки», по отношению, к которой может быть построен процесс реабилитации. Этой точкой может быть установка на любимую вещь, привычную форму поведения, ценность или образ.

На студентов, находящихся в экстремальных условиях, наряду с различными поражающими факторами действуют и психотравмирующие обстоятельства, представляющие собой обычно комплекс сверхсильных раздражителей, вызывающих нарушение психической деятельности в виде так называемых реактивных (психогенных) состояний.

К сожалению в практической психологии изучению проблем поведения студента в экстремальной ситуации уделяется недостаточное внимание и иной раз студент не знает, как в них себя вести. Процесс образования в вузе создает большое количество ситуаций которые переживаются студентами как экстремальные. Это написание, оформление и публичные выступления при защите курсовых и выпускных квалификационных работ, тестирование по учебной дисциплине (промежуточное, итоговое), экзамен, подготовка к сессии.

⁷² Автор выражает признательность доценту, к.п.н. Шахматовой О.Н. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

Эти ситуации можно рассматривать как экстремальные, так как они могут оказывать негативное влияние на здоровье (физические сигналы: аллергические реакции, головная боль, изжога, головокружение, высокое давление, боли в грудной клетке, тошнота), психические состояния студента (психологические сигналы: дезорганизованность, несамостоятельность, потеря деловых качеств, депрессии), что проявляется усилением конфликтности в межличностных отношениях с сокурсниками, семьей. Экстремальная ситуация в образовательном процессе представляет совокупность условий и обстоятельств, выходящих за рамки обычных, которые затрудняют или делают невозможной жизнедеятельность индивидов или социальных групп. Исследователи указывают, что сдача экзамена вызывает психическую напряженность, как “психические состояния в сложных условиях вообще, независимо от вызываемых ими эффектов”. Для большинства учащихся экзамен – это своеобразная критическая ситуация, которая определяет их положение в учебном заведении, а так же наличие или отсутствие стипендии и даже дальнейшую судьбу. При этом период сдачи экзаменов всеми студентами оценивается как трудная ситуация, хотя они могут быть как эмоционально отрицательной, так и эмоционально положительной.

В институте психологии РГППУ было проведено исследование экстремальных ситуаций в образовательном процессе. Исследование проводилось во время экзамена. Было обследовано 150 студентов. Использовались методики диагностики психических состояний и свойств личности (определение депрессии), шкалы оценки уровня реактивной и личностной тревожности, Ч.Д. Спилберг и Ю.Л. Ханин (определение тревожности), Гессенский опросник, адаптирован в психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева.

Результаты исследования подтвердили, что практически у всех участников исследования при достижении поставленной цели и преодолении трудных ситуаций, особенно в период экзаменов, значительно повышается напряженность различных функций организма. Так в ходе исследования реактивной тревожности получены следующие результаты: 53% испытывают умеренную тревожность, 11% низкую и 36% высокую. Диагностика личностной тревожности у большинства умеренная (38%), низкая 30% и высокая 32%. У большинства студентов депрессивные состояния не выявлены (96%) и у 4% легкая депрессия ситуативного или невротического генеза. Высокая тревожность обнаружена у студентов с легкой депрессией невротического генеза. Непредвиденные экстремальные ситуации приводят к тому, что у ряда студентов (людей) в результате тяжелого стресса "поверхностные" резервы организма иссякают, а "глубокие" не успевают мобилизоваться и как следствие возникают соматические болезни на нервной почве. Так же у студентов с повышенной тревожностью выявлена жизненная потеря энергии. То есть усталость, недомогание, может быть нарушен режим сна, появляется усталость без всяких причин, возникает чувство подавленности. Как позитивное следует отметить что только 1% студентов подвержен нервному истощению но, если они будут сильно переживать нервничать, то у них могут возникнуть желудочные боли. У 10% студентов на почве нервного состояния, проявляется ощущение слабости, гастроэнтерологические заболевания, повышенная сонливость, головокружения, быстрая истощаемость, заболевания эндокринной системы.

Подготовка и сдача экзаменов сопряжены с чрезвычайно большим напряжением организма студента, вызванным интенсивной умственной деятельностью и повышенной статической нагрузкой, обусловленной длительной вынужденной позой, крайним ограничением двигательной активности, нарушением режима отдыха и сна, эмоциональными переживаниями. Возрастание напряжения проявляется субъективно – в переживаниях беспокойства, тревожности, раздражительности, напряженности, угнетенном состоянии. Объективно – это чисто физиологические проявления – повышение кровяного давления, мускульного напряжения, глазного давления, усиление выделительных функций, изменение сердечной деятельности и дыхания.

Большую роль в решении проблемы снижения влияния экстремальной ситуации на жизнь студента должны принадлежать психологической службе вуза. Она должна, работать в плане оказания релаксации, снятия напряжения.

Основы формирования стрессоустойчивости военнослужащих

Руда К.Ю.

курсант

Учреждение образования «Военная Академия Республики Беларусь», пограничный факультет, Минск, Республика Беларусь

E-mail: cadet_rb@mail.ru

Современный человек постоянно живет на грани стресса. Причиной тому становится множество факторов, таких как: скверная экология, жесткий ритм городской жизни, агрессивная социальная среда, политическая нестабильность, финансовые кризисы и т.д. Стресс не обходит никого. Особенно огромное влияние стресс оказывает на психические состояния военнослужащих в условиях экстремальных ситуаций. Такие ситуации требуют от военнослужащих полной мобилизации моральных и физических сил организма, что впоследствии может сказаться на их психическом здоровье. Такие факторы, как высокий уровень тревожности военнослужащих в периоды напряженных ситуаций, сильное эмоциональное напряжение, состояния фрустрации являются предпосылками стресса.

В психологической литературе понятие стресс (от англ. stress – давление, нажим, напряжение) определяется как неспецифический ответ организма на предъявляемые ему внутренние и внешние требования. Факторы, вызывающие стресс (стрессоры) могут быть противоположны друг другу, но они пускают вход одинаковую в сущности биологическую реакцию стресса – они предъявляют организму требование в перестройке. Это требование неспецифично, оно состоит в адаптации к возникшей трудности, какова бы она не была. Фактически, организм испытывает стресс постоянно. С точки зрения стрессовой реакции не имеет значения, приятна или неприятна ситуация, с которой мы столкнулись. Имеет значение лишь интенсивность потребности в перестройке или в адаптации. Однако существует отрицательный, так называемый, дистресс. Возникновение дистресса может быть вызвано разными степенями эмоционального возбуждения. Это может быть как депривация (полное отсутствие раздражителей), так и чрезмерное, избыточное раздражение [1].

Стрессоустойчивость можно определить как свойство личности, обеспечивающее гармоничное отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации и тем самым содействующее успешному выполнению деятельности. Однако под термином «стрессоустойчивость» следует понимать и такие частные его составляющие, как эмоциональная устойчивость, психологическая устойчивость к стрессу, стресс-резистентность, фрустрационная толерантность. Только единство и согласованность данных явлений могут способствовать устойчивости личности к стрессовым состояниям [2].

Для пограничной службы очень характерной чертой является нередкое выполнение оперативно-служебных задач в условиях напряженных, а порой и экстремальных ситуаций. Следствием этого являются сильные эмоциональные перегрузки, высокое нервное напряжение, которые нередко приводят к возникновению дистресса. Поэтому актуальным является вопрос преодоления военнослужащими стрессовых состояний, овладения навыками регуляции и саморегуляции психических состояний в целях повышения стрессоустойчивости.

В исследовании стрессоустойчивости условно выделяют два способа регуляции психических состояний, т.е. два способа восстановления нарушенного отношения между

Секция «Психология»

отдельными компонентами деятельности – «внутренний» и «внешний». Так, к внутренним способам относят такие приемы преодоления эмоциогенной ситуации, которые адресованы внутренним субъективным факторам возникновения этой ситуации. Способы же «внешнего» преодоления направлены на устранение внешних условий возникновения эмоциогенной ситуации – в первую очередь на изменение операционального состава деятельности [3].

С целью определения уровня стрессоустойчивости курсантов на пограничном факультете Учреждения образования Военная академия Республики Беларусь было проведено исследование по методике Д. Лэйка «Самооценка стрессоустойчивости личности» [4]. Результаты исследования показали, что курсанты имеют высокий уровень стрессоустойчивости в обычной ситуации. Однако эти показатели могут меняться в зависимости от возникшей ситуации, требующей немедленной реакции и быстрого принятия решения. В напряженных ситуациях у ряда исследуемых заметно возрастает подверженность возникновению стрессовых состояний, которые могут негативно влиять на поведение военнослужащих и впоследствии сказаться на их психическом состоянии. Поэтому очевидна необходимость овладения курсантами навыками регуляции и саморегуляции своих психических состояний, использования методов релаксации в целях повышения стрессоустойчивости.

Опыт оперативно-служебных действий в экстремальных ситуациях доказал целесообразность проведения психологической подготовки военнослужащих, направленной на снижение уровня тревожности, формирования эмоциональной устойчивости к стрессовым ситуациям. Частое воздействие стресса на организм военнослужащих может привести к постоянным депрессиям и таким психическим заболеваниям, как неврозы. В целях преодоления и профилактики стрессовых состояний, регуляции психофизиологического состояния, по мнению Т.В. Харевич, Н.А. Пиуновой могут использоваться такие психологические методики, как «Наблюдение», «Контроль над мышцами», «Аутогенная медитация», «Укрепляющее дыхание» и др. Приобретение данных навыков военнослужащими помогает им правильно оценивать свое психологическое состояние, анализировать и корректировать его, оптимизировать профессиональную деятельность, адекватно и своевременно действовать в любой сложившейся обстановке [4].

Литература

1. Селье, Г. Стресс без дистресса. - М.: Прогресс, 1982.
2. Реан, А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – СПб.:прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.
3. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. - Казань: Из-во КазГУ, 1987.
4. Харевич, Т.В., Пиунова, Н.А. Психодиагностический стресс: диагностика и профилактика. - Мн.:РИПО, 2007.

Сравнительный анализ степени выраженности психологической безопасности и авторитаризма у юношей и девушек⁷³

Рэдман А.А.

студентка

Томский государственный университет, Томск, Россия

Redman_AA@mail.ru

Ни для кого не секрет, что мир вокруг нас постоянно меняется. Что-то, порой привычное, а порой изжившее себя, уходит, вместо него появляется новое, необычное,

⁷³ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №08-06-00172а

Секция «Психология»

часто полностью разрушая старые планы, привычный размеренный и не очень образ жизни. Изменения иногда происходят неожиданно, и в таких случаях важно трезво оценить свои силы и открывшиеся перспективы и не опускать руки, а спокойно и уверенно идти к своей цели. Наиболее уязвимыми перед подобными жизненными изменениями сейчас оказываются представители молодого поколения, которые еще не имеют богатого жизненного опыта и только определяются в выборе своего пути. Как известно, выбор в ситуации неизвестности всегда связан с некоторыми рисками, и поэтому выбранное решение должно быть максимально логически оправданным и психологически безопасным.

Психологическая безопасность является важным индикатором качества жизни современного человека. Убеждение в важности этого вида безопасности складывается из понимания того, что она, с одной стороны, является базисной потребностью человека, а с другой стороны, рассматривается в качестве необходимого условия, обеспечивающего его нормативное психическое и личностное развитие. Безопасная личность концептуально может быть охарактеризована свойствами, позволяющими ей обеспечивать свою безопасность, быть устойчивой к негативным воздействиям и не производить или минимизировать производимые опасности для себя и всех систем, в которые она включена.

Поэтому мы посчитали актуальным ответить на вопрос, в какой степени современные молодые люди чувствуют себя в безопасности в современных общественных условиях. Мы предположили, что при переживании психологической небезопасности у юношей и девушек может компенсаторно нарастать склонность к антидемократической идеологии и авторитаризму. Для верификации этого предположения нами были проанализированы уровень психологической безопасности и выраженность склонности к авторитаризму с учетом половых различий. В исследовании использовались Шкала базисных убеждений, разработанная Р. Янов-Бульман для оценки психологической безопасности (в адаптации О. Кравцовой) и Шкала авторитаризма, которую предложили Т.Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д.Левинсон и Р. Сэнфорд, представляющая собой набор переменных, каждая из которых рассматривается как важная черта индивида, проявляющаяся в системе мнений и в поведении. Эти переменные взаимно дополняют друг друга и образуют единый синдром, единую более или менее устойчивую структуру авторитарной личности, которая делает индивида восприимчивым к антидемократической пропаганде. В исследовании участвовали 188 юношей и девушек, студентов Томского государственного университета в возрасте от 16 до 25 лет.

Результаты психодиагностики были статистически обработаны (Statistica 6.0). Характерные для выборки показатели базисных убеждений: «благосклонность мира» – $4,5 \pm 0,8$ балла и $4,0 \pm 0,9$ балла (здесь и далее: среднее \pm сигма), соответственно у девушек и у юношей (межгрупповые различия достоверны с $p=0,0001$); «доброта людей» – $4,4 \pm 0,2$ и $3,7 \pm 1,0$ балла соответственно (достоверность с $p=0,0000$); «справедливость мира» – $3,9 \pm 0,6$ балла, $3,9 \pm 1,1$ балла соответственно; «контролируемость мира» – $4,0 \pm 0,6$ балла, $4,3 \pm 0,8$ балла соответственно ($p=0,0004$); «случайность как принцип распределения происходящих событий» – $3,7 \pm 0,9$ балла, $3,4 \pm 1,1$ балла соответственно; «ценность собственного «Я» - $4,5 \pm 0,8$ балла, $4,3 \pm 0,9$ балла соответственно; «степень самоконтроля (контроля за происходящими событиями)» – $4,1 \pm 0,6$ балла, $4,3 \pm 0,8$ балла соответственно ($p=0,035$); «степень удачи, или везения» – $4,1 \pm 1,2$ балла, $4,0 \pm 0,1$ балла соответственно; «суммарный индекс «благосклонность мира и окружающих людей» - $4,4 \pm 0,4$ балла, $3,9 \pm 0,8$ балла ($p=0,0000$); «суммарный индекс «осмысленность жизни» - $2,3 \pm 0,7$ балла, $2,8 \pm 1,7$ балла ($p=0,004$); «суммарный индекс «ценность собственного Я» - $4,2 \pm 0,6$ балла, $4,2 \pm 0,6$ балла; «суммарный индекс «мир и Я» - $4,4 \pm 0,5$ балла, $4,0 \pm 0,6$ балла ($p=0,0000$); «суммарный индекс «убеждение в способности контроля» - $4,0 \pm 0,4$ балла, $4,1 \pm 0,6$ балла ($p=0,028$); «суммарный индекс «природа мира \ ценность Я» - $0,5 \pm 0,1$ балла, $0,5 \pm 0,1$ балла

Секция «Психология»

($p=0,0001$); «суммарный индекс «психологическая безопасность» - $3,2\pm 0,3$ балла, $3,1\pm 0,5$ балла.

Характерные показатели склонности к авторитаризму: «консерватизм» - $14,9\pm 3,6$ балла, $15,7\pm 3,9$ балла ($p=0,0000$); «авторитарное подчинение» - $29,4\pm 5,1$ балла, $31,0\pm 6,0$ балла ($p=0,006$); «авторитарная агрессия» - $33,9\pm 6,3$ балла, $34,2\pm 9,1$ балла ($p=0,005$); «анти-интрацепция» - $15,2\pm 3,7$ балла, $14,8\pm 3,8$ балла; «суеверность и стереотипия» - $23,7\pm 4,6$ балла, $24,0\pm 5,8$ балла; «комплекс власти» - $25,3\pm 4,4$ балла, $26,0\pm 4,8$ балла; «деструктивность и цинизм» - $7,6\pm 2,1$ балла, $8,2\pm 2,2$ балла; «проективность» - $18,1\pm 3,5$ балла, $18,4\pm 4,1$ балла; «суммарный индекс» - $115,4\pm 15,7$ балла, $118,9\pm 18,8$ балла ($p=0,006$).

Следует отметить, что средние значения всех оцениваемых параметров у респондентов данной выборки находятся в пределах нормативных значений.

Сопоставляя межгрупповые различия, можно сделать вывод о том, что юноши более склонны сомневаться в благосклонности мира и людей к ним, чем девушки. Однако при этом юноши считают, что они вполне способны контролировать себя и происходящие события, нежели представительницы женского пола. Юношам в большей степени свойственно ценить себя, чем девушкам. Такие различия, по моему мнению, могут быть связаны со стереотипом «настоящего мужчины», который, в частности, заключается в том, что прямой обязанностью мужчины является обязанность защищать, обеспечивать свою семью (т.е. контролировать происходящее вокруг него), и в этом он может положиться только на самого себя (особо не доверяя миру и окружающим людям). Не случайно, что стремление юношей контролировать жизненные события сочетается у них с более выраженной склонностью к подчинению и агрессии, циничностью и стремлением к власти. Другими словами, чем больше юноша уверен в том, что может контролировать себя и происходящие с ним события, тем сильнее выражена его склонность к авторитаризму и приверженность к антидемократической идеологии.

У девушек, по нашим данным, более выражена убежденность в благосклонном отношении мира и окружающих людей к ним. Вместе с тем, у них менее выражена убежденность в способности контролировать себя и происходящие события и связанная с этим склонность к авторитаризму, агрессии и подчинению.

Судя по полученным результатам, в современных российских условиях существует опасность того, что юноши легко могут стать объектами воздействия антидемократической идеологии. Очевидно, что для профилактики этой опасности следовало бы психологическими средствами формировать более адекватную систему базисных убеждений относительно окружающего мира и других людей.

Литература

1. Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник Томского госуниверситета. – 2009. - № 318. – С 191-194.
2. Мадди С.Р. Теории личности: сравнительный анализ / Пер. с англ. – СПб.: Издательство «Речь», 2002. – 539 с.
3. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У.Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. - М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2003. – 112 с.

Взаимосвязь особенностей личности человека и динамики параметров его невербального поведения при сообщении ложной информации

Самохина М.А.⁷⁴

Аспирантка кафедры психологии факультета философии и психологии Саратовского Государственного Университета им. Н.Г. Чернышевского

⁷⁴ Автор выражает признательность своему научному руководителю - доценту кафедры психологии СГУ им. Чернышевского, к. соц. н. Романовой Н.М., сотрудникам СЮИ МВД РФ Иванову Л.Н. и Семенову В.В. за помощь в организации и проведении исследования.

Ложь представляет собой многоплановый феномен межличностного общения, включающий в себя обширный комплекс человеческих проявлений эмоционального, регулятивного и коммуникативного планов. Дж. Миллер определяет ложь, как сознательную успешную или неуспешную попытку манипулирования информацией при помощи вербальных и невербальных средств в целях создания и поддержания в другом человеке мнения или убеждения, которое сам лжец не считает истинным (Miller, 1999).

Являясь сознательным действием, процесс произнесения лжи глубоко затрагивает эмоциональную сферу человека, что выражается в виде малоосознаваемых проявлениях его психической деятельности. Регистрация и анализ подобных проявлений составляют основу диагностики лжи. Проблема определения ложности информации является актуальной для многих областей науки и практики. В юридической сфере возможность определения лжи важна при проведении следственных действий и судебных процедур, связанных с обнаружением скрываемой и искажаемой информации.

Одним из самых перспективных и наименее разработанных направлений в области диагностики лжи является определение ложности информации по признакам невербального поведения человека. Перспективность данного направления обусловлена существованием определенных рефлекторных связей между эмоциями и невербальным поведением, тогда как, например, между эмоциями и речью аналогичных связей не выявлено (Фрай, 2005).

Цель данного исследования: выявление связи личностных особенностей индивида и динамики параметров его невербального поведения при сообщении ложной информации.

В эксперименте принимали участие 40 человек в возрасте от 20 до 22 лет, из них 75% женщин, 25% мужчин; образование: незаконченное высшее. Испытуемые случайным образом были разделены на две равные группы по 20 человек: контрольную и экспериментальную. Данные группы являлись сопоставимыми по полу и возрасту.

Личностные особенности испытуемых оценивались при помощи методики ММРІ.

После заполнения бланков теста, с каждым испытуемым проводилось интервью. Невербальное поведение испытуемых фиксировалось при помощи цифровой видеокамеры. Каждое интервью содержало три основных блока. Вопросы первого блока касались биографических данных испытуемого. Цель данного блока – определение паттерна невербального поведения испытуемого в ситуации произнесения истинной информации. Вопросы второго блока затрагивали темы, которые с большой долей вероятности должны вызвать у испытуемого желание солгать. Например: «Вы разглашали информацию, которую вас просили сохранить в тайне?»; «Вы когда-нибудь брали чужие вещи без спроса?» и т.д. Цель данного блока – определение паттерна невербального поведения испытуемого в ситуации произнесения ложной информации. Вопросы третьего блока касались пропажи сотового телефона. По условиям эксперимента, телефон находился у одного из испытуемых, в то время как второй не был проинформирован о действиях первого. Таким образом, в третьем блоке один из испытуемых говорил правду, в то время как второй испытуемый передавал ложную информацию.

В качестве анализируемых параметров рассматривались только те параметры невербального поведения, регистрация которых возможна без использования специальной аппаратуры. Всего анализировалось 12 параметров системы невербального поведения человека, выделенные на основе изучения научной литературы, дополненные параметрами, выявленными в ходе пилотажного исследования.

Для каждого испытуемого по каждому выделенному параметру невербального поведения было подсчитано среднее количество проявлений в минуту во время первого, второго и третьего блоков интервью, на основе чего составлялась определенная

Секция «Психология»

совокупность параметров (паттерн) невербального поведения. Динамика параметров невербального поведения испытуемых оценивалась путем сравнения количественных характеристик каждого параметра в ситуации произнесения истинной информации (первый блок), ложной информации (второй блок), верифицируемой информации (третий блок).

На основе сравнения полученных для первых двух блоков числовых данных путем количественного сопоставления экспериментатором делался вывод об истинности либо ложности передаваемой испытуемым информации в третьем блоке.

По итогам анализа видеозаписей всех интервью выделены некоторые общие тенденции динамики параметров невербального поведения испытуемых, характерные для ситуации произнесения лжи: количество движений головой сокращается в 80% случаев в среднем на 20,44%; количество улыбок возрастает в 75% случаев в среднем на 206,16%; количество движений плечами возрастает в 65% случаев в среднем на 208,85%; количество движений туловища сокращается в 65% случаев в среднем на 15,91%.

Выделены параметры невербального поведения, динамика которых с большей достоверностью диагностируют ложность информации: количество движений головой (85% совпадений); количество улыбок (80% совпадений); количество жестов-иллюстраций (80% совпадений); количество движений кистями и пальцами (75% совпадений).

С целью выявления взаимосвязи направления изменений параметров невербального поведения испытуемых с их личностными особенностями, был применен метод корреляции. На основе анализа полученных корреляционных зависимостей, были сделаны следующие выводы:

1. Испытуемые с высокими баллами по шкале 5 (выраженность мужских или женских черт характера) демонстрируют увеличение количества жестов-иллюстраций и движений кистями и пальцами при произнесении ложной информации.
2. Испытуемые с высокими баллами по шкале 1 (сверхконтроль) при произнесении лжи демонстрируют увеличение количества движений туловища.
3. Испытуемые с высокими баллами по шкале 3 (эмотивность) при произнесении лжи демонстрируют увеличение количества жестов-манипуляций.
4. Испытуемые с высокими значениями по шкале L при произнесении лжи демонстрируют сокращение количества улыбок и движений плечами.
5. Испытуемые с повышением значений по шкале 0 (социальная интроверсия) при произнесении лжи демонстрируют снижение количества движений мимических мышц в области лба и бровей.
6. Испытуемые с высокими показателями по шкале F при произнесении лжи демонстрируют уменьшение количества улыбок.

Выявленные корреляционные комплексы свидетельствуют о сложной взаимосвязи, существующей между особенностями личности человека и динамикой параметров его невербального поведения в ситуации сообщения ложной информации.

Литература

1. Miller, G. R. Telling it like it isn't and not telling it like it is: Some thoughts on deceptive communication // The Jensen lectures, 1999. P. 91-116.
2. Фрай О. Детекция лжи и обмана, СПб, 2005. 320 с.

Влияние СМИ на переживание человеком травматического опыта

Смирнова К. А.

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ

tiniel-k@mail.ru

Секция «Психология»

СМИ составляют неотъемлемую часть нашей повседневной жизни и предоставляют практически неограниченный доступ ко всевозможной информации. В том числе, в СМИ часто освещаются события, переживание которых осознается людьми как травматическое. В данном контексте необходимо изучение влияния СМИ как на людей, побывавших в освещаемых СМИ травматических ситуациях, так и на людей, которые не являлись участниками травматического события. В первом случае можно говорить как об усугублении травмы, так и о психологической «проработке» травматического опыта, во втором – о травматическом опыте, порождаемым непосредственно информацией о событии. Важно отметить, что зачастую образ травматической ситуации, конструируемый СМИ, играет решающую роль в формировании в сознании людей образа подобных травматических ситуаций в общем. Особое внимание мы хотели бы уделить электронным и визуальным СМИ – телевидению и Интернету. Необходимо отметить, что в зависимости от возраста человека, травматический опыт переживается им по-разному, и одна из целей нашего исследования – выяснить, как именно возраст человека влияет на степень его травматизации в общем и травматизации посредством СМИ в частности.

В нашем исследовании мы хотели бы акцентировать внимание на неоднозначности роли СМИ в переживании человеком травматического опыта. Наша первичная задача – соотнести понятия «переживание» - групповое и индивидуальное - (Василюк Ф.Е.) и «травматический опыт» (Магомед-Эминов М.Ш.). Также в число наших задач входит проверка гипотезы о зависимости интенсивности порождаемого СМИ переживания от значимости самого травматического опыта.

Наравне с переживаниями людей, участвовавших в травматических событиях, мы хотели бы уделить внимание переживаниям людей, сталкивающихся с травматическими ситуациями только посредством СМИ, и соотнести полученные в результате изучения этих переживаний результаты.

Литература

1. Василюк Ф.Е. «Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций», Издательство Московского университета, 1984
2. Магомед-Эминов М.Ш. «Экстремальная психология: от психической травмы к психотрансформации», Том 2, ПАРФ, Москва, 2006
3. Магомед-Эминов М.Ш. «Позитивная психология человека: от психологии субъекта к психологии бытия (в двух томах)», ПАРФ, Москва, 2007

Образ террориста создаваемый средствами массовой информации

Смолина И.А.

Студентка 3 курса д/о психологического факультета.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: brownwolf@yandex.ru

В современном мире влияние СМИ на сознание и представления людей очень велико. То, как освещаются события, как описываются люди, влияет на наше представление о них. СМИ также является дополнительным оружием террористов, направленным на запугивание и устрашение весьма широкой аудитории.

Вопрос о том кто же такой террорист волнует многих исследователей. Специалисты из разных областей знания пытаются выделить признаки, по которым можно отличить, выделить террориста из остальных, «нормальных» людей. Об этом говорит как минимум большая история создания психологических профилей преступников (например, профиль Миллера-Рассела 1977 года).

В своем исследовании мы пытаемся, проанализировав газетные публикации, посвященные терактам в Москве (Норд-Ост 23-26 октября 2002 года) и Беслане (захват

Секция «Психология»

школы 1-4 сентября 2004 года), выявить каким террориста представляют нам отечественные СМИ и каким в итоге его видят люди.

В качестве рассматриваемых источников взяты газеты «Известия», «Независимая газета», «Московский комсомолец», радио «Эхо Москвы», телеканал «НТВ».

В первых же публикациях относительно трагедии Норд-Оста мы видим террориста не просто как человека в маске и с автоматом, а чеченца, требующего признать независимость своей республики. На волне этой информации вспыхивают анти-чеченские митинги, звучат националистические лозунги, тотальные проверки «лиц кавказской национальности» милицией. Притом, что СМИ часто сообщают о том, что терроризм явление интернациональное, не привязанное ни к какой религии, террористы могут преследовать меркантильные, а совсем не идейные цели, проблема недоверия и приписывания всех грехов «лицам кавказской национальности» никуда не исчезает. Появляется некоторое несовпадение того, что мы показываем на экране и того, что звучит в сообщениях. Влияние репортажей с места событий, фотографий и съемок оказывается большим, чем сопутствующие дискуссии о происхождении терроризма и его признаках. Действия самих террористов также направлены на создание о них определенного впечатления (так, после захвата театрального центра они выпускают граждан Грузии и мусульман).

На наш взгляд, в результате взаимодействия этих действий и действий СМИ мы получаем тот образ террориста, который влияет на наше отношение к происходящему и к этим людям. Отсюда встает вопрос построения образа преступника, который бы не вызывал таких острых реакций как межнациональная и межрелигиозная вражда.

Литература

1. Ольшанский А.В. (2007) Особенности освещения международного терроризма ежедневной французской прессой// автореферат. М: МГУ им Ломоносова, факультет журналистики.
2. Робинов А. А. (2003) Ограничение свободы средств массовой информации в интересах борьбы с терроризмом// автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М: Московский государственный институт международных отношений.
3. Шагинян Г. А. (2006) Антитеррористическая политика Российского государства// автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар.
4. Borum R. (2004) Psychology of terrorism. University of South Florida
5. Rex A. Hudson (1999) The sociology and psychology of terrorism: who becomes a terrorist and why? Federal Research Division, Library of Congress. Washington, D. C.

Соотношение форм проявления агрессии и нравственности в раннем юношеском возрасте

Устин П.Н.

старший преподаватель, канд. психол. наук

*Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Казань, Россия
pavust@mail.ru*

Проблема агрессивного поведения современной молодежи привлекает внимание многих исследователей. Во – многом это обусловлено сложившейся ситуацией, которую можно назвать чрезвычайной - преступность стремительно молодеет и юношеский криминал набирает обороты. В последнее время все чаще в средствах массовой информации показывают криминальные сюжеты, «героями» которых выступают молодые люди, при этом часто из благополучных семей. Более того, криминальная статистика

Секция «Психология»

показывает, что преступное поведение молодых людей отличается особой циничностью и жесткостью.

Согласно определениям, под агрессией можно понимать деструктивное поведение человека, которое противоречит нормам, правилам и наносит вред объектам нападения или вызывает у них состояния психологического дискомфорта. Под возможными регуляторами агрессии исследователи видят разнообразные конструкты, к которым относят и нравственную составляющую человека. Психологами под нравственным началом, как правило, понимается система внутренних ценностей, сформированных в процессе личностного развития. В этом случае нравственность противопоставляется морали, то есть в основе этих ценностей лежит не критерий «одобрения-неодобрения» обществом, а доброжелательное отношение к людям.

В настоящем исследовании мы придерживаемся основных положений концепции психологической организации человека как субъекта развития и саморазвития, где нравственность понимается как этическая характеристика или человечность.

Цель работы заключалась в оценке соотношения форм агрессивного поведения человека в юношеском возрасте с его нравственностью. Было сделано предположение, что в раннем юношеском возрасте человечность оказывает позитивное влияние на особенности агрессивного поведения. Для подтверждения данной гипотезы было организовано эмпирическое исследование. Выборку составили учащиеся старших классов в возрасте 15-16 лет. Диагностический инструментарий включал две методики – «Добро-Зло» (Л.М. Попов) и опросник Басса-Дарки. Методика «Добро-Зло» позволяет измерять уровень развития человечности – характеристики, которая отражает этическую составляющую личности как соотношение в ней доброго и злого начал. Опросник Басса-Дарки предназначен для диагностики агрессивных и враждебных реакций.

На основе показателей человечности были сформированы две группы. В первую группу вошли 22 учащихся с высокими показателями человечности. Вторую группу составили 16 учащихся с низкими показателями человечности. Статистическое сравнение выборок (по критерию U - Манна-Уитни) обнаружило значимые различия по двум показателям агрессии – физической агрессии ($U=88,5$ при $p<0,01$) и подозрительности ($U=98$ при $p<0,05$). При этом выраженность данных показателей в выборке с низкой человечностью оказалась ниже, чем в выборке с высокой человечностью. То есть, согласно полученным результатам, в раннем юношеском возрасте высокая человечность соотносится с более высокой физической агрессией и подозрительностью. Другие показатели агрессии (Косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, вербальная агрессия) также более представлены в выборке с высокой человечностью, но на уровне тенденций. Таким образом, первоначально поставленная гипотеза не подтвердилась.

Мы считаем, что более высокая готовность к агрессивным поступкам учащихся связана с особенностями становления их этического самосознания на данном возрастном этапе. Нравственное, этическое развитие человека выступает длительным процессом, который может продолжаться всю жизнь. Однако именно в период глубокого проникновения в социум и выстраивания системы межличностного взаимодействия происходит «калибровка» этической составляющей. Поэтому высокие результаты по показателю человечности в этот период отражают не уровень представленности человечности, а желание таковыми быть (либо в своих глазах, либо в глазах окружающих). Низкие же результаты отражают более глубокий уровень рефлексии и оценки собственных этических поступков.

Факторы психологической безопасности образовательной среды в условиях терроризма

Федулова Е.С.2

Студент психологического факультета

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

Социальные, политические и экономические перемены в стране и мире затрагивают и усложняют условия общественной жизни. В связи с мировой угрозой – терроризма и насилия в межгрупповом и межличностном взаимодействии, увеличением количества чрезвычайных и экстремальных ситуаций проблема безопасности образовательной среды продолжает оставаться одной из актуальных. Психологическая безопасность тесно связана с актуальными неблагоприятными воздействиями на личность (угрозы) и соответствующими прогнозируемыми факторами (риски). Поэтому, рассматривая защищенность личности от неблагоприятных воздействий (насилие, террор), мы должны рассматривать и ее в тесной связи с условиями ее функционирования. В современных исследованиях психологическая безопасность используется при изучении чрезвычайных ситуаций, аварий, катастроф, где предусматривается изучение человеческого фактора, подразумевающего детальный анализ деятельности людей на объектах высокого риска. Отсюда крайне актуальным становится вопрос о психологической безопасности во взаимодействии участников образовательного процесса.

В данной статье мы представляем результаты эмпирического исследования, целью которого является изучение факторов психологической безопасности образовательной среды школы и вуза. Мы предположили, что:

- существуют различия по параметрам психологической безопасности между юношами и девушками;
- психологическая безопасность определяется возрастом респондентов и является динамичным образованием;
- обучение в школе или вузе влияет на уровень психологической безопасности;
- тип образовательной среды является значимым фактором психологической безопасности;
- система ценностных ориентации определяет психологическую безопасность личности.

Для достижения цели исследования и проверки частных гипотез мы использовали следующие диагностические методики: методику И.А. Бaeвой «Психологическая диагностика безопасности образовательной среды школы» (адаптированную нами для студентов), методику векторного моделирования типа образовательной среды В.А. Ясвина, методику «Ценностные ориентации», модифицированную Е.Б. Фанталовой. При обработке данных использовался статистический пакет Statistica 6.0., в результате чего была определена достоверность результатов исследования. В анализ включались описательные статистики, критерий Колмогорова-Смирнова для одной выборки, критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ, множественный регрессионный анализ. Для окончательных выводов использовались результаты на уровнях значимости $p < 0,1$; $p < 0,05$; $p < 0,01$.

В исследовании приняло участие 176 испытуемых. Из них 100 учащихся средней общеобразовательной школы № 1 г. Астрахань и 76 студентов очного отделения Астраханского государственного университета. Учащихся 9 класса - 21 человек, 10 класса — 42 человека, 11 класса -37 человек. Студентов факультета иностранных языков II курса - 23 человека, геолого-географического факультета III курса - 18 человек, факультета психологии IV курса - 35 человек. Юношей - 67 человек (23 студента, 44 школьника), девушек - 109 человек (53 студентки, 56 школьниц).

Эмпирическое исследование состояло из нескольких этапов. На первом с помощью методики И.А. Бaeвой мы определили отношение школьников и студентов к образовательной среде школы и вуза. На основании того, что среднее значение психологической удовлетворенности у школьников равно 4,126, а у студентов - 3,782, можно утверждать, что учащиеся школы в большей степени ощущают себя в психологической безопасности, чем студенты вуза.

Секция «Психология»

С помощью методики векторного моделирования типа образовательной среды В.А. Ясвина мы определили тип образовательной среды. У 66 % опрошенных преобладает карьерная ориентация, способствующая развитию активности и зависимости. У 19 % - догматическая образовательная среда, способствующая развитию пассивности и зависимости. У 13 % - творческая, способствующая развитию свободы и активности. У 2 % - безмятежная, способствующая свободному развитию, но обуславливающая формирование пассивности обучающегося. Творческий тип образовательной среды способствует развитию у 75 % опрошенных среднего с тенденцией к высокому и очень высокому уровню удовлетворенности характеристиками образовательной среды. Низкий уровень удовлетворенности мы встречаем при карьерной и догматической среде.

Для оценки степени влияния ценностных ориентации личности на ее психологическую безопасность мы использовали множественный регрессионный анализ.

Итак, по результатам эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

1. Пол не является значимым фактором, оказывающим влияние на психологическую безопасность личности.
2. Уровень «психологической удовлетворенности» постепенно снижается. Так, если в 9 классе наблюдается только высокий и очень высокий уровень, то в 11 классе уже встречаются ниже среднего и низкий уровни психологической удовлетворенности. Аналогичная тенденция наблюдается и при обучении в вузе.
3. Выявлены достоверные различия между школьниками и студентами по параметру «психологическая удовлетворенность». В среднем у школьников наблюдается очень высокий уровень психологической удовлетворенности, а у студентов - высокий уровень.
4. Тип образовательной среды во многом определяет значения переменной «психологическая удовлетворенность». Творческая среда позволяет создать условия высокого и очень высокого уровня удовлетворенности характеристиками образовательной среды школы и вуза.
5. Система ценностных ориентации является важным фактором, определяющим психологическую безопасность личности в образовательном пространстве. В результате развития у юношей и девушек ценностей «активная деятельная жизнь» и «творчество» можно повысить уровень психологической удовлетворенности.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность среды: условия активной работы и направление научных исследований // Вопросы практической психологии образования 2007. №4.
 2. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. – СПб 2002.
 3. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем. Теория и практика. – СПб 2007.
 4. Ясвин В.А. Экспертиза школьной образовательной среды – М 2000.
 5. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России).
- ² Автор выражает признательность доценту, к.п.н. Мерзляковой С. В. за помощь в подготовке тезисов.

Личностные особенности и убеждения группы людей, увлекающейся просмотром японских мультипликационных фильмовⁱⁱ

Чикурова Е.И.

Студент

*Томский Государственный университет, факультет психологии, Томск, Россия
ranetka.007@mail.ru*

Российское общество за последние двадцать лет перенесло множество кризисов разного характера, повлиявших на современное молодое поколение, которое

Секция «Психология»

формировалось в условиях идеологического кризиса и гласности. В настоящее время Россия получила молодежь не как целостную монолитную группу, имевшую место быть при советской власти, а как огромное количество «разношерстных» группок, объединенных по интересам. В данной ситуации важно оценить психологическую специфику сложившихся молодежных групп, ответив на вопрос, оказывают ли они положительное или отрицательное влияние на своих членов, развивают ли личность человека, открывая перед ним новые возможности, или замыкают его в мире собственных страхов и иллюзий. Представляется важным оценить психологическую специфику сложившихся молодежных групп, ответив на вопрос, оказывают ли они положительное или отрицательное влияние на своих членов.

В данной работе представлена попытка сравнить личностные показатели группы, увлекающейся просмотром японских мультипликационных фильмов (35 человек), и контрольной группы (83 человека). Обе группы были представлены молодыми людьми в возрасте от 15 до 25 лет.

Респонденты первой группы – бакалавры и магистры вузов, увлекающиеся в свободное время просмотром анимэ (японские мультипликационные сериалы) – «анимэшники». Анимэ отображают основную мысль японской философии – достижение гармонии в мире путем избегания конфликтных ситуаций. Контрольная группа преимущественно состояла из студентов очной и заочной форм обучения ТГУ. Обследуемые группы были максимально уравновешены по полу, уровню образования и возрасту. Было проведено психодиагностическое исследование с применением Шкалы базисных убеждений (автор Р. Янов-Бульман), теста Жизнестойкости (автор С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) и «Шкалы психологического благополучия» (автор К. Рифф). Все полученные данные были организованы в базу данных и обработаны статистически (“Statistica”).

Интересные данные были выявлены при изучении группы «анимэшников». Их показатели психологического благополучия оказались ниже, чем в контрольной группе: «автономность» составила в среднем $57,6 \pm 7,2$ баллов ($p=0,0017$ по сравнению с контрольной группой), «личностный рост» – $63,9 \pm 8,6$ баллов ($p=0,0013$), «цели в жизни» – $64,2 \pm 6,2$ ($p=0,0002$), «самопринятие» $53,2 \pm 8,7$ баллов ($p=0,0001$). Показатели психологической безопасности: «контролируемость мира» составила у них $3,67 \pm 0,85$ ($p=0,0016$), «ценность Я» - $3,8 \pm 0,82$ ($p=0,0025$). Полученные данные, с моей точки зрения, свидетельствуют в пользу того, что представителей группы «анимэшников» характеризуются сниженной самооценкой, слабой волевой направленностью и некоторой неуверенностью в себе. Людей, демонстрирующий столь низкие баллы по шкале «автономии», К. Рифф оценивает, как неспособных противостоять социальному давлению в мыслях и поступках, как высоко внушаемых.

В рамках исследования особый интерес был обращен к феномену психологической безопасности, поскольку современное общество нестабильно и доказательство тому – мировой экономический кризис, который коснулся не экономики, а людей, которые от неё зависят. В данных условиях важно понять, ощущают ли молодые люди себя в безопасности. И.А. Баева (2002г.) при классификации видов безопасности выделяет два главных системообразующих вида безопасности – физическую и психологическую, а все остальные (политическую, военную, экономическую, социальную, культурную) включают в их структуру. При этом психологическая безопасность первична, т.к. ценности и смыслы, представления и отношения человека диктуют его поведение. Аналитический обзор современного состояния проблемы психологической безопасности показывает, что психологическая безопасность носит системообразующий характер: и угроза и защита исходят из субъекта деятельности. Именно такая характеристика личности, как психологическая безопасность, определяет всю её жизнедеятельность; от роста личностного потенциала до возможности достижения существенно важных целей. В данной работе безопасность рассматривается как состояние среды, обеспечивающее

Секция «Психология»

защищенность сознания человека и способствующее целостности и адаптивности функционирования на его жизненном пути. Психологическая безопасность личности и среды неотделимы друг от друга, и представляют собой модель устойчивого развития и нормального функционирования человека, а также формирования его личности. В группе «анимэшников» наблюдались сниженные показатели психологической безопасности в сравнении с контрольной группой. Люди, обладающие низкими показателями этой личностной особенности, характеризуются как незащищенные. По мнению А.В. Ляшука (2007г.), у них отсутствует единство психологического и информационного в системе обеспечения безопасности человека. Отсюда могут возникать проблемы в социальном поведении и жизнедеятельности в целом. Низкие показатели психологической безопасности свидетельствуют об отсутствии адаптивной связи с внешней средой.

Итак, из анализа данных представляется очевидным, что респондентов группы «анимэшников» можно отнести к категории «потерянной» молодежи 90-х годов. Представители группы «анимэшников» не верят в свои силы и стараются не решать проблемы, а ждут, когда они разрешатся сами собой со временем. По-видимому, это связано с отсутствием ощущения безопасности у обследуемой группы. Возможно, принимая философию гармонии и избегания конфликтов, которые заложены в японских мультипликационных сериалах, «анимэшники» стремятся защитить себя от слишком активного, по их мнению, мира, сохранить силы для «больших свершений». Однако можно предположить, что со временем они потеряют равновесие, соединяющее их с миром, они могут не достигнуть даже значимых для них целей и не развить свою личность, потому что боятся окружающего мира. Показатели «самопринятия» демонстрируют тот факт, что эти люди потеряли гармонию и внутри себя. По моему мнению, «анимэшникам» и другим молодым людям, входящим в подобные группировки, следует оказывать психологическую поддержку, по возможности вовлекая их в тренинги (например, личностного роста).

Литература

4. Богомаз С.А., Левицкая Т.Е. Психологическая безопасность и подверженность антидемократической идеологии у выпускников школ // Академический журнал Западной Сибири. 2008. Вып. 6. С. 56-58.
5. Нефедова Д.Н. Проблемы исследования психологических особенностей молодых людей с разными стратегиями построения своего жизненного пути // Психология науки будущего: Материалы II международной конференции молодых ученых, 30-31 октября 2008 года, Москва / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергеенко, А.С. Обухова. М.: Изд-во ИП РАН, 2008. С. 296-299.

Психологическая безопасность и личностные особенности представителей «ролевой» субкультуры⁷⁵

Яковлева М.Н.⁷⁶

Студенты

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: bee_psy@mail.ru

Психологическая безопасность, с одной стороны, является базисной потребностью человека, а с другой стороны, рассматривается в качестве важного условия, обеспечивающего его нормативное психическое и личностное развитие (Мадди С., 2002; Богомаз С.А., Gladких А.Г., 2009). В связи с этим нам представлялось важным оценить степень субъективного ощущения психологической безопасности, удовлетворенность жизнью, психические защиты и склонность к авторитаризму у представителей

⁷⁵ Тезисы доклада основаны на материалах исследований, проведенных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда (грант № 08-06-00172а).

⁷⁶ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Богомазу С.А. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

молодежной «ролевой» субкультуры («ролевики»). Основной особенностью, объединяющей юношей и девушек в этой субкультуре, является желание поучаствовать в театрализованных инсценировках и «отыгрышах» различных исторических сюжетов и сюжетов типа «фэнтэзи», специально моделируемых группой людей. В связи с этим возникает вопрос, оказывается ли для молодежи желание поучаствовать в ролевой игре действительно моделированием возможных жизненных ситуаций или игра для них всего лишь один из способов «ухода» от существующей реальности?

С целью ответить на этот вопрос, нами было проведено психодиагностическое исследование, в котором участвовали «ролевики» сибирского региона (63 человека) в возрасте от 16-ти до 25-ти лет. Использовались «Шкала базисных убеждений» (ШБУ, автор Р. Янов-Бульман), «Шкала общественного мнения» (ШОМ, авторы Т. Адорно и др.), методика «Индекс жизненного стиля» (ИЖС, автор Р. Плутчик) и «Шкала субъективного благополучия» (ШСБ, автор Э. Динер). Полученные данные были обработаны статистически (Statistica 6.0) и сопоставлены с результатами группы сравнения (177 студентов вуза).

Для каждой из групп респондентов были вычислены средние значения психологических показателей. Обработка результатов тестирования методом дисперсионного анализа (ANOVA-MANOVA) продемонстрировала достоверные различия по некоторым шкалам между группой «ролевиков» и группой сравнения. Так, среднее значение по шкале «благосклонность мира» у «ролевиков» составило $3,8 \pm 1,0$ балла (здесь и далее: среднее и среднеквадратичное отклонение), в то время как в группе сравнения оно оказалось равным $4,4 \pm 0,9$ балла (межгрупповые различия достоверны с $p=0,000$); «доброта людей» - $3,6 \pm 1,0$ балла и $4,1 \pm 0,8$ балла, соответственно ($p=0,0001$); «ценность собственного «Я» - $4,0 \pm 1,7$ балла и $4,5 \pm 0,9$ балла, соответственно ($p=0,0139$); «степень удачи, или везения» - $3,7 \pm 1,0$ балла и $4,0 \pm 0,9$ балла, соответственно ($p=0,0068$). Следует отметить, что все показатели ШБУ в обеих группах находились в пределах нормативных значений. Но, учитывая данные, полученные в группе сравнения, можно говорить о более низкой степени психологической безопасности, наблюдаемой у «ролевиков». В частности, у них наблюдается тенденция быть убежденными в неблагоприятном отношении к ним окружающего мира и людей, они в меньшей степени убеждены в ценности собственной личности. При этом они практически не отличаются от группы сравнения по степени убежденности в возможности контролировать жизненные события и собственное поведение.

Статистическая обработка показала, что на фоне сопоставимого уровня психических защит в двух анализируемых группах, «ролевики» предпочитают использовать такие психические защиты как вытеснение и интеллектуализацию (в среднем $4,9 \pm 2,3$ и $6,5 \pm 2,4$ баллов против $3,1 \pm 2,1$ и $5,3 \pm 2,0$ баллов в группе сравнения, соответственно; $p=0,000$ и $p=0,0001$).

Отличались «ролевики» и более высокими показателями агрессивности и склонности к авторитаризму. Об этом можно судить по шкалам «авторитарное подчинение» ($31,6 \pm 6,5$ против $29,2 \pm 5,5$ баллов в группе сравнения, $p=0,005$); «авторитарная агрессия» ($37,4 \pm 6,5$ против $33,1 \pm 6,4$ балла, $p=0,000$); «антиинтрацепция» ($16,0 \pm 3,8$ против $14,7 \pm 3,3$ баллов, $p=0,008$); «суеверность и стереотипия» ($25,8 \pm 6,4$ против $23,6 \pm 4,6$ баллов, $p=0,004$); «деструктивность и цинизм» ($8,5 \pm 2,5$ против $7,6 \pm 2,2$ баллов, $p=0,003$); «преувеличенная озабоченность сексуальной жизнью» ($13,4 \pm 3,6$ против $11,6 \pm 3,3$ баллов, $p=0,0003$).

При этом для «ролевиков» свойственна тенденция испытывать чувство субъективного благополучия - большинство их показателей по ШСБ превышает средние значения представителей группы сравнения. Например, субшкала «напряженность и чувствительность» у «ролевиков» составила в среднем $12,4 \pm 2,8$ балла, а в группе сравнения - $11,1 \pm 3,3$ балла ($p=0,006$); субшкала «признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику» оказалась равной $12,8 \pm 4,6$ баллов, а в группе сравнения - $10,5 \pm 4,1$ баллов ($p=0,0002$); «изменения настроения» $7,6 \pm 3,2$ балла, а в группе

Секция «Психология»

сравнения - $5,0 \pm 2,5$ баллов ($p=0,000$); «значимость социального окружения» $12,4 \pm 4,4$ баллов, а в группе сравнения - $7,9 \pm 3,4$ баллов ($p=0,000$); «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» $12,2 \pm 4,2$ баллов, а в группе сравнения - $9,8 \pm 3,5$ баллов ($p=0,000$).

Проведенный корреляционный анализ продемонстрировал существенные различия между двумя группами респондентов в структурах корреляционных связей показателей используемых методик. Данный факт, по нашему мнению, подчеркивает психологическое своеобразие группы «ролевиков».

Таким образом, это своеобразие отражается в их тенденции быть убежденными в неблагоприятном отношении к ним внешнего мира и окружающих людей, сочетающейся с убежденностью в способности к самоконтролю и контролю жизненных событий. Это сочетание может, по-видимому, быть причиной нарастания у них склонности к авторитаризму и агрессивности по отношению к другим. Они, отводя иногда существенное время ролевой игре, тем не менее не испытывают субъективного удовлетворения от собственной жизни, а попадая в сложные жизненные обстоятельства, склонны использовать психические защиты «вытеснение» и «интеллектуализацию». Совокупность полученных данных, с нашей точки зрения, свидетельствует в пользу того, что в современных реалиях российского общества «ролевики» не чувствуют себя в психологической безопасности. Как следствие у них может формироваться специфический вариант личностного развития, отличающийся ощущением субъективного неблагополучия и повышением чувствительности к антидемократической идеологии и склонности к авторитаризму. Мы склонны считать, что игра для «ролевиков» является одним из способов «ухода» от существующей реальности.

Литература

1. Богомаз С.А., Гладких А.Г. (2009) Психологическая безопасность и ее измерение с помощью Шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета, № 318, с. 191-194.
2. Мадди С.Р. (2002) Теории личности: сравнительный анализ. СПб.: Издательство «Речь», 2002.
3. Падун М.А., Котельгакова А. В. (2008) Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. Т. 29, № 4, с. 98-106.
4. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У.Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2003.

Психотерапия и психологическое консультирование

Особенности поведения людей в период эмоционального развода

Апарина И.А.

*Студентка факультета ГМУ, специальности «Психология»
ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
irina_aparina@mail.ru*

Известный отечественный социолог Н. М. Римашевская считает, что проблема развода и судьбы семьи в переломный момент жизни общества приобретает необычайно серьезное значение. В последние годы в нашей стране растет число разводов при одновременном сокращении заключаемых браков, а внебрачная рождаемость приводит к увеличению количества неполных семей. Более 30 % разводов приходится на молодые семьи, просуществовавшие менее 5 лет. Проблема развода находится в тесной связи с изменением типа отношений в современной семье: новые модели семьи порождают собственные формы разрыва этих отношений. Если в традиционном браке под разводом понимают разрыв отношений в юридическом, экономическом, психологическом плане, что влечет за собой реорганизацию жизни обоих супругов, то современные формы семейных отношений предполагают, что и после их прекращения психологические аспекты последствий расставания не только сохраняются, но и выходят на первый план.

Таким образом, одним из важнейших направлений в области психологии семьи является изучение особенностей эмоционального развода, как фактора, способствующего юридическому разводу.

Объект исследования: психологические особенности семьи.

Предмет исследования: психологические особенности эмоционального развода.

Цель исследования: изучить особенности поведения людей в период эмоционального развода.

Гипотеза исследования: в период эмоционального развода между супругами будет наблюдаться рассогласованность в распределении семейных ролей.

Методики исследования: опросник «Распределение ролей в семье», методика «Удовлетворенность браком», методика «Семейно-обусловленное состояние».

В экспериментальном исследовании принимали участие 10 семей: супруги в возрасте до 30 лет, совместное проживание – до 5 лет, в пяти из них – по одному ребенку в возрасте от 1.5 до 3 лет, в четырех семья – двое детей, одна семья – не имеет пока детей. Все семьи проживают на территории г. Волгограда.

Выбор участников эксперимента обусловлен тем, что распределение ролей в семье является наиболее актуальной проблемой именно молодых семей, когда супруги адаптируются друг к другу, выбирают те роли, которые им ближе всего и реализуют свои ролевые ожидания. Мы рассмотрели, как распределяются семейные роли с точки зрения мужчины и женщины в двух разных группах испытуемых: 1 группа – благополучные семьи; 2 группа – неблагополучные. В первой группе испытуемых, характеризующейся благоприятными взаимоотношениями супругов, можно наблюдать достаточно высокую степень согласованности в реализации семейных ролей между партнерами по браку. Так, четыре роли (психотерапевта, организатора развлечений, хозяйки и сексуального партнера) половина супружеских пар по обоюдному согласию перекладывают на женщину, роль материально ответственного лица – на мужчину. Во второй группе испытуемых согласованность между супругами о распределении ролей в семье носит менее выраженный характер. Так, женщины берут большинство ролей на себя, некоторые передают мужу. Мужчины также перекладывают на жен реализацию большинства ролей, но все же многие роли считают, что выполняют совместно с партнером по браку.

Это и приводит к большей отчужденности и холодности партнеров по браку друг к другу и вызывает возникновение чувства неудовлетворенности и некоторых негативных эмоциональных состояний у супругов, приближая их к юридическому разводу.

Секция «Психология»

С целью изучения особенностей поведения людей в период эмоционального развода мы провели исследование.

Можно выделить два этапа в нем. На первом этапе были изучены особенности структурно-ролевого аспекта семьи с помощью методики «Распределение ролей в семье». Первую группу составили семьи с благополучными супружескими взаимоотношениями. Вторая группа состояла из супружеских пар, находящихся на стадии эмоционального развода.

Во-первых, женщины, переживающие состояние развода, склонны брать на себя реализацию большинства ролей, перекладывая на супругов только две роли – материально ответственного лица и сексуального партнера. Мужчины также склонны перекладывать на жену реализацию большинства ролей, оставляя себе, в основном, только роль ответственного за материальное обеспечение.

Во-вторых, в семьях, находящихся на стадии эмоционального развода, наблюдается высокая степень рассогласованности распределения ролей в семье и отсутствие совместной реализации семейных ролей обоими супругами.

На втором этапе исследования использовали методики «Удовлетворенность браком» и «Семейно-обусловленное состояние».

Полученные в результате проведенных методик данные позволили выявить следующие особенности супругов в семьях, находящихся на стадии эмоционального развода.

Таким образом, исследование позволило выявить в семьях, находящихся на стадии эмоционального развода, нарушения ролевого аспекта семьи, а также некоторые негативные эмоциональные состояния супругов, что подтверждает заявленную в начале исследования гипотезу.

Мы рассмотрели особенности психологического консультирования семьи. В качестве методик работы психолога-консультанта с семьей могут выступать методики «Семейная фотография», «Семейная скульптура», «Семейная хореография» и др.

Литература

- 1.Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины //
- 2.Вопросы психологии. 1991 № 4.
- 2.Витек К., Проблемы супружеского благополучия. – М.: Прогресс, 1988.
- 3.Ковалев С.В., Психология современной семьи. – М., 1988.

Детский опыт матери и его влияние на взаимоотношения с собственным ребенком

Борисова А.Е.

Аспирантка

*Московский гуманитарный университет, факультет научно-педагогических кадров,
Москва, Россия*

E-mail: ab20.07.85@mail.ru

Психологами установлено, что именно мать является источником развития ребенка как субъекта познавательной активности, общения и самосознания. Во взаимоотношениях ребенка и матери большое значение имеет детский опыт матери, т.к. именно он определяет их характер. Из практики известно, что отношения в нуклеарной семье во многом повторяют прародительскую за счет передачи опыта из поколения в поколение. При этой передаче повторяется как позитивный, так и негативный опыт, препятствующий полноценному и гармоничному развитию личности ребенка.

Проблема изучения связи детского опыта матери с его актуализацией в процессе воспитания собственного ребенка актуальна в контексте задач развития и воспитания полноценных, жизнеспособных и благополучных детей.

В данной работе для изучения связи детского опыта матери со взаимоотношениями с собственным ребенком была выбрана классификация материнства, предложенная Г.Г.

Филипповой [Филиппова Г.Г., 1999]. Г.Г. Филиппова выделяет два основных подхода к изучению материнства: 1) материнство как обеспечение условий для развития ребенка в контексте материнско-детского взаимодействия с анализом материнских качеств и характеристик материнского поведения, позитивно или негативно сказывающиеся на развитии ребенка, а также их культурные, социальные, эволюционные, физиологические и психологические аспекты; 2) материнство как часть личностной сферы женщины с точки зрения удовлетворенности женщины своей материнской ролью как стадии личностной и половой идентификации.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей связи отношений между матерью и дочерью с отношением дочери к собственному ребенку в рамках первого подхода, выделенного Г.Г.Филипповой.

Материал и методы исследования

Испытуемыми были 98 женщин, имеющих детей в возрасте от 7 до 11 лет (учащихся начальных классов): 41 мальчик и 57 девочек.

Для изучения особенностей материнско-детских отношений в прародительской семье нами был использован опросник Н. Матушевской [Филиппова Г.Г., Матушевская Н.В., 2006]. Опросник содержит 36 вопросов, из которых 18 направлены на выявление уровня тревожности, 18 – уровня избегания. Испытуемому предлагается 7 вариантов ответа на каждый вопрос: в диапазоне от «совершенно не согласна» (1 балл) до «полностью согласна» (7 баллов). Таким образом, опросник позволяет получить данные по двум шкалам – по шкале тревожности и по шкале избегания, выраженные в баллах (от 1 до 7).

Для изучения особенностей взаимодействия матери с собственным ребенком нами был использован опросник И. Марковской «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР) [Лидерс А.Г., 2006]. Опросник включает 60 вопросов. При заполнении опросника родителям предлагается оценить степень согласия с каждым из утверждений по 5-балльной системе: от 1 балла – совершенно не согласен, это утверждение совсем не подходит, до 5 баллов – совершенно согласен, это утверждение абсолютно подходит.

Шкалы опросника ВРР дают возможность определить следующие характеристики взаимодействия матери с ребенком: 1) нетребовательность-требовательность, 2) мягкость-строгость, 3) автономность-контроль, 4) эмоциональная дистанция-близость, 5) отвержение-принятие, 6) отсутствие сотрудничества-сотрудничество, 7) несогласие-согласие между ребенком и родителем, 8) непоследовательность-последовательность, 9) авторитетность родителя, 10) удовлетворенность отношениями с ребенком.

Результаты

Между результатами тестирования, полученными по обоим опросникам, были рассчитаны корреляционные связи. Анализ показал, что существуют корреляционные связи не ниже умеренных 1) между эмоциональной близостью (шкала 4) и избеганием ($r=-0,31$), 2) авторитетностью родителя (шкала 9) и тревогой ($r=0,38$), 3) удовлетворенностью отношениями с ребенком (шкала 10) и тревогой ($r=-0,32$) и 4) удовлетворенностью отношениями с ребенком и избеганием ($r=-0,31$). При этом тревога и избегание оказались также связаны средней корреляционной связью $r=0,56$.

Таким образом, полученные результаты говорят о следующем:

1) Чем больше мать чувствовала себя принятой, будучи ребенком, тем больше между ней и собственным ребенком эмоциональная близость.

2) Чем больше тревожилась мать испытуемой, тем более значим для женщины собственный авторитет и тем меньше она удовлетворена отношениями с собственным ребенком.

Кроме того, корреляционные связи между шкалами ВРР показали, что удовлетворенность отношениями с ребенком прямо связана с эмоциональной близостью ($r=0,46$), принятием ($r=0,43$), сотрудничеством ($r=0,35$), последовательностью ($r=0,43$).

Таким образом, можно сказать, что эмоциональная близость с матерью в прародительской семье обуславливает принятие собственного ребенка, близость с

Секция «Психология»

собственным ребенком, умение сотрудничать с ним и последовательность в процессе его воспитания.

Выводы

Подводя итог, отметим следующее:

1) Если в прародительской семье мать не была эмоционально близка с дочерью, то и в отношениях с собственным ребенком дочь будет использовать ту же самую модель взаимоотношений, в основе которой лежит высокий уровень тревоги и избегания, приводящий к отвержению ребенка, к отсутствию эмоциональной близости, сотрудничества и последовательности в воспитании.

2) Тревога передается от матери к дочери. И дочь, став матерью, сама будет демонстрировать тревожное поведение. Такие матери стремятся компенсировать тревогу своей авторитетностью, т.е. чем более тревожной была мать, тем более значимым для дочери быть авторитетным родителем. Однако подобный подход к отношениям с ребенком не приносит матери удовлетворения.

Литература

1. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений / А.Г. Лидерс. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 432 с.
2. Филиппова Г.Г. Психология материнства: концептуальная модель. – М.: Институт молодежи, 1999. – 286 с.
3. Филиппова Г.Г., Матушевская Н.В. Взаимосвязь качества привязанности беременной женщины к своей матери в детстве и к мужу во время беременности // Перинатальная психология и психология родительства. - 2006. - №2 – с. 22 – 25.

Динамика личности в условиях телесно-ориентированной терапии

Вандышева Е.Ю.

Студентка

*Омский государственный университет имени Ф.М.Достоевского,
психологический факультет, Омск, Россия*

E-mail: van_kate@mail.ru

Психологию как науку объективную всегда интересовал вопрос о том, каким образом оценить значимость применяемого на практике терапевтического инструментария, существуют ли какие-то объективные параметры этой оценки, или она основана только на субъективных представлениях клиентов и самого психолога. Насколько позволяет судить проделанный нами анализ литературы, детально этой проблемой занимался психотерапевт И.Ялом. Он разработал опросник, который содержал 10 основных терапевтических факторов (внушение надежды, универсальность переживаний, сообщение информации и т.д.). Эти факторы отражают механизмы самого терапевтического воздействия, и по ответам респондентов можно судить о степени влияния каждого фактора на личностные изменения. Нас интересовала другая сторона оценки эффективности психотерапии, связанная не с особенностями терапевтического процесса, а со спецификой происходящих в личностном профиле человека сдвигов. В нашей работе мы изучили динамику личностного роста людей в рамках прохождения телесно-ориентированной терапии, и за критерии роста брали как универсальные факторы любой терапии – параметры общения и самооценки, – так и специфические для данного вида тренинга параметры телесной чувствительности. Проводимое нами исследование обусловлено непосредственным интересом к специфике воздействия на человека телесного тренинга. Авторы, занимающийся данной проблематикой, отмечают в своих трудах, что телесно-ориентированная терапия претендует на то, чтобы «без лишних слов», не тратя времени на усилия и минуя лабиринты логики разрешить самые запутанные жизненные проблемы человека,

Секция «Психология»

воздействуя лишь на его тело. При этом данный вид воздействия работает не столько на сознательном, сколько на пред- и бессознательном уровнях, изменяя в итоге не только телесные показатели, но и более глубинные негативные установки. Мы проанализировали, какие именно негативные установки, влияющие на личностный рост, выделяют авторы, и выбрали для изучения фактор ответственности в силу его определяющей значимости в структуре личности.

Цель исследования – изучение динамики личности в ходе телесно-ориентированной терапии.

Объектом исследования выступает личность участника телесного тренинга, предметом – локус контроля, самооценка, телесная чувствительность и характер общения участников телесной терапии.

В исследовании приняли участие 40 человек, проходящих тренинги по телесно-ориентированной психотерапии под руководством психолога В.А.Атаманского. Группа тренинга включала в себя 10 человек, занятия проводились в течение полутора месяцев 2 раза в неделю по 4 часа. Всего таких групп с ноября по февраль 2007-2008 года было исследовано 4. Выборку составили 35 женщин и 5 мужчин в возрасте от 19 до 35 лет.

Для изучения оценки эффективности психотерапии была разработана авторская анкета, отражающая основные мишени, на которые направлена психотерапия в принципе и, в рамках специфики нашей работы, телесная терапия в частности. Среди таких мишеней наиболее важными выступают самооценка личности (ее эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты), сфера общения (перцептивный, коммуникативный и интерактивный компоненты) и телесная чувствительность (моторная, сенсорная, проприокинестетическая).

Локализации контроля участников тренинга изучалась с помощью одноименной методики Е.Г.Ксенофоновой.

Результаты.

После прохождения тренинга в той или иной степени возросли все вышеизложенные показатели анкеты, что превзошло даже наши гипотетические ожидания. В среднем этот результат выше на 15% ($G=4$, $G=1$ при $p<0,01$). Самые интенсивные сдвиги наблюдались в сфере общения (на 17%) ($G=8$, при $p<0,01$) и телесной чувствительности (на 18%) ($G=8$, при $p<0,01$).

По параметрам локализации контроля существенно снизилась степень отрицания активности, а в факторе «готовность преодолевать трудности» был отмечен наиболее ярко выраженный положительный сдвиг (на 15,5%) ($G=8$, при $p<0,01$).

Интернальность в сфере достижений снизилась на 8% ($G=4$, при $p<0,01$), но осталась в пределах нормы. Это изменение было расценено как положительное, т.к. оно связано с ослаблением контроля над событиями, снижением жесткой требовательности к себе и повышением доверия к жизни.

Было выяснено, что на степень отрицания активности напрямую влияет состояние телесной чувствительности, в частности, моторной и проприокинестетической. Также отмечено обратное влияние интеракции на уровень интернальности в сфере достижений.

В целом, по окончании телесно-ориентированной терапии у ее участников повысились показатели самооценки, телесной чувствительности и возрос уровень перцептивного, интерактивного и коммуникативного компонентов общения. Существенно возросла интернальность локуса контроля в суждениях о жизни, межличностной сфере и готовности преодолевать трудности, и напротив, снизились предрасположенность к самообвинению и отрицание активности.

На примере телесно-ориентированной терапии мы выяснили, что этот процесс ведет не только к очевидным поверхностным изменениям, но и более глубинным переориентациям. Однако на этом проблема исследования психотерапии не может считаться завершенной. Терапевтический процесс является весьма сложным явлением, в

Секция «Психология»

которое включено большое количество переменных, что открывает широкую перспективу для проведения различного рода исследований.

Литература

1. Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. – М., 1993.
2. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. – М., 2003.
3. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. Введение в психологию активности. – СПб.: ООО «Речь», 2004. – 350с.
4. Клонингер С. Теории личности: познание человека. – СПб.: Питер, 1999. – 398с.
5. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. – СПб: Питер, 2000. – 563с.

Две функции метафоры в психотерапии

Волкова Д.Э.

Аспирант

*Государственный Университет Высшая Школа Экономики,
факультет психологии, Москва, Россия*

E-mail: rees@rambler.ru

Понятие «метафора» в настоящее время широко используется в психотерапевтической литературе. Выделяют определенный круг функций, выполняемых метафорами в психотерапии. Одна из наиболее важных, на наш взгляд, состоит в том, что метафора позволяет клиенту выразить не поддающийся вербализации опыт. За счет чего это происходит? Чтобы понять механизм функционирования метафоры в психотерапии попробуем определить ее место в ряду родственных понятий: знак, символ, образ.

Традиционно под знаковой формой отражения и коммуникации понимается, прежде всего, речь. Такая форма предполагает четкие, социально закрепленные за знаками (словами) значения, поскольку одна из главных функций речи – обеспечивать понимание людьми друг друга. Предполагается, что овладение речью является необходимой предпосылкой становления сознания (как совместного знания), то есть речь тесно связана с сознанием; сознание опосредовано знаками. В сфере психотерапии, выражая континуум своего опыта в знаковой форме, в речи, клиент получает возможность отстраниться от непосредственных переживаний, установить дистанцию между ними и своим Я, обрести над ними контроль.

Однако не всякий опыт поддается выражению в речи, знаковому опосредованию. Существует пласт переживаний еще не доступных сознанию. Это пласт бессознательного, или неосознаваемого, доречевого опыта. В бессознательном содержание и средство выражения содержания слиты, их невозможно различить, нет еще означающего и означаемого; содержания бессознательного нельзя выразить иначе, чем, переживая их и/или проигрывая в действии (Фрейд, 1989). Не поддаваясь рефлексии, содержания бессознательного, тем не менее, во многом определяют желания, чувства, поведение клиента. Как отмечается во многих руководствах, одной из основных целей психотерапии служит интеграция разрозненных психических структур субъекта. Для этого необходимо найти доступ к содержаниям бессознательного.

Бессознательное говорит, как утверждал Ж. Лакан, и говорит оно на языке наглядных образов, имеющих подчас символическую природу; символы - это язык и обитатели бессознательного (Юнг, 1991).

Как утверждает многими авторами, символ тесно связан с образом: во всяком символе есть идейная сторона и образная сторона (Лосев, 1976). Между тем, образ, от которого берут свое начало как символ, так и метафора, представляет собой реальность, не сопоставимую с языком вербальных значений (Арутюнова, 1990), тесно связанных с сознанием. И действительно, символ, «пронизывая» многие «планы бытия» (Иванов, 1994), будучи насыщенным личностными смыслами и ценностями и нечувствительным к

Секция «Психология»

противоречиям (Улыбина, 1999), обнаруживает (в отличие от знака) свою родственность природе неосознаваемого, доречевого опыта субъекта.

Появляясь в психотерапевтическом дискурсе, символ не презентует действительность (как знак), а трансформирует ее (Свирепо, Туманова, 2004). Эта трансформация, по-видимому, происходит за счет постепенного постижения содержания символа, его встраивания в образ Я и мира субъекта, переструктурирования жизненного опыта субъекта. Однако, как указывают многие исследователи символа, он (в отличие от знака) практически недоступен для рационального понимания, рефлексии.

Вернемся к метафоре. На наш взгляд, можно выделить два вида метафор в психотерапии соответственно тем функциям, которые они выполняют. Первые («нисходящие» метафоры) подготавливают клиента к встрече с голосом неосознаваемого, к встрече с символом, как бы создают условия для появления символа; вторые («восходящие» метафоры) - служат расшифровке уже возникших символических содержаний, помогают клиенту войти с ними в более тесный контакт, постичь то, что в них заложено.

Метафора принадлежит одновременно двум мирам: миру вербальных значений и миру образов (Н.Д. Арутюнова среди характерных черт метафоры выделяет слияние в ней образа и смысла). Нисходящие метафоры активизируют образный план коммуникации, который в неметафорической речи чаще всего заглушен. Тем самым они помогают клиенту более точно выразить свой опыт. Активизация образного плана коммуникации облегчает взаимодействие с неосознаваемым опытом, что способствует «пробуждению» символических содержаний. Пробуждая образы, метафора акцентирует определенные моменты вербального содержания, индивидуализируя его и углубляя понимание клиентом реальности, в том числе, реальности своих переживаний. А точно найденное выражение помогает клиенту полнее пережить чувство (Роджерс, 2001) и позволяет ему продвигаться в самопознании дальше. Структурируя поле собственного опыта, с помощью точных обозначений, клиент может увидеть неожиданные связи, отношения, «белые пятна», что активизирует дальнейшие поиски. Нам представляется что клиенту необходимо пройти определенный путь «точных» означений, прежде чем начнется новый этап психотерапии.

Восходящие метафоры служат средством постижения содержания, заложенного в символе. Предпосылкой к подобному пониманию служит этимология слова «метафора»: «мета» - после, над, через, за, пере; «фора» движение, то есть «передвижение» (Свирепо, Туманова, 2004). Метафоры позволяют «переправлять» или «переплавлять» смыслы непостижимого рациональным путем символа с помощью образа, заключенного в метафоре, из довербальной в вербальную форму, встраивая транслируемые символом содержания в картину мира субъекта. Метафора знаменует собой начало мыслительного процесса: дав толчок семантическому процессу, она постепенно стирается и утрачивает образ, на смену которому приходит понятие (Арутюнова, 1990).

Проиллюстрируем сказанное выше примером из стенограммы консультации К.Роджерса с клиенткой по имени Джен (Роджерс, 2001). Джен в течение длительного времени пытается найти подходящее слово, чтобы выразить свой опыт. Она говорит о «страхе», «панике», «переживании жизненно важного» и, наконец, приходит к метафорическому выражению «ощущении пойманности собственным возрастом» (нисходящая метафора). Это точное обозначение переживания позволяет Джен продвинуться дальше в самопознании. Неожиданно Джен начинает говорить о себе как о маленькой девочке, способной одеть шорты и заплести косички (также нисходящая метафора), однако вскоре все ее поведение начинает напоминать поведение маленькой испуганной девочки (переход на шепот, наивная откровенность). Метафорический образ пробуждает созвучные ему переживания и поведение, распространяясь на несколько уровней психического функционирования клиентки, становится символическим. Вся дальнейшая работа К. Роджерса с Джен строится как приближение к смыслу, который

несет в себе этот многогранный символический образ. Терапевт пытается выстроить связи: «символ - жизненный опыт клиентки» и эти связи выстраиваются, когда возникает тема «одинокости». Роджерс советует Джен «стать другом для маленькой девочки внутри нее» (восходящая метафора) и она откликается на это предложение. Обнаруживается, что в возникшем символе заключены, не только чувства беспомощности, оставленности, потерянности, но и ресурсы, такие как энергия, дерзость, озорство, для совладания с одиночеством. Однако как терапевт, так и клиентка отмечают, что только вступили на путь постижения символа: он все еще продолжает таить в себе много неясного (символ никогда не может быть понят до конца).

Анализ современных зарубежных теорий гипноза

Воропаева М.С.

Соискатель

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
психологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: liana_09@mail.ru

С середины 20 века наблюдается возрастание интереса к научному изучению гипноза не только в нашей стране [2], [3], но и на Западе [4], [6], [7]. Это связано, в первую очередь, с эффективностью гипноза как метода психотерапии. В настоящее время гипноз активно используется в своей практической работе врачами, психиатрами и психологами, поскольку он наилучшим образом подходит для решения ряда проблем (избавление от зависимостей, таких как алкоголизм, курение, переедание, лечение кожных заболеваний, психосоматических проблем и многое другое). Поскольку феноменология гипноза чрезвычайно сложна и противоречива, ключевым для зарубежных исследователей стал вопрос о природе гипноза и механизмах его действия [4], [5].

В настоящее время на Западе можно выделить два основных теоретических взгляда на гипноз: 1) традиционный подход к гипнозу, в котором гипноз рассматривается как измененное состояние сознания (ИСС); 2) социально-когнитивный подход, согласно которому гипноз является обычной социальной активностью, в которой испытуемый демонстрирует реакции, соответствующие ожиданиям гипнотизера [4]. Существует ряд ключевых вопросов, по которым дискутируют представители этих двух подходов: вопрос о произвольности гипнотических реакций, понимание гипнабельности как устойчивой черты или развиваемого навыка, наличие специфических для гипноза феноменов, которые не могут воспроизвести низкогипнабельные испытуемые [4], [6], [7].

Традиционно гипноз описывался исследователями как ИСС, поскольку при внушении каталепсии, амнезии, возрастной регрессии и других феноменов поведение испытуемых кардинально отличалось от реакций испытуемых в обычном состоянии сознания (ОСС). Одной из наиболее влиятельных концепций традиционного подхода является теория неодииссоциации Эрнеста Хилгарда (1977), которая объясняет гипноз в терминах диссоциации или рассогласования между системой контроля, осуществляющей сознательное управление, и когнитивными подсистемами [5]. Однако с середины 20 века на Западе стали накапливаться факты, что многие гипнотические феномены могут повторить низкогипнабельные испытуемые (т.н. «симулянты») с высокой мотивацией ввести гипнотизера в заблуждение [6], [7]. Эти исследования послужили основой для разработки социально-когнитивного подхода к гипнозу, который в настоящее время приобретает все большую популярность [4], [7]. Основная идея этого подхода, подтвержденная рядом экспериментов, состоит в том, что гипнотическое поведение испытуемых во многом определяется их ожиданиями, установками и представлениями о гипнозе. В качестве подтверждения этого положения можно привести результаты многочисленных экспериментов Николаса Спэнноса (основателя социокогнитивного подхода), в которых была доказана возможность значительного увеличения гипнабельности [4], [7].

Вместе с тем для сторонников традиционного подхода к гипнозу тот факт, что многие гипнотические феномены могут быть воспроизведены симулянтами, свидетельствует лишь о существовании стереотипных представлений о гипнозе [6]. Мартин Орн, один из наиболее авторитетных представителей традиционной точки зрения на гипноз, приводит следующую аналогию: если кто-либо настолько удачно подражает спящему человеку, что наблюдатель не может распознать его симуляцию, это не означает, что нет сна как особого состояния. Субъективные переживания загипнотизированных испытуемых кардинально отличаются от переживаний симулянтов, поэтому для сторонников традиционного подхода именно субъективный опыт стал считаться решающим критерием наличия/отсутствия гипнотического состояния [5], [6], [8].

Представители традиционного подхода приводят как минимум три феномена, которые не могут воспроизвести симулянты: феномен нечувствительности к противоречиям (т.н. трансовая логика), амнезия источника (возможность воспроизвести полученную в гипнозе информацию, но не источник этих знаний) и потребность в определенном промежутке времени для выхода из гипноза [6]. Со своей стороны, представители социально-когнитивной точки зрения приводят убедительные экспериментальные доказательства, что симулянты могут воспроизвести феномены, характерные для самых глубоких стадий гипноза, такие как гипнотическая амнезия, аналгезия и постгипнотические внушения [7].

Проведенный анализ основных зарубежных теорий гипноза и экспериментальных доказательств каждого из подходов позволил нам сделать вывод, что понимание гипноза как ИСС не противоречит идеям Н.Спэнноса о важной роли установок, ожиданий и представлений испытуемых о гипнозе. Описание гипноза как значимой для испытуемого социальной ситуации хорошо согласуется с представлением О.В. Гордеевой о существовании двух видов ИСС - "низших", случайных, нецеленаправленных изменений состояния сознания, и "высших", стабильно организованных, социально обусловленных ИСС [1]. Мы можем говорить о гипнозе как о высшем, культурно обусловленном виде ИСС, поскольку в современном обществе существуют устойчивые представления о гипнотических феноменах, что, безусловно, будет влиять на поведение испытуемых в гипнозе. Вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением социокогнитивного подхода об отсутствии специфики гипнотического состояния. Эксперименты сторонников традиционного подхода, в частности, исследования О.К. Тихомирова, В.Л. Райкова и Н.Б. Березанской [3], в которых симулянты не могли повторить реакции высокогипнабельных испытуемых (при внушении младенческого и пятилетнего возраста, феномена «внушенной личности» и т.д.), убедительно доказывают существование гипноза как особого вида ИСС.

Литература

1. Гордеева О.В. Культурно-историческая теория Л.С.Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания (ИСС). – В кн.: Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Вып. 1. Под ред. Братуся Б.С., Леонтьева Д.А. – М.: «Смысл». – 2002.
2. Гримак Л. П. Моделирование состояний человека в гипнозе. - М.: Наука. - 1978.
3. Овчинникова О. В., Насиновская Е. Е., Иткин Н. Г. Гипноз. - М.: МГУ. - 1989.
4. Farthing G.W. The psychology of consciousness. - Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey. - 1992.
5. Hilgard E.R. A Neodissociation Interpretation of Hypnosis. - In: Theories of hypnosis. Current Models and Perspectives. - Ed. by S.J. Lynn and J.W. Rhue. – 1991. - P. 83-101.
6. Orn M.T. On the Simulating Subject as a Quasi-Control Group in Hypnosis Research: What, Why, and How. - In: Hypnosis: Developments in Research and New Perspectives. - Ed. by E. Fromm and R.E. Shor. – 1979. - P. 518-565.
7. Spanos N.P. A Sociocognitive Approach to Hypnosis. - In: Theories of hypnosis. Current Models and Perspectives. - Ed. by S.J. Lynn and J.W. Rhue. – 1991. - P. 324-361.

8. Tart C. Measuring the depth of an ASC with Particular Reference to Self-Report Scales of Hypnotic Depth. - In: Hypnosis: Developments in Research and New Perspectives. - Ed. by E. Fromm and R.E. Shor. - 1979. - P. 567-601.

Телесно ориентированная практика, как способ преодоления стресса в контексте тренинга актуализации лидерского потенциала

Грибеников С.С.

Студент

Томский государственный университет. Факультет психологии. Город Томск, Россия

E-mail: Grislay1@mail.ru

В ходе многолетнего изучения проблематики лидерства, в рамках магистерской диссертации мы подошли к созданию тренинговой программы, направленной на актуализацию лидерского потенциала.

В процессе проведенных теоретических и практических исследований было выявлено ряд качеств, присущих лидеру. В частности, одним из них является способность преодолевать большие физические и психические нагрузки, неизбежно возникающие на пути человека, выбравшего активную жизненную позицию.

На сегодняшний день разработано достаточно много методов борьбы со стрессом. В нашей программе было решено использовать телесно ориентированный подход, метод танцевальной терапии, с использованием элементов хатха йоги.

Западное представление, закрепленное Декартом о том, что тело и душа суть разные части человека давно устарело, сегодня, ни в психологии, ни в медицине не осталось сомнений о тесной взаимосвязи психического с телесным [1].

Танец является одним из наиболее ярких способов выражения всего диапазона человеческих эмоций, мыслей и установок (Langer, 1953). На протяжении тысячелетий в разных культурах существовали ритуальные танцы для празднования победы, оплакивания мертвых, лечения больных и т.п. В религиозных и культовых ритуалах танцующие стремились отрешиться от всего, стать частью вселенной, в танцах-имитациях участники отождествляли себя с сильными, свирепыми животными и стихиями. Когда танец исполняется, чувства выражаются с помощью серии высокоструктурированных форм движений. Когда же танец используется в терапии, чувства спонтанно высвобождаются в свободном движении и импровизации, и эстетическая сторона танца как искусства, ценности не несет. Танец является коммуникацией посредством движения, поэтому в танцевальной терапии нет стандартных танцевальных форм, и для личной выразительности могут, и должны использоваться формы, рождающиеся в момент исполнения. Можно протанцевать неудачу, радость победы или просто мобилизовать силы. В особом состоянии сознания, более внимательном к своей телесности, прочувствовать как то или иное событие отражается в теле в виде блока или напряжения. Сложность заключается в том, что чтобы прочувствовать свои блоки и позволить энергии течь в теле свободно, нужно войти в состояние сверхчувственного восприятия тела.

Одним из методов, открывающих доступ к сверхчувственному восприятию, является йога. Йога – это древнейшая наука о жизни, уходящая корнями в глубокое прошлое. Это старейшая в мире система развития личности, включая тело психику и дух. Древние йоги глубоко понимали сущность природы человека и того, что ему нужно, чтобы жить в гармонии с собой и с окружающей средой. Они воспринимали физическое тело как транспортное средство, психику – как водителя, душу – как истинную суть человека, а деятельность, эмоции и умственные способности – как три силы, которые двигают тело-машину. Чтобы развитие было целостным, эти три силы должны быть сбалансированы. Учитывая взаимодействие между телом и психикой, йоги создали уникальный метод сохранения этого равновесия – метод, сочетающий все движения, необходимые для физического здоровья, с дыханием медитацией, обеспечивающей спокойствие.[2]

Секция «Психология»

Следует отметить неисчерпаемость йоги, как источника методов. В частности для снятия хронического напряжения мышц может быть использована адаптированная для современного социума система «Фитнес минимум», разработанная одним из крупнейших современных специалистов в этой области А. В. Сидерским [3]. Интересным в этой системе является взгляд на способ расслабления мышц, подобно технике В. Райха [4], максимальное напряжение зажатых участков, приводит к тотальному расслаблению.

Итак, для разработки тренинговых мероприятий по преодолению стресса в контексте тренинга актуализации лидерского потенциала было решено использовать метод танцевальной терапии, которая ведет свое происхождение от творческого танца. В дополнении к нему, нами был использован классический комплекс хатха йоги «Сурья намаскар».

Целью тренинга является формирование способности к пониманию своего тела, видения как внешние эмоционально окрашенные факторы оставляют отпечаток в психосоматической структуре, в процессе тренинга планируется формирование навыков совладания со стрессом посредством танца, и использования телесных методов как общего универсального ресурса.

Первым этапом в тренинге был использован простейший набор асан (положений тела) способствующий подготовке и вхождению в основную практику спонтанного танца. Набор из 12 упражнений, доступных для любого уровня подготовки, помогающий развернуть внимание внутрь, сосредоточив его на ощущениях в теле.

Вторым этапом тренинга является спонтанный танец. Участникам предлагается сосредоточиться на актуальных проблемах в данный момент, подумать, с чем каждому хотелось бы поработать. Это могут быть проблемы со здоровьем, такие как головные боли, напряжение в спине и т.п. а так же любые другие проблемы - беспокойство по поводу недавней утраты, предстоящего собеседования и т.д. Затем предлагается под музыку «протанцевать свою проблему». Сосредоточиться на своем теле, прочувствовать проблемную зону и с помощью спонтанных танцевальных движений убрать напряжение, растворить его, пережить до конца, выпустить зажатую энергию, осознать неосознанные чувства, созерцая возникающие образы, всплывающие в сознание, выразить свою суть посредством танца.

Программа тренинга была внесена в большую тренинговую программу «Анти стресс», была апробирована на летней психологической школе, проводимой Факультетами Психологии ТГУ и МГУ при поддержке Oxford Russia Fund (октябрь 2008г., Алтайский край). Результаты тренинга позволяют говорить об эффективности его использования для борьбы со стрессом, а также физическим и психическим перенапряжением. В дальнейшем планируется использование наработок в программе мероприятий, направленных на актуализацию лидерского потенциала.

Литература

6. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа. - М., 1995, с. 552-571.
7. Люси Лайделл, Нарайяни Рабинович, Гирис Рабинович. – Пер. С англ. Н. Григорьевой. Новая книга по йоге: Поэтапное руководство., - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.- 192с.:ил.
8. Андрей Сидерский «Фітнес Мінімум» Видео курс.. Киев 2007.
9. Анализ личности. Вельгельм Райх. - М.: «КСП+»; Спб: «Ювента», 1999. - 333с. В Райх. СПб. - М., 1997. - 303 с

Особенности психотерапевтической помощи в постсоветском пространстве (пилотажное исследование частных медицинских центров)

Заряник В.В.

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Ведение

История развития и становления современной психологической и психотерапевтической помощи населению в России невелика – ей всего несколько десятков лет. Изначально являясь в основном преемницей зарубежных психотерапевтических достижений, психотерапия на территории постсоветского пространства в силу специфических общественно-исторических обстоятельств не могла не приобрести свои особенности. Исследования, направленные на выявление специфики российской психотерапии, пока не проводились. В связи с этим правомерно задаться вопросом о том, каковы особенности и характер психологической и психотерапевтической помощи в России, каков портрет современного российского адресата психотерапевтической помощи и каков образ специалиста, оказывающего эту помощь. Все вышеперечисленное обуславливает актуальность и практическую значимость исследования.

Методика

Для ответа на поставленные вопросы было проведено пилотажное исследование предложений психологической и психотерапевтической помощи 4 типов: среди индивидуальных специалистов, психологических и частных медицинских центров, государственных учреждений, оказывающих психологическую и психотерапевтическую помощь и размещающих информацию о себе и своей деятельности в Интернете. Критерием отбора являлось наличие персонального сайта, а также нахождение информации о специалисте (организации) в верхних строках поисковой системы Yandex в ответ за запрос «психотерапия». Было проанализировано по 10 предложений психотерапевтической помощи каждого типа. Исследовались следующие переменные: название организации; дата основания организации; информация о самом специалисте (центре); спектр предоставляемых психологических услуг; спектр предоставляемых иных (не психологических) услуг; партнеры специалиста (центра), в том числе реклама через баннеры; обещаемые психотерапевтические результаты; практикуемое психотерапевтическое направление; круг разрешаемых психологических проблем; описание специалистов центра (пол, образование, членство в профессиональных обществах, ассоциациях, вид практикуемой психотерапии, название и характер тренингов, которые ведет специалист, т.д.); программы тренингов (название, на что направлены, какой обещают результат); темы, обсуждаемые на форуме центра, часто задаваемые вопросы. Результаты пилотажного исследования психологических центров были опубликованы в сборнике Материалов XV Международной конференции «Ломоносов- 2008». Главным фокусом данных тезисов являются некоторые наиболее важные предварительные результаты пилотажного исследования частных медицинских центров.

Результаты

1. Для определения ведущих психотерапевтических направлений в структуре каждого типа психотерапевтической помощи (в данном случае в медицинском учреждении) использовался метод балльных оценок (от 0 до 3, с шагом 0,5 балла; балл «3» - в медицинском центре практика ведется в рамках 1 психотерапевтического направления; «0»-направление не указывается или указывается, что практикуются все возможные направления). Баллы каждого направления суммировались, а направления ранжировались по суммарному баллу. Оказалось, что в структуре «медицинского» психотерапевтического пространства ведущими являются (по убыванию)- психиатрическая помощь (9,5 баллов), консультации сексолога (5), психоанализ (4,5), когнитивная психотерапия (3,5), православная психотерапия и бизнес-консультирование (по 3 балла).

1.1. Ведущий вклад «медицинской психотерапии» выглядит естественно в связи с тем, что субъекты психотерапевтической деятельности в медицинских центрах в большинстве случаев имеют базовое медицинское образование. Психологическое же образование -

Секция «Психология»

второе, дополнительное (в отличие от первого психологического образования у субъектов психотерапевтической деятельности в психологических центрах).

1.2. Присутствие в этом ряду бизнес-консультирования, осуществляемого теми же специалистами помогающих профессий (в психологических центрах бизнес-тренинги также входят в 5 ведущих направлений в структуре психотерапевтического пространства) свидетельствует в пользу смещения психотерапевтических отношений из плоскости «специалист-пациент / клиент» к отношениям «продавец–покупатель».

1.3. Соседство в рамках одного учреждения православной терапии, психоанализа, «циничной» медицины и «скептической» науки «уравнивает» их в борьбе за привлечение клиентов, а также указывает на процесс коммерциализации религии в медицине. Включение религии в структуру медицинских центров, возможно, указывает также на снижение доверия традиционным видам медицины и психологической помощи. Внешне целостный подход к пациенту («восстановление баланса всех систем организма» - лечение тела, души и духа) по существу отражает крайне противоречивую и фрагментированную установку по отношению к адресату помощи.

2. Описание преимуществ медицинского центра, высокой квалификации (подтвержденной научными степенями и высшими врачебными категориями) медколлектива, наисовременнейшего диагностического и лечебного оборудования, высококачественной психотерапевтической помощи, наличие при клинике своего храма (часовни) и православного священника, транслирует потенциальному «клиенту–пациенту–покупателю», что современные технологии (в том числе психологические), уровень достижений специалистов, обещаемый эффект лечения сравнимы с Божественным промыслом («**высококвалифицированные врачи** от Бога плюс современная аппаратура– вот формула успешного лечения в медицинском центре»). Адресат помощи получает «все и разом» («изменим жизнь к лучшему раз и навсегда»), что указывает на культивирование и эксплуатацию в целях привлечения радикала нарциссической грандиозности у потенциальных пациентов.

3. В основном специалисты позиционируют себя через индикацию своего научного звания (к.м.н.) и высшей врачебной категории, членства в профессиональных ассоциациях и обществах, повышение квалификации и / или опыт работы в ведущих НИИ, наличие печатных работ в специализированных популярных журналах «9 месяцев», «Мой ребенок», «Семейный доктор», «Женское здоровье», др (в отличие от «гламурных» у специалистов психологических центров). Единично - самопозиционирование «фрагментарно» и противоречиво: «православный психолог, работаю без применения гипноза, сфера деятельности- классический психоанализ, позитивная психотерапия, символ драма, трансовые методики, телесная терапия, парапсихология (по желанию клиента)».

4. Во всех проанализированных клиниках предложение услуг не ограничивается только медицинскими и психотерапевтическими услугами (по сопровождению беременности, послеродовому периоду, воспитанию детей, проблемам усыновления, лечению депрессии, фобий, неврозов, зависимостей, снижению веса, личностному росту, др), также широко предлагаются услуги по внешнему преобразованию (массажи, косметологические процедуры по уходу за лицом и телом, эпиляция, маникюр, педикюр, наращивание ресниц, волос, ногтей, др.), а также пока единично юридические услуги. Язык описания «достоинств» клиники схож с описанием туристического отеля: «расположена в зеленом, тихом уголке», «уютная обстановка», «комфортабельные палаты», «современные сан. узлы с душевыми кабинами, в каждой палате есть ТВ, холодильник, современная мебель; смена белья через день; в клинике есть сауна, тренажерный зал, солярий».

Т.о., по данным Интернет- сайтов от такого разнообразного и «пестрого» соседства границы профессиональной психологической помощи «размываются», и в общественном сознании она все более приобретает черты коммерческой ангажированности.

Психологическое время субъекта

Кадырова А.Р.

Студентка психологического факультета

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: aneige1987@gmail.com

Издревле философы осознавали феномен времени, и каждая наука считала своим долгом внести вклад в раскрытие законов данного явления. Однако методы исследования времени иногда были принципиально несовместимы с объектом обсуждения. До сих пор не выработан четкий механизм исследования времени, в особенности такого специфического, как психологического. Психологическое время считается важным атрибутом самосознания личности и одним из условий ее существования.

Объектом нашего исследования стали психоаналитические сессии. Основываясь на психоаналитических теориях времени, а также на своем субъективном понимании этого феномена, мы выдвинули следующие гипотезы:

- 1) психологическое время субъекта отражается в динамике употребления несовершенных глаголов и инфинитивов;
- 2) психологическое время субъекта в рассказах о сновидении проявляется в употреблении глаголов несовершенного вида, тогда как психологическое время в ходе интерпретации сновидения выражается в основном в виде инфинитивов;
- 3) изменение психологического времени в ходе рефлексивной аналитической работы субъекта выражается в изменении количества употребляемых им глаголов несовершенного времени и инфинитивов.

Проведенное исследование показало, что в речи субъекта имеет место слияние настоящего и будущего, изменение психологического времени субъекта, в частности, проявляется в случайных словах и словах-неопределенностях. Первая гипотеза подтвердилась: психологическое время субъекта отражается в динамике употребления несовершенных глаголов и инфинитивов. Вторая гипотеза также оказалась верной: психологическое время субъекта в рассказах о сновидении проявляется в употреблении глаголов несовершенного вида, тогда как в ходе интерпретаций сновидения оно выражается в основном в виде инфинитивов. Третья гипотеза подтвердилась только отчасти: изменение психологического времени в ходе рефлексивной аналитической работы субъекта выражается в количестве употребляемых им глаголов несовершенного времени.

Психотерапевтический потенциал чтения художественных произведений в работе с детьми и взрослыми

Кисельникова Н.В., Кисельников А.А.

научный сотрудник, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, кандидат психологических наук

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

E-mail: nv_psy@mail.ru, kiselnikov@mail.ru

Библиотерапия (от греч. *biblio* – книга, *therapy* – лечение) давно стала классикой арттерапевтических методов работы с различными видами личностных проблем, невротических состояний, помощи человеку в трудных жизненных ситуациях.

Мы имеем возможность обобщить наш опыт психотерапевтической работы с использованием библиотерапевтического метода с детьми (младшего школьного и подросткового возрастов) и взрослыми с различными типами психологических проблем (в частности, в нашей работе участвовали мальчики младшего школьного возраста с повышенной тревожностью, страхами, агрессивностью; подростки и взрослые,

Секция «Психология»

страдающие заиканием и сопутствующими личностными нарушениями – патологической застенчивостью, неадекватной заниженной самооценкой, социофобией и т.п.).

Особую ценность чтение специально подобранных художественных произведений имеет в работе с детьми, страдающими нарушениями эмоциональной сферы. Среди факторов, обуславливающих предпочтение в выборе методов психологической помощи в пользу библиотерапии, следует отметить свойственную детям и подросткам эмоциональность, впечатлительность, развитое образное мышление и воображение, слабые механизмы психологической защиты. Все это позволяет ребенку легко идентифицироваться с героем произведения, открыто, искреннее и глубоко проживать чувства, порожденные в процессе чтения, и присваивать полученный героем книги опыт как личностный, имеющий особую значимость для себя. Очевидно, что основными критериями отбора художественных произведений как средств психотерапии должны быть доступность текста детскому восприятию и изоморфность сюжетной линии и психологической проблемы (так, например, подростку, в острой форме переживающему кризис «непонятности» взрослыми, предлагается прочесть повесть Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», а вместе с агрессивным мальчиком 10 лет психотерапевт читает и обсуждает сказку «Драчливый заяц»).

В рамках библиотерапевтической работы можно выделить несколько ее разновидностей: это и чтение уже написанных другими авторами произведений с последующим анализом собственных переживаний и впечатлений, и психологическая проработка историй, специально, с учетом индивидуальных особенностей и проблемных сфер, составленных психотерапевтом, и, наконец, сочинение собственных историй и сказок. Каждый из этих видов эффективен и целесообразен в применении к определенным типам психологических проблем и возрастным категориям детей.

Так, например, чтение художественных произведений классических и современных авторов стало неотъемлемой частью диагностической и пропедевтической работы с подростками и взрослыми, страдающими логоневрозом (нарушенным речевым общением в форме заикания), в рамках методики групповой семейной логопсихотерапии (Ю.Б. Некрасова – Н.Л. Карпова (Карпова, 2003)). Здесь разработана специальная схема чтения разнообразных книг на такую тематику, как борьба с недугом (И.С. Тургенев «Живые мощи», А. Маршалл «Я умею прыгать через лужи»), переживание инакости и одиночества (Г.Х. Андерсен «Гадкий утенок», А.П. Чехов «Госка», П. Вежинов «Барьер», И. Хургина «Рыжая», Р. Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»), творческое преодоление трудностей (Д. Гранин «Эта странная жизнь», К. Паустовский «Золотая роза», Ю. Олеша «Ни дня без строчки»), позитивный взгляд на жизнь, активная жизненная позиция (Б. Шоу «Пигмалион», О.И. Скороходова «Как я воспринимаю и понимаю мир», Э. Портер «Поллианна», И. Триус «Жить стоит»). Это - далеко не полный перечень произведений, которые ведут за собой процесс переосмысления подростками и взрослыми собственных трудностей в общении и личностном становлении. Завершается такой процесс составлением собственной сказки, которая часто становится квинтэссенцией переживаний, связанных с длительной коммуникативной депривацией, и выражением сильной мотивационной установки, направленной на преодоление заикания.

Надо отметить, что сказке, как наиболее близкой, понятной и вместе с тем глубокой художественной форме, отведено особое место в работе и с самыми различными клиентами. Специалисты по сказкотерапии подчеркивают, что «лечение сказкой» не только для детей, но и для взрослых становится процессом «поиска смысла, расшифровки знаний о мире и системе взаимоотношений в нем» (Зинкевич-Евстигнеева, 2001). В метафорической форме в сказке содержится информация о динамике жизненных процессов, символическое описание всевозможных путей развития ситуаций, образные способы решения проблем. Терапевтическая метафора, как в готовом виде (народные, авторские сказки), так и специально смоделированная для конкретного ребенка

Секция «Психология»

психологом, является одним из сильнейших способов трансформации поведения и гармонизации эмоциональной сферы (Гордон, 1992).

Так, чтение сказок с соответствующим содержанием позволило детям контейнировать деструктивные эмоции. Достаточно вспомнить, что дети младшего школьного и подросткового возрастов очень любят слушать так называемые «страшные истории», дающие возможность отреагирования негативных эмоций, психологической переработки проблем смерти, любви к родителям и послушания, взаимодействия с незнакомыми людьми и предметами, безопасности жизни, интериоризации родительского контроля. Большой психотерапевтический эффект здесь получает и рассказчик страшных историй, который в символической форме совладевает со своими страхами, дает выход агрессии, управляет сюжетной линией и эмоциями слушателей.

Бесценные возможности рационального осмысления и эмоционального переживания значимых для каждого жизненного этапа и конкретной личности вопросов (поиска смысла жизни, преодоления трудностей, выхода из кризиса, формирования отношения к себе и Другому) заключены в художественных произведениях детских и взрослых, отечественных и зарубежных авторов и могут быть открыты посредством грамотно организованной психологической работы.

Важным результатом «душеполезного чтения» (выражение Ермаковой Т.В., по Библиопсихология и ..., 2005) становится «перенос сказочных смыслов в реальность» (Зинкевич-Евстигнеева, 2001), продуцирование у человека новых, более эффективных форм поведения – снижение агрессивности, ослабление страхов, психологическое взросление, установление контакта с другим ребенком или взрослым, формирование коммуникативных навыков.

Литература

1. Библиопсихология и библиотерапия (2005) Редакторы Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. – М.: Школьная библиотека.
2. Гордон Д. (1992) Терапевтические метафоры. – Таганрог: Эсперо.
3. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. (2001) Практикум по сказкотерапии. – СПб.: Речь.
4. Карпова Н.Л. (2003) Основы личностно-направленной логопсихотерапии. – М.: Флинта.

Личностные особенности бездомных людей.

Клюева Н.Ю.

Студент

*Государственный Университет Высшая Школа Экономики, факультет психологии,
Россия, Москва
nadia.klueva@gmail.com*

Уже несколько десятилетий в России существует такой сегмент общества, обусловленный отчасти культурой, отчасти экономической ситуацией, мало затронутый психологическими исследованиями. Речь идет о бездомных людях.

Все проводимые исследования данной категории, носящие по большей части социологический характер, представляют собой исследование причин попадания человека на улицу. Мы же поставили перед собой цель качественное изучение личностных особенностей бездомного человека в контексте отношения к себе, своей жизненной ситуации и другим людям. Была выдвинута гипотеза о том, что существуют некоторые качества личности присущие всем бездомным в сфере отношений к себе и другим людям.

Были поставлены следующие задачи:

- 1) Изучение отношения бездомных людей к их жизненной ситуации и жизненной перспективе
- 2) Изучение отношения бездомного человека к самому себе как к автору собственной жизни.
- 3) Изучение отношения бездомных людей к другим людям и социуму в целом.

Выборка

Секция «Психология»

Под бездомными людьми мы понимаем взрослых, в основном мужчин (85%), в трудоспособном возрасте, не имеющие дома и средств к существованию. Нами было проведено исследование на 90 бездомных, временно проживающих в социальной гостинице для лиц БОМЖ.

Методы

Для исследования черт личности бездомного в сфере отношений были использованы: методика неоконченных предложений, рисуночный тест «Я и моя жизненная ситуация», прогностические рисуночные методики в изучении бессознательного, а также творческое сочинение-сказка.

Результаты

В ответах на неоконченные предложения бездомные затрагивают следующие проблемы: отсутствие денег (в каждой работе) и дома, алкоголь, отсутствие документов. Это и есть весь спектр целей, к которым стремится человек из этой среды, считая, что разреши он все эти проблемы, возврат в социум обеспечен.

Что касается отношений между людьми, то они, по мнению бездомных: натянутые, меркантильные, финансовые. Однако это, скорее, характеристика отношений в среде бездомных, где каждый сам за себя.

Мало кто говорит в ответах о своем будущем, а если и говорит, то это попросту мечты: «Я надеюсь, мне повезет».

Также интересен тот факт, что в ответе на предложение «Если ребенок не присоединяется к деятельности группы...» все бездомные ответили, что он – эгоист, его надо наказать, объяснить, включить в деятельность. То есть это не нормально не присоединятся. И это общество, из которого они, по сути ушли сами, выбрав свой путь, которое их не принимает и гонит прочь, имеет такую ценность для этих людей. Что свидетельствует, скорее всего, об их конформности.

Все рисунки очень простые, описывают конкретную жизненную ситуацию, что свидетельствует о низком развитии образного мышления. Оно похоже по развитию на мышление пяти- шести летнего ребенка, не умеющего абстрагироваться. Бездомные не видят длительной жизненной перспективы, живут сегодняшним днем. А если и представляют, что будет с ними через год или два, то зачастую это всего лишь фантазии, к осуществлению которых они никаким образом не продвигаются.

Методика сказки была проведена на 24 бездомных людях. В ней предлагалось закончить текст уже существующей сказки, в которой перед главным героем стоял выбор: решить проблему легко, получив помощь извне, либо самому добиться, преодолевая препятствия, необходимого результата. 19 человек выбрали легкое решение, понизив при этом уровень своих притязаний, не удовлетворив полностью желаний членов своей семьи, тем самым, демонстрируя ограниченную ценность семьи для себя. И готовность несамостоятельно решать проблемы, прибегая к помощи извне.

Нами были выделены наиболее значимые характеристики личности бездомного человека: отсутствие авторской позиции в жизни и готовности взять ответственность за нее; выученная беспомощность; экстернальный локус контроля; отсутствие долговременной жизненной перспективы, неумение дистанцироваться; низкий уровень образного мышления; инфантильность; низкий уровень притязаний.

Исходя из проведенного исследования, мы дали свое собственное, более расширенное, определение понятия «бездомный человек», не ограничивающееся отсутствием дома. Бездомные – это личности, потерявшие свои социальные связи, не являющиеся координаторами и организаторами своей жизни, не желающие ими становиться, однако желающие пользоваться бесплатными материальными благами социума, занимающие по отношению к нему позицию неимущих.

Все эти весьма нерадостные выводы, из которых следует достаточно печальная характеристика этих людей, однако это отнюдь не так. Это еще один сигнал к тому, что этим людям нужны не жалость, не бесплатное питание или еда, как думают многие, им нужна психологическая помощь.

Литература

Секция «Психология»

1. Дьяконов И.Ю., Бутовская М.Л. Психологические особенности и эмоционально-ценностная сфера у нищих// Вопросы психологии. 2003. №3 с. 83-91
2. Егоров Б.Е. Прогностические рисуночные методики в изучении бессознательного пациентов и особенности психотерапии пограничных психических расстройств. М.: РМАПО, 2001.
3. Муздыбаев, К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации / К. Муздыбаев // Социологический журнал, 2000. — № 3/4.
4. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 26-33.
5. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. – М.: Университетская книга, Логос, 2006.

Самоорганизация личности при диффузии идентичности

Леонович О.В.

аспирант

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: olga.leonovich@gmail.com

Согласно современным взглядам, человек представляет собой сложную систему, обладающую способностью к саморегуляции и самоорганизации, которая делает возможной гибкую и быструю адаптацию в сложной жизненной ситуации [3,4].

Под самоорганизацией личности в дальнейшем будем понимать совокупность процессов, позволяющих сохранить целостность личности, способность функционировать в изменяющихся условиях, в сложной жизненной ситуации.

В структуру самоорганизации включаются:

- временная перспектива как отражение когнитивно-аффективного стиля взаимодействия с реальностью, по сути являющееся стратегией преодоления сложной жизненной ситуации;

- совладающее поведение и его ресурсы, отражающее тактику преодоления сложной жизненной ситуации. Под ресурсом совладающего поведения понимаем совокупность (систему) личностных и средовых средств, ценностей, возможностей, которые человек может осознанно использовать.

Наша основная задача – описание особенностей самоорганизации у больных с диффузией идентичности, связанной с аффективными нарушениями.

В исследовании применялись следующие методики: 1) методика Ф.Зимбардо по временной перспективе (ЗТPI) в адаптации Сырцовой А. [2,5]; 2) опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина; 3) проективные методы (рисунок несуществующего животного, модифицированные пиктограммы, рисунок человека, самописание).

В исследовании участвовало 50 человек (17 мужчин и 33 женщины) в возрасте от 20 до 50 лет. В экспериментальной группе 25 пациентов со следующими аффективными нарушениями: реактивная депрессия (32%), эндогенная депрессия (40%), тревожное расстройство (28%). У больных были выявлены проявления синдрома диффузной идентичности. Для диагностики использовались: полуструктурированная беседа на основе структурного интервью О.Кернберга, шкала степени развития (усложненности) концепции тела Х. Марленс, анализ проективной продукции.

В ходе анализа данных нами были выявлены следующие особенности системы самоорганизации при диффузии идентичности.

В экспериментальной группе преобладает разбалансированная временная перспектива: наблюдается излишняя концентрация на одном из времен, неспособность гибко переключаться между прошлым, будущим и настоящим, в зависимости от ситуативных требований, оценки ресурсов или личностных и социальных оценок. Такая

Секция «Психология»

противоречивость и неустойчивость во времени негативно влияет на адаптивные способности личности.

В этой группе значимо⁷⁷ чаще проявляются повышенные значения по шкалам «негативное прошлое» и «фаталистическое настоящее» (данные ZТPI), что свидетельствует о пессимистическом отношении индивида к своему прошлому, о возможных травмах и обидах в прошлом. У таких больных часто недостаточно мотивации для выполнения какой-либо деятельности, они многое начинают, но не могут довести до конца; часто это становится основой для сниженной самооценки и недостатка самоуважения. Высокие значения по шкале «фаталистическое настоящее» говорят о безнадежном отношении к будущему, которое кажется predetermined и мрачным. При таком отношении возрастает ценность свободы от ответственности, от необходимости решать проблемы и принимать решения (41%), снижается самоконтроль; практически никто из экспериментальной группы не рассматривает возможность самому взять ответственность за исполнение своего желания: каким бы простым оно ни было, оно «должно исполниться чудесным образом». Это яркая иллюстрация пассивной жизненной позиции таких больных, фактический отказ от возможности что-то изменить.

Другим значимым⁷⁸ отличием являются сниженные значения по шкале «положительное прошлое» в экспериментальной группе. Эта шкала отражает теплое отношение к своему прошлому, привязанность к семье, к традициям. В этой сфере, тесно связанной с семьей и с человеческими отношениями, скрывается важный конфликт: с одной стороны ценность семьи не артикулируется больными (о ней вспоминают менее 5%), а с другой – они страдают от одиночества, жаждут понимания (56%), которое можно найти, в том числе, и в семье.

Тесно связан с этой особенностью временной перспективы тот факт, что наиболее дифференцированной в экспериментальной группе оказывается группа социальных ценностей. Это дополнительное указание на важность социальной проблематики (семья, дружба, любовь, общение, работа), на то, что проработке этих необходимых в жизни категорий уделяется большое внимание, ведь в силу личностной организации именно они вызывают значительные сложности. В пользу предположения о социальной направленности свидетельствует и то, что испытуемые экспериментальной группы знают и пытаются применять на практике «общепринятые», популярные в обществе представления о ценностной иерархии.

Эти данные демонстрируют конфликтное, амбивалентное отношение к социальной составляющей жизни человека. Проявляется актуальная сегодня проблема одиночества и его причин у лиц с пограничной личностной организацией [1]. У них не разрешены проблемы социального уровня, прямого общения, поэтому поддержка окружающих, новые контакты и общение не могут выступить в роли ресурса совладающего поведения в полной мере.

Итак, систему самоорганизации при диффузии идентичности характеризуют:

- на уровне стратегии преодоления - пессимистичное отношение к прошлому, безнадежный взгляд на будущее, что выражается в виде пассивной жизненной позиции и недостаточной мотивации к какой-либо деятельности, в том числе – к изменениям.

- на уровне тактики преодоления – дефицитарность одного из важнейших ресурсов и способов совладающего поведения – невозможность опереться на окружение, трудности в поиске и принятии поддержки близких; конфликтное отношение к социальной жизни: ее желанность и одновременное отвержение из-за возникающих трудностей.

Такие особенности системы самоорганизации отражаются на характере психотерапевтического взаимодействия. Психолог может столкнуться с сильным сопротивлением, потребительским отношением к психотерапии, формальным или нереальным запросом, недостатком мотивации и ресурсов для эффективной работы. Эти

⁷⁷ уровень значимости 0,001; применялся критерий Манна-Уитни.

⁷⁸ уровень значимости 0,05; применялся критерий Манна-Уитни.

особенности необходимо учитывать при установлении контакта, заключении психотерапевтического контракта и продумывании стратегии психотерапии.

Литература

1. Адлер Дж., Бьюи Д. Одиночество и пограничная психопатология: отсылка к детскому развитию// Журнал практической психологии и психоанализа, №2, июнь, 2003.
2. Сырцова А. "Психологическое время: апробация методики Зимбардо по временной перспективе". – Дипломная работа. – М., 2004 год.
3. Хакен Г.. Синергетика. М.: Мир. 1980.
4. Gell-Mann, M. 1994. The Quark and the Jaguar. New York: Henry Holt and Company.
5. Zimbardo P.G., Boyd J.N. Putting Time in Perspective: A Valid, Reliable Individual-Differences Metric // Journal of Personality and Social Psychology, 1999, Vol. 77, No. 6, P. 1271-1288.

Умалчивание и прояснение как способы совладания с неопределённостью в межличностном общении.

Лидерс М.А.

Аспирант

*Московский Городской Психолого-Педагогический Университет, Факультет
Психологического Консультирования, Москва
may_32@mail.ru*

Даже в самых близких отношениях всегда есть доля неизвестности, чего-то, что один человек про другого не знает. Предметом данного исследования является коммуникация партнёров в ситуации неопределённости, понимаемой как неизвестность одному партнёру чего-либо про другого. И основные способы совладания с этой неопределённостью: её прояснение либо поддерживающее неопределённость умалчивание.

Далее речь пойдёт о феноменологии неизвестного в паре, о способах обхождения с неизвестностью, выбираемых партнёрами и парой в целом, и о том, как в ситуации психотерапии или психологического консультирования эти привычные способы воспроизводятся между клиентом и терапевтом.

В качестве субъектов, не знающих чего-либо друг про друга и в большей либо меньшей степени готовых касаться этого неизвестного в общении, мы будем рассматривать супружеские пары, а также психологов-консультантов и их клиентов.

Неизвестным, тем, чем один партнёр не делится с другим, либо что сам не знает про другого, могут быть события жизни, мысли, переживания, отношения к чему-либо и с кем-либо, убеждения, верования, настроения, поступки, другие люди.

Фокусом нашего интереса является не столько разнообразие тем и причин, по которым люди могут скрываться либо раскрываться друг перед другом (эта проблематика немного разработана в западных исследованиях, посвящённых семейным секретам), сколько доступность проговариванию, обсуждению в паре этих неизвестных фрагментов жизни партнёров, степень трудности говорить о них, и, собственно, как именно партнёры об этом неизвестном говорят или не говорят, насколько согласованы способы обоих партнёров и их ожидания друг от друга.

Согласно нашей модели, в каждой паре в тот или иной момент её жизни есть неизвестные одному из партнёров моменты прошлой либо текущей жизни другого партнёра, о которых им обоим вполне комфортно говорить либо столь же комфортно не говорить, есть те, о которых им говорить трудно и не говорить тоже трудно, и есть те, о которых они не могут говорить вообще. Среди последних могут быть персональные тайны одного из супругов, которыми он не делится с другим, могут быть общие сложные темы, о которых оба знают и молчат сообща, и могут быть табуированные темы, порой оказывающиеся многопоколенными семейными тайнами.

Секция «Психология»

Наша гиптеза заключается в том, что свобода супругов прояснять, обсуждать неизвестные друг про друга подробности, связана не столько с их индивидуальными особенностями, сколько с текущим состоянием их отношений и семейной системы, допускающим большие или меньшие самораскрытие, приватность, индивидуальность и отдельность партнёров, переносимость ими того, что они разные.

Если в сложившихся супружеских парах можно наблюдать на данной фазе их отношений те или иные сочетания сходных, или взаимодополнительных, или совсем несовместимых способов совладания с неизвестностью партнёров, то в ходе индивидуальной психотерапии, консультации можно проследить, как развивается этот процесс «подлаживания», приглашения другого человека в привычный способ коммуникации.

Нам представляется, что клиент в индивидуальном консультировании общается с терапевтом(консультантом) так же, как привык в жизни, и приглашает терапевта это поддерживать (так же, как это в его жизни делает его окружение). Поэтому крайне интересным оказывается для терапевта обнаружить порой с клиентом себя неожиданно скованным, осторожным в вопросах, заметить, что он почему-то о чём-то клиента не спрашивает, лишая себя силы на это опираться в работе и понимать, с какой он вообще реальностью имеет дело. Если такое поведение терапевта оказывается специфично именно для данного клиента, можно предполагать, что клиент пригласил его поддерживать свой привычный рисунок избегания сложных тем, окутывая их тайной, хотя и терапевт может путём умалчивания обходить сложные для него места, тем самым ограничивая свободу обращения с этими темами клиента.

С другой стороны, своей живостью и любопытностью, иногда занудностью в прояснении туманных высказываний клиента, не игнорированием, а обозначением очевидной реальности, которую клиент пытается не замечать, терапевт создаёт пространство и возможность для большей свободы говорить и одновременно создаёт совместный с клиентом опыт устойчивости, возможности опираться на названное, на реальность, какая она есть.

Одновременно терапевт может, распознавая в себе, как именно ему хочется отвечать на приглашения клиента, осторожничать или активно расспрашивать, т.е. осознавая контрперенос (наблюдая, что он делает с этим клиентом, что обычно в собственной жизни или с другими клиентами не делает), возвращать клиенту, показывать, как тот искусно выстраивает эту приглашающую коммуникацию, делиться, каково ему, терапевту, с ним при этом, исследовать, зачем это клиенту, что он так избегает, какие потребности ему удаётся и не удаётся удовлетворить таким образом. И как это связано с запросом клиента.

Мы убеждены, что данные процессы, воспроизводящие процессы из жизни и отношений клиента, разворачиваются в любых терапевтических отношениях. Мера внимания, уделяемая им терапевтом, определяется его методологической и теоретической ориентацией, а возможность исследовать эти процессы — выбранной технологией работы.

Влияние конфликтного поведения супругов на особенности развития подростка

Матвеева И.В., Смирнова В.В.

Студент, старший преподаватель

Великолукская государственная академия физической культуры и спорта, социально-гуманитарный факультет, г. Великие Луки, Россия

E-mail: irina-m1008@rambler.ru

Секция «Психология»

Семейные отношения принято считать одной из самых популярных тем на сегодняшний день. Ведь именно они определяют функционирование членов семьи, особенности их поведения. В повседневной суете достаточно часто бывает, что любящие друг друга муж и жена не могут найти главного – понимания. Отсюда и разгораются в семье большинство конфликтов, разрушающих стабильность и гармоничность их отношений. При этом родители не задумываются о том, что супружеские отношения являются первым специфическим образцом общественного поведения, с которыми впервые сталкивается ребенок с момента рождения.

Семья и особенности взаимодействия супругов определяют жизненный путь ребенка, его гармоничное духовное и физическое развитие, формируют взгляды, учат строить отношения с окружающими людьми. Супружеские конфликты ведут к дестабилизирующему состоянию семьи и разрушают внутренний мир ребёнка.

Всё это обуславливает актуальность изучаемой проблематики и свидетельствует о необходимости проведения научно-исследовательской работы в данном направлении.

Объектом нашего исследования является сфера межличностных отношений. Предмет исследования - взаимосвязь между конфликтным поведением супругов и особенностями развития подростка.

Целью работы является изучение влияния семейных отношений на особенности развития подростка. Мы предполагаем, что конфликтное поведение супругов будет способствовать проявлению агрессивности, тревожности, неадекватности самооценки, повышенному уровню конфликтности у подростка.

Для решения поставленных задач были использованы следующие диагностические методики: тест «Конфликтная ли Вы личность?», тест «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях», методика «Стратегии поведения в конфликтных ситуациях» К. Томас, методика определения самооценки (Дембо-Рубинштейн, 2001), методика диагностики уровня тревожности у подростков (О. Кондаша, 1973), диагностика состояния агрессии у подростков (А.Басса – А. Дарки, 1995).

Изучение особенностей взаимоотношений родителей позволило нам разделить исследуемые семьи на две группы: конфликтные (50%) и неконфликтные (50%). В группу конфликтных семей вошли супруги с высоким и средним уровнем конфликтности, в неконфликтную группу вошли семьи с доминирующим низким уровнем конфликтности. В конфликтных семьях чаще всего происходят конфликты, связанные с проявлением доминирования одним из супругов и расхождением в отношении к деньгам. И при решении данных проблем используют стратегию поведения «соперничество» (39%) В неконфликтных семьях разногласия связаны с проявлением доминирования одним из супругов и расхождением отношения к деньгам. У супругов из неконфликтных семей разногласия по данным вопросам происходят редко и при этом используют стратегию поведения «компромисс» (39%) и «приспособление» (27%).

Исследование подростков из конфликтных семей выявило преобладание у них заниженной самооценки (60%), наличие высокого уровня школьной (100%) и самооценочной тревожности (100%), а также очень высокого и высокого уровня межличностной тревожности (50%). У детей данной группы был выявлен высокий уровень агрессивности и, прежде всего, раздражения и физическая агрессия. Индекс агрессивности и враждебности у 70% подростков из конфликтных семей выше нормы.

У подростков из группы неконфликтных семей преобладает адекватная самооценка (80%), дети чувствуют себя в семье комфортно, спокойно, уверенно. Уровень самооценочной и межличностной тревожности в пределах нормы у 100% подростков, лишь наблюдается несколько повышенный уровень школьной тревожности у 50% детей. Показатели агрессии в два раза меньше и проявляются реже. Больше всего из всех видов агрессии также проявляется раздражение и физическая агрессия, что вызвано

Секция «Психология»

особенностями данного возрастного периода. Но между тем, индекс агрессивности и враждебности находится в пределах нормы.

Проведённая математико-статистическая обработка данных показала наличие достоверных различий между двумя группами (при $p \leq 0,001$).

Следующая наша работа заключалась в том, что мы выявляли взаимосвязь между показателями. Для выявления взаимосвязи между конфликтным поведением родителей и особенностями развития подростка был проведен корреляционный анализ Пирсона. Полученные результаты свидетельствуют о том, что существует прямая обратная взаимосвязь при $p \leq 0,01$ (на 1% -ом уровне) между переменными высоким уровнем конфликтности и стратегией соперничества и сферами конфликта доминированием одного из супруга, расхождением по отношению к деньгам и видами агрессии и тревожности у детей. Это свидетельствует о том, что чем выше уровень конфликтности у родителей, тем чаще супруги прибегают к стратегии поведения соперничества, чаще конфликты возникают по вопросам доминирования одним из супругов и по вопросам материальной сферы, тем выше уровень агрессии и тревожности у детей. Обратная пропорциональная взаимосвязь между переменными высоким и средним уровнем конфликтности и самооценкой у детей. Свидетельствующая о том, что чем выше уровень конфликтности родителей, тем ниже самооценка у детей.

Прямо пропорциональная взаимосвязь при $p \leq 0,05$ (на 5% -ом уровне) между переменными низким уровнем конфликтности и стратегией соперничества и сферами конфликта доминированием одного из супруга, расхождением по отношению к деньгам и видами агрессии и видами тревожности и агрессии и тревожность. Чем ниже уровень конфликтности у родителей, тем реже супруги прибегают к стратегии поведения соперничества, тем ниже уровень агрессии и тревожности у детей. Обратная пропорциональная взаимосвязь между переменными низким уровнем конфликтности и стратегией компромисса и самооценкой. Чем ниже уровень конфликтности у родителей, тем чаще они прибегают к стратегии компромисса, тем выше самооценка у детей.

Прямо пропорциональная взаимосвязь при $p \leq 0,05$ (на 5% -ом уровне) между стилем «принятие» и самооценкой. Чем выше показатели стиля «принятие», тем выше самооценка у детей. Обратная пропорциональная взаимосвязь между стилем «авторитарная гиперсоциализация» и самооценкой. Чем выше показатели стиля «авторитарная гиперсоциализация», тем ниже самооценка у детей.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что не умение родителями конструктивно разрешать возникающие разногласия ведут к трудноразрешимым конфликтам, а это негативно сказывается не только на супружеских отношениях, но и на нравственном, психологическом развитии подростка. Ведь психика ребенка, его душевный склад, восприятие и отношение к окружающему миру, другим людям и себе самому формируются под влиянием той атмосферы, которая царит в родном доме.

Литература

1. Андреева Т.В. Семейная психология. - СПб.: Речь, 2005. – 244 с.
2. Возрастная психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.Б. Дарвиш; под ред. В.Е. Ключко. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 264 с.:ил.
3. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: учеб. Пособие для вузов. -3-е изд. – М., Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2007. – 736 с.
4. Шуман С.Г. Семейные конфликты: причины, пути устранения / С.Г. Шуман, В.П. Шуман. – Брест: Лаборатория «Практической психологии и педагогики», 2002. – 253 с.

Психокоррекционная программа, направленная на работу с внутриличностным конфликтом с использованием методов терапии искусством

Мелкунова К.А.

Студентка

Омский государственный университет имени Ф.М.Достоевского,

психологический факультет, Омск, Россия

E-mail: melkunova@gmail.com

Здоровая личность – это личность целостная. Гармоничность мотивов, целей, стремлений дарят человеку уверенность в себе и способствуют развитию и реализации личностного потенциала. Несмотря на то, что социализация выступает важнейшим фактором становления личности, нередки случаи, когда человек уходит от своей истинной природы под гнетом общественных правил, норм и требований, затрачивает энергию на разрешение противоречий между личностными образованиями, тем самым истощая свои ресурсы и блокируя процесс самоактуализации. В современной психологической и психотерапевтической практике с этой целью широко применяются методы, использующие творческое самовыражение как способ раскрытия скрытых ресурсов, осознания своей идентичности: арт-терапия, Терапия творческим самовыражением, фототерапия.

Арт-терапия позволяет ориентироваться на присущий каждому человеку внутренний потенциал здоровья и силы. Её акцент на естественном проявлении мыслей, чувств и настроений в творчестве, принятии человека таким, каков он есть, вместе со свойственными ему способами самоисцеления и гармонизации дает мощный инструмент для разрешения внутриличностных конфликтов [2].

Терапия творческим самовыражением – отечественный психотерапевтический метод. Сущностью данного метода, по словам автора, является доступное преподавание азбуки психологии, характерологии, естествознания в процессе разнообразного творчества. Автор метода М.Е. Бурно пишет, что творчество проясняет, очерчивает, строит и утверждает личность автора [1].

Фототерапия – метод предполагающий как активную, так и пассивную формы. «Возможности фотографии как средства психодиагностики и психокоррекции основываются на том, что познаваемый человек может выступать не только свидетелем собственного прошлого, зрителем, воспринимающим произведение искусства, но и фотографом - творцом, художником» [3,с.25]

Анализируя данные особенности методов, содержанием которых является индивидуальное и групповое творчество, можно с уверенностью говорить о значимости творческой составляющей в работе с внутриличностными конфликтами.

В ходе нашего исследования, была разработана программа психокоррекционных занятий. Целью данной программы – выявление личностных образований, состоящих в конфликтных отношениях и снижение их интенсивности с последующим разрешением.

Достижение данной цели реализовывается через решение следующих задач:

1. Диагностика внутриличностного конфликта
2. Интеграция, сближение образов «реального-Я» и «идеального-Я»
3. Актуализация латентных желаний, выступающих мощными мотивационными образованиями личности
4. Повышение уровня самооценки, формирование уверенности в себе

Описание коррекционной программы. Программа включает в себя 5-7 занятий, продолжительность которых варьируется в пределах 1,5 - 2 астрономических часов.

Занятие 1. Знакомство с участниками, обсуждение содержания занятий.

Задание 1. Каракули, изображающие реальное и желаемое состояния. Анализ полученных изображений, их интерпретация.

Задание 2. Обращение к образу своего «Я» через работу с автографом или инициалами.

Секция «Психология»

Задание 3. Автопортреты: участникам предлагается изобразить 4 «Я»: реальное, воспринимаемое с внешней стороны, идеальное, будущее. Далее полученные изображения интерпретируются, анализируются на предмет сходства-различий.

Занятие 2. Работа в рамках фототерапии.

Задание 1. Участникам предлагается выбрать изображения, наиболее полно отражающие их состояние «здесь-и-сейчас» и желаемое состояние в будущем. Используя данные метафоры, участники выходят на ресурсное состояние, актуализируя внутренний потенциал.

Задание 2. Написание хокку (хайку) на основе переживаний, возникших в ходе восприятия фотографий. Данная форма поэзии несет в себе потенциал спонтанного выражения собственных мыслей, что является важным опытом для участников коррекционной программы.

Задание 3. Составление кодекса внутренних правил, помогающих решать жизненные задачи. Данное упражнение позволяет участнику проанализировать собственный жизненный опыт и выделить в нем ресурсы для преодоления сложных ситуаций.

Занятие 3. Работа с ролями.

Участнику предлагается ответить на вопрос «Кто я?». Среди полученных ответов, он выбирает наиболее близкий или далекий образ, тот, что вызывает положительные или наоборот негативные эмоции. Далее создается бумажная маска этого образа. В зависимости от задачи, данная «маска-роль» анализируется участником на предмет «полезности в жизни», степени комфорта проживания в ней и т.д.

Занятие 4. Работа с социальными контактами.

Задание 1. Совместное создание портретов, автопортретов без использования вербального общения (молча).

Задание 2. Все участники группы создают общее «Древо» на соединенных листах формата А1.

Занятие 5. Работа с уверенностью.

Задание 1. Участники перечисляют 5 слабых сторон своей личности, а затем 15 сильных. Полученный список положительных качеств дополняется другими участниками группы. На основе собранного материала участнику предлагается создать рекламную продукцию своей личности, в которой будут отражены все качества.

Задание 2. Письмо себе, музе, мечте, идеальному Я. Адресат выбирается участником. Важным моментом упражнения является ответ на данное послание, как интегрирующий момент.

В настоящее время в рамках данной программы ведется изучения динамики внутриличностного конфликта. Психокоррекционным результатом является еще более полное проживание и осознание своей индивидуальности. Участники психокоррекционных занятий переосмысливают личные качества, переходят к более объективному отношению к некоторым из них. «Происходит переоценка ценностей – перевод некоторых качеств из «мешающих» в «помогающие» жить».[4,с.15]

Литература

1. Бурно М. Терапия творческим самовыражением - М.:Медицина, 1989.
2. Практикум по арт-терапии под ред. Копытина А.И. – СПб: Питер, 2004.
3. Грушко Н.В., Карловская Н.Н. Метод «Психокоррекция творческим самовыражением» с элементами фототерапии в тренинге. Методическое пособие. - Омск: Изд-во ИП Загурский С.Б.,2009.-72 с.
4. ГрушкоН.В. Метод «Психокоррекция творческим самовыражением» в работе практического психолога: Учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. – 36 с.

Работа школьного психолога и социального педагога по выявлению и коррекции агрессивного поведения у детей

Мороз Ю.В.

Студентка

*Армавирский государственный педагогический университет, социально-педагогический факультет, Армавир, Россия
E-mail: morozuv@mail.ru*

В настоящее время многие исследования свидетельствуют, что большинство детей пребывает в ситуации сильнейшего внутреннего напряжения. Они боятся окружающего мира. Ожидая от него всяческих неприятностей. Это напряжение выражается у одних к пристрастию к алкоголям, наркотикам, у других – в агрессию ко всему окружающему. Термином “агрессия” обозначают напористое, доминирующее, вредоносное поведение, объединяя различные по формам и результатам акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные действия, причинение физического вреда вплоть до убийства и самоубийства. Под агрессией, по Э.Фромму, следует понимать любые действия, которые причиняют или имеют намерение причинить ущерб другому человеку, группе людей или животному, а также причинение ущерба вообще всякому неживому объекту.

Агрессивность, по Р.С.Немову, понимается как враждебность - поведение человека в отношении других людей, которое отличается стремлением причинить им неприятности, нанести вред.

В детстве агрессивные проявления встречаются у значительного числа детей как отражение слабой социализированности личности и отсутствия у них социально принятых коммуникативных навыков. Постепенно под влиянием общения с окружающими на смену деструктивным формам взаимодействия приходят новые социализированные формы поведения. Это обуславливает актуальность изучения проблемы агрессии у детей и процесса формирования агрессивного поведения, а самое главное, поиска путей его коррекции, начиная с младшего школьного возраста - возрастного периода первоначального формирования личности ребенка.

В чем же заключается деятельность социального педагога и психолога по выявлению и коррекции агрессивного поведения ребенка?

Нужно учитывать тот факт, что социальные педагоги в отличие от психологов обладают большей информацией о жизни детей вне школы. Эта информация порой является мощным фактором, влияющим на ребенка и объясняющим его поведение и поступки в школе и дома. Социальный педагог не только выдает информацию о жизнедеятельности ребенка вне стен школы, он может продолжить начатую в школе работу с конкретным учеником по месту жительства его семьи. Социальный педагог предоставляет психологу «портрет» микрорайона, в котором проживают учащиеся школы. В этот «портрет» вносится и положение семей в данном микрорайоне, что позволит более эффективно планировать взаимодействие с семьей в ходе воспитательного процесса в школе.

Психолог на более высоком профессиональном уровне владеет методами диагностики. Социальный педагог может дать информацию о ребенке, его семье, но более широкие и полные данные об ученике, его адаптации в классе, взаимоотношениях детей, проблемах класса и, соответственно, оказание психологической помощи может дать только психолог.

Таким образом, работа социального педагога по выявлению и преодолению агрессивного поведения схожа с работой психолога, но есть и некоторые отличия. Их мы отразим в следующей таблице.

Деятельность социального педагога	Деятельность психолога
- Организация работы по профилактике и коррекции агрессивного поведения;	-Психологическая профилактика, заключающаяся в оказании помощи через сообщение ребенку и его семье объективной психологической информации;

<ul style="list-style-type: none">- Смещение акцентов в профилактической и коррекционной деятельности на индивидуализацию этой работы;- Учет позиции ребенка как активного субъекта организации работы по профилактике и коррекции агрессивного поведения;- Определение проблем в социализации ребенка;- Применение в профилактической и коррекционной работе методов, которые направлены не на развитие отрицательных качеств личности ребенка, а на формирование положительных;- Организация работы с семьей;- Организация досуга детей;	<ul style="list-style-type: none">- Психологическая коррекция, которая предоставляет собой организованное воздействие на учащегося с целью изменения показателей его активности в соответствии с возрастной нормой психического развития и индивидуальными особенностями;- Психологическое консультирование, способствующее достижению ребенком целей личностного развития и формирования индивидуальности;- Психотерапевтическое воздействие, имеющее целью помочь ребенку скорректировать негативные качества личности и проявление индивидуальности и развить свои сильные стороны;
---	--

Несмотря на различия в деятельности социального педагога и психолога, нужно учитывать и тот факт, что они совместно решают многие проблемы, поэтому и существуют у них общие формы работы. Таковыми, на наш взгляд, могут являться:

- совместные консультации, проводимые на основании данных социально – педагогической и психологической диагностики;
- проведение психолого – педагогических практикумов с детьми и их родителями, где обсуждаются вопросы нравственного развития детей, отклонения в поведении, их причины и пути преодоления, способы коррекции;
- совместные семинары для учащихся, родителей, педагогов школы;
- игровые способы коррекции поведения детей;
- совместное проведение родительских собраний;
- проведение совместных мероприятий и т. д.

Литература

1. Осипова А.А. Общая психокоррекция: Учебное пособие для студ. вузов.- М.: ТЦ "Сфера", 2001.- 512с.
2. Рабочая книга школьного психолога. Под редакцией И.В.Дубровиной. – М,1991
3. Фурман И.А. Психологические основы диагностики и коррекции поведения у детей подросткового и юношеского возраста. Минск, 1997
- 4.

Некоторые аспекты применения когнитивной психотерапии алкоголизма

Овод Т.П.

Студентка

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

E-mail: tovod@yandex.ru

Алкоголизм сегодня – одна из важнейших биопсихосоциальных проблем общества, и изучение различных его аспектов является фокусом подробного рассмотрения и исследования специалистов различного профиля. Особое внимание исследователей привлекают пути и методы борьбы с этой болезнью. Ведущие специалисты в области медицины и наркологии отдают должное применению, наряду с фармакотерапевтическими средствами, социальной и трудовой реабилитацией и реадaptацией, психотерапевтических средств в лечении алкоголизма (Иванец Н.Н., Альтшулер В.Б.). Существует множество направлений в психотерапии алкоголизма;

Секция «Психология»

предметом изучения в настоящее время являются, помимо прочего, методы когнитивной психотерапии (Бурдин М.В. 2008, Трусова А.В., 2005).

Пользуясь терминологией когнитивной психотерапии А. Бека, следует отметить, что алкогольная зависимость развивается в результате формирования когнитивных искажений, протекания неадаптивных когнитивных процессов. Такого рода процессы деструктивны по своей сути и преломляют восприятие окружающей действительности больного. «Неадекватные», идеаторного толка, «автоматические» мысли, порождающие неспособность справиться с жизнью, внушают больному алкоголизмом чувство стыда и вины (во всяком случае, в период абстиненции), что способствует в свою очередь дальнейшей алкоголизации. Этот порочный круг, описанный А. Беком, делает человека, злоупотребляющего алкоголем, безоружным в борьбе за собственную внутреннюю гармонию. В то же время больной оказывается не в состоянии дистанцироваться от такого рода деструктивных мыслей самостоятельно, дабы попытаться разорвать этот круг – и в этом задействованы социальное окружение, неодобрение референтной группы родных и близких, которые часто попадают под категорию созависимых, и тому подобные факторы. Именно поэтому когнитивная психотерапия, имеющая своей целью коррекцию иррациональных убеждений путем выстраивания новых, конструктивных и в целом более эффективных когнитивных схем, является наиболее предпочитаемым видом психотерапии, и этим обусловлено столь широкое ее распространение и популярность.

А.Б. Холмогорова выделяет три основных блока когнитивно-бихевиоральных (термин рассматривается как синонимичный понятию когнитивной психотерапии) подходов. Это:

1. методы, более близкие классическому бихевиоризму и основанные преимущественно на теории научения, то есть на принципах прямого и скрытого обусловливания;
2. методы, основанные преимущественно на теории информации, использующие принципы поэтапного построения внутренних моделей для переработки информации и регуляции поведения на их основе;
3. методы, основанные на интеграции принципов теории научения и теории информации, а также принципов реконструкции так называемых дисфункциональных когнитивных процессов и некоторых принципов динамической психотерапии.

Именно третий блок методов, включающий концепцию когнитивной психотерапии А. Бека, ставит «в качестве главной задачи изменение дисфункциональных способов мышления, которые, по мнению авторов, являются источником неадекватного болезненного поведения» (Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.). Методы психотерапевтической интервенции, объединенные в данном блоке, позволяют выстраивать стратегии взаимодействия психотерапевта и пациента таким образом, чтобы наиболее эффективно скорректировать когнитивные конструкты последнего. И от того, каким образом это взаимодействие будет построено и осуществлено, зависит эффективность психотерапии в целом.

В этом ключе мы подходим к немаловажному вопросу роли собственно психотерапевта в процессе коррекции. Сам А. Бек отмечал, что «основная техника когнитивной терапии заключается в том, чтобы сделать установки больного явными и помочь ему понять, не несут ли они саморазрушения». А основная процедура данного вида психотерапии, нацеленная на выявление пациентом собственных автоматических мыслей, заключается «в обучении его умению установить последовательность внешних событий и своих реакций на них». Терапевт должен отдавать себе отчет при этом, что недопустимо проецировать собственные убеждения на восприятие мира больного и тем более пускаться в морализаторство. Это не только противоречит профессиональной этике, но и ни в коей мере не обеспечивает выполнение основной задачи когнитивной психотерапии, связанной с формированием конструктивных когнитивных схем у пациента.

Секция «Психология»

В заключение хотелось бы отметить, что применение методов и техник когнитивной психотерапии алкоголизма является предметом научного исследования автора тезисов и легло в основу магистерской диссертации.

Литература

1. Бек А. Техники когнитивной психотерапии // Психологическое консультирование и психологическая терапия. Хрестоматия. Т.1. / под ред. А.Б. Фенько, Н.С. <http://psy.samara.ru/content.asp?&rid=51&id=87>
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. – СПб: Питер, 2002. – 544.
3. Руководство по наркологии (в 2х томах). / Под ред. Иванца Н.Н. – М: Медпрактика-М, 2002
4. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Когнитивно-бихевиоральная психотерапия / Основные направления современной психотерапии. М.: Когито-центр, 2000. – с.224-265.

Изучение механизмов формирования доверия с позиций экзистенциального анализа

Осипова Е.В.

студентка

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
психологический факультет, Москва, Россия*

E-mail: simayta@rambler.ru

Изучение феномена доверия в последние годы приобрело широкое распространение среди российских ученых – за последние несколько лет вышли две основательных монографии, в которых доверие подвергается тщательному анализу как социально-психологический феномен («Психология доверия» Т.П.Скрипкина, «Психология доверия и недоверия» А.Б.Купрейченко). Помимо этого на сегодняшний день существуют десятки диссертационных работ, посвященных этой теме и продолжающих традицию социально-психологического изучения доверия. Вот как в своей монографии «Психология доверия» Т.П.Скрипкина определяет этот феномен: «Доверие — установка личности, представляющая безусловную веру, а иногда и заменяющая ее. Доверие проявляется в специфическом отношении субъекта к определенным объектам, связанным с ситуативной, актуальной значимостью и априорной надежностью (безопасностью) объекта для субъекта» [5].

Теоретической базой, на основании которой проводится анализ данного феномена в настоящей работе, является теория экзистенциального анализа австрийского доктора медицины и философии, президента международного общества экзистенциального анализа и логотерапии Альфрида Ленгле. Являясь учеником Виктора Франкла, он долгие годы развивал его идеи, в результате чего возникло новое психотерапевтическое направление – экзистенциальный анализ. Опираясь на многолетний личный опыт, экзистенциальную философию М.Хайдеггера и предшествующий опыт глубинной психологии Ленгле создает своё учение о четырех фундаментальных мотивациях человека, имеющих иерархическую структуру [1]. Здесь он расходится со своим учителем Виктором Франклом, который утверждал, что человеком движет лишь стремление к смыслу. Первая фундаментальная мотивация в теории А.Ленгле звучит как вопрос «Могу ли я быть?». Этот вопрос человек задает миру, пытаясь построить фундамент для всей экзистенции. Как позитивное новообразование данной мотивации выступает фундаментальное доверие, которое Ленгле определяет, как решение, согласие отдаться структуре, дающей опору в жизни для преодоления имеющейся неуверенности. В противном случае, возникает тревожность, страх, фобии, ощущение нестабильности, ненадежности и зыбкости мира, в котором мы живем.

Секция «Психология»

Особое внимание стоит обратить на качественно иное определение феномена доверия с позиций экзистенциального анализа, где подчеркивается, что доверие это решение, которое человек может принять или не принять, а не установка личности как характеризуют его в рамках социально-психологического направления. Здесь делается основной акцент на активности человека как способного брать на себя ответственность за свою жизнь, способного принимать решение, делать выбор, подключая свою волю.

Задачей настоящего исследования является изучение механизмов, играющих важную роль в формировании и развитии доверия. Основной гипотезой, которая подвергалась проверке в нашем исследовании, явилось предположение о том, что необходимым для решения вопроса о доверии является реалистичное восприятие, т.е. понимание экзистенциальной ценности жизни "здесь и теперь", способность наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлыми радостями и не обесценивая предвкушением грядущих успехов. Данная гипотеза вытекает из основного метода, которым пользуется экзистенциальный анализ – феноменологического метода, суть которого заключается в более глубоком понимании другого и себя, которое происходит «здесь и теперь».

Таким образом, нами было предпринято корреляционное исследование, где в качестве основного методического обеспечения были взяты «Тест Экзистенциальной Мотивации» Экхарда, Ленгле, и тест Самоактуализации (САМОАЛ). В исследовании приняли участие 54 человека, при этом 23 человека принадлежат к возрастной группе от 21-25 лет, и 31 участник в возрасте от 25 до 40 лет (за основу разделения людей на группы была использована классификация Э.Эриксона)

Результаты исследования показали, что и у первой и у второй возрастной группы, доверие имеет значимую связь с реалистичностью восприятия («шкала ориентации во времени» в тесте самоактуализации). При этом, по результатам настоящей выборки реалистичность восприятия присуща людям в возрасте от 21 до 25 лет, тогда как люди в возрасте от 25 до 40 лет имеют очень низкий показатель по данной шкале, что говорит о невротической погруженности в прошлые переживания, завышенном стремлением к достижениям, мнительности и неуверенности в себе.

Таким образом, можно сделать вывод о значительной роли реалистичности восприятия, способности человека жить «здесь и теперь», на способность принять решение в отношении доверия.

На наш взгляд, полученные результаты могут служить хорошей основой для разработки различных психотехнических приемов формирования предпосылок доверия, опираясь на знание о том, что для того, чтобы человек имел возможность принять решение, ему необходимо, прежде всего, научиться реалистично смотреть на мир. В дальнейшем планируется детальная разработка и подробное описание тренинга личностного роста, который будет направлен на формирование и развитие предпосылок доверия.

Литература

- 1.Кривцова С.В.(2006) Экзистенциально-аналитическая теория Альфрида Ленгле
- 2.Купрейченко А.Б.(2008) Психология доверия и недоверия. М: ИП РАН
- 3.Ленгле А.(2005) Person.Экзистенциально-аналитическая теория личности. М: Генезис
- 4.Ленгле А. (2007) Феноменология в практике экзистенциального анализа. М: Генезис
- 5.Скрипкина Т.П. (2000) Психология доверия. М: Академия

Демонстрация работы переживания в сновидениях

Панфиль Н.П.

Аспирант

Сейчас уже мало кто считает, что время во сне потеряно впустую, что видения, которые приходят к человеку ночью, всего лишь галлюцинации, не имеющие отношения к действительности. Доказано, что сновидения не только отражают то, что происходит в нашей жизни наяву, но и могут влиять на поведение и жизненные события сновидца.

На наш взгляд, эта проблематика недостаточно исследована в научной психологии, хотя анализ сновидений широко применяется в психотерапии.

Актуальность данной проблематики заключается в том, что анализ сновидений позволяет осуществлять прямой контакт с бессознательным без сознательного контроля. Мы не можем сознательно влиять на свои сновидения, а, значит, в них представляется то, что беспокоит нас, так, как есть.

Теоретическая и практическая значимость данной работы заключается в том, что мы попытались описать и применить сам *метод* качественного анализа сновидений, который мог бы стать полезным как для теоретической, так и для практической психологии. Естественно, этот метод является субъективным, тем не менее, он менее субъективен, чем методы, основанные только на интуитивном чутье интерпретатора.

Методологически наше исследование опирается на два направления – психологию переживания Ф.Е. Василюка и аналитическую психологию К.Г. Юнга.

Представления о работе переживания как деятельности по преодолению критических ситуаций взяты из концепции Ф.Е. Василюка, суть которой состоит в том, что переживание – процесс, который разворачивается на четырех уровнях: бессознательное, переживание, сознавание, рефлексия [1], [2]. Если работа переживания идет непрерывно, в том числе и во сне, то логично предположить, что она будет отражаться в сновидениях.

Аналитическая психология выработала своеобразную и глубокую традицию работы со сновидениями. И сам К.Г. Юнг и его последователи постоянно подчеркивают важность сновидений в процессе анализа, и ни одна их работа не обходится без интерпретации сновидений пациентов [3], [4], [5].

Цель данной работы – показать, как в сновидениях происходит переживание важных для сновидца тем. На материале серий сновидений трех испытуемых показывается работа переживания, совершаемая бессознательным во сне. В сновидениях были выделены темы, проходящие лейтмотивом через всю серию, и прослежены изменения этих тем путем качественного анализа. Прделанный анализ наглядно показывает, что в сновидениях происходит проработка значимых для сновидцев тем.

Приводятся примеры серий сновидений троих испытуемых: в сновидениях выделяются общие темы и прослеживается их развитие от сновидения к сновидению. Также в каждом сновидении выделяется ведущий уровень переживания в соответствии с уровнями функционирования сознания по Василюку. Так как сновидения представляют собой материал, относящийся к уровню бессознательного, в них были выделены оставшиеся три уровня – переживание, сознавание, рефлексия. Таким образом, по окончанию сновидения мы можем предположить, какая стратегия работы переживания является успешной, а какая нет, для каждого испытуемого.

Мы выявили у наших сновидцев значимые темы и проследили, как они изменяются с течением времени. Данное исследование делает видимой сложную и кропотливую работу переживания, которую непрерывно совершает психика. Причём мы видим, что процесс этой работы идёт одновременно на разных уровнях – рефлексии, сознавания, переживания и бессознательного.

Литература

1. Василюк Ф. Е. Психология переживания. - М., Издательство Московского университета, 1984, с. 200с.
2. Василюк Ф. Е. Уровни переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. – 1988, №5.
3. фон Франц М.-Л. Процесс индивидуации // Человек и его символы. - М.: Медков С. Б., «Серебряные нити», 2006, 352с.
4. Юнг К. Г., К вопросу о подсознании// Человек и его символы. - М.: Медков С. Б., «Серебряные нити», 2006, 352с.
5. Юнг К. Г. Проблемы современной психотерапии // Практика психотерапии. - М., Издательство АСТ, 1998, 416с.

Проблема диагностики пациентов с соматоформным расстройством на пограничном уровне психического функционирования.

Парамонова В.В.⁷⁹

аспирантка

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, г.Москва, Россия
lera-trauff@mail.ru*

Современная психологическая диагностика и психотерапевтическая практика в работе с тяжёлыми формами патологии личности, в частности с нарциссической личностной организацией, одним из синдромообразующих факторов которой является патологический перфекционизм, отражают сосуществование чисто соматической патологии, психогенно обусловленных соматических симптомов и кластера специфических психологических черт у пациентов с психовегетативным синдромом. Наряду с этим, специалисты в области медицины всё чаще в своей практической деятельности сталкиваются с пациентами, предъявляющими множество нечётких, сбивчивых, размытых, сменяющих друг друга жалоб, не укладывающихся в чёткую картину определённого заболевания и не подтверждающихся в клинических лабораторных и инструментальных обследованиях. Таким образом, перед специалистами медицинского и психологического профиля встаёт задача диагностики, медицинской реабилитации, психологической коррекции и психотерапии пациентов с особой группой психических аномалий в сочетании с соматическими симптомами, объединяемыми понятием соматоформного расстройства вегетативной нервной системы. Реальная взаимосвязь нарушенного соматического компонента и телесной, гендерной самоидентичности, эмоционального опыта, когнитивно-аффективного личностного стиля, особенностей развития и социализации делает в свою очередь необходимым системный био-психо-социальный подход к диагностике пациентов с нарциссической личностной организацией на пограничном уровне функционирования психики.

Согласно представлениям, развиваемым в Московской патопсихологической школе (Б.В.Зейгарник, Е.Т.Соколова, Н.С.Бурлакова, Е.П.Чечельницкая, А.Н.Дорожевец, С.В.Ильина, Ю.А.Сотникова, А.Р.Коршунова), структура пограничного самосознания является «тотально-зависимой или фрагментарно-репрессивной», «жёстко и однозначно дихотомизированной в зависимости от удовлетворения/фрустрации базовых потребностей и потому – пристрастно-искажённой, суженной» [1, с.31]. Таким образом, можно предположить, что перфекционизм будет включён в специфический

⁷⁹ Автор выражает благодарность в подготовке тезисов своему научному руководителю доктору психологических наук, профессору кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова Соколовой Елене Теодоровне.

Секция «Психология»

аффективно-когнитивный стиль, который характеризуется низкой способностью к дифференциации и интеграции психологического опыта и зависимостью, как специфической характеристикой внешних и внутренних эмоциональных и когнитивных взаимодействий.

Низкая способность дифференциации/интеграции приводит к формированию бедной системы категорий, по которым человек воспринимает мир, к недифференцированности когнитивных процессов и превалированию базально-эмоциональных и телесных способов реагирования, к распаду связности и согласованности «Я», к хрупкости образа «Я» и высокой подверженности самодеструктивным тенденциям. Параметр сниженной способности самосознания к дифференциации/интеграции, в связи с проблемой соматоформных дисфункций вегетативной нервной системы, находит отражение в специфическом свойстве личности реагировать на любой дистресс эмоционально, активно вовлекая в этот процесс и базальный телесный пласт, в норме сопутствующий любому аффекту. Также указанный параметр феноменологически проявляется в «проницаемости» и нестабильности психологических, временных и пространственных, в частности телесных, границ «Я», в диффузности и непостоянстве их восприятия, а также в неадекватной реальности и повышено уязвимой самооценке образа тела.

Отвечая качественным особенностям нарциссической патологии личности и зачастую являясь фрагментарно не допускаемыми к осознанию, на телесный уровень вторично наслаиваются феномены оценки и отношения к своему телу и его болезням, феномены телесной самопрезентации и «выставления» своего тела взглядам ближайшего окружения, вторичной выгоды появления и развития соматического симптома. И если речь идёт о соматическом симптоме, спровоцированном острым психологическим конфликтом или порождённом аккумуляцией стрессогенных факторов в межличностных отношениях пациентов, то можно строить гипотезу о том, что ответ на телесном уровне с помощью дисфункции или отклонения от соматической нормы является специфичным «метаязыком» для пациента с пограничным самосознанием.

Свойства низкой дифференцированности/интеграции и зависимости пограничного самосознания приводят к феномену «слитности» [1, с.37], «клубка», в котором сплетены коммуникативный, аффективный, когнитивный, регуляторный и телесный аспекты опыта. Телесный симптом в таком случае понимается как своеобразное «метасообщение» для значимого Другого, которое имеет своей функцией донести до него потребность пациента, «заставить», насильственно вызвать эмоциональный отклик и действия необходимые пациенту с целью контроля над Другим [2]. И здесь есть смысл трактовать соматическую реакцию как часть манипулятивного стиля пограничного пациента, который является приобретённым в ходе развития и социализации, привычным, устоявшимся и, по сути, наиболее приемлемым и безопасным для «Я» способом коммуникации. Зачастую оказывается, что иным способом, к несчастью пациента, он не может донести до Другого свою потребность. И тогда в основе чувственного, эмоционального переживания своего телесного симптома обнаруживается парадокс, противоречие, двойной план «сообщения».

Подводя итог изложенным выше размышлениям, необходимо подчеркнуть научную и практическую важность развития психодиагностического инструментария и феноменологических критериев выявления пациентов на пограничном уровне психического функционирования, обращающихся в структуры медицинского профиля, с целью проведения системной медико-психологической реабилитации данной нозологической группы.

Литература

Секция «Психология»

1. Соколова Е.Т. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах// Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., Аргус, 1995, часть I.
2. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. О метакоммуникации в процессе проективного исследования пациентов с пограничными личностными расстройствами// Московский психотерапевтический журнал, 1997, с. 15-39.
3. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. М., Учебно-методический коллектор «Психология», 2001.
4. Соколова Е.Т. Феномен психологической защиты// Вопросы психологии, 2007, №4, с.66-79.
5. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Соматизация: современные трактовки, психологические модели и методы психотерапии// Современная терапия психических расстройств, 2008, №2 (электронная версия).

Метод танцевально-двигательной терапии в психокоррекции дефензивных особенностей личности подростков.

Полякова Т.Е.

Студент

*Омский Государственный Университет имени Ф.М. Достоевского
факультет психологии, Омск, Россия*

E-mail: pte87@mail.ru

В настоящее время метод танцевально-двигательной терапии (ТДТ) эффективно используется в различных сферах деятельности психологии и, согласно современным исследованиям, способствует изменению отношения человека к самому себе, принятию себя, устойчивому изменению в образе «Я», изменению таких составляющих самоотношения как открытость, самоуверенность, отраженное самоотношение, самооценность, самопринятие, самопривязанность [3].

В одном из последних исследований, проводившемся в рамках психокоррекции творческим самовыражением мы исследовали симптомокомплекс дефензивности, включающий в себя следующие особенности проблемных состояний: переживание человеком робости, застенчивости, стеснительности, нерешительности, тревожной мнительности, склонности к сомнениям, неуверенности в себе и др.

Исследование проводилось в условиях социальной работы с подростками - воспитанниками детского дома. Техники танцевально-двигательной терапии использовались как основной метод воздействия в психокоррекции творческим самовыражением. Психокоррекция творческим самовыражением представляет собой психокоррекционный вариант Терапии творческим самовыражением М.Е. Бурно и составлен с учетом основных этапов терапии творчеством, с использованием методик творческого самовыражения. Психокоррекционный вариант ТТС разработала и исследовала на практике кандидат психологических наук, председатель Омского отделения научно-методического центра терапии творческим самовыражением Грушко Н.В. [2]. Основное отличие психокоррекции творческим самовыражением состоит в ориентации метода на оказание помощи здоровой личности, имеющей затруднения, в связи с особенностями дефензивности характера.

Психокоррекционная программа была составлена с учетом основных этапов психокоррекции творческим самовыражением, а именно: психообразовательное занятие, знакомство со своей индивидуальностью, знакомство с силой своей слабости. На психообразовательном занятии ребятам было предложено ознакомиться с характерологическими типами (радикалами), выделенными на основе типологии характеров М.Е. Бурно.

Секция «Психология»

Знакомство со своей индивидуальностью проходило путем иллюстрации примеров музыкальных произведений и биографией авторов этих музыкальных произведений, соответствующих определенному типу характера. Прослушивание музыкальных произведений на занятиях способствовало более глубокому пониманию характера исполнителя и отнесению себя к определенному типу характера, выбор созвучного своему типу. Как основной метод воздействия на дефензивные личностные особенности подростков был выбран способ творческого самовыражения через танец, с использованием методик танцевально-двигательной терапии. Последующий цикл занятий предполагал встречи с использованием элементов танцевально-двигательной терапии, включающий в себя также некоторые методы телесно-ориентированной терапии, а именно работа с телесными зажимами или «мышечным панцирем» (В. Райх, А. Лоуэн, Ф.Александр). Каждое занятие по танце-двигательной терапии начиналось с разминки. Разминка проходила под энергичную, знакомую всем музыку; включает в себя общую разминку всех частей тела. Чтобы захватить и удержать внимание столь сложной аудитории дальнейшим этапом работы было выбрано разучивание и танец коротких танцевальных связок с выбранным стилистическим направлением, интересным ребятам.

Дальнейшая работа включала в себя использование упражнений танцевально-двигательной терапии, выбранных с учетом возможностей испытуемых и пространства, в котором проходила работа. Использовались некоторые интегративные техники, такие как: упражнения на диагностику рабочих, нерабочих зон в теле, выявление мышечных зажимов в расслабленном состоянии, релаксационные техники [3]. Также психокоррекционная работа включала в себя использование базовых танцевально-двигательных техник, использующих в качестве основных механизмов самопрезентацию себя.

В соответствии с общими целями танцевально-двигательной терапии, к целям и задачам танцевально-двигательной терапии при работе с тревожными, дефензивными личностями в рамках психокоррекции творческим самовыражением можно отнести:

- стимуляция творческого начала личности;
- катарсическое высвобождение подавляемых эмоций и отношений;
- усиление чувства собственного достоинства путем выработки позитивного образа тела;
- индивидуализированное восприятие себя;
- коррекция системы отношений;
- развитие социальных навыков посредством приобретения; участниками соответствующего – и притом приятного – опыта.

В результате проведенного нами исследования можно сделать следующий вывод: использование техник танцевально-двигательной терапии в психокоррекции творческим самовыражением способствует снижению как ситуативной, так и личностной тревожности; динамике отношения к себе испытуемых в сторону увеличения степени принятия себя, уверенности в своих возможностях, достижении желаемого результата, увеличению общей активности личности; наиболее полному самовыражению личности.

В заключении хотелось бы отметить большую заинтересованность ребят в проведенных занятиях и эффективность метода танцевально-двигательной терапии в работе с дефензивными особенностями личности подростков-воспитанников детских домов.

Литература

- 1) Бурно М. Е. Терапия творческим самовыражением. (1989)М.: Медицина.
- 2) Грушко Н.В. Социально-психологическое исследование творческого самовыражения в условиях дополнительного образования. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. (2003) Ярославль.

Секция «Психология»

- 3) Козлов В., Гиршон А., Веремеенко Н. Интегративная танцевально-двигательная терапия. (2006) Спб: Речь.
- 4) Сборник статей социально-психологических исследований «Социальная психология 21 столетия под ред. Козлова В.В.» (2004) Ярославль.
- 5) Шкурко Т.А. Танцевально-экспрессивный тренинг. (2005) Спб.:Речь.

Взаимодействие психолога и клиента. Влияние личностной позиции психолога на возникновение синдрома психологического выгорания

Просветова Е.В.

студентка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: evprosvetova@gmail.com

В отношении ситуации взаимодействия психолога и клиента основное внимание уделяется, как правило, стороне клиента, проблемам его безопасности и благополучия. Подтверждением этому может явиться, например, «Этический кодекс Российского Психологического Общества», в котором основной акцент делается на обеспечении различных видов безопасности клиента, в то время как в отношении безопасности психолога рассматривается, в основном, юридическая сторона вопроса [4]. Также, в целом, можно утверждать, что современная наука ориентирована на исследование позиции клиента в психотерапевтической ситуации.

Не стоит забывать, что во взаимодействии клиента и психолога участвуют две личности, и потому в психотерапевтической ситуации не менее важна и личность терапевта. Это учитывается в тех современных исследованиях, которые направлены на изучение профессиональных и личных качеств специалиста, оказывающего психологическую помощь, таких как его подготовка, работа с его личностью, различные аспекты контртрансферентных реакций и т.д.

Безусловно, терапевт сам не должен иметь тех личностных проблем, решению которых он пытается содействовать [2]. Тем не менее, очень важно помнить то, что работа психолога сопряжена с определенными трудностями и угрозами, которые могут оказать влияние на его личностное благополучие и, вследствие этого, на его продуктивность. Одной из таких угроз является синдром психологического выгорания.

Синдром психологического выгорания — состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений [3].

Наиболее актуальной проблемой исследования синдрома психологического выгорания на данный момент представляется причинность, определяющая вероятность его возникновения или не возникновения.

На основе эмпирических исследований выделяется две группы факторов, вызывающих синдром психологического выгорания:

- 1) Особенности профессиональной деятельности.
- 2) Индивидуальные особенности, включающие в себя социально-демографические характеристики и личностные особенности.

Важная роль и тех, и других факторов была доказана в одном из современных исследований возникновения синдрома психологического выгорания у психологов, оказывающих экстренную и продолжительную психологическую помощь. Было выявлено, что подобное явление чаще встречается среди психологов, оказывающих

Секция «Психология»

экстренную психологическую помощь, и были выделены как организационные, так и индивидуальные различия между представителями данных специализаций [1].

На наш взгляд, одним из важнейших факторов, влияющих на возникновение или не возникновение синдрома психологического выгорания, являются личностные особенности психолога. В частности, его личностная позиция в ситуации взаимодействия с клиентом.

В этом аспекте интересными представляются личностные позиции основателей различных направлений психологического консультирования, таких великих психологов, как, например, В. Франкл, К. Роджерс, Р. Мэй, которые, как известно, долгие годы оставались продуктивными психотерапевтами.

Одной из причин столь длительной и плодотворной работы В. Франкла можно считать осмысленность его психотерапевтической позиции. «Я видел смысл своей жизни в том, чтобы помочь другим увидеть смысл в своей жизни» [5].

К. Роджерс в психотерапии придавал огромное значение конгруэнтности психолога («Чем в большей степени терапевт является самим собой в отношении с клиентом, чем в меньшей степени он отгорожен от клиента своим профессиональным или личностным фасадом, тем более вероятно, что клиент изменится и конструктивно «продвинется»), а также делал акцент на взаимосвязи психотерапии и творчества («Творчество и терапия частично совпадают: то, что является творческим, то зачастую оказывается терапевтичным, то, что терапевтично, часто представляет собой творческий процесс»)[5].

Р. Мэй особое внимание уделял психотерапевтической ситуации взаимодействия с клиентом, что является одной из основных черт его позиции: «единица изучения в психотерапии – не "проблема", с которой пришел пациент, например, импотенция; или поведенческий стереотип; или диагностическая категория заболевания, например, истерия или фобия и т.д. Наша единица изучения скорее – существование-двух-личностей-в-мире, в мире, представленным в данный момент комнатой терапевта» [5].

Список имен психологов, занимавшихся данной проблемой, безусловно, не полон и мог бы быть дополнен такими именами, как: И. Ялом, Р. Перлз, В. Сатир, Дж. Вольпе, А. Бандура и др.

Конечно, в данных цитатах отражена лишь малая часть личностной терапевтической позиции этих великих психологов и необходимы дальнейшие исследования, чтобы установить степень ее связи с возникновением или не возникновением синдрома психологического выгорания. В дополнение к этому необходимо сравнение позиций, которые наблюдались у представителей различных направлений (гуманистическая, бихевиоральная, психоаналитическая ориентации и т.д.).

Также интересным направлением исследований представляется изучение особенностей личностной терапевтической позиции современных психотерапевтов с длительным стажем работы, у которых не наблюдается синдрома психологического выгорания.

Литература

1. Бузовкина Н.Ю. (2008) Синдром эмоционального выгорания у психологов, оказывающих экстренную и продолжительную психологическую помощь//Вестник Башкирского Университета. Психология. Том 13, № 4.
2. Магомед-Эминов М.Ш. (1998) Трансформация личности. М.: Психоаналитическая Ассоциация. - 496 с, ил.
3. Орел В.Е. (2004) Феномен "выгорания" в зарубежной психологии: эмпирические исследования//Журнал практической психологии и психоанализа, № 3.
4. Этический Кодекс Российского Психологического Общества //Российский психологический журнал. 2004, т.1, №1.с.37-54.
5. <http://cpsy.ru/> (Сборник цитат).

Психологическое сопровождение развития структур интегральной индивидуальности полезависимых и полenezависимых старшекласников

Пустовойтова Е.В.

студентка

*Пятигорский Государственный Лингвистический Университет,
факультет психологии, Пятигорск, Россия*

E-mail: gekusia-pev@mail.ru

Социальная группа позволяет личности чувствовать себя в относительной безопасности, удовлетворяет множество потребностей, в частности, в аффилиации, в признании, поддержания высокой самооценки и др. Желание войти и упрочить свое положение в группе может привести к тому, что человек будет менять свое поведения в соответствии с ее ожиданиями. Феномен вынужденного принятия человеком норм и ценностей группы под угрозой потери этой группы или своего устойчивого положения в ней получил название конформизма и рассматривается сегодня как один из важнейших механизмов поддержания целостности группы, единства ее ценностей и целей. Как правило, прямо противоположную конформной — реакцию нонконформизма, или негативизма — считают реальной альтернативой проявлению конформизма. В то же время это далеко не так, так как нонконформная реакция, как и конформная отражает личностную уступку в условиях группового давления. Нонконформизм — готовность, несмотря ни на какие обстоятельства, действовать вопреки мнению и позиции большинства, отстаивая прямо противоположную точку зрения. В психологически сущностном плане нонконформизм не просто близок, а, по сути, идентичен проявлениям конформизма, так как в обоих случаях можно практически с полной уверенностью говорить о зависимости индивида от группового давления, его подчинения большинству. Это может свидетельствовать о том, что конформизм и нонконформизм представляют собой «две стороны одной медали».

Особенно остро проблема самоопределения, конформного и нонконформного поведения в настоящее время стоит для подростков и юношей. В связи с этим представляется интересным изучение взаимосвязи и взаимовлияния уровня выраженности конформизма и социальной адаптации старшекласников, а также уточнение интегрального портрета старшекласников с высоким и низким уровнем выраженности конформизма и нонконформизма (полезависимых) и его средним уровнем (полenezависимых). Для достижения этих целей мы провели исследование, в котором выявляли специфику структур интегральной индивидуальности полезависимых и полenezависимых старшекласников, а также воздействие групповой психокоррекции на повышение социальной адаптации полезависимых юношей и девушек.

Для диагностики свойств интегральной индивидуальности нами были использованы следующие известные методики: теппинг тест Е. П. Ильина, опросник ОФДСИ В.М.Русалова, методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды В.В.Бойко, 16-ти факторный опросник Кэттелла и методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда. Полученные результаты обрабатывались с помощью математико-статистических методов обработки данных.

Наше исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе эксперимента мы проводили диагностику для подтверждения гипотезы, после которой мы разбили старшекласников на 3 группы (эталонная, экспериментальная и контрольная) по уровню выраженности конформизма. В связи с этим в эталонную группу (22 человека) вошли старшекласники со средним уровнем конформизма. В экспериментальную (16 человек) и

Секция «Психология»

контрольную (17 человек) группы вошли старшеклассники с высоким и низким уровнями конформизма. После анализа полученных результатов первичной диагностики, мы разработали групповую коррекционно-развивающую программу, направленную на личностный рост и снижение уровня конформизма старшеклассников. Далее мы провели вторичную диагностику, по результатам которой был сделан вывод, что в экспериментальной группе произошли значительные изменения по интересующим нас показателям конформизм – неконформизм (16-ти факторный опросник Кэттелла) и социальной адаптации (методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда). Так же при сравнении средних значений были выявлены изменения в показателях: эргичность психомоторная, эргичность коммуникативная, пластичность коммуникативная, эмоциональность коммуникативная (опросник ОФДСИ В.М.Русалова); уверенность в себе – тревожность, низкий самоконтроль – высокий самоконтроль, расслабленность – напряженность (16-ти факторный опросник Кэттелла); приятие других, интернальность и эмоциональный комфорт (методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда).

В контрольной группе не произошло значительных изменений по показателям конформизм – неконформизм и социальной адаптации, но произошли изменения по другим показателям, а именно робость – смелость (16-ти факторный опросник Кэттелла), приятие других, лживость, интернальность и эскапизм (методика диагностики социально-психологической адаптации К.Роджерса и Р.Даймонда).

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, что социальная адаптация выше у старшеклассников со средним уровнем выраженности конформизма. Разработанная нами программа является эффективным средством развития структур интегральной индивидуальности полезависимых старшеклассников и повышения социальной адаптации молодых людей.

Использование средств музыкально-терапевтического воздействия в преодолении профессиональной дезадаптации педагогов

Русакова Е.И.

аспирант

*Уральский государственный педагогический университет, факультет менеджмента, повышения квалификации и переподготовки кадров, г. Екатеринбург, Россия
rusakovaei@mail.ru*

Профессиональное развитие невозможно представить без последовательной смены адаптационных процессов. Кроме того динамика современной жизни, постоянное изменение внешнеполитических, экономических, социальных условий и условий профессиональной деятельности в значительной степени осложняет протекание этих процессов, и явление дезадаптации в профессиональной деятельности становится все более распространенным в современном обществе. Наиболее заметным это является для профессий типа «человек-человек», в частности для педагогической деятельности. Нарастание дезадаптационных явлений у педагогов зачастую отражаются не только на качестве выполняемой им профессиональной деятельности, социально-психологическом климате в коллективе, но и на психическом состоянии учащихся – их мотивационной, эмоциональной сферах, скорости и качестве усвоения знаний, отношении к предмету, учителю, школе, обществу. В связи с этим актуальным становится вопрос о путях и методах преодоления профессиональной дезадаптации педагогов.

С нашей точки зрения одним из важнейших условий, обеспечивающих преодоление профессиональной дезадаптации в педагогической деятельности, является смыслопорождение как процесс и результат поиска и возникновения новых смысловых отношений субъекта к различным явлениям действительности. А соответственно и пути преодоления профессиональной дезадаптации возможно рассматривать с позиции

потенциальной стимуляции смыслопорождения в сфере профессиональной деятельности. Наиболее эвристичным с этой точки зрения для нас представляется использование средств музыкально-терапевтического воздействия.

Прежде чем ответить на вопрос о месте и роли смыслопорождения в преодолении профессиональной дезадаптации педагогов, необходимо обратиться к дефиниции дезадаптации. Основываясь на проведенном теоретическом анализе основных социально-психологических подходов к рассмотрению данного понятия (Б.Н. Алмазов, С.А. Беличева, Р.Б. Березин, Т.Г. Дичев, А.А. Налчаджян, А.В. Петровский, др.), под дезадаптацией мы будем понимать процесс и результат нарушения взаимодействия индивидуальной системы репрезентации окружающей действительности и объективных (либо кажущихся) требований социума, ситуации. Соответственно профессиональная дезадаптация представляет собой процесс нарушенного взаимодействия субъекта труда и профессиональной среды, результатом которого являются негативные изменения профессиональной деятельности человека (производственные конфликты, снижение эффективности профессиональной деятельности, снижение мотивации, деструктивные изменения личности, профессионально обусловленные психосоматические заболевания, др.). Иными словами, профессиональная дезадаптация возникает как реакция на резкие изменения в системе восприятия субъектом труда профессиональной среды, своего места в профессии, осознании своей профессиональной роли и профессиональных функций и др., т.е. как субъективная реакция на психологическую травматизацию.

Целесообразно полагать, что преодоление профессиональной дезадаптации подразумевает интериоризацию новых либо актуализацию уже имеющихся, но по тем или иным причинам вытесненных из сознания знаний, умений, паттернов поведения. При этом происходит формирование/восстановление функциональных связей между различными элементами субъективной картины мира субъекта труда, т.е. мы имеем дело с формированием новых смыслов.

Обращаясь к проблеме смысла, мы будем придерживаться позиции Д.А. Леонтьева, который определяет его как «отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта в жизни субъекта, выделяет этот объект в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту» (Д.А. Леонтьев, 2003, С. 114). Таким образом, в процессе адаптации, когда происходит *разрушение, изменение* существующих ранее *отношений между субъектом и объектом*, мы чаще всего имеем дело с разрушением смысловых структур или деформацией смысла, который имеет для субъекта данный объект (явление, система взаимодействия т.д.). Преодоление профессиональной дезадаптации, успешность усвоения новых знаний, их адаптации к уже имеющейся системе в этом случае будет определяться способностью этой системы к установлению новых смысловых отношений. Таким образом, процесс смыслопорождения как процесс, происходящий на уровне личности и детерминированный ценностно-эмоциональным отношением человека к тем или иным объектам и явлениям действительности, а также как процесс и результат поиска и возникновения новых смысловых отношений субъекта к различным явлениям действительности является неотъемлемой частью успешного преодоления педагогом профессиональной дезадаптации.

Исходя из этого, при разработке программ психологического сопровождения и психологической помощи среди основных задач при адаптации педагогов к новым условиям деятельности целесообразно выделять задачу развития способности к смыслопорождению, как способности продуцирования новых смыслов в изменившихся условиях профессиональной деятельности. Реализация этой задачи на практике неразрывно связана, на наш взгляд, с использованием средств музыкальной терапии, основанных на специфике восприятия человеком музыкального материала. Как подчеркивает в своих исследованиях Е.Я. Либерман, при восприятии музыки мы в большинстве случаев сталкиваемся с неопределенностью самого воспринимаемого

Секция «Психология»

материала, следствием чего является множественность его интерпретаций, наполнение одной и той же звуковой последовательности разными смыслами в зависимости от жизненного, эмоционального и художественного опыта субъекта восприятия. Ведущая роль в этом принадлежит процессу воображения. Основываясь на общей модели функционирования воображения, предложенной Л.С.Выготским, нами был спрогнозирован процесс перехода прослушиваемого музыкального произведения во внутренний план индивида. Согласно полученной модели, за непосредственным восприятием слуховых стимулов следует их сложная мыслительная переработка, главным образом, посредством процесса диссоциации. Затем, согласно закону двойного выражения чувств, все выделенные на предыдущем этапе части стремятся воплотиться в соответствующие вызванной эмоции образы, которые объединяются в целостную картину, т.е. создается целостный образ произведения. На завершающем этапе происходит «кристаллизация» продуктов воображения, что может быть выражено как в продуктивной творческой деятельности, так и в простой вербализации полученных впечатлений. Таким образом, вариативность смыслового содержания того или иного музыкального произведения зависит от прошлого опыта воспринимающего индивида.

Переходя к вопросу о конкретных способах музыкальной терапии, отметим, что на основе анализа предлагаемых музыкально-терапевтических программ (Г.-Г. Декер-Фойгт, В.И. Петрушин, др.) наиболее оптимальными способами для преодоления профессиональной дезадаптации через активизацию процесса смыслопорождения мы полагаем следующие направления работы – музыкальные средства выражения Я, манипулирование музыкальными инструментами, использование музыки в качестве фисилитатора.

«Образ процесса психологического консультирования» как центральный предмет исследования теории практической деятельности психолога-консультанта

Скоробогатова Н.А.

Старший преподаватель

*Национальный институт им. Екатерины Великой, факультет психологии, Москва,
Россия*

E-mail: nastasia@nm.ru

В консультативной психологии накоплен богатый эмпирический материал, но не существует единого логического стержня, «единой теории процесса оказания психологической помощи», способной охватить и связать в целостную картину накопленные отдельными школами знания, объединить практиков различных направлений под своим крылом, обеспечить контроль эффективности процесса оказания психологической помощи. В своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) Л.С.Выготский писал: «Историческое состояние нашей науки таково, что существует много психологий, но не существует единой психологии». Наше время несколько не снизило актуальность этого высказывания и сегодня все еще стоит вопрос о концепции – «метатеории», которая могла бы интегрировать собранные данные и наметить стратегию дальнейших исследований.

По мнению А.Г.Асмолова, Ф.Е.Василюка, А.А.Пузыря, В.В.Кузовкина и других отечественных психологов, в роли такой метатеории могут выступить переработанные под новую задачу культурно-историческая теория Л.С.Выготского и деятельностный подход А.Н.Леонтьева (Кузовкин В.В., 2007).

В нашем исследовании процесса психологического консультирования, продолжающем данную исследовательскую линию, обосновывается необходимость обращения к «индивидуальности» деятельности психолога-консультанта во время оказания психологической помощи.

Секция «Психология»

В необходимой как воздух психологу-консультанту психологической теории, которая не станет объяснять какие-то внешние для практика сущности, а будет обращена к внутренним механизмам происходящего в процессе оказания психологической помощи, обеспечит нас «руководством к действию и средствами научного познания своих действий», в качестве основного предмета должен выступать сам метод (Василюк Ф.Е., 1999). Но всякая научная теория в своем общем предмете выделяет центральный предмет исследования, познание которого является ключом к познанию всего общего предмета.

Для построения «теории практической деятельности психолога-консультанта» в качестве центрального предмета исследования, «единицы» анализа происходящего в процессе оказания психологической помощи – такой части целого, в которой содержится, хотя бы в зачаточном виде, все отдельные свойства, присущие целому (Выготский Л.С., 1966) – был предложен «образ процесса психологического консультирования».

Введенное нами понятие «образ процесса психологического консультирования», несомненно, требует «кропотливого» теоретико-феноменологического наполнения, эмпирического исследования его содержания и особенности образа данного процесса у психолога-консультанта – данное исследование еще только в начале своего пути. Мы, прежде всего, опираемся на концепцию «образа мира» А.Н.Леонтьева – как область существования важнейших условий регулирования и саморазвития человеком своей активности (Леонтьев А.Н., 1983), понимая «образ процесса психологического консультирования» у психолога-консультанта как элемент его «образа мира», сохраняющий свойственную целому структуру, свойства и функции.

Однако уже на данном этапе мы можем говорить о том, что «образ процесса психологического консультирования» удовлетворяет всем трем, обозначенным Василюком Ф.Е., критериям центрального предмета теории практики (Василюк Ф.Е., 1999): оно концентрирует в себе идейную энергию и потенциал отечественной традиции концепции «образа мира» в рамках деятельностного подхода; способствует созданию эффективных практически применимых методов и методик для работы психолога-консультанта и может стать объяснительным принципом, позволяющим научно объяснить происходящее в процессе психологического консультирования; способно сформировать или найти эффективный практический метод, способный одновременно стать эмпирическим исследовательским методом.

В настоящее время мы продолжаем разработку методических средств для адекватного описания не только индивидуального для данного психолога-консультанта образа процесса психологического консультирования, но и эмпирического исследования личностной детерминированности данного образа.

При исследовании происходящего в процессе психологического консультирования, анализируя индивидуальный образ данного процесса психолога-консультанта, мы акцентируем внимание на определяющей роли личности психолога-консультанта. Такой подход позволит отойти от оценочности исследования психологического консультирования в рамках «эффективное – неэффективное», и выводит на первый план «субъект-субъектность взаимодействия» в ходе процесса психологического консультирования, исследование самого метода который детерминирован индивидуальным образом процесса психологического консультирования у психолога-консультанта.

Специфика представлений о себе и принятия своего «Я» у полнезависимых и полнезависимых людей **Соколовская В.П.⁸⁰**

⁸⁰ Автор выражает признательность доценту, к.пс.н. Никулиной С.А. за помощь в подготовке тезисов

Проблема самоопределения и конформности в условиях усложнения социальной жизни приобретает все большую актуальность. Под самоопределением мы понимаем адекватную самооценку и зрелую осознанность собственных интересов, и согласованных с ними действий. Конформность рассматривается как тенденция допускать влияние на собственные мнения, отношения, действия и даже восприятия других людей, в ситуациях, когда нет прямого требования соглашаться с группой. Противопоставление мнению большинства известно как явление *нонконформности*. Следовательно, изменение мнений, отношений и поведения в соответствии с большинством или активное противодействие ему мы можем определить как зависимость от группы или *полезависимость*, а формирование собственных мнений, отношений и выбора линии поведения как *полenezависимость*.

Особую значимость имеет выработка *полenezависимого* поведения в юношеском возрасте, так как в этот период онтогенеза молодые люди особо подвержены влиянию всевозможных субкультур и ненаучных концепций, и могут подчиняться давлению *асоциальных групп*.

Нами было предпринято исследование, в котором мы изучили особенности самосознания и личностной организации *полезависимых* и *полenezависимых* студентов младших курсов, и, выделив группу *конформных* и *нонконформных* студентов, провели с ними социально- психологический тренинг по развитию самоопределения. При этом мы полагали, что его развитие повлияет на различные компоненты самосознания, изменит взаимоотношения с окружающими людьми, что, в свою очередь, повысит социальную адаптацию.

В процессе подготовительных исследований нами была проанализирована научная литература по выбранной теме. Для проведения диагностики, мы использовали следующие известные валидные и надежные методики: тест на определение реактивной и личностной тревожности Спилбергера; 16-факторный опросник Р.Кэттелла; тест на определение уровня самооценки Дембо-Рубинштейна; тест на определение самоотношения В.Столина; тест на определение типа выхода из конфликтной ситуации К.Томаса.

По итогам анализа первичной психодиагностики все испытуемые были разделены на три группы по уровню выраженности конформизма: со средним уровнем (эталонная), с высоким и низким уровнями выраженности конформности (контрольная и экспериментальная). С экспериментальной группой был проведен формирующий эксперимент, целью которого было дифференцирование образа «Я» студентов, поддержку и развитие их самооценки, самопринятия, а также повышение адекватности оценки и принятия других. За основу в тренинге мы взяли арт-терапию. Мы считаем, что арт-терапия – один из наиболее эффективных методов группового консультирования, так как при его использовании, изменения в личности происходят очень мягко, не нарушая ее границ. Кроме того, арт-терапия часто предполагает некоторые элементы игры, что располагает к себе молодых людей, настроенных, как правило, агрессивно к серьезной работе и резким интервенциям.

По окончании группового консультирования была проведена повторная психодиагностика всех трех групп. При анализе результатов была использована качественная и количественная обработка. Статистическая обработка результатов экспериментальной группы с помощью t- критерия Стьюдента показала значимые различия по двадцати двум показателям из возможных сорока восьми. У студентов, прошедших групповое консультирование, понизилась тревожность, повысилась и

Секция «Психология»

стабилизировалась самооценка, повысился уровень аутосимпатии, самоуважения, самоинтереса, самоуверенности, самопонимания и самопринятия; снизился уровень самообвинения; предпочтительным выходом из конфликтной ситуации вместо «ухода» и «соперничества» стал «компромисс». Все перечисленные параметры являются составляющими эффективной социальной адаптации, а значит, мы можем говорить, о повышении ее уровня у студентов экспериментальной группы. В контрольной группе вторичная диагностика выявила вдвое меньше значимых изменений, и они в целом не изменили характер социальной адаптации студентов.

Подводя итоги, мы можем говорить, что психологическое консультирование с использованием арт-терапии является эффективным способом развития самоопределения, способствует преобразованию отношений к себе и миру и, как результат, повышает социальную адаптацию студентов.

Литература

1. Лебедева Л.Д. (2003) Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб.: Речь
2. Реан А.А. (2002) Психология человека от рождения до смерти. М.: Олма-пресс
3. Хьелл Л., Зиглер Д. (1997) Теории личности: основные положения, исследования и применение. С-Пб.: Питер Пресс

Репрезентации межличностной коммуникации

Филимонова А.С.⁸¹

аспирантка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: nastya20000@mail.ru

Одной из центральных проблем психологии является изучение самосознания, представляющего собой важнейшее образование в структуре личности, главную организующую, интегрирующую и регулирующую инстанцию психики. В отечественной школе изучается диалогическая структура самосознания, специфика образов Я и Другого, особенности внутренних диалогов и внешней коммуникации при различных видах психических расстройств. Психика понимается как принципиально диалогическая структура, в которой неявно содержатся различные формы социальных внешних диалогов. Внутренний диалог рассматривается как внутренняя коммуникация Я и Другого, часто свернутая и объективированная в речевых формально монологических высказываниях. Репрезентация межличностной коммуникации понимается как категоризация эмоциональных отношений в сознании, интрапсихические паттерны межличностного взаимодействия, обусловленные первичными отношениями со значимыми другими. (Соколова Е.Т. 2003; Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. 2001, Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. 2006 и др.).

В нашем исследовании мы остановимся на взаимодействии таких компонентов самосознания, как аффективно-когнитивный стиль и репрезентации межличностной коммуникации (т.е. представления о межличностных отношениях, о себе и Другом в этих отношениях). Аффективно-когнитивный стиль как системный фактор индивидуальной предрасположенности к расстройствам аффективного спектра понимается как относительно устойчивая конфигурация мотивационно-регуляторных, когнитивных и коммуникативных компонентов психических репрезентаций (Соколова Е.Т. 1995;

⁸¹ Автор выражает благодарность в подготовке тезисов, своему научному руководителю доктору психологических наук, профессору кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ Соколовой Елене Теодоровне.

Секция «Психология»

Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С, Лэонтиу Ф. 2001, 2002; Рахманкина Е.Е. 2000; Коршунова А.Р. 2000; Сотникова Ю.А. 2005 и т.д.).

Коммуникативный аспект депрессивного расстройства рассматривается в психоаналитическом направлении и в теории объектных отношений. Депрессивная патология рассматривается как результат дефекта в развитии ранних отношений со значимыми другими (К. Абрахам, М. Кляйн, М. Малер, Дж. Боулби и др.). С одной стороны, патология личности определяется теми психическими структурами, которые возникают под влиянием аффективного опыта взаимодействия с ранними значимыми объектами, с другой – сформировавшаяся личностная структура определяет паттерн дальнейших отношений со значимыми другими.

Исследование пациентов проводилось на базе НИИ Психиатрии и клиники НЦПЗ РАМН (17 жен. и 10 муж.), страдающие депрессивными расстройствами (от 19 – 50 лет).

Методики: полуструктурированная беседа с элементами структурного интервью О. Кернберга; «Тест встроенных фигур» Г. Виткина; симптоматическая шкала Бека; опросник Мехрабяна; «Рисунок человека»; тест Роршаха (шкала взаимозависимости-автономии Юриста и шкала враждебности Илизура). Статистическая обработка производилась с помощью программы «SPSS11.0» и «Excel2003».

Полученные результаты:

Одним из результатов проведенного исследования, является выделение в ходе статистической обработки двух подгрупп с определенными комплексами взаимосвязанных показателей. Их интерпретация указывает на наличие следующих коммуникативных стратегий, свойственных депрессивным пациентам.

1) стратегия «зависимости»

Данная коммуникативная стратегия характеризуется зависимой и пассивной позицией, «цеплянием» за любую возможность эмоциональной связи. Потребность в эмоциональной «подпитке» всегда остается ненасыщаемой, такие пациенты постоянно испытывают изоляцию, неудовлетворенность от контакта. Они стремятся к установлению максимально близких связей со значимым другим, связей, которые угрожают собственной и чужой автономии и чреватые размыванием границ Я - Другой.

Данный репрезентативный стиль характеризуется более высоким уровнем депрессии по шкале Бека, сверхзависимостью по Виткину, низкой дифференцированностью образа Я в рисунке человека, анализ теста Роршаха показал расщепление образов на абсолюты «плохие» и «хорошие», преобладанием таких феноменов защиты как девитализация и виктимность.

При сверхзависимости мы сталкиваемся с так называемой анаклитической депрессией, которая по своим внутренним механизмам соотносится с пограничным расстройством личности. В сверхзависимости здесь проявляется патологическая детская привязанность, базирующаяся на нежелании отпустить объект привязанности ни на минуту, иначе он может исчезнуть навсегда.

2) стратегия «амбивалентности».

Ведущей стратегией отношений становится – «зависимость – стремление к автономии». Отмечается более открытая экспрессия агрессивных чувств в адрес значимых других, не отрицающая сохранение эмоциональной близости, что отражает возрастание толерантности к амбивалентности. Отмечается более активная позиция в отношениях, характеризующаяся более четкими границами Я – Другой.

Данный репрезентативный стиль характеризуется низким уровнем депрессии по шкале Бека, большей доступностью операций анализа и синтеза, сверхавтономией по Виткину, лучшей дифференцированностью образа Я по рисунку человека и в тесте Роршаха относительной толерантностью к амбивалентности.

Различение на сверхзависимых и сверхавтономных депрессивных пациентов рассматривают и многие современные авторы, в качестве критерия различения двух основных депрессий анаклитической и нарциссической. Данный тип депрессии

Секция «Психология»

соотносится с подтипом нарциссического расстройства личности, где сверхавтономия является стремлением подчеркнуть собственную индивидуальность, особенность и исключительность.

Таким образом, выделенные нами репрезентативные стили можно отнести к анаклитической и нарциссической депрессии. Первый стиль характеризуется сверхзависимостью, низкой дифференцированностью образа «Я», расчленением образов на плохие и хорошие, преобладанием таких феноменов защиты как девитализация и виктимность. Второй стиль отличается сверхавтономией, большей доступностью операций анализа и синтеза, лучшей дифференцированностью образа Я, возможностью выдерживать амбивалентность.

Литература

1. Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., Аргус, 1995 г.
2. Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Связь психологических механизмов защиты с аффективно-когнитивным стилем личности у пациентов с повторными суицидальными попытками // Вестник МГУ. Серия 14 Психология – 2006 -№2. – с. 12-29.
3. Соколова Е.Т., Коршунова А.Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я-Другой у лиц с суицидальным поведением. Вестник МГУ. Серия 14 Психология 2007 №4
4. Психоанализ депрессий. // Сборник статей под редакцией проф. М.М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005. – 164с.

Символизация, метафоризация и означение как методические приемы в психотерапии

Цыбуля В.И.

аспирант

*Московский Городской Психолого-Педагогический Университет, Москва, Россия
cibulya@gmail.com*

В практике психотерапевты и психологи-консультанты часто применяют метафоры, символы, знаки и используют эквивалентные им приемы – символизацию, метафоризацию и означение. Язык психотерапии во многом символичен и метафоричен. Работа с символами, метафорами и знаками в той или иной мере характерна почти для всех основных направлений психотерапии. В литературе по психотерапии и консультированию очень мало уделяется вопросу отличий этих понятий и соответствующих им методических приемов. Недифференцированность сходств и различий этих понятий приводит не только к терминологической, но и методической путанице, поэтому проблема рефлексии и отличия этих трех принципиально разных методических приемов является актуальной.

Прежде всего, обозначим различия понятий символ, метафора и знак. Символ – это «вещь», которая эксплицирует (реализует или конструирует) в актуальном пространстве смысловое содержание иного, потенциального или противопоставленного пространства. Примером символа в психотерапии может выступать «символизованный объект» как символ связи с определенным значимым человеком, который временно или навсегда отсутствует. Метафора – это образ одного семантического ряда, значимые свойства и характеристики которого переносятся на явление другого семантического ряда. Метафоры очень распространены в практике психотерапии и консультирования разных направлений – гештальт-терапия, нейро-лингвистическое программирование и др. Примеры метафор – метафоры состояния, метафоры жизненного пути и т.д. Знак – это материальный объект, который является аналогом или заместителем другого объекта. Знаком в консультировании и психотерапии может быть слово-название, которое

Секция «Психология»

присваивается тому или иному переживанию; определенный жест, обозначающий какое-либо состояние или намерение. В пространстве психотерапии мы рассматриваем символ, метафору и знак как инструменты, позволяющие обозначить, зафиксировать или сделать «явным» в той или иной форме содержание внутреннего мира клиента – его переживаний, чувств, неосознаваемых идей и представлений. Использование метафор, знаков и символов в психотерапии обусловлено опосредованным характером психических процессов. Метафоры, символы и знаки опосредуют связь между внутренним миром клиента и психотерапевтом, обеспечивают возможность конструктивной работы с содержаниями психических переживаний.

Символизация как методический прием психотерапии - это процесс выражения в чувственной форме и одновременно конструирования посредством внешней формы значимого, субъективно переживаемого смыслового содержания или идеального представления. Для символизации характерен полный переход, перевоплощение переживания или явления в «иную» форму. При этом форма становится автономной и самодовлеющей, как бы отчужденной от субъекта переживания. Сновидение можно рассматривать как пример символизации психологических конфликтов; вселение злого духа - как пример символизации некоторых психических расстройств. В символизации символический план становится главным, доминирующим, принимает статус самостоятельной реальности. Симptom, если рассматривать его символически, выступает как нечто, несущее в самом себе смысл или определенное послание. Смысловое содержание символических образов, как правило, не осознается и представляет тайну, смысл символа предстоит раскрыть, расшифровать в процессе психотерапии. Примеры символов: образы бессознательного, продуцируемые в ходе активного воображения, образы сновидений, некоторые символические события в жизни клиента, символизированные объекты и т.д. Одна из главных функций символизации – прожективная, то есть задающая новые смыслы и значения, еще недоступные осознанию клиента, но потенциальные.

Метафоризация – выражение явления и переживания одного семантического ряда через образы и явления другого семантического ряда (например, старость – осень жизни). Для метафоризации применимы союз «как», наречие «словно», указывающие на соотношение, смысловое подобие между явлениями разных семантических рядов. В случае метафоризации в сознании мы удерживаем одновременно два плана и соотношение между ними (первоначальный и метафорический, переносный). Функция метафоризации как методического приема заключается в придании переживанию или представлению яркого, выпуклого образа, акцентировании и усилении смыслов переживания. Яркие «живые» метафоры позволяют психологу или психотерапевту передать идею или какое-либо представление более емко, целостно, полимодально. Клиент благодаря метафорам может не только выражать свое состояние или переживание, но и влиять на него. Выбор метафорических образов является осознанным.

Означение – присвоение переживанию знака. Акцент делается на соответствии между содержанием переживания и формой, наиболее адекватно выражающей его. Означение является осознанным процессом. Методический прием означения выполняет функцию структурирования и категоризации. Некоторой ситуации клиента, его переживанию или чувству, благодаря означению, присваивается знак, форма которого наиболее точно отражает то, что чувствует или переживает клиент. В процессе означения главным является то содержание, которое нужно выразить или высказать.

Символизация, метафоризация и означение в практике психотерапии имеют принципиальные отличия, которые обусловлены во-первых, терминологическим различием категорий символ, метафора и знак; во-вторых, различием терапевтических функций и механизмов вышеуказанных приемов, в-третьих, различным методическим значением. Необходимость более глубокого и тщательного изучения метафоризации,

символизации и означения обуславливает актуальность дальнейших исследований в этом направлении.

Деструктивные аспекты перфекционизма. Предварительные размышления

Цыганкова П. В.⁸²

аспирантка

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: polina_tsy@mail.ru

Рост ауто- и гетероагрессии в современном обществе, расширение феноменологии саморазрушительного поведения ставят перед исследователями актуальную задачу осмысления причин этой тревожной тенденции, изучения механизмов, лежащих в основе самодеструктивности и деструктивности в целом с целью профилактики подобного поведения и оказания психологической помощи лицам, его практикующим.

Существует ряд эмпирических и теоретических свидетельств в пользу важнейшей роли перфекционизма во возникновении и хронификации саморазрушительного поведения. В частности, влияние не знающего меры, бесконечного стремления к совершенству очевидно в таких ныне распространенных косвенных формах саморазрушения, как злоупотребление пластической хирургией, различные экзотические виды модификаций тела, физические или интеллектуальные перегрузки, доводящие до изнеможения, нервная анорексия. Роль перфекционизма в возникновении последнего заболевания обсуждается многими исследователями (Minuchin 1984; Коркина 1986; Blumberg 1988; Е.Т.Соколова 1995). Имеются также убедительные свидетельства значимого вклада перфекционизма в формирование явных видов саморазрушения, таких как суицидальное поведение (Hewitt, Flett, Weber 1994; Blatt 1995; Maltzberger 1998; Н.Г.Гаранян, А.Б.Холмогорова 2001; Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. 2006).

Большинство исследователей решают проблему аутодеструкции путем установления взаимосвязей отдельных изолированных переменных и поиска линейных причинно-следственных отношений между ними; зачастую игнорируется целостное, системное строение самосознания, множество взаимосвязей когнитивных, аффективных, коммуникативных его компонентов.

Цель нашего исследования состоит в изучении и описании системного строения самосознания саморазрушительных пациентов, выявлении места, занимаемого в нем перфекционизмом, описании связей перфекционизма с иными особенностями самосознания, проявляющимися в когнитивной организации, специфике репрезентаций межличностных отношений, ресурсных возможностях совладания с разрушительными аффективными состояниями. Для реализации поставленной цели исследования разработана специальная батарея методик.

В исследовании приняли участие 3 группы женщин в возрасте 18-25 лет: 1) 22 девушки, страдающие нервной анорексией; 2) 24 пациентки, совершившие суицидальную попытку; 3) контрольная группа (25 чел.).

Выдвинута основная гипотеза исследования: аутодеструктивность является системно организованным феноменом, относительно неспецифичным в отношении нозологической принадлежности психического расстройства, проявляющимся в ряде интерпсихологических и интрапсихологических особенностей субъекта, ключевую роль среди которых играет перфекционизм.

⁸² Автор выражает благодарность в подготовке тезисов своему научному руководителю - доктору психологических наук, профессору кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ Соколовой Елене Теодоровне.

Секция «Психология»

Предварительные результаты исследования позволяют выявить ряд относительно неспецифичных в отношении нозологической принадлежности пациенток психологических дисфункций, которые значимо дифференцируют клинические группы и контрольную группу.

В качестве центрального компонента предложенной модели рассматривается перфекционизм, являющийся для многих саморазрушительных пациенток мощным осознанным ценностно-смысловым образованием. Специфическими его характеристиками являются: преобладание стремления к избеганию неудач над стремлением к достижению; дефицит смягчающих, зрелых «антиперфекционных» суждений; особая значимость, придаваемая пациентками впечатлению, производимому на окружающих, которое воспринимается как ключевой фактор успеха в коммуникации.

Высокий уровень перфекционизма в клинических группах связан с рядом особенностей когнитивного функционирования. С одной стороны, это постоянная вовлеченность в процесс оценки (себя и окружающих), с другой стороны, - низкий уровень когнитивной дифференцированности, склонность к категоричности, к «черно-белому» мышлению. Взаимодействие этих тенденций приводит к вынесению крайних, полюсных оценок, к примитивной идеализации или примитивному обесцениванию себя и других. Следует отметить легкость перехода от полюса самоидеализации к полюсу самообесценивания, выраженную неустойчивость самооценки, связанную с ее недифференцированностью, монолитностью или фрагментарностью, подчас противоречивостью, дефицитом внутренних критериев, повышенной зависимостью от ситуативных факторов и мнения окружающих людей: постоянно нуждаясь во внешнем подтверждении своей грандиозности, под влиянием чужих оценок и ситуативных влияний аутоагрессивные испытуемые легко переходят от переживания собственного совершенства к переживанию ничтожности, ущербности, неполноценности.

Согласно данным исследования, высокий уровень перфекционизма коррелирует со значимо более частым использованием деструктивных копинг-стратегий и со значимо более редким упоминанием конструктивных стратегий совладания, чем в контрольной группе. В контексте системного подхода, саморазрушительное поведение может быть понято как вариант деструктивного совладания с непереносимыми интенсивными эмоциями, как способ самонаказания за неспособность соответствовать идеалам, и, наконец, как средство коммуникации со значимым Другим.

Высокий уровень перфекционизма связан с неудовлетворенностью межличностными отношениями, он отрицательно коррелирует с позитивной характеристикой своих коммуникаций, упоминанием наличия в отношениях помощи, поддержки и понимания. Эта связь может объясняться как завышенными требованиями, предъявляемыми по отношению к партнеру по общению, так и общей «ненасыщаемостью» потребности в эмоциональной «подпитке», что приводит к деструктивности во взаимоотношениях, к разрушению границ Я-Другой.

Таким образом, предварительные результаты исследования подтверждают предположение о возможной деструктивной роли перфекционизма, позволяют поставить ряд дальнейших теоретических и практических задач: описание различных паттернов организации перфекционного самосознания, механизмов влияния перфекционизма на степень адаптированности личности, ее когнитивные, аффективные, коммуникативные особенности.

Литература

1. Соколова Е.Т. Особенности личности при пограничных расстройствах. // Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах личности и соматических заболеваниях. М. 1995.
2. Соколова Е.Т. Психотерапия. Теория и практика. М. Academia. 2002.

3. Соколова Е.Т., Сотникова Ю.А. Проблема суицида: клинико-психологический ракурс. // Вопросы психологии. 2006. №2. с.103-116.
4. Perfectionism: theory, research, and treatment./ ed. G.L.Flett & P.L.Hewitt/ American Psychological Association. Washington, DC. 2002.

Рефлексивность и агрессивность: феноменология взаимосвязи

Чернышкова Е.Ю.⁸³

Аспирант

*Государственный университет Высшая школа экономики, факультет психологии,
Москва, Россия*

E-mail: HelenCher2008@yandex.ru

Ежедневно современный человек сталкивается с ситуациями фрустрации различного характера, препятствующими достижению поставленных целей. При этом остро встает вопрос о возможностях личности сохранять способность адекватного реагирования в ответ на происходящие изменения. У человека могут коммулироваться негативные эмоции, затем осуществляется неконтролируемый их выплеск. Результатом повторения и закрепления такого стиля реагирования становится агрессивность как свойство личности.

При этом, опираясь на труды А.А. Реана, под агрессивностью мы подразумеваем готовность к агрессивным действиям в отношении другого, которую обеспечивает (подготавливает) предрасположенность человека воспринимать и интерпретировать его поведение соответствующим образом (Реан, 1996). Десенсибилизировать данное свойство, на наш взгляд, может высоко развитая рефлексивность. Последнюю категорию определим, исходя из взглядов А.В. Карпова: это психическое свойство, способность к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу, к пониманию психических особенностей других людей (Карпов, 2003).

Таким образом, проблема нашего исследования: существует ли взаимосвязь высоко развитой рефлексивности и агрессивности.

Концептуальная модель исследования следующая. Рефлексивность при высокой степени развития через активизацию своей дифференцирующей функции способствует субъектному, произвольному контролю агрессии, ингибции негативных эмоций, результатом чего является стабилизация эмоциональной сферы, низкий уровень агрессивности (Карпов, 2003).

В качестве дополнительных факторов, влияющих на агрессивность, выступает фактор пола (Бэрн, Ричардсон, 2001), социальный статус, возраст (Реан, 1996), темперамент, полнота семьи и тип родительского отношения при развитии личности (Бэрн, Ричардсон, 2001), (Налчаджян, 2007).

Таким образом, гипотеза исследования: если у человека высоко развитая рефлексивность, то у него низкий уровень агрессивности.

Отметим, что способом регистрации независимой переменной (рефлексивности) является «Методика диагностики индивидуальной меры выраженности свойства рефлексивности» А.В. Карпова, В.В. Пономаревой, зависимой переменной (агрессивности) – «Диагностика склонности к агрессивному поведению» А. Ассингера. Путем создания константных условий контролируем такие дополнительные переменные, как пол, возраст, социальный статус, полнота семьи (все испытуемые – студенты мужского пола, 17–22 года, из полных родительских семей). Способ контроля темперамента и типа родительского отношения – «Тест-опросник Г. Айзенка ЕРІ в адаптации А.Г. Шмелева для диагностики свойств и типа темперамента» и «Опросник родительского отношения к детям (ОРО)» А.Я. Варга, В.В. Столина соответственно.

⁸³ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Петровскому В.А. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

Исследование проводилось с 25.02.08. по 22.03.08. В экспериментальную группу вошло 6 студентов Курского государственного медицинского университета с высокими значениями рефлексивности, в контрольную - 24 студента КГМУ с низким уровнем рефлексивности.

Для обработки полученных данных использовалась программа «STATISTICA 6.0», рассчитан U-критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена (для дополнительных переменных).

Результаты исследования показывают, что высоко развитая рефлексивность связана с агрессивностью, причем зависимость обратно пропорциональная: у лиц с более высокой рефлексивностью низкая агрессивность и, наоборот. Подобный вывод подтверждает выдвигаемую гипотезу, объясняется исходя из концептуальной модели работы.

В отношении дополнительных переменных хотелось бы отметить, что агрессивность не связана с характеристикой темперамента «Нейротизм», с влиянием пяти аспектов родительского отношения, измеряемых методикой «ОРО» А.Я. Варга, В.В. Столина. Однако наблюдается ее связь с темпераментальной экстраверсией. Подобные зависимости нельзя игнорировать, ведь данная характеристика обусловлена генетически на 27-40 % (Равич-Щербо и др., 1999). Возможно, рефлексивность способна компенсировать воздействие перечисленных выше дополнительных переменных, а фактор экстраверсии-интроверсии является более обособленным как общая направленность реакций индивида. При этом, мера их дифференцированности может быть независимой от направленности: и экстраверт способен хорошо осознавать свои реакции, и интроверта варианты агрессивности при данных типах различны, на что указывается в ряде работ (Налчаджян, 2007).

Приводимое исследование подтверждает обратную взаимосвязь рефлексии и агрессии, возведенных в ранг свойств личности. Однако интересна и динамическая сторона данной зависимости. Она станет предметом наших дальнейших исследований. Мы предполагаем, что связь между рефлексией и эмоциональными аспектами агрессии нелинейна, различаем две фазы развития эмоционального процесса в условиях его рефлексии.

На ранних этапах эмоция гнева усиливается: это предположение вытекает из «Формальной модели гедониста», предложенной В.А. Петровским (Петровский В.А., 2008). На последующих – усиление агрессивных проявлений редуцируется, имеет место обратная динамика. Это можно сформулировать обобщенно: сначала доминирует принцип удовольствия, затем принцип реальности. Предполагаем также то, что превращение гедонистической формы реагирования в реалистическую в процессе рефлексии опосредуется не только характерологическими чертами индивида, но и особенностями коммуникации его со «значимыми другими». Таким «значимым другим» может быть терапевт. Наконец, мы хотим определить точку перехода одной тенденции в другую.

Литература

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия//Пер. с англ. СПб: Питер, 2001.
2. Диагностика здоровья. Психологический практикум/Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2007.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007.
4. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики//Психологический журнал. 2003. Т. 24. №5. С. 45-57.
5. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007.
6. Петровский В.А. Драйв, рефлексия, неопределенность: модель самодетерминации гедониста//Рефлексивные процессы и управление. 2008. Том 8. №1.
7. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие/Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006.

8. Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л. Психогенетика. Учебник для студентов вузов/Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1999.
9. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности//Психологический журнал. 1996. №5. С. 3-18.

**Знаково-символическое опосредствование как психотехническое средство
(программа психотехнической работы в НИИ ДОиГ)**

Шалина О.С.

аспирантка

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
факультет психологии, г. Москва, Россия*

В стационаре НИИ ДОиГ ГУ РОНЦ им. Н.Н.Блохина осуществляется программа психотехнической работы с детьми (9–15 лет), впервые госпитализированными с онкологическими диагнозами, основанная на принципах знаково-символического опосредствования процессов переживания.

Методологической основой программы служат:

1. Деятельностное понимание природы переживания (Василюк, 1984).
2. Творчество как культурно-исторически выработанное средство символизации и сигнификации процессов переживания (Насиновская, Шалина, 2008).
3. Семантическое понимание восприятия болезни, понимание симптома как означивание интрацептивного ощущения (Тхостов, 2002) и связи навыков категоризации с особенностями рефлексии внутриличностных переживаний.
4. Отличие категорий «символ» от категории «знак» по критериям отсутствия жесткой однозначной сцепки с предметом обозначения, «смысло-значимости» (Антонов, 1995) и «полифонии смыслов» (Лосев, 1993).
5. Единство знаково-символической деятельности в детском возрасте (Салмина, 1988).

В основу программы положено понимание сигнификации и символизации как принципов рефлексии и опосредствования внутриличностных переживаний. Авторские психотехнические методики и модификации используемых в арт-терапии упражнений собраны в единый целевой блок и проанализированы с точки зрения семантического, знакового, и символического содержания. Программа имеет возрастные варианты для младших школьников и подростков; рассчитана на индивидуальную работу психолога с каждым ребенком. Первичная диагностика проводится сразу при поступлении ребенка в стационар, повторная – через месяц. В контрольной группе обследование проводится по схеме «тест-ретест». В экспериментальной группе обследование по схеме «тест – стимульное воздействие – ретест», где стимульное воздействие – программа психотехнической работы с опорой на знаково-символическое опосредствование.

Диагностика направлена на выявление динамики самооценки и самоотношения, личностной и ситуативной тревожности, восприятия болезни в контексте жизненных перспектив и автобиографии в целом, стратегий преодоления фрустрирующих ситуаций, мотивационных конфликтов и других личностных особенностей и ситуативных реакций. Оценивалась сформированность образно-символического мышления (далее – ОСМ). Полученные данные обрабатывались в программе SPSS-16.

На материале контрольной группы в числе прочего было показано:

1. Взаимосвязь сформированности ОСМ с возрастом, что соответствует данным Л.Т. Потаниной, А.Н. Гусева (2008), и некоторыми показателями психологической адаптации (высокая изначальная самооценка, сохранение высокой самооценки в исследуемый период госпитализации, восприятие индивидуального прошлого вне контекста начала заболевания). Полученные данные не позволяют опровергнуть или подтвердить связь

Секция «Психология»

адаптационных процессов с возрастом из-за малочисленности группы и требуют дальнейшего уточнения.

2. Даже у детей с выраженным высоким уровнем ОСМ понятия, ассоциативно и семантически связанные с болезнью и переживанием ситуации госпитализации рефлексированы на самых низких уровнях ОСМ, что интерпретируется нами как симптом мотивационного конфликта.

Эти частные результаты легли в основу разрабатываемой программы. За 8 регулярных занятий поэтапно проводятся упражнения: от ориентированных на знаковое воплощение переживаний, связанных с ситуацией хронического заболевания, до более сложных и индивидуальных, «личностных», для каждого ребенка, основанных на символизации через графический и языковой образ. В динамике как ЗБР отслеживается возможность ребенка в языковых категориях фиксировать и выражать эмоциональный опыт. Ребенок (подросток) начинает работу с формирования навыков категоризации способов эмоциональных проявлений, соотнося изображения персонажей (Заяц для младших школьников, пиктограммы Нориты Шинмуры для подростков) с различными собственными состояниями и переживаниями. Далее он конструирует в форме игры и рассказа по последовательно размещенным картинкам знаковые возможности мимики; многочисленные рисунки персонажа с разными выражениями «лица» использует как пиктограммы (знаки) своих внутренних переживаний, от занятия к занятию расширяя активный словарь внутренних переживаний и более тонко рефлексирова свои собственные переживания. Последующие упражнения, пересекающиеся с частью заданий по описанной авторской методике «Пиктограммы настроений», имеют более сложную структуру и более многочисленные, неоднозначные смысловые содержания. Так, жизненный путь получает от ребенка метафорические образы, один из которых (например, «бусы») разрабатывается как графический образ последовательности событий и их субъективного переживания. Через метафорические образы и их графическое, «рукотворное», воплощение прорабатываются темы ресурсных значений болезни, здоровья, индивидуального смысла этих категорий в жизни конкретного ребенка. Визуализируются через более и менее сложные знаки и символические образы состояния, настроения, взаимоотношения с самим собой и окружающими. В завершение программы упражнения в большей мере основаны на символическом опосредствовании внутриличностных переживаний, т.е. на работе с универсальными образами, которые получают в конкретной ситуации индивидуальное смысловое воплощение. Примером может служить авторское упражнение «Мое море», в которых ребенок идет от эмоциональной интерпретации многозначных картин Уильяма Тернера до самостоятельного конструирования визуальных символических образов, выражающих полифонию внутренних переживаний.

Данная психотехническая программа реализуется в рамках диссертационного исследования Шалиной О.С. «Визуальная символизация как психотехническое средство преодоления проблемно-конфликтных ситуаций» под научным руководством к.п.н. Насиновской Е.Е. (МГУ им. М.В. Ломоносова) и д.м.н. Моисеенко Е.И. (НИИ ДДиГ ГУ РОНЦ им. Н.Н. Блохина).

Литература

1. Антонов В.И. Символ, наука, искусство. – М.: «Луч», 1995 – 139 с.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
3. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
4. Насиновская Е.Е., Шалина О.С. Автопортрет как средство овладения миром личностных переживаний // Вопросы психологии. – 2008. - № 1. – С. 77–88.

Секция «Психология»

5. Потанина Л.Т., Гусев А.Н. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 30–40.
6. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 288 с.
7. Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.

Психология личности

Методы самооценки и экспертной оценки в диагностике развития волевой сферы личности

Виниченко А.Н.

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,

Факультет психологии, Москва, Россия

E-mail: vinich@mail.ru

Понятие воли длительное время являлось одним из основных понятий психологии. В нем генетически связаны многие вопросы, касающиеся формирования и реализации человеческих действий. Проблема воли ясно показывает целостный характер психики человека, когда совсем разные психологические функции связываются в единую систему.

Достаточно развитая волевая сфера личности предполагает наличие хорошо сформированных волевых качеств личности, а так же способность личности к совершению волевого усилия. К волевым качествам личности относятся качества упорный, целеустремленный, настойчивый, решительный и многие другие. В разные возрастные периоды те или иные волевые качества, во-первых, могут быть сформированы неоднородно, во-вторых, проявляются в поведении не столь однозначно. Например, волевое качество дисциплинированность, в подростковом периоде лучше сформировано и проявляется чаще в поведении личности, чем это же качество в детском возрасте. К тому же за внешне кажущимся волевым поведением личности могут стоять причины совсем не относящиеся к волевому поведению человека.

Методические подходы к диагностике волевой сферы личности весьма разнообразны. Условно их можно разделить на две большие группы - экстенсивные и экспериментальные (естественные и лабораторные). К экстенсивным методам относятся: метод обобщения независимых характеристик, метод оценок, метод самооценок. В основе экстенсивных методов лежит наблюдение за поведением испытуемого в естественных условиях (беседа, интервью, анкетирование, опрос, анализ действий и поступков личности и их оценка).

К сожалению, серьезных теоретических и экспериментальных работ, раскрывающих природу и механизмы волевой регуляции, очень немного и множество вопросов до сих пор остаются без ответа, что и делает актуальными любые исследования в области психологии воли.

Данное исследование волевой сферы личности выполнено в теоретической традиции культурно-исторического и деятельностного подходов. В рамках традиций этих подходов разрабатывается гипотеза о воле как высшем уровне личностно-смысловой регуляции деятельности. Воля признается высшей психической функцией, наряду с другими высшими психическими функциями, такими, как внимание, память, мышление и другие. Воля, как и каждая высшая психическая функция, социальна по происхождению, произвольна и опосредована по способу функционирования и системна по своему строению. В этом исследовании методическим аппаратом служили методы самооценки и экспертной оценки волевых качеств личности.

Секция «Психология»

В исследовании респондентами выступили учащиеся общеобразовательной школы (77 человек), студенты философского факультета (18 человек), а так же эксперты для обеих групп (учителя, преподаватели, родители, сверстники). Возраст респондентов - (5 возрастных групп) – 6-8-лет, 11-13 лет, 15-17, 16-18 и 18-20 лет.

Результаты проведенного исследования следующие: 1) по отдельным волевым качествам эксперты проставляют оценки выше, чем сами учащиеся по тем же волевым качествам; 2) наибольшая согласованность оценок волевых качеств при самооценках и экспертных оценках наблюдается по качествам выдержка, терпеливый, физическое терпение; 3) выявлена тенденция снижения среднего балла волевых качеств, по мнению классного руководителя с возрастом учащегося. Некоторая согласованность оценок волевых качеств и при самооценках и экспертных оценках свидетельствует о сходстве в понимании содержания данных качеств людьми. Возможно, эти качества чаще всего используются при описании волевого поведения. За тенденцией понижения показателя среднего балла волевых качеств, по мнению классного руководителя с возрастом учащегося стоят разные причины. Так как классный руководитель оценивает школьника в основном по академической успеваемости, то можно предположить следующий вариант интерпретации данного явления. В старших классах учебная нагрузка на учащегося возрастает, некоторые учащиеся не справляются с ней, и педагог делает вывод о недостаточных усилиях, вкладываемых в учебный процесс учащимися, и, как следствие, складывается мнение педагога о слабости волевой регуляции поведения у учащихся.

Факторизация данных самооценки и экспертной оценки волевых качеств показала наличие двух более или менее устойчивых факторов в представлении людей, оценивающих уровень развития волевых качеств: фактор морально-волевой регуляции (качества принципиальный, самостоятельный, ответственный), и фактор собственно волевой регуляции (волевые качества – упорный, целеустремленный, решительный). Качества обязательность, самостоятельность, ответственность оцениваются выше других и по данным самооценок и по данным экспертных оценок. Волевые качества - выдержка, спокойный, терпеливый получают наименьшую оценку, как по данным самооценок, так и по данным экспертных оценок.

При использовании методов самооценки и экспертной оценки волевых качеств возникает вопрос: насколько достоверно полученные результаты отражают уровень развития отдельных волевых качеств и волевого развития личности в целом. Эти данные несут в себе, прежде всего, содержание представлений о самом себе или других людях, социальную желательность высокого уровня развития некоторых качеств и другую информацию, но эти представления основаны на реальных фактах поведения человека, особенностях и результатах его деятельности, которые отражаются в самооценках и экспертных оценках. И независимо от того, является ли это качество ситуативным проявлением в определенных действиях или устойчивой чертой личности человека, за реальным поведением стоит своя причина. К тому же в данном исследовании самооценки, экспертные оценки классного руководителя, преподавателя, студентов даются не по отдельно взятому действию, а по совокупности поведения за длительный период времени, оценки отражают именно устойчивые черты человека (или вернее представление о них).

Таким образом, можно сделать общий вывод: метод самооценки и экспертной оценки волевых качеств является достаточно адекватным средством измерения уровня волевого развития личности и отдельных волевых качеств для реальных групп людей.

Литература

1. Выготский Л.С. Собр. соч.т.1-3. М.1982-1983.
2. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 2006
3. Иванников В.А., Эйдман Е.В. Количественная оценка волевого усилия при напряженной физической работе. *Вопр.психол.*, 1986, №5.

4. Ильин Е.П. Психология воли, С-Пб, 2000.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
6. Шляпников В.Н. Дипломная работа на тему: «Психология самооценки волевых свойств личности». МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет психологии, 2004.
7. Интернет-ресурсы: www.psytest.ru

Экзистенциальный анализ переживания счастья

Гузеева Е.В.

Студент

Томский государственный университет,

Факультет психологии, Томск, Россия

E-mail: dwoeizlarza@yandex.ru

Счастье стало предметом научных исследований сравнительно недавно – около четырёх десятилетий назад. Масштабное изучение этого феномена началось лишь 10 лет назад с возникновением нового направления – позитивной психологии. К настоящему моменту накоплено огромное количество эмпирического материала о взаимосвязи уровня счастья с различными объективными и субъективными факторами.

Однако возрастающий интерес к данной проблеме таит в себе и некоторую опасность. Часто в СМИ и популярной литературе по психологии людям навязывается своего рода «гонка за счастьем», которое нередко отождествляют с получением удовольствий, с отсутствием трудностей любого типа, с внешним благополучием. По словам Эда Динера, появилась целая толпа людей, пытающихся убедить, что умеренного уровня счастья недостаточно, а такие естественные чувства, как печаль или грусть должны быть уничтожены. Сам учёный называет этот феномен «индустрией счастья» [3].

Кроме того, исследования счастья очень часто носят характер социологических. В большинстве случаев они основываются на применении количественных методов, которые, хотя и позволяют получить достоверные данные о взаимосвязи уровня счастья с различными показателями, всё же не проникают вглубь исследования феномена.

С учётом вышесказанного мы решили проводить наше исследование в рамках экзистенциального подхода, одной из особенностей которого является применение качественных методов исследования.

Методом сбора информации мы выбрали глубинное интервью (неструктурированное, предполагающее максимальную свободу изложения своих мыслей у респондента). Респондентами выступили 3 человека в возрасте от 19 до 22 лет.

В качестве метода обработки информации был использован экзистенциальный анализ, который представляет собой особый вид феноменологического метода, ориентированный на экзистенциальную тематику [1].

Проведённое исследование позволило выявить некие общие закономерности. Состояние счастья оказалось тесно связанным с переживанием ценностей, описанных В. Франклом [2].

Ценности творчества проявляются в наличии целей, а также в попытке их реализации. Эти ценности основываются на стремлении и способности человека преобразовывать окружающую реальность.

Ценности переживания выражаются в отношении человека к окружающему миру. Одним из важнейших их проявлений является любовь, как высшая форма человеческих взаимоотношений. Респонденты указывают на особую роль подлинно близких отношений в их жизни. Друзья позволяют им переживать тяжёлые периоды жизни, являясь важным источником поддержки. Кроме того, отношения со значимыми людьми являются для них особым смыслом жизни, придавая их поступкам ценность и значимость.

Человеку сложно (или даже невозможно) найти предельный смысл своих поступков и жизни в целом в чём-то, что заключено в нём самом. Достаточно вспомнить пример,

Секция «Психология»

приведённый В. Франклом: если глаз начинает видеть процессы, происходящие в нём, он не может уже полноценно функционировать. Нечто подобное характерно и для человека. Он должен быть направлен на что-то, находящееся вне его самого. И одним из важнейших аспектов этого «чего-то» являются другие люди.

Кроме взаимоотношений с близкими людьми к ценностям переживания относятся описанная респондентами способность восхищаться красотой этого мира.

Последний тип ценностей, описанный В. Франклом, - ценности отношения. Интересно, что именно им респонденты придавали наименьшее значение или даже вовсе не упоминали их.

Одна девушка указывала на важную роль «самовнушения» в её жизни. Она рассказывала, что стремление позитивно относиться к происходящим событиям позволяет ей сохранять внутренний мир, несмотря на внешние трудности.

В то же время, возможно, именно недостаточное понимание и проживание ценностей отношения делает для человека переживание счастья несколько неполным, неустойчивым. Респонденты подчёркивали, что некоторые внешние обстоятельства однозначно не позволяют им быть счастливыми (неудовлетворение базовых потребностей, проживание в данной стране и т.д.). Возможно, неспособность человека изменить своё отношение к трудностям, воспринимать их как некий вызов судьбы, на который они могут и должны ответить, делает его рабом внешних обстоятельств. Соответственно, и переживание счастья становится зависящим от объективных факторов, внешнего благополучия.

Следующий аспект, на который указывали респонденты, - значимость высшего смысла (быть примером для других, дарить радость окружающим) для субъективного благополучия. Для полноценной жизни человеку необходимо служить чему-то, что вне и выше его. Только в этом случае его существование приобретает для него безусловную ценность. Кроме того, наличие высших смыслов позволяет человеку принять конечность его существования, так как даёт уверенность, что те действия, которые он осуществляет в этом мире, не утратят своей ценности и после его смерти.

Также все респонденты указывали особую значимость нравственности, следования голосу совести для переживания счастья.

Они однозначно утверждают, что если и можно быть счастливым, несмотря на внешние неблагоприятные обстоятельства, то сохранять внутренний мир в случае, если поступки противоречат голосу совести, в принципе невозможно.

Объяснить источники столь важного значения совести для субъективного благополучия человека очень сложно, так как обычно совесть не является предметом психологических исследований. На наш взгляд, выделенный аспект очень важен. Все респонденты подчёркивают исключительную роль совести, в то же время, насколько нам известно, в эмпирических исследованиях счастья этот фактор никогда не рассматривался. Более того, мы не встречали упоминания о нём ни в одной из концепций счастья.

Наконец, последняя важная особенность отчётов респондентов – их противоречивость, неоднозначность, иногда – некоторая несогласованность. На наш взгляд, это лишь подчёркивает, насколько сложен изучаемый нами феномен счастья. Вряд ли человек может однозначно и полно определить, чем является для него это состояние, и, тем более – что является его источниками. Скорее всего, счастье относится к тем явлениям, которые никогда не будут постигнуты человеком, иначе за те тысячелетия, что человечество задавалось вопросом о нём, должно было бы уже возникнуть какое-то непротиворечивое, разделяемое большинством мнение. И всё же мы можем приближаться к его пониманию, раскрывать для себя всё новые и новые его аспекты.

Литература

1. Летуновский В.В. (2001) Экзистенциальный анализ: история, теория и методология практики [Электронный ресурс]: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2001. – 166 с. - Режим доступа: diss.rsl.ru, свободный.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла (1990) – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.

3. Шэррон Бенгли. Счастливы вместо (2008) // Русский Newsweek - 2008. - Вып. 8, с. 30 - 32.

Социально-психологические особенности этнической толерантности полиэтнического района (на примере учащегося города Палласовка Волгоградской области)

Гусякова А.В.⁸⁴

Студентка 4 курса факультета государственного и муниципального управления, специальности «Психология»

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», Волгоград, Россия

E-mail: anna-gusl@mail.ru

Современная практика межэтнического взаимодействия в России, распад Советского Союза и последующие межэтнические конфликты, как по периметру России, так и внутри ее, заставили психологов, социологов, политологов обратиться к проблеме этничности и этнической толерантности в поликультурных регионах.

На территории России много исторически сложившихся полиэтнических регионов, к которым, в частности, можно отнести Палласовский район Волгоградской области. По последним данным представители более 60 национальностей и народностей составляют его население. Важно отметить, что район находится на границе с Казахстаном и русские на его территории преобладают незначительно над казахами.

Цель данного исследования: изучить социально-психологические факторы и особенности личности, связанные с выраженностью этнической толерантности-интолерантности в межкультурном взаимодействии в полиэтническом районе России. В ходе изучения межэтнических отношений в г. Палласовке рассмотрению подлежат: уровень общей, этнической, социальной и личностной толерантности; типы этнической идентичности; величина социальной дистанции между этническими общностями; эмоциональный компонент этнических авто – и гетеростереотипов. Кроме того, одной из задач исследования было произвести сравнительный анализ результатов представителей двух наиболее многочисленных этнических групп района (русских и казахов).

Всего в исследовании приняли участие 58 человек в возрасте 14 – 18 лет (учащиеся восьмых – одиннадцатых классов одной из средних школ г. Палласовка) – 22 юноши и 36 девушек. Выборка является репрезентативной для Палласовского района Волгоградской области по национальному составу и включает представителей наиболее многочисленных этнических групп района (русских, казахов, татар, украинцев, немцев, чеченцев).

В ходе исследования были применены следующие методики: экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У.Солдатова, О.А.Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А.Шайгерова); опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У.Солдатова, С.В.Рыжова); модификация метода семантического дифференциала «Диагностический тест отношений» (Г. Солдатова); шкала социальной дистанции (Э.Богардус). Вторичная статистическая обработка данных исследования проводилась с помощью компьютерной программы SPSS 13.0. Для оценки корреляций использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, а для определения различий между группами русских и казахов – t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

По результатам проведенного исследования были получены следующие данные:

У 63,8 % опрошенных этническая толерантность находится на среднем уровне; у 27,6 % респондентов выявлен высокий уровень этнической толерантности; и у 8,6 % респондентов – низкий уровень.

У подавляющего большинства испытуемых (84,5 % опрошенных) преобладает *позитивная этническая идентичность* из 6 возможных типов; у 5,2 % респондентов наиболее выраженным типом этнической идентичности является *этноэгоизм*; *этническая*

⁸⁴ Автор выражает признательность к. психол. н., доценту кафедры психологии ВАГС Зиновьевой Д.М. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

индифферентность является преобладающей у 3,4 % испытуемых; также у 3,4 % опрошенных наблюдается *этноизоляционизм*; у 3,4 % респондентов наиболее выраженным типом оказался *этнофанатизм*; *этнонигилизм* не был выявлен ни у кого из обследуемых.

По оценке выявленных корреляций можно сделать вывод о существовании связи между *выраженностью этнической толерантности* и *выраженностью общей толерантности, социальной толерантности и толерантности как черты личности*.

Также *этническая толерантность* с двумя типами этнической идентичности имеет положительную связь и с тремя отрицательную. Таким образом, *выраженность этнической толерантности* связана с *позитивной этнической идентичностью* (что, скорее всего, обусловлено тем, что данный тип по определению предполагает сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам) и *этнической индифферентностью* (предполагающей размывание этнической идентичности, неактуальность этничности). *Выраженность этнической интолерантности* связана с *выраженностью* таких форм этнической гиперидентичности, как *этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм*, которые обусловлены трансформациями этнического самосознания, и могут отражать усиление деструктивности в межэтнических отношениях.

Кроме того, выявлена связь *этнической толерантности* с *близостью социальной дистанции по отношению к другим национальностям*, то есть более короткая субъективная дистанция по отношению к представителям других наций связана с *выраженностью позитивных чувств по отношению к ним*, что соответственно предполагает и большую терпимость.

С помощью математических методов было установлено, что показатели, отражающие уровень этнической, общей и социальной толерантности у респондентов-казахов оказались несколько выше, чем у опрошенных русских, но по уровню личностной толерантности указанные группы не отличаются. Также было установлено, что уровень этнической индифферентности несколько выше в группе казахов, а показатели этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма выше в группе русских.

По результатам исследования, группы русских и казахов не отличаются по величине социальной дистанции по отношению к другим нациям. Кроме того, наиболее короткая социальная дистанция, как у русских, так и казахов наблюдается по отношению к основным (наиболее многочисленным) национальностям, проживающим в исследуемом районе (первые пять мест в списке наций по степени близости социальной дистанции занимают в обоих случаях русские, казахи, татары, украинцы, немцы).

В связи с полученными результатами у нас возникло предположение, что более высокий уровень этнической толерантности, а также других связанных с ней показателей среди представителей казахской национальности можно отчасти объяснить тем, что в России казахи не являются титульным населением. Соответственно, проживая на ее территории, они хотя и сохраняют во многом особенности своей культуры, отчасти даже распространяя их на другие нации, все же вынуждены принимать особенности и стандарты страны, в которой живут, а соответственно и специфики иных наций здесь проживающих (в особенности титульного населения – русских), адаптироваться к ним, а соответственно и быть к ним более терпимыми (толерантными).

Литература

1. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С. 53.
2. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал, 2003, том 24, № 5, С. 31 – 44.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

4. Чернова О.В. Этническая толерантность старшеклассников: главные итоги эмпирического исследования // Журнал прикладной психологии. 2005. № 2 – 3. С.82 – 99.

Типология личностей с различной манипулятивной направленностью

Дзигилевич Н.В.

Студент

Омский государственный университет имени Ф.М.Достоевского, Омск, Россия

E-mail: zigzag_nadin@mail.ru

Понятие психологического влияния включает в себя широкий круг проблем, значительное место среди которых принадлежит феномену манипулятивного влияния. Манипулятивность как личностное свойство связывается с различными способами коммуникации, самоотношением, жизненными стратегиями личности.

Манипуляция, являясь видом социального психологического влияния, представляет собой достаточно сложное неоднородное явление, и в свою очередь может быть дифференцирована. При этом критерием классификации могут выступать признаки как наиболее общие, так и детально отражающие суть данного психологического явления. Так, в качестве критериев классификации может применяться структура манипуляции, степень осознанности манипулятивного поведения, мотивационная составляющая воздействия, а также особенности субъекта и объекта влияния. Но подавляющее большинство классификаций затрагивает в той или иной степени личностные особенности участников взаимодействия.

Теоретический анализ показывает, что в целом с манипулятивностью связываются, скорее, негативные личностные характеристики, такие как подозрительность, враждебность, напряженность, относящиеся к аффективной сфере. Кроме того, акцент ставится на ценностных ориентациях, в частности, на ценностях материальной сферы и статуса. При этом под манипулятивностью понимаются, скорее, установки, убеждения, направляющие человека на выстраивание манипулятивной коммуникации.

В то же время, в поведенческом компоненте манипуляция оценивается не столь однозначно. Акцент переносится с собственно умения манипулировать на желание либо потребность манипулировать (иногда вопреки сложившейся ситуации). При этом наибольшее внимание уделяется личностным особенностям манипулятора. Выделение в составе манипулятивности когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов позволяет рассмотреть проявления личностных характеристик и особенностей на каждом из представленных уровней.

Целью нашего исследования являлось изучение личностных характеристик лиц, склонных к манипулированию и составление типологии манипуляторов, включающей их психологические портреты, на основе выделения определяющих манипулятивность характеристик внутреннего мира человека.

Исследование включало ряд этапов: анализ теоретических источников, посвященных проблеме манипулятивной личности; выделение и проверка детерминант манипулятивности с помощью процедуры однофакторного дисперсионного анализа; разработка типологии манипулятивных личностей с помощью процедуры кластерного анализа и составление психологических портретов; выделение схем манипулятивного поведения с помощью анализа теоретических источников и эмпирических данных.

Выборка составила 215 человек. Из них в процедуре однофакторного дисперсионного анализа и в составлении типологии на основе применения кластерного анализа было задействовано 105 человек (из них 48 респондентов мужского пола и 57 респондентов женского пола), в анализе схем манипулятивного поведения – 110 человек (по 55 респондентов мужского и женского пола). При формировании выборки учитывались также возрастные характеристики. Критерием включения в выборку выступал уровень манипулятивности средний и выше среднего.

В ходе теоретического анализа нами были выделены следующие характеристики личности, учет которых представляется необходимым при разработке классификации:

Секция «Психология»

личностные черты, характеристики аффективной сферы (тревожность, агрессивность), характеристики потребностно-мотивационной сферы (ценностные ориентации и значимые сферы самореализации). Основной гипотезой исследования являлось предположение о том, что указанные характеристики являются факторами формирования манипулятивной направленности.

На втором этапе осуществлялась проверка данной гипотезы. При этом было выделено два основных компонента, оказывающих значимое влияние на формирование манипулятивности. Первый компонент представлен рядом личностных черт: тревожность ($F=2,7$; $p \leq 0,05$), самоконтроль ($F=3,2$; $p \leq 0,05$), напряженность ($F=3,0$; $p \leq 0,05$). При этом влияние тревожности и самоконтроля отражает линейную зависимость, характер влияния различается: при возрастании тревожности усиливается манипулятивность, при возрастании самоконтроля манипулятивность, напротив, снижается. Влияние фактора психологической напряженности носит более сложный характер, т.е. наиболее низкий уровень манипулятивности наблюдается при среднем уровне проявления данной черты; как при снижении, так и при повышении напряженности манипулятивность возрастает.

Второй компонент влияния связан с ценностными ориентациями личности: поддержание престижа ($F=5,4$; $p \leq 0,05$), материальное благополучие ($F=7,0$; $p \leq 0,001$), духовное удовлетворение ($F=2,8$; $p \leq 0,05$). Т.е. ценность престижа и материальной сферы приводит к возрастанию манипулятивности. Ценность духовного удовлетворения, напротив, снижает манипулятивную направленность личности.

На третьем этапе в ходе статистической обработки было выделено 4 кластера. В соответствии с этим представляется возможным выделить 4 типа личностей с различной манипулятивной направленностью: интеллектуализирующий (33,3 %), демонстративно-компетентный (28,6 %), трансферно-пассивный (21,9 %) и агрессивно-доминантный (16,2 %), - а также составить их психологические портреты. Однако составление психологических портретов выделенных типов осуществлялось на основе ряда признаков, выделенных в качестве значимых при подразделении на типы (кластеры).

Четвертый этап представлял собой анализ схем манипулятивного поведения, предпочтительных для каждого из выделенных типов манипулятивных личностей и уточнение на их основе составленных ранее психологических портретов. Также в описании типов привлекалась информация, полученная в ходе анализа теоретических источников (при описании схем манипулятивного поведения).

Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют о влиянии на уровень манипулятивности личностных черт, а также ценностных ориентаций. В то же время, на основании различий проявления детерминант манипулятивности, а также ряда других личностных особенностей возможно составление типологии личностей с различной манипулятивной направленностью с указанием предпочтительных для каждого типа схем манипулятивного поведения.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Механизмы манипулятивного воздействия. – М.: Че-Ро, 1997.
2. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. – 2002. – № 6.
3. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. – М.: Вече, 2003.
4. Рюмшина Л.И. Влияние манипулятивных установок личности на взаимопонимание // Мир психологии. – 2001. – № 3.
5. Шостром Э. Анти-Карнеги или Человек-манипулятор. – Мн.: ТПЦ «Полифакт», 1992.

Особенности социализации и сексуальной идентификации молодых людей гомосексуальной ориентации Капитонова В.А.¹

Студентка

*Волгоградская академия государственной службы, факультет государственного и муниципального управления, Волгоград, Россия
E-mail: de-leri@yandex.ru*

Проблема гомосексуальной ориентации и однополой любви является одной из самых обсуждаемых проблем, как в обществе, так и в науке. Известно, что за последние годы в сексуальном поведении и установках современных людей произошли большие изменения, вызывающие растущую социальную озабоченность. Причиной сдвигов в сексуальном поведении и половой морали являются социально-культурные изменения, проявляющиеся в сфере сексуально-эротических ценностей. Однако, сопровождающие эти сдвиги явления (сужение сферы запретного в культуре, популяризация вопросов относительно необычных форм сексуального поведения, рост терпимости по отношению к необычным формам сексуальности) не смягчают трудностей, с которыми сталкиваются люди гомосексуальной ориентации в процессе социализации и половой идентификации.

Не смотря на то, что ученые достаточно давно занимаются изучением причин гомосексуальной ориентации, однозначного ответа на этот вопрос в современной науке пока нет. Существует три гипотезы относительно данного вопроса: 1) Гомосексуальность дана индивиду изначально как неотвратимая судьба, индивидуальное развитие только обнаруживает и реализует то, что было заложено природой или сформировано в очень раннем детстве (психологическая теория М. Хиршфельда, психологическая теория З.Фрейда, биологическая теория, эндокринологическая теория, генетическая теория); 2) Она формируется средой и воспитанием: травматическими переживаниями детства, семейными условиями, сексуальным совращением подростка взрослыми или сверстниками (психологическая теория З. Фрейда, теория Д. Вайнрика, теория Д. Бема, теория И.С. Кон); 3) Она является результатом индивидуального саморазвития, более или менее сознательного выбора, это не судьба, а самоопределение (теория Р. Тройдена, теория И. С. Кон).

На основании вышеизложенных теорий мы гипотетически выделили ряд факторов социализации, имеющих связь с сексуальной ориентацией: уровень адаптивной функции, уровень личностной тревожности, уровень изолированности, уровень аффилиации.

Для эмпирического изучения вышеперечисленных факторов социализации и половой идентификации гомосексуалистов, нами было проведено исследование, в котором принимало участие 32 испытуемых в возрасте 20-30 лет, из них 16 являются людьми с гомосексуальной ориентацией (8 мужчин и 8 женщин) и 16 являются людьми с гетеросексуальной ориентацией (8 мужчин и 8 женщин).

С этой целью были выбраны следующие методики: для диагностики уровня адаптивной функции у гомосексуалов - опросник «Степень устойчивости к стрессу» Готвальд Ф.-Т. и Ховальд В.; для определения уровня социальной изолированности у людей гомосексуальной ориентации - опросник «Экстресс-диагностика уровня социальной изолированности личности» Д. Рассел и М. Фергюссон; для диагностики силы стремления к людям и страха быть отвергнутым у гомосексуалов - «Опросник аффилиации» А. Мехрабиан; для определения уровня тревожности у людей гомосексуальной ориентации - «Опросник Спилберга».

В результате исследования были получены следующие результаты:

- ✓ в целом более здоровая адаптивная функция у людей гетеросексуальной ориентации, нежели у людей обладающих гомосексуальной ориентацией;
- ✓ уровень социальной изолированности у гетеросексуалов более низкий, чем у людей гомосексуальной ориентации;
- ✓ сила стремления к людям у гомосексуалов находится на таком же высоком уровне, как и у гетеросексуалов, но при этом уровень страха быть отвергнутым у людей гомосексуальной ориентации находится на более высоком уровне, чем у людей гетеросексуальной ориентации;

Секция «Психология»

✓ люди, обладающие гетеросексуальной ориентацией, в большинстве своем, получают только удовольствие при общении с другими людьми и не испытывают при этом никакого внутреннего конфликта;

✓ чуть больше половины гомосексуалистов не испытывают ни положительных ни отрицательных эмоций при общении с людьми и чуть меньше половины людей с гомосексуальной ориентацией имеют внутренние конфликты при установлении контактов в социуме;

✓ уровень ситуативной и личностной тревожности у гомосексуалов выше, чем у людей гетеросексуальной ориентации.

Для выявления связи сексуальной ориентации с выделенными нами параметрами социализации мы использовали корреляционный анализ Спирмена (поскольку среди шкал были неметрические). В результате анализа была выявлена значимая связь ($p \leq 0,01$) между сексуальной ориентацией и: адаптивной функцией ($r=0,478$); страхом быть отвергнутым ($r=0,642$); наличием или отсутствием внутреннего конфликта ($r=0,822$); ситуативной тревожностью ($r=0,516$); личностной тревожностью ($r=0,754$).

На основе полученных данных, мы можем сделать вывод о наличии связи между параметрами социализации и сексуальной ориентацией.

Итак, проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что все люди гомосексуальной ориентации, участвовавшие в исследовании, оказались менее социализированы по выделенным нами критериями социализации, чем люди гетеросексуальной ориентации.

Литература

1. Кон, И.С. Введение в сексологию.— М.: Медицина, 1988.
2. Кон, И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви 2000. // Internet.- <http://neuro.net.ru/sexology/chapt1402.htm>.
3. Кон, И.С. Любовь небесного цвета. 2000. // Internet.- <http://neuro.net.ru/sexology/chapt1111.htm>.
4. Толстых, Н.Н. Психологическая диагностика / Н.Н. Толстых // Вопросы психологии - 2005.- № 3.
5. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст] / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Со. - М., 2002.-505с.

Базовые потребности как личностный конструкт и методика его изучения

Ковтун Ю.Ю.

студентка

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: kovtun_31@mail.ru

В числе традиционных проблем психологии вопрос о самодетерминации личности практически не обсуждается, хотя в последнее время активно разрабатывается теория самодетерминации Э.Деси и Р.Райана, но ни одна из работ не переведена на русский язык. В рамках данного направления под самодетерминацией понимается «ощущение и реализация свободы выбора человеком способа поведения и существования в мире независимо от влияющих на него сил внешнего окружения и внутриличностных процессов» (Дергачева О.Е.). В теории выделяется три группы потребностей – в автономии, компетентности и отношениях с другими людьми (связанности), являющихся врожденными, базовыми. Потребность в автономии заключается в стремлении быть

⁸⁵ Автор выражает признательность к. психол. н., доценту кафедры психологии ВАГС Прокофьевой Т.В. за помощь в подготовке тезисов.

Секция «Психология»

инициатором собственных действий и поведения. Потребность в компетентности включает понимание того, как достичь различных внешних и внутренних результатов и быть эффективным. Потребность в связанности включает установление надежной и удовлетворяющей индивида связи с другими людьми.

Для того, чтобы любая концепция заняла достойное место в пространстве психологического знания, помимо глубокого теоретического обоснования необходим надежный инструментарий. Авторами теории самодетерминации была создана методика, изучающая базовые потребности личности (Basic Need Satisfaction in General). Для того, чтобы стало возможным использовать данную методику в России необходимо провести процедуру ее культурной адаптации.

Процедура адаптации проводилась в следующей последовательности: на начальном этапе посредством нескольких независимых последовательных прямых и обратных (с английского языка на русский) переводов, экспертизы с участием специалистов в области русского и английского языков, а также психологов, была создана тест-версия опросника «Базовые потребности личности».

В дальнейшем мы изучили психометрические характеристики полученной методики. В исследовании приняли участие 400 студентов Курских ВУЗов в возрасте от 18 до 25 лет.

Используя метод факторного анализа, нами была получена трехфакторная структура русской версии методики «Базовые потребности личности», соответствующая структуре оригинальной версии. Полученный вариант методики имеет хорошие показатели надежности, коэффициент α Кронбаха составил 0,79.

В дальнейшем мы продолжили исследование и изучили взаимосвязь базовых потребностей личности (БПЛ) с другими психологическими особенностями. Мы предположили наличие взаимосвязи между БПЛ и осмысленностью жизни. Д.А.Леонтьев говорит о связи теологичности как конструкта, характеризующего смысловую сферу личности и автономии, как компонента базовых потребностей, в теории Деси и Райана. А также мы изучили взаимосвязь БПЛ и показателей жизнестойкости, категории, введенной С.Мадди (Maddi). Жизнестойкость определяется как «система установок или убеждений, в определенной мере поддающихся формированию и развитию – установки на включенность в противовес отчуждению и изоляции, установки на контроль за событиями в противовес чувству бессилия и установки на принятие вызова и риска в противовес стремлению к безопасности и минимизации напряжений» (Д.А.Леонтьев).

Для изучения особенностей смысловой сферы мы использовали тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А.Леонтьева, для изучения БПЛ – адаптированную версию опросника Э.Деси и Р.Райана «Basic Need Satisfaction in General», для изучения жизнестойкости – тест «Жизнестойкости» С.Мадди (в адаптации Д.А.Леонтьева).

Выборку составили 200 студентов Курских ВУЗов в возрасте от 18 до 25 лет. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0, с использованием критерия U-Манна-Уитни и R Спирмена.

В процессе статистической обработки полученных в ходе исследования данных были получены следующие результаты.

Показатель осмысленности жизни по тесту СЖО значимо положительно коррелирует со всеми БПЛ при $p < 0,01$: автономией ($R=0,49$), компетентностью ($R=0,64$) и связанностью ($R=0,47$). Кроме того, наблюдается наличие положительной корреляции между всеми БПЛ и всеми шкалами теста СЖО (цели, процесс, результата, локус-контроль-Я, локус контроль-жизнь).

Далее выборка была разделена на группы: с высоким и низким уровнями осмысленности жизни. При сопоставлении групп был использован U Критерий Манна-Уитни. Проведенные расчеты показали, что между группами с высоким, и низким уровнями осмысленности жизни имеют место статистически значимые различия по уровню автономии, компетентности и связанности.

Секция «Психология»

По тесту жизнестойкости все компоненты (вовлеченность, контроль, принятие риска) положительно коррелируют со всеми БПЛ при $p < 0,01$.

Таким образом, в результате проведенного эмпирического исследования, мы получили данные, отражающие связь удовлетворенности базовых потребностей личности, осмысленности жизни и жизнестойкости, что с одной стороны демонстрирует важность удовлетворенности базовых потребностей в жизни личности, формировании ее смысловой сферы, а с другой указывает на надежность разработанной русской версии опросника.

Жизненные стремления как личностный конструкт и методика его диагностики

Котельникова Ю.А., Ковтун Ю.Ю.

студент

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

kotelnikova_ua@mail.ru

Самодетерминация как предмет психологического анализа впервые встречается в работах экзистенциально ориентированных авторов в 40-80-х годах прошлого века (R.Harre, A.Bandura). В современной отечественной психологии вопросы самодетерминации личности раскрываются в работах Леонтьева Д.А., Кузьминой Е.И., Чиркова В.И. и др. В работах Эдварда Деси (Edward L.Deci) и Ричарда Райана (Richard M.Ryan) самодетерминация рассматривается как ощущение свободы по отношению как к силам внешнего окружения, так и к силам внутри личности. Авторы считают, что человек способен ощущать и реализовывать в своем поведении свободу выбора независимо от влияющих на него сил внешнего окружения и внутриличностных процессов.

Самодетерминация личности тесно связана с различными психическими явлениями: мотивацией, волей, потребностями, автономией, самореализацией (Коростылева Л.А.), целями и ценностями (Kasser T., Williams G. C., Sheldon, K. M., Леонтьев Д.А., Донцов А.И., Додонов Б.И., Ш.Бюллер). Работы Коростылевой Л.А. по психологии самореализации личности раскрывают пути для исследования ценностей человека в области самореализации. В контексте теории самодетерминации Деси и Райана одно из приоритетных мест занимает исследование жизненных целей и ценностей с помощью методики «Aspirations Index» (AI) («Индекс стремлений»). Недавние исследования американских психологов выявили две группы жизненных ценностей. Внутренние стремления, как жизненные цели - личностный рост, привязанность и любовь (общение), служение обществу и здоровье. Внешние стремления - материальное благополучие, социальное признание через популярность (известность) и физическая привлекательность (внешность).

Для выявления личностных коррелятов жизненных стремлений нами было проведено эмпирическое исследование, которое также выступило одним из этапов создания русской версии опросника «Индекс стремлений» (AI). Мы воспользовались согласованной версией из нескольких независимых прямых и обратных переводов. Внутренняя согласованность пунктов опросника по коэффициенту α – Кронбаха составляет 0,96.

Мы рассмотрели следующие личностные характеристики: особенности смысловой сферы (по тесту «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д.А.Леонтьева); временной перспективы (по опроснику Ф.Зимбардо (ZTP1) (в адаптации А.Сырцовой) и временных установок (по шкале Ж.Нюттена и У.Ленса (ШВУ); уровня рефлексивности (по опроснику А.В.Карпова); жизнестойкости личности (по тесту Д.А.Леонтьева).

В исследовании приняли участие 188 испытуемых, студентов Курских ВУЗов в возрасте 18-25 лет. Расчеты проводились с помощью статистического пакета STATISTICA 6.0, корреляционного анализа r-Спирмена.

В процессе статистического анализа был получен ряд значимых корреляций на основании были сделаны выводы.

Секция «Психология»

Показатели богатства и известности как жизненных ценностей в методике АІ значимо положительно коррелируют с позитивной временной установкой на будущее (ШВУ) ($r=0,16$; $p=0,02$) ($r=0,16$; $p=0,03$). Обнаружена отрицательная корреляция шкалы «Богатство» (АІ) с рефлексивностью ($r=-,019$; $p=0,008$), ориентацией на негативное прошлое ($r=-0,17$; $p=0,02$) и фаталистическое настоящее (ZТPI) ($r=-,018$; $p=0,01$).

Отмечается положительная корреляция шкалы «Известность» (АІ) с позитивной временной установкой на настоящее (ШВУ) ($r=0,17$; $p=0,02$).

Были обнаружены значимые положительные корреляции показателя внешности как жизненной ценности в методике АІ с гедонистическим настоящим (ZТPI) ($r=0,23$; $p=0,001$). Между шкалой «Контроль» теста жизнестойкости и показателем внешности («АІ») имеет место отрицательная корреляция ($r=-0,15$; $p=0,04$).

Показатели богатства, известности и внешности как жизненных ценностей в методике АІ значимо положительно коррелируют с гедонистическим настоящим (ZТPI) ($r=0,25$; $p=0,0006$) ($r=0,29$; $p=0,00004$) ($r=0,23$; $p=0,001$). Шкалы «Богатство» и «Известность» имеют положительные корреляции со всеми показателями жизнестойкости, а шкалы «Известность» и «Внешность» положительно коррелируют с позитивной временной установкой на прошлое (ШВУ) ($r=0,27$; $p=0,0002$) ($r=0,27$; $p=0,0002$).

Показатель «Личностный рост» в методике АІ имеет положительные корреляции с позитивным прошлым ($r=0,18$; $p=0,01$) и будущим (ZТPI) ($r=0,14$; $p=0,05$). Обнаружена также положительная корреляция личностного роста как ценности с позитивными временными установками на прошлое ($r=0,28$; $p=0,0001$), настоящее ($r=0,27$; $p=0,0002$) и будущее (ШВУ) ($r=0,15$; $p=0,004$).

Были обнаружены значимые положительные корреляции шкалы «Отношения» (АІ) с позитивным прошлым (ZТPI) ($r=0,24$; $p=0,001$) и позитивной временной установкой на прошлое ($r=0,22$; $p=0,002$), настоящее ($r=0,39$; $p=0,000001$) и будущее (ШВУ) ($r=0,32$; $p=0,00001$).

Позитивная установка на прошлое (ШВУ) значимо положительно коррелирует со шкалой «Общество» методики АІ ($r=0,24$; $p=0,001$), которая в свою очередь имеет положительную корреляцию с рефлексивностью ($r=0,33$; $p=0,000005$), гедонистическим настоящим ($r=0,19$; $p=0,009$) и будущим (ZТPI) ($r=0,22$; $p=0,002$).

Показатель здоровья как жизненной ценности в методике АІ значимо положительно коррелирует с будущим (ZТPI) ($r=0,22$; $p=0,003$) и позитивной временной установкой на прошлое ($r=0,32$; $p=0,00001$), настоящее ($r=0,37$; $p=0,000001$) и будущее (ШВУ) ($r=0,36$; $p=0,00001$).

Показатели «Личностный рост», «Отношения» и «Здоровье» в методике АІ имеют отрицательную корреляцию с негативным прошлым ($r=-0,20$; $p=0,006$) ($r=-0,19$; $p=0,009$) ($r=-0,25$; $p=0,0006$) и положительную корреляцию с гедонистическим настоящим (ZТPI) ($r=0,25$; $p=0,0005$), ($r=0,23$; $p=0,002$), ($r=0,17$; $p=0,02$). Обнаружена также положительная корреляция личностного роста, отношений, общества и здоровья как ценностей со всеми шкалами теста жизнестойкости.

Отмечается положительная корреляция осмысленности жизни со всеми шкалами теста АІ: «Богатство» ($r=0,35$; $p=0,000001$), «Известность» ($r=0,23$; $p=0,001$), «Внешность» ($r=0,21$; $p=0,004$), «Личностный рост» ($r=0,34$; $p=0,000002$), «Отношения» ($r=0,32$; $p=0,000008$), «Общество» ($r=0,27$; $p=0,0002$), «Здоровье» ($r=0,26$; $p=0,0003$).

В результате проведённого эмпирического исследования мы получили данные, согласно которым люди, обладающие долгосрочными целями и стремлениями, имеют большую осмысленность жизни. При большей выраженности у человека внешних стремлений (известности и богатства) преобладает ориентация на позитивное будущее и гедонистическое настоящее. Люди же с большей выраженностью внутренних стремлений склонны позитивно воспринимать всю свою жизнь. Преобладание у человека внутренних или внешних стремлений влияет на уровень рефлексивности. При превалировании

внутренних стремлений возрастает уровень рефлексивности, а в случае преобладания внешних – снижается. Более развитая жизнестойкость также отмечается случае преобладания внутренних стремлений.

Разработка и апробация диагностического опросника «профиль патриотизма»

Лыскова А.В.

студент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

г. Москва, Россия

natis51@yandex.ru

Для счастья человеку необходимо славное Отечество

Симонид Кеосский

Безусловно, государство и общество крайне заинтересованы в высоком уровне патриотизма граждан, так как без патриотической мотивации – деятельной заинтересованности в процветании своей страны невозможно прогрессивное развитие государства. Однако и сам человек испытывает потребность в патриотических переживаниях. По данным недавнего опроса 1500 респондентов, проживающих в 100 населенных пунктах России, более половины россиян (57%) считают себя патриотами [2]. Можно сказать, что в процессе формирования и актуализации патриотических чувств встречаются интересы личности и его социо-культурного окружения.

Патриотизм как характеристика личности, содержанием которой является чувство позитивного отношения к Родине устойчивое к воздействию негативных ситуативных факторов, еще не достаточно исследован в психологии, несмотря на то, что является предметом изучения ряда общественных наук: философии, социологии и политологии. Американскими психологами М.Сильвером и Л.Сильвер [] была предложена 5-факторная структура патриотизма, включающая в себя: 1) Единство; 2) Гордость; 3) Переживание своей типичности как представителя нации; 4) Эмоциональную вовлеченность; 5) Значимость принадлежности к общности как аспекта переживания своего «я». На основе данной модели для оценки уровня патриотизма наиболее широко используется шкала патриотизма Костермана и Фешбаха (Patriotism Scale, Kosterman & Feshbach; 1989), которая включает в себя 12 пунктов. Среди других диагностических методик можно указать, например, шкалу патриотизма Салливана и Фрида (Patriotism scale, Sullivan J., Fried A., 1992) и шкалу патриотизма ANES (1987).

Однако, по нашему мнению, важнейшей характеристикой патриотизма является его дифференциация по направленности. Объектом патриотических чувств могут выступать государство, народ, земля (территория) и культура. В соответствии с этим, личность может обладать различным уровнем выраженности державного, национального, территориального и культурного патриотизма. Целью нашей работы стала разработка диагностической методики для выявления индивидуального профиля направленности патриотизма, учет которого является крайне важным при экспертизе пригодности человека к социально значимым профессиям и в разработке индивидуализированных программ повышения патриотизма адресованных различным целевым аудиториям.

На стадии разработки опросника в исследовании приняло участие 144 респондента в возрасте от 24 до 88 лет (86 женщин и 58 мужчин, средний возраст 41 год). Все респонденты имели образование не ниже среднего.

Был разработан опросник состоящий из 73 пунктов, которые по экспертным оценкам охватывают различные объектные направления патриотизма, а так же относятся к возможным антипатриотическим переживаниям респондентов (патриотический нигилизм). В качестве примеров созданных пунктов приведем следующие: «Меня

Секция «Психология»

раздражает, когда государственную символику используют для продвижения товара сомнительного качества», «Я горд, что Олимпиада 2014 состоится в России», (державный патриотизм), «Мнение о том, что русские женщины самые красивые, кажется мне обоснованным», «Когда я думаю о событиях русской истории, порой мне кажется, что я пережил их сам», «Русская смекалка выручает даже в безвыходных ситуациях» (национальный патриотизм), «В случае угрозы целостности государства каждый человек обязан встать на защиту Родины», «Я испытываю привязанность к местам своего детства» (территориальный патриотизм), «Я считаю, что детей нужно учить традиционной русской культуре», «Мне больно слышать, когда коверкают русский язык», «Я считаю, что необходимо снимать больше фильмов об отечественной истории» (культурный патриотизм), «Я считаю, что необходимо воспользоваться возможностью работать за рубежом» (патриотический нигилизм)

Анализ распределений по шкалам показывает, что результаты по каждой шкале вполне согласованны, эксцесс и асимметрия находятся в пределах значений + 1. Оценка внутренней согласованности теста производилась посредством расчета альфа-коэффициента Кронбаха. Для проверки внешней валидности опросника использовалась методика «Линия жизни» (Нуркова), методика диагностики ведущей функции АП (Нуркова, Василевская), методика «Многофакторное исследование толерантности». (Бабаева, Сабадош), методика «Опросник субъективного отчуждения» (Леонтьев, Осин). Испытуемых просили так же указать 10 наиболее значимых для них событий отечественной истории и описать те исторические события, участниками, очевидцами, современниками или наследниками которых они себя ощущают и выразить образ России в метафоре.

Суммарные баллы по шкалам патриотизма положительно, а суммарные баллы по шкале патриотического нигилизма отрицательно коррелируют с возрастом респондентов. У испытуемых, которые продуцируют позитивную метафору России более высокие баллы по шкалам патриотизма и низкие баллы по шкале патриотического нигилизма. Суммарные баллы по шкалам патриотизма значимо коррелирует с вероятностью спонтанного включения исторических событий в качестве судьбоносных в результаты выполнения методики «Линия жизни».

Литература

7. Иванова С. Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. - Изд-во СГУ, Ставрополь, 2004.
8. Лысикова А.В. Разработка опросника «Особенности структуры патриотизма // курсовая работа 5 курса, факультет психологии МГУ им.М.В.Ломоносова, Москва, 2008.
9. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности, М. 2000.
10. Общероссийский опрос населения по репрезентативной выборке 1500 человек в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. 12-13 января 2002 года (<http://www.fom.ru/survey/dominant/343/853/2772.html>).
11. Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение: Сборник статей // Под ред. Ю. П. Зинченко, Л. В. Матвеевой, Москва, 2008.
12. Kosterman, R. & Feshbach, S. (1989). Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes// Political Psychology, 10(2): 257-274.
13. Leonie Huddy, Nadia Khatib American Patriotism, National Identity, and Political Involvement, American Journal of Political Science, Vol. 51, No. 1, January 2007, Pp. 63–77 <http://ms.cc.sunysb.edu/~lhuddy/Huddy&KhatibAJPS%202007.pdf>
14. Silver Michael D., Silver Lisa A. American national identification among college students before, during, and after september //Psicología Política, N° 27, 2003, 59-77

Феноменологический план понятия «межпоколенная толерантность»

Толерантность, выступая в качестве одного из средств снятия конфликта и развития форм сосуществования, взаимодействия в человеческом общении, определяет диапазон сохранения различий общностей в быстро изменяющейся действительности [2]. В настоящее время проблема толерантности активно обсуждается одновременно в философии, социологии, психологии, культурологии, политологии, педагогике. Внимание исследователей обычно привлекают аспекты, связанные с межэтническим и межконфессиональным взаимодействием. Исследования же не менее значимой межпоколенной толерантности в ситуации тенденции смещения характера взаимоотношений между представителями различных поколений в сторону неуважительных отношений на сегодняшний день практически отсутствуют [3], в связи с чем, данное понятие не только не разработано в рамках социальной психологии, но и не определено его структурное наполнение, а также механизмы, лежащие в его основе.

Итак, осознание недостаточной теоретической и практической разработанности проблемы, решение которой отвечало бы потребностям современного состояния психологической науки и практики, может выступать обоснованием необходимости ее изучения.

На основе анализа литературы по проблеме толерантности (в частности, межгрупповой) и межпоколенных отношений мы склонны подходить к межпоколенной толерантности как к социально-психологическому феномену, возникающему в результате сосуществования поколений, причем, этот феномен является необходимым условием для современного развития общества. По наличию толерантных отношений обычно судят по внешнему, поведенческому уровню, то есть при фиксации уважительных отношений к представителям другого поколения, лояльности к их поведению, проявления сотрудничества в решении вопросов межпоколенного взаимодействия. Но это только внешняя, видимая часть «айсберга» межпоколенной толерантности основу которой составляют образования и механизмы протекающие в скрытых когнитивных структурах.

Таким образом, в структурном плане мы предлагаем рассматривать межпоколенную толерантность с помощью традиционной схемы, включающей в себя три компонента:

- Когнитивный компонент, как суждения, мнения, представления относительно своего и другого поколения;
- Эмоциональный компонент, как эмоциональное отношение (принятие – неприятие) другого поколения;
- Поведенческий компонент, как стратегии взаимодействия по отношению к представителям другого поколения.

Три указанных компонента являются взаимосвязанными. Когнитивный компонент представляет собой своеобразное информационное «поле» из которого извлекаются необходимые сведения, связанные с возникшей ситуацией. Как правило, ситуация вызывает определенные эмоции. Возникает когнитивно-эмоциональное образование, то есть своего рода эмоционально окрашенные знания, необходимые для поведенческой готовности и поведенческих программ. Отсюда, ясна основополагающая роль когнитивного компонента межпоколенной толерантности в структуральной схеме данного понятия.

Когнитивный компонент межпоколенной толерантности уместно рассматривать через теорию социальных представлений С. Московичи [4], согласно которой, в своих когнитивных актах человек всякий раз актуализирует скрытое социальное представление,

⁸⁶ Автор выражает признательность доценту, канд. психол. наук Н.В. Оглезневой за помощь в разработке данного понятия.

Секция «Психология»

поскольку он ничего не познает «из себя», его познание опирается на социальный опыт. Таким образом, социальные представления – основной элемент группового сознания, в них выражено отношение определенной группы к тому или иному объекту [5]. То есть, это та часть индивидуальных сознаний, которая типична для представителей одной и той же социальной группы, в том числе и для поколений.

В таких социальных представлениях относительно поколений всегда будут фигурировать образ «мы» и образ «они». Включение в совокупность этих представлений и еще одного элемента – представлений других к своему поколению исходит из того, что в сознании существует своеобразная способность «отклика», то есть ожидание, предвидение отношения других, которое можно считать показателем сохранности связей людей между собой, а также о роли мнений, оценок других для укрепления своей позиции [1].

Исходя из вышесказанного, содержание когнитивного компонента межпоколенной толерантности с позиции каждого поколения можно рассматривать как единство трех переменных: представлений «мы-поколение», «они-поколение» и субъективных представлений о своем поколении с точки зрения другого поколения – «мы-поколение глазами они-поколение».

В качестве основного механизма, лежащего в основе когнитивного компонента межпоколенной толерантности может выступать идентичность с тем или иным поколением. Принадлежность к поколению или обществу в целом и различия между поколениями, определяемые данными представителями способствуют объяснению, почему социальные представления этих групп имеют именно данную форму.

Таким образом, с помощью представленной схемы мы определяем межпоколенную толерантность как социально-психологический феномен, возникающий в результате сосуществования поколений в обществе, представляющий собой когнитивно-эмоциональное образование по отношению к представителям другого поколения, базирующийся на механизмах принадлежности и различий и проявляющийся на поведенческом уровне.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А., Гордиенко Е.В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. 2001. Том 22. №5. С.38-47.
2. Асмолов А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Психология образования: проблемы и перспективы. Материалы 1-й международной науч.-практ. конф. М.: Смысл, 2004.
3. Бардьер Г.Л. Социальная психология толерантности: Автореф. дисс.... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург, 2007.
4. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии М., 1987.
5. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М. 2000.

Предпосылки возникновения поступка с точки зрения культурно-деятельностного подхода

Марюков А.М.

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
e-mail: almmar@mail.ru*

Поступок – полимотивированное действие, в котором смыслообразующий мотив имеет положительный заряд и направлен на решение создаваемых жизненных задач другого индивида, социальной группы или общества в целом, а мотивы-стимулы имеют отрицательный заряд. Под смыслообразующим мотивом мы понимаем мотив, который побуждает, направляет деятельность и придает ей личностный смысл [2; 154]. Под

Секция «Психология»

мотивом-стимулом – мотив, выполняющий роль побудительного фактора (положительного или отрицательного), но лишенный смыслообразующей функции [2; 154]. Жизненная задача – это задача, которая должна быть решена системой, для того чтобы она могла поддерживать свое существование или развиваться [1; 26]. Под сознанием жизненной задачи мы понимаем отражение объективно существующей жизненной задачи индивидом в главных системообразующих характеристиках имеющегося у него образа мира (подробнее о подходах к исследованию поступка и предложенном определении см. [3]).

Мы считаем, что процесс генезиса, т.е. происхождения и развития, биологических и социальных систем разумно рассматривать в категориях «вызова» и «ответа». Жизнь бросает биологическим и социальным системам «вызовы» в виде новых жизненных задач, решение которых необходимо для их дальнейшего функционирования и развития. «Вызовы», которые бросает жизнь, «заставляют» биологические и социальные системы развиваться, изменять свою структуру, формировать и достраивать механизмы, которые бы позволяли решать возникшие жизненные задачи. Таким образом, появление новых жизненных задач является предпосылкой, т.е. предварительным условием возникновения, качественно новых органических, психических и социальных функций, структур, форм активности и т.п.

В соответствии с предлагаемым подходом, поиск предпосылок возникновения поступка, требует ответа на вопрос: ради решения каких жизненных задач возникает поступок?

Мы считаем, что *необходимость в поступке появляется в ситуациях социального кризиса, при решении критических жизненных задач*. Чтобы прояснить выдвинутый тезис и определить используемое понятие «критическая жизненная задача», остановимся на некоторых общих особенностях функционирования и развития социальных систем.

Для решения жизненных задач различных социальных систем люди в своей деятельности реализуют определенные функции. В случае «нормального» развития социальной системы общество за реализацию функции обеспечивает индивида благами, возможность получения которых становится мотивом их деятельности. В качестве таких благ может выступать уровень заработной платы, престижность профессии, властные полномочия и т.д. Чем важнее для общества выполнение той или иной социальной функции, тем больший уровень благ оно готово предложить за ее реализацию.

Период «нормального» функционирования социальной системы характеризуется двумя важными, в контексте нашего исследования, моментами:

1. Реализация индивидом своей социальной функции приводит к решению определенных жизненных задач социальной системы⁸⁷. При этом сам индивид может не осознавать, как именно выполнение им своей функции позволяет решить жизненные задачи социальной системы (например, рабочий на конвейере может не знать всех тонкостей производства и особенностей экономической политики предприятия, на котором он работает. А между тем, выполнение им своей работы вносит конкретный вклад в решение жизненных задач, необходимых для сохранения и развития его предприятия).

2. Реализация индивидом своей социальной функции приводит к получению им определенных благ (например, рабочий на конвейере получает за выполненную работу заработную плату, которая выступает одним из мотивов его деятельности).

Ситуация резко меняется в кризисные моменты развития социальной системы. Для периода кризиса характерно возникновение жизненных задач, обладающих следующими особенностями:

⁸⁷ Собственно функция возникает в процессе культурно-исторического развития системы как способ решения типовых проблем традиционно принятым образом.

Секция «Психология»

1. Образцы, правила, схемы поведения, которые были эффективны в период «нормального» функционирования социальной системы, оказываются недейственными; выполнение индивидом своих социальных функций не ведет к решению жизненных задач социальной системы;

2. Реализация своих функций субъектами данной социальной системы непосредственно не приводит к получению ими благ, возможность приобретения которых выступала в роли мотива (смыслообразующего или мотива-стимула) их деятельности.

Жизненные задачи, обладающие данными признаками, мы и называем критическими.

Благодаря поступкам часто открывается возможность решить жизненные задачи социальной системы в кризисные моменты ее развития, поэтому поступок можно рассматривать как *один из* выработанных в процессе культурно-исторического развития способов преодоления кризисной ситуации социальной системой.

Реализуя поступок, человек жертвует своими интересами для реализации общественных идеалов и ценностей. Поэтому поступки возникают только тогда, когда группа, переживающая кризис, реализует в своей деятельности идеалы и ценности, имеющие высокую значимость для ее представителей⁸⁸. В этом плане поступки позволяют «удерживать», сохранять ценности и идеалы, имеющие высокую социальную значимость, и становятся после своей реализации их символами.

Литература

1. Иванников В.А. Проблема потребности в теории деятельности // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 1983. № 2.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004.
3. Марюков А.М. Деятельностный подход к исследованию поступка // Вопросы психологии, 2008, № 6, с. 3–12.

Методы исследования внутренней коммуникации личности

Мацута В.В.

сотрудник факультета психологии

Томский государственный университет, Томск, Россия

e-mail: matsuta-vv@mail.ru

Личность в коммуникативном подходе В.И. Кабрина рассматривается как субъект внешнего межличностного коммуникативного мира и внутреннего духовного коммуникативного мира, в котором она поддерживает и развивает коммуникативные и ментальные структуры своего «Я». Коммуникация понимается как сущностная основа жизненного процесса, внешней стороной которого является общение человека с миром. Аутокоммуникацию следует понимать как внутреннюю сторону жизненного процесса, как процесс, «высвечивающий» внутренний коммуникативный мир человека.

Внутренняя коммуникация или аутокоммуникация – это коммуникация, замкнутая на одном субъекте, выступающем одновременно и коммуникатором и реципиентом – и создателем и получателем «сообщения». В сознании человека реализуется процесс общения между различными «элементами» его «Я», между ним и представляемым собеседником.

Кажется, что аутокоммуникация есть воспроизведение себя в максимально возможной степени, поскольку носителем коммуникативной ситуации является один человек. Как

⁸⁸ Так, например, если кризис будет переживать коммерческая организация, целью которой является только зарабатывание денег, то ее сотрудники просто разбегутся. Блага, которые предоставляла организация, за выполнение определенной функции, уже не предоставляются, а идеалов и ценностей, ради которых можно было бы пострадать, нет.

Секция «Психология»

известно, коммуникация между идентичными системами не имеет смысла. Однако аутокоммуникация возможна, поскольку ее субъекты различны – они не тождественны в психологическом смысле, так как обладают разными смысловыми позициями.

В соответствии с положениями коммуникативного подхода В.И. Кабрина, в аутокоммуникации человек может быть одновременно или последовательно: субъектом общения (генератором коммуникативной ситуации как смыслового пространства); партнером (как человек, вовлекающийся в смысловое пространство другого субъекта); предметом или темой общения, а также средством общения (комплексом знаков и жестов, с помощью которых до партнера доносится смысловое содержание).

При изучении аутокоммуникации анализу подвергаются ее вербализованные формы. Поэтому для ее исследования приоритетным является использование качественных методов. Однако любое исследование, претендующее на достоверность и надежность результатов, не может обойтись без количественных методов. Поэтому в нашем исследовании методами сбора эмпирических данных помимо анализа документов и проективного метода, послужили тестирование и опрос. Средством получения информации послужили опросники, дневниковые записи, рефлексивные самоотчеты и проективные рисунки. В исследовании приняли участие 325 человек (171 женщина и 154 мужчины) в возрасте от 27 до 42 лет – психологи, сотрудники правоохранительных органов и представители сферы услуг.

В текстах респондентов мы обнаружили признаки экзистенциального внешнего и внутреннего общения, стремления человека к рефлексивному, диалогическому общению, а также глубину самопознания, признаки внутреннего раскрытия себя другому и стремление понять собеседника в его внутренней жизни.

С помощью Методики диагностики коммуникативно-характерологических особенностей личности, разработанной Л.И. Уманским, И.А. Френкелем, А.Н. Лутошкиным, А.С. Чернышевым, и Методики личностного дифференциала, адаптированной в НИИ им. В.М. Бехтерева, были обнаружены коммуникативно-характерологические черты, проявляемые человеком во внутренней и внешней коммуникации, а также его отношение к себе и другим, уровень самоуважения и самооценки, степень уверенности в себе.

Проективный графический тест «Автопортрет», разработанный Р. Бернсом и адаптированный Е.С. Романовой и С.Ф. Потемкиной, был использован в качестве дополнительного метода исследования личности. В нашей работе он позволил обнаружить отношение человека к себе как партнеру общения, его коммуникативные позиции и эмоции, переживаемые во внутреннем и внешнем общении.

В результате проведения контент-анализа текстов, применения вышеописанных методик и Метода моделирования коммуникативного мира, разработанного В.И. Кабриным в соответствии с методологией коммуникативного подхода, были выявлены основные характеристики аутокоммуникации: коммуникативные доминанты, формы, темы и партнеры внутреннего общения.

Коммуникативная доминанта – это целевая характеристика аутокоммуникации, задающая тему, партнера и форму общения. Например, доминанта социальной антиципации задает тему – планирование, моделирование деятельности или общения, репетиция поведения, проживание определенных ситуаций, партнера – образ значимого или вымышленного другого, и форму общения – диалог или полилог.

Основные формы аутокоммуникации – монолог, диалог и полилог. Партнеры внутренней коммуникации – образ реального человека, абстрактный, обобщенный образ другого – «виртуальный партнер», «вымышленный собеседник». Центрированная аутокоммуникация реализуется при общении с собой, «частью Я», «образом Я» или субличностью. Децентрированная – при общении с образом реального человека или вымышленным собеседником.

Основные темы внутренней коммуникации: природа человека, внутренний мир, жизненная философия, мироустройство, творчество, духовные ценности, деятельность и

Секция «Психология»

взаимоотношения с другими. Тема зависит от потребности человека, для удовлетворения которой и актуализируется внутреннее общение.

Внешне внутренняя коммуникация выражается в мимике, жестах и так называемых «мыслях вслух».

Результаты нашего исследования показали существование разнонаправленных соотношений внутренней и внешней коммуникации, обусловленных содержанием и качеством коммуникативного мира. Под содержанием коммуникативного мира понимаются темы и партнеры общения. Под качеством – эмоциональность и эффективность общения. Внутренняя коммуникация может компенсировать дефицит межличностного общения, являясь его замещением или продолжением, являться уходом от негативного общения, что выражается в самоизоляции человека, или стимулировать интенсивное общение, если она имеет негативный характер переживаний. Кроме того, аутокоммуникация интенсифицируется при наличии проблем в различных сферах жизнедеятельности.

Литература

1. Общение с самим собой. Коммуникативное измерение в психологической антропологии / Под науч. ред. В.И. Кабрина. Томск: Иван Федоров, 2007.
2. Переживание неаутентичности в аутокоммуникации (в соавт. с Судневой О.Ю.). Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации. Томск: Томский государственный университет, 2006. № 91.
3. Типы аутокоммуникации личности. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006.

Компетентностный подход к оценке мотивации достижений

Метнева С.Б.

аспирант

Психологический институт РАО, Москва, Россия

metneva@list.ru

Компетентностный подход, основателями которого являются Д.МакКлелланд и Р.Бояцис, возникает как альтернатива тестовому подходу к прогнозу успешности профессиональной деятельности и успешности карьерного роста [1,5]. Термин “компетенции” мы вслед за Д.МакКлелландом и Р.Бояцисом понимаем как “обобщенные” (“глобальные”) характеристики человека, причинно связанные с эффективностью выполнения работы. Р.Бояцис в своем исследовании доказывает существование причинно-следственной связи некоторых тестовых показателей с компетенциями и закономерную связь некоторых компетенций (см. ниже) с эффективностью работы менеджеров государственных и коммерческих организаций.

Цель нашего исследования – сопоставление некоторых результатов Р.Бояциса и результатов обследований различных факторов мотивации достижений [3, 6, 7].

В наших исследованиях методом оценки компетенций является центр оценки, проведенный в соответствии с технологией ЛАСПИ [2], включающей самопрезентацию, психометрические личностные тесты, ситуационно-поведенческие тесты и биографическое интервью. Нами был проведен также пиктографический анализ материалов самопрезентации и проективные тесты (ТАТ Г.Мюррея (картинки № 2(общ), 6(муж), 17(муж)), ТАТ Х.Хекхаузена). Эмпирическое исследование проводилось на материалах обследования двух студенческих групп: группы учащихся МИЭМ (физический факультет) и группе учащихся ЧФ МГУ (различные факультеты), членов студенческой организации AIESEC, кандидатов, готовящихся к деятельности руководителей различных организаций.

Для создания пиктографической методики оценки мотивации достижений нами были отобраны 227 бланков самопрезентаций из реальных консультационных проектов по отбору кадрового резерва топ-менеджеров промышленных предприятий корпорации ОМЗ,

Секция «Психология»

проведенных при помощи технологии ЛАСПИ. Из этого массива были выделены семь пиктографических иллюстраций образа достижений (далее ПОД), встречавшихся в 47% иллюстраций самопрезентаций. В пилотажном исследовании анализ текстов самопрезентаций и биографических интервью были выделены вербальные образы достижений (ВОД). Надежность и валидность оценки мотивации достижения при помощи критериев ВОД и ПОД доказана нами в предыдущих исследованиях [6,7].

В работах Р.Бояциса выделены следующие компетенции:

1. “ориентация на эффективность”- желание сделать что-то как можно лучше в соответствии со стандартами превосходного качества [1, с.74]. В наших исследованиях эта компетентность называется “ориентация на достижение”;

2. “стремление оказывать влияние”- занимать позицию, позволяющую влиять на других, обладать символами власти [1, с.74]. В наших исследованиях – “доминантность”.

3. “самоконтроль” – умение адекватно реагировать на конфликтные ситуации, оставаться беспристрастным в условиях любого конфликта [1, с.191]. В наших исследованиях – “стрессоустойчивость”;

4. “нацеленность на тесные взаимоотношения” – навыки построения дружеских отношений с коллегами [1,с.214]. В наших исследованиях – “коммуникабельность”.

Кроме того, в наших исследованиях оценивались такие характеристики, как “нормативность” – склонность соблюдать принятые в обществе нормы и “открытость новому опыту” – в широком понимании - “обучаемость” – стремление расширить свой кругозор, умение адекватно учитывать изменяющиеся условия работы.

Компетенции, оцениваемые при помощи СПТ шестью экспертами, сопоставлялись с количеством образов достижений трех типов: графические образы достижения ПОД (пиктограммы) и вербальные, извлеченные из текстов самопрезентации (ВОД¹) и интервью (ВОД²). Результаты представлены в таблице:

Таблица 1. Корреляции уровня компетенций с количеством образов достижений.

Компетенции	ПОД	ВОД ¹	ВОД ²
ориентация на достижение	0,664*	0,919**	0,934**
доминантность	0,569*	0,636*	0,769**
стрессоустойчивость	0,531	0,566	0,520
коммуникабельность	0,581*	0,634*	0,748*
нормативность	0,140	-0,085	-0,045
открытость новому опыту	0,291	-0,228	-0,313

* - статистически значимая связь на уровне 0,05 (5% ошибка)

** - статистически значимая связь на уровне 0,01 (1% ошибка)

Как видно из таблицы, количество образов достижений положительно коррелирует с экспертной оценкой поведения в ситуационно-поведенческих тестах четырех компетенций: “ориентация на достижение”, “доминантность”, “стрессоустойчивость” и “коммуникабельность”. С компетенциями “нормативность” и “открытость новому опыту” значимых корреляций не обнаружено. Причем, величина корреляции вербальных образов выше, чем графических.

Таким образом, доказано существование корреляционной связи между поведенческими характеристиками ситуационно-поведенческих тестов и предложенными нами проективными методами для оценки четырех компетенций: “ориентации на достижение”, “доминантность”, “коммуникабельность” и “стрессоустойчивость”.

Секция «Психология»

В заключение отметим, развитие проективных методов анализа материалов самопрезентации и биографических интервью позволит существенно повысить валидность таких комплексных методов оценки, как ассессмент, ориентированный на отбор и ассессмент, ориентированный на развитие.

Литература

1. Бояцис Р. Компетентный менеджер. Модель эффективной работы. Пер. с англ. М.: ГИППО, 2008.
2. Ерофеев А.К. Диагностический подход к оценке человеческих ресурсов в кн. Методы практической социальной психологии. Под.ред. Ю.М. Жукова.- М.: Аспект Пресс, 2004, с.23-39.
3. Ерофеев А.К, Метнёва С.Б. Развитие проективных методов оценки мотивации достижения. // Материалы IV Всероссийского съезда Российского психологического общества. 18-21 сентября 2007. – Ростов-на-Дону, 2007, с.361.
4. Лайл М. Спенсер – мл. и Сайн М. Спенсер. Компетенции на работе. Пер. с англ. М.: НИРРО, 2005.
5. Мак-Клелланд Д. Мотивация человека. – Спб.: Питер, 2007.
6. Метнева С.Б. Проективные методы оценки мотивации достижения. / Дипломная работа (рукопись), ЧФ МГУ, 2007.
7. Метнева С.Б. Проективные методы оценки мотивации достижения в профессиональном отборе.// Материалы научной конференции “Ломоносовские чтения” 2007 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Севастополь: НПЦ “ЭКОСИ-Гидрофизика”, 2007.

Взаимодействие «я» и «другого» в самореализации личности (на примере психологии сиротства)

Осина Д.И.

Аспирант

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

e-mail: Osina.D@mail.ru

Феномен самореализации открывает границы такого пространства, которое ранее (до употребления этого термина) не было доступным для наблюдения и изучения. С помощью него может быть объяснено то, что не укладывалось в рамки близких ему понятий, которыми, зачастую, он подменяется: самоактуализация, жизненный путь и др.

В отечественной психологии самореализацию личности часто связывают с развитием. Так, например, Л.А. Коростылева определяет самореализацию как «...осуществление возможностей развития Я посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом» [1; 8].

Очерчивая это понятие, мы выводим его определение: самореализация – это делание реальным (воплощение) себя (self, «я»). И если воплощение здесь – понятие довольно-таки доступное для понимания, то термин «я», напротив, несет в себе неоднозначность, учитывая разносторонние взгляды на него в психологической науке. В рамках данной работы под «я» мы понимаем «деятельный центр личности, соединяющий множество внутренних побуждений и придающий им направленность, форму и смысл» [2].

Человеческое «я» не существует изолированно от «других», социума. Оно взаимодействует, меняется с помощью других «я». Более того, наиболее полное раскрытие и реализация «я» возможно только при наличии этого взаимодействия. В то же время, «другой» является способом выстраивания границ собственного «я».

Каждого человека окружают разные «другие». С одной стороны, эти «другие» объективно разные – различия могут быть социального, экономического, политического, топологического, психологического и другого происхождения. Вторая, не менее принципиальная сторона разнообразия этих «других» состоит в том, что мы очень

Секция «Психология»

пристрастно и избирательно воспринимаем, описываем «других», относимся по-разному к ним. Кроме того, в психологии принято выделять и значимых других – тех, которые более всего участвуют в нашей жизни, а значит и в формировании нас самих.

О самореализации как об использовании способности различать самого себя в контексте других пишет К. Криппендорфф [3]. Он считает, что самореализация может появиться только в коммуникации с другими людьми.

Проблематика сиротства в этом контексте является весьма наглядным примером. Ребенок, воспитывающийся в семье, изначально имеет значимых для него и близких ему «других» (родителей, реже – родственников, или лиц, их замещающих). Также и он сам является значимым для них. В государственном учреждении «другие» не являются настолько близкими, более того, зачастую они не являются постоянными. Осмысление своего «я» и выстраивание границ с «другими» в таком случае происходит в совершенно ином ключе.

Далее, по мере взросления и увеличения социальной активности, включения в новые социальные среды, и те, и другие дети, казалось бы, имеют одинаковые коммуникативные пространства. Но сконструированный способ выстраивания границ оказывает влияние на дальнейший процесс формирования «я» и представлений о «другом», тем самым влияя и на самореализацию.

Конструктивность изучения и применения такой теоретической платформы состоит в том, что с помощью неё возможно обнаружение новых способов реорганизации жизни детей-сирот. Это принципиальная проблема организации среды, в частности социальной среды, среды «других».

Литература

1. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. – СПб.: Изд-во «Речь», 2005. – 222 с.
2. Славская А.Н. Экзистенциальный подход к проблеме Я-концепции ребёнка // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Часть 3. Социальные представления и мышление личности: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. с. 171-185.
3. Krippendorff K. On Communicating: otherness, meaning, and Information. Ed. by F. Bermejo. Routledge, 2009. – vii, 372 p.

Толерантность в контексте особенностей индивидуальной картины мира

Рудыхина О.В.

аспирант

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

E-mail: olga26_84@mail.ru

Современное российское общество характеризуется быстрыми темпами развития и многочисленными изменениями в различных сферах. Подобный темп развития способствует возрастанию нестабильности, в том числе на личностном уровне. Как следствие, в нашем обществе увеличивается количество межличностных конфликтов, отличающихся различными формами агрессивного поведения. Поэтому сегодня одной из значимых проблем в психологии является проблема толерантности, характеризующей конструктивный способ межличностного взаимодействия (А.Г. Асмолов, 2003).

Особую значимость проблема толерантности приобретает в процессе обучения в вузе. В настоящее время востребованы специалисты не только с высоким профессиональным уровнем, но и обладающие способностью принимать происходящие в обществе события и конструктивно взаимодействовать с окружающими людьми. В связи с этим, является актуальным выявление психологических особенностей студентов, способствующих проявлению толерантной позиции в проблемной ситуации. С учетом того, что межличностная толерантность – это интегративное качество личности (Г.С. Кожухарь,

Секция «Психология»

2008), целесообразно, на наш взгляд, данный феномен анализировать в комплексе психологических особенностей личности. Поэтому в данной работе мы рассматриваем особенности когнитивной и мотивационно-ценностной сфер личности.

Поскольку в когнитивной психологии существует иерархия стилей мышления: когнитивные, интеллектуальные, эпистемологические (М.А. Холодная, 2002), мы обратили внимание на взаимосвязь толерантности с интеллектуальными стилями мышления, характеризующими индивидуально-своеобразные способы постановки и решения проблем (типология интеллектуальных стилей мышления А. Харрисона и Р. Брэмсона). Однако при изучении факторов толерантности, на наш взгляд, также необходимо учитывать особенности эпистемологического стиля, то есть формы познавательного отношения личности к миру. Поскольку в качестве особенностей эпистемологического стиля личности можно рассматривать психологические типы К.Г. Юнга (М.А. Холодная, 2002), поэтому в контексте изучения когнитивной сферы толерантной личности мы опираемся на психологическую типологию К.Г. Юнга.

С целью выявить особенности ценностной позиции толерантной личности, отражающиеся в стилевых особенностях ее мышления, в данной работе мы считаем необходимым изучение показателей самоактуализации, характеризующих направленность личности на развитие своего потенциала и самосовершенствование.

В связи с вышесказанным, целью данного исследования является установление взаимосвязи толерантности с типологическими особенностями личности (интеллектуальные стили мышления и психологические особенности типа личности) и показателями самоактуализации у студентов вуза.

В исследовании использованы следующие методики: опросник, разработанный на кафедре педагогики и психологии НГТУ в рамках ФЦП по проблеме толерантности для измерения уровня межличностной толерантности; опросник «Стиль мышления» (авторы: А. Харрисон и Р. Брэмсон; адаптирован А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой) для определения интеллектуальных стилей мышления; опросник Д. Кейрси для диагностики особенностей психологического типа личности; тест Н.Ф. Калиной для определения показателей самоактуализации.

В исследовании приняли участие студенты I курса технических и экономических специальностей НГТУ. Объем выборки – 155 человек.

В результате проведенного исследования нами обнаружены прямые корреляционные взаимосвязи толерантности с показателями самоактуализации - «ценности» ($r=0,22$; $p<0,01$; r – коэф. корреляции Пирсона), «потребность в познании» ($r=0,22$; $p<0,01$), «креативность» ($r=0,27$; $p<0,01$). Данные взаимосвязи дают основание говорить, что толерантные студенты отдают предпочтение ценностям самоактуализации, проявляют творческое отношение к жизни и открыты новым впечатлениям и знаниям. Отсюда мы можем предположить, что выраженность толерантности у студентов определяется их стремлением к гармоничным отношениям с окружающими людьми, стремлением к познанию нового и принятием разнообразия в окружающем мире.

Также нами выявлена прямая корреляционная взаимосвязь уровня толерантности с идеалистическим стилем мышления ($r=0,19$; $p<0,05$), что означает: выраженность толерантности сочетается с предпочтением стратегий идеалистического стиля мышления, а вследствие этого, с ориентацией на сотрудничество и опорой на интуицию при решении проблемных ситуаций.

При рассмотрении психологических особенностей по типологии К.Г. Юнга нами обнаружено, что уровень толерантности имеет прямую корреляционную взаимосвязь с характеристикой «интуиция» ($r=0,28$; $p<0,01$) и «чувствование» ($r=0,20$; $p<0,01$) и обратную взаимосвязь с характеристиками «здравомыслие» ($r=-0,28$; $p<0,01$) и «логичность» ($r=-0,20$; $p<0,01$). Данные взаимосвязи позволяют предположить, что для толерантной личности большую ценность имеют межличностные отношения, что подтверждается вниманием к эмоциям и чувствам при восприятии происходящего.

Секция «Психология»

Возможно, что выявленные свойства проявляются в способности к пониманию личностных особенностей другого человека благодаря вниманию к его эмоциональному состоянию. Получается, что ориентация на интуицию при восприятии жизненных ситуаций способствует толерантности, а ориентация на объективные факты, приоритет критериев логики и целесообразности, обусловленных выраженностью характеристик «здравомыслие» и «логичность», наоборот, препятствуют проявлению толерантной позиции в межличностном общении.

Следовательно, мы приходим к выводу, что существует взаимосвязь толерантности как личностного качества с особенностями познавательного отношения к миру в когнитивной сфере, что отражается в выраженности стратегий идеалистического стиля в качестве стратегии решения проблемных ситуаций и предпочтении чувственного восприятия как особенности познавательного отношения к миру.

Итак, по результатам проведенного исследования мы можем отметить, что для субъектов с выраженностью толерантности приоритетными являются ориентация на личностное развитие, что подтверждает потребность в новых знаниях, выраженность ценности самоактуализации и творческого подхода к жизни, и преобладание интуитивного восприятия в индивидуальной картине мира, что проявляется в предпочтении идеалистического стиля, основанного на интуитивных оценках событий, выраженности интуиции и эмоционального восприятия на уровне познавательного отношения к миру.

На основании полученных результатов мы можем предположить, что индивидуальные представления о мире у толерантных студентов опосредованы стремлением к развитию собственной личности, ориентацией на общение с окружающими и достижение сотрудничества. Вследствие этого, в современном вузе востребовано создание и внедрение программ, ориентированных на формирование у студентов нравственно-ценностной позиции, основанной на ориентации на личностное развитие и достижение сотрудничества в процессе социального взаимодействия.

О специфике ценностно-смысловой сферы личности женщин среднего возраста в зависимости от включенности в профессиональную деятельность.

Салахова Н.А.

студентка

Казанский государственный университет, Казань, Россия

E-mail: psihNata@ya.ru

Интерес к ценностно-смысловой сфере личности в психологии растет. Признается влияние её составляющих на качество и удовлетворенность жизнью в целом (В.Франкл, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев и др.). Актуальность изучения её задается и сегодняшней социальной ситуацией (массовые увольнения) в стране и мире.

Особенности ценностно-смысловой сферы проявляются в её содержательном (состав системы ценностей, структура, иерархия – достаточно изучен) и динамическом аспектах, определяемом в частности субъективно воспринимаемой степенью реализуемости ценностей (Н.Р.Салихова). Последнее на данный момент изучено недостаточно в возрастном (разрешение определенных личностных задач в каждом возрасте), гендерном и социальном аспектах. В данной работе эмпирически определяется наличие зависимости особенностей ценностно-смысловой сферы личности от включенности женщин в профессиональную деятельность. Цель – поиск ответа на вопрос: «профессиональный ритм» или «свободный жизненный распорядок» в большей степени дают смысловые опоры для решения жизненных задач женщинам среднего возраста.

В исследовании участвовали 28 женщин в возрасте от 40 до 55 лет, 14 из которых занимаются профессиональной деятельностью (инженеры, экономисты, программисты), а 14 – имеют высшее и среднее специальное образование, но не работают (домохозяйки).

Секция «Психология»

Были использованы следующие методики: модифицированная Е.Б.Фанталовой методика М.Рокича, на основе которой определялись также индексы реализуемости (ИР) и барьерности ценностей (ИБ); тест СЖО (Д.А.Леонтьев); опросник САТ (на основе опросника Э.Шострем).

Результаты показали, что существует специфика ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности, определяемой смысловым типом жизненных ценностей, в зависимости от профессиональной занятости женщин. Только ценность любви в обеих группах имеет одинаковый смысловой тип и является свободно-реализуемой. У работающих к данному типу принадлежит ценность наличия друзей, а у неработающих – красоты природы и искусства, творчества, активной деятельной жизни. Барьерными для работающих оказались ценности активной деятельной жизни, материальной обеспеченности, познания, а для неработающих – наличия друзей и уверенности в себе.

Тем не менее, общий уровень осмысленности, плодотворности, эмоциональной насыщенности прожитого жизненного отрезка не зависит от включенности в профессиональную деятельность, статистически значимые различия между группами отсутствуют. Однако работающие предстают более уверенными в себе (именно это им необходимо для чувства контроля над жизнью), а у неработающих женщин ощущение контроля над жизнью напрямую связано с доступностью ценности творчества.

Специфичен в группах и показатель уровня самоактуализации: неработающие оказываются менее контактными и гибкими в поведении, что предполагает их меньшую сензитивность и уровень самоуважения (значимые корреляции параметров) по сравнению с работающими.

Полученные результаты говорят о наличии специфики ценностно-смысловой сферы личности в зависимости от профессиональной занятости женщин среднего возраста. Однако, занятость/незанятость в профессиональной сфере в целом не влияют на способность противостоять возрастным изменениям и благополучие жизни; представительницы каждой из групп находят пусть различные, но в итоге помогающие решать жизненные задачи смысловые ориентиры.

Взаимосвязь ценностей, предлагаемых рекламой, с представлением молодежи о национальном характере

Серпионова Е.И.

соискатель

Ленинградский Государственный Университет им. А.С. Пушкина

E-mail: serpionova2005@mail.ru

После распада СССР продолжается процесс крушения прежних идеалов и ценностей, происходит разрушение устоявшегося советского мировоззрения, в связи с этим встал вопрос об охране национальных ценностей (Обухов, 2001). В Доктрине информационной безопасности «основными направлениями обеспечения информационной безопасности РФ в сфере духовной жизни признаются: разработка специальных механизмов, направленных на недопущение противоправных информационно-психологических воздействий на массовое сознание общества» (Вус, 2005, с.79-81).

Есть основания полагать, что постсоветское общество до сих пор находится в сенситивном к различным изменениям состоянии, и мы не можем предсказать, какими будут новые ценности постсоветского поколения, однако мы можем выявить ряд наметившихся тенденций на основе имеющихся экспериментальных исследований.

Методика и организация эксперимента

Ставилась цель – выявить, ценности какого национального характера (западного или русского) транслирует реклама в сознании молодежи по их субъективным представлениям. Была выдвинута гипотеза – в сознании старшеклассников реклама

Секция «Психология»

актуализирует больше взаимосвязей с западными ценностями, чем с русскими. Объектом исследования выступили учащиеся 11 классов гимназий г. Екатеринбурга (180 человек). С помощью модифицированного варианта теста Рокича выявлялась иерархия ценностей для обобщённого национального характера русского человека и национального характера западного человека. Учащимся давались инструкции: проранжируйте ценности по степени значимости. Через несколько дней (с целью минимизации влияния на результат предыдущих ответов) те же учащиеся просматривали 20 случайно отобранных рекламных телероликов. После чего ранжировали, какие из представленных ценностей транслирует, на их взгляд, реклама. Статистический анализ проводился при помощи критерия различий Стьюдента и корреляции.

Результаты и обсуждение

Выявлено, что в сознании старшеклассников ценности запада и нашей страны диаметрально противоположны.

Обнаружены сильные и умеренные корреляционные связи между ценностями, которые респонденты сочли присущими западному национальному характеру и ценностями которые транслирует реклама.

Выяснилось, что в сознании старшеклассников реклама транслирует, на их взгляд, западные ценности: «высокие запросы и требования к жизни», «жажду материальной обеспеченности» в ущерб гуманистическим и общечеловеческим: «воспитанности», «чуткости», «терпимости», «исполнительности».

Такие ценности как «терпимость к взглядам и мнениям других», «умение прощать другим их ошибки» оказались на низких рангах как для образа западного человека, так и для рекламы..

Ценность «счастье других» респонденты отнесли в ряд тех, которые реклама транслирует как не значимые. Возможно, что причиной становится процесс актуализации ценности индивидуализма; в рекламе он транслируется под рекламным девизом «Ты – лучший и пусть тебя подождет весь мир». «Честность» и «жизненная мудрость» определены респондентами как незначимые ценности. Возможно, реклама играет свою роль в изменении и мировоззренческих установок молодежи, транслируя значимость ценности «развлечения» и вынося ее на первые ранги, формируя установку на получение от жизни удовольствий, что иллюстрируется рекламным слоганом: «Бери от жизни все!». Направленность ценностей рекламы на западный индивидуализм актуализируют в сознании молодежи «мифологему американской мечты». Пример такой рекламы STIMOROL, в которой перед нами предстают атрибуты «отличной американской жизни». Традиции, нормы и комплексы (слоган «А ты избавился от комплексов?») транслируются как нечто мешающее реализации потребительского инстинкта.

Выявлен факт, что в сознании респондентов реклама транслирует не значимость ценности «любви». Возможно, это обусловлено двойным рефреймингом представлений о любви в рекламе. С одной стороны – презентация товара через актуализацию сексуальных потребностей («Сделай на Тюнс больше», «Нескафе», реклама пылесоса магазина Эльдорадо «Сосу за копейки»). С другой стороны – любовь связывается в рекламе с неким ее материальным подкреплением, а не духовной близостью. Например, «Любимый, потому что щедрый», «Сколько стоит твоя любовь? Любишь – докажи!» (реклама ювелирного магазина «Адамас»).

Таким образом, молодежь находится в состоянии кризисного выбора, поскольку постсоветское пространство предлагает огромное количество мифов, транслирующих вполне определенные модели поведения, основанные на конкретных ценностях. И, если в советское время выбор мог быть в значительной мере предопределен хотя бы тем, что самих противоречащих друг другу моделей было гораздо меньше, то сейчас выбор затруднен многообразием. Результаты выявили проблему «продвижения» через рекламу, определенных ценностных установок, моделей поведения, предлагаемых как образец для подражания, что, скорее всего, обусловлено тем, что в России после распада Союза

Секция «Психология»

российское общество лишилось старых идеалов, а к новым еще не пришло. Поиски продолжаются и, как в любом кризисном периоде, мы выбираем, примеряем на себя разные модели, а, как мы знаем, влияние образцов именно в такие периоды велико.

Мы согласны с И.С. Бусыгиной, которая считает, что «организованная подмена ценностей, архетипов русских людей вполне достаточны для того, чтобы сформировать новую психологию постсоветского человека. Однако архетипические черты русских, для которых важнее коллективизм, чем индивидуализм; верование, чем рефлексия; правила морали, чем закон; страдания, чем радость; переживание грусти, чем счастья – до сих пор присутствуют в глубинах национальной психологии» (Бусыгина, 2004, с. 54). Это оставляет нам надежду.

Литература

1. Абульханова К.А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал . – 1999. - № 5.
2. Вус М.А. Государственная тайна и ее защита в Российской Федерации.
3. Государственное управление и государственный контроль и надзор Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. СПб.:2005.
4. Бусыгина И.С. Психологические особенности русского национального характера (динамика, мифы, реалии). Екатеринбург, 2004. Вестник ГУ
5. Обухов В.Л. Основы человековедения: человек как микрокосм. СПб.: 2001
6. Франкл В. Экзистенциальный вакуум: Вызов психиатрии // Человек в поисках смысла. – М., 1990

Многомерность временной организации личности: эмпирический подход

Селин А.В. Смирнов Н.В.

Соискатель, студент

Курский государственный медицинский университет, Курск, Россия

E-mail: selin_psy_alex@mail.ru, nic-caje@yandex.ru

В настоящее время отмечается многообразие подходов к теоретическому рассмотрению и эмпирическому исследованию временной организации личности, что свидетельствует о сложности, многомерности самого предмета рассмотрения и многоаспектности его проявлений, что предполагает всестороннее его изучение и использование разнообразного методического инструментария. Также интенсивно разрабатывается личностно-психологический аспект изучения проблемы времени, связанный с тем, как переживает и осмысливает человек свой индивидуальный жизненный путь.

Целью нашего исследования стало изучение временной организации личности, как многомерной психической реальности. Рассмотрение различных аспектов временной организации личности – причинных и целевых отношений, особенностей временной перспективы, временных установок и роли смысловой составляющей в организации времени жизни.

Нами были выбраны методы направленные на изучение указанных аспектов временной организации личности: Каузометрия А.А.Кроника и Е.И.Головахи, в компьютерном варианте «Life Line»; Опросник временной перспективы Ф.Зимбардо в адаптации А.Сырцовой; Тест «Смыслжизненные ориентации» Д.А.Леонтьева; Шкала временных установок Ж.Нюттена и У.Ленса.

В исследовании приняли участие 100 студентов Курского государственного медицинского университета, 2-3 курсов, в возрасте 17-20 лет.

Проводился факторный анализ с вращением Varimax normalized с методом извлечения Principal axis factoring. Решение о числе факторов принималось на основании критерия «каменной осыпи» Кеттела. Значимая нагрузка по переменной рассматривалась не мене

Секция «Психология»

0,4. Было выделено четыре фактора, в которых объединились различные характеристики жизненного пути личности.

Первые три фактора отражают роль причинно-следственных и целевых компонентов, а четвертый фактор отражает сложную систему взаимосвязей как причинно-целевых, так смысловых и установочных компонентов во временной организации личности. Рассмотрим каждый фактор отдельно.

Первый выделенный фактор, который мы обозначили как фактор связей в организации времени личности, характеризует роль и специфику различных связей, а также стратегичности и насыщенности, в организации временной реальности личности. Наличие данного фактора говорит нам о важности связей между событиями жизни, актуальных, потенциальных и т.д., в организации временной реальности личности.

Второй фактор мы назвали фактором возраста, так как именно в нем отражены характеристики переживания субъективного возраста в совокупности с характеристиками связей, он включает в себя характеристики переживания субъективного возраста в совокупности с насыщенностью и различными характеристиками связи событий, как реализованных, так и потенциальных.

Третий фактор мы охарактеризовали как фактор показателей жизненного пути личности, отражающий такие характеристики как: целеустремленность, конфликтность, рациональность и уверенность, в отношении к различным временным ориентациям.

Четвертый фактор мы условно обозначили как фактор смысловых характеристик временной реальности личности, данный фактор характеризует сложную систему взаимосвязей времени личности, подчеркивая роль смысловой реальности в организации временной реальности, а также эмоциональных компонентов и установочных отношений ко времени. Этот фактор является наиболее показательным в отношении идеи о многомерной организации временной реальности личности, так как в структуре данного фактора отразилась многогранность феноменологии временной организации личности.

В целом результаты проведенного исследования дают нам основания говорить, что временную реальность личности можно рассматривать как сложную систему, включающую в себя причинно-следственные характеристики психологического времени, показатели субъективного возраста, свойства временной перспективы и временных установок, а также смысловые отношения. Использование метода «Life Line» показало, что можно обоснованно говорить о принципиальной значимости каузальных и целевых отношений в структуре субъективного времени и жизненного пути личности в совокупности со смысловыми и установочными характеристиками временной организации личности.

Литература

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб., 2001.
2. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
3. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: методы самопознания и психотерапии в психологии жизненного пути. М., 2003.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.
6. Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности. Автореф. Дисс. ... канд. психологических наук. – М., 2008;

Феноменология вины: экзистенциальный взгляд

Солoduшкина М.В.

Студент факультета психологии

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: s-tg@mail.ru

Секция «Психология»

Как известно, многочисленные авторы, определяя вину, акцентируют внимание на нарушении нравственных, правовых, религиозных и пр. норм. Данный подход связан с распространенным мнением о том, что в основе чувства вины лежит только лишь социальная зависимость – страх несоответствия нормам общества и последующего отвержения. В некоторых источниках даже не оговаривается, что эти нормы обязательно интериоризированы.

Тем не менее, существует немало примеров, когда появление чувства вины невозможно увязать с нарушением какой-либо нормы, в том числе интериоризированной. Самое серьезное нарушение может не вызывать чувства вины даже у самого совестливого человека. Случается и обратное, когда здоровый человек, не преступивший ни одну из норм и никем не осуждаемый, терзается чувством вины.

Настоящая работа предлагает пересмотреть традиционные взгляды на природу чувства вины. Мы считаем, что смысл появления вины связан с экзистенциальными потребностями человека в достижении истинной идентичности, в аутентичном существовании. Мы думаем, что вина является одной из данностей подлинного человеческого бытия.

Р. Мэй понимал чувство вины как «осознание разницы между тем, какова вещь, и тем, какой она должна быть». Однако для появления чувства вины одного осознания недостаточно – нужно еще признать свою ответственность за то, что вещи (и не только вещи) в мире не такие, какие должны быть. Важно, что эта ответственность должна быть именно внутренняя, никем не навязанная. Это может быть ответственность за самореализацию, за настроение близкого человека, за материальное положение незнакомого нищего, за жизнь бездомных животных, за проблемы общечеловеческого масштаба и т.д. Характер области распространения этой ответственности определяется идентичностью конкретного человека. Именно чувство внутренней ответственности безошибочно указывает на то, что нам действительно дорого и важно, оно говорит о самом сокровенном в человеке, о его истинных ценностях, истинном месте в жизни. А значит, действия, которые предпринимает человек, повинувшись чувству такой ответственности, делают его жизнь осмысленной.

Однако зачастую человек живет неаутентично – чужими ценностями и идеалами, - делает то, что ему в действительности не нужно. Во многом это данность социального мира. Но если «чужая», навязанная ответственность не оставляет места для внутренней, неизбежным будет появление чувства вины.

Чувство вины (нередко внезапное, неожиданное) может помочь человеку заново осознать внутреннюю ответственность – напомнить ему о том, что для него действительно важно, а значит, дать шанс вернуться к подлинному бытию. Вина дает человеку понять, что он забыл, кто он есть, или недостаточно хорошо это знал раньше.

Такая вина возникает в случае, когда человек осознает, что его безответственное бытие привело к негативным последствиям для того, что ему было важно. Уже случившаяся смерть (или шире – конец), которую нельзя исправить, вызывает не только осознание важности того, что уже нельзя вернуть, но и чувство вины.

С этого начинается подлинная вина (ее отличие от невротической вины и стыда мы приводили в своих предыдущих работах). Она дает человеку понять, кто он есть, пережить истинную идентичность, побуждает человека вернуться к своему подлинному бытию. Конечно, возвращение происходит не всегда. Но даже если оно состоялось, оно часто не приносит желаемого избавления от чувства вины.

Ошибка человека заключается в его надежде на то, что вина, как и любое наказание (в данном случае – самонаказание), после осуществления «правильных» действий может быть искуплена и прощена. Так, нередко человек пытается «загладить» вину формальными ритуалами, механическими действиями. Такой «выход» – не что иное, как попытка заставить замолчать зов совести – попытка вернуться к неаутентичному бытию.

Секция «Психология»

Искушение вины в полной мере неосуществимо. М. Хайдеггер справедливо считал, что подлинное бытие – это всегда бытие человека виновного. Парадокс заключается в том, что, рискнув начать жить ответственно и честно, человек все равно неизбежно будет чувствовать себя виновным. Причиной этому являются ограничения – как человека, так и окружающего его мира. Честный взгляд на себя и на мир, в котором мы живем, не может утаить от нас эти ограничения.

Ограничение человека заключается в его несовершенстве. Никто не застрахован от ошибок, как бы правильно он ни жил. Мы ошибаемся, потому что так устроены.

Ограничения мира еще более серьезны. Мир несовершенен не только потому, что в нем постоянно происходят события, угрожающие тому, что для нас важно. Он несовершенен и оттого, что прошлого нельзя вернуть, а потому и жизнь нельзя «наверстать». День, который был потрачен впустую, уже не начать сначала. Волнения, доставленные близкому человеку, уже сказались на его здоровье. Мы начинаем жить по-другому, но не избавляемся от вины, т.к. прошлое изменить нельзя.

Однако мир не только не дает нам возможности исправить ошибки - «отмотать пленку», чтобы поступить по-другому, – он часто ставит нас в условия, когда, образно говоря, ошибки не избежать при любом выборе. Нам нередко приходится делать сложный выбор между одним близким человеком и другим, между одной важной для нас ценностью и другой. В таких случаях, словами Н. Бердяева, «никакая норма не в силах помочь разрешить возникший нравственный конфликт».

Все эти ограничения позволяют на определенном уровне рассматривать любую подлинную вину (в отличие от невротической) как экзистенциальную, неизбывную.

Но если вину нельзя искупить, в чем тогда смысл ее появления?

Переживая вину, как и встречаясь с другими неизбежными данностями, человек принимает жизнь такой, как она есть – во всей ее реальности и абсурдности. Вина не только подталкивает нас к началу аутентичного, ответственного, осмысленного бытия – она побуждает нас его продолжать. Когда я виновен, я как будто не чувствую себя собой (я – не тот, кто мог это сделать или не сделать или допустить). Вина заставляет нас изменять происходящее – так мы возвращаемся к себе. Но так как происходящее в полной мере изменить нельзя, единственное, что еще остается, – как последний аргумент несовершенному миру от остающегося самим собой человека – это принять на себя ответственность за то, что происходит, принять на себя вину.

Итак, переживание вины помогает человеку достигать истинной идентичности. В переживании вины и в процессе ее искупления человек живет подлинно – таким, какой он есть, – в подлинном мире. Смысл появления вины – не само по себе ее искупление (которое до конца никогда не возможно), но нахождение и удержание себя-истинного в стремлении к этому невозможному искуплению.

Литература

1. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Класс, 2004. – 93 с.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. // Библиотека Гумер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumer.info>, свободный.
3. Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании. / Под ред. О.В. Лукьянова. Томск: Спринт, 2001. – 440 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.heidegger.ru>, свободный.

Особенности этнопсихологического статуса русских разных поколений

Сорина А.Г.

Аспирантка психологического факультета

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: baranova_nastia@mail.ru

В последние годы во всем мире наблюдается рост этнических процессов: с одной стороны – это всемирная глобализация, с другой – стремление народов подчеркнуть свою самобытность, культуру, идентичность, что нередко ведет к межэтнической напряженности. Особую актуальность эти процессы приобретают в многонациональных государствах, таких как наша страна, где последнее время происходят значительные изменения в ценностных ориентациях и жизненных приоритетах современной молодежи, их рассогласование со старшим поколением. Это вызывает необходимость изучать психологическую сторону происходящих этнических процессов.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей, занимаясь изучением данной проблемы, анализируют в основном такие явления этнопсихологической жизни, как этническая идентификация, этническая толерантность, этнические стереотипы, независимо друг от друга, в то время как они тесно связаны друг с другом и пересекаются. Поэтому появилась необходимость в обобщающем понятии, каким и стало понятие актуального этнопсихологического статуса личности (Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н.). Оно включает в себя: выраженность и знак этнической идентичности, уровень этнической толерантности, характер авто- и гетеростереотипов, а также особенности мотивационно-смысловой сферы и ее трансформации.

База методик для диагностики актуального этнопсихологического статуса личности включает в себя вербальные опросные тесты и модификации проективных методик, что позволяет нам анализировать как осознаваемые, так и неосознанные компоненты и, следовательно, говорить об их гармоничном единстве или его отсутствии.

1. Типы этнической идентичности (Г.В. Солдатова, С.В. Рыжова).
2. Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Солдатова, Кравцова, Хухлаев, Шайгерова).
3. Диагностический тест отношений (Г.В. Солдатова)
4. Неоконченное предложение «Русские – это...».
5. Методика «Кто я?».
6. Рисуночный тест «Я-другой».
7. Методика изучения ценностных ориентаций, разработанная М.Рокичем.
8. Каузометрическая методика Кроника.

В нашем исследовании была выдвинута следующая *гипотеза*: молодые люди отличаются менее гармоничным этнопсихологическим статусом (на сознательном и неосознаваемом уровне), чем люди старшего поколения.

Общая *выборка* составила 70 человек. *Анализ проводился в рамках двух возрастных групп*: 1) от 20 до 30 лет (21 человек: женщин – 17, мужчин – 4) и 2) от 30 до 50 лет (49 человек: женщин – 26, мужчин – 23)

Полученные *результаты* позволяют сказать, что изменения происходят практически во всех компонентах этнопсихологического статуса личности.

На уровне *этнической идентичности* в первой возрастной группе в вербальных опросных методиках декларируется позитивная идентичность, а на неосознаваемом уровне наблюдается ее отсутствие. То есть мы можем говорить о мнимой этнической идентичности у молодых людей, так как неосознаваемые смысловые установки формируют истинную мотивацию.

Автостереотип имеет положительную эмоциональную окраску и сохранен содержательно, но не воспринимается относящимся к себе: «русские хорошие, но это не я». Таким образом, первая возрастная группа имеет отрицательный автостереотип, нет идентификации со своей этнической группой, но имеет место этническая толерантность к русским, положительное эмоциональное отношение.

Мотивационно-смысловая сфера характеризуется нарушением принятия групповых ценностей. Они частично заимствуются из другой, западной культуры и приобретают внешне ориентированный, материальный характер. В иерархии ценностей молодежи

Секция «Психология»

присутствуют внутренние ценности, такие как любовь и счастливая семейная жизнь, причем они занимают первые места. Но наряду с ними появляются и такие ценности, как материально обеспеченность и активная, деятельная жизнь. А в системе инструментальных ценностей, отвечающих за достижение поставленных целей, на первые места выходят образованность, самоконтроль, рационализм (во второй возрастной группе последние приписываются «типичному американцу»). Также в группе молодых людей обращает на себя внимание факт отвержения таких исконно русских черт как терпимость и чуткость. Ценность счастья других (благополучие других людей, всего народа и человечества в целом), творчество, искусство, природа, красота оказались на полюсе отвергаемых ценностей.

В актуальном этнопсихологическом статусе второй возрастной группы также наблюдаются трансформации. На уровне *этнической идентичности* она проявляется в эмоциональном компоненте: одновременно и гордость и стыд за свой народ. *Автостереотип* в целом сохраняет позитивную эмоциональную окраску и содержание, хотя есть изменения на уровне терминальных ценностей, приписываемых «типичному русскому»: терминальные ценности у «типично русских» и «типичных американцев» оказываются похожими. *Гетеростереотип* (американца) характеризуется неопределенным отношением и негативной окраской, что может свидетельствовать о неосознаваемой интолерантности наших испытуемых старшей возрастной группы к американцам.

На уровне *мотивационно-смысловой сферы* происходят изменения в ценностях. Так, наряду с семейной жизнью и любовью высокие места в иерархии занимают материальное благополучие и интересная работа, при этом оказались похожи иерархии, составленные для «типичного русского» и «типичного американца». Однако у «американцев» отсутствуют: счастливая семейная жизнь и любовь. Отрицаются, как и в первой группе, счастье других, творчество и красота природы и искусства. В иерархиях качеств, важных «для себя» ведущие места и у женщин, и у мужчин занимают ответственность, честность, образованность. У женщин также присутствует терпимость. Эти качества совпадают с теми, которые приписываются «типичному русскому» в той же методике. Но не являются значимыми в своей жизни такие ценности-средства как чуткость и жизнерадостность.

В нашем исследовании, таким образом, было показано, что происходят изменения актуального этнопсихологического статуса в обеих возрастных группах. Однако их характер и особенности протекания различаются. Старшее поколение проявляется более цельное и гармоничное сочетание этнопсихологических феноменов, и остаются верны своей этнической принадлежности. Молодые же люди отрываются от своей этнической группы, теряют корни, ценности и идентичность. Но так как выборка небольшая мы можем говорить только об имеющихся место тенденциях.

Исследование личностных предпосылок выбора и отношения личности к нему

Фам А.Х.⁸⁹

аспирант

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии,
Москва, Россия*

E-mail: anna.fam@gmail.com

Введение

Процесс выбора и личностное отношение к нему как самостоятельное направление исследования стало особенно актуально с 1980-х гг., когда произошло выделение выбора в качестве одной из основных проблем психологии индивидуальности. Задачей всесторонней разработки данной проблемы является улучшение качества и повышение

⁸⁹ Автор выражает признательность профессору, д.п.н. Леонтьеву Д.А. за помощь в подготовке тезисов.

осознанности выбора человеком. Тем не менее, несмотря на востребованность разработок в данной области, на сегодняшний день можно констатировать как отсутствие единой терминологии, так и несформированность общего проблемного поля психологических исследований выбора, что делает углубленное и систематизированное изучение этого многопланового и сложного феномена насущным и своевременным.

Цели и схема исследования

В данной работе проблема личностных предпосылок выбора и отношения личности к нему стала центральным предметом исследования. При проведении исследования мы исходили из следующих допущений: определенные личностные переменные оказывают влияние на процесс и результат выбора; возможно выделить различные типы отношения к процессу и результату собственного выбора; существует связь структур выбора с личностными особенностями человека.

Исследование было проведено на материале выборов в Московскую Городскую Думу. Выборкой послужили 174 студента Московского института экономики, менеджмента и права (среди испытуемых – 79 мужчин и 95 женщин; средний возраст – 18-20 лет).

Исходя из основных задач исследования, все использованные нами методические инструменты были условно разделены на две группы:

а) *основные* методики, направленные на выявление отношения испытуемых к совершенному выбору участия либо неучастия в голосовании (опросник «Субъективное качество выбора» (СКВ) и анкеты, специально составленные нами для каждого из этапов исследования с целью получения информации об отношении испытуемых к выборам в Думу и их осведомленности об этом событии);

б) *вспомогательные* методики, предназначенные для диагностики личностных особенностей испытуемых (Тест смысложизненных ориентаций, Опросник отчуждения, Опросник жизнестойкости, Опросник каузальных ориентаций и др.).

Опросник СКВ был разработан нами с целью диагностики уровня рефлексии в процессе выбора и выявления субъективного отношения личности к процессу и конечному результату выбора. С помощью данной методики, построенной по типу семантического дифференциала Ч. Осгуда (50 пар словосочетаний), испытуемым предлагалось охарактеризовать сделанный выбор участия (неучастия) в голосовании. В процессе работы над опросником нами были выделены следующие 4 фактора СКВ: Основательность выбора, Эмоциональный знак выбора, Самостоятельность выбора и Удовлетворенность выбором.

Исследование состояло из 3 серий: I - за 1-2 недели до выборов, II – через 2 недели после выборов, III (отложенная) – через 3 месяца после выборов. На каждом этапе испытуемым предлагалась анкета и набор личностных методик; СКВ был предложен во II серии.

Результаты

С целью выявления личностных переменных, оказывающих влияние на отношение личности к собственному решению и динамику выбора, мы посчитали корреляции факторов методики СКВ с переменными анкет и личностных опросников, использовавшихся в 3 срезах исследования; мерой взаимосвязи служил коэффициент корреляции Спирмена при попарном удалении потерянных данных (уровень значимости корреляций – $p < 0,05$ или выше)).

Была выявлена связь между определенными личностными особенностями и параметрами субъективного качества выбора личности:

а) основательность выбора положительно коррелирует с внутренней мотивацией (значение корреляции = 0,364), рефлексивностью (0,332), социальной желательностью (0,354) и интернальностью (0,358) и отрицательно коррелирует с отчуждением (-0,307);

б) позитивное отношение к процессу выбора коррелирует с высокой способностью к управлению окружающей средой (0,288) и контролем как проявлением жизнестойкости (0,348);

Секция «Психология»

в) самостоятельность выбора обнаруживает положительную связь с психологическим благополучием (0,240), интернальностью (0,342) и социальной желательностью личности (0,321) и отрицательную связь – с отчуждением в сфере семейных отношений (-0,456);

г) удовлетворенность принятым решением связана с уровнем психологического благополучия (0,272), жизнестойкости (0,305), личностной автономии (0,443), локусом контроля (0,339) и самоэффективностью (0,607).

С целью выделения типов отношения к собственному выбору была проведена процедура кластерного анализа (в качестве объектов кластеризации были выбраны испытуемые, участвовавшие во II серии исследования, а в качестве переменных – шкалы СКВ, входящие в 4 выделенных фактора опросника). В результате отчетливо выделились 2 кластера, примерно равные по количеству входящих в них испытуемых: 39 и 41 человек. Для сравнения отношения к процессу и результату собственного выбора (4 фактора СКВ) у испытуемых 2 выделенных групп, мы применили критерий Манна – Уитни.

Существенные и значимые (на уровне $p = 0,000$) различия обнаружилось по каждому из инвариантных параметров СКВ: испытуемые, вошедшие в I группу, оценивают свой выбор как значительно более обдуманый, ответственный, радостный, самостоятельный и верный, нежели представители II группы.

Для удобства мы дали рабочие названия выделившимся типам отношения к выбору: автономный и спонтанный выбор.

С целью проверки гипотезы о связи структур выбора с личностными переменными, с помощью критерия Манна – Уитни было произведено сравнение результатов личностных опросников испытуемых, отнесенных к разным кластерам. Были обнаружены статистически значимые различия в личностных особенностях испытуемых, предпочитающих тот или иной тип выбора: склонные совершать автономный выбор обладают более высоким уровнем социальной желательности (величина критерия Манна – Уитни – 562), психологического благополучия (499), жизнестойкости (270), автономии (274) и субъективного контроля (477), нежели те, кто склонны к спонтанному выбору. У последних же, в свою очередь, более выражены различные формы проявления отчуждения в разных сферах жизни (23).

Выводы

Полученные результаты, фактически, указывают на существование двух устойчивых личностных типов, различающихся по стратегиям совершения выбора и особенностям отношения к нему. Проверка данной гипотезы станет одним из направлений нашей дальнейшей работы.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Выбор // Человек: Философско-энциклопедический словарь. – М.: Наука, 2000. – С. 81 – 82.
2. Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю. Моделирование «экзистенциальной дилеммы»: эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник МГУ. – Сер. 14. – Психология. – 2005. - №4. – С. 37 – 42.
3. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Фам А.Х. Разработка методики диагностики процессуальной стороны выбора // Психологическая диагностика. — 2007. — № 6. — С.4-25)

ⁱ Автор выражает благодарность доценту, к.псх.н. Снегиревой Т.В. за помощь в подготовке тезисов.

ⁱⁱ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №08-06-00172а